ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

22-24

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
1 · 9 · МОСКВА · 3 5

НЕИЗДАННЫЕ „ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА“ П. Я. ЧААДАЕВА

Вступительные статьи В. Асмуса и Д. Шаховского
Публикация, перевод и комментарии Д. Шаховского

О НОВЫХ «ФИЛОСОФИЧЕСКИХ ПИСЬМАХ» П. Я. ЧААДАЕВА

В истории русской общественной мысли имеются две концепции философско-исторического мировоззрения Чаадаева. Первая концепция принадлежит Герцену. В «Философическом письме» Чаадаева, опубликованном в 1836 г. в «Телескопе», Герцен усмотрел «мрачный обвинительный акт против николаевской России, протест личности, которая за все вынесенное хочет высказать часть накопившегося на сердце», «безжалостный крик боли и упрека петровской России». В самом мистицизме Чаадаева Герцен видел «революционный католицизм»; по Герцену, к католицизму Чаадаева привлекли «строгий чин и гордая независимость западной церкви, ее оконченная ограниченность, ее практические приложения, ее безвозвратная уверенность и мнимое снятие всех противоречий своим высшим единством, своей вечной фатаморганой, своим urbi et orbi, своим презрением светской власти». Революционным происхождением чаадаевского католицизма Герцен объяснял поразительное впечатление, произведенное появлением «письма» Чаадаева, а также значение всей последующей деятельности Чаадаева в московском обществе. «Письмо» Чаадаева было, по словам Герцена, «своего рода последнее слово, рубеж. Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь»... «на минуту все, даже сонные и забитые, отпрянули, испугавшись зловещего голоса». В самом признании интеллектуального авторитета Чаадаева людьми далекими от науки и философии, в поклонении, какое оказывали Чаадаеву — хотя бы по внешности — тузы английского клуба, патриции Тверского бульвара, модные дамы и генералы, не понимавшие ничего штатского. Герцен видел не столько доказательство личного обаяния «печальной» и «самобытно резкой» фигуры Чаадаева, сколько факт революционного значения его проповеди и деятельности: «Насколько власть «безумного» ротмистра Чаадаева была признана, настолько «безумная» власть Николая Павловича была уменьшена» (А. И. Герцен — «Былое и Думы», т. I).

Другая концепция философско-исторического мировоззрения Чаадаева принадлежит М. О. Гершензону, издателю сочинений Чаадаева и исследователю его литературного наследства. Исследование Гершензона (М. Гершензон «П. Я. Чаадаев» СПБ 1908), вышедшее в годы реакции после 1905 г. и принадлежащее перу одного из виднейших «веховцев», было направлено против герценовской интерпретации. «По чудовищному, хотя и очень понятному недоразумению, — писал Гершензон, — русское образованное общество искони чтит в Чаадаеве одного из пионеров своего освободительного движения. Историки русской общественности бестрепетной рукой занесли его имя на скрижали нашего политического подвижничества...». Мнение это Гершензон считал заведомо ошибочным; он даже не находил нужным опровергать «чаадаевскую легенду» по частям, полагая, что это было бы «и скучно, и бесполезно», и что «главным доводом против нее является дух, проникающий учение Чаадаева в целом».

Согласно концепции самого Гершензона мировоззрение Чаадаева — «социальный мистицизм», т. е. учение, сложившееся из сочетания «напряженного общественного интереса людей 14-го декабря» и увлечения «христианской мистикой». Мировоззрение Чаадаева — «это мировоззрение декабриста, ставшего мистиком». (*М. Гершензон.* «П. Я. Чаадаев». СПБ., 1908).

Открытие пяти неизвестных философических писем Чаадаева несомненно привлечет внимание и широкого круга читателей и специалистов истории русской литературы и истории философии. Публикация новых текстов дает возможность пересмотреть сложившиеся в литературе толкования и реконструкции философско-исторического наследия Чаадаева.

Уже предыдущие исследователи знали, что в опубликованных Гагариным философических письмах Чаадаева «второе» и «третье» письма представляют продолжение целой серии предшествовавших им, но, как полагали, не сохранившихся писем: второму и третьему, — утверждал Гершензон, — «должно было предшествовать изложение его [т. е. Чаадаева. — *В. А.*] исходных принципов... Таким образом, — писал далее М. Гершензон, — учение Чаадаева дошло до нас, так сказать, обезглавленным — обстоятельство первостепенной важности, оставшееся доныне не замеченным...»

Не только было известно, что в опубликованных письмах недостает целой серии их: были сделаны попытки установить — на основании содержания дошедших писем, а также на основании имеющихся свидетельств, вроде показаний Надеждина — состав развивавшихся в этих — не дошедших — письмах идей.

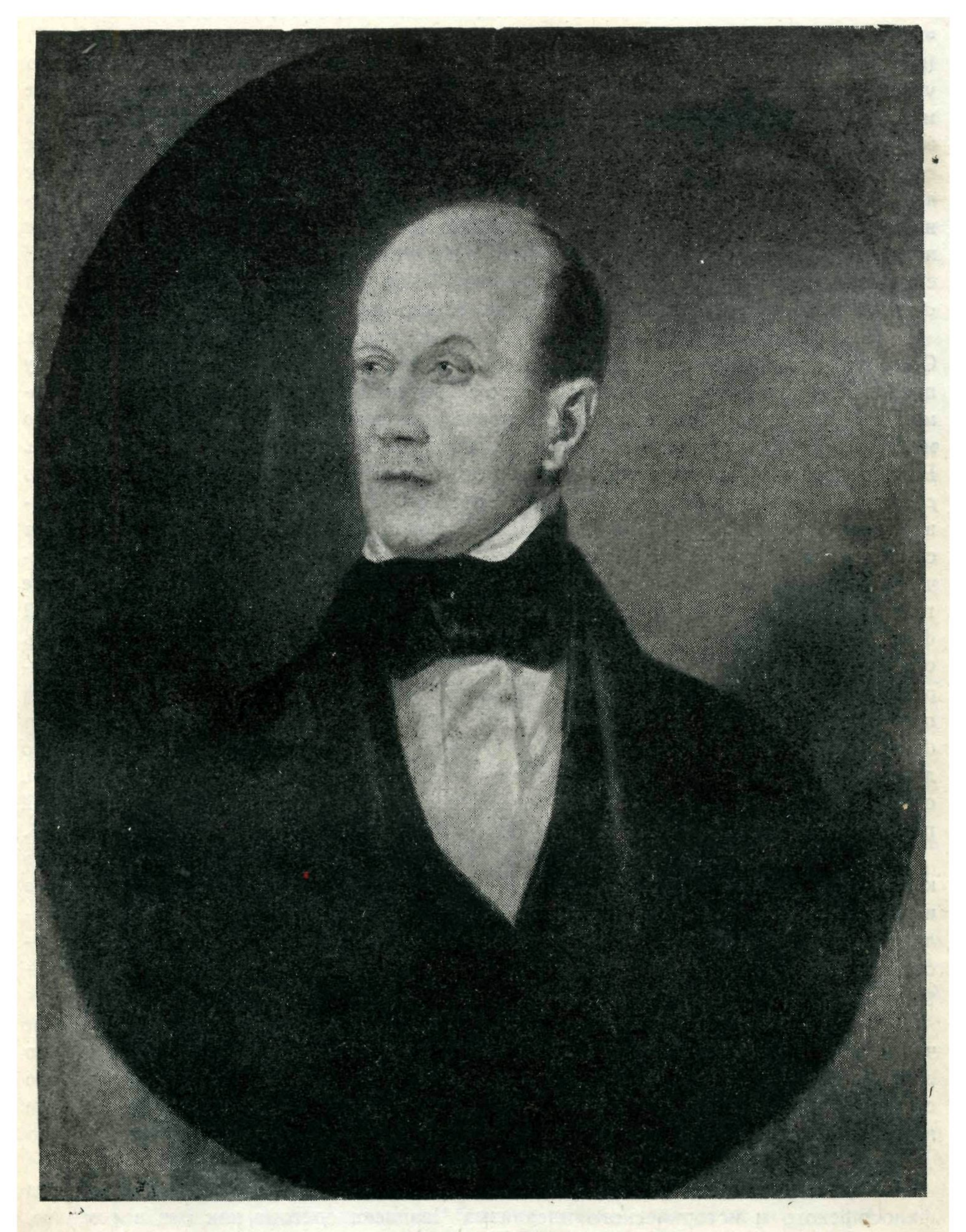
Тот же Гершензон утверждал, что тематика не дошедших до нас писем должна была обнимать «основные вопросы всякого религиозного мировоззрения — об отношении человека к богу, о загробной жизни, о благодати, грехе и искуплении». По словам Гершензона, Чаадаев должен был, наконец, «дать там религиозную космогонию...».

Реконструкция Гершензона не ограничивалась установлением предполагаемой тематики утраченных философических писем, но распространялась и на их предполагаемое содержание. По соображениям Гершензона выходило, будто в этих — предшествовавших «второму» и «третьему» — философических письмах Чаадаев устанавливал следующие положения: «1) первые свои идеи и знания человеческий разум получил непосредственно от бога; 2) божий промысел продолжает влиять на человеческий разум и во все продолжение истории; 3) по своей природе это постоянное действие высшего разума на человека вполне однородно с первоначальным внушением: 4) наконец, оно должно осуществляться таким образом, чтобы человеческий разум тем не менее оставался совершенно свободным и мог развивать всю свою деятельность».

Публикация новых философических писем Чаадаева, восполняющая крупнейший пробел литературного наследия Чаадаева, показывает всю шаткость гершензоновских догадок.

Публикуемые новые письма Чаадаева доказывают прежде всего, что Гершензон был неправ в своем огульном отрицании общественно-политической направленности чаадаевской мысли: утверждение Гершензона, будто у Чаадаева «общество, так же как и личность, служит религиозной цели, понятой абсолютно», опровергается текстом впервые публикуемого — второго по истинной нумерации — письма, которое содержит страстный и сильный выпад против крепостнического рабства.

Кто, живя в России, — рассуждает Чаадаев, — захотел бы подняться в высшую сферу духовной жизни, тому пришлось бы вскоре убедиться, что его намерение неосуществимо без коренных перемен в условиях общественной жизни, без создания новой физической почвы под ногами: «...всякий, кто отдался бы с жаром своим верованиям, — писал Чаадаев, — наткнется среди этой толпы, которую никогда ничего не потрясало, на препятствия и возражения. Вам придется себе все создавать, сударыня, вплоть до воздуха для ды-



П. Я. ЧААДАЕВ

Портрет неизвестного художника, масло

Исторический Музей, Москва

хания, вплоть до почвы под ногами (jusqu'au sol que vous devez fouler). И это буквально. Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающий вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит (n'est ce point là la terre que vous porte?). И сколько различных сторон, столько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели... Где человек, столь сильный, чтобы в вечном противоречии с самим собою, постоянно думая одно и поступая по другому, он не опротивел самому себе?» (Quel est l'homme, si fort, qui toujours en contradiction avec lui-même, toujours pensant d'une façon et agissant d'une autre, ne finisse par se dégouter de lui même?).

Но Чаадаев не только возвышает голос против крепостнического рабства. Свой протест против крепостничества он направляет в первую очередь по адресу православной церкви. Политическое значение этих тирад Чаадаева несомненно. Вопреки утверждениям Гершензона, католицизм Чаадаева имеет не только мистическое и аскетическое основание, но также основание политическое. В католицизме Чаадаев ценит—в этом он, разумеется, ошибался—политическую систему, будто бы, несовместимую с рабством. Напротив, православие отталкивает его от себя прежде всего своей связью с той «почвой» рабства, которая сделала для Чаадаева столь мучительным хождение по российской земле. «Почему,—спрашивает Чаадаев,—русский народ подвергся рабству лишь после того как он стал христианским (Pourquoi... le peuple Russe ne tombe-t-il dans l'esclavage qu'après qu'il fut devenu chrétien)?.. Пусть православная церковь объяснит это явление. Пусть скажет, почему она не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой (contre cette détestable usurpation d'une partie de la nation sur l'autre)». Откуда у нас,—спрашивает Чаадаев,—это действие религии наоборот?—«Не знаю,—отвечает он сам себе,—но мне кажется, одно это могло бы заставить усомниться в православии, которым мы кичимся (il me semble que cela seul pourrait faire douter de l'orthodoxie dont nous-nous parons)».

Положения эти проливают новый свет на мировоззрение Чаадаева. Они доказывают, что в глазах Чаадаева католицизм был не только религиозным credo и не только философско-исторической концепцией, но также и определенной политической системой, привлекательной для Чаадаева в силу своей несовместимости—так ошибочно думал Чаадаев—с системой «насилия одной части народа над другой».

В свете новых текстов существенно иначе решается и вопрос об аскетизме чаадаевского учения. Мировоззрение Чаадаева,—писал Гершензон,—«аскетично по существу; оно предает проклятию все утехи жизни... оно требует беззаветного служения идее, суля в награду не довольство народное, не личное счастие, даже не личное спасение, этот загробный гедонизм,—а только сознание исполненного долга».

Характеристика эта, однако, далека от действительности. Своеобразная черта философского и исторического идеализма Чаадаева состоит как раз в том, что, сводя все интересы исторического развития общества и народов к интересу религиозному, Чаадаев самый этот религиозный интерес понимал отнюдь не в духе аскетической идеи. «Царство мысли,—писал он в шестом письме (известном Гершензону в качестве «второго»),—могло водвориться в мире не иначе, как путем сообщения самому элементу мысли всей его реальности» (Il est clair que le règne de la pensée ne pouvait pas s'établir autrement dans le monde, qu'en donnant au principe même de la pensée toute sa rèalité.—П. Я. Чаадаев. «Сочинения и письма»).

Для Чаадаева в католичестве самое главное было—вовсе не созерцание, не аскетический идеал, но его социальное, историческое действие. «Начало католи-

чества,—писал Чаадаев А. И. Тургеневу,—есть начало деятельное, начало социальное прежде всего (Le principe du catholicisme est un principe d'action, un principe social avant tout»). «Одно оно восприняло царство божие не только как идею, но еще и как факт...». Именно в этом пункте, как понимал сам Чаадаев, его учение отклонялось от обычной религии. «Как видите,—писал Чаадаев Тургеневу,—моя религия не совсем совпадает с религией теологов (n'est pas précisément celle des théologiens)... это религия вещей, а не религия форм (c'est la religion des choses, et non pas celle des formes). «В христианском мире,—писал Чаадаев в первом философическом письме,—все необходимо должно способствовать—и действительно способствует—установлению совершенного строя на земле... (tout doit nécessairement concourir à l'établissement d'un ordre parfait sur la terre)».

Только в свете этих мыслей может быть понято характерное для Чаадаева отрицание православия и предпочтение, отдаваемое им католичеству. Православие,—утверждал Чаадаев,—«не было собственно социальное развитие: то был интимный факт... нечто такое, что неминуемо должно было исчезнуть по мере политического роста страны (c'etait un fact intime, une chose... qui devait nécessairement s'effacer à mesure que le pays grandissait politiquement)». «У нас идет сейчас речь,—разъяснял он Сиркуру,—только о нашем социальном развитии (il ne s'agit ici que de notre développement social), и вы согласитесь, что западный религиозный строй гораздо более благоприятствовал такого рода развитию, нежели тот, который выпал на нашу долю».

Рассыпанные в различных местах, известных по предыдущим публикациям писем Чаадаева, эти мысли выступают с гораздо большей отчетливостью во вновь найденном—втором—письме. Одной из отрицательнейших черт всего исторического развития России Чаадаев признает пренебрежение к жизненным благам, к материальной основе духовной деятельности и духовных наслаждений. «Одна из самых поразительных особенностей нашей своеобразной цивилизации,—читаем во втором письме,—заключается в пренебрежении всеми удобствами и радостями жизни (C'est un des traits les plus frappants de notre singulière civilisation que la négligence des commodités et des agréments de la vie)». «В этом безразличии к жизненным благам, которое иные из нас вменяют себе в заслугу, есть поистине нечто циничное (Il y a un véritable cynisme dans cette indifférence pour les douceurs de la vie, dont quelques uns, de nous se font un merite)».

Прямым опровержением утверждений Гершензона об аскетизме Чаадаева, звучат поучения второго письма, в которых Чаадаев доказывает своему условному адресату недопустимость пренебрежения этой стороной жизни. При этом Чаадаев ссылается не только на историю античной культуры, но—что всего удивительнее—на историю культуры христианской. «Святые мужи,—пишет он,—не думали, что они унижают свое достоинство, отдаваясь заботам о... предметах, наполняющих значительную часть жизни». «Речь идет,—поясняет он ниже,—лишь о трезвом и осмысленном существовании, а оно не имеет ничего общего с мрачной суровостью аскетической морали (n'a rien de commun avec la rigueur triste de la moral ascétique)... Такое существование прекрасно мирится со всеми законными благами жизни: оно даже их требует (elle les exige même)».

Вообще Гершензон совершенно не понял социально-исторической мотивировки чаадаевского мистицизма, его философско-исторической и политической тенденции. Вопреки предположениям и догадкам Гершензона, во вновь найденных письмах Чаадаева трактуются не столько вопросы «о загробной жизни», о благодати, грехе и искуплении», сколько философские и философско-исторические—о параллелизме материального и духовного миров, о закономерности мирового развития и о средствах познания этой закономерности, о необходимости, о свободе и о возможности совмещения свободы с необходимостью, о подчинении культурной традиции и об индивидуальном почине,

о пространстве и времени как условиях опытного познания, о границах эмпиризма и т. д.

Во всех этих вопросах мысль Чаадаева обращается не столько к авторитетам католической философии — к Бональду, Балланшу — сколько к учениям подлинных философов: к Бэкону, Спинозе, Ньютону, Лейбницу, к шотландской школе, к Канту, Фихте, Шеллингу.

Уже из сказанного видно, что публикация новых чаадаевских писем станет крупным событием для истории русской литературы и философии, вызовет ряд исследований, потребует пересмотра существующих концепций. Не предваряя результатов этих будущих исследований — довольно сложных в виду наличия ряда противоречий в системе мыслей самого Чаадаева,—можно уже наперед сказать, что в итоге этих будущих работ концепция Гершензона, боровшегося против созданной Герценом «чаадаевской легенды», сама окажется в значительной части, «гершензоновской легендой». Советская общественность будет с нетерпением ждать этих исследований.

В. Асмус

П. Я. ЧААДАЕВ — АВТОР «ФИЛОСОФИЧЕСКИХ ПИСЕМ»

1

Литературное наследство Чаадаева до сих пор не приведено в известность во всем своем объеме. Двухтомное собрание его сочинений и писем, вышедшее в 1913—1914 гг. под редакцией М. О. Гершензона, охватывает не больше половины всего написанного Чаадаевым.

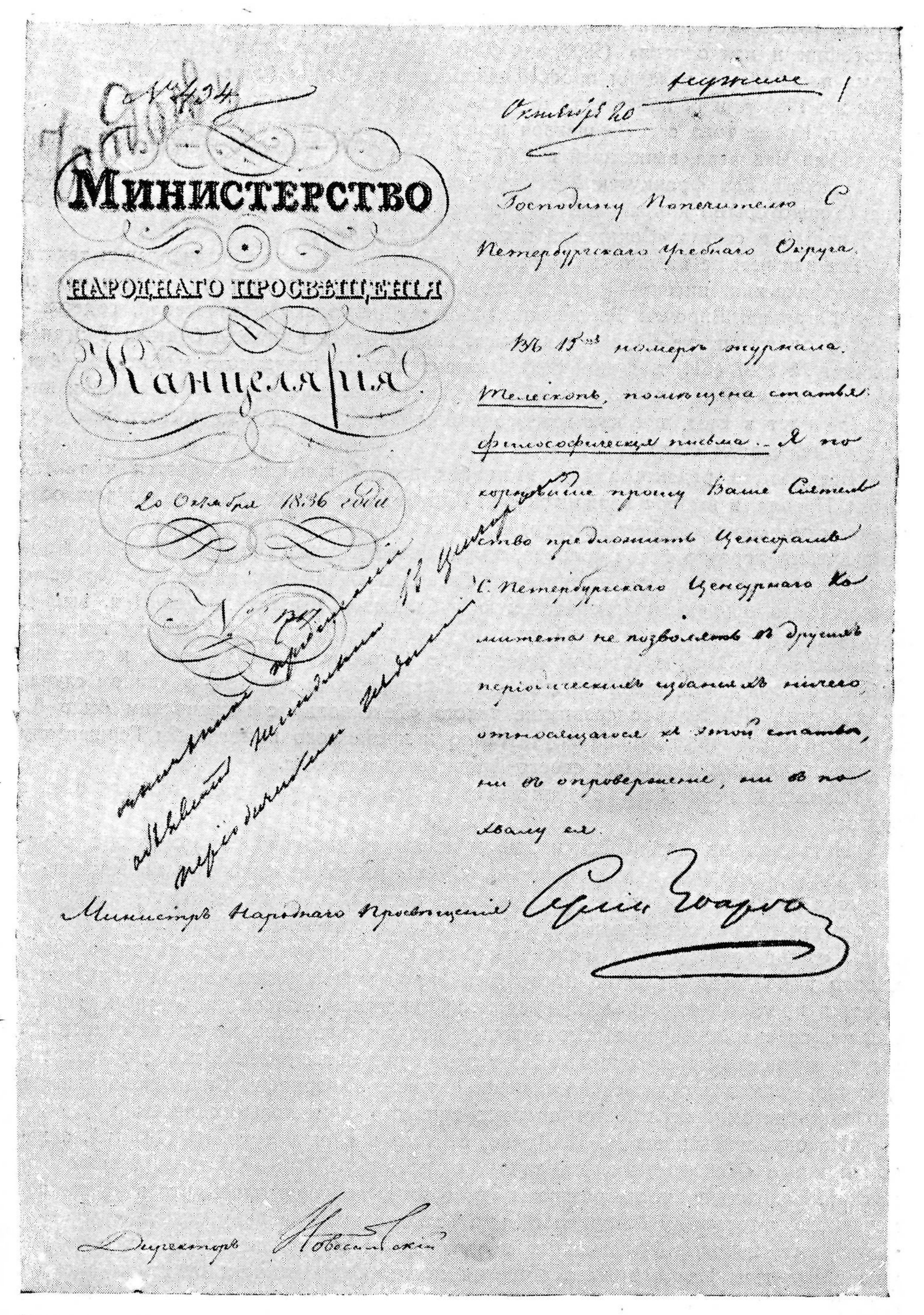
Уже в 1918 г. Н. В. Голицын опубликовал в «Вестнике Европы» ряд новых чаадаевских текстов, извлеченных им из свербеевского архива. Несколько новых публикаций было сделано, в различных изданиях, пишущим эти строки. Тем не менее, многие материалы до сих пор ждут еще своего опубликования.

Конечно, важнее всего восстановить полностью самое значительное из произведений Чаадаева: его «Философические письма». При жизни Чаадаева в печати появилось, притом в переводе и с значительными купюрами, только одно вступительное письмо, датированное 1 декабря 1829 г. и напечатанное в «Телескопе» в октябре 1836 г.[1].

Французский текст первого письма, без всяких выкидок, но с несколькими частными ошибками, напечатан был затем Гагариным в 1860 г. во французском журнале «Correspondant», войдя как часть в статью его «Tendances catholiques dans la société russe». В этом же году статья эта вышла отдельной брошюрой, в двух отдельных изданиях — в Париже и Лейпциге. В следующем 1861 г. перепечатал текст первого письма из «Телескопа» в шестой книге «Полярной Звезды» Герцен, без упоминания о публикации Гагарина.

Сам Гагарин в 1862 г. издал в Париже «Избранные сочинения Чаадаева»[2] (по-французски, в количестве 14 названий; сюда вошло и одно письмо Пушкина к Чаадаеву). Во главе этого собрания, после первого «Философического письма» помещены еще два другие и еще одно письмо, названное Гагариным четвертым философическим, но к этой серии не принадлежащее.

Сообщение о выходе «Избранных сочинений Чаадаева» было помещено М. Н. Лонгиновым в «Русском Архиве» 1863 г. и экземпляры книги попадали в Россию в довольно большом числе[3]. Вообще же в России перепечатка «Философических писем» не допускалась. Только в 1871 г. в помещенной в «Вестнике Европы» статье под заглавием «Проявления скептицизма. Чаадаев» (из «Характеристик литературных мнений с двадцатых до пятидесятых годов») А. Н. Пыпин дал изложение, по большой части словами самого автора, содержания опубликованных Гагариным писем. Полный текст их продолжал оставаться под запретом. В 1901 г. В. Я. Богучарский пытался дать полный перевод писем в своей книге «Три западника сороковых годов (П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский и А. И. Герцен)», но книга была сожжена цензурой. И только после 1905 г. М. О. Гершензону


Министерство Народнаго Просвещения Канцелярія

20 Октября 1836 года

Октября 20 нужное

Господину Попечителю С. Петербургскаго Учебнаго Округа.

Въ 15м номерѣ журнала Телескопъ, помѣщена статья: Философическія письма. Я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство предложить Цензорамъ С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета не позволять въ другихъ періодическихъ изданіяхъ ничего относящагося къ этой статьѣ, ни въ опроверженіе, ни въ похвалу ея.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Сергій Уваровъ

Директоръ Новосильскій

ПРЕДПИСАНИЕ С. С. УВАРОВА О ЗАПРЕЩЕНИИ В ПЕЧАТИ КАКИХ-ЛИБО ОТКЛИКОВ НА «ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» П. Я. ЧААДАЕВА, НАПЕЧАТАННОЕ В «ТЕЛЕСКОПЕ»

Институт Русской Литературы, Ленинград

удалось напечатать полный перевод писем в редакции Гагарина в «Вопросах философии и психологии» (1906, кн. 92 и 94). Затем в двух других переводах письма появились в издании проф. Ивановского в Казани (перевод Б. П. Денике) в том же 1906 г. и (в анонимном переводе) в издании «Русской Жизни» в Москве в 1908 г. Кроме того сам Гершензон перепечатал свой перевод в своей известной биографии Чаадаева, вышедшей в 1907 г.[4].

Наконец, как французский текст Гагарина, так и русский перевод Гершензона (с некоторыми поправками против текста «Вопросов философии и психологии») вошли в состав «Сочинений и писем Чаадаева»[5].

Все эти четыре издания знают только два источника при установлении текста «Философических писем» — русский перевод первого из них в «Телескопе» и книгу Гагарина. Впрочем Гершензон сообщает несколько разночтений, содержащиеся в одном списке «Первого письма», находящемся в архиве братьев Тургеневых под № 2687 (СП, т. I, стр. 368). Вариант письма, названного у Гагарина 4-м, перепечатанный Гершензоном из «Телескопа» 1832 г. во II томе «Сочинений и писем», не идет в счет, так как все это якобы 4-е письмо (О зодчестве), как увидим далее, совсем сюда не относится.

Все четыре редактора при этом без всякой критики относятся к тексту писем. Правда, в выборе вариантов они были весьма ограничены, но небрежность в этом отношении доходит до того, что вместо перевода гагаринского текста первого письма, гораздо более полного, прямо берут русский текст «Телескопа». Кроме того, для контроля за отношением Гагарина к приемам издания легко было использовать другую, предварительную публикацию первого письма (см. выше). Как указал в своей французской книге о Чаадаеве Шарль Кенэ[6], между текстами «Tendances» и «Oeuvres choisies» имеется до 14 разночтений, впрочем, к счастью, внешнего порядка: никакой тенденциозной переработки издатель в данном случае не допустил. Тщательное сравнение текста «Телескопа» с гагаринским было бы в свою очередь чрезвычайно поучительно и кроме того помогло бы Гершензону исправить кое-какие ошибки своего французского текста.

Основной недостаток опубликованных текстов заключался, однако, еще в другом.

Не только из содержания их, но и из явных указаний самого автора, обнаруживалось с полной несомненностью, что мы имеем перед собой лишь какие-то обрывки целого. Гагарин печатает четыре письма, называя их по порядку первым, вторым, третьим и четвертым. Но второе же письмо начинается у него словами: «В предыдущих моих письмах вы видели...» Следовательно, письмо это у Чаадаева никак не могло быть вторым. Перечисление содержащихся в этих предыдущих письмах предметов, указанное далее во втором, якобы, письме, со своей стороны ясно говорит, что ссылка никак не могла относиться к первому письму, в котором не было речи о перечисляемом. Эта несообразность, конечно, не могла остаться незамеченной уже и Гагариным. Он и оговаривается, что здесь несомненно имеется пропуск одного или нескольких писем.

Из опубликованных М. К. Лемке, сначала в «Мире Божьем» (1905 г.), а потом в книге «Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.», данных (показания Надеждина после разгрома «Телескопа») обнаружилось, что в начале помеченного «вторым» у Гагарина письма Чаадаев имеет в виду письма «третье» и «четвертое», которые Надеждиным первоначально и предназначались к напечатанию в журнале. Из того же сообщения можно было отчасти судить и о самом содержании третьего и четвертого писем. Гершензон естественно направил все усилия на восстановление обнаружившегося пробела. В итоге он пришел к заключению, будто в обнаруженных им «Отрывках» и заключаются части утраченных писем. Высказывая это мнение в примечаниях к I тому (стр. 379, см. также «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление», стр. 91), он с недоверием относится к словам М. И. Жихарева, который принимал «Отрывки» за самостоятельные афоризмы.

Справедливо отмечая не всегда правильное отношение Жихарева к находящимся у него в руках текстам, Гершензон в этом вопросе оказался неправым: отрывки и афоризмы были обычным литературным жанром эпохи, ими наполнены чуть не целые тома и у Шеллинга, и у Ламеннэ, и у Новалиса, и у Бональда, не говоря о более ранних писателях. У Чаадаева их очень много, и они составят особый отдел в готовящемся в настоящее время издании его сочинений. Точно так же сюда не относится и то письмо «о свободе церковной и о догмате filioque», на которое Гершензон отыскал в чаадаевских бумагах Ленинской Библиотеки ответ неизвестного автора, напечатанный затем в примечаниях I тома СП (стр. 373—377). Чаадаевское письмо или вернее два письма, относящиеся к этим вопросам и вызвавшие возражение неизвестного, написаны в 1848 и 1850 гг., в действительности обращены к кн. Долгоруковой, жене известного по делу о декабристах И. А. Долгорукова, и формального отношения к «Философическим письмам» не имеют.

Тщетно разыскивал пропавшие письма и Лемке. Ему удалось получить в свои руки основное дело о «Телескопе» в архиве III Отделения. («О запрещении журнала «Телескоп», об издателе оного Надеждине, о литераторах Чаадаеве и Белинском и о цензоре Болдыреве»), в нем он естественно искал невозвращенные Чаадаеву бумаги из числа у него отобранных. Лемке заявляет категорически: «в архиве III Отделения их нет» [7].

Таким образом ясно было одно: мы имеем перед собой лишь обрывки труда Чаадаева; как выразился Гершензон в своей биографии Чаадаева: «учение его дошло до нас так сказать обезглавленным...» (стр. 71).

В настоящее время положение дела коренным образом изменяется. Все недостающие «Письма» оказываются целыми и предлагаются вниманию читателей. О мировоззрении Чаадаева в данный период его жизни мы можем получить совершенно определенное представление. Вся серия, очевидно отобранная при обыске у Чаадаева, находится в Институте Русской Литературы Академии Наук; она состоит из восьми писем, составляющих одно целое, при чем для того письма об архитектуре, которое Гагарин поместил под названием четвертого, совсем здесь не находится места. На основании других рукописей мы знаем, что оно возглавляло собою как раз ту коллекцию отрывков, некоторые из которых и были вслед за ним напечатаны во II книжке «Телескопа» 1832 г.

Все восемь философических писем занумерованы самим Чаадаевым, при чем нумерация Гагарина, разумеется, оказывается совершенно неправильной; все восемь французских писем имеют на себе те или другие следы руки Чаадаева, четыре письма: 3-е, 4-е, 5-е и 8-е писаны целиком его рукой, письмо первое— в хорошей копии, письма 6-е и 7-е — в совершенно приготовленной к печати для отдельного издания и представленной в ноябре 1832 г. в цензуру копии, с многочисленными затем поправками рукой Чаадаева; одно только 2-е письмо имеется в довольно безграмотной и плохо написанной копии, с авторскими исправлениями лишь на первых ее листах, а главное — без начала письма. К счастью, начало это нашлось среди бумаг, предоставленных М. И. Жихаревым в 1871 г. редакции журнала «Вестник Европы», при чем последние слова жихаревской копии соответствуют первым словам неполной рукописи, так что текст и этого второго по счету письма (как это видно из приложенных снимков) имеется в полном виде. Притом сравнительная неграмотность его все же не доходит до искажения смысла оригинала и все его неисправности могут быть вполне устранены. При сравнении этого полного авторского экземпляра с напечатанным у Гагарина текстом оказывается, что первое письмо его соответствует первому гагаринскому с незначительными отличиями в отдельных словах, 2-е, 3-е, 4-е и 5-е — совершенно новые, 6-е и 7-е соответствуют гагаринским 2-му и 3-му, однако же в отличающейся довольно значительно редакции, 8-е — опять совершенно новое; гагаринскому 4-му не находится, как выше уже указывалось, никакого места и оно здесь для этой серии писем совершенно лишнее.

Кроме этих французских текстов, в новом собрании имеются и два письма в русских переводах: 3-е — в виде корректурного экземпляра (в сверстанном, готовом к печати виде) из предположенного к изданию очередного номера «Телескопа», а 4-е — в рукописной копии.

Все восемь писем естественно следуют одно за другим со ссылками друг на друга. Вновь найденные письма касаются вопросов общефилософских, в отличие от помещенных у Гагарина, которые посвящены вопросам философии истории; но вместе с тем нельзя сказать, как это предполагал Гершензон, что имеются два отдельных цикла писем — религиозно-философский и историко-философский (см. СП, т. I, стр. 371); мы имеем скорее строго сцепленные звенья одного ряда, распадающегося по своему содержанию на два отдела. Недостававшие до сих пор письма касаются общефилософских вопросов. С их опубликованием все споры и недоумения по поводу состава «Писем» окончательно разрешаются и весь существовавший до сих пор пробел целиком восполнен.

В этом важном авторском экземпляре социально-философского и исторического трактата Чаадаева нет никакого указания на его общее заглавие. До сих пор не было известно, когда и от кого трактат получил название «Философические письма», с прибавлением к нему в «Телескопе» еще слов «К г-же ***». В нашем распоряжении находится до сих пор совершенно неизвестное письмо Чаадаева к Петру Андреевичу Вяземскому, которое разрешает и этот вопрос и вообще имеет большое значение для понимания работы Чаадаева над «Письмами». Письмо, писанное по-французски, нашлось в архиве П. И. Бартенева; оно имеет неполную дату: Москва, 9 марта и относится, вероятно, к 1835 г. Писано оно на такой же бумаге, что и написанные рукою самого Чаадаева письма 3-е, 4-е, 5-е и 8-е. Приблизительно так, как в своем письме к Пушкину от 18 сентября 1831 г., Чаадаев высказывает здесь свой взгляд на сочинение, но с новыми важными подробностями. Все сочинение целиком он намерен опубликовать за границей, считая, что у нас оно не может увидеть света. При этом он говорит: «Точка зрения, с которой я рассматриваю свой предмет, мне кажется оригинальной, и на мой взгляд она способна внести некоторую ясность в мир философский, а пожалуй, и в мир социальный, так как оба эти мира, в наше время, если только я грубо не ошибаюсь, составляют один общий мир». Он хотел бы напечатать в России некоторые отдельные места сочинения, предпочитая частичную публикацию без искажений полной с неизбежными цензурными искажениями. Он и просит позондировать на этот счет почву в Петербурге. Публиковать хотя бы частично свое сочинение в России он хочет главным образом потому, что он, как и в известных своих письмах к А. И. Тургеневу, считает, что именно русскому уму особенно доступна беспристрастная и верная оценка общего положения дел, и факт опубликования писем в России выявил бы эту его точку зрения. И в заключение он говорит: «Заглавие моей книги было бы такое: «Философические письма, адресованные даме», «Lettres philosophiques, adressées à une dame».

2

Первое письмо определенно говорит о непосредственной причине, заставившей нашего автора изложить свои мысли: соседка по имению, вовлеченная в занятия по религии и философии беседами с попавшим в глушь выдающимся человеком, погруженным в мучительные думы о судьбе родины и ищущим выхода из окружающей тьмы в духовном перерождении его соотечественников, обратилась к нему с письмом, вскрывающим смуту ее души, порожденную возникшими в ней новыми запросами. Корреспондентка Чаадаева не авторская фикция, а живая личность. Одно из ее писем, ответом на которое служит первое письмо Чаадаева, напечатано было еще Гершензоном. Как известно, оно написано Екатериной Дмитриевной Пановой, сестрой известного писателя по истории музыки, члена общества «Зеленой Лампы» и вероятно автора нескольких замечательных докладов в нем, напечатанных Б. Л. Модзалевским в первом выпуске сборника

Critik

der

reinen Vernunft

von

Immanuel Kant,

Professor in Königsberg, der königl. Academie der Wissenschaften in Berlin Mitglied.

Sechste Auflage.

Leipzig,
bey Johann Friedrich Hartknoch.
1818.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯРА «КРИТИКИ ЧИСТОГО РАЗУМА» КАНТА ИЗ БИБЛИОТЕКИ П. Я. ЧААДАЕВА, С ЕГО ПОМЕТАМИ

Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

«Декабристы и их время». Гершензон в своей биографии Чаадаева особенно настаивает на таком характере частного письма, отличающем первое из серии их. В том же архиве, в котором он нашел опубликованное им письмо, среди принадлежащих Чаадаеву бумаг, пожертвованных М. И. Жихаревым в Румянцевский Музей и находящихся и поныне в рукописном отделении Ленинской Библиотеки, имеется еще два других письма Пановой; затем одно письмо ее находилось и среди отобранных у Чаадаева при обыске 1836 г. бумаг. Однако все содержание первого письма Чаадаева и вся дальнейшая история его говорят ясно, что оно писалось отнюдь не как личный ответ отдельному человеку, что вызвавшее приступ к работе письмо служило только внешним толчком и представляло удобную рамку для воплощения дум и чувств автора. Он сам упоминает в другом месте, что для выявления своей мысли ему нужен живой собеседник и что наиболее сильное выражение мысли получается при ясном представлении о конкретном слушателе, к которому обращена речь. Да и сам Гершензон относит свое замечание лишь к первому письму, признавая за известными ему следующими письмами значение настоящих статей. Во всяком случае истинную причину, сделавшую Чаадаева писателем, надо искать в чем-то другом.

Достаточно всмотреться в личность Чаадаева в период его блестящей служебной карьеры до 1820 г., хорошо отразившуюся в его письмах этого года, а может быть еще лучше в проницательных и исчерпывающих характеристиках Пушкина, чтобы понять всю глубину перелома, переродившего гусарского офицера эпохи развития декабризма, которого Пушкин определил словами:

Всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы б е с с т р а с т н ы й н а б л ю д а т е л ь

— в автора «Философических писем».

Гершензон приписывает этот кризис влиянию мрачного мистика Юнга Штиллинга, к которому Чаадаева якобы привел «страх смерти или, точнее, загробного возмездия» (см. «Чаадаев. Жизнь и мышление», стр. 25—50).

Однако, и сам Гершензон принужден определить его настроение после кризиса как мистицизм «совсем особого рода», при чем на этот раз «идея личного спасения — эта основная идея практического мистицизма всех веков — совершенно чужда Чаадаеву», так что «перед нами теория с о ц и а л ь н о г о м и с т и ц и з м а» (назв. соч., стр. 92 и 93).

Все противоречие между двумя Чаадаевыми, рисуемыми Гершензоном, объясняется прежде всего тем, что он приписал Чаадаеву мистический дневник, веденный в 1824 и 1825 гг. известным другом самого Чаадаева, а также Якушкина,— Д. А. Облеуховым. Доводы, приведенные в доказательство допущенной Гершензоном странной ошибки, в моей статье «Якушкин и Чаадаев» в сборнике «Декабристы и их время» (вып. II), кажутся мне и сейчас вполне убедительными.

К тому же сам Чаадаев оставил вполне достаточное указание на время и обстановку своего «обращения». В начале седьмого (по счету Гагарина и Гершензона — третьего) философического письма он говорит о моменте, «когда его озарило понятие об истине», и относит его ко времени после приезда в Италию весной 1825 г., т. е. много позднее воображаемого подчинения теориям Юнга Штиллинга, и тогда, когда датированный подробно дневник уже был написан. Чаадаев к своим словам об озарении истиной прибавляет, что он после этого «не противился ни одному из выводов, которые из него вытекали, но принял их все тотчас же без уверток...». Решающую роль в идейной эволюции Чаадаева сыграли, конечно, не влияние Юнга Штиллинга, а политические сдвиги первой половины 20-х годов: торжество реакции на Западе, ход освободительного движения в России, завершающегося восстанием 14 декабря. Все эти события с предельной остротой выдвигали перед Чаадаевым проблемы философии истории, заставляли его настойчиво размышлять над формообразующими началами исторического процесса.

3

Для понимания произведения Чаадаева важно точнее определить те обстоятельства, в которых оно было создано. Как известно, Чаадаев принадлежал к достаточной семье поместного служилого дворянства. Он потерял отца, когда ему еще не минуло и года, и осиротел окончательно, потеряв мать, когда ему не было еще и трех лет. С тех пор он вместе со старшим братом Михаилом попал на воспитание к тетке, Анне Михайловне Щербатовой, не чаявшей души в племянниках и порядочно-таки их избаловавшей. В 1809 г. оба брата поступили студентами в Московский университет, где встретились с несколькими выдающимися товарищами: Николаем Тургеневым, Якушкиным, Облеуховым (впрочем, значительно старшим), Грибоедовым и, вероятно, Муравьевым, Михаилом Николаевичем и его братьями. В университете они, однако, пробыли не очень долго и повидимому интересы их скоро направились на приготовление к военной службе. В мае 1812 г. оба брата поступили подпрапорщиками в Семеновский полк и проделали с ним весь поход 1812 г., а затем и заграничные кампании ближайших лет. Однако, Петр уже в начале 1813 г. отделился от брата, перейдя в Ахтырский гусарский полк, по позднейшему свидетельству Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, увлекшись красотой гусарского мундира[8]. По окончании войны Петр перешел в гвардейский гусарский полк и попал в адъютанты к командующему гвардейского корпуса Васильчикову. Он занял блестящее положение и по службе, и в петербургском светском обществе. К этому времени относится его дружба с Пушкиным.

В 1820 г., в связи с знаменитым солдатским бунтом в Семеновском полку и известной поездкой Чаадаева с донесением об этом происшествии на конгресс в Троппау к императору Александру, он подает прошение об отставке и получает ее в марте 1821 г. Якушкин принимает его в члены преобразованного после московского съезда тайного общества, но общество в Москве пребывает в бездействии; а в то же время оба брата Чаадаевы подвергаются обыску в связи с той же семеновской историей. Выбитый из жизненной колеи, неспособный найти приложение своим силам, Чаадаев переживает глубокое разочарование, впадает в хандру; через два года он уезжает за границу, где и проводит три столь важных в его жизни года: 1823—1826. По возвращении из-за границы Чаадаев попадает в деревню, но конечно мелкие интересы поместной жизни не могут удовлетворить его. Лучшие товарищи и родные его в той или другой форме пострадали при разгроме декабризма. Он остро почувствовал свое одиночество.

И Чаадаев заперся у себя в кабинете, предавшись чтению и писанию.

Свербеев передает рассказ об его затворничестве словами: «Чаадаев поселился в Москве и вскоре, по причинам едва ли кому известным, подверг себя добровольному затворничеству, не видался ни с кем и, нечаянно встречаясь в ежедневных своих прогулках по городу с людьми самыми ему близкими, явно от них убегал или надвигал себе на лоб шляпу, чтобы его не узнавали («Воспоминания о П. Я. Чаадаеве», в приложении к «Запискам», т. II, стр. 394). Денис Давыдов в своем письме к Пушкину после напечатания первого письма в «Телескопе» сообщает, будто бы со слов попечителя Московского учебного округа гр. Строганова, якобы передававшего признание самого Чаадаева, что он в это время был близок к помешательству и покушался на самоубийство.

Однако же ни содержание написанных в этом затворничестве писем, ни известное письмо Чаадаева тому же Строганову после беседы с ним вслед за разразившейся над автором писем катастрофой (см. СП, т. I, стр. 194—196) не подтверждают этих признаний.

В недавно опубликованном С. Я. Штрайхом письме С. П. Жихарева к А. И. Тургеневу от 6 июля 1829 г. после сообщения о денежных делах и уплате Чаадаевым 5 000 рублей долга Тургеневым говорится: «[Чаадаев] ни ко мне не ходит, ни меня к себе не пускает; да лучше сказать ни к кому и никого. Сидит один в заперти, читая и толкуя по своему библию и отцов церкви. Был один раз

у Пушкиной [Е. Г.] только по ее приезде, и после не ходит» (см. Жихарев, С. П. «Записки современника», т. II, Academia, 1934, стр. 428).

Наконец, мы имеем еще немые, но выразительные свидетельства занятий Чаадаева в его уединении в виде книг его библиотеки, бывших предметом его чтения в то время и испещренных его заметками, а также и указанием даты чтения на некоторых из них. Как состав библиотеки, так и содержание выставленных на книгах дат и заметок на полях дают интересный материал для наблюдения за ходом умственной работы автора писем.

Летом 1831 г. Чаадаев вышел из своего затвора и появился в московском обществе. К этому времени, повидимому, в основных чертах весь состав «Философических писем» был уже налицо. Чаадаев писал Пушкину 7 июня 1831 г. (по-французски): «Я окончил, мой друг, все, что имел сделать, сказал все, что имел сказать, мне не терпится иметь это все под рукою». И далее, прося вернуть ему скорее отпущенную с ним из Москвы в Петербург и Царское Село рукопись, очевидно, с шестым и седьмым письмами по правильному счету, он прибавляет, намекая на желание напечатать свой труд: «Вы знаете, какое это имеет значение для меня. Дело не в честолюбивом эффекте, но в эффекте полезном. Не то, чтобы я не желал выйти немного из своей неизвестности, принимая во внимание, что это было бы средством дать ход той мысли, которую я считаю себя призванным дать миру; но главная забота моей жизни, это довершить эту мысль в глубинах моей души и сделать из нее мое наследство» (СП, т. II, стр. 176).

Это важное заявление, однако, не следует без критики принять на веру. Вопрос о времени написания писем надо тщательно рассмотреть. Он имеет большую важность. Под первым письмом стоит дата «Некрополис [город мертвых, т. е. Москва], 1 декабря 1829 года». В некоторых изданиях (казанском, а также у Лемке на стр. 402 его книги «Николаевские жандармы» и у других) стоит 17 декабря, но эта дата не соответствует рукописям. Дату 1 декабря 1829 г., кажется, можно считать достоверной. В конце первого письма говорится о борьбе в Англии за билль об эмансипации католиков, принятый в апреле этого года, как о событии современном. Вероятно автору понадобилось еще несколько месяцев для приведения своего письма в порядок. Вместе с тем 1829 год — частая дача указаний на прочтение книг библиотеки Чаадаевым. Странным образом, однако, в конце 7-го письма (по философии истории, по гагаринскому счету 3-го) стоит дата более ранняя, 16 февраля 1829 г. Притом дата эта повторяется в обеих редакциях 7-го письма: гагаринской и авторской рукописи, т. е. экземпляра, приготовленного для печати в 1832 г... Не представлялось бы невозможным, что рассмотрение общей идеи Чаадаева, с исторической точки зрения, составляло отдельную самостоятельную работу, исполненную в первоначальном виде даже ранее получения письма Пановой; при таком предположении ранняя дата эта получила бы полное подтверждение. Но это очень мало вероятно. Слишком многими нитями 6-е и 7-е (гагаринское 2-е и 3-е) письма переплетаются с вновь найденными и слишком часты в них определенные формальные ссылки на предыдущие по счету письма, чтобы легко перенести их создание на более раннее время. Не говоря уже о начале 6-го письма, которое явно опирается именно на печатаемые ныне письма, в 7-м письме имеются еще и прямые ссылки на 2-е (ошибочно указанное вместо 3-го) письмо. Между тем 3-е и 4-е письма датированы июнем и июлем, а в одном списке, сохранившемся среди бумаг Жихарева, переданных в редакцию «Вестника Европы», при 3-м письме стоит и год: 1830, что вполне соответствует основной дате первого письма: 1 декабря 1829 г.[9]. Совсем не датированы письма 5-е и 8-е. По всей вероятности пятое письмо написано еще в 1830 г., так как оно предшествует окончательной обработке 6-го и 7-го писем, а последние, если не в теперешнем, то во всяком случае в обработанном виде имелись у Чаадаева в начале 1831 г., когда они были им переданы Пушкину. 8-е писано, вероятно, несколько позднее, так как все оно по своему тону значительно отличается от первых семи; в первых же строках его уже чувствуется некоторое разочарование в ходе евро-

corrulatio

Bestimmung und Absicht haben, die man nicht in den Wind schlagen muß. Wozu hat uns die Vorsehung manche Gegenstände, ob sie gleich mit unserem höchsten Interesse zusammenhängen, so hoch gestellt, daß uns fast nur vergönnet ist, sie in einer undeutlichen und von uns selbst bezweifelten Wahrnehmung anzutreffen, dadurch ausspähende Blicke mehr gereizt, als befriedigt werden? Ob es nützlich sey, in Ansehung solcher Aussichten dreiste Bestimmungen zu wagen, ist wenigstens zweifelhaft, vielleicht gar schädlich. Allemal aber und ohne allen Zweifel ist es nützlich, die forschende sowohl, als prüfende Vernunft in völlige Freyheit zu versetzen, damit sie ungehindert ihr eigen Interesse besorgen könne, welches eben so wohl dadurch befördert wird, daß sie ihren Einsichten Schranken setzt, als daß sie solche erweitert, und welches allemal leidet, wenn sich fremde Hände einmengen, um sie wider ihren natürlichen Gang nach erzwungenen Absichten zu lenken.

Lasset demnach euren Gegner nur Vernunft sagen, und bekämpfet ihn bloß mit Waffen der Vernunft. Uebrigens seyd wegen der guten Sache (des practischen Interesse) außer Sorgen, denn die kömmt in bloß speculativem Streite niemals mit ins Spiel. Der Streit entdeckt alsdenn nichts, als eine gewisse Antinomie der Vernunft, die, da sie auf ihrer Natur beruhet, nothwendig angehört und geprüft werden muß. Er cultivirt dieselbe durch Betrachtung ihres Gegenstandes auf zweyen Seiten, und berichtigt ihr Urtheil dadurch, daß er solches einschränkt. Das, was hiebey streitig wird, ist nicht die Sache, sondern der Ton. Denn es bleibt euch noch genug übrig, um die vor der schärfsten Vernunft gerechtfertigte Sprache eines festen Glaubens zu sprechen, wenn ihr gleich die des Wissens habt aufgeben müssen.

Wenn man den kaltblütigen, zum Gleichgewichte des Urtheils eigentlich geschaffenen David Hume fragen sollte: was bewog euch, durch mühsam ergrübelte Bedenklichkeiten, die für den Menschen so tröstliche und nützliche Ueberredung, daß ihre Vernunfteinsicht zur Behauptung und zum bestimm-

\+ contradicta apparente, v. [illegible]

СТРАНИЦА ИЗ ЭКЗЕМПЛЯРА «КРИТИКИ ЧИСТОГО РАЗУМА» КАНТА ИЗ БИБЛИОТЕКИ П. Я. ЧААДАЕВА, С ЕГО ПОМЕТАМИ

Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

пейского развития и тревога перед поглощением идеалистических стремлений господством материальных интересов, в связи с победой буржуазии, признаки чего Чаадаев, очевидно, *усматривал в режиме, установившемся во Франции после* июльской революции 1830 г. (см. примечание к 8 письму).

Во всяком случае основная работа по созданию цикла писем была Чаадаевым, повидимому, проделана ко времени его выхода из добровольного затворничества или немедленно после, т. е. в 1831 г.

Можно ли считать весь его труд в этом виде законченным? Слова в его письме к Пушкину, приведенные выше, говорят за положительный ответ. Но им можно противопоставить другое, исходящее от него же заявление в «Апологии безумного»: «Я сказал только и повторяю, что пора бросить ясный взгляд на наше прошлое..., чтоб узнать, как мы должны [к нему] относиться. Именно это *я* и старался сделать в труде, который остался неоконченным, и к которому статья, так странно задевшая наше национальное тщеславие, должна была служить введением»... (СП., т. II, стр. 226, франц. текст — т. I, стр. 229—230). Это позднейшее замечание наводит на целый ряд мыслей. Некоторая незавершенность труда Чаадаева действительно вне сомнения. Он подошел к общим размышлениям лишь как к средству найти ответ на основной, мучавший его и стоявший перед всеми передовыми элементами общества роковой вопрос о будущем. Изложение общих соображений он довел до конца, и торжественный финал 8-го письма, если освободить его от случайной приписки, не на место попавшей (см. примечание к 8-му письму), об этом красноречиво и непреложно свидетельствует... Но вернулся ли он к своей исходной точке, связал ли он общее решение с частным, но самым важным для него вопросом: что нам делать, как вывести несчастную Россию из тупика? Как приложить общую теорию к жизни? В 8-м письме он пытается это сделать, но и здесь не развивает свою мысль сколько-нибудь отчетливо.

Эта незавершенность писем объясняется тем, что Чаадаев ясно не представлял себе выхода из того тупика русской жизни, который он остро ощущал.

Его положительные воззрения характеризуются большой противоречивостью. В письме к Пушкину от 18 сентября 1831 г. Чаадаев писал: «Смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, который **принесет нам истину времени**. *Может быть на первых порах это будет нечто подобное той политической* линии, которую проповедует С. Симон в Париже, или тому католицизму нового рода, который несколько смелых священников пытаются поставить на место прежнего, освященного временем. Почему бы и не так? Не все ли равно, так или иначе будет пущено в ход движение, имеющее завершить судьбы рода человеческого?» На ряду с этим у Чаадаева довольно сильно прорываются настроения славянофильской окраски.

В ноябре 1835 г. Чаадаев пишет А. И. Тургеневу:

«Я только одно непрестанно говорю, только и делаю, что повторяю, что *все стремится к одной цели и что эта цель есть царство божие. Уж не попала ли* невзначай молитва господня под запрет? Правда, я иногда прибавляю, что земные власти никогда не мешали миру итти вперед, ибо ум есть некий флюид, не поддающийся сжатию, как и электричество; что нам нет дела до крутни Запада, ибо сами-то мы не Запад; что Россия, если только она уразумеет свое призвание, должна принять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы. Что же во всем этом еретического, скажите на милость? И почему бы я не имел права сказать и того, что Россия слишком величественна, чтобы проводить национальную политику; что ее дело в мире есть *политика рода человеческого*; что император Александр прекрасно понял это и что это составляет лучшую славу его, что провидение создало нас слишком сильными, чтобы быть эгоистами, что оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества; что все наши мысли в жизни, науке, искусстве должны отправляться от этого и к этому приходить: что в этом наше будущее, в этом наш прогресс; что

мы представляем огромную непосредственность без тесной связи с прошлым мира, без какого-либо безусловного соотношения к его настоящему, что в этом наша действительная логическая данность; что если мы не поймем и не признаем этих наших основ, весь наш последующий прогресс во-веки будет лишь аномалией, анахронизмом, бессмыслицей.

Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее других, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам».

Сказав далее, что люди Запада считают миссией России цивилизацию Востока, Чаадаев решительно возражает против такого умаления мирового значения России: «Они оттесняют нас на Восток, чтобы не встречать нас больше на Западе. Нам не следует попадаться на их небольшую хитрость, постараемся сами открыть наше будущее и не будем спрашивать у других, что нам делать...

Мы призваны напротив обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого. Не смейтесь: вы знаете, что это мое глубокое убеждение. Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу. Таков будет логический результат нашего долгого одиночества: все великое приходило из пустыни»[10].

Высказываемые здесь Чаадаевым мысли достаточно резко контрастируют тому, что образует основное содержание его концепции. Но есть своя особая закономерность и в той зигзагообразности, которая свойственна его философским исканиям, ибо наметить какие-то реальные перспективы будущего развития России Чаадаев и не мог, останавливаясь в рамках своего миросозерцания. Это обстоятельство не должно затемнять исторически-прогрессивных элементов его концепции. Неслучайно, через год после этого взрыва патриотических мечтаний во всемирном масштабе, Чаадаев был по приказанию царя признан сумасшедшим, а по приговору общественного мнения — изменником своего отечества.

Д. Шаховской

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Объявление о выходе 15-й книжки «Телескопа» со статьей Чаадаева появилось в «Московских Ведомостях» от 3 октября 1836 г.

[2] «Oeuvres choisies de Pierre Cchaadaïef, publiées pour la première fois par le P. Gagarin de la compagnie de Jésus. Paris. Librairie A. Franck. Leipzig. A. Franck'sche Verlagshandlung. 1862. 2 стр. ненум., 208, 1 нен. (Table des matières), с портретом автора.

[3] Среди бумаг, пожертвованных М. И. Жихаревым в 1869 г. в Румянцевский Музей (ныне Ленинская Библиотека), имеется письмо иезуита Балабина на имя Жихарева о посылке в его распоряжение 10 экземпляров книги.

[4] М. Гершензон. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПБ. 1908.

[5] «Сочинения и письма П. Я. Чаадаева» под ред. М. Гершензона. М. 1913—1914. В дальнейшем они будут цитироваться СП или «Сочинения и письма».

[6] Bibliothèque de l'Institut français de Leningrad. Tome XII. Charles Quénet. Tchaadaev et les Lettres philosophiques. Paris. Librairie Ancienne Honoré Champion. 1931.

[7] «Николаевские жандармы», стр. 416.

[8] См. «Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма». П. 1922 г., стр. 49.

[9] СП т. I, стр. 121; там сказано в «другом» письме, но в авторском экземпляре указано 2-е письмо, при чем замена 2-м 3-го объясняется вероятно тем, что 2-е письмо предполагалось упразднить, а при этом 3-е по общему счету становилось 2-м.

[10] «Сочинения и письма», т. II, стр. 197—201. Французский подлинник — т. I стр. 184—188.

ПЯТЬ НЕИЗДАННЫХ „ФИЛОСОФИЧЕСКИХ ПИСЕМ"*

ПИСЬМО ВТОРОЕ[1]

Если я удачно передал намедни свою мысль, вы должны были убедиться, что я отнюдь не думаю, будто нам нехватает одних только знаний. Правда, и их у нас не слишком много, но приходится в данное время обойтись без тех обширных духовных сокровищ, которые веками скоплены в других странах и находятся там в распоряжении человека: нам предстоит другое. К тому же, если и допустить, что мы смогли бы путем изучения и размышления добыть себе недостающие нам знания, откуда нам взять живые традиции, обширный опыт, глубокое осознание прошлого, прочные умственные навыки—все эти последствия огромного напряжения всех человеческих способностей, а они-то и составляют нравственную природу народов Европы и дают им подлинное превосходство. Итак, задача сейчас не в расширении области наших идей, а в том, чтобы исправить их и придать им новое направление. Что касается вас, сударыня, то вам прежде всего нужна новая сфера бытия, в которой свежие мысли, случайно зароненные в ваш ум, и новые потребности, порожденные этими мыслями в вашей душе, нашли бы действительное приложение. Вы должны создать себе новый мир, раз тот, в котором вы живете, стал вам чуждым.

Начать с того, что состояние души нашей, как бы высоко она ни была настроена, по необходимости зависит от окружающей обстановки. Поэтому вам надлежит как следует разобраться в том, что́ можно сделать при вашем положении в свете и в собственной вашей семье для согласования ваших чувств с вашим образом жизни, ваших идей — с вашими домашними отношениями, ваших верований — с верованиями тех, кого вы видаете...

Ведь множество зол возникает именно оттого, что происходящее в глубине нашей мысли резко расходится с необходимостью подчиняться общественным условиям. Вы говорите, что средства не позволяют вам удобно устроиться в столице. Ну что ж, у вас прелестная усадьба: почему бы вам прочно там не обосноваться до конца ваших дней? Это счастливая необходимость, и от вас одной зависит извлечь из нее всю ту пользу, какую могли бы вам доставить самые поучительные указания философии. Сделайте свой приют как можно более привлекательным, займитесь его красивым убранством, почему бы даже не вложить в это некоторую изысканность и нарядность? Ведь это вовсе не особый вид чувственности, заботы ваши будут иметь целью не вульгарные удовольствия, а возможность всецело сосредоточиться в своей внутренней жизни. Очень прошу вас не пренебрегать этими внешними мелочами[2]. Мы живем в стране, столь бедной проявлениями идеального, что если мы не окружим себя в домашней жизни некоторой долей поэзии и хорошего вкуса, то легко можем утратить всякую утонченность чувства, всякое понятие об изящном. Одна из самых поразительных особенностей нашей своеобразной цивилизации заключается в пренебрежении всеми удобствами и радостями жизни. Мы лишь с грехом пополам боремся с крайностями времен года, и это в стране, о которой можно не на шутку спросить себя, была ли она предназначена для жизни разумных существ. Раз мы сделали некогда неосторожность, поселившись в этом жестоком климате, то постараемся по крайней мере ныне устроиться там так, чтобы можно было несколько забыть его суровость.

---

* Ниже печатаются лишь те пять «Философических писем», которые вновь открыты и не вошли ни в одно из прежних изданий, т. е. письма 2-ое, 3-е, 4-ое, 5-ое и 8-ое. Ссылки с арабскими цифрами соответствуют примечаниям редактора. Примечания эти помещены после текста всех «Писем». Слова в тексте между квадратными скобками [ ] означают редакционные исправления или вставки.

Ред.

imprévue, par quelque enseignement supérieur, se saisit de l'âme, renverse votre être tout entier et l'élance au dessus de lui même et de tout ce qui l'environne?

Inviter *** à fonder un prix pour la découverte d'une idée, née en Russie.

Que l'on me dise ce que le juste-milieu a fait, ou peut faire éclore? Voila toute la question.

КОПИЯ НАЧАЛА ВТОРОГО «ФИЛОСОФИЧЕСКОГО ПИСЬМА», ПИСАННАЯ М. И. ЖИХАРЕВЫМ. ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА

Институт Русской Литературы, Ленинград

supérieure; se saisit de l'âme, renverse votre être tout-entier, et l'élève au dessus de lui-même et de tout ce qui l'environne? Quelle vive conscience a jamais fait palpiter ici un coeur? Quel homme s'est jamais voué ici au culte de la vérité? Comment donc, celui qui se livrerait avec chaleur à ses croyances, ne trouverait-il pas, au milieu de cette foule que rien n'a jamais ému, entraves et contrariétés? Il faut vous créer tout, madame, jusqu'à l'air que vous devez respirer, jusqu'au sol que vous devez fouler. Cela est vrai littéralement. Ces esclaves qui vous servent, n'est-ce point là votre atmosphère? Les sillons que d'autres esclaves ont creusés à la sueur de leur front, n'est ce point là la terre qui vous porte? Et, que de choses, que de misères renfermées dans ce seul mot d'esclave! Voilà le cercle magique où nous-nous débattons tous, sans pouvoir en sortir; voilà le fait odieux contre lequel tous nous nous briserons; voilà ce qui rend vain chez nous les plus nobles efforts, les plus généreux élans; voilà ce qui paralise toutes nos volontés, ce qui souille toutes nos vertus. Chargé d'une coulpe fatale, quelle est l'âme si belle, qui ne se dessèche sous ce fardeau insupportable? Quel est l'homme si fort, qui toujours en contradiction avec lui-même toujours pensant d'une façon et agissant

КОПИЯ СОХРАНИВШЕЙСЯ ЧАСТИ ВТОРОГО «ФИЛОСОФИЧЕСКОГО ПИСЬМА», ПИСАННА НЕИЗВЕСТНОЮ РУКОЙ, С ПОПРАВКАМИ П. Я. ЧААДАЕВА. ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Институт Русской Литературы, Ленинград

Мне помнится, вы в былое время с большим удовольствием читали Платона. Вспомните, как заботливо самый идеальный, самый выспренний из мудрецов древнего мира окружает действующих лиц своих философских драм всеми благами жизни. То они медленно гуляют по прелестным прибрежьям Илисса или в кипарисных аллеях Гносса, то они укрываются в прохладной тени старого платана, или вкушают сладостное отдохновение на цветущей лужайке, а то, выждав спадения дневной жары, наслаждаются ароматным воздухом и тихой прохладой вечера в Аттике [3], или же, наконец, возлежат в удобных позах, увенчанные цветами и с кубками в руках, вокруг стола с яствами [4], и только прекрасно устроив их на земле, автор возносит их в надлунные пространства, в которых так любит витать. Я мог бы вам указать и в сочинениях самых строгих отцов церкви, у св. Иоанна Златоуста, у св. Григория Назианзина, даже и у св. Василия, прелестные изображения уединений, где эти великие люди находили покой и высокие вдохновения, сделавшие их светилами веры. Святые мужи не думали, что они унижают свое достоинство, отдаваясь заботам о таких предметах, наполняющих значительную часть жизни. В этом безразличии к жизненным благам, которое иные из нас вменяют себе в заслугу, есть поистине нечто циничное. Одна из главных причин, замедляющих у нас прогресс, состоит в отсутствии всякого отражения искусства в нашей домашней жизни.

Затем, я бы хотел, чтобы вы устроили себе в этом убежище, которое вы как можно лучше украсите, вполне однообразный и методический образ жизни. Нам всем нехватает духа порядка и последовательности, исправимся от этого недостатка. Не стоит повторять доводов в пользу преимуществ размеренной жизни, во всяком случае одно лишь постоянное подчинение определенным правилам может научить нас без усилий подчиняться высшему закону нашей природы. Но для точного поддержания известного строя необходимо устранить все, что этому мешает. Часто с первых часов дня бываешь выбит из намеченного круга занятий, и весь день испорчен. Нет ничего важнее первых испытанных нами впечатлений, первых мыслей вслед за подобием смерти, которое разделяет один день от другого. Эти впечатления и эти мысли обычно предопределяют состояние нашей души на весь день. Вот, он начался домашней сварой и может кончиться непоправимой ошибкой. Поэтому приучитесь первые часы дня сделать как можно более значительными и торжественными, сразу вознесите душу на всю ту высоту, к какой она способна, старайтесь провести эти часы в полном уединении, устраняйте все, что может слишком на вас повлиять, слишком вас рассеять, при такой подготовке вы можете безболезненно встретить те неблагоприятные впечатления, которые затем вас охватят и которые при других условиях превратили бы ваше существование в непрерывную борьбу, без надежды на победу. К тому же, раз это время упущено, потом уже не вернешь его для уединения и сосредоточенной мысли. Жизнь поглотит вас всеми своими заботами как приятными, так и скучными, и вы покатитесь в нескончаемом колесе житейских мелочей. Не дадим же протекать без пользы единственному часу дня, когда мы можем принадлежать самим себе.

Признаюсь, я придаю большое значение этой потребности ежедневно сосредоточиться и расправить душу, я уверен, что нет другого средства уберечь себя от поглощения окружающим; но вы, конечно, понимаете, что это далеко еще не все. Одна идея, пронизывающая всю вашу жизнь, должна всегда стоять перед вами, служить вам светочем во всякое время дня. Мы являемся в мир со смутным инстинктом нравственного блага, но вполне осознать его мы можем лишь в более полной идее, которая из этого инстинкта развивается в течение всей жизни. Этой внутренней работе надо все приносить в жертву, применительно к ней надо установить весь порядок вашей жизни. Но все это должно протекать в сердечном молчании, потому что мир не сочувствует ничему глубокому. Он отвращает глаза от великих убеждений.

глубокая идея его утомляет. Вам же должны быть свойственны верное чувство и сосредоточенная мысль, не зависимые от различных людских мнений, а уверенно ведущие вас к цели. Не завидуйте обществу из-за его чувственных удовольствий, вы обретете в своем уединении наслаждения, о которых там и понятия не имеют. Я не сомневаюсь в том, что, освоившись с ясной атмосферой такого существования, вы станете спокойно взирать из своей обители на то, как волнуется и для вас исчезает мир, вы с наслаждением будете вкушать тишину души. А там — надо усвоить себе вкусы, привычки, привязанности вашего нового образа жизни. Надо избавиться от всякого суетного любопытства, разбивающего и уродующего жизнь, и первым делом искоренить упорную склонность сердца увлекаться новинками, гоняться за злобами дня и вследствие этого постоянно с жадностью ожидать того, что случится завтра. Иначе вы не обретете ни мира, ни благополучия, а одни только разочарования и отвращение. Хотите вы, чтобы мирской поток разбивался у порога вашего мирного жилища? Если да, то изгоните из вашей души все эти беспокойные страсти, возбуждаемые светскими происшествиями, все эти нервные волнения, вызванные новостями дня. Замкните дверь перед всяким шумом, всякими отголосками света. Наложите у себя запрет, если хватит у вас решимости, даже и на всю легковесную литературу, по существу она не что иное, как тот же шум, но только в письменном виде. На мой взгляд, нет ничего вреднее для правильного умственного уклада, чем жажда чтения новинок. Повсюду мы встречаем людей, ставших неспособными серьезно размышлять, глубоко чувствовать вследствие того, что пищу их составляли одни только эти произведения последнего дня, в которых за все хватаются, ничего не углубив, в которых все обещают, ничего не выполняя, где все принимает сомнительную или лживую окраску и все вместе оставляет после себя пустоту и неопределенность. Если вы ищете удовлетворения в избранном вами образе жизни, необходимо добиться, чтобы новшество из-за одной новизны своей никогда вами не ценилось.

Нет никакого сомнения, чем более вы согласуете свои вкусы и потребности с этим образом жизни, тем лучше вы будете себя чувствовать. Чем теснее вы свяжете внешнее с внутренним, видимое с невидимым, тем более вы облегчите предстоящий путь. Не надо однако скрывать от себя и ожидающих вас трудностей. Их у нас так много, что всех и не перечесть. Здесь не торная дорога, где колесо жизни катится по наезженной колее: это тропа, по которой приходится продираться сквозь тернии и колючки, а подчас и сквозь чащу. В старых цивилизованных странах Европы давно сложились определенные бытовые образцы, так что там, когда решишь переменить обстановку, приходится просто на просто выбрать ту новую рамку, в которую желаешь перенестись—место заранее готово. Распределение ролей сделано. Как только вы изберете подходящий род жизни, и люди и предметы сами собой расположатся вокруг вас. Вам остается только должным образом их использовать. Совсем иное дело у нас. Сколько издержек, сколько труда, прежде чем вы освоитесь в новой обстановке! Сколько теряется времени, сколько затрачивается сил на приспособление, на то, чтобы приучить окружающих смотреть на вас сообразно с новым вашим положением, чтобы заставить молчать глупца, чтобы улеглось любопытство. Разве здесь знают, что такое могущество мысли? Разве здесь испытали, как прочное убеждение вследствие тех или других причин вторгается в душу вопреки привычному ходу вещей, через некое внезапное озарение, через указание свыше [5], овладевает душой, опрокидывает целиком ваше существование и поднимает вас выше вас самих и всего что̀ вас окружает? Живое сознание вызывало ли здесь когда-либо сердечный отклик?

Естественно, что всякий, кто отдался бы с жаром своим верованиям, наткнется среди этой толпы, которую никогда ничего не потрясало, на препятствия и возражения. Вам придется себе все создавать, сударыня, вплоть до

воздуха для дыхания, вплоть до почвы под ногами[6]. И это буквально так. Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающий вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные[7] выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели. Отягченная роковым грехом, где она, та прекрасная душа, которая бы не заглохла под этим невыносимым бременем? Где человек, столь сильный, чтобы в вечном противоречии с самим собою, постоянно думая одно и поступая по другому, он не опротивел самому себе? И вот я снова вернулся, сам того не замечая, к тому, с чего начал: позвольте мне еще немного на этом остановиться, и я затем вернусь к вам.

Эта ужасная язва, которая нас изводит, в чем же ее причина? Как могло случиться, что самая поразительная черта христианского общества как раз именно и есть та, от которой русский народ отрекся на лоне самого христианства? Откуда у нас это действие религии наоборот? Не знаю, но мне кажется, одно это могло бы заставить усомниться в православии, которым мы кичимся. Вы знаете, что ни один философ древности не пытался представить себе общества без рабов, да и не находил никаких возражений против рабства. Аристотель, признанный представитель всей той мудрости, какая только была в мире до пришествия Христа, утверждал, что люди родятся— одни, чтобы быть свободными, другие—чтобы носить оковы[8]. Вы знаете также и то, что по признанию самых даже упорных скептиков уничтожением крепостничества в Европе мы обязаны христианству. Более того, известно, что первые случаи освобождения были религиозными актами и совершались перед алтарем и что в большинстве отпускных грамот мы встречаем выражение: pro redemptione animae—ради искупления души. Наконец, известно, что духовенство показало везде пример, освобождая собственных крепостных, и что римские первосвященники первые вызвали уничтожение рабства в области, подчиненной их духовному управлению[9]. Почему же христианство не имело таких же последствий у нас? Почему, наоборот, русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйского? Пусть православная церковь объяснит это явление.

Пусть скажет, почему она не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой. И посмотрите, пожалуйста, как мало нас знают, невзирая на всю нашу внешнюю мощь. Как раз на этих днях в одно время и на Босфоре и на Евфрате прогремел гром наших пушек[10]. А между тем, историческая наука, которая именно в это самое время доказывает, что уничтожение рабства есть заслуга христианства, даже и не подозревает, что христианский народ в 40 миллионов душ пребывает в оковах. Дело в том, что значение народов в человечестве определяется лишь их духовной мощью и что то внимание, которое они к себе возбуждают, зависит от их нравственного влияния в мире, а не от шума, который они производят. Теперь вернемся назад.

После сказанного о желательном, на мой взгляд, для вас образе жизни, вы, пожалуй, могли бы подумать, что я требую от вас монашеской замкнутости. Но речь идет лишь о трезвом и осмысленном существовании, а оно не имеет ничего общего с мрачной суровостью аскетической морали. Я говорю о жизни отличной от жизни толпы, с такой положительной идеей и таким чувством, преисполненным убеждения, к которому сводились бы все остальные мысли, все остальные чувства. Такое существование прекрасно мирится со всеми законными благами жизни: оно даже их требует, и общение с людьми—

необходимое его условие. Одиночество таит свои опасности, в нем подчас нас ожидают еще большие искушения. Сосредоточенный в самом себе ум питается созданными им лживыми образами, и подобно св. Антонию[11] населяет свою пустыню призраками, порождениями собственного воображения, и они его затем и преследуют. А между тем, если развивать религиозную мысль без страсти, без насилия, то сохранишь даже и среди мирской суеты то внутреннее состояние, в котором все обольщения, все увлечения жизни теряют силу.

Надо найти такое душевное настроение, мягкое и простое, которое сумело бы без усилий сочетать со всеми действиями разума, со всеми возбуждениями сердца идею истины и добра. В особенности следует стремиться проникнуться истинами откровения. Огромное преимущество этих истин в том, что они доступны всякому разумному существу, что они мирятся с особенностями всех умов. К ним ведут всевозможные пути: и покорная и слепая вера, которую без размышления исповедуют массы, и глубокое знание, и простодушное сердечное благоговение, и вдохновенное размышление, и возвышенная поэзия души. Однако самый простой путь — целиком положиться на те столь частые случаи, когда мы сильнее всего подпадаем действию религиозного чувства на нашу душу и нам кажется, что мы лишились лично нам принадлежащей силы, и против своей воли влечемся к добру какою-то высшей силой, отрывающей нас от земли и возносящей на небо. И вот тогда именно, в сознании своей немощи, дух наш раскроется с необычайной силой для мыслей о небе, и самые высокие истины сами собой потекут в наше сердце[12].

Многократно возвращаясь к основному началу нашей духовной деятельности, к тому, что́ вызывает наши мысли и наши поступки, невозможно не заметить, что значительная часть их определяется чем-то таким, что нам отнюдь не принадлежит, и что самое хорошее, самое возвышенное, самое для нас полезное из происходящего в нас вовсе не нами производится. Все то благо, которое мы совершаем, есть прямое следствие присущей нам способности подчиняться неведомой силе: [а] единственная действительная основа деятельности, исходящей от нас самих, связана с представлением о нашей выгоде, в пределах того отрезка времени, который мы зовем жизнью; это не что иное, как инстинкт самосохранения, который общ нам со всеми одушевленными существами, но видоизменяется в нас согласно нашей своеобразной природе. Поэтому, что́ бы мы ни делали, какую бы незаинтересованность ни стремились вложить в свои чувства и свои поступки, руководит нами всегда одна только эта выгода, более или менее правильно понятая, более или менее близкая или отдаленная. Как бы ни было пламенно наше стремление действовать для общего блага, это воображаемое нами отвлеченное благо есть лишь то, чего мы желаем для самих себя, а устранить себя вполне нам никогда не удается: в желаемое нами для других мы всегда подставляем нечто свое. И потому высший разум, выражая своей закон на языке человека, снисходя к нашей слабой природе, предписал нам только одно: поступать с другими так, как мы желаем, чтобы поступали с нами. И в этом, как и во всем другом, он идет вразрез с нравственным учением философии, которая берется постигнуть абсолютное благо, т. е. благо универсальное, как будто только от нас зависит составить себе понятие о полезном вообще, когда мы не знаем и того, что нам самим полезно. Что такое абсолютное благо? Это незыблемый закон, по которому все стремится к своему предназначению: вот все, что мы о нем знаем. Но если руководить нашей жизнью должно понятие об этом благе, разве не необходимо знать о нем что-либо еще? Мы без всякого сомнения действуем в известной степени сообразно всеобщему закону, в противном случае мы заключали бы в себе самих основу нашего бытия, а это нелепость, но мы действуем именно так, сами не зная, почему: движимые невидимой силой, мы можем улавливать ее

du genre de vie que je voudrais vous voir adopter, vous pourriez peut-être vous ~~... ..s~~ figurer, ~~...~~ qui pourrait avoir quelque chose de... ~~...~~ avec ~~ce~~ toute sa austérité. Mais il ne s'agit que d'une existence sobre et réfléchie, qui n'a rien de commun avec la rigueur triste de la morale ascétique; il ne s'agit que d'une manière de vivre qui ne diffère de celle de la foule, que par une idée positive, un sentiment plein de conviction aux-quels on rapporte toutes les autres idées tous les autres sentiments. Cette existence se combine fort-bien avec ~~...~~ les agréments légitimes de la vie; elle les exige même, & la société des hommes en est une condition nécessaire. La solitude a ses dangers; on y trouve par fois d'étranges séductions, on entre en lui même, l'esprit se nourrit des vaines images qu'il se crée; comme S. Antoine on peuple son désert de fantomes ~~...~~ enfants de votre imagination ~~...~~ ~~...~~ ~~...~~ après ces ~~...~~. Tandis que si l'on cultive ~~...~~ la pensée religieuse sans ~~...~~ sans violence, on conservera au milieu ~~...~~ du monde, cette attitude intérieure devant laquelle tous les enchantements, tous les étourdissements de la vie, sont impuissants. C'est une certaine disposition de l'esprit, douce et facile qu'il peut trouver, qui sache mêler sans efforts à toutes les operations de la raison, à toutes les émotions du coeur, l'idée du vrai et du bien, surtout ...

КОПИЯ СОХРАНИВШЕЙСЯ ЧАСТИ ВТОРОГО «ФИЛОСОФИЧЕСКОГО ПИСЬМА» ПИСАННАЯ НЕИЗВЕСТНОЮ РУКОЙ, С ПОПРАВКАМИ П. Я. ЧААДАЕВА, ВТОРАЯ СТРАНИЦА
Институт Русской Литературы, Ленинград

действие, изучать ее в ее последствиях, подчас отождествляться с нею, но вывести из всего этого положительный закон нашего духовного бытия — вот это нам недоступно. Смутное чувство, неоформленное понятие без обязательной силы — большего мы никогда не добьемся. Вся человеческая мудрость заключена в этой страшной насмешке бога в ветхом завете: в о т Адам стал как один из нас, познав добро и зло.

Я думаю, вы из сказанного уже предугадываете всю неизбежность откровения: и вот что̀ по моему мнению доказывает эту неизбежность. Человек научается познавать физический закон, наблюдая явления природы, которые чередуются у него перед глазами сообразно единообразному и неизменному закону. Собирая воедино наблюдения предшествующих поколений, он создает систему познаний, проверяемую его собственным опытом, а великое орудие исчисления облекает её в неизменную форму математической достоверности. Хотя этот круг познаний охватывает далеко не всю природу и не возвышается до значения общей основы всех вещей, он заключает в себе вполне положительные познания, потому что познания эти относятся к существам, протяжение и длительность которых могут быть познаны чувствами или же предусмотрены достоверными аналогиями. Словом, здесь царство опыта, и поскольку опыт может сообщить достоверность понятиям, которые он вводит в наш ум, постольку мир физический может быть нам ведом. Вы хорошо знаете, что эта достоверность доходит до того, что мы можем предвидеть известное явление за много времени вперед и способны с невероятной силой воздействовать на неодушевленную материю.

Итак, нами указаны средства достоверного познания, которыми располагает человек. Если, помимо этого, разум наш имеет еще способности собственного почина, т. е. деятельное начало, независящее от восприятия материального мира, то во всяком случае и эту собственную свою силу он может *применять лишь к материалу, который доставляет ему* [в порядке материальном — наблюдение] [13]; а в порядке духовном — [к чему] применит человек эти средства? Что именно придется ему наблюдать для раскрытия закона духовного порядка? Природу разума, не правда ли? Но разве природа разума такова же, как природа материальная? Не свободен ли он? Разве он не следует закону, который сам себе полагает? Поэтому, исследуя разум в его внешних и внутренних проявлениях, что̀ мы узнаем? Что он свободен, вот и все. И если мы при этом исследовании достигнем чего-либо абсолютного, разве ощущение нашей свободы не отбросит нас немедленно, и притом неизбежно, в тот самый круг рассуждения, из которого мы только что перед тем как будто выбились? Не очутимся ли мы вслед затем на прежнем месте? Круг этот неизбежен. Но это не все. Предположим, что мы на самом деле возвысились до некоторых истин, настолько доказанных, что разум вынужден их принять непременно. Предположим, что мы действительно нашли несколько общих законов, которым разумное существо непременно должно подчиниться. Эти законы, эти истины будут относиться лишь к одной части всей жизни человека, к его земной жизни, ничего общего не будут они иметь с другой частью, которая нам совершенно неведома, и тайну которой не сможет нам раскрыть никакая аналогия. Каким же образом могут они быть истинными законами духовного существа, раз они касаются лишь части его существования, одного мгновения в его жизни? Так что, если мы и постигнем эти законы на основании опыта, то и они смогут быть только законами одного периода времени, пройденного духовной природой, а в таком случае как можем мы их признать за законы духовной природы вообще? Не значило ли бы это то же самое, как если бы сказали, что для каждого возраста есть специальная врачебная наука, и чтобы лечить, например, детские болезни, излишне знать немощи зрелого возраста? Что для предписания образа жизни, подходящего для молодежи, нет нужды знать тот, который

пригоден человеку вообще? Что состояние нашего здоровья не определяется состоянием здоровья всех моментов нашей жизни и, наконец, что мы можем предаваться всяким отступлениям и излишествам в известные эпохи безнаказанно для дальнейшей жизни? Я спрашиваю вас, какое мнение составили бы вы себе о человеке, который бы утверждал, что существует одна нравственность для юности, другая для зрелого возраста, еще другая для старости, и что значение воспитания ограничивается [только] ребенком и юношей. А между тем это именно то, что̀ утверждает мораль ваших философов. Она научает нас тому, что надлежит нам делать сегодня, а о том, что будет с нами завтра, она не помышляет. А что̀ такое будущая жизнь, если не завтрашний день жизни настоящей?

Все это приводит нас к такому заключению: жизнь духовного существа в целом обнимает собою два мира, из которых только один нам ведом, и так как всякое мгновение жизни неразрывно связано со всей последовательностью моментов, из которых слагается жизнь, то ясно, что собственными силами нам невозможно возвыситься до познания закона, который необходимо должен относиться к тому и другому миру. Поэтому, закон этот неизбежно должен быть нам преподан таким разумом, для которого существует один единственный мир, единый порядок вещей.

Впрочем, не подумайте, что нравственное учение философов не имеет с нашей точки зрения никакой ценности. Мы как нельзя лучше знаем, что оно содержит великие и прекрасные истины, которые долго руководили людьми и которые еще и сейчас с силой отзываются в сердце и в душе. Но мы знаем также, что истины эти не были выдуманы человеческим разумом, но были ему внушены свыше в различные эпохи общей жизни человечества. Это одна из первичных истин, преподанных естественным разумом, и которую откровение лишь освящает своим высшим авторитетом. Хвала мудрым земли, но слава одному только богу. Человек никогда не шествовал иначе, как при сиянии божественного света. Свет этот постоянно озарял шаги человека, но он не замечал того источника, из которого исходил яркий луч, падающий на его путь. Он просвещает, говорит евангелист, всякого человека, приходящего в мир. Он всегда был в мире, но мир его не познал.

Привычные представления, усвоенные человеческим разумом под влиянием христианства, приучили нас усматривать идею, раскрытую свыше, лишь в двух великих откровениях — ветхого и нового завета, и мы забываем о первоначальном откровении. А без ясного понимания этого первого общения духа божия с духом человеческим ничего нельзя понять в христианстве. Христианин, не находя в собственном своем учении разрешения великой загадки духовного бытия, естественно приводится к учению философов. А между тем, философы способны объяснять человека только через человека: они отделяют его от бога и внушают ему мысль о том, будто он зависит только от себя самого. Обычно думают, что христианство не объясняет всего, что́ нам надлежит знать. Считают, что существуют нравственные истины, которые может нам преподать одна только философия: это великое заблуждение. Нет такого человеческого знания, которое способно было бы заменить собою знание божественное. Для христианина все движение человеческого духа не что иное, как отражение непрерывного действия бога на мир. Изучение последствий этого движения дает ему в руки лишь новые доводы в подтверждение его верований. В различных философских системах, во всех усилиях человека христианин усматривает лишь более или менее полное развитие духовных сил мира, сообразно различным состояниям и различным возрастам обществ, но тайну назначения человека он открывает не в тревожном и неуверенном колебании человеческого разума, а в символах и глубоких образах, завещанных человечеству учениями, источник которых теряется в

лоне бога. Он следит за учением, в которые постепенно выливалась земная мысль, и находит там более или менее заметные следы первоначальных наставлений, преподанных человеку самим создателем в тот день, когда он его творил своими руками; он размышляет об истории человеческого духа, и находит в ней сверхприродные озарения, не перестававшие просвещать без его ведома человеческий разум, пронизывая весь тот туман, весь тот мрак, которым этот разум так охотно себя облекает. Всюду примечает он эти всесильные и неизгладимые идеи, нисшедшие с неба на землю, без которых человечество давно бы запуталось в своей свободе. И наконец, он знает, что опять-таки благодаря этим самым идеям дух человеческий мог воспринять более совершенные истины, которые бог соблаговолил сообщить ему в более близкую нам эпоху.

И поэтому, далекий от попыток овладеть всеми заключающимися в мозгу человека измышлениями, он стремится лишь как можно лучше постигнуть пути господни во всемирной истории человечества. Он влечется к одной только небесной традиции; искажения, внесенные в нее людьми, для него дело второстепенное. И тогда он неизбежно поймет, что есть надежное правило, как среди всего необъятного моря человеческих мнений отыскать корабль спасения, неизменно направляющий путь по звезде, данной ему для руководства: и звезда эта вечно сияет, никогда не заволакивало ее никакое облако; она видима для всех глаз, во всех областях; она пребывает над нашими головами и днем и ночью. И если только ему единожды доказано, что весь распорядок духовного мира есть следствие удивительного сочетания первоначальных понятий, брошенных самим богом в нашу душу, с воздействием нашего разума на эти идеи, ему станет также ясно, что сохранение этих основ, их передача из века в век, от поколения к поколению, определяется особыми законами и что есть, конечно, некоторые видимые признаки, по которым можно распознать среди всех святынь, рассеянных по земле, ту, в которой, как в святом ковчеге, содержится непреложный залог истины.

Сударыня! Ранее, чем мир созрел для восприятия новых истин, которые должны были затем на него излиться, в то время как заканчивалось воспитание человеческого рода развитием всех его собственных сил, смутное, но глубокое чувство позволяло от времени до времени немногим избранникам провидеть светлый след звезды правды, которая протекала по своей орбите. Так Пифагор, Сократ, Зороастр и в особенности Платон узрели неизреченное сияние, и чело их озарено было необычайным отблеском. Их взоры, обращенные на ту точку, откуда должно было взойти новое солнце, до некоторой степени различали его зарю. Но они не смогли возвыситься до познания абсолютной истины, потому что с той поры, как человек изменил свою природу, истина нигде не проявлялась [для него] во всем своем блеске, и невозможно было ее распознать сквозь туман, который ее заволакивал. Напротив, в новом мире, если человек все еще не распознает этой истины, то это только добровольное ослепление: если он сходит с надежного пути, то это не что иное, как преступное подчинение темному началу, оставленному в его сердце с единой целью сделать более действенным его присоединение к истине.

Вы, конечно, предвидите, сударыня, к чему клонится все это рассуждение: вытекающие из него последствия сами представляются уму. В дальнейшем мы ими и займемся. Я уверен, что вы овладеете ими без труда. Впрочем, мы не станем более прерывать свою мысль такими отступлениями, которые на этот раз встретились нам по пути, и сможем беседовать более последовательно и методично. Прощайте, сударыня [14].

По приказанию Его Сиятельства Господина Председателя С.Петербургскаго Цензурнаго Комитета, Князя Дондукова имею честь препроводить при сем к Гг. Членам Комитета Предписание Господина Министра Народнаго Просвещения от сего числа за № 1317м для надлежащаго сведения.~

Гну Павлу Ивановичу Гаевскому — Читал, и прошу покорнейше позволить прочитать самую статью для соображений. П. Гаевский

Гну Александру Лукичу Крылову — читал Крылов

Гну Александру Васильевичу Никитенко — Никит[енко]

Гну Петру Александровичу Корсакову — Читал П. Корсаков

Гну Степану Семеновичу Куторге — Читал С. Куторга

Гну Андрею Ивановичу Фрейгангу — Читал А. Фрейганг

20го Октября 1836

ПОДПИСИ ЦЕНЗОРОВ О ЧТЕНИИ ПРЕДПИСАНИЯ С. С. УВАРОВА, КАСАЮЩЕГОСЯ ЗАПРЕЩЕНИЯ В ПЕЧАТИ КАКИХ-ЛИБО ОТКЛИКОВ НА «ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО», НАПЕЧАТАННОЕ В «ТЕЛЕСКОПЕ»

Институт Русской Литературы, Ленинград

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ [1]

Absorpta est mors ad victoriam *

Размышления наши о религии перешли в философское рассуждение, а оно вернуло нас снова к религиозной идее. Теперь станем опять на философскую точку зрения: мы ее не исчерпали. Рассматривая религиозный вопрос в свете чистого умозрения, мы религией лишь завершаем вопрос философский. К тому же, как бы ни была сильна вера, разум должен уметь опираться на силы, заключающиеся в нем самом. Есть души, в которых вера непременно должна в случае нужды найти доводы в разуме. Мне кажется, к числу таких душ как раз принадлежите и вы. Вы слишком сроднились со школьной философией, вера ваша слишком недавнего происхождения, привычки ваши слишком далеки от той замкнутой жизни, в которой простое благочестие само себя питает и собой довольствуется, вы поэтому не сможете руководиться одним только чувством. Вашему сердцу без рассуждений не обойтись. Правда, в чувстве таится много озарений, сердцу несомненно присущи великие силы; но чувство действует на нас временно, и вызываемое им волнение не может длиться постоянно. Наоборот, добытое рассуждением остается всегда с нами. Продуманная идея нас никогда не покидает, каково бы ни было душевное настроение, между тем как идея, только прочувствованная, неустойчива и изменчива: все зависит от силы, с какой бьется наше сердце. А сверх того сердца не даются по выбору: какое в себе нашел, с тем и приходится мириться, разум же свой мы сами постоянно создаем.

Вы утверждаете, что от природы расположены к религиозной жизни. Я часто думал об этом, и мне кажется, вы ошибаетесь. За природную потребность вы принимаете случайно вызванное неопределенное чувство, мечтательную прихоть воображения. Нет, не так, не с таким беспокойным пылом отдаются настоящему призванию, раз оно найдено в жизни; тогда принимают судьбу свою с твердой решимостью, со спокойной уверенностью. Конечно, можно и даже должно себя переделывать, для христианина уверенность в такой возможности и сознание своего долга в этом отношении — предмет веры и самое важное из чаяний. Христианское учение рассматривает совокупность всего на основе возможного и необходимого перерождения нашего существа, и именно к этому должны быть направлены все наши усилия. Но пока мы не почувствовали, что наша ветхая природа упраздняется и что зарождается в нас новый человек, созданный Христом, мы должны использовать все средства, чтобы приблизить этот желанный переворот: ведь он и не может наступить, пока мы на это не направим целиком все свои силы.

Впрочем, как вы знаете, мы не собираемся здесь исследовать философию во всем ее объеме; задача наша скромнее: раскрыть не то, что содержится в философии, а скорее то, чего в ней нет. Надеюсь, это не окажется выше наших сил. Для верующей души это единственное средство понимать и обращать себе на пользу человеческую науку, но в то же время надо знать в чем состоит эта наука, и по возможности все в ней рассмотреть с точки зрения наших верований.

Монтень сказал «l'obeir est le propre office d'une ame raisonnable, recognaissant un celest superieur et bienfacteur» **. Как вы знаете, он не считается умом, склонным к вере: пусть же эта мысль скептика послужит нам на этот раз руководящим текстом: подчас хорошо завербовать себе союзников из вражьего стана; это соответственно ослабляет силы противной стороны.

---

* Поглощена смерть победою... [2].

** Повиновение есть истинный долг души разумной, признающей небесного владыку и победителя [3].

Прежде всего, нет иного разума, кроме разума подчиненного; это без сомнения так; но это еще не все. Взгляните на человека; всю жизнь он только и делает, что ищет, чему бы подчиниться. Сначала он находит в себе силу, сознаваемую им отличною от силы, движущей все вне его; он ощущает жизнь в себе; в то же время он убеждается, что [внутренняя его] сила не безгранична; он ощущает собственное ничтожество; тогда он замечает, что вне его стоящая сила над ним властвует и что он вынужден ей подчиняться, в этом вся его жизнь. С самого первого пробуждения разума эти два рода познания, одно — силы, внутри нас находящейся и несовершенной, другое — силы, вне нас стоящей и совершенной, — сами собой проникают в сознание человека. И хотя они доходят до нас не в таких ясных и определенных очертаниях, как познания, сообщаемые нашими чувствами или переданные нам при сношениях с другими людьми, все же все наши идеи о добре, долге, добродетели, законе, а также и им противоположные, рождаются только от этой ощущаемой нами потребности подчиниться тому, что зависит не от нашей преходящей природы, не от волнений нашей изменчивой воли, не от увлечений наших тревожных желаний. Вся наша активность есть лишь проявление силы, заставляющей нас стать в порядок общий, в порядок зависимости. Соглашаемся ли мы с этой силой, или противимся ей, — все равно, мы вечно под ее властью. Поэтому нам только и надо стараться отдать себе возможно верный отчет в ее действии на нас и, раз мы что-либо об этом узнали, предаться ей со спокойной верой: эта сила, без нашего ведома действующая на нас, никогда не ошибается, она-то и ведет вселенную к ее предназначению. Итак, вот в чем главный вопрос жизни; как открыть действие верховной силы на нашу природу.

Так понимаем мы первооснову мира духовного и, как видите, она вполне соответствует первооснове мира физического. Но по отношению к природе первооснова эта кажется нам непреодолимой силой, которой все неизбежно подчиняется, а по отношению к нам — она представляется лишь силой, действующей в сочетании с нашей собственной силой и до некоторой степени видоизменяемой последней. Таков логический вид, придаваемый миру нашим искусственным разумом. Но этот искусственный разум, которым мы своевольно заменили уделенную нам изначала долю разума мирового, этот злой разум, столь часто извращающий предметы в наших глазах и заставляющий нас видеть их вовсе не такими, каковы они на самом деле, все же не в такой мере затемняет абсолютный порядок вещей, чтобы лишить нас способности признать главенство подчиненности над свободой и зависимость устанавливаемого нами для себя закона — от общего закона мирового. Поэтому разум этот отнюдь не препятствует нам, принимая свободу, как данную реальность, признавать зависимость подлинною реальностью духовного порядка, совершенно так, как мы это делаем по отношению к порядку физическому. Итак, все силы ума, все его средства познания основываются лишь на его покорности. Чем более он себя подчиняет, тем он сильнее. И перед человеческим разумом стоит один только вопрос: знать, чему он должен подчиниться. Как только мы устраним это верховное правило всякой деятельности, умственной и нравственной, так немедленно впадем в порочное рассуждение или в порочную волю. Назначение настоящей философии только в том и состоит, чтобы, во-первых, утвердить это положение, а затем показать, откуда исходит этот свет, который нами должен руководить в жизни.

Отчего, например, ни в одном из своих действий разум не возвышается до такой степени, как в математических исчислениях? Что такое исчисление? Умственное действие, механическая работа ума, в которой рассуждающей воле нет места. Откуда эта чудодейственная мощь анализа в математике? Дело в том, что ум здесь действует в полном подчинении данному правилу. Отчего так много дает наблюдение в физике? Оттого, что оно преодолевает

естественную наклонность человеческого разума и дает ему направление, диаметрально противоположное обычному ходу мысли: оно ставит разум по отношению к природе в подчиненное положение, ему присущее *. Каким образом достигла своей высокой достоверности натурфилософия?[4] Сводя разум до совершенно подчиненной отрицательной деятельности. Наконец, в чем действие блестящей логики, сообщившей этой философии такую исполинскую силу? Она сковывает разум, она подводит его под всемирное ярмо повиновения и делает его столь же слепым и подвластным, как та самая природа, которую он исследует. Единый путь, говорит Бэкон, отверстый человеку для владычества над природой, есть тот самый, который ведет в царство небесное: войти туда можно лишь в смиренном образе ребенка**.

Далее. Что такое логический анализ[6], как не насилие разума над самим собою? Дайте разуму волю, и он будет действовать одним синтезом. Аналитическим путем мы можем итти лишь с помощью чрезвычайных усилий над самими собой: мы постоянно сбиваемся на естественный путь, синтетический. С синтеза и начал человеческий разум и именно синтез есть отличительная черта науки древних. Но как ни естественен синтез, как он ни законен, и часто даже более законен, чем анализ, несомненно, все же к наиболее деятельным проявлениям мысли принадлежат именно процессы подчинения, анализа. С другой стороны, всмотревшись в дело внимательно, находим, что величайшие открытия в естественных науках — чистые интуиции, совершенно самостоятельные, т. е. что они истекают из синтетического начала. Но заметьте, что хотя интуиция и составляет по существу своему свойство человеческого разума и является одним из самых деятельных его орудий, мы все же не можем дать себе в ней полного отчета, как в других наших способностях. Дело в том, что мы ею владеем не в том чистом и простом виде, как другими способностями, в этой способности есть нечто, принадлежащее высшему разуму, ей дано лишь отражать этот высший разум в нашем. И потому-то мы и обязаны интуиции самыми блестящими нашими открытиями.

Таким образом, ясно, что человеческий разум не достигает самых положительных своих знаний чисто внутреннею своею силой, а направляется непременно извне. Следовательно, настоящая основа нашей умственной мощи в сущности не что иное, как своего рода логическое самоотречение, однородное с самоотречением нравственным и вытекающее из того же закона.

Впрочем, природа познается нами не только через опыт и наблюдение, а также и через рассуждение. Всякое природное явление есть силлогизм с большей и меньшей посылками и выводом. Следовательно, сама природа внушает уму путь, которому он должен следовать для ее познания; стало быть, и тут он только повинуется закону, который перед ним раскрывается в самом движении вещей. Таким образом, когда древние, например, стоики, с их блестящими предчувствиями, толковали о подражании природе, о повиновении ей, о согласованности с ней, они, находясь еще гораздо ближе нас к началу всех вещей и не разбив еще, подобно нам, мира на части, лишь провозглашали это основное начало духовной природы, именно то, что никакая сила, никакой закон не создаются нами из себя.

Что касается побуждающего нас действовать начала, которое есть не что иное, как желание собственного блага, то к чему бы пришло человечество, если бы понятие об этом благе было одной лишь выдумкой нашего разума? Что ни век, что ни народ имели бы тогда о нем свою особую идею. Как

* Почему древние не умели наблюдать? Потому что они не были христианами.
** Novum organum[5].

могло бы человечество в целом шествовать вперед в своем беспредельном прогрессе, если бы в сердце человека не было одного мирового понятия о благе, общего всем временам и всем странам и, следовательно, не человеком созданного? В силу чего наши действия становятся нравственными? Не делает ли их таковыми то повелительное чувство, которое заставляет нас покоряться закону, уважать истину? Но ведь закон только потому и закон, что он не от нас исходит; истина потому и истина, что она не выдумана нами. Мы иногда устанавливаем правило поведения, отступающее от должного, но это лишь потому, что мы не в силах устранить влияние наших наклонностей на наше суждение; в этих случаях нам предписывают закон наши наклонности, а мы ему следуем, принимая его за общий мировой закон. Конечно, есть и такие люди, которые как будто без всяких усилий сообразуются со

ТЕЛЕСКОПЪ,

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ XXXV.

[illegible]

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1836.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

КЪ Г-ЖѢ ***

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Absorpta est mors ad vitcoriam.

Бесѣда наша о религіи нечувствительно перешла въ философское разсужденіе, а оно привело насъ снова къ религіи. Теперь обратимся опять къ философскому воззрѣнію, котораго мы не истощили, потому-что философское разсматриваніе религіи увѣнчиваетъ самую философію. Къ томужъ какъ ни сильна вѣра, не худо дать разсудку возможность опираться на свои собственныя силы. Есть души, для которыхъ вѣрованіе необходимо должно сливаться съ убѣжденіемъ. Мнѣ кажется, вы принадлежите именно къ этому разряду. Вы

*

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ НЕВЫШЕДШЕЙ КНИЖКИ «ТЕЛЕСКОПА» И ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПОМЕЩЕННОГО ЗДЕСЬ ТРЕТЬЕГО «ФИЛОСОФИЧЕСКОГО ПИСЬМА»
Институт Русской Литературы, Ленинград

всеми предписаниями нравственности; таковы некоторые великие личности, которыми мы восхищаемся в истории. Но в этих избранных душах чувство долга развилось не через мышление, а через те таинственные побуждения, которые управляют людьми помимо их сознания, в виде великих наставлений, которые мы, не ища их, находим в самой жизни и которые гораздо сильнее нашей личной мысли. Они истекают из мысли, общей всем людям: ум бывает поражен то примером, то счастливым стечением обстоятельств, подымающих нас выше самих себя, то благоприятным устройством всей жизни, заставляющим нас быть такими, какими мы без этого никогда бы не были; все это живые уроки веков, которыми наделяются по неведомому нам закону определенные личности; и если ходячая психология не отдает себе отчета в этих таинственных пружинах духовного движения, то психология более углубленная, принимающая наследственность человеческой мысли за первое начало духовной природы, находит в этом разрешение большей части своих вопросов[7]. Так, если героизм добродетели или вдохновение гения и не вытекли из мысли отдельного человека, они являются все же плодом мысли про-

текших веков. И все равно, мыслили мы или не мыслили, кто-то уже мыслил за нас еще до нашего появления на свет; в основе всякого нравственного действия, как бы оно ни казалось самостоятельным и оторванным, всегда лежит, следовательно, чувство долга, а тем самым — и подчинения.

Теперь посмотрим, что бы вышло, если бы человек мог довести свою [8] подчиненность до совершенного лишения себя своей свободы. Из только что сказанного ясно, что это было бы высшей ступенью человеческого совершенства. Ведь всякое движение души его вызывалось бы тем самым началом, которое производит все другие движения в мире. Тогда исчез бы теперешний его отрыв от природы и он бы слился с нею. Ощущение своей собственной воли выделяет его теперь из всеобщего распорядка и делает из него обособленное существо; а тогда в нем бы проснулось чувство мировой воли, или, говоря иными словами, — внутреннее ощущение, глубокое сознание своей действительной причастности ко всему мирозданию. Теперь он проникнут своей собственной обособляющей идеей, личным началом, разобщающим его от всего окружающего и затуманивающим в его глазах все предметы; но это отнюдь не составляет необходимого условия его собственной природы, а есть только следствие его насильственного отчуждения от природы всеобщей, и если бы он отрешился от своего нынешнего пагубного Я, то разве он не нашел бы вновь и идею, и всеобъемлющую личность, и всю мощь чистого разума в его изначальной связи с остальным миром? И разве тогда все еще стал бы он ощущать себя живущим этой узкой и жалкой жизнью, которая его побуждает относить все к себе и глядеть на мир только через призму своего искусственного разума? Конечно нет, он снова начал бы жить жизнью, которую даровал ему сам господь бог, в тот день, когда он извлек его из небытия. Вновь обрести эту исконную жизнь и предназначено высшему напряжению наших дарований. Один великий гений [9] когда-то сказал, что человек обладает воспоминанием о какой-то лучшей жизни: великая мысль, не напрасно брошенная на землю; но вот чего он не сказал, а что сказать следовало, — но здесь лежит предел, которого не мог переступить ни этот блестящий гений, ни какой-либо другой в ту пору развития человеческой мысли, — это то, что утраченное и столь прекрасное существование может быть нами вновь обретено, что это всецело зависит от нас и не требует выхода из мира, который нас окружает.

Время и пространство — вот пределы человеческой жизни, какова она ныне. Но прежде всего, кто может мне запретить вырваться из удручающих объятий времени? Откуда почерпнул я самую идею времени? — Из памяти о прошедших событиях. Но что же такое эта самая память? — Не что иное, как действие воли: это видно из того, что мы помним не более того, что желаем вспомнить; иначе весь ряд событий, сменявшихся на протяжении моей жизни, оставался бы постоянно в моей памяти, теснился бы без перерыва у меня в голове; а между тем, наоборот, даже в то время, когда я даю полную свободу своим мыслям, я воспринимаю лишь воспоминания, связанные с данным состоянием души, с волнующим меня чувством, с занимающей меня мыслью. Мы строим образы прошлого точно так же, как и образы будущего. Что же мешает мне отстранить призрак прошлого, неподвижно стоящий позади меня, подобно тому, как я могу по желанию уничтожить колеблющееся видение будущего, парящее впереди, и выйти из того промежуточного момента, называемого настоящим, момента столь краткого, что его уже нет в то самое мгновение, когда я произношу выражающее его слово? Все времена мы создаем себе сами, в этом нет сомнения; бог времени не создал; он дозволил его создать человеку. Но в таком случае, куда делось бы время, эта пагубная мысль, обступающая и гнетущая меня отовсюду? Не исчезнет ли оно совершенно из моего сознания, не рассеется ли без остатка мнимая его реальность, столь жестоко меня подавляющая? Моему

существованию нет более предела; нет преград видению безграничного; мой взор погружается в вечность; земной горизонт исчез; небесный свод не упирается в землю на краях безграничной равнины, стелющейся перед моими глазами; я вижу себя в беспредельном пребывании, не разделенном на дни, на часы, на мимолетные мгновения, но в пребывании вечно едином, без движения и без перемен, где все отдельные существа исчезли друг в друге, словом, где все пребывает вечно. Всякий раз, как дух наш успевает сбросить с себя оковы, которые он сам же себе и выковал, ему доступен этот род времени, точно так, как и тот, в котором он ныне пребывает. Зачем порывается он постоянно за пределы непосредственной смены вещей, измеряемой однозвучными колебаниями маятника? Зачем кидается он беспрестанно в иной мир, где не слышен роковой бой часов? Дело в том, что беспредельность есть естественная оболочка мысли; в ней-то и есть единственное, истинное время, а другое — мы создаем себе сами, а для чего — неизвестно.

Обратимся к пространству: но ведь всем известно, что мысль не пребывает в нем; она логически приемлет условия осязаемого мира, но сама она в нем не обитает. Какую бы, следовательно, реальность ни придавали пространству, это факт вне мысли, и у него нет ничего общего с сущностью духа; это форма, пускай неизбежная, но все же лишь одна форма, в которой нам представляется внешний мир. Следовательно, пространство еще менее, чем время, может закрыть путь в то новое бытие, о котором здесь идет речь.

Так вот та высшая жизнь, к которой должен стремиться человек, жизнь совершенства, достоверности, ясности, беспредельного познания, но прежде всего — жизнь совершенной подчиненности; жизнь, которой он некогда обладал, но которая ему также обещана и в будущем. А знаете ли вы, что это за жизнь? Это Небо: и другого неба помимо этого нет. Вступить же в него мы можем отныне же, сомнений тут быть не должно. Ведь это не что иное, как полное обновление нашей природы в данных условиях, последняя грань усилий разумного существа, конечное предназначение духа в мире. Я не знаю, призван ли каждый из нас пройти этот огромный путь, достигнет ли он его славной конечной цели, но то, что предельной точкой нашего прогресса только и может быть полное слияние нашей природы с природой всего мира, это я знаю, ибо только таким образом может наш дух вознестись в совершенство всего, а это и есть подлинное выражение высшего разума *[10].

Но пока мы еще не достигли предела нашего паломничества, до того как совершится это великое слияние нашего существа с существом всемирным, не можем ли мы по крайней мере раствориться в мире одухотворенных существ? Разве не в нашей власти в любой степени отождествлять себя с подобными нам существами? Мы ведь способны усваивать себе их нужды, их выгоды, переноситься в их чувства так, что мы, наконец, начинаем жить только для них и чувствовать только через них. Это без сомнения верно. Как бы вы ни называли эту нашу удивительную способность сливаться с тем, что происходит вокруг нас, — симпатией, любовью, состраданием — она во всяком случае присуща нашей природе. Мы при желании можем до такой степени сродниться с нравственным миром, что все совершающееся в нем и нам известное мы будем переживать как совершающееся с нами; более того, если даже мировые события нас и не очень заботят, довольно одной уже общей, но глубокой мысли о делах других людей: одного только внут-

* Здесь надлежит заметить две вещи, во-первых, что мы не имели в виду утверждать, будто в этой жизни содержится все небо целиком: оно в этой жизни лишь начинается, ибо смерть более не существует с того дня, как она была побеждена спасителем; и во-вторых, что здесь, конечно, говорится не о слиянии вещественном во времени и в пространстве, а лишь о слиянии в идее и в принципе.

реннего сознания нашей действительной связи с человечеством, чтобы заставить наше сердце сильнее биться над судьбою всего человеческого рода, а все наши мысли и все наши поступки сливать с мыслями и поступками всех людей в одно созвучное целое. Воспитывая это замечательное свойство нашей природы, все более и более развивая его в душе, мы достигнем таких высот, с которых целиком раскроется перед нами остальная часть всего предстоящего нам пути; и благо тем из смертных, кто, раз поднявшись на эту высоту, сумеет на ней удержаться, а не низринется вновь туда, откуда началось его восхождение. Все существование наше до тех пор было непрерывным колебанием между жизнью и смертью, длительной агонией; тут началась настоящая жизнь, с этого часа от нас одних зависит итти по пути правды и добра, ибо с этой поры закон духовного мира перестал быть для нас непроницаемой тайной.

Но так ли протекает жизнь кругом нас? Совсем наоборот. Закон духовной природы обнаруживается в жизни поздно и неясно, но, как вы видите, его вовсе не приходится измышлять [он не зависит от нас], как и закон физический. Все, что от нас требуется, это — иметь душу раскрытую для этого познания, когда оно предстанет перед нашим умственным взором. В обычном ходе жизни, в повседневных заботах нашего ума, в привычной дремоте души, нравственный закон проявляется гораздо менее явственно, чем закон физический. Правда, он над нами безраздельно господствует, определяет каждое наше действие, каждое движение нашего разума, но вместе с тем, сохраняя в нас, посредством какого-то дивного сочетания, через непрерывно длящееся чудо [11], сознание нашей самодеятельности, он налагает на нас грозную ответственность за все, что мы делаем, за каждое биение нашего сердца, даже за каждую мимолетную мысль, едва затронувшую наш ум; и несмотря на это, он ускользает от нашего разумения в глубочайшем мраке. Что же происходит? Не зная истинного двигателя, бессознательным орудием которого он служит, человек создает себе свой собственный закон, и этот-то закон, который он по своему же почину себе предписывает, и есть то, что он называет нравственный закон, иначе—мудрость, высшее благо, или просто закон, или еще иначе *. И этому-то хрупкому произведению собственных рук, произведению, которое он может по произволу разрушить и действительно ежечасно разрушает, человек приписывает в своем жалком ослеплении всё положительное, безусловное, все непреложное, присущее настоящему закону его бытия, а между тем, при помощи одного только своего разума он, очевидно, мог бы постигнуть относительно этого сокровенного начала одну лишь его неизбежную необходимость — ничего более.

Впрочем, хотя нравственный закон пребывает вне нас и независимо от нашего знания его, совершенно так, как и закон физический, есть все же существенное различие между этими двумя законами. Бесчисленное множество людей жило и теперь еще живет без малейшего понятия о вещественных движущих силах природы: бог восхотел, чтобы человеческий разум открывал их самостоятельно и постепенно. Но как бы низко ни стояло разумное существо, как бы ни были жалки его способности, оно всегда имеет некоторое понятие о начале, побуждающем его действовать. Чтобы размышлять, чтобы судить о вещах, необходимо иметь понятие о добре и зле [12]. Отнимите у человека это понятие, и он не будет ни размышлять, ни судить, он не будет существом разумным. Без этого понятия бог не мог оставить нас жить хотя бы мгновение; он нас и создал с ним. И эта-то несовершенная идея, непостижимым образом вложенная в нашу душу, составляет всю сущность разумного человека. Вы только что видели, что можно

* См. древних.

Lettre III.

Absorpta est mors in victoriam.

La méditation religieuse nous a conduit au raisonnement philosophique, et le raisonnement philosophique nous a ramené à l'idée religieuse. Revenons maintenant au point de vue philosophique: nous ne l'avons pas épuisé. Lorsque l'on veut traiter la question religieuse par le pur raisonnement, elle ne fait que compléter la question philosophique. D'ailleurs, quelque vive que soit la croyance, il est bon que l'esprit sache s'appuyer des forces qu'il trouve en lui-même. Il est des âmes dans lesquelles il faut absolument que la foi puisse au besoin évoquer les convictions de la raison. Je crois que vous êtes précisément dans ce cas. Vous avez été trop familiarisée avec la philosophie de l'école, votre religion date de trop peu de temps, vos habitudes sont trop loin de cette vie intérieure, où la simple piété se nourrit et se contente d'elle-même, pour que vous puissiez vous guider par le sentiment seul. Votre coeur ne saurait se passer de réflexion. Le sentiment recèle de grandes clartés, sans doute, le coeur a de grandes puissances; mais les choses du sentiment ne nous sont présentes qu'autant qu'elles nous émeuvent, et l'émotion ne peut durer continuellement. Au contraire, ce que nous avons acquis par le raisonnement, est à nous à toutes les heures du jour. Dans quelque disposition de l'âme que nous nous trouvions, l'idée réfléchie ne nous quitte jamais, tandis que l'idée sentie nous échappe sans cesse, et se modifie à chaque instant, selon que notre coeur bat plus ou moins rapidement. Et puis, on ne prend pas tel coeur que l'on veut; celui que l'on s'est trouvé une fois, on le garde: au lieu que notre raison, nous sommes toujours à la faire.

Vous dites que vous êtes naturellement disposée à la vie religieuse. J'y ai souvent réfléchi, je ne le crois pas. Un sentiment vague provoqué par la circonstance, une velléité rêveuse de l'imagination, voilà ce que vous prenez pour le besoin de votre nature. Ce n'est pas ainsi, ce n'est point avec cette ardeur inquiète que l'on se livre à sa vocation, lorsqu'on la découvre dans la vie; on accepte alors sa destinée avec une sécurité parfaite, avec une conviction toute tranquille. Certainement on peut, on doit se refaire: l'assurance de cette possibilité, le sentiment de ce devoir, sont articles de foi pour le chrétien, les plus importants de ses croyances. Le christianisme ne roule tout entier que sur le principe de la régénération possible et nécessaire de notre être, et c'est à cela que doivent tendre tous nos efforts. Mais en attendant que nous soyons arrivés à ressentir notre vieille nature se dissoudre en nous, et l'homme nouveau, l'homme fait par le Christ poindre en nous, il ne faut rien négliger pour hâter le moment de cette heureuse révolution, qui ne peut d'ailleurs nous arrive

АВТОГРАФ ТРЕТЬЕГО «ФИЛОСОФИЧЕСКОГО ПИСЬМА». ПЕРВАЯ СТРАНИЦА
Институт Русской Литературы, Ленинград

было бы извлечь из этой идеи, если бы удалось восстановить ее в ее первоначальной чистоте, как она была нам сообщена сначала; следует, однако, рассмотреть и то, чего можно достичь, если отыскивать начало всех наших познаний единственно в собственной нашей природе.

Сокольники
1 июля [1830][13].

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ[1]

Воля есть не что иное, как род мышления. Представлять ли себе волю конечною или бесконечною, все равно приходится признать некую причину, которая заставляет ее действовать: поэтому ее должно рассматривать не как начало свободное, а как начало обусловленное.

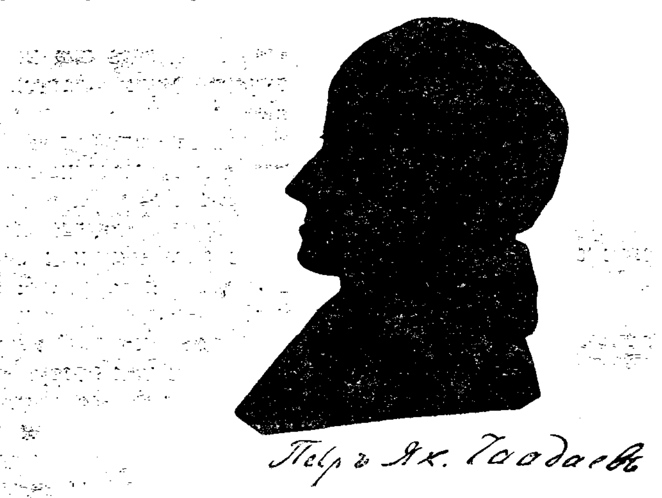
Спиноза. De anima[2].

Как мы видели, всякое естественное явление можно рассматривать как силлогизм; но его можно также рассматривать как число. При этом или заставляют природу выразиться в числе и рассматривают ее в действии — это наблюдение, или исчисляют в отвлечении — это вычисление; или же, наконец, за единицы принимаются найденные в природе величины, и производят вычисления над ними; в этом случае прилагают вычисление к наблюдению, и этим завершают науку. Вот и весь круг положительного знания. Необходимо только иметь в виду, что количеств, собственно говоря, в природе не существует; если бы они там были, то аналитический вывод был бы равнозначащим творческому. Да будет, ибо совершенная достоверность его не была бы ничем ограничена и, следовательно, была бы всемогуществом *. Бессилие то же, что заблуждение; выше совершенной истины нет ничего[3]. Действительные количества, т. е. абсолютные единицы, имеются лишь в нашем уме; во вселенной находятся лишь числовые видимости. Эти видимости, в форме которых материальность открывается нашим взорам, они то и дают нам понятие о числах: вот основа математического восприятия. Итак, числовое выражение предметов не что иное, как идеологический механизм, который мы создаем из данных природы. Сначала мы переводим эти данные в область отвлеченности, затем мы их воспринимаем как величины; и, наконец, поступаем с ними по своему усмотрению. Математическая достоверность, следовательно, имеет также свой предел; будем остерегаться упустить это из виду.

В приложении к явлениям природы наука чисел без сомнения вполне достаточна для эмпирического мышления, а также и для удовлетворения материальным нуждам человека; но никак нельзя сказать, чтобы в порядке безусловного она в той же мере соответствовала требуемой умом достоверности. Косное, неподвижное, геометрическое рассуждение, каким его по большей части воспринимают геометры, есть нечто, лишенное разума, безбожное. Если бы в математике заключалась совершенная достоверность, число было бы чем-то реальным. Так понимали его, например, пифагорейцы, каббалисты[4] и им подобные, приписывавшие числам силы разного рода и находившие в них начало и сущность всех вещей. Они были вполне последовательны, так как мыслили природу состоящею из числовых величин, и ни о чем другом не помышляли. Но мы видим в природе еще нечто другое, мы с полным сознанием верим в бога и когда мы осмеливаемся вкладывать в руку создателя циркуль, то допускаем нелепость; мы забываем, что мера и предел одно и то же, что бесконечность есть первое из свойств, именно она,

* В таком случае уже не вера двигала бы горы, а Алгебра.

можно сказать, и составляет его божественность, так что, превращая высшее существо в измерителя, мы лишаем его свойственной ему вечной природы и низводим его до нашего уровня. Бессознательно нами владеют еще языческие представления: в этом и есть источник такого рода заблуждений. Число не могло заключаться в божественной мысли; творения истекают из бога, как воды потока, без меры и конца, но человеку необходима точка соприкосновения между его ограниченным разумом и бесконечным разумом бога, разделенными беспредельностью, и вот почему он так любит замыкать божественное всемогущество в размеры собственной природы. Здесь мы видим настоящий антропоморфизм, в тысячу раз более вредный, нежели антропоморфизм простецов, не способных в своем пламенном устремлении



П. Я. ЧААДАЕВ

Силуэт работы П. В. Киреевского

Собрание Беэр, Москва

приблизиться к богу и представить себе духовное существо иным, чем то, которое совместимо с их пониманием, и поэтому низводящих божество до существа, подобного себе. В сущности и философы поступают не лучше. «Они приписывают богу, — сказал великий мыслитель, который в этом хорошо разбирался, — разум, подобный их собственному. Почему? потому что они в своей природе не знают ничего лучше собственного разума. А между тем божественный разум есть причина всему, разум человека есть лишь следствие, что же может быть общего между тем и другим? Разве то же, — прибавляет он, — что между созвездием пса, сияющим на небе, и тем псом, который бежит по улице — одно только имя» * [5].

Как видите, все положительное наук, называемых точными, исходит из того, что они занимаются количествами; иными словами, предметами ограниченными. Естественно, что ум, имея возможность полностью обнять эти предметы, достиг в познании их высочайшей достоверности, ему доступной. Но вы видите также и то, что, как ни значительно прямое наше участие в создании этих истин, мы их все же не из себя извлекаем. Первые идеи, из которых истекают эти истины, даны нам извне. Итак, вот какие логические следствия вытекают сразу из самой природы этих познаний, наиболее близких к доступной нам достоверности: они относятся лишь к чему-то ограниченному, они не родятся непосредственно в нашем мозгу, мы в этой области понятий развиваем наши способности лишь по отношению к конечному и мы здесь ничего не выдумываем. Так что же мы найдем, если

---

* Спиноза.

захотим приложить приемы, основанные на достижении этих познаний, к познаниям другого рода? Что абсолютная форма познанного предмета, каков бы последний ни был, должна быть непременно формой чего-то конечного; что место его в познавательной области должно находиться вне нас. Ведь именно таковы естественные условия достоверности. А в каком положении на основании этого окажемся мы по отношению к предметам в области духовной? Прежде всего, где предел данных, входящих в область психологии и морали? Предела нет. Затем, где совершается моральное действие? В нас самих. Итак, тот прием, который применяется разумом в области положительных понятий, может ли быть им использован в этой другой области? Отнюдь нет. Но, в таком случае, как достигнуть здесь очевидности? Что касается меня, я этого не знаю [6]. Странно то, что, как ни просто это рассуждение, философия никогда до него не доходила. Никогда она не решалась отчетливо установить это существенное отличие двух областей человеческого знания; она всегда смешивала конечное с бесконечным, видимое с невидимым, поддающееся восприятию чувств с неподдающимся. Если иногда она и говорила другое, в глубине своей мысли она никогда не сомневалась, что мир духовный можно познавать так же, как и мир физический, изучая его с циркулем в руке, вычисляя, измеряя величины духовные, как и материальные, подвергая опытам существо, одаренное разумом, как существо неодушевленное. Удивительно, как ленив человеческий разум. Чтобы избавиться от напряжения, которого требует ясное уразумение высшего мира, он искажает этот мир, он себя самого искажает и шествует затем своим путем, как ни в чем не бывало. Мы еще увидим, почему он так поступает [7].

Не надо думать к тому же, будто в естественных науках все сводится к наблюдению и опыту. Одна из тайн их блестящих методов — в том, что наблюдению подвергают именно то, что̀ может на самом деле стать предметом наблюдения. Если хотите, это начало отрицательное, но оно сильнее, плодотворнее положительного начала. Именно этому началу обязана своим успехом новая химия; это начало очистило общую физику от метафизики и со времен Ньютона сделалось ее главным правилом и основанием ее метода. А что это означает? Не иное что, как то, что совершенство этих наук, все их могущество проистекают из уменья всецело ограничить себя принадлежащей им по праву областью. Вот и все. А с другой стороны, в чем самый процесс наблюдения? Что делаем мы, когда наблюдаем движение светил на небесном своде или движение жизненных сил в организме: когда мы изучаем силы, движущие тела или сотрясающие молекулы, из коих тела состоят; когда занимаемся химией, астрономией, физикой, физиологией? Мы делаем вывод из того, что́ было, к тому, что́ будет; связываем факты, следующие в природе непосредственно друг за другом, и выводим из этого ближайшее заключение. Вот неизбежный путь опытного метода. Но, в порядке нравственном, известно ли вам что-нибудь, что́ бы совершилось в силу постоянного, неотвратимого закона, по которому вы могли бы заключать, как там, от одного факта к другому и предугадывать таким образом с уверенностью последующее на основании предшествующего? Ни в коем случае. Напротив, здесь совершается все лишь в силу свободных актов воли, не связанных между собою, не подчиненных другому закону, кроме своей прихоти; одним словом, все сводится здесь к действию хотения и свободы человека. К чему послужил бы здесь метод опытный? Ровно ни к чему.

Вот чему, в сфере тех познаний, где ему дана возможность достигнуть своей высшей достоверности, учит нас естественный х о д [8] человеческого разума. Перейдем к поучению, которое заключается в самом с о д е р ж а н и и этих познаний.

Положительные науки были, разумеется, всегда предметом изучения, но, как вы знаете, лет сто тому назад они сразу возвысились до тепереш-

него их состояния. Три открытия сообщили им толчок, вознесший их на эту высоту: анализ — создание Декарта[9], наблюдение — создание Бэкона и небесная геометрия — создание Ньютона. Анализ ограничивается областью математики и нас здесь не касается; заметим только, что он вызвал приложение начала необоснованной принудительности к нравственным наукам, а это сильно повредило их успехам. Новый способ изучать естественные науки, открытый Бэконом, имеет величайшую важность для всей философии, ибо этот метод придал ей эмпирическое направление, а оно надолго определило весь строй современной мысли. Но в настоящем нашем исследовании нас особенно занимает закон, в силу которого все тела тяготеют к одному общему центру; этим законом мы и займемся.

С первого взгляда кажется, будто все силы природы сводятся к всемирному тяготению; а между тем эта сила природы отнюдь не единственная; и именно поэтому закон, которому природа подвластна, имеет на наш взгляд такой глубокий смысл. Само по себе притяжение не только не объясняет всего в мире, но оно вообще ничего еще не объясняет. Если бы оно одно действовало, то вся вещественность обратилась бы в одну бесформенную и косную массу. Всякое движение в природе производится двумя силами, возбуждающими в движимом стремление в двух противоположных направлениях, и в космическом движении эта истина проявляется всего явственнее. А между тем, астрономы, удостоверившись, что тела небесные подлежат закону тяготения и что действия этого закона могут быть вычислены с точностью, превратили всю систему мира в геометрическую задачу, и теперь самый общий закон природы воспринимают при помощи некоторого рода математической фикции, под одним именем Притяжения или Всемирного Тяготения. Но есть еще другая сила, без которой тяжесть ни к чему бы не послужила: это Начальный толчок, или Вержение[10]. Итак вот две движущие силы природы: Тяготение и Вержение. На отчетливой идее совокупного действия этих двух сил, как она нам дается наукой, покоится все учение о Параллелизме двух миров: сейчас *нам приходится только применить эту идею к совокупности тех двух сил*, которые нами ранее установлены в духовной области, одной — силы, сознаваемой нами — это наша свободная воля, наше хотение, другой, нами не сознаваемой, — это действие на наше существо некоей вне нас лежащей силы, и затем посмотреть, каковы будут последствия* [11].

* Без сомнения, применения открытого Ньютоном закона в области предметов осязаемых чрезвычайны, и число их будет с каждым днем еще возрастать. Но не следует забывать, что закон падения тяжестей установлен Галилеем, закон движения планет — Кеплером. Ньютону принадлежит только счастливое вдохновение — связать воедино оба эти закона. Впрочем, все относящееся к этому славному открытию чрезвычайно важно. Не мудрено, что один геометр сожалел, что нам неизвестны некоторые из формул, которыми Ньютон пользовался при своей работе; наука, конечно, много бы выиграла от находки этих талисманов гения. Но можно ли серьезно думать, что весь секрет гениальности Ньютона, вся его мощь, заключается в одних его математических приемах? Разве мы не знаем, что в этом возвышенном уме было еще что-то сверх способности к вычислениям? Я вас спрашиваю, рождалась ли когда-либо подобная мысль в разуме безбожном?[12]. Истина такой огромной величины дана ли была когда-либо миру душой неверующей? И можно ли представить себе, будто в то время, когда Ньютон бежал от опустошавшей Лондон эпидемии в Кембридж[13] и закон вещественности блеснул его духу и разодралась завеса, скрывавшая природу, в благочестивой душе его были одни только цифры? Странное дело, есть еще люди, которые не могут подавить в себе улыбки жалости при мысли о Ньютоне, комментирующем Апокалипсис. Не понимают, что великие открытия, составляющие гордость всего человеческого рода, могли быть сделаны только тем самым Ньютоном, каков он был, гением столь же покорным, как и всеобъемлющим, столь же смиренным, как и мощным, а отнюдь не тем высокомерным человеком, каким его хотят представить. Повторю еще раз: видано ли, чтобы человек, не говорю уже отрицающий бога, но хотя бы только равнодушный к религии, раздвинул, как он, границы науки за пределы, ей, казалось, предначертанные?[14].

Нам известно Притяжение во множестве его проявлений; оно беспрестанно обнаруживается перед нашими глазами; мы его измеряем: мы имеем о нем знание вполне достоверное. Все это, как вы видите, точно соответствует представлению, которое мы имеем о нашей собственной силе. О Вержении мы знаем только его абсолютную необходимость; и совершенно то же знаем мы и о божественном действии на нашу душу. И тем не менее мы одинаково убеждены в существовании как той, так и другой силы. Итак, в обоих случаях мы имеем: познание отчетливое и точное одной силы, познание смутное и темное — другой, но совершенную достоверность обеих. Таково непосредственное приложение представления о вещественном порядке мира, и вы видите, что оно совершенно естественно является уму. Но должно еще принять во внимание, что астрономический анализ распространяет закон нашей солнечной системы и на все звездные системы, заполняющие небесные пространства, а молекулярная теория принимает его за причину самого образования тел и что мы имеем полное право почитать закон нашей системы общим едва ли не для всего мироздания; таким образом, эта точка зрения получает чрезвычайно важное значение.

Впрочем, все разграничения наши между существами, все измышляемые нами между ними ради удобства или по произволу различия, все это не имеет никакого применения к самому творческому началу. Что бы мы ни делали, в нас есть внутреннее ощущение реальности высшей по сравнению с окружающей нас видимой реальностью. И эта иная реальность не есть ли единственная истинно реальная, реальность объективная, которая охватывает всецело существо и растворяет нас самих во всеобщем единстве? В этом то единстве стираются все различия, все пределы, которые устанавливает разум в силу своего несовершенства и ограниченности своей природы: и тогда-то во всем бесконечном множестве вещей остается одно только действие, единственное и мировое. И в самом деле, одинаково, как внутренее ощущение нашей собственной природы, так и восприятие вселенной не позволяет нам постигнуть все сотворенное иначе, как в состоянии непрерывного движения. Таково мировое действие. Поэтому в философии идея движения должна предварять всякую другую. Но идею движения приходится искать в геометрии, ибо лишь там мы находим ее очищенной от какой бы то ни было произвольной метафизики и только в линейном движении можем мы воспринять абсолютное знание всякого движения вообще. И что же? Геометр не может себе представить никакого движения, кроме движения сообщенного. Он поэтому принужден исходить из того, что движущееся тело само по себе инертно и что всякое движение есть следствие побуждения со стороны. Итак, и в наивысшем отвлечении, и в самой природе мы постоянно возвращаемся к какому-то действию [action], внешнему и первичному, независимо от рассматриваемого предмета. Стало быть, идея движения сама по себе по неумолимому требованию логики, вызывает представление о таком действии, которое отлично от всякой силы и от всякой причины, находящихся в самом движущемся предмете.

И вот почему, между прочим, человеческому разуму так трудно освободиться от старого заблуждения, будто все идеи возникают в нем через внешние чувства [15]. Все дело в том, что в мире нет ничего, в чем мы были бы более склонны сомневаться, чем в присущей нам самостоятельной силе, и несостоятельность системы сенсуалистов единственно в том, что система эта приписывает вещественному непосредственное воздействие на невещественное и таким образом заставляет тела сталкиваться с сознаниями, вместо того, чтобы приводить в соприкосновение [и здесь] предметы одной и той же природы, как в области вещества, т. е. одни сознания с другими сознаниями. И, наконец, проникнемся мыслью, что в чистой идее движения вещественность решительно не при чем: все различие между движением ма-

териальным и движением в области духовной состоит в том, что элементы первого — пространство и время, а последнего — одно только время; а ведь очевидно, что идея времени уже достаточна для возникновения идеи движения. Итак, закон движения есть закон всего в мире, и то, что мы сказали о физическом движении, вполне применимо к движению умственному или нравственному.

Что же должно заключить из всего сказанного? Что нет ни малейшего затруднения принять собственные действия человека за причину побочную [principe occasionnel][16]: за силу, которая действует лишь поскольку она соединяется с другой высшей силой, точно так, как притяжение действует лишь в совокупности с силой вержения. Вот то, к чему мы хотели притти.

240 ESSAI SUR L'INDIFFÉRENCE

sa raison que l'homme s'égare, mais parce qu'il se méprend sur sa nature, en s'attribuant ce qui n'est pas à lui. Dans son orgueil, il confond la capacité de connoître, avec la puissance de produire. Il oublie que son intelligence, purement passive à l'origine, naît et se développe à l'aide des vérités qu'on lui donne, et qu'elle ne possède que ce qu'elle a reçu. Doué du pouvoir de combiner ces vérités primitives et d'en tirer des conséquences, pouvoir borné comme toute action d'un être fini, il cherche en soi la certitude ou la dernière raison des choses, et ne l'y trouvant pas, il commence à douter. Les vérités se retirent, la nuit se fait; au milieu de cette nuit, il cesse de se reconnoître lui-même; seul et fier de sa solitude, il essaie de créer; il remue d'obscurs souvenirs, et croit peupler d'êtres réels son entendement désert, parce qu'il évoque des fantômes. Mais bientôt détrompé, las de ce vain labeur, il ferme les yeux et s'assoupit dans des ténèbres éternelles.

Hors de Dieu tout est contingent; hors de lui rien n'existe que par sa volonté; lui seul est nécessairement; lui seul donc possède en lui-même la certitude. Il est certain de son être, parce qu'il se connoît; il est certain de l'existence des autres êtres, parce qu'il connoît ses volontés; et toute la

EN MATIÈRE DE RELIGION. 241

certitude que nous en pouvons avoir vient de lui, et repose sur son témoignage. C'est toujours là qu'il faut remonter, à un témoignage, à une autorité première, infaillible, sans quoi l'on ne peut pas même raisonner; car tout raisonnement présuppose quelque vérité antérieure, quelque principe certain d'où l'on part et qu'on ne prouve pas. Il n'importe que l'on comprenne clairement ce principe, cette vérité. Vouloir tout comprendre, c'est vouloir tout nier. Et, en effet, que comprenons-nous? Il n'y a pas une loi de la nature qui ne renferme l'infini, par conséquent pas un phénomène que l'homme puisse pleinement expliquer et pleinement comprendre.

Comment donc parviendroit-il à découvrir avec certitude la vraie religion par le raisonnement? Connoître la religion, c'est connoître Dieu, c'est connoître l'homme, leur nature et les rapports qui en dérivent, ou les lois de l'intelligence: et l'on veut qu'il s'en aille à la recherche de ces lois dans les solitudes d'un esprit d'où l'on aura banni toute idée reçue de confiance sur le témoignage des autres hommes ou de la société. Est-ce ainsi que l'homme a vécu? Est-ce ainsi qu'il se conserve? A-t-il, avant de les admettre, discuté ses premières notions, qu'il ne pouvoit comparer à rien? Qu'on nous explique par quelle industrie il

ДВЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЭКЗЕМПЛЯРА «ОПЫТОВ О БЕЗРАЗЛИЧИИ» ЛАМЕННЭ ИЗ БИБЛИОТЕКИ П. Я. ЧААДАЕВА С ЕГО ПОМЕТАМИ И ДАТОЙ ЧТЕНИЯ

Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

Может быть подумают, что в этой системе нет места для философии нашего Я[17]. И ошибутся. Напротив, эта философия прекрасно уживается с изложенной системой: она только сведена здесь к своей действительной значимости, вот и все. Из того, что мы сказали о двояком действии, управляющем мирами, отнюдь не следует, чтобы наша собственная деятельность сводилась к нулю; значит, должно разобраться в присущей нам силе и пытаться понять ее по возможности правильно. Человек постоянно побуждается силой, которой он в себе не ощущает, это правда; но это внешнее действие имеет на него влияние через сознание, следовательно, как бы ни дошла до меня идея, которую я нахожу в своей голове, нахожу я ее там только потому, что сознаю ее. А сознавать значит действовать. Стало быть, я на самом деле и постоянно действую, хотя в то же время подчиняюсь чему то, что гораздо сильнее меня, — я сознаю[18]. Одно не устраняет другого, одно следует за другим, его не исключая, и первый факт мне так же дока-

зан, как и последний. Вот если меня спросят, как именно возможно такое действие на меня извне, это совсем другой вопрос, и вы, конечно, понимаете, что здесь не время его рассматривать: на него должна ответить философия высшего порядка. Простому разуму[19] следует только установить факт внешнего воздействия и принять его за одно из своих основных верований; остальное его не касается. Впрочем, кто не знает, как чужая мысль вторгается в наше сознание? Как мы подчиняемся мнениям, убеждениям других? Всякий, кто об этом размышлял, отлично понимает, что один разум подчиняется другому и вместе с тем сохраняет всю свою силу, все свои способности. Итак, несомненно, великий вопрос о свободе воли, как бы он ни был запутан, не представлял бы затруднений, если бы умели вполне проникнуться идеей, что природа существа, одаренного разумом, заключается только в сознании и что поскольку одаренное разумом существо сознает, оно не утрачивает ничего из своей природы, каким бы путем сознание в него ни вливалось.

Дело в том, что шотландская школа[20], так долго царившая в философском мире, спутала все вопросы Идеологии. Вы знаете, что она берется найти источник всякой человеческой мысли и все объяснить, обнаружив нить, связывающую настоящее представление с представлением предшествовавшим. Дойдя до происхождения известного числа идей путем их ассоциации, заключили, что все совершающееся в нашем сознании происходит на том же основании и с тех пор не пожелали принимать ничего другого. Поэтому вообразили, что все сводится к факту сознательности и на этом-то факте была построена вся эмпирическая психология. Но позвольте спросить, разве есть в мире что-либо более согласное с нашим ощущением, нежели происходящая постоянно такая смена идей в нашем мозгу, в которой мы не принимаем никакого участия? Разве мы не твердо убеждены в такой непрерывной работе нашего ума, которая совершается помимо нас? Задача, впрочем, не была бы нисколько разрешена, если бы даже и удалось свести все наши идеи к некоторому ограниченному числу их и вполне установить их источник. Конечно, в нашем уме не совершается ничего, что не было бы так или иначе связано с совершившимся там ранее; но из этого никак не следует, чтобы каждое изменение моей мысли, изменение форм, которые она поочередно принимает, вызывалось моей собственной силой: здесь, следовательно, имеет место еще огромное воздействие, совершенно отличное от моего. Итак, эмпирическая теория устанавливает в лучшем случае некоторые явления нашей природы, но о всей совокупности явлений она не дает никакого понятия.

Наконец, собственное воздействие человека исходит действительно от него лишь в том случае, когда оно соответствует закону. Всякий раз как мы от него отступаем, действия наши определяются не нами, а тем, что̀ нас окружает. Подчиняясь этим чуждым влияниям, выходя из пределов закона, мы себя уничтожаем. С другой стороны, покоряясь божественной силе, мы никогда не имеем полного сознания этой силы; поэтому она никогда не может попирать нашей свободы. Итак, наша свобода заключается лишь в том, что мы не ощущаем нашей зависимости: этого достаточно, чтобы почесть себя совершенно свободными и солидарными со всем, что̀ мы делаем, со всем, что̀ мы думаем. К несчастью, человек понимает свободу иначе: он почигает себя свободным, говорит Ион, как дикий осленок

Да, я свободен, могу ли я в этом сомневаться? Пока я пишу эти строки, разве я не знаю, что я властен их не писать? Если провидение и определило мою судьбу бесповоротно, какое мне до этого дело, раз его власть мне не ощутительна? Но с идеей о моей свободе связана другая ужасная идея, страшное, беспощадное последствие ее — злоупотребление моей свободой и зло как его последствие. Предположим, что одна единственная молекула

вещества один только раз приняла движение произвольное, что она, например, вместо стремления к центру своей системы, сколько-нибудь отклонилась в сторону от радиуса, на котором находится. Что же при этом произойдет? Не сдвинется ли с места всякий атом в бесконечных пространствах? Не потрясется ли тотчас весь порядок мироздания? Мало того, все тела стали бы по произволу в беспорядке сталкиваться и взаимно разрушать друг друга. Но что же? Понимаете ли вы, что это самое делает каждый из нас в каждое мгновение? Мы то и дело вовлекаемся в произвольные действия и всякий раз мы потрясаем все мироздание. И эти ужасные опустошения в недрах творения мы производим не только внешними действиями, но каждым душевным движением, каждой из сокровеннейших наших мыслей. Таково зрелище, которое мы представляем всевышнему. Почему же он терпит все это? Почему не выметет из пространства этот мир возмутившихся тварей? И еще удивительнее, — зачем наделил он их этой страшной силой? Он так восхотел. Сотворим человека по нашему образу и подобию, — сказал он. Этот образ божий, его подобие — это наша свобода. Но сотворив нас столь удивительным образом, он к тому же одарил нас способностью знать, что мы противимся своему создателю. Можно ли поверить, что, даровав нам эту удивительную силу, как будто идущую в разрез с мировым порядком, он не восхотел дать ей должное направление, не восхотел просветить нас, как мы должны ее использовать? Нет. Слову всевышнего внимало сначала все человечество, олицетворенное в одном человеке, в котором заключались все грядущие поколения; впоследствии он просветил отдельных избранников, дабы они хранили истину на земле, и наконец, признал достойным одного из нас быть облеченным божественным авторитетом, быть посвященным во все его сокровенности, так что он стал с ним одно, и возложил на него поручение сообщить нам все, что̀ нам доступно из божественной тайны. Вот чему учит нас священная мудрость. Но наш собственный разум не говорит ли нам то же самое? Если бы не поучал нас бог, разве мог бы пробыть хотя бы мгновение мир, мы сами и что бы то ни было? Разве все не превратилось бы вновь в хаос? Это несомненно так, и наш собственный разум, как скоро он выходит из ослепления обманчивой самонадеянности, из полного погружения в свою гордыню, говорит то же, что и вера, а именно, что бог необходимо должен был поучать и вести человека с первого же дня его создания и что он никогда не переставал и не перестанет поучать и вести его до скончания века.

ПИСЬМО ПЯТОЕ[1]

Much of the soul they talk, but all awray.

Milton*

Вы видите, все приводит нас снова к абсолютному положению: закон не может быть дан человеческим разумом самому себе точно так же, как разум этот не в силах предписать закон любой другой созданной вещи. Закон духовной природы нам раз навсегда предуказан, как и закон природы физической: если мы находим последний готовым, то нет ни малейшего основания полагать, будто дело обстоит иначе с первым. Однако, свет нравственного закона сияет из отдаленной и неведомой области подобно сиянию тех солнц, которые движутся в иных небесах и лучи которых, правда, ослабленные, все же до нас доходят, нам надо иметь очи отверстыми для восприятия этого

* Они толкуют много о душе, но все превратно. Мильтон[2].

света, как только он заблестит перед нами. Вы видели, мы пришли к этому заключению путем логических выводов, которые вскрыли некоторые элементы тождества между тем и другим порядком: материальным и духовным. Школьная психология, [хотя и] имеет почти ту же отправную точку, приводит к другим последствиям. Она заимствует у естественных наук один лишь прием, прием наблюдения, т. е. именно то, что менее всего применимо к предмету ее изучения. И вот, вместо того, чтобы возвыситься до подлинного единства всего, она только смешивает то, что должно оставаться навеки раздельным, вместо закона она и находит хаос. Да, сомнения нет, имеется абсолютное единство во всей совокупности существ: это именно и есть то, что мы по мере сил пытаемся доказать; скажу больше: в этом-то и заключается основное верование всякой здравой философии. Но это единство объективное, стоящее совершенно вне ощущаемой нами действительности; нет сомнения, это факт огромной важности, и он бросает чрезвычайный свет на великое ВСЕ: он создает логику причин и следствий, но он не имеет ничего общего с тем пантеизмом, который исповедует большинство современных философов, печальное учение, сообщающее ныне свою ложную окраску всем философским направлениям и ввергающее все до единой современные системы, как бы они ни расточали своих обетов в верности спиритуализму, в необходимость обращаться с фактами духовного порядка совершенно так, как будто они имеют дело с фактами порядка материального.

Ум по природе своей стремится к единству, но к несчастию пока еще не поняли как следует, в чем заключается настоящее единство вещей. Чтобы в этом удостовериться, достаточно взглянуть на то, как большинство мыслящих понимает бессмертие души [3]. Вечно живой бог и душа, подобно ему вечно живая, одна абсолютная бесконечность и другая абсолютная бесконечность рядом с первой, — разве это возможно? Абсолютная бесконечность не есть ли абсолютное совершенство? Как же могут пребывать рядом два вечных существа, два существа совершенных? А дело вот в чем. Так как нет никакого логического основания предполагать в существе, состоящем из сознания и материи, одновременное уничтожение обеих составных частей, то человеческому уму естественно было прийти к мысли, что одна из этих частей может пережить другую. Но на этом и надо было остановиться. Пусть я проживу сто тысяч лет после того мгновения, которое я называю смертью и которое есть чисто физическое явление, с моим сознательным существом не имеющее ничего общего, отсюда еще далеко до бессмертия. Как все инстинктивные идеи человека, идея бессмертия души была сперва простой и разумной; но попав затем на слишком тучную почву востока, она там разрослась свыше меры и вылилась, в конце концов, в нечестивый догмат, в котором творение смешивается с творцом, так что черта, навеки их разделяющая, стирается, дух подавляется огромной тяжестью беспредельного будущего, все смешивается и запутывается. А затем—эта идея вторглась вместе со многим другим, унаследованным от язычников, в христианство, в этой новой силе она нашла себе надежную опору и смогла таким образом совершенно покорить себе сердце человека. Между тем, всякому известно, что христианская религия рассматривает бессмертие, как награду за жизнь совершенно святую, итак, если вечную жизнь приходится еще заслужить, то заранее обладать ею, очевидно, нельзя; будучи воздаянием за совершенную жизнь, как может она быть исходом существования, протекшего в грехе? Удивительное дело. Хотя дух человеческий осенен высочайшим из светочей, он все же не в силах овладеть полной истиной и постоянно мечется между истинным и ложным.

Всякая философия, приходится сказать это, по необходимости заключена в роковом круге без исхода. В области нравственности она сначала предписывает сама себе закон, а затем начинает ему подчиняться, неизвестно, ни как, ни почему; в области метафизики она всегда предварительно устанавливает какое-то начало, из которого затем, по ее воле вытекает целый мир

Lettre V.

„Much of the soul they talk, but all awry. – Milton

Vous voyez que tout nous ramène à ce principe absolu que la raison de l'homme ne saurait se donner une loi à elle-même, non plus qu'elle ne saurait en donner une à toute autre chose créée. Comme la loi de la nature physique, la loi de la nature morale nous est donc donnée une fois pour toutes : si nous trouvons l'âme toute faite, il n'y a nulle raison pour que nous ne trouvions l'autre toute faite aussi. Mais telle que la lumière de ces soleils qui roulent en d'autres cieux, mais dont le rayon nous parvient pourtant quoique affaibli, telle la lumière de la loi morale nous luit aussi d'une région lointaine et ignorée : à nous d'avoir l'oeil ouvert pour la recevoir alors qu'elle vient à briller devant nous. Vous avez vu que nous sommes arrivés à ces résultats par des inductions logiques qui nous ont fait découvrir certaines identités entre l'ordre matériel et l'ordre intellectuel. La psychologie de l'école part à peu près du même point, mais elle n'arrive pas aux mêmes conséquences. Elle ne prend de la science de la nature que l'observation, c'est-à-dire ce qu'il y a de moins applicable à l'objet de son étude. Au lieu donc de s'élever à la véritable unité des choses, elle ne fait que confondre ce qui doit demeurer éternellement séparé ; au lieu de trouver la loi, elle trouve le chaos. Sans doute il existe une unité absolue dans l'ensemble des êtres ; c'est précisément ce que nous-mêmes nous cherchons à démontrer de notre mieux, il y a plus : c'est là le cercle de toute saine philosophie. Mais cette unité, c'est l'unité objective, complètement en dehors de la réalité sensible ; fait immense sans doute, qui répand une lumière ineffable sur le grand Tout, qui donne la logique des causes et des fins, mais qui n'a rien de commun avec cette espèce de panthéisme que professent la plupart des philosophes de nos jours, doctrine funeste qui colore aujourd'hui de sa teinte fausse tous les systèmes philosophiques ; qui fait qu'il n'y a plus aujourd'hui de système quelconque qui, malgré ses beaux principes de spiritualisme, ne finisse par traiter le fait spirituel exactement comme s'il

АВТОГРАФ ПЯТОГО «ФИЛОСОФИЧЕСКОГО ПИСЬМА». ПЕРВАЯ СТРАНИЦА
Институт Русской Литературы, Ленинград

вещей, ею же созданных. Это — вечное petito principii[4] и при этом оно неизбежно: иначе все участие разума в этом деле свелось бы, очевидно, к нулю.

Вот, например, как поступает самая положительная, самая строгая философия нашего времени[5]. Она начинает с установления факта, что орудием познания является наш разум, а поэтому необходимо прежде всего научиться его познать; без этого, утверждает она, мы не сможем использовать его должным образом. Далее философия эта и принимается изо всех сил рассекать и разбирать самый разум. Но при помощи чего производит она эту необходимую предварительную работу, эту анатомию сознания? Не посредством ли этого самого разума? Итак, вынужденная в этой своей наипервейшей и главной операции взяться за орудие, которым она по собственному признанию не умеет еще владеть, как может она прийти к искомому познанию? Этого понять нельзя. Но и это еще не все. Более уверенная в себе, чем все прежние философские системы, она утверждает, что с разумом надо обращаться точь в точь как с внешними предметами. Тем же оком, которое вы направляете на [внешний] мир, вы можете рассмотреть и свое собственное существо: точно так, как вы ставите перед собой мир, можете вы перед собой поставить и самого себя, и как вы над миром размышляете и производите над ним опыты, так размышляйте и производите опыты над самим собой. Закон тождества, будучи общим природе и разуму, позволяет вам одинаково обращаться и с нею и с ним. На основании ряда тождественных явлений материального порядка вы выводите заключение об общем явлении, что же мешает вам из ряда одинаковых фактов заключать к всеобщему факту и в порядке умственном? Как вы в состоянии заранее предвидеть факт физический, с одинаковой уверенностью вы можете предвидеть и факт духовный; смело можно в психологии поступать так, как в физике. Такова эмпирическая философия. По счастью, философия эта стала в настоящее время уделом лишь нескольких отсталых умов, которые упорно топчутся на старых путях.

Но вот[6] свет уже пробивается сквозь обступающую нас тьму, и все движение философии, вплоть до эклектизма, который так благодушен и уступчив, что, кажется, только и помышляет о самоупразднении, наперебой стремится вернуть нас на более надежные пути. Среди умственных течений современности есть в частности [одно], которое приходится особенно выделить. Это род тонкого платонизма, новое порождение глубокой и мечтательной Германии; это преисполненный возвышенной вдумчивой поэзии трансцендент[аль]ный идеализм, который уже потряс ветхое здание философских предрассудков в самой их основе. Но [новое] направление пребывает пока на таких эфирных высотах, на которых захватывает дыхание. Оно как бы витает в прозрачном воздухе, порою светясь каким-то мягким и нежным отблеском, порою теряясь в неясных или мрачных сумерках, так что можно принять его за одно из фантастических видений, которые подчас появляются на южном небе, а через мгновение исчезают, не оставляя следа ни в воздухе, ни в памяти. Будем надеяться, что прекрасная и величественная мысль эта вскоре спустится в обитаемые пространства: мы будем ее приветствовать с живейшим сочувствием. А пока предоставим ей шествовать по ее извилистому пути, а сами пойдем намеченной себе дорогой, более надежной[7].

Так вот, если, как мы убедились, движение в мире нравственном, как и движение в мире физическом — последствие изначального толчка, то не следует ли из этого, что то и другое движение и в дальнейшем подчинены одним и тем же законам, а следовательно, все явления жизни духа могут быть выведены по аналогии? Значит, подобно тому, как столкновение тел в природе служит продолжением этого первого толчка, сообщенного материи, столкновение сознаний, также продолжает движение духа; подобно тому, как в природе всякая вещь связана со всем, что ей предшествует и что за ней следует, так и всякий отдельный человек и всякая мысль людей связаны со всеми людьми и со всеми человеческими мыслями, предшествующими и последую-

щими[8]: и как едина природа, так, по образному выражению Паскаля, и вся последовательная смена людей есть один человек, пребывающий вечно[9], и каждый из нас — участник работы сознания, которая совершается на протяжении веков. Наконец, подобно тому, как некая построяющая и непрерывная работа элементов материальных или атомов, т. е. воспроизведение физических существ, составляет материальную природу, подобная же работа элементов духовных или идей, т. е. воспроизведение душ, составляет природу духовную; и если я постигаю всю осязаемую материю как одно целое, то я должен одинаково воспринимать и всю совокупность сознаний, как единое и единственное сознание.

Главный рычаг образования душ есть без сомнения слово: без него нельзя себе представить ни происхождения сознания в отдельной личности, ни его развития в человеческом роде[10]. Но одно только слово недостаточно для того, чтобы вызвать великое явление всемирного сознания, слово далеко не единственное средство общения между людьми, оно, следовательно, совсем не обнимает собой всю духовную работу, совершающуюся в мире. Тысячи скрытых нитей связывают мысли одного разумного существа с мыслями другого; наши самые сокровенные мысли находят всевозможные средства вылиться наружу; рассеиваясь, скрещиваясь между собой, они сливаются воедино, сочетаются, переходят из одного сознания в другое, обсеменяют, оплодотворяют — и, в конце концов, порождают общее сознание. Иногда случается, что проявленная мысль как будто не производит никакого действия на окружающее; а между тем — движение передалось, толчок произошел; в свое время мысль найдет другую, родственную, которую она потрясет, прикоснувшись к ней, и тогда вы увидите ее возрождение и поразительное действие в мире сознаний. Вы знаете такой физический опыт: подвешивают несколько шариков в ряд: отстраняют первый шарик, и последний шарик отскакивает, а промежуточные остаются неподвижными. Вот так передается и мысль, проносясь сквозь головы людей *. Сколько великих и прекрасных мыслей, откуда-то явившихся, охватили бесчисленные массы и поколения. Сколько возвышенных истин живет и действует, властвуя или светясь среди нас, и никто не знает, ни откуда явились эти внушительные силы или блестящие светочи, ни как они пронеслись через времена и пространства. Цицерон где-то сказал: «Природа так устроила человеческий облик, что он выявляет чувства, скрытые в сердце: что бы мы ни чувствовали, глаза наши всегда это отражают»[11]. Это совершенно верно: в разумном существе все выдает его затаенную мысль; весь человек целиком сообщается ближнему, и так происходит зарождение сознаний. Ибо сознание возникает ничуть не более чудесными путями, чем все остальное. Здесь такое же зарождение, как и всякое другое. Один и тот же закон имеет силу при любом воспроизведении, какова бы ни была его природа: все возникает через соприкосновение или слияние существ: никакая сила, никакая власть, обособленная от других, не может оказать своего действия. Необходимо только принять во внимание, что самый факт зарождения происходит где-то вне нашего непосредственного наблюдения. Подобно тому, как в физическом мире вы наблюдаете действие различных природных сил — притяжения, ассимиляции, сродства и т. п., но в последнем счете подходите к факту неуловимому, к самому акту, сообщающему физическую жизнь, — и в мире духовном мы ясно различаем последствия, вызванные различными человеческими силами, но, в конце концов, мы подходим к чему-то, что ускользает от нашего непосредственного восприятия, к самому акту передачи духовной жизни.

А что такое то мировое сознание, которое соответствует мировой мате-

---

* Известно, что знаменитое доказательство бытия божия, приписываемое Декарту, восходит к Ансельму, жившему в XI в. Доказательство оставалось погребенным в каком-то уголке человеческого сознания в течение почти 500 лет, пока не явился Декарт и не вручил его философии.

рии и на лоне которого протекают явления духовного порядка подобно тому, как явления порядка физического протекают на лоне материальности? Это не что иное, как совокупность всех идей, которые живут в памяти людей. Для того, чтобы стать достоянием человечества, идея должна пройти через известное число поколений; другими словами, идея становится достоянием всеобщего разума лишь в качестве традиции. Но речь идет здесь отнюдь не только о тех традициях, которые сообщаются человеческому уму историей и наукой: эти традиции составляют лишь часть мировой памяти. А много есть и таких, которые никогда не оглашались перед народными собраниями, никогда не были воспеты рапсодами, никогда не были начертаны ни на колоннах, ни в хартиях; самое время их возникновения никогда не было проверено исчислением и приурочено к течению светил небесных; критика никогда не взвешивала их на своих пристрастных весах; их влагает в глубину душ неведомая рука, их сообщают сердцу новорожденного первая улыбка матери, первая ласка отца. Таковы всесильные воспоминания, в которых сосредоточен опыт поколений: всякий в отдельности их воспринимает с воздухом, которым дышит. И в этой-то среде совершаются все чудеса сознания. Правда, этот сокрытый опыт веков в целости не доходит до каждой частицы человечества; но он все же составляет духовную сущность вселенной, он переливается в жилах человеческих рас, он воплощается в образовании их тел и, наконец,— служит продолжением других традиций, еще более таинственных, не имеющих корней на земле, но составляющих отправную точку всех обществ: твердо установлено, что в каждом племени, как бы оно ни обособилось от *основного мирового* движения, всегда находятся некоторые представления, более или менее отчетливые, о высшем существе, о добре и зле, о том, что справедливо и что несправедливо: без этих представлений невозможно было бы существование племени совершенно так же, как и без грубых произведений земли, которую племя попирает, и деревьев, которые дают ему приют. Откуда эти представления? Никто этого не знает; предания — вот и все; докопаться до их происхождения невозможно: дети восприняли их от отцов и матерей — вот и вся их родословная. А затем на эти первоначальные понятия нисходят века, на них скапливается опыт, на них созидается наука, из этой невидимой основы вырастает человеческий дух. И вот как, путем наблюдений действительности, мы подошли к тому самому, к чему привело нас и рассуждение: к начальному толчку, без которого, как мы убедились, ничего бы не двинулось в природе и который необходим здесь точно так, как и там.

И скажите на милость, можете ли вы допустить сознательное существо без всякой мысли? Можете ли вы представить себе в человеке разум, ранее чем он пустил его в дело? Можете ли вы себе представить что́-либо в голове ребенка до того, как ему было преподано нечто свидетелями появления его на свет? Находили детей среди лесных зверей, нравы которых эти дети себе усвоили; они затем восстанавливали свои умственные способности; но эти дети не могли быть покинуты с первых дней своего существования. Детеныш самого сильного животного неизбежно погибнет, оставленный самкой тотчас же после родов; а человек — слабейшее из животных, он требует кормления грудью в течение шести или семи месяцев, даже череп его остается незакостеневшим несколько дней после рождения, как бы он мог просуществовать первое время своей жизни, не попав в материнские руки? Значит, дети эти до разлуки с родителями восприняли духовное семя [12]. Я ручаюсь, что человек, очутившийся без родителей или иного человеческого существа, как только открылись на свет его глаза, если бы он ни разу не ощутил на себе взгляда одного из себе подобных, не воспринял бы ни единого звука их голоса и в таком отчуждении вырос до сознательного возраста, ничем не отличался бы от других млекопитающих, которых натуралист причислит к тому же роду. Может ли быть что-либо бессмысленнее, чем предположение,

Ст. 2. / Мф и Акад. Комитета 27-го Октября

№ 435.

Октября 24.

МИНИСТЕРСТВО

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Канцелярія

24 Октября 1836 года.

№ 1333.

Господину Попечителю С. Петербургскаго Учебнаго Округа.

По случаю помѣщенной въ 15-мъ нумерѣ журнала Телескопъ, статьи: Философическія письма, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть изволилъ: журналъ сей запретить, а Цензора, пропустившаго означенную статью — отрѣшить отъ должности.

Сообщая о таковой Высочайшей волѣ Вашему Сiятельству, я покорнѣйше прошу поставить на видъ г.г. Цензорамъ С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета и Издателямъ здѣшнихъ повремен-

ПРЕДПИСАНИЕ С. С. УВАРОВА О ЗАКРЫТИИ «ТЕЛЕСКОПА» И УВОЛЬНЕНИИ ЦЕНЗОРА
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Институт Русской Литературы. Ленинград

нихъ сочиненій, для предотвращенія ихъ, что несоблю-
деніе правилъ Цензурнаго Устава и предписаній выс-
шаго Начальства первыми и небрежное исполненіе
обязанностей своихъ по даннымъ подпискамъ послѣд-
ними, будетъ имѣть неминуемымъ слѣдствіемъ
такое же распоряженіе.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Сергій Уваровъ

Директоръ Новосильскій

ПРЕДПИСАНИЕ С. С. УВАРОВА О ЗАКРЫТИИ «ТЕЛЕСКОПА» И УВОЛЬНЕНИИ ЦЕНЗОРА
ВТОРАЯ СТРАНИЦА

Институт Русской Литературы, Ленинград

будто каждая человеческая личность, как животное, является начинателем своей породы? А между тем, именно такова гипотеза, служащая основой всего идеологического построения. Предполагают, что это крохотное неоформившееся существо, еще связанное через пуповину с чревом матери,— одарено разумом. Но чем это продтверждается? Неужели по гальваническому содроганию, которое в нем заметно, определите вы небесный дар, ему уделенный? Или в бессмысленном его взгляде, в его слезах, в пронзительном крике распознали вы существо, созданное по образу божию? Есть в нем, спрашиваю я, какая-нибудь мысль, которая бы не вытекала из небольшого круга понятий, вложенных в его голову матерью, кормилицей или другим человеческим существом в первые дни его бытия? Первый человек не был крикливым ребенком, он был человеком сложившимся, поэтому он вполне мог быть подобен богу и, разумеется, был ему подобен: но, конечно, уж вовсе не подобен образу божию людской зародыш. Истинную природу человека составляет то, что из всех существ он один способен просвещаться беспредельно: в этом и состоит его превосходство над всеми созданиями. Но для того, чтобы он мог возвыситься до свойств разумного существа, необходимо, чтобы чело его озарилось лучем высшего разума. В день создания человека бог с ним беседовал и человек слушал и понимал его: таково истинное происхождение человеческого разума; психология никогда не отыщет объяснения более глубокого. В дальнейшем он частью утратил способность воспринимать голос бога, это было естественным следствием дара полученной им неограниченной свободы. Но он не потерял воспоминания о первых божественных словах, которые раздались в его ухе. Вот этот-то первый глагол бога к первому человеку, передаваемый от поколения к поколению, поражает человека в колыбели, он-то и вводит человека в мир сознаний и превращает его в мыслящее существо. Тем же действием, которое бог совершал, чтобы исторгнуть человека из небытия, он пользуется и сейчас для создания всякого нового мыслящего существа. Это именно бог постоянно обращается к человеку через посредство ему подобных.

Таким образом, представление о том, будто человеческое существо является в мир с готовым разумом, не имеет, как вы видите, никакого основания ни в опытных данных, ни в отвлеченных доводах. Великий закон постоянного и прямого воздействия высшего начала повторяется в общей жизни человека, как он осуществляется во всем творении. Там — это сила, заключающаяся в количестве, здесь — это принцип, заключающийся в традиции; но в обоих случаях повторяется одно и то же: внешнее воздействие на существо, каково бы оно ни было, воздействие сначала мгновенное, а затем— длительное и непрерывное.

Как бы ни замыкаться в себе, как бы ни копаться в сокровенных глубинах своего сердца, мы никогда там ничего не найдем, кроме мысли, унаследованной от наших предшественников на земле. Это разумение, как его ни разлагать, как его ни расчленять на части, оно всегда останется разумением всех поколений, сменившихся со времен первого человека и до нас; и когда мы размышляем о способностях нашего ума, мы пользуемся лишь более или менее удачно этим самым мировым разумом, с тем, чтобы наблюдать ту его долю, которую мы из него восприняли в продолжение нашего личного существования. Что означает то или иное свойство души? Это идея, идея, которую мы находим в своем уме вполне готовой, не зная, как она в нем появилась, а эта идея в свою очередь вызывает другую. Но первая-то идея, откуда по вашему может в нас возникнуть она, если не из того океана идей, в который мы погружены? Лишенные общения с другими сознаниями, мы [мирно] щипали бы траву, а не рассуждали бы о своей природе. Если не согласиться с тем, что мысль человека есть мысль рода человеческого, то нет возможности понять, что она такое. Подобно всей остальной части в созданной вселенной, ничего в мире сознаний не может быть постигнуто совершенно

обособленным, существующим самим собою. И, наконец, если справедливо что в верховной или объективной действительности разум человеческий на самом деле лишь постоянное воспроизведение мысли бога, то его разум во времени, или разум субъективный, очевидно, тот, который он, благодаря свободной воле, сам себе создал. Правда, школьная мудрость не считается со всем этим: для нее существует только один и единственный разум; для нее данный человек и есть тот, каким он вышел из рук создателя; [хотя и] созданный свободным, он не употребил во зло своей свободы; при всем своем своеволии, он, подобно неодушевленным предметам, пребыл неизменным, повинуясь непреклонной силе; заблуждения без счета, грубейшие предрассудки, им порожденные, преступления, которыми он запятнал себя, — ничего из всего этого якобы не оставило следа в его душе. Вот он— тот самый, каким он был в тот день, когда божественное дыхание оживило его земное существо, он столь же чист, столь же непорочен, как тогда, когда еще ничто не осквернило его юной природы; для этой школьной мудрости человек постоянно один и тот же; всегда и всюду; мы именно таковы, какими должны были быть; и вот — это скопище мыслей, неполных, фантастических, несогласованных, которое мы именуем человеческим умом, по ее мнению оно именно и есть чистый разум, небесная эманация, истекшая из самого бога; ничто его не изменило, ничто его не коснулось. Так рассуждает человеческая мудрость.

Тем не менее, ум человеческий всегда ощущал потребность сызнова себя перестроить по идеальному образцу. До появления христианства он только и делал, что работал над созданием этого образца, который постоянно ускользал от него и над которым он постоянно продолжал трудиться; это и составляло великую задачу древности. В то время человек поневоле был обречен на искание образца в самом себе. Но удивительно то, что и в наши дни, имея перед собой возвышенные наставления, преподанные в христианстве, философ все еще подчас упорно пребывает в том кругу, в котором был замкнут древний мир, а не помышляет о поисках образца совершенного разума вне человеческой природы, не думает, например, обратиться к возвышенному учению, предназначенному сохранить в среде людей древнейшие традиции мира, к той удивительной книге, которая столь явственно носит на себе печать абсолютного разума, т. е. именно того разума, который он ищет и не может найти. Стоит только несколько вдуматься с искренней верой в учение, раскрытое откровением, — и вас поразит то величавое выражение духовного совершенства, которое в этом учении царит нераздельно, вам откроется, что все выдающиеся умы, вами там встреченные, составляют лишь части одного обширного разума, который заполняет и пронизывает тот мир, в котором прошедшее, настоящее и будущее составляют одно неразделимое целое; вы почувствуете, что все там ведет к постижению природы такого разума, который не подчинен условиям времени и пространства, и [именно] того, которым человек некогда обладал, который он утратил и который он некогда вновь обретет, [тот самый], который был нам явлен в лице Христа. Заметьте, что по этому вопросу философский спиритуализм ничем не разнится от противоположной системы, ибо, все равно, признаем ли мы человеческое разумение за пустое место, согласившись со старой формулой сенсуалистов — нет ничего в уме, что бы не было сперва в ощущении, или же предположим ли мы, что разум действует по присущей ему собственной силе и повторим за Декартом: я замыкаю все свои ощущения и я живу[13], и в том и в другом случае мы все же будем иметь дело с тем разумом, который мы сейчас в себе находим, а не с тем, который был нам дарован изначала; поэтому мы будем исследовать вовсе не подлинное духовное начало, но начало искаженное, искалеченное, извращенное произволом человека.

Впрочем, из всех известных систем, несомненно, самая глубокая и пло-

П. Я. ЧААДАЕВ

Литография 40-х гг. с надписью А. И. Герцена: «Виктору Ивановичу Касаткину от друга Чаадаева А. Герцена. 18 марта 1866 г. Chat[eau] de la Boissière»

Институт Русской Литературы, Ленинград

дотворная по своим последствиям есть та, которая стремится, для того чтобы отчетливо понять явление разумности, добросовестно построить совершенно отвлеченный разум, существо исключительно мыслящее, не восходя при этом к источнику духовного начала [14]. Но так как материалом, из которого эта система строит свой образец, служит ей человек в теперешнем его состоянии, то она все-таки вскрывает перед нами разум искусственный, а не разум первоначальный. Глубокий мыслитель, творец этой философии, не усмотрел, что все дело [заключалось] [15] только в том, чтобы представить себе разум, который бы имел одно волевое устремление: обрести и вызвать к действию разум высший, но такой разум, свойство (mode) движения которого заключалось бы в совершенном подчинении закону, подобно всему существующему, а вся его сила сводилась бы к безграничному стремлению слиться с тем другим разумом. Если бы он избрал это своей исходной точкой, он бы, конечно, пришел к идее разума воистину чистого, потому что разум этот был бы простым отражением абсолютного разума и анализ этого разума привел бы его без сомнения к последствиям огромной важности, а сверх того он не впал бы в ложное учение об автономии человеческого разума, о каком-то императивном законе, находящемся внутри самого нашего разума и дающем ему способность собственным порывом возвышаться до всей полноты доступного ему совершенства, наконец, другая, еще более самонадеянная философия, философия всемогущества человеческого Я, не была бы ему обязана своим существованием [16].

Но все же надо воздать ему должное: его создание и в теперешнем своем виде заслуживает с нашей стороны всяческого уважения. Тому направлению, которое он придал философским знаниям, обязаны мы всеми здравыми идеями современности, сколько их ни есть в мире; и мы сами — только логическое последствие его мысли. Он положил уверенной рукой пределы человеческому разуму; он выяснил, что разум этот принужден принять два самых глубоких своих убеждения, а именно: существование бога и неограниченное свое бытие, не имея возможности их доказать; он научил нас тому, что существует верховная логика, которая не подходит под нашу мерку и которая вне зависимости от нашей воли над нами тяготеет, и что имеется мир, отличный от нашего, а вместе с тем пребывающий одновременно с тем, в котором мы мечемся, и мир этот наш разум вынужден признать под опасением в противном случае самому ввергнуться в небытие, и, наконец, что именно отсюда мы должны почерпнуть все наши познания, чтобы затем применить их к миру реальному. И все же в конце концов приходится признать и то, что ему было предназначено только проложить новый путь философии и что если он оказал великие услуги человеческому духу, то лишь в том смысле, что заставил его вернуться вспять.

В итоге произведенного нами сейчас исследования получается следующее. Сколько ни есть на свете идей, все они последствия некоторого числа передаваемых традиционно понятий, которые так же мало составляют достояние отдельного разумного существа, как природные силы — принадлежность особи физической. Архитипы Платона, врожденные идеи Декарта, a priori Канта [17], все эти различные элементы мысли, которые всеми глубокими мыслителями по необходимости признавались за предваряющие какие бы то ни было проявления души, за предшествующие всякому опытному знанию и всякому самостоятельному действию ума, все эти изначала существующие зародыши разума сводятся к идеям, которые переданы нам от сознаний, предваривших нас к жизни и предназначенных ввести нас в наше личное бытие. Без восприятия этих результатов человек был бы просто на просто двуногим или двуруким млекопитающим, ни более, ни менее, и это несмотря на лицевой угол, близкий к прямому, несмотря на размер своей черепной коробки, несмотря на вертикальное положение своего тела и т. д. Вложенные чудесным образом в сознание первого человеческого существа

в день его создания той же рукой, которая направила планету по эллиптической орбите, которая привела в движение мертвую материю, которая даровала жизнь органическому существу, — именно эти-то идеи сообщили разуму свойственное ему движение и кинули человека в тот огромный круг, который ему предначертано пробежать. Идеи эти, возникающие посредством взаимного соприкосновения душ и в силу таинственного начала, которое увековечивает в созданном сознании действие сознания верховного, поддерживают жизнь природы духовной таким же порядком, как сходное соприкосновение и аналогичное начало поддерживают жизнь природы материальной. Так продолжается во всем первичное воздействие; так оно выливается окончательно в некое провидение, постоянное и непосредственное, простирающее свое действие на всю совокупность существа.

Раз это установлено, ясно, что̀ нам еще должно исследовать: нам остается лишь проследить движение этих традиций в истории человеческого рода, чтобы выяснить, каким образом и где идея, первоначально вложенная в сердце человека, сохранилась в целости и чистоте [18].

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ [1]

Да, сударыня, пришло время говорить простым языком разума. Нельзя уже более ограничиваться слепой верой, упованием сердца; пора обратиться прямо к мысли. Чувству самому по себе не проложить себе пути через всю эту груду искусственных потребностей, враждебных друг другу интересов, беспокойных забот, овладевших жизнью. Во Франции и Англии она стала слишком сложной, слишком подвластной интересам, слишком личной; в Германии — она слишком отвлеченна, слишком эксцентрична, так что веления сердца утрачивают там свою по существу присущую им силу. А об остальном мире сейчас не стоит и говорить. Приходится ныне свести вопрос к одной, основанной на учете всех возможностей задаче, разрешение которой было бы по плечу всем сознаниям, подходило бы ко всяким настроениям, не поражало бы ничьих наличных интересов и таким образом могло бы увлечь даже самые упорные умы.

Это не значит, что предметы чувства навсегда изъяты из мира мысли. Не дай бог, настанет вновь и их черед. И тогда мы их увидим столь сильными, широкими, чистыми, какими они еще никогда не бывали. Я не сомневаюсь, время это скоро настанет. Но в наши дни, в данной обстановке, чувствам не дано потрясать души. Очень важно проникнуться этим сознанием. Правда, сейчас заметно некоторое пробуждение живых дарований, свойственных юношеской поре человечества. Но это лишь заря прекрасного дня; равнины пока сплошь покрыты сумеречной тенью, только некоторые вершины начинают загораться первыми лучами рассвета.

Для всякого, кому истина не безразлична, явные признаки ее налицо. Знаете ли вы, сударыня, что̀ я разумею под этими признаками? Это вся совокупность исторических фактов, должным образом проработанных. Сейчас их надо свести в стройное целое, облечь в доступную форму и так их выразить, чтобы они подействовали на душу людей, самых равнодушных к добру, менее всего открытых правде, на тех, кто еще толчется в прошлом, когда для всего мира оно уже миновало и, конечно, более не вернется, но которое еще живо для ленивых сердец, для низменных душ, никогда не угадывающих настоящего дня, а вечно пребывающих во вчерашнем.

Окончательное просветление должно вытечь из общего смысла истории. И этот смысл должен быть впредь сведен к идее высшей психологии, а именно, чтобы раз навсегда человеческое существо было постигнуто как разумное существо в отвлечении, а отнюдь не существо обособленное и личное, ограниченное в данном моменте, т. е. насекомое-поденка, в один

и тот же день появляющееся на свет и умирающее, связанное с совокупностью всего одним только законом рождения и тления. Да, надо обнаружить то, чем действительно жив человеческий род: надо показать всем таинственную действительность, которая в глубине духовной природы и которую пока еще усматривают только при некотором особом озарении. Лишь бы не быть слишком исключительным, мечтательным, или схематичным, а главное — лишь бы говорить с веком языком века, а не устарелым языком догмата, ставшим непонятным, и тогда, без всякого сомнения, успех обеспечен, именно в наше время, когда и разум, и наука, и даже искусство страстно рвутся навстречу новому нравственному перевороту, как это было и в великую эпоху спасителя мира.

Я вам уже не раз говорил о влиянии христанской инстины на общество. Но я сказал не все. Трудно этому поверить, а между тем то, что я скажу, совсем еще новая мысль: нравственное значение христианства достаточно оценено, но о чисто умственном его действии, о могучей силе его логики почти еще не думают. Ничего еще не было сказано о том значении, которое имело христианство в развитии и в образовании современной мысли. Пока еще не осознано, что вся наша аргументация — христианская; мы все еще мыслим себя в царстве категорий и силлогизмов Аристотеля. Дело в том, что нескончаемые сетования философов и отщепенцев на те века, когда якобы всесильны были одни только предрассудки, невежество и изуверство, заставили нас совершенно упустить из виду, как благодетельно было действие веры. Так что, когда пыл неверия миновал, самые праведные и смиренные уже оказались чуждыми на собственной своей почве и лишь с большим трудом вновь водворяли в своих мыслях все на свои места. Правда, эти умы к тому же не интересуются в должной мере изучением чисто человеческой действительности. Они к этому относятся слишком пренебрежительно. По привычке созерцать действия сверхчеловеческие, они не замечают действующих в мире природных сил и почти совсем упускают из виду вещественные условия умственной деятельности. Как бы то ни было, пора современному разуму признать, что всей своей силой он обязан христианству. Пора уразуметь, что лишь при содействии необычайных средств, дарованных откровением, и благодаря той живой ясности, которую оно сумело внести во все предметы человеческого мышления, воздвигнуто величавое здание современной науки. Эта горделивая наука должна, наконец, сама признать, что она так высоко поднялась только благодаря строгой дисциплине, незыблемости принципов, и прежде всего, благодаря инстинкту и страстному исканию истины, которые она нашла в учении Христа.

По счастью, мы живем уже не в те времена, когда партийное упорство принималось за убеждение, а выпады сект — за благочестивое рвение. Можно поэтому надеяться, что удастся сговориться. Но вы, конечно, согласитесь, что не истине делать уступки. И тут дело не в требованиях этикета: для законного авторитета уступка означала бы отказ от всякой власти, всякой активной роли, уступка была бы самоуничтожением. Вопрос тут не в поддержании престижа, не в каком-либо внешнем впечатлении. Всякий престиж навсегда утратил значение, и иллюзии отошли в вечность. Дело идет о самой реальной вещи, более реальной, чем это можно выразить словами. Ведь протекшее определяет будущее: таков закон жизни. Отказаться от своего прошлого значит лишить себя будущего. Но те триста лет, которые числит за собой великое христианское заблуждение, вовсе не такое воспоминание, которое не могло бы быть при желании стерто. Отколовшиеся могут поэтому по произволу строить свое будущее. Исконная община изначала дышала лишь надеждой и верой в обещанное ей предназначение, а они — пребывали до сих пор без всякой идеи будущего.

Необходимо, однако, прежде всего выяснить одно важное обстоятель-

ami, madame,

Le temps est venu de parler le langage de la simple raison. Il ne s'agit plus de foi aveugle, de croyances du cœur; il faut s'adresser directement à la pensée. Le sentiment ne saurait plus se faire jour à travers cette foule de besoins factices, d'intérêts violents, de préoccupations inquiètes, qui envahissent la vie. En France, en Angleterre, l'existence est devenue trop compliquée, trop intéressée, trop personnelle; en Allemagne elle est trop abstraite, trop scientifique, pour que les puissances du cœur y puissent produire leur effet légitime. Le reste du monde, pour le moment, ne compte pas. Il faut chercher aujourd'hui à tout réduire, s'il se peut, à un seul problème de probabilités, dont la solution serait au niveau de toutes les intelligences, s'accorderait avec toutes les humeurs, ne blesserait aucun des intérêts présents, et emporterait ainsi les esprits les plus rebelles.

Ce n'est pas à dire que les choses du sentiment soient à jamais exclues du monde intellectuel. A Dieu ne plaise! Leur tour reviendra. Elles y reparaîtront alors plus puissantes, plus larges, plus pures que jamais. Je ne doute pas que ce moment n'arrive bientôt. Mais aujourd'hui, dans le présent état, à elles n'est pas donné de mouvoir les âmes. Il est trop important de se remplir de cette conscience. Si un certain réveil des vues religieuses de la plus grande partie du genre humain, se fait apercevoir en ce moment, ce n'est que l'aurore d'un beau jour; la campagne est encore toute couverte des ombres du crépuscule, quelques sommités seulement commencent à se colorer des premiers feux du jour naissant.

Les preuves matérielles de la vérité sont complètes, pour qui les connaît de la vérité. Vous savez, madame, ce que j'entends par preuves matérielles de la vérité? La masse des faits historiques dûment analysés. Il faut à cette heure les résumer en un cadre systématique et populaire, les formuler de façon à ce qu'ils fassent impression sur les esprits les plus froids au bien, les plus fermés au vrai, et qui se débattent encore dans le temps passé, encore

АВТОГРАФ ВОСЬМОГО «ФИЛОСОФИЧЕСКОГО ПИСЬМА». ПЕРВАЯ СТРАНИЦА
Институт Русской Литературы, Ленинград

ство. Между предметами, которые способствуют сохранению истины на земле, одним из наиболее существенных является, без сомнения, священная книга нового завета. К книге, содержащей подлинный акт установления нового строя на земле, естественно относятся с особым непререкаемым уважением. Слово писанное не улетучивается, как слово произнесенное. Оно кладет свою печать на разум. Оно его сурово подчиняет себе своею нерушимостью и длительным признанием святости. Но вместе с тем, кодифицируя дух, слово лишает его подвижности, оно гнетет его, втесняя его в узкие рамки писания, и всячески его сковывает. Ничто так не задерживает религиозную мысль в ее высоком порыве, в ее беспредельном шествии вперед, как книга, ничто так не затрудняет вполне прочного утверждения религиозной мысли в человеческой душе. В религиозной жизни все теперь основано на букве, и подлинный голос воплощенного разума пребывает немым. С амвонов истины раздаются только лишенные силы и авторитета слова. Проповедь стала лишь случайным явлением в строительстве добра. А между тем, — надо же, наконец, прямо признать это, — проповедь, переданная нам в писании, была, само собою разумеется, обращена к одним присутствовавшим слушателям. Она не может быть одинаково понятна для людей всех времен и всех стран. По необходимости она должна была принять известную местную и современную ей окраску, а это замыкает ее в такие пределы, вырваться из которых она может лишь с помощью толкования, более или менее произвольного и вполне человеческого. Так может ли это древнее слово всегда вещать миру с той же силой, как в то время, когда оно было подлинной речью своего века, действительной силой данного момента! Не должен ли раздаться в мире новый голос, связанный с ходом истории, такой, чтобы его призывы не были никому чужды, чтобы они одинаково гремели во всех концах земли и чтобы отзвуки и в нынешнем веке на перебой его схватывали и разносили его из края в край вселенной.

Слово, — обращенный ко всем векам глагол, — это не одна только речь спасителя, это весь его небесный образ, увенчанный его сиянием, покрытый его кровью, с распятием на кресте. Словом, тот самый, каким бог раз навсегда запечатлел его в людской памяти. Когда сын божий говорил, что он пошлет людям духа и что он сам пребудет среди них вечно, неужели он помышлял об этой книге, составленной после его смерти, где худо ли, хорошо ли, рассказано об его жизни и его речах и собраны некоторые записи его учеников? Мог ли он полагать, что эта книга увековечит его учение на земле? Конечно, не такова была его мысль. Он хотел сказать, что после него явятся люди, которые так вникнут в созерцание и изучение его совершенств, которые так будут преисполнены его учением и примером его жизни, что нравственно они составят с ним о д н о ц е л о е, что эти люди, следуя друг за другом из поколения в поколение, будут передавать из рук в руки всю его мысль, все его существо: вот что он хотел сказать и вот именно то, чего не понимают. Думают найти все его наследие в этих страницах, которые столько раз искажены были различными толкователями, столько раз сгибались по произволу.

[Как известно, христианство упрочилось без содействия какой бы то ни было книги. Начиная со второго века оно уже покорило мир. И с тех пор человеческий род был ему подчинен безвозвратно.]

Воображают, что стоит только распространить эту книгу по всей земле, и земля обратится к истине: жалкая мечта, которой так страстно предаются отпадшие.

Его божественный разум живет в людях, таких, каковы мы и каков он сам, а вовсе не в составленной церковью книге. И вот почему упорная привязанность со стороны верных преданию к поразительному догмату о дей-

1

№ 650 Получ. сентября 4 1832.

Lettre VI.

Deux lettres sur l'histoire.

adressées à une dame.

« On peut demander comment, au milieu de tant de secousses, de guerres intestines, de conspirations, de crimes et de folies, il y a eu tant d'hommes qui aient cultivé les arts utiles et les arts agréables en Italie, et ensuite dans les autres états chrétiens, c'est ce que nous ne voyons pas sous la domination des Turcs.

Voltaire. Essai sur les Moeurs.

Moscou

Imprimerie de A. Semen

1832

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПРЕДСТАВЛЕННОЙ В ЦЕНЗУРУ В ОКТЯБРЕ 1832 г. РУКОПИСИ П. Я. ЧААДАЕВА «ДВА ПИСЬМА ОБ ИСТОРИИ», ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ ШЕСТОЕ И СЕДЬМОЕ «ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА»

Институт Русской Литературы, Ленинград

ствительном присутствии тела в евхаристии и их незнающее пределов поклонение телу спасителя столь достойны уважения. Именно в этом лучше всего постигается источник христианской истины: здесь всего убедительнее обнаруживается необходимость стараться всеми доступными средствами делать действительным присутствие среди нас богочеловека, вызывать беспрестанно его телесный образ, чтобы иметь его постоянно перед глазами, во всем его величии, как образец и вечное поучение нового человечества. По-моему, это заслуживает самого глубокого размышления. Этот странный догмат об евхаристии, предмет издевательства и презрения, открытый со стольких сторон злым нападкам человеческих доводов, сохраняется в некоторых умах, несмотря ни на что, нерушимым и чистым. В чем тут дело? Не для того ли, чтобы когда-нибудь послужить средством единения между разными христианскими учениями? Не для того ли, чтобы в свое время выявить в мире новый свет, который пока еще скрывается в тайнах судьбы? Я в этом не сомневаюсь.

Итак, хотя печать, наложенную человеческой мыслью, надо признать необходимой составной частью нравственного мира, настоящая основа слияния сознаний и мирового развития разумного существа, на самом деле, содержится в ином, а именно в живом слове, в слове, которое видоизменяется по временам, странам и лицам, и пребывает всегда тем, чем оно должно быть, которое не нуждается ни в разъяснениях, ни в толковании, подлинность которого не требует защиты на основе канонов — в слове, этом естественном орудии нашей мысли. Так что предположение, будто вся мудрость заключается в столбцах одной книги, как это утверждают протестанты, не скажу даже — не правоверно, оно, во всяком случае, не имеет ничего общего с философией. А с другой стороны, несомненно, есть высшая философия в этих столь устойчивых верованиях, заставляющих людей закона признавать другой источник истины, более чистый, другой авторитет, менее земной.

Надо уметь ценить этот христианский разум столь уверенный в себе, столь точный в этих людях: это инстинкт правды, это последствие нравственного начала, перенесенного из области поступков в область сознания; это бессознательная логика мышления, вполне подчинившегося дисциплине. Удивительное понимание жизни, принесенное на землю создателем христианства; дух самоотвержения; отвращение от разделения; страстное влечение к единству: вот что сохраняет христиан чистыми при любых обстоятельствах. Так сохраняется раскрытая свыше идея, а через нее совершается великое действие слияния душ и различных нравственных сил мира в одну душу, в единую силу. Это слияние — все предназначение христианства. Истина едина: царство божие, небо на земле, все евангельские обетования — все это не иное что, как прозрение и осуществление соединения всех мыслей человечества в единой мысли; и эта единая мысль есть мысль самого бога, иначе говоря, — о с у щ е с т в л е н н ы й н р а в с т в е н н ы й з а к о н. Вся работа сознательных поколений предназначена вызвать это окончательное действие, которое есть предел и цель всего, последняя фаза человеческой природы, разрешение мировой драмы, великий апокалиптический синтез.

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОМУ ПИСЬМУ

[1] Второе письмо, не по гагаринскому, а по настоящему счету, тесно примыкает к первому, вступительному. То кончалось словами: «На этот раз вам не придется долго ждать: завтра снова берусь за перо.» А это начинается: «Если я удачно передал намедни мою мысль»...

Письмо резко разделяется на две почти равные части. Первая написана в стиле первого письма, с такими же подробными советами якобы по адресу корреспондентки Чаадаева и с рассуждениями и примерами из области русской действи-

тельности и истории: здесь раздаются самые, может быть, сильные обличения и горькие жалобы на всем протяжении всех восьми писем. Вторая часть посвящена уже общим философским рассуждениям и тесно примыкает к следующим письмам.

[2] Чрезвычайно показательно для понимания Чаадаевым христианства проводимое здесь отрицательное отношение к аскетизму.

[3] Все эти картины природы, повидимому, списаны из диалога Платона «Федр».

[4] Конечно, сразу приходит на ум при чтении этих строк обстановка диалога Платона «Пир». Об этом диалоге говорится и в 7-м письме.

О Платоне Чаадаев несколько раз упоминает и в известных ранее письмах. Более существенные замечания о нем даются затем в 3-м (где он впрочем не назван) и 5-м письмах. Сочинения Платона, главным образом—в немецком переводе, с примечаниями Шлейермахера, сохранились в библиотеке Чаадаева, с пометами последнего при некоторых диалогах. В настоящее время библиотека эта хранится в Ленинской Библиотеке в Москве.

[5] Здесь кончается перевод текста, взятого из жихаревского собрания, и начинается текст части письма, сохранившейся среди отобранных у Чаадаева бумаг.

[6] Странно читать эти строки, рисующие истинное положение дел, после только что нарисованных пленительных картин. В последних словах автор очевидно тщательно обрисовывает два вида помещичьего владения крепостными: окружающий ядовитый воздух — дворовые; ядовитая почва — крестьяне на барщине.

[7] Слова эти напоминают стих Грибоедова:

Я ненавижу слово раб!

[8] Аристотель действительно высказывал приписываемые ему здесь мысли, — во второй главе первой книги своей «Политики», где имеется утверждение, что «некоторые по природе свободны, а другие по природе рабы».

[9] Не входя в подробную критику слов Чаадаева о борьбе христианства с рабством, отметим только, что оно и на Западе более чем терпимо относилось к этому институту. Сам Чаадаев хорошо знал это и в своей заграничной поездке запасался брошюрами о Вильберфорсе, имея вероятно в виду использовать высказывания этого одного из немногих в то время борцов против колониального рабства для поучения своих соотечественников. В своей вражде к самому факту лишения людей свободы Чаадаев пытается использовать довод, приходящий ему на ум, упуская из виду то, что и на Западе церковь вполне мирилась с рабством.

[10] Одновременный гром пушек на Босфоре и Ефрате — определенный хронологический показатель времени создания этого места письма. Пушки на Босфоре имеют в виду вероятно не подход Дибича в 1829 г. к Константинополю, после взятия в августе Адрианополя, а блокаду Босфора, отразившуюся на прекращении подвоза съестных припасов к столице Турции, благодаря действиям русской эскадры ад. Грейга в мае 1829 г. Под громом пушек на Ефрате разумеется, конечно, взятие Эрзерума армией, в которой находился и самовольно туда попавший Пушкин, под предводительством Паскевича, в апреле 1829 г. Несколько странно, что именно к 2-му письму, которое надо считать написанным позже 1 декабря 1820 г., даты первого письма, приурочены события апреля—мая 1829 г. Вероятно, сопоставление было в черновике, где материал мог быть иначе редактирован.

[11] Антоний — один из основателей христианского монашества, живший в Египте с половины третьего до половины четвертого века. Легенды об искушении его в пустыне чертями дали богатый изобразительный материал множеству писателей и художников.

[12] Здесь начинается вторая часть письма, с общими рассуждениями.

[13] В этом месте в сохранившейся рукописи несомненно пропущено несколько слов. Помещенные в прямых скобках слова включены по смыслу всего места и по аналогии с соответствующими местами в письмах 4-м и 5-м.

[14] Как известно, Чаадаев думал начать публикацию своих писем с третьего письма. Когда затем план изменился и решено было пустить сначала первое письмо, то естественно встал вопрос, не должно ли затем последовать второе. По словам Надеждина на допросе его, Чаадаев устранил печатание 2-го письма и решил печатать вслед за первым прямо 3-е. Как известно, оно и было набрано и должно было войти в одну из следующих книжек «Телескопа», свидетельством чего явился и корректурный экземпляр его, дошедший до нас, как это указано во введении. Остановило ли Чаадаева в сдаче в печать второго письма яркое несоответствие его советов корреспондентке с ее действительной судьбой, недопустимые с цензурной точки зрения выпады первой части письма или некоторая слабость аргументации второй части, доводы которой повторяются в следующих письмах, сказать трудно. Во всяком случае в письме этом так много характерного для Чаадаева, что выкидывать его при издании теперь всей серии писем было бы невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ПИСЬМУ

[1] Общую программу этого самого блестящего в литературном отношении письма определяет сам автор в первых же словах его: он хочет на этот раз рассмотреть занимающий его вопрос о судьбе человечества с философской точки зрения. В конце письма он высказывает самые ценные для него мысли об идеале духовного развития, об общем ходе развития и о конечной цели всего исторического процесса. Следует отметить, что в этом письме, в противоположность первому, а также шестому и седьмому, Чаадаев совершенно умалчивает о роли церкви во всем этом движении.

[2] Эпиграф к письму взят из I послания апостола Павла к коринфянам — глава XV, стих 54. Там слова эти в свою очередь заимствованы из книги пророка Исаии, глава XXV, стих 8.

[3] Цитата из 12 главы II книги «Essais» или «Опытов» писателя XVI века Монтэня приводится у Чаадаева, как вообще принято во французской литературе, в правописании подлинника. То же и здесь.

Книга Монтэня с этой цитатой сохранилась в библиотеке Чаадаева. Приведенное место, как впрочем и многие другие, подчеркнуто в книге Чаадаевым. Весь отрывок книги, из которой приводится текст, в переводе таков.

«Знание своей обязанности не следует предоставлять суждению каждого; надо ее ему предписывать, а не давать выбирать по усмотрению; в противном случае, вследствие неразумия и бесконечного разнообразия наших доводов и мнений, мы бы выковали себе обязанности, которые привели бы к тому, что мы стали бы поедать друг друга, как говорит Эпикур. Первый закон, некогда предписанный богом человеку, был законом полного послушания; это был голос и простое предписание, о котором человеку нечего было рассуждать и разговаривать, поскольку повиновение есть долг, присущий разумной душе, признающей небесного владыку и благодетеля. Из повиновения и послушания рождаются все добродетели, как из самомнения — все грехи. А, с другой стороны, первое искушение, внушенное человеческой природе дьяволом, первый его яд вторгся в нас через обещания, которые он дал нам относительно знания и понимания: будете, как боги, зная добро и зло (книга Бытия гл. 3, стих 5)».

[4] Не совсем ясно, какое значение придавал Чаадаев в своем сочинении термину «La philosophie naturelle». Подбор книг по философии природы в библиотеке Чаадаева довольно случаен, хотя он и старается вникнуть в новейшие учения электричества, магнетизма и палеонтологии. Впрочем, к сожалению, среди сохранившихся книг библиотеки нет именно главных сочинений Шеллинга, а они не могли не быть у него.

[5] Цитата из Novum Organum Бэкона взята из 68 главы этой книги.

[6] Слова анализ и синтез применяются здесь Чаадаевым в несколько своеобразном смысле: под анализом приходится понимать наведение, индукцию, под синтезом — дедукцию. В «Апологии безумного» («Сочинения и письма», т. I, стр. 226, перевод — т. II, стр. 222) синтез считается отличительной чертой не науки античного мира, а восточного мировоззрения.

[7] Автор предупреждает здесь мысль, развитую более подробно в письме пятом, о преемственности сознаний, составляющих в совокупности одно мировое сознание.

[8] Говоря о совершенном лишении себя своей свободы, автор несомненно допускает двусмысленность, искажающую общую его мысль. Свобода человека признается им бесспорно за основной и величайший дар: дело идет лишь об устранении своей обособленности, о свободном слиянии отдельных сознаний с жизнью мира.

[9] Конечно, здесь имеется в виду Платон. Та же мысль неоднократно встречается и у Сенеки, сочинения которого Чаадаев усердно читал, как это видно из сохранившегося в его библиотеке экземпляра сочинений этого писателя во французском переводе с многочисленными отметками и заметками рукой Чаадаева.

Чрезвычайно существенны для всей мысли Чаадаева последние слова этого абзаца о том, что обретение вновь утраченного нами общения со всем миром «всецело зависит от нас и не требует выхода из мира, который нас окружает». Таким образом победа над смертью совершается, согласно и другим высказываниям Чаадаева, в пределах земной жизни. Это важно для понимания смысла эпиграфа к письму, какой ему придавался Чаадаевым.

[10] Здесь Чаадаев возвышается до понимания единства жизни, без того разделения ее на самостоятельные части — душу и тело, которое он часто принимает, следуя здесь за такими философскими авторитетами, как Декарт и Лейбниц.

[11] Как это встречается и в других местах сочинений Чаадаева, признавая непреложность общего закона жизни, с одной стороны, свободы человека, с другой, Чаадаев не указывает пути к согласованию этих начал и называет их сосуществование просто «длящимся чудом».

Lettre VII

Madame.

Plus vous réfléchirez sur ce que je vous disais l'autre jour, plus vous trouverez que tout cela avait déjà été dit maintes fois, par gens de toutes opinions, et que seulement nous y mettons un intérêt que l'on n'y avait pas mis. Je ne doute pas cependant que si ces lettres venaient par hasard on ne manquât de crier au paradoxe. Si vous appuyez avec un certain degré de conviction sur les idées toujours vous verrez qu'on les prendra pour, je pense, que l'âge du paradoxe et des systèmes sans base réelle est si bien passé, que l'on ne saurait plus tomber dans ces vieux travers de l'esprit humain. n'est aujourd'hui

СЕДЬМОЕ «ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» ИЗ РУКОПИСИ СОЧИНЕНИЯ П. Я. ЧААДАЕВА «ДВА ПИСЬМА ОБ ИСТОРИИ», С ЕГО ПОЗДНЕЙШИМИ ИСПРАВЛЕНИЯМИ
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Институт Русской Литературы, Ленинград

plus haute en ses vues, par un retour heu-
reux sur le temps passé, s'est dirigé sur l'
étude de ce période intéressant, tant de cho-
inconnues ignorées jusque là
ses nouvelles se sont tout à coup révélées
à la pensée, que la malveillance même, la
désormais
plus obstinée, ne saurait plus résister à
nouvelles
ces lumières. S'il entre dans le plan de la
providence que les hommes soient éclairés
n'
par cette voie, le moment est sûrement
pas éloigné
prochain où une grande clarté va jaillir de
l'obscurité qui couvre encore l'histoire de
la société moderne, et cette nouvelle philosophie
de l'histoire dont je désire vous donner une
[illegible]
l'idée, [illegible] je crois bien être annoncée
par les [illegible] de Mr [illegible] (*)

[illegible] Madame, [illegible]
il faut avouer que [illegible] est une chose
[illegible]
bien étrange. [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] tout juste

(*) Depuis que cette lettre a été écrite, Mr Guizot
a rempli en grande partie notre espoir.

СЕДЬМОЕ «ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» ИЗ РУКОПИСИ СОЧИНЕНИЯ П. Я. ЧААДАЕВА «ДВА ПИСЬМА ОБ ИСТОРИИ», С ЕГО ПОЗДНЕЙШИМИ ИСПРАВЛЕНИЯМИ
ВТОРАЯ СТРАНИЦА
Институт Русской Литературы, Ленинград

117

24

quelque instruction nouvelle dans l'étude de l'histoire, quelque intérêt plus profond que celui que l'on y trouve ordinairement, il n'en faut pas davantage.

Moscou, 1829. 16 Février.

рукопись 24 (двадцать четыре) листа

27/IV 1931

СЕДЬМОЕ «ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО» ИЗ РУКОПИСИ СОЧИНЕНИЯ П. Я. ЧААДАЕВА «ДВА ПИСЬМА ОБ ИСТОРИИ». ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА

Институт Русской Литературы, Ленинград

[12] Здесь как будто допускается существование врожденных идей в человеке, мысль, которую Чаадаев отвергает в 5-м письме. Повидимому неясность вызывается просто неудачным оборотом речи.

[13] Как указано было во введении, 1830 год, выставленный в конце письма, взят из копии 3-го письма, находящейся в жихаревском собрании копий с чаадаевских сочинений (ИРЛИ).

ПРИМЕЧАНИЯ К ЧЕТВЕРТОМУ ПИСЬМУ

[1] Так как цель данного отдела «Писем» указать на пробелы современной философской мысли, а весь вопрос с философской точки зрения уже рассмотрен в 3-м письме, то задача 4-го письма в известной мере вспомогательная. Как это прямо и заявляет автор, он пытается извлечь из последнего слова современной науки все, что она может дать для познания общих основ вечной, абсолютной истины. Назвав действие человека, непосредственно вызывающее известное явление «Cause occasionnelle», причиной случайного или вторичного порядка, Чаадаев повторяет мысль, развитую у Мальбранша и других последователей или продолжателей Декарта. Несомненно, однако, что в основе мысли Чаадаева лежит также идея Канта о вещи в самой себе и о мире явлений.

Все это рассуждение до некоторой степени позволяет автору подойти к основному вопросу о примирении необходимости и свободы. Чрезвычайно знаменательно, однако, что эпиграфом к письму Чаадаев выбрал категорическое выражение подзаконности всякого действия. Это определяет общую твердую установку мышления Чаадаева, которую он, впрочем, не всегда умеет выдержать во всей чистоте на практике.

[2] Что касается самого эпиграфа, то с ним сопряжено несколько недоразумений, которые впрочем, в конечном счете, все вполне благополучно разрешаются. Начать с того, что никакого сочинения Спинозы под заглавием «De Anima» не существует. Вторая часть «Этики», трактующая о душе, носит название «De Mente». В ней есть теорема 48-я, довольно близко соответствующая данному тексту, но на самом деле цитата взята не оттуда, а из доказательства теоремы 32-й п е р в о й части «Этики»: «О боге». Другой недоуменный вопрос, откуда мог почерпнуть Чаадаев свое знание подлинного текста Спинозы. Французы, нередко на него ссылавшиеся, однако не имели перевода «Этики» до 1843 г., когда увидел свет перевод Saisset. Книга эта была и в библиотеке Чаадаева, но по времени своего издания она не могла служить источником для цитаты. Знакомство с книгами библиотеки Чаадаева вполне удовлетворительно разрешает это недоумение.

В библиотеке находятся два сочинения Спинозы, оба на немецком языке, составляющие два первые тома собрания его философских сочинений: в первом томе, изданном у Бекмана в Гере в 1787 г., находится трактат под заглавием: «Священное писание, еврейство, права высшей власти в духовных предметах и свобода мысли». Второй том, изданный у Бемэ в Лейпциге вторым изданием в 1796 г., содержит только две первые части (из пяти) трактата «Этика». Обе книги усердно читаны Чаадаевым, эпиграф из первой части «Этики» взят несомненно из этого экземпляра. Там данная теорема нарочито подчеркнута, соответствующая страница загнута вся пополам, как имел обыкновение это делать Чаадаев в исключительных случаях. Следовательно, Чаадаев воспользовался переводом немецкого издания.

[3] Повидимому в этих формулах Чаадаева отразилось влияние манеры изложения Спинозы.

[4] Каббалисты—еврейская философская школа мистического характера.

[5] Цитата из Спинозы о сопоставлении созвездия Пса с собакой, бегающей по улице, взято в сокращении из схолии к 17-й теореме первой части «Этики».

[6] Чаадаев несколько раз возвращается к доказательству невозможности познать сущность души приемами, применимыми в точных науках: он беседовал об этом во 2-м письме и будет еще беседовать в 5-м.

[7] Ссылка эта очевидно имеет в виду то место в этом же письме, где автор усматривает ошибки сенсуалистов в невозможности для человеческого разума допустить причину своих действий внутри самого себя.

[8] Слова х о д и с о д е р ж а н и е подчеркнуты здесь мною, чтобы обратить внимание на два раздела в рассуждении Чаадаева, который их устанавливает, но недостаточно явственно разграничивает.

[9] Автор говорит здесь об одной только научной заслуге Декарта в области высшей математики. Конечно это отнюдь не значит, чтобы он этим ограничивал все философское значение Декарта или мало был с ним знаком. Совсем напротив, Чаадаев прекрасно знает Декарта (хотя и не согласен с ним), он не упускает случая постоянно отметить следы его учения в изложении разных других систем. Указание здесь лишь одной из заслуг Декарта объясняется специальной задачей

Zwey und dreyßigster Satz.

Der Wille kann nicht eine freye Ursach, sondern nur eine nothwendige heissen.

Beweis.

Der Wille ist nur eine gewisse Weise des Denkens, wie der Verstand; es kann also (nach dem acht und zwanzigsten Satze) ein jedes Wollen weder existiren, noch zu würken bestimmt werden, wenn es nicht von einer andern Ursache, diese wieder von einer andern, und so fort bis ins Unendliche, ist bestimmt worden. Gesetzt, man nähme den Willen als unendlich an, so würde er auch von Gott, nicht in wiefern er eine absolut unendliche Substanz ist, sondern in wiefern er eine Eigenschaft besitzt, die das ewige und unendliche Wesen des Denkens ausdrückt, zu existiren und zu würken bestimmt werden (nach dem drey und zwanzigsten Satze). Man mag sich also den Willen als endlich oder unendlich denken, so erfodert er eine Ursach, durch die er zum Seyn und zum Handeln bestimmt wird; er kann also (nach der siebenten Defin.) nicht eine freye Ursach, sondern nur eine nothwendige, oder gezwungene, genennet werden.

Als Modifikation des unendlichen Denkens ist der Wille so wenig als der Verstand denkbar. Es ist überhaupt unschicklich und gegen allen Sprachgebrauch, Verstand und Willen als einzelne Dinge, als Individuen, die ein eigenes bestimmtes Daseyn haben, zu betrachten, wie Spi-

no&

СТРАНИЦА ИЗ ЭКЗЕМПЛЯРА НЕМЕЦКОГО ПЕРЕВОДА «ЭТИКИ» СПИНОЗЫ ИЗ БИБЛИОТЕКИ П. Я. ЧААДАЕВА, С ЕГО ПОМЕТАМИ

Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

4-го письма. Впрочем ни одного сочинения Декарта в библиотеке Чаадаева, поскольку она обнаружена, не оказалось.

[10] Словом «вержение» передается французское слово «projektion» подлинника; под этим термином Чаадаев разумеет силу удара, сообщенную движущемуся телу тем, кто или что приводит тело в движение. Русский термин заимствован здесь из современного Чаадаеву перевода, предназначенного для «Телескопа». Слово это помещено и в «Словаре русского языка» Академии Наук, хотя и не в этом точно значении, но весьма схожем.

[11] Здесь имеются в виду два источника познания, о которых говорилось в письме третьем.

[12] Довольно странная попытка связать великое открытие Ньютоном законов движения с каким-то внутренним озарением, связанным с изучением апокалипсиса, имеет весьма слабое обоснование в том, что этот ученый действительно интересовался книгой и погружался в ее изучение.

[13] Бегство Ньютона от чумы действительно исторический факт, но бежал он вовсе не из Лондона и вовсе не в Кембридж, а именно из Кембриджа, где он был преподавателем, к себе на родину.

[14] Откуда почерпнул Чаадаев свои сведения о Ньютоне и свои понятия о теории движения и законе притяжения, выяснить не удалось. Как известно, о Ньютоне писал Вольтер, конечно, хорошо знакомый Чаадаеву. Вольтер и сообщил предание о падении яблока, будто бы вызвавшем в Ньютоне ряд представлений, завершившихся затем его знаменитой теорией. Но и факты и соображения, приведенные у Чаадаева, не основаны на Вольтере. В оставшихся от Чаадаева книгах ни одного сочинения Ньютона не найдено. Там сохранился трактат ученика его Кларка, но повидимому не от него заимствовал свои мысли Чаадаев.

[15] Вот именно то место, на которое Чаадаев ссылался в начале письма, обещая дать разъяснение поставленного там вопроса.

[16] «Cause occasionnelle» — характерный термин Мальбранша и др. Смысл его объяснен в примечании первом к этому письму. В самом построении фразы у Чаадаева в этом месте есть некоторая путаница.

[17] Чаадаев снова выступает здесь защитником свободы воли.

[18] Словом «Je connais» Чаадаев очевидно передает знаменитое декартовское «Cogito».

[19] Термин «La raison commune», который здесь стоит во французском оригинале, был в большом ходу в шотландской школе философии. Трудно сказать, связывается ли сказанное здесь Чаадаевым с учением этой школы или же термин этот имеет общее значение

[20] Шотландская школа — учение, развившееся в английской философии после Юма, бывшее в большом ходу во Франции в начале XIX века. Чаадаев к учению этой школы вернется еще два раза в пятом письме. Главными представителями этой школы для данного времени были Томас Рид (1710—1796) и Дюгальд Стюарт (1753—1828). Их сочинения были в библиотеке Чаадаева.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЯТОМУ ПИСЬМУ

[1] В трех предыдущих письмах Чаадаев рассмотрел главную тему этого отдела его сочинения с точек зрения — религиозной, философской и научной. Теперь настала пора подвести итог и вставить свою систему в порядок философских исканий века. Он это и делает в пятом письме. Выставленный во главе его эпиграф говорит ясно, что свое понимание он считает вносящим нечто новое и существенное: все, что до него говорилось о душе, — еще не настоящее.

[2] На этот раз Чаадаев указал только автора слов, поставленных им в заголовок своего письма. Это 154-й стих четвертой (последней) песни поэмы Мильтона — «Возвращенный рай». Он составляет часть речи Христа, обращенной к сатане, искушающему его и указывающему в поучение ему на рассуждающих об истине в Афинах мудрецов: Сократа, Платона, стоиков и эпикурейцев. Вся речь Христа (в переводе Чюминой) такова:

Увы, чему способны научить
Все мудрецы подобные, когда
Они самих себя не постигают,
Понятия о боге не имея,
О таинствах великих мирозданья,
О горестном паденьи человека,
И меж собой толкуя о душе,
Они о ней превратно рассуждают.

Чаадаев любил привлекать поэтов к объяснению общих философских и исторических проблем. В 1-м письме он указывает на «Освобожденный Иерусалим»

Тасса, как на лучшую иллюстрацию единства народов Европы, создаваемого христианством. В библиотеке его хранились и Данте, и Гете, и «Мессиада» Клопштока... Только с Гомером он не умел примириться, видя в нем именно квинтэссенцию человеческой красоты, но красоты, лишенной высшего духовного понимания, чем, по его мнению, отличалось и все искусство греков.

В английском издании сочинений Мильтона, сохранившемся в библиотеке Чаадаева и очевидно купленном им в Лондоне в 1823 г., означенный стих отмечен, впрочем, подобно многим другим.

При чтении письма нельзя не вспомнить важного для понимания Чаадаева раннего сочинения Ламеннэ «Опыт о безразличии в делах веры» и составляющую органическую часть его — книгу «В защиту опыта» («Essai sur l'indifférence en matière de religion» и «Défense de l'Essai...»). Две первые, самые важные, части (из четырех) первого сочинения, а также и второе, сохранились в библиотеке

Dresden 1826.

„Er war nicht das Licht, sondern daß er zeugte von dem Lichte.

Critik der practischen Vernunft von Immanuel Kant.

Fünfte Auflage.

Leipzig, bey Johann Friedrich Hartknoch. 1818.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ЭКЗЕМПЛЯРА «КРИТИКИ ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА» КАНТА ИЗ БИБЛИОТЕКИ П. Я. ЧААДАЕВА, С ЕГО НАДПИСЬЮ НА ОБОРОТЕ ФОРЗАЦА

Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

Чаадаева с многочисленными его пометками и несколькими записями, а также с отметками о чтении второго тома как раз в ноябре 1829 г., т. е. именно в самый разгар работы над письмами. Последняя отметка о чтении сделана 1 декабря 1829 г., а эта же дата стоит и под «Первым философическим письмом». Кроме того в библиотеке, также с пометками Чаадаева, имелась и третья книга Ламеннэ «Размышления о положении церкви во Франции и разные статьи по религиозным и философским вопросам». Париж, 1819. Не останавливаясь здесь подробно на поучительных совпадениях и на различиях в мыслях Ламеннэ и Чаадаева, укажем только, что именно здесь живее всего можно наблюдать отношение Чаадаева к католической мысли, так что все обычные указания на связь или даже заимствования Чаадаева у Бональда, Де Мэстра, Балланша оказываются по сравнению с этим ничтожными и второстепенными. Чрезвычайно высокая оценка Чаадаевым Ламеннэ раннего периода, впрочем, хорошо известна из его прямых высказываний в «Апологии» и в письме А. И. Тургеневу 1838 г. («Сочинения и письма», т. I, стр. 214). В «Апологии» Ламеннэ не назван, но конечно его Чаадаев имеет в виду в начале статьи под словами «Великий писатель нашего времени» («Сочинения и письма» т. I, стр. 220, т. II, стр. 217). В тексте, бывшем в руках у Чернышевского, тут имелась вставка под строкой: Ламеннэ.

[3] Здесь, как будто несколько случайно, но на самом деле вполне уместно, в ход изложения врывается маленький трактат о бессмертии. В доказательствах нелепости идеи о бессмертии души слышится широта и смелость мысли автора; однако Чаадаев не доводит мысль до конца. Отрицая решительно бесконечное продление жизни, он все же принимает мысль о продолжении жизни души после смерти тела, подчиняясь в учении о двойственной природе человека, как было указано, укоренившимся взглядам самых выдающихся философов предшествующей эпохи. Тому, что Чаадаев признавал продолжение душевной деятельности по смерти, можно привести неоспоримые подтверждения. Их немало в опубликованных отрывках (см. стр. 149—158 I тома «Сочинений и писем»), недвусмысленно выражает он ту же мысль и в письмах к людям, с которыми был вполне искренним: Юрию Самарину в 1846 г. («Сочинения и письма», т. I, стр. 277, Гершензон не определил адресата письма, это вне всякого сомнения Самарин), к Герцену—26 июня 1851 г. (там же, стр. 300).

[4] Petitio principii — ошибка в рассуждении, состоящая в том, что для доказательства известного положения пользуются доводом, еще не доказанным, а, в свою очередь, требующим доказательства.

[5] С этого места начинается разбор философских систем, современных Чаадаеву, отчасти напоминающий по общему замыслу подобную же критику, введенную Ламеннэ в его «Защиту опыта». Чаадаев, в противоположность Ламеннэ, не называет ни одного имени и направления, довольствуясь описанием содержания оцениваемых учений.

Перечислим здесь те направления, о которых у него далее идет речь.

1) Начинает он опять с шотландской школы. Именно ее (а не критическую философию Канта, как может показаться с первого взгляда) он называет самой строгой, самой положительной философией нашего времени.

2) Несколько пренебрежительных слов брошено об эклектиках, с Кузеном во главе.

3) Следует Шеллинг, которого надо разуметь под создателем тонкого платонизма, порождения глубокой и мечтательной Германии.

4) После длинного изложения собственной системы, следует сопоставление последователей Локка и школы сенсуалистов с Кондильяком во главе, с одной стороны, и рационализма последователей Декарта — с другой;

5) Кант, к последователям которого он и себя причисляет, и наконец,

6) Фихте, утверждающий «всемогущество человеческого Я».

Весьма существенно отметить, что в обзоре этом совсем не нашла себе места философия Гегеля, хотя по времени написания трактата Чаадаева он мог бы и должен был его заметить и так или иначе оценить. Ведь «Феноменология духа» увидела свет еще в 1807 г., первое издание «Энциклопедии философских наук» — в 1817 г., с 1818 г. Гегель с блеском занимал кафедру философии в Берлине. Повидимому в то время Чаадаев попросту совсем не знал Гегеля. Позднее он, конечно, с ним познакомился, но в библиотеке Чаадаева сохранилось только изложение философии Гегеля Вильма, на французском языке, изданное в 1835 г., с отметками, и «Энциклопедия» без всяких отметок. Как известно, книгу Вильма в свое время начал переводить Станкевич, и она имела важное значение при ознакомлении с философией Гегеля для русских его учеников в тридцатых годах.

[6] Здесь начинается характеристика философии Шеллинга. В один из периодов ее развития сам знаменитый философ назвал ее трансцендентальным идеализмом; это определение находится и у Чаадаева, но в подлиннике он пишет ошибочно «трансцендентный» вместо правильного здесь «трансцендентальный». Чаадаев указывает здесь одну только отрицательную заслугу этой философии: успешную борьбу с ложным направлением господствовавшей философии. Есть некоторая недооценка и неблагодарность в таком сдержанном отзыве. Конечно, Чаадаев далеко не во всем соглашался с Шеллингом. Он и писал ему откровенно в 1833 г. («Сочинения и письма» т. I, стр. 167 и след., русский перевод — т. II, стр. 183 и след.; 1832 г. показан ошибочно): «мне часто приходилось приходить в конце концов не туда, куда приходили вы», но и из этого же письма видно, какое впечатление произвело на него ознакомление с сочинениями Шеллинга. «Изучение ваших произведений открыло мне целый мир»,—пишет он в том же письме и расточает еще новые похвалы в том же роде. Да и помимо новых мыслей Шеллинг, конечно, имел для Чаадаева огромное значение, утвердив в нем веру в правильность того общего направления, в котором он, вместе со всей эпохой, укреплялся. Ведь Шеллинг был для Чаадаева заведомо самой крупной умственной силой века: естественно, что всякое совпадение его мысли со взглядами Шеллинга придавало ему особенную уверенность в правоте его точки зрения. Как важно было для Чаадаева такое подтверждение, он ярко объясняет в том же письме к Шеллингу. И надо сказать, что те понятия, о которых Чаадаев говорит в начале своего 5-го письма: «абсолютное единство во всей совокупности существа», «абсолютное

1 Nov 1828

nen *Nächsten als dich selbst* *), ganz wohl zusammen. Denn es fodert doch, als Gebot, Achtung für ein Gesetz, das *Liebe befiehlt*, und überläßt es nicht der beliebigen Wahl, sich diese zum Princip zu machen. Aber Liebe zu Gott als Neigung (pathologische Liebe) ist unmöglich; denn er ist kein Gegenstand der Sinne. Eben dieselbe gegen Menschen ist zwar möglich, kann aber nicht geboten werden; denn es steht in keines Menschen Vermögen, jemanden blos auf Befehl zu lieben. Also ist es blos die *practische Liebe*, die in jenem Kern aller Gesetze verstanden wird. Gott lieben, heißt in dieser Bedeutung, seine Gebote *gerne* thun; den Nächsten lieben, heißt, alle Pflicht gegen ihn *gerne* ausüben. Das Gebot aber, das dieses zur Regel macht, kann auch nicht diese Gesinnung in pflichtmäßigen Handlungen zu *haben*, sondern blos darnach zu *streben* gebieten. Denn ein Gebot, daß man etwas gerne thun soll, ist in sich widersprechend, weil, wenn wir, was uns zu thun oblie-ge, schon von selbst wissen, wenn wir uns überdem auch bewußt wären, es gerne zu thun, ein Gebot darüber ganz unnöthig, und, thun wir es zwar, aber eben nicht gerne, sondern nur aus Achtung fürs Gesetz, ein

*) Mit diesem Gesetze macht das Princip der eigenen Glückseligkeit, welches einige zum obersten Grundsatze der Sittlichkeit machen wollen, einen seltsamen Contrast: Dieses würde so lauten: *Liebe dich selbst über alles, Gott aber und deinen Nächsten um dein selbst willen.*

a nicht gegen alle Menschen
[illegible] gegen die Menschheit

СТРАНИЦА ИЗ ЭКЗЕМПЛЯРА «КРИТИКИ ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА» КАНТА ИЗ БИБЛИОТЕКИ П. Я. ЧААДАЕВА, С ЕГО ПОМЕТАМИ

Публичная Библиотека СССР им. Ленина, Москва

единство вещей», «великое Все», а это, по его собственным словам, и является основой его убеждений — укрепились в нем и сложились в определенную систему, помимо влияния Спинозы, вероятно еще и под впечатлением мимолетной, но оставившей неизгладимый след личной встречи с Шеллингом и длительного общения с его мыслью путем знакомства литературного. Хотя в библиотеке Чаадаева сохранилось только несколько незначительных брошюр с сочинениями Шеллинга, но он свидетельствует в том же письме 1833 г., что прочел все сочинения знаменитого философа. Надо думать, что к Чаадаеву, по прославленной близости его к Шеллингу, обращались за книгами последнего, а затем книги эти не возвращались их владельцу.

[7] Здесь начинается изложение понимания Чаадаевым жизни духа. Слова «как мы убедились» имеют в виду рассуждения четвертого письма.

[8] Терминология Чаадаева, вообще очень невыдержанная, в этом месте особенно страдает, и этим вносится значительная неопределенность в изложении основной мысли «Писем».

[9] Цитированное выражение Паскаля, которым Чаадаев пользуется для выражения своей основной идеи, взято не из его самого знаменитого, оставшегося однако незаконченным и даже неясным по замыслу сочинения, известного под названием «Pensées» (Мысли), и не из его знаменитых «Провинциальных писем», а из очень мало известного и дошедшего до нас не полностью «Предисловия к рассуждениям о пустоте», т. е. трактата по физике «Préface sur le traité du vide», предположительно написанного в 1647 г. (См. в большом собрании сочинений Паскаля — «Oeuvres de Blaise Pascal publiées... par Leon Brunschvicq ei Pierre Boutroux», т. II, Париж, 1923, 2-е изд., стр. 127—145). Притом смысл слов Паскаля весьма ограниченный и совсем не соответствует тому значению, который им придан Чаадаевым, а также, как известно, и некоторыми другими писателями XIX в. Паскаль в данном месте просто-на-просто защищает право исследователей природы вносить новые воззрения в науку, не стесняясь авторитетом прежних ученых, в том числе и утверждениями древних. Он доказывает, что всякое последующее поколение, обладая достижениями прежних и присоединяя к ним собственные изыскания, является на деле не моложе, а старше своих предшественников. В виде иллюстрации своей мысли, и именно в узких пределах систематического, последовательного накопления знаний усилиями сменяющихся поколений, он и высказывает использованный Чаадаевым афоризм. Дословно и в тесном смысле этого слова буквально место это читается по-французски так:

«De sorte que toute la suite des hommes pendant le cours de tant de siècles doit estre considerée comme un mesme homme qui subsiste toujours et qui apprend continuellement.

В комментарии к этому месту указывается, что подобное же соображение приводили до Паскаля Роджер Бэкон в первой части Opus majus и Франциск Бэкон в Novum Organon кн. I, 84 и De augmentis 11.

Чаадаев едва ли заимствовал это изречение непосредственно у Паскаля; вероятно он напал на него в какой-нибудь цитате другого писателя. Как указал в своей книге Кенэ, это изречение стоит в общем эпиграфе ко всей книге Шарпантье «Опыт истории средневековой литературы», вышедшей в Париже, конечно по-французски, в 1833 г. Интересно, как это также напоминает Кенэ (стр. 176 его книги), что по словам Надеждина, в его показании, Чаадаев советовал последнему между прочим поместить в своем журнале выдержки из этой книги. Самую книгу эту Чаадаев, вероятно, имел от А. И. Тургенева, так как последний пишет об ней Вяземскому 1 сентября 1833 г. и сообщает при этом о своем намерении «отправить книгу московскому философу» («Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским», П. 1921, т. I, стр. 310, место это также указано у Кенэ). Книга Шарпантье в библиотеке Чаадаева не нашлась. Но это еще не значит, что ее там не было, тем более, что она очень легко могла остаться у Надеждина. Конечно, предположить заимствование у Шарпантье было бы хорошим разрешением загадки. Однако, предположение это приходится откинуть из-за хронологических соображений. Книга Шарпантье вышла в 1833 г., а 5-е письмо было написано несомненно раньше. Ведь на это место его Чаадаев ссылается в письме 7-м, которое было в руках Пушкина еще в июне 1831 г. Кенэ совершенно справедливо указывает на возможность позднейшей вставки в написанный ранее текст. Мы знаем по примеру первого письма, значительно исправленного Чаадаевым в 1835 г., а также и по примеру третьего, шестого и седьмого писем, сохранившихся в двух редакциях, о тщательной работе Чаадаева над текстом своего сочинения и много позднее их написания вероятно до злополучного октября 1836 г., когда он навсегда лишился, по собственному его выражению в письме брату—«трудов всей своей жизни»... Но, в данном случае позднейшая вставка совершенно невозможна. Не говорим уже о том, что формула, заимствованная у Паскаля, слишком органически вросла в изложение теории Чаадаева, как бы заменяя его собственную формулировку, почему она и приводится у него в самых центральных пунктах двух

81. 121.

[illegible]

При появленіи въ № 15-мъ журнала Телескопъ, въ Москвѣ издаваемаго, статьи подъ заглавіемъ: Философическія письма, Ваше Императорское Величество, по всеподданнѣйшему докладу Главнаго Управленія Цензуры, изволили Высочайше повелѣть: Цензора отрѣшить отъ должности, журналъ запретить немедленно, и Издателя журнала съ Цензоромъ вытребовать сюда къ отвѣту.

Въ исполненіе сей Высочайшей воли, вмѣстѣ съ отрѣшеніемъ Цен

ДОНЕСЕНИЕ ОСОБОЙ КОМИССИИ НИКОЛАЮ I С РЕЗОЛЮЦИЕЙ ПОСЛЕДНЕГО, ПРЕДПИСЫВАЮЩЕЙ ПРИЗНАТЬ ЧААДАЕВА СУМАСШЕДШИМ, СОСЛАТЬ НАДЕЖДИНА И ОТСТРАНИТЬ ОТ РАБОТЫ ЦЕНЗОРА, ПРОПУСТИВШЕГО «ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО»
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Центрархив СССР, Москва

разветвлений его рассуждения—общефилософском (в 5-м письме) и историческом (в 7-м письме), со ссылкою в письме 7-м на 5-е. С большими натяжками это соображение все же можно было бы устранить. Но неустранимо другое: изречение Паскаля имеется в том экземпляре 7-го письма, которое находилось в московской цензуре в ноябре 1832 г., а независимо от точной даты выхода книги Шарпантье (год выхода указан в ней 1833), Тургенев мог послать ее Чаадаеву лишь после 1 сентября 1833. Таким образом, источник заимствования цитаты Чаадаевым был другой. Одна из книг, сохранившихся в библиотеке Чаадаева, повидимому, удовлетворительно решает этот вопрос. Это — книга Rio «Essai sur l'esprit humain dans l'antiquité», в которой настоящее изречение Паскаля фигурирует в качестве эпиграфа, как и в книге Шарпантье.

[10] Говоря о слове, как «главном рычаге образования сознаний», Чаадаев вероятно имеет в виду известную теорию Бональда, но он тут же ставит вопрос гораздо шире, так что предполагать заимствование в данном случае оснований нет. Нет никаких данных даже и для предположения об основательном непосредственном знакомстве Чаадаева с сочинениями Бональда, так как теория его Чаадаеву непременно была известна и из других источников, например из книги Дамирона «Опыт истории философии XIX века во Франции», вышедшей в 1828 г. и ставшей еще до окончания работы над «Письмами» прекрасно известной Чаадаеву; как это видно из его заметок на сохранившемся экземпляре книги его библиотеки, а для времени этих заметок—по почерку их.

[11] Слова Цицерона взяты из его сочинения «О законах» (26 и 27 параграфа первой книги), впрочем, в значительно измененном виде.

[12] Довольно странное рассуждение о детях, находимых среди лесных зверей, повидимому, заимствовано Чаадаевым у Ламеннэ («Опыт о безразличии». Ч. II, гл. XVI).

[13] Нельзя не отметить приводимого здесь Чаадаевым удивительного по силе и выразительности определения коренных особенностей двух главных направлений философской мысли человечества, которым Чаадаев противополагает свое понимание.

[14] Здесь Чаадаев, наконец, подходит к Канту. О Канте, он, конечно, хорошо знал еще со времени своего студенчества и по курсу проф. Булэ, сохранившемуся в записях его брата Михаила. В находящемся у одной из представительниц рода Облеуховых, в копии, отрывке письма Чаадаева к Облеухову 1815 г. видно, что первый по поручению друга разыскивает в книжных лавках Петербурга сочинения Канта. Но лучшим показателем его занятий Кантом служат сохранившиеся в его библиотеке экземпляры двух критик—чистого и практического разума, в издании 1818 г. Обе книги, как это надписано на них, приобретены в Дрездене в 1826 г. Они испещрены отметками Чаадаева, но далеко не на всем протяжении и притом «Критика практического разума» гораздо более усердно, чем другая. Общее заключение Чаадаева о впечатлении, произведенном на него этими книгами, видно из надписей, сделанных им на титульном листе.

В заглавии «Критики чистого разума»—«Critik der reinen Vernunft» он надписал: «Apologete» зачеркнул «der» и «reiner» и поставил вместо них слово: adamitischer, так что получилось измененное заглавие, говорящее о том, что он считает книгу Канта защитой испорченного грехом, ограниченного и неподвижного (адамова) разума.

На обороте титульного листа «Критики практического разума» Чаадаев чрезвычайно четко, еще ранним (до 1831 г.) своим почерком написал: «Es war nicht das Licht, sondern das er zeugte von dem Lichte», т. е. известное изречение в евангелии Иоанна об Иоанне-крестителе, как предшественнике Христа, приготовлявшем пути его: «Он не был свет, но был, чтобы свидетельствовать о свете».

Едва ли случайно в библиотеке сохранились только эти две книги из сочинений Канта. Вероятно других его сочинений, которые несколько расширили бы понимание его со стороны Чаадаева, последний совсем не знал. Чаадаев когда-то сказал: «Все великое созревает в пустыне». Может быть, он и на свое одиночество в годы создания «Писем» смотрел как на такое удаление в пустыню и, может быть, не раз помышлял при этом о примере Магомета и его пребывании в пещере. Но, как сам Чаадаев заметил во втором письме по отношению к Антонию, да и как это неизбежно вытекает и из его собственной теории духовной жизни, обособление от людей таит в себе огромные опасности: не избежал пагубных его последствий и сам Чаадаев.

[15] В самом критическом месте своего изложения недостатков Канта, вскрывающем вместе с тем собственное понимание Чаадаевым истинного смысла разума, постоянно развивающегося и постигаемого лишь в свете вечного устремления к совершенству, Чаадаев допустил при переписке непростительную описку пропустив слово que, вследствие чего получился смысл, обратный мысли Чаадаева. Впрочем, ошибка эта столь очевидна, что поправка не вызывает никаких сомнений.

[16] Под «философией всемогущества человеческого Я» подразумевается, конечно, учение Фихте. Целый ряд его сочинений уцелел в библиотеке Чаадаева, на одном из них остались следы недовольства его гордыней — Arogantia. Однако позднее, как это видно из «Отрывков», Чаадаев воспринял Фихте более глубоко и относился к нему справедливее.

[17] Нельзя не подчеркнуть и этого заключительного места — сопоставления Платона, Декарта и Канта, главных этапов движения идеалистической мысли человечества.

[18] Последние слова письма обещают дать рассмотрение тех же вопросов в историческом аспекте. Обещание это Чаадаев и выполнил, впрочем в несколько более ограниченных пределах, в 6-м и 7-м письмах известных из прежних изданий трактата Чаадаева.

ПРИМЕЧАНИЕ К ВОСЬМОМУ ПИСЬМУ

[1] Восьмое письмо вдвое короче среднего из семи первых. Оно и не требует длинных примечаний. Автор писем страшно вырос с того дня, как он принялся за свой ответ на тревожную смуту своей экспансивной собеседницы. С тех пор многое совершилось и в его душе, и во внешнем мире. Он пережил холеру в Москве, польское восстание, вероятно — собственное разорение; а главное — произошла июльская революция во Франции, перевернувшая снова, пока в потенции, весь строй отношений, казалось, прочно установившихся в период реставрации. Какое впечатление она в Чаадаеве вызвала, как нельзя лучше видно из его 3-го и последнего, самого длинного, письма Пушкину 1831 г.: «Мир, безопасность, будущее — все сразу обратилось в ничто... Статочное ли дело, чтобы это небывалое событие, несущее на себе столь явную печать провидения, казалось вам самой обыкновенной прозой или, самое большее, дидактической поэзией в роде какого-нибудь лисабонского землетрясения, с которым вам нечего было бы делать? Это невозможно! Что до меня, у меня навертываются слезы на глазах, когда я вижу необъятное злополучие старого, моего старого общества; это всеобщее бедствие, столь непредвиденно постигшее Европу, удвоило мое собственное бедствие. И тем не менее да, из этого воспоследует одно добро; я в этом вполне уверен, и мне служит утешением видеть, что не я один не теряю надежды на то, что разум образумится. Но как совершится этот возврат, когда? Будет ли при этом посредником какой-либо могучий дух, облеченный провидением на чрезвычайное посланничество для совершения этого дела, или это будет следствием ряда событий, вызванных провидением для наставления рода человеческого? Не знаю». (СП, т. II, стр. 180). Гершензон приводит эти слова Чаадаева (впрочем неполностью) в доказательство, что его никак нельзя считать участником освободительного движения, куда его зачислил Герцен (см. «Чаадаев, Жизнь и мышление», стр. 100). По существу дело вовсе не в оценке революционного события, как такового. Июльская революция разбила упование Чаадаева на мирный ход ожидаемого им преобразования человечества и ясно показала ему, что и в европейском мире борьба интересов вовсе не побеждается простым подчинением основной идее мирового развития. Это ясно сказано в первых словах письма. Казалось бы, необходимо подумать о других путях водворения правды. Но к составлению реального плана действий Чаадаев абсолютно неспособен. И потребность решительного сдвига выливается у него в новый призыв к более действенному в смысле философской и исторической обоснованности и религиозного одушевления, особенно внушительному призыву. Характерно, хотя как будто не достаточно осознано самим Чаадаевым, что он при всем выставлении на первый план христианства и мечты о соединении всех в одном христианском порыве, собственно ц е р к в и не отводит в достижении идеала никакой роли. Он однажды, превознося, выпавшее на нашу долю значение высшего судьи, всего происходящего в мире, распределил так роли участвующих в движении: мы—публика, там (в Европе)—актеры, нам и принадлежит право судить пьесу («Сочинения и письма», т. II, стр. 198. Цитировано в сокращении).

Как и в 1820 г., он все еще «наблюдатель», но только уже не «ветреной толпы», от которой он охотно отворачивается, а великой вечной мировой драмы, к которой он с замиранием сердца прислушивается и которую всей силой ума старается постигнуть. Он попрежнему весь в ожидании, но ждет он теперь не приходящих извне частных толчков, а раскатов грома этой самой драмы, будь то в образе благодатного ливня, который оросит землю, или кровавого столкновения, которое перевернет все отношения вверх дном. Неоднократно обращается он мыслью в ожидании такого властного призыва и к тому, кого он считает стоящим во главе умственного движения Европы — к Шеллингу. А с другой стороны, в 7-м письме он высказывает мысли совсем другого характера: «Что касается меня, то по моему мнению, для того, чтобы нам вполне переродиться в духе откровения

мы должны еще пройти через какое-то великое испытание, через всесильное искупление, которое весь христианский мир испытал бы во всей его полноте, которое на всей земной поверхности ощущалось бы, как грандиозная физическая катастрофа; иначе я не представляю себе, каким образом мы могли бы очиститься от грязи, еще оскверняющей нашу память» («Сочинения и письма», т. II, стр. 170).

Возвращаясь ближе к самому тексту 8-го письма, мы должны сделать одно важное разъяснение. При печатании перевода мы перенесли на несомненно принадлежащее им место три строчки текста, стоящие в самом конце письма, о распространении христианства в течение первого века без содействия книги. Строки эти заключены в прямые скобки. В том месте, куда они перенесены, имеется особый знак, который истолкован как означение пропуска и ссылки. Здесь эти строки вполне уместны, между тем как поставленные в конце письма, они положительно ни с чем не вяжутся и совершенно затемняют открывающееся за их перенесением заключение письма, служащее вместе с тем общим финалом всей той части сочинения, которое началось со средины второго письма, с отрывом внимания автора от личности корреспондентки и от русской действительности.

„ТЕКУЩАЯ ХРОНИКА И ОСОБЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ“

ДНЕВНИК В. Ф. ОДОЕВСКОГО 1859—1869 гг.

Вступительная статья Б. Козьмина
Редакция текста и предисловие М. Брискмана
Комментарии М. Брискмана и М. Аронсона

ОДОЕВСКИЙ В 1860-е ГОДЫ

Было время, когда автор печатаемого ниже дневника кн. В. Ф. Одоевский стоял в первых рядах русской литературы. В 30-х и 40-х годах прошлого века его произведения читались, по свидетельству В. Г. Белинского, с «жадностью», с «восторгом»[1]. Сам Белинский, судья и критик очень строгий, отзывался о сочинениях Одоевского в весьма лестных выражениях. В 1834 г. он писал, что в произведениях этого автора «виден талант могущественный и энергический, чувство глубокое и страдательное, оригинальность совершенная, знание человеческого сердца, знание общества, высокое образование и наблюдательный ум»[2]. Высоко ценили творчество Одоевского и такие люди, как Пушкин и Гоголь, а его друг декабрист В. Кюхельбекер писал ему в 1845 г. из сибирской ссылки: «Тебе и Грибоедов и Пушкин и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего бескорыстного служения к художественной красоте и к истине безусловной?»[3].

Такая высокая оценка творчества Одоевского основывалась и на его незаурядном художественном даровании, и на его умении выдвигать в своих произведениях проблемы, глубоко интересовавшие его современников, и на оригинальном освещении этих проблем, и на основательном знакомстве с философскими течениями его времени. Каких только вопросов не ставил Одоевский в своих художественных произведениях! Он писал и о границах человеческого познания, и о смысле жизни, и о значении науки и искусства, и о природе художественного творчества, и теории Мальтуса, и о вере и атеизме, и о взаимоотношениях России и Запада, и о роли капитализма в экономическом развитии человечества. И по всем этим вопросам он умел выразить более или менее самостоятельное, оригинальное и облеченное в художественную форму мнение.

Автор «Русских ночей» пользовался популярностью не только среди читателей, но и среди товарищей по перу. На вечерах, которые он устраивал по субботам, можно было встретить виднейших представителей литературы того времени. Недаром в 1838 г. Шевырев писал Погодину про «петербургскую литературу», что «вся она на диване Одоевского».

Это замечание Шевырева характеризует не только печальную немногочисленность кадров литературных деятелей того времени, но и положение, которое занимал среди них В. Ф. Одоевский.

Однако, к 60-м годам, т. е. ко времени, к которому относится дневник Одоевского, положение последнего в литературе совершенно изменилось. Его литературная известность была уже вся в прошлом. Большую часть лет, охваченных днев-

ником, Одоевский провел в Москве в усердных занятиях по службе (он был тогда сенатором одного из московских департаментов Сената), среди немногочисленной группы друзей и светских знакомых и в удалении от литературы. Про Одоевского этого времени желчный писатель-эмигрант П. В. Долгоруков в своем журнале «Будущность» не без остроумия заметил, что он «между светскими людьми слывет за литератора, а между литераторами за светского человека»[4]. Эта полная яда фраза тем более была неприятна Одоевскому (см. запись в его дневнике от 24 ноября 1860 г.), что в глубине своей души он не мог не сознавать ее справедливости. «С половины 40-х годов,— пишет один из его биографов,— литературная производительность кн. Одоевского значительно ослабевает, почти прекращается совсем»[5]. Это еще не значит, что Одоевский перестал писать и печататься. Наоборот, до самой смерти Одоевского его фамилия довольно часто попадалась на страницах газет и журналов. Еще больше его произведений, написанных в 50-е и 60-е годы, осталось в рукописном виде, не найдя себе, по тем или иным причинам, доступа в печать. И о чем только не писал в то время Одоевский. Достаточно просмотреть опись его архива, хранящегося в рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, чтобы быть пораженным разнообразием тем, которыми интересовался и за разработку которых брался престарелый литератор. Среди его рукописей мы находим и трактаты «о том, что во всех явлениях есть период прекращения» или «о социальных между людьми отношениях», и рассуждения «о вреде водки» или «о распущенности прислуги». На ряду с произведениями по вопросам педагогики или музыкального искусства попадаются статьи и наброски «о грязи на улицах», «об осеннем воздухе», «о причинах пожаров», «о ретирадных местах», «об извлечении кубических корней», «об обществе для распространения мира», «о солнечном затмении», «о пауперизме», «о судебной реформе и о суде присяжных», о том «иезуит может ли быть христианином» и т. д.[6]. Уже из этого перечня тем, затронутых Одоевским, ясно, что вся эта «литература» в сущности стоит вне литературы. В качестве беллетриста Одоевский теперь больше уже не выступает. Значение его произведений редко выходит теперь за пределы интересов данной минуты. Если что из груды его писаний за последнюю четверть века его жизни (он умер в 1869 г.) и сохраняет некоторое значение,—то это лишь его статьи на музыкальные темы, довольно высоко ценимые специалистами, не лишенная интереса и проникнутая бодрым оптимизмом статья или вернее стихотворение в прозе—«Не довольно», которым он опротестовал пессимистическое «Довольно» И. С. Тургенева[7], и, наконец, дневник, только теперь становящийся достоянием читателей.

Дневник этот относится ко времени, когда Одоевский уже отошел от художественной литературы. В 60-х годах, когда он писал свой дневник, он уже во многих отношениях был не тем человеком, каким знавали его читатели 30-х и 40-х годов. Во взглядах и убеждениях его к этому времени произошли большие перемены, и это весьма ярко отразилось на записях его дневника. Познакомиться, хотя бы кратко, с этими переменами необходимо для правильной оценки дневника, как исторического и историко-литературного документа.

Сверстник декабристов, Одоевский не был их единомышленником. Несмотря на то, что в событиях 14 декабря принимало участие немало близких ему людей (его двоюродный брат А. И. Одоевский, Вильгельм Кюхельбекер, совместно с которым В. Ф. Одоевский издавал в 1824 и 1825 гг. альманах «Мнемозина» и др.), сам он стоял вне того политического движения, представителями которого являлись декабристы. Не *политика*, а *философия стояла для него на первом месте*. Не французские политические мыслители, а метафизик Шеллинг владел всеми его помыслами. Еще в 1823 г. его двоюродный брат А. И. Одоевский язвительно отзывался об его увлечении «глубокомысленными умозрениями непонятного Шеллинга»[8]. В то время, когда члены декабристских обществ обсуждали вопросы о будущем политическом устройстве России, об отмене крепостного права и о необ-

ходимости истребления царской фамилии, В. Ф. Одоевский и его друзья по московскому кружку «любомудров» в «самосовершенствовании» искали способов «счастливить ближних своих». Как подобало истинным любомудрам, они ограничивались обличением страстей и пороков, не касаясь политических учреждений.

Этот «аполитизм» Одоевского и его товарищей особенно усилился после рокового дня 14 декабря, суровой расправы с участниками неудачного восстания и торжества феодальной реакции. К самому началу 1830-х гг. относится глубокое увлечение В. Ф. Одоевского мистикой и усиленное изучение произведений Сен-*Мартена, Пордеча, Як. Беме и тому подобных писателей. Тогда же определяются* и политические убеждения Одоевского. Он выступает как убежденный сторонник существующего строя. Самодержавный деспотизм Николая I представляется ему наиболее совершенной формой правления, а крепостное право — результатом обусловленного природой неравенства людей. «Я не понимаю,—писал он в одном из своих не попавших в печать набросков,—другой формулы политического общества, кроме следующей: старшие братья над меньшими и отец надо всеми». Во власти этого «отца», т. е. русского царя, он усматривал «прибежище угнетенных, что-то священное, действующее, как высшая сила» [9]. Одоевский видит, что русская жизнь имеет много мрачных сторон; он знает, как сильно процветают в России произвол и лихоимство. Однако все это он считает только следствием неудачного подбора чиновников. По его мнению, поднять и укрепить добродетель чиновников и научить их относиться к подчиненным, как любящий и заботливый отец относится к своим детям, вполне достаточно для того, чтобы превратить Россию в страну наиболее счастливую в свете.

Одоевский не видит надобности в уничтожении крепостного права. Он ограничивается проповедью гуманности в отношениях помещиков к своим крепостным. Рассматривая «звание помещика» как государственную службу, он предлагает подвергать «предварительному экзамену в ученом и нравственном отношении» всякого дворянина, «имеющего по наследству притязание на право помещика». В этом он видит вполне достаточную гарантию против злоупотребления помещичьей властью [10].

Социальное неравенство является в глазах Одоевского фактом, вытекающим из природы человека, обусловленным естественным неравенством способностей человека и потому неустранимым. «Глупый ненавидит умного,—пишет он,—по той же самой причине, по которой бедный ненавидит богатого, голодный сытого, трус храброго, подлец честного, невежда ученого—и из сего даже можно вывести доказательство, что неравенство между людьми не есть выдумка человека, но естественное состояние природы» [11]. Все мечты о равенстве Одоевский отвергает, как вредные измышления «нелепых мечтателей XVIII века». Поэтому в своей утопии «4338-й год» он оставляет в неприкосновенности классовое неравенство: в России 44-го столетия попрежнему будут существовать богатые и бедные, хозяева и слуги, трудящиеся и праздные. Даже в общественных столовых обеды подаются по особому прейскуранту, который будет «для каждого звания соображен с тою степенью пользы», какую это «звание» приносит государству [12].

Рост рабочего движения на Западе и распространение социалистических идей сильно пугали Одоевского и способствовали укреплению в нем реакционных идей. «Сохраним,—писал он в 1849 г. в своей записной книжке,—нашу старую, добрую веру, полную миротворения и поэзии, сохраним нашу преданность царю, сему святому залогу русского единства и земской целости, не переймем у иностранцев ни их гражданского безумия, ни смут, ни раздора» [13].

Правда, в «Русских ночах», особенно в эпилоге, и в других произведениях Одоевского можно найти горячие филиппики против экономического рабства на Западе. Он возмущается наглой эксплоатацией труда капиталом и превращением рабочего в придаток к машине. В статье «Англомания», не появившейся в печати, Одоевский, признавая, что англичане «прекрасно делают перочинные ножики»,

подчеркивает, что успехи своей промышленности они «купили ценою человеческого достоинства». Рабочий умеет прекрасно делать винт, но «для всего прочего он глух, нем и слеп». Обследование положения детей, работающих на английских фабриках, показало, что «здесь все принесено в жертву золоту» [14].

Сознавая тяжелое положение и безысходную нищету рабочего класса на Западе, Одоевский ищет спасения не в создании общественного строя, основанного на уничтожении эксплоатации труда капиталом, а в различных мероприятиях филантропического характера, вроде учреждения домов трудолюбия, организуемых для борьбы с пауперизмом.

Его сочувствие положению западного рабочего вытекало из таких же побуждений, которыми руководствовались английские консерваторы, поддерживавшие различные законодательные ограничения эксплоатации труда рабочих на фабриках и заводах. В этом сочувствии гораздо больше ненависти к буржуазии и страха перед нею, чем симпатии к пролетариату.

Еще в 1820-х гг. Одоевский в своих произведениях отмечал переход дворянских имений в руки капиталистов и сближение обедневшей аристократии с плутократией. В рассказе «Утро ростовщика» он изобразил зазнавшегося и разжиревшего ростовщика-Процентина, улавливающего, подобно пауку, в свои сети нуждающихся в деньгах князей и графов. В другом рассказе «Клязьма, мельник и два его аполога»—Одоевский изображал разорение дворянства и запустение его усадеб, приписывая эти явления развращающему влиянию кредита, ведущего, по его мнению, исключительно к развитию роскоши, пьянству и разорению [15].

При этом ясно, что все симпатии Одоевского находятся на стороне оскудевающего дворянства. Успехи и растущее влияние буржуазии приводят его в ужас. Торжество «банкирского феодализма»—это болезнь, от которой гибнет Запад и которая начинает угрожать России.

Победа буржуазии в глазах Одоевского знаменует победу грубого и материального над благородным, возвышенным и поэтическим. «Материальное направление века» он считает вредной односторонностью, ибо, с его точки зрения, человек нуждается не только в полезном, но и в «бесполезном», являющемся истинным «украшением жизни». «Науке гордых промышленников» Одоевский противопоставляет «средневековую мудрость», которая доводит человеческую мысль «до последних пределов», на ту высоту, где беспокойная мысль человека смиряется и претворяется в молитву создателю.

Политические воззрения Одоевского эпохи 20—40-х годов совершенно отчетливо рисуют нам его, как характерного представителя дворянской культуры в эпоху приближающегося кризиса крепостнической системы. Одоевский типичен для эпохи дворянской реакции, последовавшей за поражением декабристов. Он — яркий представитель дворянства, надеющегося при поддержке николаевского абсолютизма спастись от опасности, грозящей ему со стороны развивающегося капитализма, одержавшего на Западе свои первые победы.

Вот почему Белинский был совершенно неправ, когда он в одной из своих ранних статей рассматривал Одоевского, как убежденного врага «высшего», т. е. дворянского общества [16]. Правда, Одоевский в своих повестях и рассказах довольно резко обличает пустоту и тщеславие «светского общества», но это, как мы уже убедились, не ведет его к отрицанию господствующей роли дворянства в общественной жизни. Единственный вывод, который делает он, сводится к совету всем не довольствующимся жизнью этого общества уйти в свой кабинет, завалиться книгами и из «мира существенного» перенестись в «мир идеальный», как это сделал Арист, герой очерка Одоевского «Странный человек» (1822 г.).

Во второй половине 40-х годов в убеждениях Одоевского наметился значительный перелом, в результате которого его отношение ко многим вопросам, философским и политическим, сильно изменилось. Перелом этот стоял в связи с выяснившейся для Одоевского неизбежностью гибели крепостнического строя. По-

требности экономического развития страны и ее производительных сил всё более приходили в противоречие с ее социально политическим укладом. Экономическая необходимость заставляла помещиков задуматься над вопросом о неизбежности отмены крепостного права. Одоевский, готовый ранее заимствовать с Запада его технику, но решительно открещивавшийся от его экономики, должен был признать необходимость коренного реформирования общественного строя России. Это отразилось на всем миросозерцании Одоевского и в первую очередь на его философии. От идеализма он переходит к своеобразному реализму и навсегда отказывается от своего прежнего стремления «найти абсолют в науке и в искусстве».

«Моя юность, — вспоминал на склоне лет Одоевский, — протекла в ту эпоху, когда метафизика была такою же общею атмосферою, как ныне политические науки. Мы верили в возможность такой абсолютной теории, посредством которой возможно было бы построить (мы говорили конструировать) все явления... Мы немножко свысока посматривали на физиков, на химиков, на утилитаристов, которые рылись в грубой материи»[17].

Увлеченный в то время идеями Шеллинга Одоевский питал твердую уверенность в бессилии опыта и ограниченности основанного на нем знания. «Удивительно,—писал он,—как опыт, который многими еще так высоко ценится, не научил своих защитников, что со времен потопа не было собственно ни одного совершенно чистого, ни совершенного верного опыта; что все важнейшие открытия сделаны вследствие неверных опытов... Лишь умозрительно рассматривая царство науки и искусства, можно видеть, где и чего недостает ему, и обратить на то внимание, ибо в этом и состоит открытие... Новые идеи могут приходить в голову только тому, кто привык беспрестанно углубляться в самого себя, беспрестанно представать перед собственное свое судилище и оценять все малейшие свои поступки, все обстоятельства жизни, все невольные свои побуждения; в сии минуты внезапно раскрываются перед ним новые миры идей»[18].

В 50-х и 60-х годах отношение Одоевского к опыту и интуиции совершенно меняется. Он безвозвратно отказывается от «всех схоластических разглагольствований об абсолютных идеях, о врожденных идеях, а равно и ожиданий, что когда либо, например, при большем усовершенствовании человечества, эти абсолютные идеи упадут к нам с потолка». Теперь он признает и подчеркивает, что «абсолютная истина может находиться лишь в опытном наблюдении». «Даже аксиома $2 \times 2 = 4$,—говорит он,—отнюдь не упала с потолка», ибо «эта аксиома есть не что иное, как сокращенная формула опытного наблюдения над тем, как образуется число четыре». «Как только наука начинает подчиняться какому либо авторитету, кроме авторитета фактов, выработанных добросовестным наблюдением, так она становится бесплодною»[19].

С резким переломом в области философских идей совпало и изменение политических взглядов Одоевского. Правда, и теперь он попрежнему остается убежденным монархистом и отрицательно относится к ограничению власти царя. В возможность введения в России конституции он не верит, так как этому препятствует, по его мнению, недостаточная политическая развитость русского народа. «Едва ли через сто лет Россия будет готова к парламенту», — писал он в 1854 г.[20]. Однако он понимает, что реформы насущно необходимы для России. Значительный рост числа крестьянских волнений, обнаружившийся в 40-х и 50-х годах и показывавший, насколько обостренным становится положение дел в деревне, не мог не произвести впечатления на Одоевского. «Лишь во время произведенными реформами,—пишет он в 1857 г.—можно остановить насильственное вторжение гибельных, фантастических нововведений». Не меньше чем волнения крестьян, пугают его политические притязания дворянства, обнаружившиеся во время подготовки и проведения в жизнь крестьянской реформы. В одной записке, предназначавшейся для подачи Александру II, Одоевский писал: «До тех пор Россия будет сильна и спо-

койна, пока в ней не заведется то, что на Западе называется аристократией и что основано совершенно на иных началах, нежели наше дворянство»[21].

В 50-х годах Одоевский проявляет горячий интерес к отмене крепосного права, видя в этом гарантию спасения России от грозящих ей бед. «Готовившаяся тогда крестьянская реформа,—вспоминает А. П. Пятковский,—поглощала все внимание кн. Одоевского, и он с глубоким чувством говорил о том обновлении, которое внесет эта реформа в русскую жизнь»[22]. Вопреки истине, ему начинает теперь казаться, что он «всегда и везде утверждал необходимость уничтожения крепостничества»[23]. 19 февраля 1861 г. было одним из счастливейших дней в жизни Одоевского. Ежегодно он отмечал эту дату устройством званых вечеров. «Говорить ли,—писал он в 1867 г., отвечая на тургеневское «Довольно»,—что с 19 февраля 1861 г. Россия пережила, по крайней мере, два века. Кто этого не чувствует? Все силы ее подвинулись: напряжены все мышцы ее могучего организма; новая, свежая кровь струится в его жилах; стройно дышет он новым дыханием жизни. Наука, правда, у нас развивается медленно, но все шире и шире; поселянин, отдохнувший от барщины, начинает в свободном труде сознавать самого себя, понимать свое неведение и необходимость из него выйти»[24].

Восторженное отношение Одоевского к реформе 19 февраля ярко отразилось на его дневнике. Он преклоняется перед Александром II. «Нынешний государь,—записывает он 3 мая 1862 г.,—величайший из государей русских». Он негодует на продолжающийся произвол администрации, находя, что своими злоупотреблениями она разрушает «веру в государя». «Нет у государя добрых помощников,—со скорбью пишет он 24 октября 1868 г.,—а лишь честолюбцы или лентяи».

Главное, за что ценит рефрму 1861 г. Одоевский,—это то, что, по его мнению, она гарантирует Россию от потрясений, грозящих Западу. «Дух бродит повсюду, над всей Европой, над Китаем, над Америкой,—пишет он.—Луи Наполеон и Крымская война, итальянская война, Польша и проч. суть взрывы этого подземного духа. В России открыт для него клапан — о с в о б о ж д е н и е к р е с т ь я н»[25].

С неменьшим одобрением, чем к отмене крепостного права, относится Одоевский и к земской и судебной реформам. В них он видит залог обновления и оздоровления администрации, компрометирующей своими злоупотреблениями монарха.

В соответствии с этим Одоевский чрезвычайно враждебно настроен по отношению к крепостникам, не желающим примириться с реформой 19 февраля и мечтающим компенсировать себя за отнятых у них рабов ограничением власти царя. Он сравнивает их с героями фонвизинского «Недоросля». Их он винит в политических интригах. Изданная в 1861 г. прокламация «Великорус», по его мнению, написана под влиянием партии помещиков, недовольных отменою крепостного права (запись в дневнике 30 июня 1861 г.). Равным образом и другие прокламации, в большом числе выходившие в 1861—1863 гг., он готов приписать печальникам «об отмене крепостного права», надеющимся, что «заведя смуты, они как нибудь в мутной воде восстановят свою желанную мечту — крепостное право»[26]. В 1865 г. он записывает в дневник о своем расхождении с весьма ценимым им до того Катковым, которого теперь он обвиняет в том, что он «взял сторону феодализма» (запись 8 сентября).

К оппозиции дворян-помещиков Одоевский относится резко отрицательно, независимо от того, откуда эта оппозиция исходит: от крепостников ли или же со стороны дворян-либералов. Свои взгляды на роль дворянства он изложил в протесте, написанном им по поводу оппозиционного выступления московского дворянства в 1865 г. (см. его записи об этом выступлении в дневнике за указанный год). Протест этот он предполагал опубликовать в газетах за подписями дворян, разделяющих его точку зрения.

Основная задача дворянства, по мнению Одоевского, сводится к тому, что оно должно «содействовать искренно и честно, с доверием и любовью, тем благодатным

преобразованиям, которые ныне уже предначертаны мудрым нашим государем». Для достижения этого дворянам необходимо: «приложить все силы ума и воли к устранению остальных последствий крепостного состояния, ныне с божиею помощью уничтоженного», «принять добросовестное и ревностное участие в деятельности новых земских учреждений и нового судопроизводства», «не поставлять себе целью себялюбивое охранение одних своих сословных интересов исключительно, не искать розни с другими сословиями перед судом и законом, но дружно и совместно со всеми верноподданными трудиться для славы государя и пользы всего отечества» [27].

Еще более враждебно, чем к дворянской оппозиции Одоевский относился к революционному движению, развертывающемуся в России его времени. В 1864 г. он отмечает в своем дневнике, что правительство делает большую ошибку, не опубликовав до сих пор материалов по делу декабристов, чтобы все могли убедиться, «какую белиберду затевали декабристы» (запись 12 октября). Петрашевцы в глазах Одоевского—«безумцы». «Я отправил бы их,—пишет он,—в богадельню Преображенского раскольничьего кладбища, пусть бы на практике отведали коммунизма» [28]. Герцена он расценивал как беспочвенного «лже-народника». В 1860 г. он негодует на увеличивающуюся строгость цензуры, находя, что это содействует росту влияния и значения герценовского «Колокола» (запись в дневнике 20 марта 1860 г.). Тогда же он набрасывает проект мер для борьбы с эмигрантской печатью и предлагает опубликовать биографии Герцена, Огарева, Долгорукова и других эмигрантов, рассчитывая подорвать этим значение их литературной деятельности. «Оценка сих господ,—читаем мы в проекте Одоевского,—написанная ловко, забавно и без всяких личностей, уничтожила бы наполовину действие их изданий на публику» [29]. В «Что делать?» Чернышевского он не находит ничего кроме «нелепости и болтовни» (запись 2 января 1861 г.). «Нигилисты» приводят Одоевского в совершенный ужас, и он с серьезным видом вносит в свой дневник слова, слышанные им от одной дамы, утверждавшей, что «одно из правил нигилистов — не быть опрятными» (28 октября 1866 г.). О степени политической сознательности Одоевского можно судить по тому, что развитие революционного движения он объясняет интригами ненавидящих Россию иезуитов. «Нигилизм,—пишет он,—есть порождение иезуитов» (запись в дневнике 29 января 1863 г. и 26 марта 1864 г.). Вслед за Катковым он преувеличивает и влияние поляков на развитие революционного движения в России. «Выражение: Россия отравлена поляками — не гипербола»,— пишет он в своем дневнике после покушения Каракозова на Александра II (запись 4 августа 1866 г.).

Относясь враждебно к революционному движению, Одоевский отвергает и социализм. Он резко критикует тех, кто видит в социализме «нечто похожее на науку, словом, нечто серьезное, заслуживающее внимания». Одоевский готов признать, что социализм прав в своей критической части, что в основе его лежит вполне законное «стремление сделать наивозможно большее число людей участниками в благах природы». Однако средства, которые предложены для достижения этой цели социализмом, представлялись Одоевскому не более, как «мечтательными теориями», не осуществимыми в действительности. Постепеновец Одоевский считает социализм вредным, поскольку его приверженцы намерены достичь общественного преобразования «скачком, тогда как ни в человечестве, ни в природе ничто скачком не делается», а все развивается постепенно. Поэтому Одоевский ищет иных средств осуществить «счастье всех и каждого». Человечество должно, по его мнению, ожидать своего спасения не от «попыток осуществления беспочвенных мечтаний социалистов, а только от науки; ее развитие откроет человеку не только законы природы, но и законы общественной жизни» [30].

«В России все есть,—писал Одоевский в 1868 г.,— а нужны только три вещи: наука, наука, и наука». Исходя из этого, Одоевский мечтал о наступлении времени, когда «русские люди» будут машинистами на фабриках, на железных дорогах, на

пароходах, когда «научившийся мужичок будет заправлять деревенскими локомобилями, да и сам еще приспособит их к местному делу»[31].

Блестящее развитие науки и техники на Западе примирило Одоевского с западно-европейскими порядками, и он отказался от тех мыслей о близкой гибели западной культуры, которые он высказывал в 30-х и 40-х годах. Одновременно он должен был признать и необходимость серьезных реформ русской жизни и русских социально-политических порядков. Из апологета крепостничества он становится его врагом, из сторонника привилегий дворянства он превращается в их противника.

Эта перемена во взглядах Одоевского облегчалась для него условиями его личной жизни.

Представитель одного из древнейших русских дворянских родов, к середине XIX столетия обедневшего и утратившего свое былое значение, Одоевский в экономическом отношении был очень мало связан с дворянством. Его недвижимое имущество сводилось исключительно к небольшой мызе Ронгас в Выборгской губернии, но этот «кусочек камня посреди воды» не приносил ему никакого дохода[32]. Приходилось искать другие источники для обеспечения своего существования. Одоевский жил не на доходы от поместья, а на жалованье, которое он получал по своей службе сначала в Публичной Библиотеке в Петербурге, а позднее в одном из департаментов Сената. Таким образом, он был по социальному положению своему гораздо более чиновником, чем дворянином.

Мы уже знаем, какое громадное значение для будущего России он придавал удачному подбору чиновников. С его точки зрения долг каждого честного и желающего блага России человека — итти на государственную службу, чтобы помогать царю и правительству в их ответственной и сложной работе. Еще в 1835 г. Одоевский формулировал эту мысль устами одного из своих героев.

«Служба — у нас в России единственный способ быть полезным отечеству. Толкуй мне что хочешь про почтенное, высокое звание поэта, ученого, про его обширный круг действия — все это справедливо, да не у нас. Что у нас литература? Ведь охота же писать для тех, которые ничего не читают... У нас нет врожденного, непроизвольного стремления к просвещению. Скажи, кто у нас заводит школы? Правительство. Кто заводит фабрики, машины? Правительство. Кто дает ход открытиям? Правительство. Кто поддерживает компании? Правительство и одно правительство. Частным людям все эти вещи и в голову не приходят. Правительству нужны люди для его предприятий; отдаляться от него значит удаляться от того, чем движется, живет, чем дышет вся Россия»[33].

В другом своем произведении — в пьесе «Хорошее жалованье, приличная квартира, стол, освещение и отопление» (1836 г.), изображая мир чиновников — карьеристов и лихоимцев,— Одоевский видит одну опасность для него — в лице «чиновников-литераторов из хороших фамилий». Выведенный в этой пьесе представитель таких чиновников граф Рельский, сочинитель повестей сатирических и фантастических (фигура несомненно автобиографического порядка), является в то же время чиновником, исключительно добросовестно относящимся к своим обязанностям и безжалостно преследующим всякие чиновничьи злоупотребления [34].

Не менее характерен фантастический рассказ Одоевского «Сегелиель». Сегелиель — падший дух, по воле автора превращающийся, ради искупления своей вины, в русского чиновника, поступающего на государственную службу, для того, чтобы быть полезным человечеству. Сегелиель не знает личной жизни, он целиком погружен в интересы службы. Каждое дело, которое ему приходится выполнять, он изучает внимательно и всесторонне, подвергая его философскому обсуждению. П. Н. Сакулин остроумно охарактеризовал этот рассказ Одоевского как «бюрократическую мистерию», и правильно подчеркнул его автобиографическое значение [35].

Современники, знавшие Одоевского по его службе в Сенате, свидетельствуют, что он был именно таким усердным, добросовестным и проникнутым сознанием важности своего дела чиновником, каким он изображал графа Рельского и Сегелиеля. Об этом же свидетельствует и дневник Одоевского. Ряд записей, внесенных на его страницы автором, показывает, насколько он отличался в отношении к своим служебным обязанностям от сослуживцев, всецело полагавшихся на секретарей и считавших лишним знакомиться с делами, по которым им приходилось выносить решения.

Человек уже пожилой, Одоевский в 60-х годах примкнул к той молодой бюрократии, которая стремилась спасти царский абсолютизм при помощи реформ. Недаром крупнейший представитель этой бюрократии Н. А. Милютин был для Одоевского единственным государственным человеком в России того времени (запись в дневнике 26 декабря 1866 г.). Характеризуя русскую бюрократию XIX века, В. И. Ленин писал: «Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещиков и буржуа» [36]. Такой двойственный характер политических устремлений русской бюрократии, ярко отразившийся на истории реформ, проведенных ею в 60-е годы, положил отпечаток и на дневник Одоевского. Автора этого дневника можно рассматривать как рядового представителя либеральной бюрократии эпохи так называемых «великих реформ».

Этим определяется и характер дневника Одоевского, и степень того интереса, который представляет этот документ.

В дневнике Одоевского мы не найдем сообщений о каких-либо крупных исторических фактах, неизвестных ранее. Нет в нем и ярких характеристик лиц, с которыми приходилось соприкасаться автору дневника. Его суждения о том, что ему приходилось наблюдать и слышать, не отличаются ни глубиной, ни оригинальностью. Одоевский остается в дневнике тем, чем он был в жизни — средним обывателем из рядов более или менее умеренно-либерального и образованного дворянства или — точнее — той его части, которая поддерживала свое существование не доходами от поместий, а служебным жалованием.

Несмотря на это, дневник Одоевского — документ, представляющий значительный интерес для характеристики той эпохи, к которой он относится. Автор его старательно заносил на его страницы то, что ему приходилось видеть, читать и слышать. Сообщения политического и бытового характера чередуются в нем с новостями литературными, музыкальными и театральными. О фактах, известных по другим источникам, автор нередко сообщает интересные детали, уточняющие картину событий того времени. Борьба вокруг крестьянской реформы, революционное движение тех лет, либеральная и крепостническая дворянская оппозиция правительству — таковы наиболее значительные и острые темы, затрагиваемые дневником Одоевского. Ряд записей характеризует отношение автора и людей его типа к Чернышевскому и «нигилистам», с одной стороны, и к «властителю дум» реакционеров того времени—Каткову, с другой. Представляют интерес и записи его об Ап. Григорьеве, Соллогубе, Лескове и других писателях. Наконец, интересны и характерны внесенные им на страницы дневника обывательские слухи и разговоры по поводу различных событий, волновавших людей того времени.

Дневник Одоевского охватывает десятилетие (1859—1869), имевшее большое значение в истории русской социально-экономической, политической и умственной жизни XIX века. В это десятилетие Россия сделала «первый шаг по пути превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию» [37]. Каким бы уродливо компромиссным характером ни отличалась реформа 19 февраля 1861 г.— а она и не могла быть иной, поскольку она являлась «буржуазной ре-

формой, проводимой крепостниками» — тем не менее она представляла собою «крупный исторический перелом». «19 февраля 1861 года,— писал В. И. Ленин,— знаменует собой начало новой, буржуазной России, выраставшей из крепостнической эпохи» [38].

Для ознакомления с этой эпохой дневник Одоевского дает обильный материал. Поэтому он безусловно заслуживает того, чтобы сделаться достоянием читателей.

Б. Козьмин

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Под ред. С. А. Венгерова, т. IX, стр. 9 и 14.

[2] Там же, т. I, стр. 389.

[3] Отчет императорской Публичной Библиотеки за 1893 г., приложение, стр. 71.

[4] П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. М. 1934, стр. 325.

[5] А. П. Пятковский. Из истории нашего литературного и общественного развития, ч. II, СПБ, стр. 267.

[6] См. опись архива В. Ф. Одоевского, составленную И. А. Бычковым и напечатанную в приложении к Отчету императорской Публичной Библиотеки за 1884 г.

[7] «Не довольно» было напечатано в 1-й книге «Беседы Общества любителей российской словесности», М. 1867 г.

[8] А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. М.—Л. 1934 г., стр. 269.

[9] П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель, т. I, ч. 1, М. 1913 г., стр. 585.

[10] Там же, стр. 586.

[11] Там же, т. I, ч. 2, стр. 320.

[12] Утопия «4338-й год» напечатана в книге: В. Ф. Одоевский «Романтические повести», Л. 1929 г.

[13] О. Цехновицер. Вступительная статья к «Романтическим повестям» Одоевского, стр. 38—39.

[14] П. Н. Сакулин. Назван. сочинение, т. I, ч. I, стр. 580—581.

[15] Там же, стр. 204, 222—224.

[16] В. Г. Белинский. Литературные мечтания. Сочинения, т. I, стр. 389—390. Вот, что писал здесь Белинский об отношении Одоевского к «высшему обществу». «Как глубоко и верно измерил он неизмеримую пустоту и ничтожество того класса людей, который преследует с таким ожесточением и таким неослабным постоянством! Он ругается их ничтожеством, он клеймит их печатью позора, он бичует их, как Немезида, он казнит их за то, что они потеряли образ и подобие божие, за то, что променяли святые сокровища души своей на позлащенную грязь, за то, что отреклись от бога живого и поклонились идолу сует, за то, что ум, чувства, совесть, честь заменили условными приличиями». Эта горячая тирада характеризует гораздо более ее автора, нежели действительное отношение Одоевского к верхушке дворянского общества. Впоследствии Белинский, как видно из его статьи о сочинениях Одоевского, убедился в своей ошибке.

[17] Предисловие к несостоявшемуся собранию сочинений. «Русский Архив», 1874 г., № 2, стр. 316—317.

[18] П. Н. Сакулин. Назван. сочинение, т. I, ч. I, стр. 483—484.

[19] «Русский Архив» 1874, № 2, стр. 323 и 334.

[20] О. Цехновицер. Назван. статья, стр. 40.

[21] Там же, стр. 40—41.

[22] А. П. Пятковский. Назван. сочинение, стр. 281.

[23] Там же, стр. 288.

[24] Беседы Общества любителей российской словесности, кн. 1-я, М., 1867 г., стр. 47.,

[25] «Русский Архив». 1874, № 7, стр. 48.

[26] Незаконченная и оставшаяся в рукописи статья «Закулисные проказы в роде преступлений». Цитирую по названной выше статье О. Цехновицера, стр. 39—48.

[27] А. П. Пятковский. Назван. сочинение, стр. 285—286.

[28] П. И. Сакулин. Русская литература и социализм, стр. 455.

[29] Этот проект Одоевского опубликован в «Русском Архиве» 1874 г., № 7, стр. 30—39.

[30] П. Н. Сакулин. Русская литература и социализм, стр. 456—458.
[31] См. брошюру Одоевского (изданную под инициалами: К. В. О.) «Публичные лекции профессора Любимова», М. 1863 г., стр. 21—22.
[32] Н. Ф. Сумцов. Кн. В. Ф. Одоевский. Харьков, 1884 г., стр. 50.
[33] Рассказ «Петербургского письма», напечатанный в «Московском Наблюдателе» 1835 г., ч. 1, цитирую по книге П. Н. Сакулина «Из истории русского идеализма», т. I, ч. 2, стр. 274.
[34] Пьеса «Хорошее жалованье...» вошла в III т. сочинений Одоевского, изданных в 1844 г.
[35] П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма, т. I, ч. 2, стр. 64.
[36] В. И. Ленин. Сочинения, т. I, стр. 186.
[37] То же, т. XV, стр. 146.
[38] То же, т. IV, стр. 124; т. XV, стр. 143.

ОДОЕВСКИЙ И ЕГО ДНЕВНИК

«Кн. Одоевский имел намерение, с закрытием Сената в Москве, выдти в полную отставку и писать свои записки, для чего у него было собрано очень много материалов», писал друг Вл. Фед. Одоевского, А. И. Кошелев («Записки», Берлин, 1884, стр. 195). Осуществить это намерение Одоевскому не удалось; но среди множества необработанных, черновых, часто без начала и конца, заметок, статей, набросков, писем Одоевского, сохранился его дневник за 1859—1869 гг. В продолжение последних 11 лет жизни Одоевский ежедневно педантически заносил в дневник все события своей личной жизни, литературные и музыкальные происшествия, политические события, старательно записывал доходившие до него слухи, разговоры, встречи, остроты, эпиграммы. Именно в этой непосредственности, в отражении сегодняшнего дня, без какого бы то ни было расчета на опубликование этих записей — особый интерес печатаемого дневника. Шестидесятые годы отразились в нем под углом зрения простодушного и часто наивного просвещенного либерала; суждения Одоевского, убежденного в том, что дела идут плохо только потому, что «нет у государя добрых советчиков», нередко покажутся читателю смешными; его либерально-бюрократическое умиление реформами — неуместным; но, при всей наивности своих политических установок, в своем дневнике Одоевский сумел передать ощущение событий бурного десятилетия русской общественной жизни, передать впечатление этих событий на либеральные круги современного русского общества, в отдельных любопытных деталях зафиксировать интересы этих кругов. В этом большая историческая и историко-литературная ценность дневника.

Но дневник этот представляет и большой интерес, как материал для характеристики самого Владимира Федоровича Одоевского. В истории русской литературы Одоевский является несомненно фигурой далеко не заурядной. К сожалению, до сих пор его литературная и общественная деятельность изучена довольно слабо. Сравнительно полно освещен в литературной историографии, хотя и не всегда верно, ранний период ее — период любомудрия Одоевского. Гораздо поверхностнее господствующие представления об Одоевском 50—60-х гг. Его эволюция, крутой поворот его идеологических позиций вызывает до сих пор недоумение исследователей; современники — биографы Одоевского, смазывая противоречия, рисовали иконописный облик благодушного и любвеобильного, полного оптимизма и энергии филантропа и умилялись серьезности, с которой Одоевский относился к служебным поручениям, вроде исследования о пресловутом сомовьем клее или вредных насекомых. Печатаемый дневник, на ряду с разительными примерами подлинной и неутомимой энергии старика Одоевского, помогает разрушению этого иконописного облика; проясняется фигура этого вечного труженика, все чаще и чаще задумывающегося над тем, «сколько было работы, а как мало я успел сделать такого, что бы могло остаться после меня».

«Будь писатель, ученый, воин, судья, но трудись непременно, непременно трудись», убежденно писал молодой-Одоевский еще в 1825 г. в «Разговоре двух приятелей» («Моск. Телеграф», ч. 2, № 5, стр. 82). Но уже в 40-х годах Одоевский заметил, что «сделал в жизни большую глупость:.. старался на сем свете кое что делать и учился искусству кое что делать» (Бумаги Одоевского, перепл. 95). А к началу 60-х годов относится замечательное высказывание Одоевского, проливающее свет на истинный характер этой, умилявшей биографов, практической деятельности Одоевского: «Мое убеждение: все мы в жизни люди законтрактованные; контракт может быть прекрасный, пренелепый, но мы его приняли, родясь, женясь, вступая в службу и т. д. следственно, должны исполнять его, что не мешает стараться о его изменении и о том, чтобы впредь таковых контрактов не было. Dura lex, sed lex,—говорили римляне. В администрации то же, что в деле судебном: судья должен прилагать самый нелепый закон, пока этот закон существует. В том условие всякого государственного, общественного, семейного и прочих устройств». (Письмо к С. И. Паншину, 1861. — «Рус. Стар.» 1872, т. 74, стр. 37). Трудно лучше характеризовать формально-юридическую сущность всей позиции Одоевского. В печатаемом дневнике мы находим яркие примеры применения этого убеждения на практике.

Одоевский 60-х годов додумывается иногда до мысли: «такова наша атмосфера; изобретай паровую машину, чтобы поднять соломинку» (1860), но надеется все же на «прекрасную, добро-прозорливую душу» Александра II. Горестно характеризующий правящую камарилью, как толпу «получеловек и даже четвертей человеков» (1866) и адресующийся к этой же камарилье с просьбами об облегчении участи революционера, осужденного Сенатом при его же деятельном участии, Одоевский — живое воплощение российского либерализма. И в этом тоже особый интерес печатаемого дневника.

Подлинник дневника Одоевского за 1859—1869 гг. находится в рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в собрании бумаг Одоевского, поступившем в библиотеку от его родственников в 1884 г. Некоторые из томов этого собрания, в том числе и дневник (переплеты 15 и 16), согласно воле жены Одоевского, могли быть предоставлены в общее пользование не ранее 1919 г. До революции, поэтому, дневник не мог быть вовлечен в научную эксплоатацию, и содержание его оставалось неизвестным.

За последние годы в печати появилось несколько отдельных выдержек из этого дневника. Самой крупной является публикация О. Цехновицера, использовавшего ряд записей дневника для вступительной статьи к «Романтическим повестям» В. Ф. Одоевского (Л. 1929). Все остальные немногочисленные публикации отмечены ниже в примечаниях к дневнику.

Подлинник дневника представляет собою ряд тетрадей, сшитых из специальной разграфленной и снабженной печатными рубриками бумаги. На определенной форме записей Одоевский остановился не сразу (ср. ниже снимки с дневника). Правая сторона тетрадей служила, главным образом, для скрупулезного, распределенного по часам, описания всех событий дня: «чем занимался», «что видел», «с кем познакомился» и т. п. Напр. «Май. 1859. Место пребывания Спб. С 23 мая *в Ораниенбаумском дворце... Суббота 23. Отправил письмо к вел. кн. Мар. Павл.—* простился с Кош. — кн. Львова уехала за-гран. Обедал у Апраксина. 6.40 поехал *по железной дороге в Ораниенбаум, куда приехал в 9.».* Или: «Январь. 1864 г. Москва. 29. Среда. От утра до обеда. Жена свезла в Сенат и в карете мы простились; *я пошел в* Департамент, — она — на *железную дорогу* — не без слез. Писал с ней к Бар. Раден».

Такие подневные записи в целом не представляют общественного интереса, а потому эта часть дневника в настоящем издании использована лишь частично: включены только отдельные записи, имеющие историческое, литературное или биографическое значение (например, отсюда извлечены записи 21/X и 9/XI 1861 г. и 13 и 30/VII 1863 г., 25/III 1866 г., предсмертные записи — 24 и 25 февраля 1869 г.). Включены также записи, отсутствие которых затемнило бы смысл остального материала дневника, записи, представляющие фактическую основу для записанных Одоевским разговоров, слухов, известий и т. п. (напр., записи 13/III 1859 г., 14/II 1861 г., начало записи 26/I 1865 г., запись 25/III 1866 г.).

Главный же интерес представляют заметки, идущие параллельно подневным записям, иногда связанные с ними, иногда самостоятельные, часто внешне даже неприуроченные к определенным числам. Эта часть дневника — левая сторона тетрадей и многочисленные вклеенные в дневник отдельные листы — воспроизводятся в настоящем издании почти полностью. Опущены лишь некоторые повторения, несколько записей, не имеющих ни культурно-исторического, ни биографического значения; кроме того, сокращены не представляющие большой ценности утомительные описания малоинтересных эпизодов служебной деятельности Одоевского в московских департаментах Сената.

Заголовок — «Текущая хроника и особые происшествия» — извлечен из дневника за 1859 г.

Исправления незначительных описок, раскрытие сокращений, инициалов и т. п., как правило, не оговаривается. Французский текст сохранен только в небольших по размеру записях. В остальных случаях записи даны в переводе. Заключенное в прямые скобки принадлежит редактору.

Задачей примечаний к дневнику было восстановить подлинную историческую перспективу, настоящий исторический смысл общественных явлений, отраженных в дневнике, рассказать подробнее о событиях, упомянутых Одоевским вскользь, к слову, намеком, проверить достоверность отмеченных в дневнике слухов и т. д. Вряд ли была необходимость объяснять встречающиеся в тексте дневника имена широко известных исторических персонажей, комментировать широко известные исторические факты, вроде польского восстания, освобождения крестьян, судебной реформы. Примечания в таких случаях должны прояснить лишь тот или иной конкретный эпизод, отмеченный в дневнике. С другой стороны, ряд мелочей, не имеющих общественного или биографического значения, вовсе не отражен в примечаниях.

Примечания расположены в хронологическом порядке, с указанием даты записи, к которой данное примечание относится. В случае многократных записей об одном и том же событии комментарий собран в одном месте и снабжен соответствующими ссылками.

За помощь в работе и ряд ценных советов приношу благодарность И. А. Бычкову, Б. Я. Бухштабу, Н. Я. Рыковой, С. А. Рейсеру, И. Г. Ямпольскому и, особенно, С. Н. Валку и В. Г. Гейману.

М. Брискман

„ТЕКУЩАЯ ХРОНИКА И ОСОБЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ"

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

ПУШКИН

1859 год

[*Январь*]

В Петербурге—барыня, рассердясь на свою крепостную девку, посадила ее голой задницей на горячую плиту, так что бедную отвезли в госпиталь. На одном бале я говорю Данзасу, что такого рода печатание опаснее всех возможных печатаемых статей. Данзас стал уверять, что это происшествие—ложное; кстати подошел обер-полициймейстер гр. Шувалов, который подтвердил это происшествие еще тем, что он сам был на следствии.

Помещица Архангельская секла девку свою, из ревности к мужу, по детородным частям. А еще есть антиэманципаторы!

Февраль

Говорят, что «Польское Слово» запрещено, а издатель Огрызко посажен на месяц в крепость по настоянию кн. [М. Д.] Горчакова (наместника), который, говорят, в этом деле обойден польскими езуитами, досадовавшими за слишком русское направление «Слова», и старания сблизить обе нации.— Вспоминают, что кн. Горчаков поддался в Крыму влиянию Нарк. Атрешкова — следственно, доступен всякому влиянию, а особливо таких проходимцев, как езуиты.

Говорят, что «Польское Слово» запрещено за письмо Лелевеля, но что точно такое же письмо было пропущено в «Виленском Сборнике» самим Горчаковым.—Все это происшествие производит сильное впечатление; везде об нем толки. Говорят, c'est la première mesure extralègale du règne — et on la doit au prince Gortchacow *.

Защищают кн. Горчакова, говоря, что он поступил так потому, чтобы иметь право на подобные же меры в Польше, где они оказываются необходимыми; но общий голос против наказания без суда.

13 марта

Огрызко выпущен.

14 марта

Говорят, что вследствие оффицияльных просьб редакции «Польского Слова», а равно писем Тургенева и других (?) государь велел передоложить дело. Честь и слава государю, но не его советникам!

Говорят, что митрополит писал к генерал-губернатору о розыске: какою силою Крейцберг укрощает зверей — силою ли божественною как Даниил, или силою демонскою, в каковом случае его следует казнить.

Дворяне так сердиты на «Журнал Благоустройства», что перестали подписываться; теперь всего 500 подписчиков. — «Журнал Землевладельцев» также прекращается, ибо ценсура не позволяет ни плантаторских писем, ни ответов им.

---

* Это первое беззаконие с начала царствования [Александра II] — и им обязаны кн. Горчакову.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

Акварель работы А. Покровского, 1844 г.

Исторический Музей, Москва

15 марта

Жемчужников также писал к государю в защиту Огрызки.

17 марта

16-м числом отставлен Закревский от генерал-губернаторства. Говорят, что в заготовленном проекте указа было поставлено: по прошению и с оставлением членом Государственного совета, что государь вымарал, оставив лишь генерал-адъютантом.

Говорят, что по случаю отставки у Закревского была вся Москва с визитом. Объясняют это тем, что поправил в Москве о себе мнение возражениями против эманципации. Говорят, наряжено над Закревским следствие.

В многих крестьянских комитетах выразилось мнение о гласности суда и допроса.

Гримм желает ввести музыкальный элемент в воспитание наследника. Наследник, Александр Александрович и Владимир слушали музыку с видимым удовольствием. Мария Максимилиановна—ее мнение о пении Штуббе. Кажется против Штуббе есть интриги. Молодые князья спрашивали меня о скрипках, что такое Гварнерий, Страдивариус.

18 марта

Варшавского Горчакова прозвали: Don Quichotte malfaisant *.

Мираж моего сна: поутру вчера читал я статью о Шамиле и о горцах и вечером поднимался по высокой лестнице к Гримму и устал; во сне отразилось это моим пребыванием у горцев, где я в доме, но в верхнем этаже, а горцы наступают с низу высочайшей лестницы, оружие в моих руках было странное, вроде длинной оси, с загнутым концом, которое почиталось самым действительным оружием — отражение частей того механизма, о котором я вчера толковал Шеплыгину.

Сочинитель книги: «Описание сельского духовенства» — Беллюстин — священник в Калязине. Его гонит духовенство, и говорят, что в Синоде шла речь о ссылке его в Соловецкий монастырь,—что было остановлено особой запиской государя. Другие жертвы такого же гонения: Медведев, бывший преподаватель в Московской духовной академии, Гиляров — теперь цензор в Москве. (В «Духовной Беседе»—против этой книги статья, написанная, говорят, Муравьевым, исправленная Филаретом московским. В сей статье между прочим говорится, что духовные училища от того худы, что отняли имения у духовенства).

26 марта

Веневитинов при мне получил письмо от своего управителя из Симбирской губернии, что крестьяне уговорились не пить водки, и наложили на виноватого штраф в 5 р., но что вследствие предписания земского суда по циркуляру от министерства внутренних дел о том, что «за пьянство не подвергать штрафу и наказанию», он должен будет постановление крестьян отменить.

3 апреля

Когда Миттендорфа выбрали в председатели Вольно-Экономического общества, он благодарил импровизированной речью, где между прочим сказал: я не ослепляюсь вашим доверием,—милостивые государи,—и понимаю, что вы в моем лице видели академика, и непременного секретаря Академии, и хотели почтить: науку и коллегиальное устройство. Я предложил членам: просить принца Ольденбургского, выбывающего из президентов по новому уставу,—быть, по тому же уставу—покровителем Общества. Эта демонстрация отложена до будущего заседания.

---

* Зловредный Дон-Кихот.

4 апреля

Чуть было не выбрали меня в Городской общей думе в старшины 1-го отделения. Заметив по первой (бюллетениевой) баллотировке, что я попал в числю трех кандидатов, я просил членов не класть мне шаров. Не смотря на то, мне положили более 40 на 66. К счастью, Хрущеву было 66—1, Огареву (генерал-адъютанту) больше меня тремя шарами и, следственно, Огарев и остался кандидатом под Хрущевым. Затем меня выбрали в Городское депутатское собрание 63 голосами против 3.—Сегодня хоронили Бозио; было какое-то столкновение между студентами и полицией, что противники университета, разумеется, стараются преувеличить. Я сказал во всеуслышание им, что есть котерия, которая, если студент снимет шляпу, то готова сказать, что он шляпу бросил о земь, или снял ее с прохожего.

Была пресмешная история со стульями в зале Думы, где собираются все сословия. Поставили было стол присутствующих у подножия государева портрета, как во всех присутственных местах, а стулья остальных членов обратили лицом к царскому портрету. Генерал-губернатор [П. Н.] Игнатьев нашел в этом, как равно и в высоких спинках кресел что-то представительное, даже революционное,—и велел перенести стол и стулья, так что все и присутствующие и остальные члены пришлись б о к о м к царскому портрету, что всем показалось весьма неблагоприличным. — Было несколько представлений генерал-губернатору; тщетно. Но наконец уже перед 4 апреля его уговорил, кажется гр. Апраксин, отказаться от такого нелепого каприза, и в заседании сегодня мы сидели п р я м о к лицу государя. Но все таки г. Игнатьев не позволил стол присутствующих поставить на небольшое возвышение, хотя от того в задних рядах не видно и не слышно. Что за дребедень! Говорят, что г. Игнатьев явно говорит, что Городовое положение 1775 г. есть произведение революционного духа того времени,—следственно, и Учреждение о губерниях—тоже? Уже почему не начать с Петра Великого, учредителя коллегиального устройства? Если такое революционное дело в течение 100 лет не оказало своего вредного действия, то кажется можно оставить его в покое. А не будет ли в самом деле р е в о л ю ц и о н н ы м опровергнуть этот вековой порядок?

5 апреля

Был сегодня большой пожар в Каретной части — в 1 час ночи я не удержался, чтобы не съездить проведать Библиотеку, и нашел все в порядке.

26 апреля

Толки о поддержке правительством откупщиков против обществ трезвости, о содействии откупщикам со стороны тех помещиков, которые вовсе не желают, чтобы крестьяне привыкали к самоуправлению. Этою мерою недовольны; сравнивают с торговлей англичанами опиумом; боятся, что будут жечь кабаки; что содействие откупщикам не будет иметь результатов, но что сей мерою воспользуются раскольники, как оппозиционным средством; обвиняют в том, что не дадут откупу лопнуть, заменив его акцизом. Вообще ожидают весьма худых последствий от сей меры.

Рассказы о кокарде гр. Разумовской. Она в восхищении, и все ездят ее поздравлять; между тем выпускают следующее сближение: что она дает надежду Лидии Нессельроде также когда-нибудь получить кокарду (вспоминают, что гр. Разумовская была продана своим мужем за 300 т. р. ассигнациями).

28 апреля

Приехал Виндишгрец *; в выборе этого человека, некогда столь близкого к императору Николаю, видна обычная австрийская тонкость. Этот старый

* Этот слух оказался ложным. [Прим. В. Ф. О д о е в с к о г о.]

паук пускает повсюду свои отравленные тенета; не уж-ли мы еще раз в них попадемся? Благородного человека можно обмануть один раз, но два раза сряду обманывают только дураков. Говорят, его примут весьма учтиво, но отпустят ни с чем. Дай бог! Сегодня за обедом у вел. кн. зашла речь об parti autrichien Франции. Я заметил, qu'il y a partout un parti autrichien.— «Comment, est ce qu'il en existe même chez nous»? *—спросил меня кн. Василий Долгоруков (шеф жандармов)—«Ho! ho!», отвечал, я, не желая продолжать разговор «Mais est ce que en verité il existe»? ** продолжал князь посмеиваясь. «Oui! mon prince, — отвечал я, — mais ces gens n'ont pas le courage de l'avouer» ***.

Май

Рассказывают про скупость Кокошкина (неаполитанского)—выписывает бумагу из Флоренции, потому что она там двумя гранами дешевле, и как Чевали имеет правилом ничего не посылать под видом депеши, то Кокошкин ему доказывал, что эту бумагу можно послать в виде депеши, ибо хотя она и не депеша, но назначается для депешей.

Басня—верблюд и лев (на Чевкина). Лев сделал верблюда министром; а верблюд лег поперек дороги.

Ходячая карикатура—Россия окруженная колыбелями, в коих крестьянский вопрос, финансовый вопрос. — Кн. [А. М.] Горчаков приглашает ее танцовать, а ей не до пляски за заботами.

Говорят, что Кошелева не сделали экспертом в Крестьянской комиссии потому, что он нажил состояние откупами.

4 мая

Une gazette anglaise dit: l'Autriche a 3 principes: l'infanterie, la cavalerie et l'artillerie ****. Слухи о Виндишгреце вздор, он еще не приехал. Бух сменен.—Говорят, что вчера государь дал Плаутину жестокую головомойку за буйство гвардейских офицеров.

10 мая

Меня выбрали в общники Академии художеств и с первой минуты заставили раздавать медали.

21 мая

Кн. [А. М.] Горчаков говорил бар. Раден: ***** «Удивительно, что в момент великих событий среди государственных деятелей — одни пигмеи. Карольи утверждает, что мы заодно с революционными партиями. Я ему ответил: Австрия, соглашаясь на конгресс, ничем не рисковала—или очень немногим; начав войну, Австрия развязала бы руки революционным партиям: вы говорите, что в случае неудачи вы поднимете всю Германию—тем хуже, но вы поднимете прежде красные партии. Мы—консерваторы, но мы считаем своим долгом знать, кто настоящие революционеры.—Я получил из Вены

* Что австрийская партия существует повсюду.—Как, разве она существует даже у нас?

** Нет, правда, неужели она действительно существует?

*** Да, князь, но ее сторонники не имеют мужества сознаться в этом.

**** Одна английская газета пишет: У Австрии есть три принципа: пехота, кавалерия и артиллерия.

***** Далее до конца записи, за исключением двух фраз, в подлиннике по-французски.

Текущая

~~СЕМЕЙНАЯ~~ ХРОНИКА.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой. —
Пушкин.

1859

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО
Публичная Библиотека, Ленинград

письмо, подписанное: женщина, которая вас презирает». («Вы не знаете, сколько ей лет?»—спросил я). «Сейчас мы дойдем до ответа на этот вопрос. Письмо на 4-х страницах, полное инсинуаций; между прочим она пишет, что кн. Горчаков должен бы стыдиться причинять вред прекрасному дому Габсбургов, который мы любим, который мы обожаем и т. д., и связываться для этого с таким революционером, как Луи Наполеон, которого по справедливости следовало бы повесить, а Горчакова рядом с ним, как сообщника. — Это письмо я послал государю, — говоря: вот, ваше величество, чего мне стоит ваша политика. — Если бы письмо было подписано, я бы ответил: пришлите мне вашу фотографическую карточку, чтобы я знал, какое чувство вы внушаете мне. Ротшильд говорил, что сейчас основным вопросом для многих дворов Германии является вопрос желудка, так как Австрия с большой ловкостью распределила повсюду свои облигации. — Я убеждаю Чевкина привлекать возможно больше иностранных капиталов—это залог безопасности. Почему Англия терпит пощечины, которые ей постоянно наносит Америка? потому что английские деньги вложены в американские железные дороги».

Во время обедни в саду я сказал гр. Строганову: «чрез кого я могу представиться вел. кн. Марии Николаевне?»—«Чрез Куракина».—«Но я по особому случаю—как новый член Академии художеств».—«А тогда чрез кн. Г. Г. Гагарина, который назначен президентом». После завтрака, видя, что многие представляются вел. кн., я попросил Строганова доложить обо мне. Я тотчас был допущен. «Мы с вами теперь — camarades des service *, сказала вел. кн.; я еще не была на выставке. Как она?»—«Очень замечательна по работам молодых людей».—«Да! Но старые ленятся»... После нескольких слов, я нашел возможность сказать, как бы хорошо было присоединить к художествам в Академии и музыку. «Oh! je ne puis pas entendre la musique — сказала вел. кн. — cela me donne des crispations de nerfs — et où prendre de l'argent?»**.

28 мая.

Вел. кн. Елена Павловна вечером завела речь о бар. Корфе: «Правда-ли, что ему поручено прочесть наследнику курс права? Почему он не отклонил это предложение и не настоял на том, чтобы это было поручено какому-нибудь профессору? Скажите ему об этом — вопрос слишком важен. — Я знаю, что он рассердится, но что же делать. У него много [нрзб]». — «И много достоинств, ваше высочество, довольно редких по нынешним временам». — «Да, но их не видно». — «Разве по его вине? То, что ему поручают, он исполняет хорошо». — «Почему он ушел из Крестьянского комитета?»—«Он оказался в невыносимом положении—ему все время давали понять, что он всего лишь — пролетарий». — «Государственный деятель не должен обращать на это внимание; у него не хватает выдержки». — Я рассказал о пожертвовании Корфом всей выручки его книги (26 т. р.) в пользу Библиотеки, ее устройства. — «Это очень похвально для частного лица, но недостаточно для государственного деятеля». — Я рассказал басню о белке и о возе орехов. — «Да, все это хорошо, но ведь это он с Бутурлиным настаивал на закрытии университетов». — «Нет! Но он был против студенческой формы». — «Не только против формы, — я знаю, чего мне стоило отвратить великого князя от всех тех идей, которые ему внушал Бутурлин».

* Товарищи по службе.

** О! я не в состоянии слушать музыку... это вызывает у меня нервные спазмы. А кроме того, где взять денег?

29 мая

Рассказывают, что император Николай так был уверен в помощи Австрии при начале Крымской войны, что посылая не знаю какого генерала к австрийскому императору, он велел сказать, что он настоятельно просит, чтобы сам император отнюдь бы не ездил сам на войну.

Говорят, что когда на Павского был донос, что он преподает противно учению церкви, то император Николай, призвав его, спросил: чему он верует? Павский отвечал: «вера есть дело между богом и мною и в этом я никому не обязан отчетом. Что же касается до моего преподавания, то я держусь в нем учения церкви, нисколько не отступая».

Говорят, что на приговоре о ссылке Шевченко император Николай прибавил собственноручно: не позволять ни писать, ни читать. Что и действительно наблюдалось и для чего был приставлен к Шевченке особый сторож во все время его ссылки.

Над Беллюстиным было уже 17 следствий, он каждую минуту на волосок от Соловков. Опоздает звонить — следствие; то выдумают, что пропустил такую-то молитву — следствие, — он в беспрестанной тревоге. — Мои попытки перевести его в морское ведомство не удались; морские священники сводятся под эпархиальное начальство.

Кн. [Д. А.] Оболенский сказывал мне, что когда он был послан ревизовать Черноморское провиантское комиссариатство, открылось, что поставщик три года лишь п р е д ъ я в л я л на бумаге припасы, но в натуре их не ставил, — его бумажки записывались в книги, а смотритель (из вахтеров) давал квитанцию в приеме по приказанию начальства. При очной ставке с начальником, начальник в оправдание говорил: «за чем же ты не доносил на меня?» Это ошеломило бедного смотрителя. «Да как же я могу осмелиться доносить на начальство?» Он был бы спасен, как наименее виноватый, но по отъезде Оболенского, верно под угрозами благоприятелей — застрелился. В Черноморском флоте не был введен ни один новый закон, потому что Меньшиков не любил Лазарева.

Комитет для составления свода морских постановлений длился десять лет, на огромном содержании и все его занятия ограничивались тем, что Фишер спорил с Жандром. — Когда, после 10 лет, потребовали сделанные ими работы, они прислали лишь экземпляр печатный свода общего, и 4 дела; эти дела состояли в споре Фишера с Жандром о том, что один к другому должен относиться рапортами, или отношениями, мог ли не знаю кто из них [писать] — т р е б у е м ы е сведения, а не п р о с и м ы е и т. п.

Сильны толки в городе о деле с купцом Малкиным [Малковым], гласным в Распорядительной думе. Рассказывают различно, но все нападают на [П. Н.] Игнатьева и на Панина, что они, чтобы поддержаться на месте, — пожертвовали правосудием и популярностью государя. Игнатьев, говорят, за что-то поссорился с Малкиным и посадил его под арест на две недели, тем расстроив его коммерческие дела. Малкин подал просьбу, требуя суда. Дело дошло до Общего собрания Сената, куда приехал сам Панин и уговаривал сенаторов каждого отдельно; но с ним согласились лишь трое. Огромное большинство решило: дать суд Малкину; — дело должно было перейти в Государственный совет, но Игнатьев с Паниным выхлопотали повеление приостановить дело, а Малкину внушить, чтобы он не смел повторять своих просьб под страхом высылки из столицы. Что во всем этом верного, или преувеличенного, — но результат тот, что эти толки везде, и производят самое неприятное и вредное впечатление. — Отказ в правосудии, un déni de justice — вот что слышится везде и на всех языках.

Сентябрь

1-го сентября был с другими чиновниками у министра Муравьева; на вопрос, что делает ученый комитет, я отвечал: держит свою аванпостную службу. Действительно, перед тем шла речь о важном влиянии, которое произведет замена кулей мешками по военному ведомству, эта мысль вышла из Ученого комитета при соображениях о сохранении лесов.

Октябрь

Параболические стекла обливаются смесью азотнокислого серебра и раствора сахара на разгоряченное стекло.

Об Etablissement de bouillon Дюваля в Париже (суп — 20 сант.; самое дорогое блюдо бивстекс с картофелем — 50 сант.); семейству из 4-х человек обед стоил 3 франка. — Обедают до 60 тысяч человек; барыш Дюваля 3 сантима с человека в день.

12 ноября

Работал над наставлением для надзирательниц Патриотических школ. В Библиотеке.

14 ноября

В ученом комитете подписал журнал и задал на сочинение народного учебника.

[*22 ноября*]

Говорят, что когда кн. [М. Д.] Горчаков (Варшавский), взбешенный вопросами по делу Огрызки, вскричал: не уж-ли ж можно у меня отнять право посадить кого в крепость, когда мне это покажется нужным — кто-то сказал: «Правда, князь, но этот вопрос напоминает вопрос одного лица в «Недоросле»: Не уж-ли дворянин не может побить слугу, когда ему з а х о ч е т с я?». (NB. В «Недоросле» этот вопрос вложен в уста Скотинина).

[*29 ноября*]

Т[олстой И. М.] рассказывал, что ехал на извозчике, который сказался господским человеком; спрашивал: будет ли воля? — «Будет, только нельзя вдруг». — «Да будет ли? Уж мы ждавши язык поломали. — Вот если бы господам позволили вольных разобрать, кому сто, кому двести, то тотчас бы покончили».

Ростовцеву лучше. Долгое время врачи не позволяли ему даже думать о деле освобождения.

Жд[анов] сказывал, что очень мало теперь случаев жестокого обращения; бывало до 200 в год, ныне едва три, четыре; тоже и в отношении к убийству помещиков. Однако в Пскове одна барыня не только секла девку по переду из ревности, но, свернув кнут, всунула ей так, что та потеряла способность к деторождению; муж [нрзб] любовник повенчан; между тем по суду оставлена только в подозрении.

Говорят, что [Н. П.] Игнатьева китайцы посадили в тюрьму.

В концерте Музыкального общества la haute société a brillé par son absence *, как и во всех патриотических предприятиях. Из всех аристократических имен во всех этих вещах торчит одно мое имя, яко перст, — aussi je n'ai pas d'enfants **.

---

* Высшее общество блистало своим отсутствием.
** Но я не имею детей.

Особыя происшествія:

Приключенія, встрѣчи, подробности болѣзни, если таковая случится, ея леченія; маршрутъ, поѣздки, число верстъ, дорожные расходы и проч.

Число мѣсяца.	Январь.	Число мѣсяца.	Февраль.
14	[illegible]		[illegible]

Съ кѣмъ познакомился.

№	Имя и фамилія.	Гдѣ и когда познакомился.	День Ангела.	Адресъ.	Характеръ знакомаго, его положеніе въ свѣтѣ, пріятный или полезный, пустой или дѣловой, во всѣхъ случаяхъ можетъ быть полезенъ.
	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Публичная Библиотека, Ленинград

[*6 декабря*]

В 1848—1849 году поляк Гофмейстер был сослан в Оренбургский корпус за участие в возбуждении мятежа с д-ром Рором; мать писала к 70-летнему генералу Левицкому, чтобы уведомить, жив ли ее сын. Левицкий ответил, что жив и что как верноподданный он не может ничего для него сделать, но как христианин постарается облегчить его участь. Письмо было перехвачено на польской границе. За это Левицкий был отдан под суд и во время производства суда умер от удара. — Гофмейстер сослан в Сибирь на поселение; куда приехала к нему его невеста и вышла за него замуж. Ныне возвращен вместе с другими.

Рассказывают, что [Н. П]. Игнатьев в Бухаре не отличился и скомпрометировал русское имя; по обычаю, как скоро русский посланец переезжает через границу, так все его содержание натурою идет от хана; беспрестанно возникали требования того, чего не доставлялось. Чтобы покончить, Игнатьев согласился принять от хана содержание — деньгами.

11 декабря

Благодарение всемилосердому богу! я освободился от грозивших мне занятий по цензуре! И как премудро господь бог это устроил — для моего спасения и совести. Но что будет?

17 декабря

Говорил с И. М. Толстым *. «На вас лежит историческая ответственность; одни разрушают веру в государя по своему тупоумию, другие — дабы удовлетворить свои мелкие страстишки; они ставят себя между государем и любовью народа. Они хотели бы поставить правительство в противоречие с самим собой. После того, что решено о статье [В. П.] Б[езобразова] ни один добросовестный цензор не должен разрешить никакой серьезной статьи о местном и областном управлении, между тем, как правительство стремится к тому, что бы избирательные должности занимались людьми способными и чтобы избиратели относились к выборам серьезно. Возможно ли уверять в том, что какая-либо статья может оказаться более опасной, чем случай с Малковым, слух о котором облетел всю Россию?» Толстой говорил, что он это объяснил этим господам. «Хотят усилить Главное управление цензуры экспертами, но чему это поможет, если эксперты будут вопиять в пустыне, а Панин с сотоварищами будут обделывать свои дела в другом месте. Давайте их сюда на очную ставку и документы на стол. Я странное существо — я не стремлюсь ни к чему, я не прошу ничего и я не желаю ничего, но я не могу видеть, как люди компрометируют государя, которого я люблю помимо моих обязанностей в отношении его всеми силами моей души — и кто может не любить его? — люди, которые натворив что-либо прячутся за государя вместо того, чтобы защищать его. Скажите это государю и не щадите меня. Основанием самодержавного государства является истина, более чем при каком-либо другом строе. Нужно, чтобы гласность касалась прежде всего чиновников, и вины их были ясны всем, дабы из-за отсутствия гласности их преступления не переносились на священную особу государя».

При диспуте (в воскресенье) Ламанский дозволил диспутантам обращаться к публике; и потом, когда публика вмешалась в диспут, сказал: я вижу, что мы еще не созрели для таких диспутов — на это из толпы ему отвечали: нет, а вы не созрели для управления такими диспутами.

* Далее до слов «При диспуте...», за исключением двух фраз, в подлиннике по-французски.

20 декабря

История с бароном Корф доказывает, что в мире бывают события, происходящие силою обстоятельств (тем же движением жизненных соков, которое заставляет растение склоняться в благоприятной атмосфере в ту или другую сторону), когда вопреки всеобщему желанию, и без вины с чьей-либо стороны вполне лойяльный человек бывает вынужден отступить, отказаться от своего дела. Свободная воля человека, что бы там ни говорили, имеет свои пределы *.

Владимир Безобразов был смешан с Михайлом Безобразовым. Панин и consorts ** нарочно не объяснили разницы между этими двумя людьми, — а объяснил, говорят, Ростовцев. Как бы то ни было, Безобразову (за статью в «Рус. Вестн.») — выговор; ценсор отставлен от должности, но причислен к министерству народного просвещения.

История Малкова прошла за границей и произвела самое невыгодное впечатление на негоцьянтов: «Comment voulez vous, говорили они, que nous allions engager nos capitaux en Russie, quand la justice n'y est pas exercé, et par consequent la propriété et les droits ne sont pas garanties, et on peut compromettre les affaires commerciales d'un homme en l'emprisonant par justice, administrative» ***. Дойдет ли это до сведения государя? а дело важное, если приравнять к тому, что говорил министр иностранных дел о необходимости сколь возможно более притягивать капиталов в Россию, ибо это громоотвод против войн.

Чевкина обвиняют в настоянии об отставке Унковского, предводителя тверского (за что? — не знаю) и называют горбатым Аракчеевым.

1860 год

10 января

Писал к Некрасову относительно «Филантропа» и получил ответ, где он уверяет честным словом, что не имел меня в виду. Чтение в пассаже в пользу литераторов. — Публика требовала «Филантропа», Некрасов сказал, что слабость груди препятствует ему читать более. Публика вела себя удивительно и восхитительно.

31 января

[А. Г.] Рубинштейна вызвали. — Правда, что я надоумил, такие толчки необходимы; теперь публика поняла, что ей необходимо было вызвать и только потому, что несколько человек начали!

1 февраля

Концерт Музыкального общества — 9-ая симфония. Серова пиес не пели, за отказом солисток по причине высоких нот. После концерта жезл Рубинштейну от оркестра, хоров и членов. Только г.г. директора скомкали — не дали Яковлевой войти на эстраду, я втащил одну Гринберг [Грюнберг] с венком. Жена со мною была на этом концерте.

---

* В подлиннике запись по-французски.

** Единомышленники.

*** Как же вы хотите, чтобы мы помещали свои деньги в России, когда законность там отсутствует, следовательно собственность и права ничем не гарантированы, и можно расстроить коммерческие дела человека, арестовав его в административном порядке.

6 февраля

В театре в бенефисе Лагруа в «Норме» — Лагруа была чудо, и тем нелепее казалась музыка. На место Ростовцева публика нарекает: Муравьева, Панина, Ламберта, [Н. А.] Милютина, Булгакова.

13 февраля

Панин назначен председателем эманципационного комитета на место Ростовцева. Явилась и эпиграмма; говорят, что это после трагедии la petite pièce, mais trés longue *. Прибавляют еще злее, что от карбункула люди или умирают, или вылечиваются, а у него карбункул вошел в мозг и там и остался.

Вечер у Авроры Карамзиной. Кн. [В. Н.] Долгоруков и гр. [И. М.] Толстой приняли меня с вопросами о назначении Панина. Я отвечал, что *нахожу его весьма благоразумным, ибо оно удовлетворит недовольных* эманципацией, а между тем дело будет сделано и по силе вещей, и потому что самолюбие Панина будет в этом заинтересовано. Спрашивал Крамптона о наказаниях, употребляемых в английских школах; он не знает наверное.

[*22 февраля*]

На лекции Северцова — еще не привык говорить — проглатывает концы слов.

Говорят, что Панин сказал новой категории депутатов, что им нечего ни писать, ни собираться у Шувалова, а что он будет сообщать им, что им делать. Депутаты весьма недовольны его приемом. После этих слов Панин напомнил, что не должно увлекаться личностями и страстями и что записки депутатов должны быть кончены в течение месяца. Тогда на сцену выступили Горсткин, Минин и другие и просили объяснить, с какого времени считать месяц, ибо иные уже тому две недели получили вопросы, а другие доныне никакого. Панин отвечал: мне остается вам повторить, что ваши записки должны быть окончены в течение месяца. Напротив, в Редакционном комитете были весьма довольны Паниным, так что один из членов сказал: «Кажется нам председателя подменили, точно Панин, а не похож на Панина». Он был очень вежлив, говорил много о полной независимости мнений, всех выслушивал, сводил мнения и постановлял вопросы. Иные видят в этом ловушку и предполагают намерение Панина отделаться от комиссии, принимать ее журналы к сведению, а в большой Комитет представлять собственные мнения под видом извлечений из журналов комиссии.

[*28 февраля*]

Говорят, тверских депутатов Унковского и двух Алопеусов сослали в Вятку; вероятно не на долго, но это происшествие возбуждает общее и весьма *значительное негодование, выражающееся на всех диалектах: русском*, французском и даже немецком, хотя в этом обвиняют австрийскую партию, которой цель ** сделать государя непопулярным, приучить правительство к произволу, прекрасно зная, что произвол — опиум, дозу которого нужно постоянно увеличивать. Будто воспользовались добротой государя, убедив его, что законный суд имел бы пагубные последствия для этих господ, что гораздо лучше в интересах осужденных действовать в таких случаях в административном порядке. — Ни одного наказания без суда! Лучше их расстрелять, но после суда и проч. т. п. Прибавляют, что это

* Водевиль, но слишком длинный. [Намек на высокий рост Панина].
** Далее, до слов «и проч.», в подлиннике по-французски и по-немецки.

дело — времен Клейнмихеля и покорения Крыма..., что одного господина избирали в какую-то должность и что он отказался, говоря, что он не хочет быть сослан, как Унковский, и не получить суда, как Малков. Иные видят тут целую систему: сперва раздражить купцов, потом дворян, затем студентов (по поводу какой-то перехваченной переписки между харьковскими и киевскими студентами о грамотности и даже о каком-то проекте конституции!!) и приготовляют чем бы раздразнить крестьян *. — Что цель зажать рот тем, кто говорит об административных злоупотреблениях, убедить всех, что следует рассчитывать не на правосудие, а исключительно на угодливость перед стоящими у власти; что хотят вести ту же игру, которую вели в предыдущее царствование, т. е. под предлогом охранения интересов правительства сделать его послушным орудием собственных, частных интересов и проч. и проч. Другие напротив говорят, что в совете министров все объявили, что по закону Унковского и других обвинить нельзя, и что о ссылке их — для примера — настаивали Ланской, Чевкин и [П. П.] Гагарин. Что тут правда — не разберешь, но общее негодование выражается гласно. Какую цель преследует наказание? — говорил один господин — произвести известное воздействие на массу. А чего достигают произволом? — убеждения, что можно избежать правосудия интригами и деньгами и что можно понести наказание за вполне законное деяние, возбудив неудовольствие власть имущих. Как бы то ни было — все это прискорбно в высшей степени. Le revers de la medaille **. Унковский — человек в долгу, как в шелку и ему хотелось сохранить за собою звание губернского предводителя в надежде, таким образом, получить хорошее место. — Была постройка гимназии, ревизия которой производилась его врагом кн. Шеханским и каким-то тайным советником Долговым. В рапорте ревизоров Унковский нашел для себя оскорбительные намеки о каких-то с д е л к а х; приехал в Дворянское собрание и назвал ревизоров м е р з а в ц а м и; Долгов почел долгом вступиться за отсутствующего кн. Шеханского — редактора рапорта. Дворяне выгнали Долгова из собрания, по настоянию Унковского, и даже говорят в шею. Сын кн. Шеханского вызвал Унковского на дуэль; Унковский отказался, говоря, что, находясь на службе, он за служебные дела не дерется. Происшествие о драке дошло до Петербурга. Между тем от Унковского стали требовать рассказа о том, что происходило в петербургском комитете, где он был депутатом; он отозвался, что за предписанием министра, он говорить об этом предмете не может. Тогда дворяне положили отправить просьбу государю. Губернатор (Баранов) принять ее не согласился, но имел неосторожность прибавить, что дворяне могут пользоваться правом представления всеподданнейших просьб. Дворяне наняли экстренный поезд в Петербург, где между тем Унковский уже был отставлен за возбуждение драки в собрании. Кн. Шеханский молодой обратился снова к Унковскому, говоря, что его предлог миновался, и что он вызывает его снова. Унковский снова отказался. Кн. Шеханский уведомил его, что он его ударит при первой встрече в публичном месте. Действительно, они встретились в каком-то концерте. Губернатор, отведя кн. Шеханского к дверям, отправил его волею неволею из города. Все восстало на Унковского, и друзья его отступились; но ссылка Унковского в Вятку снова помирила с ним дворян тверских, — и он теперь слывет у них жертвою за общее дело. Вот выгода секретного судопроизводства.

29 февраля

Экзамен желающих учиться бесплатно у профессоров Музыкального

* Далее, до слов «как бы то ни было», за исключением двух фраз, в подлиннике по-французски.

** Оборотная сторона медали.

общества. Я должен был проакомпанировать дюжины две варламовских романсов и разных фиги-фаги итальянских (замечательный голос Эллионт). Другие члены, разумется, опоздали. Предложил им наставление для профессоров, программу конкурса на народные песни.

10 марта

У меня поутру Погодин — показывал ему мое сказание о гласах — одобрил. — Его письмо к дочери в Тифлис по поводу обеда кн. Барятинскому в Москве, на который Погодин не попал, что произвело в Петербурге неприятные толки и что, говорят, государю старались представить в виде несочувствия литераторов к человеку, им любимому.

17 марта

Вечер у вел. кн. [Елены Павловны]. — Дрейшок — кунстмахер, а не музыкант — взбесили меня дамы [нрзб] с Рубинштейном, который сел акомпанировать Лешетицкую и уж тем убил Дрейшока. Вел. кн. сказала мне *: «Скажите Рубинштейну, чтобы он сыграл что-нибудь хорошее». «Ваше высочество, это невозможно, это сочли бы за неучтивость по отношению к артистам». — «Вы — голова, пустите в ход все Ваши дипломатические способности». Я к Рубинштейну — тот и руками и ногами; но вел. кн. настояла на своем. Рубинштейн, к моему удивлению, начал играть. «Ваше высочество, — сказал я вел. кн., — моя дипломатия должна спустить флаг перед вашей». — «Мне пришлось прибегнуть к крайним средствам», отвечала она.

18 марта

Григорий Васильевич [Есипов] читал мне свои архивные работы. Дело об истязании Деревнина царицею Прасковьею Федоровною. Письма Алексея Петровича, между прочим письмо к нему его духовника Чакова, который напоминает ему его клятву во всем ему повиноваться, яко ангелу. Манифест Пугачева об свободе крестьян и об избитии всех дворян. — Трудится над царицею Евдокиею и Преображенским приказом.

19 марта

Погодин прислал мне билет на мою записку о том, что мне нельзя не быть на диспуте, ибо тут я заинтересован лично: что я такое? Норманн или жмудь? Диспут шел хорошо; но ни в том, ни в другом оппоненте нет искусства спорить, а особливо у Костомарова. Были остроумные у них шутки. Публика слишком прерывала. Как не завести колокольчика? Как не иметь презуса? Были люди, которые жаловались на публику. «Да что же, сказал я, разве вы хотите, что бы живые люди были мертвыми?»

От 24 февраля 1860 за № 45 последовал приказ от военного министерства о том, чтобы бессрочно-отпускных в разных случаях (не подвергающих их законному суду), между прочим при вредном влиянии на общество, обращать в действительную службу без произведения следствий по распоряжению исправников и городничих. (Сегодня в субботу он напечатан в «Северной пчеле» in extenso **).

Я спрашивал у [Н. А.] Муханова, какому цензору он мне присоветует отдать мою рукопись о древнем русском песнопении. «Вот вы нападаете на цензуру, когда публика вся нападает на литературу, но мы уважаем ученые сочинения» — «Ведь публика для вас, — отвечал я гр. Сумарокову с Б. Федоровым и Алекс. Фед. Гамом. — Настоящая публика говорит другое,

* Далее до конца записи в подлиннике по-французски.
** Полностью.

а именно, что корень цензуры сладок, но плоды ее горьки». — «Нет, возразил Муханов со вздохом, и корень, и плоды горьки».

[20 марта]

Возобновленная строгость цензуры возбуждает разные толки: говорят, что ее усилили для содействия Герцену, которого «Колокол» в последнее время начал уже было ослабевать, а теперь снова привлекает интерес читателей. Важнее этой шутки замечание, что в то время, как боятся карикатур «Искры», позволяют распространять в народе лубочные картинки страшного суда, где изображены разные роды истязаний, которые были произведены на практике в Старой Руссе.

Губернатор Ховен присутствовал в губернском правлении (во время оно) и когда, в споре, показали ему Свод, он взял его и сел на него, говоря: ну где же теперь ваш Закон?

Бенкендорф говорил Дельвигу, который стал ссылаться на закон: «закон для подчиненных, а не для нас».

Таганрогский (Керченский?) градоначальник Франк нашел, что выписывать «Сенатские Ведомости» напрасная издержка, что довольно его предписаний, и просто на просто запретил их выписывать в присутственные места. Арцимович рассказывал, что быв послан в Таганрог (Керчь) в комитет какой-то, он не только не мог достать ни нумера «Сенатских Ведомостей», так плотно они были запрещены, но даже и Свод должен был выписывать из другой губернии и послать за ним подводу.

23 марта

В большом концерте Большого театра под дирекцией Шуберта («Хота» Глинки с 3 арфами) — в прошедший раз Сабуров не хотел было позволить повторить, но публика пришла в негодование небывалое — и должны были уступить — я брал ложу пополам с Штуббе.

31 марта

Был у меня поэт-водовоз Лобанов. Он должен вносить 50 р. в год, иначе отец потребует его на землю.

Бар. Корф спрашивал, хочу-ли быть представленным к награде — я отказался. Нужны бы деньги, — но просить их не стану. Nessun maggior dolore che d'essere un'eccelenza nella miseria *.

8 апреля

Мой метафизический сон с 7-го на 8-е. Грежу, что спорю с Пеликаном о чем-то, кажется, о тождестве между человеком и природой, на что он мне отвечает с насмешкой: «это толкует натуральная философия». Это меня рассердило и я ему отвечаю: «нет, я к этой школе не принадлежу; природа для меня есть функционный ряд, а человек — другой функционный ряд; вся задача философии — найти отношение между этими двумя рядами, но беда, что философы — не математики; тогда только философия будет наукой, когда найдет основание в математике.

15 апреля

Рассказывали, что у Панина снова появляется шишка.

21 апреля

По Конногвардейскому переулку до сих пор лежат груды грязи между казармами и госпиталем и заражают воздух нестерпимой вонью. Не уж-ли

* Нет большего несчастья, чем быть сиятельством в нищете.

нет власти, которая бы могла потребовать от казарм, что настоятельно требуется от каждого частного дома? Что за стыд!

30 апреля

Вечер у Львовой, куда свез Лакруа. — Вел. кн. говорила ему между прочим, чтобы он не слишком верил разным рассказам против императора Николая * так как то, в чем его упрекали, основывалось только на исключительной любви к стране, отцом которой он себя считал. — Я сказал, между прочим, что лучшие [матерьялы?] — суть собрание законов, где можно видеть важные правительственные акты, а не мелкие детали, которые сделали бы из книги [Лакруа] собрание анекдотов, каких имеется великое множество.

2 мая

Получил ответ от гр. Адлерберга, который мое простодушное предложение привести к нему Лакруа, который бы и не нашел его городского дома, принял за желание быть во всем этом деле руководителем и наблюдателем!! Тогда же, в полдень отправил мой ответ к гр. Адлербергу с курьером, который нашел гр. Адлерберга в петербургском городском доме.

5 мая

Встретил на выставке придворного певчего Демидова, который горько мне жаловался, что Львов запретил ему учиться по урокам Музыкального общества.

Говорят, что Львов потребовал к себе все партиции из полков, чтобы увериться: не перешли ли к столбовому пению?!

8 мая

У нас Пименов, Григорович и Соллогуб. Правда ли, что его забаллотировали в Общество пособия литераторам? Что за свинство! Вот уж русские люди; держат над ними палку — ниже травы; немного отдохнут, — давай над всем свою власть показывать, — не для чего иного, а так, чтобы посамоуправствовать.

10 мая

Рассказ Лакруа о князе Монакском [Флорестане] и его конституции которую у него выкрадывали из кармана в течение 10 лет, и когда, в конце концов, он ее отпечатал в Париже, экземпляры ее оказались подмененными чистой бумагой **.

Монако, сказывал Лакруа, теперь принадлежит Франции.

12 мая

Был у нас молодой Армфельдт с рассказами о Швеции. В Швеции нас так любят, что в магазине не хотели исправить шпагу Армфельдта, потому что она русской работы. Армфельдт велел сказать, что она работана шведом, который нашел добрый кусок хлеба в России и работает на русских. Это подействовало.

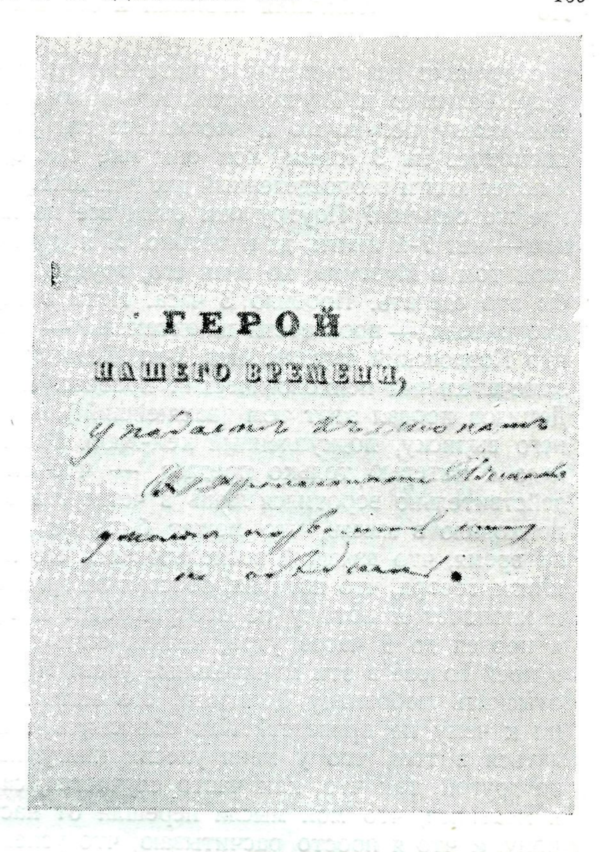
17 мая

Смирнова рассказывала про крестьянку в Ишле, которой муж был австрийцами посажен в тюрьму по наветам папистов; в то время, как она

---

* Далее до конца записи в подлиннике по-французски.

** Запись в подлиннике по-французски.



ЭКЗЕМПЛЯР «ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» ЛЕРМОНТОВА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ О. С. ОДОЕВСКОЙ
Институт Русской Литературы, Ленинград

хлопотала об том, чтобы узнать, жив-ли он по крайней мере, и когда ему позволили к ней писать, не означая откуда, к ней в дом вошла дама с мужчиной-патером, расспрашивала ее о том, что к ней пишет муж, перебирала ее книги, библии, и искала в них записок — после крестьянка узнала, что эта дама была: l'archiduchesse Sophie *, которая занималась такого рода шпионством.

20 мая

Амурский сказывал о своем намерении принять предложение 8 000 прусаков, желающих у нас поселиться. Есть желание и между славянскими населениями. Когда воротится в декабре, то желает познакомиться с Гильфердингом, которого записку гр. Амурский получил здесь, не зная, что ее автор в Петербурге.

21 мая

Что за история обеда депутатов? Говорят, кто-то предложил здоровье Унковского и Кавелина; тогда Булгаков сказал: тогда уж и здоровье Пугачева. Так ли это?

26 мая

В ночь с середы на четверг мои мучительные 3 часа.

Я всю середу не выезжал из Музеума; под моими глазами работали Демидов, Васильев, Глушковский. Пропасть было работы и бумаг из Библиотеки затруднительных; около 8 часов Демидов отпросился у меня на

* Эрцгерцогиня Софья.

час времени для свидания с матерью, по какому-то, говорил он, важному делу. Васильев и Глушковский мне помогали в переписке писем и отношений между полуночью и часом. Все мы утомились. В час я отпустил их, посмотрев на 3 книги, кои они мне сдали, по обычаю. Когда они ушли, я понес книги в определенный для них шкаф, где нашел еще три и только. Где же седьмая? Поутру они были все на лицо. Я перешарил все возможное — нет 7-й книги, да и только. Я подумал, наконец, что Козлов оставил свой том в Музеуме, но зная его, трудно было поверить, что он осмелился бы это сделать. Пробило 3 часа. Итти в Музеум в это время, поднимать смотрителя, — произвести шпектакель? — Я пересмотрел все томы и нашел, что Козловский тут, но нет 7-го, Демидовского. Тут произошел со мною замечательный психологический процесс. Естественно я заключил, что или Демидов продал этот том (важнейший!), или что он унес, чтобы взять из него выписку, подкупленный кем-либо. Где искать его? Я был уверен, что дело с матерью только предлог, — что он верно у своей любовницы (он действительно воротился лишь в четверг в 6 час. вечера, не ночевав дома); приходило в мысль, что может быть он дал только кому-либо 7-ю книгу на время, что взявший воспользовался его легковерием и просто не отдает книги, говоря, что потерял, отослал за границу, что Демидов об этом теперь и хлопочет и потому не возвращается и проч. и проч. В этом терзании я провел до 5 часов утра, нельзя описать и не упомню, что перероилось в моей голове в эти мучительные часы. Я расчитывал, что остается делать? отыскать любовницу Демидова, его мать и проч. и проч. А если все это ни к чему не приведет? Как объяснить выше этот случай? Как оправдаться в том, что у меня унесли книгу из под носа? Мысли текли одна за другой, так что, как часто случается, сам не знаешь их последования... я хватился, что мои мысли перешли от настоящего предмета в иную сторону, и что я просто расчитываю, что успешнее и удобнее, пулю в рот или перерезать себе артерию по всем правилам анатомии!.. Это наблюдение над самим собою привело меня в себя, и я, укрепясь духом, решился бодро ждать утра и чтобы сохранить силы, какие мне нужны в наступающий день — приказал себе лечь в постелю и заснуть. Но едва я лег, стараясь забыться, как-будто что меня толкнуло заглянуть в ящик стола Демидова. И что же? Открываю — 7-й том в ящике. Вертопрах думал, что он в самом деле воротится, но как все люди с слабою волею не выдержал.

29 мая

Начал читать грамматику Аксакова; несколько дельных наблюдений, потонувших в фантастическом соре.

2 июня

Совет железных дорог выписал всех возможных иностранцев, кои роздали свои акции по приятелям — так что у них образовалось 3 200 голосов, а в оппозиции всего 700. Наши и не подумали о такой штуке, даже Кошелев прислал мне 400 акций (т. е. 10 голосов) лишь 25 мая, т. е. не за 15 дней до полного собрания, как требует устав. Между тем совет распорядился так, в чем упрекал его Устрялов: во всей Европе принимались акции в конторах общества, но в России нигде, кроме Петербурга, даже в Москве, не было приема. «C'est une triste victoire, *, сказал я кн. Дм. Оболенскому, — вы словно удельные князья, в помощь на своих — татарщину призвали. — Я предвидел такую развязку и потому приехал в заседание лишь в 3½ — кутерьма, кутерьма, — порядка никакого, — все говорят вме-

* Это печальная победа.

сте, встают, собираются в гурьбы; Колиньону не дали говорить, требуя, чтобы он говорил по-русски, основываясь на том, что возражения были сделаны совету, — следственно не подчиненный совету, но член совета должен был и отвечать. Перейру спутали, хотя он говорил по-французски и не сказал ничего, кроме фраз. Председатель, бар. Мейендорф, говорит так, что разобрать нельзя, глухо и путается в фразах; не умел даже сказать, что заседание закрыто, а как-то так: «теперь, кажется, можно считать это... совещание, заседание — окончилось».

3 июня

В заседании комитета Думы, где мне предлагали звание градского главы к Игнатьеву. Остановились на Ростовцеве и на Кусове.
(с 10 тысячами жалованья) — я отказался. Хрущев тоже — по отношениям

[5—12 июня]

Граф Анреп-Эльм рассказывал, что в последнюю войну с турками, при обратном переходе чрез Дунай по понтонному мосту, он получил приказание кн. [М. Д.] Горчакова не пропускать ни одного болгара — боялись стеснения войск на мосту. Но болгаре, ожидая погони турок, собрались в числе 18 тысяч на телегах с женами, детьми. Анреп решился их пропустить и в то же время написал к Коцебу, чтобы он объяснил это дело князю. Князь посердился, но умилостивился. Приехав сам к мосту, он сказал: «mais maintenant pas un seul bulgare de plus *. Ночью прибежали к нему трое болгар, бледные, трепещущие, говоря, что за 3 версты их не пускают более к мосту — то был Хрулев, человек совершенно бесчувственный. Анреп решился написать к нему, что по приказанию главнокомандующего он должен пропустить болгарские семейства — их было до 1 500 человек. Ночью они перебрались. Поутру Анреп пошел в главную квартиру и встретил Коцебу, который, отдавая ему назад его письмо к Хрулеву, сказал: «reconnaissez vos amis **. — Хрулев принес было это письмо к главнокомандующему, но Коцебу отнял у него эту бумагу. Лидерс прислал было сено на возах болгар, согнав их семейства — Анреп велел вывалить сено на землю и отослал обозы. Наконец войска перешли, начали рубить мост; уже с трех понтонных лодок были сняты доски, остались одни продольные бревна; явились еще несколько болгарских семейств — матери решились нести детей через бревна — не было ни одного несчастного случая. Когда мост совершенно был подрублен, явились еще до 1 000 человек; видя невозможность переправы, они собрались гурьбою и запели молитву, к которой присоединился вой собак. Никогда, говорил Анреп, музыка не производила такого глубокого, хотя и ужасного впечатления на всех нас. Даже Хрулев остолбенел. Если бы их застали турки, то все семейства были бы перерезаны. Анреп, расчитывая время, велел нашим пароходам и другим судам, пришедшим для воспрепятствования движению турок, перевезти все эти семейства на другой берег. Пароходы успели возвратиться во-время к появлению турок, которые затем выставили батарею из 7 пушек. Анреп дал им выстроиться и потом пустил в них залп из 32 орудий, от чего ни одной турецкой пушки не осталось на месте. В последствии Николай Адлерберг и другие получили владимирские кресты за распоряжения для размещения переправившихся на нашу сторону болгар. Большой враг Анрепа — полковник Меньков.

8 июня

С 4 до 7 работал с Серовым над Энциклопедическим словарем.

---

* Но теперь больше ни одного болгарина.
** Знайте, кто вам друг.

13 июня

Толки о комиссии для дела железных дорог. Перейра предлагает купить Московскую дорогу, Чевкин не согласился.

Мой разговор с Бунге: почему запрещен у нас вывоз ассигнаций, когда позволен вывоз монеты. Jacques Pereira не мог этому надивиться, как Лакруа моей деятельности (Vous ne mangez pas, vous ne dormez pas — mille lieux pour vous n'est rien — vous n'avez pas d'habitudes, notre santé à nous ne suffirait pas à ce genre de vie *.

28 июля

В Думе — меня выбрали в председатели (единогласно) комиссии рассмотрения росписей городских доходов и расходов. От сего, отказавшись от звания градского главы, я отказаться не мог, но должно сознаться, что мне все даются места, где 5 тысяч неприятностей, и ни гроша жалованья. А между тем в кошельке зело пусто.

30 июля

Сегодня мне 90 лет — ровно 56 лет от рода и 34 службы.

Пора на покой, о чем писал к бар. Модесту Андреевичу [Корфу].

7 августа

Ожесточение к императору Николаю кажется не уменьшается в толпе, а возникает при каждом новом поводе. В кружке, возле которого я нечаянно остановился в Петергофском саду и где я застал конец рассказа о сирийских происшествиях, кто-то сказал: «обрезал нам крылышки незабвенный». — «Да, обрезал, обрезал», повторили другие.

Говорил с Игнатьевым о губернском комитете. Дело в том, что в губернском комитете приготовляется журнал заранее, так что некогда в него и вникнуть. Я сказал Игнатьеву: «За грехи отцов моих меня выбрали в председатели комиссии для рассмотрения городских доходов и расходов. Я бы желал, чтобы на этот раз устранились те недоразумения, кои возникали в прежние годы. Я человек не заносчивый, — но педант и буду настаивать на точном исполнении закона». — Игнатьев отвечал мне, что он исполняет свою должность, не взирая на нападки против него, — что он не может отдавать себя на рассуждение, — что другое дело в сношениях со мною и проч. Я заметил, что обратил особое внимание на недоимки, коих набралось уже 700 000.—Игнатьев отвечал, что сама Дума в том виновата и верно ссылается на полицию. — «Я знаю, что и теперь на меня кричать будут, опять выбрали портного Малкова членом Распорядительной думы. Я не могу утвердить его — он негодяй, а его поддерживают. — «Зачем вы не отдали его под суд,— сказал я, — это лучшее средство истребить ложную репутацию негодяя». — «Я по моей должности имел право без суда отрешить его».

5 сентября

Общие толки о победе Гарибальди над Ламорисьером. Итальянские происшествия сравнивают с нашим 1612 годом, а Гарибальди с Мининым, которого также польские историки называют мятежником против законного Владислава. Вспоминали, что покойный государь Николай говорил про неаполитанского короля (отца нынешнего), что [он] один из немногих, с которым можно иметь дело.

---

* *Вы не едите, вы не спите, тысячи верст для вас ничего не значат — у вас нет привычек — наше здоровье не выдержало бы такого образа жизни.*

Мартъ. 18[illegible] Апрѣль

Мѣсто пребыванія: СПб

Число	Чѣмъ занимался? Что видѣлъ? слышалъ? читалъ?		
	Съ 6 ч. утра до 4 ч. пол.	Съ 4 ч. веч. до 12 ч. н.	Съ 12 ч.ноч. до 6 ч. ут.
1	[illegible]	[illegible]	[illegible]
2	[illegible]	[illegible]	[illegible]
3	[illegible]	[illegible]	[illegible]
4	[illegible]	[illegible]	[illegible]
5	[illegible]	[illegible]	[illegible]
6	[illegible]	[illegible]	[illegible]
7	[illegible]	[illegible]	[illegible]
8	[illegible]	[illegible]	[illegible]
9	[illegible]	[illegible]	[illegible]
10	[illegible]	[illegible]	[illegible]
11	[illegible]	[illegible]	[illegible]
12	[illegible]	[illegible]	[illegible]
13	[illegible]	[illegible]	[illegible]
14	[illegible]	[illegible]	[illegible]
15	[illegible]	[illegible]	[illegible]
16	[illegible]	[illegible]	[illegible]
17	[illegible]	[illegible]	[illegible]
18	[illegible]	[illegible]	[illegible]
19	[illegible]	[illegible]	[illegible]
20	[illegible]	[illegible]	[illegible]
21	[illegible]	[illegible]	[illegible]
22	[illegible]	[illegible]	[illegible]
23	[illegible]	[illegible]	[illegible]
24	[illegible]	[illegible]	[illegible]
25	[illegible]	[illegible]	[illegible]
26	[illegible]	[illegible]	[illegible]
27	[illegible]	[illegible]	[illegible]
28	[illegible]	[illegible]	[illegible]
29	[illegible]	[illegible]	[illegible]
30	[illegible]	[illegible]	[illegible]
31	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Примѣчаніе. [illegible]

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Публичная Библиотека, Ленинград

16 сентября

Поутру у генерал-губернатора Игнатьева с журналом Думы, который ему и оставил. На необходимость строительной части согласен; обещает этот журнал включить в журнал губернского комитета для представления в Совет.

Мой аргумент по строительной части: издержка эта падает нам на голову неожиданно; мы считаем алтыны, — а тут требуют сотень тысяч; если бы нам сообщили строительные предположения прежде, то Дума могла бы уменьшить издержки по другим предметам, а не трогать постоянно запасного капитала, который дело святое и который нужно беречь на случай больших бедствий: пожаров (как в Гамбурге напр.), наводнения, как в 1824 году, голода, войны, эпидемий и проч. т. п. Запасный капитал есть капитал страховой — против всех таких бедствий.

7 октября

У нас обедала Штуббе, с которой поехали в Мариинский театр на «Жизнь за царя» — в ложе у меня кн. Оболенский и Рубинштейн. — В театре портреты живых музыкантов (кроме Даргомыжского!!) — Я советовал бы погодить, — великих людей фабрикуют после смерти, а как придется стирать? Леонова и Булахова ниже всякой критики. Видел сестру Глинки. Она просила меня отыскать facsimile канта, который был написан в честь Глинки.

16 октября

Сильные толки о варшавском свидании. Боятся, чтобы не попасть в лапки австрийских езуитов. Народное мнение так сильно, что в газетах не печатают даже ничего о приезде императора австрийского, а только о принце регенте.

17 октября

Хлопоты с Даргомыжским — он никак не может понять, что во всякой ассоциации отдельный голос должен покоряться большинству.

22 октября

Известие о кончине императрицы помещено 21 октября в «Journal de St. Pétersbourg» по-французски. Русские газеты вышли с черными полями, но без известия — от этого происходят самые неблаговидные толки, говорят о презрении к русскому языку и проч. т. п. нелепости.

Филарет противился железной дороге из Москвы к Сергию, говоря, что молельщики должны ходить пешком, а не ездить, как на гулянье. On a trouvé la difficulté * заставив Общество делать дорогу до Ярославля, которая пройдет мимо Сергия. Боялись, что монастырские служители лишатся тогда доходов от пешеходов, останавливающихся между Москвой и Сергиевской Лаврой.

23 октября

Соллогуб называет меня: conseilleur privé... des moyens de se faire entendre **.

Анекдот о Михаиле Павловиче. Однажды в Бадене Соллогуб сидел подле него в бороде. Михаил Павлович писал к Бибикову. — «En voyant Sollogub avec une barbe, je n'ai pu m'empêcher de penser à sa pauvre mère» ***.

Встретивши Дантеса (убившего Пушкина) в Бадене, который, как богатый человек и барон, весело прогуливался с шляпой на бекрень, Михаил

* Придумали затруднения.

** Советчик способов как заставить себя слушать.

*** Видя Соллогуба с бородой, я не мог не подумать о его бедной матери.

Павлович три дни был расстроен. Когда гр. Соллогуб мать, которую он очень любил, спросила у него о причине его расстройства—он отвечал: «Кого я видел? Дантеса!» — «Воспоминание о Пушкине вас встревожило?» — «О нет! туда ему и дорога». — «Так что же?» — «Да сам Дантес! бедный! подумайте, ведь он солдат.»

Все это было в Михаиле Павловиче не притворство, но таков был склад его идей.

24 октября

В «Северной Пчеле» 24 октября статья де-Галлета в защиту Джона Росселя и Англии замечательна.

Было ужасное слово Аракчеева Клейнмихелю: «Вот вы говорили, что без ленты вас никто уважать не будет; я дал вам ленту, дал другую, но вот этого (показывая себе на лоб) я вам дать не могу». — Клейнмихель перенес; что мудреного, что он почитал должным, чтобы и другие от него в свою очередь то же переносили.

Михаил Павлович однажды приехал к гр. Соллогуб матери весьма сумрачный. «Бог знает, что делается, — говорил он, — ни на что не похоже. Точно Павловы времена».

Приезжие из губерний рассказывают, что нетерпение народа возрастает. «Да скоро-ли же? Когда-же?» спрашивают они у чиновников и у помещиков.

25 октября

Говорят, что Енохин сказал государю, что если он будет работать ежедневно до 3 часов ночи, как он делает теперь (по крестьянскому вопросу), государь отвечал, что это дело такое, что можно за него «живот положить» *. Высоко, благородно и отвечает вполне моим мыслям о государе. Но не уж-ли никто из приближенных не нашелся ему выговорить, что всегда жизнь его есть драгоценность, но теперь более, [чем] когда-либо. Случись несчастие — не уж-ли народ поверит, что оно следствие натуральной болезни? и тогда уж в самом деле горе и для помещиков, и для дворянства, и для всех людей бритых. Пугачевщина возобновится, но в иных и страшных размерах.

30 октября

Полагают, что будет много больных; в крепостной церкви холодно и сквозной ветер от двух открытых друг против друга дверей для народа, которого однако ж немного. — Народ вообще холоден к кончине императрицы, кроме некоторых, весьма немногих.

Члены депутатской комиссии весьма недовольны Паниным; он даже не приехал сам закрыть комиссию, а прислал высочайшее повеление через Булгакова. — Депутаты отнеслись к министру внутренних дел с просьбою об исходатайствовании им приказания: ехать или не ехать. Говорят, что государь примет их во вторник. — В одно из предыдущих заседаний Панин проговорил: «Вы можете быть уверены, господа, что не останетесь без награждения». Это взорвало всех и Галаган отвечал: мы так уверены в милости государя, что знаем — он не захочет ошельмовать нас какою-либо наградою.

Напечатано было, по распоряжению Панина, какого-то доклада по числу членов комиссии; теперь понадобилась эта брошюра для Главного комитета и для Совета. Панин надеялся их отобрать у членов (как у сенаторов); никто не отдал. Он написал записку в 3-м лице к Черкасскому; Черкасский тоже в 3-м лице отвечал, что не может отдать брошюры, ибо, почитая ее своей собственностью, сделал на ней замечания, кои не может никому пока-

* Так в подлиннике.

зать. Панин не удовольствовался, написал еще, что карандаш можно стереть. Черкасский отвечал, что писано чернилами. Тем дело и кончилось.

Белавин, почетный смотритель гимназии, предлагал введение музыки в уездных училищах и готового человека Ламакина. [Евгр.] Ковалевский отвечал, что нельзя, что родители будут негодовать, что их детей учат музыке, да еще по нотам.

Государь каждый день возвращается в Царское село два раза—где работает постоянно над крестьянским вопросом. — Говорят, к 1 декабря будет объявлено. Сомнения в том: с манифестом или без манифеста. Я убеждаю, что последнее лучше, ибо нельзя в краткие слова манифеста включить все многообразие и сложность сего узаконения, не подавши повода к толкам.

[6—12 ноября]

Толкуют так называемые бояре об эманципации. Я вспомнил анекдот, рассказанный мне матушкой; в ее время (т. е. около 1790 года) в Петербурге одна важная барыня, родственница Глазовой (Аграфены Петровны) наказывала свою девку следующим образом: обливала ее водою, и потом заставляла ее босую ходить по набережной в мороз, а сама из форточки ей кричала: «что? каково? бестия! каково?» — «Таково тебе будет на том свете» — кричала ей в ответ нещастная девка. — Теперь этого именно не делают, но московский генерал-губернатор Тучков мне сказывал, что никогда, как теперь, помещики не предаются насильному разврату со своими крепостными женками и девками. — «Кажется, — говорил Тучков, — что они спешат [воспользоваться] остатками своей крепостной власти. Мои им убеждения тщетны».

13 ноября

В прошедшее воскресенье 6 ноября в фельетоне «Спб. Ведомостей» была напечатана статья о модном магазине; эту статью Замятин принял на свой счет и, говорят, жаловался [В. А.] Долгорукову и [Евгр.] Ковалевскому. Весьма это неловко. Если ценсор или даже сочинитель статьи потерпит—то спрашивается, за что? Чтобы они были виновны — необходимо, чтобы рассказанная история о девушке действительно применялась к Замятиным, чего они не могут признать; и оставить им так нельзя, ибо вся публика об этом толкует. Единственный исход: публичный, гласный суд.

18 ноября

Просматривая «Tristan et Isolda» Вагнера — не могу надивиться его беспрестанному употреблению тритона. Хроматическая гамма существенно однообразнее диатонической.

20 ноября

Говорят, что в журнале кн. [П. В.] Долгорукова (bancal) * «Будущность» он объявляет, что я сделался придворным, царедворцем, но впрочем не по своей вине, но по самолюбию жены! — что Сергей Степанович [Ланской] проиграл все свое состояние на цыганах и румынах.

[22 ноября]

В «СПБ Вед.» 20 ноября несколько строк в фельетоне о том, что не могли отыскать в каком магазине была история, описанная в № 6-го ноября. Это сделано по настоянию Замятина. Недавно он давал обед для сильных мира — прибавляют злые языки: для поправления своей репутации. Хорошо средство!

---

* Хромой.

[*24 ноября*]

В «Будущности» кн. Петра Долгорукова (1860 № 1 — сент. — 15) посвящена мне следующая любопытная статейка (стр. 6 в примеч.) *:

«Князь Одоевский, ныне единственный и весьма жалкий представитель древнего и знаменитого рода князей Одоевских, личность довольно забавная! В юности своей он жил в Москве, усердно изучал немецкую философию, кропал плохие стихи *(неповинен)*, производил неудачные химические опыты *(т. е. учился химии)* и беспрестанным упражнением в музыке терзал слух своим знакомым. В весьма молодых летах он женился на Ольге Степановне Ланской, старшей его несколькими годами, женщине крайне честолюбивой *(!)*. Она перевезла мужа [своего] в Петербург, и до такой степени приохотила его к петербургским слабостям и мелким проискам *(!)*, что при пожаловании своем в камер-юнкера, Одоевский пришел в восторг, столь непомерный, что начальник его тогдашний министр юстиции Дашков *(никогда в юстиции не служил)* человек весьма умный, сказал: *ВОТ ОДНАКО К ЧЕМУ ПРИВОДИТ НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ (экой вздор — я не ожидал моего камер-юнкерства и когда выразил мое удивление Дашкову, он мне сказал: «Que voulez vous — c'est une convenance* **). Одоевский бросался на все занятия *(виноват)*, давал музыкальные вечера *(которые брали приступом)*, писал скучные повести *(может быть, только их нет уже в торговле и все они переведены на все языки)* и чего уж не делал! *(даже не пускал к себе в переднюю таких негодяев как Петр Долгорукий)!* По выходе его Пестрых сказок, знаменитый Пушкин *(тот самый, к которому анонимные письма писал тот же Долгорукий, бывшие причиною дуэли)* спросил у него *(я тогда вовсе не был еще знаком с Пушкиным)*: *«КОГДА ВЫЙДЕТ ВТОРАЯ КНИЖКА ТВОИХ СКАЗОК?» (Мы с Пушкиным были на вы).—«НЕ СКОРО,* отвечал Одоевский. *ВЕДЬ ПИСАТЬ НЕ ЛЕГКО!» — «А КОЛИ ТРУДНО, ЗАЧЕМ ЖЕ ТЫ ПИШЕШЬ?»* — возразил Пушкин *(такого разговора не было вовсе — и не могло быть — Пушкин сам писал с большим трудом, в чем сам сознавался и чему доказательством черновые стихотворения. — Пушкин уважал меня и весьма дорожил моими сочинениями, и печатал их с признательностью в «Современнике»)*. Ныне Одоевский между светскими людьми слывет за литератора, а между литераторами за светского человека. Спина у него из каучука *(ну, уж этого никто на Руси, кроме подлеца, не скажет)*, жадность к лентам и к придворным приглашениям непомерная *(ну, уж убил бобра)* и, постоянно извиваясь то на право, то на лево, он дополз *(!)* до чина гофмейстера. При его низкопоклонности, украшенной совершенною неспособностию ко всему дельному и серьезному, мы очень удивимся, если при существовании нынешнего порядка (или правильнее: беспорядка) вещей в России еще лет десяток, не увидим Одоевского обергофмейстером и членом Государственного совета».

Я посылаю Петру Долгорукову следующий ответ:

Стихов не писал,
Музыкой не надоедал,
Спины не сгибал,
Честно жил, работал,
Подлецов в рожу бивал.

---

* Разрядка в тексте статьи Долгорукова — подчеркнуто Одоевским, курсив в скобках — примечание Одоевского, прописной курсив — выделенное Долгоруковым.

** Что вы хотите — это условность.

От чего и теперь не отказываюсь при первой встрече. Но что пользы! если я ему и прострелю брюхо, все таки его клевета останется без ответа. Где писать? В наших журналах нельзя, ибо запрещается говорить о запрещенных книгах. За границей? Где? не уж-ли послать в «Колокол»? Странное положение, в которое ставят нас цензурные постановления. Впрочем, Долгоруков прав: всякая полезная деятельность бывает смешна, ибо встречает препятствия, следственно неудачи, а всякая неудача смешна. Над вредной деятельностью не смеются, но иногда неназидят. Бездействием всегда возбуждается уважение, как калмыцкими идолами, факирами, браминами.

Полторацкий вне себя от негодования на гадость Петра Долгорукова.

29 ноября

Заседание Комитета общественного здравия. [П. Н.] Игнатьев сказал нам речь, где просил нашего содействия, посадил меня возле себя, с другой стороны был Отсолиг. Прочли всеподданнейший доклад министра внутренних дел, где между прочим указывается на устройство этой части в Париже, на что Игнатьев возразил, что он не берется сделать то же, что в Париже и прочел бюджет Парижа и его огромные займы; на то, что я возразил, что эти мильоны пошли больше на постройку и переделку улиц — «также в видах общественного здравия», сказал он: — «Нет, отвечал я, но с стратегической целью». Потом прочли мою записку; Игнатьев сказал, что не успел ее еще прочесть — что вероятно, но возражения его были готовы: против предлагаемого мною собрания сведений и в особенности против гласности, на которой я настаиваю. Спросили, кого мы предлагаем еще в эксперты; я назвал: Зинина, Петерсона, Ходнева. — Игнатьев сообщил нам дневной рапорт, из коего оказывается, что вчера в Петербурге родилось 27 человек, умерло 54; прибавил, что так всегда, и исключения редки, так что, сказал он, если бы не было постоянного прилива в Петербург, то он скоро бы сделался пустынею. При чем рассказал, что один и важный человек говорил, что напрасно очищают Екатерининский канал, — что из него вода с ы т н е е. — Паткуль заметил, что одна из причин смертности — худая пища низшего класса. — Я указал на дом кн. Вяземского у Чернышева моста *, где в несколько ярусов нары, и спросил, не уж-ли не имеет правительство право обязать домовладельца к очищению воздуха? — Отвечали, что нет. Заговорил Смирнов, уверяя, что им все известно, и что потому новые расспросы не нужны. Я спросил, знает ли он кубическое содержание воздуха в доме Вяземского. Смирнов отвечал, что мы не можем требовать того или другого содержания. Однако же положено было, как я и прочил, чтобы мои разряды были разделены между специалистами. — Здекауэр рассказал о найденной им примеси свинцового окисла в дорогом вине от Елисеева и спросил, можно ли публиковать этот факт. — Игнатьев отвечал, что нельзя. Смирнов стал кричать, что нужна не гласность, а деньги. «А без гласности не будет у вас денег», отвечал я. После заседания я подошел к Смирнову и, указывая на него Пеликану, я сказал: вот человек думает без гласности обойтиться. — «На гласность и сапогов не купишь», отвечал Смирнов. «Да! но ума прикупишь», — возразил я. — В будущий раз постараюсь развить следующий силлогизм: «Нет денег, потому что нет доверенности со стороны публики, а доверенность покупается на гласность».

1 декабря

С Штуббе в Мариинском театре — Ристори в «Медее» Легуве. Великая актриса; искусство в высшей степени, но производит впечатление одинаковое

* Говорят, что дом Игнатьева, которого я не видал, еще хуже. [Прим. В. Ф. О д о е в с к о г о.]

с оркестром одних саксофонов; прекрасно, но монотонно. Рашель была нечто другое. Даргомыжский хочет оставить Общество, потому что не согласились, чтобы и в нынешнем году играл Родзянко. C'est un homme tout à fais personnel *; кто не разделяет его мнения, тот, кажется ему, оскорбляет его.

9 декабря

В Мариинском театре — «Кроатка» Дютша. Оркестровка чудесная — il y a des intentions **, но все отлито в формы Флотовские и Вердиевские со всеми возможными задержаниями мочи. Даргомыжский объявил мне, что не хочет более быть в комиссии Музыкального общества и что Родзянко n'est qu'un pretexte ***. Славянская кровь: моя изба с краю.

10 декабря

На вечере Музыкального общества с Зинаидой. Сидел возле Веригиной. Публика наша подвинулась — играли из Passion-Musik **** Баха, — 10 лет тому назад все бы расхохотались.

[*11—13 декабря*]

Говорят, что Хрущев сообщил письмо о ямбургском происшествии многим сенаторам, чем будто бы некоторые обиделись. Сам Хрущев сказывал, что он послал это письмо при шутливой записке к Замятнину, где выразил боязнь, чтобы Смирнов не прибил их. Впрочем, сам Смирнов, говорят, рассказывал в гостинной министра внутренних дел, как он схватил старика за бороду и повалил его и как Адеркас платил по 5 р. солдатам, чтобы сильнее били (см. прилагаемое письмо из Нарвы от 1 декабря). Хрущев говорил, что если Смирнов подойдет к нему, то он ему скажет: «Отойдите, от вас воняет человеческой кровью». — Смирнов рассказывает, что все это потому, что он помешал Хрущеву быть губернатором. — Все это очень может быть, но вопрос не в том, а вот в чем: 1) были ли биты мужики без суда или по суду? 2) в том и другом случае бил ли сам Смирнов, т. е. исполнял ли должность палача? Если ответы на эти два вопроса суть утвердительные, то Смирнов должен быть 1-е) предан суду, 2-е) быть заклеймен общественным презрением. Не уж-ли этого не будет? Не уж-ли такая мерзость пройдет, как дело весьма обыкновенное, даже похвальное? — Каков пример для всех других губернаторов. Говорят, Смирнов сделан сенатором с оставлением в губернаторском звании. Возможно ли это? — Говорят, что пускают в ход систему интимидации; уверяют, что для предстоящих бед будто бы от эманципации необходим такой заплечный мастер-охотник. Забывают одно, что именно такими заплечными мастерами сотворена была ужасная драма Старой Руссы. — Господи! сохрани и защити от таких мерзавцев и царя и Россию.— Такими действиями виновные убеждаются не в том, что они виновны, а в том, что они в т у м и н у т у бессильны; а как минуты переходчивы, то в другую минуту они вспомнят данный им урок о п р а в е к у л а к а. Чувство законности не утверждается, но в корне уничтожается такими действиями.

14 декабря

Приходил ко мне литератор (не знаю, что он писал) Аполлон Александрович Григорьев, но в такой бедности, что жалко смотреть. На беду у меня всего до первого числа было 30 рублей; я отдал ему половину, а уже как

* Этот человек болезненно самолюбив.
** Есть замысел.
*** Что Родзянко только предлог.
**** «Страсти».

обернусь в эти две недели — не знаю, тем более, что разные господа меня терзают.

Рубинштейн рассказывал так свою историю в Певческой академии (в Михайловском дворце). Разучивали «Walpurgis Nacht» * Мендельсона; хор фальшивил в сопранах; он заставляет одних первых — фальшивят; он заставляет петь один первый ряд, также фальшивят; один второй — фальша нет; следственно фальшивят в первом ряду; он перебирает тройками, открывается, что одна тройка производит фальш; он приглашает этих дам пропеть по одиночке, они не соглашаются. С обычной своею резкостью Рубинштейн говорит: «Ces dames sont priées de ne plus revenir» **. Тогда произошел скандал; полсотни мущин стали кричать, что Рубинштейн должен просить извинения; дамы, видя защиту, пустились в истерики, в обмороки и проч. т. п. Доктор Арнет прибежал в шлафроке — умора! Рубинштейн не уступил требованиям и ушел из залы, и на другой же день он послал уведомления директорам, что он отказывается от учения в академии, от директорства и от дирижерства. Завтра он пишет извинения к трем дамам и объявляет им о своей отставке. Рубинштейн не прав в форме. Отказ непослушным дамам должно было объявить не тут же, но после. Неправ может быть и в обороте речи. Но в сущности он прав; на него падает ответственность за фальшь хора; и потом, за чем дамы ходят в Певческую академию: учиться или для веселого препровождения времени; в последнем случае можно найти другие забавы. Дело в том, что мы еще до такой степени дики, что музыка считается не более, как забавою, но как поправить все это? С Рубинштейновым отказом Общество рушится; удержать его может лишь общее письмо или просьба всех членов Общества, или по крайней мере всех участвовавших в Певческой академии. Но кто имеет право собрать их, и во имя чего? Здесь сказывается вся нелепость организации Общества, о чем я говорил Рубинштейну, как только вышел устав. «Vous n'avez personne à invoquer» ***, сказал я ему тогда. И действительно отсюда все неприятности. Общество не избирало ни директоров и никого из должностных лиц; никто не может говорить от имени Общества, car la Societé n'a donné de mandat à pesonne ****, а только от своего имени. Я боюсь, что вся моя готовность это дело уладить не будет иметь никакого успеха. — Штуббе говорила, что надобно сделать повестку au nom de l'art et de l'humanité *****. Любопытна была бы редакция такой повестки.

15 декабря

Писал Плетневу, чтобы дал мне какие-либо данные о Григорьеве и получил ответ. У Веригиной (Софьи Яковлевны) — отдал ей романс Глинки для Гирс, встретил Григоровича, который сказывал мне, что Григорьев у всех занимает деньги без отдачи и переходит от журнала к другому.—У испанского посла. — У гр. Борх.

Говорят, что из Парижской кухни вышло новое блюдо: «La Pologne devant l'Europe» ****** — го! го!

16 декабря

К Путяте о Григорьеве. Был Веневитинов, весьма рассерженный на Хрущева за сообщение сенаторам Ямбургского происшествия. Я ему отвечал: зачем хорошие вещи держать под спудом? Были бы у нас газеты, как в Англии, тогда такое сообщение было бы не нужно.

---

* Вальпургиеву ночь.
** Можете больше не беспокоиться.
*** Вам не к кому обратиться.
**** Так как общество никому не давало полномочий.
***** Во имя искусства и человечества.
****** «Польша перед лицом Европы».

18 декабря

Григорьев (мой откровенный разговор с ним). Я Григорьеву говорил откровенно, что удивляюсь, как он, человек даровитый, дошел до такой нищеты, намекнув о заблуждениях молодости, и сказав ему, как собрату по литературе, что на нем лежит тяжкая ответственность как пред собою, так и пред людьми. Он принял мою откровенность хорошо; рассказал, что из «Русского Слова» он был вытеснен Хмельницким, что он, случалось, пил по 9 дней сряду с горя, и на 10-й говорил — не буду пить, и не пил... что по его направлению он ни в какой журнал идти со своими статьями не может, ибо хотя он и либеральный человек, но консерватор... За то, что я писал о нем Путяте, он весьма благодарил, но я ему заметил, что вот уже 3-й день, как не получаю ответа и что ему не худо бы справиться. Григорьев горько жаловался мне, что об нем дурно отозвались в «Спб. Ведомостях». Я постарался его утешить, рассказав, что про меня написал кн. Петр Долгорукий.

20 декабря

В 7 в зале Михайловского дворца, где класс пения любителей при Русском музыкальном обществе. Дамы пристали ко мне с тем, что если Рубинштейн не будет управлять хором, то они все разойдутся. Я испросил у них письменного изъявления — подписались 75 человек.

Подписка дам была прекуриозная — всякая спешила подписать. Сцены бы не было, если бы в классе были усердные директоры. Один Шустов не мог этого устроить и, вероятно, растерялся. Кажется, есть враги у Рубинштейна в самом составе дирекции, — именно Лавониус. Он, говорят, препятствовал дамам делать общую подписку — я этого не заметил. — В заседании вчера Шустов требовал, чтобы были назначены директоры (за отсутствием Каншина и Кологривова) — Стасов объявил, что Кологривов возвратился; таким образом и Шустов и Щелков остаются без директорских прав, следственно с связанными руками. Лавониусу, кажется, хочется, чтоб Шуберт заступил место Рубинштейна; оно понятно, потому что Рубинштейн собирается уехать, а Шуберт нужен Лавониусу, как протектор. Дамы принесли мне список своих имен — гр. Виельгорский не приехал, уведомив меня, что он отозван к вел. кн. Марии Николаевне. Штуббе надоумила их обратиться ко мне, — что я принял не как должностное лицо, но просто как член Общества, — сказав им, что если они хотят придать просьбе своей значение, то она должна быть писанная, определительная и всеми подписанная. Я вызвался на одно, чтоб они продиктовали мне, что хотят сказать и по их словам набросал на бумагу карандашем нескладную редакцию их желания. Одна дама написала ее

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

Силуэт В. П. Киреевского. Первый вариант

Собрание Беэр, Москва

чернилами, а другие затолкались, чтобы подписать ее. Это происходило в комнате перед залою, ибо в зале спевались еще одни мужчины; некоторые из них разошлись прежде, нежели толпа дам отошла от стола; другие человек 20 подписались; один, подписывая, сказал: «dans l'esperence qu'il sera plus poli» *. Я старался объяснить, что Рубинштейн был прав, ибо ошибки в исполнении некоторых падают и на дирижера и на весь хор, и что для того необходимо безусловное повиновение дирижеру. Шустов и Лавониус заспорили, кому из них взять у меня эту бумагу. Я сказал, что если так, то не отдам ни тому, ни другому, а оффициально отошлю к гр. Виельгорскому, как председателю дирекции.

21 декабря

Штуббе премилая и преумная, но ужасно einseitig **. Она пришла меня уговаривать сделать то, что уже у меня было готово, то есть написать собирательное письмо к Рубинштейну, чтобы он мог войти в Общество honorablement ***. Этого мало. Она хочет, чтобы я во вторник пришел в залу хора и держал спичь к собранию. Никак она не может понять, что по странной и нелепой организации Общества — где никто н и к е м н е в ы б и р а л с я, — никто не имеет права говорить именем Общества, а только от своего имени, — что поддерживая такой сумбур, я стану с собой в противоречия, ибо везде поддерживаю строгость законного избирательства — это ей все нипочем, и даже аргумент, что в Германии ни одно общество не существует иначе, — по ней в Германии люди, а в России не люди...

Валуев, говорят, остается и председателем Ученого комитета с жалованьем; судили, что это, ставя его в зависимость от Муравьева, уничтожит его независимость в комитете министров.

За шахматами вел. кн. [Елена Павловна] меня спросила между прочим: **** «много ли в городе разговоров?». — «Да, среди анти-эманципаторов, — но бояться нечего, теперешний государь, благодаря вопросу об эмансипации, стал так могуществен, как никогда не был ни один русский государь, и если не допустят какой-либо грубой ошибки (вроде позорного происшествия в Ямбурге), то все пройдет совершенно спокойно».

Говорят, что дело поступит в Совет к 1-му января.

26 декабря

Какое мнение должны иметь средние классы об нас, так называемых вельможах — название, присвояемое всем тайным советникам. Жилица Антоновская, которой я принужден отказать в квартире, в Музеуме, по неисправности в платеже, приходила во 1-х прельщать меня собою — это не удалось. Потом забегала ко всем моим знакомым, а муж ее толковал мне о своих связях с Суковкиным, который тогда еще был жив — и то не подействовало; подкупить меня деньгами также нельзя; узнала она, что я люблю моих племянниц и на этом основании написала к моей жене письмо о том, что она для племянниц может женишков отыскать. Уж настрочил же я ей в ответ предписание Зимницкому.

27 декабря

Был у меня Григорьев — сказать, что его сажают в долговое отделение, и потому нет ли ему надежды на определение на службу — и, говорит, запил с горя. — Писал о нем к [М. М.] Достоевскому, чтобы как нибудь вместе помочь.

---

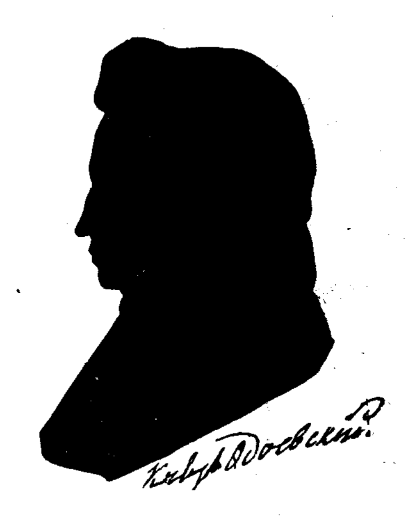
* Надеюсь, что он будет более вежлив.

** Односторонняя.

*** Почетно.

**** Далее до слов «Говорят, что дело...» в подлиннике по-французски.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Силуэт В. П. Киреевского. Второй вариант
Собрание Беэр, Москва



Рубинштейн благодарил меня за то, что я уладил его распри с хором; был на репетиции и держал спичь, как он сказывал мне сегодня же на вечере у вел. кн.

28 декабря

Был у меня Михаил Михайлович Достоевский и толковали мы, как помочь Григорьеву [Егор] Ковалевский мне сказывал сегодня, что тому два месяца, как ему из Общества литераторов выдали 500 р. Кн. Черкасский и Самарин мне сказывали, что он пьет жестоко, в чем сам Григорьев мне признавался, ссылаясь на свое горе. Да хоть бы и пил,—да человека то даровитого жаль, — ведь у нас людьми не мосты мостить.

[Н. А.] Милютин, Оболенский напали на меня, за чем я не нападаю на Хрущева за то, что он сообщил сенаторам письмо о ямбургском кулачном побоище Смирнова; в публике утверждают, что Хрущев с ума сошел. Я отвечал, что я бы этого не сделал, но преступления в том не вижу; в Англии бы такая штука была бы тотчас напечатана. «В том и дело»,— заметил Милютин,— «что мы не Англия». В ответ я напомнил о сказке в старинной детской книге: «В старину была небольшая земля, где не было человека, который бы ходя не хромал и говоря не заикался; один иностранец, заметив тот порок, пошел по улице твердыми ногами — издеваются над ним во всей земле и проч.» «Да, подхватил Милютин,— а тут хромоногий пришел в землю, где никто не хромает». «Ah! monsieur le ministre! возразил я — d'après votre avis personne ne boite?» * вы посмотрите по крайней мере на Комитет общественного здравия — как он хромает». — «От того, что и Комитет-то этот хромой» — грустно отвечал Милютин.

29 декабря

Ходит в городе словцо по поводу китайских происшествий и immaculée conseption ** в Неаполе: croyez vous aux images miraculeuses?—Beaucoup, quand elles sont sculptés sur les canons d'Armstrong ***.

Какая нибудь грамотность все лучше какой бы ни было безграмотности.

---

* Ах, господин министр, по-вашему, никто не хромает?

** Непорочного зачатия.

*** Верите ли вы в чудотворные иконы? — Очень, когда они изображены на пушках Армстронга.

У кн. Юсупова, где слышал одного из его рабов, славного (в будущем) скрипача.— Кн. Юсупов показывал мне свою книгу о древней музыке, но я не хотел ее смотреть, чтобы не украсть чего в свою.

31 декабря

Встречали у меня новый год: Мальцев, Штуббе, Шталь, Булычев, Рубинштейн, братья Киреевы, Маркевич, бар. Раден, Е. П. Эйлер — и вот еще прошел тяжкий год; труд безмерный, беспрерывный, беспощадный и спешный — в результате едва две-три капли пользы. Такова наша атмосфера — изобретай паровую машину, чтобы поднять соломинку.

1861 год

1 января

Никак не мог добиться уничтожения листа в передней — приходящие обижаются — говорят: «стало быть князю противно и имя наше видеть?» Что прикажешь делать?

3 января

Окончил 1-й том Сперанского и в 6 часов отправил к бар. Корфу. — Принужден снова отнестись к частному приставу о понуждении Антоновского очистить квартиру.

10 января

А все таки Антоновского не могу выжить из Музеума. В этих маленьких обстоятельствах всего очевиднее это бессилие властей на законное дело: частный человек не боится жить насильно в чужом, да еще казенном, доме и полиция ничего не может сделать.

14 января

Отправил к бар. Корфу большую тетрадь из 2-го тома Сперанского.

18 января

В Ученом комитете председательствовал. Валуев отказался от Ученого комитета под влиянием общего говора о том, что ему нельзя оставаться в министерстве и быть независимым секретарем в Комитете министров.

Неелов назначен исправляющим должность директора сельского департамента возобновляемого. Общая боязнь членов комитета, чтобы не назначили Шульгина председателем.

Толки о Балабине: одни говорят, что его отправляют в Мадрид из Вены по интригам австрийской партии — так, чтобы в Вене остался Будберг-протестант и советник посольства Кнорринг (из протестантов обратившийся в папизм); другие, что потому только, что Балабина по чину нельзя сделать послом. — Общее мнение очень взволновано и сильно негодует против меры в пользу Австрии. Обвиняют кн. Елену Кочубей; рассказывают о записке к ней кн. [А. М.] Горчакова, оканчивающейся словами: «toutes les ambassades sont à vos pieds» *.

Потулов мне рассказывал:

В пензенской гимназии был акт; один из учителей читал речь о сатире в России в XVIII веке; разумеется, он должен был цитовать Кантемира и между прочим стихи вроде следующих:

Или вот, что ища чин архиерейский достати
Свой конский завод раздарил некстати.

---

* Все посольства — у ваших ног.

Архиерей Варлаам осердился и обиделся, и после акта стал говорить попечителю гимназии, что его пригласили да и обругали. Шум. Схватились перечитывать речь и не нашли ничего в ней зловредного. Варлаам пуще обиделся. Возвратясь домой, он позвал к себе одного из семинаристов побойчее и велел написать ответ на речь. Семинарист отказался, говоря, что разделяя вполне мнения автора речи, не может писать про него. Варлаам изломал об его спину свой архиерейский посох; в тот же день и служка его был с раскващенной рожей до крови. В воскресенье в своей церкви Варлаам сказал проповедь, где предал анафеме все современное направление.

19 января

Был у товарища министра государственных имуществ Зеленого убедить его, что Неелов по званию исправляющего должность директора департамента сельского хозяйства был бы наилучшим председателем Ученого комитета, и что я отнюдь не обижусь тем, что он ниже меня чином. Но Зеленый сказал мне, что это невозможно — и кажется на мою долю выпадет чаша председательства.

22 января

Никитенко просил моего содействия по «Народной Газете», им же проектируемой.

Берх [Берг] мне рассказывал, что после войны его первое дело было восстановить торговое судоходство. Он тотчас собрал представителей торгового сословия и спросил, сколько им нужно. Они просили миллион. Он дал им по 40 р. на тонну — с 2% и рассрочкою платежа. Теперь купеческих судов больше, нежели до войны и все построены на американский образец. Паскевич в Варшаве дал ему эту мысль; принявшись прежде всего, после покорения Польши, за раздачу денег для поддержки земледелия. Берх говорил, что до него не было ни одной на финском языке школы в Финляндии. В Земледельческом обществе дозволил употребление обоих языков: шведского и финского. Завел финские литературные журналы. Шведов всего 200 тысяч на 2 миллиона финнов.

Мой разговор с Ник. Мих. Смирновым: «Racontez moi ce que vous avez commis à Jambourg — je veux avoir le coeur net la dessus» *. Тут он рассказал мне происшествие в Итовской волости иначе, нежели как в письме, ходившем по городу, которое он называл клеветою; что крестьянам были сделаны возможные внушения, но что они отказались решительно выбирать себе старост, прибили волостного и проч., — но наконец объявил, что во избежание драки между солдатами и крестьянами, он вошел в их кружок, спрашивал, понимают ли они по-русски, и что они отвечали просто: не хотим, что повторил и подошедший к нему крестьянин, которого Смирнов ударил кулаком в рожу и тем заставил его стать на колени, и что затем вся волость встала на колени и бунт был усмирен. «Vous aviez tort, сказал я, de punir les gens sans jugement», Смирнов расхохотался: «Vous jugez comme un poète **, эдак в администрации нельзя, разве лучше было бы убить 20 человек?»—«Да! сказал я,—лучше предать их суду и если так будет по приговору суда, то приговор и исполнить, как бы он жесток ни был». — «Это все поэзия». — «De plus vous ne deviez pas vous même faire l'office de bourreau». — «Vous allez beau dire — и слушать не хочу — je considère cela

---

* «Расскажите-ка мне, что вы учинили в Ямбурге — я хочу совершенно точно знать обо всем этом деле».

** «Вы были не правы... наказывая людей без суда...» — «Вы рассуждаете, как поэт».

comme la plus belle action de ma vie» *. Окончание нашего разговора происходило уже в сенях; уходя он прибавил: «et vous approuvez la calomnie répandue par Chrouscheff». — «Non, отвечал я, je n'approuve aucune calomnie, mais aussi je n'approuve pas votre action telle, que vous la racontez» **. Он уехал.

23 января

Был у меня Лобанов, весь расстроенный; его госпожа Горяинкова требует его в деревню в должность старосты, выкупа его дочерей и пр.

24 января

[Н. П.] Игнатьев (наш посланник в Китае) рассказывал, что когда англо-французские войска оставляли Пекин, то китайское правительство велело открыть ужаснейшую пальбу из пушек — но на другой стороне города, чтобы не услышали союзные войска, и чтобы уверить, с другой стороны, народ, что варваров победили и выгнали из Пекина.

28 января

У бар. Раден—Рубинштейн, Штуббе и я. Наш разговор о вульгаризации искусства. Первое заседание Государственного совета по крестьянскому вопросу. Старик [К. В.] Нессельрод говорил: «c'est de ce jour que commence notre semaine de Passion». — «Semaine d e s p a s s i o n s» ***, прибавил гр. Соллогуб.

Мнимое видение Д. В. Путяты, о чем столько вздорных толков, состояло в следующем, как жена Путяты рассказывала моей жене: от сильного мороза в кабинете Ростовцева стали щелкать рамы, мебель, полы; рассказывая об этом, они сказали: точно как будто Яков Иванович там ходит.—Из этого вывели, что Яков Иванович действительно ходит, что даже Путята его видел, даже говорил с ним, что Ростовцев поручил ему сказать свое мнение по крестьянскому вопросу и проч., проч. Плантаторы прибавили, что и о том, что должно опасаться Константина Николаевича!!

1 февраля

Был у меня Панаев прочесть из своих записок, что касается до меня и просить, позволю ли я? Я согласился.

2 февраля

У бар. Корфа—над Уставом о крестьянском вопросе— у них заседания каждый день—он совершенно измучен.

Соллогуб с вечной своей неоглядчивостью завел между дамами: Веригиной и еще не знаю какою, речь об эманципации. «Tout est consommé aujourd'hui — on nous exproprié — l'exaspération est à son comble» **** «Барятинские, Орлов-Давыдов носы повесили и проч. т. п. «Il y avait exaspération plus grande, quand on a exigé des nobles un diplome universitaire» *****, сказал я. «Уж ты, пожалуйста, не говори» — вскричал Соллогуб. — (Обращаясь к Веригиной) «Figurez vous, madame, voici le gentilhomme de la plus ancienne race, un Ruriks, qui est un démo-

---

* «Во всяком случае вы не должны были исполнять сами обязанности палача. Что бы вы там ни говорили... я считаю это лучшим поступком в моей жизни».

** «А вы одобряете клевету, распространяемую Хрущевым. — Нет... я не одобряю никакой клеветы, но я не одобряю и того, что Вы мне рассказали о своих действиях».

*** «С этого дня начинается наша страстная неделя». — «Неделя страстей».

**** «Все теперь кончено — нас экспроприируют — негодование достигает предела».

***** «Негодование было гораздо больше, когда у дворянства потребовали университетский диплом».

crate rouge—mais c'est le monde á l'envers». — «Je ne suis ni rouge, ni démocrate, mais je comrends un seul souverain, et pas vingt mille»... «Vous voulez donc une monarchie démocratique?» * «Я не понимаю этих слов по-русски — переведи, сделай милость»... «Tu ne comprends pas ce que c'est l'aristocratie? ** «Переведи сделай милость, это слово по-русски» — «Дворянство», сказала Веригина... — «Дворяне были дружинники, жившие при дворе великих князей — не более»... — Но что ж можно в таком деле объяснить женщинам... Соллогуб нес чепуху, нес ее громко... ces dames m'ont pris en horreur ***. Вот и все тут.

3 февраля

1-е заседание Государственного совета по крестьянскому вопросу было 28-го января; 2-е в понедельник 30-го, 3-е—в середу. Никаких сведений верных получить не мог. Говорят только, что в первое заседание государь говорил (без тетради) прекрасную речь, где обозрел весь ход этого дела. Догадались ли записать ее?—Говорят, что голоса разделились на 17, с которыми согласен государь, на 20 и 8. Но мнение каждой стороны мне неизвестно—все толки противоречат и ничего определенного нельзя из них вывести.

[*5 февраля*]

Крестьянский вопрос уже произвел свое моральное действие: благородное русское дворянство подвизается, заговорило пока на французском диалектике sur les convictions la dignité politique, sur les droits, sur la nécessité d'une bonne presse... ****, т. е. точно Хлестаков — я, говорит, и почитать, и пописать, и проч. Панина честят на чем свет стоит за то, что он перешел на другую сторону, а на него то и была вся надежда; достается Ланскому, Блудову, Чевкину, а героями считаются: Анненков, Абрам Норов и Клейнмихель. Пророчат преставление света,—и маленький бунтик сделал бы их вполне счастливыми.

Противная комиссии партия, говорят, старается продлить срок переходного состояния с 2-х на 9 лет.

Не удалось; слава твердости царя; замышленное коварство продолжить барщину, чтобы потом — авось — не удержат ли ее совсем или не произойдет ли от того бунтика — было, говорят, отвергнуто государем, несмотря на 36 голосов.

Нашлись 7 человек, которые просили оставить хоть одну частичку вотчинного права: разрешать и запрещать браки.

Вот наши консерваторы. Говорят, что m-me Kalergi говорила ***** я слышу со всех сторон, что надо быть консерваторами, а в то же время говорят, что дороги у нас ужасны, правосудия не существует, администрация только и делает, что грабит — так неужели хотят сохранить (conserver) это все?». Она же говорила: «мне говорят со всех сторон, что надо быть умеренными, но я вижу, что все умеренные взбешены до крайности».

---

* Представьте себе, сударыня, вот дворянин древнейшего рода, рюрикович, и он — красный демократ. Ведь это же светопреставление. — Я ни красный, ни демократ, но я признаю лишь одного повелителя, а не двадцать тысяч... — Значит, вы хотите демократической монархии?

** Ты не понимаешь, что такое аристократия?

*** Я внушил ужас этим дамам.

**** Об убеждениях, политическом достоинстве, о правах, о необходимости хорошей прессы...

***** Далее до конца записи в подлиннике по-французски.

7 февраля

У Юсуповой (матери), у Устиновой — разговор о крестьянском вопросе — я просил ее вспомнить наш разговор лет через пять, — когда все землевладельцы разбогатеют больше нынешнего.

8 февраля

Сегодня я был молодцем. Поутру проверил весь отчет сумм Музеума, успел выспаться до обеда, обедать у вел. кн. Елены Павловны в 6½, сыграть с ее высочеством в шахматы, переодеться во дворце, поспеть на свадьбу к гр. Армфельдту (где жена была посаженною матерью) и дев. Бильдерлинг, и возвратиться домой к 9½ часам, условленному времени с Панаевым и Неверовым. Был и Полторацкий. Вспоминали разные подробности старины о Пушкине и Белинском, который до 1842—1843 был самым горячим приверженцем монархических начал.

10 февраля

Кн. Черкасский приезжал прощаться и найдя, что некоторые из 17-ти томов Редакционных комиссий у меня еще разрезаются, обещал всюду рассказывать, что они все у меня были неразрезанные.

11 февраля

Антиредакционисты патриархи полагали разрушить всю экономию работы Комиссии, введя правило о том, что если помещик отдает 6-ю часть земли крестьянам даром, то они не имеют уже более ничего требовать и делю решится между ними навсегда. К чрезвычайному их удивлению и удовольствию вел. кн. Константин Николаевич и гр. Блудов предложили им заменить 6-ую часть 4-ою; патриархи согласились, радуясь, что им удалось провести такую штучку, но великий князь прибавил в редакции: «если на то будет согласие крестьян». В таком виде правило прошло единогласно. Неизвестно: утвердит ли государь.

12 февраля

На обеде у Лубяновского гр. Орлова-Денисова рассказывала мне, что ее бабушка была при Екатерине II-й и не знала грамоте, но приносила ей бумаги по камешкам, которые на них лежали. Так, императрица ей говорила—принеси мне бумаги из-под красного камешка, зеленого, синего и проч.

13 февраля

Говорят, что в Варшаве стреляли против толпы бунтовщиков.

14 февраля

Полторацкий—с известием, что моя статья против кн. [П. В.] Долгорукова не может здесь быть напечатана.

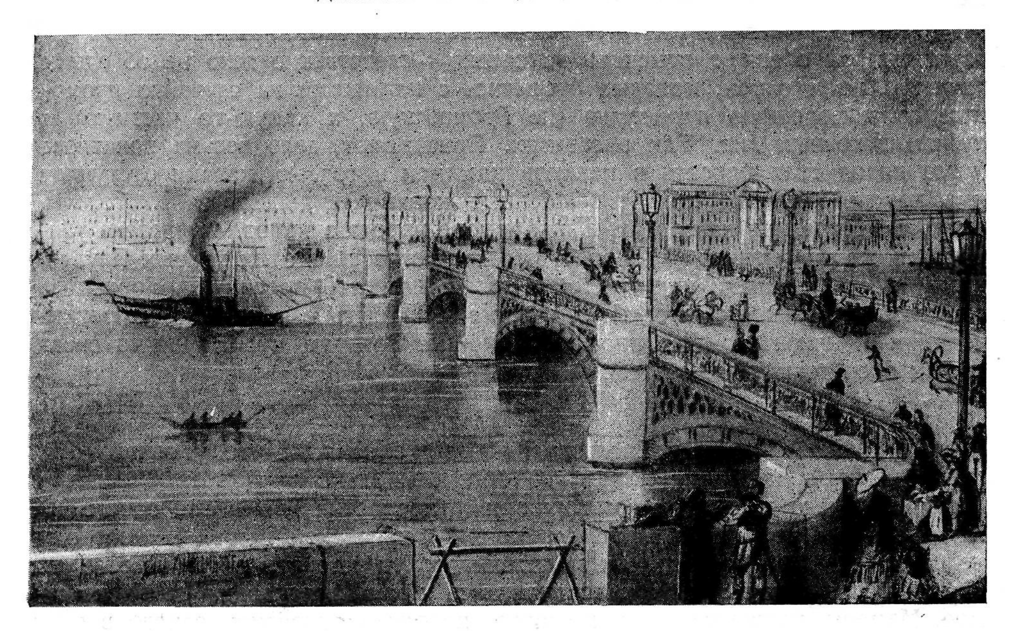
После обеда неожиданный Вольфсон из Дрездена—его проект основать журнал в пользу России.

17 февраля

Напечатано в газетах от СПБ. генерал-губернатора, что 19-го никаких правительственных распоряжений по крестьянскому делу обнародовано не будет. Народ спокоен.

18 февраля

В «Северной Пчеле» объяснительная статья о том, что обнародование, должно надеяться, будет в дни молитвы и поста.



ВИД НА НИКОЛАЕВСКИЙ МОСТ И АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ С АНГЛИЙСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ
Акварель И. Шарлеманя, 1853 г.
Публичная Библиотека, Ленинград

19 февраля

Все спокойно. Никто и не думает шалить. Предосторожности всех удивляют—они беспричинны. В народе спрашивают: что это такое отмечают?— Цветы вокруг монумента Николая 1-го произвели вообще неблагоприятное впечатление. Народ говорит, что деньги попустому тратят — он только с этой точки зрения посмотрел на это дело. В среднем сословии насмешка, как всегда: на радости что ли, что умер — говорят в чиновническом кругу. В верхних слоях об этом молчат, но жалуются, что суета полиции, приказание дворникам не спать лишь наводят народ на мысль, что можно побунтовать, что все слухи происходят от глупых шпионов, которые несут всякий вздор, чтобы угодить начальству и удовлетворить его опасениям и проч. и проч.

20 февраля

Все спокойно: объявление «Северной Пчелы» (сегодня с поправкой: «в 7-й год царствования», вместо—«в 7-е царствование») успокоило, ибо многие поняли так, что освобождение вовсе отменяется.

Говорят, что графу Амурскому предлагали Варшаву и что он отвечал: лишь в таком случае, si le gouvernement renie celui qui a ordonné de tirer *. Одного дворника, который выпивши сказал: «ну, теперь выпьем за волю» — высекли. Один дворник [на вопрос], зачем их призывали в полицию, отвечал, что говорили 19-го не бунтовать, а отложить до поста.

Извозчик спрашивал,—что это, батюшка, значит — нам волю дают, так зачем же бунт з а к а з а н?

26 февраля

Приехал из Варшавы Камарницкий [Карницкий], говорит, что кн. [М. Д.] Горчаков показал много спокойствия и присутствия духа. В про-

* Если правительство отступится от того, кто приказал стрелять.

кламации он обещает отыскать виновных — следственно дело не об одних жителях, но и о тех, которые бросились с нагайками на случайно проходившую похоронную процессию (не Гроховскую, а какую-то частную) и избили духовных лиц. Так в газетах. Прибавляют, дело весьма понятное: когда народ стал бросать в казаков камнями и грязью, казаки отступили и в народе поднялся хохот; обиженные казаки принялись за пистолеты, сперва выстрелили на воздух, а при напоре народа в народ. 4 человека убито — много израненых. — Говорят, что для погребения этих убитых Паулуччи, прежний любимый народом обер-полициймейстер просил кн. Горчакова поручить ему одному (avec deux pompiers? *) быть в толпе, но запретить полиции вмешиваться. Все прошло спокойно. Говорят, что Паулуччи снова сделан обер-полициймейстером.

27 февраля

Гр. Матвей Юрьевич Виельгорский рассказывал **, что у одной дамы сын — негодяй (кто — не хотел назвать); несколько дней тому назад отправился ночью в комнату к горничной (крепостная), невеста одного из лакеев (тоже крепостной). На следующий день лакей пошел к молодому человеку сказать, что если он попробует пойти еще раз к его невесте, то ему не поздоровится; девушка отправилась к мамаше сказать ей то же самое. Мамаша пожаловалась в полицию, попросив отправить одного в одну деревню, другую — в другую (значит — разлучены) по пересылке,—предварительно наказав обоих... что и было исполнено в точности. Что всего любопытнее, не то, что эдакое у нас делается накануне освобождения от крепостного состояния,—но что единственный комментарий на это в салонах: «cela montre combien l'esprit des domestiques est monté!» *** — господи, спаси люди твоя! Впрочем, это не люди.

3 марта

Вольфсон рассказывал мне, что он было принялся увещевать Бакунина отстать от той нелепой партии, где он ораторствовал в Саксонии. Бакунин благодарил его, но напомнил ему сказку Пугачева в «Капитанской дочке», и прибавил, что в случае, когда у него будет власть — он его непременно повесит, ибо находит, что такие либеральные филантропы с добрым и благородным сердцем всего более портят их дело; что дело социальное принадлежит не одному поколению, но двум, из коих одно должно все существующее разрушить, а другое устроить; что первое и не знает и не хочет знать, чем должно заменить старое; что его дело есть лишь разрушить.

5 марта

Великий день манифеста. На радости я велел принести шампанского и с гостями пил здоровье государя, его сподвижников кн. Константина Николаевича и Елены Павловны.

Толкуют, что манифест по слогу не совсем понятен для народа. По моему тем лучше—пусть народ углубится в него.—Русский способен углубиться—со временем вполне выразумеется и лучше переварит.

Вечером у Серг. Степ. [Ланского]. Серг. Степ. не знал, что происходило в полном собрании Сената, когда прочтен был манифест. Лубяновский занимал кресло первоприсутствующего. Когда вошел Ал. Мих. Безобразов, то Лубяновский сказал ему: я уступаю принадлежащее вам место, но позвольте мне сказать то, что я хотел выговорить: я счел бы долгом для Сената вы-

* С двумя пожарными?
** Далее, до слов, «что всего любопытнее», в подлиннике по-французски.
*** «Это показывает, как обнаглела прислуга».

разить при сем торжественном деле благодарность государю императору. Это предложение было принято единодушно всеми, кроме Безобразова, который по окончании присутствия говорил окружающим: «вошли мы вельможами, выходим—мужиками». Он ошибся—надлежало сказать: вошли мы ослами, выходим идиотами. Nous sommes entrés imbéciles, nous sortons crétins.

По городу ходят эпиграмматические стихи: «Плачь дворянства» — но никто не знает целого стихотворения.

11 марта

В Английском клубе по случаю баллотировки. Предложил собрать по подписке что-либо для капитала в пользу немощных дворовых на основании ст. 33 Положения о дворовых. Уговорил подписать: кн. Оболенского, Штиглица, Фелейзена, сенатора Ремерса, гр. Зубова и еще двоих — всего нас 8 человек. Гр. Орлов-Давыдов и Веневитинов отказались, говоря, что у них есть свои дворовые, коим должны помогать—я им напомнил помещика, который во времена Общества посещения бедных говорил, что у него самого—3 000 бедных. Я подписал 10 р.—чтобы никого не стеснить, если каждый из 400 членов подпишет по стольку же, то будет 4.000 р.

12 марта

Работа прибавилась у меня и—бедность тоже! Как свести концы с концами? Продам мои сочинения за что дадут; особливо как по переводе Музеума в Москву останусь не при чем.

Государю народ подносил хлеб-соль. Считают, что было до 30 тысяч на площади. Кричали: «ура»—бросали шапки,—коляска государя едва могла подвигаться.

Вольфсон ждал в крепости два часа, чтобы только увидеть государя, которого он никогда не видал.

16 марта

Абаза рассказывал: некто г. фон-Брин, генерал-лейтенант, недовольный своим поваром, потребовал в полиции, чтобы он был наказан: он к оберполициймейстеру—тот сослался на «Положение» 19 февраля 1861 года; «но ведь еще два года остались, в которые можно наказывать», отвечал почтенный генерал-лейтенант. К счастью, оказалось, что этот повар был не его крепостной, но какой-то его двоюродной сестры, следственно жил по паспорту и мог отойти от него; иначе он был бы наказан.

18 марта

На годовом обеде Английского собрания бар. Фридрикс [Фредерикс] (старшина) сказывал мне, что предложение мое пролежало 8 дней и потом было снято. И любопытно, и характерично.

28 марта

Говорят, Серова посадили под арест за то, что прервал концерт Лазарева.

В Синоде разногласие по поводу христианства и современности. Асконченский с Загоскиным подействовали на архиепископа Григория и «Православное Обозрение» готовы были запретить. Архимандрита Феодора отставили. «Домашняя Беседа» произвела большой скандал во внутренних губерниях. В действии Синода задет и Филарет московский. Любопытно будет видеть, как этот тонкий человек в этом случае будет действовать.

События Польши тревожны. Тут явно рука Луи Наполеона. А у нас безлюдье. Мы опоздали. Теперь поляки будут требовать конституции полной; дадут, будут требовать отделения; дадут и это—потребуют отделения

до Смоленска. Одно спасение: — славянский союз под покровительством русского царя. Il faut isoler la Pologne *.

1 апреля

Любопытное и верное замечание вел. кн. о действии [нрзб] вопросов на духу на народ. Спрашивают: «не ешь ли скоромного?», а никогда: «помогаешь ли ближнему?»

4 апреля

Ужасная статья в «Северной Пчеле» против Соллогуба и Вяземского и всех, кого нынче обвиняют в аристократическом происхождении. Реакция понятная. Преувеличенно, но многое справедливо. Безусловного порицания в стихах Соллогуба на всю новейшую литературу оправдать нельзя. Новое поколение деятельнее прежнего — и талантливее. Я предупреждал Соллогуба, что его лишенные фактического основания стихи вместо умиротворения произведут общий взрыв негодования законного. Он меня не послушал.

5 апреля

У Серова на гауптвахте нового Адмиралтейства — застал его за партитурою—толковали мы об «Isolino [Tristan] und Isolda» Вагнера, которую ни я, ни он не понимаем.

6 апреля

Веймарн, приехавший из Витебска, сказывал, что латыши в числе 2 000 человек не хотели верить манифесту и когда в толпе начали раздаваться: он переодетый, сорвите с него эполеты, свяжем его по рукам и по ногам и представим государю, некоторые начали подбирать каменья. Тогда Веймарн сказал: первый, кто бросит камень, будет расстрелян. Тогда он выбрал, 35 человек, которых тут же высек,—и все успокоилось. Все это хорошо, но почему 35 человек? Почему не 34, и не 36? Почему именно эти 35 человек признаны более виновными? Почему к этому случаю не применены правила Полевого уложения, если бы даже решением суда кто был бы приговорен и к смертной казни?—Гр. Кейзерлинг твердил: qu'il faut être ferme **. Я заметил, qu'avant tout il faut être juste et légal, et puis ferme ***.

В Комитете общественного здравия настаивал на необходимости наконец что нибудь делать.

Лемсон рассказывал мне, что какое то происшествие в том же роде было на фабрике Ольхина; но ему нельзя во всем верить.

16 апреля

Слухи, что Константину Николаевичу дали 250 тысяч и даже 30 тысяч совершенный вздор. У него 60 тысяч дефицита.

22 апреля

Моей статьей: «Зефироты» воспользовался какой-то спекулянт, издал ее, перепечатав почти всю и прибавив сцену купцов, собирающихся послать в Америку за зефиротами и показывать их в Петербурге. И политипаж сделали. Назвал он по своему прибавлению: «Зефироты и Зевороты» (вместо «Ротозеи»?)—Панаев первый известил меня об этой спекуляции.

---

* Надо изолировать Польшу.

** Что надо быть твердым.

*** Что прежде всего надо быть справедливым и законным, а затем уже твердым.

Жена, возвратясь от обедни в министерстве внутренних дел, привезла мне известие, что Сергей Степанович [Ланской] более не министр, а на место его Валуев. Это должно сделать большую переборку во многих должностях. Сергей Степанович уже три раза просился в отставку—которая явилась только теперь. — У бар. Корфа, который ничего не знал. Щекотливую статью в биографии Сперанского он свез к государю, иначе нельзя было.

24 апреля

Журнал «Рассвет» (в пользу евреев) в Одессе напечатал статью о Шавельской истории младенцев. Гр. [А. Г.] Строганов призвал к себе издателя и сказал ему: «знаете ли, что если одну ночь спокойно не усну, то я и вас, и ваш листок уничтожу».—«Так как я не желаю лишать сна ваше сиятельство,—и отвечать за это—то я предпочитаю лучше теперь же прекратить мой журнал».—И «Рассвет» больше не выходит.

Бобринскому дали 3 миллиона для поправления дел. Демидовы просят лотерею, против которой восстает гр. Блудов и Чевкин.

Недавно здесь остановили 3 или 4 воза ружей, которые некоторые из здешних студентов поляков хотели отправить в Варшаву.

27 апреля

Говорят, что самые недовольные из офицеров Прусского и Австрийского полков, ибо принадлежат к мелкопоместным. Но ведь о них же подумали? чего ж им еще?

30 апреля

У Сергея Степановича последний министерский вечер. Собрание довольно любопытное: новый министр Валуев, оба гр. Шувалова, Иван Матвеевич Толстой, Ливен, Суворов (остзейский генерал-губернатор), Смирнов, [Н. А.] Милютин, Жданов, Варнаховский, кн. Вяземский, сенатор Гильфердинг, Баумгардт, Шидловский, бар. Фредерикс и мы с женою. Настоящая панихида, на которую пригласили и докторов покойного и гробокопателей.

На место Валуева — Корнилов (московский губернатор); про него уже сложили следующую фразу: une de ces médiocrités si recherchées à present *. Министром народного просвещения называют: Литке, Левшина, [П. А.] Муханова (варшавского), бар. Корфа; с другой стороны говорят, что гр. Блудов не останется более полугода главноуправляющим II отделения.

10 мая

Фрейлина Эйлер видела Дурасова, возвратившегося из внутренних губерний, который ей сказывал, что везде все спокойно, все довольны и даже оценили выкупную систему, — но что нелепые слухи именно о тех местах, где он был, увеличивались лишь по мере приближения к Петербургу.

Получил от бар. Корфа известие, что мне дан четырехмесячный отпуск и годовое жалованье—по крайней мере долги уплачу.

13 мая

Нелепейшие толки о бумагах Хрущева, куда вмешали и вел. кн. и гр. Эммануила Сиверса. Дело все в том, что как Хрущев сделал нелепые покупки в последнее время, то в доме не осталось ни гроша. Лидия Хрущева никогда домашними делами не занималась, а в эту минуту и не могла. Вел. кн., бывши у ней, присоветовала ей пригласить кого-нибудь pour debrouiller ses affaires **, и между прочим назвала гр. Эммануила Сиверса,

---

* Одна из тех посредственностей, которые теперь в такой цене.
** Чтобы привести в порядок ее дела.

как друга семейства. В это время была у Хрущевой Ольга Бибикова. По приглашению Хрущевой приехал через несколько дней гр. Сиверс и по просьбе отобрал думские и сенатские бумаги от писем, уже связанных в пакет. Это видела жена гр. Димитрия Толстого, врага Хрущева. Из всего этого выползла нелепейшая история, что будто у Хрущева найдена переписка с Герценом, что вел. кн., в этом участвовавшая, испугалась, послала Сиверса взять эту переписку и сама затем поехала и чорт знает что; что Тимашева об этом спрашивал сам государь, что Тимашев сказал, что он не мог в это дело вмешаться, ибо тут замешана особа императорского дома, и за это получил отставку, что государь с тех пор не ездит к вел. кн., а в светлое христово воскресенье даже не присел у нее (государь просто не застал вел. кн. — она была у императрицы), что она едет на два года в чужие края, чтобы дать время заглохнуть этому делу. Ай да господа реакционеры — честно работаете языком.

21 мая

Павел Муханов (варшавский) приехал в Петербург, был у меня с визитом, не застал и оставил карточку; я сделал то же (он жил у Демута). 21-го на Каменном острове встретив его, я тотчас узнал и сказал ему: «Муханов!»—он отвечал «Одоевский!»,—вспоминал прежнее время, т. е. тому лет 35. «Vous avez été chez moi, moi — chez vous. Il faut que nous nous voyons — et c a u s o n s» *. Этим наш разговор и кончился.

В церкви я сказал Николаю Муханову: «что вы такое творите с университетом? Не наделайте бед». — «Ничего не делаем», отвечал он. «Ну, слава богу,—а то я слышал, что вы там какие-то аристократии изобретаете».—«Только мундиров не будет».—«Тем лучше—да растворите настежь двери—как в Библиотеке; приходи всякий, читай или слушай».

30 мая

Вел. кн. заставила меня по-французски ей сокращать записку К[авелина] о крестьянском вопросе, что я исполнил прескверно, и от усталости и от того, что едва успел пробежать ее.

10 июня

Выехали в 9 часов утра в Ронгас. Со всеми остановками, двумя таможнями, русской и ф и н л я н д с к о й (!?) — на последней, прописывая подорожную, спрашивали у моего Фридриха: что значит гофмейстер? — Je voudrais voir la mine de Friderick à cette question **. Мы приехали в Выборг в 3½ ночи; следственно всей езды было 17½ часов—двумя часами более, нежели я предполагал. Ночевали у Мотти. Толстиус, Алексеев, Никонен. — Губернатора нет в Выборге — я ему оставил две мои карточки.

17 июня

Едва разобрался с моими книгами и бумагами. — Пора работать — сколько еще приготовительной работы! — Прочитывал собранные мною материалы, накопившиеся и записанные на скоро мысли.

18 июня

Получил телеграмм от бар. Корфа о приезде в Петербург к середе для конференции у гр. Адлерберга.—Отправил ответ, что буду с Жерве,—также к Зимницкому, что пойдет завтра. В телеграмме сказано: Решено четверг конференция у Адлерберга—Ваше присутствие необходимо.

* Вы были у меня, я у вас. Нам надо увидеться и п о г о в о р и т ь.
** Хотелось бы мне видеть физиономию Фридриха при этом вопросе.

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО.

Multum magnorum virorum judicio
credo, aliquid et meo vindico.

SENECÆ Ep. XLV. 3.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РУССКІЯ НОЧИ.

Изданіе книгопродавца Иванова.

Чиновнику и литератору [illegible]
товарищу Алексею Григорьевичу
Теплякову
от Кн. Одоевского.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Э. ПРАЦА.

1844.

ЭКЗЕМПЛЯР ПЕРВОЙ ЧАСТИ СОЧИНЕНИЙ В. Ф. ОДОЕВСКОГО
О ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ А. Г. ТЕПЛЯКОВУ

Институт Русской Литературы, Ленинград

19 июня

Вследствие телеграмма я бросил мое леченье, работы и поехал в Выборг, где ночевал, чтобы завтра с утра ехать в Петербург. Такие вещи только со мною случаются; с 1846 года я истощаю тщетно мое красноречие изустное и письменное о мерах для сохранения Музеума. 16 лет меня водили. Теперь, когда в 3 года раз я выпросил 4 месяца для отдыха, для леченья, для устройства моих дел, тогда находят нужным заставить меня, больного старика, ехать тотчас же, как будто дело идет о смерти и жизни!

21 июня

Отправился в Царское село, прождав Исакова до 3 ч. Бар. Корф принял меня à bras ouverts *, и все семейство с невыразимым радушием, устроили мне ночлег.

22 июня

В Царском селе — в 11 поехал с бар. Корф на конференцию о Музеуме к гр. Адлербергу, которая была в три этажа: 1-й — гр. Адлерберг, бар. Корф, [Н.] Муханов, я и Исаков о сдаче Музеума. 2-й — гр. Адлерберг, Корф и я — о чиновниках Музеума, о коих я просил, чтобы им сохранили содержание до приискания места и 3-й — гр. Адлерберг и бар. Корф — обо мне. С Исаковым мы приехали в вагоне в Петербург и обедали с ним в Английском клубе. Вечером я работал над записками о Враском и других чиновниках.

Бар. Корф принял во мне участие с истинно дружеским радушием. И гр. Адлерберг спрашивал его: «что мы сделаем с кн. Одоевским?» Довольно трудный вопрос, на который и я не знаю, как отвечать. Мое главное дело сделано: Музеум обезопасен от верной и неминуемой гибели. А со мною, что будет, то будет; авось не останется втуне моя 16-летняя должность верной собаки при Музеуме.—Хотелось бы мне в Москву—нет при нашей скудности никакой возможности жить долее в Петербурге. Nous viellissons et nous nous ruinons **.

30 июня

По некоторым обмолвкам (здесь подчеркнутым) этого сумасшедшего листка можно догадываться, что он написан под влиянием партии помещиков, недовольных решением крестьянского вопроса; род интимидации с целью заставить правительство обратиться вспять, хитроприкрытой будто бы общим согласием и соучастием всех «образованных классов»...—Ошибки против языка, галицизмы и неловкие обороты показывают, что листок сочинен плохим грамотеем и не привыкшим писать по-русски ***.

8 июля

Наслаждался чтением «Домашней Беседы» господина Аскоченского — прекурьезная вещь. Не знаешь, чему удивляться: наглости, бесстыдству, сознательному невежеству или тому, что вся эта торгашеская ложь прикрывается религиозными цитатами. Издатели: плут Аскоченский, вор Башуцкий и пара помешанных: Загоскин с Бурачком.

14 июля

Читаю Щапова «Русский раскол и старообрядство» — какое однако ж сходство с принципами «Домашней Беседы».

* С распростертыми объятиями.
** Мы стареем и разоряемся.
*** Написано на обороте прокламации «Великоросс» № 1 — см. воспроизведение ниже на стр. 177.

19 июля

Окончил книгу Щапова о расколах; интересно, но весьма неполно.

20 июля

Начал читать «Физиологию» Рудефорда. — Каких долгих отдельных трудов стоило проследить каждую минуту зародышного развития от ячейки до совершенного возраста — чтобы составить материал для этой чудной истории — еще есть люди, которые смеются над микрографом, сидящим за ячейкою! — Тому 30 лет такая книга была бы невозможна.

22 июля

Революция в доме — люди, узнавши, что здесь трудно доставать прислугу, просят прибавки жалованья или отпуска, особенно Петр, отличающийся прескверным аттестатом, несмотря на увещания его жены.

24 июля

Странное положение финляндской полиции, особенно в отношении к приехавшим с русскими паспортами. Они не имеют права предупреждений.

26 июля

Работал над Сперанским и кончил.

27 июля

Просмотрел Сперанского, еще наделал вариантов, и написал письмо к бар. Корфу; все это посылаю завтра с В. И. Алексеевым.

30 июля

Сегодня мне минуло 57 лет; не думал я прожить так долго. — Потрудился я на моем веку — а сколько еще недоделанного осталось. Благодарю бога, что память еще не слабеет, хотя сила на работу уже не та, а, главное, сердце не черствеет; сужу потому, что доброе меня трогает, гадкое гадит, умное интересует.

31 июля

Читал «Гришу» Печерского. Удивительно хорошо, — но как эти талантливые господа пишут наспех. Едва начал и кончил; а у других разглагольствие; Жорж Занд справедливо заметила, что русские писатели не понимают l'économie de l'ouvrage *.

7 августа

Читаю спор Чернышевского (в «Современнике») с «Русским Вестником» о Токвиле. Дело в том, что они оба не правы. У Токвиля действительно недостает ясности, сколько помню, но книга его интересна.

21 августа

Пробежал связку запоздавших газет. Американские происшествия превосходят всякое вероятие. Пенсильванские волонтеры оставили поле сражения при начале битвы при Болл-Роне [Булль-Руне] потому только, что истек срок их 3-месячного обязательства — и сражение было проиграно. Если это не выдумка Мак-Довелю [Доуэля], чтобы прикрыть свою неудачу — то это просто псевдо-бентамиты. А еще на меня нападали за «Город без имени!»

---

* Не ощущают пропорций.

[12 октября]

Университетская история по городским толкам

1861 — сент. 25 — 26 — октябрь

Об этой истории столько разноречащих слухов, толков, апофегм, легенд, эпиграмм, — что не знаешь, чему и верить.

Наибольшее число обвиняют гр. Сергея Строганова, подавшего мысль не принимать студентов без платы (по бедности) более двух на губернию. — Здесь полагают начало всему происшествию. Это распоряжение оскорбило и публику, и студентов. К этому присоединилось распоряжение гр. Путятина о закрытии сходок, на коих между прочим студенты собирали между собой деньги для беднейших товарищей, занимались библиотекой и прочими своими делами. Эти сходки бывали публичные в зале университета, часто в присутствии ректора и в них ничего предосудительного не было. — Они закрылись по мысли гр. Путятина придать университету совершенно школьный характер, — потому что так в Оксфордском, основанном английскими лордами, где при каждом студенте тутор, у каждого студента три-четыре комнаты и где каждый вносит до 3 000.

Следствием этих идей было бы у нас усиление, или, лучше сказать, искусственное образование сильной аристократической партии, столь несвойственной ни духу, ни условиям России и, сверх того, самой опасной для монархического правления.

Говорят, что гр. Строганов настаивал, чтобы высшее образование давалось лишь богатым, и вспоминают, что подобная мысль, хотя в другом виде, была предложена императору Николаю: хотели, чтобы университет был открыт лишь дворянам. Император Николай отвечал: «не могу взять на свою совесть запретить кому либо учиться».

Не знаю еще, что было поводом закрыть университет, но известно, что он был закрыт без предварительного о том извещения студентов. Когда они пришли по обычаю на лекции, их встретил полицеймейстер Злотницкий [Золотницкий] с объявлением, что впуск запрещен. «От чего»? спросили студенты. — Об этом спросите у попечителя». (Попечителя Филипсона не было в это время в университете). Студенты отправились чрез Невский проспект, как говорят, весьма чинно, с портфелями под мышками, по два в ряд, не позволяя себе даже громкого разговора; когда они подошли к Владимирской, их окружили солдаты и отвели в крепостные казематы.

Остальные товарищи (знак, что не 2 тысячи шли по улицам) собрались снова, говоря, что взятые не больше их виновны, и потому желают, чтобы и их подвергли той же участи.

Теперь — 12 — 14 октября, говорят, в крепости до 300 человек.

Озлобление в публике большое и против бездействия Путятина и Филипсона, и против излишней деятельности [П. Н.] Игнатьева и Паткуля.

Говорят, что им непременно захотелось отличиться и быть спасителями отечества; что они старались об этом при обнародовании манифеста о крепостном освобождении, что им не удалось; так они воспользовались отсутствием государя, чтобы обратить чисто домашнее университетское происшествие в государственное дело, произвести искусственную революцию и спасти отечество.

Говорят, что много студентов изранено прикладами; но это неправда; солдат ударил прикладом по голове лишь кандидата Лебедева (вышедшего из университета) и который, идучи в Академию Наук к Веселовскому, попался тут нечаянно, — остановившись или остановленный толпой. — Лебедев взят в крепость.

Между народом распускали слух, что это бунтуют молодые помещики, потому что государь освободил крестьян.

Говорят, Бистром кричал солдатам: вы этим барчатам спуска-то не давайте.

Когда Плаутину стали говорить, что студенты бунтуют, он отвечал: я видал бунты и революции; бунтуют с криками и с оружием в руках, а эти шли просить.

Вообще до сих пор так еще мало у меня верных данных, que je ne vois pas trop clair dans toute cette affaire *,—может быть Игнатьев и Паткуль и не могли действовать иначе, — audiatur et altera pars ** — здесь в отношении к обеим сторонам; но одно верно: слава богу, что все это и в Петербурге и в Варшаве явилось после уничтожения крепостной зависимости. Тогда бы история была другая. Верно и то, что ни Филипсону, ни Путятину не следовало отсутствовать. Не уж-ли они побоялись комков грязи? Грязь, полученная на исполнении своего дела, не беспечит.

Озлобление в публике сильное. На юбилее полка, где Паткуль прежде был полковым командиром, офицеры при чем сделали складку в пользу студентов до тысячи, и настоящий полковой командир первый подал тому пример.

Говорят, что наследник сказал про действия Путятина: он, кажется, забывает разницу между управлением корабля и управлением университетом. Говорят, что [С. Г.] Строганов был в отчаянии от этого замечания.

Говорят, что в «Искру» были присланы стихи о каком то бродяге, где между прочим было, что следует:

И бить его, и гнать его (Игнатьева)..

Впрочем, это подражание старинной эпиграмме Соболевского на Григория Книжника [Геннади].

Так же был следующий стих:

Бьет по морде, под лопатку-ль (подло Паткуль).

Цензор догадался и не пропустил; а легко он мог пропустить — нескоро заметишь. Так трудна и даже невозможна цензура.

13 октября

Говорят, что сегодня посадили в крепость еще более 200 студентов. Боже мой! что ж это будет? Не попечитель, а Паткуль распоряжался внутри университета. Да что ж делает университетское начальство?

15 октября

Сегодня в газетах об отдаче под суд офицеров, принимавших участие в беспорядках студентов.

19 октября

После тоста государю, провозглашенного бар. Корфом и принятого с неподдельным энтузиазмом, Паткуль, приглашенный к завтраку учредителями, посмотрев на часы, сказал: пора мне ехать навстречу государю, и уехал. Из этого происшествия в городе вывели такой толк, что будто тост был принят холодно и что Паткуль сказал: я не могу дальше оставаться с такими людьми. Так в публике раздражено расположение все толковать в тревожном смысле. Прекрасный рескрипт государя лицею, который бы так хорошо теперь пришелся, был прочитан неожиданно для всех и, говорят,

* Что я не слишком ясно разбираюсь во всем этом деле.
** Выслушаем и другую сторону.

весьма невнятно принцем Ольденбургским, так что большая часть присутствующих его не слыхала (завтрак на беду был в разных комнатах). — Отсюда новые толки, что принц рассердился на будто бы холодный прием присутствующими этого рескрипта. За тем будто бы лицей дает бал в субботу, чтобы сделать благодарственную манифестацию. Уж эти манифестации! Дать бы умам успокоиться; депутации было бы достаточно. Как не знают, что в тревожное время всякая манифестация может, смотря по составу толпы, вызвать противоположную *.

21 октября

Сегодня был развод — государь говорил с офицерами — и говорят, между прочим, сказал: у меня много неприятностей, — но я их забываю, находясь посреди моей гвардии Я знаю, что хотели вас заставить нарушить верность, но я знал заранее, что этого не случится.

25 октября

Мнение бар. Корфа об университетах рассматривается, говорят, завтра в четверг в Совете министров (об уничтожении звания студентов и об открытии университета). Валуев так мне рассказал свою точку зрения: «Вопрос таков, что нельзя решить его, не подвергнув всех сторон обсуждению какого-либо комитета специалистов. Нет нужды распространить университетское образование, когда нужно расширить средние школы. Огромное число студентов делает невозможным действительные экзамены на выпуск с аттестатами. Оксфордский университет с туторами, избираемыми самими студентами, дело полезное. Классическое образование произвело всех великих государственных людей Англии. Из физиков не было ни одного действительного государственного человека. Если нет у нас средних деятелей,— то от того, что нет начальников, которые бы умели ими распорядиться».

Говорят, появилась третья прокламация «Великорусс», напечатанная ручным станком.

26 октября

Сегодня государь приехал на пароходе в Петербург, говорят, для присутствования в Совете министров по университетскому делу.

8 ноября

Получил при милейшей записке от бар. Корфа отношение гр. Адлерберга 8 ноября № 5044 — о н а з н а ч е н и и меня сенатором в Москву. Отвечал бар. Корфу и возвратил отношение.

9 ноября

Уморительно, как не понимают, что можно оставить Петербург и желать московского уединения, и все добиваются причины, от чего я просился в Москву. Я отвечаю, что там у меня две богатые тетки, одна на Арбате, другая на Поварской, за которыми надобно ухаживать.

15 ноября

Писал к Н. Ф. Павлову о том, что мое участие в его газете связано с допущением в нее статьи в пользу Соллогуба.

---

* Все это пустая городская болтовня. Принц Ольденбургский читал очень внятно и уехал лишь потому тотчас же по прочтении рескрипта, что спешил в Совет с самого приезда. [Прим. В. Ф. О д о е в с к о г о].

А. Г. РУБИНШТЕЙН
Литография 60-х гг.
Публичная Библиотека, Ленинград

19 ноября

Существование Путятина, как министра просвещения, производит в публике самое неблагоприятное впечатление; чему помогает выход в отставку Делянова, Воронова, [нрзб] des professeurs. Говорят про Путятина, что он — пюзеист, и раз сказал: очень прискорбно, а нечего делать, надобно же кончить тем, что покориться папе.

Про Михайлова (распускавшего прокламации Герцена) в «Indépendance Belge» пишут, что он рассказал судьям: я был крепостным, и в детстве видел, как секли моего деда за то, что мешал барину изнасиловать его дочерей — с тех пор я поклялся в вечной ненависти дворянству. 19 февраля 1861 года умиротворило меня; но действия дворянства снова возбудили мою желчь и вот отчего я пред вами.

Говорят, Бакунин убежал из Сибири и через Амур и Японию едет в Лондон, о чем Герцен объявил в каком то журнале.

Говорят, в иностранных газетах напечатан какой то адрес весьма умеренный, но толкующий о конституции.

Я сказал бар. Раден *: «не отравляйте мне этих мгновений; я нахожусь сейчас в блаженном состоянии ревностной святоши, которая подсчитала количество постных супов, проглоченных ею, и надеется быть вознагражденной таким же количеством жирных колбас; колбасы она не получит — это

* Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.

наверное — но это не разрушает ее блаженства. Я знаю, что Москва наскучит мне, как и все; но по крайней мере ничто не может нарушить блаженства, которое меня охватывает, когда я освобождаюсь от тысячи цепей, сковывающих меня в Петербурге».

24 ноября

На именинном завтраке у вел. кн. Екатерины Михайловны. — Возня с больным зубом помешала мне поспеть к обедне. Опять вопросы со всех сторон о причине моего переселения в Москву. Мой долгий разговор с Суворовым о Думе и Комитете общественного здравия *. — «Уверяю вас честью, — сказал я ему, — и скажите об этом государю, что нет ничего и не может быть ничего, кроме как добра от Думы». — «Вы знаете, что возражали против 750 человек членов Думы» — «Это иллюзия, это только на бумаге, собирается не больше двухсот человек и таким образом почти всегда недостает людей для различных комиссий, необходимых вследствие разнообразия дел, подлежащих рассмотрению; а вы знаете, что в таком роде службы, который не дает ни жалования, ни наград — единственное средство заставить людей работать, это иметь возможность р а з д е л и т ь работу между многими лицами. На мой взгляд Дума — единственное учреждение в Петербурге, которое работает добросовестно. На нее нападают за то, что она мешает хоть сколько-нибудь воровать». — «Ч[евкин] резко выступал против нее». — «Я этому охотно верю. Мы считаем копейки, а он вдруг наваливает на город издержки в 400 и 500 тысяч, коих употребление можно судить по тому, как ремонтируется самое здание Думы и вообще городских строений. Je sais que je me mettrai sur le dos tout le monde,— mais n'importe, — je ferais mon devoir» **.

У Рибопьера, чтобы узнать, когда я могу благодарить государя.

Я бы желал иметь возможность сказать государю следующее. Участь всех государей и великих мер, ими предпринимаемых, это то, что эти меры бывают не вполне понятыми. Может быть полезно, чтобы в толпе были люди, могущие ее вразумить; но такое дело может быть доступно такому человеку, которого нельзя обвинить в честолюбии, ибо он променял положение более блестящее на долю скромную и трудовую. Я смею думать, что вашему величеству я буду полезнее в Москве, нежели в Петербурге.

Вечером у вел. кн. «Enfant prodigue» ***, сказала она, повторяя сказанное поутру. Я сказал вел. кн. ****: «Если вам угодно уделить мне пять минут, я сумею объяснить вам, почему я покидаю Петербург».—«Ни пять минут, ни больше не смогут убедить меня — говорите!». — «Ваше высочество, пожалейте меня, но не порицайте. Я покидаю Петербург не без сожаления; но я чувствую, что слабею — и физически, и морально. Я чувствую на себе влияние петербургской атмосферы и как все петербуржцы, я утрачиваю понимание России. Мне надо почерпнуть силы на родной почве». — «Вы полагаете, что в Москве вам это удастся?» — «Отчасти; но меня будут посылать и в провинцию». — «С вашим здоровьем это очень тяжелый труд». — «Да! Но я сумею вынести это — и надеюсь быть полезным. Вы знаете, что Россия движется всегда скачками, — я не могу объяснить себе

---

* Далее, до слов «мы считаем копейки», в подлиннике по-французски.

** Я знаю, что восстановлю всех против себя — но все равно — я исполню свой долг.

*** Блудный сын.

**** Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.

куда она скачет сейчас; из Петербурга этого не видно». «Да, это правда!— Вас назначили в уголовный департамент, вы будете там полезны».— «Я предпочел бы гражданское ведомство, — но все равно». «Вы не просили об этом». — «Я никогда не прошу что бы то ни было и исполняю то, что мне поручено — я постараюсь изучить уголовное право».

2 декабря

Встретил Панаева, расспрашивал о запрещении «Современника»; вредит ему какой-то Ведрин, которого «Современник» распушил.

5 декабря

Читал «День» — что за пустоголосица! ни одной живой мысли, а лишь славянофильское риторство и французская игра словами.

[*14 — 16 декабря*]

Говорят, что вел. кн. Константин Николаевич на просьбу Путятина рассказать ему все происшествия, отвечал, что по занятиям принять его не может и в то же время другого адмирала (при Путятине же) пригласил на завтра к себе. Опять заговорили о Головнине для министерства просвещения.

Про меня, после многих толков, рассказывают, que je fais preuve d'une grande f i n e s s e et de prévoyance, en allant à Moscou!! Je ne m'attendais pas à celui la! * Любопытно знать, в чем они тут видят тонкость и предвидение чего?

17 декабря

Все говорят о замещении Путятина Головниным, но все так рады этому и так боятся, чтобы разговоры об этом не помешали совершению этого изменения, что говорят шопотом, приговаривая: «только не рассказывайте об этом, чтобы не повредить».

26 декабря

Губернских врачей теперь назначают губернаторы. Прежде это было делом Медицинского совета и департамента; в результате — 200 вакансий по городам, ибо департамент не назначал ни единого без взятки, а взятка была высока. Департамент же жаловался на недостаток врачей в России. Теперь по городам нет ни одной вакансии. Вот еще пример, каким образом преступный частный интерес — домашняя кастрюлька — может отразиться в целом государстве в виде общественного бедствия.

Современный вопрос, поднятый в Комитете общественного здравия: что делается с хозяевами, которые отдают в наймы сырые квартиры?

30 декабря

В дворцовой зале на репетиции Русского музыкального общества. С репетиции я прошел к вел. кн. — читала она стихи Некрасова и рассказывала с удивлением, что Блудов не признает его поэтом. Вел. кн. напомнила, что было время, когда Пушкина и Вяземского считали за hommes dangereux **.

---

* Что я проявил большую т о н к о с т ь и дальновидность своим отъездом в Москву!!. Этого я не ожидал!

** Опасных людей.

31 декабря

Вечером у меня: кн. Львова, Эйлеры брат и сестра, M-lle Staal, Рубинштейн, меньший Веймарн, Мальцев, Опочинин старший, Рейц, [нрзб.] Ермаков, Баумгардт, Булычев.

Во время ужина явились разные подарки из дверей. Рубинштейну — дыня, как символ того, что может ему бросить публика, и шитая подушка — de la part du Conservatoire à son pére * — мне соль, для просоления московского Сената, лекция по теории невероятности и розга на Муму.

Вот и остался 1861 год; кажется, с 1862 для меня начнется новая жизнь, менее мятежная и больше мне останется времени для моей внутренней жизни.

1862 год

[1 — 5 января]

Хорошо еще, что эти ослы ошиблись в имени. Впрочем в старые годы, по поводу такой штучки можно бы попасть в крепость.

8 января

Кн. Черкасская, которую просил сказать Аксакову: примет ли он от меня возражение самому корню «Дня».

12 января

Бар. Корф (отмена телесных наказаний) — обнародование этой меры прежде самого закона, что гр. Б[лудов] предполагал держать в секрете. — Вечером бар. Раден с бала Ольденбургского. Она за телесные (разумеется полицейские) наказания по приговору мира и в школах!!!

25 января

Поутру прислала за мной жена от Сергея Степановича [Ланского], который при последнем конце. Там были лишь кузины, жена и Зенеида. «Spes nulla? **», спросил я у Рауха, чтоб не испугать окружающих. «Spes nulla», отвечал он.

Свидание государя с Сергеем Степановичем Ланским было самое трогательное. Он благодарил Сергея Степановича за все, что он сделал, Сергей Степанович за то, что позволил ему быть участником в великом деле. Государь плакал навзрыд. — Странное дело, как у нас высасываются слухи из пальцев. Не успел я приехать в Музеум, как уже мне рассказывали, что Сергей Степанович говорил государю: «ступайте, ступайте теперь», как будто он им тяготился. Ничего подобного, даже близкого не было. А пожалуй эта нелепость перейдет и в «Колокол». Елена Павловна также была у Сергея Степановича и говорила со всеми родными.

26 января

Сергей Степанович скончался в $7\frac{1}{2}$ час.

28 января

Про Панина говорят, что он один отстаивает телесные наказания, и в особенности для женщин; ибо, говорит он, я вам скажу, как эксперт, женщина совсем не человек: это я вижу беспрестанно по делам: отравила мужа, отравила мужа, отравила мужа.

---

* От консерватории ее отцу.

** «Никакой надежды?».

1 февраля

Сегодня в первый раз мог быть в Дворянском собрании — следственно не слыхал ни речей Платонова, ни речей [Н. А.] Безобразова (крепостника, который однакож за себя 67 голосов против 140; а заведи у нас парламент, за него было бы 167 — это верно; да и в Дворянском собрании, если бы не сила царской воли, все бы потянулись за крепостником).

3 февраля

1-го февраля было уже последнее заседание Дворянского собрания. Решили: ходатайствовать—1. О поручении дела губернских учреждений комиссии из дворянства совместно с комиссией от правительства. 2. О введении ипотекарной системы по проекту сенатора Цеймерна. — Потом благодарности.

Прежде решили: рассмотрение предложения Платонова отложить до будущего съезда, теперь же просить о гласном и устном судопроизводстве.

4 февраля

У меня Гербель (с просьбою дать какие-либо сведения о брате Александре и о Кюхельбекере — мало могу что сообщить, ибо последнего знал лишь один год, а первого в разное время лишь несколько месяцев).

9 февраля

Зашел в магазин Серно-Соловьевича, где за bureau г-жа Энгельгардт — жена химика, потерявшего профессорское место при Путятине.

[*10 февраля*]

О бале у кн. Юсуповой-Шово — тысячи эпиграмм. Два лагеря — кн. Кочубей и кн. Шово. На бале мало, но за ужином, когда кавалеры уселись возле дам, после мазурки, их подняли, чтобы дать место другим дамам; мущин же хозяин пригласил к буфету, приговаривая, que sans les dames on est plus à son aise pour manger! Cette phrase de bourgeois endimanché * подняла всех на зубки. Австрийца не было ни одного у Шово, все другие дипломаты были, и также кн. [А. М.] Горчаков. — Ездить к Шово называют: chevaucher **. Тютчев сказал: «j'aime mieux les festins du fils que les pompes du pére» (отца Шово обвиняют в том, что [нрзб] его было entrepreneur des pompes funèbres) ***. Все это занимает петербургские салоны, — больше, нежели все толки о думах, соборах и проч. т. п. Уж таков Петербург.

16 февраля

Говорят, история в Театральной школе. Сабуров повез с собой в карете двух воспитанниц и Прихуновой запустил в рот язык, от чего ее вырвало. Смотрительница Рулье жаловалась. Она, говорят, сама торговала воспитанницами, но Сабуров ей помешал и оттого будто бы она на него зла. А если не от того, а просто бедные девочки насилуются старыми прелюбодеями?

Что такое в Твери? Говорят, туда Анненков (контролер) послан.

17 февраля

История тверская: мировые посредники (говорят, 14) подали в отставку, требуя изменения «Положения» 19 февраля. Что за свиньи! Что за ослы!

---

* Что без дам удобнее кушать. Эта фраза разряженного буржуа...

** Гарцевать.

*** Я предпочитаю празднества сына отцовским торжествам... устроитель похоронных процессий [непереводимая игра слов].

Не слышат они, что говорит народ: «не нажить нам никогда такого царя, как нынешний!» — Что ж они хорохорятся и только пакостят! О дворянство — когда поумнеешь!

9 марта

Я нечаянно узнал, чего мне в голову не приходило, что император Николай Павлович считал меня самым рьяным демагогом, весьма опасным, и в каждой истории (напр. Петрашевского) полагал, что я должен быть тут замешан. Кто это мне так поусердствовал? И как меня не согнули в бараний рог?

11 марта

У государя и у наследника. Государь сказал мне: «А, наконец! когда намерен ехать?» — «Я не желал бы медлить, но завишу от Устава Максимилиановской лечебницы, который теперь рассматривается в Медицинском совете, — другие мои годовые отчеты я уже сдал» — «Ну с богом, продолжал государь, — я уверен, что и в Москве вы будете также полезны, как всегда были полезны» и милостиво пожал мне руку. Императрица не принимала сегодня. Я пошел было спросить у Рихтера: когда я могу откланяться государю наследнику, и встретил самого цесаревича: «вы верно шли ко мне?», сказал он. «Точно так, отвечал я — откланяться вашему высочеству».—«Да вы соскучитесь в Москве». — «Буду работать над сенатскими записками». — «Ну и другие дела будут». — «Нет, ваше высочество, никакой уже административной должности на себя не возьму, — здесь у меня их было пять, — это хорошо смолоду», — и проч. т. п.

Зашел проститься с гр. Барановой, где встретил гр. Тизенгаузен, которую проводил в ее комнату. «Pourquoi allez vous à Moscou»? — «Parce que pour vivre ici il faut avoir deux choses: de la santé et de l'argent— et je n'ai ni l'un, ni l'autre» — «Vous avez raison, отвечала умная графиня, je vous comprends*. У меня обедали: Свербеев, кн. Волконский, Голохвастова, бар. Раден, и остались до вечера. Свербеев дал мне характеристику москвичей — умора! Все разделено на кружки, которых нельзя спустить вместе — перегрызутся.

18 марта

Непонятная вещь! Кн. Ал. Фед. Голицын и теперь умел убедить, что он добрый, честный простачок и что его в публике гонят за его преданность и правдивость, оказанные им в делах расследования о революционных обществах.

При Николае Павловиче было секретно запрещено цензуре печатать что либо в похвалу Морского ведомства и Константина Николаевича.

27 марта

Нет ничего интересней второй жизни человека; внешняя жизнь выставлена на показ всем. Внутренняя же, вторая жизнь есть скрытая основа, которая управляет всем существованием человека. Иногда она прорывается наружу, оставаясь всегда скрытой, как некая тайна. Я не могу постигнуть, как могут люди чувствовать необходимость в признаниях, когда у них какие-либо недопустимые чувства или чувства, которых они не должны бы иметь.

---

* Отчего вы уезжаете в Москву? — Чтобы жить здесь, надо иметь две вещи: здоровье и деньги, а у меня нет ни того, ни другого. — Вы правы... я вас понимаю.

Удивительней всего то, что человек, чувства которого не разделяются, всегда с упорством распространяется о них. Потому, очевидно, что искренне чувствуя что-либо, не можешь себе представить, что тебе не верят *.

29 марта

У нас обедала m-lle Staal. — После обеда Ан. Вас. Путята и спиритические опыты. Я пробовал их над собою: усталость мускулов и нервное возбуждение — вот и все; оттого руки приходят в дрожание. Если в это время о чем-нибудь думать, то это напишется невольно, за тем слово станет цепляться за слово и составится фраза. У меня не выходило ничего, кроме черточек, ибо я старался воздержать себя от всякой определенной мысли. В Ан. Вас. и в. m-lle Staal нервное раздражение очень сильно.

9 апреля

Говорят: одни, что вчера какие-то печатные прокламации были насованы в карманы офицерских шинелей во дворце, другие, что рассыпаны были в церквах и даже наклеены на уличных столбах.

[*10 апреля*]

В «Journal du Nord», говорят, любопытная статья о преобразовании Государственного совета.

В «Indépendance Belge», говорят, статья обо мне (?!) — не могли найти, как ни старались Рошлер и Гульден.

21 апреля

В шахматном клубе, говорят, на меня напали — и Лесков заступился. Ведь это очень забавно: псевдолибералы называют меня царедворцем, монархистом и проч., а отсталые считают меня в числе красных!

22 апреля

Архимандрит Порфирий привез мне снимки с [нрзб] греческих музыкантов и рог, который носят женщины в Абиссинии.

В Константинополе один иеромонах отыскивал продажные мощи. Какой-то Костька уверил его, что у него есть чудо: движущиеся мощи; но что это движение происходит лишь в полночь; иеромонах пришел к нему; Костька заставил его сделать 50 поклонов и потом вынес ящичек, обделанный в серебро; приблизив к нему ухо, иеромонах действительно заметил, что в мощах что-то шевелится. Торговец Костька просит 50 червонцев; сошлись на 15. — В течение двух-трех дней иеромонах подходил к ящику и слышал в нем движение; уверившись в истине этого сокровища, он отправился из Константинополя куда-то морем. Здесь Костька под пьяную руку начал хвастаться, что он куски от обрубка продает за древо креста, мощи сбирает с муссульманских кладбищ, да и иеромонаха обманул, посадив в ящик живого рака; это дошло до иеромонаха, который также был поражен тем, что от ящика пошла нестерпимая вонь (рак умер и начал гнить). С досады он бросил ящик в море.

Открыли, что будто существует тыква, которую Христос употреблял при установлении евхаристии. Она была куплена и поднесена императрице Александре Феодоровне; оказалось, что то было нечто в роде полоскательной чашки турецкого серебра, в подножии которой что-то, при движении, билось об стенки, — уверяли, что то кусочек этой тыквы.

* В подлиннике запись по-французски.

На шоссе один инженерный генерал подошел к работнику и заметив, что он не так работает, стал сам укладывать как следует. «Что ж он за энарал», — говорит работник, — работу понимает, словно простой солдат».

3 мая

Если преобразование судопроизводства совершится, то я скажу с Симеоном богоприимцем: благодарю тебя господи, яко видел очама моими спасение людей твоих. Совершится и ничто не страшно для России, ни ошибки, ни мятежи, ни глупые прокламации — и время от 19 февраля по день обнародования судопроизводства выше всей прежде прожитой тысячи, а нынешний государь величайший из государей русских.

5 мая

Шахматно-литературный клуб, говорят, совершенный кабак, но имел ту пользу, что столкновением произвелись партии враждующие: герценистов, ультра-либералов или народников, они же нигилисты.

6 мая

Как рассказывает публика

Бар. Корф всеми силами хочет остановить решение вопроса о судопроизводстве. Когда в общем собрании Совета принялись было за это дело окончательно, он вошел скрытно от членов Совета с особою запиской к государю о внесении в Совет записки Бунге, заключавшей самую оскорбительную критику на действия редакционной комиссии и на Блудова, взволновавшей всех членов, так что бар. Корф признался, что не читал записки Бунге, и просил прощения у членов, на что гр. Панин, одобрив такое с его стороны уничижение, заметил, что он должен просить прощения и у гр. Блудова. Все это имело следствием, что кассационный суд отменен.

Как было в самом деле

Проект гр. Блудова о судопроизводстве гражданском и уголовном был рассмотрен в Совете и окритикован. За тем эти обе работы были окритикованы Государственной канцелярией, представившей свой проект. Этот проект рассматривался не в общем собрании Совета, но в соединенных Департаментах законов и экономии. Перед одним из заседаний бар. Корф получил записку Бунге, содержавшую в себе критику на работу Государственной канцелярии, сильную, но нисколько не оскорбительную. Бар. Корф сообщил о записке Бунге кн. Гагарину, как председательствующему, и с его согласия испросил у государя позволения внести ее к совокупному с делом рассмотрению (ибо без разрешения государя ничто не может быть внесено в Государственный совет). Государственная канцелярия действительно нашла некоторые выражения в записке слишком сильными и оскорбительными. На что бар. Корф сказал, что если в записке Бунге есть что-либо оскорбительное, то виноватый не Бунге, а он, ибо Бунге сообщил ему свои замечания конфиденциально, а он счел столько дельными, что нисколько не усумнился обратить на них внимание департаментов, тем более, что дело не шуточное и требующее обсуждения с разных точек зрения. Извиняться пред гр. Блудовым он не находит нужным, ибо критика Бунге касалась единственно проекта Государственной канцелярии. — Обсуждение дела продолжается весьма спокойно и бесстрастно. Бар. Корф был изумлен, что такое простое с его стороны действие получило в публике такие нелепые размеры.—«Для меня уж нет,—говорит он,—никаких честолюбивых целей; и ничего бы так не желал, как выйти в отставку;

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ И ЕГО ЖЕНА, ОЛЬГА СТЕПАНОВНА

Карикатура М. Фредро
Институт Русской Литературы, Ленинград

лета мои отнимают у меня силы прежней деятельности. Я употребляю все силы, чтобы двинуть сперва закон о новом судопроизводстве, для сего я отказался от дворца в Екатеринентале (в Ревеле), от казенного парохода; но было бесчестно с моей стороны в деле столь многославном действовать без оглядки и отвергать все средства, могущие придать ему практическую пользу».

11 мая

Мельников. Корректуру он отдал Лескову, который мне ее не принес. Рассказ Мельникова о жестоких обычаях у раскольников, о обожании бюста Наполеона (иже приде из Египта), — о мальчике, у которого penis был перевязан волосами, а для мочи проделана фистула.

13 мая

У меня Лесков — толковали о глупых прокламациях и о нелепости нашего социализма. «Уж если будет резня», — сказал Лесков, — «то надобно резаться за Александра Николаевича». «Северная Пчела» начинает поход на социалистов.

16 мая

Выехали из Петербурга с 12-ти часовым поездом — в семейном двух-местном отделении, — но в Колпине нас пересадили в другой.

17 мая

В 8 часов утра мы в Москве — на станции ожидал нас Баев и человек Соболевского Николай с каретами. — Поутру явились к нам Перфильев, Свербеев и Лонгинов с огромным калачем, с него толщиною, и микроскопическою солонкою.

В 6 ч. у бар. Корф, которую насилу дождались — потом у Перфильевых, где встретил Армфельдта и Свербеева с дочерью Ольгою — моею приятельницею — рассказ о девице Аполи, притворившейся ограбленною.

19 мая

Был с визитами: у Тучкова, застал его с просителями, и моих товарищей сенаторов: Ховена, Мердера, Хотяинцева, Жеребцова, Казначеева. Принял лишь Тимирязев. Сказывал, что теперь идет студенческое дело, которое, на беду меня не минует.

[*20 мая*]

В Москве уверены, что Константин Николаевич искал места в Варшаве. Иван Семенович Тимирязев говорит: «Москва не иное что, как дура». Ховен рассказывал мне, как тому лет десять человека высекли розгами и сослали в каторгу за убийство жены, которая теперь, как оказалось, в живых между беглыми солдатами.

Жены раскольников были наказаны розгами и сосланы; их мужья были оправданы Сенатом; потребовали возвращения жен, им отвечали, что надобно просьбу от самих жен, — ибо по закону от родственников просьбы не принимаются в уголовном деле. Ховен указал, что в законе не сказано: от супругов. — Мужья просили их также отправить в ссылку для соединения с женами. От них просьбы не приняли, ибо была на 60-копеечной бумаге, а не на 90-копеечной. Ховен предлагал от себя 3 р., по рублю на просьбу.

24 мая

Лонгинов импровизировал за мое здоровье следующие стихи:

Для матушки Москвы наш друг оставил Север.
С ним возвратилась нам счастливая пора;
Так закричим: Одоевский for ever!
Одоевский vivat! Одоевский ура!

25 мая

В общем собрании Сената. Дело делается в молчанку. Начинается чтением протокола прошедшего заседания, коего никто не слушает и что в насмешку называют: часы. За тем подносят сенаторам лист, где они отмечают, с каким мнением кто согласен — une espèce de jeu du secrétaire *. Вообще забота одна: поскорее кончить заседание.

Спас мещанку Шелыгаеву, прижившую с купцом Развожжаевым двух детей, от наказания розгами (60 ударов) и ссылки в Восточную Сибирь.

Путята рассказывал мне об открытых им документах, что когда Екатерина II-я думала об отмене пытки, то ей со всех сторон говорили, что нельзя будет ночь поспать спокойно.

История сенатора Берга, хотевшего говорить в Общем собрании и остановленного криками большинства, что рассуждают лишь в департаменте и что в Общем собрании рассуждать не следует. На другой день он свез кн. Лобанову статью закона, и Лобанов объявил в следующем заседании, что сенатор Берг имел право рассуждать. Для многих сенаторов статья закона была новостью!

29 мая

Пожары в С.-Петербурге. «Спб. Ведомости» 27 мая № 113. Воскресенье.

---

* Нечто в роде игры в секретарь.

20 мая, 22 мая, 24 мая — пять пожаров! Все начались в сараях и подворных службах, т. е. попросту от папиросов, кои запрещаются курить на улицах и кои курятся в сеновалах, сараях и конюшнях.

Рассказ обер-прокурора Шахова о наказании плетьми; от 60 ударов одного палача (говорят, подкупленного осужденным) спина лишь покраснела; от 20 ударов другого нещастного скоробило. Следственно сила наказания зависит от такого человека, каков палач. Это ужас!

30 мая

В Обществе любителей российской словесности — толкование об ответе попечителя о дозволении печатать без цензуры. Я предложил и принято: обоюдный надзор со стороны председателя и со стороны Общества с veto для председателя. Аксаков был моего мнения. Я тут только с ним познакомился. Вообще все было весьма благоприлично и ничего лишнего.

31 мая

Пожары в Петербурге — Щукин двор, Апраксин, министерство внутренних дел! Если есть что утешительного в этом бедствии, — это что оно должно, с одной стороны, образумить сочинителей прокламаций, а с другой — сделать общество более осторожным и недоверчивым к этим господам. Этот урок не пропадет даром. Прокламации «Молодой России» — умора! Чисто начисто выписка из Blanqui и Алибера. — Опасно одно: увлечение в противную сторону. Вот до чего добились уже преобразователи, лженародники.

Говорят, что в 1826 г. император Николай хотел арестовать Ф., подозревая его в заговоре с декабристами.

5—7 июня

Я видел следующую сцену: на тротуаре близ Иверской человек стоял на коленях и молился в землю, поднимая почасту руки, потом встал, покачиваясь, дошел до уголка,... и, увидев идущего невдалеке попа, едва застегнулся и, шатаясь во все стороны, натолкнулся на попа, несшего кулечик и поднес руку под благословенье, принудив бедного попа положить на землю кулечик, снять шляпу и благословить нечистую руку, ему подставленную, и еще дать свою руку целовать многократно.

8 июня

В Общем собрании. По делу о требуемых Лебедевым копиях с делопроизводства говорили я и Берг; голос мой слышан лишь в тишине, но не в обыкновенном сенатском говоре, препятствующем всякому дельному обсуждению; однако ж, воспользовавшись минутою молчания, я выговорил свое мнение; но главный мой аргумент состоял в указании на одну статью полного собрания законов; начался шум, мой голос не был слышен и я попросил секретаря прочесть указанные мною ему строки; когда секретарь начал читать, первоприсутствующий (Толмачев) громко сказал ему: «А кто вам позволил читать без моего позволения» — я счел долгом сказать: «секретарь не виноват, я просил его прочесть за слабостью моего голоса — если я поступил против обычая, то прошу у вас извинения». За тем я подошел к Толмачеву, который мне сказал довольно странный обычай в Сенате. Правило о том, что сенатор должен говорить, а не читать, я знал хорошо; но, как видно, это правило распространяется даже на цитаты из закона. Не уж-ли должно говорить их на память, когда каждая буква в законе важна? Между тем таков обычай.

11 июня

Сыновья Ростовцева исключены из флигель-адъютантов (причина мне неизвестна). — Добрые люди пользуются этим случаем, чтобы набросить тень на самого отца Ростовцева.

Арестован один из секретарей 1-го отделения 6-го департамента Завадский — один раз он докладывал и очень хорошо.

Ященко и Сулинова [Сулина] (студенты), судящихся у нас, потребовали в 3-е отделение.

12 июня

В Сенате 1-му отделению 6-го департамента поручается единственно студенческое дело.

13 июня

В Сенате — (вопрос: как допустить студентов к слушанию их дела, когда они того потребуют, — что они желают лишь для стачки).

18 июня

У Свербеевых — Пальмер, Ребиндер, Россет.

От чего Пальмер получил репутацию мудреца? Он порядочно глуп; перешел в латинизм и затем езуиты его сбили с толка, в тонкость их он не вошел и громогласно повторяет их вероятно нелепые наущения. Напр. отпустил он следующую шутку *. В религиозных делах нужно действовать так, как Наполеон, и уважать национальные чувства. Наполеон возбуждает Англию против России, а затем устраняется; возбуждает Италию и устраняется, предоставляя Италии устраиваться так, как она хочет и т. д. Верно ему это езуиты натолковали, а он сдуру и ляпает. Любопытно, что против него сидит Ребиндер, недавно перешедший в православие. У Пальмера религиозный тип: можно пари держать, что он через несколько лет перейдет в еврейскую веру.

23 июня

В газетах выстрел в вел. кн. Константина Николаевича. Как бог спас? чья рука подымала пистолет прежде, нежели вел. кн. успел что либо сделать? Революционеры (красные), или езуиты?

[*24 — 30 июня*]

Говорят, [М. и Н. Я.] Ростовцевы сверх флигель-адъюнтантства и графства получали: по 5 000 из шкатулки государя, долги были прощены, подарен дом, мать получала 12 тысяч. Эти подлецы крамольничали против того, кем жили.

Ярошинский — портной-подмастерье. Видимо — орудие. Но чье? Уж не иезуитов ли? ведь это им не в первой. Пожалуй, и пистолет святой водой окропили.

Говорят, Непир рассказывает в Петербурге следующий, может быть вымышленный, анекдот. В полицию прислано известие, что в таком то месте, в таком-то часу поедут в карете два главных зачинщика заговора. В назначенное время полицейские остановили карету; смотрят: в ней два генерала; вытянулись и отошли. На другой день будто бы прислано было в полицию насмешливое письмо, где подтверждалось, что эти лица были действительно заговорщики, но коих одели в генеральское платье в уверенности, что поли-

---

* Далее, до слов «Верно ему это», в подлиннике по-французски.

ция не осмелится прикоснуться к их мундиру, и что теперь они уже заграницей. Si non è vero, è ben trovato *.

Для постройки моста в Киевской губернии нужно было 300 руб.; пишут в Петербург в Главное управление путей сообщения; там лежит два месяца; когда пришло разрешение — потребовалось по усилившейся неисправности моста 2 000 рублей; опять спрос, опять полгода лежит; таким образом в течение 2 лет суммы, нужные на поправку, образовались в сумму на возобновление, которое обошлось в 36 тысяч.

Ходят самые нелепые слухи: будто бы Ярошинский объявил, что он в заговоре с 35 человеками, имен коих не сказывает. Что они собирались вместе напасть на вел. кн. и его спасло то, что он вышел из театра ранее. Если есть здесь доля правды, то вопрос: что же делала варшавская полиция?

5 июля

В Сенате. — Первое (т. е. для меня) заседание по октябрьскому студенческому делу. Что за полоумные мальчишки!

6 июля

В Сенате. — (Замечательная личность Петра Заичневского — принадлежащего к так называемым исповедникам... социализма, слово, которого значение весьма для них смутно, — но за которое тем не менее они готовы пойти в мученики и чего именно добивается Заичневский, стараясь не уменьшить, но преувеличить свои действия).

У нас Свербеева, Варвара Дмитриевна и Пальмер, который мне и всем жестоко надоел. Мне кажется, что если он не агент езуитов, то просто агент или английского правительства, или какой-либо английской политической или торговой партии.

9 июля

В Сенате (приговор предварительный).

10 июля

В Сенате (принятие мер предосторожности по студенческому делу).

11 июля

Писал бар. М. А. Корфу — о деле студенческом, рассматриваемом в 1-м отделении 6-го департамента.

13 июля

В Сенате. — (Студенческое дело — смешение имени литографа Федорова с немцем.)

18 июля

В Сенате. — Предварительное чтение проекта приговора по студенческому делу — кара доведена кажется до последних границ снисхождения, допускаемого законом; остальное, по моему мнению, должно быть предоставлено милосердию государя, — которого в этом не следует стеснять; для суда одно поприще: закон, какой бы он ни был; dura lex, sed lex **.

* Если и не правда, то хорошо придумано.

** Суровый закон, но закон.

20 июля

Рассказ Ховена о том, как в 1823—24 его уговаривали на юге tous les beaux esprits * пристать к обществу, между прочим Басаргин, впоследствии сосланный, как декабрист; как его гнали за то, что занимался единственно съемкой. Жена Басаргина, — и ее дочь (чья?).

[*25 июля*]

Кн. Ник. Ив. Трубецкой мне сказывал, что Алексей Толстой (сын Ник. Матв.), секретарь при парижской миссии, привез с собою целую шайку поляков, согласившихся умертвить всех русских начальников — каждому был назначен свой убийца, — и что un garçon tailleur devait tirer sur le grand duc le jour de son arrivé **. Если это было известно, как же полиция допустила совершение преступления?

Кн. Ник. Ив. сказывал, что против дней, означенных в придворном календаре, здесь парадный мундир никогда не надевается, хотя бы и было в повестках, что быть в парадном — это относится лишь до военных.

26 июля

Выходя из Сената и проходя по Тверской, я видел возмутительную сцену; дикари наваливали воз, которого молодая лошадь не могла поднять в гору; принялись ее бить с двух сторон; лошадь перескочила через оглоблю, и дикари, разозлившись, продолжали бить, да к ним присоединился еще прохожий — так из аматерства, не замечая, что лошадь сидит верьхом на оглобле, и перестали ее тиранить лишь когда я стал на них кричать и вспоминать, что они лошадь потеряют. Когда же у нас будет закон о жестоком обращении к животным? Уничтожение телесного наказания не смягчит нравов, без такого закона. От чего не говорят проповедей на текст: блажен милуяй скоты?

Троицкая железная дорога весьма тревожит дворников, где останавливаются богомольцы, которых дворники обкрадывают немилосердно. Впрочем один из них на вопрос, что он думает о железной дороге, отвечал утвердительно: «ничего не будет» — «Как так?» — «Святой угодник не допустит; защитил он святую лавру от поляков и французов, — защитит и от железной дороги».

В газетах известия, что на Волжско-Донской дороге подкидывают камни на рейльсы.

31 июля

Не без цели Пальмер так хлопотал показать нам свой альбом; он состоит из десятков двух копий с разных изображений римских катакомб, подобранных на латинскую стать и с явными признаками позднейших приставок; круглые фуражки (в роде белорусских), средневековой pallium и проч. т. п. вещи; но все-таки любопытно, если предположить, что хотя часть этих изображений (безкрылые ангелы, отсутствие ореол) принадлежит III в. и некоторые из других IV-му. Из сих изображений видно, с каким трудом христианство отрешалось от язычества, сохраняя в своих аллегориях языческий материализм, — Христос беспрестанно в виде рыбы, Лазарь в виде египетской мумии, грифон вместо Ионова кита и проч. т. п. Пальмер читал род проповеди над этим альбомом, но как он порядочно глуп, то думал сделать на нас, русских, глубокое впечатление, показав нам в конце несколько картин своей выдумки, где все аллегории других картин прило-

* Умники.

** Портновский подмастерье должен был стрелять в великого князя в день его приезда.

жены к Никону, где Петр представлен в виде Ирода, Навуходоносора, а Никон с епископом Канторберийским в виде отроков, вкинутых в печь; одна картина представляет несколько ступеней, на коих надписи патриаршеств Иерусалимского, Антиохийского и проч., а на самой верхней Римское, на верху пустой патриаршеский престол, возле которого Никон с ореолой. Под престолом надпись: Его и Петру не сломить. — На другой — Петр, у которого также ореола, но насмешливая, ибо состоит из надписей: Я вам патриарх, я — глава церкви (намек на Павла), и 3-я, какая не упомню. — Вообще, цель картин представить светский деспотизм, подавляющий церковь Никона патриарха-папы. — Внизу легенда по русски (писанная самим Пальмером), где выдержки из современных хроник с пояснениями в скобках. Так, напр. происшествие в младенчестве Никона, будто мачиха его посадила в печь, а бабка вытащила, пояснено так: мачиха — это царская власть, внешняя власть, а бабка — «некая церковь от иностранцев»... «On m'a demandé *—сказал он—(кажется, когда он показывал альбом вел. кн. Елене Павловне **,—почему я лучше не написал этих слов по английски, а не по русски, я ответил, — потому, что англичане неисправимы» — Я не выдержал и сказал: «я могу вас уверить, сударь, что в этом отношении мы еще более неисправимы». — Пальмер. «Нет. Вы более исправимы, так как вы признаете некий абсолютный авторитет, в то время как мы, англичане, демократы, у нас бедная королева, которая не может ничего сделать, а вы, вы можете признавать духовную власть». Я: «Все, что угодно, сударь, за исключением теократии». Пальмер: «Берегитесь, чтобы вы не признали совсем другую вещь — (ему верно хотелось сказать: демократию, — фраза, которой вероятно научили его езуиты»). Я: «Дело, сударь, в том, что всякого рода деспотизм может воздействовать на меня лишь с материальной стороны, в то время как теократический деспотизм затрагивает мою душу». Пальмер: «Но почему не подчинить свою душу?» — Я: «Можно было бы охотно это сделать, затруднение состоит лишь в том, что если мне покажут безупречное существо, я спрошу, является ли оно богом и тогда преклонимся перед ним, если же оно человек, — будем спорить». Пальмер: «Но ваш царь Алексей Михайлович пожалел, что послушался бояр, и раскаялся в том, что осудил Никона, а вы знаете, что значат слова умирающего». Я: «Это мысль, которую часто выдвигают, и совершенно напрасно, так как в сущности умирающий является просто больным человеком...» Пальмер: «Но часто болезненное состояние является источником просветления». Я: «Это противоречит всем физиологическим законам; между нашей духовной и материальной стороной существует связь; болезненное же состояние в большинстве случаев затемняет рассудок».

Уж было поздно — мы все встали.

Всего смешнее, что Пальмер думал произвести на нас решительный эффект в пользу своего болванчика — папы. Действовал же в точности по рецепту езуитов *** — он надеялся растрогать нас непонятными аллегориями катакомб, а затем, воспользовавшись этой минутой болезненной слабости, нанести решительный удар. Глупец... и задуренный своими учителями и владыками.

[*1 августа*]

И в Петербурге и в Москве в обществе лежит элемент взаимного недоброжелательства; в Петербурге почти всегда с какою-либо внешнею целию по службе, и по другим житейским обстоятельствам; в Москве недоброже-

---

* Меня спросили.

** Далее, до слов «Уж было поздно», в подлиннике по-французски.

*** *Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.*

лательство — даром, из любви к искусству и от праздности. — Мне объявили, что на обеде открытия саратовской дороги Соболевский не захотел пить царского здоровья; так-таки и говорят. Что же было в са́мом деле? В начале обеда был Жеребцовым предложен тост за здравие государя императора — разумеется, все пили и Соболевский с другими; потом был еще десяток тостов разных: учредителей, строителей и проч. т. п. Все подпили, обед был к концу, многие встали — в шуме полупьяный Чижов предложил еще тост за государя и говорят в довольно неприличном виде: «господа, денег у нас нет, взять негде, выпьем же за здоровье того, кто может нам дать денег». Соболевский этого тоста не слыхал. Чижов же от хмеля или для демонстрации стал ему говорить, что он его обидел, потому что не хотел пить предложенный им тост за государя. Соболевский отвечал, что он за государя готов пить везде и всегда, но его тоста не слыхал и не ожидал в конце обеда — и в то же время выпил в доказательство бокал. Из этого состряпали добрые люди историю.

Чтением сенатских записок я убедился в горькой истине, а именно: что в большей части случаев мошенничество с обеих сторон — и у истца, и у ответчика, и настоящая трудность состоит в решении: кто б о л ь ш е мошенник? При настоящем судопроизводстве этот вопрос часто неразрешим. Жду с нетерпением нового судопроизводства — это будет великое дело государя; при настоящем развитии всех финансовых и торговых отношений общества, при большем знании законов и при увеличившемся от того знании прав, и естественно умножившимся притом мошенничестве — настоящее судопроизводство вполне недостаточно. — Наши сенаторы были бы прекрасными присяжными; а должны действовать как юристы, и весьма немногие из них юристы. От того шатание в их мнении и решения дел случайным большинством. Некоторые, как напр. Булгаков, решительно не в состоянии выразуметь дело; — да и для всякого огромный труд прочесть порядочно сенатскую записку, как эти записки пишутся.

3 августа

Погодин — его рассказ о дорогах в Сибири. От горы Благодать, центра нашего железного производства, нет никуда дорог, хотя на заводах есть остатки руды и шлак, — за спором между горным ведомством и государственными имуществами, кому из них сделать дорогу. Между тем действием положенного тарифа железо идет лишь наполовину; наполовину и рабочих; прочие без дела, между тем, при неурожае, по причине же дорог, дороговизь страшная. Хлеб доходит до 1 руб. Вот каким образом благодетельная мысль нового тарифа искажается обстановкою нашей администрации. От Балаклавы до Севастополя есть дорога — она сделана англичанами во время войны. Надобно бы ради амбиции и во имя народности срыть эту укорную дорогу; будто мы уже сами не сумели бы сделать — O rus!.. о Русь!

10 августа

Дела были довольно затруднительны, особенно Колрейфа с Беренсом. Толмачев первоприсутствующий беспрестанно говорил обер-секретарю «отбирайте мнения». — Я спросил у Берга: «к чему нас так торопят?» — «Нет, не торопят, а поддерживают принцип, что в Общем собрании не следует р а с с у ж д а т ь».

19 августа

В Андреевской зале зашел между военными, статскими и придворными спор, кому где стоять, пока не пришел гр. Адлерберг, который расставил так (не худо заметить для порядку).

У кн. Вас. А. Долгорукова я выпросил позволение представить записку для облегчения участи Заичневского.

Картина была восхитительная; дождик перестал; колокола, масса народу — и мысль о совершающихся у нас преобразованиях производили на душу сильное впечатление. Вот бы привести посмотреть на это Герцена и других лженародников!

22 августа

Заезжал к кн. [В. А.] Долгорукову, чтобы представить для государя записку о Заичневском и не застал дома.—До завтра.

24 августа

Был у кн. Долгорукова, опять не застал и решился оставить у него (отдал в руки чиновника Романченко) записку по делу Заичневского для представления государю.

31 августа

В Общем собрании; в 1-м отделении чтение предложения министра по делу Заичневского и друг. Окончательное подписание приговора.

4 сентября

В бытность государя в Москве Тучков снял внутренние караулы в Москве. В день праздника на Ходынке во вторник в Москве не было ни грабе-

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

жа, ни даже кражи, хотя вся полиция без остатка была на Ходынке. Факты знаменательные, показывающие силу настроения народного духа, подавившего на этот день все соблазны страстей.

8 сентября

В Москве недовольны, что начало тысячелетия не было ознаменовано никаким народным празднеством. Жаль, что не пришло мне в голову раньше сегодняшнего утра присоветовать Тучкову сделать крестный ход для знаменитейших икон богородицы (пользуясь сегодняшним днем рождества пресв. богородицы). Это было бы совершенно в московском духе и все были бы удовлетворены или по крайней мере не имели бы предлога роптать, что Москву забыли.

11 сентября

В Сенате. — Студенческое дело возвращено к нам в 1-е отделение 5-го департамента для присоединения к нему дела Ященки и Сулина. Завтра эти нещастные будут призваны к первому с нами свиданию для спроса, не было ли им учинено пристрастных допросов.

Можно ли поверить, что еще явилась прокламация — экземпляр был прислан Казначееву, который привез его в Сенат. Напечатано дурно, вероятно на ручном станке; содержание — глупость; ничего, кроме фраз; обращение к образованным людям; приглашение не помогать правительству в отыскании прокламаторов; отрицание их участия в пожарах; угроза образованным людям, если они не будут содействовать безумным прокламациям. Чего хотят эти господа—о том умолчано; в первых прокламациях по крайней мере обещали диктатуру, в виде прельщения.

Полк бар. Радена (кажется драгунский) пришел на смотр к половине августа. Полковой адъютант его Львов, которого Раден очень любил, вечером, проводя одну знакомую даму, возвращался к себе на квартиру близ Ходынки; в ста шагах от квартиры он встретил кого-то в совершенной темноте, который закричал: «кто идет?» «Солдат, — отвечал Львов. — А ты кто? Какого полка, какого эскадрона?» Пьяный солдат, наскучив вопросами, стал отвечать грубо; Львов дал ему пощечину; солдат отвечал также ударом; но при сем он рукою ощупал, что ударил офицера, и бросился бежать. Львов за ним, догнал, повалил, начал жестоко бить, до тех пор, пока солдат не схватил его за... так сильно, что на рубашке Львова найдено семя, а потом задушил его, схватив руками за горло, а за тем побежал к реке топиться; но на реке были люди на барках с фонарями; убийца воротился, и вдруг пришло ему в мысль, что Львов может очнуться, он пришел к телу и всыпал мертвому или полумертвому большое количество песка в горло (говорят, до фунта — следственно, нещастный еще мог глотать) и затем уже кстати вынул у Львова часы и деньги. Это все я слышал от Татищева, бывшего при следствии. Брат Львова, служащий в Твери, вообразил, что смерть его брата, столь таинственная в первую минуту, произошла от ревности Радена к своей жене. В этом смысле он послал письмо, говорят, государю; была назначена следственная комиссия, но она не успела открыть своих действий, как убийца во всем сознался. Леонид Львов, двоюродный брат обвинителя, как сам он рассказывал, строго выговаривал ему за его легкомысленный поступок, обесчестивший безвинную женщину. Обвинитель писал к бар. Радену два извинительных письма: одно оффициальное, другое частное. Жена бар. Радена — полька; очень может быть, что ее национальная вертлявость была принята православными дамами за кокетство. Бар. Раден любил Львова, как сына, и горько о нем плакал.

13 сентября

В Сенате — дело Ященки и Сулина.

В Сенате мы целый день провели с обер-прокурором Шаховым, чтобы найти самую верную и притом по необходимости точную редакцию, что у Ященко найдено, как я предложил сказать: собрание литографированных, частью полных, частью неполных экземпляров разных запрещенных сочинений, как напр. «Колокола» и друг.

18 сентября

Говорят, что поджог в Апраксином дворе был произведен некоторыми купцами, чтобы избавиться от подходящих к Макарьевской ярмарке ращетов. Свидетели видели, что три лавки были заперты, хозяев не было, пожар приближался, — сломали двери, — лавки оказались пустыми, следственно, хозяева их приготовились к пожару.

19 сентября

У Екат. Алекс. Челищевой на Б. Дмитровке в д. Голицына, чтоб извиниться от приглашения на обед... с Верди! Сегодня этому бездарному господину дают вечером у (Л. Ф.) Львова торжественное пиршество с тостами и транспарантами — удивляюсь, как Львов меня не пригласил.

24 сентября

В Сенате — (окончательное подписание приговора о Заичневском и Освальде — дал для матери последнего, находящейся в крайней бедности, 25 рублей через Синицкого).

29 сентября

Во «Дне» защищается учреждение какого-то училища на русских началах, придуманное некоторыми лицами из того купечества, которое ничем еще своего направления не заявляло. Дай бог! Любопытно будет посмотреть, каким образом математика, физика, химия, товароведение и другие подобные науки, необходимые для купечества, будут основаны на русских началах. Всего вероятнее такое действие этого начала, что все останется при начале.

2 октября

Сегодня впервые увидел депешу, в которой напечатано: независимость и публичность суда и присяжные. — Великое из великих дел! Дай бог государю, чтоб современники оценили его делание, как оценит потомство.

3 октября

В Сенате.—Бар. Ховен поссорился с первоприсутствующим Тимирязевым, за то, что последний употребил, говоря про него, слово: он.

12 октября

Общее собрание, т. е. хаос в харчевне. Ни одно дело не было порядочно обсуждено, да и невозможно, ибо говорят все вместе, кто о деле, кто о чем другом.

Я сказал Ребиндеру *: «постараемся ввести порядок в наш спор, потому что все это уж очень печально видеть; мы с вами редко сходимся во мнениях — будем же спорить ясно и понятно». — «Как вы хотите поддерживать принципы, которые, никто не хочет признавать; мы будем только

* Далее, до слов «теперь не из чего», в подлиннике по-французски.

смешны». «Но невозможно же так рассуждать о делах». «В Петербурге, в 1-м Общем собрании еще хуже, во время заседания все разгуливают, но как только входит министр — все бегут к своим местам, как школьники».

Теперь не из чего уже подымать дела, — но если бы не последовала реформа, я бы настоял на учреждении порядка в сенатских заседаниях.

19 октября

В Общем собрании я и Самарин восстали против мнения всех остальных сенаторов, хотевших присудить дачу Комиссаровку Мерлиной, отняв ее у крестьян. — На возражения, кои мне были сделаны, я указывал на места капитальные в сенатской записке, хорошо мною изученной и едва известной большей части большинства; тогда один из сенаторов сказал мне: «да от чего вы такое зло имеете против Мерлина?» Признаюсь, что я не нашелся, что и отвечать на такой вопрос. Ни Мерлиной, ни Мерлина я не имею чести знать, их крестьян тоже. Не уж-ли эти господа не могут даже в д р у г о м понять, что нельзя же, в деле суда, руководствоваться единственно личными соображениями? Грустное зрелище!

20 октября

Мерлин просил Соболевского упросить меня отказаться от моего мнения по его делу!! Я просил Соболевского сказать г. Мерлину, что мое мнение — ничто пред большинством, ибо во всяком случае оно пойдет в Петербург, — уже потому, что с большинством не согласен министр государственных имуществ. Странные люди! Они думают, что изучить дело, дать мнение и потом от него отказаться, все равно, что обещать приехать обедать и потом отказаться от приглашения! впрочем, общее убеждение, что сенаторское мнение должно быть ни чем иным, как выражением расположения или нерасположения л и ч н о г о. Упросили, переменили расположение — вот главное, а разумное убеждение, совесть, закон — это ни по чем, это — педантство!

22 октября

Не могу добиться видеть снаряд, называемый плетью; никто его не видал, кроме Бобринского, который сказывал, что плеть состоит из трех концов; от удара тело вспухает и делается фиолетовым; следственно, боль страшная. — Не уж-ли нигде нет клейменого образца?

23 октября

В Сенате. — Мердер получил телеграмму об увольнении Панина и о назначении Замятнина управляющим министерством юстиции. Перед приходом еще Мердера, экзекутор, человек очень простодушный и робкий, приносил лист для подписки на молебен, обыкновенно совершаемый по случаю казанской богородицы. Пока он ходил с листом, кто-то заметил: графа Панина отставили, а мы поем молебен. — Простодушный экзекутор испугался и боязливо спрашивал, что не нужно ли отложить молебен по случаю увольнения его сиятельства.

24 октября

Обедал в клубе. Кн. Лобанов-Ростовский заговорил со мною о деле Мерлиной с крестьянами о пустоше * Коммисаровки, сказал: «Я говорил Мерлину, что хотя я согласился с большинством, н о е с л и п р и д е т п р е д л о ж е н и е от министра против, то я отступлюсь от своего мнения,

* *Пустоши или пустоше? Первое правильнее, второе яснее для смысла.* [Прим. В. Ф. О д о е в с к о г о].

нельзя иначе; ведь они хотят оттягать у крестьян Коммисаровку для того только, чтоб им же отдать на аренду».

11 ноября

Во дворце — на выходе. С государем приехали Адлерберг, [В. А.] Долгорукий, Шувалов. — Долгорукий сказывал мне, что записку мою о Заичневском государь читал и изволил заметить, «что все в ней справедливо, но что в практике не все возможно». Государь очень грустен мне показался — императрица напротив была или хотела казаться веселой.

17 ноября

Говорил я Борху о Кашперове, о Балакиреве, о Сариотти, вообще о необходимости поднять русскую оперу и вообще русскую сцену; он совершенно разделяет мое мнение и обещает обратить на это не такое внимание, как невежественные Сабуровы и Гедеоновы. Дай то бог!

20 ноября

В Сенате. — Спор мой с Шаховым о том, что делать, если подсудимые студенты позволят себе при выслушивании приговора какие-либо неприличные крики. — Я утверждал, что должно быть им сделано внушение и предостережение. — Шахов утверждал, что по закону Сенат на то не имеет права, а всякое происшествие должно быть записано в журнале.

26 ноября

В Сенате — в середу мы допрашиваем Шипова, в четверг — Кельсиева. Несчастные безумцы! Уже не говоря о наказании, их ожидающем, как проматывают они свои юные силы.

27 ноября

В Сенате — первое чтение дела Шипова и составление допросных пунктов.

Получили с женою приглашение к обеду у государя в 4½.

Между помещиками ходит молва, что государь приехал в Москву, чтоб мириться с дворянами, как бы чувствуя себя перед ними виноватым! Что за ослы! По настоящему им бы надлежало просить прощения и у бога и у царя, и у народа за прошедшие свои гадости и за настоящее их непонимание всей великости нашей эпохи, всего существенно благого для н и х с а м и х и в освобождении крестьян и в судебной реформе.

Что за ослы! Нельзя этого не повторить. Глупую историю Ховена с Тимирязевым приписывают мне!

28 ноября

Свербеева — толки о русской народности. Я привел печальный пример из сегодня заслушанного в Сенате процесса—о мужике, который пошел молиться к Николе Угрешкову, помолился, напился и украл лошадь.

29 ноября

В Сенате. — Допрос Кельсиеву. Уверяет, что он не революционер, но предан социалистическим теориям — мы не могли добиться, какой именно; главная мысль: уничтожение права собственности. Кельсиеву мы сказали, что мы не спрашиваем, какие его внутренние убеждения — то дело между человеком и богом, но о его намерении осуществить свои убеждения, ибо это дело человека с другими людьми.

30 ноября

На бале во дворце (до 1000 чел.). Танцовали после ужина — мы возвратились в два часа. На дороге нас остановил пьяный мужик, говоря, что нельзя ехать; завтра крестный ход и наделаны мостки — без интервалов. Я велел позвать хожалого — j'ai du signifier mon nom *, и только благодаря этому нахрапу мог доехать до дому, а не ночевать на Арбате: что же делать с остальной публикой! Чисто московская штука, потому что крестный ход б у д е т, то заранее остановить все движение на улице.

1 декабря

Вечер Музыкального общества — их величества я принимал. На вопрос императрицы, когда она слышала Hota arragonèse, я отвечал, что это было в концерте Общества посещения бедных, для которого Глинкою была написана эта «Испанская ночь». За чайным столом; я очень рад, что мог выговорить на слова императрицы об моем участии в деле музыки **. «Ваше величество, если я, по мере сил, содействую прогрессу музыки в нашей стране, то это потому, что долгие наблюдения убедили меня, что помимо того что она является искусством, музыка — мощное нравственное и умиротворяющее средство, отвлекающее от стремлений к переменам».

Дирекция телеграфировала о вечере вел. кн. Ел. Павл. А между тем у меня украли шинель, которую я сбросил в угол, принимая императрицу.

2 декабря

Ездил с директорами Музыкального общества благодарить их величества за вчерашнее посещение. Были очень милостивы — и, что всего более меня порадовало, к [Н. Г.] Рубинштейну, который был под опалою за визит к Герцену.

6 декабря

На бале Дворянского собрания для государя — толпа так и двигалась за государем — в зале нельзя было дохнуть. Между тем билет для кавалеров по 3 рубля, для дам по 2, на хоры 5 руб. Что же толковали о недовольстве дворян? Все фантасмагория и дюжина крикунов, исчезающих в массе огромного большинства.

1863 год

2 января

В Сенате в 8-м департаменте в первый раз — не так, чтобы очень трудно — по крайней мере избавился от битвы против плетей и розог, которыми испещрен наш XV-й том. (В 1-м отделении 6-го департамента сегодня при открытых дверях был объявлен приговор Заичневскому и его товарищам, также Освальду и проч.).

15 января

Сегодня телеграмм — в Варшаве род Варфоломеевской ночи; русских били на квартирах изменническим образом. Езуиты не дремлют.

---

* Я принужден был назвать себя.

** Далее, до слов «Дирекция телеграфировала», в подлиннике по-французски.

ПИСЬМО АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА В. Ф. ОДОЕВСКОМУ ОТ 14 ДЕКАБРЯ 1860 г. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ СТРАНИЦЫ

Публичная Библиотека, Ленинград

27 января

Рассказ Перцова о том, как миллионы перевозятся от оптовых купцов из Петербурга в Казань и обратно просто на возах, ибо, напр., в Казани нет трансферного банка.

29 января

Вечером у Кошелева Аксаков читал статью о Польше — его мысль: опереться на сейм, в коем дать место крестьянскому сословию, а если не удастся, то предоставить Польшу собственной анархии и самоубийству. Черкасский думает, что лучшее средство: освободить крестьян от повинностей к землевладельцам, вознаградив сих последних рентою. По моему мнению, вина всех бед — езуитизм — необходимо действовать на него диверсией, — и поелику революционное состояние дает простор действию, невозможному в последнее время, — то, во-первых, дозволить брак духовенству — и не препятствовать по крайней мере социнизму, некогда сильному в Польше, чему доказательством может служить знаменитая Радзивилловская библия.

6 февраля

Рассказывали мне действительно бывшее распоряжение графа Панина во время холеры: семейным людям выдавать на месяц по полуфунту чая; солидным и хорошего поведения — набрюшники; отличным заслуженным чиновникам — фуфайки. В этом распоряжении есть явный признак помешательства. Всего смешнее оффициальная сторона этого дела; стали представлять чиновников к полуфунту чая, к набрюшнику, к фуфайке, и это как награда вносилось в формулярные списки.

19 февраля

У Кошелева — толки о сегодняшнем частном совещании Думы. Умора! Голова отказался от председательства, зане заседание частное; кн. [Л. Н.] Гагарин, приехавший поздно, открыл; не оказалось колокольчика; отыскали какой-то—оказался без язычка. Мещане против дворян и хотят Ширяева, который их поил всю масляницу; личные дворяне и цеховые больше к дворянам потомственным; купцы также. Ширяев ищет места главы — для поправления своих дел, он миткальный фабрикант и дела его плохи. Селиванов, которому также хочется быть главою, произнес речь, где доказывал, что на первое время не нужно главы энергического и умного, а такого, который бы слушался Думы; что голова должен представить программу своих действий (!??) для того, «чтобы он мог быть общественным мнением пригвожден к позорному столбу, если он отступит от своей программы». Эта нелепость прерывалась часто рукоплесканиями, и на нее никто не возражал; а после между собою говорили, что ведь эта речь сущий вздор. — Умора!

25 февраля

В Сенате. — Арцимович в первый раз — всего нас было он, Ховен и я. Был на лекции Юркевича — говорит складно, но он не философ и недостает ему многих положительных сведений. Он философ по старинному, но не по нынешнему..

На Арцимовича сыпятся горящие угли; некоторые сенаторы хвастаются, что не поедут ему отдать визит. О, герои добродетели! Я надел вицмундирный фрак с обеими звездами и поехал к нему на другой же день. Соболевский заметил справедливо, что у нас к отъявленному взяточнику все по-

едут, даже на бал; а political dignity * у нас является, когда человек не по нашему мыслит. В суждении, бывшем в нашем департаменте, Арцимович говорил хорошо и умно, в нем важное приобретение для 8-го департамента.

Говорят, мать Аксакова написала к одному священнику, которого считала виновником духовного концерта, письмо о том, что не подобало ему быть. Умора! Что за деспотизм в этой партии; — не езди сам — это дело, но им мало — надобно, чтобы все слушались их велений. — А между тем о звериной травле в Москве — ни полслова.

[*28 февраля — 2 марта*]

Однажды . . . . . **, идучи к Аракчееву, услышал престранные звуки: стон и как будто смех. Войдя, он увидел следующее: голый человек стоял посреди комнаты, двое его держали, третий бил палкой. Перед этим человеком (спиною к двери) стоял маленький человечик в фланелевой фуфайке и подштанниках на коленях и, сложив руки, умолял: «сделай милость, подержись еще; сделай милость, не умри!» — Истязаемый был писарь Аракчеева, которого он за что-то велел наказать, а тот вырвался, — так что Аракчеев в одной фуфайке бегал за ним по улицам, пока несчастного не поймали. Стоявший на коленях был сам Аракчеев. — Для этого человека мучение другого человека было не только отрадою, но необходимостью.

10 марта

Тревожные слухи о войне с Францией. Кажется, эти господа ошиблись часом. Трудно было нападать на Россию крепостную, — еще труднее победить Россию вольную, — и для кого же? В пользу польских панов, ненавидимых даже поляками-крестьянами. Поздно, господа! Le lion est recueilli ***.

13 марта

В Вагнеровском концерте! Приехав, не мог удержаться, чтобы не написать о нем статьи.

14 марта

Послал к Павлову статью о первом концерте Вагнера.

Обедали у меня: Вагнер, кн. Ольга Оболенская, Тимирязева с матерью, Варвара Дмитриевна, Потулов старший, Кошелева, Соболевский.

После обеда пришел Лонгинов, пел и Вагнер прослезился [нрзб].

15 марта

Концерт Вагнера!!!

Моя статья о первом его концерте появилась сегодня в «Нашем Времени».

16 марта

Обед артистов в честь Вагнера у Лабади. Познакомился с литератором Тарновским.

17 марта

Концерт Вагнера. — Дирекция выбрала то, что более сыгралось. Половина бель-этажа была пуста. Партер кричал wieder kommen ****.

* Политическое достоинство.
** Пропуск в подлиннике.
*** Лев собрался с силами.
**** Приезжайте опять.

18 марта

Вагнер — прощаться.

[*27 марта*]

Говорят, что Валуев теперь всемогущ. Не верю, это не в роде государя; разве польские дела отвлекают много времени?

5 апреля

Обедал Ладраг. Рассказывал, как в 1826 г. Ремесленная управа созвала иностранцев, чтоб обязать их заплатить долг ремесленного цеха — тысяч до 200 — купеческому обществу, внесшему за мещан в 1812 году — по тому основанию, говорила управа, что иностранцы виноваты в 1812 годе.

Толки об адресе государю. Были приглашены дворянством литераторы, в качестве экспертов: Катков и Аксаков. Был спор о повторении фразы манифеста (амнистии) о «расширении прав». — Кн. Щербатов был против этой фразы, но она прошла.

Говорят, готовится весьма замечательный адрес от раскольников, чего кажется не ожидали.

6 апреля

После обеда я в клубе, чтобы помочь баллотировке Каткова. Против Каткова была оппозиция старых крепостников, он у них был человек «против дворянства», что теперь скрывали они под предлогом его статьи против лото, — и что еще смешнее, что литераторы в «Моск. Вед.» не хороши.

8 апреля

В Большом театре в ложе [Л. Ф.] Львова — «Мастеровой»—драма Прохорова; если произведение молодого человека, то есть талант и надежда; если старый — есть наблюдательность и знание сцены.

В пиесе есть сцена углов и беседы воров; есть Оська, вор, наводящий Ваню на преступление для своих выгод; характер очень хорошо задуман. Этот характер и сцена воров оскорбили деликатность некоторых господ. Странные люди! а на самом большом театре — разве Луи Наполеон не тот же Оська?

17 апреля

В Успенском соборе — я слышал, как кн. Оболенский сказал какому-то генералу, что народ желает, чтоб был молебен и на Красной площади. Так и было — зрелище удивительное, когда при лучах солнца до 4 тысяч человек стали на колени — и когда раздались пушечные выстрелы. В соборе толковали какой-то вздор, что будто бы приехал Непир посмотреть, не принуждают ли народ писать адресы.

Надобно бы написать народную военную песню, сообразно с настоящим положением дел. Да кто напишет? Некрасов? Майков?

19 апреля

В Общем собрании. — Читали закон об отмене плетей, — я невольно перекрестился и сказал громко: слава богу и царю.

После прочтения кн. Юрий Долгорукий говорил мне — как Сенат не выразил ничем своей благодарности государю? — Вопрос трудный. Сенат не сословие, но присутственное место, — но все-таки первоприсутствующему следовало сказать несколько слов, он знал об этом прежде и мог обдумать, что сказать. Прочие из стариков не были приготовлены. Кн. Урусов утверждал что от того прибавится преступлений. «Проступков — может быть

да, но не преступлений, — отвечал я. Число преступлений и их характер всегда в соразмерности с жестокостию законов».

22 апреля

Говорят, что государю были представлены три проекта ответа на адресы: от Блудова, Валуева и еще не знаю от кого. Государь прочел, поблагодарил и сказал: никак не могу говорить заученного, — я могу говорить только то, что мне внушает сердце в ту минуту — и он сказал свою славную речь. — Говорят, что в ней было одно место не напечатано: «Может быть обстоятельства принудят пожертвовать Петербургом, как некогда мы пожертвовали Москвою; но я уверен, что ни один русский не усомнится принести эту жертву, если она будет нужна для спасения России».

29 апреля

Говорят, что вместо Назимова назначен Мих. Ник. Муравьев, который согласился на условии: вооружить крестьян. Действительно, здесь кажется единственное средство для окончания буйства польской шляхты.

Говорят, что инсургенты вторглись в Курляндию.

11 мая

Сегодня было заседание Общества Любителей Российской Словесности, куда я не поехал. Добрый и милый, но вовсе не практичный Погодин, не спросясь никого, объявил в газетах, что Общество Любителей Российской Словесности в соединении со Славянским комитетом будет праздновать день Кирилла и Мефодия, к чему приглашается публика. Из всех членов, каких я встретил: Лонгинов, Соболевский, Бессонов, Бартенев — никто не знает, что такое будет, когда по уставу Общества и для простых заседаний публичных должен быть комитет, просматривающий предварительно все, что предполагается читать в публичном заседании, а тут торжество публичное, — и в настоящую минуту была сотня вопросов, которые следовало обсудить. Еще, пожалуй, езуиты скажут, что это празднество — на основании *папской буллы, данной западным славянам* — где, говорят, утверждается, что эти православные святые учили латинской ереси. Говорят даже, что есть картина, где св. Кирилл причащает облаткой.

12 мая

Говорят, что в заседании Общества Любителей Российской Словесности была такая безтолковщина, что даже забыли о стульях для публики.

19 мая

В Смоленске все спокойно. Перфильев оттуда пишет к жене своей. Но везде общее недовольство, что административные должности заняты поляками. Хороший ответ «Journal de St-Pétersbourg» à la «Patrie». Но следовало бы писать покрепче. Говорят, замечательны сегодняшние статьи в «Моск. Вед.» и в «Дне».

Война, кажется, неизбежна. Какое счастье, что она пришлась не до эманципации. Что было бы, если бы тогда поляки стали распространять свои прокламации о свободе и о крестьянской земле. Между тем странно — русский рубль в Париже 385½ сантимов. Не мажет ли Луи Наполеон этой войной по губам французов, чтобы не болтали о Мексике? Не Рейнские ли провинции суть настоящая цель войны? Не уж-ли Пруссия даст проход французам в Россию? Или пропустит, чтобы потом сомкнуть проход и поставить французское войско между Россиею и Германиею? — Англия, вероятно, не вмешается в дело сначала, — а даст истомиться России и в осо-

бенности Франции, чтобы потом под предлогом заступничества за Францию напасть на Россию и выиграть что-либо на Востоке?

[*24—25 мая*]

В «Journal de St-Pétersbourg» 22 мая куриезная статья поляка Островского — где, между прочим, рассказывается, что наши солдаты были переодеты в раскольников — как будто у раскольников особое платье, — а что же было делать с бородами? Фальшивые, что ли? Не уж-ли на такую чушь поддевают Европу? — Слухи о войне сильны, а между тем наш курс поднимается, — французский падает. В Москве нелепость на нелепости — и фосфор привезли для поджогов, — и в Туле оружейники взбунтовались.

Ужасное злодеяние поляков над капитаном Никифоровым. Никифоров, умирая после неслыханных терзаний, поднял еще грозящую руку.

28 мая

Неожиданно Юлия Дюгамель, из Сибири сюда, потом в Киев, где у нее сахарный завод, и потом опять в Сибирь. Рассказывала она про свое житье-бытье — муж получает 14 тыс. на издержки на репрезентацию (напр. 18 пудов свечей в праздники), что прибавляют свои и разоряются. Про Дюгамеля сибирские взяточники говорят: «собака на сене, сама не ест и другим не дает».

29 мая

Рассказывают, что польский революционный комитет издержал до 600 франков на статьи в журналах. Нелепая статья в журнале: «Время», исторически лживая, неблагоприличная по времени. Статья называется: «Роковой вопрос» — подписано «Русский», но очевидно написана поляком и довольно искусно; под видом выражения понятий польских, наша церковь названа схизмом. Суть всей статьи, что поляки цивилизованнее русских. Что тут под цивилизацией разумеется, праздность шляхты, конфедератки, кунтуши, роскошь богачей или ремесленность жидов — неизвестно. Если бы сказали, что прусский или веймарнский крестьянин знающее русского, это было бы так, — но чем польский крестьянин образованнее русского? Русский понимает по крайней мере, что читают в церкве, польский того не понимает. Впрочем, со стороны поляка это все понятно, но как русский журнал решился напечатать такую оскорбительную гиль? Говорят: этот нумер «Время» отбирают; жаль; надобно было предоставить его на разгром журнальный.

30 мая

В «Моск. Вед.» польский катехизис — любопытно бы его напечатать вместе с предположением ксендза езуита на сейме 17-го века в «Дне».

2 июня

Говорят: Цей отставлен за пропуск статьи «Роковой вопрос» в журнале «Время». Действительно, не следовало ее пропускать, но теперь не следует отбирать, ибо это только возбуждает любопытство и парализирует желавших распушить эту статью. Аксаков в «Дне» уже высказал это; защищая Киреевского, ложно выписанного сочинителем «Рокового вопроса», он говорит: «обстоятельство, о коем неудобно говорить, препятствует нам рассматривать эту статью вполне»... Так эта вредная нелепость и останется без ответа; а поляки будут утверждать, что-де потому и запретили, что нечего отвечать.

В. А. СОЛЛОГУБ
Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

3 июня

Журнал «Время» прекращен — 24 мая. См. «Биржевые Ведомости» 1 июня вечером № 164, суббота стр. 4-я, изд. in 4o.

10 июня

В Сенате столько было дела (до 30 определений, независимо от журнала), что остался до 5, ломая глаза над невероятными почерками писцов с прибавкою всевозможных ошибок, не говоря уже о неправильно расставленных знаках препинания и соединении слов несоединимых; я поправляю только те ошибки, коими затмевается или вовсе искажается смысл, между тем нет страницы без тех поправок. Ответ обер-прокурора и секретарей один: никто грамотный нейдет служить в Сенат, здесь мало жалованье. Это великое зло.

Чудный город Москва. Как прежде, в ней всякий занят ч у ж и м делом. Я вижу мало народа, между тем я не могу чихнуть, чтоб об этом не было толков, — хорошо еще, если не прибавят, что я от чиханья пошел плясать в присядку. — Неизвестные мне даже по имени люди знают все, что я делаю, когда встаю, что у меня за обедом, где у меня что стоит в кабинете — умора да и только.

27 июня

Выехали в Тверь с 1½-дневным поездом. Наш поезд запоздал в дороге—приехали в Тверь в 8 час.,—остановились в почтовой гостинице Мил-

лера, немца, жестоко обрусевшего. Но по крайней мере есть кровати с бельем — и рукомойник не считается снарядом, коего употребление необъяснимо; но ватер-клозет скверный — продувной — у главного входа вместо пружины или даже тяжести — повешена бутылка.

29 июня

В 2 часа выехали из Твери, в 7 были в Козлове у Враских — 40 с чем-то верст в патриархальном экипаже-тарантасе — и по патриархальной дороге, которая создана для тарантаса, который анализирует вглубь каждую рытвину, а она на каждом шагу — лица крестьян смотрят веселее, даже солдаты смотрят свободнее, но степь остается степью; обработка полей скверная, — камни на пашне, навоз на дороге.

2 июля

Ходил пешком в деревню Враских. После 19 февраля мужики перестали жить слитными семьями, но разделяются; я спрашивал у одного из трех разделившихся братьев: от чего они не живут вместе? Ведь один горшок сварить легче и дешевле, нежели три. — «Бабы между собой бранятся», — отвечал мужик. Плохо еще вникают они в свое хозяйство; кустарника не вырубают, хотя мало сенокоса — никто не хочет трудиться для всех — навоз на улице валяется.

5 июля

К Бор. Алекс. [Враскому] приходили его бывшие мужики, которым он предлагал купить у него лес под деревней со всеми возможными рассрочками в платеже. Мужики не согласились, но завели тяжбу, надеясь оттягать лес даром. Тяжбу они проиграли, Враский продал лес чужим. Теперь мужики спохватились: «Не рассудили тогда», говорили они. — У одного из крестьян изба оштукатурена *, другие завидуют, говорят — тепло, чисто,—но сами того же не делают. Враский сказывал, что никак не может убедить крестьян строить бревна в накрытку, — соглашаются, что эдак строение крепче и не забирает сырости, а делают все-таки по прежнему. Велика еще в народе лень ума.

[9—11 июля]

Умственный провинциальный застой имеет главнейшею причиною просто недостаток сообщений. Козлов за 40 верст от Твери, — дорога подлейшая — *даже большая Волоколамская* 6 часов езды, а в дождь и больше. Послать нарочного в город — целая история и для бедного человека, даже помещика, недоступное дело. — Я ждал с нетерпением газет — они пришли 7 июля — от 27 и 28 июня; убедившись в невозможности иметь газету скорее, я уступил необходимости и сложил в карман свое нетерпение. Так здесь и во всем; физическими препятствиями уничтожается всякий умственный позыв; ум привыкает к лени; не о чем говорить, пищи нет, а потом делается и не с кем. Если бы прожить так год, то и я бы одеревенел.

13 июля

Все, кроме Анненьки и Александрины Кузлищевой, уехали в Введенское — другая деревня Враских за 20 верст от них. Я остался и для двух барышень выдумал музыкальную игру в карты: в интервалы. Туз—униссон, двойка — секунда и т. д.; карты сдаются; каждый может итти с какой угод-

* Глина с соломой и [нрзб.] набивается на зазубренную топором с зубьями стену. Враский дает эти топоры кому угодно. [Прим. В. Ф. Одоевского].

но карты, но взять ее голосом; остальные должны подложить к брошенной карте такие, кои бы вместе составили совершенное трезвучие и пропеть.

17 июля

Выехали мы из Козлова в 12¼, а в 7¼ в Твери — по дороге невообразимой; под Тверью за 9 верст — 5 верст топи; затем отсутствие дороги и перерытые канавы вплоть до станции железной дороги.

18 июля

Был с Забелиным Алекс. Ник. в библиотеке семинарии в соборе, где священник Григорий Петрович — старый соученик его; видел лишь один крюковый Ирмологий (с пометами до половины) и поручил мне списать Грамматику Дилецкого (полнее Библиотеки императорской). — Лестница ужасная — истоптанных 40 ступеней.

Перешел по дощечкам Тьмаку — посмотреть Троицкую церковь (в просторечии Белая Троица), — построена в 1564. Любопытный иконостас — род слюдовой крашеной мозаики, сверьху резьба из позолоченного свинца.

Все в провинциях валится на станового пристава, от следствия до рассылки повесток; в его руках лишь сотские и десятские, отделывающиеся от своей должности деньгами. Мысль учреждения объездчиков по два на волость — из отставных грамотных солдат — они бы присутствовали при открытии мертвого тела, кражах, уводе скотины, драках — с жалованием по 15 р. в месяц и фуражем, что обошлось бы крестьянам дешевле сотских и десятских.

[*19—20 июля*]

Чагин Алекс. Ив. рассказывал мне следующий анекдот 30-х годов. Был некто Граве и у него тетушка или бабушка Белавина, всеми уважавшаяся. Приехали они в Воронеж — Граве притворился, что у него недвижные ноги. Каждый день его носили в церковь и клали возле раки св. Митрофания. Через 3—4 дни совершилось чудо: Граве встал на ноги. Толки по всему городу. Граве каждый день в церкве, стоит всю обедню на коленях на умиление всему городу. Между тем Граве и Белавина распустили слух, что они купили имение (Граве делал все от имени Белавиной) и ждут не дождутся получения идущих к ним денег. Какая-то барыня тронулась тревогою столь благочестивых людей и дала Белавиной 100 тысяч ассигнациями; на другой день и Белавина и Граве исчезли из Воронежа, не оставив ни заемного письма, ни расписки. Граве пошел в жандармы и был принят, хотя и не надолго.

Другая история с Индейцом [?] в Петербурге, у которого Граве взял 20 тысяч под документы на имение, которое в то же самое время уже было в Пензе продано с аукциона.

«Кельнская Газета» рассказывает слова Луи-Наполеона: «c'est plus qu'infame, c'est ridicule» *. Надлежало бы отвечать наоборот: ce que vous faites est plus que ridicule, c'est l'infame **.

Когда на гуляньях поют «боже, царя храни», все снимают шляпы; кто не снимет сам, с того снимает публика.

В Твери, когда мы садились в вагон, говорили, что из двух арестантов (ксендзов) один убежал от жандарма, его караулившего.

21 июля

Запад начинает в ум входить, смотря по газетам. Ответ кн. [А. М.] Горчакова сбил их с толку. — Из газет вижу, что без меня из Английского

* Это более чем подло, это смешно.
** То, что вы делаете, более чем смешно, это подло.

клуба было послание благодарственное кн. Горчакову. Не уж-ли французы не напишут, что это послание было от англичан — по слову: club anglais * — от них станется.

[*21—25 июля*]

Кн. [А. М.] Горчаков пишет: «L'Autriche avec une fièvreuse anxiété s'est empressée de repousser la conférence à trois; elle a peur de tout et surtout de la France **.

Разнесся слух, что Муравьев ранен.

Направление в Москве вообще воинственное.

Княжна Трубецкая сбиралась выдти замуж за поляка .... ***; за 3 дни до свадьбы у него началась рвота, и он умер в течение 6 часов. Подозревают отравление.

Что за история семейства Станкевичевых, где, говорят, мать училась стрелять — и где собирались часто по ночам поляки? Они, говорят, все арестованы.

[*26—27*]

Говорят, у раскольников был собор — где положено:

Исус и Іисус — одно и то же.
Поминать государя и вынимать 5-ю просфору за него.
Не анафемствовать трехперстным сложением.
Учредили духовный совет и ц е н с у р н ы й к о м и т е т.
Белокриницкого епископа попросили возвратиться во-свояси.

К Белокриницкому раскольничьему епископу пришли агенты Герцена и стали читать прокламации, — когда дошло до отрицания бога, то епископ вскрикнул: «Если бога нет, то что же я такое?» — и в ы т о л к а л их (à la lettre ****) с обещанием известить о них полицию. Насилу они улепетнули.

Про Рудзевича при Тучкове распустили слухи, что он поляк; он из Смоленской губернии и православный.

30 июля

Сегодня мне хватило 59 лет, а сколько еще недоделанного, а только задуманного: и геометрия для крестьян, и стенография, и осьмогласие, и «Самарянин», и «Житейский быт» — ничто еще не доведено до конца. Может иное придется бросить, чтобы очистить хоть что-нибудь, — а сколько другого дела! Сегодня отправил 16 определений в 8-й департамент, 4 в 6-й департамент — да к тому все болен.

14 августа

Вышла предельная брошюра: «Reponse d'un russe à la brochure intitulée l'Empereur, la Pologne et l'Europe» *****.

Ребиндер мне сказывал, что он завел было в Новгородской губернии завод сухой перегонки, надеясь, что 100 кузниц в Новгороде будут брать у него уголь. Несмотря на то, что он мог делать уголь в с я к о й, какой бы только ни потребовалось в кузницу, кузнецы не брали единственно потому, что п р и в ы к л и покупать у мужиков за ту же цену.

---

* Английский клуб.

** Австрия с лихорадочной поспешностью поторопилась отказаться от тройственной конференции; она боится всего, особенно же Франции.

*** Пропуск в подлиннике.

**** Буквально.

***** *«Ответ русского на брошюру, озаглавленную: «Император, Польша и Европа».*

Сказывал также, что он завел паровую машину для пилки досок — и оказалось, что руками пилить дешевле.

Один француз, воспитывавшийся в виленском (?) корпусе, где был запрещен польский язык, был жестоко высечен по приказанию директора за то, [что], забывшись, вымолвил несколько слов по польски, к чему он привык дома. Это жестокое наказание так врезалось в его память, что он невольно сочувствует полякам и если бы начальник этого корпуса был жив, то он пошел бы к мятежникам для того только, чтобы иметь случай для мщения. — Сколько ненависти накопилось от подобных нелепых и тиранских мер прежних администраторов! А мы теперь за это платимся.

[29 августа]

Замечательно действие бедствий на Россию; они как бы толчки, чтобы пробудить ее умодеятельность. — Не будь польского мятежа, мы бы никогда не узнали, что творилось поляками в Белоруссии и других западных губерниях. Поляки ошиблись часом, ибо еще бы несколько десятков лет — и вся Белоруссия совершенно бы ополячилась. — Ужасная картина является теперь, когда растворились уста; статьи в «Дне» (напр. 24 августа) поразительны в этом отношении; сколько язв вскрывается; как ясна делается полная ошибочность прежних правительственных мер, когда, с одной стороны, в учебных заведениях секли жестоко за польское слово, произнесенное поляком, и тем посевали в его сердце семя ненависти к русским, а с другой оставляли целый край без русских школ, без русских книг, даже церковных, — и под управлением поляков, потому только, что они надели русские мундиры; впрочем, и то сказать, все-таки нахождение в русской службе было для поляка как бы гарантией в его добросовестности, но мы не позаботились подумать, что езуиты умеют разрешать от всякой присяги.

31 августа

В театре давали «Жизнь за царя». В Петербурге мазурку встретили свистками, так что опустили занавес и оркестр заиграл «боже царя храни». Боялись того же и в Москве, но вышло лучше. Ни одна рука не хлопнула во время исполнения польской сцены.

[9—14 сентября]

В «Journal de St.-Pétersbourg», 7 et 8 septembre — ноты Франции, Англии и Австрии и annexe *. Несмотря на их смиренные свойства, во всех оставлено слово — на брань. В annexe толкуется о Польше dans les limites de 1772**, что однозначительно с отдачею 8 миллионов православных под извечную власть миллиона поляков. Если на этом пункте будут настаивать (что кажется и имеется в виду для произведения большего нам затруднения), то мы будем приведены в необходимость обратиться к чему-то вроде suffrage universel *** в западных губерниях.

Гр. Блудов сказывал мне, что император Николай, пораженный делом Баташевых, призвал его и сказал: не уж-ли невозможно улучшить нашего судопроизводства? В следствие этого Блудовым был написан тогда еще проект реформы. «Но, разумеется,—говорил он,—я не мог ввести адвокатов, коих ненавидел император, а тем менее присяжных. Но моя мысль была оставить за департаментами Сената высшую судебную власть, а Общему собранию предоставить лишь право кассации—и тем заключить все судопроизводство» ****.

---

* Приложение.
** В границах 1772 г.
*** Всеобщего голосования.
**** Кассационный разборный суд. [Прим. В. Ф. Одоевского].

Должно заметить, что одна из причин равнодушия сенаторов та, что дело идет к министру—«а уж там в Петербурге рассмотрят», говорят они— я сам это слышал.

Говорят, сгорел Серпухов — в самый проезд государя — послали в Москву! за пожарной командой. Пожары в Орле. Обвиняют поляков. Велепольскому 10 тысяч пенсии. Он просил всего своего оклада.

Говорят, что через Москву провезли раскольничьего архиерея. Не ужли это так, после их собора, столь благоприятного православию?

Говорят, что адрес поморцев был написан ими самими удивительно, оригинально — и вследствие бывших у них соглашений, — но что в Петербурге какой то чиновник сбил их с толку, говоря, что не по форме, и написал им свой — что не понравилось поморцам.

17 сентября

Сегодня (от 16 сент.) в «Голосе» увещание епископа самогитского Матвея Казимира Волончевского — на силу то. Муравьев тотчас распорядился отправить всюду по Виленской губ. 5 000 экз.

[*20—21 сентября*]

В клубе зашел разговор (без меня), что ужасно скверно пишутся сенатские записки и что я над ними глаза порчу. Кн. П. И. Трубецкой сказал: «да зачем кн. Одоевский читает записки? я никогда не читал и не читаю».—«Да как же вы судите дела?»—спросили его.—«Так, по соображению. Вы увидите, и кн. Одоевский перестанет читать записки». — Следственно, этот господин не понимает даже, что есть позорного судить дела, не приготовясь к тому изучением записки! — Просто не читать — еще понятно, но торжественно заявлять об этом, как бы так и следует! Что за народ!

22 сентября

Говорят, что два полицейских солдата пришли в Зоологический сад и хотели поездить на носороге, и при сопротивлении сторожа кинулись носорога рубить тесаком.

24 сентября

Бар. Фитингоф показывал мне партитуру первого действия своей оперы «Демон». Я ему советовал хор монахинь написать дрейклангами, написав его на листке.

[*29—30 сентября*]

Говорят, что в Варшаве накрыли было 18 членов тайного комитета, — но их предупредил агент полицейский, бывший 8 месяцев на службе у варшавского обер-полициймейстера. Убежавши вместе с мятежниками, он написал письмо обер-полициймейстеру о том, что членов комитета тогда только поймают, когда русская полиция заведет таких же агентов, как он.

Некоторые польки присягнули в костеле, что не выйдут замуж за того, кто не был между мятежниками.

В «Revue de deux mondes» вырезана статья Мазада о Польше!! Как же отвечать на нее? А можно ли оставить статьи Мазада без ответа?

Милютин, Юрий Самарин, кн. Черкасский и некто Протопопов отправились в Варшаву. Благородно и смело; но как они будут действовать, не зная польского языка?

Арцимовича Москва назначает министром внутренних дел в Царстве Польском.

5 октября

Книготорговец Вольф: спросить у меня о продаже моих детских сказок. Я ответил, что хотя контракта еще и не заключено между мною и Стелловским, но что мое слово дано и переменить его не могу.

9 октября

В Сенате — оттуда свез секретаря Лукина, больного глазами, домой, ибо ветер ужасный — il a été etonné d'un acte si simple *.

Толки о приглашении американского посла из Петербурга на обед в Москву. Я советовал не решаться на это, не снесясь с [А. М.] Горчаковым.

11 октября

В Общем собрании. В деле вопиющем Веревкина со мной согласились лишь 4; остальные 15 были заговорены секретарями, у коих спрашивались, как решить!! Просто гадко; не читают эти господа дел, да и не находят нужным, едва ли приличным для сенатора, и даже объявляют об этом без зазрения совести. Оно, правда, — тяжеленько — да как же можно дойти до такого эгоистического презрения к взятому на себя делу!

20 октября

Le chef d'oeuvre jesuitique **. «Голос», четверг, 17 октября 1863, стр. 1079 (1-я), кол. 5-я. Римский корреспондент газеты «Czas» пишет: «поляки хотели произвести 3-х дневную молитву у мощей Станислава Костки, единственного патрона Польши, в костеле св. Андрея. Этот костел принадлежит езуитам. Бек, генерал ордена, отказал, говоря, что молитвы за Польшу не согласны с политикой ордена». Удивительно ловко, в ту минуту, когда езуиты ксендзы попались в убийствах и разных мерзостях, показать, что тут езуиты — сторона.

27 октября

Сегодня в «Journal de St.-Pétersbourg» (26 окт.) речь Наполеона. Предлагается им — конференция-ловушка для всех европейских вопросов; это согласно с нашим заявленным желанием, — но надобно нам ухо держать востро. Плут Наполеон не даром согласился на такой исход. Он надеется, что все будут против нас, разве кроме Пруссии. Для того, заявил Луи Наполеон велегласно, что мы оказали ему величайшее содействие и в итальянской войне, и в присоединении Савойи и Ниццы; хорошее средство разозлить на нас и австрийцев, и итальянцев. Вся речь Луи Наполеона написана для этой езуитской инсинуации.

30 октября

Сегодня рескрипт государя Константину Николаевичу — чудесный, с чувством, дельный и avec des coups de patte aux puissances occidentales ***. По всей вероятности большая часть написана самим государем; есть строки, вылившиеся из сердца. Какой контраст с езуитскою речью Луи Наполеона, — и какой ответ московским болтунам-плантаторам, которые были так рады, чтобы придраться к чему-нибудь и отомстить участнику в освобождении крестьян.

31 октября

Директор [Л. Ф.] Львов хотел меня уверить, что Верди большой талант — что «Юдифь» не будет дана потому, что Серов приглашал его приехать в Петербург с ним о представлении поговорить.

---

* Он был удивлен таким обыкновенным поступком.

** Образец иезуитского искусства.

*** С выпадами по адресу западных держав.

11 ноября

Поговаривают о смене Рейтерна — вследствие неудачной операции по размену. Говорят, что предлагали Чевкину, который сказал: «un ministre de finances chez nous doit être ou un génie, ou un imbécile; je ne suis ni l'un, ni l'autre» *. Москва назначает кн. Дим. Оболенского. А вернее, что все это вздор.

Статья Каткова о внутреннем займе делает эффект.

14 ноября

В театре с графиней Толь — на «Саламандре» — с оптическими привидениями.

16 ноября

В Музыкальном обществе с Ниной, где свиделся с Серовым и М. В. Шиловской.— Серов женился на девушке-музыкантше — стипендиатке Музыкального общества, которая знает все Баховы фуги наизусть.

17 ноября

Не поехал в заседание Общества Любителей Российской Словестности, ибо надобно же полечиться — конца не вижу кашлю. Читать будут записки Вигеля, разумеется с выпуском разных личностей — Соболевский цензировал.

20 ноября

Обедали у нас Шиловская, Соболевский и Серов Ал. Ник. с своею женой (Валентина Семеновна, урожд. Берхманн — реформатка). Она ходила учиться к Серову и поразила его своею манерою играть фуги Баха. Серов проиграл мне 2 акта «Юдифи», рассказал содержание «Рогнеды» — я советовал ему вместо одного старика-християнина сделать целый скит, — и в видении употребить оптический аппарат.— Подарил Серову Skizzen-Buch ** с разными моими поисками по части русской мелодии.

29 ноября

Являлась ко мне в Общее собрание, в качестве просительницы по делу какая-то г-жа Миронова, бывшая будто бы женой губернатора, — а дело кончилось тем, что я должен был ей дать 5 руб. на бедность. — Довольно искусно.

26 декабря

Выехали в Петербург с 12-часовым поездом.

1864 год

1 января

Читал впервые «Что делать?» Чернышевского. Что за нелепое, на каждом шагу противоречащее себе направление! Но как la promiscuité des femmes *** должна соблазнять молодых людей. А когда состареются?

2 января

Дочитываю «Что делать?» — Господи! Что за болтовня, что за тавтология! Вчера я услышал, что Чернышевский в крепости — за что не знаю еще — жаль во всех отношениях, — особенно потому, что нельзя распушить «Что делать?», этого нелепого нигилистского молитвенника — который

* Министр финансов должен быть у нас или гением или дураком; я ни то и ни другое.

** Альбом эскизов.

*** Свободное общение с женщинами.

В е л и к о р у с с ъ

1

Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія; недовольство ихъ уже проявляется волненіями, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать большихъ смутъ. Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно; оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобъ спасти народъ отъ истязаній; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму. потому что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, видитъ въ необходимость держаться системы стѣсненій.

Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. Сначала же попробуемъ: быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя безсильною. На дѣлѣ, она гораздо сильнѣе правительства, тупаго и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуемъ отмѣны такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя.

Программу дѣйствій, конечно, должно опредѣлить для себя само общество. Итакъ, мы будемъ ждать его рѣшеній. Теперь пока поставимъ два изъ вопросовъ, особенно нуждающихся въ рѣшеніи:

Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью, — и

Способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо;

Сообразно тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ опредѣлятся и способы дѣйствія; а опредѣливъ способъ дѣйствія, общество найдетъ въ себѣ и силу дѣйствовать.

ПРОКЛАМАЦИЯ «ВЕЛИКОРУСС» С ПОМЕТКАМИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО
Публичная Библиотека, Ленинград

По нѣкоторымъ обмолвкамъ (здѣсь подчеркнутымъ) этого сумасшедшаго листка можно догадываться, что онъ написанъ подъ вліяніемъ партіи конституціоналистовъ, недовольныхъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, — родъ интимидаціи съ цѣлію заставить Правительство обратиться вспять, хитро прикрытой будто-бы общимъ согласіемъ (и не согласіемъ) всѣхъ образованныхъ классовъ". — Ошибки противъ языка, галлицизмы и неловкіе обороты показываютъ, что листокъ сочиненъ плохими грамотеями, не привыкшими писать по Русски.

Петер. 30 Iюня 1861.

ЗАМЕТКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО НА ОБОРОТЕ ПРОКЛАМАЦИИ «ВЕЛИКОРУСС»
Публичная Библиотека, Ленинград

соблазнителен для молодежи — и между тем такой же яд, как езуитская теория, столь сходная с нигилистской.

3 января

В ложе Борха на «Фаусте» Гуно; calques de Meyerber, de Wagner, d'Offenbach au genre vaudeville — mais un faire excellent, des ficelles parfaites, instrumentation intéressante et experimenté — ce n'est que le véritable art qui manque *.

5 января

Рассказывают о деле Жилинского, будто бы старик отец (сын его в русской службе) был в Виленской губернии взят ошибочно вместо другого и с завязанными назад руками привезен в Вильну, где просидел в тюрьме 3 месяца и выпущен без допроса.

6 января

В опере. Серова «Юдифь» — это первая опера великого композитора. Зала полнехонька, не смотря на то, что 18-е представление и что в тот же день давали «Фауста» Гуно. Г-жа Бьянки — всегда между двумя нотами, ни одного звука определенного. Сарриоти очень хорош.

8 января

Иностранная пресса находит вполне естественным, что польский убийца хочет застать нас врасплох и всадить нам нож в горло, а когда мы выбиваем этот нож из рук убийцы, та же пресса кричит об угнетении.

Маццини говорил Л. Нэпиру: следует считаться с местом, временем, положением. Революционеры 1793 г. воздвигали эшафоты, мы же должны прибегнуть к кинжалу. Непир вышел очень взволнованный с этого собрания, куда он был привлечен то ли любопытством, то ли сочувствием **.

9 января

Краевский, Враский, Тургенев, у которого у нас же разболелась нога. Дочь его в Париже — жених есть — Тургенев только и думает что о своем гнезде в Бадене.

10 января

Обедал у Абазы: кн. Д. Оболенский, [нрзб] Тургенев, Ник. Милютин с женою, Чичерин — после обеда Серов играл и пел отрывки из своей «Рогнеды» — еще лучше «Юдифи». Языческая сторона обрисована мастерски. Пение скита триестествогласием.

11 января

Оканчивая письмо к Валентине Семеновне Серовой, не успел и соснуть до обеда, от чего очень устал. Но необходимо охранить это гениальное существо от нигилистского болота, в которое она готова попасть... У Серова, где он познакомил с своим учеником Сливинским—играли мне в 4 руки с женою пляску скоморохов из «Рогнеды».

12 января

Был в Зимнем дворце — говорил с Жомини, Потаповым, Стояновским, И. М. Толстым о необходимости [?].

Я сказал этим господам: необнародование процессов Заичневского, Чернышевского и проч. дает полный простор произвольным толкованиям.

---

* Подражание Мейерберу, Вагнеру, Оффенбаху в духе водевиля — но в общем прелестная вещь с удачными выдумками, с опытной и интересной оркестровкой — недостает только настоящего искусства.

** Запись в подлиннике по-французски.

Общественное мнение безоружно против партизанов этого учения, для которых все эти господа святые жертвы. Что они делали, что говорили на допросах — публике неизвестно. Некоторые их дела гнусны, слова нелепы и безтолковы, как я мог судить по допросам. Лучшее орудие против них — напечатать их ответы на допросные пункты и очные ставки в целости, как они ими подписаны, тогда публике будет понятно, что это за господа. Теперь же в кружках отдельных, не представляющих ничего зазорного, развивается нигилизм (?) сильно; карать их собственно не за что, да и тем лишь умножить число мучеников. Между тем рассказы об их святости и следственно о несвятости правительства переходят в журналы, печатаемые за границею, — и обращаются в материал для наших врагов в семействах и на парламентской трибуне, которые ссылаются на общее влияние. Печатать разумеется не в газетах отрывками, но при Журнале министерства юстиции особой книгой, которую и продавать особо.

8 февраля

В концерте Музыкального общества, где между прочим играли дрянную серенаду-симфонию, нечто в роде венских вальсов, присланную в дар Обществу от сочинителя Брамса, капельмейстера венской консерватории.

10 февраля

В Сенате. Ховен за 50 лет службы получил аренду в 3 000 р. — я рад за бедного старика; эта самая сумма у него была отнята изворотами Панина, осердившегося на него за то, что, будучи губернатором, он был против его интересов.

19 февраля

19 февраля! Какой день! Был в Успенском соборе у обедни.

2 марта

Ребиндер привез мне известие, что будто я рассказывал, что работают в Сенате лишь я, он, да Колюбакин,—que cela me fait des ennemis *,—и проч. т. п. Я ответил ему, что такая нелепица вне моего характера. Что мне действительно это мнение говорили, лести ради, но что мой постоянный ответ: 8-й департамент весь очень хорошо составлен, про чужие же департаменты никто из сенаторов и знать не может, что, наконец, известное дело: есть такие прекрасные люди, которые приходят к вам, несут всякий вздор, который вы отрицаете, а, вышедши от вас, они его повторяют прибавлением, что слышали от вас.

9 марта

Сенатские журналы делаются день ото дня хуже,—а секретари небрежнее: они совершенно убеждены, что сенаторам журналов читать не следует, но когда встретишь и в определении нелепость, то они ссылаются на журнал, с коим они согласовались.—Все это из рук вон, а другие сенаторы подписывают, действительно не читая,—а еще Ребиндер досадует, что меня считают чернорабочим.

10 марта

Про Колюбакина выдумали в Москве или в Петербурге, что он подрался с Катковым, которого он никогда и не видел еще, — и даже в Английском клубе, куда Колюбакин, как служащий в Москве, не может и ездить. Вот и верность пословицы: il n'y a pas de fumée sans feu **.

* Что это мне создает врагов.
** Нет дыма без огня.

20 марта

В Сенате—отвод Жеребцова и Ливена со стороны Якова Варгина не принят—пять разных мнений по процессу сему. Это предложение не понравилось—старые толковали, что всякий должен придти с готовым мнением. *Патон: «ну как же тут говорить? у меня нет красноречия».— «Ну, так вы и не говорите»,—* отвечал Лебедев.

«Вот видите,—говорил я Лебедеву, ехавши с ним в карете из Сената (мы с ним прежде уже толковали о необходимости дебатов и дисциплины в них) — видите, с каким сочувствием принято такое предложение?»— «От того, что они сами говорить боятся, чтобы не проврaться»,—отвечал Лебедев.—Все это очень грустно.—К. утверждал, что при предстоящей реформе, так как у нас нобходимо всякого к.чему-нибудь приурочить, то сенаторов, которые не попадут в кассационные департаменты, определят почетными членами Английского клуба.

23 марта

Ахлестышев хотел доказать мне и Победоносцеву любимый конек его партии, а именно, что в Общем собрании никаких рассуждений, ни диспутов не нужно. Странные люди.—«Зачем,—говорил Ахлестышев,—всякий прочел записку и должен придти с готовым мнением». Это невозможно,— отвечал я и Победоносцев—большая часть юридических вопросов такова, что они могут быть выяснены лишь обменом мыслей, да и притом рассуждение установлено и законом; и оно очевидно; от нерассуждения происходит то, что является по одному и тому же делу пять разных мнений; поговорили бы между собою—и может быть вышло бы одно, или много два».

25 марта

Говорят, что по мысли Валуева и кн. [В. А.] Долгорукова в Петербурге будет допущен пансион езуитов—для воспрепятствования нигилизму; но ведь нигилизм есть порождение езуитов.

29 марта

Со всех сторон слышно о грабежах в Москве. У Ник. Дим. Маслова до сих пор шишка на спине от полученного на Пречистенке удара кистенем. Если-бы удар был немножко выше и не был он в шубе, то не сдобровать бы ему; нападали на [него] двое.

Рассказывают историю про даму в пролетке, на которую напали пятеро, хожалого и кучера избили, ее раздели до нага и ускакали на пролетке.

3 апреля

Сегодня, не смотря на пятницу, гости оставили меня в покое—и я мог почитать для себя.

23 апреля

Драматическое общество хотело пригласить вел. кн. в дом Маркова и угостить «Горькой судьбиной» Писемского. Штука в том, что ищут покровительства против нападок театра—и хотят поддержать вступление Савицкой на сцену; я советую пригласить ее во дворец для декламации.

Я предложил вел. кн. вместо посещения дома Маркова, [что] для нее дело невозможное, пригласить к себе нескольких членов Драматического общества для исполнения нескольких сцен.

[13 мая]

Кошелев с 12 мая—член Учредительного комитета Царства Польского и министр финансов.

[14 мая]

Звук тела (камертона) на шнурке, введенном в уши, на секунду в ы ш е звука слушимого без шнурка, через воздух.

29 мая

В Общем собрании—дело Хлудовых с княгиней Тенишевой, возбудившее сильные споры, не приведшие к никакому выводу, ибо все по обыкновению говорили вместе, порядка никакого и только раздавался голос первоприсутствующего: отбирайте мнения.

В это время была гроза, и я заметил, что огнь небесный должен был бы поразить всех нас за такое беспорядочное отправление дела. Если бы не скорая реформа—я бы не оставил этого так как есть, необходимо было бы, чтобы первоприсутствующий или бы назначался государем, или был бы по выбору,— а не по старшинству чинов.

[9 июня]

Киттаре поручен от военного министерства прием сукон; он завел машину, которая рвет сукно, если оно не надлежащей плотности. За тем он сказал поставщикам: вы при приеме платили приемщикам столько-то; теперь вы этого магарыча больше платить не обязаны, обратите хоть половину его на понижение цен для казны. Поставщики довольны, а казна выигрывает сбавки до 25 тыс. р. с. в месяц. Но как не боится Киттара? ведь он посягнул на верный хлеб скопища мошенников, на то, что они считали вечным, заветным, святым, на что пилось шампанское, абонировалась ложа в итальянской опере, покупались стоаршинные кринолины. Не сдобровать Киттаре,— дойдут его не мытьем, так катаньем. И так уже, когда [Д. А.] Милютин хотел его представить к чину действительного статского советника, и ради формы спросил министерство просвещения: «нет ли препятствий?», то добились от университета такого ответа Милютину, что-де по университету есть одиннадцать человек с т а р ш е Киттары, — как будто есть что общее между профессорством и честным приемом солдатских сукон! Дело для Киттары ограничилось перстнем.

11 июня

В Сенате.—Я показывал одно определение (по 1-му отделению 6-го департамента), где на каждой странице не менее двух ошибок, из них на половину изменяющих смысл—и сказал: когда я нахожу нелепость в записках—мне говорят: записки не важны; когда в журнале—журнал не важность; когда в определении—также не важность; вся с у т ь, говорит канцелярия, в указе—на это-то обращено все внимание. Тогда я ставлю дилемму: если указ (как бы и следовало) есть дагеротип определению, то в указ переходит нелепость определения; если редакция п о с л е о п р е д е л е н и я исправляется обер-секретарем,— то, следственно, это уже указ н е С е н а т а, а обер-секретаря. «Почему бы,—толковали мы с кн. Ю. Долгоруким—одному из сенаторов, по очереди, не подписывать указов—со скрепою обер-секретаря?»

19 июня

К. Н. Лебедев сказывал мне, что Ушакова (кн. Хилкова), у которой процесс с княжнами Одоевскими, жалуется, что я действую против нее с в о и м в л и я н и е м, хотя я, чтобы не иметь поползновения ходатайствовать, нарочно н е ч и т а л д а ж е э т о г о д е л а, и все мое участие ограничивалось тем, что я просил обер-прокурора Мертваго назначить день и час, когда он может принять и выслушать Энгельгардта, стряпчего княжен.—Просил я только по одному совсем другому делу: когда продавали за бесценок имение

княжен Одоевских, то просил торги остановить, ибо они вносили деньги на уплату кредиторам своей матери, недавно умершей.

5 июля

Начал перекладывать Бахов хорал для органа и фортепьян.

14 июля

Отправились к Троице с женою—с часовым поездом. Бессонов отказался за ревизиею типографии. В вагон к нам сел Влад. Петр. [Павл.?] Безобразов, едущий с Дона в свою деревню и потом в Нижний. Везет с собою для Географического общества две бутылки донской воды. Рассказывал про беспорядок на Донской железной дороге. Казаки внесли в железную дорогу свои обычаи, беззаботность и неаккуратность. На пароходах беспрестанные скандалы; напьется публика и бушует. История Леонтьева в пьяном виде—управляющего имением гр. Соллогуба — с каким-то Бабкиным, продолжавшаяся всю ночь.

Приехали в 3½—остановились в новой гостиннице—за комнату № 5, перегороженную на три отделения—по 3 р. в сутки. Стол плохой—к в а с а нет! кислые щи скверные, но есть минеральные воды.

16 июля

Троица. Работал в Лаврской библиотеке, свел одни и те же напевы разных веков. Каталог чудесный,— жалуются на Бодянского, что не издает его (по Обществу древностей). Дим. Вас. [Разумовский] работал с своей стороны; познакомился с библиотекарем, иеромонахом Арсением (археолог, но увы! не музыкант). Простился с Дим. Вас., уезжающим завтра в Москву.

17 июля

Сегодня с площади согнали нищих от гостиницы, кажется по словам гр. Алекс. Толстого.

В Лавре возле Успенского собора камень над Лопухиным, который, будучи осужден к отсечению головы, успел переменить имя и прожить до смерти монахом. Через 12 лет Петр I-й, увидав камень на его могиле и узнав всю историю, велел отрубить голову к а м н ю,— говоря, что царский указ должен быть всегда исполнен.

22 июля

В Нескучном завели полицию, ибо приходили люди пьяные, ломали цветы, ругались по матерну, один поднял у проходившей женщины юбку,— когда их остановили, то один закричал, что он знаком с тайным советником Муравьевым, другой назвал себя сыном Тимирязева, один пьяный схватил за грудь полицейского солдата, — сего молодца, не смотря на его крики связали и отвели в полицию, — давно пора; бесчинствам негодяев нет конца. Все расчитывают на безнаказанность. Благодетельные реформы не пристают к нашей публике. Невольно вспомнишь слова Воейкова Дашкову, когда вышел ценсурный устав 1828 года: «Помилуйте! как можно! такой устав для таких свиней, как я с Булгариным!».

[*27 июля*]

Не уж-ли «Мелетий Смотрицкий» езуита Мартынова будет запрещен,— так что на эту ловкую и хитрую пакость нельзя будет отвечать?

30 июля

В Сенате. В департаменте между двумя экспедициями мы завели антракт, для которого я привожу хлеб с икрою для всех; это необходимо; голод есть одна из причин, которая закрывает сенаторам совесть.

[*2 августа*]

В записке своей Мышлецов жалуется, что взыскание его с Богаевского утонуло в переписке между присутственными местами—всё вызывают г. Богаевского, а между тем становой пристав был с ним вместе на одной фабрике,—и не воспользовался для объявления ему вызова и даже для арестования. Эти проволочки судов убивают всякую предприимчивость, ибо всякий боится входить в какие-либо сделки, а тем менее в предприятия; здесь причина нашего безденежья: деньги не обращаются, ибо везде для них западня и ловушка, если иногда и не всегда, то на долгие годы.

СРАЖЕНИЕ В РАДОМСКОМ ЛЕСУ

Эпизод польского восстания 1863 г. Современная немецкая литография
Публичная Библиотека, Ленинград

[*16 августа*]

Морозов утверждает, что самоуправление плохо прививается у крестьян; выбранные тяготятся должностями и считают их повинностью. Община (как я предвидел, во время оно, в спорах с общинниками) сделалась тяжелым помещиком.

21 августа

П. Т. Морозов, Сушкова, Свербеев с сыном, Соболевский—спор о необходимости образования в нашем простом народе.

[*30 августа*]

М. жалуется, что сенатор Патон в заседаниях безобразничает; мешает докладчику шуточками, восклицаниями: что вы его слушаете?— что он несет! — складывает руки на стол и кладет на них свою премудрую голову —

словом, просто мешает слушанию дел,— а первоприсутствующий смотрит на это, как на дело вовсе незазорное.

31 августа

Писал записку для государя о польских делах.

3 сентября

Замятнин предложил мне содействовать ему в подписке по Сенату для симбирских чиновников судебного ведомства, погоревших.— Бедствие их ужасно!

В Симбирске действительно были взрывы—обвиняют губернатора Анисимова, который действительно виновен, но не он один; нет в губернских даже городах порядочной пожарной команды; обыватели жалеют денег на провод воды (что бы обошлось тысячи в три), полагаясь более, как в комедии Островского, «на милосердие божие». Странное дело, как мы умеем все портить—даже религия нам на столько же приносит вреда, на сколько пользы.—Наш простолюдин, наблюдая середы и пятницы, уверен, что он тем исполнил все свои обязанности перед богом и пред людьми. Здесь корень истинного зла. Далека еще та минута, когда духовенство наше решится проповедывать неверность этого убеждения, говорить, что на пожар надо выносить воду, а не образа и не богоявленские свечки; что за пост бог не помилует того, кто ходит неосторожно с лучиной, оставляет везде в доме спички, которые попадаются в руки детей или идиотов; не заботится о поправке печей, особливо осенью, когда они портятся от летней и осенней погоды, наполняются гнездами птиц и проч.

[*6 сентября*]

Народная черта: Павел буфетчик, молодой малый и женатый, глупый и нерасторопный, вел себя порядочно все это время; в пятницу выпросил себе вперед жалованье для необходимых будто бы семейных надобностей; дали ему чего он просил; и в благодарность он в субботу, в самый день переезда, когда ему надобно было свезти хрусталь и фарфор, напился пьян до того, что упал посреди двора.

Сегодня начал валяться в ногах и просить прощения, уверяя что он выпил всего с т а к а н в о д к и.

8 сентября

«Моск. Вед.», № 196—весьма сильная (вторая) статья Каткова по поводу книги Шедо-Ферроти.

Продал Бартеневу для Чертковской библиотеки на 150 руб. книг, из сего числа получил 50 руб. очень кстати, ибо за расплатою долгов—у меня оказался нуль.

[*15 сентября*]

Пожары хоть маленькие, но почти ежедневные; Крейц уверен в поджигательстве, весьма искусно производимом; захваченный на деле зажигатель успел вырваться из рук полиции, оставив в руках лишь пальто.

В окрестностях Симбирска был задержан посредником человек в чуйке, который выдавал себя за исправника и уверял крестьян, что их поджигают по приказанию барина. Этот человек до сих пор упорно молчит на все вопросы.

[*17 сентября*]

В «Инвалиде» 12 сентября 1864 г., № 202 — статья «Журнальные и библиографические заметки», — где по поводу невообразимых лекций пана Духинского в Париже, где между прочим говорится о великом герцогстве Суздалии и что русские—китайцы, выписано много из напечатанных Бартеневым в «Русском Архиве» моих бумаг. Очень доброжелательно, но только

боюсь, чтобы эта перепечатка не ввела меня в скучную, бесполезную и вместе неудобную еще полемику. Статья подписана: А. И-н (?). Редактор «Инвалида» (за) Подполковник Зыков.

[20 сентября]

В Москве существуют дамы, сами себя называющие филареточки и леонидочки. Одна из них через два месяца после причастия, данного ей Филаретом, еще чувствует его на языке.

21 сентября

Я написал статью: «Защитники польских панов».

25 сентября

Что за история о недозволении будто бы ничего печатать о раскольниках без дозволения Синода? Да как же Синод может дозволить что-либо о раскольниках, кроме опровержения их? Следственно, заглохнет опять вся разработка этого важного предмета, следствием чего было, что правительственные лица и самый Синод не имеют полного сведения обо всех сектах, и, следственно, лишены способа опровергать их учение, смешивая, как бывало, например, федосеевцевых с поморцами. Что это за возврат к воззрениям... времен Клейнмихеля и покоренья Крыма.

[29 сентября]

Рассказывают, что в Киевской губернии начали сечь крестьян за неповиновение помещикам. Что крестьяне собирают окровавленные розги и ставят их за образа. Правда-ли это?

30 сентября

Сегодня или вчера появилась еще статья Каткова против Шедо-Ферроти—и пресильная. Следственно, цензурное запрещение писать об этой книге есть выдумка.

3 октября

Говорят, что в Москве подметные письма о пожарах; в одном грозятся на Пречистенке сегодня обворовать, а потом сжечь. Но вероятнее всего, что эти означения делаются только для того, чтобы отвлечь присмотр от тех мест, где действительно намереваются поджечь.

Мои объяснения с Колюбакиным вчера (2 октября) относительно наших юридических бесед. Он сердится, от чего я не пригласил его к участию в них. Я ему отвечал, я никого не приглашал, не буду и не хочу, ибо если бы я стал приглашать, то сделался бы учредителем какого-то общества, а я имею сильнейшее отвращение от всех возможных обществ; я по моей натуре вольный казак, был им и буду, а всякое общество есть уже связа.—Шуточный устав беседы, пущенный мною по рукам, имел целию напомнить гг. сенаторам о необходимости обмениваться мыслями, особенно по затруднительным делам; кто с этим согласен — хорошо, кто не хочет — вольному воля, а приглашать я никого не буду, а предоставляю эту мысль ее натуральному ходу, — тем более, что уже мне говорили, что совсем не нужно никакого обмена мыслей, что это похоже на стачку (!!??), а я ни таких штук слышать не хочу, ни ставить кого-либо в случайность тоже услышать.

4 октября

«Московские Ведомости» 4-е октября 1864, № 216 — новая сильная статья против Шедо-Ферроти. — Катков сравнивает его предложение с предложением смешать мышьяк (раздробление России) с хлебом (единство России).

Говорят, барон Фиркс в Москве и будто бы никто не хотел его зачислить в клуб.— Что это за история?

Неправда. Соболевский объявил, что он первый запишет Фиркса, ибо не понимает остракизма за мнения.

Можно ли ожидать, говорил мне П. по поводу нашей сенатской неурядицы, чтобы на крапиве вырос виноград.

5 октября

Из Петербурга пишут: Головнин невозможен,—но невозможно допустить и того, чтобы профессора сменяли министра просвещения.

6 октября

В театре — 4-й акт «Жизнь за царя» с невообразимыми пропусками в партии Сусанина и «Запорожец»— будто бы опера Артемовского—нечто в роде итальянских арий на чухломский лад. Говорил с Неклюдовым об «Эсфири»— не ладится.

11 октября

На первом уроке по методе Шеве у [Н. Г.] Рубинштейна — пишу об нем статью.

12 октября

Графиню Блудову очень огорчает печатаемое теперь за границею об ее отце—которого называют членом верховного суда в 1825 году и рассказывают, что на голове Пестеля был рубец от железного кольца, которым стягивали его голову. Дело в том, что теперь надобно было бы напечатать все акты верховного суда, чтобы видели, какую белиберду затевали декабристы. Секретничанье нас губит; враги России несут всякую ложь на суд всему миру, а мы только запрещаем ввоз всего этого в Россию, а отпора с нашей стороны никакого. Не уж-ли не понимают, что уже одно запрещение—ныне мера недостаточная. Благодаря этому секретничанью нелепые и жалкие студенты-социалисты получили ореолу в толпе. Напечатание всего того вздора, который они несли [на] суде, положило бы их в лоск пред общественным мнением.

14 октября

Во вчерашнем № «Journal de St-Pétersbourg» перевод статьи «Инвалида», явно против Шедо-Ферроти и даже упоминается о его книге.

В народе толкуют, что государь нарочно уехал в чужие края для того, чтобы объявить набор лишь по 5 с тысячи,— потому что-де дворяне требовали, чтобы было по 10 с тысячи.

26 октября

Окончил диктовку статьи об «Юдифи»— а Соболевский подсмеивается: «как неблагоприлично сенатору писать о музыке»— действительно, у нас так.

30 октября

В редакции «Русских Ведомостей»—отдал мою статью о бесплатной школе Музыкального общества.

11 ноября

В книжных лавках объявляют, что последняя книга Шедо-Ферроти запрещена!!!?

14 ноября

Je n'aime pas à être persecuté ni dans le mauvais sens, ni dans le sens bienveillant *.

* Я не люблю, чтобы меня преследовали — ни с плохими, ни с хорошими намерениями.

16 ноября

Один слух страннее другого, по крайней мере неожиданнее—то Константина Николаевича генерал-губернатором в Москву, то министром финансов, то Кошелев—министр финансов.

[*18 ноября*]

«Что они п о ж е л а ю т»— анекдот, рассказанный Гедеоновым. В одной губернии жил дядя с племянником; племянник мотыга; дядя богач и ханжа. При посещении киевских пещер дядя при каждых мощах клал по серебряному рублю, а племянник, идучи за ним, клал эти рубли к себе в карман. Проделка открылась. Дядя взбесился и в завещании назначил 100 тыс. в монастырь с тем, чтобы святые отцы выдали его племяннику, что они пожелают. Дядя умер. Монахи дали племяннику 20 тыс., оставив себе 80 тыс. Племянник в отчаянии обратился к одному старому подъячему, который за тысячу рублей научил его ехать в Петербург и подать н а у л и ц е просьбу Николаю Павловичу, за что его посадят на гауптвахту и, следственно, каждый день будут об нем доносить государю. Племянник остановил государя на улице— где и произошел следующий разговор: Николай Павлович: «ты знаешь, что на улице мне просьбы не подают»?—«Знаю, государь». —«Тебя посадят на гауптвахту».—«Я только того и желаю». Государь пробежал бумагу и улыбнулся. В просьбе была следующая аргументация: завещатель приказал монахам выдать мне, ч т о о н и п о ж е л а ю т. Они мне выдали 20, а с е б е п о ж е л а л и 80 тыс. — по буквальному смыслу завещания они должны мне отдать, что о н и п о ж е л а л и, т. е. 80 тыс. Неизвестно, чем кончилось дело; но бумага пошла в ход; кажется он с монастырем помирился на половине — но это едва-ли так; монастырь, как владелец церковного имущества, не мог идти на мировую.

20 ноября

Соллогуб читал часть своей поэмы—прекрасные стихи—и направление ультра-консервативное.

23 ноября

Написал разом фугу для одной скрипки.

[*24 ноября*]

По городу ходит еще эпиграмма — все о Каткове и демонстрациях — в этой, говорят, задет и Филарет.

25 ноября

В Сенате—манифест государя о судебной реформе 20-го ноября—великое дело. Не уж-ли его не прочтут в Сенате?

К сожалению, это не манифест, а указ—следственно, есть предлог не читать его в Сенате.

28 ноября

Речь шла, чтобы поручить Серову кафедру истории музыки в Москве— но это, как они говорят, было бы совершенный разрыв между обоими обществами.

Я предложил мысль «временного наказа» от вел. кн.

[*3 декабря*]

Разбор займа по количеству народа сильный, но подписалось всего на 2 миллиона

[8 декабря]

Какая-то история с бенефисом Шумского на «Горе от ума».— Неклюдов, говорят, не позволил танцев в 3-м действии. Офросимов уведомил его, что он не ручается за следствия неудовольствия публики.

12 декабря

В концерте Музыкального общества—Suite de S. Bach. Точно ходишь в галлерее, наполненной Гольбейном и А. Дюрером. В первый раз услышал в оркестре Струензе. Возвратил Буслаеву (Федору Ивановичу) статью об Обществе древнего искусства с моими вставками о музыке.

[22 декабря]

Ходит прошение тульских предводителей в Главный комитет по крестьянским делам против секретного циркуляра министерства внутренних дел о замедлении обязательных наделов,— под предлогом, что черезполосность уже издавна существует. Предводители не хотели допустить толкование о сем на выборах, но прошение написано сильно, министерство обвиняется в самоуправстве, нарушении закона и в том, что его с е к р е т н ы й циркуляр, сделавшийся всем известным, поддерживает мнение крестьян о существовании указа относительно наделов, который местные власти не объявляют.

[27 декабря]

В общедоступном концерте.

В обоих концертах было 16 тыс. человек, не считая оркестра и певчих— в том числе 9 тыс. мест по четвертаку.

Хор из «Рогнеды» Серова произвел большое действие—славная вещь— набросана широкою кистью; кричали bis—но сегодня как вчера (по поводу Лядова) б и с а не было, ибо боялись, что стемнеет и музыканты не будут разбирать п и с а н н ы х нот.

Общество очень боялось, что вдруг придет телеграмма, запрещающая концерт.

Между тем оно выхлопотало себе право на концерт в манеже в присутствии принцессы Дагмар.

28 декабря

Замечательная статья Вас. Серг. Неклюдова: «Об отношениях России к Оттоманской империи» в «Русском Вестнике».

1865 год

5 января

В Дворянском собрании на выборах—застал предложение [Н. А.] Безобразова. Предложение Безобразова: назначить чрезвычайное собрание (по закону) для пересмотра положения о выборах (вчерашний спор о том, имеют ли избиратели, лишившиеся установленного ценза по причине крестьянских наделов, быть избирателями, или только уполномоченными, послужил предлогом); теперь же назначить комиссию для подготовки этой работы в 6-месячный срок, не испрашивая позволения, но по существующим законам; определили это предложение раздать в уезды для обсуждения. Перед тем он же, Безобразов, предлагал: решать дела не двумя третями голосов, но простым большинством. Самарин очень ловко возразил, что должен сему предшествовать вопрос: как баллотировать этот самый вопрос, простым большинством или двумя третями—важности этого вопроса дворянство не поняло. Вмешался Ник. Мих. Смирнов, который стал говорить о том, что будто Самарин спрашивает, «какая цель предложения Безобразова», на что Самарин несколько раз должен был повторить, что он о цели и не думал спрашивать.

КАРИКАТУРА НА «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»
«Искра» 1863 г.

Грав. П. Куренковъ.

— Это неслыханная цѣна за фуражку—очень дорого!
Купецъ. — Вздорожали-съ; а скоро нигдѣ не достанете: «Москов. вѣдомости» скупаютъ всѣ шапки.

А Смирнов свое. Тут почти тоже, что ответ пьяного матроса, который без вопроса, но чуя его, отвечал: «никак нет». Дело в том, что этот вопрос для крепостников жизненный, при простом большинстве они одержат верьх. И Безобразов, и Самарин говорят хорошо и за словом в карман не ходят, но Самарин говорит просто и дельно; Безобразов с фразами, коими вызываются рукоплескания всего дворянства,—о «единстве в с е г о дворянства», о необходимости дружно стать вокруг столпа закона и проч. т. п. Один старичок говорил о умножении кабаков и о н е о б х о д и м о с т и Д в о р я н с к о г о б а н к а. Соболевский справедливо заметил, qu'ils seraient bien capots si on les prenaient au mot *. Уваров очень дельно говорил о необходимости согласить дворянские выборы с земскими учреждениями. Но я спросил: зачем дворянские выборы при земских учреждениях?

8 января

В вагоне с 12-часовым поездом.

13 января

Речи гр. Орлова (Ослова)-Давыдова, Голохвастова и tutti quanti в заседании Дворянского московского собрания 9-го января, а равно всеподданнейшее прошение (по большинству 270 голосов противу 36) в заседании 11 января—в «Вести» 14 января 1865 г. № 4.

Нет сомнения, что крепостническое направление идет из Петербурга— не были бы эти господа так смелы, а были бы только глупы. Опасно только, что эта нелепость приведет в азарт и помещиков других губерний—и кончится тем, что крестьяне их поколотят.

* Они были бы смущены, если бы их поймали на слове.

15 января

Писал протест против московских речей—если когда-либо нужно было припомнить московской шляхте, что я потомок Рурика—так теперь. Умора! Теперь—как отправить этот протест к государю—ибо иначе и пустить в ход нельзя!

Посылал подписаться на «Весть»—из книжной лавки известие, что нумера отбирают и она запрещена. Говорят, ценсор не пропустил адреса дворянства, но Скарятин под ценсорским запрещением написал: печатать под моею ответственностью.

16 января

Говорят, что Скарятин идет под суд за подлог (?)—ибо на № 4 «Вести» напечатано: позволено ценсурой—когда было запрещено. Депутаты адреса Орлов-Давыдов, Голохвастов и не знаю кто еще—дожидаются в Москве призыва в Петербург (!). Жена Орлова-Давыдова три раза была у вел. кн., желая представить ей речь своего мужа—которую принимает за chef d'oeuvre. Вел. кн. не приняла ее. Но для многих, и весьма многих, эта речь—верьх совершенства!

17 января

В Зимнем дворце представлялся государю. Государь пожал мне руку, спрашивал про жену, вспомнил, что несколько раз встретил меня эти дни на улице; спрашивал, долго ли останусь. Отвечал, что постараюсь не далее 10 дней.

Кн. Долгорукий: «что это у вас в Москве делается?».—«Очень обыкновенное дело,—отвечал я: полуграмотные сбили с толку безграмотных». Хотелось мне ему сказать, что не посмели бы пустить в ход нелепость, если бы не были наэлектризованы в Петербурге и эта электризация не передалась в Москву в образе оберцеремониймейстера. Цель моего протеста—положить конец мысли, что олигархические проделки одобряются в Петербурге.

У вел. кн., где повторил мою просьбу о передаче моего протеста государю, который сегодня у ней кушал. Сделано. Что будет—не знаю.

В половине 10-го у вел. кн. (мой протест у государя).

18 января

Дома нашел записку Валуева. Государь очень одобрил мой протест и передал его Валуеву. У вел. кн., которая спрашивала, что я буду делать теперь. Просто не знаю. Опасно, чтобы олигархи не отвели этой беды для них, или, что еще хуже, не испортили бы протеста.

У Юл. Фед. Абазы была переписка с Серовым [нрзб] [А. Г.] Рубинштейна — но все-таки она послала ему сто рублей. Буду хлопотать у Борха, чтобы выдали Серову что-нибудь вперед за «Рогнеду» — можно бы Серова признать придворным композитором, как был Паезиелло.

19 января

В 5 час. в Зимнем дворце.

Перед обедом государь самым милостивым образом выразил мне свою признательность за мой протест, спрашивая, виделся ли я с Валуевым. «Мы не застали друг друга». — «Жалко, — сказал он, — что в Москве не все так думают». — «Москва не так виновата, — сказал я, — здесь вся история в том, что полуграмотные сбили с толку безграмотных». — «К сожалению, так», — сказал государь.

Валуев сказывал мне, что сегодня (19-го) пошлет мой протест кн. Долгорукову, с которым увидится завтра в Комитете министров. На мое предложение, чтобы были многие подписи: — «Предложение собственно не состоялось — и надобно подождать, какие меры будут приняты». — «J'espè-

re qu'on ne fera pas sévir, car cela ne ferait que saints martyrs» * — «Сохрани бог» — отвечал Валуев. Тогда необходимо заявление — pour couper court aux espérances de ceux qui recoivent leurs inspirations de Pétersbourg **. Валуев приписывает это à l'effervescence produite par les circonstances actuelles, par un patriotisme exagerée ***. По моему просто действие партии, которая досадует, что дело освобождения крепостных идет не худо, и что с каждым днем удаляется надежда восстановить крепостное состояние — разумеется, под другим именем.

22 января

В городе уже знают об адресе от меня, хотя я собственно никому, кроме государя, его не сообщал. Государь изволил меня благодарить.—Но этого мало, если моя газетная статья не будет подписана, хотя 20-ю дворянами, и напечатана. По сему, встретив Валуева у Екатерины Михайловны, я счел долгом ему это выразить. Ответ его был неопределенный — почему считаю себя в праве обратиться прямо к государю. Вел. кн. Константин Николаевич расцаловал меня. «Что у вас в Москве?», спросил он. — «Ничего, — отвечал я — полуграмотные сбили с толку безграмотных, боюсь одного — кары, которая из дураков сделает мучеников». — «Этого удовольствия они не дождутся. За что они на меня бесятся?»—«Вы сами виноваты — вы принимали живое участие в 19 феврале, этого крепостники не забудут... как не забудет и история».

Говорил с Валуевым и [А. М.] Горчаковым о необходимости вовсе закрыть иностранную цензуру, сохранив ее лишь для книг русских и польских, печатаемых за границей. «Vous prêchez un converti» ****, отвечал Горчаков. Я рассказал, каким образом лишь посредством запрещенных книг, сосредоточенных в Публичной библиотеке, я с Корфом дали возможность открыть, что «Testament du Pierre le Grand» был сочинен в 1811 году Lenoir'om [Lesur], агентом полицейским Наполеона. Я указал на «Histoire de Pologne» Ходзько, постоянно у нас запрещавшейся и достигшей до издания à 10 centimes, где так переиначена вся русская история, что Минин и Пожарский представляются бунтовщиками против законного их царя Владислава, и Сигизмунда. Завтра это дело решится.

23 января

Ни от Валуева, ни от Долгорукова, ни слуха, ни духа. Есть попытки de ridiculiser l'adresse de ce bon Odoewsky — l'idée est assez ingénieuse *****, только не с тем схватились, посмотрим!

26 января

Поутру у меня Серов. В крайности — жена родила — нечем заплатить и бабке, и акушеру — мать умерла, не на что похоронить. — Письмо его об этом я отдал Борху.

Завтра дают «Юдифь»; может быть выпадет ему рублей сто из сбора.— К сожалению, сегодня появилась неблагоприятная статья Кюи, подписывающегося *** в «Спб Ведомостях»; здесь и выражение мнения Стасова, хотя он и помирился с Серовым; по случаю смерти матери Серова, Серов пришел к нему на мир. Но прежние мои отношения к нему, говорил Стасов, никогда не возвратятся.

---

* Я надеюсь, что не будут применены строгости, так как это создало бы только ореол мученичества.

** Чтобы лишить надежды тех, кого вдохновляют из Петербурга.

*** Горячности, вызванной теперешними обстоятельствами и преувеличенным патриотизмом.

**** Вы проповедуете обращенному.

***** Представить смешным адрес этого простака Одоевского — довольно остроумная идея.

Стасов дает мне свои изыскания по части музыки в полное распоряжение Разумовского и мое. У него вся история переложения крюков на линейные ноты.

Стасов возвратил мне отрывок издания Orlando di Lasso, но с тем, чтобы после моей смерти это издание сделалось принадлежностью имп. Публичной Библиотеки.

У вел. кн. Константина Николаевича. Весьма жалеет о московских происшествиях. Это попытка не первая (б. Тульская, Тверская) и везде являются те же лица и то же намерение: крепостничество.

29 января

При рассмотрении (до меня) устава Музыкального общества Антон Рубинштейн требовал, чтобы внесено было в устав: «ввести всю петербургскую дирекцию в главную дирекцию, а из Москвы прислать Николая Рубинштейна». Оболенский спросил: как? так и внести в устав Николая Рубинштейна?.—«Так и внести», отвечал Антон. Каншин требовал также введения всей петербургской дирекции в главную, а от других отделений допускать делегатов лишь по делам того отделения. От петербургской дирекции было шесть предложений, и ни одно не мотивировано.

Оболенский, видя, что Каншин не мотивирует своего предложения, мотивировал его так: мы по праву или без права имеем власть в Обществе и хотим ее сохранить. Каншин согласился, что это точно так. Они измучили Оболенского — в 5 заседаний не могли ничем кончить, а было одно пустословие; словно, московское дворянское собрание и наш будущий парламент. Относительно последнего, кажется, правительство хочет выразиться решительнее. Я предлагаю передать в Сенат в виде законодательного вопроса.

30 января

Сегодня появился рескрипт государя к министру внутренних дел по поводу происшествий московских.

31 января

На музыкальном чудном вечере у Абазы, она никогда еще так дивно не пела; Рубинштейн, Венявский, Давыдов.

1 февраля

Надобно заставить московских дам собрать пеленки для сына Серова.

У Серова в 4 этаже; письмо от Бианки о постановке «Юдифи» в Москве; поговорить с Неклюдовым — Борх согласен.

У Валуева. Я сказал, что после рескрипта я не нахожу заявление со стороны дворян возможным, ибо всякое будет иметь вид поправки, протестации и проч. т. п.

Смирнов третьего дня говорил: «как мы в Москве нашалили»... — «Правда, — сказал я, — но щастливы вы, что меня не было в собрании».—«Я, впрочем, протестовал против адреса и не подписал его».—«И хорошо сделали». — «Я собираюсь ехать опять на выборы — как вы думаете?»—«Не советую».

5 февраля

Уверяют, что я ездил в Петербург за владимирской звездой и за первоприсутствием — хорошо, что случайно и то и другое прошло прежде моего отъезда.

8 февраля

Сегодня в 10 часов в Сенате — где впервые первоприсутствовал.

19 февраля

Вечером собрались у меня: Калачев, Победоносцев, Лебедев, Колюбакин, Дим. Самарин, Гончаров, Орел, кн. Дим. Долгорукий с женою, Тимирязев Федор, Соллогуб с женою и дочерью, Соболевский — я устроил род medianocche * и мы выпили за здоровье государя и в честь 19-го февраля. Спорам о поступке Орлова-Давыдова (которого, впрочем, все называли ослом) по требованию его в полицию на очную ставку — конца не было. Колюбакин между прочим сказал, что он сам слышал следующие, явственно произнесенные Орловым-Давыдовым слова: «Я имею причины... (оратор остановился и потом продолжал) — я имею сильные причины думать, что наше ходатайство будет иметь успех». Эти слова сильно подействовали на слушателей.—Келейные на ухо сообщения были еще положительнее... Соллогуб утверждал: нарушена святость договоров; мужики вместо 6 000 р. заплатили мне лишь 80 р., мировые посредники не делают ничего для принуждения. И употребил против меня следующий аргумент: у тебя нет земли, ты не помещик, следственно, не имеешь права говорить о постановлениях московского Дворянского собрания.— Я отвечал: «если бы в московском Дворянском собрании шла речь о неплатеже оброка, о бездействии посредников и о мерах против того, то я, как неимеющий земли в России, не счел бы себя в праве говорить,— но речь шла о конституции, о главенстве дворян, называли всех несоглашающихся с предоставлением помещикам вотчинной полиции, изменниками сословию и отечеству — тогда я и счел себя в праве подать голос». Тимирязев заметил, что и прежде дворянские доходы шли не лучше, — и что жалобою на финансы прикрывается лишь настоящее негодование на отмену крепостного состояния. Что дворяне сделали в Редакционной комиссии? они не искали способов к улажению дела, и только настаивали на помещичьем праве.

23 февраля

Давыдов рассказывал разные сцены московского собрания. На предварительном совещании у Пушкина Давыдов говорил против проекта адреса— и половина полутораста присутствующих была с Давыдовым согласна; но на завтра Орлов-Давыдов увлек всех. Расчет был прежде такой: не будет принят проект — все равно; но приступ сделан, comme un mineur, qui detache par petites parcelles de la roche qu'il veut attaquer **. Но речь Орлова-Давыдова дала надежду на принятие. Словом, хотели пошутить. А между тем купцы сильно негодовали; на масляной мужики делали складчины, чтобы войти в балаган; недостало у них денег на места — «пойдем лучше выпить косушку», сказал один. Паяц, следивший за этой историей, закричал им: «Ге, ге, да вы точно дворяне, думали думу, да остались вот с чем» (показывая руками нос) — и общий хохот.

25 февраля

В городе слухи, что мы не ладим с Франциею, ибо стараемся о мире в Америке, что от того государь не поедет и в Ниццу и встретится с императрицей в Германии и проч. т. п. Что Михаил Николаевич из Кавказа переводится куда-то.

[*9 марта*]

В Коломне крестьяне послали адрес к государю, где посреди выражений признательности есть фраза, которую мне пересказывают разными

* Розговенье в самую полночь.

** Как рудокоп, откалывающий по маленьким кусочкам от скалы, которую он хочет одолеть.

образами, по которой мысль: «дворяне московские что то замышляют против государя, — нас много, очень много, — повели, государь, и мы их уймем». Говорил я ослам, что они дождутся такой демонстрации, которая будет позначительнее ихней. И какое затруднение для правительства! Не отвечать нельзя, а как отвечать? оттолкнуть это заявление—невозможно и неполитично; и одобрить нельзя. Экую кашу заварили верьховники. А между тем в гласные крестьяне выбрали 18 дворян.

14 марта

Н. Рубинштейн не мог быть у меня; он занемог после дирижовки «Реквиема» Шумана в пятницу — так эта музыка подействовала на его нервы, что вообразил себе, что этот «Реквием» по нем и что он должен умереть.

За обедом я предложил тост за нашего сородича и по музыке и по племени Лауба. Потом за свадьбу «Юдифи» с московским театром и новорожденной «Рогнеды» — здоровье Рубинштейна, занемогшего нервами от дирижовки Шуманова «Реквиема».

Народная черта. Спросили у мужика: что лучше — украсть или оскоромиться в середу или пятницу. Мужик задумался. Конечно, сказал он, украсть большой грех — но уж лучше украсть, чем душу опоганить!!! Какой предмет для проповеди!

17 марта

Варв. Дим. [Арнольди] сообщила мне нелепые слухи, которые ходят обо мне в Москве: о моем доносе и с именами государю. Это все моя статья, которой я не мог напечатать. Необходимо хоть налитографировать ее. Позволят ли?

21 марта

Клевета на меня растет и множится — а между тем Щербинин мне сказал, что готов мою статью обеими руками подписать,—а позволить налитографировать не может.

22 марта

В физической аудитории университета на чтении в пользу студентов—но ни одного билета даже стоять — зала была набита битком и потому в концерте кн. Юрия Голицына; его увертюра сшита из трех мелодий, несвязанных между собою контрапунктными сопряжениями. Переложения Ламакина русских песен почти без септаккордов хороши, но несколько сухи, по недостатку разнообразия в аккордах. Но все это благо, ибо вытеснит российские романсы и другую варламовщину. Серов сказал, на мое замечание, что русский романс то же, что итальянские щи, или французский квас. Голицын — прекрасный дирижер.

Говорил Давыдову о клевете на меня взводимой, и обещал ему экземпляр моей статьи.

25 марта

Сегодня ответ Каткова на страшную статью Жемчужникова в «Дне». Указание на какие-то неизвестные факты, на Варшаву и Калугу, ни сколько не относящиеся к Жемчужникову; затем о «Географии» Даниеля, рекомендуемой в журнале министерства народного просвещения, где Виленская, Подольская и другие губернии называются «Королевством Польским». Что за нелепость! Говорят, что книга переведена поляком.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

30 марта

У Эдгара Поэ много сходного с моими молодыми произведениями,— я фантастизм, и анализ.

Грустно.

[*7 апреля*]

Прочел я нечаянно у Андреева последний телеграмм из Ниццы, оканчивающийся страшными словами: опасность возрастает—подписали: Здекауер, Шестов и еще два медика.

У Островского и талант и фантазия; но он смешивает эпическое с драматическим. Прекрасна идея сна преступного воеводы Шалыгина возле колыбели невинного ребенка, — но на сцене оно ничего не выговаривает. — Фантастическое существо домового, являющегося р е а л ь н о, на сцене, мне кажется большой ошибкою; платье, походка актера убьет фантастизм и может быть смешным. Я советовал домового вывести посредством зеркального отражения или китайского фонаря, — но ему надобно реально сбить шлык с старухи. Он выходит с фонарем; я советовал по крайней мере сделать фонарь, разделенный на две половины: так, чтобы в стороне, обращенной к зрителям, было бы стекло обыкновенное, а в стороне к актеру — голубое, так, чтобы отсвет отбрасывался на его лице, которое от того должно сделаться бледным.

12 апреля

Телеграмма о кончине наследника — что за горе! каково должно быть бедному государю!

15 апреля

Телеграмма о смерти Линкольна — ай да плантаторы, чего доброго, наши плантаторы еще назовут южан молодцами.

[*18 апреля*]

Нигилисты на площади Кремлевской — на манер раскольнических прений. Проповедуют крестьянам о недостаточности данной свободы. Какой-то юноша (по рассказам) связал крестьянину руки и спросил: «волен ли ты?»— «Нет», отвечал крестьянин; он отпустил немного веревки: «а теперь волен ли?»—«Нет»; отпустил еще больше, но так что руки все оставались связанными. «Ну теперь?» — «Все нет». — «Ну, так вот, я сделаю, что будешь совсем волен», и с этими словами совсем развязал руки. «Вот теперь ты волен — можешь махать руками на обе стороны, и дать кому хочешь зуботычину». Этого мало; завели речь о вере — крестьянин стоял за веру. «Хорошо,—сказал нигилист,—с верою ты думаешь все возможно — сдвинь же Кремль в реку». — «Этого нельзя», — отвечал крестьянин. «А вот я так могу — положу бочку пороха под четыре конца — и повалится Кремль». Любопытно здесь вот что: действительно ли так было, или это есть ловкое изобретение крепостников.—Им бы хотелось и испугать правительство и вместе подать повод к маленьким бунтикам для подкрепления своих проповедей.

30 апреля

В Общем собрании, где как всегда — испортил несколько унцов крови — все заседание шум, хождение и болтовня — срам и позор, что я выговаривал громко, — всякий отдельно соглашался, что ни на что не похоже, — и опять сам участвовал в шуме.

9 мая

Замечательная статья о злодее Кунцевиче (Иосафате), епископе Полоцком, убитом в 1623 г. в Витебске раздраженным народом — и ныне канонизированном в Риме 2 мая 1865—в «Journal de St.-Pétersbourg» 1865, vendredi 7/19 mai № 101.

17 мая

Соф. Фед. Тимирязева была свидетельницею следующей сцены: сосед их, ремесленник, постоянно пьяный, выбежал на улицу, махая дубиной; полиция его взяла, связала, ибо он сопротивлялся, и посадила на дрожки. Вдруг является хорошо одетый господин; дает две пощечины хожалому и приказывает развязать буяна, что и было исполнено, и господин ушел. Хожалый испуганный прибежал к Тимирязевой и просил ее, как свидетельницу, заступиться за него, если будет жалоба обер-полициймейстеру.

[*25 мая*].

Говорят, что император Николай был уверен, что в качестве помазанника божия то, что являлось его мысли на молитве, было вдохновением самого бога. Таким путем он отправил Меншикова в Константинополь и не хотел верить, что англичане и французы атакуют Крым. «Химера», говорил он тем, кто предвидел эту случайность. Неудачи в Крыму поколебали веру Николая во вдохновение божие и эта мысль отразилась жестоко на его железном организме.

28 мая

Дим. Ник. Свербеев рассказывал характеристическую черту времени про гр. Закревского. Нужно было по опекунству что-то заложить, чего нельзя было по закону. «А вы все таки заложите», говорил Закревский. «Но опека не позволяет». —«А вы все таки заложите».—«По решению Палаты...»—«А вы все таки заложите», и на том и стоял.

29 мая

Обедал в клубе, где бросились ко мне Ив. Серг. Тургенев, Анненков, Маслов, Арапетов.

4 июня

Сенатские чиновники выдумали следующую штучку: они уже не могут ручаться просителям, что проведут дело так или иначе, ибо надзор наш по 8-му департаменту очень силен и положителен. Но по ходу дела, по известному им вообще образу действий сенаторов влияющих, они могут до некоторой степени предвидеть существо резолюции. Это предвидение они и продают тяжущимся, уверяя их, что они так направят дело, и как исход оправдывает их предвидение, то они не теряют доверенности тяжущихся. Очень им неприятны и предварительные доклады, и чтение сенаторами записок, и их собственная справка с подлинными делами.

8 июня

Новая острота, приписываемая Меншикову. Кто-то сказал: «Кауфман— значит купец». «Да еще какой купец—прибавил Меншиков—из Милютиных лавок».

13 июня

Вертели стол — вследствие книги «Tables tournantes» * par Ag. Gasparin, но ничего не вышло.

---

* «Вертящиеся столы».

19 июня

Аласин — который просил уже никого, кроме его, не приглашать к делу устройства печатания крюков типографским путем.

Он мне сказывал, что употребив многие тысячи рублей на устройство изобретения его русской фотографии: фото*лито*графии, он получил от генерал-губернатора извещение, что министр внутренних дел запретил даже о п ы т ы по сей части — правда, в п р е д ь д о н о в о г о з а к о н а о к н и г о п е ч а т а н и и, между тем образцы фотолитографические Вадова находятся на выставке!!.

Что за история! Боятся ли подделки ассигнаций — но подделка Неожитова пятипроцентных билетов посредством прибавления нулей даже в водяных знаках показывает, что у мошенников под рукою не одна фотолитография, которою между прочим нельзя воспроизвести водяных знаков.

20 июня

Титов показывал мне письмо Шницлера, который готовит к печатанию книгу «La Russie après l'emancipation des paysans» *. В вечернем нумере «Journal de St.-Pétersbourg» любопытная речь Мурчисона о нелепости английского предположения видов России на Индию — чего первый шаг — завоевание пограничной линии Коканцев (на 400 миль от Кашемира!).

23 июня

Баумгардт — из Тамбовской губернии. Говорит, что несмотря на содействие земской полиции дороги невозможны; нет у Козлова ни въезда, ни выезда; город на горе, под горой с обеих сторон камни — остатки разрушенной мостовой и грязь по колено лошади. Город торговый — отпускается сало за границу, но у богатых купцов одна забота—лить колокола; о путях сообщения никто и не помышляет. Говорят, что мешало ведомство путей сообщения; оно вероятно, город отпускал деньги, путейские крали,—город привык к отсутствию путей сообщения.

24 июня

Сушкова, Catherine Тютчева, Сухотин, читавший «Довольно» Тургенева — спор их с Новиковой sur l'adoration des superiorités—«on ne se prosterne que devant Dieu», ** сказала К. Тютчева. Я прочел начало моего ответа «Недовольно».

5 июля

Любопытно, что полиция, заметив, что провал у Крымского моста мешает проезду, принялась засыпать его — из нужников! О, Москва! О, многообширное и безобразное ничего неделание. Моя записка имела следствием лишь ответ мне полицеймейстера Дурново, что о провале сообщено Думе. Провал существует с 22-го июня.

11 августа

Милютин говорит: поляки в продолжение 40 и более лет смотрели на нас, как на м е д в е д я, правда — но с которым ч е л о в е к, о д а р е н н ы й у м о м (т. е. поляк) всегда может справиться посредством своей интеллигенции. Надобно их уверить, что и москаль не лишен интеллигенции. В течение одного *** в Варшаву прибыло до 320 русских, так что уже составилось русское общество.

Русские платили доныне Польше дань около 2 милл. вот как: в Польше издавна существовала пошлина на ввозную соль (в Польше нет соли, кроме

* «Россия после освобождения крестьян».

** О низкопоклонничестве перед высшими — преклоняются только перед богом.

*** Пропуск в подлиннике.

местечка Цехамка, где ванны и то дурные) — от которой в Польше соль была 1 р. за пуд, когда в России 40 к. Чтобы сложить эту тягость с народа, русское правительство понизило пошлину и приплачивало от себя миллион рублей, сверх того пониженная пошлина до миллиона же оставалась в пользу Царства. Лишь теперь государь отменил эту дань в пользу поляков.

Графиня Потоцкая (Александра), не хотевшая даже ехать к вел. кн. Алекс. Иосиф. — теперь виляет хвостом перед Милютиным, напоминает о родстве по гр. Киселеву — была несколько раз у Милютина, послала к нему своего глупого мужа, так что Милютин должен был отдать ей визит. «Je suis femme», говорила она, «j'ai été entrainée et j'ai payé des deux cotés.»— «Peut-être d'un coté plus que de l'autre», заметил ей Милютин. «Je ne sais pas, je n'entends rien aux affaires, — mais je sais que je suis ruinée» *.

При представлении многих поляков к Милютину, один выждал выхода всех, чтобы сказать: «Monsieur, sachez que c'est moi le premier, qui a denoncé ces messieurs **».

26 августа

Приехали Милютины — Николай Алексеевич обедал у меня с Соболевским и остался весь вечер вместе с Марьей Агеевной. Толковали о Польше и о предстоящем в ноябре для нас рекрутском наборе. Милютин полагает, что будут побеги и другие затруднения, но большой тревоги не будет. Царство должно поставить 16 тыс.

1 сентября

Милютин пригласил сегодня в Малый театр на «Мишуру» Потехина. Какая недоделанность у всех наших талантов — всякое действующее лицо у них является только б о к о м — сыграна была превосходно.

Милютин у нас — наш разговор с Марьей Агеевной о женщинах — я утверждал, что женщина может быть всем: медиком (и лучше мужчины), адвокатом, профессором, но никогда судьей.

2 сентября

Обедали у Милютиных—с ними и с Ани в Большом театре, в ложе Неклюдова, на «Аскольдовой могиле» Верстовского, которой я не слыхал лет 20. Как жидка и бесцветна эта музыка после «Жизни за царя»—вместо русского характера постоянно genre romance, не смотря на несколько счастливых мотивов.

3 сентября

В общем собрании — новое расположение стола в длину залы — боюсь только чтобы с нами не совершился квартет Крылова.

5 сентября

После обеда Милютин — Ник. Алекс., Колюбакин, Орел, Соболевский — и я проспорили до 3-х часов ночи. Дело шло о польской национальности. Милютин говорил, что все, что не шляхта — за нас или неутрально, но ни в коем случае за шляхту, которая выдает себя за Польшу. Крестьяне даже не называют себя поляками, но мазовяне, кракусы и т. д., все остальное называют панством, — и теперь просят только об одном, чтобы им не посылали чиновников поляков. Есть шляхетские деревни и возле — крестьянские. Между теми и другими есть некоторое различие в покрое платья, но во всем другом они стоят на одном уровне; между тем вот какие мысли всасываются

* Я женщина, я была увлечена и заплатила обеим сторонам. — Может быть, одной стороне больше, чем другой... — Я не знаю, я ничего не понимаю в делах,— но я знаю, что я разорена.

** Сударь, знайте, что я первый выдал этих господ.

шляхтичем с молоком. Чиновник, посланный Милютиным для какого-то дела, остановился в шляхетской деревне, и, говоря хорошо по-польски, шутил с шляхтичем лет 12-ти и советовал ему идти в военную службу, говоря, что он может быть офицером. — «Вот какая важность быть офицером — когда мой дедушка мог быть королем», — отвечал мальчик Такая фантазия никогда не придет в голову польского крестьянина, отсюда презрение шляхтича к хлопу, к быдлю. Католицизм лишь часть повстания: партии от Чарторыжского до Мерославского бесчисленны и ненавидят друг друга более, нежели русских. Следственно, мы боремся не с нациею, даже не с партиею, а с диким фантомом избрания в короли — здесь источник сочувствия шляхетства к восстанию, т. е. до 300 тыс. человек, когда 2 800 000 чел. нисколько ему не сочувствуют. Нелепость этого фантома уже чувствуется; Белеговский [Велегловский], издававший газету в Кракове, ни сколько не сочувственный России, доказывал ежедневно невозможность польского государства — его отравили в июне 1865 г.

В это же время в Варшаве одна русская дама получила от польской на наших раненых корпию (будто оставшуюся от повстанцев) и которая по исследованию оказалась отравленною.

8 сентября

Обедал в клубе и читал газеты. Отдал Тютчеву записку о книгах, кои желаю написать. Каткову сказал, что мы разошлись в направлениях, ибо он взял сторону феодализма—он отвечал мне, что настоящие феодалы теперь — мужики.

9 сентября

В Большом театре с Милютиным и Ани на «Воеводе» Островского. Что за талант и что за неумение распоряжаться своим талантом! Два акта сряду действующие лица дремлят и спят.

22 сентября

Письмо от Серова — он в отчаянии, что поставили «Юдифь» без него; в «Антракте» (Э.) и в «Современной Летописи» (Цертелев) глупейшие и невежественные статьи об «Юдифи». Буду отвечать им от лица Олоферна.

В «Московских Ведомостях» снова утверждение о получении «Голосом» субсидии — и снова без доказательств. Что это за безобразие!

25 сентября

Замечательная статья в сегодня полученном «Голосе» о бурсацкой нашей литературе по поводу книги Помяловского «Бурса».

4 октября

В Опере «Жидовка» — Радонежского бенефис. Он играл кардинала (назван в афишке каким-то президентом) — пел порядочно, но не решительно, ибо плохо знает такт, особливо в синкопах — и бьет такт ногою.

5 октября

Успел пробежать замечательную книгу Стебницкого: «С людьми древлего благочестия». Раскольники считают за грех помогать роженицам. Цель Стебницкого: раскольники никогда не будут фурьеристами, овенистами и проч. как надеялись бурсаки.

Сегодня Д. Н. Свербеев напомнил мне, что я говорил в середу в клубе о безвозмездности. Я утверждаю, что жалованье не имеет ничего унизительного, что оно лишь размен услуг, и в этом смысле мы все на жалованьи друг у друга, хозяин у наемщика, купец у продавца, помещики были на жалованьи у своих крестьян, как ныне у своих арендаторов — это последнее выражение было отмечено.

24 октября

Написал правила докладов по 8-му департаменту при гласности.

В театре. «Громобой» Верстовского, которого слушал в первый раз. Он только в этой опере начал созревать. Обстановка великолепная. Встретил Даргомыжского, позвал его в середу обедать.

27 октября

В Сенате. Первое изустное и гласное заседание 8-го департамента после молебна — все на мой счет.

28 октября

У Лебедева для совокупного прочтения записок — он мне показал нежданную мною статью в «Моск. Вед.» — то-то будет мне беда — непременно станут уверять, что я написал ее сам. Хоть бы подарили мне эти господа время на написание.

Писал к министру юстиции по поводу этой статьи, предупредившей мое к нему письмо об открытии.

29 октября

В Сенате первое гласное заседание Общего собрания. Публики было человек 14, между коими две дамы: моя жена и княгиня Долгорукова (Dimitry). Был один тяжущийся по делу [нрзб]. Адвокат Смир-

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО С ЗАПИСЯМИ ОТ МАРТА 1866 г.
Публичная Библиотека, Ленинград

ницкий говорил отлично, хотя сначала и оробел. Чертов (первоприсутствующий) робел больше, по непривычке действовать при публике; забыл даже спросить, есть ли у поверенного доверенность и едва пробормотал что-то, когда следовало публику удалить. По уходе публики он все говорил — «кажется, хорошо обошлось». В первый еще раз в Общем собрании доклад дела слушали со вниманием, да впрочем и не бывало доклада, а просто предлагался вопрос — сенаторы записывали на докладном реестре: следует или не следует — и тем все дело кончалось. По крайней мере теперь сенаторы будут знать хоть приблизительно (даже не читая записок — по обычаю), в чем состоит дело, которое они решают. Жаль, что публику удаляют во время совещаний (когда они бывают в Общем собрании!) и по делам, поступающим по разногласию. Лишь вышла публика — и началась харчевня.

В № 230—октябрь 26 «Полицейских Моск. Вед.» напечатана статья о продаже ротонды, написанная так, что выделяются следующие слова: «корона с надписью закон продается на снос».

31 октября

Получил письмо от Крейца — статья о продаже закона была прислана от Архива инспекторского департамента военного министерства и Крейц не может даже назвать ее опечаткой.

9 ноября

Про кн. Петра Ив. Трубецкого рассказывают между прочим следующий анекдот. Когда он был губернатором, то правитель канцелярии клал ему на стол бумаги с листом, на котором последовательно были написаны резолюции по каждой бумаге. Раз дети Трубецкого перемешали приготовленную кипу, свалив ее на пол: гувернантка подобрала и аккуратно положила на стол, прикрыв их заветным листком. Кн. Петр Ив., любящий быстроту, разом переписал все заготовленные резолюции на бумаги, ему положенные. Кипа отправлена в канцелярию и роздана по столам. Что же оказалось? На бумаге земского суда красовалась резолюция: рапортовать об исполнении, на бумаге из Сената — послать строгое понуждение и так далее в таком же роде. Принуждены были отобрать все бумаги у столоначальников и отнести их к губернатору — на переправку.

8-го замечательная статья в «Голосе» — о поджогах и пиромании в ответ «Моск. Вед.» и «Сев. Пчеле» — также о немецком ремесленном обществе в Петербурге «Пальма».

11 ноября

Разнесся слух, что сенатор Жданов, посланный для следствия о симбирском пожаре и открывший зажигателя в поляке — полковом командире, уличенном солдатами, — умер отравленный.

16 ноября

У Победоносцева. Вот подробности. Меня обвиняют в речи, которой я не произносил, ибо моя р е ч ь была в общем смысле, т. е. разговор с знакомыми, а не речь в полном смысле ораторская, с сенатского места.

В том, что я поставил столик для тяжущихся — в этом грешен, ибо лучше им знать определенно, где остановиться, а не бродить по сенатской камере.

В том, что я переменил место стола — грешен, но вместе со всеми товарищами (кроме кн. Урусова), с которыми мы собственноручно передвигали столы несколько раз, по тому соображению, что первоприсутствующий должен в и д е т ь и тяжущихся и публику для наблюдения порядка, чего ни задница, ни бок видеть не могут.

В том наконец, что я принял слишком горячо закон 11-го октября, когда он только игрушка — грешен, и думаю, что если он и игрушка, то мы не должны думать, что он игрушка, а кольми паче давать чувствовать публике, что в законе, возбуждающем общее сочувствие, мы видим только игрушку.

Даже в том, что я употребил свои деньги на отделку камеры!

«На Москве стоит скотство великое, — писал я к Победоносцеву, — и если оно сочетается с петербургской флюгерологиею, — то дело плохо».

17 ноября

Раевский обещал мне прислать чрез Жомини сербские мелодии, собранные по моей мысли Станкевичем [Станковичем] и посвященные им государю. Дозволение посвятить пришло после смерти Станкевича.

19 ноября

В Сенате в Общем собрании до 3½, так что не успел выслушать предварительного доклада на понедельник. Публики человек 18, в том числе 3 дамы. — Патон, который и до сих пор уверен (после 11 октября), что в Общем собрании не должно быть обсуждения — я заметил ему, что если так, то не за чем удалять публику, а мы можем докладные листы подписывать молча. В отсутствие публики, как всегда, Содом и Гомор.

21 ноября

Здекауэр написал статью о мерах предотвращения холеры, которую сегодня мне прислал.

Сегодня Д. Н. Свербеев привез к жене записку, в которой извиняется, что позволил себе ссору у нас в доме, — мы просто тут ничего не поняли: вышло, что у них размолвка с Юр. Самариным, чего мне в голову не входило, — разговор шел шуточный, хотя и спорный, об аристократии, — в одну минуту они стали говорить между собою шопотом, — я отодвинул кресла свои par discretion *, тут то кажется между ними что-то и вышло.

Свербеев на повторения Самарина, что Свербеев участвовал в «Русской Беседе», сказал в сердцах: «c'est bête, cette plaisanterie prolongée, je suis trop vieux pour servir de plastron» **.

[*30 ноября*]

Утверждение Фогта о том, что барометрические лягушки выходят, когда есть солнце, и прячутся, когда дождь, словом, не предвещают погоды, противоречит многократным моим наблюдениям и, наконец, следующим:

29-го около 11-ти часов пополудни — был градус тепла, погода пасмурная и снежная, но лягушки выскочили н а в е р ь х.

30-го утром 14 градусов мороза и солнце. Ergo: п р е д ч у в с т в у ю т.

4 декабря

Болен — никуда не еду — хотя Варварин день.

«Голосу» сделано предостережение и довольно крутое за несколько нумеров. — В петербургском земском собрании — речь о центральном земском собрании — и о расширении прав земких собраний — когда еще не знают, справятся ли с тем, что уже дано!

5 декабря

Наконец прочел пук газет. О польском деле столько же мнений, сколько голов. Одно мне кажется верно: для спокойствия России и Польши необходимо неутрализировать шляхту, как неутрализуют кислоту, прибавляя

* Из деликатности.

** Это глупо, шутка слишком затянулась, я слишком стар, чтобы служить шутом.

к ней щелочь; эта щелочь — перетасовка землевладельцев русских с польскими. Речь Кауфмана тем хороша, что определительна и показывает, что правительство решилось выдти из мира полумер.

[*18 декабря*]

Сильный разговор идет о циркуляре цензорам о Прибалтийском крае и ответе на него в «Моск. Вед.» 17-го.

19 декабря

У Калачева (в Садовой, в Каретном ряду, против Пимена, д. Высоцкого) на Комитете изданий Общества Русской Словесности.

Читали заявление Новоструева [Невоструева], настаивающего на том, чтобы при издании народных песен очищать их от всего кощунственного, безнравственного и проч., чтобы представить народ наш лишь с похвальной стороны.

Познакомился с Поповым. Котляревский собирается ко мне.

Свез в Комитет объявление Орла о начавшемся печататься его Всеславянском словаре, и объявил, что за тем мое предложение об издании параллельных словарей русско-польско-чешско-сербских оставить без последствий, чтобы не помешать Орлу-Ошмянцеву, но помочь ему, если нужно будет.

Сводил мои домашние ращеты. Дело в том, что при возрастающей дороговизне на все, нам почти нельзя свести концов с концами, сколько мы ни обрезали себя в издержках. На людей, содержание дома и отопление, не считая ничего более, по счету жены нужно 280 р. в месяц, а я ей могу дать на это *лишь* 200.

20 декабря

В Сенате с 10 до 5 часов. Любопытная канцелярская черта. Подписывая 2-ю часть журнала 2-го декабря, я заметил в конце обыкновенную приписку: «вышли из присутствия в час пополудни», когда мы остались до 4½. На вопрос мой старому нашему протоколисту Карамышеву о такой неверности, он отвечал: «да так уж заведено — нам был приказ не писать дальше часа» (т. е. когда выходили и в 12 — молодец был тот секретарь, который отхватывал все дела от 11 до 12). «Да вы видите, Григорий Васильевич, что теперь уже не то». — «Извините, ваше сиятельство, отвечал он, — ведь так уж привыкли — 17 лет я в Сенате — и никогда позже часа присутствие не оканчивалось». Однако я принял меры для уничтожения этой патриархальной трафаретности.

26 декабря

Обед у меня для Куртина. Даль, Вельтман, Орел, Свербеев, Николай Елагин, Соболевский, Соф. Корнилова. За обедом я сказал почти следующее: «Позвольте вам, господа, предложить выпить рюмку вина в честь дружбы между Америкой и Россией. Нас сближают не одни материальные интересы, — есть связь внутреняяя: тоже необозримое пространство, тоже многоразличие климатов. Вы освободили негров, государь наш освободил крепостных. Вы уняли американскую шляхту, мы уняли польских плантаторов...»

30 декабря

Анекдот, рассказанный Матычининым о богатом мужике Леоне, у которого он, едучи по Лене, остановился ради бани — в доме из кедров, — которого он пригласил с собою чаю пить, а тот ушел — жена объяснила, что и с домашними он за стол не садится, ибо он нещастный, получил удар кнута и ноздри вырваны: 16-ти лет он утопил девушку, ему изменившую.

Для женитьбы поселенцев Трескин в Сибири распорядился так: по Лене едет паузок с ссыльными женщинами (большею частью 17, 18 лет за детоубийство от стыда), останавливается у селения ссыльных, каждый может избрать себе любую, но тотчас не венчают, а оставляют у него на год и, если сошлись нравами, то через год и женят.

31 декабря

Последний день года,— сколько было работы, а как мало успел сделать такого, чтобы могло остаться после меня. Портфейли наполнены материалами и приготовлениями к работе — когда то может быть возможной, может быть — никогда.

1866 год

3 января

Не знаю, что делать! Неизбежные уплаты в начале января и за квартиру и за заборы,— а выдадут мне деньги (по причине реформы счетной части) лишь 20-го.

6 января

Пуф или нет во вчера полученном номере «Голоса», что парижские ученые утверждают, что земля стала медленнее вертеться.— Не пуф,— в вчерашнем № «Journal de St.-Pétersbourg» см. статью из «Patrie», где ссылаются на Адамса. Земля замедляется каждые сто лет на шесть секунд.

7 января

В Общем собрании. Первоприсутствовал в первый раз кн. Петр Ив. Трубецкой. Трубецкой первоприсутствовал лучше, нежели как можно было ожидать. Порядка доклада не установил, но когда сенаторы во время чтения мнений и предложений министра юстиции заговорили по обыкновению, то он воспользовался моим советом, который я часто предлагал первоприсутствующим; он сказал читавшему секретарю: «остановитесь, гг. сенаторы рассуждают».— И все утихло — правда не на долго.

9 января

Московские слухи. Бахметьев был здесь и неоднократно жаловался Филарету, что против него, Бахметьева, составлен заговор, что я (!) интригую против него и изобрел Комиссию (высочайше назначенную) — и потом уверял, что его Филарет совершенно понял и что он уезжает совершенно спокойный. На здоровье!

10 января

Куртин полагает, что идея основать Мексиканскую империю у Людовика Наполеона была основана на надежде, что Соединенные Штаты ослабеют и разрушатся.

13 января

Дома нашел указ о моем членстве и отношение Головнина о приезде моем в Петербург! А у меня ни гроша!!

Писал Замятнину о моем денежном затруднении — просил назначения мне, что следует по закону командируемому чиновнику.

24 января

В театре на «Мазепе» — Кочетова была удивительна в сцене сумасшествия.— Отзывы публики вообще к опере были неблагоприятны и я удивил сказавши, qu'elle était à la hauteur du «Faust» de Gounod *.

* Что она на высоте «Фауста» Гуно.

31 января

В заседании Общества Любителей Русской Словесности — выбор должностных лиц. Предлагали мне быть председателем — я отказался. Выбрали председателем Калачева; временным — Путяту. В приготовительное собрание Щебальского. О Котляревском целая история. О нем распространился слух, что он под надзором полиции. В прошедшее заседание Степ. Алекс. Маслов начал читать мнение о том, что он 35 лет членом, что всегда члены были люди благонамеренные, но что теперь... ему не дали докончить, Соболевский первый встал, сказав, что он выходит из Общества, если будут питаться подобными сплетнями, — встали и все... и Маслов должен был замолчать, хотя несколько раз принимался дочитывать. Котляревский тотчас отказался от звания секретаря — «по встретившимся обстоятельствам», как сказано в протоколе. В нынешнее заседание члены, не бывшие в прошедшем, хотели знать, какие это обстоятельства. Я заметил, что эти слова относятся к лицу Котляревского, что обществу нет нужды знать, от чего он отказывается, а предстоит одно: выбрать секретаря. Поднят вопрос: просить Котляревского остаться секретарем, — или баллотировать шарами, 12 против 11 решили просить, — но и многие из остальных 11 говорили, что они желают баллотировки лишь для сохранения принципа. — Во время разговора было замечательное слово Котляревского, что Маслов по крайней мере действует прямодушно.

Дело в том, что и легально, и конфиденциально общество, как и всякое отдельное лицо, никак не может знать, кто именно находится под надзором полиции.

10 февраля

В сегодняшнем номере «Моск. Вед.» назначение Поленова, Шахова и Ровинского в московскую судебную палату. Любопытно знать, был ли я на списке кандидатов, представленных государю? Полагаю, что не был. Жаль во всяком случае, ибо я желал бы, чтобы государь знал мою добрую готовность поработать в судебной палате. Может быть это именно позаботились от него скрыть.

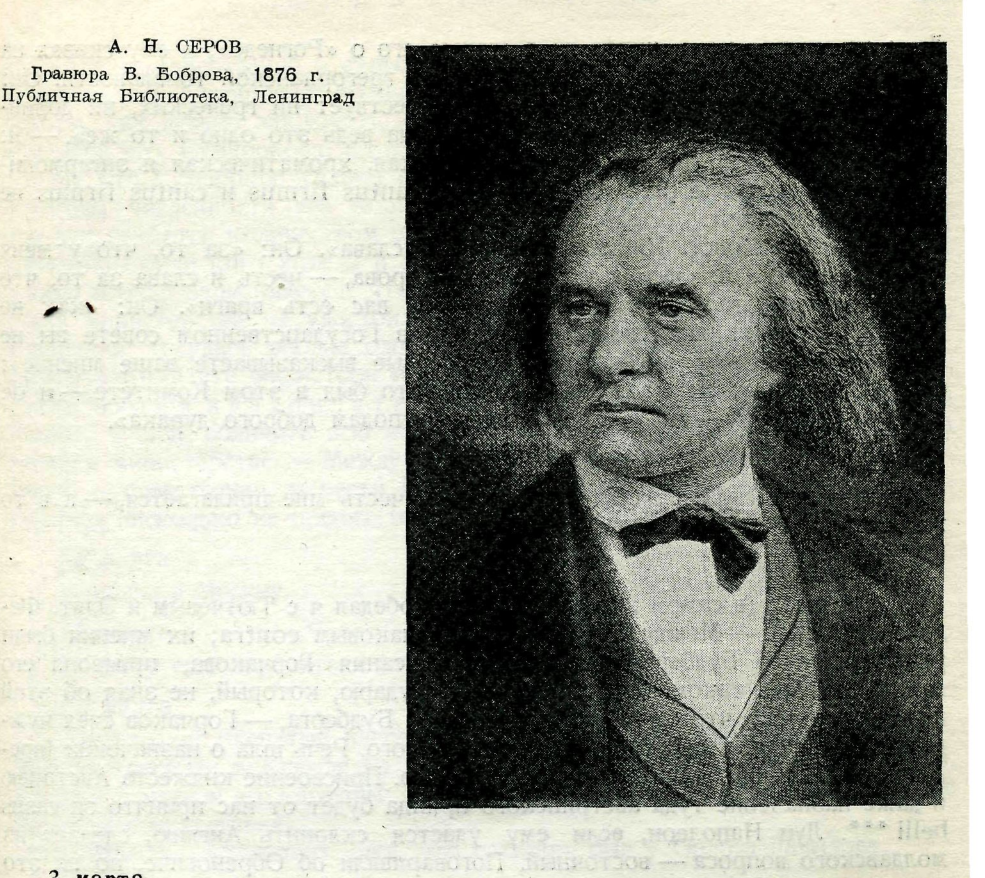
14 февраля

Выезжаю в Петербург с почтовым поездом. Со мной ехал Маркевич. Акцидента на дороге не было — чему удивляются; по длинному мосту едут тихо — он весь на подпорках. В вагоне большие толки, что в магазинах на станции в Москве до 180 тыс. четвертей пшеницы, законтрактованных для отправки за границу и которые не могут двинуться, ибо нет локомотивов; они заказаны числом 20 Вильсону, но в контракте (будто бы) забыли написать, к какому сроку.

23 февраля

Коттен рассказывал: Силичев, почетный директор Училища глухонемых (о коем была хвалебная статья, написанная Селезневым, бывшим письмоводителем в Лицее, ныне директором того же Училища), был человек безграмотный, но сочинял книги об обучении глухонемых следующим образом: Боас — один из библиотекарей императорской Публичной Библиотеки набирал компиляцию из разных книг по сей части, а Селезнев переводил, ни один из троих без всякого изучения сей части.

Суворову была от государя головомойка — от Сената, чтобы он впредь отнюдь не вмешивался в то, что до него не касается; Суворов разбранил свою канцелярию и строго запретил ей вмешиваться в неподлежащие ей дела.



А. Н. СЕРОВ
Гравюра В. Боброва, 1876 г.
Публичная Библиотека, Ленинград

3 марта

Дворянское собрание требует 4-х пунктов: чтобы его представления входили не в министерство, но в Государственный совет или в Комитет министров — при сем по окончании баллотировки многие члены объявили, что они шары положили вместо левой на правую сторону.

Графиня Борх сказывала, что Неклюдов хлопотал о введении итальянской оперы, — и что ее муж только отстоял русскую.

5 марта

Малевский — который спрашивал меня *, действительно-ли возбуждение против поляков так велико в Москве? «Как же вы хотите, чтобы это было иначе, — отвечал я — когда патриотически настроенные газеты только и делают, что поддерживают это возбуждение, и когда ни один поляк не сделал и шагу для сближения». — «Это Мерославский, — отвечал Малевский, — талантливый человек и краснобай, но мошенник, который выдумал отравителей и убийц из-за угла; это он портит отношения, увлекает молодежь и поддерживает в иностранной прессе противные России мнения».

12 марта

На музыкальном вечере у Константина Николаевича (Моцартов квинтет g-moll, «Othello» Мендельсона и Рубинштейн). Человек 40 — меня позвала королева к чайному столу с стариком Литке; в числе приглашенных Серов и, horrendum dicti **, Ленц (!), который все приклеивался к Новиковой. —

* Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.
** Страшно сказать.

Ленц спрашивал меня, читал ли я статью его о «Рогнеде»; я ему сказал на отрез *, что невозможно написать оперу в грегорианской тональности. Он: «т. е. в греческих гаммах». — Я: «не существует ни греческих, ни дорийских и фригийских гамм, но лады». Он: «да ведь это одно и то же». — Я: «нет! есть только три гаммы: диатоническая, хроматическая и энгармоническая — и потом le plain chant не есть cantus firmus и cantus firmus не есть le plain chant.

Я сказал Конст. Ник.: «честь вам и слава». Он: «за то, что у меня такая музыка?» Я: «нет, а что позвали Серова, — честь и слава за то, что славно председательствуете; вы знаете, у вас есть враги». Он: «как не знать!». Я: «они распускают слухи, что в Государственном совете вы не даете никому слова выговорить, что первые высказываете ваше мнение»; Он: «вы видели»; Я: «и очень счастлив, что был в этом Комитете — и de visu et auditu ** — могу сказать этим господам доброго дурака».

13 марта

Сегодня я сказал Замятнину: великая честь мне прилагается, — а в то же время в трактире нечем расплатиться.

15 марта

У вел. кн. (в самом заднем кабинете) обедал я с Тютчевым и Эдит. Федоров [Раден]. — Между Будбергом и Горчаковым contra; их мнения были различны, — но Будберг, исполняя предписания Горчакова, присвоил его мысли себе и в таком виде представил государю, который, не зная об этой контре, написал, что он согласен с мнением Будберга, — Горчаков счел нужным разъяснить, что Будберг был совсем иного. Речь шла о назначении (временном) Бруннова в Париж на конференцию. Присвоение княжеств Австриею и даже назначение туда австрийского принца будет от нас принято за casus belli ***. Луи Наполеон, если ему удастся склонить Англию, сделает из молдавского вопроса — восточный. Поговаривали об Обреновиче, но на это никто не согласится.

16 марта

Тому несколько недель государь ездил на охоту; на железной дороге что-то лопнуло; у кондуктора аппарат для телеграфирования оказался испорченным. Принуждены были послать мужика п е ш к о м на станцию. Так прошло 2 ч а с а! а если бы какое большое несчастие? — стыд и срам нашей арминистрации.

[*20 марта*]

Клейнмихеля спрашивали, что он думает о новых реформах; он ответил: да что это такое! Бывало идешь по улицам — стены трещат, все чувствуют, что есть сила, — а теперь идешь по улице, никто на тебя и внимания не обращает. Только с этой стороны его поражают реформы.

Для ревизии отчета военного министерства государь назначил: Грюнвальда, Сумарокова, Плаутина и Игнатьева (Чевкин отказался за множеством дел). Эти господа обрадовались и распушили отчет и не показавши [Д. А.] Милютину, вопреки обычаю, отправили к государю, который отослал их критику к Милютину для ответа. Некоторые статьи очень забавны. Грюнвальд нашел, что провиантские цены выше коннозаводских. Милютин отвечал: коннозаводство лишь в 3 губерниях, Харьковской и двух смежных, и здесь коннозаводские цены выше цен военного министерства. Остальные

* Далее, до слов: «Я сказал Конст. Ник.», в подлиннике по-французски.
** Увидев и услышав.
*** Повод к войне.

войска преимущественно в самых дорогих губерниях, Петербургской (гвардия) и южных. Сумароков: количество кавалерии несообразно с количеством пехоты, как можно заключить, сравнив с 100 тысяч. корпус, который под командой его, Сумарокова, стоял у границ Австрии. Милютин ответил, — потому что Сумароков только стоял, а если бы двинулся, то увидел бы невыгоды численности его корпуса. Вообще: упадок дисциплины, что доказывается количеством оштрафованных. Милютин: в прежнее время командиры били кого хотели и этому битью списков не велось. Теперь же всякий штраф записывается; что вообще он сожалеет, что ни одно из действий министерства не удостоилось даже равнодушия комиссии, а только порицания: государь вполне одобрил объяснения Милютина, но велел прочитать в Комитете министров и критику комиссии, и ответ Милютина. — Таким образом квадрипатер истуканный остался в дураках. Кажется имелось в виду обличить всю нелепость их тайных нападок на реформы в военном министерстве. — Между тем Сумароков всегда приглашается к вел. князю, — следственно, к чести Константина Николаевича, эти частные отношения нисколько не препятствуют действиям по службе.

24 марта

Приехал в Москву.

25 марта

Не могу еще оправиться от петербургского чада.

28 марта

Тарновский (женатый на сестре Долгорукова) во время заутрени светлого воскресения в Кремле на берегу был схвачен сзади ворами за руки, а другие очистили его карманы; за колокольным звоном и пушками его голос никем не был услышан.

В Москве распускают слух, что государь был у Орлова-Давыдова.

3 апреля

Статья Каткова, в сегодняшнем нумере объявляющего, что не напечатает предостережения, а будет платить штраф по 25 р. за нумер, производит сильное впечатление.

5 апреля

Какой ужас! индо мозг перевернулся. Телеграмму принесли, когда я уже садился в карету ехать в Сенат. Большое апелляционное дело мы отложили до завтра — у меня по крайней мере нехватило бы спокойствия для здравого обсуждения. К счастью, остальные дела были все легки. Мы их кончили до молебна. Иные успели надеть парадную форму, — я успел захватить лишь ленту. Толпа огромная в Чудове. На площади народ потребовал молебствия — и все встали на колена. Колюбакин вне себя — il faut que j'aille à Pétersbourg et que j'y tue quelqu'un — même vorte mari *, — говорил он моей жене. Все обвиняют полицию — за недосмотр — и справедливо.

Новая телеграмма дает мало подробностей. В Москве уже рассказывают, что пистолет был отведен проходившим случайно мужиком. А если бы он тут не случился?? Что же делала полиция? не уж-ли ее агенты не следят за государем? Когда гулял Николай Павлович — до десятка переодетых полицейских не спускали его с глаз.

6 апреля

В Сенате — в 8-й департамент пришел кн. Петр Ив. Трубецкой (надоумленный Шаховым) и принес с собою проект адреса государю, который

* Мне надо поехать в Петербург, убить кого-нибудь, хотя бы вашего мужа.

«он набросал». Члены 8-го департамента поручили мне и Калачеву условиться о редакции — щадя самолюбие автора. После заседания пришел Колюбакин и пригласил меня и Калачева к себе, где я нашел Погодина. Состряпали редакцию в шуме разговоров, сохранив сколь возможно слова Трубецкого, — лишь конец написал я. К Трубецкому, — от него с писцом ко мне, — и около 6 часов работа была кончена. — Потом в Английском клубе, где была баллотировка, на которую я не поспел, но подписал предложение об избрании Комиссарова почетным членом клуба.

Погодин у Колюбакина читал свою статью; я заметил, что не должно сенаторам повторять слова: измена, предательство, — ибо бог знает, как поймет это народ. Впрочем и в адресе московского Сената есть в конце неловкая фраза от поспешности: «от вражеской руки, кем бы она ни была водима». Тут было влияние известия, что убийца — русский, — но если этот адрес напечатают, то бог знает, как публика будет толковать эту фразу *.

7 апреля

В Сенате — говорили, что имя убийцы Млодзиевский, — слава богу, если так. Мысль, что он мог быть русский, даже дворянин, помещик весьма всех тревожит. Возведение Комиссарова в дворянство толкуют, что это — честь, оказанная государем дворянству, т. е. признание важности сего сословия.

[*10 апреля*]

Слухи: вел. кн. Николай Николаевич входил к убийце усовещевать. «Чего вы от меня хотите? я знаю, что меня ждет виселица — я не скажу ни слова».

Муравьев, входя к нему, сказал: «знаешь ли ты, кто я? я — Муравьев». Преступник задрожал. «Даю тебе срока три дня, — спрашивать тебя не буду — я и без тебя узнаю кто ты, но в таком случае тебе будет плохо».

Шапошники давали обед своему прежнему товарищу Комиссарову и предложили выпить рюмку водки — он выпил; стали просить о другой — «нет — отвечал он, — я пить больше не буду; теперь мне нельзя; я должен как свеча гореть» — надоумит ли кто его учиться? **.

Рассказывают, что в Петербурге 4-го апреля кто-то подошел к трем дамам и сказал по русски (!?) «не удалось» — «что же, — сказала одна из дам — промах?» — и дамы исчезли. «Московские Ведомости» говорят о даме (графине Ридигер?!), которая за две недели слышала от польки *** о покушении.

Теперь говорят, что это графиня Ридигер и будто бы она после покушения сказала о том императрице. И Ридигерша могла молчать до того времени??

Преступник, уличаемый многими, все не сознает, что он Каракозов. Послали за его отцом и матерью. Казначеев сказывал, что отец ему сосед — и сумасшедший. С преступника сняли фотографию посредством хлороформизации, ибо он не давался под фотографию, делая гримасы.

15 апреля

Чему приписать отставку Головнина? Говорят, статьям «Московских Ведомостей».

---

* Публика, кажется, не заметила помянутой фразы. [Прим. В. Ф. Одоевского].

** Это поручено Тотлебену. [Прим. В. Ф. Одоевского].

*** 4 мая. Называют гр. Потоцкую (Швейковскую), у которой будто бы нашли в кармане 300 тыс. руб., и которая теперь притворяется сумасшедшей, кусается. [Прим. В. Ф. Одоевского].

19 апреля

Неужели правда, что государь получает анонимные письма с угрозами? Что за ужас? — Сегодняшняя статья «Московских Ведомостей» явно говорит об измене высших властей, но на каком основании? боюсь сатурналий в том или другом смысле.

Кн. Долгоруков обер-камергер и ген.-адъютант — это у нас новость. Кажется, бывало при Екатерине.

Говорят о замене Валуева Зеленым — следственно, о соединении двух министерств, что уже, кажется, имелось в виду.

Каракозов воспитанник не партии, а воспитанник домашних карточных столов, где горюют о невозможности поставить на карту Гаврилку с Дуняшкой; а тут привился и революционириизм или нигилизм — слово необъясненное.

23 апреля

Открытие новых судов — речь Замятнина прекрасная и хорошо сказанная. — Грустно было думать, что когда совершается такое великое дело, всех трогающее (толпы народа были вокруг сенатского здания), — несколько негодяев волнуют и государя и народ. Народ сердит на студентов и при удобном случае колотит их! — Не на университетских скамьях следует искать людей, породивших чудовище, подобное Каракозову, но за карточными столами и за самоварами, где горько сетуют о том, что Дуняшку нельзя втащить в постель, а Гаврюшку поставить на карту.

27 апреля

В Москве начались аресты: взята какая-то Оболенская (но не княгиня), кажется, урожденная Викулина, и брат ее, Алексеев, Воейков — тот, говорят, богатый человек. Не уж-ли это все нигилисты?

Говорят, что Каракозов (если он Каракозов?) во всем признался и просит служить у него обедницы за спасение государя. С другой стороны утверждают, что он ксендз, издавна доставший себе паспорт умершего Дмитрия Васильевича Каракозова. Этим объясняется то, что его признал инспектор московских студентов и знание им (?) языков польского, французского и немецкого. — В Москве арестован доктор, имеющий большую знаменитость, г. Захарин, которого настоящее имя Захарий — он из евреев *.

28 апреля

У Свербеевых, где простился с кн. Ольгой Оболенской, уезжающей в Тверь, где ее муж вице-губернатором. Она мне сказывала, что арестованная Оболенская есть княжна, не употребляющая сего звания по принципу, и что одно из правил нигилистов не быть опрятным. Что за гадость, особливо если они живут с мущинами в плотском соединении; от них должно вонять нестерпимо.

4 мая

Стояновский мне сказывал, что арестован Маликов, бывший судебный следователь, который нас с Победоносцевым так разжалобил своими письмами. Что это? донос ли врагов его или в самом деле он соучастник? Кому теперь можно верить? Он, кажется, уже был определен по министерству юстиции.

Говорят, что у кого-то нашли фотографию или литографию Комиссарова и возле него ослиную голову. Стало быть следствие еще не напало на настоящий след. Говорят, что на одной карточке нашли подпись фотогра-

* 29-е. Это московская выдумка, Захарина не брали. [Прим. В. Ф. Одоевского].

фии Ларионовича. Кому могла придти в голову беспредметная глупость? для чего она? для того ли, чтобы сердить народ? чтобы заявить, что мы-де еще существуем? или это просто глупая злоба поляка? *

Не поэтому ли случаю полиция отобрала из магазинов все карточки так наз. волшебных фотографий, где фотографии воспроизводятся каплею воды?

[15 мая]

В «Голосе» и в «Journal de St.-Pétersbourg» знаменательный рескрипт 13-го мая. Весь вопрос в том, как он будет исполнен? Главные его пункты: вера, семейная жизнь, уважение к правительству, право собственности. Как проникнуть туда, где все это наиболее нарушается, — т. е. в домашней среде?

Не должно мучить ученье, тем люди отучаются от науки, — а наука нужна — и как нужна для России!

Рескрипт 13-го мая, говорят, был писан Паниным.

Орел-Ошмянцев арестован. Что бы это могло значит? человек, не только любящий государя, но и всегдашний порицатель всякой оппозиции! Тут что-то весьма странное и непонятное.

Арестуют весьма много и чрез несколько времени выпускают; но между студентами многие лишаются уроков, ибо никто не захочет взять заподозренного. Все это производит тревогу и волнение.

22 мая

Точно так же, как до 19 февраля 1861 г. крестьяне в каждом акте правительства искали намека на свое освобождение, так теперь помещики ищут в каждом правительственном акте восстановления крепостного состояния.

Любопытно было бы посмотреть в архивах III Отделения под 1861 годом, что и кем говорилось в то время. Многое настоящего времени нашло бы там разгадку.

Что за чушь несет московская публика, всего не упомнишь и к стене не прислонишь. Посреди самородной нелепости есть явные признаки слухов, распускаемых нарочно врагами Константина Николаевича. — Очень характерен, например, следующий ходячий вопрос: от чего принцесса 4-го апреля пошла в Государственный совет, а не в Зимний дворец?.. Николаю Милютину пророчат падение. Словом сатурналия полная и раздувается какими-то вожаками. Чего не придумывают! Напр., что Конст. Ник. ходит переодетый прислушиваться к народным об нем толкам и слышит про себя самые оскорбительные слова. Хороши наши крепостники—мстят изрядно. Но плохую шутку они шутят.

26 мая

Никогда не забуду схода по Красному крыльцу, — площадь покрытая головами, неумолкаемое «ура» по обоим сторонам подмосток, усеянных цветами, по которым мы шли. Солнце, звон, мысль об освобожденном народе, о новом судопроизводстве — и наконец мысль о злодеянии Каракозова — все это вместе производило чувство невыразимое. Мы шли с Вяземским, — он — слепой, я—слабоногий, «и ты, нещастлив, дай же руку», сказал Вяземский, и мы сходя с Красного крыльца поддерживали друг друга, — между тем невольно бродила у меня мысль, а что если в этой толпе, насевшей к перилам подмосток, да есть новый Каракозов, — кровь в жилах у меня застывала, и я, находясь недалеко от государя, [размышлял], что сделать, если в толпе замечу поднимающийся пистолет и расчитывал расстояние: успею ли я заслонить собой государя. Это был единственный способ — лишь когда государь вошел в Чудов, у меня отлегло сердце.

---

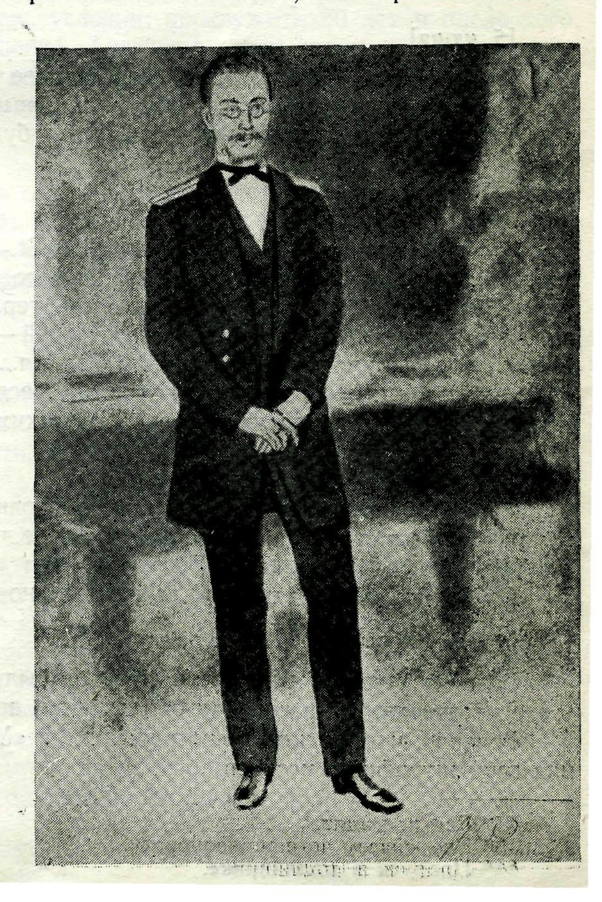
* Впоследствии эта история оказалась выдумкою; я видел эту фотографию; надо иметь весьма разгоряченное воображение, чтобы принять за уши весьма часто бывающий в фотографии случайный отлив теней. [Прим. В. Ф. Одоевского].

Кей-Блунт была с Свербеевой на площади,—и в совершенном восторге— никогда ничего подобного она себе не воображала—она собрала цветы, по которым шел государь, чтобы послать их в Америку.

27 мая

Говорят (я не слыхал), что государь сказал Левшину: «в университетах не учат тому, что нужно, а учат, чего не нужно» и Левшин отвечал: «Смею уверить ваше величество, что в течение последних 5 лет (т. е. со времени назначения Левшина) ни один профессор не позволил себе преподавать что-либо предосудительное».

Говорил с Шуваловым (шефом жандармов) об Орле-Ошмянцеве. Во-первых, о том, как мне добыть находящуюся у него весьма редкую, заплаченную Разумовским 50 р. нотную рукопись: стихирарь 12-го века, и во-вторых, что Орел был вхож ко мне в дом, что никогда я не мог предполагать в нем что-либо, могущего возбудить подозрение; занятый, сколько мне могло быть известно, единственно филологией и этнографией, он не только выражал свою преданность и любовь к государю, но был всегда врагом всякой оппозиции. Шувалов отвечал мне, что это дело поручено непосредственно М. Н. Муравьеву. Обер-полицийместер Арапов, к которому я обратился с тем же, сказал мне, что тут не могут быть приняты в соображение отзывы лиц, что исследователи судят по фактам, открывающимся при исследовании; что впрочем я должен обратиться к ген.-губернатору, что я и сделал и он предложил мне, по отъезде государя, или приехать ко мне, или мне приехать к нему между 1 и 2 часами. Кажется, Орла считают поляком, а он православный.



Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Рисунок И. Репина

Собрание С. А. Розенбаума, Ленинград

[28 мая]

В «Отеч. Записках» в статье: «Три недели после 4 апреля», указывается между прочим, что о злодейском покушении прежде уже толковали в иностранных газетах, и выводится подозрение, что оно в связи с приготовляющейся войною, — что был интерес именно в эту минуту ослабить Россию тем волнением, которое бы произошло, если бы злодеяние совершилось!! *истинно, бог нас спас всех, не одного царя!*

3 июня

Мельников рассказывал, как один купец (православный) нанял у раскольника землю, будто для посадки капусты и вместо того насадив табаку — достиг до того, что раскольник заплатил ему вшестеро отступного.

В учреждении раскольничьей Бело-Криницкой эпархии участвовали поляки: Адам Чарторийский, Чайковский (впоследствии Сады-Паша), езуиты, которые дожили до сближения раскольников Афони и Онуфрия с эрцгерцогом Людвигом. Онуфрий появлялся в салонах герц. Меттерних и гр. Стадион, где сморкался в руку. И sempre bene * — лишь бы насолить России. Австрийская плутоватая глупость возлагала большие надежды на образование Бело-Криницы для произведения смут в России. Лже-архиерею отдавали солдаты честь.

Мельников советовал мне познакомиться с Пафнутием, прежде раскольничьим архиереем, ныне иноком, живущим в Чудовом монастыре. Любопытно узнать, понимает ли он что-нибудь в «гласах» и есть ли у них какая для того теория — или поют эмпирически.

[5 июня]

Говорят, что «Современник» и «Русское Слово» запрещены.

Если верить печатным отчетам — мировые суды идут на порядках. Важное училище для народа — понятнее ему будет самая наука и пользу ее лучше поймет.

8 июня

Статья в газетах (7 июня «Journal de St.-Pétersbourg») объявление Бисмарка о несуществовании более Германского союза, — c'est tout à fait à la Napoléon **, — но только сим подданные германских владетелей восстановливаются против своих законных государей — следственно: министр короля Прусского поднимает революционное знамя... Пруссия соединилась с Италиею, но дело может разыграться иначе, если Австрия предложит Италии Венецию, а себе взамен что-либо из прусских владений.

17 июня

«Весть» без дальних околичностей толкует о возможности возврата земли от крестьян помещикам окончательно, изъясняя в этом смысле ст. ***.

От такого рода заявлений действительно могут быть волнения.

[20 июня]

Говорят, что в день отъезда Катков был призван к государю и пробыл у его величества одни говорят — 3 минуты, другие — полчаса.

Говорят, что Катков примет участие в «Моск. Вед.», не ожидая окончания двух штрафных месяцев.

---

* Все подходит.
** Это совсем по-наполеоновски.
*** Пропуск в подлиннике.

23 июня

Моя статья о M-me Blunt в «Моск. Вед.». Перевода «my little Boat» *, «Моск. Вед.» не напечатали — почему не знаю.

Крижановский, бывший все последние дни с Герцентвейгом и Ламбертом (наместником) в Варшаве, сказывал Колюбакину, что рассказ о их какой-то странной дуели — совершенный вздор. Герцентвейг просто сошел с ума, как его отец и его дед в том же возрасте. Происшествия той минуты сильно на него подействовали. Захваченных во время бунта — как говорят, главных заговорщиков и вожаков, — он под разными предлогами (женатых, слишком молодых) приказал выпустить, — т. е. что не [нрзб] как он узнал уже после. Во время усмирения толпы казаками посредством нагаек — без всякого другого оружия (после 3-х соммаций) — досталось одному англичанину Митчелю, который оскорбился, — и могла выйти дипломатическая схватка. Герцентвейг был поражен этой мыслью и все повторял накануне самоубийства: «Королева Виктория, королева Виктория!» А кого теперь разуверишь, что не было дуели?

24 июня

M-me Blunt с сыном. Она была у Левшина и не может им нахвалиться. Сын ее, очень впрочем умный малый — решительный плантатор, мы с Колюбакиным не можем его усовестить. Молодой Блунт между прочим проводил следующую мысль: «человек всегда лучше работает для другого, чем для самого себя». Он рассказывал следующую штуку про англичан и coolies, нанимаемых негров, на следующем условии: прослужить 20 лет и после того получить денежное вознаграждение. Англичанин так мучит работою своих coolies, что ни один почти не доживает 20 лет, — а мертвому платить уже не нужно.

26 июня

Известие о согласии Австрии уступить Венецию. Таким образом, итальянцы получают провинцию за то, что их побили.

Гагарин отпустил себе усы и бороду. Н. М. говорит, что он точно бурмистр, который на мужиков доносит барину, а барина бранит перед мужиками.

10 июля

Людовик Наполеон устроил перемирие на 5 дней; не для того ли, чтобы обе стороны могли собраться с силами и поудобнее и посильнее подраться? Он придет действительно мирить, когда обе стороны совсем ослабеют.

20 июля

Возвратившись, нашел 28 № «Домашней Беседы». — Аскоченский, несмотря на мое письмо от 14 и телеграмму от 19, все таки напечатал мою записку. Пишу к нему une lettre à cheval **.

22 июля

Ответ от Аскоченского на телеграмму, утешает меня, что меня прочат в директоры Капеллы! Вот одолжил! Ведь стало быть он просто глуп!

NB. Сегодня 22 в «Моск. Вед.», что уже 9 человек умерло в Москве от холеры. Полиция забраковала сырой хлеб. Нашла близ Тверской две лавки с фальшивыми весами — по 12 золотников на фунт.

---

* «Моя маленькая лодка».

** Дерзкое письмо.

24 июля

Начал читать Вундта «Душа» в русском переводе.

Кашкаров возвратился из Перми с герц. Лейхтенбергским. Герцог Лейхтенбергский прилежно занимался металлургией и рудным делом; в особенности бессемированием, т. е. мгновенным обращением в сталь; он своими руками отлил бюст Крылова, медали государю, свой герб.

В Перми (в городе) господствует характеристическое дикое рукавоспустие. Пермь живет фальшивым часом. Астроном — какой-то невежа часовщик, которого часы служат мерилом для всех часов в городе. Пермь опоздала целым часом; когда в ней уже час, — часы ее говорят: полночь. Любопытно, что на заводах часы настоящие, но на это пермяки не обращают внимания.

28 июля

У ген.-губернатора спросить, могут ли быть доставлены чрез него Орлу деньги, ему должные? — Да.—Кн. Долгоруков расспрашивал о Кеу Blunt, он понял ее слова так, что я удержал ее в Москве... Надежды на выдачу ей вспомоществования нет. По своим невероятным понятиям она просила кн. Долгорукова позволения объявить, что он будет на ее вечере. Насилу он от нее отмахался.

30 июля

Сегодня мне клюнуло 62 года. Никогда не ожидал выжить столько, и если бы не ноги — всем бы я был молодец.

4 августа

В «Journal de St.-Pétersbourg» (от 3) и в сегодняшних «Московских Ведомостях» статья, извлеченная из «Северной Почты»—о данных, добытых следственной комиссией. Как ни кратка эта статья, — но ужасна. Выражение: Россия отравлена поляками — не гипербола. Они с адским искусством старались заразить все самобытно живое у нас: и воскресные школы (см. ст. об них в «Виленском Вестнике»), и рукодельни, и артели — всюду пустили своего яда и матерьяльного (стрихнина!) и еще хуже — нравственного! — Бедная, но глупая наша молодежь, — приняла даже польский катехизис, — русские руки спасли негодяя Домбровского! Грустно во всех смыслах. Вот куда повернулась наша деятельность.

8 августа

Протасьев (сын богатого откупщика), мировой судья в Петербурге, и приказ его навести для него Литейный мост. Если много будет таких господ, то они, если не скомпрометируют все новое судопроизводство, — то подадут предлог к требованию изменений со стороны недовольных им, и находящих, что этот суд слишком для всех равен.

11 августа

В Окружном суде — председатель Федоренко, докладчик Вицын, адвокат Энгельгардт. Позавидовал. Как бы такой же порядок у нас в Сенате! — публики пропасть — и много крестьян и слушают с большим вниманием, — заседания длятся иногда до 7 часов. Настоящая юридическая обедня.

Соболевский сказывал мне удивление многих сенаторов: как я могу так усердно заниматься делами сенатскими!!

12 августа

В Общем собрании. — Большие толки о том, что председатель Окружного суда Арсеньев (по делу «Русских Ведомостей») сказал Альфонскому: «Г. Альфонский, извольте встать». Кн. Петр Ник. Трубецкой и другие нахо-

дят, что это глупо, потому что Альфонский тайный советник и в двух звездах. Никогда эти господа не могут вразумиться, что в суде нет ни тайных, ни других советников, а есть истцы, ответчики, свидетели, подсудимые — и их судьи. Все дело в том, что г. тайный советник, идучи в суд, не прочел закона, — и что суд говорит высочайшим именем.

Я уже в 6½ у генерал-губернатора. Американцев ждали до 7 часов. Спичей пропасть, терявших много от того, что английские переводились на русский и vice versa *. Долгорукий хотел, чтобы я говорил, — но дело обошлось без меня, ибо я сидел дальше с Куртином. Когда американцы выходили на балкон — народ кричал «ура».

13 августа

Явился Орел Ошмянцев. Похудел, кашляет, весьма молчалив о допросе, ему сделанном, и только жалуется на потерянное лето в страшной скуке; бранит нигилистов, по милости которых попался в подозрение, обидное уже потому, что его сочли в связи с такими скотами. Муму в ту же минуту узнала его.

Обедали еще Шнейдер и Пятковский. Пятковский читал нам отрывки из записок Вл. Ив. Панаева — о падении Магницкого и всех интригах того времени.

19 августа

В 9 часов повестка о выходе печатная — к 10½ часам; в 10 час. другая писанная (вчерашняя) о выходе в 11 часов; когда я уже уехал, принесли третью — какая непорядочная роскошь на письмо и какая нераспорядительность!

Народу по счету нашему с Колюбакиным, который помогал мне сходить с Красного крыльца (предшествования не было) — было до 6 000, не смотря на крестный ход, которым народ отвлекся к Донскому монастырю. Государь похудел, но цвет лица здоровее. После краткого молебствия в Успенском (совершал Леонид) и приложения к мощам, государь прошел в Чудов, откуда в коляске на Ходынское поле. — Во дворце я толковал Урусову (который вчера не застал меня) о том, как хорошо привилось новое судопроизводство, как опасно чем-либо стеснять его или что-либо изменять, по крайней мере подождать, как оно разовьется в течение трехлетия. — Наши петербуржские тузы подобны московским и не заглядывали в новые суды! Они судят так... по соображению.

Есть люди, у которых если отнять чины, то ровно ничего не останется. Вот почему они так и отстаивают чинологию.

20 августа

Ходил было к мировому судье послушать — к сожалению заседания не было. Разговоры народа весьма интересны. «Государь запретил нынче брать», говорит народ.

21 августа

В 5 часов обед у государя в Кремлевском дворце внизу, в собственных комнатах, во фраках.

За обедом я сидел между гр. Шуваловым (шефом жандармов) и Левшиным — попечителем. Шувалову говорил о великом нравственном влиянии на народ нового судопроизводства. — Возле государя сидели с правой стороны Меньшиков, с другой кн. Влад. Долгорукий; против: Ахлестышев, Толмачев, кн. Вас. Долгорукий и сбоку я.

---

* Наоборот.

После обеда государь подошел к группе, где стоял я между Офросимовым и Левшиным, вблизи Ахлестышев и кн. Юр. Долгорукий — против гр. Шувалов. Государь милостиво протянул мне руку и по обыкновению стал шутить над моими немощами; я воспользовался этим случаем, чтоб сказать следующее: «Я забыл мои немощи, государь, ибо не нарадуюсь на новое судопроизводство — оно идет превосходно». — «Слава богу», сказал государь. — «Действие на народ самое благодетельное». — «Да, говорят, они довольны, что идет скоро». — «Бывают сцены истинно умилительные, народ молится за вас, иногда в самом суде; надобно прислушаться к говору народному...»

Я очень был рад, что мог это сказать государю во всеуслышание, что некоторым не понравилось — индо их покоробило, да мне все равно.

Тонкие придворные тотчас сосчитали, что за обедом всего было 55 человек — я думаю 55 с половиной, ибо много было получеловек и даже четвертей человеков; круглого числа не выйдет.

23 августа

После обеда герцог Мекленбургский. Ходили с ним в саду; на кургане, где я показал густую траву — résultat de l'expérimentation *. Рассказывал мои наблюдения над новым судопроизводством. О нигилизме — le chef des nihilistes est Bismark. — сказал я. — «Ne craignez rien, сказал герцог, je ne suis pas prussien **.

24 августа

Мой разговор с Зеленым. На мои похвалы новому судопроизводству Зеленый отвечал: «Да! хорошо, если мы хотим идти к конституционализму».— «Да что ж тут общего с конституционализмом? напротив — ничем так не укрепилась сила государя». — «Да, но на восторг народа нечего полагаться — появились теперь адвокаты — увидите, что они будут толковать. — Гагарин истребил всю силу администрации...» — «Да разве вы можете сделать администрацию гласною?» — «Разумеется, нельзя». — «А гласность охранит судебную власть от ложных направлений». — «Вы поэт!» — «Нет, я математик и говорю по опыту и анализу того, что вижу и слышу — я прежде по теории сомневался в успехе нового судопроизводства». — «А я и теперь сомневаюсь». — Подошедшие лица сделали дальнейший наш разговор невозможным. Жаль! Так вот как смотрят в Петербурге на новое судопроизводство.

27 августа

Обедали: Титов, Погодин и Колюбакин. Титов был в уголовном Окружном суде, где заседание не состоялось, потому что за разными отказами не было законного числа присяжных. В числе их был один законный, но курьезный. Справиться и достать письмо этого господина — он чиновник в комиссии рядчиков, следственно судебного ведомства, — но он в письме напирает на другую причину, а именно, что он как дворянин, и притом родовитый, имеет право служить и не служить, и это право ставит выше чести быть присяжным заседателем.

[*28 августа*]

Довольно любопытно, до какой степени у нас простирается понятие о праве ничегонеделания. — Жене, с видом сожаления, говорят про меня: «pourquoi est-ce qu'il s'occupe tant des affaires du senat?» ***, и проч.

---

* Результат экспериментирования.

** Вождь нигилистов Бисмарк... Не бойтесь... я не пруссак.

*** Почему он так много занимается сенатскими делами?

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Карикатура Н. Степанова
«Музыкальный альбом с карикатурами»
Публичная Библиотека, Ленинград

т. п. — Т. е. полагают, que je fais un mauvais calcul *, считают меня простаком, который ошибается, думая этим путем чего-нибудь добиться, чего-нибудь достичь!!! Иного повода для деятельности в голову этим господам не входит. — Это истинно возмутительно, — и вместе грустно, ибо все-таки это люди, довольно высоко стоящие, и которые при случае могут попасть на важные места.

2 сентября

В Общем собрании; дело княжен Одоевских, при слушании которого я вышел из присутствия, чтобы не мешать свободному суждению сенаторов — немногие поняли такое деликатство.

4 сентября

Все тревожнее и тревожнее слухи — о подкопах под новое судопроизводство.

Говорят, что Валуев начинает процесс против Каткова за раннее появление «Моск. Вед.», чтобы скомпрометировать новые суды, приведя их в необходимость слушать толки об изустном разрешении государя Каткову. Довольно тонко, если правда.

7 сентября

Мора рассказал мне свою поучительную историю. У него был спор с поставщиком фазанов, который взял с него 200 руб. за ящики, один свежих, другой — прошлогодних. Он адресовался к полиции, которая запросила 100 р.; он не дал. Частный пристав обещался отмстить и для сего воспользовался осмотром лавок. В кладовой Мора он нашел обрезки сыра, в которые складываются неблаговидные части сыра (les accidents). Доктор уве-

* Что мой расчет неверен.

рял, что этот сыр вовсе не вредный; не смотря на то, частный пристав велел его нести для исследования. Мора просил нести покрытым, ибо публика, не зная что это за сыр, пустится в толки, и кредит лавки будет потерян; упрашивая частного пристава он, как итальянец, по обыкновению размахивал руками—частный пристав воспользовался этими жестами, чтобы обвинить Мора в поднесении рук к его лицу. Потребовали Мора к судебному следователю Иохтессу (приятелю частного пристава Реброва), который требовал, чтобы Мора подписал тут же написанный для него отзыв, — не позволяя ему посоветоваться ни с кем, ни перевести на французский его содержания. Между тем требования взятки от полиции продолжаются. Мора просил меня совета, как сделать, чтобы назначили какого-либо другого следователя.

Всякое новое постановление рассматривается негодяями, как средство для наживы.

№ 198 «Journal de St.-Pétersbourg» из моей речи, хотя с похвалами, сделали ужасную галиматью.

Земство не поправляет дорог, губернаторы не могут добиться утверждения смет на поправку дорог из министерства внутренних дел; эти сметы посылаются с тем, чтобы весною можно было начать поправки — министерство держит до осени.

17 сентября

Приехал Алек. Б. Враской — и с ним и с женою обедали и пили шампанское, ибо сегодня 40 лет нашей свадьбы.

23 сентября

Сильная статья «Моск. Вед.» против неопределенности правил о печати, которая подвергается то бедственным предостережениям административно,— то суду, где освобождается от наказания. «Моск. Вед.» говорят: направление есть дело администрации, а отдельная статья дело суда; тогда как направление может быть делом лишь присяжных.

[*25 сентября*]

В 201 № «Моск. Вед.» (25 сент.) статья некоего Л (уж не [нрзб]) по поводу процесса «Современника» Жуковского и Пыпина, требующая надзора за судами! — кому поручить, уже не полиции ли? А за полицией кто будет надсматривать? Суд? Прекрасно, только та беда, что суд есть дело открытое, гласное, а полиция не есть и не может быть гласною.

30 сентября

Сегодня в Общем собрании по делу овации тобольских властей государственному преступнику Михайлову. Ховен был за облегчение и приводил в пример, что в Сибирь ссылали и Бирона, и Меньшикова — Колюбакин ему отвечал (вне присутствия), что этими примерами он, напротив, понуждает его к большой строгости, ибо Бирон наделал много зла России, а если бы Меньшиков не народил детей, то некому было бы проиграть Инкерманское сражение. — Я был бы строже; овации осужденному есть насмешка над святыней суда. Жалко, что болезнь помешала мне быть в этом заседании.

Сегодня в Окружном суде уморительное дело генерала Загорецкого, обвиняющего жену свою в покраже у него 700 р. и требовавшего от судебного следователя, чтобы он не писал ее его женою, а лишь урожденною такою-то.

Полиция жалуется, что новые суды ее с т е с н я ю т, не позволяют ни драться, ни даже браниться, а всего пуще брать деньги с встречного и поперечного.

4 октября

Писал к Ушакову, книгопродавцу и сочинителю драмы «Страшен сон да милостив бог» — пошлю завтра. Я писал к Ушакову, что его пиеса — доброе дело, но что она невозможна на сцене — ее развязка 4 апреля. Мысль верная, ибо действительно злодейское покушение, не только преступное, но и нелепое во всех смыслах образумило так называемых нигилистов, которых настоящее имя: польская шляхта, — но такая развязка также невозможна, как невозможно напр. вывести священника в облачении, причащающего или читающего отходную, — хотя разумеется такою сценою можно бы произвести драматический эффект.

5 октября

Обедала Ольга Ив. Тимирязева. После обеда играли с нею или лучше разбирали «Тристана и Изольду» Вагнера. Как ни уважаю его, но злоупотребление диссонансов ведет его к монотонии.

8 октября

В «Московских Ведомостях» сильная статья против «Вести», — которая, испугавшись возможности поземельного налога, вопит, что России никак не должно ни во что вмешиваться, ни в дела греков, ни в дела поляков. Как же иначе — «Весть» охраняет панскую собственность — и что пред нею все государственные вопросы!

10 октября

Сегодня пробежали по Сенату слухи, что в Окружном суде производится дело об оскорблении Дагмары! — Какой-то пьяный мужик выругал ее, а какой-то чиновник донес. Вот в таком случае гласность и не годится.

14 октября

Говорил Сухотину о том, как бы необходимо было в Кремлевских воротах сделать проходы для пешеходов, особливо в Никольских, где всегда сердце не на месте — того и смотри, что задавишь кого-нибудь; и нигде ни одного полицейского, кроме Спасских ворот по поводу снимания шапок, что впрочем не имеет ни религиозного, ни исторического, ни политического значения; православный молится п е р е д воротами, разумеется без шапки, но проходить в в о р о т а без шапки лишь обычай, для которого не нужно полицейского надзора, а между тем с бешеными лошадьми снимание шапки кучером представляет явную опасность, не считая безпрестанных случаев не только с иностранцами, но и с иногородними.

15 октября

У княгини Урусовой — говорил ей, чтобы написала мужу о необходимости протеста со стороны нашего духовенства против отпадения константинопольского патриарха.

20 октября

В номере 19 октября «Моск. Вед.» любопытная выписка из «Вятских Губернских Ведомостей» против нового судопроизводства, будто бы противного охранительным началам рескрипта 13-го мая.

Носятся пренелепые слухи о двух циркулярах министра народного просвещения, из коих один: студентам запрещается будто бы давать уроки, — т. е. иметь честный хлеб, другим, à la Магницкий и Шишков, запрещается учителям разъяснять преподаваемый ими предмет, а держаться просто учебников. — И этими средствами думают удержать нигилизм? Подвергнуть молодых людей соблазну от людей с деньгами (а у поляков денег довольно) и обессилить их ум, чтобы он легче поддавался софизмам ловких езуитов?

Не уж-ли тут есть что-нибудь похожее на правду? Этих циркуляров в газетах нет, — может быть они секретные — тем хуже. Не проболтается ли кто, как «Астраханские Епархиальные Ведомости», напечатавшие секретный циркуляр министерства внутренних дел о том, что начальник губернии имеет право призывать к себе для внушений и судей, и духовных и военных начальников?

22 октября

Явился ко мне Вознесенский, которому я прежде давал книги переплетать и который попался в каракозовской тайне. На вопрос мой: как он попался в такой омут — он отвечал, что был взят по смешению его имени с Воскресенским. Теперь не знает, что делать. Уроков теперь ему вероятно никто не даст, переплетное заведение разрушилось.

27 октября

На мою голову сыплятся горячие уголья за чтение у меня Ушаковым его драмы: «Страшен сон да милостив бог». Moscou a toute la mechanceté d'une petite ville *. В ней можно восхищаться лишь тем, что кажется, напр., видом с Кремлевской набережной на Москворечье, но не тем, что есть в ней внутри, ибо внутри грязь и сор и духовные и материальные. Точно я совершил какое преступление — и чего не придумали; manque de tact, manque de tout interêt,— c'etait une bonne intention, mais il ne fallait victimer ses amis и даже qu'il y avait des choses inconvenantes pour les demoiselles ** и все это мне говорят в глаза—что же за глазами? И все это вздор и неправда; Ушаков скверно читал, проглатывал слова, так что многое не дошло до слушателей и они едва схватили остов пиесы, — когда ее главное достоинство в подробностях; между тем талант есть; есть характеры, есть наблюдательность; очень характерна безхарактерность старого графа, барышня-нигилистка прелесть; старый купец с маленьким лоском цивилизации также весьма недурен. Толкуют даже, что Ушаков написал эту пиесу, чтобы поправить свою репутацию, ибо заподозрен в нигилизме. La loi des suspects ***. Единственное место un peu scabreux **** было тщательно удалено при чтении. Главное для меня то, что ее слышал Левшин, попечитель университета, — и уверился, что пиеса не только не вредна, но даже может быть полезна по своей цели. Я ответил дамам: Ушакову едва 25 лет, — это первый опыт. Что из него выйдет неизвестно, на нашем безлюдьи не следует отвергать и тени таланта. Показалось из земли растение; садовник не знает, что такое выйдет: роза или репейник или крапива, но не уж-ли тотчас и следует топтать этот молодой росток? Да еще как горячатся! Словно на защиту добра. Il est si facile de dire le mal, si difficile de dire le bien *****. К сожалению и Варв. Дим. туда же; cette femme a une secheresse de coeur, qui m'étonne et m'afflige ******. Ольга Ивановна отмалчивалась. Но в этом женском круге не нашлось никого, кто бы вступился из жалости за молодого человека.

28 октября

Разумовский показывал мне письмо к нему от Ал. Фед. Львова, который, посылая ему свой сухой послужной список, приводит следующее зага-

---

* Москве свойственно недоброжелательство маленького городка.

** Отсутствие такта, отсутствие всякого интереса,—это было доброе намерение, но не следовало жертвовать друзьями... в пьесе попадались места, неприличные для девиц.

*** Обыкновение заподозренных.

**** Немного неприличное.

***** Так легко говорить плохое, так трудно говорить хорошее.

****** У этой женщины какая-то черствость, которая меня удивляет и огорчает.

дочное прислоdие: «чем больше дашь, тем больше и получишь». Денег он хочет или печатных похвал? Что за гадость.

1 ноября

В Сенате — начал 28-й том моего дневника заслушанных мною дел; и каждый день все более радуюсь, что начал его с моего первого сенатского дня и выдержал по крайней мере доселе. Он мне приносит величайшую пользу и как зоркий глаз следит за вольными и невольными ошибками секретарей и за моими собственными. Плохо то, что за делами Сената не возвращаюсь никогда ранее 5 часов. Нет времени на собственное дело; а много ворошится в голове, и многое чтение еще в pia desideria *.

В № 303 «Голоса» напечатано высочайше утвержденное положение Комитета министров (28 октября) по журналу 22 июля 1866 о пространстве и пределах власти губернаторов, где 8-й пункт подает повод к важным недоразумениям, в особенности по судебному ведомству.

[6 ноября]

Хорошо наши господа выразумели правила для губернаторов 28 октября/22 июля 1866 г. Огарев, нижегородский генерал-губернатор в отношении от 18 октября 1866 за № 140, напечатанном в «Нижегородских Губернских Ведомостях» к начальнику губернии, приказывает известить жителей, что «дамы и девицы, носящие особого рода костюм, усвоенный так называемыми нигилистками и всегда почти имеющие следующие отличия: круглые шляпы, скрывающие коротко обстриженные волосы, синие очки, башлыки и отсутствие кринолины (все это скрывается шляпами — о грамотеи!), — должны быть призываемы в полицию и обязаны подпискою изменить свой костюм, иначе объявлять им, что они будут подлежать высылке из губернии», и что за ними будет строгое наблюдение. Это отношение перепечатывают теперь все журналы. См. «Моск. Вед.» 8 ноября (№ 235) на 2-й стр.

11 ноября

Рассказывают, что Потапов в апреле, уезжая от Мих. Ник. Муравьева, получил от него бумагу — высочайшее повеление об прощении до тысячи (?) человек польских мятежников, подписанное в декабре государем по случаю кончины Николая Александровича. Муравьев нарочно продержал бумагу у себя, чтобы некоторых казнить, других сослать в ссылку и так далее.

Островский читал у меня драму «Димитрий Самозванец». Народу человек 40.

20 ноября

Рассказывают, что во время арестов в Петербурге один чиновник ходил к родственникам арестованных и обещал им выпустить арестованного, но прибавлял, что для этого на подарки нужно 75 р. «Вы люди бедные, оканчивал он — мне жаль вас, — я дам от себя 25 р., а уж 50 р. вы приложите». У одной глупой барыни он выманил до 600 р.

27 ноября

В «Полицейских Ведомостях» циркуляр обер-полициймейстера Арапова о том, чтобы в церквах хоры не пели без его разрешения. Вот уж куда проникает действие полиции. Что такое действия Обухова, Нарышкина? Распространение власти губернаторов приносит горькие плоды.

[Н. М.] Смирнов рассказывал, как он усмирял, давши пощечину зачинщику бунта в 12 верстах от Петербурга.

---

* Благие пожелания.

1 декабря

В Сенате — начали ранее, чтобы дать возможность Калачеву попасть на юбилей Карамзина. Я не мог ехать, ибо должен был окончить заседание, а еще были тяжущиеся. Мне ставят в укор, что я не был на юбилее Карамзина, и уже Москва болтает, что от того, что я в ссоре с Карамзиным!! Кому растолкуешь, что я не мог ни отложить заседания Сената (да еще когда в заседании тяжущиеся), ни оставить его? В сенаторах большой недочет; в середу нас в 8-м департаменте было всего 2 сенатора, во всех остальных департаментах по три, следственно, занять негде, и если бы на этот раз не приехал Урусов, то у нас бы заседание не состоялось.

4 декабря

Петров-Батурин — любопытная личность в остроге; лейб-гусарский офицер. Нанял на Тверской великолепную квартиру с напудренными лакеями и кабинетом с картинами; сахарный завод, винокуренный завод, стальных изделий и т. д. Заготовил бланки, — получал при гостях фактуры; даже приехал к нему мужик, будто бы привезший на огромном количестве возов сталь, и требовал грубо рассчета с извозчиками, — что дало Батурину возможность занять 5000 р. Заказал огромное количество машин — и занял у машиниста под них деньги. Продал по фактуре сахару на 20 тыс., получил часть денег. На суде уверял, что эта фактура была проба фактур завода, который он намеревался устроить, —и кем у него украдена неизвестно. Этот господин во Франции был бы Миресом.

До меня доходят слухи, что мои товарищи по 8-му департаменту [жалуются], что я задерживаю заседания. Что за народ! Я задерживаю лишь себя до 5 часов в Сенате, чтобы на другой день представить им дела, как облупленное яичко, и когда нет тяжущихся, что уже не от меня зависит, я оканчиваю заседание редко позже часа или часа с четвертью, а между тем в каждое заседание слушается до 20 дел по одной первой части; следственно, от 11 до 1 часу = 180 минутам, а 180/20 = 9 минутам на каждое дело; не уж-ли и этого не могут вынести эти господа? Спросили бы, каково мне работать от 11 до 5 часов, или лучше сказать от 9, ибо я работаю еще часа 2 перед заседанием.

Что за история с Корсаком (переводчиком «Географии» Даниеля)? Одни говорят, что два Бакстова письма с приглашением участвовать в газете Аксакова по адресу не дошли, но попались к министерству финансов, которое за то отставило Корсака. Другие, что этому предшествовал донос на Корсака, как на второго Огрызку, что из этого у Рейтерна вышла сцена с Гротом, которому Рейтерн сказал, что он его компрометирует, и что вследствие ареста Корсака и письма к нему пошли в полицию.

6 декабря

«Голосу» 3-е предостережение и запрещение на 2 месяца. Толкуют, что это есть приготовление, чтобы добраться до «Моск. Вед.». Я прочитал № 318 «Голоса» и или я разучился читать, или есть тут что-то такое, чего я не понимаю, — но в этом номере il n'y a pas de quoi fouetter un chat *.

Говорят также, что запрещение «Голоса» последовало не за № 318, а за бывший № о Карамзине, где было сказано, что Карамзин не вилял пред правительством, и что inde irae **.

Земство очень жалуется на министерство внутренних дел за отнятие права подати с фабрик под предлогом жалобы гр. Бобринского и других

* Не к чему придраться.
** Отсюда — гнев.

богатых фабрикантов, с патентов и проч. Открыто говорят, что здесь езуитская тонкость: отнять у земских собраний средство действовать, а потом указать на их бездействие.

Вмешательство Филарета в дело Мазуриной производит общее негодование. Говорят — это симония; потворство богатому; продажа гражданского и христианского долга за приношения в пользу монастырей; насмешка над правосудием; предлог унизить достоинство новых судов и проч., т. п. Всего не упомнишь.

18 декабря

В Земском собрании Смирнов, Ник. Мих., прочел записку о безнравственности мужиков и о необходимости принять меры, т. е. учредить над ними род дворянской опеки посредством крупных землевладельцев. Юрий Фед. Самарин отвечал весьма сильно и резко. Он сказал, что всякое и дворянское сословие можно представить в карикатуре, что если бы он хотел нарисовать такую карикатуру, то он рассказал бы, как развратничают, пьют и проживаются дворяне и проч.

Речью Самарина известная партия весьма недовольна, и я боюсь, чтобы она не повредила Самарину в выборе его в городские головы. Он, как говорят, сказал: я считаю предложение г. Смирнова неуместным. Общая политика внешняя и внутренняя может иметь влияние и на сельское хозяйство, но из этого не следует, чтобы по поводу сельского хозяйства поднимать политические вопросы; точно так же нет повода рассматривать здесь вопрос о безнравственности крестьянского сословия. Но если предложение г. Смирнова будет принято к рассмотрению, то точно так же можно было бы заговорить о безнравственности дворянства; можно будет опираться на действительно существующие факты, но все-таки в общем смысле в таком

КАРИКАТУРА ИЗ «ИСКРЫ» 1865 г.

Гласность цѣлитъ изъ пистолета во взятку.

Взятка. Ладно, я не боюсь: я знаю, что пистолетъ-то заряженъ холостымъ зарядомъ

рассуждении была бы фальшь — и оно было бы лишь карикатурою на дворянство. В публике выразилось большое неудовольствие. Тогда Голохвастов сказал: я приехал сюда с тем же убеждением как и Самарин, т. е. с намерением сказать о неуместности предложения Смирнова и выразить мое неодобрение ему; но после речи г. Самарина я должен и о ней выразить неодобрение. Самарин отвечал: я подчиняюсь суждению собрания, но замечу только, что Смирнов выставил свои рассуждения как действительную картину крестьянства, — я же говорил только о возможности карикатуры *.

На Москве весьма боятся перемены системы в Польше; говорят, на словах она не переменится, но переменится на практике; до сих пор все что делалось, выводило из себя шляхту, напротив крестьянам оказывали всякие льготы, и крестьяне просили одного: не присылайте нам поляков в начальники; и надавали крестьянам обещаний неисполнимых; теперь развяжут руки шляхте; она наляжет на крестьян; по своей системе в притеснениях обвинит русское правительство; крестьяне потеряют доверие к русским и будет новый мятеж уже не шляхетский, а крестьянский.

[25 декабря]

Как прислушиваешься ко всему, что болтается в Москве, то выходит, что идут у нас три подземные интриги: политическая, польская и немецкая.

Что за явление Юркевич-Литвинов, объявивший об издании «Народного Голоса» — о котором рассказывают такие странные вещи?

Говорят, что Самарин был великолепен в заседании Земского собрания, где было предложение [Н. М.] Смирнова. В Собрании некоторые уговорились не дать Самарину сказать ни слова. С третьего его слова раздались крики: довольно! не нужно! Самарин замолкал на время и опять начинал, и довел свою речь до конца, не смотря на частые шиканья.

Рассказы о Петербурге печальны. Все заняты интригами один против другого, — а затем великое ничегонеделание.

По письмам из Петербурга бедный Ник. Алекс. Милютин потерял значение слов: он употребляет одно слово вместо другого — его угадывают по сопряжению идеи. Какая потеря! Какое бедствие! Единственный у нас государственный человек!

1867 год

1 января

У Авдотьи Петр. Елагиной, которая просила меня прочесть ей мое «Недовольно».

Возвратившись, нашел два письма от Замятнина, одно о трехмесячном отпуске, следственно по 1-е апреля, другое о пожаловании мне арендного производства — что это такое? и сколько? не знаю.

Что такое механик Зарубин, на которого обратила внимание Парижская Академия? Он, говорят, изобрел водоподъемную машину, приведенную в движение нагнетенным воздухом. Хороши мы, право!!

Говорят, что Юркевич-Литвинов был то лицо, которое писало к государю письмо, предупреждая о злодеянии 4-го апреля — и которого будто бы не прочел Долгорукий. Этим объясняют, от чего Юркевич был выслушан. Говорят, что он просил у государя позволения писать к нему раз в месяц,— но что государь присоветовал ему лучше писать гласно, следствием чего

* Smirnoff est un homme tres courageux — il a le courage de dire les plus grosses bêtises sans sourciller. [Прим. В. Ф. Одоевского]. [Смирнов очень храбрый человек — он имеет храбрость говорить глупейшие вещи, не моргнув глазом].

и было издание «Народного Голоса». — Верно то, что на бланках Юркевича действительно было напечатано: беспосредственный корреспондент его императорского величества. Лонгинов сказывал, что Катков это видел. Толстой, министр народного просвещения, получил от государя записку того же Юркевича по Синоду — и на ней № 6-й.

3 января

Писал к Серову со вложением афиши о том, что в непродолжительном времени даны будут отрывки из 4-го акта его «Рогнеды»; не уж-ли он это позволит?

4 января

Обед наш Погодину (по случаю его книги о Карамзине) — человек 30 — по 10 р. с человека. Очень радушно и без громких фраз. Меня, как наиболее старого, посадили возле юбиляра.

До сих пор не получил «Народного Голоса», на который подписался.

Говорят, что переименование Стояновского в сенаторы и назначение Палена произошло неожиданно для всех, как для них двоих, так и для Замятнина. Приписывают эту перемену, разумеется, Шувалову, которого сила растет — по крайней мере в московских толках.

5 января

Дал Ошмянцеву прочесть мое «Недовольно» — и он сделал мне много полезных заметок. Удивительно, как трудно самому заметить те места в особенности, которые кажутся вполне ясными, а между тем в ушах публики отзываются совершенно иначе. Как трудно быть ясным!

16 января

Слух об ударе Валуева оказывается московскою сплетнею. Она же назначает Левашова министром юстиции. Она же утверждает, что государь сказал кому-то: Шувалову хочется в Аракчеевы, — но он ошибется(??).

17 января

Получены две телеграммы о закрытии петербургского земского собрания — и приостановлении действий земск. учреждений по всей Петербургской губернии, об отрешении Крузе, председателя земской управы, от должности. Повод — неуважение к правительству. — Впрочем, последней телеграммы я еще не читал.

Говорят, Крузе ссылается административным путем в Вологду на 4 года (у него 6 детей), гр. Андрей Шувалов — на произвол: или в Астраханскую губернию, или в чужие края. Все это хорошо, может быть они и заслужили это своими какими-то школьничествами, коих, как говорят, нет в газетах, — но дело министров было предупредить такие штуки, чтобы потом не прибегать к такой сильной мере, по крайней мере разъяснить причины ее, ибо она видимо всех раздражает.

21 января

Курьезная история с «Москвой» Аксакова. Вчера она в № 16 напечатала себе первое предостережение за № 8. Сегодня она напечатала: «Письмо из Парижа», где рассказывается, что в Париже предостережения отменены, ибо признаны вредными. Что сделает министерство внутренних дел? Будет ли сохранять предостережения, осужденные самим их творцом, — или же отменит, ce qui serait aller à la remorque de Louis-Napoléon *. Вот последствия мер, принятых наудачу, взятых напрокат — не из действительных потребностей государства.

* Что означало бы итти на буксире за Людовиком-Наполеоном.

22 января

Колюбакин говорит: «хорошо русское земство: полуангличанин — Орлов-Давыдов; полуфранцуз — Шувалов; полунемец — Крузе. Как дикие — нужно сорвать яблоко на верьху дерева; вместо того чтобы влезать по сучьям, что тяжело, — давай рубить дерево».

В сегодняшнем номере «Москвы» протест против предостережений вообще. Аксаков спрашивает: усмотрение — не камертон; дайте нам камертон, чтобы знать чего держаться, объясните, что вы нашли резким: самую мысль, или слово, в которое она облечена; если последнее, то дайте нам литературную форму. — Перевод из «Journal des Débats», который спрашивает: удержит ли Россия и — Турция (!) систему предостережений?

24 января

У Кошелева на чтении Юрием Самариным предисловия ко 2-й (богословской) части сочинений Хомякова. Это предисловие превосходно, выражает характер учения и точку зрения Хомякова, которой я никогда, впрочем, не разделял и теперь разделять не могу.

1 февраля

«Народный Голос» получил предостережение за статью о Финляндии будто бы, — говорят, что это отместка за прежнюю статью, где было сказано об одном государственном человеке, кажется об Якове Долгорукове, что он не вилял, что будто бы Валуев принял на свой счет, потому что ныне дали прозвище Виляев. Я этому не совсем верю.

9 февраля

После решения министерства просвещения по делу о выборе Лешкова, профессора, признавшие сей выбор незаконным: Чичерин, Дмитриев, Соловьев, Бабст, Капустин и Рачинский — подали в отставку. Кем заменят их?

Есть люди, которые находят демократическим то, что кн. Щербатов зажигал газовый фонарь.

10 февраля

Кашперов, которому хочется написать оперу «Димитрий Самозванец»; я советовал ему обратить внимание на характер Марфы в «Димитрие Самозванце» Хомякова, не удачно схваченном во всех других трагедиях этого имени.

13 февраля

Я дома проиграл всю оперу Рубинштейна «Die Kinder der Heide» и посылаю завтра Ольге Ивановне; взял ложу в театр, ибо, говорят, против Рубинштейна партия, которая за неделю уже объявила, что будет шикать.

14 февраля

Давали «Дети степей» Рубинштейна — билет взяли втроем: Ольга Свербеева, Ольга Тимирязева и я. Полишинельный голос Сетова и постоянно беззвучный, но крикливый голос Фабиян-Биянки убили все мелодии. — Кочетова (Мария) была превосходна — она одна. Театр не был полон.

20 февраля

Рассказывают следующее: обер-полицийместер Арапов, приехав в острог, узнал, что от одного из арестантов губернский прокурор принял просьбу, и послал за прокурором, который, не желая ссориться, приехал. Обер-полицийместер сделал ему вопрос: по какому праву он принимает просьбу от арестантов, и не хотел верить, что по закону в том и состоит обязанность прокурора.

[21 февраля]

Рассказывают, что на другой же день по закрытии земского петербургского собрания получена была телеграмма из Берлина о том, что тамошние капиталисты отказываются от своей сделки с воронежским земством для устройства Воронежской жел. дороги. Говорят, что воронежское земство вошло с представлением по сему случаю к министру внутренних дел.

Довольно характерно, что в Москве у специялистов (Брукса, Терпе) я не мог достать унцевой мензурки, а 2-фунтовую нашли лишь одну. Довольно любопытно, что в Москве квас и ветчину должно искать в сундучном ряду, шахматы в лапотном, перья в косметическом магазине, рукописи в кожевенном ряду. Дорога невыносимая. На крышах глыбы снега, которые висят над головами прохожих. С тротуаров счищают снег и открывают гололедицу, которую ломами не разбивают, а посыпают песком на завтра по гололедице, что разумеется раздувается малейшим ветром.

Говорят, что Шувалов настоял на смене 3-х судебных следователей, несмотря на все заступничество министра юстиции, утверждавшего, что они люди отличные и что донесение жандармского на них офицера не что иное, как клевета.

24 февраля.

Статья в «Москве» — ответ на второе предостережение, да такая неловкая, что верно последует и третья.

«Journal des Débats» говорил: «Nous avons inventé les avertissements—en fait d'états, qui nous ont imité il n'y a que la Russie et la Turquie. Maintenant que nous les avons abolis que feront ces pays? *.

В самом деле, от предостережений, кроме каверз, — никакой пользы нет.

28 февраля

Лауб с [Н. Г.] Рубинштейном сыграли первые две сонаты Себастиана Баха. Лауб сказывал мне, что Глюк был сын Лобковича и одной славянки.

7 марта

Набросал план комедии: «Суды и пересуды».

8 марта

Денис прибил свою жену — и я прочел ему статьи 15-го тома о жестоком обращении с женою и насилу мог его уверить, что она его не крепостная. «Я, — говорит, — только ткнул ее, разве этого нельзя?»

9 марта

Я не принимал по болезни, а приезжал Тургенев — звал его обедать сегодня — он приехал, хотя и пообедавши — и принужден был от подагры держать ногу на стуле. — Прочел ему статью мою — он остался ею очень доволен, хотя и не вполне согласен со мною.

13 марта

Кашперов привозил мне партитуру своей «Грозы» — и мы с ним ее разыграли — талант, знание оркестровки, идеализация русских песен не как они в народе, но как перешли в гостиные.

18 марта

Кошелев — он написал к Валуеву, что статья, за которую «Петербургские Ведомости» получили предостережение, написана им.

---

* Мы изобрели предостережения, и только Россия и Турция последовали нашему примеру. Теперь, когда мы их уничтожили, как поступят эти страны?

19 марта

Страшная полемика между «Вестью» с одной стороны и «Моск. Вед.» и «Москвой» с другой — в последней весьма замечательная и сильная статья Юрия Самарина об остзейских баронах.

24 марта

В «Москве» замечательный ответ на циркуляр министерства императорского двора против статей о театральных представлениях, и попытках предупреждать зависящими мерами (?) появление таких статей.

[*3 апреля*]

В Боровицких воротах не чистят гололедицы; лошади падают; городовые не смотрят за накоплением возов. Я и многие, спешившие в судебные места, вышли из экипажей, но и пешком пройти было нельзя, — упавшая лошадь с переломленными оглоблями легла поперек ворот, а на встречу ей два ряда возов. Все это — от пререканий между придворным ведомством и Думой о том — кому здесь улицу чистить?

Мне рассказывали, как в мое отсутствие первоприсутствовал кн. Урусов. Его затрудняла самая легкая резолюция, напр.: «предписать Палате принять к своему рассмотрению прошение Васильева». — «Что ж мне писать?» спрашивает Урусов у секретаря; секретарь проговорит резолюцию; Урусов пишет: предписать, и спрашивает: «а потом что?» — Секретарь диктует: «Палате». Урусов пишет, и опять вопрос: «что ж затем»? — и так до последнего слова. И этот господин управлял губернией, сенатор и почетный опекун. — Сам он чувствует свою неспособность и боится провраться, да и сенатское дело его нисколько не интересует — сам даже говорит это, прибавляя, что он — военный. Между тем ходит проведывать, кто первоприсутствующий в 7-м департаменте и до смерти ему хочется быть первоприсутствующим. — Как объяснить это психологическое явление?

14 апреля

Кончил и отправил к Погодину корректуру о русской музыке; Погодин очень доволен и пишет, что мои наблюдения над так называемою [польскою?] музыкой имеют для него великую важность.

23 апреля

Московская болтовня. — Закон о запрещенных сходбищах — предмет самых различных толков. Одни просто удивляются, зачем эта игра; другие спрашивают, что такое случилось, чем был вызван этот закон. Третьи, что действительно стало быть что-нибудь такое есть, если такой закон выдан; четвертые, от чего прежний закон найден недостаточным и чем от него существенно отличается новый. Вообще волнение, беспокойство, даже тревога. Приписывают этот закон Врангелю, который, предчувствуя падение Замятнина, хотел чем-нибудь выслужиться, — к этому припутывают разные предположения. Вообще впечатление не хорошее; боятся поводов к доносам, к самоуправству полиции, к привязкам всякого рода, напр. рассказывают, что по поводу циркуляра о дворниках один дворник, недовольный жильцом или подученный кем-либо, пришел к жильцу когда у него были гости; спрашивают, зачем он пришел? Дворник отвечал: так пришел, по моей должности, посмотреть, нет ли у вас чего подозрительного.

3 мая

Не могу постигнуть, что за охота людям заниматься моею персоною; кажется, можно ли дальше меня держаться от всяких интриг и сплетен; да

И. С. АКСАКОВ
Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы,
Ленинград

еще если бы не перевирали. На придворном бале 30-го апреля один из церемониймейстеров, кажется, кн. Ливен, подошел ко мне и, глядя на какой-то список, сказал: «Mon prince, tenez vous plus près de la porte vers la fin de la masourka, parce que vous devez prendre place à la table impériale». — «C'est à dire, ma femme», — отвечал я. — «Non, c'est vous!» *. «Невозможно, я только 3-го класса, а жена моя кавалерственная дама и всегда ее сажают за императорский стол». — «Нет, — возразил церемониймейстер, — именно вы, а не княгиня». — Я понимал, что тут просто ошибка, и чтобы разъяснить ее, отправился в столовую и осмотрел надписи на стульях императорского стола — и, разумеется, нашел имя моей жены, но не мое. Так и вышло. — Этот случай я рассказал некоторым лицам, заметив, в какое бы неприятное положение я был поставлен, если бы не справившись, пошел бы за императорский стол и оттуда принужден был бы удалиться, прибавив, что такие случаи нередки при дворе, — и что они, между прочим, были поводом, почему я не взлюбил Петербурга. Эти слова мои переиначили так, что меня сажали за императорский стол, что я не пошел, говоря, что именно для этого постарался вырваться из Петербурга... Ну, поди ты с этим злостно глупым людом!

---

* «Князь, будьте поближе к дверям к концу мазурки, т. к. вы должны будете *занять место за императорским столом». — «Т. е. моя жена»... — «Нет, имен-*

14 мая

Если славяне выдержут все наши обеды, то значит прочна славянская натура; если Австрия не объявит нам войны за все наши речи, — то хила Австрия. Меттерних, вероятно, в гробу переворачивается.

[16 мая]

Славян мы угостили хорошо, они должны были 16-го утром быть в Москве, но на дороге повалился товарный поезд — и гости должны будут до вечера дожидаться на [нрзб] станции. О, наша администрация, на чугунно-хрупких колесах.

26 мая

В Общем собрании, где никто не знал о страшном парижском известии. Я отправился в Кокореву гостинницу отдать визит бывшим у меня славянам — туда также слух еще не доходил. Я узнал, лишь заехав к Тимирязеву в 3¾. Боже мой! Будет ли конец этим гнусным попыткам?

6 июля

В Сенате до 4-х. Я настоял, чтобы сегодня был доклад по двум экспедициям, чтобы наверстать пропущенное за табельным днем на прошедшей неделе заседание. Вышло 30 дел по первой части, т. е. по существу, не считая сумасшедших. Да выслушал я доклады по 7-му департаменту (от Еропкина) — до 15-ти; завтра должен ехать пораньше, чтоб дослушать доклад другой экспедиции. — Ma fonction telle que je la comprends n'est pas une sinécure *, вот все, что я могу сказать себе в утешение.

На обеде у кн. Долгорукова для принца Гумберта, сидел возле Делонне, посланника в России, теперь в Австрии; спрашивал у меня, какие есть книги о России, кроме Шницлера, которого он знает; я записал ему Moller «La Pologne au 1 janvier 1866» и «Faux Demétrius» par Prosper Merimée, прибавив, что все остальное не стоит и называть, что ему сказал и какой-то ученый книгопродавец в Германии. После обеда Гумберт захотел со мной познакомиться — и завтра зовет обедать к себе в 6 часов.

Итальянцы, особливо Делонне, весьма не глупый народ; посмотрел я на толпу наших и отыскивал, кого можно пустить без соблазна говорить с ними? Какой белиберды им, я чаю, не наговорили — а пустошь то, пустошь! Менде разговаривал с одним из итальянцев о настоящем положении Италии, разговор был для обоих интересен. Вдруг подходит к ним русский генерал (не хотели мне назвать его, но, кажется, то был кн. Петр Ив. Трубецкой) и начинает расспрашивать у итальянца, что у него за орден, значек, от чего не те, а другие погончики на мундире — итальянец, видимо, в душе хохотал.

10 июля

Вчера около 7 час. вечера, когда еще было светло, на Остоженке против дворца трое людей хотели прибить женщину (акушерку). Наш вахтер Андреев с помощью наших рабочих освободил, двое воров убежали, третьего поймали, — городовых не могли докликаться, ни отыскать в течение 20 минут; наконец явился один городовой и свистал понапрасну, вор его прибил — городовые или в харчевне, или вытягиваются на площади на случай проезда частного пристава или полицииймейстера. Я поручил смотрителю Петрову написать о сем от моего имени к частному приставу.

11 июля

Сегодня замечательная передовая статья в «Московских Ведомостях» о «предостережениях», обвиняющая Валуева в превышении власти относи-

---

* Моя должность, как я ее понимаю, не синекура.

тельно нового предостережения «Москве». Чрезвычайно ловко, сдержанно и зло — и привязаться не к чему. Всего лучше то, что «Московские Ведомости» предполагают, за недостатком данных, что министр внутренних дел заметил в «Москве» направление одинакое с «Вестью» и «St.-Petersburgische Zeitung»!! c'est du haut comique*.

Что за история о подметном письме Харитову? все говорят и как будто не договаривают. Газеты молчат. Между тем завод его сожжен, по крайней мере сгорел.

Во Владимире также подметные письма о том, что 12-го июля зажгут его с двух концов. Не уж-ли начнется история прошлых годов? Да что же делает наконец полиция?

18 июля

В Сенате — предварительный доклад по 8-му департаменту. Курьезный крестьянин Ефимов; принадлежал Нарышкину; был зажиточен; искал свободы, доказывая свое происхождение из духовного звания, за что Нарышкин сослал его на поселение в Сибирь, где он прожил 40 лет; он доказал свою правоту; возвращен; требует забранного у него имущества при переселении его; всего на 1000 с чем-то рублей; Урусова внесла часть денег; деньги лежат в палате; но она хочет доказать, что не она одна наследница. Вопрос: кто должен отыскивать наследников, крестьянин или кн. Урусова.— Между тем 70-летний старик умирает с голода. — Я дал ему 5 р., он заплакал с радости от такой суммы — и увы! повалился мне в ноги.

20 июля

Государь мало с кем говорил; но между прочим пожал руку мне и сказал, что был рад увидевши мою жену хоть на минуту. «А мы как рады были увидеть вас, государь», отвечал я.

После обеда собрался кружок: Пален, Шахов, Люминарский, Шахматов — речь шла о новых судах; Пален заметил, что есть лица, мало заботящиеся только о правосудии. «Есть увлечения в молодых людях», — сказал Шахов. — «Позвольте мне, старому судье, заявить, — сказал я, — что как бы ни были худы новые судьи, но все они лучше старых». — «О, без сомнения», сказали все, — «за исключением вас», заметил Шахов. — «Нет, — я отвечал, — всех нас, без исключения, пора по шеям». — «Не все из ваших товарищей, — заметил Шахов, — разделяют ваше сочувствие к новым судам».

[*24 июля*]

Палена поразило и оскорбило одно в московских судах: несамостоятельность и слабость председателей и прокуроров — в сравнении с адвокатами. Он присутствовал при деле Морозкина, где председателем был Щепкин, прокурором... **, а защитником Урусов.

[*31 июля*]

При месячном свете здесь зажигали фонари, а зайдет месяц и фонари погасят!! О, Москва! О, московская и вообще администрация!

Вышла презамечательная книга Ратча «Польский мятеж в 1863» — добрый совет «Биржевым Ведомостям», которые осмелились напечатать, что указ 10 декабря 1865, назначивший двухмесячный срок для польских землевладельцев, основан «на коммунистических началах».

---

* Это верх комического.
** Пропуск в подлиннике.

13 августа.

Идя по Кузнецкому мосту, я слышал следующий разговор двух людей, шедших за мною. Один ломаным русским языком говорил: «Ваш займа не пашоль». — «Еще бы, позакрывали земские собрания» — отвечал русский. — Вот как отражается в публике неудача займа. Любопытно, что ту же самую мысль проводил «Times», но, кажется, в русских газетах об этого рода причине не говорилось; это выдумала публика сама.

4 сентября

В «Revue des deux mondes» презлобная и прехитрая статья Клачки об этнографической московской выставке. Между прочим, куриозен по своей наглости следующий вопрос: как русские могут говорить, что поляки отняли у ней [России] Малороссию, когда в то время [Малороссия] еще и не существовала? — а ведь чего доброго в петербургских салонах найдут этот вопрос весьма основательным.

8 сентября

Наконец добился в клубе до книги Тотлебена (вышла лишь 1-я часть) «Оборона Севастополя». Страшно читать, независимо от военных происшествий, что не только не было никаких укреплений с земли, но что в военном интендантстве не нашлось ничего даже для земляных укреплений — ни мешков, ни даже фашинников; ничего для раненых; пушки старые без лафетов; всего по 24 штуцера нарезных на полк; некоторые полки с кремневыми ружьями; взводимые насыпи рассыпались от неприятельских выстрелов. У неприятеля было до 1 200 пушек; у нас всего 400; — штуцерным огнем выбивалась вся прислуга прежде, нежели наши пушки могли доставать неприятеля. Бездействие Меншикова с 2-го по 7-е сентября, когда неприятель высадился в Евпатории — великолепно; не менее великолепен и... *, который повел полк в штыки против штуцеров. И на военную часть было обращено все внимание правительства в течение многих лет! Знали или не знали в Петербурге о положении военной администрации в Севастополе? — Вот плоды безгласности.

[*10 сентября*]

Если провести от Бреста Литовского до Нижегорода линию, говорит [А. А.] Киреев, то по северной стороне все беднеет, — на южной все в пропорции богатеет **.

[*24 сентября*]

Вот как рассказывают историю обвинения Ильи Арсеньева и Звенигородского: Арсеньев проиграл гражданский процесс против Зарудного и был обвинен к уплате. Партия «Вести» с некоторыми членами Английского клуба сделала складчину и заплатила следовавшее с Арсеньева с условием, чтобы он отделал новые суды в своем «Повседневном Листке». Арсеньев обратился к Звенигородскому, который считал себя оскорбленным со стороны судебного следователя Лисовского и написал статью, где прокуроров, следователей назвал ворами и разбойниками. Петербургская судебная палата приговорила их обоих к 4-месячной тюрьме, а «Листок» запретила.

История Звенигородского (по рассказу Сиверса).

Звенигородский приехал в Харьков; в то же время к Сиверсу пришла телеграмма от судебного следователя Лисовского: что Звенигородский бежал, и чтобы его арестовать и выслать его в Петербург. Звенигородский

---

* Пропуск в подлиннике.

** Польза 19 февраля. [Прим. В. Ф. Одоевского].

объяснил свое дело Сиверсу (что-то, где замешаны женщины); Сиверс телеграфировал к судебному следователю: как выслать? под караулом, или обязать подпискою? Следователь отвечал: под караулом. — Сиверс телеграфировал к прокурору, который отвечал: «предоставить Звенигородскому приехать в Петербург». Этот процесс еще не начался.

3 октября

Беспокойство от слухов о неурожае. Сетуют на дозволение вывозить хлеб за границу, на пустоту хлебных магазинов и на непринятие мер для продовольствия.

20 октября

Умер Николай Безобразов. «Весть», объявляя о его смерти, говорит, что он был ее основателем. Что же мудреного, что «Весть» достигла до настоящего своего безобразия. Ник. Безобразов был помешан на противудействии 19-му февраля, и на политическом значении дворянства. Одну статью он подписал: дворянин божиею милостию.

24 октября

Синод сообщил министру внутренних дел о чем-то, необратившем внимания Управления книгопечатанием. В ответ Валуев указал Синоду, что он пропускает места республиканские (!) в выписках из Тихона Задонского в «Крестном календаре», в особенности на место: «Я не твой брат! если не мой, то чий?» и проч. А между тем «Биржевые Ведомости» безнаказанно печатают, что указ 10-го декабря основан на демократических и социальных началах!! Можно предпочесть логику Димитрия Петр. Бутурлина, который в Комитете по цензурному делу на возражение о том, что такие-то места и выражения взяты из евангелия, отвечал, что жаль, что евангелие слишком распространено, а то бы эту книгу следовало бы запретить прежде всех других. Это факт.

В сегодня полученном номере «Голоса» предостережение за № 287, где резкие выражения... о Луи-Наполеоне!

[*29 октября*]

Предостережение «Голосу» за статью против Людовика-Наполеона волнует во всех кружках. Рассказывают, что дело было так. Талейран отнесся к Горчакову, который отвечал указанием на закон, предвидевший этот случай, т. е. начатие иска перед судом. Талейран обратился к Валуеву, который, приехав в совет Главного управления печати, требовал предостережения «Голосу» и, несмотря на то, что совет не находил поводов к предостережению, настоял на своем. — Объясняют эту угодливость французскому послу желанием Валуева заступить место Горчакова.

1 ноября

В «Московских Ведомостях» ноября 1-го № 239 статья, опровергающая (?) этот слух и указывающая, что наше министерство не могло действовать против закона, и что предостережение сделано по поводам, коих в такого рода делах угадать нельзя. — О статье разные толки.

3 ноября

Второе предостережение «Голосу» (в самое время подписки!) за статью о необходимости обрусения прибрежных жителей Балтийского края. Валуев есть нечто вполне непонятное. Общее негодование. — Говорят, что он не только у Луи-Наполеона на посылках, но и у Бисмарка, что он на то и министр внутренних дел, чтобы поддерживать онемечение латышей и

эстов и много тому подобного, показывающего сильное раздражение в публике, между прочим и то, что будучи главою Управления печати, он судья в собственном деле, слышатся в разговорах слова: измена и подкуп.

6 ноября

Людовик-Наполеон сказал своему другу и, кажется, воспитателю Taché de la Pagerie (который сам об этом рассказывал) *: «в Нанте происходят выборы, поезжайте туда и устройте так, чтобы вас избрали». — «Государь, ведь я никогда там не был, я никого не знаю, и кроме того я же ничего не понимаю во французских делах». — «Все равно — я дам вам записку к префекту». La Pagerie поехал, отдал письмо префекту; тот сделал обед, где познакомил его с некоторыми жителями, потом сказал **: «поезжайте, посмотрите фабрики и рудники». — «Да я ничего в этом не понимаю». — «Все равно». Пажери поехал по департаменту, везде его встречали и провожали: «вот наш дорогой депутат», кричала толпа. Он, разумеется, был избран. Возвратясь в Париж, он сказал Людовику-Наполеону: «Государь! Мы, немцы, называем это «фокус-покус». — «Так оно и есть», ответил Луи-Наполеон.

9 ноября

В «Северной Почте» сообщение административное о вреде полемики между русскими журналами и остзейскими с угрозой и указанием на закон 6 апреля 1865 года. Толкуют в Москве так: тонкая штука; статья будто бы направлена против остзейцев, но запрещением и угрозой они обезопасены от разъяснения их действий для онемечения края, т. е. леттов и эстов — в русских журналах. Они будут посылать свои враждебные России статьи в заграничные журналы (как уже и делают), а русские журналы принуждены будут молчать, ибо отвечая на заграничные статьи, они невольно коснутся того, что «Северная Почта» называет возбуждением одной части государства против другой. Напоминание о том, что латышские журналы подвергаются строгой цензуре, когда не выражают сочувствия немцам, а выражают сочувствие России, подойдет ли к категории статей, раздражающих одну часть народонаселения против другой?

[*13 ноября*]

По Москве ходит острота: папа канонизировал Шаспо и — Валуева. Где изобрели это — в Москве или в Петербурге? Полагаю, что идет из Петербурга, ибо ходит на французском языке, что обычнее Петербургу, нежели Москве.

[*19 ноября*]

Толки о Филарете.

Он умер неожиданно; входя в комнату, он упал и ушибся; его подняли с пола. — Толпа у тела ужасная; нет хода не только в церковь, но даже во двор. Обер-полицийместер не мог войти и произнес неосторожное слово полицейским — дави, на что послышалось несколько голосов, что давить нельзя. — Воры пользуются этим случаем; у Свербеевой вытащили все из кармана и карман выворотили.

23 ноября

Печали в народе не было видно; толпа огромная, но больше было заметно любопытство, г л а з е н ь е. Когда гроб митрополита внесли в Чудов монастырь, и народ стал расходиться, то в толпах был слышен обыкновенный голос и смешки.

---

* Далее, до слов «поехал, отдал», в подлиннике по-французски.

** Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.

По Москве уж ходит эпиграмматическая эпитафия, довольно длинная,— мне на лету удалось схватить лишь следующие, кажется окончательные, стихи (предшествующие не помню).

Послушать толки городские
Покойник был шпион, чиновник, генерал, —
На службе и теперь (не помню как) он мало потерял.
По старшинству произведен в святые.

Первый стих кажется так:

Вы слышали про толки городские.

Бывшие у тела говорят, что запах сильный. Купцы хотели нести на себе до Троицы — но расчитали, что это шествие продлится по крайней

Грав. Фрейндъ

МОСКОВСКОМУ ПУБЛИЦИСТУ.

Въ древне-эллинскомъ стилѣ, на англо-готическомъ пьедесталѣ; кромѣ бюста самого публициста предполагается помѣстить медальоны г.г. Леонтьева и Тургенева. Поставленъ будетъ въ Москвѣ—на Разгулѣ.

ПЕТЕРБУРГСКОМУ ПУБЛИЦИСТУ.

Стиля опредѣленнаго нѣтъ; но за то внутри памятника весьма удобно устроена контора „Голоса" и „Отечественныхъ Записокъ". Тутъ же пріемъ объявленій, подписки и продажа „Голоса" отдѣльными нумерами. Поставить предполагается—на каждомъ перекресткѣ.

«ПРОЕКТЫ ПАМЯТНИКОВ ЗНАМЕНИТЕЙШИМ ЖУРНАЛЬНЫМ ДЕЯТЕЛЯМ»

Карикатура И. Богданова на Каткова и Краевского, «Искра», 1867 г.

мере двое суток; решено, говорят, везти на железной дороге в открытом вагоне с хоругвями. Когда я из Сената проходил мимо Чудова монастыря, около 5 часов, народу было пропасть и слышались крики в дверях.

28 ноября

Сегодня сильная статья в «Москве» в ответ на 5-е предостережение.

Ходячая эпиграмма, которую говорят только урывками по стиху, кажется сложилась окончательно так:

Вы слышали про слухи городские?
Покойник был шпион, чиновник, генерал,—
Теперь по старшинству произведен в святые,
Хотя немножко провонял, —
Но сам Сушков об этом хлопотал.

[4 декабря]

Рассказывают, что последние слова Филарета пред смертию были: «бедная Москва, — третьего дурака прислали».

11 декабря

Получил от Соболевского и прочел двух-экземплярную книгу: «На память 9 июня 1867 года» — по юбилею бар. Мод. Андр. Корфа. Собольщиков отзывается обо мне весьма сочувственно и весьма неполно. Деятельность моя в Библиотеке была и шире, и положительнее: всякая в ней работа, не исключая и отчетов годовых, проходила через мою переделку. А в казначейской части я завел порядок и точность, каких не было, хотя залог, внесенный Собольщиковым и находившийся постоянно под моею печатью, обеспечивал сохранение суммы вполне. Mon histoire est encore à faire *.

17 декабря

Большие толки о № 15 «Современных Известий», где разобрана проповедь Терновского на юбилее кн. Ник. Ив. Трубецкого. Мне ошибкой принесли № 13 вместо 15, так что не читал его.

Эпиграмма на юбилей гораздо длиннее, нежели я предполагал. Вот несколько стихов, которые мне удалось схватить:

Затем, куража не теряя,
Москва решилася прославить Николая.
На юбилей он сам призывный подал знак,
Вскричавши: «кто пришел? — Дурак! —
Ему ответствовали миром
И залили его стерляжьим теплым жиром.

Да кстати проповедь Терновский им сказал
И не без умысла бумагу написал:
С подтиркой вперились, и из г... а такого
Склеили памятник на славу Трубецкого.

Двух или более стихов недостает.

25 декабря

У Егория на Всполье, где у Разумовского опять сошлись с Юр. Голицыным и на сей раз с Потуловым. — Я Голицыну сказал, что он видит перед собою Фауста [Фуста], Гутенберга и Шефера, изобревших православную музыку.

27 декабря

На общедоступном концерте Музыкального общества. В концерте (в манеже) было более десяти тысяч человек. Порядок был удивительный, все вошли почти в одно время и все поместились на свои места (были 3 руб., 2, 1 и 20-копеечные). Без всяких недоразумений, благодаря благоразумным распоряжениям директоров общества. Издержек 5 тыс., сбора 7 500 р.

Сидели после концерта с Берлиозом, которого не видал уже 20 лет; постарел жестоко и едва узнал меня. Я сказал ему **: «Вам готовят званый обед, хотят, чтобы я говорил там. Я не люблю говорить публично, но на этот раз я сделаю исключение. Чтобы избежать ошибок, я хотел бы рас-

---

* Моя история еще не написана.
** Далее, до слов «Берлиоз в шуме», в подлиннике по-французски.

сказать вам, на чем я главным образом хочу остановиться». Берлиоз в шуме, вокруг нас происходившем, не вслушался и понял меня так, как бы я просил у него совета *, на что мне следует упирать и отвечал, что он не может мне указывать. Я ответил ему, что имею в виду фактическую сторону, напр. я знаю, что это он признал музыку Глинки и исполнял ее в Париже, но я не знаю, не сделал ли он того же для Львова, обстоятельство, которое я не смогу обойти молчанием, если я буду говорить о Глинке. Берлиоз ответил мне, что он ничего для музыки Львова не сделал и мы условились встретиться в течение недели, чтобы поговорить более обстоятельно на досуге.

30 декабря

На вечере Музыкального общества дирижировал Берлиоз — энтузиазм огромный после каждой части «Чайльд Гарольда». Завтра обед для Берлиоза в консерватории. Но вот Москва! В одной из задних зал Берлиоз сидел и отдыхал; какая-то дама из публики пробралась туда из общей залы, подошла на два шага к Берлиозу и стала его рассматривать в лорнет, как какую-нибудь вещь. Рубинштейн принужден был ей сказать, что это в высшей степени неприлично.

31 декабря

В «Москвиче» сильная и едкая статья против предостережений, — в ответ на весьма неловкую статью «Северной Почты», которую называют сердцеведцем, ибо она у г а д ы в а е т то, чего никто не думал и не совершал.

Сочинял мой спич для сегодняшнего обеда в консерватории для Берлиоза, который и произнес большею частью импровизируя, хоть и по французски. Обед начался в 4 часа, я привез с собою Муромцеву — посадили меня возле Берлиоза, который как будто ожил: спич мой довольно удачен и был принят сочувственно (хотя французский язык не все понимали), Берлиозом в особенности; отвечая, он между прочим сказал, что он приехал в Россию, потому что на своей родине он не слышит больше музыки. Чайковский предложил поставить портрет Берлиоза в консерватории. Берлиоз между прочим сказал, что он никогда еще не слыхал Николая Рубинштейна, — но он все таки не сыграл, говорят, что все эти дни он был занят дирижевкою, от того вовсе не экзерцировался и не хочет уронить себя — после обеда сперва мущины окружили Берлиоза, потом дамы.

У Кошелевых встречали новый год, — была Яковлева с большими музыкальными способностями, но плохо разбирает ноты — мы с ней немного помузицировали, — она к сожалению учится у Венявского, который кормит ее Шопеном и другими подобными пухлыми вещами. Я присоветовал ей Себастиана Баха, в котором она найдет именно то, чего напрасно ищет в Шопене. Она не знает даже симфоний Бетховена и мало Моцарта.

1868 год

5 января

Мельников привез ко мне Кельсиева, весьма интересного и по жизни и по своей организации, склонной к галлюцинациям. Рассказ Кельсиева о его магическом опыте с евреем Хозе в Константинополе. Призрак отца. Душа мира. И проект романа — существа (в виде лягушек), достигшие высшего совершенства, открывшие элексир жизни, философский камень и проч. т. п.

---

* Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.

9 января

Кельсиев рассказал мне предметы трех фантастических романов, из коих более мне понравился «Гном», который я и советовал ему реализовать. Должно между тем опасаться, что Кельсиев совсем помешается, к тому ведет его нервная его натура.

16 января

Большие толки идут о каком-то секретном (?) предписании министерства внутренних дел, по соглашению, как сказано в нем (?) с главноуправляющим 3-м Отделением о том, чтобы открывать лавки прежде 7 часов утра могли лишь те торговцы, кои по своей благонадежности получат на то разрешение полиции. Комментарии следующие:

1-е. До ста тысяч верного дохода для полиции.

2-е. Не получившие разрешения шельмуются, ибо признаются неблагонадежными.

3-е. Полицейский чиновник, не дозволяя открыть лавку, может ли сослаться на секретное предписание, ибо не может сослаться на закон, и пред судом может быть обвинен в превышении власти.

Большое смятение между торговцами — до 60 человек, говорят, подали прошение к голове.

На французском диалекте слышатся такие фразы: on veut faire une revolution artificielle *.

Читал корректуру и дочел «Война и мир». — Главный интерес книги, как романа, начинается с 3-го тома. Любопытна развязка.

22 января

В «Русском» письмо Дмитриева весьма дельное к Погодину о причинах выхода в отставку профессоров.

[*24 января*]

Голод! голод даже в Рыбинске, в Орловской губ., когда в Курской не знают, куда девать хлеб. Общее негодование на отсутствие распоряжений министерства внутренних дел. В Орловской губ. четверть 9 р., в Курской 4 р. 50 к.

Статья в «Голосе» 23-го января о голоде — все слухи подтверждаются. Что же такое творят наши администраторы, так восхваляющие администрацию? Видно фразы и дело — разница.

25 января

В Малом театре. «Иоанн Грозный» Толстого — играно превосходно, пиеса, особливо с 3-го акта, психологически верна и драматична. Но как допускают наши аристократы и олигархи, что на сцену выводятся проделки прежнего боярства, о котором они мечтают?

29 января

В Большом театре — «Руслан и Людмила»—все догадались, что статья за подписью «Современник Глинки» — моя, но она не пошла впрок. Шрамек есть бездарнейший капельмейстер в мире — «Руслана» репетировали, а не играли.

[*15 февраля*]

«Москвич» запрещен журналом Комитета министров, как замаскированная «Москва».

---

* Хотят искусственным образом вызвать революцию.

Тимирязев, проходя в губернское правление, слышал на улице следующий разговор: «Я не тороплюсь моим делом, — Одоевский в отпуску». — Это, в некотором смысле, так сказать... утешение.

16 февраля

Раевского тормошит польская партия; что ни случится — все на него; люди с ним знакомые возбуждают подозрение. Отыскивают все русских агентов; двое оказались немцами; третий Желудков — (он же и Кельсиев, чего Раевский не знал) — оказалось что он с турецким паспортом.

19 февраля

Вечером собрались ко мне гости — человек 20. Когда пробила полночь и, следственно, началось 19-е февраля, я поднял бокал (с русской крепкой шипучкой) и сказал: за здравие и долгоденствие государя императора и во славу великих дней: 19 февраля 1861, 1-го января и 20-го ноября 1864 года; на что гости ответствовали: ура. Я не хотел никаких речей, ибо ужин был запросто, даже в сертуках, вполне семейный. Лишь Погодин сказал несколько слов; он напомнил слова Карамзина о том, что Россия шла всегда между Харибдой и Сциллой — но что теперь, при существовании тех великих преобразований, которые совершились 19-го февраля и 20-го ноября, можно быть уверенным, что наш высокий путеводитель доведет нас благополучно в пристань, минуя подводные скалы.

На обеде у кн. Долгорукова кто-то обратил мое внимание на медальон на пирожном; это было — Освобождение крестьян 19-го февраля. Я нашел, что это делает честь князю, особенно в Москве, где крепостники кишат, и не мог не выразить этого князю, который мне сказал, что многие и не обратили внимания на этот медальон. Путята напомнил мне по сему случаю, что в 47/48 году, когда на одном из наших приятельских ужинов (у Жоржа) Андрей Ник. Карамзин провозгласил тост: «за здоровье нещастнейшего из людей: русского мужика», то мы все весьма струхнули и последовало молчание, — председатель ужина, rex coenae *, на этот раз Д. П. Хрущев, заметил, что такого рода тосты, как имеющие политическое значение, в нашем кругу предлагаться не должны — и, расходясь, мы взяли друг с друга слово никому об этом тосте не рассказывать. А теперь то же и еще сильнее у генерал-губернатора на официальном (в парадных мундирах) обеде!!

Большие толки о двух предметах: о запрещении «Москвича» и о 300 тыс. кулей хлеба, которые гниют без покрышки на московской станции Николаевской дороги, и об свезении по Курской дороге вагонов, которые везли было хлеб. Неудовольствие нескрываемое.

Толкуют, что Николаевская дорога опаздывает с намерением для сбережения топлива, что штрафуются нагоняющие время, что получено от того 100 тыс. в изъян публике.

26 февраля

Обедали Потуловы все трое, Скайлер, которого было рождение и Серов. После обеда Серов познакомил нас с некоторыми частями своей новой оперы: «Не так живи как хочется», которая будет носить название: «Загул». Смелая, но весьма удавшаяся мысль: ввести русскую к о м и ч е с к у ю (частию) музыку в область новейшего искусства. Удивительно удачно лицо старого раскольника.

6 марта

Моя статья о Лаубе напечатана сегодня в «Московских Ведомостях».

---

* Король пира.

9 марта

Моя статья о «Рогнеде» Серова напечатана в «Современных Известиях» — под псевдонимом Тихоныча (в честь Тихона Макарьевского).

10 марта

Ездил за Екат. Алекс. Хомяковой и привез ее в нашу ложу Большого театра на концерт Серова, весь составленный из его сочинений. Московская аристократия по обыкновению отличилась: ⅔ лож и половина кресел были пустыми.

13 марта

Обедал Серов и по его просьбе Ник. Мих. Потулов, Соллогуб, Кочетова — поговорить о том, что ему делать? Не уж-ли возвратиться в Петербург н и с ч е м, кроме л а в р о в? Он получил от дирекции с концерта лишь 100 руб. Решили дать некоторые части «Рогнеды» на святой неделе, но уж в виде концерта, а [не] в виде представления. — Соллогуб читал записку о ссылочных, — поразительные факты.

14 марта

Типографический курьез: Орел непременно хотел, чтобы «Музыкальная грамота» была без опечаток — *при младенческом состоянии наших типографий* я считаю это невозможным. Привез он мне третьего дни первые два листа на веленевой и перламутровой бумаге с уверенностью, что опечаток нет — и что же? на заглавном листе в эпиграфе из Александра Мезенца, где сказано «Рукопись ок. 1667» — так было во всех корректурах, — но перед спуском в стан чья-то рука поправила: 1867!

[*31 марта*]

Университетская история, о которой теперь идет полемика, весьма поучительна. Она вся произошла о т к о л е б а н и я д у х о в н о г о или нетвердости совести. Головнин был болен, когда к нему явилась жалоба ректора Баршева; от болезни-ли, от того-ли, что ему представили законный протест Димитриева, Чичерина и других, как нечто мятежное и что он считал нужным, que la force reste à l'autorité *, только он подкрепил незаконное действие большинства университетского совета. Толстой не захотел изменить решенного его [предшественником], и незаконность утвердилась,— а как всякая нелепость плодуща, то и явились ее плоды в множестве. — Хорошо университетскому совету, что он не подчинен Сенату, который бы не мог не оштрафовать коллегиальное место, дозволившее себе возвратить с надписью (!) особое мнение одного из своих сочленов.

3 апреля

В Большом театре в ложе Свербеевых на представлении итальянцами «Фауста» Гуно — гадость непомерная, одна Арто порядочная и годилась бы для водевиля; прочие все каркают или мяукают.

7 апреля

Обедали Ольга Федоровна Кошелева, гр. Лев Никол. Толстой («Война и мир»), Серг. Андр. Юрьев (математик).

В 9½ часов небольшой припадок. Написал для гр. Толстого (для умерщвления Элен) описание припадков моей Angina pectoris.

10 апреля

Мысль Серова о 9-й симфонии весьма оригинальна и основательна. Юрьев предполагал дать ему обед; я предложил лучше подписаться всем вкупе на его журнал.

* Чтобы сила осталась на стороне властей.

[28 апреля]

Я рассказывал Дмитриеву легенду: в день рождения Баршева Лешков явился к нему с двумя свертками: в одном две веревки с петлею и с гвоздями, в другом бумага с надписью: «Жертва профессора Дмитриева».

1 мая

«Москва» получила второе предостережение за № 18, где статья о смертной казни,—правду сказать, не совсем ловкая в выражениях, хотя и правдивая в основе — то же бы слово, да не так бы молвить. — В Москве городе толкуют, что только к этому придрались, а что наказание последовало за статью о паразитах.

[5 мая]

Рассказывают, что два высоко стоящие лица предлагали немцу издавать газету, которой целию было бы доказать что р у с с к о й народности не существует, что Россия состоит из разнородных племен, имеющих каждое особую народность; в одном лишь расходились эти государственные люди: один находил, что сплотить эти разнородные элементы в е д и н с т в о может лишь представительное правление, другой — лишь самодержавное. Немец отказался, говоря, что невозможно отрицать русской народности.

[19 мая]

Обыкновенная речь гр. Панина к являвшимся к нему губернским прокурорам была: «Вы в отпуску? На сколько времени? Пожалуйста, не про-

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

срочьте». И только! Никогда он об ином не разговаривал с губернскими прокурорами, т. е. прямыми своими помощниками.

Минье до Крымской войны предлагал свои ружья. Нашли что изобретение прекрасно, но что ружья воронены е, следственно, не будет в них блеска, и притом не будет игры шомполом.—Говорят, что император Николай написал на донесении комитета, предлагавшего принятие этих ружей: «Этим нарушится вид строя».—Говорят, что ныне царствующий государь, увидев это решение, был грустно поражен исходом этого дела, столько имевшего влияния на Крымскую войну.

Казначеев пишет свои записки, в 1812 он был при главной квартире. Его любопытный анекдот о плане войны (потерявшемся) и о письме Шишкова (с Аракчеевым и Толстым) к государю Александру 1-му о вреде пребывания его в армии.

24 июня

Столыпин, брат кн. Марии Арк. Вяземской (урожд. Бек), сказывал мне, что у всех многоземельных владельцев или увеличились доходы, или остались те же; потеряли лишь те, которые получали доход не от земли, а от личной работы крепостных. Я советовал ему читать «Весть» и отвечать на ее крики,—но он говорит, что в губернии никто «Вести» не читает.

1 июля

Погодин, которого ученики Калачев, Буслаев, Кавелин, предлагал—изустно—даром—заниматься с молодыми студентами, готовящимися в учителя,—но министр просвещения до сих пор не сделал ни шага.

5 июля

У Тургенева, который все еще страдает от подагры.

7 июля

Иван Сергеевич Тургенев приезжал прощаться, уезжает в Баден, где он свой дом должен был продать, по милости своего дядюшки.

10 июля

Замечательная статья о контрактах лифляндских рыцарей с крестьянами в сегодняшнем номере «Московских Ведомостей» и с копиями контрактов; рыцари, вследствие законов 14-го мая 1865 и 18-го марта 1868 (в крае, где 9/10 не немцев) и удвоили плату за аренду и завели барщину потяжелее прежнего, да охранили зайцев и зерноядных птиц. Поучительный пример для наших крепостников. Не этого ли рода успех пророчила себе «Весть» вместе с приглашением панов на обед начальника губернии с отстранением чиновников, чтобы не оскорбить польское народное самолюбие?

22 июля

Сделал первый опыт над звучащим цилиндром, от которого нити шли к одному уху; вся гамма проделывается посредством ударов по цилиндру.

26 июля

Заезжал к инструментальному университетскому мастеру, которому заказал металлическую жердь для акустического микроскопа.

Замечательная московская черта: во всей Москве один только рещик умеет делать на металле правильные деления — но он в больнице и некому делать. Во всей Москве нельзя найти стеклянной жерди длиннее аршина, ни даже трубки стеклянной, которая бы с одного [конца] не была тоньше другого. Вот тут и делай опыты!

[28 июля]

Некоторые из единоверцев по наитию из Петербурга (!) желали бы иметь отдельную иерархию. Сорокин весьма против этой мысли, и он прав,— как возможно посредством разделения и притом оффициального, законодательного, достигнуть соединения? просто бессмыслица! Главное тут дело — гласность для обеих сторон,—тогда раскольничья галиматья выплывет на свежую воду; затем более независимое положение православных священников. Пусть выбираются приходом сперва в причетники, потом в диаконы и в священники, но не зависят от каждого прихожанина в каждой житейской нужде,—т. е. пусть будут на жаловании.

6 августа

Делал опыт с моими акустическими очками в саду; на расстоянии 60 сажен звук струны в ½ милим. в диаметре был явственно слышан, словно удары колокола или далекой пушки. Как назвать? Телефон, или звукособиратель? — Далекозвук? — Не хорошо. Бартенев и Шрейдер испытывали вместе со мной.

26 августа

Работаю над звукособирателем. Удивительные вещи открываются.

Обед в Английском клубе, откуда хотел приехать к Ф. И. Тютчеву, но он сам приехал в клуб. Мы с ним должны были отстаивать дело религии (какой бы то ни было), как государственной силы против разных господ, которые остановились еще на Вольтере.

30 августа

Даль советует назвать звукособиратель звучник — не лучше ли созвучник?

5 сентября

Повторил опыты Блейна над цилиндрическими звучащими телами — он слышал звуки лишь поверхности их — звукособиратель дает звук вибрации всего цилиндра, с силой неимоверною.

[8 сентября]

[Ни] «Московские Ведомости», ни «Современная Летопись» до сих пор не печатают моей статьи: «Гласность и полугласность — разница» (по поводу напраслины на меня). Посмотрим, что будет далее.

Вас. Андр. Дашков говорил мне, что он отнюдь не хочет присланные из Вильны вещи называть польским отделом,—а просто: вещи, присланные из Виленского музея для хранения в Московском, ибо лишь нумизматическая коллекция имеет достоверность, а все прочее суть предметы такого рода: камень от могилы Тышкевича, зрительная трубка Костюшки, шинель Мицкевича и проч. и т. п. В надписях над вещами он намерен употребить выражение: по каталогу Виленского музея — шинель Мицкевича и т. д. Я вполне одобрил эту мысль. Ясно, что этот странный музей был лишь одним из политических средств мятежного ржонда.

22 сентября

На музыкальном вечере итальянском у Мар. Вас. Бегичевой.— Болтал с Арто и с Кочетовой. Воля ваша, господа итальянцы — то что вы называете музыкой — не музыка. Я давно уже не слыхал порядочных итальянцев и мне любопытно было проследить самого себя — какое впечатление они произведут на меня? Для сего я уничтожил в себе всякое предубеждение и приготовил себя вполне девственно. Стенио — чудесный голос,

напоминающий Тамберлика; Рота — славный баритон; старшая примадонна после Арто (забыл как звать) также с голоском и умением; хорошенькая Беннати покуда дрянцо с [нрзб]. Пели они — Rossi — [нрзб] на сцене это еще сносно, — на эту музыку смотришь как на арлекинаду, — в комнате это — клохотанье, пляска Пиерро у вас под носом, он обсыпает вас мукою. Какое-то пение из Ambroise Thomas ниже всякой критики, — претензии ужасные, — в существе пошлость. Ария, петая Рота из «Maria di Rohan» Донизетти, которая длинна, скучна и пуще всего пошла. Все это выпевается с болезненным усилием голоса, сходящим на едва слышимое piano — все это оченно удивительно, — но музыкальное чувство не удовлетворено. Клоун, ломающийся для потехи, клоун важный — все клоун, а на клоуна нельзя смотреть без негодования на унижение им человеческого достоинства; здесь нет художества, а только акробатство; условная красота, условное искусство. Утешила меня лишь Арто, хотя в сильном насморке, небольшой песенкой негров и испанским простонародным дуэтом; тут — хоть тень музыки.—Вредны итальянцы тем, что приучают слух и чувство народа к своей условной красоте и ложной выразительности. Клингворт играл фантазии на манерный квартет из «Риголетто» — манерного Верди; октавы обеими руками без конца,—также оченно удивительно, но музыки я ожидал тщетно.

Искусство тем велико, что мирит с жизнью — но итальянская музыка проходит мимо жизни.

[*29 сентября*]

Рассказ Аристова о том, как по милости Панина все судебные места пришлось отдавать под суд,—и гнев имп. Николая — на Панина.

1 октября

Аббат Безо возвратился из Франции.—Там еще уверены, что мы едим сальные свечки и что мировые судьи и присяжные у нас только на показ, чтобы было о чем напечатать в газетах. У одного епископа Безо встретил одного господина, который возбуждал всеобщее участие своими рассказами о варварстве русских и о своих подвигах во время рюконда. Безо узнал в нем Ковиеля, который в 1863 году был еще в училище, где Безо учил; когда Безо стал его стыдить за ложь, он отвечал что Россия такой враг, что все средства против нее дозволены.—«Даже и ложь?» спросил Безо.

3 октября

Сегодня в департамент прибыл кн. Петр Ив. Трубецкой в полном бешенстве на решение Окружного суда, присудившего отставного полковника Колзакова к лишению особых прав и тюрьме, за замазание склепанных копыт у проданных лошадей. Трубецкого аргументы удивительные: «Как можно! полковник он, ведь это не какой-нибудь цыган».—«Да зачем же полковник поступает по-цыгански?»—спросил я.—«Да ведь иначе нельзя торговать лошадьми» — т. е. без мошенничества.—«Это все красные» (напр. Дейер!!)—«Кто же красные?—отвечал я.—Красные одни мы, сенаторы, потому что носим красные мундиры. Высший класс должен подавать примеры нравственной чистоты». В Английском клубе промышлявшие конским мошенничеством в полном отчаянии. Эдак, говорят, от нашего промысла надобно отказаться — ведь покупатель должен видеть, что он покупает!

13 октября

От 10 октября распоряжение министерства юстиции о том, чтобы в московском Сенате уже не ведались бы дела, поступившие с 1-го октября сего года. Они распределены по петербургским департаментам.

20 октября

Гр. Шувалов — командир Семеновского полка, прежде стрелкового батальона — его статьи, писанные другим, что открылось тем, что этот работник, в досаде, подсунул Шувалову копию статьи из «Военного Сборника», которую Шувалов и отправил к Сухозанету, в виде записки собственного сочинения.

24 октября

В «Моск. Вед.» № 229 объявление Аксакова, что «Москве» 3-е предостережение и запрещение на 6 месяцев—за то, что «продолжает обнаруживать прежнее резкое (?) направление, которое неизбежно ведет к возбуждению вражды между населением и раздражения против действий правительственных властей» — и указаны передовые статьи в №№ 128, 136, 141, 154, 155 и статьи областного отдела в №№ 114 и 134.

Любопытная редакция! В конце цитуется закон так: «на основании п. II высоч. указа 6 апреля 1865 г. и ст. 29 отд. II высоч. утвержденного мнения Госуд. совета и проч.» — малограмотный подумает, что «Москва» запрещается с е п а р а т н ы м указом. — Не понимают эти легкомысленные господа России, а от того и Россия их не понимает.

Нет у государя добрых помощников,—а лишь честолюбцы или лентяи, но и Петру I-му приходилось бороться с тою же бедою: «сам знаешь», писал он, кажется, к Апраксину, «не за кого взяться». Но бог помог Петру I-му, как поможет и Александру II-му.

26 октября

После обеда заехал в Английский клуб положить мои баллотировочные шары; народу пропасть — 136 человек, когда как в иную пору бывает не более 60 человек. Юрий Самарин прошел блистательно, лишь 11 черных. За Самарина очень боялись, говорили, что против него соединилась немецкая партия с крепостниками,—но однако же вышло иначе. Я, по обыкновению, не вступал в разговоры, но проходя чрез разные группы слышал: этот тот, который в прошлом году т а к о т д е л а л д в о р я н с т в о и проч. т. п.

1 ноября

Гатцук—с корректурою моей статьи о пожарах. Курьез. Цензор (Безсомыкин) не хотел пропускать в о б ъ я в л е н и и о «Крестном календаре» н а з в а н и е моей статьи «Известные и малоизвестные причины пожаров». Почему знать — говорил он — может быть говорится о поляках поджигателях?»?! Комитет пошел дальше: он потребовал, чтобы ему представлены были в с е с т а т ь и календаря, прежде напечатания и х н а з в а н и й.

2 ноября

Окончил статью для «Крестного календаря». — «Печное мастерство» и «Два слова для пьющих водку».

[*3 ноября*]

Дим. Ник. Свербеев член мирового съезда и, кажется, пристратился к своему делу; он находит, что мировые судьи такое благо для народа, какого нельзя было представить.

13 ноября

Когда я говорил Иннокентию о необходимости ввести серьезное преподавание церковного пения в семинарии, дабы предохранить его с одной стороны от раскольников, с другой от итальянщины,—он вздохнул и сказал: какое пение?—у нас читать не умеют.

22 ноября

В концерте Музыкального общества (на хорах). Увертюра Балакирева, состоящая из чудесных элементов — но не округленная. Арто удивительно пела I verdi prati[1] Генделя. Чайковский что-то очень ухаживает за Арто

24 ноября

Смирнов Ник. Мих. у Свербеева давал мне читать свое предложение земству об учреждении по приходам (как последняя общественная единица) попечительств гражданских, по образцу духовных попечительств, из всех сословий с возложением на них школы, санитарной части и проч.— словом все, чего земская управа исполнить по пространству расстояния не может. Мысль недурная, но исполнение трудно; а может эти ближайшие интересы и расшевелят провинциальную лень.

Дим. Ник. Свербеев дал мне прочесть свою 2-ю статью о Ростопчине,— где он все-таки называет его убийцею Верещагина, но объясняет, что это убийство произведено было не из трусости, но по психическому настроению Ростопчина в дни 1812 года. — В конце Дим. Ник. прибавил четыре строки, где выражается опасение, что при более у нас развивающейся свободе такие явления будут чаще. Я утверждал напротив, что настоящий порядок вещей в России удалит возможность подобного самоуправства и беззаконности. Свербеев остался непреклонен. «Весть» наверное взмылит эти несчастные 4 строки.

У одного из моих тритонов растет грива, следственно, он самец и я могу ожидать маленьких тритонов.

26 ноября

Преловкая статья в 132 № «Вести» 25 ноября в фельетоне: «Этюды западнорусского вопроса» — где доказывается не производство революции, но что русские затеяли контр-революцию и дошли этим путем до социализма. Ловко! Славных учеников образовали езуиты.

[*8 декабря*]

Чаев устанавливал в течение 6 часов народ в своем «Самозванце» из солдат; на другую репетицию он заметил, что прислали других, разумеется, ничего не знавших. Он обратился к офицеру, который объявил, что вчера были люди из одной роты, а сегодня нарядили других; на толкование Чаева о невозможности такого распорядка, офицер отвечал: «извините, я не получил блестящего (sic) образования и не могу понять, чего вы требуете; вам нужен народ — вот вам тридцать человек — чего же вам более?»

14 декабря

У Юрьева (математик Сергей Андреевич), где Серов играл первые три акта своей оперы: «Не так живи как хочется» — 3-й акт чудесен — здесь действительно русская песня доведена до трагедии. Лажечников [Писемский] сказывал мне, что он окончил свой роман в 5-ти частях: «Люди сороковых годов» — мысль довольно близкая к моему «Самарянину».

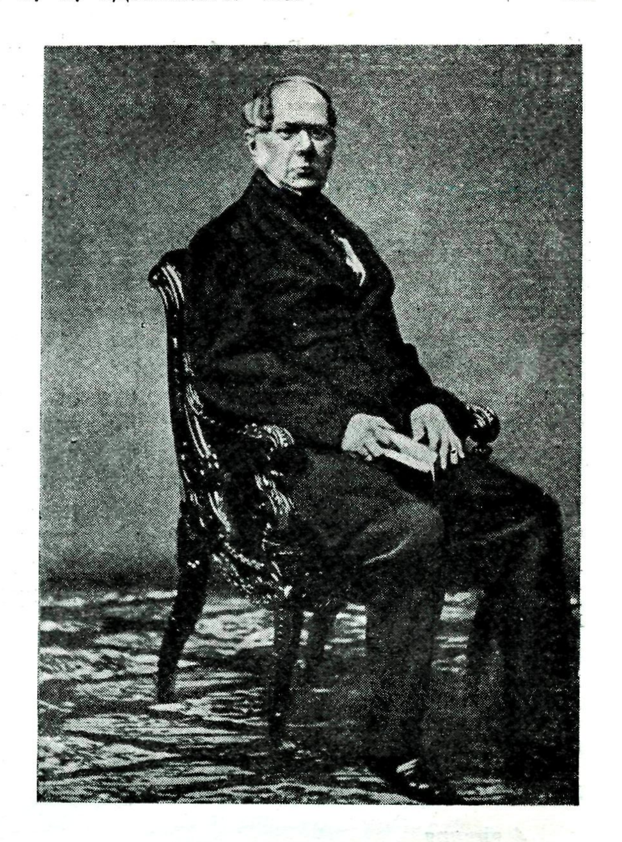
15 декабря

Обед у Дим. Свербеева для членов Серпуховского земства. Познакомился с Жуковым, мировым судьею Серпуховского уезда и Мошниным — стеариновым заводчиком. Эти господа весьма довольны состоянием Серпухов-

---

[1] * Зеленые луга.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ
Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы,
Ленинград



ского уезда; народ меньше пьет и почти перестал ругаться матерщиной; к судам полное доверие; жалуются крестьяне на свои волостные суды и называют их лапотными, говоря, что они хуже сапожных. Адвокатов почти нет.

Ходившая эпиграмма на юбилей кн. Сергея Михайл. Голицына.

Нынче праздник, юбилей,
От того, что барин некий
Был известный дуралей
Целых пять десятилетий.

Рассказывают, каким образом один кн. Шаховской попал неожиданно для него самого в обер-прокуроры. Кто-то из сильных лиц просил гр. Панина определить обер-прокурором Капустина (впоследствии известного юриста).— Гр. Панин призвал Топильского. «Что это за неприличная фамилия»? — «Точно так ваше сиятельство,—неприличная,—срамота».—«За него просит N..., как бы отделаться. Подайте мне список». Просматривая список чиновников министерства юстиции, он остановился на имени Шаховского. «А вот прекрасное имя — сказал Панин. — Его и определить обер-прокурором, задним числом, а N... уведомить, что уже эта «ваканция замещена».

17 декабря

Заезжал в Консерваторию—где слышал целый оркестр учеников (до 25 человек), разыгрывавших очень порядочно симфонию Гайдена. Муромцеву свез домой, она у нас обедала и с нею в «Рогнеду». С Мансуровыми в ложе. Театр был полон—идет лучше, но Демидов фальшивит, Радонежский

(Владимир) не играет. Всего более произвел на публику впечатление в этот раз 3-й акт с хором странников; следственно, публика способна слушать серьезную музыку и нечего ее прикармливать макаронами на розовом масле.

[29 декабря]

Говорят, что Иннокентий, побывав на лекциях богословия в университете и гимназиях, был поражен их огромностию и сказал: «самый лучший способ наделать атеистов». — И оно действительно так, ибо лучшие мысли правительства получают у нас безобразное исполнение.—При распространяющемся нигилизме правительство желало подкрепить религиозное направление. Исполнители поняли это так: они расширили в университетах и гимназиях преподавание богословия (забыли, что Чернышевский, Добролюбов, Благосветлов, Помяловский, Антонович и друг. были воспитанниками семинарий и духовных академий); а в закрытых заведениях по субботам не отпускают детей домой для того, чтобы воспитанники не пропустили всенощной. Понятно, какое религиозное направление получит школьник, в продолжение недели ожидающий благословенной субботы, и как он должен честить всенощную, для которой его задерживают. Не уж-ли еще не вывелись люди, которые полагали, что механикой можно сделать человека и религиозным и нравственным. Вот каким путем у нас попадают в цель, вполне противоположную желаемой!

1869 год

2 января

В Сенате в первый раз присутствовал Панин и, кажется, остался весьма доволен моим председательствованием.

4 января

На концерте Музыкального общества «Садко» Корсакова—чудная вещь, полная фантазии, оригинально оркестрованная.—Ежели Корсаков не остановится на пути, то будет огромный талант... — Клингворт играл концерт Шопена,—разумеется, меня окружили со всех сторон с вопросами о моем мнении. Я употребил хитрость—отвечал: Klingwort est fait pour la musique de Chopin *, и на этом останавливал мою речь, — но для немногих прибавлял: il a dans son jeu tout le faux et le manière qui se trouvent dans la musique de Chopin et au bredouillage du compositeur il ajoute le sien avec une grâce toute particulière **. Ольга Ивановна и Муромцева в отчаянии от такого моего отзыва.

7 января

Обедали Дим. Ник. Свербеев и Рахманинов, с которым я вчера познакомился у Бартенева, он привез мне свои композиции — очень недурно, есть изобретение и вкус, недостает знания.

У Кошелева — толки о выборе председателя Общества Любителей Российской Словесности — я решительно отказался, но подписал приглашение к Соболевскому на вступление вновь в члены.

[12 января]

Юр. Самарин избран в Общество Любителей Российской Словесности председателем, большинством 1 (Щебальского?) — но, говорят, что он отка-

---

* Клингворт создан для шопеновской музыки.

** В его игре есть вся фальшь и манерность шопеновской музыки, а к бормотанью композитора он с исключительной грацией прибавляет свое.

зывается, представляя, что ему не следует принимать на себя должность председателя, ибо царь на него в неудовольствии, что он в опале. Так рассказывают — я не был в этом заседании 8 января.

19 января

Кошелев, Путята, Лонгинов (и Соболевский) уговаривали и упрашивали меня принять звание председателя Общества Любителей Российской Словесности; я отказался решительно—пока я сенатор; а с сенатскими делами нет возможности заниматься другим, разумеется, дельно; это было бы нечестно; и напрасно друзья на меня сердятся за отказ. Я им указываю на Черкасского.

Соллогуб написал дюжину куплетов с припевом: «благодарю, не ожидал».

Между прочим следующие:

Пришлец с славянского поморья,
Галынский с нежностью сказал:
Я вижу горы Черногорья,
Благодарю — не ожидал.

21 января

Сегодня в «Моск. Вед.» декларация конференции! Бедная Греция! Жертва австро-англо-французской политической безнравственности. Австрия и Франция — куда бы ни шло,—но Англия! О мудрые люди, занимающиеся делами!

26 января

На бенефисе Кочетовой с Свербеевыми и Муромцевой — «Жизнь за царя». — Не все места были заняты, но однако рассчитывают, что ей очистилось до 1 500 рублей — цены были возвышены (ложа 15 рублей). Дебютировала сестра Кочетовой, Соколова в роли Вани—хороши высшие и низшие звуки — medium'а нет. Была очень хорошо принята и рукоплескания усиливались от некоторых шиканий.

«Весть» № 15 напечатала ужасную статью об славянофилах, над которою, как видно, трудились сообща,—ибо пропасть выписок—даже из «Европейца» Киреевского, который и забыт и ненаходим—все это подогнано к «Москве» с целью напугать сенаторов, которые будут судить Аксакова. Благородно и делает честь «Горстке», о которой говорит доклад комиссии здешнего Дворянского собрания.

Редакция «Моск. Ведомостей» отказала Юрьеву в напечатании его статьи о «Рогнеде» Серова. Вот то-то и есть! Как скоро нам попадет хоть маленькая власть в руки,—мы и начнем деспотничать.

Верить ли журналам, что вел. кн. Владимир Александрович будет докладчиком по делу Аксакова? Едва-ли. Зачем ему быть участником в этом coup monté *, как видно в приготовительной статье «Вести».

Говорят, что подготовительную статью против «Москвы» в № 15 «Вести» сочинил какой-то Владимир Ржевский (?). Говорят, что сенатор Крушин [Клушин] привозил ее в Сенат и читал сенаторам.

29 января

На репетиции «Воеводы» Чайковского.—Русская тональность господствует,—но даровитый Чайковский также не устоял против желания угодить публике разными итальянизмами. Эта опера — задаток огромной будущности для Чайковского.

Писал к Чайковскому, звал его к нам в ложу № 14, которая приходится прямо против сцены.

* Подстроенном деле.

30 января

Чайковский отвечал мне, что намерен спрятаться в ложу на сцене, чтобы никто его не видал. Заехал за Муромцевой и поехали на «Воеводу»—в ложе были Киреева и Ольга Ивановна. Приходил [Н. Г.] Рубинштейн, раздосадованный критикой Ник. Ив. Трубецкого и какого-то Похвиснева.

Представление удалось—Чайковского несколько раз вызывали и Меньшикову также,—хотя она фальшивила по обыкновению несколько раз; а голос удивительный—чисто взяла верхние Re бемоль, но что проку! Если бы она, Демидов и Орлов—учились!

В сегодняшних «Современных Известиях»—страшное дело скопца Плотицина, у которого (в Моршанске) был скопческий Иерусалим,—и под полами до десятка миллионов (!?) — старою монетою; следственно, сокровище собиралось издавна. Этим богатством объясняется, от чего все скопческие дела оканчивались ничем. Поднял дело губернатор Гартинг — слава ему, — но какую борьбу он должен был выдержать против взяточников!

Я сказал Гатцуку — у меня душа изныла, когда я читал вашу записку о вашем брате; если она справедлива, если половина ее справедлива — это дело вопиющее; но в том и вопрос: до какой степени она справедлива? На этот вопрос я мог бы отвечать лишь по рассмотрении всего дела, если бы был призван судить его; но я связан самим моим званием,—я не могу идти в чужой департамент и разбирать, справедливо ли там решили. Что же касается до так называемого нравственного влияния, то я всегда отвергал его, когда ко мне с ним подъезжали; могу ли я приняться именно за то, против чего я всегда протестовал. Кажется, Гатцук это понял.

[5 февраля]

Государь может, на беду, повторить слова в письме Петра I-го к Апраксину: «сам ты знаешь, на кого я могу положиться!»

6 февраля

В «Моск. Вед.» любопытные протесты предводителей дворянства, которым редакция «Вести» послала свою газету бесплатно. Цифровое доказательство, что быт русский улучшился со времени 19-го февраля 1861 года!

В «Голосе» статья против Александровой-Кочетовой, написанная с остервенением.

8 февраля

Замечательная статья в «Русском Вестнике» о югозападном крае и ответ Ренненкампфа Герцену.

11 февраля

В январской книжке «Отечественных Записок» меня упрекают в самоунижении, потому что на вечере Музыкального общества в честь Берлиоза я сказал несколько слов о том, что от Берлиоза был дружеский прием (accueil amical), что эти господа перевели: «благосклонное внимание». Нечего делать — надобно возражать, иначе молчание будет знак согласия.

23 февраля

На второй лекции Бессонова в д. Кошелева. После познакомился с Смирновым, издателем «Православного Обозрения».

Воротился домой с ознобом и болью в бедрах, так что с трудом мог раздеться.

24 февраля

Совсем болен, сильный озноб, икота, боль в бедрах. Шнейдер электризовал меня и присоветовал улечься в постелю; что я и сделал и предаюсь сну—лучшее мое лекарство.

Отправка пакета определений в Сенат.

25 февраля

Боль в бедрах менее, но икота—непрерывная. Какая? Симптоматическая, обещающая острую болезнь,—или временная?

Приходил ко мне испуганный Дим. Вас. [Разумовский], который узнал о моей болезни в консерватории.

Кошелев — Соболевский. — Клистир не подействовал. — Икота мешает сну.

ПРИМЕЧАНИЯ

1859 год

[*Январь*]

Об этом деле сохранилось упоминание в отчетах III Отделения: «В Санкт-Петербурге жена инженер-штабс-капитана Баранова, имея в услужении крепостных людей своего отца, помещика Новгородской губернии Азарьева, подозревала девку Андрееву в краже и, вынуждая ее в том сознание, посадила ее на горячую плиту. За это Баранова предана суду, а люди отправлены в имение владельца» («Крестьянское движение 1821—1869». М. 1931. Вып. I, стр. 126). См. также «Колокол», 1859, л. 57—58: «Елизавета Андреева показала, что Баранова, чтобы заставить ее возвратить взятый ею носовой платок, посадила ее 15-го января 1859 г. в кухне на плиту, при чем была горничная Татьяна Аполлонова; что, почувствовав сильную боль, она соскочила с плиты и, отыскав платок, получила еще от госпожи три удара по лицу... Баранова предана уголовному суду. Сверх того из собранных сведений оказалось, что и мать ее, помещица Валдайского уезда Азарьева, вполне достойна дочери, что крестьяне совершенно разорены, а жестокие наказания заставили некоторых из них лишить себя жизни: трое удавились, один утопился. Такое управление продолжается более двадцати лет и только, по случаю происшествия с Елизаветой Андреевой, Азарьевы удалены от имения и назначено формальное следствие».

Февраль

И. Огрызко, издатель польской газеты «Slowo», был арестован (а газета закрыта) за помещение письма И. Лелевеля с редакционным примечанием. Письмо это не имело никакого политического значения; оно действительно было напечатано в журнале «Teka wilenska» (1858, № 3). Огрызке инкриминировалось лишь самое упоминание имени Лелевеля. В связи с этим министерством народного просвещения был разослан соответствующий циркуляр о запрещении упоминания в печати имени Лелевеля (см. подр. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений под ред. М. Лемке. П. 1917—1925, т. IX, стр. 545—550, прим. М. Лемке). Впрочем, по словам В. Д. Спасовича, товарища Огрызко по редакции, «для властей Царства Польского была крайне неудобна газета, издаваемая в Петербурге и толкующая о том, что происходит в Царстве польском... Настоящие мотивы, вызвавшие закрытие, неизвестны. Повидимому, «Слово» пострадало за то, что приняло участие в возникшей между варшавскими газетами и обострившейся полемике по еврейскому вопросу» («Воспоминания о Кавелине» — Собр. соч. К. Д. Кавелина. Т. II, стр. XV). Это же подтверждается и замечаниями О. Пржецлавского («Рус. Арх.», 1872, I, стр. 1031—1042).

Огрызко был вскоре освобожден. «Заключение его в крепость и закрытие журнала вызвали в публике самое тяжелое впечатление» (Никитенко, т. I, стр. 554). Известно, что об Огрызке писал Александру II И. С. Тургенев (копия письма Тургенева была сохранена Одоевским. Бумаги Одоевского в Гос. Публ. Б-ке, пер. 85, л. 64—66); письмо Тургенева напечатано в «Сборнике Рос. Публ. Б-ки, т. I, в. I, стр. 197—198); соредакторы по «Слову» подали всеподданнейшее прошение; в записи 15/III Одоевский упоминает также о ходатайстве Жемчужникова.

В 1865 г. Огрызко был сослан на каторгу за поддержку польского восстания 1863 г. См. также записи 13—15/III и 22/XI.

Март

14

Журнал «Сельское Благоустройство» выходил под редакцией А. И. Кошелева в 1858—1859 гг. как приложение к славянофильскому ежемесячнику «Русской Беседе». «Сельское Благоустройство» высказывалось за отмену крепостного права; Добролюбов назвал даже «Сельское Благоустройство» гуманнейшим и дельнейшим журналом по крестьянскому вопросу («Совр.», 1859, № 4, стр. 234). Журнал закрылся не вследствие недостатка подписчиков, а из-за цензурных затруднений (см. письма Кошелева в книге О. Трубецкой «Материалы для биографии князя В. А. Черкасского», т. I, кн. 2, М., 1904, стр. 10).

«Журнал Землевладельцев» издавался в 1858—1859 гг. А. Д. Желтухиным. Это был орган крепостнического дворянства; он высказывался за освобождение крестьян без земли.

17

Московский генерал-губернатор гр. Закревский, один из характернейших николаевских администраторов, крайний реакционер и самодур, явно не соответствовал «либеральному» курсу первых лет александровского царствования. Причиной увольнения Закревского, ярого сторонника крепостного права, было, повидимому, противодействие с его стороны обсуждению вопроса об освобождении крестьян. Поводом же к отставке послужило разрешение Закревского его дочери Лидии Арсеньевне Нессельроде выйти при живом муже замуж за кн. Друцкого-Соколинского. См. об этом эпизоде у А. В. Никитенко («Моя повесть о самом себе», изд. 2-е. СПБ. 1904, т. I, стр. 563—565). Необходимо отметить, что при издании дневника Никитенки была выпущена характеристика Л. А. Нессельроде: «...не хуже Мессалины известная своими похождениями» (рукопись дневника Никитенко — ИРЛИ). См. также запись 26/IV.

18

Прозвище кн. М. Д. Горчакова — намек на его безуспешные попытки успокоить Польшу путем небольших уступок.

Книга И. Беллюстина «Описание сельского духовенства», рисовавшая это духовенство в очень мрачных красках, была издана анонимно за границей (в «Русском Заграничном Сборнике») М. П. Погодиным. В. «Духовной Беседе» статьи против этой книги не было, не было такой статьи и в «Домашней Беседе». Очевидно речь идет об анонимной брошюре, принадлежавшей А. Н. Муравьеву «Мысли светского человека о книге «Описание сельского духовенства». СПБ. 1859; об этой брошюре Одоевский в другом месте иронически отозвался, говоря, что она похожа на «Остров любви, про который Третьяковский говорил: книжка не велика да мудра» (Бумаги Одоевского, пер. 21, л. 6). Критикам книги Беллюстина посвящены две статьи Н. Добролюбова («Совр.» 1859, № 6, совр. обозр., стр. 340—344 и 1860, № 3, совр. обозр., стр. 1—18).

Повидимому, данная запись Одоевского основана на непроверенных слухах. Это подтверждается и тем, что ни в одной из духовных академий не было упоминаемого им преподавателя Медведева. См. также запись 29/V.

Н. Гиляров-Платонов был профессором Московской духовной академии и ушел в отставку под давлением митрополита Филарета, недовольного общим духом преподавания и бытовыми иллюстрациями, которыми сопровождал свои лекции Гиляров-Платонов. По свидетельству С. Модестова, ничем впрочем не подтверждаемому, причиной отставки была записка Гилярова-Платонова о расколе (Сб. «У Троицы в Академии» М. 1914, стр. 125). В 1862 г. Гиляров-Платонов был уволен и из цензурного комитета.

Об отношении Одоевского к московскому митрополиту Филарету см. ниже записи и прим. 19—23/XI 1867 г.

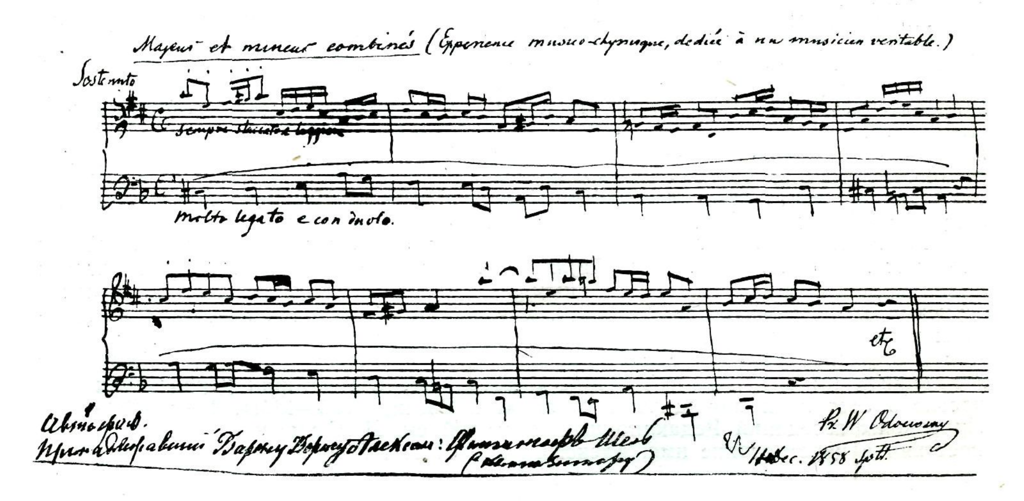
26

Общества или, точнее, братства трезвости стали возникать в России стихийно в 1858—1859 гг. среди крестьян западных и приволжских губерний, как ответ на злоупотребления откупщиков. Припрятывая дешевые сорта водки, так называемое полугарное вино, продававшееся по твердым ценам, откупщики взвинтили цены на вино улучшенного качества. Общества трезвости явились, по существу, бойкотом откупщиков; отчеты III Отделения характеризуют их следующим образом: «крестьяне на мирских сходках добровольно отрекались от вина с назначением денежных штрафов и телесных наказаний тем, которые изменят этому соглашению, и торжественно, с молебствиями, приступали к исполнению условий». Сломить крестьянский бойкот ни откупщикам, ни правительству долгое время не удавалось. Министерство внутренних дел противодействовало движению,

во-первых, запрещая облагать штрафами за употребление спиртных напитков и организовывать братства на основе письменных соглашений и, во-вторых, убеждая откупщиков выпустить полугарное вино в продажу. Однако и после правительственного вмешательства дешевое вино в продажу появлялось далеко не всюду. Тогда крестьяне, основываясь на циркуляре министра внутренних дел и требуя полугара, в разных местах стали громить кабаки. Волнения были подавлены только при помощи военной силы. См. «Крест. движ.». Вып. I, стр. 134—136; ср. также ряд статей и корреспонденций в «Колоколе» 1859—1860 гг. См. также запись 26/IV.

Апрель

4

Никаких серьезных студенческих волнений в апреле 1859 г. не было. Речь идет о незначительной стычке между студентами и полицией (ср. Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М.-Л. 1934, стр. 250).

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШУТКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Автограф В. Ф. Одоевского из альбома Б. А. Фитингоф-Шель

Публичная Библиотека, Ленинград

В Городовом положении 1775 г. размещение гласных в зале Думы было строго регламентировано: «В Городской Думе сидит Городской Глава на стуле по средине; против Городского Главы сидят на лавке на право голос цеховых, на лево голос посадских; возле Городского Главы в правом завороте на лавке голос настоящих городовых обывателей и голос иногородных и иностранных гостей; возле Городского Главы в левом завороте на лавке же голос именитых граждан и голос гильдейский» (Городовое положение, изд. 1785 г., § 166).

5

Одоевский был помощником директора Публичной Библиотеки с 1846 по 1861 г. и одновременно директором Румянцевского Музеума до перевода его в Москву в 1861 г.

26

О борьбе с обществами трезвости см. запись 26/III и прим.

О Лидии Нессельроде см. прим. к записи 17/III.

28

Виндишгрец в 1859 г. в Россию действительно не приезжал; см. также запись 4/V. О русско-австрийских отношениях в это время см. также запись 21/V.

Май

«Верблюд лег поперек дороги» — намек на управление Чевкиным путями сообщения. Через 2 года «государственным верблюдом» назвал Чевкина в «Колоколе» Герцен (т. XI, стр. 368).

Разногласия Одоевского с славянофилами не повредили его дружеским отношениям с А. И. Кошелевым, близким ему еще по кружку любомудров.

В своих «Записках» Кошелев посвятил Одоевскому следующие строки: «Он всем интересовался и мог вполне верно сказать: ничего человеческого не считаю для себя чуждым. Кн. Одоевского любили все, кто только его знал; ибо трудно было встретить человека добрее, ко всему доброму более сочувственного и вместе с тем весьма умного и даровитого. Если он мало произвел самобытного, то причиною тому увлечение его всякою встречавшейся ему умною мыслью, всяким проявившимся высоким чувством или благим намерением. Все его литературные произведения проникнуты сердечною добротою и отменною благонамеренностью и замечательны по их изящной форме. В нем я лишился последнего из трех моих сердечных и с юности друзей». (А. И. Кошелев. Записки. Берлин, 1884, стр. 195).

Подлинную причину того, почему Кошелев не был привлечен в Редакционные комиссии (несмотря на старания игравшего в комиссиях видную роль кн. Черкасского), установить трудно. Сам Кошелев был «уверен, что не Ростовцев тому виною, ибо он оставался ко мне весьма благорасположенным, и очевидно было его желание, чтобы я участвовал».

По словам Кошелева, его «забраковали главнейше потому, что я был журналистом-издателем-редактором «Русской Беседы» и «Сельского Благоустройства». Пуще всех, говорят, настаивал на моем исключении гр. В. Н. Панин, который говорил, что уже главу славянофилов не прилично и не возможно приглашать в правительственную комиссию» («Записки», стр. 105). Об уступке общему озлоблению и отсутствии поддержки Ростовцева в этом вопросе «со стороны придворных эманципаторов» писал Хомяков. По свидетельству же Н. Семенова, действительно, Ростовцев, бывший «ярым противником откупной системы, не желал и опасался допустить откупщика [Кошелева] к участию в трудах по крестьянскому вопросу» (Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XVII, стр. 81).

Редакционные комиссии были организованы в 1859 г. для составления проекта положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. В комиссиях принимали участие эксперты, главным образом представители меньшинства губернских комитетов (см. ниже прим. к записи 22/II 1860 г.), защищавшие интересы передовых групп дворянства, заинтересованных в отмене крепостного права. Апологетическое освещение деятельности Редакционных комиссий дал Д. Хрущев в изданных им анонимно в Берлине «Материалах для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России 1855—1861». 1—3. 1860—1862. Протоколы заседаний Редакционных комиссий см. Н. Семенов. Освобождение крестьян в царствование имп. Александра II. СПБ. 1889—1893.

10

Общники Академии Художеств или, точнее, почетные вольные общники — звание, дававшееся Академией Художеств по своему выбору видным общественным деятелям.

21

Деятельность кн. А. М. Горчакова была направлена на сближение с Пруссией, а порою и с Францией в противовес Австрии, которая во время Восточной войны не только не оказала поддержки своей союзнице — России, но грозила вмешательством в войну, если Россия не уведет своих войск из дунайских княжеств. С 1862 г., когда в Пруссии стал канцлером Бисмарк, русская внешняя политика в значительной степени определялась им.

Вел. кн. Мария Николаевна была назначена президентом Академии Художеств после смерти своего мужа, герцога Максимилиана Лейхтенбергского, бывшего президентом Академии с 1842—1852 г. О Марии Николаевне, как «хозяйке» Академии Художеств, иронически писал Герцен (см. т. X, стр. 196). Кн. Гагарин был назначен вице-президентом Академии. «Колокол» так отозвался на это назначение: «Грозный вождь, на художников он тотчас же опрокинулся как на врагов. К довершению всего православная академия художеств займется исключительно византийской школой живописи и постарается довести до божественной лепоты суздальскую школу» (1860, л. 60).

28

Бар. М. А. Корф действительно уклонился от участия в разрешении крестьянского вопроса и очень недолго был членом Главного комитета, высшего органа по крестьянскому делу, рассматривавшего проект реформы перед внесением в Государственный совет. Большинство комитета состояло из противников освобождения или из защитников планов, наиболее отвечавших интересам крупного землевладения.

Упоминаемая в тексте книга Корфа — «Восшествие на престол императора Николая I». О ней справедливо отозвался декабрист С. Волконский: «История его — панегирик живым, в силе при дворе состоящим... хула несправедливая о тех, которые были в немилости» («Записки». 1902, стр. 170). Н. П. Огаревым был написан «Разбор книги бар. Корфа о 14/XII 1825 г.».

Намекая на басню И. А. Крылова «Белка», Одоевский имел в виду долгое и с трудом дававшееся Корфу продвижение по бюрократической лестнице.

О Бутурлине и «Бутурлинском комитете» см. подр. М. Лемке «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия». СПБ. 1904, стр. 185—308.

29

Слух о запрещении Т. Шевченко писать и читать был не точен. Как известно, Николай собственноручной надписью на приговоре запретил Шевченко «писать и рисовать».

О деле И. Беллюстина см. прим. к записи 18/III.

Кн. А. С. Меньшиков, впоследствии главнокомандующий в Крыму, с 1828 г. был начальником главного морского штаба. Адмирал М. П. Лазарев командовал Черноморским флотом в 1834—1845 гг. Часть переписки М. П. Лазарева и А. С. Меньшикова опубликована в «Рус. Арх.», 1881, II, стр. 361—379.

Составление свода морских постановлений началось в 30-х годах и велось сначала Комитетом образования флота, а с 1848 г.—канцелярией по своду морских постановлений. К моменту ликвидации этой канцелярии (в 1853 г.) ею действительно было сделано очень немного. К. А. Фишер управлял этой канцелярией; А. А. Жандр был директором канцелярии главного морского штаба.

Дело портного Егора Филипповича Малкова, гласного Распорядительной Думы, обвинявшегося в противозаконных действиях при раздаче извозщичьих билетов, возбудило массу толков в обществе. Этому делу посвящен почти целиком первый номер приложения к «Колоколу» «Под суд» (1/X 1859 г.), где напечатан ряд документов и примечание издателей, под названием «Дело о преступном сообщничестве полицейского майора Попова, генерал-губернатора Игнатьева и министра Панина против свободы и чести купца Малкова». Для Одоевского, как видно из ряда записей, дело Малкова представлялось типичным, характеризующим административный произвол. Неоднократно упоминаемый Одоевским Д. Хрущев, сообщивший, повидимому, материал и в «Колокол», подал Александру II всеподданнейшее письмо по этому делу, которое не имело и не могло иметь успеха, так как отношение Александра II к делу Малкова определилось еще ранее; на одном из докладов по этому делу он наложил резолюцию: «Оставить жалобу Малкова без уважения, объявив ему, что, если он осмелится ее возобновить, то будет выслан из столицы». Таким образом Игнатьев действовал в этом деле в полном согласии с указаниями царя. Письмо Хрущева, вместо рассмотрения по существу, подверглось осуждению Комитета министров за то, что Хрущев решился утруждать царя «ходатайством своим по такому делу, которое до него вовсе не относилось». Комитет постановил, «внушить ему, чрез министра внутренних дел, всю неосмотрительность и неуместность его письма». На журнале Комитета Александр II написал: «дельно» («Особый журнал Комитета министров 25 ноября 1859 года» — Лен. отд. Центрархива).

Сентябрь

Одоевский в 1838—1861 гг. был членом Ученого комитета министерства государственных имуществ.

[22] *ноября*

О деле Огрызко см. прим. к февральским записям.

29

Сведения С. Р. Жданова, тогда директора департамента полиции исполнительной министерства внутренних дел, опровергаются данными из отчетов III Отделения. Жестокое обращение помещиков с крестьянами в годы, предшествовавшие реформе, в действительности усиливалось, а не ослаблялось. Так, за 1859 год читаем: «Вообще в дурном обращении с крестьянами замечено помещиков 56, управителей и сельских старшин 23; случаев смертного наказания владельцами и управляющими открыто 55, в том числе женщин 7 и вследствие таких наказаний рождено мертвых младенцев 17. В сравнении с предшествовавшими двумя годами случаи притеснений крестьян увеличились, но также и жалобы крестьян на их положение усилились: в 1859 г. жалобы были принесены на жестокость помещиков из 49 имений и, по произведенным следствиям, опровергнуты только в 14 случаях» («Крест. движ.». Вып. I, стр. 129). Ср. ряд корреспонденций в «Колоколе» 1859—1860 гг., а также в письме «Русского человека» (Чернышевского?). «...Кре-

стьяне, которых помещики тиранят теперь с каким-то особенным ожесточением» («*Колокол*», *1860, л. 64*).

В записи о гр. Н. П. Игнатьеве речь идет о его пребывании в Китае, где он заключил (в 1860 г.) выгодный для России пекинский договор. Китайцы действительно вначале всевозможными способами препятствовали деятельности Игнатьева; однако до ареста дело не доходило. См., напр., А. Буксгевден. «Русский Китай. Очерк дипломатических сношений России с Китаем». Порт-Артур, 1902; И. Барсуков. «Гр. Н. Н. Мураевьев-Амурский», М., 1891, т. I.

Русское музыкальное общество и музыкальные классы при нем были основаны в 1859 г. Общество выросло из музыкального кружка при дворе вел. кн. Елены Павловны; предшественником его было симфоническое общество (1840—1851). Одоевский был активным членом Русского музыкального общества до самой смерти.

Декабрь

6.

Ген. П. Я. Левицкий был презусом военного полевого суда в Варшаве. Однако он умер в 1871 г., что не согласуется с записью Одоевского.

11

В Бумагах Одоевского (пер. 15) сохранились отрывочные записи, датированные концом ноября, о переговорах с бар. Корфом и переписке с Александром II по цензурным делам. Повидимому, бар. Корф предлагал Одоевскому войти в совет предполагавшегося самостоятельного Главного управления цензуры, куда он, по свидетельству Никитенко (т. I, стр. 578), как раз в это время набирал членов. О «несостоявшемся министерстве цензуры» см. М. Лемке, «Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг.». СПБ, 1903, стр. 14—27.

17

Поводом для разговора с И. М. Толстым послужили административные меры, вызванные появлением статьи Владимира Безобразова. См. ниже, прим. к записи 20/XII.

«Диспут в воскресенье»—диспут между противниками и защитниками Русского общества пароходства и торговли, своего рода публичный арбитраж, вызванный появлением ряда статей об обществе (см. «Б-ка для Чтения», 1858, № 7, 1859, № 11, «Одесский вестник», 1859, № 103, «Указатель экономический», 1859, вып. 50 и 51). Супер-арбитром был избран Е. И. Ламанский. Диспут «...не дошел до конца вследствие шумливого вмешательства публики, состоявшей главным образом из акционеров, и Е. И. нашел нужным закрыть его, произнеся при этом: «мы еще не созрели до публичных прений». Эти слова наделали в свое время много шума и вызвали бесчисленные протестации» (Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.-Л. 1934, стр. 167). Противоположное мнение о публике высказал Погодин на своем диспуте с Костомаровым в марте следующего года — об этом диспуте см. запись 19/III 1860 г.

20

«История с бар. Корфом»—речь идет о том же несостоявшемся министерстве цензуры (см. выше прим. к записи 11/XII).

Смысл записи о Безобразовых в следующем: в октябре 1859 г. М. А. Безобразов подал Александр II записку, выражавшую олигархические стремления части крепостников. и содержавшую, кроме того, донос на либеральных членов редакционных комиссий. Записка эта крайне возмутила Александра. Апологет Редакционных комиссий Хрущев утверждал, что при нормальном судебном разборе Безобразов за эту записку должен был быть присужден к смертной казни («Материалы», т. II, стр. 254); Безобразов отделался высылкой из Петербурга и отдачей под надзор полиции. В конце того же 1859 г. экономист В. П. Безобразов поместил в «Рус. Вестн.» четыре статьи под заглавием «Аристократия и интересы дворянства. Мысли и замечания по поводу крестьянского вопроса». Последняя статья (ноябрь, кн. I), темой которой было самоуправление, вызвала неудовольствие Александра II, распорядившегося «статей, касающихся прав дворянства на совещания по общественным и государственным делам в дворянских собраниях,—впредь не допускать к печати» (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре 1720—1861. СПБ, 1862, стр. 449—450). Одновременно цензора Д. А. Наумова постигло указанное Одоевским наказание.

Нет оснований думать, что меры, последовавшие за появлением статьи В. Безобразова, действительно объясняются переданной Одоевским версией.

Об инциденте с Малковым см. запись 29/V.

«Министр иностранных дел о необходимости сколь возможно притягивать капиталов» — см. запись 21/V.

Об отставке А. Унковского см. запись 28/II 1860 г.

1860 год

Январь

10

В стихотворении «Филантроп» Некрасов несомненно издевался над Одоевским и, повидимому, над «Обществом для посещения бедных в Петербурге», что особенно ясно из первой редакции стихотворения. Письмо Одоевского к Некрасову сохранилось и опубликовано в «Архиве села Карабихи» (М., 1916, стр. 132—135). В ответном письме Некрасов утверждал, что не Одоевский послужил прототипом «Филантропа», указывал на Даля и писал: «По моему я и Даля тоже в нем не чисто изобразил, я вывел черту современного общества и совесть моя была и остается спокойной». (Собр. соч., 1930. т. V, стр 347—349). Тем не менее, действительно, вместо «Филантропа» на вечере Литературного фонда, о котором говорит Одоевский, Некрасов прочитал другие стихи — это подтверждает и Штакеншнейдер (стр. 247).

Одоевский был одним из организаторов «Общества для посещения бедных» и его бессменным председателем с 1846 г. до закрытия общества в 1855 г. В филантропической деятельности Одоевского это были самые значительные годы. «Этому делу в течение девяти лет я принес в жертву все, что мог я принести: труд и любовь. Эти девять лет поглотили мою литературную деятельность», писал Одоевский («Рус. Арх.», 1874, I, стр. 311—320). См. В. Боцяновский. Кн. В. Ф. Одоевский и Общество посещения бедных в Петербурге («Трудовая Помощь», 1899, № 4—5, стр. 317—351) и воспоминания В. Инсарского («Рус. Арх.», 1869, стр. 1005—1046) и Путяты («Рус. Арх.», 1874, II, стр. 964—979).

Запись эта опубликована С. А. Рейсером в примечаниях к указ. выше книге Л. Пантелеева (стр. 690).

Февраль

13

Назначение ярого крепостника гр. Панина председателем Редакционных комиссий было воспринято сторонниками реформы очень болезненно. Некоторые члены комиссий собирались даже подавать в отставку; известие о назначении Панина было помещено в «Колоколе» в траурной рамке. Однако, основное направление работ не изменилось, так как Панин вынужден был проводить реформу, хотя подчас и старался задержать деятельность комиссий. «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками,—писал Ленин,—была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок» («Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» — Соч. изд. 3-е, т. XV, стр. 143). Основное разногласие сводилось к вопросу, что выгоднее для помещиков: оставить за собою всю землю, а крестьян от земли «освободить», или же заставить крестьян эту землю выкупить на основаниях, выгодных для помещиков.

22

Речь Панина на приеме депутатов губернских дворянских комитетов так называемого второго приглашения напечатана у Н. Семенова, т. II, стр. 698—699 и в «Колоколе» 1860, л. 68—69.

В губернских дворянских комитетах, образованных в силу рескриптов 1857—1858 гг., разыгралась борьба между различными группировками дворянства. Депутаты комитетов так называемого первого приглашения были настроены либерально; депутаты же второго приглашения представляли оппозицию Редакционным комиссиям справа.

28

История отставки и ссылки А. М. Унковского изложена Одоевским не вполне точно. После разъезда дворянских депутатов первого приглашения министр внутренних дел, на основании распоряжения Александра II, особым циркуляром воспретил обсуждение в дворянских собраниях вопросов, связанных с крестьянской реформой. Тверское дворянство по предложению Европеуса постановило просить Александра II об отмене циркуляра. Унковский был смещен с должности тверского губернского предводителя за то, что допустил обсуждение просьбы в собрании и первым подписался. Ссылка же Унковского в Вятку, а Европеуса (а не «двух Алопеусов», как у Одоевского) в Пермь, была вызвана их активной общественной деятельностью в Твери (поводом послужил донос о намерении Унковского и Европеуса освободить своих крестьян, не дожидаясь правительственных распоря-

жений). Ссылка, продолжавшаяся, впрочем, весьма недолго, вызвала всеобщее осуждение. При разборе этого дела в Главном комитете суровее всех был настроен против Унковского Ланской, как автор указанного выше циркуляра. Повидимому, его точку зрения и отразил в своей записи Одоевский.

Замечание Одоевского о роли в этом деле «австрийской партии» не выдерживает, конечно, никакой критики.

Унковский был виднейшим представителем так называемой либеральной оппозиции, отражавшей интересы дворянства промышленных нечерноземных губерний. Дворянство это стояло за обязательную покупку крестьянами по дорогой цене части помещичьей земли, имевшей в этих губерниях весьма небольшую ценность. Любопытно, что именно либеральному тверскому дворянству принадлежала идея прогрессивной оценки наделов, значительно увеличившей размеры выкупа.

Ревизия постройки гимназии, упоминаемая Одоевским, была произведена противной Унковскому партией. По словам самого Унковского, ревизия была «плодом крайнего невежества. Так, например, наши противники не понимали десятичных дробей... Они принимали 2,07 за 207 и спрашивали, куда употребили 207 целых мер, когда требуется не более трех». (Г. Джаншиев. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894, стр. 141).

Слухи об упоминаемой Одоевским студенческой переписке имеют в основе возможно, деятельность обнаруженного в 1860 г. тайного студенческого общества, существовавшего в Харькове в 1856—1858 гг. и открытие студентами Киевского университета воскресных школ (см. М. Лемке, Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПБ. 1908, стр. 280—283. Б. Козьмин. Харьковские заговорщики 1856—1858 гг. Харьков, 1930 г. и «Дело особенной канцелярии министерства народного просвещения», 1863, № 45. Лен. отд. Центрархива.

Март

10

Обед, о котором пишет Одоевский, состоялся в Москве 5/II в Благородном собрании. Организован он был в честь проезжавшего через Москву кавказского наместника кн. Барятинского. Погодин приготовил речь, но к обеду не был приглашен. Письмо Погодина к его дочери Александре Михайловне напечатано Барсуковым (XVII, стр. 149—156).

19

Речь идет об известном диспуте М. П. Погодина с Н. И. Костомаровым о происхождении Руси от норманнов (теория Погодина), или жмуди (теория Костомарова). Диспут происходил в университете, вызвал в обществе оживленные толки, при чем победителем считали Костомарова. Подробную сводку отзывов о диспуте см. Барсуков (XVII, стр. 272—323). Шутливый намек на личную заинтересованность Одоевского в результатах диспута объясняется тем, что князья Одоевские считались прямыми рюриковичами. Незаконченная статья Одоевского об этом диспуте сохранилась в Бумагах Одоевского, пер. I, л. 119—122.

Неясно, какую именно свою работу по старинному песнопению имеет в виду Одоевский в данной записи, во всяком случае не «К вопросу о древне-русском песнопении», М. 1864 (оттиск из «Дня» 1864, № 17), так как из содержания этой брошюры видно, что она писалась в том же 1864 г.

Говоря о приказе военного министра, Одоевский имел в виду утвержденное Александром II решение Комитета министров, в котором читаем: «1) Тех из находящихся в губерниях в бессрочном и временном отпусках нижних чинов, которые окажутся виновными в праздношатательстве, дурном поведении, вредном влиянии на общества, среди которых они находятся, и в особенности неповиновении местным властям, тотчас передавать местным начальникам инвалидных команд, которые обязаны означенных порочных нижних чинов отправлять в губернские города к командирам гарнизонных батальонов для обращения на действительную службу с лишением нашивок и права на отставку по общему положению; 2) дозволить обращать вышеупомянутых провинившихся... на службу... без производства предварительного исследования, ежели местное начальство признает это нужным; 3) предоставить обращение на службу... а) в городах — полицийместерам и городничим, б) в уездах по имениям помещичьим—земским исправникам, в) по ведомству государственных имуществ—окружным начальникам и г) по удельному ведомству—удельным конторам, вследствие представлений сельских приказов» («Сев. Пчела», 1860, № 64). Закон был направлен против бессрочно и временно отпускных солдат, которые, используя авторитет «служивого» в деревне, подстрекали крестьян противодействовать помещикам, сообщали крестьянам ложные сведения о реформе и т. д. Целый ряд таких случаев см. «Крест. движ.» Вып. I, годы

1859—1861. Характерно, что не суровость самого закона, а отсутствие следствия при его применении подчеркивает Одоевский в своей записи.

20

Об усилении цензурных стеснений в 1860 г., связанном с деятельностью реорганизованного в этом году Главного управления цензуры, см. подр. М. Лемке. Эпоха цензурных реформ, стр. 28—35.

Отзыв Одоевского об «Искре» не случаен. Характер искровской сатиры в 1859—1860 гг. еще далеко не определился; умеренно-либеральные круги могли в эти первые два года существования «Искры» видеть в ней своего союзника. Одоевский даже напечатал в «Искре» две статьи: «Голос невинности, оскорбленной неблаговидною и лжеименною гласностию» (1859, № 23, подп. «Иван Оглашаемый») и «Из Тешкина переулка в Лойолову улицу» (Письмо к Силе Дорофеевичу Адамантову) (1860, № 33, подп. «Емелька Аввакумов»; см. также прим. к записи 8/VII 1861 г.); подлинники см. в Бумагах Одоевского, пер. 2 и 19. Факт сотрудничества Одоевского в «Искре» был до сих пор неизвестен.

«Истязания в Старой Руссе» — Одоевский имеет в виду, очевидно, жестокое подавление восстания военных поселян в Старой Руссе в 1831 г., когда из 3 тысяч приговоренных к телесным наказаниям и арестантским ротам было забито насмерть 129 человек.

Х. Х. Ховен был при Николае I губернатором воронежским, новгородским и гродненским. Описываемый Одоевским случай, повидимому, действительно имел место (ср., напр., Н. Любимов, Катков и его заслуга. СПБ, 1889, стр. 183). Любопытно, что Ховен впоследствии был сенатором в одном департаменте с Одоевским и во время суда над П. Заичневским оказался лучшим юристом, чем прочие сенаторы, заявив, что «закон не допускает обосновывать обвинение исключительно на показаниях подсудимого... Подсудимый мог давать такого рода показания из фанатизма. «Александр II сделал пометку на докладе об особом мнении Ховена: «за что и сделать ему выговор» («Политические процессы» (Центрархив), П. 1923, стр. 244—250), См. также записи 6 и 18/V 1862 г. и 30/IX 1866 г.

Случайные записи Одоевского о николаевских администраторах можно дополнить из его записной книги «Памятки алфавитные»:

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

Гравюра Л. Серякова,

«Всемирная иллюстрация» 1869, № 12

«В Херсоне в 50-х годах был губернатором знаменитый Оленин-Яненко, который без дальних околичностей не принимал никакой просьбы без приложения рубля — так и обосновывалось чиновниками; этот доход был сверх других более значительных взяток. Сенатор Брадке, посланный ревизовать действия этого молодца, умер чрез два часа по приезде в Херсон — полагают, что он был отравлен сонником».

«Император Николай говаривал: у нас все что до столоначальника только переписывают, все что выше столоначальника только подписывают» (Бумаги Одоевского. пер. 22, л. 109 и 214).

31

«Nessun maggior...» — Одоевский перефразирует строки из Данте («Ад», песнь V) «Nessun maggior dolore, che ricordarsi del tempo felice nella miseria».

Апрель

30

П. Лакруа написал по заказу русского правительства «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, empereur de Russie». V. 1—8. P. 1864—1875.

В Петербурге П. Лакруа получил некоторые материалы и соответствующие наставления о необходимом направлении книги, в частности, от Одоевского (об этом — в конфиденциальной записке Одоевского Адлербергу — см. ниже прим. к записи 26/V). Одоевский же обучал Лакруа русскому языку. См. также след. запись.

Май

5

А. Ф. Львов был директором придворной капеллы. Об отношениях Одоевского к придворной капелле см. записи 9/I и 20—22/VII 1866 г. и прим.

8

В. А. Соллогуб действительно в списках членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (впоследствии Литературный фонд) отсутствует. Значение его в эти годы, как писателя, было ничтожно. См. также запись 4/IV 1861 г. и прим.

10

Речь идет о конституции княжества Монако 1848 г., которая, после подавления революции, так и не была проведена в жизнь.

В 1860—1861 гг. Франции были уступлены лишь принадлежавшие Монако Ментона и Роккебрун, занятые, впрочем, Пьемонтом еще в 1815 г.

20

Гр. Н. Н. Муравьеву-Амурскому принадлежали неудачные попытки правительственной колонизации по Амуру.

В 1859 г. А. Гильфердинг вернулся из годового путешествия по Боснии, Герцеговине и Сербии. Очевидно, записка Гильфердинга, о которой говорит Одоевский, была связана с неосуществившимся переселением славян на Амур.

21

На обеде, данном депутатами дворянских комитетов членам Редакционных комиссий, был предложен тост за здоровье всех трудившихся по крестьянскому вопросу, в том числе за Унковского и Кавелина. Тогда член Редакционных комиссий П. Булгаков прибавил: «Уж если пить — то лучше бы начать сначала, с первого, который трудился за крестьян — Пугачева». (См. подр. «Материалы», т. II, стр. 453.

26

В 1856 г. особой комиссией под руководством бар. Корфа было начато собирание материалов о царствовании Николая I. В частности, в распоряжении комиссии имелись «Записки» самого бар. Корфа, которые, вместе с копиями различных документов, были представлены Александру II, сделавшему на них ряд пометок. Одоевскому поручено было сделать выписки из этих материалов для Лакруа (см. записи 30/IV и 2/V). Об этой-то работе и идет речь в данной записи, что подтверждается и конфиденциальным письмом Одоевского к министру двора Адлербергу (копия в бумагах Корфа в Публ. Б-ке, № 10). В 1883 г. эти материалы были переданы Русскому историческому обществу. Записки Корфа напечатаны в «Рус. Стар.» 1899, т. 98—100; 1900. т. 101—103.

Одоевский жил в это время в доме Румянцевского Музея, на Английской набережной, близ Николаевского моста.

29

Одоевский имеет в виду «Опыт русской грамматики» К. С. Аксакова (М., 1860, ч. I).

Июнь

2

Главное общество российских железных дорог было основано в 1857 г., главным образом на французские капиталы, для постройки сети железных дорог с протяжением в 4 000 верст. Общество с этой задачей не справилось, в 1861 г. было коренным образом реорганизовано и обязалось достроить лишь Варшавскую и Нижегородскую дороги. Засилье иностранцев в управлении Обществом вызывало возмущение. Одоевский был акционером общества. В июне 1859 г. он подал обширную записку, где заявил, что «таким путем ни в какой компании дело идти не может» и изложил свои предложения, основанные «на довольно долгой практике в компанейском деле» (Бумаги Одоевского, пер. 2, л. 21—32, черновик записки «О внутреннем порядке заседаний Главного общества железных дорог»). Ход общего собрания акционеров 2/VI 1860 г. изложен в «СПБ Вед.» 1860, № 129 (был отдельный оттиск под названием «Главное общество железных дорог»). О деятельности общества см. у А. Головачева. История железнодорожного дела в России. СПБ, 1861, стр. 19—45.

5—12

Отступление за Дунай после снятия осады с Силистрии было одним из самых позорных эпизодов Восточной войны. Менее подробно и смягчая детали описывает переправу болгар М. Богданович («Восточная война», т. II, СПБ, 1878, стр. 103—104) и П. Меньков («Записки», СПБ, 1898, т. I, «Дунай и немцы»; напеч. впервые под заглавием «Немцы на Дунае» в «Русском Заграничном Сборнике», 1858).

«Для ревнителей юго-восточно-европейского союза всех славян со столицей в Константинополе нельзя было придумать более злой иронии», характеризует эту переправу М. Н. Покровский, Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923, стр. 146).

Указание гр. Анрепа-Эльмпта, будто бы все собравшиеся на берегу Дуная болгары были все же им переправлены, повидимому, не соответствует действительности.

Ген. Коцебу при осаде Силистрии был начальником штаба кн. М. Д. Горчакова. Гр. Лидерс в начале Восточной войны командовал отрядом на нижнем Дунае. Гр. Анреп-Эльмпт командовал арьергардом при отступлении за Дунай. В своих записках П. Меньков (сост. официальные отчеты о действиях русской армии) дал ряд иронических характеристик Анрепу-Эльмпту.

8

Очевидно, «Энциклопедический словарь, сост. русскими учеными и литераторами» 1861—1863. Вышло 5 томов. Статьи Одоевского и Серова были в I—III томах.

13

Николаевская дорога впоследствии была все же передана в аренду Главному обществу железных дорог.

Август

7

«Сирийские происшествия» — кровавая резня маронитов (ливанских христиан, католиков), организованная турецким правительством в ряду христианских погромов 1860 г. и вызвавшая военное вмешательство Франции. Россия, издавна считавшая себя призванной защищать интересы христиан на Востоке, сделала попытку вмешаться, но была остановлена Англией, напомнившей ею о Парижском трактате — следствии Восточной войны. Повидимому, именно это обстоятельство имеет Одоевский в виду в данной записи.

Сентябрь

5

«Итальянские происшествия» — война за объединение Италии. Запись Одоевского не точна. В начале сентября 1860 г. наступление на папские войска, которыми командовал ген. Ламорисьер, вел не Гарибальди, а пьемонтский генерал Чиальдини. Впрочем, наступление пьемонтских войск было вызвано победами Гарибальди, занявшим в это время Неаполитанское королевство.

16

Действительно, в конце 50-х годов город должен был обратиться к накопившемуся запасному капиталу, значительная часть которого была в эти годы и в на-

чале 60-х затрачена. На это повлияли, по выражению думского отчета за 1864 г., «внутренние перемены и политические обстоятельства» («Столетие СПБ городского общества». СПБ, 1885, стр. 252).

Октябрь

7

«Кант... в честь Глинки». Очевидно, имеется в виду «Канон в честь Глинки» («Пой в восторге, русский хор»), написанный гр. Вьельгорским, Вяземским, Жуковским и Пушкиным в декабре 1836 г. Музыка канона была сочинена Одоевским.

16

Варшавское свидание трех императоров: Александра II, Вильгельма (тогда прусского принца-регента) и австрийского императора Франца-Иосифа состоялось в середине октября 1860 г. и было направлено против Франции, покровительствовавшей через Пьемонт национально-освободительному движению Гарибальди. «Варшавский съезд действительно один из самых замечательных, — иронически писал о нем Герцен в «Колоколе», — он сделает эпоху в международном праве. Люди явились без ясной мысли, без плана, заявили перед всем светом свое поползновение преступного вмешательства в чужие дела и разъехались, ничего не сделавши, но каждый головою ниже» (Герцен, т. X, стр. 425).

22

Постройка Московско-Сергиевской железной дороги вызвала большую полемику в «Моск. Вед.» и «Русской Газете» в 1859—1860 гг. В связи с этой полемикой вышли брошюры «Московско-Сергиевская железная дорога. От учредителей». М. 1859 и А. Смирнов. М.-С. жел. дор. М. 1859.

23

Запись о встрече вел. кн. Михаила Павловича с Дантесом была опубликована в книге П. Е. Щеголева, «Дуэль и смерть Пушкина». Л., 1928, стр. 450.

24

Статья де Галлета была ответом на передовую «Сев. Пчелы» 6/X, направленную против Дж. Росселя. Статья, пропитанная идеями английского конституционализма, должна была привлечь внимание Одоевского, напр. следующими строками: «Для чего народы избирают своих вожатых, избранных мнением — как не для упрочения мира и обеспечения труда? Ужели вельможи-тунеядцы и солдаты должны оставаться на первом плане? Почему честный гражданин или трудолюбивый работник ниже тех??. Пора не с мечем в руках, а с факелом разума указывать свет... Настанет время, в которое люди мудрые нравственною силою станут одолевать силу грубую, где звук литавры и пушки заглушится звуком речи мудреца, когда Армстронг будет реветь лишь там, где еще не понимают силы разума!» («Сев. Пчела», 1860, № 236).

25

Запись Одоевского лишь в малой степени отражает предосвободительные страхи правительственных кругов. Опасались «пугачевщины» даже при нормальном ходе реформы, без всяких «несчастий». Обсуждался проект создания генерал-губернаторств на время проведения в жизнь реформ. Правительство имело все основания беспокоится. Ленин писал о России начала 60-х годов: «...возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян-мировых посредников применять такое «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной» («Гонители земства и аннибалы либерализма» — Соч., изд. 3-е, т. IV, стр. 126). Александр II сам понимал, почему и кого следует бояться — ср. замечание, сделанное им еще в 1858 г.: «Когда новое положение будет приводиться в исполнение и народ увидит, что ожидания его, т. е. свобода по его разумению, не сбылись, не настанет ли для него минута разочарования?» (Татищев. Император Александр II. СПБ. 1911. т. I, стр. 304).

30

Напечатанный по распоряжению Панина доклад — изданные в 60 экземплярах отзывы депутатов второго приглашения на Труды Редакционных комиссий. О любопытных ответах Панину кн. Голицына и Галагана по поводу требования возвратить эти отзывы см. «Материалы», т. III, стр. 99—100.

Ноябрь

13

В «СПБ. Вед». 1860, № 242, в анонимном фельетоне «Петербургская летопись» несколько абзацев были посвящены описанию совращения девушки, служившей в модном магазине. Из дел Главного управления цензуры (Дело № 433, 1860 г. — Лен. отд. Центрархива) видно, что Д. Н. Замятнин (товарищ министра юстиции, впоследствии министр) добился через III Отделение и министра народного просвещения фамилии автора фельетона. В фельетоне был намек на какую-то семейную историю — «модный магазин» служил только для отвода глаз. Характеристика мужа хозяйки магазина действительно близка к характеристике Д. Н. Замятнина, данной В. Мещерским («Мои воспоминания», т. I. 1897, стр. 132—133). Ср. также заметку Герцена в «Колоколе»: «Это совсем не содержательницы магазина, а государственные сановники женского пола: одна из них Дараган, сдавшая магазин, а другая — Замятнина, принявшая его» (Герцен. т. XI, стр. 289). См. также запись 22/XI.

См. также запись 22/XI.

20

См. прим. к записи 24/XI.

22

См. прим. к записи 13/XI.

24

«Будущность» издавалась П. Долгоруковым в 1860—1861 гг. В № 1 при заметке «Министр С. С. Ланской» Долгоруков поместил приведенное в тексте «Дневника» примечание об Одоевском. О кн. П. В. Долгорукове, одном из ближайших виновников дуэли Пушкина, см. П. Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина. Л., 1928, стр. 472—514; М. Лемке, Николаевские жандармы и литература. 1826—1855. СПБ, 1909, стр. 527—552, его же «Кн. П. В. Долгоруков — эмигрант» («Былое» 1907, кн. III) и ст. Б. Л. Модзалевского в сб. «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», П., 1924.

В бумагах Одоевского (пер. 85, л. 36—42) сохранились черновик и исправленная копия его ответа Долгорукову, воспроизведенные П. Щеголевым вместе с данной записью «Дневника» в указанной выше книге (стр. 505—508). Ответ Одоевского в печати не появился. Ср. запись 14/II 1861 г.

Обвинение Одоевским кн. П. В. Долгорукова в «переносе подметных писем», следствием которого была «потеря, которую Россия доныне оплакивает» — одно из доказательств несомненной виновности Долгорукова в смерти Пушкина. По словам П. Щеголева «свидетельство Одоевского определенно и авторитетно и значение его невозможно снизить даже ссылкой на личную обиду, причиненную Долгоруковым Одоевскому». (Ук. кн., стр. 509).

29

СПБ комитет общественного здравия был учрежден при генерал-губернаторе в 1860 г. Депутатами от города были выбраны архитектор А. Пель и Одоевский. Распорядительная Дума так мотивировала выбор Одоевского: «... князь Одоевский постоянно занимался науками и предметами, состоящими в тесной связи с целью учреждения комитета, как-то: физикою, химиею, медициною, а также предметами общественной благотворительности...» (Дело СПБ. общей думы 1860 г., № 22, — Лен. обл. архив).

Как свидетельствовала одна из петербургских думских комиссий несколько позже (в середине 60-х годов), «санитарная сторона городской жизни оказалась в полном запущении» («Столетие СПБ городского общества», СПБ, 1885, стр. 299—302). Санитарное состояние Петербурга вызывало значительный рост смертности низших классов. За пятилетие 1854—1858 гг. петербургское население уменьшилось «вследствие одной только смертности на 25078 человек» (Е. Карнович. Санкт-Петербург в статистическом отношении. СПБ, 1860, стр. 27).

Дом кн. Вяземского, расположенный не у Чернышева моста (как указано в «Дневнике»), а у Обуховского, описан в романе Всев. Крестовского «Петербургские трущобы». Красочные портреты обитателей дома в более поздние годы дает Н. И. Свешников в фельетонах «Вяземские трущобы» («Новое Время» 1892, №№ 5849, 56, 64, 70, 82, 92). Часть этих фельетонов, далеко не самая яркая, вошла в его «Воспоминания пропащего человека» («Academia». М.-Л. 1930. Первоначально напечат. в «Историческом Вестнике», 1896. №№ 1—8). Дому Вяземского посвящены страницы 18—21 в статье К. Веселовского «Статистические исследования о недвижимых имуществах Петербурга» («Отеч. Зап.» 1848, т. 57, ч. 2). Ср.

там же: «... в доме, о котором я позволил себе так распространиться, потому что он действительно стоит внимания, работники помещены еще хорошо и удобно в сравнении с тем, как они живут в других домах». О Вяземском доме в конце XIX в. см. также С. Елпатьевский, Рассказы, т. II, СПБ, 1904, стр. 174—189.

О каком доме Игнатьева говорит Одоевский, — выяснить не удалось.

Указание Одоевского на стратегическое значение перестройки Парижа, в частности, проведения широких улиц, верно. Основной целью расширения улиц было предупреждение возможности постройки баррикад.

Декабрь

11—13

Несколько ниже данной записи в «Дневник» вклеено следующее письмо:

«Нарва. 1 декабря 1860 года.

Теперь перехожу к повествованию о том, как благодетельные реформы правительства проводятся в среду крестьянских общин в Петербургской губернии, и вместе с тем о Шемякином суде, произведенном с 13 по 15 минувшего ноября над крестьянами Ямбургского уезда Итовской волости его превосходительством г-ном СПетербургским гражданским губернатором Смирновым, под личным его руководством и распоряжением. Надо вам сказать, что Итовская вотчина, принадлежавшая до сего графу Нессельроде, была продана им купцу Байкову, вследствие чего крестьяне отошли в ведение министерства государственных имуществ, а Байков с своей стороны великодушно наделил их землею, но при этом наделе так умно распорядился, что крестьяне, проходя на свои земли, должны были итти землею Байкова, и тем мять его посевы. Вследствие сего г. Байков заключил с крестьянами договор, в силе которого они за измятый посев обязывались работать на него 3 дни в неделю, в противном случае он предоставлял крестьянам право легать на их пашни по воздуху. Согласившись на договор, крестьяне делались уже барщинными, а г. Байков помещиком de facto. Вскоре по заключении этого великодушного договора вышло какое-то новое положение для этих крестьян, в силу которого они обязаны были избрать из среды себя пятидесятников, сотников и голову. Положение это и было торжественно прочитано, кем следовало, на российском диалекте, но при этом было выпущено из виду одно ничтожное обстоятельство, но повлекшее за собою великое кровавое последствие, а именно—Итовская вотчина населена чухнами, из коих $^5/_6$ только смотрело глубокомысленно на процесс чтения, не понимая ни слова по-русски, а остальные $^1/_6$, хоть и объяснялись с горем пополам по русски, но как не проникнутые глубоко духом нашей словесности, а канцелярской в особенности, остались в том же положении, как и их товарищи — тоже не поняли ни бельмеса. Что бывает и с нашими православными, не только с чухнами. Но какой-то благодетель отставной писарь объяснил им это положение тем, что они опять делаются барщинными крестьянами, почему они, почесав чердак человеческой мудрости, — затылок, разбрелись по избам, приняв это известие к сведению. Но правосудие хотя и с завязанными глазами — не дремало. Гдовский исправник отставной майор Адеркас узнав, что распоряжение начальства не приводится в должное исполнение, поскакал вразумить непокорных розгами. Крестьяне же, видя беду неминучую со стороны Адеркаса, а со стороны Байкова неплатеж им заработанных денег, уверовали вполне, что они снова делаются крепостными, а потому, боясь попасть на глаза неумолимому исправнику со свитою, бросились искать себе спасения в лес. Этот поступок был принят за решительное восстание, об чем и дано знать в Петербург по телеграфу, откуда воспоследовало обратное предписание, состоящее в следующем: послать на усмирение мятежников три роты Австрийского и три роты Прусского полков со взводом казаков и всей этой армии руководствоваться существующими на подобный казус узаконениями. А чтобы не сделано было послабления и для мер более энергических, поскакал на судилище и сам начальник губернии г. Смирнов.

Солдаты окружили все деревни, так что ни одна собака не могла выскочить, в деревню же впускали великодушно всякого крестьянина, не только с другой волости, но даже и другой губернии — это было решительно все равно, никого не выпускали, ничего не принимали во внимание, лишь бы только был крестьянин. 14 ноября при довольно холодной погоде приехал на четверке почтовых сам Великий Инквизитор г. Смирнов, смиренно одетый в черный фрак с двумя звездами на груди, дыщащий усердием к службе, за ним следовали полковые командиры: Австрийского и Прусского полков, а сей последний с жезлом, вероятно, для вящего страха на смерть запуганным крестьянам и для придания действительности своим словам. Поздоровавшись с солдатами, в средину коих были согнаны все наличные крестьяне, как-то: слепые, хромые, разные калеки, старики и мальчики, г. Смирнов приказал одному из чиновников читать бумагу выше изложенного содержания, но чиновник, будучи от природы заика, возбудил гнев его превосходительства, за

что и был обруган публично приличным образом, т. е. почти... затем господин звездоносец, вырвав у косноязычного и уничтоженного чиновника бумагу, соизволил сам прочесть бунтовщикам ту же бумагу и опять-таки на русском языке. Крестьяне остались в блаженном неведении, нового или старого содержания прочитали им бумагу. Звездоносец, видя их недоумение или, лучше сказать, тупоумие, велел вместо переводчика принести розог, и когда это было исполнено, изволил вопросить непокорных: как они смели ослушаться воли начальства. Крестьяне вылупили глаза и молчали, один какой-то смельчак, старик лет 70-ти, лишь только разинул рот для объяснения, как Смирнов, по старой привычке, схватил его за бороду и давай валять, во что ни попало, крича с пеною у рта: «Ты то есть первый

КАРИКАТУРА НА СБОРНИК «УТРО». «Искра» 1866 г.

бунтовщик» и повалив его на землю стал бить и топтать ногами, а в заключение велел пороть розгами нещадно. Сигнал был дан и тут началось чудовищное побоище — всякой бил кого и как хотел. Кто жезлом (Прусского полка командир), кто кулаком и чем ни попало, и потом началась порка розгами, так что несчастные жертвы тупоумия и безмозглых слуг Фемиды не могли встать. Пороли, не разбирали ни лет, ни пола, ни возраста. Управляющий конторою или имениями государственных имуществ Гине или Гейне вздумал было сделать замечания г—ам палачам, что без суда едва ли можно так поступать, на что и получил ответ, что он еще молод, чтобы давать наставления и что З а к о н я е с м ь с а м С м и р н о в, и за все отвечаю. Главным действующим лицом и сотрудником Смирнова в этой кровавой драме был Ямбургский предводитель дворянства барон Врангель, который показал усердие в службе страшным неистовством и побоями. Кончилось все это тем, что у всех драчунов-чиновных распухли руки, крестьян же заковали и отправили: иных в смирительный дом, иных в уездные тюрьмы.

Вот вам обращик гуманного образа действий наших старших, с которых мы должны брать пример. Эти гг. запрещают нам тронуть пальцем солдата, а сами

без суда и следствия производят истязания такие, что волосы становятся дыбом, ибо без ужаса нельзя вспомнить об этой кровавой картине, где видны на первом плане губернатор Смирнов, генерал Прусского полка с жезлом, Аderкас и Врангель, да становые, а перед этими господами окровавленные задницы. И это делается в расстоянии 142 верст от Петербурга, от Зимнего дворца, а что же делается там подальше. Боже сохрани и помилуй нас грешных, Русь святую православную!»

Это письмо с незначительными изменениями (выпущен, главным образом, ряд иронических эпитетов и деталей) было напечатано в «Колоколе», 1861, л. 91, под названием «Нарвская революция и рукопашный Каваньяк Смирнов». Последний абзац письма заменен в «Колоколе» тремя очень резкими строками от редакции.

Сохранился отчет III Отделения об этом деле: «В Ямбургском уезде СПБ губернии, при введении нового порядка сельского управления в казенных имениях (имеется в виду указ 28/IX 1859 г. об управлении государственных крестьян выборными волостными правлениями) крестьяне Итовской волости, выкупившиеся на волю из владений гр. Нессельроде, отказались от выбора старост и десятских, желая сохранить у себя независимое от волости управление, и не повиновались убеждениям местных чиновников. Для обращения их к порядку был послан туда батальон войск, при содействии которого начальник СПБ губернии наказал из числа неповиновавшихся 34 человека розгами, а шестерых, наиболее виновных, назначил к заключению в СПБ исправительное заведение и тем привел всех к покорности. При этом обнаружен виновным в подстрекательстве крестьян отставной рядовой Батраков, действия которого подвергнуты следствию для поступления с ним по закону» («Крест. движ.», вып. I, стр. 144).

«Гино или Гейне» — А. Ф. Гюне. Адеркас — повидимому, К. В. Адеркас, чиновник министерства государственных имуществ, а не исправник, так как в эти годы Гдовским исправником был полковник Г. Ф. Гернет. Кстати, следует отметить неточность Одоевского, связанную с этим именем: по Хрущеву («Материалы», т. III, стр. 121—122) не Адеркас, а Врангель «дал солдатам пять рублей серебром, дабы они крепче секли мужиков».

«Драма в Старой Руссе» — см. выше прим. к записи 20/III.

См. также записи 16, 21, 28/XII и 22/I 1861 г.

14

Здесь в «Дневник» вклеено следующее письмо А. А. Григорьева:

«Князь Владимир Федорович!

Вы — один из немногих уцелевших литераторов Пушкинской эпохи и этого для меня, человека, по убеждениям своим и взгляду на общественное развитие и искусство гораздо более принадлежащего к Пушкинской эпохе, чем к современной — достаточно, чтобы я обратился к вам с просьбою о приеме и покровительстве.

Смею надеяться, что имя мое не вовсе вам безызвестно. О том, что я в нескольких критических статьях моих выражал мое искреннее уважение и жаркое сочувствие к вашему глубокому и уединенно-стоящему таланту, — распространяться я не считаю нужным. Ни ваша личность, ни ваш талант не нуждается в каждениях.

Если вам будет угодно принять меня и выслушать, о чем именно я буду просить вас, — я ожидаю только вашего позволения, но обязан предупредить вас, что в настоящее время не могу явиться к вам даже в приличном костюме.

Позвольте назваться, князь, усердным почитателем вашим

Аполлон Григорьев.

1860 г. Дек. 14 среда»

На письме приписано Одоевским: «Аполлон Александрович Григорьев приходил меня просить походатайствовать у Путяты, чтобы ему выдали жалованье и прогоны для проезда в Оренбург, где он получил место учителя в кадетском корпусе. Он в крайней бедности, почти без сапогов.

Он принес мне статью: «Вопрос о народности и его естественные границы», написанную ужаснейшим почерком; но что я мог прочесть, то показалось мне весьма замечательным».

Далее в «Дневник» вклеено следующее письмо П. Плетнева:

«Милостивый государь,
Князь Владимир Федорович!

Генерал Путята известил меня, что в Кадетском Оренбургском корпусе есть вакансия учителя русской словесности, и что он желает, чтобы я рекомендовал ему благонадежное лицо из кончивших курс студентов. В это время приехал ко

мне г-н Григорьев (Аполлон Александрович) и объявил, что не имея теперь места, он желает отправиться в Оренбург.

Зная, что он несколько лет печатал хорошие критические статьи в журналах и судит о литературе, как опытный и талантливый литератор, я немедленно написал к генералу Путяте о предпочтении моем самому лучшему студенту человека, долго на практике изучавшего дело писателя и критика. Таким я по убеждению нахожу г. Григорьева.

Не быв с ним, как и ваше сиятельство, в сношениях прямых, конечно могу предполагать, что какие-нибудь ошибки ранней молодости и несколько преждевременная женитьба привели его к обстоятельствам затруднительным, но это не более, как предположение, гадание и тому подобное, гадание, вытекающее из того, что в нынешнюю пору мы видим молодых людей, менее талантливых, нежели г. Григорьев, а все-таки пользующихся щедротами литературных антрепренеров.

Итак, мне кажется, ни вы, ни я, не поступим против совести, если, зная о литературных успехах его, скажем, что в учители корпуса он не только принят быть может, но и достойнее многих и очень многих из сверстников своих.

Примите, ваше сиятельство, уверения в отличном моем почтении и преданности

П. Плетнев.

15 дек. 1860»

Поездка Ап. Григорьева в Оренбург в качестве «учителя третьего рода по предмету русского языка» Неплюевского кадетского корпуса имела более глубокие причины, чем Григорьев это объяснял в официальных прошениях. Хотя, действительно, вернувшись в конце 1860 г. из Москвы (где он порвал отношения с Катковым), Григорьев запил, запутался в долгах и даже в начале января 1861 г. попал в долговое отделение, подлинными причинами его бегства из столиц надо считать связь с «устюжской барышней Марией Федоровной, и, по собственным словам Григорьева, «сознание своей ненужности». Подробно об обстоятельствах как этой поездки, так и вообще жизни Григорьева в 1860—1861 гг. см. в «Воспоминаниях» Н. В. Страхова и письмах к нему Ап. Григорьева (последнее, комментированное издание — в книге «Аполлон Григорьев. Воспоминания». М.-Л. 1930).

Примечательно, что Одоевский в 1860 г. не знает, что писал Григорьев. Статья «Вопрос о народности и его естественные границы» — вероятно статья Григорьева «Народность и литература» («Время», 1861, февраль стр. 83—112). По словам Григорьева его вынужденный уход из «Русского Слова» был вызван тем, что он «не позволил г. Хмельницкому вымарать в моих статьях дорогие мне имена Хомякова, Киреевского, Аксаковых, Погодина, Шевырева» («Краткий послужной список»). Об отношениях Григорьева и Хмельницкого см. «Звенья» I, публикацию Г. Прохорова и его вступ. ст. См. также записи от 15, 16, 18, 27 и 28/XII.

15

Вероятно, Одоевский имеет в виду брошюру «La Pologne devant l'Europe catholique», хотя брошюра эта и помечена 1863 годом.

21

П. А. Валуев 7/I 1861 г. был назначен управляющим делами Комитета министров. До этого Валуев был товарищем министра государственных имуществ и председателем ученого комитета министерства. М. Н. Муравьев, которому Валуев много помог в борьбе с Редакционными комиссиями, не хотел его отпускать и предложил ему остаться председателем ученого комитета. Однако, это ставило бы Валуева в зависимое от Муравьева положение, почему он и отказался. См. также запись 14/I 1861 г.

26

Из бумаг Одоевского, относящихся к Румянцевскому Музеуму (пер. 108) видно, что сдача в наем квартир являлась важной приходной статьей в бюджете Музеума. Последний находился в очень бедственном материальном положении, что было одной из причин перевода его в Москву в следующем году.

27

Комитет общественного здравия при СПБ генерал-губернаторе, судя по сохранившейся копии записки Одоевского от 4/I 1861 г., не мог даже «определить» предметы, входящие в состав занятий комитета» (Бумаги Одоевского, пер. 11).

29

«Китайские происшествия» — взятие англо-французскими войсками Пекина, один из заключительных моментов «опиумных войн» европейцев против Китая. «Непорочное зачатие в Неаполе» — повидимому, намек на поддержку неаполитан-

ского королевства папою Пием IX, провозгласившим в 1854 г. известный догмат о непорочном зачатии. Во время своего бегства из Рима в 1848 г. Пий IX нашел приют также у неаполитанского короля, Фердинанда II.

Неаполь и Церковная область были последними препятствиями на пути к объединению Италии (не считая Венеции, принадлежавшей Австрии). О «короле неаполитанском [Франциске II], который надеялся увеличить в войске дух единства и нравственности посредством священников, утренних и вечерних молитв, исповедей и проповедей», Одоевский писал иронически в своих заметках («Рус. Арх.», 1874, кн. 1, стр. 345—347).

Книга Н. Б. Юсупова «Histoire de la musique en Russie. Première partie. Musique sacrée. Suivie d'un choix de morceaux de chants d'église anciens et modernes» вышла в 1862 г. в Париже. Научное значение ее ничтожно.

1861 год

Январь

3

Речь идет о книге бар. М. Корфа «Жизнь гр. Сперанского», вышедшей в 1861 г. двумя изданиями. Сохранились отрывочные заметки Одоевского по поводу этой книги (Бумаги Одоевского, пер. 83, л. 42—54). Часть заметок Одоевского была использована Корфом слово в слово (напр., на стр. 142 второго издания). Одоевскому же принадлежала анонимная статья «Еще о книге «Жизнь гр. Сперанского» («СПБ, Вед.», 1861, № 244). См. также записи 14/I, 22/IV, 26 и 27/VII.

14

См. прим. к записи 21/XII 1860 г.

18

Посланник в Вене В. П. Балабин разделял «глубокую ненависть А. М. Горчакова к Австрии» (Татищев, т. I, стр. 211). Этим объясняется отмеченное Одоевским недовольство переводом Балабина. Слухи не оправдались—Балабин переведен не был.

Цитата из А. Кантемира не точна. Следует:

«Задумчив, как тот, что чин патриарший достати
Ища, конный свой завод раздарил не кстати».
(Сатиры. III)

19

Председателем Ученого комитета Одоевский назначен не был.

22

А. В. Никитенко записал в своем дневнике об этой встрече: «Утро у кн. В. Ф. Одоевского. Я давно с ним не видался. Княгиня была чрезвычайно любезна. У них по средам вечером собирается общество и я дал слово бывать у них» (т. II, стр. 3). «Народная Газета», проектировавшаяся Никитенкой, так и не осуществилась. С 1862 г. начала выходить официальная газета министерства внутренних дел «Сев. Почта», первым редактором которой был Никитенко. Одоевский, повидимому, разделял его мнение о необходимости создания такого органа—ср. проект Одоевского о борьбе с заграничными изданиями («Рус. Арх.», 1874, т. II, стр. 30—39, частично приведено у Лемке, Эпоха цензурных реформ, стр. 171).

О происшествии в Итовской волости, см. запись 11—13/XII 1860 г.

В разговоре с Н. М. Смирновым следует отметить характерность позиции Одоевского. Утверждение его — «лучше предать их суду и если так будет по приговору суда, то приговор и исполнить, как бы он жесток ни был» — подчеркивает формально-юридическое существо его либеральной платформы. Ср., напр., запись 19/III 1860 г. и особенно запись 6/IV 1861 г. Образец применения этих убеждений на практике см. в записи 30/IX 1866 г. по поводу суда над тобольскими чиновниками.

24

См. прим. к записи 29/XII—1860 г.

28

Ген. Путята занимал квартиру покойного Я. И. Ростовцева. По одному из ходивших по Петербургу вариантов этого рассказа тень Ростовцева подошла к Путяте и «заставила его написать следующие слова: «Государь: берегись хитрого», и другие говорят «коварного Константина» («Материалы», т. III, стр. 166). Запись об этом же Никитенки (т. II, стр. 5) неверно расшифрована М. Лемке («гр. Е. В. Путятин»).

Февраль

1

И. И. Панаев. Литературные воспоминания, ч. I, гл. V.

3

Описание этого заседания Государственного совета было помещено в «Колоколе», 1861, л. 93, стр. 787—788. Речь Александра II напечатана у Татищева, т. I, стр. 345—348.

5

Как образец прений в Государственном совете, можно привести утверждение А. Норова, что наделы погубят нравственность крестьян, приучив их к беспечности и лени.

8

В своей записи о Белинском Одоевский имеет в виду период гегелианства Белинского, так называемый период «примирения с действительностью», в частности его статьи «Бородинская годовщина» и «Очерки Бородинского сражения». Одоевскому принадлежит заметка о Белинском, напечатанная в «Рус. Арх.», 1874, I, стр. 339—341 (ср. прим. к записи 4/IV).

11

Предложение о дарственных наделах было утверждено и вошло в «Положение» 19 февраля. Ср. в связи с этим у М. Покровского замечание о том, что «дарственники вели более денежное хозяйство, чем щедрее наделенные землею «собственники»... «Сделаться таким «собственником» во всяком случае было менее выгодно, нежели просто стать пролетарием» («Русская история с древнейших времен», т. IV, стр. 107—108). Здесь уместно вспомнить слова Чернышевского, являющиеся превосходным комментарием ко всей этой части дневника Одоевского: «—Из-за чего идет борьба между прогрессистами и помещичьею партиею?»—«Из-за того, с землею или без земли освободить крестьян. Это колоссальная разница». «Нет, не колоссальная, а ничтожная, находил Волгин. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь, или оставить ее у человека, — но взять с него плату за нее — это все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, вероятно, меньше и обременения крестьян. У кого из крестьян есть деньги — те купят себе землю. У кого нет — тех нечего и обязывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп та же покупка». («Пролог», ч. I, гл 7).

13

См. прим. к записи 26/II.

14

О статье против кн. Долгорукова см. в прим. к записи 24/XI 1860 г.

В. Вольфсон издавал «Russiche Revue». Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Russland. Leipzig — St. Pétersburg 1863—1864. (На обл. 1-й тетр.—1862), а затем «Nordische Revue». Internationale Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentlicher Lebens. 1864—1864. В объявлении об издании говорилось: «Любовь к русской земле, на которой он [издатель] родился и которой превосходные зародыши несокрушимой силы он знает по всем своим наблюдениям, давно уже внушила ему мысль представить Германии свои наблюдения и уничтожить предрассудки своих соотечественников противу такой страны и такого народа, который одарен величайшими качествами и которого недостатки падают на ответственность тех, от которых он наиболее страдал» («Прибавления к «Рус. Инв.», 1862 № 25. Привед. также в книге Б. М. Эйхенбаума «Л. Толстой». т. II, Л. 1931).

17

«Ведомости СПБ Полиции», 1861, № 39.

18

«Сев. Пчела», 1861, № 40. Статья была написана, по слухам, самим Ланским и во всяком случае по его заказу. В № 48 была напечатана также статья Погодина о скором обнародовании манифеста. Статьи должны были смягчить впечатление от генерал-губернаторского объявления (см. запись 17/II).

О страхах правительства, ряде нелепых подготовительных мер и настроениях как сановников, так и населения см., хотя бы, крайне любопытные «Записки современника о 1861 г.» (Э. Р. Перцова) в «Красном Архиве, т. XVI, стр. 118—164. См. также запись 20/II.

19

Памятник Николаю I 18/II (в годовщину смерти Николая) обложили искусственными цветами. «Памятник и без того поразителен пестротою материалов, из которых он слеплен. Темнеющая от времени бронза стала было уменьшать эту пестроту, как вдруг среди зимы, снегов и вьюги налепили на него аршинной высоты бордюр из голубых, малиновых и белых роз» (Перцов, стр. 134).

20

М. И. Венюков так передает ответ Н. Н. Муравьева: «Пусть мне скажут сначала, — ответил он, — чего хочет правительство в Варшаве, искреннего мира или полицейского спокойствия и порядка? уступок полякам или усмирения их? — тогда я пойду. А вилять не в моем характере» («Рус. Стар.» 1882, т. I, стр. 525).

26

13(25)/II 1861 г. в Варшаве состоялась демонстрация в память Гроховского сражения 1831 г. 15 (27)/II демонстрация, направлявшаяся в монастырь бернардинцев, имела стычку с казаками. Затем демонстрация направилась к дому наместника, у которого, по приказу ген. Заболоцкого, войсками был открыт огонь. Было убито 5 человек и ранено 15.

Март

3

Разговор Вольфсона с Бакуниным известен по передаче Никитенки (т. II, стр. 93), где он, однако, лишен всей политической остроты.

5

Неуклюжесть, непонятность и растянутость манифеста отмечает ряд современников. Автором манифеста был московский митрополит Филарет.

11

Статья 33 «Положения об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости», касалась ежегодного сбора с дворовых «до истечения льготного от платежей, податей и сборов срока... для призрения престарелых, дряхлых, страждущих душевными и телесными недугами и круглых малолетних сирот из уволенных дворовых людей».

12

Второе издание сочинений Одоевского не осуществилось, хотя и было им подготовлено. Исправленный экземпляр издания 1844 г. хранится в Публ. Б-ке (Бумаги Одоевского, пер. 67—69). Этим экземпляром пользовались при издании повестей Одоевского С. Цветков («Русские ночи», М, 1913) и О. Цехновицер («Романтические повести», Л, 1929). В 1861 г. Одоевским было написано несколько проектов предисловия ко 2-му изданию Один из вариантов напечатан в «Рус. Арх.». 1874, т. I, стр. 311—320 и в издании С. Цветкова).

Сведения о нескольких тысячах крестьян и дворовых, о выходе к ним Александра II и его большой речи в ответ на адрес имеются также в «Материалах», т. III, стр. 247—249. Э. Перцов, сам бывший на площади перед дворцом, рисует совершенно другую картину этой манифестации, организованной заводчиками Полетикой и Семенниковым. Приводим несколько выдержек из его интереснейшего описания. Подписывавшие адрес мужики, «ставя кресты [под адресом], говорили Полетике: «Батюшка, не подведи ты нас подо что-нибудь худое, не погуби»; на вопрос, читали ли они манифест, отвечали—нет; на вопрос, зачем приходили во дворец благодарить — «велят хозяева, так как же не итти,— сказал мне один депутат. — Полиция повестки рассылала, — прибавил другой, видимо желая придать важность своей *командировке в депутаты*»; «*под надзором своих управляющих* и приказчиков брели, как бараны, в дырявых и старых кафтанах и нагольных тулупах рабочие, всего от шести хозяев не более трехсот человек»; у дворца ждали 3 часа; уезжая на развод, «государь из коляски кивнул головою на обе стороны и по мере того, как экипаж его мчался вперед, крики «ура» раздавались по обеим сторонам деревянной мостовой, но без малейшего восторга и не дружно, а единственно потому, что каждому казалось неловко не разинуть рта, когда кричит сосед»; вместе с любопытными «число всех столпившихся простиралось до полуторы тысяч»; депутатам, ждавшим его на лестнице, Александр не дал договорить и сказав: «Благодарю вас, что вы меня вспомнили. Хорошо ли, худо ли вас *освободили, это сделал не я, а дворяне, ваши помещики. Молитесь богу*, чтобы все кончилось благополучно», тотчас уехал». («Красный Архив», т. XVI, стр. 153—58).

18

См. запись 11/III.

КАРИКАТУРА
НА «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОК»
«Искра 1864 г.

Гр. Фройндъ.

А? каково увеличивается, а?!
— Да вы потише-бы — а то лопнетъ! Не надувайте-же такъ добросовестно!! право лопнетъ!

28

О горе-композиторе А. В. Лазареве, авторе «классических» (по его собственному определению) ораторий, см. подр. у Ю. Арнольди. Воспоминания. Вып. III, М, 1893, стр. 40—55. А. Н. Серов прервал концерт Лазарева в зале Дворянского собрания и дело окончилось скандалом, в результате которого все принявшие в нем участие были забраны полицией. Об этом инциденте см. Воспоминания Серовой, СПБ. 1914, стр. 45, ук. выше кн. Арнольди, стр. 48—50; Фитингоф-Шель. Мировые знаменитости. СПБ. 1889, стр. 166—171; «Сев. Пчела» 1861, № 75; «СПБ. Вед.» № 75, «Русский Мир» № 24 и «Искра» № 17. Серов еще в 1860 г. печатно высказал желание, «чтобы петербургские концертные залы навсегда перестали быть поприщем для музыкальных подвигов подобного господина» («Музыкальный и театральный вестник», 1860, № 10; перепеч. в «Критических статьях» А. Серова, т. III, 1895, стр. 1255—1257). Сохранилось начало письма Одоевского к издателю какого-то журнала с разоблачениями музыкальной безграмотности А. В. Лазарева (Бумаги Одоевского, пер. 13, л. 28). См. также запись 5/IV.

Книга архим. Феодора (А. М. Бухарева) «О православии в отношении к современности, в разных статьях», СПБ, 1860, вызвала жесточайшую критику «Домашней Беседы», цензором которой был сам автор книги. В защиту Феодора выступили «Сын Отечества» и «Православное Обозрение». Феодор был уволен в монастырь, а после запрета его рукописи об Апокалипсисе снял монашеский сан. Историю этого эпизода см. П. В. Знаменский, Православие и современная жизнь. М. 1906. Полемику о книге см. «Домашняя Беседа» 1860, в. 51; 1861, в. I, 4, 7, 11, 14; «Православное Обозрение», 1860, октябрь; 1861, январь; «Сын Отечества» 1860, № 48, 50; 1861, № 2; «Странник» 1861, январь; Н. Загоскин. О недостатке сочинения: О православии... 1860.

Апрель

4

Все литературные выступления В. А. Соллогуба в 60-е годы отличались аристократическим чванством и нескрываемой враждой к левому лагерю (см. также запись 20/XI 1864 г.). Отпразднованное Академией Наук 2 марта 1861 г. пятидесятилетие литературной деятельности кн. П. А. Вяземского, бывшего, наравне с Соллогубом, излюбленной мишенью для насмешек демократических литераторов, послужило поводом для ожесточенной полемики.

В «Спб. Вед.» № 58 была помещена апологетическая статья Соллогуба; в № 55 «Сев. Пчелы» — статья Н. Греча, где приведены были и куплеты, пропетые Соллогубом на юбилее; в том же номере Ф. Толстой поместил «Письмо к издателю «Сев. Пчелы» — большую статью о Вяземском, где высказывал желание «сословного примирения между литераторами»; П. Плетнев выпустил описание юбилея, одним из распорядителей которого был, между прочим, Одоевский («Юбилей 50-ней литературной деятельности академика кн. Вяземского», СПБ, 1861). В № 75 той же «Сев. Пчелы» был напечатан резкий фельетон против Вяземского и Соллогуба и против великосветской литературы вообще. Об этом фельетоне и упоминает Одоевский в своей записи. Там же был помещен и стихотворный ответ Соллогубу А. Амосова. Фельетон этот вызвал обширную отповедь М. Погодина («Сев. Пчела» № 83) и М. Лонгинова («Рус. Вестн.», 1861, апрель, совр. обзор., стр. 106). Впрочем, «Рус. Вестн.» занял сдержанную и серединную позицию, осуждая и «гиперболические возгласы гр. Соллогуба» и «выходки против лица юбиляра «Искры» и «Сев. Пчелы». «Искра» откликнулась на юбилей Вяземского, выступление Соллогуба и статьи Погодина и Лонгинова в №№ 10, 13, 14, 15, 20 и 40.

На этот юбилей отозвался Ф. И. Тютчев двумя своими известными стихотворениями: «У Музы есть различные пристрастья» и «Теперь не то, что за полгода».

Следует отметить, что Одоевский с группой Вяземского и Соллогуба не солидаризировался. Кроме данной записи см., напр., заметку Одоевского о Белинском в «Рус. Арх», 1874, I, стр. 339—341, направленную, как это видно из полного текста заметки (Бумаги Одоевского, пер. 32), против кн. Вяземского. Тем не менее, Одоевский хотел выступить в защиту Соллогуба, см. запись 15/XI.

5

Непонимание «Тристана и Изольды» Вагнера, приписываемое Одоевским Серову, убежденному вагнерианцу, едва ли могло иметь место — ср. хотя бы Воспоминания В. Серовой, стр. 16—17.

6

Как известно, для проведения в жизнь «Положения» 19 февраля во все губернии были посланы генерал-адъютанты и флигель-адъютанты «в помощь» местной администрации. Записанный Одоевским случай — образец этой «помощи».

16

См. прим. к записи 28/XII 1860 г.

22

Первоапрельская заметка-шутка о «новой, более нас совершенной породе разумных животных» (первоначальное название «Замечательная игра природы») была напечатана в «Сев. Пчеле» 1861, № 73 под назв. «Зефироты». В бумагах Одоевского текст примечания к этой шутке (помещенного в № 74 «Сев. Пчелы») несколько иной, чем в газете (Отчет Публ. Б-ки за 1884 г., Бумаги кн. Одоевского, стр. 4).

В книге «Зефироты и зевороты» СПБ 1861, за текстом стоит подпись «А. Полоротов». Надо отметить, что Одоевский часто бывал жертвой подобных литературных спекуляций—об этом писал он сам в предисловии к новому изданию сочинений (см. прим. к записи 12/III).

24

В журнале «Рассвет. Орган русских евреев», издав. в Одессе, в № 44 за 1861 г. была напечатана корреспонденция из Шавель (Литва) о пропаже четырехлетней дочери крестьянина и обвинении местных евреев в ее убийстве с ритуальными целями. Незадолго перед этим «Рассвету» был объявлен выговор за перепечатку с замечаниями от редакции опровержений на помещенную в «Рассвете» корреспонденцию «Дело Ципки Мендак» (1860, № 28; 1861, №№ 38 и 44)—см. дело № 118 Гл. упр. ценз. за 1860 г.—Лен. отд. Центрархива. Возбудили неудовольствие правительства и статьи в защиту равноправия евреев. Последний номер «Рассвета» вышел 19/V 1861 г. Взамен «Рассвета» некоторое время выходил журнал «Сион»

27

Действительно, фактические результаты реформы 19 февраля были значительно выгоднее для крупных землевладельцев, чем для мелких, которым, за отсутствие капитала, трудно было наладить свое хозяйство на основах наемного труда.

Май

7—9

Сообщение Одоевского о всеобщем спокойствии в деревне ни в какой мере не соответствует действительности. Первые месяцы после крестьянской реформы были отмечены бурным крестьянским движением, распространившимся по территории почти всей Европейской России.

13

Хрущев несомненно был одним из корреспондентов Герцена. Ср. хотя бы опубликование Герценом ряда сенатских документов о деле Малкова. Ход доказательств и самый язык примечания к этой публикации, особенно в определении наказания, следумого по закону Игнатьеву и др., совершенно аналогичны такому же определению о М. Безобразове и др. в «Материалах» Хрущева (см. выше прим. к записям 29/V, 20/XII 1859 г.); Хрущевым же, очевидно, было переслано в «Колокол» и письмо о ямбургском деле (см. запись 11—13/XII 1860 г.). Однако, Герцен не знал, напр., кто автор «Материалов», изданных Хрущевым в Берлине (см. Герцен т. X, стр. 443 и 473).

В 1861 г. Хрущев сошел с ума. В марте и апреле Одоевский уже отмечает в своих подневных записях явные симптомы сумасшествия Хрущева.

О сумасшествии Д. Хрущева см. Никитенко: «Последние два-три года его преследовали постоянные неудачи по службе. За некоторые смелые мнения его, особенно против Игнатьева и Муравьева, кое-кто стал прославлять его крайним либералом, даже красным» (т. II, стр. 14). Валуев в своем дневнике записал: «Хрущев, очевидно, томится своим неучастием в администрации и прицепляется к каждому случаю» («Рус. Стар.» 1891, кн. 10, стр. 142). — См. также о Хрущеве в записках В. Инсарского («Рус. Стар.», 1859, т. 83).

Жена Толстого — С. Д. Бибикова. Указаний об Ольге Бибиковой найти не удалось — сестру С. Д. Бибиковой звали Зоей. Лидия Хрущева — жена Д. П. Хрущева. Ср. с этим запись Никитенко: «вслед за ним сошла с ума и жена его» (т. II, стр. 14).

21

Говоря с Н. Мухановым, Одоевский имел в виду отклоненный советом министров проект университетской реформы гр. С. Г. Строганова, основной тенденцией которого было превратить университеты в нечто подобное закрытым аристократическим заведениям. Были и противоположные предложения—см. запись 25/X.

Июнь

18—22

Записи Одоевского 1861 г. опровергают утверждение А. Ф. Кони, будто «беспечный во всем, что касалось его лично, он [Одоевский] едва ли не последний и то случайно узнал о переводе Румянцевского Музея в Москву и об увольнении себя от должности его директора» (А. Ф. Кони, Князь В. Ф. Одоевский. СПБ, 1904). См. также эпиграмму С. А. Соболевского «На оставление кн. Одоевским должности директора Румянцевского Музея» («Эпиграммы и экспромпты»). М., 1912, стр. 78). Наоборот, по свидетельству В. В. Стасова, отстаивавшего оставление Музея в Петербурге, «первый поднял голос» — сам Одоевский, после того, как «выбившись из сил», он не знал «за что приняться, когда все его самые настоятельные представления [о капитальном ремонте Музея] оставались без внимания и без удовлетворения»... («Румянцевский Музей». История его перевода из Петербурга в Москву в 1860—61 гг., рассказанная В. В. Стасовым. «Рус. Стар.» т. 37, 1883 г., январь, стр. 101).

30

«Великорусс» — первые нелегальные листки, изданные в Петербурге. Требования их сводились к установлению конституции и к возвращению крестьянам тех отрезков их земли, которые по положению 1861 г. отошли к помещикам. «Великорусс» обращался «к просвещенной части нации» с призывом «взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства». В третьем листке был даже помещен проект адреса царю «в самом умеренном духе», чтобы все либеральные люди могли принять его». Всего вышло три листка. Четвертый листок под тем же названием был издан какой-то другой группой (см. М. Лемке. Очерки освободительного движения, стр. 398). Все три прокламации полностью перепечатаны в сб. «Прокламации 60-х годов», М., 1924, стр. 27—38 и в ук. выше кн. Лемке.

Наивное мнение о влиянии партии помещиков, недовольных решением крестьянского вопроса, на революционеров выдвигалось верноподданическими либерально-бюрократическими кругами не раз. Ср. записи Одоевского 1866 г. о Каракозове.

Июль

8

«Домашняя Беседа» (1868—1877) — еженедельный журнал мракобеса Аскоче ского. О «Домашней Беседе», которая «...полезна, ибо пробуждает нашу лень показывает, какие еще понятия, несмотря на Петровскую реформу, могут гне диться в некоторых кружках», см. «Из бумаг В. Ф. Одоевского» — «Рус. Ар 1874, кн. 2, стр. 348.

А. П. Башуцкий присвоил деньги и бриллианты, пожертвованные с благотв рительной целью; эту кражу имел в виду Одоевский в своей статье «Из Тешки переулка в Лойолову улицу» («Искра», 1860, № 33), намекая названием своей стат на «Письмо с Спасской площади в Академический переулок» Башуцкого («Домаı няя Беседа», 1860, № 29).

14, 19

А. Щапов. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в перв половине XVIII в. Опыт исторического исследования о причинах происхождения распространения русского раскола. Казань. 1859.

31

«Гриша» — рассказ П. И. Мельникова-Печерского. Был напечатан впервые «Совр.», 1861, кн. III (им. отдельные оттиски).

Август

7

В № 6 «Современника» за 1861 г. Н. Г. Чернышевский напечатал статью «Н почтительность к авторитетам», посвященную русскому переводу книги А. Токви «Демократия в Америке». В этой статье Чернышевский оспаривал основную мыс книги Токвиля о том, что демократия неизбежно ведет к развитию централизац и подавлению свободы личности. Вместе с этим Чернышевский нападал на русск поклонников централизации. В № 6 «Русского Вестника» Каткова был напечат разбор статьи Чернышевского, в котором книга Токвиля бралась под защиту. Э полемика между «Современником» и «Русским Вестником» была лишь эпизодом общей полемике катковского журнала против Чернышевского в связи с обостр нием классовой борьбы после отмены крепостного права.

21

«Американские происшествия» — гражданская война в США.

В «Городе без имени» («Русские ночи». Ночь 5) Одоевский нападал на «эк номов-материалистов», руководящихся исключительно понятием пользы.

Октябрь

12

«Беспорядки» в Петербургском университете осенью 1861 г. изложены у Одое ского с фактической стороны более или менее точно. Неверны некоторые детал Так, из рассказа Одоевского следует, будто арест основной массы студентов бы произведен 25/IX по пути к квартире попечителя университета Филипсона. Н самом деле в день этой демонстрации были лишь единичные аресты; вся же тол студентов с Филипсоном во главе отправилась обратно в университет для пер говоров со студенческими депутациями.

Массовый арест студенческой сходки имел место 27/IX. Тогда же произоше и рассказываемый Одоевским эпизод с добровольным присоединением к арест ванным студенческой группы около 130 человек. Относительно числа пострадавши («лишь кандидат Лебедев») Одоевский излагает официальную точку зрения; н самом деле насчитывалось около 20 чел. раненых; из них шестерых пришлось о править в госпиталь.

Кроме сказанного в тексте, к числу причин «беспорядков» надо отнести мело ный контроль над личной жизнью студентов. Подробное изложение всей униве ситетской истории см. в брошюре С. Я. Гессена. Студенческое движени в начале 60-х годов», М., 1932, стр. 57—58; его же статью в сб. «Революционн движение 60-х годов; Н. Шелгунов, Воспоминания. Л., 1923 и др. (полну библиографию см. в первой из названных работ С. Я. Гессена, стр. 142).

«Лупят под лопатку ли» и «гнать, и гнать, и гнать его» — строки из предн значавшегося для «Искры» и напечатанного только в 1906 г. стихотворения Д. М наева «Кумушки». Об обстоятельствах запрещения этого стихотворения см. при И. Ямпольского в книге «Поэты «Искры». Л., 1933, стр. 671.

Эпиграмма Соболевского на Григория Книжника — эпиграмма на Г. Н. Ге нади, где действительно во 2-й строфе та же игра слов:

«Уж подучу Игнатьева,
что следует ему
и сечь его, и гнать его,
и засадить в тюрьму».

(«Эпиграммы и экспромпты»). М., 1912, стр. 18)

19

Запись касается празднования 50-летия Александровского лицея.

25

Об университетском проекте см. также записи 21/V и 26/X.
О «Великоруссе» см. 30/VI и прим.

Ноябрь

15

Статьи в защиту Соллогуба (ср. запись 4/IV) в «Нашем Времени» не появилось, что совершенно естественно, так как именно Н. Ф. Павлову принадлежал, как известно, резкий разбор комедии Соллогуба «Чиновник» в «Рус. Вестн.» 1857 г. Тем не менее Одоевский участие в «Нашем Времени» принял.

19

«Выход в отставку... des professeurs» — отставка пяти либеральных профессоров Петербургского университета: Кавелина, Спасовича, Стасюлевича, Пыпина и Б. Утина, происшедшая в связи со студенческими волнениями.

Пюзеизм—ритуальное движение в англиканской церкви, пропагандировавшее сближение с католицизмом.

Основной мыслью корреспонденции из Петербурга в «Indépendance Belge» (1861, № 330) было, что М. Л. Михайлов — единичный представитель революционного движения и за ним нет никого, кроме двух русских изгнанников в Лондоне. Заключительные строки корреспонденции переданы Одоевским не точно. Там приписывались Михайлову следующие слова: «Но я видел злую волю дворянства, я считал недостаточным этот акт верховной воли, поскольку другие радикальные реформы не подкрепили бы его». В действительности Михайлов в своем показании писал следующее: «Не скрою, что выйти из сферы моей обычной скромной деятельности заставили меня горькая боль сердца при вести о печальных случаях усмирения крестьян военной силой и опасения, что эти случаи могут долго еще повторяться в будущем... Покойный отец мой происходил из крепостного состояния и семейное предание глубоко запечатлело в моей памяти кровавые события, местом которых была его родина. По беспримерной несправедливости село, где он родился, было в начале нынешнего столетия подвержено всем ужасам военного усмирения. Рассказы о них пугали меня еще в детстве. Гроза прошла не даром и над моими родными. Дед мой был тоже жертвой несправедливости: он умер, не вынеся позора от назначенного ему незаслуженного телесного наказания. Такие воспоминания не истребляются из сердца». (Цит. по М. Лемке, Политические процессы в России 60-х гг. П. 1923, стр. 106—107).

Извещение Герцена о побеге Бакунина помещено в «Колоколе», 1861, л. 113.

Декабрь

2

Повидимому Одоевский имеет в виду В. М. Ведрова, профессора истории Казанского университета, в это время чиновника для особых поручений Главного управления цензуры. В «Совр.» 1857, т. 65, отд. 4, стр. 7—12 Добролюбов жестоко высмеял его книжку «Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз». СПБ 1857.

В литературе до сих пор не было никаких сведений о попытках Ведрова отомстить «Совр.»; наоборот, отмечалось, что Ведров был одним из образованнейших и культурных русских цензоров (ср. статью С. Венгерова в «Критико-биографическом словаре», т. V, стр. 155—261).

5

«День» — славянофильская газета, изд. И. С. Аксаковым в 1861—1865 гг. в Москве. Об отношении Одоевского в эти годы к славянофильству см. прим. к записи 16/VIII 1864 г.

1862 год

Январь

1—5

Здесь в «Дневник» вклеена вырезка из какой-то французской газеты о «довольно исключительной сцене», разыгравшейся в Париже. Маццини написал статью

в «Nouvelle Europe» о том, что вопрос о низвержении Романовых решен в тайных обществах, а вместе с тем должна рухнуть и монархия, так как у Романовых нет конкурентов на престол. Однако в одном отеле русские называли князя Odoefski в качестве рюриковича, имеющего больше прав на престол, чем Романовы.

8

См. прим. к записям 5/XII 1861 г. и 16/VIII 1864 г.

12

Указ об отмене наиболее жестоких телесных наказаний издан был только в апреле 1863 г. под назв. «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных». «Реформа» касалась только наказаний по суду. От телесных наказаний освобождались женщины, духовенство, интеллигенция и крестьяне, занимающие выборные должности. Одновременно в армии были отменены шпицрутены, а во флоте — кошки. Характерно, что как-раз первые пореформенные годы ознаменовались полным разгулом в применении розги. См. также запись 2/I 1863 г.

25

«Колокол» на смерть С. С. Ланского не откликнулся.

Февраль

4

Вместе с В. К. Кюхельбекером в 1824—1825 гг. Одоевский издал 4 книжки альманаха «Мнемозина». Брат Александр — декабрист А. И. Одоевский. Н. В. Гербель готовил в это время «Собрание стихотворений декабристов».

9

Книжный магазин и библиотека для чтения, открытые Н. А. Серно-Соловьевичем в 1861 г. были вскоре же закрыты правительством (после майских пожаров 1862 г.).

Появление за книжным прилавком в качестве продавщицы жены профессора Артиллерийской академии Энгельгардта вызвало в свое время сенсацию в Петербурге. В 1861 г. в связи с студенческими волнениями А. Н. Энгельгардт был подвергнут аресту, но свое профессорское место он, вопреки сообщению Одоевского, не потерял.

16

Сведения об этом инциденте в театральной школе попали в «Правдивый» кн. П. В. Долгорукова (1862, № 4).

17

Тверским дворянством на чрезвычайном собрании 1—13/II 1862 г. был принят ряд постановлений (о несостоятельности закона 19 февраля, необходимости обязательного выкупа и т. д.). 13 тверских мировых посредников заявили, что они принимают за руководство эти убеждения и всякий другой образ действий признают враждебным обществу. Все они были посажены в Петропавловскую крепость и приговорены Сенатом к заключению в смирительном доме на разные сроки, но вскоре были освобождены. Подр. об этом деле см. Герцен, т. XV, стр. 71—78, прим. М. Лемке.

Март

18

Кн. А. Ф. Голицын, «отборный из инквизиторов», по определению Герцена, специализировался на расследовании политических процессов. В 1834—1835 гг. он участвовал в следственной комиссии по делу Герцена и Огарева. В 1849 г. принимал участие в следствии по делу петрашевцев. В 1860 г. был председателем следственной комиссии по делу харьковских студентов (см. прим. к записи 28/II 1860 г.). В июне 1862 г. он был поставлен во главе особой следственной комиссии, в которой было сосредоточено расследование всех политических дел.

Апрель

9

Очевидно, речь идет о прокламации «К офицерам» (март 1862 г.). Прокламация перепеч. в сб. «Материалы для истории революционного движения в России 60-х годов». Paris, 1905, стр. 68—69, также в «Колоколе» 1862, л. 133. Прокламация призывала офицеров «спросить у своей совести, чего... держаться»... Правительство «само нарушает мирный ход реформ»... «Реформа, сопровождающаяся заточе-

ниями, ссылкой, каторгой и обагряемая кровью, есть уже настоящая революция». В марте и в апреле 1862 г. в Петербурге распространялись, впрочем, еще две прокламации от имени тайного общества «Русская правда». (Перепеч. в книге М. Лемке. Очерки освободительного движения, стр. 441—444).

10

«Le Nord» 1862, № 163 — корреспонденция из Петербурга об ожидавшихся будто бы к тысячелетию России преобразованиях и превращению Государственного совета в «Верховную земскую думу». Об этой же статье см. «Письма К. Д. Кавелина к И. С. Тургеневу и А. И. Герцену». М., 1892, стр. 47.

Май

5

Шахматный клуб был основан в Петербурге в начале 1862 г. группой литераторов во главе с Н. А. Серно-Соловьевичем. Основной задачей его было сближение оппозиционно настроенных писателей. Клуб имел политическое значение, так как в нем несомненно велись разговоры на политические темы. Известно, напр., что на одном из вечеров читался полученный из-за границы адрес царю о необходимости конституции, составленной Огаревым. В начале июня 1862 г. клуб этот был закрыт правительством на том основании, что в нем «распространяются... неосновательные суждения» о современных событиях.

6

С 1857 г. по начало 1861 г. в Государственный совет было внесено 14 отдельных законопроектов по судоустройству и судопроизводству. 29/IX 1861 г. были утверждены основные положения судебной реформы, а судебные уставы были обнародованы в 1864 г.

11

П. И. Мельников (Печерский) служил в министерстве внутренних дел по раскольничьим делам. В 1862 г. вышли его «Письма о расколе», первоначально печатавшиеся в «Сев. Пчеле».

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Фотография 60-х гг.
Собрание Л. Бухгейма, Москва

11

«Глупые прокламации» — появившаяся в это время «Молодая Россия» (о ней см. ниже). После петербургских пожаров в конце мая 1862 г. Лесков напечатал в «Северной Пчеле» статью, в которой недвусмысленно обвинил студентов в поджоге в революционных целях.

19

«Студенческое дело» — дела Заичневского, Аргиропуло, Сулина, Ященко, Кельсиева, Шипова, Освальда и Гумилина — см. ниже.

20

Речь идет о назначении вел. кн. Константина Николаевича наместником Царства Польского; назначение К. Н., повидимому, было в интересах «реакционной» партии, так как отдаляло его от внутренней политики.

29

Петербургские пожары в мае 1862 г. явились поворотным пунктом в настроении русского общества и позволили правительству окончательно вступить на путь реакции. Есть основания думать. что пожары эти были провокацией. Освещение этого существенного для истории 60-х годов эпизода см. в статье С. Рейсера «Петербургские пожары 1862 г.» («Каторга и Ссылка» 1932, № 10, стр. 79—109). О «Молодой России» см. ниже.

31

Ф. — по всей вероятности, московский митрополит Филарет. Эмигрант кн. П. В. Долгоруков писал о нем в 1862 г. в своем журнале «Véridique», № 3 следующее: «Во время восстания 1825 г. петербургские заговорщики проектировали создание временного правительства в составе митрополита Филарета, адмирала графа Мордвинова и кн. С. П. Трубецкого не потому, чтобы митрополит Филарет участвовал в заговоре, но они его хорошо знали: они знали, что если успех будет на их стороне, то с этого момента он будет самым преданным их сотрудником. Они потерпели неудачу, и хитрый прелат стал выражать самую горячую преданность Николаю, который, однако, никогда не простил ему того, что заговорщики наметили его в числе лиц, имевших возглавить будущее правительство». (П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. М., 1934 г., стр. 380; ср. стр. 360).

Июнь

11

Сыновья Я. И. Ростовцева «после кончины своего отца были у Герцена и просили его принять во внимание, что смертью на посту крестьянского дела он загладил свой грех 1825 г.» (прим. М. Лемке к Герцену, т. XV, стр. 238). Об этом стало известно правительству, и указом 5/VI 1862 г. оба брата были уволены от службы; оба они были флигель-адъютантами. См. также запись 24—30/VI.

В. Р. Завадский был арестован в 1862 г. по делу о распространении возмутительных воззваний и подчинен полицейскому надзору. Им, между прочим, был принесен в Сенат первый в Москве лист прокламации «Молодая Россия» (из донесения агента III Отделения — «Красный Архив», т. 29, стр. 180).

Я. Сулин был арестован в 1862 г. за напечатание и распространение книги Н. Огарева «Разбор книги барона Корфа о 14/XII 1825 г.». Приговорен к 3 мес. заключения в смирительном доме и оставлен в подозрении в печатании прокламации Чернышевского «К барским крестьянам». В 1863 г. он был арестован и предан суду по делу «Земли и Воли».

Л. Ященко был арестован в 1861 г. по делу о печатании и распространении запрещенных сочинений и подчинен полицейскому надзору. В 1862 г., по требованию высочайше учрежденной следственной комиссии он был посажен в Петропавловскую крепость и приговорен Сенатом к заключению в смирительном доме на год. О деле Ященко и Сулина см. в приводимой ниже литературе о кружке Заичневского.

23

Речь идет о покушении польского революционера Ярошинского на вел. кн. Константина Николаевича в Варшаве. См. также след. запись.

24—30

См. выше зап. 11/VI.

Июль

5—18

Кружок московского студента П. Г. Заичневского был одним из любопытнейших революционных кружков начала 60-х годов. Процесс кружка начался еще в 1861 г. Деятельность кружка заключалась в распространении нелегальной литературы и разъяснении крестьянам истинного смысла реформы 19 февраля. Сам, П. Заичневский был арестован в 1861 г. за произнесение речи об убитых в Варшаве поляках и за пропаганду среди крестьян. Во время следствия, находясь под арестом, он составил прокламацию «Молодая Россия», являющуюся одним из первых документов русского бланкизма (перепеч. в книге «Прокламации 60-х годов», стр. 57—59). Причастность Заичневского к составлению этой прокламации осталась неизвестной правительству. Заичневский был приговорен к каторжным работам и ссылке на поселение и впоследствии неоднократно вновь подвергался преследованиям за свою революционную деятельность. Он произвел глубокое впечатление на Одоевского. В 1868 г. в «Записке государю» Одоевский писал: «Что было бы с Россией при последней польской революции, если бы она случилась до 19 февраля! NB. Припомните суд в Сенате над социалистами в Москве». («Рус. Арх.» 1895, т. V, стр. 44). Ср. также записи 19—24/VIII. О кружке Заичневского см. Центрархив. Политические процессы 60-х гг.», т. I. М.—Л. 1923, стр. 137—269; «Крест. движ.», т. II, стр. 4—5; М. Лемке. Политические процессы, стр. 1—54; В. Алексеев. Студенческий кружок Аргиропуло и Заичневского и его деятельность («Голос Минувшего» 1922, № 1); Б. Козьмин. Заичневский и «Молодая Россия». М. 1932 (там же библиография) и его же статьи в «Каторге и Ссылке» 1930, №№ 5—9.

Записи Одоевского 5 и 6 июля были опубликованы Б. Козьминым в «Каторре и Ссылке» 1930, № 8—9, стр. 84.

26

О Моск.-Сергиевской жел. дор. см. запись 22/X 1860 г.

Сентябрь

8

8/IX 1862 г. праздновалось тысячелетие России.

11

Прокламация «К образованным классам» грозила им, «своим потворством, допускающим правительство к злодействам и преступлениям», народным восстанием, если они останутся «на стороне правительства» (перепеч. в сб. «Материалы для истории революционого движения в России 60-х годов». Париж 1905, стр. 69—71).

24

Н. Освальд был исключен из университета за участие в волнении 1861 г. В 1862 г. арестован за литографирование и распространение «Великорусса», был приговорен к каторжным работам, замененным ссылкой на поселение. О деле Освальда и Гумилина, помимо литературы о кружке Заичневского, см. В. И. Линде. Воспоминания о моей жизни («Русская Мысль» 1911, VII, стр. 122—125).

Октябрь

22

Плеть в царствование Николая I частично заменила кнут. «Плеть по гибкости своей не резала спины, как резал кнут, но зато от нее спина пухла и вздувалась.» (И. Гольденберг. Реформа телесных наказаний. СПБ 1863, стр. 32). По закону 1863 г. наказание плетьми было сохранено для ссыльных. Окончательно плеть вышла из официального употребления в 1903 г.

Ноябрь

26—27, 29

П. Шипов принимал участие в студенческих волнениях в Москве, был арестован в июне 1862 г. за хранение статьи, предназначенной к напечатанию в эмигрантском издании. В 1863 г. был приговорен Сенатом к 3 мес. тюремного заключения; в том же году привлекался по делу «Земли и Воли».

И. Кельсиев, брат раскаявшегося эмигранта В. И. Кельсиева, принимал участие в студенческих волнениях в качестве депутата и был выслан в Пермскую губернию. В июле 1862 г. он был арестован за написание противоправительственной статьи и в 1863 г. приговорен Сенатом к 4 мес. заключения в крепости; в том же году бежал за границу. О деле Шипова и Кельсиева см. Центрархив. «Политические процессы 60-х годов», т. I, стр. 66—136.

1863 год

Январь

2

Одоевский перешел из 6-го (уголовного) департамента в 8-й, рассматривавший гражданские дела; вследствие этого перехода он избавился от необходимости участвовать в вынесении приговоров, присуждавших обвиняемых к телесным наказаниям.

В 6-м департаменте в этот день был объявлен приговор по делу кружка Заичневского (см. запись 5—18/VII 1862 г.). Объявление приговора было отложено до отъезда Александра II из Москвы, так как власти опасались студенческих демонстраций. Аргиропуло скончался в тюрьме, и тело его было похоронено тайком, опять-таки из боязни демонстрации. Собравшиеся на объявление приговора студенты не были пропущены в зал заседаний, и все обошлось спокойно.

15

Речь идет о нападении польских повстанцев на русские воинские части в ночь с 10 на 11 января, открывшем собою польское восстание 1863 г. Внешним поводом к восстанию послужило проведение в Польше рекрутского набора, фактически имевшего целью освободить Царство Польское от неблагонадежных элементов.

29

Упоминаемая Одоевским статья И. С. Аксакова «О всенародном польском сейме для решения польского вопроса» к печати разрешена не была (вошла в «Полное собрание сочинений» И. С. Аксакова, т. III, стр. 22—32). Вместо нее была помещена заметка от редакции о том «что молчание не есть наша прихоть... Мы смеем уверить читателей, что при каждом № исполняем добросовестно свою редакторскую обязанность, и что отсутствие наших передовых статей еще не значит, чтоб их не было... Не все то можется, что хочется» («День» 1860, № 5). Не появились в «Дне» и следующие передовые статьи от 8 и 23/II и 2/III на польские темы (вошли в «Полное собрание сочинений», т. III, стр. 32—54).

Предложение И. Аксакова в общем верно изложено Одоевским. Равнодушие польского крестьянства к лозунгам политической независимости Польши, подчеркивающее классовый характер всего движения, было на руку русскому правительству, которое, стремясь еще больше оторвать крестьян от польского дворянства и буржуазии, дало крестьянам Царства Польского ряд льгот за счет польских землевладельцев. Польский всенародный сейм с непременным участием крестьянства должен был, по мнению Аксакова, решить вопрос, действительно ли отвечает желанию страны политическая независимость, на которую Польша безусловно имеет право, конечно, не в пределах бывшего польского королевства.

Наивное мнение Одоевского о «вине всех бед —иезуитизме» ср. с другими аналогичными высказываниями в «Дневнике», как по поводу польских дел, так и в связи с революционным движением (записи 11/V, 29/VIII и 20/X 1863 г., 2/I и 26/III 1864 г., 20/X 1866 г. и 26/XI 1868 г.).

«Социнизм» (социнианство)—крайне рационалистическое течение в протестантском богословии, принимающее евангелие, поскольку оно не противоречит человеческому разуму, и придающее значение главным образом этическому учению, изложенному в нем.

Февраль

19

Речь идет о первых выборах в московскую городскую думу, происходивших на основании Положения 1846 г. Согласно этому Положению, кандидатуры намечались на особых частных совещаниях сословных выборных. Упоминаемая Одоевским речь И. В. Селиванова была опубликована («Моск. Вед.» 1863, № 40) и вызвала оживленную дискуссию (там же, №№ 44, 47, 50 и 53; «Наше Время» № 57).

25

До своего назначения в Сенат В. А. Арцимович был губернатором в Тобольске (1854—1858) и в Калуге (1858—1862), где показал себя незаурядным администратором и человеком либеральных воззрений. Он основывал газеты, к участию в которых привлекал даже ссыльных, учреждал школы, всячески стимулировал умственную и общественную жизнь края. При проведении крестьянской реформы он устраивал в Калуге периодическиме съезды мировых посредников, на которых публично обсуждались острейшие вопросы практики крестьянской реформы. Подобная деятельность Арцимовича вызвала ожесточенный отпор со стороны местного дворянства и утвердила за Арцимовичем кличку «красного», хотя, разумеется, ни о какой революционности Арцимовича не может быть и речи. Напряженные отношения Арцимовича с местным дворянством вызвали его назначение в мо-

сковские департаменты Сената, где он, впрочем, прослужил недолго, так как вскоре, в разгар польского восстания, был переведен в Варшаву. Слава «красного» создала Арцимовичу в Москве в кругах высшей бюрократии известную изолированность, отмечаемую Одоевским. Об Арцимовиче см. сборник воспоминаний «В. А. Арцимович, Воспоминания» (СПБ, 1904).

Зимою 1863 г. профессор философии Московского университета, ранее проф Киевской духовной академии, П. Д. Юркевич прочел цикл публичных лекций по философии, направленный против материалистов (в частности против популярного тогда Бюхнера). «Здесь встречается цвет московского общества,—писали «Моск. Вед.»,—дам постоянно бывает очень много. Со своей стороны педагоги приписывают чтениям г. Юркевича большое значение, напр., директор I гимназии взял для лучших воспитанников высших классов значительное количество абонементных билетов. Это распоряжение объясняется очень просто тем, что в гимназиях высшие вопросы о жизни и человеке нередко разрешаются ныне с помощью Бюхнера...» (Несколько слов о публичном курсе г. Юркевича, «Моск. Вед.» 1863, № 58).

Упоминаемая Одоевским лекция была посвящена «трем основным формам душевной деятельности: представлению, чувствованию и желанию». Лекции Юркевича, прославившиеся в правых кругах своей полемикой против Чернышевского, вызвали уничтожающие отклики «Искры» и «Свистка».

Март

10

1863 год прошел в России под знаком угрозы войны, так как польское восстание вызвало дипломатическое вмешательство Англии, Австрии и, особенно, Франции, обеспокоенных опасностью международной революции и настаивавших на уступках польским требованиям. Насколько основательны были эти опасения, показывает, например, переписка Маркса и Энгельса. «Если они [поляки] продержатся некоторое время,—писал Энгельс Марксу 11 июня 1863 г.,—то они все же могут попасть в общеевропейское движение, которое их спасет... Европейское же движение кажется мне очень вероятным, ибо обыватель снова отделался от своего страха перед коммунистами и, в случае необходимости, готов пойти вместе с ними... Что меня больше всего удивляет, так это то, что в Великороссии не начинается крестьянское движение. Повидимому, польское восстание имело в этом смысле определенно неблагоприятное влияние» (Соч. т. XXIII, стр. 151—152). И действительно, польское восстание вызвало в России исключительный подъем национализма, охвативший значительные и разнообразные слои русского общества, в том числе и либерально-бюрократические круги, к которым принадлежал Одоевский. С этого момента в России резко упала, например, популярность «Колокола», принявшего сторону поляков.

13—18

Рихард Вагнер в 1863 г. приезжал в Россию, где дал несколько концертов в Петербурге и Москве, встречая горячий прием ряда русских музыкальных деятелей (Серов и др.). Статья Одоевского «Первый концерт Вагнера» появилась в газете «Наше Время» (1863, № 57) за подписью «О. О. О.». Восторженно приветствуя Вагнера, Одоевский определяет его, как эпоху в драматической музыке, а его концерты в России — как эпоху в русской музыкальной жизни, прозябавшей под знаком музыки итальянской.

В Москве Вагнер дал три концерта (13, 14 и 15 марта), при чем в программе были отрывки из его произведений, исполнявшиеся двойным составом оркестра (до 150 чел.) с участием хора и солистов московских театров.

Апрель

5

Подъем национализма в России (см. прим. к записи 10/III) вызвал ряд адресов Александру II, в которых самые разнообразные круги разнообразных местностей России изъявляли свой патриотизм и верноподданические чувства. Московское дворянство подало адрес на аудиенции 17 апреля. Тогда же был подан адрес и от московских старообрядцев, которым Александр сказал: «Мне хотели вас очернить, но я этому не поверил и уверен, что вы такие же верноподданные, как и все прочие». Текст адресов раскольников Рогожского кладбища и беспоповцев Преображенской богадельни см. Татищев, т. I, стр. 431—432 и в дневнике М. Погодина (Барсуков, т. XX, стр. 139—140). Адрес дворянства был написан И. С. Аксаковым, а адрес старообрядцев — М. Н. Катковым.

8

«Мастеровой» — драма Е. Е. Прохорова. Напечатана, повидимому, нигде не была. Е. Е. Прохоров напечатал только свою драму «Брантмейстер» (СПБ, 1858).

17

Речь идет о молебне «во славу русского оружия». В дневнике Никитенко под той же датой находим аналогичную картину в Петербурге (т. II, стр. 380).

19

Закон об отмене плетей—см. запись 2/I и прим. к записи 22/X 1862 г.

22

В действительности, в своей речи в ответ на поданные ему адреса, Александр говорил значительно скромнее: «Я еще не теряю надежды, что до общей войны не дойдет; но если она нам суждена, то я уверен, что с божьей помощью мы сумеем отстоять пределы империи и нераздельно соединенных с нею областей». См. Татищев, т. I, стр. 431.

29

Генерал Назимов, управлявший Сев.-Зап. краем, не смог совладать с польским движением, так как едва ли не вся администрация состояла из поляков, сочувствовавших и способствовавших восстанию. Лучшая часть русского офицерства также была на стороне Польши.

Генерал Муравьев, заслуживший беспощадным подавлением восстания кличку «Вешатель», образовал из крестьян сельскую стражу для охраны сел. См. М. Н. Муравьев. Записки об управлении Сев.-Зап. краем и об усмирении в нем мятежа 1863—1866 гг. («Рус. Стар.» 1882, т. XXXVI, стр. 394—398).

Май

19

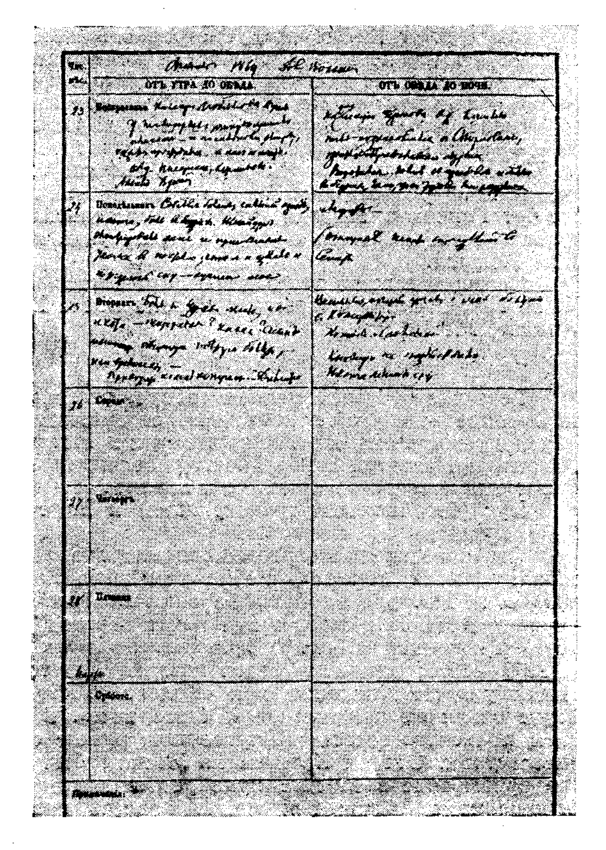
Упоминаемая Одоевским статья в Journal de St.-Pét. (1863, № 112) являлась пространным ответом «Morning Post» от 12/V и «La Patrie» от 15/V, якобы односторонне осветившим один из ярких эпизодов польского восстания—захват русского транспорта с оружием отрядом гр. Платера под Динабургом (Двинском) 13 апреля. Главную роль в борьбе с отрядом Платера сыграли местные крестьяне-раскольники, давшие иностранной печати повод обвинять их в насилиях над польскими помещиками и в грабеже помещичьих мыз. Русская официальная пресса пыталась опровергнуть грабежи и насилия, подчеркивая «верноподданические чувства» крестьян. О фактической стороне дела см. «Крест. движ.», вып. II, стр. 75 и Н. Барсуков, т. XX, стр. 150—153.

«Замечательные сегодняшние статьи»: 1. «Моск. Вед.» № 108 — перед. ст. о намерениях Англии требовать перемирия между Польшей и Россией; это была третья из перед. ст. (№№ 106, 107 и 108), где вскрывались причины, руководившие, по мнению Каткова, Австрией, Францией и Англией в их польской политике: у Австрии — желание усилить отлив поляков в русскую Польшу и освободить Галицию для немецкого влияния; у Франции — необходимость обеспечить себе, в случае войны с Германией, помощь с востока и у Англии — желание отвлечь Россию от ближневосточных дел. 2. «День» № 20 — перед. ст. о невозможности для России согласиться на конгресс для решения «нашей внутренней польско-русской тяжбы».

24—25

Статья Христиана Островского называлась «Les Massacres de Livonie» и была напечатана в газете «La Patrie», откуда она в целях полемики была перепечатана «Journal de St.-Pét.». В статье говорилось о преследовании польских помещиков в Лифляндии не латышскими крестьянами, как утверждали русские газеты, а русскими раскольниками, «которых уверяли, что целью польского восстания было уничтожение их до последнего» (Journ. de St.-Pét. 1863, № 113).

Капитан Полоцкого пехотного полка А. И. Никифоров был взят в плен отрядом повстанцев Чаховского 10 апреля 1863 г. в окрестностях г. Опочно. «Зверства поляков над пленными» в изображении русских газет, были, повидимому, преувеличены, но несомненно, что все пленные, взятые вместе с Никифоровым, кроме одного, случайно уцелевшего, были повстанцами повешены. Запись Одоевского основана на описании казни Никифорова в «Русском Инвалиде»: «...в минуту, когда вздергивали веревку капитана Никифорова, он успел поднять правую руку с угрожающим на толпу жестом, — рука сохранила это положение и тогда, когда тело его уже висело в воздухе: повешенный как бы грозил толпе» (1863, № 111).



ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ДНЕВНИКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО
Публичная Библиотека, Ленинград

29

Статья «Роковой вопрос» («Время» 1863, кн. 4, апрель, стр. 152—163, подп. «Русский») была резко направлена против общего патриотического подъема. Автор статьи Н. Страхов доказывал, что поляки считают свою борьбу с Россией борьбой цивилизации против варварства. Статья повлекла за собой запрещение журнала. См. запись 2—3/VI.

В «Рус. Вестн.» 1863, кн. 5 (вышла в конце июня) Катков реабилитировал «Время» и автора статьи, назвав все это дело «недоразумением» (стр. 398—418). С 1864 г. вместо «Времени» была разрешена «Эпоха».

30

«Польским катехизисом» назывался документ, едва ли не сфабрикованный III Отделением, в котором изложены «правила польского поведения» по отношению к России. Документ этот, якобы найденный на одном из убитых повстанцев, появился в «Рус. Инвалиде», откуда был перепечатан «Моск. Вед.» (1863, № 116).

Июнь

2

И. С. Аксаков в передовой, под заглавием «Заметка по поводу статьи в журнале «Время» (в 4-й книге) «Роковой вопрос» за подписью «Ред.» выступил против статьи, придравшись к одному месту ее, где неправильно цитировался И. В. Киреевский.

Июль

21

В середине июня английский, французский и австрийский посланники в Петербурге вручили Горчакову ноты, в которых предлагали России перенести решение

польского вопроса на европейскую конференцию из восьми держав, подписавших Венский трактат 1815 г., предусматривавший отношения России и Польши. Различные по форме, ноты эти требовали немедленного перемирия с Польшей с тем, чтобы конференция решила вопросы об амнистии повстанцам, о польской конституции, о польском языке и польской национальности, как официальных в Польше, об отмене стеснений католицизма и т. д. Ответ Горчакова решительно отвергал всякое перемирие с восставшими и необходимость европейской конференции из восьми держав, соглашаясь лишь на частное соглашение с Австрией и Пруссией, участницами раздела Польши, но и то только после подавления восстания. Вместе с этим Горчаков заявлял, что по «восстановлении порядка» в Польше русское правительство займется осуществлением ряда мер в целях «нравственного замирения» Польши.

Освещение всего этого дипломатического инцидента и его подоплеки см. в ст. М. Н. Покровского «Польша и Европа после Венского Конгресса» («Внешняя политика», М., 1919).

26—27

Речь идет об «освященном соборе» раскольников, на котором разбиралось так называемое «Окружное послание», стремившееся всячески сгладить разногласия между православием и раскольниками и примирить раскольников с господствующей церковью. Приезжавший в Москву Белокриницкий митрополит Кирилл, встретив сильное недовольство посланием, признал его недействительным.

Ісус (беспоповская транскрипция) и Іисус (православная) согласно посланию были признаны идентичными.

Столкновение Белокриницкого митрополита со сторонниками Герцена вполне вероятно, хотя, конечно, и не в том виде, как это передает Одоевский. «Колокол» в 1863 г. уделял большое внимание раскольникам. Близким в это время к Герцену В. И. Кельсиевым был начат перевод библии (часть была издана в Лондоне) и выпущен «Сборник правительственных сведений о раскольниках» Вып.1—4, 1860—1862; одной из задач поездки Кельсиева в Россию было сближение со старообрядцами; наконец, при «Колоколе» стало выходить посвященное расколу и раскольникам приложение «Общее вече». В среде же раскольников, под влиянием польского восстания, произошли резкие сдвиги в сторону сближения с правительством. Отъезд Кирилла из Москвы был вызван, повидимому, боязнью, что его пребывание в Москве приобретает политическую окраску в свете натянутых отношений с Австрией и может повлечь новые гонения на раскольников (Ср. «Колокол» 1863, «Общее вече» № 21).

30

О «Самарянине» см. прим. к записи 14/XII 1868 г. «Житейский быт» — см. Бумаги Одоевского, пер. 89.

Август

14

В 1863 г. в Париже вышла анонимно брошюра M. Granier de Cassagnac «L'empereur, la Pologne et l'Europe», выражавшая неудовлетворенность европейского общественного мнения дипломатическими ответами России и серьезно говорившая об угрозе войны. Брошюра вызвала оживленные отклики в Европе и ответ России («Reponse d'un Russe à la brochure fraçaise l'Empereur, la Pologne et l'Europe» (St-Pét., 1863), принадлежавший перу В. С. Неклюдова и представляющий польское восстание, как бунт кучки польских помещиков и духовенства.

29

Статья в «Дне» — повидимому, статья в № 34 — «О русском обществе Западного края. Письмо к редактору», где говорилось об отсутствии в Западном крае русского общества и успехах польской пропаганды.

Одновременно «День» защищал в передовой статье того же номера мысль о том, «что политическая самостоятельность Царства Польского представляет менее невыгод для России, чем его насильственное с нею соединение», подчеркивая одновременно необходимость подавления «мятежа» и уничтожения «народного жонда».

Сентябрь

9—14

Европейские державы в своих новых нотах настаивали на праве вмешательства в польские дела, поскольку эти дела всеевропейские и присоединение Польши к России произошло с санкции европейских держав, подписавших Венский трактат 1815 г. Горчаков в своем ответе категорически отклонил это вмешательство.

17

«Архипастырское увещание самогитского римско-католического епископа» Матвея Казимира Волончевского появилось в «Голосе» как перепечатка из «Виленского Вестника» и сопровождалось предложением ген. Муравьева Ковенскому губернатору «немедленно обнародовать по всей вверенной вам губернии, приказав прочитать его во всех костелах с амвонов, а также во всех селах, деревнях и городах, для чего препровождается к вам эти 5 тысяч печатных экземпляров оного» («Голос» 1863, № 243).

24

Опера «Демон» (впоследствии «Тамара») второстепенного русского композитора Б. А. Фитингофа-Шеля появилась на сцене только в 1885 г. и не имела успеха, не выдержав соперничества с известной оперой А. Рубинштейна. Фитингоф оставил после себя воспоминания под заглавием «Мировые знаменитости» (М., 1899), где охарактеризовал Одоевского, как «музыкального хирурга». «Он обладал глубоким знанием музыки, но так увлекался разбором музыкальных сочетаний, что музыкальные красоты так сказать стушевывались для него перед интересом звуковых комбинаций. В нем музыкальное сердце как бы отсутствовало, уступив место разуму» (стр. 47). Эта, в общем верная характеристика, объясняется, однако (особенно в части «отсутствия музыкального сердца»), и тем, что Фитингоф в понимании серьезной музыки стоял неизмеримо ниже Одоевского. Характерна деталь воспоминаний Фитингофа. «Он показывал мне самые куриозные музыкальные фокусы, составление коих его очень занимало. Была, например, пиеса Le Carillon. В ней шли одновременно: церковное пение, мотив веселый, другой грустный и педаль одной и той же ноты через всю пиесу. Или другая: Aller et retour. Игрался мотив в тридцать два такта, после чего он повторялся, а при повторении игрался одновременно тот же мотив, но с конца до начала. Подобных и других пиес гораздо сложнее было у Одоевского не мало» (стр. 48).

См. также воспроизведенный в нашем издании автограф музыкальной шутки Одоевского (стр. 259).

29—30

Полонофильская статья Charles de Marade «Hiut mois de guerre et de diplomatie en Pologne была помещена в «Revue de deux mondes» 1863, т. XLVII, 1 sert., pp. 922—963.

Октябрь

9

Приглашение американского посла на обед в Москву могло быть вызвано только тем обстоятельством, что США отказались от совместных с Англией, Францией и Австрией дипломатических шагов против России, за что А. М. Горчаков в особой ноте благодарил правительство США. Противоположность русских и американских интересов французским и английским подчеркивалась даже в официальных выступлениях. В пику Англии, Россия поддерживала Северные штаты во время междуусобной войны в Америке. В 1866 г. специальная миссия конгресса привезла Александру II поздравление по поводу «чудесного избавления» от выстрела Каракозова.

30

В рескрипте бывшему наместнику Царства Польского вел. кн. Константину Николаевичу деятельность его в Польше была представлена как путь мирных преобразований, отвергнутый восставшей Польшей.

Ноябрь

11

Речь идет о прекращении Гос. банком платежей звонкой монетой, в чем обвиняли министра финансов Рейтерна. См. Никитенко, т. II, стр. 150—151.

Статья Каткова о внутреннем займе — передовая «Моск. Вед.» № 241.

20

Речь идет о писавшейся тогда Серовым опере «Рогнеда», в которую Серов, несмотря на советы Одоевского, все же скита не ввел.

Упоминаемый Одоевским Skizzen-Buch — может быть тот самый, о котором рассказывает в своих воспоминаниях Б. А. Фитингоф-Шель.

О первом визите Серова с женой к Одоевскому, см. Воспоминания Серовой, стр. 42—43. Там же см. характеристику Одоевского.

1864 год

Январь

1—2

«Что делать?» написано Чернышевским в Петропавловской крепости; роман печатался в «Совр.» за 1863 г. Сводку откликов на «Что делать?» см. в ст. Н. Бродского «Чернышевский и читатели 60-х годов» («Вестн. воспитания». 1914, № 9) и в книге Г. Берлинера «Н. Г. Чернышевский и его литературные враги», М.-Л., 1930, гл. X—XII. В безнравственности первые обвинили Чернышевского «Сев. Пчела» и «Голос» еще в 1863 г. Как это ни странно, запись Одоевского показывает, что до января 1864 г. он не знал, что Чернышевский арестован, и не имел представления о его деле.

6

«Юдифь», первая опера А. Н. Серова, на основе одноименной трагедии Джиакометти, была поставлена впервые 16 мая 1863 г. в Мариинском театре.

10

Б. Н. Чичериным посвящены Одоевскому следующие иронические строки: «Некогда московский архивный юноша и писатель с некоторым дарованием он впоследствии обратился в весьма добродушного придворного, но продолжал серьезно заниматься всякими безделушками, что приобрело ему прозвание: великий человек на малые дела. Узнавши, что я направляюсь в Лондон, он тотчас поручил отыскать для него книгу сигналов, которой я впрочем не нашел и никогда не узнал, на что она была ему нужна» (Воспоминания Б. Н. Чичерина. Путешествие за границу. М., 1932, стр. 45).

Апрель

3

Поселившись в Москве, Одоевский возобновил свои вечера. По пятницам главенствовала музыка, по средам литература (ср. впрочем: «по субботам у меня бывает содомно» — письмо Одоевского С. А. Рачинскому в сб. «Е. А. Боратынский» П. 1916, стр. 123). Однако, вновь возникнув, салон Одоевского потерял свое значение; передовые писатели не бывают у него: «...представители русской литературы на вечерах Одоевского—все писатели либо старые, либо глубоко оппозиционные. В 60-х годах салон Одоевского живет уже воспоминаниями» (М. Аронсон и С. Рейсер. Литературные кружки и салоны. Л., 1929, стр. 283. См. там же материал о салоне Одоевского, стр. 171—182 и комментарий, стр. 280—283).

23

Речь идет о «Кружке любителей драматического искусства» — см. о нем «Русская сцена» 1864, № 5 и в готов. к печати работе В. Н. Всеволодского-Гернгросса. «Театр для народа в царской России». См. также «Антракт» 1864 от 17/II — ст. «По поводу исполнения «Грозы» на сцене кружка любителей драматического искусства».

Июль

27

Одоевский имеет в виду книгу Jacob Jusza. Vita Meletii Smotrijcii, Ed. nova, emendation et anctior curante Joanne Martinov, persb. S. J. Bruxelles, 1864.

Август

16

О крестьянском самоуправлении ср. откровенное признание предс. Редакционных комиссий Я. И. Ростовцева: «Народу нужна была сильная власть, которая заменила бы власть помещика» (цит. по Покровскому, т. IV, стр. 110).

Споры с общинниками — полемика с славянофилами. Отношение Одоевского к славянофилам было очень сложно и противоречиво. Во второй половине 50-х и в начале 60-х годов он резко осуждал славянофильство. В бумагах Одоевского сохранилось несколько его статей, любопытных для характеристики этого отношения. К 1859 г. относится следующий незаконченный ответ К. Аксакову, озаглавленный Одоевским «Хмельное дитя», с эпиграфом из «сочинений госп. К. Аксакова»: «Душенька народ, миленький народенька».

«Ребенок забрался в нянюшкин шкап и вместо кваса выпил глоток сладкой водки. Понравилось; он и еще; оттого дитя несет всякую дичь; дитя пляшет, дитя плачет, в самозабвении повторяет без устали какую-нибудь заученную бессмыслицу или схватит китайскую куклу и то припевает ей: душенька урод, миленький уроденька! то величает своего уродца красавцем, и говорит, что нет ему

подобного в свете; иногда уронит куклу, разобьет, да и сам ушибется—а ему все нипочем,—лишь бы наболтаться вдоволь; иногда, вообразив себя богатырем, берется поднять [нрзб.] кресло, силишки нехватает, — дитя сердится и кричит; ничего не слушает, ничему не вникает; станут его усовещевать — он жалуется и ропщет; словом, в комнате от него беспокойство, не дает он никому прохода своею дребеденью и всякому делу от него помеха. Бывает хуже: разозлившись, дитя выдумывает какую-нибудь нелепость, утверждает, что слышал ее от кого-нибудь из домашних. Все это и смешно и жалко; но не обвиняйте дитяти, оно—охмелено.

Но странно, когда человек, который из ребят давно уже вышел, позволяет себе подобные проделки. В ребенке все это может быть забавно, но что тут милого, когда здоровенный мужик примется блажить или проситься на ручки. К сожалению, такие примеры не редки во всех литературах, а равно и в нашей.

Недавно г. К. Аксаков, издатель «Паруса», выдумал нелепую фразу, выставленную здесь в эпиграфе, на основании какого-то Китайско-Манджурского кодекса рассудив за благо приписать ее своему сопернику или кого он считает, нивесть почему, своим соперником» (Бумаги Одоевского, пер. 93, л. 79—80).

Этот ответ К. Аксакову нуждается в пояснении. В газете «Парус» (издававшейся не Константином, а Иваном Аксаковым), закрытой после выхода двух номеров, была помещена едкая и убедительная рецензия К. Аксакова на новый журнал «Народное чтение, Книжка I, сост. А. Оболенским и Г. Щербачевым. СПБ, 1859». В рецензии К. Аксаков восставал против «просвещенных забот» образованного общества: «Чтение для народа! По нашему мнению, уже в этой мысли лежит ложь! Что же народ—разве особенный отдел людей?... И что это за чтение по сословиям? Но ведь в то же время у вас нет чтения дворянского, нет чтения купеческого...» («Парус», № 1). Далее Аксаков писал, что так называемое образованное общество, при всей массе своих сведений, не умеет самостоятельно мыслить; «шкап, наполненный самыми умными книгами, нисколько от того не выигрывает». Приступая к разбору самого «Народного чтения», Аксаков отметил, что все же «сотрудники «Народного чтения» не подходят к народу, как уж к совершенно несмысленному ребенку, как делал это князь Одоевский, который чуть не говорил народу: «душенька народ, миленький народенька». Аксаков подразумевал в данном случае издававшиеся в 1848—1863 гг. Одоевским совместно с А. П. Заблоцким сборники «Сельское чтение».

Любопытно, что Одоевский осуждал закрытие «Паруса» только потому, что это могло вызвать излишний интерес к вышедшим номерам «Паруса» (Бумаги Одоевского, пер. 19, л. 159—161).

То же, столь возмутившее его, выражение К. Аксакова взято Одоевским в качестве эпиграфа для неоконченной, очень резкой статьи «Стрелецкое толкование о всеобщем растлении» (Бумаги Одоевского, пер. 93, л. 272—286), где Одоевский выступает (очевидно также против «Паруса») с апологией Петра I и с обвинениями славянофилов в презрении к науке. Характерны, например, следующие строки: «Теперь, в 1859 г., когда русская наука, русская промышленность, общественное устройство, что бы ни говорили, растут не по дням, а по часам... в это самое время находятся люди, которые ничего этого не видят и напевают старую песню о современном растлении и о патриархальной нравственности предков; что еще курьезнее, эту нелепую песню вкладывают для народного чтения; льстят всем народным слабостям, и вместо того, чтобы внушать простому народу смирение и кровную для него необходимость учиться, тешат его самолюбие уверениями, что он тем умнее и добрее, чем менее учится иноземным наукам, а что те, «кто многим наукам учен, тот и помолиться порядочно не умеет...»

Также против славянофильства направлены две неоконченные статьи без заглавий (Бумаги Одоевского, пер. 93, л. 293—295 и 296—299 об.). Приводим начало второй из них:

«Что значат в самом деле слова: народное воззрение, народный быт, исторический народный быт.

Всякий мыслящий человек невольно от времени до времени должен спрашивать самого себя, что я такое? Куда я иду, чего я должен держаться, чтобы не сбиться с пути и достигнуть того, что мне следует.

Так спрашивает мыслящий человек и за самого себя и за то общество, которому он принадлежит, будет ли то дом, семья, деревня, город, народ, торговое товарищество или компания на акциях.

Подобный вопрос издавна поднялся и в русской литературе; спрашивали, что мы такое, куда нам идти и чего держаться.

Ответы были разные: одни говорили, мы Азия и останемся Азиею; протянем вокруг себя Китайскую стену и будем жить припеваючи, ни о чем не заботясь.

Другие говорят: поднимай выше, мы отнюдь не Азия мы Европа как она есть и как ей быть надлежит; окошко прорублено, его уже не заделать, да и те, которые за окошко выглядывают, утверждают, говоря словами поэта, что

За морем житье не худо.

Иные и так говорили: мы ни Азия, ни Европа, а так сами по себе и принадлежим к той части света, которая называется человечеством, чего нам и следует держаться, но тем споры не кончились; человек уже такой каламбурист от природы, что какое ему слово ни дай, он непременно постарается придать ему какой-нибудь посторонний смысл, чтобы вывести из него какую-нибудь огромную, великолепную пустоколосицу. Благо человечество есть слово эластическое, можно вытянуть его как угодно и куда угодно.

Грустно сознаться, а все это жестоко смахивает на Гулливерову историю. Лиллипуты, у которых важнейшим государственным вопросом было: с какого конца должно есть яйца, с большего или с маленького, обратились к древним преданиям, чтобы узнать, как отцы уложили; и действительно было найдено, что вопрос разрешался древним мудрецом, но следующим образом: есть яйца с того конца, с которого удобнее. Такое решение разумеется никого не удовлетворило; одни утверждали, что благочестивый праотец называл удобнейшим большой конец яйца, другие утверждали, что такое утверждение есть вполне еретическое и что великий праотец очевидно под словом удобнейший не мог принимать ничего иного, кроме острого конца и бедный Гулливер был заподозрен, что он в тайне разделяет учение тупоконечников.

В недавнее время появились люди, возвестившие, что решение вопроса найдено, а именно, что мы происходим от некоего коренья, что корение очень крепко, что оно имеет в себе представителя в народном воззрении, которое основано на народном быте и что сверх того этот быт не только народный, но еще и исторический народный быт. Может быть, что оно и так; только вот вопрос: откуда приняться за народный быт: с тупого конца или с острого? Этот вопрос не безделица».

Одоевским начата была также пьеса «Разгадка комедии «Князь Луповицкий»—ответ на известную комедию К. Аксакова.

Сентябрь

О симбирских пожарах см. прим. к записи 11/XI 1865 г.

8

О книге Шедо-Ферроти см. прим. к записи 30/IX.

15

См. прим. к записи 11/XI 1865 г.

17

Лекции Духинского — «Necéssité des réformes dans l'exposition de l'histoire des peuples aryàs—européens et tourans, particulièrement des Slaves et des Moscowites» par F. H. Duchinski (de Kiew). P. 1864.

В своих лекциях Духинский пытался доказать, что великороссы—не славянского, а монгольского происхождения. О Духинском см. Герцен, т. XIX, стр. 439; т. XX, стр. 117, 160; также «Отеч. Зап.» 1864, июль, стр. 426—448 «Историк Духинский из Киева».

Напечатанные Бартеневым бумаги—«Из бумаг кн. В. Ф. Одоевского» («Рус. Арх.» 1864, стр. 804—849). Это были письма Велланского, Шаховского и др. к Одоевскому, переписка Пушкина и Одоевского и т. п. В «Рус. Инвалиде» был перепеч. отрывок из примечаний Одоевского к его ненапечатанной в свое время статье 1836 г. «О нападении петербургских журналов на русского поэта Пушкина». В примечаниях этих Одоевский говорил о польской партии, польском направлении и крепко стоявших друг за друга поляках-журналистах.

21

Неоконч. ст. «Защитники польского панства» (против газ. «Весть»). Бумаги Одоевского, пер. 13, л. 5—8. Крепостники из «Вести» высказывались против той политики по отношению к польскому землевладению, которая проводилась русским правительством в Польше, усматривали в ней подрыв принципа частной собственности.

30

Речь идет о брошюре бар. Фиркса, писавшего под псевдонимом Schedo-Ferroti, «Que fera-t-on de la Pologne»; ее автор высказывался за проведение в Польше либеральных преобразований и против руссификаторской политики, проповедником которой выступал в «Московских Ведомостях» Катков. Брошюра была написана по указаниям, данным автору министром народного просвещения Головниным, враждовавшим против Каткова. По выходе ее Головнин разослал ее по всем

университетам и гимназиям. Катков счел необходимым выступить с возражениями против Шедо-Ферроти и при этом указал, что Головнин несколько раз обращался к нему с комплиментами по адресу его статей о польском вопросе и с предложением издать эти статьи в виде особого сборника. В передовой статье «Моск. Вед.». 29/IV фамилия Шедо-Ферроти и название его книги не приведены и сказано, что «по некоторым причинам мы затруднены печатанием заявлений по поводу этой книги». 7/X, в ответе на письмо Шедо-Ферроти, «Моск. Вед.» подчеркнули, что «сношения [с ним] путем печати были крайне затруднительны». Следовательно, цензурное запрещение сначала, действительно, существовало.

См. также записи 8/IX, 4 и 14/X и 11/XI.

Октябрь

4

См. прим. к записи 30/IX.

5

Очевидно, речь идет о нападках Каткова в «Моск. Вед.» на Головнина.

6

«Эсфирь» — очевидно описка — вм. «Юдифи».

11

Э. Ж. Шеве пропагандировал «цифирную методу для хорального пения». О неудачах Шеве в Петербурге и заботах о нем В. А. Соллогуба и его брошюре о Шеве см. В. А. *Соллогуб*. Воспоминания. Л. 1931, стр. 503. Одоевский писал о методе Шеве в ст. «Бесплатный класс хорового пения» («День» 1864, № 46. Им. отд. оттиск). Там же указана и литература.

12

Как известно, гр. Д. П. Блудов был делопроизводителем Верховной следственной комиссии и составителем ее «Донесения».

14

О книге Шедо-Ферроти см. прим. к записи 30/IX.

30

Статья была напечатана в «Дне» (см. прим. к записи 11/X).

Ноябрь

20

Поэма В. А. Соллогуба «Нигилист» была напеч. в сб. «Утро» (М., 1866), издававшемся М. Погодиным (всего вышло три книги на протяжении десяти лет). Весь сборник в целом (и, в частности, поэма Соллогуба) имел ультра-реакционный характер. Жестокий разбор «Утра» был напеч. в «Искре» 1866, № 11; см. также воспроизведенную в нашем издании карикатуру из № 12 «Искры». Д. Минаев написал пародийное продолжение «Нигилиста», мотивируя это тем, что «по всем вероятиям, второй [на самом деле третий] выпуск «Утра» выйдет никак не ранее 1966 г.». См. «Здравия желают». Стихотворения отставного майора Михаила Бурбонова». СПБ., 1867, стр. 243—263.

Уничтожающую рецензию на третью книгу «Утра» см. «Отеч. Зап.» 1868, № 7, совр. обозр., стр. 62—72.

28

Русское музыкальное общество подготовляло открытие в Москве Консерватории. А. Н. Серов, враждовавший с петербургским музыкальным обществом, кафедры не получил. О возможности разрыва между московским и петербургским отделами Общества в случае, если бы первый оказал Серову помощь (например, устройство концерта в его пользу) см. в письме А. Н. Серова Одоевскому от 4/XII 1864, напечатанном в сб. «Е. А. Боратынский» П., 1916, стр. 113—115 («Пружина препятствий — только та, что я не сгибаю спины перед музыкальным временщиком [А. Г. Рубинштейном], которого — по своим идеалам — ни с какой стороны (кроме пианизма) уважать не могу»).

Декабрь

28

«Рус. Вестн.» 1864. Октябрь, стр. 613—631. В статье доказывалось отсутствие наследственной вражды между Россией и Турцией и в столкновениях с Турцией обвинялись западные державы.

1865 год

Январь

5

Московское дворянское собрание 1865 г. и его адрес Александру II было одним из заключительных эпизодов дворянской фронды, последней вспышкой конституционно-аристократического движения. Собранием был принят всеподданнейший адрес о созыве выборных людей от земли русской и созыве выборных от дворянства — по два от каждой губернии. Правительство встретило выступление московского дворянства сурово. Все постановления собрания были отменены. Принятие адреса дало повод лишить дворянские собрания некоторых прав. См. также записи 13—23, 26 и 30/I, 1, 19 и 23/II с 9/III.

К этому эпизоду относится известное стихотворение Ф. И. Тютчева:

Куда себя морочите вы грубо!
Какой у вас с Россиею разлад!
Куда вам в члены английских палат?
Вы просто члены английского клуба.

Дворянскому собранию 1865 г. посвящены две эпиграммы С. А. Соболевского («Эпиграммы и экспромпты». М. 1912, ст. 64. первая редакция одной из этих эпиграмм находится в Бумагах Одоевского, пер. 93, л. 77). В бумагах Одоевского находятся списки еще двух стихотворений, вызванных этим инцидентом. Печатаем первое из них:

Во след за речью речь звучала:
«Народ, и правда, и права!»
Что ж это? Земские-ль начала?
Игра-ли ловкая в слова?

О, сколько узкости дворянской
И спеси в мыслях и крови!
Как мало света и любви!
Как мало доблести гражданской!
Нет! Гражданин дворянских прав
Ярмом на земство не положит,
И возглашать никто не может,
Народной думы не узнав,
И от земли не полномочен,
Что этот строй правдив и прочен.

Есть строй не ваш. Тот строй живуч,
Где равноправная свобода,
Как солнце над главой народа,
Льет всем живительный свой луч,
Во имя блага с мыслью зрелой
И кроме блага ничего!
Так вековое зиждут дело
Вожди народа своего.

Но вас, сословные витии,
Вас дух недобрый подучил
Почетной стражей стать России
Против подъема русских сил.
И сгинет, смешанное с прахом,
Что, как бы ряд острожных стен,
В тиши возводится под страхом
Предполагаемых измен.

Москва.

Янв. 1865.

(Бумаги Одоевского, пер. 93, л. 78 и об.). Автор стихотворения нам неизвестен.

15—19

Протест Одоевского против выступления «дворянской партии», предназначавшийся к опубликованию за многими подписями, несмотря на все его попытки, к печати разрешен не был и какого-либо крупного общественного значения не имел. Вернувшись в Москву, Одоевский, по словам А. Пятковского, «был встречен целым градом сплетен... Его выдавали чуть не за доносчика, который хотел под-

служиться правительству» («Кн. В. Ф. Одоевский и Д. В. Веневитинов». СПБ., 1901, стр. 72). См. также записи 17 и 21/III. Протест напечатан Орлом-Ошмянцевым в «Рус. Арх.» 1881, т. II, стр. 491—492 и Пятковским (ук. соч., стр. 71—72). Объяснение самого Одоевского по поводу этой статьи см. в его письме от 18/III 1865 г., где, опровергая слухи, распространяемые по Москве, он говорил о гибельном влиянии олигархии и подчеркивал свой принцип: «Безусловное равенство перед судом и законом, без различия звания и состояния» («Рус. Арх.» 1881, т. II, стр. 492—493 и у Пятковского, стр. 71—75); в сохранившемся списке незначительные расхождения, в том числе дата — 26/III. См. Бумаги Одоевского, пер. 87, л. 32—35). В этом письме Одоевский писал между прочим, что после запрещения «Вести» и ареста № 4 этой газеты он «счел неприличным... настаивать на печатании статьи, ибо по пословице: лежачего не бьют», что, однако, противоречит записям настоящего дневника (см. записи 17 и 21/III; см. также записи 22, 23/I, 1/II и 22/III).

Сохранилась кроме того в трех редакциях ненапечатанная статья Одоевского против «защитников крепостного состояния», где московские происшествия названы «обер-церемониймейстерской революцией» (гр. Орлов-Давыдов был вторым обер-церемониймейстером императорского двора) и подчеркнуто подстрекательство из Петербурга (Бумаги Одоевского, пер. 93. В этом же переплете — ряд подобранных Одоевским материалов к московским происшествиям: речи Орлова-Давыдова и Погодина, специальные выписки из писем, полученных Одоевским из Москвы 13—20/I и др.).

Одоевский возвратился к выступлению московского дворянства в «Записке для государя» («Рус. Арх.» 1895, стр. 40), где характеризовал собрание так: «Вожаки постарались построить такую фразеологию, чтобы для демократов всеподданнейшее прошение казалось демократическим, а для помещиков — помещичьим».

Отрицательное отношение к направлению «Вести» отражено в ряде заметок и набросков Одоевского против этой газеты (Бумаги Одоевского, пер. 13, 19, 22 и 87).

22

Как известно, иностранная цензура отменена не была. Высказывания Одоевского против цензуры вообще и, в частности, против цензуры иностранных книг см. в «Рус. Арх.» 1874, кн. II «Из бумаг кн. В. Ф. Одоевского», стр. 11 и сл. Книги, о которых говорит Одоевский: 1) «Testament de Pierre le Grand ou plan de domination européenne laissé par lui à ses descendants et successeurs au trône de Russie». Последнее издание (Paris, 1860) сопровождалось манифестом Александра II от 3/III 1855 г. и примечанием: «Манифест показывает, что Россия не отказалась ни от одного из своих взглядов и желаний». Составителем этого, часто привлекавшегося иностранными публицистами, документа был франц. историк и публицист Ш. Лезюр, См. подр. G. Berkholz. Das Testament Peters des Grossen. Riga. 1859. 2) Al. Chodzko. La Pologne historique, littéraire, monumentale et pittoresque. V. 1—3. P. 1835—1842.

23

См. прим. к записям 15—19/I.

26

Статью Ц. Кюи см. «СПБ. Вед.» 1865, № 22, «Музыкальная летопись». В. В. Стасов был теоретиком знаменитой музыкальной «кучки», враждовавшей с Серовым. О дружбе Серова и Стасова и их разрыве см. «Воспоминания Серовой», стр. 21—22. и 72. По словам В. Серовой, попытка примирения над телом матери не удалась, по вине В. Стасова.

Социальный смысл московской и тверской дворянской фронды был совершенно различен. Ср. прим. к записям 28/II 1860 г., 17/II 1862 г. и 5/I 1865 г.

30

В рескрипте Александр II указал, что Московское дворянское собрание касалось вопросов об изменении основных начал империи и выразил уверенность, что впредь он не будет встречать затруднений со стороны русского дворянства.

Февраль

1

О затруднениях к постановке «Юдифи» в Москве см. большое письмо А. Н. Серова Одоевскому от 4/XII 1864 г. (Сб. «Е. А. Боратынский». П. 1916, стр. 113—115),

5

В 1865 г. Одоевский был назначен первоприсутствующим 8-го департамент Сената.

25

Речь идет о мексиканской экспедиции Наполеона III и конкуренции француз ского и американского капитала в Мексике; см. также запись 10/I 1866 г. и выш прим. к записи 9/X 1863 г.

Март

9

Такой адрес действительно был подан. Копия его сохранилась в Бумагах Одо евского (пер. 93, л. 149). В передаче Одоевского основная мысль несколько уси лена; фраз вроде «мы их уймем» в адресе нет. Любопытен отклик «Моск. Вед.» «Наибольшее число шаров получило однако же 5 дворян. Это показывает, межд прочим, как мало следует придавать значения тому, что по распространившимс в Москве слухам какая-то волость Коломенского уезда постановила приговор неблагосклонный к дворянству» (1862, № 53).

14

Тогда же Одоевским была напечатана статья «Лауб в Моцартовском ге мольном квинтете» («Моск. Вед.» № 55, подп. О. О. О.).

22

«Давыдову о клевете...», см. выше прим. к записям 15—19/I.

25

Резкая полемическая статья А. М. Жемчужникова в «Дне» (1865, № 12 «Московские Ведомости по части добросовестности» заканчивалась сравнением автора передовой статьи «Моск. Вед.» (Каткова) с «не скажу Ноздревым, а как бь сестрою Ноздрева, вышедшей замуж за генерала». Ответ Каткова «неославяно фильской газете» — в передовой статье «Моск. Вед.», № 66. Против Каткова направлены были не менее резкие и иронические стихи Жемчужникова «Пророк и я» (1868 г.).

Указания на Варшаву и Калугу — намеки на полемику о крестьянской ре форме в Царстве Польском (и, возможно, на назначение в Польшу Арцимовича бывшего ранее губернатором в Калуге). Возмущенные нападки на книгу Даниеля «Учебная книга по географии», перев. с нем. и доп. отделом о русских владениях Н. Корсак, М., 1863 (см. «Моск. Вед.» 1864, № 241 и 1865 №№ 51 и 66) были для «Моск. Вед.» удобным поводом для ожесточенной полемики с «Голосом», а по существу с Головниным.

Апрель

7

Речь идет о смертельной болезни наследника Николая Александровича.

Комедия А. Н. Островского «Воевода. Сон на Волге» была поставлена впервые в Москве 9/IX 1865 г., по отзыву рецензента «Антракта» (1865, № 108), очень тщательно.

18

В 60-х годах в Кремле в праздничные дни происходили прения между старообрядцами и православными. В этих прениях принимали участие члены существовавшего в Москве в 1864—1866 гг. ишутинского кружка, к которому принадлежал Каракозов, неудачно покушавшийся в 1866 г. на Александра II. Ишутинцы стремились использовать эти прения для пропаганды революционных идей. Запись Одоевского интересна в том отношении, что она показывает, насколько открыто выступали ишутинцы со своей пропагандой.

Июнь

8

Ген. Кауфман, как директор канцелярии военного министерства (до середины 1863 г.) был помощником Д. Милютина по реорганизации армии.

13

Agénir Etienne Gasparini. Des Tables tournantes, du surnaturel en général et des esprits. P. 1854.

20.

«Les institutions de la Russie depuis les réformes de l'empereur Alexandre II» par M. J. H. Schnitzler. I—II. P. 1866.

Президент Королевского географического общества в Лондоне Родрик Мерчисон в своей речи отвергал какую-либо угрозу Индии со стороны России (в связи с среднеазиатскими завоеваниями). Эта точка зрения, однако, имела в Англии немного сторонников.

24

Статья «Недовольно» — ответ Одоевского на «Довольно» И. С. Тургенева — была напечатана в кн. I «Бесед общества любителей российской словесности» 1867 г. и тогда же вышла отдельными оттисками.

Сентябрь

22

«Антракт» 1865, № 113—114, «Юдифь» опера Серова, (подп. «Э»). «Современная летопись» 1865, № 35. К. Ц—в. «Два слова по поводу представления «Юдифи». Автор, сожалея о потраченных суммах, указывал между прочим, что на эти деньги можно было поставить хоть «Африканку» Мейербера.

«Моск. Вед.», № 204 «...газета, о которой мы говорим и в которой всякий узнает «Голос», отпираясь от факта получаемых ею субсидий, не ограничивается этим...»; см. также № 206. «Голос» действительно субсидировался министерством народного просвещения. См. об этом и подр. о полемике по этому вопросу М. Лемке. Эпоха цензурных реформ, стр. 237—245.

25

«Голос», № 264, анонимная статья «Бурса в школе и в литературе». Статья принадлежала А. Милюкову. Перепеч. в его сб. «Отголоски на литературные и общественные явления», СПБ, 1875.

Октябрь

4

«Жидовка» — опера Галеви. Кардинал был назван в афише министром-президентом верховного совета.

5

М. Стебницкий [Н. Лесков] «С людьми древлего благочестия», СПБ., 1863 и вып. II 1865. Оттиски из «Б-ки для Чтения».

29—31

Статья о продаже ротонды — казенное объявление, связанное с перестройкой ряда правительственных зданий, в том числе сенатских, в 1865—1866 гг. в Москве.

Ноябрь

9

Полемике по злободневному вопросу о пожарах (в 1864—1865 гг. по всей России прошла волна опустошительных пожаров) положила начало «Сев. Почта» опубликованием выдержек из работы центрального статистического комитета «Статистические сведения о поджогах в России», СПБ., 1865. «Голос» обвинялся в клевете на весь русский народ в связи со статьей «Предание о красном петухе» (см. «Сев. Почта», №№ 227—229, 237, 241; «Голос», №№ 166, 301, 304, 308).

11

Сен. Жданов, ведший следствие о симбирских пожарах 1864 г., умер в дороге, возвращаясь в Петербург, а портфель с его бумагами исчез. Отсюда — версия об отравлении Жданова. Есть основания думать, что причиной и этих пожаров, подобно петербургским 1862 г., была провокация (если не полиции, то во всяком случае реакционных кругов). Надо, впрочем, отметить, что по словам сен. К. Лебедева «Жданов ничего не открыл, а что открыл — не имеет ни нравственной, ни юридической точности» («Рус. Арх.» 1911, № 7, стр. 344); сделанная тем же Лебедевым характеристика Жданова (там же, № 6, стр. 253—254) не позволяет предположить с его стороны желания раскрыть провокацию — поэтому и версия об отравления Жданова представляется сомнительной (см. также записи 3/IX и 15/IX 1864 г.).

21

«Русская Беседа» — славянофильский журнал, выходивший в 1856—1860 гг. Свербеев в «Русской Беседе» не участвовал.

Декабрь

4

Первое предостережение «Голосу» было дано за «резкие порицания и неприличные суждения о правительственных мероприятиях», «оскорбление на все дворянское сословие» и «превратное изложение исторических событий с очевидною целью возбудить безусловное сочувствие к лицам, противодействовавшим правительству» (статьи в ряде номеров о Средней Азии, Западном крае, Радищеве и Екатерине II и др.).

В Петербургском земском собрании предложение ходатайствовать о центральном земском учреждении было отклонено; сочувствие же мысли о необходимости такого учреждения было подтверждено почти единогласно.

5

Речь идет о мероприятиях правительства по водворению русского землевладения в Западном крае и связанной с этим газетной полемике.

[*18*]

Одоевский имеет в виду циркуляр Главного управления по делам печати цензорам Прибалтийского края по поводу полемики об учреждениях и делах Прибалтийского края. Циркуляр был направлен против «раздражительных увлечений той части русской печати», которая «как будто отрицает историческую неизбежность различий между Ригой и Костромой», т. е. против анти-немецких выпадов «Моск. Вед.» особенно «Дня». В передовой статье № 277 «Моск. Вед.» убеждали, что позиция газеты вполне сходится с основными идеями циркуляра.

19

Предложение Одоевского об издании параллельных словарей славянских наречий см. Бумаги Одоевского, пер. 93, л. 332—333. В том же переплете (л. 239—250 и 258—271) — его «Материалы к вопросу о Словаре О. Л. Р. С.» и «Первовстречные мысли по поводу словаря».

1866 год

Январь

6

«Journal de S-Pét.» № 2.

9

Речь идет о комитете по церковному цению и выступлениях Одоевского против монополии придворной Капеллы, директором которой был Бахметьев, на издания так называемого «Церковного Обихода».

10

Просуществовавшая три года (1864—1867) мексиканская империя была основана в интересах французского капитала по требованию близкой к Наполеону III группы банкиров. Плебисцитом, произведенным под давлением французских войск, императором был провозглашен австрийский эрцгерцог Максимилиан, вскоре разбитый и расстрелянный республиканцами. США не признавали мексиканской империи и по их настоянию были отозваны из Мексики французские войска.

13

См. выше прим. к записи 9/I.

24

«Мазепа» — опера Б. А. Фитингофа-Шеля. Жестокую критику этой оперы см. А. Н. Серов. Критические статьи, т. II, стр. 1072.

31

Об этом эпизоде см. также у Лебедева («Рус. Арх.» 1911. 8, стр. 347). Котляревский находился три месяца в заключении в Алексеевском равелине по «делу о сношениях с лондонскими пропагандистами» (приезд В. И. Кельсиева в марте 1862 г.).

Март

12

Разговор с Конст. Николаев. относится к участию Одоевского в комитете по церковному пению (см. выше прим. к записи 9/I).

15

Речь идет о перевороте в Молдавии и Валахии, произведенном противниками крестьянской реформы, и отречении князя Александра Кузы от престола. На его место был избран принц Карл Гогенцоллерн, признанный Россией только в 1868 г. Молдавский вопрос (намерение России вернуть себе Бессарабию, значение для Англии румынского рынка и т. д.) был не последним в комплексе противоречий, получивших название вопроса восточного и приведшим к войне 1877—1878 гг.

Апрель

3

26 марта было сделано первое предостережение «Моск. Вед.» за передовую статью в № 61, где утверждалось, что в некоторых правительственных сферах употребляют все усилия ввести в России принцип национального разделения и превратить Россию в Австрию. Предостережение было напечатано в «Сев. Почте» от 31/III. Катков объявил, что предостережения не принимает и будет платить по 25 р. за каждый лист в течение трех месяцев, а затем прекратит свою деятельность. Дело кончилось встречей Каткова и Александра II в Москве и разрешением Каткову возобновить издание газеты. Об этом подр. см. М. Лемке. Прим. к Герцену, т. XIX, стр. 17—28 и едкую статью Герцена «Катков и государь» (т. XIX, стр. 31—34).

5

Речь идет о покушении Каракозова на Александра II.

6—7

Первые дни после покушения, пока не были известны подробности (Каракозов долго не открывал своего имени), патриотически настроенные круги надеялись, что покушавшийся — поляк. Как анекдот, можно привести ходивший слух о том, что по мнению экспертов, «сапоги его [Каракозова] сшиты не в России» (Лебедев, «Рус. Арх.» 1911, № 7, стр. 363).

10

М. Н. Муравьев был назначен председателем чрезвычайной следственной комиссии по делу Каракозова.

Приписывавшиеся Комиссарову слова — быстро распространившийся апокриф, как, впрочем, и вся версия о роли Комиссарова в «спасении» Александра II. См. хотя бы «Покушение Каракозова». т. I, стр. 292, прим. 4. Версия о Комиссарове была выдумана находившимся при покушении Э. И. Тотлебеном.

15

Увольнение Головнина было одним из первых проявлений реакции, последовавшей за выстрелом Каракозова. Головнин был заменен гр. Д. А. Толстым, близким к Каткову.

19

Речь идет об отставке начальника III Отделения кн. Василия Долгорукова, связанной с покушением Каракозова. Долгоруков был заменен гр. П. А. Шуваловым.

19—23

Характерно замечание Одоевского о социальном лице Каракозова. Последовавшие за покушением события показали, что массами покушение не было понято. Однако в истории русского революционного движения ишутинский кружок, членом которого был Каракозов, «имеет немаловажное значение. Ишутинцы нащупали те революционные пути, по которым пошло движение вскоре после их гибели» («Покушение Каракозова». Стенографический отчет... т. I. М., 1928. Предисл. М Клевенского, стр. XIII).

Май

15

Теоретическое обоснование реакции — рескрипт на имя председателя Комитета министров кн. Гагарина, где Александр II развернул свою программу охра-

нения русского народа от вредных лжеучений, говоря словами рескрипта. Подбор раболепных высказываний по поводу рескрипта см. в «Колоколе», 1866, л. 224.

22

В обществе ходили слухи, что покушение Каракозова было делом рук партии «конституционистов», приверженцев вел. кн. Константина Николаевича. Каракозов действительно в своих показаниях говорил о партии «константиновцев»; однако партии такой на самом деле не существовало. Кружок же либеральных бюрократов, группировавшийся вокруг Конст. Никол., не имел никакого отношения к делу Каракозова.

Принцесса — Мария Баденская, бывшая с Александром II в Летнем саду во время покушения.

28

«Отеч. Зап.», май, кн. I, Политическая хроника, стр. 1—6.

Июнь

5

В 1866 г. были окончательно запрещены «Русское Слово» и «Совр.», который не спасло даже стихотворение Н. А. Некрасова, посвященное Осипу Комиссарову.

8

Одоевский говорит о прусском воззвании от 16 (4) июня 1866 г. Расторжение Германского Союза оправдывалось в воззвании принятием германским сеймом австрийского предложения о мобилизации против Пруссии.

17

«Весть» (№ 45) полемизировала с «Голосом» по поводу толкования отдельных статей «Положения» 19 февраля.

20

О Каткове и «Моск. Вед.» см. выше прим. к записи 3/IV.

23

В «Моск. Вед.» № 130 под заглавием «Ки-Блунт, женщина-поэт, декламатор», была помещена заметка о чтении второстепенной американской поэтессы Key Blunt, подп. «К. В. О.» Подстрочный перевод двух стихотворений, «My little Boat» и «Gisn za Tsaria» («Жизнь за Царя» — о Комиссарове) сохранились в Бумагах Одоевского (пер. 19, л. 53—56).

Американская дуэль между наместником Царства Польского Ламбертом и генералом Герштенцвейгом произошла в 1861 г. после крупной размолвки между ними из-за освобождения Ламбертом ряда арестованных Герштенцвейгом участников польской манифестации. Дуэль закончилась смертью Герштенцвейга.

26

Побежденная Пруссией Австрия искала посредничества Франции и уступила ей Венецию. Наполеон III передал Венецию Италии.

Июль

10

Наполеон III явился посредником между Пруссией и Австрией, принявшей все условия перемирия. Гегемония Пруссии окончательно утвердилась после этой войны.

20, 22

В «Домашней Беседе» №№ 26—28, были помещены статьи Одоевского «Пение в приходских церквах» (подп. К. В. О.) и «К делу о церковном пении», направленные против придворной Капеллы и Комитета для цензуры музыкальных сочинений. Это были отрывки из брошюры: «Мнение кн. В. Ф. Одоевского по вопросам, возбужденным Министром Народного Просвещения по делу о церковном пении, которое не предназначалось для публики и «было напечатано М. Н. Пр. в весьма небольшом числе экземпляров и единственно для членов Комитета и некоторых духовных лиц» (Бумаги Одоевского, пер. 31, л. 175). Письма Одоевского в редакцию «Домашней Беседы» и лично Аскоченскому сохранились (там же, л. 175—180).

24

В. Вундт, «Душа человека и животных». Перев. с нем. т. I—II, СПБ., 1856—1866.

Август

4

В передовой статье «Сев. Почты» № 166 была дана краткая информация о результатах работы следственной комиссии, без указания имен соучастников Каракозова. Приводя извлечения из этой статьи, Катков в «Моск. Вед.» № 165 и особенно в № 168 полемизировал с официальной статьей, утверждая, что тайное общество в Москве было просто кружком испорченных школьников, и явно стараясь очернить петербургские либерально-бюрократические сферы. Об этой полемике см. Герцен, т. XIX, стр. 56—58 («чтобы выгородить Москву, Катков жертвует частью своих ложных доносов и частью клевет, которые он положил в основу дыбе, на которой издается его журнал»).

Спасение Домбровского — организация бегства Ярослава Домбровского 14 декабря 1864 г., из Московской пересыльной тюрьмы. Бегству Домбровского оказали содействие члены кружка ишутинцев.

8

Случай с Протасьевым часто приводился в литературе в передаче Кони: «Возвращаясь в летнюю белую ночь с островов и найдя мост разведенным, надел цепь и требовал его наведения» (Ф. Кони. За последние годы. СПБ., 1898, стр. 328).

12

Дело об оскорблении членов московского кредитного общества редактором «Руск. Вед.» Скворцовым.

Речь идет о приезде чрезвычайной американской миссии во главе с Густавом Фоксом.

Сентябрь

7

В «Journ. de St.-Pét.», 1866, № 198 в заметке об открытии московской Консерватории несколько строк было посвящено Одоевскому, призывавшему к музыкальной обработке русских песен с обязательным сохранением национального колорита.

23—25

«Моск. Вед.» №№ 199 и 201. Ю. Г. Жуковский за статью «Вопрос молодого поколения» («Совр.» 1866, № 2—3) был привлечен вместе с редактором А. Н. Пыпиным к суду за оскорбление дворянства. Петербургским окружным судом они были оправданы, а судебной палатой присуждены к трехмесячному аресту. Катков выступил в защиту оправдавшего Пыпина и Жуковского суда, который «не был призван судить автора за его направление», подчеркнув при этом свое беспристрастие (так как против «Моск. Вед.» «была собственно написана подсудимым статья»).

30

В результате следствия о послаблениях сосланному М. Л. Михайлову (при его проезде через Тобольск) ряд чиновников был предан суду, смещен и т. п. Подр. см. М. Лемке. Политические процессы, стр. 142—149.

Октябрь

4

Пролог к драме Ушакова напечатан в «Литературной Библиотеке» 1866, № 2.

8

Речь идет о передовой статье «Моск. Вед.» № 210.

15

В 1866 г. ходили слухи (появилось даже несколько заметок в газетах) о принятии константинопольским патриархом условий для соединения с католической церковью и освобождении его тем самым от русского влияния.

20

Речь идет о передовой статье «Моск. Вед.» № 219, «Вятские Губернские Ведомости» неосторожно и слишком поспешно выболтали недовольство административных властей и прокуратуры новыми судами.

Ноябрь

1

«Высочайшее повеление о пространстве и пределах власти губернаторов» — одно из проявлений реакции после покушения Каракозова, — чрезвычайно расширявшее компетенцию «начальников губерний».

6

Герцен напечатал это распоряжение ген. Огарева в «Колоколе» с соответствующим комментарием («Колокол» 1867, л. 231—232, «Скоты»). См. также Никитенко, т. II, стр. 310—311.

Декабрь

1

В 1866 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Н. М. Карамзина. См. также след. прим.

6

5/XII «Голосу» за статью в № 318 о петербургской полиции, где «заключаются неприличные изветы на высших чинов полицейского управления» было объявлено третье предостережение, и он был приостановлен на два месяца. В № же 332 в передовой статье о юбилее Карамзина (см. запись 1/XII) было сказано: «Карамзин — это одно из редких исключений между людьми, пользующимися милостию своих государей и решающимися говорить им истину смело без всякой задней мысли».

Временными правилами 1864 г. был расширен круг предметов обложения на нужды земств, что вызвало ряд недоразумений и недовольство промышленников. Последующими разъяснениями права земств в этом направлении были очень урезаны. Было ограничено право обложения земель и торгово-промышленных заведений, что очень подорвало бюджет земства.

18

Смена ген. Кауфмана, управляющего Северо-Западным краем, и уход Н. Милютина и кн. Черкасского вызвали столь упорные слухи о перемене польской политики, что «Journ de St.-Pét.» и «Сев. Почта» должны были напечатать специальное опровержение. По существу, конечно, ничто не изменилось, и руссификация Польши продолжалась теми же темпами.

[25]

О Юркевиче-Литвинове см. запись 1/I 1867 г.

1867 год

Январь

1

Характерная газетка конца 60-х годов «Народный Голос» (1867 г.) издавалась мещанином Юркевичем-Литвиновым, выдававшим себя «прямо, без околичностей... за какого-то агента его императорского величества» (зап. 28/I 1867 г., рукопись «Дневника» Никитенко — ИРЛИ), а в действительности бывшим, повидимому, агентом шефа жандармов гр. Шувалова. «Орган для выражения народных чувств и воззрений», появившийся «в такое счастливое знаменательное время» сообщал о себе в программной статье: «Нельзя заранее сказать, будем ли мы либералами или консерваторами, потому что нельзя ведь предсказать ход событий». Национальная политика и самобытное развитие были credo газетки. В короткое время «Народный Голос» получил несколько предостережений и был приостановлен, а редактора-издателя присудили к трем неделям ареста и штрафу в 200 руб. Материал для обвинения был разнообразный—от вызывающих ответов на предостережение министерства внутренних дел до «оскорбительных отзывов о главной надзирательнице женской гимназии». Министерство внутренних дел так характеризовало газетку: «Под личиною благонамеренности стремится колебать доверие и уважение к существующим постановлениям». Печать относилась к «Народному Голосу» иронически, на что жаловался сам Юркевич-Литвинов в письме из Литовского замка («СПБ Вед.» 1868, № 38). О «Народном Голосе» и Юркевиче-Литвинове см. Никитенко, т. II, стр. 324; Лебедев («Рус. Арх.» 1911, т. 8, стр. 466); Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре. Ч. III, отд. I.

4

М. Погодин. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. 2 части, М., 1866.

16

В действительности, влияние фаворита Александра II гр. П. А. Шувалова очень возросло после покушения Каракозова и в скором времени за ним установилось прозвище «Петр IV» и «Аракчеев II». По поводу, например, закона о сообществах (см. запись 23/IV) Герцен писал: «Закон этот писан под влиянием Шувалова. Петр IV тоже хочет, как и Петр I, оставить потомству историческое завещание» (т. XIX, стр. 357). См. также, например, у Никитенко: «Возвысился гр. Шувалов и делает, что ему заблагорассудится, помимо закона и всех установленных государственных учреждений» (т. II, стр. 314).

О Шувалове же Тютчев писал:

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой—
Петр по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй.

(Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. М.—Л. 1934 г. Т. II, стр. 205)

17

Временное закрытие земств СПБ губернии было официально объяснено тем, что земское собрание «действует несогласно с законом и... непрерывно обнаруживает стремление неточным изъяснением дел и неправильным толкованием законов возбуждать чувства недоверия и неуважения к правительству» («Сев. Почта» 1867, № 17). Ближайшим поводом к роспуску был отказ применить закон 21 ноября (см. запись 6/XII 1866 г.) к раскладке на 1867 г., составленной до издания этого закона. В петербургском земском собрании 1867 г. объединилась часть фрондировавшего дворянства с либеральными деятелями типа Крузе. Однако в целом господствующую позицию в земстве занимали средние землевладельцы, и орган крупнопоместной партии «Весть» выступал против земства (см. запись 19/III). Петербургское земство было вновь открыто через 4 месяца. Крузе был выслан на непродолжительное время не в Вологду, как указывает Одоевский, а в Оренбург.

21—22

Первое предостережение «Москва» получила за передовую статью в № 8 о панихиде по погибшим на Крите монахам. В этой статье И. Аксаков возмущался зависимостью православной церкви от правительства, говорил о приравнении «разных степеней духовного сана и благодати святого духа к табели о рангах», и т. д. Передовая статья № 18 осуждала систему предостережений, пагубно отражающуюся на искренности печатного слова. Кроме того, в № 17 помещено «Письмо к редактору из Парижа», подписанное Касьяновым, об отмене системы предостережений во Франции, а в № 18 перепечатана выдержка из руководящей статьи «Journal des Débats», где советовалось России и Турции, введшим эту систему по примеру Франции, и теперь последовать ее примеру.

24

Предисловие Ю. Самарина, в котором Хомяков назван учителем церкви, помещено в II т. полного собрания сочинений Хомякова, вышедшем в 1867 г. за границей. В России этот том был разрешен духовной цензурой только в 1879 г. с обязательной оговоркой в предисловии, что «неопределенность и неточность встречающихся в нем некоторых выражений произошла от неполучения автором специального богословского образования». Предисловие Самарина перепечатно также в VI т. его собрания сочинений (М., 1887).

Февраль

1

Первое предостережение «Народному Голосу» (напеч. в № 26) было дано за статью в № 15 об открытии финляндского сейма («возбуждение вражды одной части населения к другой»). Подлинной причиной, возможно, была перепечатка в №№ 19 и 20 статей из «Москвы» против предостережений с вступлением от редакции «Народного Голоса», где подчеркивалось, что «министр есть лицо ответственное».

9

Столкновение министерства народного просвещения и стоявшей за ним в данном случае редакции «Моск. Вед.» с «молодым меньшинством» московских профессоров произвело сильное впечатление на общество. Уход из университета Чичерина, Дмитриева и Рачинского и косвенно связанный с этим уход Бабста и Капустина (С. Соловьев остался) был вызван незаконным решением об оставлении в университете забаллотированного декана юридического факультета, проф. Лешкова. Подробно этот инцидент описан Б. Чичериным («Воспоминания. Московский университет», М., 1929, стр. 166—250). См. также запись 22/I, 31/III и 28/V. 1868.

10

Трагедия Хомякова «Димитрий Самозванец» была напечатана в 1833 г. Кашперов оперы на эту тему не написал.

13—14

«Дети степей или украинские цыгане», опера в 4 действиях, музыка А. Г. Рубинштейна.

[*21*]

Ср. у Никитенко, т. II, стр. 323 о неблагоприятном впечатлении за границей и подрыве кредита в связи с репрессиями против земства. См. также запись 13/VIII.

24

Второе предостережение было получено «Москвой» за передовую статью в № 35, где И. Аксаков в резких выражениях осуждал распоряжение о высылке из столиц содержателей гостиниц за несоблюдение правил о прописке паспортов. В передовой статье № 45, явно нарушавшей правила о печати, Аксаков иронически заявил о своей уверенности, что его статьи «обращают на себя внимание администрации и принимаются к сведению».

28

У кн. Лобковича служил отец Глюка.

Март

7

План и один незначительный набросок комедии «Суды и пересуды» см. в Бумагах Одоевского, пер. 87, л. 154—155. Действующие лица комедии — московские аристократы. Одоевский хотел, повидимому, дать в этой комедии сравнение старого и нового судопроизводства.

13

Опера Кашперова «Гроза» на текст Островского впервые поставлена в 1867 г.

18

Кошелеву принадлежала статья в №№ 48 и 49 «СПБ Вед.» «Несколько слов по поводу нападок на земство и земские учреждения», подписанная «Гласный из землевладельцев. Рязань». В первом предостережении «СПБ Вед.» было сказано, что статья «враждебно сопоставляет эти [земские] учреждения с правительственными властями» и обвиняет последние в произволе и несоблюдении законности. Несмотря на это, в № 82 было помещено окончание статьи. Перепечатана в сборнике Кошелева «Голос из земства» М., 1869. Прил., стр. 1—32.

19

В газете «Весть», № 30, было сказано, что передовую статью «Моск. Вед.», № 51 (в защиту земства и независимости суда), писал издатель «Колокола» или кто-то из его сотрудников. В № 32 «Весть» обвиняла «Моск. Вед.» в том, что «борьба с нигилизмом, социализмом и т. д. оказалась с л о в а м и», упрекала за защиту земства и уличала «Моск. Вед.» цитатами из 1863 г. в противоречиях». Повидимому, и статья «О земских и судебно-мировых учреждениях» Лапина («Весть», № 33—35) была направлена против московских газет.

Статья Самарина — передовая статья № 63 «Москвы» с рядом примеров бесправного положения русских в Прибалтийском крае. Статья была направлена против «Вести» и ее программы укрепления дворянства. Перепечатана в Сочинениях Ю. Самарина, т. IX, М., 1898, стр. 470. Самариным было написано несколько передовых статей «Москвы».

Апрель

14

«Русская и т. н. общая музыка». Исследование К. В. О. («Русский», 1867. №№ 11—12). Имеются отдельные оттиски.

23

В апреле 1867 г. Государственным советом был заменен, в соответствии с общим реакционным курсом, ряд статей о «противозаконных сообществах и запрещенных сходбищах» Уложения о наказаниях.

Май

14—16

В 1867 г. в Москве была открыта всероссийская этнографическая выставка, положившая основание Дашковскому этнографическому музею. Выставка послужила поводом для устройства демонстративного славянского съезда, собравшего около 80 чел., главным образом, из Австро-Венгрии.

26

Подразумевается покушение польского эмигранта Березовского на Александра II.

Июль

6

Имеются в виду: A l e x. M o l l e r. Situation de la Pologne au l-er janvier 1865. P. 1865 и P r o s p. M e r i m é e. Episode de l'histoire de Russie. Les faux Démétrius. 1853 (ряд изданий).

11

«Моск. Вед.», № 151.

31

Р а т ч, Сведения о польском мятеже 1863 г в северо-западной России. Вильна. 1867. Т. 1—2.

Указ 10/XII 1865 г. — запрещение полякам покупать помещичьи имения (см. также запись 5/XII 1865 г.).

Сентябрь

4

«Revue des deux mondes». 1867, t. 71, p. 132—181. Julien Klaczko. «Le congrès de Moscou et la propagande panslaviste».

8

Т о т л е б е н. Описание обороны г. Севастополя. СПБ 1863. Ч. I.

24

По ходу гражданского процесса И. Арсеньева с А. и Н. Зарудными, создателями «Петербургского Листка», были выявлены противозаконные действия Арсеньева, подлежавшие, в сущности, суду уголовному. Арсеньев был выкуплен из долговой тюрьмы за 12 000 руб. и, действительно, в основанной им «Петербургской Газете» (а не «Повседневном Листке», как указывает Одоевский) поместил ряд оскорблявших новые суды заметок. Особенно досталось чинам судебного ведомства в «заявлениях публики» (№ 107), где Д. Е. Звенигородский изложил свое дело, поданное им в кассационный департамент Сената. Звенигородский обвинял следователя Лоссовского в разбойничьих действиях и закончил свое заявление обобщением: «Тюрьмы набиты невинными». Арсеньев и Звенигородский были приговорены к аресту и штрафам; запрещение же издания «Петербургской Газеты» сенат отменил после кассационной жалобы Арсеньева.

Ноябрь

1

О предостережении «Голосу» за осуждение французской политики в итальянском вопросе появились статьи в иностранных газетах. После этого «Моск. Вед.» в явно инспирированной статье опровергли слух о том, что француз-

ский посол настаивал на предостережении и что, будто бы, предостережение сделано министром внутренних дел вопреки единогласному мнению совета по делам печати. Доказательство единодушия совета привела и «Сев. Почта» от 2/XI.

3

Второе предостережение «Голосу» было дано за передовую статью в № 299.

13

Ружьями системы Шаспо были вооружены французские войска, разбившие отряды Гарибальди и занявшие Рим. Папа благодарил французов за участие в обороне его престола и дал свое благословение французской армии, правительству, императору и его фамилии. Смысл остроты — сближение этого благословения с предостережением «Голосу» за порицание французской политики в итальянском вопросе (см. выше прим. к записи 24—29/X).

19—23

Одоевский относился в митрополиту Филарету очень отрицательно. В его «Памятках алфавитных» сохранилась следующая запись: «...Знаменитость его построена неизвестно на чем. Был он человек ловкий, честолюбивый и самолюбивый до крайности; искусный ритор, хотя и писал не русским языком; особенно изобретателен в словоизвитии... Спрашивается, что он сделал для церкви? Для духовных училищ? Для улучшения быта священников? Ничего и ничего!..: Уважение к Филарету должно было не всеобщее; вскоре после его смерти ходила по городу следующая эпиграмма [эпиграмму см. в тексте «Дневника»]. Рассказывают, что по смерти Филарета между духовными ходило следующее надгробное слово: «Во имя отца и сына и святого духа. Радость велию повем вам, благочестивые слушатели. Одним негодяем на свете стало меньше, от таковых сохранит нас господь Иисус Христос...» (Бумаги Одоевского, пер. 22, л. 379—380). Следует отметить, что в предназначавшемся для печати «Воспоминании о Каченовском» Одоевский тем не менее писал: «Спокойная и безмятежная кончина вечно незабвенного архипастыря Филарета» (С а к у л и н. Ч. I. Из истории русского идеализма, кн. В. Ф. Одоевский. М, 1913, стр. 107).

28

В результате ответа в № 169 на пятое предостережение (второе после возобновления газеты) «Москва» была приостановлена. О беспрестанных столкновениях И. С. Аксакова-журналиста с правительством см. «Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой» Г. Чулкова (Мурановский сборник. Вып. I, 1928), «Москва» за 22 месяца получила девять предостережений и трижды была приостановлена. Анализ поводов предостережений «Москве» см. К. А р с е н ь е в. Законодательство о печати. СПБ., 1903, стр. 37—40.

Декабрь

11

«На память о 9 июня 1867 г. Барону Модесту Андреевичу Корфу в день пятидесятилетия его службы». Сборник в честь Корфа был издан в трех экземплярах (один — корректурный). Одоевскому принадлежали в этом сборнике «Воспоминания помощника директора», где он отмечал заслуги Корфа, как первого изобретателя русской скорописи.

17.

Ироническая запись Одоевского и приведенная им эпиграмма относятся к юбилею обер-гофмейстера кн. Н. И. Трубецкого. Об этом юбилее отзывались насмешливо и другие современники.

27.

О речи Одоевского на обеде в честь Берлиоза см. прим. к записи 31/XII.

31

«Москвич», № 5, передовая статья — полемика с «Сев. Почтой», доказывавшей в №№ 279—280 пользу системы предостережений. Выражение «сердцеведец» относится к словам «Сев. Почты», что ни одно издание не было приостановлено без собственной и, очевидно, настойчивой на то решимости издателей». «Москвич» заменил на время запрещенную «Москву»; редактором числился Г. Андреев.

Черновик восторженного приветствия Берлиозу сохранился в бумагах Одоевского (пер. 62, л. 137—141 об.); ср. запись 11/II 1869 г. Характеристику речи Одоевского и его тоста в честь Берлиоза см. в ст. Б. Иванова-Корсунского «Музыкальная деятельность В. Ф. Одоевского» («Музыкальная Летопись». Сб. I. 1922, стр. 139—140):

1868 год

Январь

22

«Письмо к издателю» Дмитриева напеч. в «Русском», 1868, л. 7—8. Об уходе из университета нескольких московских профессоров см. запись 9/II 1867 г. и прим. Вмешательством Погодина в университетскую историю Дмитриев и его товарищи были недовольны. Чичерин по этому поводу охарактеризовал Погодина так: «Сей древний муж, представляющий странную смесь ума и нелепости, таланта и гнусной скаредности» («Воспоминания. Московский Университет». М., 1929, стр. 245).

25

Речь идет о трагедии А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного».

29

В «Моск. Вед.» № 19, была напеч. статья Одоевского (подп. «Современник Глинки») «Лучше поздно, нежели никогда», посвященная постановке «Руслана и Людмилы» на московской сцене. Корректура статьи с многочисленными поправками Одоевского сохранилась (Бумаги Одоевского, пер. 77, л. 103).

[*Февраль*]

[*15*]

Такова была официальная и вполне правдоподобная мотивировка закрытия «Москвича». По словам Никитенко (т. II, стр. 358) подлинной причиной запрещения были резкие нападки на администрацию (в № 35, а не № 37, как указывает там же Лемке) в статье об оправдательном приговоре суда по делу 53 крестьян, обвинявшихся в неповиновении и сопротивлении властям.

26

Незаконченная опера на сюжет Островского «Не так живи, как хочется» была названа А. Н. Серовым «Вражья сила».

Март

6

В «Моск. Вед.» № 49 была напеч. статья Одоевского (подп. О. О. О.) «О Лаубе, как основателе у нас настоящей скрипичной школы. Ср. запись 14/III 1865 г.

9

В «Совр. Изв.» № 65 была напеч. статья Одоевского (подп. Тихоныч) «Рогнеда и другая новая опера Серова в его концерте 10 марта, в воскресенье в Большом театре». Имеются отдельные оттиски.

14

«Музыкальная грамота для не-музыкантов», соч. Кн. В. Ф. О. Вып. I. Изд. А. О. Орла. М., 1868, была частью чтений о музыке, начатых Одоевским у себя на дому в 1864 г. (см. Д. Разумовский. Музыкальная деятельность кн. Вл. Одоевского. «Труды I Археологического съезда», т. I, стр. 483). В экземпляре, хранящемся в Публ. Б-ке, — большая вставка в тексте рукой Одоевского.

Апрель

10

В 1867—1868 гг. А. Н. Серов редактировал «Музыка и театр. Газета специально критическая». Издательницей числилась В. С. Серова.

28

См. прим. к записи 9/II 1867 г. и 22/X 1868 г.

Май

1

Второе (после возобновления) предостережение было получено «Москвой» за «резкое порицание правительственных мероприятий по важному предмету государственного правосудия». Действительно, в передовой статье № 18 очень прямо и резко говорилось о вреде смертной казни и о разгуле александровского «правосудия». Статья о паразитах — передовая статья № 20 о «наросте на русском

народном организме», где полемика с «излюбленным органом паразитного мира «Вестью» переходила в утверждение о победе польской партии в северо-западном крае».

Июль

10

«Моск. Вед.» № 149, передовая статья, где говорилось о «средневековом феодализме» в Прибалтийских губерниях и проводилась традиционная катковская идея о необходимости передачи бывших казенных имений «в руки коренных р у с с к и х помещиков».

Октябрь

24

Все указанные в распоряжении министра внутренних дел передовые статьи «Москвы», кроме № 185, были посвящены правительственной политике в прибалтийских губерниях; в последней статье Аксаков утверждал, что у правительства отсутствует уважение к русской народности, и требовал доверия обществу. В этих статьях часто упоминалась незадолго до того вышедшая за границей книга Ю. Самарина «Окраины России». В корреспонденции областного отдела «Москвы» сообщалось о преследовании проводивших антипольскую политику чиновников в северо-западном крае. Предостережение справедливо расценивалось современниками, как ответ правительства Самарину. Аксаков объявил, что он не возобновит издания «впредь до наступления более благоприятных обстоятельств».

В газетных откликах на прекращение «Москвы» на ряду с указаниями на ее заслуги в славянском вопросе подчеркивалось, что «Москва» — орган промышленных интересов, существовавший при материальной поддержке московских капиталистов (см. напр. «Современные Известия» № 312). Особо отмечались статьи «Москвы» по тарифному вопросу.

Ноябрь

1—2

Заметки Одоевского «Известные и мало известные причины пожаров» и «Печное мастерство» (о книге В. Собольщикова) помещены в «Крестном календаре» Гатцука на 1869 г. Заметка «Два слова для пьющих водку» — в «Крестном календаре» на 1870 г. (вместе с некрологом Одоевского).

Здесь в «Дневник» вклеена записка С. Соболевского: «Paul Grimm в своих записках (Würzbourg, 1868) в трех местах рассказывает, как le prince Odoewski, сочлен общества Petrachewski, выдавал от себя отпускные крепостным людям, угнетаемым своими помещиками. Я не знал таких твоих проделок». В 1868 г. в Германии вышел полный исторических несообразностей роман П. Гримма о России 1854—1855 годов «Les mystères du Palais des Czars». Герой книги — внук Рылеева и сын Николая I и актрисы Асенковой. Один из мелких, крайне благородных персонажей книги — le prince Odoewski. Одоевский записал в своих «Памятках алфавитных: «Роман, где я выведен в качестве сына декабриста — так пошло, что не мог дочитать» (Бумаги Одоевского, пер. 22, запись перед текстом).

24

Речь идет о «Заметке о смерти Верещагина» Д. Н. Свербеева, напечат. в «Рус. Арх.» 1870, стр. 518—522. Другая статья о Ростопчине—вероятно «Воспоминания о московских пожарах 1812 г.» («Вестник Европы» 1872, т. II, стр. 303—320), хотя она помечена октябрем 1869 г.

26

Полемическая статья, в которой московская пресса обвинялась в лжелиберализме, а «Моск. Вед.» сравнивались с ревностно исполняющим обязанности хожалым, видящим везде и во всем один шиворот. Нападки «Вести» на «Московские Ведомости» объяснялись разногласиями, существовавшими между этими двумя органами реакционной печати по польскому вопросу. «Весть», как указано выше, отрицательно относилась к политике правительства в Польше, находя, что оно, стремясь ликвидировать польское дворянское землевладение, нарушает принцип неприкосновенности частной собственности и проводит в жизнь «социализм». Катков же и его «Московские Ведомости» выступали на защиту правительственной политики, оправдывая меры правительства необходимостью руссифицировать край и предупредить возможность повторения в нем восстания.

Декабрь

8

«Димитрий Самозванец». Драматическая хроника Н. А. Чаева, напечатанная в «Эпохе», 1865, I.

14

«Не так живи, как хочется» — «Вражья сила».

Лажечников — очевидная описка Одоевского. «Люди сороковых годов» — роман Писемского, напеч. впервые в «Заре» в 1869 г.

«Самарянин. Рассказ из житейского быта» — неоконченный роман Одоевского. Сохранились планы романа и отдельные отрывки, частично перебеленные. Герой романа — школьный учитель, химик-самоучка (Бумаги Одоевского, пер. 80, л. 307—514).

15

Эпиграмма принадлежит С. А. Соболевскому. В другой редакции напеч. в кн. «Эпиграммы и экспромпты». М., 1912, стр. 32, где она отнесена В. В. Каллашем к юбилею Назимова.

1869 год

Январь

4

Отзыв Одоевского о музыкальной картине Н. А. Римского-Корсакова «Садко» лишний раз подчеркивает музыкальную проницательность Одоевского. Отзыв этот опубликован А. Н. Римским-Корсаковым (см. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни. 4 издание. М., 1932, стр. 167).

19

Очевидно, этими куплетами гр. Соллогуба вызвана была эпиграмма С. А. Соболевского:

«Вчера я видел Соллогуба.
Как он солидно рассуждал
И как ведет себя — ну, любо.
Благодарю, не ожидал.

(Эпиграммы и экспромпты». М. 1912, стр. 88)

21

Запись свидетельствует о политической наивности Одоевского. Парижская конференция о разрыве между Турцией и Грецией, поддерживающей восставших против турецкого владычества критян, была созвана по инициативе России. Решением конференции вся вина возложена была на Грецию, поддавшуюся, как гласили телеграммы, «увлечениям, относительно коих патриотизм мог ввести ее в заблуждение».

Одновременно с третьим предостережением «Москве» министр внутренних дел А. Тимашев вошел в Сенат с рапортом о совершенном запрещении газеты. Дело перешло в Государственный совет, где и было решено в соответствии с представлением Тимашева. В № 15 «Вести» была помещена передовая статья, обвинявшая славянофильство в исповедывании самых «крайних принципов». В газете «Русь» 1881, №№ 54—58 напечатана докладная записка И. Аксакова о запрещении «Москвы», представленная им в Сенат. В сб. «Е. А. Боратынский» (П., 1916, стр. 131—132) напеч. любопытное примечание И. Аксакова к этой записке.

29—30

Об отношениях Одоевского и Чайковского см. М. Чайковский. Жизнь П. И. Чайковского. М. 1900, стр. 254—257. В письме П. И. Чайковского Одоевский назван «одной из самых светлых личностей» и «чудным старичком». Там же напечатано письмо Одоевского к Чайковскому от 9/II 1869 г.

«Воевода» — первая опера Чайковского. В Москве при постановке в 1869 г. не имела успеха. Была уничтожена в 70-х годах автором.

Февраль

6

«Доказательства улучшения русского быта», о которых говорит Одоевский, см. в передовой статье «Моск. Вед.» № 30.

Статью о дебюте московской певицы Александровой-Кочетовой на петербургской сцене в «Руслане и Людмиле» см. «Голос» № 36, Петербургская хроника».

8

«О юго-западном крае» — повидимому описка Одоевского. Речь идет о начале статьи С. Райковского «Польская молодежь западного края в мятеже 1862—1863 гг.» («Рус. Вестн.», 1869, январь, стр. 113—160).

Н. Ренненкампф, «новый возрожденный Катков», по определению министра народного просвещения Толстого, поместил в «Рус. Вестн.», 1868, кн. 8, статью о Герцене, вызвавшую отклик последнего. Ответом Герцена и прекращением «Колокола» была вызвана статья Н. Ренненкампфа «Невольное объяснение с издателем «Колокола», («Рус. Вестн.», 1869, январь, стр. 265—290).

«Отеч. Зап.» 1869, январь, современное обозрение, стр. 164: Речь идет о словах Одоевского по поводу оценки Берлиозом Глинки. «Отеч. Зап.» упрекали Одоевского в унижении русского искусства (ср. запись 31/XII 1867 г.).

23.

Лекция Бессонова о русских песнях.

24—25

По словам М. Погодина, 25 и 26/II Одоевский «беседовал о любимом своем предмете — древней музыке — со священником Разумовским. Икота усиливалась. Он обратился по обыкновению к медицинскому словарю и прочел статью об этой болезни — лег спать спокойно. Ночью вдруг сделался бред — послышалось какое-то рассуждение о музыке — по утру в четверг стало хуже, он не приходил в память» (Воспоминания М. П. Погодина в сб. «В память об Одоевском». М. 1869, стр. 67). Одоевский скончался в 4 часа пополудни 27 февраля 1869 г. от воспаления мозга.

ПУТЕВЫЕ ПИСЬМА И. А. ГОНЧАРОВА ИЗ КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ

Публикация и комментарии Б. Энгельгардта

«ФРЕГАТ ПАЛЛАДА».

Если в первых критических статьях о «Фрегате Палладе» (Дружинин, Дудышкин, Кеневич) гончаровские очерки кругосветного путешествия трактовались еще как литературное произведение: обсуждался их художественный замысел и тематика, их стиль, ставились вопросы о путешествии как особом литературном жанре, делались попытки определить их место среди различных литературных направлений — романтического, реалистического и т. д., — то уже с конца 60-х годов все это было забыто, и на книгу установился твердый взгляд как на простое описание дальнего плавания, содержание которого определялось, с одной стороны, культурными интересами автора, а с другой, объективными данными, так сказать, географического порядка.

Книга была занесена в разряд географических сочинений, особо полезных и рекомендуемых для юношества, а критик и историк литературы снимали ее с школьных полок лишь для того, чтобы воспользоваться ею как биографическим источником.

Удивлялись точности отдельных описаний, отдавали должное отдельным картинам тропической природы, но еще более говорили об убожестве гончаровского мировоззрения, о тривиальности его вкусов и т. д., и т. д.

Книга, строго говоря, была забыта. Она перестала ощущаться как литературное произведение. А между тем она, конечно, представляет собою замечательное явление именно в области художественной литературы. Она занимает свое особое место в истории жанра путешествий, где очень трудно подыскать к ней какую-нибудь аналогию во всей европейской литературе,—и в развитии русской реалистической школы, являясь блестящим и тонким памфлетом против романтических традиций в описаниях природы и пресловутого романтического couleur locale. И, наконец, что, пожалуй, всего существеннее,—она играет значительнейшую роль в системе гончаровского творчества. Без преувеличения можно сказать, что «Фрегат Паллада» является таким произведением, где, с одной стороны, нашла законченное и яркое выражение вся тематика его творений, начиная с фельетонов «Современника» и кончая «Обрывом», а с другой, отразились с большой отчетливостью те художественные приемы и стилистические особенности, которые характерны для Гончарова. В этом смысле «Фрегат Паллада» подводит нас к более углубленному пониманию главного труда его жизни — его трех романов.

Гончаров называет свою книгу «правдивым до добродушия рассказом» о путешествии; он неоднократно и настойчиво подчеркивает свою роль простого и немудрящего повествователя событий и фактов похода, он хочет, чтобы его книга рассматривалась как добросовестный отчет об экспедиции. Но историк литературы не только не обязан верить ему на слово, но, напротив, самая настойчивость автора должна заставить его насторожиться и заподозрить правдивость и искренность этих утверждений. Проверка же эта возможна только путем восстановления

подлинной истории экспедиции на основе официальных документов, дневников, писем, статей других участников экспедиции. Только противопоставив точно проверенные события и факты их литературному изображению у «певца», хотя бы и ex oficio» похода, можно убедиться, насколько прав Гончаров, толкуя о своей точности, и правильно поставить вопрос о «литературном материале» очерков. Это первая задача исследователя, из которой, естественно, вытекает следующая.

В самом деле: если бы оказалось, что правдивое повествование значительно расходится с действительностью, тогда необходимо было бы выяснить, чем именно обусловлено это расхождение, т. е. какие художественные замыслы положены в основу произведения, какие тематические и стилистические задания ставил себе писатель, когда он не просто давал отчет о кругосветном плавании, а уже сознательно использовал факты путешествия как материал для художественного произведения. Указаний на эти особые художественные задания следует искать, конечно, как в самом произведении, так и около него: в тех частных и личных записях, письмах и других материалах, которые сохранились в литературно-биографическом наследстве писателя.

Но вскрытые таким путем особые литературные задания, лежащие в основе данного произведения, необходимо сопоставить с тематическими и стилистическими заданиями других произведений этого писателя. Только при помощи такого сопоставления можно установить место этого произведения в художественном творчестве писателя в целом и выяснить его внутренний смысл и значение.

Именно таким путем и идет предлагаемое исследование. Оно начинается изложением подлинной истории Путятинской экспедиции, как ее можно восстановить на основе различных официальных документов, писем и дневников ее участников и других источников. В дальнейшем полученные выводы сопоставляются с показаниями частных писем Гончарова из плавания и делается попытка при помощи сравнительного анализа тематики стилистических заданий «Фрегата Паллады» и трилогии определить смысл и значение этого произведения в истории гончаровского творчества.

I

Когда в конце 50-х годов появились, наконец, гончаровские очерки плавания на фрегате «Паллада», они вызвали среди кронштадтских моряков, хорошо знавших подробности экспедиции из уст ее участников, чувство неопределенного разочарования, недоумения и даже обиды. Им, осведомленным из первых рук о всех событиях героического похода, трудно было помириться с изображением его в виде какой-то увеселительной прогулки по трем океанам. Впрочем, для того, чтобы почувствовать, что в гончаровских очерках не все ладно в смысле их соответствия действительному ходу событий путешествия, не надо было ни быть моряком, ни обладать особой осведомленностью. Довольно было иметь хоть некоторое представление об условиях и обстановке кругосветного плавания на парусном судне, чтобы сразу заподозрить правдивость его повествования и признать необходимым произвести сравнение гончаровских очерков с действительной историей экспедиции, как она рисуется на основании разнообразных показаний участников и официальных документов [1].

Уже в частных письмах Гончарова, особенно первой половины плавания (да и в самых очерках), мы находим целый ряд жалоб и причитаний насчет различных тягостей путешествия. Выраженные по большей части в шуточной форме и притом с нарочитой подчеркнутостью исключительной избалованности автора, они теряют всякую остроту и очень часто звучат как забавные признания изнеженного барина. Однако не нужно было быть ни неженкой, ни барином, чтобы жаловаться на суровость экспедиционной обстановки. Кругосветное путешествие на парусном судне было тяжелым испытанием не только для непривычного штатского, но и для моряка-профессионала. Тесные и темные помещения, скученность населения, духота, вечная сырость, подчас плохое питание и скверная вода (на

«Палладе» в Англии поставили опреснитель, но он почти не действовал)—все это при бесконечно длительных переходах создавало благоприятную почву для развития различных болезней: чахотки, гнилой горячки (тифа), лихорадок и в особенности цынги (не избежала ее и «Паллада» под конец своего плавания). А рядом с этим тяжелый труд, изнурительная авральная работа и днем и ночью, вечное «настороже», свирепая дисциплина, вызванная необходимостью быть всегда готовыми к отражению опасности, и пр., и пр. Мы отнюдь не сгущаем красок: «изнурительные труды и лишения»—это выражение очень часто встречается в официальных бумагах того времени. Дальнее плавание было тогда «военным походом» и «длительной экспедицией», соединяя в себе тягость военного режима с лишениями и случайностями экспедиционного быта.

Но на «Палладе» все эти неблагоприятные условия плавания усугублялись еще целым рядом привходящих обстоятельств, среди которых, в первую очередь, нужно отметить: крайне плохое состояние судна, сборную, мало обученную команду и, наконец,—для второй половины плавания—тревоги военного времени.

Построенная в 1831—1832 гг. и тимберованная в 1841 г. «Паллада» [2] в 1852 г., строго говоря, уже не годилась для кругосветного плавания по своей «дряхлости и ненадежности».

Так как команда «Паллады» состояла из чинов гвардейского экипажа, то ее ни в каком случае нельзя было целиком отправить в дальнее плавание. Приходилось, списав старый состав с судна, формировать его заново за счет других балтийских экипажей, а сделать это вполне успешно в такой короткий срок (по заданию «Паллада» должна была открыть кампанию в середине августа, а приготовления к походу начались только в конце июня) было почти невозможно.

Некоторые партии матросов прибыли на фрегат чуть ли не накануне отплытия. Они не знали друг друга и своих унтер-офицеров; не успели осмотреться и обжиться на фрегате, приноровиться к требованиям новых начальников; приемы и манеры управления судном, особые у каждого командира, были им незнакомы. Все это не сулило впереди ничего хорошего.

К тому же Балтийское море встретило моряков крайне неприветливо. «Нынешняя осень,—писал один из участников экспедиции,—грозно прошлась по нашему северу. При выходе из Зунда мы видели на шведском берегу четыре купеческие судна, лежащие на боку, пробитые и выброшенные бурей. По ночам была слышна *отдаленная пальба*, возвещавшая о затруднительном положении и гибели купеческих судов. Сердце сжималось при мысли, что нельзя помочь тем, которых жалобы столь ясно доходили до нас. В Немецком море нашлись два корпуса без мачт; мы направились к первому на случай, что найдем кого-либо в живых, спустили шлюпку, подъехали, обежали каюты, осмотрели трюм — ни души. Судно держалось на воде только потому, что было нагружено досками. Грустно зрелище такого разрушения» [3].

Вот при каких условиях дряхлому судну и неопытной команде пришлось начать кампанию [4]. Не мудрено, что всякого рода злоключения посыпались на него с первых же моментов плавания.

Начались бесконечные поломки рангоута и порча парусов. Плохо обученная команда скверно справлялась с маневрированием, и чуть ли не каждый день случались различные неприятности. Порывистый, постоянно отходивший ветер изрядно трепал заслуженное судно, а вечная «пасмурность и туман по горизонту» чрезвычайно затрудняли и без того опасное в осеннюю пору плавание по Балтике и Северному морю. От качки на фрегате зачастую показывалась течь; помпы постоянно работали, но вода в трюме стояла довольно высоко; в жилых палубах было сыро и холодно.

Среди команды начались заболевания. Как ни береглись, но успели захватить заразу в Кронштадте, и до выхода из проливов похоронили одного за другим троих матросов. Кроме холеры на «Палладе» появилась и гнилая горячка, от которой умерло еще двое людей. Лазарет не пустел; настроение было подавленное, и команда выбивалась из сил.

В довершение всего с фрегатом едва не произошло большое несчастье: 12 октября в пасмурную и туманную погоду при самом тихом ветре «Паллада», входя в Зунд, приткнулась к мели.

Последствием посадки фрегата на мель явилась необходимость введения его в док в Портсмуте, куда он добрался лишь 12 ноября, задержанный в Немецком море свирепыми противными ветрами. А между тем для такого старого судна, каким была «Паллада», новая постановка на подпорах в сухом доке грозила еще большим расшатыванием всех креплений корпуса судна. Излагая все эти соображения в донесении морскому министерству, Путятин прибавлял, что и вообще ремонт потребуется капитальный, так как судно плохо сопротивляется невзгодам плавания. Это была первая из тех бесчисленных жалоб, которыми засыпал Путятин Петербург в течение всего похода.

Как бы там ни было, но «Палладу» разгрузили и ввели в док; портсмутские мастеровые принялись за пересмотр и конопатку ветхого судна: тут, между прочим, выяснились не только размеры повреждений от посадки на мель, но и гнилость многих креплений и балок корпуса. Ремонт действительно вышел капитальный, но, как будет видно ниже, не принес значительной пользы делу, а только затянул пребывание «Паллады» в Портсмуте до декабря месяца, когда начались обычные в это время юго-западные ветры, задержавшие экспедицию в Англии еще на месяц.

В силу этого итти вокруг мыса Горн, как предполагалось ранее, было уже поздно. «Если бы я теперь отправился прежде намеченным путем,—писал Путятин кн. А. А. Меньшикову,—то прибыл бы в большие южные широты около весеннего равноденствия, времени, самого неблагоприятного для обхода мыса Горна, между тем как, идучи на восток, те же ветры будут содействовать скорейшему совершению похода. Поэтому я решаюсь отправиться отсюда прямо на мыс Доброй Надежды, а оттуда Зондским проливом войти в Китайское море. Следующим после мыса Доброй Надежды местом пристанища я избираю Манилу, а оттуда отправляюсь к островам Бонин-Сима».

Таким образом из-за бесконечных починок «Паллады» Путятину, еще не покидая Европы, пришлось коренным образом изменить маршрут путешествия. В будущем экспедиции предстояло много подобных сюрпризов.

Оставив 6 января 1853 г. Спитгэдский рейд, «Паллада» 9-го вышла, наконец, в океан. Ветер, хотя и попутный, все время крепчал, разводя огромную волну. «Что за бурное стоит время,—отмечает в своем дневнике один из моряков,—в 6 часов вечера во время моей вахты, начали опять собираться облака; небо помрачилось; мы взяли у парусов все рифы. К полночи ветер, скрепчав, заревел и поднял резкий свист между снастями, зашумели кипящие волны, и по временам раздавался гул от ударов их о борта. Я и раньше видел бурное море в этих же широтах, но такого страшного, огромного волнения, какое теперь было, не видывал никогда» [5].

Для «Паллады» пришло время показать себя в борьбе с океаном. Но нельзя сказать, чтобы она удачно выдержала это испытание. Во время перехода от Англии до Мадеры,—гласит отчет Путятина: — «качества фрегата оказались весьма неудовлетворительными, что должно приписать излишнему грузу».

Таким образом как для команды, так и для офицеров снова настали черные дни. Фрегат било крупным волнением, и приходилось зорко смотреть, чтобы не случилось какой-нибудь беды. Настроение на «Палладе» опять сделалось тревожным и нервным, и матросы снова выбивались из сил, помогая дряхлому судну в его борьбе с бурным морем. Общее положение отозвалось, конечно, и на Гончарове. К тому же, по должности адмиральского секретаря, он, конечно, не мог не знать всех тревожных подробностей дела. Но любопытно отметить, что, изображая этот переход, он не упоминает ни о каких происшествиях и — главное — строит свой рассказ, как будто все обстояло совершенно благополучно и нормально, как тому следует и быть, а только ему—избалованному горожанину—казалось чем-то необычайным. Между тем, как мы только что видели, показания самих моряков говорят совершенно обратное, отмечая, как большую неудовле-

творительность качеств судна, так и исключительный размах волнения. Здесь уже в полной мере обнаруживается та своеобразная манера, в которой поведено все повествование «Очерков» и которая не позволяет рассматривать книгу как правдивое отражение действительности.

Отдохнуть от всех невзгод бурного плавания удалось только в атлантических тропиках. Переход от Мадеры до мыса Доброй Надежды (с 18 января по 10 марта) был действительно благоприятным во всех отношениях, несмотря на то, что за экватором «Палладу» все-таки прихватили штили. Впрочем с точки зрения удобств и благополучия плавания штили ни чему не мешали; бояться недостатка в воде и провианте не приходилось: фрегат в изобилии был снабжен самым необходимым, и путешественникам оставалось только беззаботно наслаждаться покоем среди океана. Гончаров, повидимому, больше других наслаждался этим «сияющим летом на тихих просторах тропических вод». По крайней мере именно этому переходу да еще, пожалуй, Манилле посвящены наиболее восторженные страницы его книги.

Только в начале марта, после сорокадневного слишком пребывания в море «Паллада» выбралась, наконец, из штилевой полосы: «Опять пошло свое,—замечает по этому поводу Гончаров, — ни ходить, ни сидеть, ни лежать порядком. Не стану повторять, о чем уже писал, о качке. Только это нагнало на меня такую хандру, что море, казалось, опротивело мне навсегда. Хотя это продолжалось всего дней пять, но меня не обрадовал и берег, который мы увидели в понедельник, 9-го марта».

Проскользнув ночью мимо входа в Falsbay, «Паллада» только на следующий день вошла на Саймонсбейский рейд и бросила якорь на отведенном ей месте. Перед походом через бурный Индийский океан судну необходимо было снова подремонтироваться и привести себя в полный порядок. Поэтому стоянка в Саймонсбее затянулась почти-что на месяц. Часть офицеров была отпущена в Капштадт; шестеро под руководством К. Н. Посьета отправились в экскурсию в глубь страны; остальные принялись за судовые починки. «Весь фрегат был снова проконопачен, как снаружи, так и изнутри, гнилые части обшивки были заменены новыми». Рангоут был пересмотрен и исправлен; ванты вытянуты, мачты проверены и все вообще тщательно почищено и окрашено. Казалось, что все было предусмотрено для предстоявшего тревожного плавания, и Путятин надеялся, что судно благополучно выдержит крепкие ветры и сильное волнение, которые можно было ожидать на следующих переходах, тем более, что «и прежде сего на фрегате были сделаны немаловажные исправления в Портсмуте». Однако будущее не оправдало этой надежды: напротив, первое же крупное волнение поставило ребром вопрос о годности «Паллады» к океанскому плаванию вообще.

Покинув 12 апреля гостеприимные берега Капа, «Паллада», отойдя от мыса Доброй Надежды всего на 12 миль, встретила жестокий, противный шторм, который в течение 19 часов выдерживала под одними триселями. «Шторм» был классический по всей форме: с разорванными в сетку облачками, мчавшимися по небу, «с светлостью луны и блистанием молнии, с дождем и громом». «С 8 часов г р о з а два раза обошла вокруг горизонта». «Волнение шло горами, достигая порой такой высоты (до 45 футов), какой бедное судно еще не видывало. Фрегат ложился то на один, то на другой бок и, несмотря на вторичную, полную конопатку в Саймонсбее, потек всеми палубами и показал весьма значительное движение в надводных частях корпуса»[6].

Последнее обстоятельство чрезвычайно встревожило командиров. Теперь объяснилась, наконец, подозрительная течь, замеченная еще на переходе из Портсмута до Мадеры. А вместе с тем ставился вопрос не только о плохих качествах фрегата, о чем Путятин доносил морскому начальству и из Англии, и с Мадеры, и с Саймонсбейского рейда, но и о пригодности «Паллады» к дальнейшему плаванию вообще. Приходилось отказываться от намерения итти прямым рейсом на Маниллу: при той ненадежности всех креплений корпуса, которая обнаружилась

во время шторма, «Паллада» могла не выдержать такого длинного перехода и рассыпаться в пути на мелкие куски, так что, по выражению Гончарова, пришлось бы высаживаться среди моря. Все, на что можно было рассчитывать,—это на короткие переходы из порта в порт с бесконечными починками в каждом из них. Мало того, было совершенно ясно, что если до Японии еще можно кое-как доползти, то для обратного пути и даже для длительного пребывания в тихоокеанских портах «Паллада» совершенно не годилась. Необходимо было подумать о замене ее новым фрегатом, либо же заранее подготовить обратное возвращение экспедиции сухим путем через Сибирь. Само собою понятно, что все это кардинально изменяло картину путешествия и требовало от командующего быстрых и ответственных решений. И Путятин принял эти решения.

Отказавшись от прямого похода на Маниллу, он направился к северу, в Анжер, на Яву, с тем, чтобы остальной путь совершить по линии Анжер—Сингапур—Гонг-Конг—Бонин-Сима, всегда имея под рукой оборудованные порта для необходимых починок. Кроме того, он остановился на мысли спешно отправить в Россию курьера с настойчивой просьбой, как можно скорее выслать на смену «Палладе» другое, более надежное судно. Курьером был избран И. И. Бутаков, старший офицер «Паллады», которому Путятин дал инструкцию всеми силами добиваться отправления в ту же осень из Кронштадта нового фрегата.

17 мая, после месячного перехода, добрались, наконец, до Анжера. Плавание было неблагоприятным, хотя фрегат все время имел попутные ветры. Погода держалась неровная, постоянно налетали шквалы и разводили волнение. Поддавшееся после первого шторма судно не выдерживало крупной зыби: крепления корпуса снова и снова приходили в движение и палубы текли всеми швами. В жилых помещениях постоянно было сыро. С наступлением жары повсюду появилась вредная для здоровья плесень; вода, застоявшаяся в разных укромных уголках, загнивала, заражая воздух. Лазарет снова начал наполняться; появились тропические болезни: вереды, лишаи, легкие формы лихорадки. В этой знойной, удушливой атмосфере на ветхом, гниющем судне лихорадили и здоровые,—для слабогрудых она была настоящим ядом. Среди матросов открылась чахотка: в Сингапуре и Гонг-Конге пришлось сдавать в госпитали безнадежно больных.

Из Сингапура, куда пришли 25 мая, Бутаков на первом же отходившем пароходе поспешил в Петербург с депешами и письмами от адмирала к великому князю, в морское министерство, в министерство иностранных дел, а фрегат после легких исправлений пошел в Гонг-Конг.

Здесь снова принялись за тщательную конопатку и починку судна, а тем временем Путятин во исполнение той части инструкции, преподанной ему министерством иностранных дел, которая касалась нашей торговли с Китаем, отправился на шхуне в Кантон. Однако поездка эта не принесла никаких положительных результатов. Китайский резидент заявил адмиралу, что морская торговля с Россией не может быть разрешена, так как с русскими Китай и без того торгует по сухопутной границе, что и оформлено в соответствующих статьях договоров. В силу этого Путятину не оставалось ничего другого, как утешаться тем, что относительно захода русских военных судов в пять недавно открытых для европейской торговли портов китайцы не имели ничего против, считая это, повидимому, вполне естественным. Впрочем, для длительных переговоров с китайцами у Путятина и времени не было. Фрегат и без того опаздывал, а между тем в Гонг-Конге он узнал, что комадор Перри, его американский соперник в японских делах, уже отправился с весьма внушительной по размерам эскадрой к месту своих главных действий. Путятину приходилось спешить, «чтобы не пропустить благоприятное для переговоров время». Поэтому, едва вернувшись из Кантона, он приказал сейчас же сниматься с якоря.

Утром 7 июля «Паллада» вступила в Тихий океан. Погода и ветер попрежнему были скверные; находили шквалы, разводя крупную зыбь, к вечеру по горизонту с огромной быстротой стали проноситься зловещие черные облака; луна взошла в нимбе. Все предвещало близость тайфуна.

И. А. ГОНЧАРОВ В МОЛОДОСТИ
Портрет неизвестного художника, масло
Институт Русской Литературы, Ленинград

И действительно на следующий день уже с утра барометр начал заметно падать. Все время налетали шквалы с дождем. Вечером ветер сильно крепчал, вызывая огромную зыбь; густая мрачность окутала горизонт: фрегат, паруса и люди сливались в какую-то сплошную массу. Всю ночь напролет брали рифы и спускали паруса, но ход фрегата не уменьшался, превышая к утру 14 узлов.

Волнение было огромное и неправильное от частой перемены ветра, который все время переходил на несколько румбов. Небо еще более потускнело, дождь лил потоками, а барометр все падал.

Боковая качка была невероятная; размахи доходили до 45°; фрегат черпал сетками, концы грота-рей не раз уходили в воду, так что едва не смыло нескольких матросов; у орудий задние колеса при наклонах приподнимались на два дюйма от палубы. Надводная часть судна «по обыкновению» тотчас дала движение, и по верхним палубам открылась течь. Вода хлестала во все люки, текло всюду; все помпы работали непрерывно, но никак не могли справиться с этим наводнением; на фрегате не осталось ни одного сухого местечка, а в трюме вода быстро поднималась.

Но худшее было еще впереди. Вечером один за другим изорвало грот, фок и фор-марсель. Остальные паруса убрали, и фрегат мчался всего-навсего под двумя, взятыми на четыре рифа. Тем не менее ход его не падал ниже 10 узлов. В 10-м часу частью от напора ветра, частью от подвижки корпуса, начали лопаться ванты, преимущественно у грот-мачты. Впрочем и вообще крепление вант не выдержало, и они так ослабели, что с силой бились о сетки. Ходить по ним не было никакой возможности. Немного погодя, тронулась и сама грот-мачта. Во времена размахов она гнулась, как трость, выжимая вон из гнезд клинья, которыми она была закреплена.

Положение судна становилось критическим. Близкое падение грот-мачты грозило ему верной гибелью. Закреплять мачту в порядке обычной команды не представлялось возможным из-за крайней опасности дела. Путятин вызвал охотников. Лейтенанту Савичу вместе с группой удальцов-матросов удалось заложить в помощь вантам особые блоки. Во время этой отчаянной работы одному из матросов разогнувшимся крюком раздробило голову. Но мачту все-таки слегка закрепили, а позднее, пользуясь временным затишьем, заложили внизу вокруг нее канат.

Между тем неустанно следили за переходами ветра; по ним установили центр урагана, взяли в сторону и постепенно начали выходить из самой опасной сферы. С 4 часов дня 10 июля ветер стал заметно стихать, но качка не уменьшалась: верхушки волн уже не срывало силой ветра, и они всею массою били фрегат. Однако главную опасность можно было считать избытой [7].

Ураган наделал немало бед на фрегате. Водой, заливавшей трюм, была подмочена большая часть провизии: много всякого добра перебилось и перепортилось. Наступившие вслед за ураганом штили принесли с собою невыносимую тропическую жару, и на фрегате снова показалась всякая зловонная гниль и плесень, а вместе с ними и разные болезни. Снова лазарет наполнился больными; да и из офицерского состава редкий избежал нездоровья. Гончаров слег с желудочной лихорадкой и рожистым воспалением на ноге. Между тем штили продолжались; «Паллада» еле-еле плелась по спокойным просторам океана, и плавателям грозил, если не голод, то большие лишения из-за порчи провианта. Обнаружилась нехватка сухарей, часть которых за негодностью пришлось выбросить за борт. Для больных недоставало свежих продуктов. Опреснитель снова закапризничал, так что морякам приходилось довольствоваться застоявшейся водой из цистерн.

Только в 20-х числах задул, наконец, попутный ветер, и 26 июля фрегат прибыл в Порт-Ллойд на Бонин-Сима, употребив ровно месяц на недельный переход.

В порте Ллойд «Паллада» застала всю эскадру. Еще в Петербурге было решено присоединить к путятинской экспедиции в водах Тихого океана два из находившихся там судов. Рандеву первоначально было назначено в Гонолулу на Сандвичевых островах, а затем в связи с изменением маршрута «Паллады»—на

Бонин-Сима. Здесь-то и поджидал запаздывавший фрегат транспорт «Князь Меньшиков» и корвет «Оливуца». На них была доставлена с Сандвичевых островов провизия и, главное, сухари, что было очень кстати, так как на островах Бонин-Сима все наличные припасы забрала эскадра комадора Перри, заходившая сюда до прибытия Путятина.

Кроме того на транспорте прибыли курьеры из Петербурга и Вашингтона с депешами, предписаниями и письмами. Между прочим Путятин получил из министерства иностранных дел предписание начать переговоры в Нагасаки и, по возможности, воздержаться от посещения Иедо, чтобы не раздражить японцев.

4 августа покинули гостеприимные острова Бонин-Сима и направились в Нагасаки. «Плавание до сего последнего порта,—доносил Путятин генерал-адмиралу,—было одним из самых счастливых во всех отношениях. Нам постоянно дул умеренный попутный ветер, при котором весь отряд держался соединенно. Несмотря на то, что фрегат все время имел на буксире шхуну, он шел от шести до девяти узлов, оставляя за собою все прочие суда. Но и при этом замедлении переход от Бонин-Сима до Нагасаки, составляющий 850 миль, совершен с небольшим в пять суток.

«В прекрасную летнюю погоду, засветло, миновали мы мелкие острова, составляющие южную оконечность Японского архипелага. 9-го числа, вечером, подошли к Нагасакскому рейду, но, по малоизвестности оного, эскадра не вошла в темноте и всю ночь держалась у входа, под малыми парусами. На следующее утро, 10-го августа, я приказал поднять на фрегате флаг уполномоченного, и мы пошли на первый, или наружный рейд, где штиль продержал нас до четырех часов пополудни. После сего, в сопровождении нескольких японцев, прибывших на фрегат для обычных осведомлений, коими они встречают все европейские суда, мы в боевом порядке, при звуках национального гимна, прошли первые с моря нагасакские баттареи, наполненные любопытствующими японцами, и около 6-ти часов вечера бросили якорь на среднем рейде».

«Цель десятимесячного плавания была достигнута». Но успех этот дался экспедиции в напряженной борьбе с бесчисленными препятствиями. Сравнивая походы «Паллады» с аналогичными плаваниями других судов этого же типа, приходится признать, что пальма первенства в смысле всякого рода «изнурительных трудов, лишений и опасностей», безусловно остается за ней. Во всяком случае ей пришлось пережить много такого, что не выпадало на долю других русских судов и что никак не укладывается в рамки мирного и безмятежного морского вояжа.

Впереди же путешественников ждало еще множество различных более или менее тягостных приключений.

II

Еще во время пребывания в Гонг-Конге члены экспедиции во главе с самим адмиралом были смущены дошедшими сюда сведениями о русско-турецком конфликте и остроте дипломатических переговоров по этому поводу.

Как для Путятина, так и для всех остальных было ясно, что этот конфликт постепенно приобретает европейское значение, а тон английских газет не оставлял никаких сомнений в позиции, занятой британским кабинетом. Само собой понятно, что и без того сложное положение экспедиции неизмеримо усложнялось.

Легко себе представить, в каком положении оказалась экспедиция, и в особенности Путятин, страстный англоман, все свои расчеты строивший на английской поддержке, когда в Гонг-Конге после всяческих любезностей англичан в Портсмуте и на мысе Доброй Надежды [8] он натолкнулся не только на глухое противодействие в его кантонских переговорах, но и на целый ряд мелких затруднений при ремонте фрегата и пополнении запасов. В связи с газетными известиями о русско-турецком конфликте все это приобретало характер весьма зловещих симптомов.

Положение «Паллады» с выходом в Тихий океан становилось прямо отчаян-

ным. Было совершенно очевидно, что в случае начала военных действий английская эскадра, занимавшая ближайшие китайские порта, узнает об этом раньше «Паллады» и, будучи в подробностях осведомлена о маршрутных предположениях экспедиции, легко захватит ее в том или ином месте. С другой стороны, в силу натянутых отношений с Америкой, Путятину было решительно невозможно ни опереться на шедшую впереди эскадру комадора Перри и ее отлично оборудованные базы, ни рассчитывать на радушный прием в американских портах, буде дряхлой «Палладе» удалось бы туда добраться.

Япония, китайское побережье Тихого океана и Филиппины с англо-французскими стационерами — в этом треугольнике Путятин был заперт, как в мышеловке. Оставался, правда, путь на север, мимо неизвестных берегов Кореи, в открытый Невельским Татарский пролив, но русские порта Охотского моря представляли собою весьма ненадежное убежище от мощного неприятеля, оставаться же в Амурском лимане было рискованно по чисто морским соображениям.

А между тем приходилось во что бы то ни стало продолжать поход. На совещании у Путятина в Гонг-Конге было решено итти в Японию и приступить к переговорам, но в то же время держать постоянную связь с ближайшим китайским портом, чтобы всегда быть в курсе всех дел.

Во исполнение этого решения Путятин вскоре по прибытии в Нагасаки отправил транспорт «Князь Меньшиков» в Шанхай «за провизией и новостями», а шхуну «Восток» послал на север, с поручением проверить съемку Сахалина, обследовать лиман Амура и Императорскую бухту, которая на худой конец предназначалась служить базой для эскадры.

Что же касается непосредственной цели экспедиции, то здесь полномочному послу очень скоро пришлось убедиться, что переговоры непременно затянутся на долгий срок.

Внешний ход переговоров изложен у Гончарова довольно точно. «Паллада» пришла в Нагасаки 10 августа, но только через месяц, 9 сентября, удалось передать письмо Нессельроде в Верховный совет, при чем губернатор заявил, что «скорого ответа на письмо получено быть не может». И действительно, прошел еще месяц, подходил к концу и другой, а известий из Иедо все не было и не было. Между тем вернулась из плавания шхуна «Восток», командир которой блестяще выполнил все поставленные ему задания; из Шанхая пришел обратно транспорт. Он привез свежую провизию и последние газеты, сообщавшие об отъезде кн. Меньшикова из Константинополя.

Война оказывалась все более и более вероятной, а вместе с тем и настроение на эскадре становилось все более и более напряженным и тревожным. Приходилось подумывать об отыскании какого-нибудь убежища. «Я получил, — писал тогда же Путятин генерал-адмиралу, — известия о предстоящем разрыве с Турцией, Англией и Францией. Если бы оные известия подтвердились, положение наше в Японии будет весьма затруднительным, и я буду принужден удалиться в Ситху или Сан-Франциско, как нейтральный порт».

Однако вскоре адмирал резко изменил свое намерение, что свидетельствует о его некоторой растерянности.

Так как из Иедо ответа все еще не было получено, то он решил прервать переговоры и итти на Маниллу, рассчитывая в этом нейтральном порту в течение зимы снова капитально отремонтировать фрегат и весной, смотря по обстоятельствам, либо прямо направиться в Иедо, либо пуститься в крейсерство в Тихом океане. Начали готовиться к выходу в море, но как только губернатор Нагасаки узнал об этом, то, опасаясь, как бы Путятин не пошел в Иедо, он бросился уговаривать подождать еще немного. Когда все эти уговоры оказались тщетными, японцы «рискнули на последнее средство: раскрыли свои карты, официально уведомив о скором прибытии уполномоченных из Иедо».

Это существенно меняло дело. Теперь не было никакого смысла тащиться на Маниллу: приходилось дожидаться уполномоченных и так или иначе договориться с ними. Тем не менее Путятин решил использовать остающееся до их при-

езда время для того, чтобы самому побывать в Шанхае и у консулов нейтральных стран собрать все необходимые сведения о политическом положении в Европе. 11 ноября, ровно через три месяца после прибытия в Японию, «Паллада» снялась с якоря и в сопровождении шхуны «Восток» двинулась в Шанхай.

С этого момента начинается, строго говоря, последний период плавания «Паллады», период вечных неожиданных переходов с места на место с целью скрыть свои следы.

Утром 14 ноября подошли к Седельным островам. Опасаясь вводить фрегат в реку, где он мог оказаться в ловушке, Путятин оставил его под парусами у входа в Ян-Тсе-Кианг, а сам на шхуне, «почти инкогнито» [10] отправился в город. Проходя устье, осведомились на опиумной флотилии о состоянии дел и узнали, что войны еще нет, но что со следующей почтой, ожидавшейся недели через две, должны притти решительные известия. Получив эти сведения, Путятин поспешил в Шанхай, где распорядился постановкой потрепанной в Татарском проливе шхуны в док, а сам занялся дипломатической рекогносцировкой.

Между тем политическая атмосфера все сгущалась и сгущалась. В среду, 8 декабря, адмирал поздно вечером явился в гостиницу, где стояло большинство русских офицеров, и вызвал в отдельную комнату Посьета и Римского-Корсакова. «Я вошел первым, — рассказывает последний, — и застал его встревоженным. Он объявил нам, что пришла из Гон-Конга шхуна, адресованная на имя португальского консула, которая привезла известия о входе соединенной англо-французской эскадры в Босфор и об объявлении войны между Россией и Турцией [11]. Приходилось торопиться, чтобы не попасть в руки стоявших на рейде английских судов. Не теряя ни минуты, Корсаков поехал на шхуну и распорядился, чтобы с трех часов утра приступили к работам и готовились к отплытию. На рассвете снялись с якоря и, на ходу вытягивая ванты, поднимая рангоут и прикрепляя паруса, пошли на соединение с фрегатом. Адмирал прибыл несколькими днями позже, инкогнито, на частной яхте. Он дождался почты из Гон-Конга и, убедившись, что пока еще с Францией и Англией официально разрыва нет, спешил в Нагасаки на свидание с уполномоченными.

Через несколько дней, по возвращении в Нагасаки, туда прибыли и «groote Herren» из Иедо и начались переговоры по существу дела. Но и тут, после первого же заседания, Путятину пришлось убедиться, что тактика затягивания и всяческих проволочек будет продолжаться и впредь. Было очевидно, что в Иедо еще не вполне отказались от надежды умышленным промедлением и множеством представляемых затруднений отсрочить дело на неопределенное время и охладить наше и американское правительство к достижению открытия портов, и что там решились бы на последнее только в случае совершенной невозможности противиться нашим настояниям. Вывод этот был совершенно правильным, особенно если принять во внимание, что с японской стороны все переговоры были в руках Кавадзи, ожесточенного противника всяких сношений с иностранцами, резко восстававшего позднее против заключения договора с Америкой.

Как бы там ни было, но переговоры приняли затяжной характер. Свидание следовало за свиданием; приемы, чаепития, собеседования отличались крайним радушием, любезностью и дружелюбием: стороны обменивались комплиментами, подарками, но дело не шло на лад. «Логические», по выражению Путятина, доводы не действовали на японцев. Напрасно он приводил уполномоченным сотни доказательств, составлял для них красноречивые и убедительные записки, соблазнял последними завоеваниями промышленной и военной техники. Кавадзи не поддавался ни на какие убеждения и, прикидываясь чуть ли не сторонником политики открытых дверей, очень ловко, не оскорбляя достоинства противной стороны, уклонялся от всяких положительных обещаний.

А между тем время шло, и с каждым днем положение экспедиции становилось опаснее и опаснее. Лишенная каких-либо известий, так как Путятин опасался посылать свои суда в Шанхай, она всякую минуту могла ожидать внезапного нападения неизмеримо более сильного врага. Необходимо было на что-нибудь ре-

ниться, и Путятин остановился на своем прежнем плане: итти на Маниллу, — там основательно починиться и весной начать крейсерство в Тихом океане. На эскадре мечтали о набеге на Австралию, о каперстве у берегов Индии и пр., и пр.

Уходя, адмирал оставил японцам проект трактата, обещая вернуться весной для его обсуждения, и обменялся с уполномоченными нотами, которыми Россия объявлялась наиболее благоприятствуемой страной по торговле, с обязательством распространения на нее всех возможных привилегий, какие могут быть выданы другим державам.

Вслед за тем (27 янв. 1854 г.) после прощального обеда эскадра вышла в океан и направилась на Маниллу с заходом на Ликейские острова, где комадор Перри устроил свое депо и где Путятин надеялся разузнать последние новости из Европы.

Утром 29 января завидели главный из этих островов и к вечеру подошли к рейду в гавани Нада-Кианг.

Здесь «Палладу» ожидало новое злоключение. Берег отделялся от океана длинной грядой коралловых рифов, сквозь которые было только два узких прохода. Проскользнуть в них ночью не представлялось никакой возможности; приходилось ждать утра. Фрегат бросил якорь в виду берегов, неподалеку от рифа, надеясь на рассвете попасть на рейд.

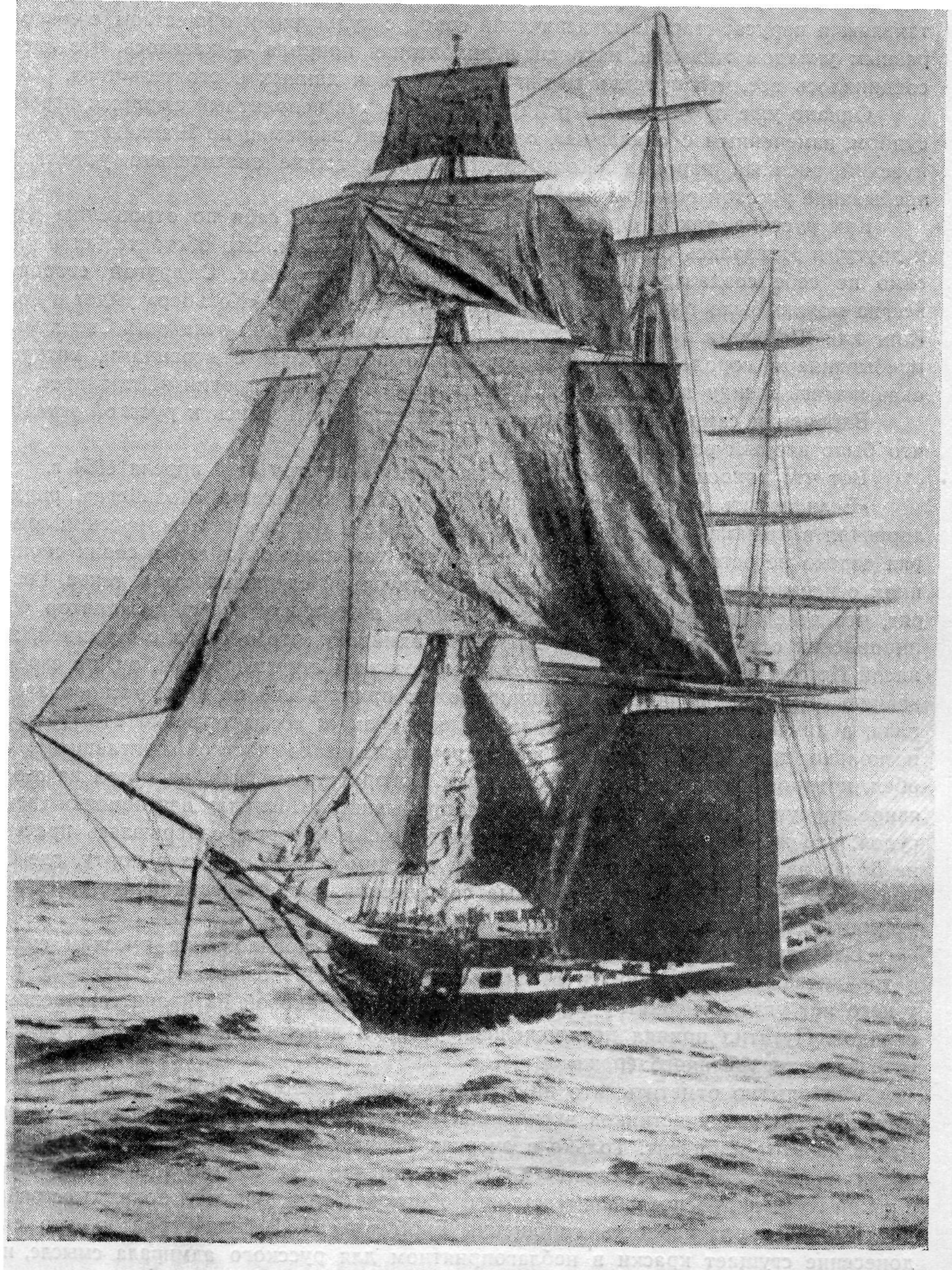
Надежда эта не оправдалась. Ночью поднялся крепкий, переходящий в шторм ветер с моря, прижимавший несчастное судно к рифу. При этих условиях нечего было и думать сниматься с якоря: прежде чем успели бы поднять его, «Палладу» подрейфовало бы на камни. Приходилось отстаиваться на месте. «Кругом была непроницаемая мгла. Дождь хлестал с остервенением: в воздухе реяли огненные струи; ветер ревел, заглушая гром». Среди плавателей снова воцарилась тревога. Стоило только лопнуть канату или сдать якорю, и судну грозила неминуемая гибель на рифах. К утру ветер начал было стихать,но потом снова задул с прежней силой, продержав моряков более двух суток «на рубеже жизни и смерти». Дважды пытались поднять якорь, и всякий раз приходилось бросать дело на половине: судно сейчас же начинало дрейфовать к берегу. В результате этих попыток только приблизились к скалам чуть ли не на 200 сажен.

«Перед нами, — пишет Гончаров, — менее нежели в полуверсте играли буруны, неистово переливаясь через рифы. Океан как будто толкал нас туда, в клокочущую бездну, и мы упирались у порога ее, как упирается человек или конь над пропастью. Ветер все крепчал, и нам оставалась только борьба с океаном и вопрос с сомнением, кто одолеет? мы... или... Смерть от нас в двухстах саженях: как надеяться, что канат, даже два, устоят против напора ветра, волн и тяжести огромного судна? Мы ходим под страхом, в томительном ожидании, все носят в себе тупое чувство тоски, неизвестности, стараются не глядеть друг на друга, отворачиваются[12]...

Гибель казалась столь близкой, «что бывшие на берегу офицеры с американского судна сказывали впоследствии, что они ожидали уже услышать ночью с нашего фрегата пушечные выстрелы, извещающие о критическом положении судна, а английский миссионер говорил, что он молился о нашем спасении»[13].

Однако судьба и на этот раз сжалилась над дряхлой «Палладой». На исходе второй ночи ветер стал стихать, меняя направление, и утром судно получило, наконец, возможность перебраться за рифы — на спокойный, хотя и усеянный мелями рейд.

Описание Ликейских островов принадлежит к самым очаровательным страницам «Паллады». К сожалению, обстоятельства не позволяли экспедиции задержаться в этом чудесном месте. Адмирал попытался довольно неудачно войти в сношения с местными властями, но, убедившись, что японские обычаи по отношению к иностранцам пустили глубокие корни и на этих островах, к слову сказать, подвластных Японии, ограничился лишь тем, что разузнал в депо американцев о последних европейских новостях и о намерениях Перри. 9 февраля двинулись на Маниллу.



ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА» ПОД ПАРУСАМИ

Макет

Военно-Морской Музей, Ленинград

Уже давно моряки мечтали об этой «тропической Испании».

Манилла представлялась им каким-то убежищем от всяких зол и невзгод тяжелого и трудного плавания. Нейтральный порт и притом дружественной державы, где можно было спокойно и не торопясь вычинить истрепанные суда; богатые склады корабельных припасов, позволявшие переменить изношенный рангоут такелаж и паруса; старинный испанский город с культурным обществом, с своеобразным укладом жизни и, наконец, великолепная природа — казалось, что здесь соединялось все, что путники могли пожелать при данных обстоятельствах.

Однако уже при входе на рейд их ждал весьма неприятный сюрприз: первым судном, замеченным с «Паллады», оказался старый знакомец по Шанхаю — французский военный пароход «Кольбер». Его присутствие значительно усложняло пребывание русской эскадры на Манилле.

Как русские, так и французы не знали, как вести себя по отношению друг к другу, и отказались от традиционного обмена визитами. Это обстоятельство уже само по себе создавало напряженное настроение на рейде. С другой стороны всегда можно было ожидать, что в один прекрасный день «Кольбер» уйдет в Гон-Конг или Шанхай и вернется оттуда с целой неприятельской эскадрой. Сверх того пребывание в городе французов затрудняло переговоры с испанцами, которые оказывались между двух огней и должны были держать строгий нейтралитет.

Впрочем и сами испанцы далеко не приветливо отнеслись к русской эскадре что было вторым разочарованием для Путятина.

Вот что доносил об этом Бурбулон своему министру от 4 апреля 1854 г.

«Если верить сведениям, которые, по словам командира «Кольбера», циркулировали в манилльском обществе и попали даже в местные газеты, русский адмирал далеко не остался доволен сделанным ему там приемом и сам в своих сношениях с испанскими властями не проявил достаточной сдержанности и такта. Говорят, что вслед за прибытием русской эскадры в Маниллу новый губернатор Филиппинских островов ген. Павиа дал знать адмиралу, что в связи с позицией, занятой Петерб. кабинетом по отношению к Правительству Королевы, он, по своему званию правителя испанской колонии, может принять его не как русского адмирала, а лишь как частное высокопоставленное лицо; соответственно этому через несколько дней со стороны губернатора последовало частное приглашение на обед, которое и было принято Путятиным. Говорят также, что, несмотря на столь явное предупреждение, русский адмирал, прибывший в Маниллу для починки своих судов, все же обратился к генералу с письмом, в котором содержалась просьба не более не менее, как о предоставлении русским особого места в порту, где бы они могли возвести все необходимые сооружения, поднять свой флаг, словом — устроить депо для своего флота.

Единственным ответом на эту просьбу было «предложение русским судам в трехдневный срок покинуть Манилльский рейд». На возражение Путятина, что у него нет угля, губернатор заявил, что он выдаст таковой из правительственных складов. Путятин принял предложенный уголь и действительно покинул рейд до истечения трехдневного срока» [14].

Любопытно отметить, что ни в донесениях и письмах Путятина, ни в воспоминаниях других участников экспедиции нельзя найти никаких откликов или намеков на этот инцидент. Только в очерках Гончарова глухо упомянуто о внезапности их отплытия из Маниллы [15]. Однако именно эта быстрота и внезапность, с какой Путятин, располагавший надолго обосноваться в Манилле, покинул ее рейд, подтверждает правильность сообщения Бурбулона [16]. Весьма вероятно, что его донесение сгущает краски в неблагоприятном для русского адмирала смысле, но сущность содержащихся в нем сведений, по всем данным, близка к истине.

Как бы там ни было, но надежды на Маниллу не оправдались, а вместе с этим рушились и все планы о крейсерстве в Тихом океане, о походе в Австралию и пр., и пр. Состояние «Паллады» было таково, что не приходилось мечтать даже о простом переходе в Сан-Франциско или какую-нибудь другую удобную американскую гавань. Оставалось только одно: итти к ближайшим русским владениям, а оттуда

пробираться в Петропавловск или Ситху. И то и другое очень не улыбалось Путятину, так как он знал, что ни в одном из этих портов нельзя найти ни средств для капитального ремонта фрегата, ни продовольствия для команды. Однако никакого другого выхода у него не было. Во всяком случае с Манилой нужно было расставаться, и чем скорее, тем лучше, потому что в городе распространились слухи о скором прибытии английской эскадры.

Наметив корейский остров Гамильтон первым этапом плавания к русским владениям, Путятин поспешил покинуть негостеприимный порт, тщательно скрывая направление своего движения. 27 февраля эскадра вышла в море с перспективой встретиться с гораздо сильнейшим врагом.

Первоначально суда держались вместе, но вскоре затем Путятин послал шхуну вперед, на Батан заготовить провизию, а транспорт — к Шанхаю на рекогносцировку.

Таким образом «Паллада» и «Оливуца» как вполне пригодные боевые суда остались одни.

Настроение у моряков было крайне возбужденное. С минуты на минуту ждали встречи с неприятелем. Фрегат привели в боевую готовность; пушки зарядили двумя ядрами; было решено во всяком случае принимать бой и при неблагоприятном исходе взорваться. На эту тему в кают-компании шли бесконечные волнующие разговоры; наблюдение за горизонтом было усилено; все жили на-чеку. Несколько раз происходила ложная тревога.

И среди всех этих волнений «Палладу» ждала новая, еще горшая беда. Погода все время стояла бурная; дули крепкие противные ветры с порывами. Между тем приходилось спешить изо всех сил, и старое судно несло гораздо больше парусов, нежели могло выдержать. В результате, после двух или трех особенно сильных шквалов, обе главные мачты — грот и фок — сдали, последняя дала настолько серьезную трещину, что пришлось убрать большую часть парусов.

О продолжении плавания к берегам Кореи нечего было и думать. Прежде всего нужно было хоть на скорую руку исправить аварию. Но где это сделать? Итти в Гон-Конг или Шанхай не представлялось возможным: это означало бы прямую капитуляцию. Из Манилы только что вежливо прогнали. Пробираться в Батавию слишком далеко, да и опасно из-за весьма вероятных встреч с англо-французами. А в то же время болтаться в море с уменьшенной парусностью, под угрозой гибели от первого шторма или в первом столкновении с неприятелем, было бессмысленно. В этой крайности командиры «решили спуститься назад, к группе островов Бабуян, на островок Камигуин, в порт Пио-Квинто, недалеко от Люсона.

Предварительно заглянули на Батан, приняли провизию и уведомили шхуну, чтобы она шла в порт Гамильтон, не дожидаясь фрегата.

Оттуда в двое суток перешли в Пио-Квинто, где принялись за исправление повреждений: одна партия рубила деревья в тропическом лесу, другая изготовляла из них соответствующие шкалы, в которые, словно в корсеты, зашнуровывали ослабнувшие мачты; закрепили также расхлябанные от гнилости палуб мачтовые гнезда. Работа производилась наспех, чтобы только как-нибудь добраться до берегов Сибири. Несмотря на это починка вышла на славу, и с этого времени вплоть до конца похода пометки в шханечном журнале о слабости мачт совершенно прекращаются. Таким образом «Паллада» снова получила возможность развивать свою обычную скорость.

Утром 21 марта снялись с якоря и двинулись к северу. Для моряков снова началась тревожная жизнь военного времени; снова фрегат был приведен в боевую готовность и шел с заряженными пушками, с вооруженной командой; опять пошли усиленные вахты, напряженное наблюдение за горизонтом, ложные тревоги.

Между тем ветер, первоначально попутный, изменил направление и задул прямо в лоб. Приходилось лавировать, теряя массу дорогого времени на бесцельное и опасное блуждание по морю. Только 26-го пересекли северный тропик, что

бы уже больше никогда не спускаться к нему. Через несколько дней с севера начало весьма чувствительно «попахивать холодом», пошли бесконечные дожди, разводя на судне сырость; горизонт нередко закрывала непроницаемая пелена тумана. «Паллада» навсегда прощалась с полуденными широтами. Еще через несколько дней завидели пустынные скалы Гамильтона и 6 апреля вошли в угрюмую, дикую гавань. На рейде застали только шхуну; транспорта из Шанхая еще не было. Впрочем он не заставил себя долго ждать: пришел в тот же день. Однако из Европы «новости» были все те же, какие получили еще в Маниле: дипломатические сношения с Францией и Англией прерваны, но объявление войны еще не состоялось.

Рассчитав сроки получения почты и выяснив, что известие о начале военных действий не может достигнуть Шанхая раньше чем через две недели, Путятин решил использовать это время, чтобы снова напомнить о себе в Нагасаки. В исполнение этого решения 7 апреля снялись с якоря и на другой день явились в Нагасаки. Узнали у губернатора, нет ли ответа из Иедо; ответа, конечно, не было. Но Путятин и не рассчитывал на него: он уже давно решил, что в Нагасаки ничего путного не добьется, и ждал лишь удобного случая, чтобы понаведаться в какой-нибудь порт поближе к резиденциям Микадо и Сеогуна. Остальное время стоянки прошло в обычных церемониях с получением провианта, разменом подарков и пр., и пр. По выходе из Нагасаки эскадра снова разделилась; транспорт направился прямо в Императорскую бухту, корвет «Оливуца» Путятин отослал в распоряжение Невельского, Римскому-Корсакову поручил разведку у Шанхая, а сам, желая выждать, пока Татарский пролив очистится от льда, двинулся к берегам Кореи, где, по его расчетам, враги едва ли бы стали его искать; в то же время он намеревался произвести съемку неизвестных районов.

*Покинув Нагасаки 14 апреля, 18-го миновали Цусиму и 20-го завидели Корей*ский берег. Этот день и надо считать началом знаменитой в летописях русского плавания съемки, продолжавшейся около месяца. Работа происходила в невероятно трудных условиях. Погода все время стояла отвратительная. Лишь изредка в шханечном журнале попадаются заметки: «ясность, светлость луны, блистание звезд» или «малооблачно, с просиянием солнца». Большей частью небо было обложено низкими тучами, шли непрерывные дожди; налетали шквалы; по горизонту вечно стояла «мрачность». Когда же несколько продвинулись к северу, «Палладу» стали одолевать туманы. А между тем при таких условиях и простое плавание было сопряжено с большими опасностями и трудами, производство же описи превращалось в какое-то сплошное мытарство, изнурявшее моряков. Для многих участков берега никакой предварительной съемки не было вовсе; для других существовали совершенно неверные карты конца прошлого столетия. Приходилось итти ощупью, наугад, останавливаясь в туманные дни на якоре или отбегая подальше от суши в случае усиления ветра. Судно не раз было на краю гибели: то внезапно подымалась пелена тумана, и береговые скалы, до которых по расчетам было еще далеко, оказывались близехонько, чуть ли не в двух шагах, то едва не под носом фрегата неожиданно выступала из пасмурности полоса буруна, признак мели и подводных камней. Непрерывно — по два, по три раза на день — спускали гребные суда для промеров и рекогносцировок. Офицеры и матросы проводили добрую половину времени на шлюпках, выбиваясь из сил в тяжелой работе, под проливным дождем и холодным ветром. Несколько раз останавливались на день-два в неизвестных гаванях. Тогда отправлялись на берег, старались завести сношения с жителями. Это удавалось плохо: корейцы упорно сторонились чужеземцев, иногда встречали их камнями и дубинами, упорно отказывались продавать какие-либо припасы. Впрочем, и самый край выглядел таким убогим и бедным, что на получение сколько-нибудь серьезных партий провианта рассчитывать не приходилось. А на фрегате между тем начинала ощущаться острая нужда в свежих припасах. Скудные подарки нагасакского губернатора давно уже кончились; приходилось переходить на старую солонину; но хуже всего было, что приходили к концу сухари; на Маниле из-за спешности отплытия не успели запастись ими, а взяли

муку, и теперь приходилось экономить. А между тем именно теперь команда нуждалась в усиленном довольствии: от постоянной сырой и пасмурной погоды, от изнурительной работы на фрегате стали показываться подозрительные по цынге заболевания.

Тем не менее опись продолжалась: поверялись старые карты, составлялись новые, и Корейский берег постепенно начал менять свои традиционные очертания. Открыли три новых превосходных бухты, которым дали имена: бухты Унковского, порта Лазарева, залива Посьета. Заносимые на карту новые мысы и острова также крестили в честь участников экспедиции: мыс Гошкевича, остров Пещурова и т. д.; один островок выпал и на долю Гончарова. Наконец уже в середине мая съемка закончилась; дальше начинался хорошо обследованный Лаперузом манчжурский берег. «Паллада» покинула береговую полосу и вышла в открытое море, взяв курс на Татарский пролив. 17 мая у самого входа в него неожиданно встретились с спешившей в Императорскую гавань шхуной «Восток»[17].

Среди депеш и бумаг, доставленных Путятину Римским-Корсаковым, только одна заключала в себе положительные указания насчет дальнейших действий. Это было очень сухое лаконическое письмо от великого князя, которое гласило: «Донесения Ваши через г. Бодиско получены. По нынешним политическим обстоятельствам государь император повелевает Вам итти немедленно при первой возможности в гавань Де-Кастри близ устья Амура и находиться там со всеми вверенными вам судами в распоряжении ген.-губернатора Восточной Сибири, от которого получите дальнейшее назначение».

Исполнить это повеление Путятин, однако, не мог. Он уже назначил сборным местом для всей эскадры Императорскую гавань, и теперь ему оставалось только спешить туда. 20 мая подошли к входу в гавань, но не могли попасть в нее из-за густых туманов. Только через двое суток горизонт несколько расчистился, и вечером 22 мая «Паллада» вошла, наконец, на рейд, которому суждено было стать ее могилой.

Продолжать плавание они уже не могли. «Фрегат Паллада» — доносил несколько позднее Н. Н. Муравьев генерал-адмиралу, — закончил свою службу совсем, и хотя в свидетельстве комиссии сказано только, что он не может итти в море без исправления в порте, т. е. введения в док, но, как мне известно, эти исправления были бы такие, что строить новый фрегат; впрочем, он выслужил все сроки и плавал 8 лет после тимберовки.

Однако дело с «Палладой» не кончилось так просто. Было решено для безопасности ввести «Палладу» в лиман Амура с тем, чтобы после войны попытаться отконвоировать ее в Кронштадт.

Команда ее с частью офицеров должна была пойти на усиление Амурской экспедиции Невельского, сам же Путятин собирался вернуться сухим путем в Петербург.

С тяжелым сердцем принялись моряки за приготовление фрегата к последнему плаванию. 28 июня покинули Императорскую гавань и, зайдя на день в залив Де-Кастри, 1 июля вступили в так называемый Сахалинский фарватер Татарского пролива с целью проникнуть в Амурский лиман. Начался последний, если не самый опасный, то самый мучительный этап плавания.

Два с половиной месяца бился Унковский над проводкой «Паллады» в устье Амура и все же был вынужден отказаться от этой задачи.

Хотя и были найдены глубины, почти подходившие для разоруженного фрегата, но вся беда была в том, что провести огромное парусное судно по узкому и крайне извилистому фарватеру, пользуясь притом только «полной водой» без помощи сильных буксиров, не представлялось никакой возможности. Крутые и узкие извилины не давали достаточно места для поворотов, приливы и отливы служили большой помехой для точных промеров; сильное течение в протоках прижимало фрегат к банкам; вечная перемена ветров постоянно сулила неприятные сюрпризы. «Палладе» не раз угрожала гибель: то при крупном и неправильном волнении старое судно начинало бить о дно на мелководьи, то налетевший шквал

притискивал ее к мели, то в часы отлива вода буквально убегала из-под киля, и фрегат грозил лечь на бок. Тогда на «Палладе» подымалась тревога, спускали гребные суда и поспешно перетягивались на другое место. Впрочем «тянуться» морякам приходилось постоянно. Со дня вступления в Сахалинский фарватер движение под парусами почти прекратилось; шли на буксире у своих же шлюпок.

К 15 июля кое-как дотащились до мыса Лазарева, у входа в Амурский лиман. Теперь предстояла самая трудная часть пути: перетянуть фрегат через мелководный бар. С этой целью с него сняли решительно все: орудия, материалы, припасы. Фрегат несколько поднялся, но этого было мало. Тогда решили подвести под корму, чтобы несколько приподнять ее, воздушные ящики, легкие цистерны. Однако из этого ничего не вышло: цистерны либо ломались, либо выскакивали из-под корабля. Между тем самая установка их была чрезвычайно трудна: люди, проводившие целые дни в воде, простужались, заболевали и доходили до полного изнеможения.

Не зная, что предпринять, Унковский обратился к Муравьеву. Но для Муравьева проходимость Амурского лимана для больших судов была главной картой против Нессельроде во всей его амурской политике. В силу этого в донесении Унковского он усмотрел чуть ли не желание скомпрометировать его перед Петербургом, куда он уже сообщил о вводе «Паллады» в устье Амура; в весьма резкой и категорической форме он снова подтвердил свое первоначальное приказание. Тогда Унковский запросил Путятина, но раздраженный своей подчиненностью Муравьеву как генерал-губернатору Восточной Сибири Путятин в официальном отзыве рекомендовал Унковскому «исполнить волю высшего начальника».

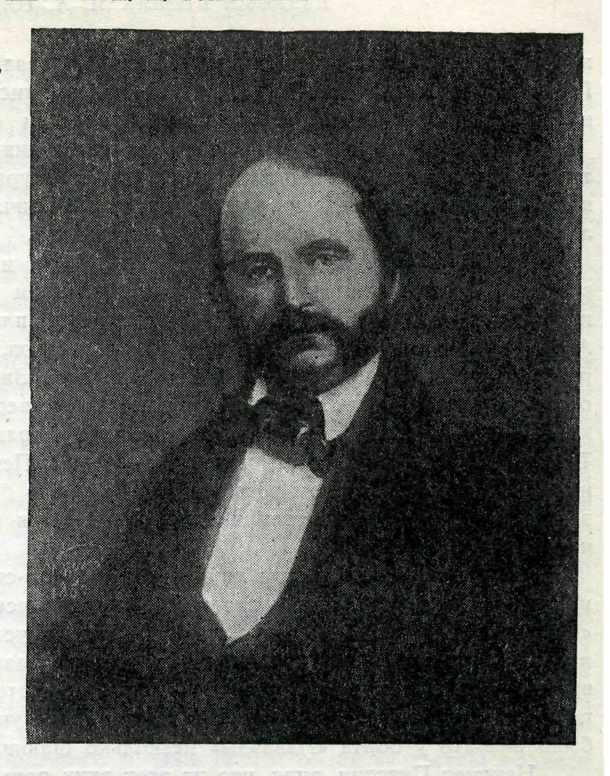
Снова начались медленные скитания по Татарскому проливу; фрегат на буксире перетаскивали из одного протока в другой в тщетной надежде найти где-нибудь удобный доступ к лиману. В конце-концов опять очутились у мыса Лазарева, где скинули с фрегата все возможное, и начали тянуться через бар. Каких усилий стоило это команде, — об этом лучше всего говорит запись шханечного журнала; начиная с июля месяца, в нем постоянно попадаются отметки о смерти того или другого матроса; за время своего пребывания в Татарском проливе «Паллада» потеряла больше людей, нежели за все плавание, хотя и там процент смертности сравнительно с другими экспедициями был очень высок. Среди офицерского состава умер штурман Истомин, все остальные переболели тяжелыми простудными заболеваниями («горячки»). Сверх всего прочего на фрегате «появилось много подозрительных по цынге случаев».

В это время произошло событие, существенно изменившее картину. Тот новый фрегат на смену «Паллады», о котором так хлопотал Путятин и в прибытии которого он уже отчаялся, наконец прибыл. В ночь на 22 июля на «Палладу», все еще стоявшую у мыса Лазарева, неожиданно явился лейтенант барон Н. Г. Шиллинг с донесением от капитана Лесовского о приходе «Дианы» в Де-Кастри[18].

С приходом «Дианы» оживились надежды на проводку «Паллады» в реку: увеличивалось как количество опытных рабочих, так и число гребных судов.

26 июля «Диана» была подведена к «Палладе», куда переместили часть ее команды, и работа снова закипела. В то же время Путятин занялся перевооружением своего нового судна за счет старого: дианские единороги были заменены 68-фунтовыми орудиями с «Паллады»; на нее перенесли оттуда и меньшую крюйт-камеру, увеличив таким образом боевые запасы судна. Вслед за тем встал вопрос о команде. Дело в том, что в связи с рядом столкновений с матросами, имевших место у Лесовского во время плавания, команду «Дианы» нельзя было считать надежной для такого трудного и опасного предприятия, какое затевал Путятин. Поэтому он решил перевести на «Диану и большую часть испытанной палладской команды, всего свыше 300 человек. Вместе с этим шло и перекомплектование офицерского состава. Переходя на «Диану», Путятин, кроме своего штаба, брал с собою и нескольких особенно симпатичных ему офицеров: Лосева, Зеленого, Болтина, Пещурова, Колокольцева и др. Часть же дианских офицеров была списана с судна: Бутаков, Бирюлев и др. Из образовавшегося таким образом «офицер-

И. А. ГОНЧАРОВ
Портрет работы Н. Майкова, масло, 1850 г.
Институт Русской Литературы, Ленинград



ского запаса» несколько человек с Бутаковым во главе должны были остаться на Амуре, остальным же предоставлялось право вернуться в Петербург. Кроме того, лейтенанта барона Криднера Путятин посылал туда со специальной миссией представить личные объяснения генерал-адмиралу, рассчитывая, что этот последний к своему бывшему адъютанту отнесется более благосклонно, чем к кому-либо другому.

Этим моментом и воспользовался Гончаров, чтобы также «проситься домой». Ему решительно не хотелось пускаться в новое и к тому же чисто военное плавание, и он сумел представить адмиралу множество соображений, по которым его присутствие на «Диане» будет совершенно бесполезным и ненужным. Привязавшийся к нему Путятин с неохотой согласился на эту просьбу и дал просимое разрешение.

«2 августа, — гласит краткая запись шханечного журнала, — по приказу его превосходительства ген.-ад. Путятина переведены на шхуну «Восток»: отправляющийся курьером в С.-Петербург лейтенант барон Криднер, лейтенант Тихменев и секретарь при генерал-адъютанте Путятине — коллежский асессор Гончаров».

Расстались они дружески. Путятин вполне оценил недюжинные способности своего секретаря, очень дорожил его путевыми заметками и отпускал его с большим сожалением. Он позаботился о выдаче путникам щедрых подъемных и прогонных и просил Муравьева оказать им содействие в трудном путешествии. В то же время он писал генерал-адмиралу: «при перемещении моем с фрегата Паллады на Диану я между прочим признал более целесообразным предоставить находящемуся в экспедиции арх. Аввакуму и назначенному секретарем при мне чиновнику М-ва финансов кол. ас. Гончарову возвратиться сухим путем через Сибирь в С.-Петербург.

Если бы вашему императорскому высочеству благоугодно было бы иметь какие-либо сведения сверх имеющихся в моих донесениях о пребывании нашем в Японии, я беру смелость донести, что г. Гончаров удовлетворительнее других сможет изобразить все подробности наших свиданий с японскими уполномочен-

ными, ибо он, по назначению моему, присутствовал при всех переговорах с ними». Генерал-адмирал, однако, не пожелал видеть «историографа экспедиции», хотя и прочел позднее с большим удовольствием его путевые очерки.

4 августа шхуна подошла к фрегатам, приняла путешественников и, немедленно, направилась в Николаевский порт, за Муравьевым, собиравшимся на ней в Аян. *Таким образом, день 4 августа был для Гончарова днем расставания с «Палладой»* и с ее дружной и милой кают-компанией.

Забрав в Николаевском порту Муравьева и его свиту, шхуна двинулась в дальнейший путь. Но и на этом последнем морском переходе судьба не побаловала Гончарова спокойным, приятным плаванием. «Переход шхуны из Аян, — заносит в свой дневник Римский-Корсаков, — был вообще неудачен. Муравьеву нужно было зайти в Петропавловское Зимовье, и там шхуне пришлось отстаиваться на якоре из-за свежих ветров четверо суток. Кроме того на переходе в Зимовье часто становились на мель, и только 15 августа попали в Аян [19]. Так как шхуна должна была немедленно итти в Петропавловск, то путников торопили с высадкой. Вечером того же дня Гончаров был на берегу. Путешествие его закончилось: из путешественника он превратился в «проезжающего по казенной надобности».

Между тем в Амурском лимане все шло по-старому. Несмотря на пополненную команду и удвоенное число гребных судов, все попытки Унковского провести «Палладу» через бар в устье реки не имели успеха. «Все решительно рукава в этом лабиринте мелей были исследованы и оказались слишком мелководны. Во время этих работ фрегат выдержал несколько штормов. Из них исключительным по силе был шторм 10 сентября, ни в чем не уступавший тайфуну; этим штормом было разбито у борта «Паллады» несколько шлюпок с «Дианы».

Наконец Путятин, видя, что из всех этих попыток все равно ничего не выходит, и торопясь до наступления осенних бурь покинуть негостеприимный Татарский пролив, решил принять на себя ответственность за неисполнение муравьевского распоряжения. Приказом от 15 сентября Унковскому предписывалось сдать «Палладу» Лесовскому для отвода ее на зимовку в Императорскую гавань, а самому следовать в С.-Петербург. Унковский вздохнул с облегчением: 24-го числа сдача состоялась, и Лесовский немедленно повел отслужившее все сроки судно к месту его последней стоянки. В Императорской гавани «Палладу» поставили в одной из самых укромных бухт (Константиновской).

Перезимовав благополучно, команда на следующее лето была отправлена на Амур. Надводную часть «Паллады» сожгли и затем потопили фрегат, боясь, чтобы он не попал в руки англичан.

Бывший в Императорской гавани несколько лет спустя С. А. Вышеславцев так описывает эти места: «Вот довольно обширная просека; тут остатки батарей, возведенных Путятиным. Быльем и мусором поросло здесь пепелище первых русских построек; против этого места показывают могилу «Паллады»; говорят, будто иногда, в ясный день виднеется абрис ее бизань-мачты» [20].

III

Все вышеприведенные материалы с полной очевидностью показывают, что подлинная история путятинской экспедиции не имеет почти ничего общего с «правдивым до добродушия» рассказом Гончарова. «Фрегат Паллада» — прежде всего литературное произведение, сделанное в строго определенном литературно-художественном плане, а отнюдь не простой отчет путешественника. Печатаемые ниже письма представляют исключительный интерес именно в том отношении, что они позволяют раскрыть художественный замысел, лежащий в основе гончаровских очерков.

Как бы сдержан и осторожен ни был Гончаров в этих письмах, как бы ни фильтровал он содержание своих писем (многое в них к тому же служит предва-

рительными эскизами к тексту очерков, т. е. уже является литературным, фактом, но все же мы находим в них много указаний на то, как он подходил к решению ответственной задачи описания путешествия, как заранее подыскивал тематико-идеологический и стилистический план для будущего произведения, какие при этом испытывал колебания и сомнения. Попробуем же более детально вскрыть значение публикуемых писем, анализируя с их помощью материал очерков на фоне документальной истории экспедиции.

Несмотря на внешнюю твердость и быстроту, с какой Гончаров принял решение «бежать» от скучной и нудной петербургской жизни в кругосветное путешествие, внутренне он все время пребывал в мучительной растерянности и колебаниях. Более того: еще не взойдя на корабль, он подумывал уже о возвращении с пути [21]. Его пугали не только предстоящие лишения, тревоги, опасности, вопросы здоровья и долгий срок плавания — его постоянно преследовала мысль о тех обязательствах, которые возлагало на него как на литератора участие в столь замечательной экспедиции. Сознание литературной ответственности ни на минуту не оставляло его ни в счастливые дни перед отплытием, ни позднее, в течение всего путешествия. Его частные письма друзьям полны различных замечаний по поводу работы над очерками, то унылых и разочарованных, то бодрых и самонадеянных. В этом отношении он остается верен самому себе, и среди тревог и волнений тяжелого плавания так же сосредоточен на своих художественных замыслах, как в покойной петербургской квартире. «Видно, и впрямь людям при рождении назначены роли, — замечает он сам по этому поводу, — мне вот хлеба не надо, лишь бы писать, что бы ни было, все равно, повести ли, письма, но когда сижу в своей комнате за пером, только тогда мне и хорошо». Кажется, и само путешествие переживалось им по-разному, в зависимости от писательства; ладился его литературный труд, тогда и все представлялось ему в розовом свете; наступала какая-нибудь заминка, одолевали сомнения—и все окружающее окрашивалось в мрачный колорит.

Первоначально Гончаров с радостью ухватился за мысль написать книгу путевых заметок. Это соображение сыграло значительную роль в его решении принять участие в экспедиции. Отчаиваясь в успешном завершении «Обломова» и «Обрыва», работа над которыми не клеилась, он надеялся создать здесь такое произведение, которое во всяком случае было бы занимательно, если бы он даже просто, без всяких литературных претензий, записывал бы только то, что увидит.

Но постепенно и тут его стали одолевать привычные сомнения в своих силах, и соблазнительная сначала мысль о «путевых записках» превратилась в «грозное привидение». Ведь предстояло объехать весь мир и рассказать об этом так, чтобы слушали рассказ без скуки, без нетерпения. «Но как и что рассказывать и описывать? Это одно и то же, что спросить, с какой физиономией явиться в общество?»

В самом деле, как и что рассказывать? Когда Гончаров, еще не покидая Петербурга, стал вдумываться в предстоящую ему задачу, она поразила его своею сложностью и громадностью. Ведь он не просто путешественник, ведущий беспристрастную запись пережитого; он литератор, художник — «артист», с которого спросят не простой отчет об испытанном, но художественное описание. Он обязан дать не беспорядочный дневник, но стройную картину, с гармоничным распределением частей и искусной выборкой материала. Задача сложная, не менее сложная, чем создание какой-нибудь повести или даже романа. Вот почему, еще никуда не уехав и ничего не увидев, он уже спрашивает себя, что и как описывать. Ему надо заранее определить свое отношение к материалу — свой художественный подход к нему: для поэтического претворения этого материала ему нужна какая-то литературная установка, литературный замысел.

А между тем именно «жанр» путешествия не обладает твердыми, традиционными формами. «Нет науки о путешествиях, — замечает Гончаров, — авторитеты, начиная с Аристотеля до Ломоносова включительно, молчат: путешествия не попали под ферулу риторики», и благодаря этому «никому не отведено столько простору и никому от этого так не тесно писать, как путешественнику».

Но в то же время Гончаров ясно понимает, что к нему будут предъявлены читателями особые требования: отделаться географией, историей, археологией ему не удастся: «отошлите это в ученое общество, — скажут ему, — а беседуя с людьми всякого образования, пишите иначе. Давайте нам чудес, поэзии, огня, красок».

«Чудес, поэзии, огня, красок» — Гончаров не ошибался, что именно такие требования и будут предъявлены к его литературному отчету о странствии в «волшебной дали, загадочной и фантастически прекрасной». Еще и поныне эта даль остается таинственной и чудесной — в пятидесятых же годах, когда в сознании широких кругов читателей, с одной стороны, были еще свежи традиции «морской» прозы Марлинского, а, с другой, — само кругосветное путешествие рисовалось каким-то фантастическим предприятием, поэтическое описание его в глазах широкой массы «людей всякого образования» не могло быть не чем иным, как патетическим и красочным повествованием о героическом, исполненном невзгод и приключений походе аргонавтов к таинственно прекрасным берегам.

Но еще более любопытно, что и сам Гончаров в глубине души также сочувствовал именно такой установке повествования; он сам жил романтической мечтой, сам грезил о чудесах загадочной дали, сам говорил о них «х о р о ш и м с л о г о м». «Нет, не в Париж хочу, — восклицал он, — не в Лондон, даже не в Италию, — хочу в Бразилию, в Индию, хочу туда, где солнце из камня вызывает жизнь и тут же рядом в камень превращает все, чего коснется своим огнем; где человек, как праотец наш, рвет несеянный плод, где рыщет лев, пресмыкается змей, где царствует вечное лето — туда в светлые чертоги божьего мира, где природа, как баядерка, дышет сладострастием, где душно, страшно и обаятельно жить, где обессиленная фантазия немеет перед готовым созданием, где глаза не устают смотреть, а сердце биться» [22].

В этих восклицаниях дана исходная формула для построения книги путевых заметок, продолжающая как стилистически, так и тематически традицию русского романтизма тридцатых и сороковых годов. Гончаров отказался от нее в своих «Очерках путешествия», но в то же время он не может отделаться от мысли, что нечто подобное должно было бы войти в состав его произведения. Позднее, уже имея в руках целый ряд глав, написанных совсем по-иному основному плану, с иными тематическими и стилистическими заданиями, он все время испытывает беспокойство по поводу отсутствия в них патетического и романтического элементов.

«Пробовал я заниматься, — пишет он Майковым, подводя итоги плаванию, — и к удивлению моему явилась некоторая охота писать, так что я набил целый портфель путевыми записками. Мыс Доброй Надежды, Сингапур, Бонин-Сима, Шанхай, Япония (две части), Ликейские острова, все это записано у меня и иное в таком порядке, что хоть печатать сейчас; но эти труды спасли меня [от тоски — *Б. Э.*] только на время. Вдруг показались они мне не стоющими печати, потому что нет в них фактов, а одни только впечатления и наблюдения и то вялые и неверные, картины бледные и однообразные». «Тетрадь действительно толстая, — замечает он в другом письме, — но из нее не много путного наберется, и то вяло, без огня, без фантазии, без поэзии. — Не подумайте, что скромничаю. Это не моя добродетель».

Таких сетований немало в его письмах. Гончаров ясно сознавал, что в той картине чудес, которая перед ним развернулась, в той бездне величественных и ярких впечатлений, которые на него хлынули со всех сторон, многое заслуживало бы иной трактовки—в патетическом взволнованном тоне. И тем не менее он категорически отказался от всяких притязаний на патетический стиль и романтическую тематику в своем рассказе о плавании и, несмотря на боязнь не оправдать ожидания читателя, несмотря на свою собственную неудовлетворенность, предпочел совершенно иной тематико-стилистический план повествования.

Причин этого непонятного на первый взгляд явления следует искать прежде всего в литературных позициях автора, в отчетливом понимании им недостаточности своих сил в области «повышенной» прозы.

Уже с первых шагов путешествия он начинает изнемогать от массы новых ярких и сильных впечатлений и — именно как художник — испытывает острое чувство растерянности, не зная, справится ли он со всеми ими. «Не знаю,—пишет он Майковым из Портсмута, — смогу ли я теперь сосредоточить в одном фокусе все, что со мной и около меня делается, так чтобы это, хотя и слабо, отразилось и в вашем воображении. Я и сам еще не определил смысла многих явлений моей новой жизни. Голых фактов я сообщать не люблю, я стараюсь приискать ключ к ним, а если не нахожу, то стараюсь осветить их светом своего воображения»— «Материалов, т. е. впечатлений, бездна, не знаю, как и справиться,—замечает он позднее, — времени недостает, а если откладывать — пожалуй выдохнется. Жалею, что писал вам огромные письма из Англии: лучше бы с того времени начать вести записи и потом все это прочесть вам вместе, а теперь вышло ни то, ни се. И охота простывает, и времени немного, да потом большую часть событий я обязан вносить в общий журнал—так и не знаю, выйдет ли что-нибудь. Впрочем постараюсь: одна глава написана—это собственно о море и качке (1-я часть II главы — Атлантический океан и остров Мадера). Читал — смеялись. До Мадеры, до Зеленого Мыса, до тропиков еще не дотрагивался. *Мне как-то совестно и начинать говорить об этом. Я все воображаю на своем месте более тонкое перо, например, Боткина, Анненкова и других— и страшно становится. Зачем де я поехал. Другой на моем месте сделал бы гораздо лучше, а я люблю только рисовать и шутить, а это хорошо где-нибудь в Европе, а не вокруг света.* А тоска-то, тоска-то какая, господи твоя воля, какая. Бог с ней и с Африкой. А еще надо в Азию ехать — (писано с м. Добр. Надежды), — потом заехать в Америку. Я все думаю: зачем это мне. *Я и без Америки никуда не гожусь: из всего, что вижу, решительно не хочется делать никакого употребления; душа, наконец, и впечатлений не принимает. Как бы это пригодилось другому*».

Если оставить в стороне отзвуки ипохондрических настроений, прорывающихся в последних фразах, да преувеличенную оценку «пера» Боткина и Анненкова, — смысл этих признаний совершенно ясен. Гончаров сам отлично учитывал сильные и слабые стороны своего литературного дарования. Он знал, что спокойное, слегка ироническое, шутливо добродушное описание наиболее далось ему. Но точно так же он давал себе ясный отчет, что много и много впечатлений кругосветного плавания не может уложиться в рамки такого описания, что для них нужна и беспокойная героическая тематика и повышенный эмоционально напряженный стиль. Поэтому-то он говорит, что с его преобладающей способностью «рисовать и шутить», пожалуй далеко не уедешь, что с этим хорошо где-нибудь в Европе, а не кругом света.

И снова Гончаров был совершенно прав. В силу особого характера его творческого сознания «патетическое» давалось ему чрезвычайно трудно. Об этом свидетельствуют не только признания его интимных писем, не только его рукописи, но и своеобразная трактовка проблемы творчества в третьей части его трилогии [23].

Кругосветное путешествие поставило Гончарова перед такой, отчетливо осознанной им антитезой: с одной стороны, его художественная манера, выражающаяся прежде всего в умении «рисовать и шутить», с другой—героический поход, исполненный лишений и опасностей, изнурительных трудов и самоотвержения, преданности долгу; суровая и тревожная жизнь на военном корабле, пробирающемся под вечной угрозой развалиться от дряхлости по трем океанам, сквозь штормы и туманы, иногда сквозь строй врагов к таинственным берегам «тридесятого государства», грандиозные картины тропической природы, стоянки в экзотических портах с экзотическим цветным населением, бесконечная смена климатов, стран, ландшафтов, народов и пр., и пр.

Казалось бы, что перед нами две величины почти несоизмеримые. И действительно: с теми литературными данными, которыми располагал Гончаров, он не мог отважиться на попытку оформить все это в естественно напрашивающемся лири-

ко-патетическом плане, не мог создать той романтической эпопеи, которой от него требовали как современный ему читатель, так и позднейшие критики.

Ему приходилось, с риском заслужить неодобрение тех и других, искать какого-то иного плана, иной тематической и стилистической установки, которая более соответствовала бы его силам и принципам его творческого восприятия жизни.

И можно только удивляться той быстроте, с какой он ориентировался в стоящей перед ним чрезвычайно трудной и сложной задаче, и той оригинальности, остроумию и проницательности, с какими он разрешил ее.

«Вы требуете чудес, поэзии, огня, жизни и красок», — обращается он к читателю. — Вы запаздываете со своим требованием — отстаете от века.

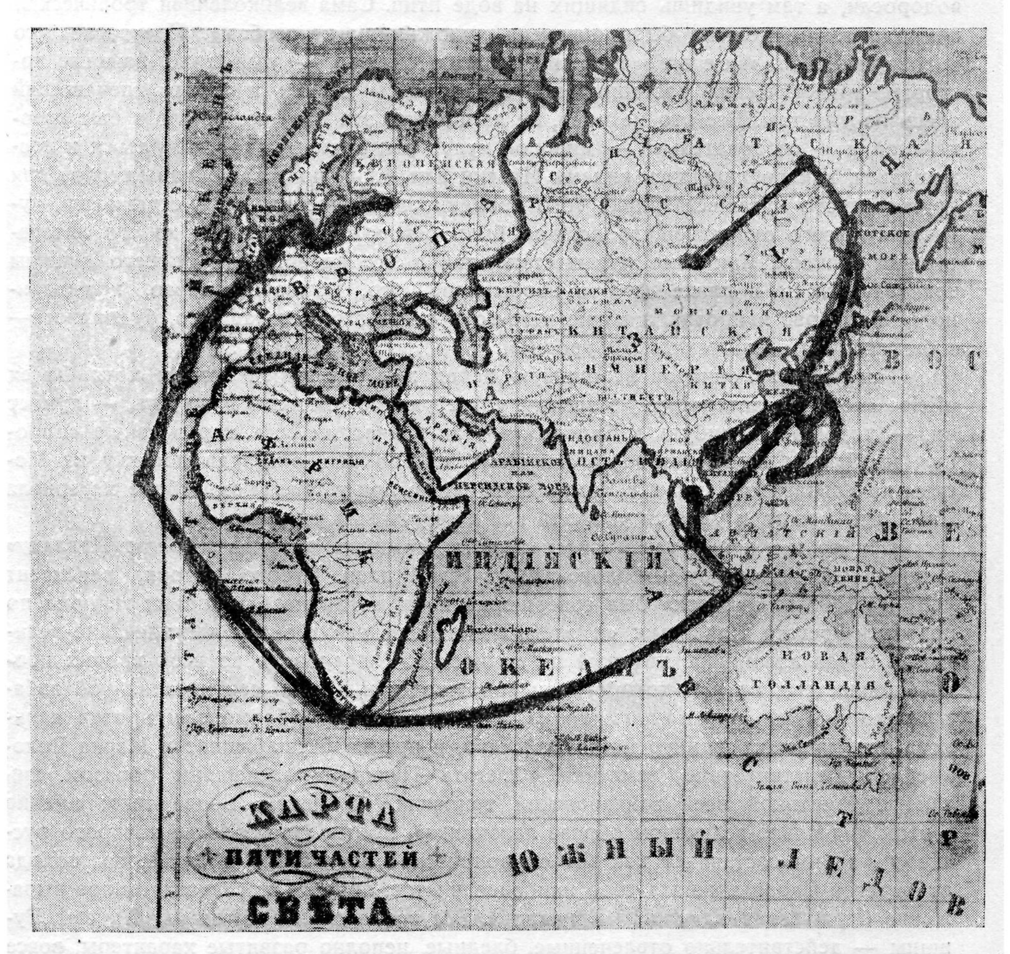
«Их нет, этих чудес: путешествия утратили чудесный характер. Я не сражался со львами и тиграми, не пробовал человеческого мяса. Все подходит под какой-то прозаический уровень. Колонисты не мучат невольников, покупщики и продавцы негров называются уже не купцами, а разбойниками; в пустынях учреждаются станции, отели; через бездонные пропасти вешают мосты. Я с комфортом и безопасно проехал сквозь ряд португальцев и англичан — на Мадере и островах Зеленого Мыса; голландцев, негров, готтентотов и опять англичан на мыс Доброй Надежды· малайцев, индусов и... англичан в Малайском архипелаге и Китае. Что за чудо увидеть теперь пальму и банан не на картине, а в натуре, на их родной почве... Что удивительного теряться в кокосовых неизмеримых лесах... А море? И оно обыкновенно во всех своих видах, бурное или неподвижное, и небо тоже, полуденное, вечернее, ночное... Все так обыкновенно, все это так должно быть».

Ну, а само путешествие? спросите вы. «Не величавый образ Колумба и Васко-де-Гама гадательно смотрит в даль, в неизвестное будущее; английский лоцман, в синей куртке, в кожаных панталонах, с красным лицом да русский штурман с знаком отличия беспорочной службы указывают пальцем путь кораблю и безошибочно назначают день и час его прибытия. Между моряками, зевая апатически, лениво смотрит в «безбрежную даль» океана литератор, помышляя о том, хороши ли гостиницы в Бразилии, есть ли прачки на Сандвичевых островах, на чем ездят в Австралии. Гостиницы отличные, — отвечают ему: — на Сандвичевых островах найдете все... В Австралии есть кареты и коляски, китайцы начали носить ирландское полотно; в Ост-Индии говорят все по-английски; американские дикари порываются в Париж и Лондон, просятся в университет... Лишь с большим трудом и издержками можно попасть в кольцо удава или в когти тигра и льва... Пройдет еще немного времени, и не станет ни одного чуда, ни одной тайны, ни одной опасности, никакого неудобства»...

А вот тот центральный образ, который кидается в глаза новейшему путешественнику. «И какой это образ. Не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демонического огня в глазах, не с мечем, не в короне, а просто в черном фраке, в белом жилете, с зонтиком в руках. Но образ этот властвует в мире над умами и страстями... Я видел его на песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чая, взглядом и словом, на своем родном языке, повелевающим народами, кораблями, пушками, двигающего необъятными естественными силами природы... Везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой».

Здесь дана совершенно оригинальная исходная «установка» кругосветного путешествия. Оно берется не в плане героического похода или тяжелой экспедиции, а в плане «успехов мореплавания». «Путевые заметки» должны поведать читателю не об опасностях и приключениях долгого плавания, не о «чудесах и тайнах» волшебной дали, но прежде всего о распространении европейской цивилизации по всему миру, о разительных завоеваниях труда и техники, о постепенном превращении путешествий вокруг света в комфортабельно-обставленную спокойную прогулку; они должны рассеять смутные представления широкой публики о какой-то недоступности, загадочности и таинственности тропических стран;

показать, что уже не осталось ничего недоступного, ничего чудесного и таинственного, что, напротив, все становится обыденным, знакомым и привычно доступным, что все подходит под один и тот же общеевропейский «прозаический уровень». В центре повествования оказывается уже не само путешествие с его невзгодами, лишениями и страхами, с «бездной» острых, необычайных впечатлений и переживаний, с его «поэзией» и «красками», а упорный труд человека, его отвага и предприимчивость, покорившие ему весь мир, сделавшие этот мир его при-



МАРШРУТ КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА»

Военно-Морской Музей, Ленинград

вычным достоянием. И с этой точки зрения совершается своеобразная переоценка всего наличного материала наблюдений и впечатлений. Опасные приключения, штормы, рифы, туманы, нехватка провизии, появление на судне болезней, военные опасности отходят назад, искусно затушевываются; вперед выдвигаются все достижения, настоящие и будущие, европейской цивилизации, техники и комфорта, на которые натыкаешься во всех углах мира; в этом плане, действительно, тихоокеанский тайфун имеет меньше значения, нежели вопрос об отелях на Капе, о колясках в Австралии, о прачках на Сандвичевых островах и т. п., и т. п.

Именно из всей массы этих тонко подобранных и хитросплетенных мелочей и возникает тот основной бытовой фон картины, который придает ей в целом колорит безусловной и добродушной правдивости.

Но соответственно этому должно измениться и описание картин природы посещенных стран, самого океана, по которому проложен маршрут путешественников. Это уже не безбрежная таинственная даль, полная чудес и опасностей, а большая проезжая дорога; по ней спешат быстрые почтовые и пассажирские пароходы, тянутся обозы торговых кораблей, едут купцы, чиновники, военные — по своей и казенной надобности. Эта дорога хорошо изучена; тут штилевая полоса, там в такое-то время года такой-то ветер, еще дальше наткнешься на пловучие водоросли, а там увидишь сидящих на воде птиц. Сама великолепная тропическая природа также должна быть охвачена художником по-особому. Прекрасно, что и говорить, но... «все это так и должно быть», — удивление, наивные восторги, артистическая растерянность среди массы резких и новых впечатлений здесь не уместны. Все это не ново, не загадочно; все это уже вошло в быт европейской и — следовательно — мировой культуры; этим можно любоваться и восхищаться, как восхищались видами Италии или Альп, но именно характерное для кругосветного путешественника того времени ощущение новизны, странности, чудесности всего окружающего должно быть осторожно устранено из его литературных записок. Как само путешествие, так и все впечатления от него должны трактоваться не в плане чего-то необыкновенного, исключительного, неожиданного, а как раз напротив, в плане чего-то привычного, всегдашнего, будничного— в безразличном «прозаическом уровне».

Так решает Гончаров возникшую перед ним как перед певцом хотя бы ex oficio «похода» литературную задачу. «Мое умение рисовать и шутить, — думает он, — хорошо где-нибудь в Европе», — так превратим весь мир в такую «Европу», изобразим кругосветное путешествие, словно какую-нибудь поездку из Москвы на Кавказ, из Парижа в Рим; в этом плане при тщательном отборе материала мне, быть может, и удастся уложить все в «шутливый рисунок».

А в то же время такая литературная установка вводила «Фрегат Палладу» в знакомый Гончарову идеолого-тематический план. Строго говоря, рецензент «Отечественных Записок» был совершенно прав, когда не без иронии говорил по поводу «Фрегата Паллады»: «и здесь нас преследует все тот же идеально-величавый образ лавочника, который не покидал г. Гончарова и во всех прочих произведениях его, во имя которого он вооружался и против сентиментальной взбаломочности [sic!] Адуева-племянника, и против спячки Обломова, и против наивного эстетического эпикурейства Райского, и против бесшабашности Марка Волохова»[24]. Действительно, тематика «Фрегата Паллады» теснейшим образом связана с тематикой всей гончаровской трилогии[25] в целом. Более того: именно в этом «идеально-величавом образе лавочника», противопоставление которого русскому барину составляет как бы символическое вступление к описанию похода от берегов Европы, нашла свое наиболее чистое, яркое и последовательное выражение буржуазная идеология Гончарова. Все гончаровские Штольцы, Адуевы, Тушины — действительно отвлеченные, бледные, неполно развитые характеры, вовсе лишенные конкретной жизненности и убедительности. Но если все эти опыты построения новых характеров не увенчались успехом, то развертывание относящихся сюда тем и идей на материале «очерков путешествия» было проведено Гончаровым с исключительным блеском.

Таким образом в «Фрегате Палладе» мы находим одну из основных тем гончаровского творчества вообще.

Как мы уже видели, в «Фрегате Палладе» весь «дальний вояж» показан с точки зрения тех огромных достижений, которых успел уже добиться человек на путях покорения себе всего земного шара, а не с точки зрения тех тягостей, опасностей и страданий, которые выпадают еще на долю путешественника. В этом плане все тяжелое и опасное плавание преподнесено читателю как приятная и безопасная прогулка, и условная литературная установка так искусно замаскирована «правдивым до добродушия» рассказом, что читатель остается вполне убежденным в фактической верности повествования.

Однако такой переоценки и перемещения объективно данных впечатлений и

фактов было еще недостаточно для построения книги путевых записок. В литературном описании путешествия огромную роль в качестве организующего фактора играет образ самого путешественника, около которого размещается вся система объективной тематики. И в соответствии с этим Гончарову пришлось искать и новую центральную фигуру для своего произведения.

Само собой разумеется, что, переводя свой «дневник» в чисто литературный, оторванный от действительности план, он не мог оставить себя самого в своем, так сказать, натуральном виде, в качестве главного действующего лица повествования.

Образ путешественника необходимо было подвергнуть той же условной стилизации, как и все остальное. По отношению к целому записок как чисто литературному произведению, он должен был сыграть роль центрального персонажа; по отношению же к самому Гончарову, который ведь не сочинял и не фантазировал, сидя у себя в кабинете, но описывал в конце-концов события, им пережитые, и впечатления, им испытанные, образ этот явился *художнической маской*.

Совершенно ясно, что если «успехи цивилизации» должны были составить главную тему путевых очерков, то и сам путешественник должен был уделять им очень много внимания. Не в теоретическом плане: тогда бы очерки сделались научным исследованием исторического характера; а именно в практическо-бытовом—в своем личном экспедиционном обиходе путешественник должен быть чувствителен к комфорту, непосредственно заинтересован в удобстве отеля и коляски, лично озабочен вопросами о прачке, о прислуге и пр., и пр. Необходимо, чтобы все путешествие как бы переломлялось для него сквозь призму повседневного быта, чтобы этот последний всегда служил для него основным фоном картины. Только тогда может выступить на передний план тот общеевропейский «прозаический уровень», в тематико-стилистических рамках которого строится весь рассказ, и в то же время окажется возможным избежать введения в повествование дисгармонирующих патетических картин: отвести, например, описание шторма словами: «безобразие, беспорядок».

А вместе с тем по вполне понятным причинам этому «герою» путешествия нельзя было придавать черт сухого практицизма и деловитости, представлять его равнодушными к поэзии и красоте «дальних странствий». Мелкие заботы и тягости бытового характера должны были сыграть столь значительную роль в его страннической жизни не в силу прозаизма и практицизма его натуры, а по причинам как раз обратного порядка: в силу его непрактичности, его житейской беспомощности и избалованности.

Именно вокруг такой фигуры поэтически настроенного и исполненного добродушного юмора, но крайне избалованого, крайне чувствительного к мелким удобствам повседневного быта, в то же время беспомощного и озабоченного разными житейскими мелочами человека и было легче всего ориентировать «прозаически» стилизованный рассказ о путешествии вокруг всесветной Европы. Отлично подходя друг к другу, оба эти образа, обе основные тематические линии, тесно сплетаясь друг с другом в сложной системе повествования, сообщали ему глубокое внутреннее единство и тон убедительнейшей правдивости.

Так, со страниц «путевых очерков» Гончарова встает излюбленный образ его романов. «Я не отчаиваюсь, — замечает он в письме к Языковым, — написать когда-нибудь главу под названием «Путешествие Обломова», там постараюсь изобразить, что значит для русского человека самому лазить в чемодан, знать, где что лежит, заботиться о багаже и по десять раз в час приходить в отчаяние, вздыхая по матушке России, по Филиппе и т. п. Несколько позднее, отправляя к Майковым большое письмо, почти целиком вошедшее в печатный текст очерков, он так заканчивает его: «Вот письмо к концу, скажете вы, а ничего о Лондоне, о том что вы видели, заметили. Ничего и не будет теперь. *Да разве это письмо. Опять—не поняли. Это вступление (да еще не предисловие, то еще впереди) к Путешествию вокруг света, в 12 томах с планами, чертежами, картой Японских берегов, с изо-*

бражением порта Джаксона, костюмов и портретов жителей Океании И. Обломова.»

Таким образом сопоставления документальной истории экспедиции с частными письмами Гончарова из плавания достаточно убедительно показывают: 1) что Гончаров, еще не трогаясь в путь, уже искал и нашел литературную форму для будущих очерков; 2) что эта литературная форма теснейшим образом связывает «Фрегат Палладу» с его трилогией, и 3) что раскрыть внутренний смысл и литературное значение этого произведения можно только путем сравнительного анализа его тематики и стиля с тематикой и стилем трилогии в целом. Иначе говоря, вместо того чтобы толковать это произведение в плане биографической характеристики самого Гончарова, историк литературы должен прежде всего выяснить, как преломились здесь на почве материала путешествия те же тематико-стилистические задания, которые являются преобладающими в гончаровском творчестве вообще.

Глубокая внутренняя связь тематики «Фрегата» с тематикой «Обломова», которую подчеркивает в шутливой форме и сам автор, совершенно очевидна и не требует дальнейших пояснений. И здесь и там одно и то же противопоставление: трезвой, реалистической, деловой идеологии «лавочника» — «обломовщине»: очень сложному сочетанию высоких романтических требований с психологией вырождающегося дворянского барства... Только взаимоотношение между обоими членами противопоставления различно. В романе весь передний план занят великолепно осуществленным образом барина, а лавочнику отведено место на втором плане, в качестве довольно бледной эпизодической фигуры, смутно и неясно обрисованной. В «очерках путешествия», напротив: образ лавочника вырастает до «идеально величавых» размеров, а путешественник показан очень скромно.

Но рядом с этим центральным кругом обломовской тематики в «Фрегате» легко вскрывается иной тематический слой, имеющий непосредственное отношение к «Обрыву» и прежде всего к проблеме «художника». И этот тематический ряд тем более интересен, что он дан не только в своей, так сказать, отвлеченно-теоретической форме, но и реализуется практически, в самом произведении, определяя его поэтику и стиль.

Если Обломов, стоя на почве романтического мировоззрения, ищет в жизни готовых, прекрасных форм, органически не понимая, что такие формы не даются готовыми, а вечно создаются вновь, в процессе непрестанного творчества, труда и борьбы, — то его младший брат, «художник» занимает аналогичное положение по отношению к искусству. Подобно тому, как Обломов ищет для себя «жизни-романа», ибо «жизнь и поэзия — одно», точно так же Райский ищет своего романа в жизни, т. е. гонится за прекрасным, даваемым действительностью, в свою очередь не сознавая, что дело художника в том и заключается, чтобы не искать «готовых красот», но воплощать в прекрасном художественном произведении самые разнообразные впечатления жизни. Отсюда безмерное ослабление напряженности самого творческого процесса. Ведь для Райского речь идет уже не столько об поэтическом преобразовании наличного опыта, сколько об отыскании готового прекрасного в жизни. А в связи с этим ему оказывается совершенно непонятной проблема художественного мастерства. Он не может одолеть техники того или иного искусства не по недостатку преданности ему или из-за высокомерного презрения к черной работе. Ему прежде всего совершенно чуждо переживание творческого становления художественного произведения, в процессе которого эстетически безразличный материал превращается в «прекрасное создание». Прекрасное представляется ему как бы в готовом виде, в качестве «поэтических явлений жизни» в начале работы, и оно же подсказывается ему услужливым воображением как ее итог. Он знает прекрасное только как начало и конец творчества, но не постигал его чудесного возникновения из безобразного и безформенного материала. А не постигая этого, он не мог понять и всей значительности мастерства, которое одно только дает художнику власть и господство над этим материалом.

Представители одной и той же социальной группы, исповедники одного и того же мировоззрения — романтизма тридцатых—сороковых годов и Обломов и Райский являются один—при всем своем уме, духовной силе и голубиной чистоте — ничтожеством в жизни, а другой — несмотря на весь свой талант и пыл, — диллетантом в искусстве. Как преломилась обломовская тематика в «очерках путешествия» мы уже видели, но и тематика «Обрыва» (точнее, первой редакции романа, когда он был только «художником») нашла себе тут яркое выражение. Именно в этом произведении Гончаров направляет самые сокрушительные удары на эстетику Райского, а сквозь нее и на всю художественную идеологию романтизма. Он самым решительным образом восстает против поисков художника «особо поэтических» впечатлений: именно для поэта нет и не должно быть никаких готовых форм ни прекрасного, ни безобразного, а все является одинаково материалом для творчества, одинаково ценным объектом поэтического пересоздания и оформления.

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА»

В первом ряду пятый слева — И. А. Гончаров

Военно-Морской Музей, Ленинград

«— Ну, что море, что небо? какие краски там (в тропиках)? — слышу я ваши вопросы. Как всходит и заходит заря? Как сияют ночи. Все прекрасно — неправда ли». — Хорошо, только ничего особенного: так же, как и у нас, в хороший летний день... Вы хмуритесь. А позвольте спросить, разве есть что-нибудь не прекрасное в природе. Отыщите в сердце искру любви к ней, подавленную гранитными городами, сном при свете солнечном и беготней в сумраке и при свете ламп, раздуйте ее — и тогда попробуйте выкинуть из картины какую-нибудь некрасивую местность. По крайней мере, со мной, а с вами, конечно, и подавно, всегда так было: когда фальшивые и ненормальные явления и ощущения освобождали душу хоть на время от своего ига, когда глаза, привыкшие к стройности улиц и зданий, на минуту, случайно, падали на первый болотный луг, на крутой обрыв берега, всматривались в чащу соснового леса с песчаной почвой:

как полюбишь каждую кочку, песчаный косогор и поросшую мелким кустарником рытвину. Все находило почетное место в моей фантазии, все поступало в капитал тех материалов, из которых слагается нежная, высокая, артистическая сторона жизни. Раз запечатлевшись в душе, эти бледные, но полные своей задумчивой жизни образы остаются там до сей минуты, нужды нет, что рядом с ними теснятся теперь в душу такие праздничные и поразительные явления. Нужно ли вам поэзии, ярких особенностей природы — не ходите за ними под тропики: рисуйте небо везде, где его увидите, рисуйте с торцовой мостовой Невского проспекта, когда солнце, излив огонь и блеск на крыши домов, протечет через Аничков и Полицейский мосты, медленно опустится за Чекуши; когда небо как будто задумается ночью, побледнеет на минуту и вдруг вспыхнет опять, как задумывается и человек, ища мысли: по лицу на мгновение разольется туман и потом внезапно озарится отысканной мыслью. Запылает небо опять, обольет золотом и Петергоф, и Мурино, и Крестовский остров. Сознайтесь, что и Мурино, и острова хороши тогда, хорош и Финский залив, как зеркало в богатой раме: и там блестят, играя, жемчуга и изумруды...»

«Нужно ли вам поэзии, ярких особенностей природы — не уходите за ними под тропики»: — они у вас под рукой, повсюду, где есть хотя бы капля жизни. Этот по существу глубоко иронический совет целиком направлен против романтической традиции в жизни, в искусстве, в поэтике. Не ищите готовых эстетических форм, художественных штампов, освященных многовековым культурным опытом; не противопоставляйте высокомерно «бледным образам» окружающих вас будней «праздничных и поразительных явлений»; не отвертывайтесь с пренебрежением от песчаного косогора («Люблю песчаный косогор...» — Пушкин) и мелкого кустарника ради снеговых вершин и тропических пальм. Именно, как поэты, вы не имеете на это никакого права. Все это: и пальмы, и пропасти, и рытвины с кочками — одинаково служит материалом для художника, преломленное в художественном творчестве может быть одинаково поэтически ценным. Воспринятые писателем впечатления эти — будничные и бледные, праздничные и поразительные безразлично — одинаково поступают в «капитал» высокой, артистической жизни, образуя тот фонд, откуда без конца будет черпать свой материал художественное творчество. И это последнее только тогда и заслуживает своего имени, когда пренебрегая готовыми штампами традиционного эстетического созерцания, «возводит в перл творения» эстетически незаметное и бледное.

Но будучи прямым вызовом романтической традиции, это поэтическое credo налагало в то же время тяжелые обязательства и на самого Гончарова. Если, с одной стороны, оно требовало самого напряженного творческого внимания к серым и будничным явлениям действительности как достойному объекту эстетического оформления, то, с другой стороны, оно воспрещало подходить к эффектному, праздничному, экзотическому именно в плане его эффектности и красивости, т. е. воспринимать его в оценках традиционного эстетического опыта, ибо эти оценки должны быть признаны условными и внешними по отношению к самой сущности созерцаемого явления. В самом деле: навязывая объекту уже на первых ступеньках художественного созерцания признаки поразительного, необычайного, красивого, художник уже тем самым налагает на это явление некую готовую форму, т. е. вкладывает в него известное содержание, подсказанное традиционным эстетическим каноном. Но тем самым индивидуальная, внутренняя форма, которая потенциально задана в созерцаемом явлении, не может свободно раскрыться и принять ясные и отчетливые очертания; ее подавляет и заслоняет привнесенная условная форма.

Подобно тому, как живописец, изображая лицо, которое он считает безусловно прекрасным, т. е. подходящим под его эстетический канон, должен прежде и больше всего позаботиться о передаче «не красивого» в нем, т. е. взять его вне этого канона, точно так же необходимо поэт должен остерегаться искать опоры для творческой трактовки объекта в его «поэтических» элементах. «Краси-

вое» и «поэтическое» придет само собой; если же художник упустит то, что в данном явлении не подчиняется никакому эстетическому канону, то его создание утратит свою конкретно индивидуальную форму и превратится в условный эстетический штамп. Искусство должно уметь освобождать объект творчества от всех эстетических оценок, которые невольно навязываются ему культурной традицией, чтобы проникнуть к заложенной в нем действительно своеобразной и поразительной, индивидуальной форме.

Гончаров тщательно избегал трактовать «праздничные и поразительные явления» именно в их экзотике, напротив он напряженно стремился постичь формы их как бы прозаического, будничного бытия для себя, а не того условного великолепия, в котором они предстояли сознанию, воспитанному в определенных эстетических традициях.

И для разоблачения их «бытовой», если можно так выразиться, сущности, он прибегал к чрезвычайно своеобразному приему применения к ним формул и схем бытовой трактовки привычных для него явлений русской действительности. Этим приемом достигалось разрушение их условного эстетического оформления и облегчался доступ к их имманентной форме. Вот как он описывает плавание в атлантических тропиках:

«В этом спокойствии, уединении от целого мира, в тепле и сиянии фрегат принимает вид какой-то о т д а л е н н о й с т е п н о й р у с с к о й д е р е в н и. Встанешь утром, никуда не спеша, с отличным здоровьем, с свежей головой и аппетитом, выльешь на себя несколько ведер воды прямо из океана и гуляешь, пьешь чай, потом сядешь за работу. Солнце уже высоко; жара палит: в деревне вы не пойдете в этот час ни рожь смотреть, ни на гумно. Вы сидите под защитой маркизы на балконе, и все прячется под кров, даже птицы, только стрекозы отважно реют над колосьями. И мы прячемся под растянутым тентом, отворив настеж окна и двери кают. Ветерок чуть-чуть веет, ласково освежая лицо и открытую грудь. Матросы уже отобедали (они обедают рано: до полудня, как и в деревне, после утренних работ) и группами сидят или лежат между пушек. Иные шьют белье, платье, сапоги, тихо мурлыча песни; с бока слышатся удары молотка по наковальне. Петухи поют, и далеко разносится их голос среди ясной тишины и безмятежности. Слышатся еще какие-то фантастические звуки, как будто отдаленный, едва уловимый умом звон колоколов... Чуткое воображение, полное грез и ожиданий, создает среди безмолвия эти звуки, а на фоне этой синевы небес какие-то отдаленные образы...

Выйдешь на палубу, взглянешь и ослепнешь на минуту от нестерпимого блеска моря; от меди на корабле, от железа отскакивают снопы лучей; палуба, и та нестерпимо блещет и уязвляет глаз своей белизной».

Описание открывается неожиданным и смелым сравнением фрегата в океане со «с т е п н о й р у с с к о й д е р е в н е й». Этим определяется дальнейшее развитие темы разом в двух семантических планах; с одной стороны: маркиза над балконом, стрекозы в поле, рожь, гумно; с другой: вода из океана, тент, каюты, матросы, пушки; иногда оба плана сливаются: стук молота в кузнице, пенье петухов,— закрепляя тем самым единство целого.

В итоге получается полное разрушение традиционного художественно-эстетического штампа и создается бытовая, будничная установка для характеристики тропического дня.

В дальнейшем сопоставление обрывается: палуба («улица», как любит говорить Гончаров) показана в ослепительном сверкании тропического солнца. Но тон задан, и повествование развертывается в спокойном, бытовом плане. Однако постепенно в него начинают вступать новые мотивы, окрашенные специальным «местным» колоритом; эмоциональная напряженность описания медленно повышается, и отрывок заканчивается великолепной картиной солнечного заката и тропического звездного неба, выдержанной в патетических тонах. Это обычное построение описания Гончарова. Подходя к незнакомому, поразительному явлению, он прежде всего стремится созерцать его в его будничном, повседневном бытии,

настойчиво отстраняя тот аспект, в котором оно предстоит сознанию путешественника, воспитанного в определенных художественно-эстетических традициях. Так же построен рассказ о жизни в Welch's Hotel на Капе с его прелестным лирическим заключением: «Долго мне будут сниться широкие сени, с прекрасной «картинкой», крыльцо с виноградными лозами...»; описание Анжера с его мелочной лавочкой: «Представьте себе мелочную лавочку где-нибудь у нас в уездном городе: точь-в-точь в Анжере. И тут свечи, мыло, связка бананов, как у нас связка луку, потом чай, сахарный тростник и песок, ящики, коробочки, зеркальца...» — и ее патетическим финалом: «Что за вечер! Это волшебное представление...»

Аналогичный же прием можно встретить в очерках Сингапура, Бонин-Сима, Манилы (Люсонг — «уездный город») и т. д., и т. д.[26]. Исключение, пожалуй, составляет картина Ликейских островов. Соблазненный примером Базиля Галля (давшего первое описание этих островов), Гончаров рисует ее в эффектном идиллическом плане. Однако — и это очень характерно для его манеры — он тут же сознательно разоблачает «литературность» рассказа ссылками на Феокрита, Гесснера, Дезульер, чтобы в конце-концов, опираясь на авторитет местных миссионеров, опорочить и его фактическую достоверность.

«Нужно ли вам поэзии, ярких особенностей природы — не ходите за ними под тропики — советовал Гончаров своим романтически настроенным друзьям. А если пойдете туда, мог бы он прибавить, — не увлекайтесь эффектной, парадной стороной встреченного; старайтесь понять явление в его независимом, повседневном существовании, ищите его имманентной формы; остальное придет само-собой. Для Гончарова действительно остальное пришло само собой, но нигде, быть может, высокая плодотворность его точки зрения не проявилась с такой силой, как в изображении людей различных рас и культур, которых он встретил в своем долгом странствии.

Эта задача была, пожалуй, одной из самых трудных: ибо для него речь шла здесь не о том, чтобы, используя внешние эффекты, «живьем отпечатать»[27] экзотические типы различных народностей, а, напротив, в том, чтобы, по возможности отстраняя эпатирующую в своей причудливости этническую маску, разглядеть под ней прежде всего знакомое человеческое лицо, угадать и выявить общечеловеческие черты характера, — все то, что обычно ускользает от взора соблазненного внешностью путешественника и чего вовсе не хочет знать лавочник-колонизатор. И в исполнении этой задачи он идет своим привычным путем.

Прежде всего он стремится наблюдать этих новых для него людей в самых незатейливых, простейших явлениях их быта. И заглядывая в эту серенькую, будничную сферу жизни, он жадно ловит все проявления общечеловеческих чувств и слабостей, где бы они ни встречались. В этом отношении от его поистине изумительной наблюдательности не ускользает решительно ничего. Обида старой негритянки в Порто-Прайя и гримаса английской мисс, порезавшей себе пальчик; забавные страстишки кучера в колонии, наглый хохот черных женщин, сладострастные ужимки бреющегося китайца, азарт тагала, кокетливые взгляды мулатки, вороватость черных мальчишек, важность китайского богача — все «находило почетное место в его фантазии, все поступало в капитал тех материалов», из которых складывались потом такие живые и человечные образы встречных людей.

А в то же время он настойчиво пытается уничтожить тот налет театральности, который неизбежно присущ впечатлениям путешественника от чуждых ему и причудливых явлений. Подобно тому, как ему хотелось взглянуть на связку бананов, так, как он смотрел бы на связку луку в деревенской лавочке, точно так же во что бы то ни стало хочет он наблюдать негров, малайцев, лучинцев, тагалов, китайцев не как представителей экзотических рас именно в их экзотической своеобычности, а просто как людей, живущих в определенных условиях, работающих, страдающих, радующихся и т. д., и т. д. — словом, в их имманентно бытовой давности.

С этой целью он и по отношению к ним пользуется приемом сопоставления с русскими бытовыми явлениями или смелого применения нарочито бытового

И. А. ГОНЧАРОВ
Фотография с дарственной надписью И. А. Гончарова А. А. Краевскому, 10 марта 1856 г.
Институт Русской Литературы, Ленинград

русского словаря. Перед нами снова своеобразная игра образов: негритянка и старуха-крестьянка, загорелая, морщинистая, с платком на голове; играющие в карты негры и уездная лакейская; почесывающийся тагал и русский простолюдин; китайский рынок в Шанхае и наша толкучка и т. д. А рядом с этим и просто: *негритянская баба, китайские мужики, парень-тагал, шинок в Фунчале, харчевня в Шанхае* и т. д., и т. д.

Было бы большой наивностью относить все это за счет самого Гончарова, как личности, строить всякие догадки об узости его натуры и о неспособности его выйти за пределы привычных созерцаний родной Обломовки. Само собой разумеется, что здесь мы имеем дело с вполне сознательным приемом разрушения условной театральности в переживании нового и поразительного с целью вскрыть общечеловеческое, стоящее за этнической маской, и тем обусловить возможность построения конкретного характера.

Гончаров решительно отказывался «ловить кого-либо на улице» и «отводить», если не в тюрьму, так в музей. Действительно, у него почти нельзя найти музейных экспонатов, этнических масок во всей экзотичности их облика и наряда. Но зато в его очерках перед читателем проходит целая вереница живых человеческих образов, с индивидуальным характером, неподдельным своеобразием общего облика, с печатью личности. Вот негритянская красавица и безобразная старуха из Порто-Прайя, вот очаровательная мисс Каролина, проворный слуга Ричарда, веселый Вандик, бледная Этола со своими «two shillings» и много, много других. Огромная галлерея человеческих лиц, изображенных иногда двумя-тремя штрихами, но всегда живых, всегда индивидуальных, характерных и своеобычных.

Так словом и делом, отвечает Гончаров в своем «Фрегате Палладе» на условный романтический эстетизм, дилетантскую погоню за готовыми красотами, на упорные, но безнадежные попытки извлечь свой роман, свое искусство из «поэтической стороны жизни», с презрением отворачиваясь от ее «будней». Этим воззрениям он противопоставляет теорию подлинного художественного творчества, возводящего в «перл создания» эстетически безразличные и неоформленные явления действительности, и на восторженные мечтания о тропической экзотике иронически приглашает найти прекрасное в сереньком природе петер-

бургских болот, беспощадно обрушиваясь на один из краеугольных камней романтизма — теорию couleur locale, против которой он выдвигает требование рассматривать все «необычное», экзотическое именно в его обычности, в его прозаическом, будничном бытии. И подобно тому, как превращая исполненную опасностей, трудов и лишений экспедицию в приятную прогулку по трем океанам, он снижает романтический пафос экспедиционной жизни, точно так же своими художественно стилистическими заданиями он сводит на-нет романтический пафос в описаниях природы и обитателей тропиков. Здесь оба тематических круга — круг обломовской тематики и тематики художника Райского — замыкаются в крепком творческом единстве, обеспечивая в то же время органическую цельность и внутреннюю завершенность очерков как художественного произведения.

Теперь остается только подвести некоторые итоги. Мы видим, что «Фрегат Паллада» — прежде всего литературное произведение, в основе которого лежит определенный художественный замысел и которое преследует цели, далеко выходящие за пределы бесхитростного и правдивого описания путешествия. Как и все три романа Гончарова, оно направлено против художественных и бытовых традиций русского романтизма тридцатых и сороковых годов. Его тематика предваряет в этом смысле основные темы трилогии, а его стиль в значительной мере предопределяется такими эстетическими принципами, которые звучат резким вызовом романтической поэтике. Более того: в известном смысле эта книга является едва ли не самым полным и завершенным произведением Гончарова, где с особенной ясностью вскрывается основная задача всей его литературной деятельности: задача преодоления романтизма. Ибо не нужно забывать, что Гончаров, основные произведения которого были задуманы и в значительной части уже написаны в период с конца тридцатых до середины пятидесятых годов и который в значительной мере является литературным предшественником, а не современником великих прозаиков: Тургенева, Достоевского, Толстого — именно в романтизме видел своего главного врага. Однако — и это сообщает его произведениям исключительный интерес — он рассматривал романтизм не как чисто литературное направление, но широкое культурное явление, социальные корни которого он пытался выяснить. Поэтому-то он и стремился противопоставить этой идеологии оскудевающего дворянского класса новое реалистическое и жизненно действенное мировоззрение, которого он искал отчасти в силу своего происхождения («из купцов», как отмечалось в его формуляре), главным же образом в силу объективно-исторических причин у представителей крепнувшего русского буржуазного сознания [28].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кроме цитированной ниже литературы мною были использованы следующие дела, хранящиеся в Историческом отделе архива б. Морского министерства: 1) об отправлении в заграничное плавание фрегата «Аврора» и о замене оного фрегатом «Паллада». Дело Инсп. д-та за № 257; 2) об экспедиции фрегата «Паллады» под начальством адм. Путятина для осмотра берегов русских колоний в Америке. Воен.-походн. по флоту канцел. за № 138/75; 3) Путятин — об инструкциях, данных при отправлении в кругосветное путешествие. Воен.-походн. канц. секрет. по сдаточн. описи № 3; 4) плавание фрегата «Паллады» и шхуны «Восток». Инспект. д-та № 326 (1853 г.); 5) И. А. Гончаров. Назначение его секретарем при ген.-адм. Путятине. Инспект. д-та № 257; 6) по предмету заключения с японским уполномоченным трактата в г. Симоде и с запиской о действиях ген.-адм. гр. Путятина. Канцел. Морского м-ва № 14835; 7) всеподданнейшее донесение гр. Путятина о плавании фрегата «Паллады» и других судов. Гидрограф. д-та № 40; 8) о разрешении морским офицерам, участвовавшим под начальством гр. Путятина в дальнем вояже, поднести бывшему начальнику картину или портрет. Канцел. морского м-ва № 15437.

[2] Формуляр «Паллады» см. «Список русских военных судов с 1668 по 1868 гг.». СПБ., 1872, стр. 107.

[3] К. Н. [Посьет]. Записки с кругосветного плавания. — «Отечественные Записки», т. XCIX, стр. 2.

[4] «Паллада» вышла на рейд 25 сентября, а снялась с якоря 7 октября 1852 г.

[5] Письмо молодого мичмана [П. П. Анжу] к своим родителям с острова Мадеры от 22 января 1852 г. — «Морской Сборник», 1853, т. IX, стр. 323 и сл.

[6] Для описания шторма см. Шханечн. журнал, ч. I (1853), л. 138; Рапорт Путятина ген.-адмир. от 1/13 июня, 1853; К. Н. Посьет, О плавании «Паллады», Морск. сб. 1853; т. X, стр. 243; Замеч. о шторме, выдержанном фрегатом «Палладой», там же, т. XX, 1856, № 2.

[7] Отчет о плавании фрегата «Паллада». — «Морской сборник», 1856, т. I, стр. 139. Балтин, А. Шторм в Восточном океане, выдержанный фрегатом «Палладой». Морск. сб., 1855; кн. 7, стр. 7; см. так же литературу, указан. в прим. № 6.

[8] В Портсмуте Английское адмиралтейство заранее распорядилось о вводе «Паллады» в док, размещении команды и пр.; в Саймонс-Бее оно простерло свою любезность до того, что снабдило команду всем необходимым из своих складов, по казенной расценке.

[9] Комадор Перри вышел из Норфольта 24 июня 1852 г. и прибыл в залив Иедо, в местечко Урга 7 июля 1853 г. Часть его эскадры шла мимо мыса Доброй Надежды.

Ср. J. Foster. The American Diplomacy in the Orient. Bost. 1904, p. 146. Об экспедиции Перри, увенчавшейся полным успехом и сыгравшей огромную роль в жизни Японии, см. Hawks, Narration of the Expedition of an Amer. Souadron to the China and Japan n. t. com.of com. M. Perry. N.-Y. 1856; W. Heine. Reise um die Welt nach Japan. 2 Bände. L. n. N. J. 1856 г.

Heine должен был быть Гомером американского похода, как Гончаров Гомером русского; сравнение их записок наглядно показывает всю разницу между добросовестным рассказом журналиста и «путешествием-романом» Гончарова. См. далее: Mossman, New. Japan, Ind. 1873, chp. I—III; L. Rosny, Etudes asiatiques, ch. XVI; E. Freisinet. Le Japan, v. II, 473—519.

[10] Отзыв Бурбулона, французского посла в Китае. См. A. Cordier, Le premier traité de la Frechca avec Japan, Tonng-Pao, 1912, III, 218.

[11] Из дневника В. А. Римского-Корсакова. — «Морской сборник», 1896, т. II, стр. 173.

[12] И. А. Гончаров. Два случая из морской жизни. — «Подснежник», 1856, № 2 — 3.

[13] И. А. Гончаров. Через двадцать лет.—Собр. соч. изд. Маркса, 1912, т. VIII, стр. 270. Далее везде цитируется это издание.

[14] H. Cordier. Le premier traité etc. Tonng-Pao, v. XIII, mars, p. p. 220 — 221.

[15] «Нам объявили, что мы можем сниматься с якоря дня через четыре. Да как это? Да что же так скоро?—говорил я».—И. А. Гончаров «Фрегат «Паллада».—Собр. соч. т. VII, стр. 64.

Только во всеподданнейшем отчете, уже по возвращении в Петербург, Путятин осторожно указывает на это обстоятельство, замечает, что новый генерал-губернатор Филиппинских островов, судя по холодному сделанному ему приему, смотрит не совсем благосклонно на пребывание русской эскадры на Манилле. — «Морской сборник», 1856, т. X, стр. 62.

[16] Эскадра пришла на Маниллький рейд 16 февраля 1854 г., а снялась с якоря 27 февраля, пробыв на рейде всего лишь 12 дней.

[17] Из дневников В. А. Римского-Корсакова.—«Морской сборник», 1896, т. IX. И. Барсуков. Граф Муравьев-Амурский, т. I, стр. 368—373.

[18] Н. Г. Шиллинг. Воспоминания.—«Русский Архив», 1892, кн. 2, стр. 128—143.

[19] Из дневника В. А. Римского-Корсакова—«Морской сборник», 1896, т. IX, стр. 117. Некоторые подробности этого перехода можно найти и у Гончарова.— Собр. соч., т. VII, стр. 143—146.

[20] А. Вышеславцев. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857—1860 гг., изд. 2-е, СПБ, 1867, стр. 262.

[21] Ср. напр. письмо к В. В. Боткину от 26 августа 1852 г.—В. Чешихин-Ветринский. Письма Гончарова.—«Голос Минувшего», 1923, № 2, стр. 170. Как известно, Гончаров действительно едва не вернулся из Англии.

[22] «Фрегат Паллада» — И. А. Гончаров. Собр. соч., т. VII, стр. 8—9.

[23] Ср. историю создания «Обрыва», как она отразилась в письмах Гончарова к Стасюлевичу, быть может наиболее искренних и откровенных из всех написанных им.—«Стасюлевич и его современники в их переписке», т. V.

[24] «Отечественные Записки», 1879, кн. 8, стр. 261. Рецензия эта принадлежит к одним из самых замечательных высказываний о Гончарове вообще.

[25] Выражение, удачно воскрешенное В. Десницким. См. его статью «Трилогия Гончарова» в сборнике его статей «На литературные темы», Л., 1933, стр. 253 и сл.

[26] Хороший подбор аналогичных примеров, хотя без всякой попытки их литературного истолкования, см. у Н. Державина, в вступительной статье к «Фрегату Палладе», Л., 1924, стр. 29 и сл.

[27] Ср. замечательный разговор Обломова с Пенкиным о «журнальных писателях»: «Зачем, это они пишут...» и т. д.

[28] Ср. В. Десницкий, назв. соч.

ПИСЬМА И. А. ГОНЧАРОВА ИЗ ПЛАВАНИЯ

1. Е. А. ЯЗЫКОВОЙ [1]

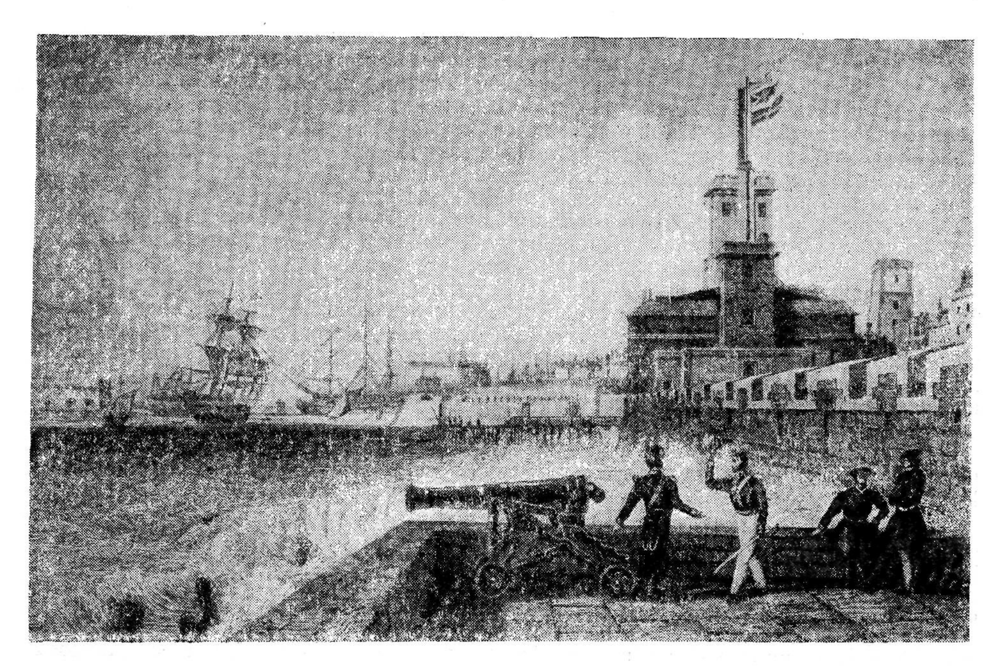
Напрасно Вы, матушка Екатерина Александровна, упрекаете меня, что я Вас забыл: в то время, когда Вы писали мне это письмо, я тоже писал к Вам, и надеюсь, что мое послание уже получено Вами. Следовательно наши письма расходятся в пути. Я очень доволен, что Вы хорошо проводите время в деревне и что откровенно сознаетесь в этом: по большей части со всех сторон слышишь жалобы на несчастья да неудачи; это большая редкость, когда кто скажет, что ему хорошо. Благодарю и за то, что вспоминаете обо мне. Только напрасно желаете, чтобы я пожил в деревне у Вас, полагая, что моя хандра должна там пройти. Анненков [2] правду сказал Элликониде Александровне, что я никогда, нигде и ничем бы не был доволен, что мне ни дай. Это в самом деле так. Хандра моя, как я Вам, кажется, уже писал, есть не что иное, как болезненное состояние, которому причиной нервы. Вы посмотрите на всех нервозных людей: у них ум, воля и все ее проявления подчинены нервам. Оттого эти люди вдруг делаются скучны, мрачны или внезапно переходят к веселью, бог знает от чего. Это очень неудобно не только для себя, но и для других. От этого я и стараюсь и прятаться и, кроме Майковых [3] да Вас, ни к кому не хожу.

А знаете ли, что было я выдумал? Ни за что не угадаете! А все нервы: к чему было они меня повели! Послушайте-ка: один из наших военных кораблей идет вокруг света на два года. Аполлону Майкову предложили, не хочет ли он ехать в качестве секретаря этой экспедиции, при чем сказано было, что между прочим нужен такой человек, который бы хорошо писал по-русски, литератор. Он отказался и передал мне. Я принялся хлопотать из всех сил, всех, кого мог, поставил на ноги и получил письмо к начальнику экспедиции [4]. Но вот мое несчастье: на-днях этот начальник выехал на некоторое время в Москву и, воротясь оттуда, тотчас отправится в море, так что едва ли я успею видеть его; потом, как я узнал после, нужен человек собственно не для русского, но более для переписки на иностранных языках; а этого я на себя не приму. Впрочем мне во всяком случае советовали повидаться с начальником экспедиции и узнать от него подробнее, что нужно. Стало быть надежда не угасла еще совсем.

Вы, конечно, спросите, зачем я это делаю. Но если не поеду, ведь, можно, пожалуй, спросить и так: зачем я остался? Поехал бы за тем, чтоб видеть, знать все то, что с детства читал как сказку, едва веря тому, что говорят. Я полагаю, что еслиб я запасся всеми впечатлениями такого путешествия, то может быть прожил бы остаток жизни повеселее. Потом, вероятно, написал бы книгу, которая во всяком случае была бы занимательна, если б я даже просто, без всяких претензий литературных, записывал только то, что увижу. Наконец это очень выгодно по службе. Все удивились, что я мог решиться на такой дальний и опасный путь—я, такой ленивый, избалованный! Кто меня знает, тот не удивится этой решимости. Внезапные перемены составляют мой характер, я никогда не бываю одинаков двух недель сряду, а если наружно и кажусь постоянен и верен своим привычкам и склонностям, так это от неподвижности форм, в которых заключена моя жизнь.

Свойство нервических людей—впечатлительность и раздражительность, а следовательно и изменяемость. Может быть я бы скоро и соскучился там, что и вероятно, мучился бы всем—и холодом, и жаром, и морем, и глушью, дичью, куда бы заехал, но тогда бы поздно было каяться и поневоле пришлось бы искать спасения — в труде.

Что скажете Вы, матушка Катерина Александровна, и вы, мой милый и добрый друг Михайло Александр., одобрили ли бы Вы эти мои намерения?



ПОРТСМУТСКИЙ РЕЙД
Современная гравюра

Евгения Петровна уж плакала, что я не ворочусь, погибну или от бури, или дикие съедят, не то змея укусит.

Но, к сожалению, это все мечты, приятный сон, который вот и кончился. Вчера я рыскал и по Васильевскому острову, и в Петергофе был,— словом объехал почти вокруг света, все отыскивая моряка, да нет, и рекомендательное письмо товарища министра лежит у меня в кармане, уже значительно там позамаслившись.—Если же каким-нибудь чудом я бы поехал, то это должно так скоро сделаться, что Вы едва ли бы и застали меня. Но кажется, мне придется не воевать с дикими, а мирно попивать чаек в тихой пристани среди добрых друзей, под Невским монастырем, на заводе [5]. Так уж пусть эти друзья едут скорее, а то право скучно.

Весь и всегда Ваш

И. Г[ончаров]

Поклонитесь Элликониде Александровне и поцелуйте детей. — Старик Щепкин [6] здесь играет, но я в театре не был, а слышал, как он у Корша [7] читал Разъезд Гоголя; кому-то хочет читать еще.

[1] Языкова, Е. А. (ур. Белавина). жена Языкова, Михаила Александровича, (ум. в 1885 г.), петербургского приятеля Белинского и большинства писателей, группировавшихся вокруг «Отечественных Записок», а позднее вокруг «Современника». В то же время он был хорошо знаком с Майковыми и их кружком. Гончаров очень любил его как веселого и остроумного собеседника и гостеприимного хозяина и был близок со всей его семьей. Элликонида Александровна Белавина — сестра Е. А. Языковой.

[2] Анненков, П. В. — известный литературный критик, мемуарист.

[3] Майковы. Семья известного художника Николая Аполлоновича Майкова (1794—1873). Семья эта, с которой Гончаров познакомился вскоре после своего приезда в Петербург и где давал уроки детям, очень скоро сделалась для него почти родной; там он проводил свои вечера, туда шел со всеми горестями, там же

сложились и оформились его литературно-художественные вкусы. Вся семья состояла из исключительно талантливых, захваченных интересами литературы и искусства людей. Хозяйка—Евгения Петровна Майкова (рожд. Гусятникова, 1803—1880 гг.)—была выдающаяся по уму и образованию женщина и сама писательница. Аполлон Николаевич Майков — известный поэт; Валериан Николаевич Майков (1823—1847 гг.), рано умерший талантливый критик, увлекался социально-экономическими проблемами; Владимир Николаевич Майков (1826—1885 гг.), детский писатель, издатель журнала «Подснежник», и его жена Екатерина Павловна (послужившая, по семейному преданию, прототипом для Веры)—семейное прозвище: «Старик и Старушка»; Леонид Николаевич Майков (1839—1901 гг.)—академик, историк литературы, пушкинист — семейное прозвище «Бурька».

[4] Начальник экспедиции Е. В. Путятин (1803—1883 гг.), адмирал, чрезвычайно красочная фигура; превосходный моряк лазаревской школы, православный ханжа, полуангличанин по своим вкусам, бешеный самодур, недурной дипломат нессельродовского стиля, провалившийся министр нар. просвещения—он представлял человека, уживаться с которым было исключительно трудно. Гончаров, соприкасавшийся с ним только по письменной и дипломатической части, сумел с ним поладить. Но у командира корабля капитана И. В. Унковского были с ним бесконечные столкновения, едва не закончившиеся дуэлью (на Манилле). Эти столкновения нередко создавали на фрегате тяжелую, напряженную атмосферу. О нем см. Русский биографический словарь; Остен-Сакен, Ф. Р. «Памяти гр. Е. В. Путятина»—«Известия Русского Географического общества», т. XIX, 383—394; Д. И. Завалишин «Московские Ведомости», 1883 № 300—1; Его же «Возмущение на фрегате Крейсер» «Др. и Нов. Росс.», 1877 г., № 9—11; Архив Раевских, т. II, 419 и сл.; Петриченко, «Астрабадская станция» — «М. Сбор.», 1863, № 12; Дмитриевский В. А. «Прав. Палест. Общество. Исторические записи» 1907, стр. 137 и сл.

Письмо к нач. экспедиции было от А. С. Норова (1795—1869 гг.), тогда министра народного просвещения и непосредственного начальника Ап. Ник. Майкова. Путятин, будучи близким другом Норова, обратился именно к нему в поисках литературного секретаря для экспедиции.

[5] На заводе, т. е. на Государственном стеклянном заводе, где служил тогда М. А. Языков.

[6] Щепкин, М. С. (1788—1863 гг.)—знаменитый актер.

[7] Корш, В. Ф. (1828—1893 гг.)—известный журналист.

2. М. А. ЯЗЫКОВУ

23 августа [1852]
Лондон, 3/15 ноября [1852]

Любезнейший мой друг Михайло Александрович
и милая, добрая Екатерина Александровна!

После трехнедельного трудного, опасного и скучного плавания мы наконец бросили якорь в Портсмуте. Долго было бы рассказывать все, что с нами было в это время, а было понемногу всего. Мы немножко прихватили холеры, от которой умерло трое матросов, четвертый немножко упал с мачты в море и утонул, немножко сели в Зунде на мель, но снялись без всяких повреждений, выдержали три бури, которые моряки не называют никогда бурями, а свежим и крепким ветром. Вчера втянули фрегат с рейда в гавань и будут привинчивать водо-опреснительный аппарат. Наш адмирал [1] тотчас же явился из Лондона в Портсмут, осмотрел фрегат и нас, велел мне написать бумагу, а потом, уезжая, сказал мне, что я могу отправиться в Лондон.

Что Вам сказать о себе, о том, что разыгрывается во мне, не скажу под влиянием, а под гнетом впечатлений этого путешествия? Во-первых, хандра последовала за мной и сюда, на фрегат; потом новость быта, лиц — потом отсутствие покоя и некоторых удобств, к которым привык,—все это пока обращает путешествие в маленькую пытку, и у меня так и раздаются в ушах слова, сказанные, кажется при Вас одним моим сослуживцем: tu l'as voulu, George Dandin, tu l'as bien voulu! Впрочем моряки уверяют меня, что я кончу тем, что привыкну, что теперь и они более или менее страдают сами от неудобств и даже опасностей, с которыми сопряжено плавание по северным морям осенью. В самом деле, едва мы вышли из Кронштадта, как нам прямо в лоб с дождем и снегом задул противный ветер; потом мы десять

суток лавировали в Немецком море и за противными же ветрами не могли попасть в английский канал. Между тем плавание по Финскому заливу и по Каттегату считается весьма опасным и не в такую глубокую осень.—Слава богу, что на меня совсем не действует качка: это, говорят, зависит от расположения грудо-брюшной преграды, т. е. чем она ниже расположена, тем лучше. Видно, она помещена у меня в самом брюхе, потому что меня не тошнит вовсе и голова не кружится и не болит, так что нет никакого признака морской болезни, и я до сих пор, слава богу, не знаю, что это значит. Вот что скажет океан: там, говорят, качка бросает корабль, как щепку. Но я однакож должен сознаться, что качка и на меня действует скверно, хотя и иначе, нежели на других. Она производит сильное нервическое раздражение: я в это время не могу ни читать, ни писать, ни даже думать свободно. Стараешься развлечься, забыться, зарыться в смысл фразы, которую читаешь или пишешь — не тут-то было: непременно надо уцепиться за стол, за шкаф или за стену, а то полетишь; там слышишь от толчка волны что-нибудь на палубе с грохотом понеслось из одного угла в другой; в каюте дверь и окно постоянно друг с другом раскланиваются. К этому прибавьте вечный шум, топот матросов, крик командующего офицера, свистки унтер-офицеров — и днем и ночью, вечно нужно исполнять какой-нибудь маневр, то поднимать один парус, то распустить другой, то так поставить, то эдак,—покоя никогда нет. Можно, конечно, ушам привыкнуть к этой суматохе, но голове — никогда. Я не понимаю, как я буду писать бумаги там? Это приводит меня не только в сомнение, даже в некоторое отчаяние. В качестве вояжера меня еще можно как-нибудь протащить вокруг света, но дельцом, работником едва ли! Я бы даже обрадовался, если бы какой-нибудь случай вернул меня назад, а то право совестно ехать: ни себе, ни другим пользы не сделаешь и прокатишься, высуня язык. Я был очень болен зубами: у меня ревматизм обратился, как я вижу, в хронический; если бы это повторилось еще теперь, пока мы в Англии, очень не мудрено, что я бы и воротился: и без того трудно путешествовавать человеку не воспитанному с детства для моря, но странствовать больному — беда.

У нас на фрегате дня два гостил у капитана его товарищ, находящийся по службе в Лондоне, некто Шестаков [2]. Оба они сегодня предложили мне ехать в Лондон — и вот я — в Лондоне. Часа два как приехали из Портсмута по железной дороге. С жадностью вглядывался я в новую страну, в людей, в дома, в леса, поля — потом вздремнул, когда смерклось. Отсюда до Портсмута 84 мили (1½ версты) мы ехали часа три, поезд был огромный; со всех сторон стекаются на похороны Веллингтона [3] или дюка, как его просто называют здесь. Я еще здесь ничего не видал; от станции железной дороги мы промчались в кебе (каретка в одну лошадь) по лучшим улицам до квартиры Шестакова. Мне приготовлена вверху маленькая комнатка, а товарищи мои ушли к нашему адмиралу. Через час хотели зайти за мной, чтобы отправиться в таверну ужинать, потому что выехали из Портсмута, позавтракав налегке. Мне бросилось в глаза и в вагоне, и на станциях, и на улицах множество хорошеньких женщин. Это, кажется, царство их. Наконец здесь, где я теперь остановился, на целый дом прислуживает прехорошенькая девушка лет 20, miss Эмма. Меня ужас берет, как посмотрю, что она делает. Она отперла нам двери, втащила наши sacs de voyage, развела в трех комнатах огонь, приготовила чай, является на каждый звонок и теперь топает над моей головой, приготовляя мою комнату. Она же убирает комнаты, будит по утрам господ и меня, слышь, станет будить. Увидев, что мы с капитаном выпялили на нее глаза, Шестаков серьезно начал упрашивать нас н е н а ч и н а т ь с ней ничего, говоря, что это здесь не водится и т. п. Мне было очень смешно. Вот, подумал я, Панаева [4] никакими способами нельзя бы было упросить. Чувствительный Карамзин [5] называет Англичанок м и л о-

видными: это название очень верно. Но на меня эта миловидность действует весьма оригинально: как увижу миловидную англичанку, сейчас вспомню капитана Копейкина. Но вот miss Эмма спрашивает меня что-то, никак не разберу сразу, заставляю повторить себе по два и по три раза, а когда сам, ворочая всячески мой собственный и английский язык, соврУ что-нибудь непонятное, она говорит мне вопросительно Sir? а когда скажу так—молчит. Во всяком случае я бы привел сюда мерзавца своего Филиппа и всех российских Филиппов посмотреть, как работают английские слуги. До завтра: идем ужинать.

Утро превосходное, не английское. Тепло как у нас в августе. Мы оставили в России морозы, а только спустились за Ревель, началось тепло, продолжающееся до сих пор, так что пальто Клеменца из толстого трико гнетет меня, как панцырь. Спал я как убитый, может быть от портера, который я употребляю ежедневно, а также и устриц: сотня стоит всего два шиллинга. Я бы написал о миллионе тех мелких неудобств, которыми сопрозождается вступление мое на чужие берега, но я не отчаиваюсь написать когда-нибудь главу под названием путешествие Обломова: там постараюсь изобразить, что значит для русского человека самому лазить в чемодан, знать, где что лежит, заботиться о багаже и по десять раз в час приходить в отчаяние, вздыхая по матушке России, о Филиппе и т. п. Все это происходит со мной и со всеми, я думаю, кто хоть немножко не в черном теле вырос. Пишите ко мне, пожалуйста, но пишите сейчас же, иначе письмо может быть и не застанет меня; мы пробудем недели четыре. Адресуйте так:

England, Portsmouth,
Russian frigate Pallas
To Mr John Gon...

У Вас, милая прекрасная Элликонида Александровна, целую ручки и чуть не со слезами благодарю за многие знаки дружбы и внимания: и варенье и корпия для ушей, и графин — все это оказалось чрезвычайно полезным. Я так часто и с таким чувством вспоминаю о Вас, как Вы и не поверите.

До свидания, всегда Ваш И. Гон[чаров]

Кланяюсь всем Вашим братьям и Ростовским [6]: другу моему Ав. А.[7] скажите, что я сам не верю тому, где я. Покажите это письмо Майковым и попросите написать ко мне по этому адресу, не ожидая от меня писем; я к ним писал из Дании и буду на-днях опять писать.

О себе напишите поподробнее: что бог дал Вам и здорова ли Екатерина Александровна. Панаевым, Некрасову, Анненкову [8] и прочим приятелям дружеский поклон.

[1] Наш адмирал... По обстоятельствам служебного и личного характера Путятин выехал в Англию один, ранее отплытия фрегата, и дожидался его в Лондоне.

[2] Шестаков, Ив. Ал. (1820—1888), позднее адмирал. В 1852 г. находился в командировке в Англии, для заказа двух винтовых корветов для Черноморского флота. См. Общ. Морской список, т. XII.

[3] Веллингтон, герцог (1769—1852), анг. полководец, победитель Наполеона при Ватерлоо, пользовался у себя на родине исключительной популярностью среди всех слоев населения. О его похоронах упоминается и в «Фрегат Палладе».

[4] Панаев, Иван Иванович — известный писатель, соредактор «Современника».

[5] Гончаров имеет в виду описание Англии в «Письмах русского путешественника.

[6] Ростовский, М. А., состоявший при канцелярии Военного министерства.

[7] Ав. А.—Августа Андреевна Колзакова, золовка М. А. Языкова.

[8] А. Я. и И. И. Панаевым, Н. А. Некрасову, П. В. Анненкову.

3. Е. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ

Портсмут, 20 ноября/2 декабря 1852 г.

Я не писал еще к Вам, друзья мои, как следует. Постараюсь теперь. Не знаю, получили ли Вы мое маленькое письмо из Дании, которое я писал во время стояния на якоре в Зунде, а если правду говорить — так на мели. Тогда я был болен и всячески расстроен, все это должно было отразиться и в письме. Не знаю, смогу ли и теперь сосредоточить в один фокус все, что со мной и около меня делается, так чтобы это хотя и слабо отразилось и в Вашем воображении. Я еще сам не определил смысла многих явлений моей новой жизни. Голых фактов я сообщать не люблю, я стараюсь прискать ключ к ним, а если не нахожу, то освещаю светом своего воображения, может быть фальшивого, и иду путем догадок там, где темно. Теперь еще пока у меня нет ни ключа, ни догадок, ни даже воображения. Все это еще подавлено рядом опытов, более или менее тяжелых, немножко новых и совсем не занимательных для меня, потому для меня, что жизнь начинает отказывать мне во многих приманках на том основании, на каком скупая старая мать отказывает в деньгах промотавшемуся сыну. Так, например, я не постиг поэзию моря и моряков и не понимаю, где тут находили ее. Управление парусным судном мне кажется жалким доказательством слабости ума человечества. Я только вижу, каким путем истязаний достигло человечество слабого результата — проехать по морю при попутном ветре; в поднятии или спуске паруса, в повороте корабля и всяком немного сложном маневре видно такое напряжение сил, что в одном моменте прочтешь всю историю усилий, которыми дошли до умения плавать по морям. До паров еще, пожалуй, можно было не то, что гордиться, а забавляться сознанием, что вот-де дошли до того, что плаваем себе да и только, но после пароходов на парусное судно совестно смотреть. Оно — точно старая кокетка, которая нарумянится, набелится, подденет десяток юбок, затянется в корсет, чтоб подействовать на любовника, и на миг иногда успеет, но только явится молодость и свежесть — и все ее хлопоты пойдут к чорту. Так и парусный корабль, завесившись парусами, надувшись, обмотавшись веревками, роет туда же, кряхтя, скрыпя и охая, волны, а чуть противный ветер — и крылья повисли; рядом же мчится, не смотря ни на что, пароход, и человек сидит, скрестя руки, а машина работает. Так и надо. Напрасно капитан [1] водил меня показывать, как красиво вздуваются паруса с наветренной стороны или как фрегат ляжет боком на воду и скользит по волнам по 12 узлов (узел 1¾ версты) в час. «Этак и пароход не пойдет», говорит он мне. «Да за то пароход всегда пойдет, а мы идем двое суток по 12 узлов, а потом десять суток носимся взад и вперед в Немецком море и не можем, за противным ветром, попасть в канал». «Чорт бы драл эти пароходы!» говорит капитан, у которого весь ум, вся наука, все искусство, а за ними самолюбие, честолюбие и все прочие страсти расселись по снастям. А между тем все фрегаты и корабли велено строить с паровыми машинами: можете вообразить его положение и прочих подобных ему господ, которые пожертвовали лет двадцать, чтобы заучить названия тысячи веревок.—Само море тоже мало действует на меня, может быть от того, что я еще не видал ни безмолвного, ни лазурного моря [2]. Я кроме холода, качки, ветра да соленых брызг ничего не знаю. Приходили, правда, в Немецком море звать меня смотреть фосфорический блеск, да лень было скинуть халат, я не пошел. Может быть во всем этом и не море виновато, а старость, холод и проза жизни. Если вы спросите меня, зачем же я поехал, то будете совершенно правы. Мне, сначала, как школьнику, придется сказать — не знаю, а потом, подумавши, скажу: а зачем бы я остался? Да позвольте еще: полно — уехал

ли я? Откуда же? Только из Петербурга? Эдак, пожалуй, можно спросить, зачем я вчера уехал из Лондона, а в 1834 году из Москвы, зачем через две недели уеду из Портсмута и т. д. Разве я не вечный путешественник как и всякий, у кого нет своего угла, семьи, дома? Уехать может тот, у кого есть или то, или другое. А прочие живут на станциях, как и я в Петербурге, и в Москве. Вы помните, я никогда не заботился о своей квартире, как убрать ее заботливо для постоянного житья-бытья; она всегда была противна мне, как номер трактира, я бежал греться у чужой печки и самовара (высоким словом: у чужого очага), преимущественно у вашего [3]. Поэтому я — только выехал, а не уехал. Теперь следуют опасности, страхи, заботы и волненья, которые помешали бы мне ехать. Как будто этого ничего нет на берегу? Я вам назову только два обстоятельства, известные почти всем вам по опыту, которые мешают свободно дышать: одно — недостаток разумной деятельности и сознанье бесполезно гниющих сил и способностей; другое — вечное стремленье удовлетворить множество тонких потребностей, вечный недостаток средств и оттого вечные вздохи. А миллионы других, хотя мелких, но острых игл, о которых не стоит говорить; пробегите историю последних ваших двух или трех недель — и найдете то же самое: жизнь не щадит никого. Здесь не испытываешь сильных нравственных потрясений, глубоких страстей, живых и разнообразных симпатий и ненавистей; эти пружины тут не в ходу, они ржавеют. Но за то тут другие двигатели, которые тоже не дают дремать организму: это физические бури, лишения, опасности, иногда ужас и даже отчаяние. Следует смерть: да где же она не следует? Здесь только быстрее и стало быть легче, нежели где-нибудь. Так видите ли, что я имел причины уехать или не имел причин оставаться — это все равно. Тут бы только кстати было спросить, к чему бы этот ряд новых опытов посылается человеку усталому, увядшему, пережившему, как очень хорошо говорит Льховский [4], самого себя, который вполне не может воспользоваться ими, ни оценить, ни просто даже вынести их. А вот тут-то и не приберу ключа, не знаю, что будет дальше; после, вероятно, найдется.

После всего вышесказанного я из всех моих товарищей путешествия один, кажется, уехал покойно, с ровно бьющимся сердцем и сухими глазами. Не называйте меня неблагодарным, что я, говоря о Петербургской станции, умолчал о дружбе, которую там нашел и которой одной было бы довольно, чтобы удержать меня навсегда. Вы, Евгения Петровна, конечно, к слову дружба поспешите присовокупить и л ю б о в ь! На это отвечайте теперь же, Вы, Юнинька [5], за меня: что я получил от Вас в награду за свою 19-летнюю страсть? Три единственные поцелуя на пароходной пристани при прощаньи—мало: не из чего было оставаться в отечестве *. А другая-то, лукаво скажете вы, которая плакала? А заметили ли вы, какие у нея злые глаза? Эта змея, которая плакала крокодиловыми слезами, как говорит Карл Мор, и кажется моля чуть не о моей погибели. Это очень смешная любовь, как впрочем и все мои любви. Если из любви не выходило никакой проказы, не было юмора и смеха, так я всегда и прочь; так просто одной любви самой по себе мне было мало, я скучал, от того и не женат. Ну, о любви довольно: припомните, как я всегда о ней говорил, так скажу и теперь: нового ничего не будет. О дружбе я обязан сказать яснее, особенно перед Вами: Вы можете требовать от меня ясного и подробного отчета за целых 17 лет, как оценил я капитал, отпущенный мне Вами, не закопал ли навсегда в землю, где он пропадает глупо, или пустил его в рост? Употребил ли его и как?

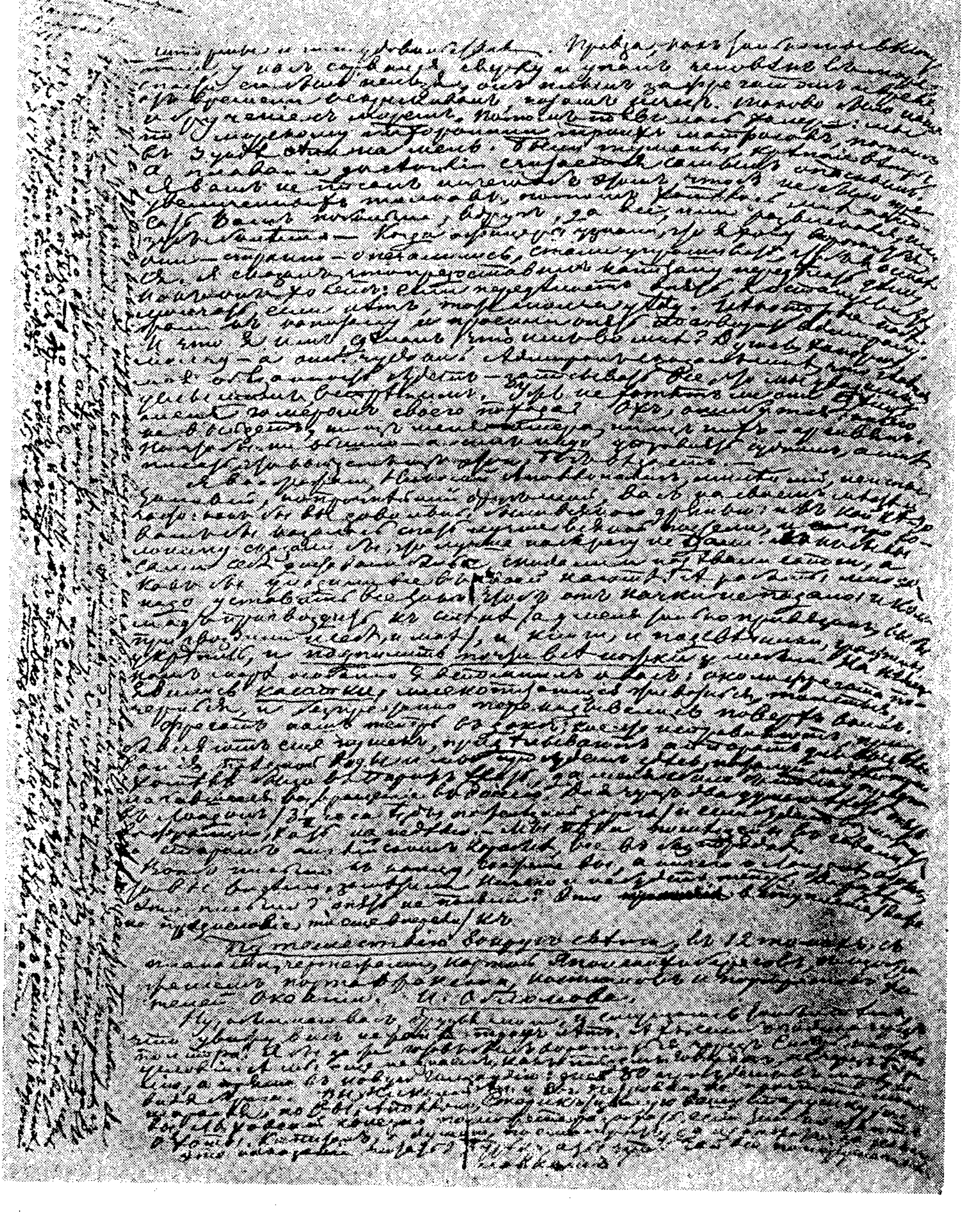
Дружба, как бы сильна ни была, не могла бы удержать меня, да истинная, чистая дружба никого не удержит и не должна удерживать от путе-

* Сколько раз изменяли и теперь измените опять, знаю, вашему постоянному рыцарю.

ПИСЬМО И. А. ГОНЧАРОВА к Е. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ ОТ 20 НОЯБРЯ 1852 г.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Институт Русской Литературы, Ленинград



ПИСЬМО И. А. ГОНЧАРОВА к Е. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ ОТ 20 НОЯБРЯ 1852 г.
ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА

Институт Русской Литературы, Ленинград

шествия. Влюбленным только позволительно рваться и плакать, потому что там кровь и нервы — главное, как Вы там себе, Евгения Петровна, ни говорите противное, а известно, что когда происходит разладица в музыке нервов, да нарушается кровообращение, тогда телу или больно или приятно, смотря по причине волнения. Дружба же — чувство покойное: оно вьет гнездо не в нервах, не в крови, а в голове, в сознаньи и, царствуя там, оттуда же разливает приятное усладительное чувство на организм. Вы можете страстно влюбиться в мерзавца, а я в мерзавку, мучиться, страдать этим, а все-таки любить; но вы отнимете непременно дружбу у человека, как скоро он окажется негодяем, и не будете даже жалеть. Дружбу называют обыкновенно чувством бескорыстным, но настоящее понятие о дружбе до того затерялось в людском обществе, что это сделалось общим местом, пошлой фразой и в самом-то деле бескорыстную чистую дружбу еще реже можно встретить, нежели бескорыстную или истинную, что ли, любовь, в которой одна сторона всегда живет на счет другой. Так и в дружбе у нас постоянно ведут какой-то арифметический расчет в роде памятной или приходо-расходной книжки, и своим заслугам, и заслугам друга, справляются беспрестанно с кодексом дружбы, который устарел гораздо более Птоломеевой астрономии и географии, или Квинтиллиановой реторики, все еще ищут, нет ли чего в роде Пиладова подвига, и когда захотят похвалить друга или похвалиться им (одной дружбой хвастают, как китайским сервизом или собольей шубой), то говорят — это испытанный друг, даже иногда вставят цыфру XV—XX даже XXX-летний друг, и таким образом дают другу знак отличия и составляют ему аккуратный формуляр. Остается только положить жалованье — и затем прибить вывеску: з д е с ь н а н и м а ю т с я д р у з ь я. Напротив, про н е и с п ы т а н н о г о друга часто говорят — этот только приходит есть да пить, а чуть что так и того *... хоть не знают, каков он н а д е л е. Им нужны дела в дружбе—и они между тем называют дружбу бескорыстной. Что это? Проклятие дружбы, такое же непонимание и непризнавание прав и обязанностей ее, как и любви? Нет, я только хочу сказать, что, по моему, истинная, бескорыстная и испытанная дружба та, когда порядочные люди, не одолжив друг друга ни разу, разве как-нибудь не нарочно, не ожидая ничего один от другого, живут целые годы, хоть полстолетия вместе, не неся тягости уз, которые несет одолженный перед одолжившим, и наслаждаясь дружбой, как прекрасным небом, чудесным климатом без всякой за это кому-нибудь платы. В такой дружбе отраднее всего уверенность, что никто не возмутит и не отнимет этого блага, потому что основание его — порядочность обеих сторон. Вот Вам моя теория дружбы, да полно теория ли только?.. Проследите только все 17 лет (а Вы, Юнинька, 19) нашего знакомства и вы скажете, что я всегда был одинаков, пройдет еще 17 лет и будет то же самое. Я никогда и ни у кого не просил ни рыданий, ни восторгов, а только прошу — не измените. Я очень счастлив уверенностью, что вы вспомните обо мне всегда хорошо. Отправляясь с этой уверенностью и надеждой воротиться, мог ли я плакать, жалеть о чем-нибудь. Тем более не мог, что, уезжая от друзей, я вместе с тем покидал и кучу надоевших до крайности занятий и лиц, и наскучившие одни и те же стены, и ехал в новые, чудесные, фантастические миры, в существование которых и теперь еще плохо верю, хотя штурман по пальцам расчитывает, когда нужно пристать в Китай, когда в Новую Голландию, и уверяет, что был уже там три раза. Так, пожалуйста, не жалейте обо мне и запретите жалеть Языкову, которого самого и семью отчасти сливаю в уме (видите, в уме, ведь не ошибся, не сказал в с е р д ц е) с Вашей, хотя знаю, что он любит меня не так, как Вы, а иначе, и любит потому, что не может почти никого не любить, стало

* Далее два слова стерлись на сгибе письма. [Р е д.].

быть по слабости характера; он даже изменит мне по-женски, посадит кого-нибудь другого на мое место. Но это ничего: я только приеду и опять найду тотчас свое местечко в сердце у них и за круглым столом.

Прочтя все это, вы, Евгения Петровна, скажете: так вот наконец ваше profession de foi! а! высказались! Ну, я очень рада. Как не так. Ведь говорю, что не поймете меня никогда! Что же эта вся тирада о дружбе? Не понимаете? А просто пародия на Карамзина и Булгарина [6]. Вижу только, что вышло длинно, нечего делать, переписывать не стану, читайте, как есть. Я обещал Вам писать, что ни напишется, а Вы обещали читать — читайте.

«Так вот зачем он уехал», подумаете Вы: он заживо умирал дома от праздности, скуки, тяжести и запустения в голове и сердце; ничем не освежалось воображение и т. п.! Все это правда, там я совершенно погибал медленно и скучно: надо было изменить на что-нибудь, худшее или лучшее — это все равно, лишь бы изменить. Но при всем том я бы не поехал ни за какие сокровища мира... Вы уж тут, я думаю, даже рассердитесь: что же это за бестолочь, скажете — не поехал бы, а сам уехал! Да! сознайтесь, что не понимаете, так сейчас скажу, от чего я уехал. Я просто — пошутил. Ехать в самом деле: да ни за какие миллионы, у меня этого и в голове никогда не было. Вы, объявляя мне об этом месте (секретаря), прибавили со смехом: «вот вам бы предложить». Мне захотелось показать Вам, что я бы принял предложение. А скажи Вы: с какой бы радостью вы поехали, — я бы тут же стал смеяться над предположением, что я поеду, и разумеется ни за что бы не поехал. Я пошутил, говорю Вам, вон спросите Льховского: я ему тогда же сказал, а между тем судьба ухватила меня в когти, и вот я — жертва своей шутки. Вы знаете, как все случилось. Когда я просил Вас написать к Аполлону, я думал, что Вы не напишете, что письмо не скоро дойдет, что Аполлон поленится приехать и опоздает, что у адмирала кто-нибудь уже найден, или что, увидевшись с ним, скажу, что не хочу. Но адмирал, прежде моего «не хочу», уже доложил письмо, я — к графу [7], а тот давно подписал бумагу, я хотел спорить в департаменте, а тут друзья (ох, эти мне друзья, друзья) выхлопотали мне и командировку и деньги, так что, когда надо было отказаться, возможность пропала. Уезжая, я кое-кому шепнул, что вернусь из Англии, и начал так вести дело на корабле, чтобы улизнуть. Я сильно надеялся на качку: скажу, мол, что не переношу моря, буду бесполезен, и только. На другой же день по выходе в море я просыпаюсь — меня бьет о стенку то головой, то пятками, то иной более мягкой частью; книги мои все на полу, шинель, пальто качаются, в окне то небо появится, то море. Не тошнит ли, думаю: нет, хочется чаю, хочется курить — все ничего. Пошел вверх — суматоха, беготня, а море вдруг очутится над головой, а потом исчезнет. Стою, смотрю, только крепко держусь за веревку, ничего, любопытно, и только. «Э, да вы молодец, — говорят мне со всех сторон, поздравляют, — в первый раз в море и ничего! Каков!» А кругом — кого тошнит, кто валяется. Так на качку вся надежда и пропала. Думал было я притвориться, сказать, что меня, мол, тошнит, и даже лечь в койку, что мне ни по чем! Но морская болезнь лишает аппетита, а я жду, не дождусь первого часа, у капитана повар отличный, ем ужасно, потому что морской воздух дает аппетит. Другая хитрость: я стал жаловаться на вечный шум, на беготню и суматоху, что вот-де я ни уснуть, ни заняться не могу. Этому помогала моя хандра, о которой не знали на фрегате. Я говорил, что меня тревожит и топот людей, и стук упавшего каната, и барабан, и пушка. Обо мне стали жалеть серьезно, поговорили, что лучше конечно воротиться, чем так мучиться. Но и это вскоре рушилось. Я сошел как-то во время чая вечером в кают-компанию; кто-то спросил, зачем часов в 5 палили из пушки? Да разве палили? — сорвалось у меня с языка, опомнился, но поздно. Все расхохотались, и уж и я с ними, а пушка-то стоит почти рядом с моей каютой,

да ведь какая: в 4 аршина. Сказать разве, что, мол,—боюсь опасностей. Но этого даже и своей маменьке нельзя сказать. Наконец я сознался капитану, что мне просто ужасно не хочется, что Китай и Бразилия и занимают-то меня, как я теперь вижу, не слишком много, что я уж и не молод, а здесь беспокойно, на вытяжку, и нравы и привычки, обычаи не по мне. Ну, хотите я вам устрою возвращение? — сказал он. «О благодетель!» И в самом деле устроил, наговорил адмиралу, что я ужасно страдаю, скучаю и мало сплю (не ем он не говорил, язык не поворотился, я ведь у него ел, так он видел, а спать, так когда же я много спал?)

Адмирал выслушал с участием, призвал меня (это было в Лондоне), сказал, что он очень жалеет, что удерживать меня не станет, что лучше конечно воротиться теперь, чем заехать подальше и мучиться. Только жаль, прибавил он, что вы не предвидели этого в Петербурге: теперь некого взять на ваше место. Он выхлопотал мне даже у посланника поручение в Берлин и Варшаву, чтобы я мог воротиться на казенный счет. И я несколько дней прожил в Лондоне надеждою увидеться скоро с Вами опять. Посланник сказал, чтобы я съездил скорее в Портсмут за своими вещами и явился опять к нему за бумагами. Я приехал третьего дня в Портсмут и — не поехал более в Лондон, а еду дальше вокруг света. Опять задача — вот поймите-ка меня, не поймете. Уж так и быть скажу: когда я увидел свои чемоданы, вещи, белье, представил, как я с этим грузом один одинешенек буду странствовать по Германии, кряхтя и охая отпирать и запирать чемоданы, доставать белье, сам одеваться да в каждом городе перетаскиваться, сторожить, когда приходит и уходит машина и т. п.,—на меня напала ужасная лень. Нет уж, дай лучше поеду по следам Васко-де-Гама, Ванкуверов, Крузенштернов и др., чем по следам французских и немецких цырульников, портных и сапожников. Взял да и поехал. Опять тот же капитан устроил дальнейшее мое путешествие, сказал адмиралу, что я не прочь и дальше ехать, что я надеюсь привыкнуть. Адмирал был здесь и опять призвал меня, сказал, что конечно мне лучше ехать, что ревматизм в щеке пройдет под тропиками, где о зубной боли не слыхивали, что к шуму и беготне я так привыкну, что перестану и замечать, что если для меня, как для незнакомого человека с морем, страшны опасности, лишения, так в обществе 500 человек их легче сносить, что наконец я буду после каяться, что отказался от такой необыкновенной экспедиции. Я остановил его словами: я е д у. И вот еду, прощайте. Все, что только есть дурного в морском путешествии, мы испытали и испытываем. Выехали мы в мороз, который заменился резкими ветрами; у Дании стало потеплее, как у нас бывает в сенях осенью; а я перед открытым окном раздевался, потому что когда окно закрыто, да выпалят, так окно в дребезги; уж у меня два раза вставляли стекла. В качку иногда целый день не удается умыться, некогда, а в Немецком море, когда мы десять дней лавировали взад и вперед, нисколько не подвигаясь дальше, стали беречь пресную воду, потому что плавание могло продолжиться месяц, и выдавали для умыванья морскую, которая ест глаза и не распускает мыла. Мой Фадеев воровал мне по два стакана пресной воды — будто для питья. И на капитанском столе стали тогда чаще являться солонина, так что состарившиеся более от качки и морских беспокойств, нежели от времени, и ослепшие от порохового дыма куры и утки да выросшие до степени свиней поросята поступили в число тонких блюд. И теперь, сидя за этим письмом, закутанный в тулуп и одеяло, я весь дрожу от холода, в каюте сыро; отовсюду дует, дохнешь и пустишь точно струю дыма из трубки, а все дальше хочется, дальше. Мало того, меня переводят из адмиральской каюты, в самый низ, с офицерами, где каюты темные, душные и маленькие, как чуланчики, рядом в общей комнате вечный крик и шум, других кают нет, фрегат битком набит, и я еду, еду, с величайшей покорностью судьбе и обстоятельствам, даже с странной охотой—

испытать эти неудобства, вкусить крупных и серьезных превратностей судьбы. Говорят, что мы вкусили будто бы самое неприятное,—не верится. Впереди—если не будет холода, так будут нестерпимые жары, если не будет беспокойной качки Немецкого моря, так будут океанские штормы и тому подобные удовольствия. Правда, как только мы выступили, у нас сорвался сверху и упал человек в море: спасти его было нельзя, он плыл за фрегатом и время от времени вскрикивал, потом исчез. Таково было наше обручение с морем. Потом появилась холера: мы по-морскому похоронили троих матросов, потом в Зунде сели на мель. Были туманы, крепкие ветры, а плавание до Англии считается самым опасным. Я вам не писал ничего об этом, чтоб не было преувеличенных толков, потом хотелось написать вам побольше, вдруг, да все или развлекался, или зубы болели.—Когда офицеры узнали, что я хочу воротиться, они—странно—опечалились, стали упрашивать, чтоб я остался, я сказал, что предоставил капитану переделать дело, как он хочет: если переделает, я останусь и буду молчать, если нет, тоже молча уеду. Некоторые побежали к капитану и просили опять поговорить с адмиралом. И что я им сделал, что им во мне? Дуюсь, хандрю, молчу—а они! чудеса! Адмирал сказал мне, что главная моя обязанность будет — записывать все, что мы увидим, услышим, встретим. Уж не хотят ли они сделать меня Гомером своего похода? Ох, ошибутся: ничего не выйдет, ни из меня Гомера, ни из них — аргивян. Но что бы ни вышло, а им надо управлять судном, а мне писать, что выйдет из этого—бог ведает.

Я воображал, Николай Аполлонович, милейший, неиспытанный, но прочнейший друг мой, вас на своем месте и часто; как бы Вы довольным были всякою дрянью: и в койке-то вам бы казалось спать лучше всякой постели, и про солонину сказали бы, что лучше на берегу не едали, как бы Вы сами себе доставали белье, скидали и надевали сапоги, и как бы уладили все в своей каюте. А работы много — надо установить все так, чтобы от качки не ходило: и коммод пригвоздить к стене (а у меня только привязан, вы бы пригвоздили и себе и мне), и книги, и подсвечники, графины укрепить, и подпилить почти все ножки у мебели. На Немецком море особенно я вспомнил о Вас: около фрегата появились касатки, млекопитающие животные, толстые, черные, и беспрестанно перекидывались поверх волн.

Фрегат наш теперь в доке; кое-что исправляют, прибавляют еще пушек, приделывают аппарат для выделывания пресной воды, и мы пробудем здесь, пожалуй, недели три. Хотел было в Париж ехать, да меня сбило с толку предполагавшееся возвращение в Россию. Дня через два думаю ехать опять в Лондон (3½ часа езды по железной дороге) и, если будет возможность — во Францию, хоть на неделю.—Мы пока помещены в гавани, на старом английском корабле, все в беспорядке.

Вот письмо к концу, скажете Вы, а ничего о Лондоне, о том, что вы видели, заметили. Ничего и не будет теперь. Да разве это письмо? Опять не поняли? Это вступление (даже не предисловие, то еще впереди) к Путешествию вокруг света, в 12 томах, с планами, чертежами, картой японских берегов, с изображением порта Джаксона, костюмов и портретов жителей Океании И. Обломова.

Ну, обнимаю Вас, друзья мои, и смущаюсь только тем, что увижу Вас не раньше трех лет. Ах, если бы годика через полтора. Я бы даже готов был воротиться через Сибирь на этом условии. А мы еще не знаем, как пойдем. Говорят, не через Бразилию, а прямо в Новую Голландию: дней 80 пробудем в море, не видя берега. Вы, Николай Аполлонович, и Вы, Евгения Петровна, не прочтете моего маранья, но Вы, Аполлон, Старик (целую вашу Старушку) [8], и Вы, Льховский, конечно, поможете разобрать, если только станет

franco.

Russia St-Pétersbourg.

Ея Высокоблагородію
Юніи Дмитріевнѣ
Ефремовой.
въ С.Петербургѣ.
На углу Большой Садовой улицы и
Екатерингофскаго проспекта въ домѣ
Полосухина, бывшемъ Адама. (входъ
съ Садовой).

Portsmouth

ВИД ПОРТСМУТА, ПРИСЛАННЫЙ ГОНЧАРОВЫМ Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ, И КОНВЕРТ, В КОТОРОМ ОН БЫЛ ОТПРАВЛЕН

Институт Русской Литературы, Ленинград

охоты. Капитан, я думаю, посмотрит да и скажет: за какое это наказание читать? Бурька, а ты что? Чай все по игрушечным лавкам?

Теперь следует, как у мужиков водится, начать: и кланяйтесь Александру Павловичу, да Владимиру Григорьевичу, да Василию Петровичу и Любови Ивановне, Анне Васильевне, Михаилу Васильевичу, да Юлии Петровне с детьми, да Дудышкину, да [не разобр.], да Филиппову, да Марье Федоровне, да Михаилу Петровичу, да Степану Дмитриевичу [9], но пусть извинят меня те, кого не упомянул, я не забыл и не забуду никого, а просто лень.

Что касается до этого и следующих писем, то Вы, Николай Аполлонович, обещали не давать их никому, а прятать до меня, потому что после я сам многое забуду, а это напомнит мне: быть может понадобится. Притом я пишу без претензии для Вас и других самых коротких друзей, от того и желал бы, чтобы прочли только они; Вы их всех знаете. Если будут спрашивать, скажите, что кто-нибудь взял, да и не принес. Языковым напишу.

Катерине Федоровне привет [9].

Прочитав все, что написал, совещусь, посылать ли, но и писать опять лень, так не давайте же читать никому, тем более, что это письмо относится только до одних Вас, да Юнии Дмитриевны, да Льховского—и только же: для своих. Элькану [10] скажите, что предсказания его фальшивы: я не спился, да и надежды нет: моряки пьют по рюмке водки за обедом, да по рюмке вина, а за ужином опять по рюмке водки, а вина нет, и только. А некоторые и совсем не пьют, чуть ли я не главный пьяница. Англичанки—чудо, но о женщинах после когда-нибудь.

Я уже в Д—т писал к Кореневу [11], что еду назад: Вы, Старик, скажите ему, что это опять изменилось, меня даже испугала мысль воротиться. Перед отъездом я опять напишу ему и тогда скажу, как можно ко мне писать и куда. Адмирал писал в Петербург, чтобы нашим родным и знакомым дозволили посылать письма через Англию с казенными депешами из Министерства Иностранных Дел (Заблоцкий [12] знает) туда, где будем: надо только помнить сроки, но я напишу об этом.

[1] Капитан—И. В. Унковский (1822—1886) считался одним из лучших командиров русского парусного флота. Живо написанный биографический очерк его см. у В. К. Истомина «Адмирал Унковский», «Русск. Арх.» 1887 г., кн. I и II, 1889, кн. IV.

[2] «Безмолвное море, лазурное море»—строка из стихотворения В. А. Жуковского.

[3] См. прим. к письму № 1—Майковы.

[4] Льховский, Ив. Ив. (1829—1867)—один из ближайших друзей Гончарова (см. ниже письма Гончарова к нему), служивший в Министерстве финансов, позднее в Сенате. В конце пятидесятых годов Льховский сам совершил кругосветное путешествие, побывав между прочим на мысе Доброй Надежды и в Японии. Очерки своего путешествия Льховский печатал в «Морск. Сборнике» за 1861—1863 гг.

[5] «Юнинька»—Юния Дмитриевна Ефремова (рожд. Гусятникова), близкий и доверенный друг Гончарова. О ней см. Б. Л. Модзалевского. «Врем. Пушк. Дома» на 1914 г., стр. 107—124 и его же в «Невск. Альманахе», 1917 г., ч. II.

[6] Гончаров имеет в виду знаменитое начало «Писем русского путешественника» Карамзина: «Расстался я с вами, милые, расстался»... и рассуждения о дружбе в романе Ф. Б. Булгарина «Иван Выжигин».

[7] «К графу»—гр. Ф. П. Вронченко, тогда министру финансов, начальнику Гончарова по службе в Департаменте внешней торговли.

[8] См. прим. к письму № 1—Майковы, «Капитан»—Конст. Ап. Майков, брат Н. А. Майкова, служивший тогда в Главном штабе и отличавшийся оригинальностью своего нрава.

[9] Ефремов Александр Павлович—муж «Юниньки» (о нем см. Модзалевский, Б. Л., назв. сочин.); Владимир Григорьевич Бенедиктов, известный поэт, приятель Майковых и Гончарова, которому он посвятил послание по случаю отъезда в экспедицию; Василий Петрович, Любовь Ивановна, Екатерина Федоровна—знакомые Майковых, о которых нам не удалось собрать сведений; Юлия Петровна, сестра Евгении Петровны Майковой, бывшая замужем за Михаилом Васильевичем Кошкаревым, пензенским помещиком, Филиппов—возможно, что кто-нибудь из родственников петрашевца

П. Н. Филиппова (1825—1855), знакомого Валер. Ник. Майкова; Яновский, Степан Дмитриевич (1817—1897), врач. Был близок с Валерьяном Ник. Майковым, вращался среди петрашевцев, дружил с Ф. М. Достоевским, о котором оставил обширн. воспоминания. Дудышкин, С. С.—известный литературный критик,, приятель Гончарова.

[10] Элькан, Алексей Львович—мелкий журналист, втиравшийся во все литературные кружки и имевший подозрительно широкие знакомства во всех слоях общества. «Личность темная и подозрительная» (Б. Л. Модзалевский).

[11] Коренев, Андр. Петрович—старший сослуживец Гончарова по Департаменту внешней торговли Министерства финансов.

[12] Заблоцкий, Михаил Парфенович—знакомый Языковых и Майковых, чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Через него шла корреспонденция Гончарова из плавания и письма к нему на «Палладу».

4. Е. А. и М. А. ЯЗЫКОВЫМ

Портсмут, 8/20 декабря [1852]

Пять дней тому назад я воротился из Лондона, и мне тотчас же вручили Ваши письма, любезные друзья Михайло Александрович и Екатерина Александровна. Наверно я больше обрадовался им, нежели Вы моему письму. Я здесь один—почти в полном смысле слова. Вы же в семье и с друзьями.— Поздравляю Вас с дочерью: это мой будущий друг, по крайней мере я не отчаиваюсь рассказать и ей об африканских людях. Вы, Екатерина Александровна, пишете, что Вам скучно: не верю, не от чего. Стоит только послать Михаила Александровича месяца на два в Финляндию или в Москву, так и скука пройдет: ожидание, а потом возвращение его — вот Вам и радость. Просто Вы блажите, потому что счастливы — как только может быть счастлива порядочная женщина — мужем и детьми. Разве что денег нет — вот это горе, но уж если так заведено, что без какой-нибудь занозы никак нельзя прожить, так нечего делать, надо побыть и без денег. Я так вот очень рад, что Ваше происшествие, как Вы называете рождение дочери, сошло с рук благополучно. Вы и не путешествовали, а происшествий то у Вас было не мало.—Нужно ли Вам говорить, что я беспрестанно вспоминаю о Вас? И в Лондоне, и здесь, и на пути до Англии мне все еще мерещилось мое петербургское житье-бытье, и я при каждом случае мысленно вызывал то того, то другого из своих приятелей разделить какое-нибудь впечатление. Когда будете у Майковых, они может быть прочтут Вам кое-какие подробности моего путешествия из письма, которое посылаю к ним сегодня же. Прибавить к этому почти нечего, разве только то, что мы все продолжаем испытывать неудобства, не наслаждаясь еще ничем из того, что так манило вдаль. Небо, море, воздух почти все те же, что и [у] нас. Здешняя зима — это наша осень и на дворе сносно, в комнате тоже хорошо, потому что в каждой комнате непременно камин, но на корабле холодно и сыро. Пока я был в Лондоне, дождь шел там почти каждый день, и этот город, и без того мрачный от дыма, тумана и некрашенных, закоптелых домов, казался еще мрачнее. В полдень надо было писать при свече. Я осмотрел, что только мог в 17 — 18 дней, и вот опять здесь. Наскучит сидеть на корабле, пойдешь бродить по Портсмутским улицам, исходишь весь город, воротишься и опять очутишься в кругу тех же людей, с которыми придется пробыть года три. Как я порассмотрел некоторых из них, так меня немного коробит при мысли — встречаться с ними ежедневно лицом к лицу. Другие сносны, а некоторые и очень милы, только весьма немногие. Впрочем я не очень тужу об этом, особенно когда беспристрастно спрошу себя: да сам-то я мил ли? Ответивши самому себе, тоже по возможности беспристрастно, на этот вопрос, я уже без всякой желчи протягиваю руку всем, и милым, и немилым, и сносным. Терпимость — великое достоинство, или лучше сказать, совокупность достоинств, обозначающих в человеке

характер, стало быть все. Впрочем я, как только могу, стараюсь примириться со всеми настоящими и будущими неудобствами путешествия, даже мысленно, воображением укатываю разные кочки и успеваю иногда до того, что мне делается легче при толчке. Этим искусственным способом я выработал в себе драгоценную способность — не скучать. Для этого мне стоит только по временам живо напоминать себе мое петербургское житье со всеми подробностями и особенно продолжить его вперед по той же программе, и в одну минуту во мне опять возрождается охота ехать дальше и дальше; тогда мне ясно представится, что, уезжая, я выигрываю все, а проигрываю только материальное спокойствие да некоторые мелкие удобства, лишение которых исчезает перед интересом моей затеи. А когда воображение разгуляется да немного откроет картину чудес, ожидающих нас впереди, когда почувствуешь в себе не совсем еще угаснувшую потребность рисовать— так в одну минуту увидишь, что непременно надо было уехать, даже покажется, что иначе и не могло случиться. От этого я довольно равнодушен к тому, что вот уж третий месяц я живу как будто в сенях, в холоде и сырости, сплю в койке, до которой прежде может быть не решился бы дотронуться, помещаюсь, пока фрегат еще в доке, на бивуаках, вчетвером в одной каюте старого английского корабля, что вещи мои разбросаны, бумаги и книги в беспорядке, что разъезжаю по рейду в лодчонке в такую погоду, в которую в Петербурге не показываю носа на улицу и т. п. Даже еще хуже: теперь, когда на фрегате поселился адмирал, стало теснее, и мне придется жить в одной из офицерских кают; не знаю, видели ли Вы их, Михаил Александрович, когда мы вместе были на фрегате? Это гораздо меньше того уголка, в котором жил у вас Софрон [?] с Андрюшей и без окон, с круглым отверстием, чуть не с яблоко величиною, которое великолепно называют люминатором, так что почти ни света, ни воздуха. В верхней каюте я выпросил только себе уголок поставить столик для занятий. К этому ко всему представьте странность или фальшивость моего положения среди этих людей, которые почти все здесь — в своей тарелке, военные формы, к которым я не привык и которых не люблю, дисциплина, вечный шум и движение — и Вы сознаетесь, что мне дорого обойдется дерзкое желание посмотреть африканских людей. Ваша Еничка правду говорит, что я уехал на лысую гору, почти в роде этого, только и не достает ведьм, судя по тому, что рассказывает наш штурман, который едет вокруг света в четвертый раз. Что будем делать, еще сами не знаем, только к 50 пушкам прибавили здесь еще 4 бомбические пушки (для бросания бомб), а в трюме лежит тысяча пуд пороху.

Адмирал изредка поручает мне писать кое-какие бумаги, но в должность свою я порядком еще не вступил. Большую часть бумаг, и именно по морской части, пишет он сам с капитаном Посьетом,[1] который взят по особым поручениям. Мне он объявил, что главною моею обязанностью будет вести журнал всего, что увидим, не знаю, для чего, для представления ли отчета, или чтоб напечатать со временем. Вы верно знаете, что я хотел было воротиться, так болел у меня висок, щека и зубы; адмирал согласился и даже выпросил было мне у посланника казенное поручение, но потом он был очень доволен, когда я остался, сказав, что отъезд мой поставил бы его в большое затруднение, что ему некем заменить меня. Ревматизм мой, слава богу, пока молчит, чтоб не сглазить только. В Субботу (сегодня Понедельник) назначено выйти отсюда, но только удастся ли, не знаю. Вон наш транспорт Двина хотел было уйти месяц тому назад, да за противными ветрами стоит еще и теперь на рейде. — Кстати о Двине: однажды у нас на фрегате обедали все офицеры с Двины; между ними я увидел одного с таким же румянцем и усиками, как у друга моего, Августы Андреевны[2], с такими же глазами, какие были у нее — я тотчас же догадался, что это

должен быть Колзаков[3], подсел к нему и мы проболтали целый вечер; при чем перебрали всех Колзаковых и Вас. Он поручил мне кланяться Вам, а я его просил о том же.

Может быть это мое последнее письмо к Вам из Англии. Едва ли успею написать еще: надо писать и к своему начальству, и к сослуживцам, и к родным, а времени немного. Я пользуюсь отсутствием адмирала; он воротится из Парижа, куда отвез жену, и верно завалит бумагами. До свидания же, не забудьте, ради бога, меня, пишите мне чаще обо всем по тому же адресу, который я послал Кореневу. Если увидите его, скажите, что я ему напишу перед отъездом. Кланяйтесь всем нашим общим приятелям и Анненкову; я думаю, он у вас теперь: мне завидно.

До свидания, до свидания. Целую Ваших детей. Весь и всегда Ваш

Гон[чаров]

Не забудьте поклониться Достоевским[4], Андрею Андреевичу с Александрой Алексадр.[5] и Вячеславу Васильевичу с семейством.

Целую Ваши ручки с обеих сторон, Екатерина Александровна, по случаю прошедших Ваших именин. Я очень живо представляю себе этот день, сначала были дети Язык., потом часов в 12 ночи Панаев и Лонгинов и прочие; недоставало только меня: я по обыкновению забрался бы с утра. Лонгинову, Панаеву, Некрасову, Мухортову, Боткину, Никитенке[6] etc. всем напомните обо мне, поблагодарите особенно кн. Одоевского[7] за добрую память и расположение.

Едем через неделю.

[1] Посьет, Константин Николаевич (1819—1899), позднее адмирал, мин. путей сообщения. Человек очень образованный и культурный, он принадлежал к числу наиболее приятных спутников Гончарова, который выводит его в Очерках под инициалами «П.», «К. Н.», «К. Н. П.». На «Палладе» он был «для особых поручений» при Путятине.

[2] Колзакова, Августа Андреевна — сестра ген.-м. Андрея Андреевича Колзакова, женатого на сестре М. А. Языкова — Александре Александровне.

[3] Колзаков, Андрей Андреевич, позднее капитан I ранга, сын предыдущего.

[4] Достоевские, Мих. Мих. (1820—1864), и его жена Эмил. Фед.

[5] Андрей Андреевич и Александра Александровна Колзаковы (см. выше).

[6] Лонгинов М. Н. (1823—1875), библиограф, историк, тогда член кружка «Современника».

Мухортов Зах. Ник. — знакомый Языковых, чиновник канцелярии Морского министерства.

Боткин, Василий Петрович (1810—1869) — писатель.

Никитенко, А. В. (1804—1877) — профессор литературы, критик, цензор позднее один из ближайших друзей Гончарова.

[7] Одоевский, Вл. Федорович (1803—1869) — писатель и общественный деятель, филантроп.

5. Е. А. и М. А. ЯЗЫКОВЫМ

Портсмут

Спитгедский рейд, 27 декабря/8 января 1852/53

Не удивляйтесь, что, я распростившись с Вами надолго во втором моем письме, пишу еще третье. Мы все ни с места. Буквально сидим у моря и ждем погоды, а с нами еще до полусотни кораблей. Мы каждый день собираемся в океан, а ветер дует оттуда, да ведь какой: иногда воем своим целую ночь не дает соснуть. Перед праздниками мы вытянулись на рейд, думая через день, через два уйти, да как бы не так. Тут некоторые недавно сунулись было, но поднялась буря, и они обломанные и общипанные воротились назад, а один в канале натолкнулся на риф и разбился в щепы. Сегодня праздники; меня в эти дни особенно прихватила хандра. Я всегда был враг буйного веселья, в армяке ли оно являлось передо мной или во фраке, я всегда прятался в угол. Здесь оно разыгралось в матросской куртке. Я вчера на-

рочно прошел по жилой палубе посмотреть, как русский человек гуляет. Группы пьяных, или обнимающихся, или дерущихся матросов с одним и тем же выражением почти на всех лицах: нам море по колено; подойди кто-нибудь: зубы разобью, а завидят офицерский эполет и даже мою скромную жакетку, так хоть и очень пьяны, а все домогаются покоробиться хоть немножко так, чтоб показать, что боятся или уважают начальство. Я ушел в свою каюту, но и сюда долетают до ушей топот, песни, звучные слова и волынка. Скучно, а уйти некуда. Письма — единственное мое развлечение. Когда я с утра собираюсь писать к приятелям, мне и день покажется сносен. Не знаю, как я буду в море: пойдем прямо в Вальпарайзо и стало быть около трех месяцев не увидим берегов.—В первый день праздника была церковная служба, потом общий обед, т. е. в кают-компании у офицеров, с музыкой, с адмиралом, с капитаном, с духовной властью и гражданскими чиновниками. Вечером отыскали между подарками, которые везем в дальние места, китайские тени и давай показывать. На столе дессерт, вино, каюта ярко освещена, а на палубе ветер чуть с ног не сшибает; уж у отца Авакума две шляпы улетели в море, одна поповская, с широкими полями, которые парусят не путем, а другая здешняя. Все бы это было очень весело, еслиб не было так скучно. Но слава богу, я выношу сверх чаяния довольно терпеливо эту скуку́, морскую суку (не для дам) (см. Тредьяковского); меня с нею мирит мысль, что в Петербурге не веселее, как я уже писал Вам.

Вы, Екатерина, Александровна в Вашем письме пожалели, что я претерпеваю бедствия. Да, не знаю, что будет дальше, а теперь претерпеваю. Сами посудите: только проснешься утром, Фадеев (что мой Филипп перед этим? тот поляк в форме русского холопа, весь полонизм ушел в грязный, русский, лакейский казакин, и следов не осталось, а этот с неимоверной смелостью невредимо привез Костромской элемент через Петербург, через Балтийское и Немецкое моря и во всей его чистоте, с неслыханной торжественностью, внес на Английский берег, и я уверен, так же сохранно объедет с ним вокруг света и обратно привезет в Кострому), — так вот этот самый Фадеев принесет мне в каюту чай, потом выдешь на палубу, походишь, зайдешь к капитану, тот пьет кофе или завтракает, с ним съешь кусочек стильтона. Опять бежит Фадеев: «поди ваше, высокоблагородие: адмирал зовет тебя (мы с ним на ты) обедать». Что ты врешь: в 11 часов обедать? — «Ну так вино что ли пить — только поди, а то мне достанется: подумают—не сказал». Адмирал [зовет] звал чай пить: он думал, что я до обедни не пил чаю. — После того, зайдешь в кают-компанию, там сядятся обедать: возьмешь да и поешь, или выпьешь стакан портеру, рюмку вина. Часа в три опять зовут к капитану или к адмиралу — обедать. После этого только лишь приотдохнешь, как в кают-компании в 7 часов подают чай и холодный ужин. Опять на палубу или на улицу, как я называю это, погулять. Посланный от капитана зовет посидеть вечерок; а как этот вечерок тянется иногда до 2-х часов, то и опять закусишь. — Вот что терпишь иногда в море. За то сколько удовольствий впереди: жары, от которых некуда спрятаться; на палубах и в верхних каютах пропекает насквозь полуденное солнце, а внизу духота; у Горна морозы, от которых еще мудренее защититься, и бури, от которых вовсе нет защиты; по временам солонина, одна солонина с перемежкой ослепших от порохового дыма и состарившихся от качки кур и гусей, да вода, похожая на квас, да одни и те же лица, те же разговоры. Я дня три тому назад с особенною живостью вспомнил и даже вздохнул по Вас и по Вашей светлой и теплой зале. Соскучившись на фрегате, я взял шлюпку да и в Портсмут, хотя и там не много веселее, я город знаю наизусть. Шатался, шатался там, накупил по обыкновению всякой дряни полные карманы, благо все дешево. Сигарочницу, а их у меня уж шесть, еще немножко сигар, а их лежит в ящике 600,

Н. В. ПУТЯТИН
Начальник экспедиции на фрегате «Паллада»
Фотография
Военно-Морской Музей, Ленинград

до Америки станет, какую-то книгу, которую и не прочтешь, там футляр понравился, или покажется, что писчей бумаги мало, и писчей бумаги купил, да так и прошатался до вечера. А ехать до фрегата добрых версты три, четыре, с версту гаванью, а остальное открытым морем. Между тем ветер свежий и холодный; поехал я на вольной шлюпке, потому что фрегатскую долго на берегу держать нельзя. Пока ехали гаванью, не казалось ни очень холодно, ни ветрено, а как выехали за стены, да как пошла шлюпка зарываться в волнах — так мне и показалось, что у Вас в зале, между Михаилом Александровичем и Анненковым, против Екатерины и Элликониды Александровны гораздо удобнее и теплее. Но это бы все ничего, а беда в том, что на рейде стоит более полусотни кораблей, саженях в 150, 200 и более друг от друга. А ночью touts les chats sont gris *: ни я, ни перевозщики (их двое) не знаем, где рошиен фрӥгэт (russian frigate) да и только. Подъезжали судам к десяти, и все слышим — *no*, да *nein*. А ветер, а холод: только и знаешь, что одной рукой держишь шляпу, а другой натягиваешь пальто на ноги. «Ну, думаю, как приеду, выпью целый чайник чаю, спрошу водки, ужинать». Приехал, а у нас всенощная, и я около часу стоял, дрожа и переминаясь с ноги на ногу! И сколько таких, и слава богу, если еще только таких эпизодов, ждет каждого из нас впереди. — Ну, наконец мне отвели постоянную квартиру: Вы ее знаете, Михаил Александрович? это та самая, в которой, помните, мы так долго ждали лейтенанта Бутакова? [1]. Только ее перегородили на две части: одну отдали Посьету, адъютанту адмирала, а другую мне. Подле двери окно и маленькая щель, или по здешнему, люминатор, сверху дают мне свет. Мне предлагали каюту внизу, вме-

---

* Все кошки серы.

сте с офицерами, но там ни света, ни воздуха и вечный шум от 20 человек офицеров, собирающихся тут же рядом в кают-компании. Вверху тоже шум от маневров с парусами, но к этому, говорят, можно привыкнуть, притом он происходит все-таки вне каюты, а внизу в самой каюте, потому что она в одной связи с общей каютой. Я, или лучше сказать, Фадеев убрал очень порядочно мой уголок: Я купил хорошенькой материи для обивки, клеенки, а казна дала прекрасное бюро и коммод. Наделали мне полок, на которых разместились все книги и разная дрянь, составляющие неизбежную утварь всякого угла, как бы он ни был мал. Только Фадеев распорядился так, что книги все (он же у меня библиотекарь) уставил назад по темным углам за занавеской, а дрянь, как то: туфли, щетки, ваксу, свечи и т. п. выставил вперед. «Зачем, мол, это ты так распорядился?» «А легче—слышь, доставать». «Да ведь и книги надо доставать!» «Третий месяц как едем, ни одной не доставали!» простодушно отвечал он. «Правда твоя, сказал я, оставь их там, где поставил».

Посылаю два вида Портсмутской гавани — Николенке охотнику до кораблей. Вот где мы простояли недель пять: саженях во сто подле этого корабля, Victory, который Вы тут видите на большой картинке. На другой, поменьше, виден паровой пловучий мост, переправляющий за одну пенни из одной части города в другую. Скажите моему маленькому другу, что я до африканских людей еще не доехал. Всех прочих целую. Что Ваше здоровье, что Вы делаете? Когда получу ответ на этот вопрос и где? Сам постараюсь писать даже с моря: говорят, можно с встречными кораблями отправлять в Европу письма.

Вот и день прошел. К вечеру мне делается как-то тяжело, не от этих обедов и завтраков, а нервическая тяжесть. Утром я бодр и иногда даже весел, но к ночи не знаю, куда деться от хандры. У капитана только и есть маленькое прибежище: к нему придет мой сосед Посьет, еще кто-нибудь, например Римский-Корсаков [2], командир отправляющейся с нами же шкуны; каюта отделана роскошно; в ней жил великий князь прежде, засветят лампы, окна настежь, камин, чай, фортепиано и живой разговор — все это помогает забываться, иногда так забудешься, что как будто сидишь где-нибудь в Морской. Досадно только, что на военных судах есть некоторые скучные ограничения: например на палубе нельзя есть, это парадная площадь: курить разумется вовсе нельзя, кроме как в кают-компании и в капитанской каюте, но мы покуриваем и в своих; в Воскресенье надо быть в форме, а как у меня нет никакой, то я по будням хожу в старой жакетке и в старом жилете, а в праздник надеваю новую и черный жилет. Фрак берегу для больших оказий.

Что вам сказать еще. Теперь пока не имею права ничего говорить: наш настоящий поход еще не начался. Что будет, как выдержу все труды, страхи и лишения, не знаю, только задумываюсь. Впрочем кого из близких знакомых ни поставлю на мое место, вижу, как едва ли кто годился вполне в этот подвиг. Все не понимаю, зачем это судьба толкнула меня сюда? Я решительно никуда теперь не гожусь по летам, по лени, по мнительному и беспокойному характеру и наконец по незавидному взгляду на жизнь, в которой не вижу толку. Мне даже стыдно становится под час: сколько бы людей нашлось подельнее, которые бы с пользой и добром себе и другим сделали этот вояж! А я точно дерево, как будто и не уезжал никуда с Литейной. Разве что суждено мне умереть где-нибудь вдалеке, так это могло бы случиться и проще, дома, особенно теперь, в холеру. Тут есть какой-то секрет; узел мудрен, не могу распутать. Подожду, что будет.

Прощайте, до свидания. Обнимаю Вас, милый мой друг Михаил Александрович, и Вас, если позволите, Екатерина Александровна. Желаю Вам хорошего Нового года. Не забудьте меня, а я припоминаю Вас всех на каж-

дом шагу; увижу ли где-нибудь замечательное, случится ли что-нибудь особенное, сейчас мысленно зову Вас разделить мое удовольствие или неудовольствие, смотря по обстоятельствам. Кланяйтесь всем, Коршам пожалуйста не забудьте. А писем моих не показывайте никому: они пишутся к Вам и для Вас, без всяких видов, и пишутся небрежно, а другие взыщут. Вас, Элликонида Александровна, [3] прошу уделить мне немножко дружеской памяти. Я во втором письме писал к Вам особо маленькое письмо. Прощайте и надолго. Кланяйтесь Андрюше. Не сердится ли Вячеслав Васильевич, что я послал ему доверенность с просьбой переслать ее в Симбирск.

Другу моему [4], знаете какому, вечный и неизменный поклон.

Андрею Андреевичу, Александре Александровне, Михаилу Александровичу тоже.

[1] Бутаков Иван Иванович (ум. в 1882 г.), позднее вице-адмирал. На «Палладе» был старшим офицером, но из Сингапура был отправлен Путятиным в Петербург с докладами и просьбой прислать на замену «Паллады» новый фрегат — «Диану». На «Диане» Бутаков и совершил плавание в Де-Кастри, где был зачислен в Амурскую флотилию. См. общ. Морской Список.

[2] Римский-Корсаков, Воин Андреевич (1822—1871), позднее адмирал. Один из интереснейших русских моряков второй половины XIX века, известный своим гуманным обращением с матросами, убежденный сторонник реформ, прекрасный педагог. Гончаров с ним очень быстро завязывает самые дружеские отношения, но в Англии им пришлось расстаться, так как Корсаков принял командование шкуной «Восток», купленной в Англии и служившей авизо для «Паллады». О нем см. Дм. Мертваго. «Несколько слов в воспоминание к.-адм. В. А. Римского-Корсакова». Морской Сборник, 1872, кн. 3; статьи и воспоминания самого В. А. «О морском воспитании». Морской Сборник, 1860, № 7, случаи и заметки на шкуне «Восток». Там же, 1858, № 5, 6 и 12; «Дневники из японской экспедиции» там же, 1895, № 10—12, 1896, № 1, 2, 5, 6, 9. В Очерках «В. К.», «В. А. К.».

[3] Элликонида Александровна — см. выше прим. № 1.

[4] «Друг мой» — Августа Андреевна Колзакова.

Андрей Андреевич и Александра Александровна Колзаковы. См. прим. к п. № 2 и 3.

6. И. И. ЛЬХОВСКОМУ [1]

Английский Канал, 9/21 января [1853]

Я уже сказал Вам, кажется, что писать письма к приятелям для меня большая отрада. Вот отчего после отправленного дней пять тому назад письма к Вам пишу опять, и пишу на ходу, во время сильной качки; хотя строчки выходят кривые, рука отходит от стола или стол от руки, но я утвердился в своей позиции крепко. Мне кажется, если бы я теперь воротился домой, то первые дни жил бы непременно под влиянием нынешних моих впечатлений. Я бы не мог равнодушно смотреть на свободно стоящую мебель: мне все казалось бы, что ее надо принайтовать, а окна задраить, книги и разные мелочи установить на полках с рейками и вообще взять нужные предосторожности против качки. При первом свежем ветре, я, забывшись, ждал бы, что сейчас засвистят всех наверх брать рифы, т. е. уменьшать паруса, как это делают в настоящую минуту. Вот неудобство плавать на парусном судне: ни погулять свободно, ни сметь отдохнуть на палубе; надо совершенно благословенную погоду, чтобы можно было ходить прямо или чтобы на палубе не топталось человек 200, а часто и все 400. Этою погодою наслаждаются только в тропиках, где от сотворения мира неизменно дует один и тот же ветер, в северном полушарии в одну, а в южном в другую сторону, т. е. пассат. Но до тех пор нам еще недели три или даже месяц ждать, а теперь мы бьемся третьи сутки в англий * (вишь, ведь, как качнуло) ском канале. Снялись с якоря 6-ого Января в крещенье, рано утром, при попутном ветре, а к вечеру задул противный, и мы лавируем то правым, то левым галсом, а вперед почти ни

* Далее в рукописи неправильная черта, точно от толчка под руку. [Ред.]

на шаг. Делать нечего: казенные бумаги мы все отправим с консулом, снимаясь с якоря, тогда и я послал письмо к Кореневу и Майкову, а это письмо пошло с английским лоцманом, который провожает нас по всему каналу, до самого океана. Делать, я говорю, теперь нечего: маленький, 13-летний Лазарев [2] (сын адмирала), с которым я по просьбе капитана занимаюсь русским языком, занят теперь делом: его тошнит или травит, как здесь шутя говорят, толкнешься к отцу Аввакуму—тот или сидит у адмирала и кушает или почивает; чиновника из Министерства Иностранных Дел [3] травит пуще Лазарева; капитан и офицеры в свежий ветер неистово преданы своему делу, кричат, командуют, все наверху, мой сосед, милейший добрый Посьет пишет вот рядом со мной письма. Отчего же и мне не написать? Я знаю, что Вы не будете в претензии, как бы и что бы я не написал: видите, как я уверен в Вашей дружбе!—Плавание в бурное время по Английскому каналу считается не совсем удобным: место не широкое, раздолья большому судну мало, а валяет на обе стороны так, что держись: от того и берут лоцмана, хорошо знающего местность. Он и в туман, по грунту, доставаемому лотом, узнает место и указывает, куда держать. Всего опаснее ночи: боятся, как огня, встречи с кораблями, которых снует по каналу взад и вперед множество. Если столкнуться с кораблем побольше нашего, то мы пойдем ко дну, если поменьше, то ему худо, но во всяком случае, если и не ко дну, то облюмает и то и другое. От этого, лишь завидят впереди огни, поднимают вопли, жгут бенгальские огни, а иногда и палят, чтобы дать знать о себе встречному судну. Моя каюта, как Вы видели, вверху, и я все не могу привыкнуть к шуму, постоянно раздающемуся у меня над самой головой, особенно в бурю, когда работы, а с ними и шум, усиливаются. Тогда я беру подушку и отправляюсь спать в кают-компанию, на диван с не малым ворчаньем и de trés mauvaise humeur * на качку. Вот уже это третью ночь так делается: напрасно я хочу заснуть, только одна дремота, вдруг толчок на бок, все заскрипит, зашевелится, и быстро проснешься: опять знаешь — потянут какие-нибудь брассы или шкоты, или фалы, человек пятьдесят затопают ногами — как не взбеситься? Но вчера мне совестно стало за свою досаду: я лег в кают-компании и начал засыпать несмотря на сильную качку, как вдруг выбежал из своей каюты в одной рубашке бедный Гошкевич, чиновник: он со стоном бросился на круглый диван, потом перебежал на скамью, потом лег на пол, и нигде не находил места. Его рвало желчью; он мучился и тоской, и головной болью. Я дал ему воды, а потом уж не знал, что делать: нашел на полу кусочек апельсинной корки и дал ему пожевать, думая, авось поможет. Нет, ничто не помогает: я оставил его и заснул, если не сладко, то весьма покойно: но мне и сквозь сон все слышались его стенания. Многих укачивает, между прочим и некоторых офицеров. Иной командует стоя на верхней скамье, потом его потравит за борт, и он опять командует. Между прочим и адмирала однажды тоже укачало. Это здесь ни по чем. Матросам просто не велят укачиваться: пусть его травит, а он все-таки должен делать свое дело. Вчера что-то медленно накрывали на стол. Первый лейтенант послал узнать о причине; ему донесли, что повара укачало. Он строго послал ему сказать, чтобы его не укачивало — и обед тотчас подали. Я третьего дня почувствовал было какой-то намек на дурноту, но без всяких последствий, и не от качки, а от посторонних причин: я целый день не выходил на воздух, потом обедал, выпив разумеется две-три рюмки вина, и доспался до того состояния, до какого бывало, и я, и Вы, Михаил Александрович, сыпали и дома, т. е. проснешься и чувствуешь, что на голову надета горячая сковорода, а рта не разожмешь сразу, так в нем слипнется все от твердого и тяжелого дыхания. Вы в таком случае прибегали, помнится, к бане, как самому полезному средству, а я искал спа-

* Очень сердитый.

сения в соде. Вот и здесь со мной случился такой же грех, а я еще выкурил трубку прекрепкого, купленного в Портсмуте табаку и вдруг почувствовал, что меня как будто хочет укачивать, но я уверил себя, что это глупость. И в самом деле, только лишь вышел на воздух, как и следов не осталось. Так до сих пор морская болезнь и не коснулась меня, аппетит, как у кадета в Воскресенье, а морской воздух почти совершенно заменяет моцион. Если Майковы получили и читали Вам мое письмо, то Вы уже знаете, что мы идем не через Америку, а через мыс Доброй Надежды, потом через Зондский пролив в Маниллу, оттуда к маленьким островкам, под 27° с. ш., Бонин-Сима, где к нам пристанет русский корвет и еще компанейское судно, назначенные итти вместе. С нами же отсюда вышла и шхуна паровая, купленная здесь, она ныряла, как утка, а потом и разлучилась с нами: От Бонин-Сима пойдем уже в Китай и т. д. Обратный путь предполагается через Америку. И обо всем этом гораздо меньше толкуют, нежели, как бывало при сборах куда-нибудь в Царское Село или Ораниенбаум. А хотите знать расстояния? От Англии до Азорских островов 2 250 мил (каждая миля 1¾ версты), оттуда до экватора 1 020 миль; от экватора до мыса Доброй Надежды—3 180 м.; от М. Д. Н. до Зондского пролива 5 400, да нет, скучно: лучше проехать, нежели считать. Узнавайте через Александра Петровича Коренева, куда и как отправлять ко мне письма. Если напишете, тотчас же и отнесите Ваше письмо или к Кореневу или в Азиатский Департамент Министерства Иностранных Дел к столоначальнику Заблоцкому, а если случай есть, то к самому Любимову, так может быть поспеете к здешней Ост-Индской почте, и тогда я получу Ваше письмо на мысе Доброй Надежды. Из Азиатского Департамента отправят письмо с казенными депешами и скажут Вам адрес. А Вы просто напишите такому-то, на русский фрегат Паллада, по-русски и по-английски: to be forwarded on board of the russian frigate Pallas. * И впоследствии не уставайте время от времени писать и отдавать в Азиатский Департамент, справляясь там, когда посылать. Ну до свидания. Скоро второй час, сейчас обедать, а до тех пор надо побегать по палубе, или лучше сказать потанцевать, потому что в строгом смысле ходить нельзя.

Огромные, зеленого, почти изумрудного цвета волны грудами катятся, и фрегат с треском, охая тяжело, с трудом переваливается через каждую такую гряду. Берегов не видать — До вечера.

11/23 Января. До вечера: как не до вечера! Вот только на третий день после того вечера я мог взяться опять за перо. Теперь я вижу, что адмирал был прав вычеркнув в одной моей бумаге слово непременно. На море нет непременно, сказал он. И точно нет. Мы при попутном ветре хотели непременно выйти в океан, а вот уже только в сию минуту проходим знаменитый Эддинстонский маяк, огромный столп, построенный на камне среди моря. Бурун хватает, говорят, до самого фонаря. Что же помешало мне писать к Вам третьего дня вечером? Буря, но ведь какая! Я лег было после обеда спать, как нашел первый шквал: это проходное облако с дождем, градом и молнией. Суматоха поднялась страшная, беготня, топот, командование и свистки. Облако набежало на фрегат, затрясло, закачало и вымочило его. Но я так тепло укрылся в своей койке, что как ни любопытно было подойти к окну и отдернуть занавеску — но искать туфли, надевать халат! так и перетерпел любопытство, а потом, когда стало опять светло, утешил себя мыслью, что не успел. Вдруг опять потемнело; ветер загудел, как в лесу, рванул фрегат в одну, в другую сторону, и опять прошло. Через четверть часа опять стало темнеть; вижу, что спать нет возможности от возни на верху,—нечего делать — оделся собственноручно и вышел на палубу. Там было все начальство — и вся команда, разумеется

* На борт русского фрегата «Паллада».

кроме отца Аввакума, который насчет бурь и качки одинакового со мной мнения, т. е. что удобнее быть в горизонтальном положении и преимущественно в своей койке, нежели стоять на ногах, когда качает. Его тоже не укачивает. Между тем чиновник Гошкевич[3], отнюдь не разделяя нашего мнения насчет горизонтального положения, должен однакоже поневоле последовать нашему примеру, по невозможности стоять на ногах, так сильно травит его. Шквалы все сильнее и сильнее, повторялись весь вечер и всю ночь, самую беспокойную с тех пор, как мы выехали. Я добрался кое-как до кают-компании и опять-таки лег там на том самом голубом диване, который Вы, Михаил Александрович, видели в верхней каюте, и даже мы, помните, сидели на нем, ожидая долго Бутакова. Офицеры то бегали наверх, то сбегали покурить, а качка все усиливалась. Фрегат рылся носом в волнах или ложился совсем на бок. При одном таком толчке, прежде нежели я опомнился, меня с диваном бросило от стены в сторону. Сначала бывшие тут офицеры: Криднер[4], Бутаков, Лосев напугались, думая, что диваном ушибет меня, но когда увидели, что диван помчался к дверям, а я перевалился прямо на софу, устроенную около бизань-мачты, разразились хохотом, за ними и я. Они удивились, с какой ловкостью и как быстро я улегся на новом месте и как покойно падал, вытянув руки и ноги, как будто заранее приготовился. Но и всякий из них что-нибудь да получил: тот плечом хватился о косяк, другой приобрел шишку, ударившись головой о потолок, а третьего озадачило дверью.

[1] Льховский, Ив. Ив. — см. выше прим. к письму № 3.

[2] Лазарев, М. М. (Миша) — сын адмирала Лазарева, учителя и ближайшего начальника всех главных лиц экспедиции, начиная с Путятина, Унковского, Бутакова и т. д. По просьбе вдовы Лазарева Путятин взял с собой 13-летнего Мишу Лазарева в экспедицию в качестве юнкера флота с намерением сделать из него «лихого моряка». Однако из этого ничего не вышло. Юный Лазарев не обнаружил большой склонности к морю, но проявлял большие музыкальные способности. Специально для него Унковский поставил в своей каюте пианино, и мальчик доставлял всем много удовольствия своей игрой. О его дальнейшей судьбе у нас нет никаких сведений.

[3] Гошкевич, О. А. («О. А.», «О. А. Г.» очерков)—чиновник Министерства иностранных дел, знаток Дальнего Востока, прикомандированный к адмиралу Путятину драгоманом. Впоследствии первый русский консул в Японии.

[4] Криднер, Н., барон, лейтенант гвард. экипажа, бывший адъютант великого князя Конст. Ник. Наиболее близкий Гончарову человек из всей кают-компании. В Очерках дана его тонкая характеристика («Б. К.», «Б», «К»), как эгоиста и эпикурейца. Сведений о нем нам не удалось собрать. В Общем Морском Списке он не числится. Очевидно, тотчас вслед по возвращении из экспедиции ушел в отставку или переменил службу. Лосев, Н. В.—старший артиллерист на «Палладе».

Конец письма не сохранился. Повидимому, он уже по возвращении Гончарова из путешествия был использован им для подготовки печатного текста очерков.

7. ЯЗЫКОВЫМ И МАЙКОВЫМ

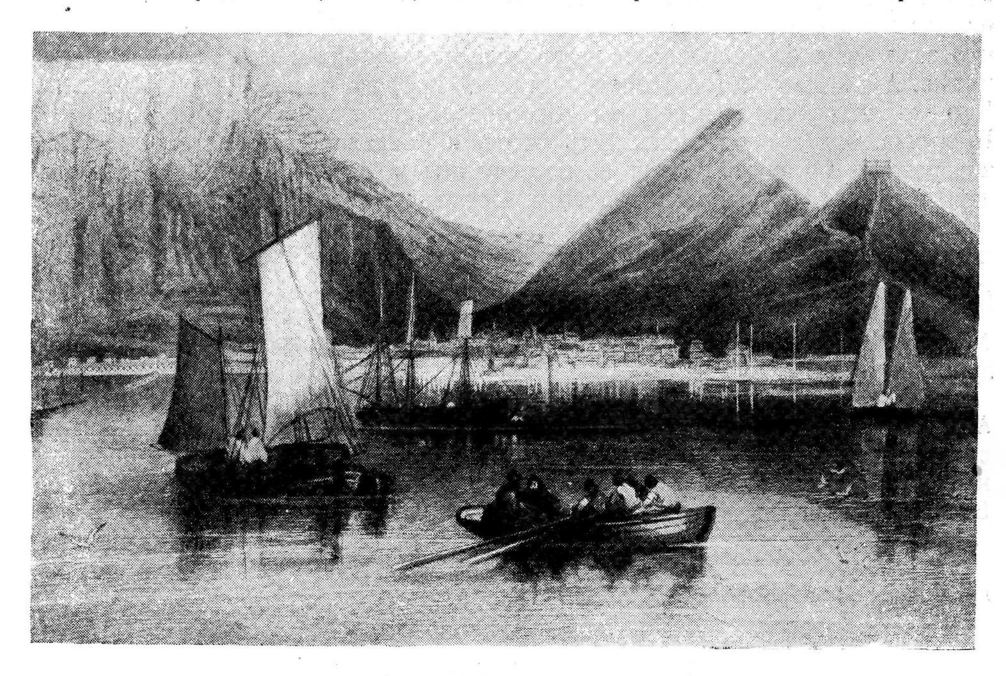
18/30 января 1853 г. Фунчал, на о. Мадере

Милые друзья мои Языковы и Майковы!

Пишу Вам общее письмо, потому что решительно нет времени писать особо. Неделю тому назад я писал к Вам, Мих. Алекс., последнее письмо, и большое из Портсмута, а теперь вон уже где я: на Мадере! От Англии до этого острова считается 1 200 итальянских миль (около 2 000 верст): мы пробежали их в пятеро суток с небольшим, случай редкий, но нас гнал штормовый ветер, и мы плыли буквально между двумя рядами холмов, из которых каждый величиной по крайней мере с Парголовский Парнасс. Не стану описывать, чего натерпелся в этом плавании, когда фрегат кладет то на один, то на другой бок, когда все на нем так и ходит взад и вперед, все скрыпит, трещит и вот того и гляди развалится. И это пятеро суток,

не переставая. Я и трусил жестоко, и каялся, что впрочем предвидел до начала путешествия, и даже не раз падал духом. А мы пробежали всего пятую часть одного океана, а их надо переплыть три или четыре. По временам находит сомнение, выдержу ли я. По ночам я валяюсь одетый, кое-как и где ни попало, днем тоже ищу покойного угла и не нахожу. Но подивитесь: если бы мне теперь предложили воротиться, я едва ли бы согласился.

За пятидневные страдания я чувствую себя вполне вознагражденным. До сих пор все еще было холодно, даже и тогда, когда мы были на параллели Португалии и Испании, но едва только сегодня подошли к Мадере, как солнце начало печь, как едва ли печет у нас в июле. Мы все высыпали на палубу: чудный островок, как колоссальная декорация, рос в наших глазах— и вот оно передо мной, все то, что я до сих пор видел только на картинах,



КАПШТАДТ

Современная гравюра

видел и сомневался. Я чуть не заплакал, когда на меня дохнуло воздухом, какого легкие мои не вкушали никогда. Я разумеется сейчас же бросился на берег и по мере того, как шлюпка подвигалась к земле, ароматический запах трав и цветов становился сильнее. Адмирал, я, старший лейтенант и маленький Лазарев обедали у консула, который не знал, как и чем нас угостить. Само собою разумеется, что мадера всех сортов и цветов играла не последнюю роль за обедом и после обеда; за дессертом стол покрылся всевозможными фруктами и цветами: бананы, апельсины и еще какие-то невиданные и неслыханные плоды красовались вместе. Мадера имеет между прочим ту особенность, что на ней растут и тропические и наши северные растения. Я взял один цветок и сказал хозяйке, что вложу в письмо к соотечественникам несколько листиков с этого цветка. Вдруг моя португалка (консул португалец) прыг в сад и нанесла кучу цветов, прося послать несколько листиков и от нее. Я этого бы не сделал, разумеется, а сказал так только, чтобы как-нибудь ее поблагодарить за гостеприимство (она молодая, хорошенькая, бледная с черными глазами и чудесно сложена), но теперь вот посылаю Вам, Евгения Петровна, Екатерина Александровна, Юния Дмитриев-

на и Элликонида Александровна — Вы, кажется, все охотницы до этой дряни, не подеритесь только — это память с Мадеры. Но главная часть моего пребывания на Мадере ознаменовалась преоригинальной поездкой в горы. Консул и товарищи мои пустились верхом. Я тоже подумывал было занести ногу на серого коня, но вспомнив, как дорого обходились мне такие поездки болью в ногах, остановился в раздумьи, как вдруг хозяин предложил, не угодно ли мне ехать хоть в паланкине. Весьма угодно — и вот явилось двое португальцев с носилками: это нечто в роде детской колясочки — и помчались в горы, между виноградниками, а двое мальчишек, из которых один болтал по-французски, а другой по-английски, шли по бокам. Надо было лечь в коляску, и я, вообразив всех Вас около себя, помирал со смеху, а потом привык, как будто это всегда должно быть так. По каким местам они несли меня, где я останавливался, что видел, всего не опишешь. Скажу только, что если бы я больше ничего не увидел, то было бы и этого помнить всю жизнь. А они говорят, что еще у них зима, природа слышь — мертва и т. п. Что же летом, когда я не знал, что мне делать в моем суконном пальто? Прогулка моя продолжалась пять часов, я въехал с одной стороны горы, а воротился по другой. Вдруг на встречу мне мои дон-Кихоты. И мы, глядя друг на друга, разразились хохотом. Носильщики еще на половине дороги заметили, что я должно быть толст. Они останавливались у трех трактиров и потчивали меня вином, но как я мочил только губы, то пили усердно, разумеется на мой счет, а пот с них ручьями. Что за край, что за воздух, что за небо! Ах, друзья мои, зачем Вас нет здесь: не уехал бы никогда кажется! Сами жители признались, что у них никогда трех дней не бывает дурной погоды.

Обнимаю Вас всех, Михаила Александровича, Катерину и Элликониду Алекс., Евгению Петровн[у], Никола[я] Аполл. и Аполлона, и Владимира с женой (ей тоже листок) и Льховского и всех, всех, не забудьте поклониться Александре Александровне и Андрею Андреевичу, братьям Вашим, Вячесл. В. и Ростовским и особенно другу моему [1].

[1] Относительно лиц, которым передаются приветствия и поклоны см. примеч. к письмам №№ 1, 3, 4.

8. Е. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ

17/29 марта 1853 г.

Мыс Доброй Надежды
Capetown, Капштат тож

Получили ли Вы мое письмо с о. Мадеры, от 18 января? Я кажется писал оттуда в одном письме с Языковыми. А теперь вот уже где мы, или вот еще где мы! Это первая станция нашего огромного путешествия. Я не считаю за станцию Мадеры (sic), где мы пробыли один день, ни островов Зеленого Мыса, куда тоже забежали освежиться и оправиться на одни сутки, и именно на о. Сант-Яго, в Порто-Прайя. Тут я видел первый, но полный образчик африканской природы и климата. Зной, песчаные холмы, гранитные скалы, а между ними в долинах роскошнейшая тропическая растительность: банановые, кокосовые, фиговые и другие рощи, а рядом опять жгучий песок, голь, нищета в природе и людях. Весь переход от мыса Л и з а р д а до мыса Доброй Надежды мы сделали в 63 дня, т. е. выехали от английских берегов 11 января, а сюда пришли 10 марта. Плавание в тропиках обворожительная прогулка. Больших жаров мы не испытали: вообразите дней пятьдесят отличной погоды где-нибудь в деревне среди садов и полей, где небо ни разу не поморщится. Над палубой ставили тент, и лучи до нас и не доставали. Впрочем жар ни в северном, ни в южном тропике не превышал 23°, в тени разумеется. Экватор

мы пересекли 3 февраля в 5 часов утра. Все почивали и я тоже. Но мы еще накануне собрались у капитана и, не переходя экватора, поздравили друг друга теплым шампанским. Что делать? Где взять холоду в тропиках? Один из нас, старший штурман[1] пересек его 11-й раз. Видели мы и акул, и летучую рыбу, и прочие тропические особенности. Всего удивительнее тамошние вечерние зори и колорит неба вечером. Ни красками, ни пером этого неба и облаков не опишешь. Так вот я прошел тропики, удара избежав: не знаю, что будет дальше. Нам обещают страшную жару в Китайском море, которое лежит в северном тропике, а мы предполагаем быть там летом — т. е. в июне — июле месяцах. Это самое жаркое, да и самое ураганистое время там. Теперь мы пока приходим всюду к осени. На Мадере и островах Зеленого Мыса были в январе, стало быть зимой, лето было тогда в южном полушарии, солнце перешло назад, и мы пришли сюда к началу осени. Вы, Аполлон, перед моим отъездом говорили, что магнитная стрелка перевертывается, слышь, на экваторе вдруг от севера к югу. Нет, душа моя, такого фокуса не бывает — один конец все-таки продолжает показывать к северу, а другой к югу — зане оба конца намагничены и каждый вечно показывает свой полюс *. Есть однако перемена, но не такая, как вы думаете: стрелка ложится только горизонтально на экваторе, и то не на общем, а на магнитном экваторе, который лежит тремя градусами южнее настоящего. Да еще, кажется, Филиппов говорил, что штилевая полоса лежит на 3° по обеим сторонам экватора: неправда: она начинается и кончается в северном полушарии, начинается иногда в шестом, а когда в пятом градусе и кончается в третьем или втором, различно. Тут же, в северном полушарии, встречается и южный пассат.

63 дня в море! «Верно соскучился» — скажете Вы: нет, время проходит с неимоверной быстротой, особенно если призаймешься. У меня было не мало дела. Я вел и веду общий журнал, прохожу словесность с гардемаринами по просьбе адмирала; пробовал вести и свои записки, но сделал очень мало. Причиной этому моя несчастная слабость вырабатывать до нельзя.

Материалов т. е. впечатлений бездна, не знаю, как и справиться, времени недостает, а если откладывать — пожалуй выдохнешься. Жалею, что писал Вам огромные письма из Англии: лучше бы с того времени начать вести записки и потом все это прочесть Вам вместе, а теперь вышло ни то, ни се. И охота простывает, и времени немного, да потом большую часть событий я обязан вносить в общий журнал[2] — так и не знаю, выйдет ли что-нибудь. Впрочем постараюсь: одна глава написана — это собственно о море и о качке. Читал — смеялись. До Мадеры, до Зеленого Мыса, до тропиков еще не дотрагивался. Мне как-то совестно и начинать говорить об этом. Я все воображаю на своем месте более тонкое и [умное] перо, например, Боткина, Анненкова и других — и страшно делается. Зачем де я поехал? Другой на моем месте сделал бы это гораздо лучше, а я люблю только рисовать и шутить. С этим хорошо где-нибудь в Европе, а не вокруг света!

Миль за 300 до Капа нас прихватил опять свежий ветер и качка. Что это за скука! Мы в тропиках отвыкли было от этих удовольствий, а тут опять. К счастью это продолжалось дней пять. Но ведь пять дней ни читать, ни писать, ни есть, ни спать порядочно нельзя. Мы остановились не в Столовой бухте, а в Сеймонс-бей (Simons-bay), в которой безопаснее стоять судам **. Та слишком открыта ветрам. В Сеймонс-бей всего десятка три домов,

---

* Только чем ближе к полюсу, тем более конец стрелки наклоняется к своему полюсу, так что на самом полюсе стрелка должна стать вертикально [прим. Гончарова].

** Сеймонсбей составляет маленький уголок большого залива, назв. Falsebay [прим. Гончарова].

английское адмиралтейство и красный солдат на часах — Англия везде и всюду, куда ни сунешься. На островах Зеленого Мыса, на Мадере, здесь — все негры, мулаты, готтентоты и малайцы (этих много навезли сюда еще голландцы), все говорят по-английски, хотя острова Зеленого Мыса принадлежат португальцам. Учитесь, друзья мои, по-английски, учитесь, чтобы ехать путешествовать, скоро надо будет учиться по-английски, чтобы с большим удовольствием дома сидеть. Я благословляю судьбу, что учился, и теперь от беспрестанной практики навострился хоть куда. Иначе путешествие не в путешествие.

Фрегат наш теперь разоружили: он очень безобразен. Его рассnastили, спустили реи, весь такелаж. Это будет продолжаться еще недели две или больше, а мы неделю здесь живем. Все попеременно ездят в Капштат, дня на два, на три. Капштат от Сеймонс-бей всего 18 миль (30 верст). Дорога чудесная: сначала идет между страшных утесов по морскому берегу, а потом по аллее между дачами и фермами. Я вглядываюсь в траву, в песок, в камни, в деревья, в птиц — и нет уже ничего, ни былинки, которая бы напоминала о севере. Все другое. Рыбы, Николай Аполлонович, ловится бездна, просто пустят толстый крючек и кусок говядины, сала, чего хотите, и вытаскивают огромных и вкусных рыб, похожих немного на наших лещей. Удят все матросы. Попадается ядовитая рыба, прекрасивая, но есть нельзя. Если съесть, то умрешь через 5 минут. Было несколько примеров тому. Теперь, когда является чужое судно, капитан над портом посылает печатную программу, как вести себя в порте, и в этой программе упоминается и о рыбе, чтобы матросы ошибкой не ели ее. Ее иногда выбрасывает на берег, и если свинья съест, то закружится и тут же околевает. — Ну вот, любезный Льховский: я и в стране змей. Берег и горы в Сеймонс-бее покрыты мелким кустарником: в полдень просят не ходить близко к кустам, выползают змеи. Но я и барон Криднер ходили: однако не видали их. По дороге в Капштат жгут траву и кусты, чтобы расчищать места для поселений и выгнать змей.

Завтра семеро нас отправляемся на семь дней далее во внутрь. Адмирал был так внимателем и любезен, что спросил, как бы желал я путешествовать. Я объяснил ему, что путешествие по берегам не очень занимательно, что надо стараться, как можно подалее проникать внутрь, а без знакомых этого сделать трудно. Он вчера же отправился в Капштат и устроил нам презанимательную поездку.

Взял у здешних банкиров рекомендательных писем к разным лицам по колонии. Один банкир сыскал нам экипаж, проводника и даже распределил порядок дней, станций и предметов, которые нужно осмотреть. Между прочим есть у нас письмо к английскому инженеру, который делает дорогу. Он нам покажет замечательные места, между прочим горячие источники, потом тюрьмы, где содержатся преступники из всех племен Южной Африки. Предположено ехать одной, а воротиться другой дорогой. На возвратном пути хотим осмотреть Констанскую гору и знаменитые виноградники. Всюду у нас есть письма. На этой горе содержится один из предводителей кафров с женой, и его хотят показать нам. Вы по газетам знаете, что война с кафрами кончена и заключен мир — только надолго ли, бог знает. План очень хорош: каково-то будет исполнение? Нас поедет семь человек [3]. Адмирал всем дал занятия на все путешествие. Одному, Гошкевичу (чиновнику М. И. Д.), поручена геологическая часть, доктор со шкуны, ученый немец, займется ботаникой. Посьет, которого Ю. Д. видела (рыжий офицер), изучает голландский язык. Едет еще молодой мичман в помощь Гошкевичу. С нами едет и фотографический прибор для снимания местности и типов жителей также. Вы видите, что это целая экспедиция. Мне надо будет внести все подробности в журнал. — Ехать завтра, ранехонько, — часов в 6 утра, в огромной повозке на 6 или 8 лошадях, как здесь вообще путешествуют.

Странно это Вам слышать от меня — в экспедицию — в Африке — внутрь края — ранехонько. Я ли это? Да; я: Ив Ал. — без Филиппа, без кейфа — один одинехонек с sac-de-voyage едет в Африку, как будто в Парголово. У меня трость с кинжалом, да и ту, я думаю, брошу — мешает; у барона пара пистолетов за поясом, вот и все. У прочих не знаю, что. Я полагаю, что мы это все оставим, а возьмем лучше побольше сигар.

Вчера мы сделали огромную прогулку по всему Капштату, к подошве Столовой горы, рядом с ней Чортова, слева, а справа Львиная гора.

Львиная гора в самом деле похожа на лежащего льва, а вот Столовая, не знаю почему Столовая гора. Это просто плоскость, обрубленная отвесно. Как хотите, так и назовите: фортепиано, стол, стена какой-то крепости или площадь. Вчера она накрывалась скатертью т. е. облаками, которые спускаются по обрыву. Это очень оригинально. Впрочем, это уже не ново для нас: в первый день приезда один из утесов в Сеймонс-бее накрылся туманом, как париком. Я не понимаю, как ходят на Столовую гору: с вида она не приступна. Нам показывали тропинку, но ее трудно простым глазом видеть. Наши, т. е. адмирал, капитан и некоторые офицеры, хотели было итти сегодня на гору, да невыносимо жарко, отдумали. Я объявил, что ни за что не пойду ни на какую гору, если она выше трех сажень, также точно как без крайней необходимости не поеду верхом. Если уж нельзя иначе, так нечего делать. А то вот сегодня наши приехали сюда верхом, да теперь и не могут ходить. (Сию минуту ворочусь: звонили завтракать — это уж в третий раз сегодня, а теперь всего два часа. Будет в 6½ часов обед, а там еще что-то).

Нас человек 10 завтракали: мне досталось хозяйничать, т. е. разливать и разрезывать. Все перепортил. Я бросил и передал нож слуге малайцу. Мы объедаемся виноградом. Вкуса и букета ни с чем сравнить нельзя. Никто, нигде не ел такого. Еще продолговатые арбузы в 3 четверти длиной, но не важные, груши и прочее тоже хорошо, свежие фиги и т. п. Но главные плоды уже прошли. Когда опять перейдем экватор и вступим в северное полушарие летом, там надеемся вознаградить себя. Констанское или Капское вино так себе: мадера, красное — изрядны, а сладкое приторно и напоминает малагу.

Я надеялся получить здесь письма от Вас, но обманулся, и мне стало скучно. Верно Вы не получили моего письма, где я просил Вас адресовать письма через Азиатский Департамент на мыс Доброй Надежды, или поленились поскорее отвечать. Другой пароход должен привезти; но мы его, я думаю, не дождемся, и бог знает, где они застанут нас. Вы все таки пишите через Азиатский Департамент — где-нибудь да застанет.

До свидания, Евгения Петровна и Николай Аполлонович, Юния Дмитриевна, Аполлон, Владимир, Катерина Павловна, Бурька и все, и все: всем привет; прочтите письмо Языкову. Ему я тоже пишу, но коротенькое; Льховский Капитан, Александр Павлович верно прочтут у Вас [4].

Ваш И. Г[ончаров]

Если вернусь, подробности путешествия перескажу, а если запишу их — тогда прочту.

Кланяйтесь Бенедиктову: скажите, что Южный крест — так себе, из Китая напишу к нему [5]. Я писал еще Языкову и Кореневу [6].

[1] Старший штурман («дед»—Очерков)—А. А. Халезов, знаменитый в летописях балтийского флота. Поход на «Палладе» был 4-м кругосветным плаванием Халезова, который между прочим участвовал в 1848—1849 гг. в экспедиции Г. И. Невельского на транспорте «Байкал», установившей окончательно, что Сахалин — остров и описавший устье Амура, что дало энергичный толчок к дальнейшему продвижению русских на Дальнем Востоке и послужило одним из поводов к по-

сылке Путятина в Японию. См. Н. Ивашинцев, «Русские кругосветные экспедиции», СПБ, 1872 г.

[2] Общий журнал. Кроме «исханечного журнала», где отмечались специальные морские сведения, приказы и распоряжения, на судах велся еще «Общий журнал» с более разносторонней и подробной поденной записью. Именно этот журнал было поручено вести Гончарову. К сожалению, несмотря на все поиски, нам не удалось найти его.

[3] В поездке внутрь Капской колонии, кроме Гончарова, участвовали: К. Н Посьет, Гошкевич Р. А., д-р Гейнрих Вейнер («доктор», «В.»—Очерков), Криднер и мичман Зеленый П. А. («З», «П. З.» — Очерков), впоследствии анекдотический одесский градоначальник, прославившийся своим бешеным самодурством, а тогда еще добродушный и простоватый юноша и лихой моряк, отличившийся потом во время похода на Аскольде с Унковским.

[4] Приветствия передаются тем же лицам, как и в предыдущих письмах: Евг. Петр. и Ник. Ап. Майковым, Юн. Дмитр Ефремовой, Апол. Ник. Майкову, Владимиру Ник. Майкову и его жене Екатерине Павловне, Бурька — Леон. Ник. Майков (см. прим. к п. № 1); Льховской, И. И.—см. в прим. к п. № 3; Капитан — К. А. Майков; Александр Павлович — Ефремов — муж Юнии Дмитр.

[5] Бенедиктов, В. Г. — речь идет о созвездии Южного Креста, о котором Бенедиктов писал в послании Гончарову: «И ты свершишь плавучие наезды — В те древние и новые места, Где в небесах иные блещут звезды, Где свет лиет созвездие Креста...».

[6] Языков, Мих. Ал. — речь идет о письме № 9; Коренев, А. П., сослуживец Гончарова. Письма к нему Гончарова—неизвестны.

9 Е. А. и М. А. ЯЗЫКОВЫМ

Капштат 17/29 марта
Мыс Доброй Надежды

Любезнейшие друзья

Михайло Александрович и Екатерина Александровна!

«Где я? — имею я полное право воскликнуть теперь. Вот уж неделя, как мы на якоре в Falsebay, в 18 милях от Капштата и вот второй день, как я здесь. Завтра мы отправляемся всемером верст за сто внутрь. Но прочтите письмо к Майковым, я там пишу поподробнее. Ваш Коля прав был, когда пророчил мне об Африканских людях. С них и началось наше путешествие. Мы с Мадеры пошли на острова Зеленого Мыса: это совершенный клок Африки по климату, по растительности и по людям. Я набрасываю иногда заметки всего, что, вижу, и если достанет терпения и охоты обделать это — то может-быть когда-нибудь, если бог даст свидеться, прочту у Вас за чайным столом о своих приключениях. Отсюда мы недели через две уйдем в Гон-Конг: это английская колония близ Китая: оттуда предполагается итти на острова Бонин-Сима, а там и в Японию. Но на море никогда нельзя непременно решить, куда зайти и куда нет. Что-нибудь сломается, испортится, или провизии недостанет — поневоле зайдешь, куда не хочется. Я здоров и не очень скучал, несмотря на то, что мы были в море 63 дня. Плавание в тропиках — наслаждение. Тишина и вечный умеренный ветер — пассат. Жару большого тоже не испытали. Иногда меня прихватывала — не скука, а хандра; вот ее-то я боюсь пуще всего. Она мешает мне во всем. Иногда впрочем оставляет меня в покое, и тогда я бываю совсем счастлив. Но ни путешествие, ни хандра не мешают мне толстеть. Я еще потолстел, и самому становится гадко смотреть. Платья узки, я ленюсь и тяжелею: вот что-то скажут здешние утесы и пески, по которым мы завтра пустимся странствовать на неделю или более.

К сожалению, некогда больше писать. Пожалуйста, заезжайте, милый Михайло Александрович, в Департамент, вызовите Андрея Петровича Коренева, скажите, что я ему кланяюсь, тоже Богаеву, Козловскому, Средину,[1] и что по возвращении из нашей экскурсии буду писать к нему. А теперь дайте ему прочесть эти письма: из них он узнает, что я и где я.

Кланяйтесь Августе Андреевне и Михаилу Алекс. с родителями,—

К. Н. ПОСЬЕТ
Один из участников экспедиции на фрегате «Паллада»
Фотография
Военно-Морской Музей, Ленинград

обоим братьям Вашим тоже — Коршам, Анненкову и всем нашим приятелям.

Иногда ужасно хочется к Вам: так бросил бы все, да и назад, поиграть с детьми. Что третий Ваш — сын или дочь? забыл что. Вы оба, здоровы ли? А Элликонида Александровна? [2] — Обнимаю Вас всех без исключения.

Ваш Гон[чаров]

На меня наводит иногда хандру мысль — что еще далеко и долго ехать. Ведь мы сделали только всего 12 тысяч верст каких-нибудь, а надо всех сделать более 80 тысяч верст взад и вперед. Увидимся ли, когда? До свидания.

18 марта. Мы едем завтра, а не сегодня — не трудитесь заезжать к Кореневу: я написал к нему.

Прощайте: звонят обедать (в гостинице): это уж второй раз сегодня, а в шесть часов опять обедать, в третий раз. Майковым кланяйтесь.

[1] А. П. Коренев, В. И. Богаев, Н. Ф. Козловский — сослуживцы Гончарова по Департаменту внешней торговли Министерства финансов; А. А. Средин — чиновник Министерства иностранных дел, знакомый Гончарова и Языковых.

[2] Элликонида Александровна Белавина — сестра Е. А. Языковой.

10. Е. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ

29 марта/10 апреля 1853 г. Капштат

Может быть сегодня, а может быть и прежде Вы должны получить от меня письмо отсюда же, перед отъездом моим внутрь Африки. Вот уж три дня, как я воротился в Капштат и живу опять в гостинице. На фрегат не хочется, да и здесь невесело. А когда подумаю, сколько еще надо странствовать, так духом и упаду. Одно поддерживает меня, что и в Петербурге

было бы невеселее *. Правду сказали вы, Евгения Петровна, в Вашем письме в Англию, что я неугомонный, хотя давая мне этот эпитет, Вы в то же время доказываете, что не поняли меня.

Что сказать Вам о наших приключениях. А ничего. Съездили верст на сто слишком, странствовали в ущельях по новой, только пробитой дороге, по таким горам, которых и во сне не видал. Над головой страшные утесы, а внизу пропасти еще страшнее. Оступись лошадь, и прощай все: полетишь с высоты футов в двести, в глыбы камней. В этих горах водятся тигры и большие обезьяны, но мы их не видали. Были там в тюрьмах, где содержатся черные преступники всех здешних племен. Кафры, готтентоты, бушмены, финго etc., etc. рядом сидят или лежат скованные. Их употребляют на работы по дорогам. Осмотрели горячие источники, заезжали к фермерам в гости и вообще видели много нового и занимательного. Теперь надо все это записывать и вносить в журнал, прочитав наперед историю войны с кафрами. Это скучновато, да нечего делать — надо. — Я часто думаю о Вас, глядя на здешнюю природу: на дубовые рощи, на сады из всевозможных растений, которые у нас держатся за стенами. Например, из кактусов, алоя и других колючих и толстых растений, которые у Вас в маленьких горшечках берегутся на окнах, здесь делают плетни и заборы; не перелезешь через такой забор. Вчера ездили мы кругом Львиной горы — преживописный вид. Весь залив — как на ладони, а по берегам голые каменные утесы. Между утесами, у камней, плещется такое множество рыбы, что, кажется, руками можно ловить. Я долго думал о Вас, милый мой Николай Аполлонович, и о Вас, Аполлон — верно, думал я, оба они сидели бы тут в белых шляпах и таких же куртках, замазанные, загорелые, и копались бы целый день. В добавок к Вашему удовольствию — невыносимая жара, какой у нас не бывает, и это еще осенью (здесь ведь осень). Летом, говорят, не знают, куда прятаться, а один доктор, приехавший из Индии в отпуск, говорил, что там зимой так жарко как здесь летом. Что же летом в Индии? спросил я. — Надо там быть, отвечал он, а объяснить этого нельзя. А мы говорим, что в Петербурге жарко. Вчера я вышел было на площадь, на базар, но через 10 минут должен был возвратиться и не мог часа полтора притти в себя. При этом жаре меня удивляет, что здесь мало тени, т. е. мало заботятся о разведении больших тенистых деревьев. Кругом города все дачи, но они окружены такими низкими деревьями, что негде спрятаться от жары. Впрочем все домы построены с жалюзи и навесами, и в комнатах духоты нет. Видно, деревья плохо растут, но я видел однакож в некоторых местечках целые дубовые рощи. Вообще же вид этой части Африки довольно печален: песок, мелкий кустарник и камни. Мы переправлялись в брод через многие речки, которые зимой, в дождливое время, превращаются в огромные реки. Когда мы проезжали по песчаным равнинам, усеянным мелким разнообразным кустарником, в котором гнездится множество змей, ящериц и черепах (мы поймали двух маленьких черепах), М-р Бен, инженер, возивший нас в ущелье, сказал, что по этим равнинам мы можем судить о всей Южной Африке, кроме берегов. Вся она такова — горы, песок и мелкий кустарник. Путешествие наше продолжалось дней десять. Мы сделали верст триста взад и вперед. Есть места чрезвычайно живописные,—Паарль т. е. перл, Стелленбош и другие. Я рад, что видел их и имею понятие об Африке, но в другой раз не поеду. Пора на фрегат в Сеймонский залив, но там, говорят, затевают бал и обед в отплату данного нашим обеда. Вот я задумываюсь, куда бы деться от этих удовольствий? А тоска-то, тоска-то какая, господи, твоя воля какая! Бог с ней, и с Африкой! А еще надо в Азию ехать, потом заехать

* Особенно как если вернуся туда зимою, да вы запоете. Кланяйтесь Языковым; я им тоже писал перед поездкой внутрь, но боюсь, доходят ли письма; говорят, здесь почта не совсем надежна.

в Америку. Я все думаю: зачем это мне? Я и без Америки никуда не гожусь: из всего, что вижу, решительно не хочется делать никакого употребления; душа наконец и впечатлений не принимает. Как бы все это пригодилось другому! Боюсь, выдержу ли я: что-то силы падают, хотя я и толстею.

Ну, а вы что? От чего от Вас писем нет? Говорят, еще пришел пароход из Англии, а мне ничего, кроме только одного письма, полученного через Англию — не от Вас. Ужели Вы ленитесь или забыли старого приятеля? Не поверю: не может быть. Я убежден, что мое место среди Вас сохранится для меня, если я только сам уцелею. Но когда подумаешь, сколько шансов не уцелеть, так и не верится, что воротишься. И море грозно, и пропасти в горах глубоки, или стоит какой-нибудь кобре-капелле кольнуть в пятку, или лучу солнечному поласкать северную лысину — вот и кончено. Вы что, друг мой Ю-ка [1], не подадите голоса, Вы аккуратнейшая из моих друзей? Здоровы ли все, что делают, что Ваш Александр Павлович [2] и девочка? Кланяйтесь ему и скажите, что я перегнал его и толщиной и усами. А Вы, юная чета [3] здоровы ли? Глядите ли иногда на портрет старого холостяка, смеетесь ли над его сединой. Смейтесь, только чаще смотрите. Что Капитан? Также не у ж и н а е т никогда, и все еще ходит к Креншиной? [4] А Вы, милый Льховский. Ужели в Африку-то не напишете мне ни слова? Да Вам я — чай — некогда: поди все влюблены там в кого-нибудь? Мальчишка [5], здравствуй: что каково учишься? начал ли глаголы из русской грамматики. Я бы теперь тебя вересковыми-то розгами да кстати и Марью Федоровну [6] тоже, за то, что здесь чай скверный *.

Кланяйтесь всем и пока прощайте

Ваш И. Г[ончаров]

Обнимаю Вас, Аполлон, а если Вы женаты, то и жену — а вы обнимите еще кого-нибудь.

[1] Ю — к а, Ю н и н ь к а — Юния Дм. Ефремова.
[2] А л е к с а н д р П а в л о в и ч Е ф р е м о в — ее муж.
[3] Ю н а я ч е т а — Владимир Николаевич и Екатерина Павловна Майковы.
[4] К р е н ш и н а — осталась нам неизвестной.
[5] М а л ь ч и ш к а — Леонид Николаевич Майков.
[6] М а р и я Ф е д о р о в н а П а с о в ы е в а — игравшая в доме Майковых роль экономки.

11. Е. А. и М. А. ЯЗЫКОВЫМ

Зондский пролив, в виду о. Явы
18/30 мая, 1853 г.

Вручитель этого письма — тот самый Бутаков (Иван Иванович) [1], который, помните, любезный мой друг, Михайло Александрович, еще нагрубил нам на фрегате тем, что заставил ждать себя часа два? Он оказался славным добрым малым, готовым на всякое обязательное дело. Примите же его и как вестника о приятеле и как хорошего человека, тем более, что у него в Петербурге знакомых — ни души. Он весь век служил в Черном море, — и не даром: он великолепный моряк. При бездействии он апатичен или любит приткнуться куда-нибудь в уголок и поспать; но в бурю и вообще в критическую минуту — весь огонь. Вот и теперь, в эту минуту орет так, что,

* В самом деле — чай отвратительный. На фрегате пока был русский чай хороший, а купили английского — никуда не годится: микстура. Сливки, Евгения Петровна, разве не много лучше Ваших, несмотря на множество ферм и с к о т с т в а, как говорит наш доктор немец вместо скотоводства. Кофе тоже почти хуже нашего. Одно только и хорошо, что три раза в день обедают. Как встанут, сейчас и за говядину, за котлеты, часу в первом — смотришь — Арап звонит опять к обеду, а в семь часов еще, и ничего, желудок не расстраивается.

я думаю, голос его разом слышен и на Яве и на Суматре. Он второе лицо на фрегате, и чуть нужна распорядительность, быстрота, лопнет ли что-нибудь, сорвется ли с места, потечет ли вода потоками в корабль — голос его слышен над всеми и всюду, а быстрота его соображений и распоряжений— изумительна. Адмирал посылает его курьером просить фрегат поновее и покрепче в замен Паллады, которая течет, как решето, и к продолжительному плаванию оказывается весьма неблагонадежной. На другой или третий день по выходе с мыса Доброй Надежды нас трепнула буря, которая, обнаружив непрочность судна, и заставила просить другого. А то, пожалуй, пришлось бы слезть с него на чужом берегу или еще хуже, середи моря. Между тем мы идем в самые сомнительные, малоизвестные и ураганистые моря. Не знаем, дадут ли другой фрегат или велят воротиться через Камчатку и Сибирь. Последнее едва вероятно: куда деть 400 человек матросов? В Камчатке ни в одном порте не хватит помещения и продовольствия для них.

Вы конечно получили мои письма с мыса Доброй Надежды? К тем сведениям, какие там есть, прибавить почти нечего. 12-го апреля мы снялись с якоря и вышли в Южный окан. 14-го вытерпели вышесказанную бурю, потом понеслись по 11 узлов (18 верст) в час и вот в месяц донеслись до Зондского пролива, т. е. 5 800 морских миль, а это составляет ровно 10 000 верст. Да и засели у входа в пролив: трое суток продолжается мертвый штиль. До Батавии всего 30 миль, берег виден со всех сторон, с сопками, лесами, скалами, а не дается. Небо чудесно, особенно ночью: что за луна, что за звезды. Не хочется уйти с палубы. То мелькнет блестящий метеор, то сверкает ослепительная молния. Но что за жары стоят — а еще зима? Мы в 6-ом градусе южной широты, солнце теперь свирепствует по ту сторону экватора, а здесь дожди, тучи, грозы и жары, там же — просто жары. Не знаешь, куда уйти, куда деться. Днем жар палит, ночью душит. По лбу, по вискам, по щекам текут ручьи. А что еще ожидает нас по ту сторону экватора, куда идем через несколько дней? Не говорите никогда в России ж а р к о, по крайней мере при мне: осмею. Но Иван Иванович Вам все расскажет. Если придется во время, то оставьте его у себя, вместо меня, на щи или на ботвинью, а вместо пирожного велите подать ему пару сырых луковиц— любит. Мы с ним на Мадере ходили у консула по саду и вдруг между ананасами, кофейными, банановыми деревьями и олеандрами, видим — что же? наш зеленый лук. Хотя нас ожидал за обедом дессерт из тропических плодов, но мы взяли да потихоньку и съели с ним лучку.

Он Вам все расскажет: как я думал, что никогда не привыкну к морю и хотел воротиться, как шум каната, топот людей и свисток не давали мне спать, и я уходил уснуть в общую каюту, как прежде в качку не мог ступить шагу и просиживал по суткам на одном месте или падал со всех ног при малейшем покушении пройти, как мечтал о возвращении и как наконец привык ко всему; в качку хожу, как матрос, сплю и не слышу под час пушечного выстрела, ем и не проливаю супа, когда стол ходит взад и вперед, как наконец привык к этой странной, необыкновенной жизни и как не хочется воротиться теперь. Конечно он скажет Вам то, что Вы очень хорошо знаете, т. е. что я тоже ленив, также не нахожу никогда досуга для работы, как мне все мешает дело делать, и качка, и жар и неловко сидеть, и неудобно писать и т. п.

Вы что, прекрасный, добрый друг мой Екатерина Александровна. Дайте мне руку, обе — целую их с обеих сторон. Верите ли Вы, что меня нет, что я не прихожу ежедневно вечером показывать Вам свою большую физиономию? Я часто вижу во сне всех Вас и вашу залу, только не новую, а прежнюю, к новой не привык. Что Коля? Что Еня? [2] А новая каково ведет себя? Часто ли приходится Вам краснеть за ее невежливости при гостях? Что друг мой Авг. Андр. делает? Я полагаю — т о ж е, что Вы.—Здоровы ли Вы, Элликонида Александровна? Браните ли меня или заступаетесь? Но авось

не приходится Вам делать ни того, ни другого: меня большая часть друзей, приходящих к Вам, забыли — пусть их — не забывайте лишь Вы.

Да где это я? Неужели в самом деле в Батавии, а не на Литейной у Симеона? Иногда сильно хочется уверить себя в противном, хочется побежать к Вам, потом в клуб. Не верится мне что-то в эти океаны, в эту Яву, Суматру, не верится потому, что переходы морские как-то не заметны. Не увидишь, как проглотишь 10 000 верст. Я боюсь, что земля покажется мне чересчур мала, когда мы объедем ее всю.

Я никому не пишу, кроме Вас, а хотел бы написать к Майковым, разумеется, но я подозреваю их где-нибудь на даче (ведь у Вас лето теперь?), и мне совестно, если Бутаков будет понапрасну отыскивать их по городу и должен будет отдать письмо в прихожей. Вы дайте им прочесть это письмо и скажите, что я располагаю написать к ним с почтой из Гон-Конга, и к Кореневу тоже.

У Вас везде знакомые, мой милый Михайло Алекс. Не достанете ли Вы Бутакову билета в Эрмитаж? Ему хочется посмотреть. Но Вы так добры ко всем, что верно будете добры еще более к человеку, приехавшему издалека, да еще с вестями о многолюбящем Вас приятеле.

Вашему попечению, Екатерина Александровна, вверяю прилагаемое здесь письмо. Прикажите повернее отдать его на почту. Это к родным, а потому мне хочется, чтоб оно дошло. Я потому не прямо Вас прошу, Михайло Александрович, что видал не раз, как Вы, взяв письмо, счет и т. д. а иногда и деньги, положите в бумажник, потом ездите, ездите по городу, да и привезете назад, вместо того, чтобы отдать, где следует а иногда и потеряете. Вот я и надеюсь, что Екатерина Александровна не допустит Вас до такого гнусного поступка.

В Бутакове мы лишаемся еще и ночного собеседника. Четверо [3] нас собираются всегда у капитана вечером закусить и сидим часов до двух. Вот и Иван Иванович (друг и товарищ Унковского, капитана) присутствует тут же.

Кланяйтесь пожалуйста всем знакомым, не забудьте Ваших родных, Коршей также, Анненкову (да не тут ли Вы, П. В.?) так возьмите поклон лично. И всем — всем, Никитенке, Одоевскому, Лонгинову, Современникам, и Отечественным Запискам [4].

Напишите ко мне пожалуйста, да не мешкайте, в Гон-Конг. Уведомьте обо всем и обо всех. Адрес так:

Via England
Hong-Kong China
M-r. Gontscharoff
on boord of the russian frigate «Pallas»
To the care of Mess-rs Williams Anthon et C°,

а впрочем спросите Бутакова, не будет ли казенных отправлений. Он тоже будет писать.

19. Сейчас подходим к берегу, к Анжерскому рейду. Фрегат ожил, все приоделось, зашевелилось. К нам наехало множество Малайцев — с бананами, ананасами, апельсинами etc. Полуголые, с жвачкой во рту, похожие на обезьян. А какой берег смотрит на нас: весь утонул в лесу, не то что на мысе Д. Н. Если нельзя ехать отсюда Бутакову на пароходе в Индию, то и мы не остановимся, а прямо пройдем в Сингапур, чтобы застать пароход, отправляющийся в Суец. Жаль, хотелось бы съездить в Батавию. До свидания: бумаг множество — тороплюсь.

Весь и всегда Ваш

И. Гон[чаров]

Когда мы стояли на мысе Доброй Надежды, туда же пришла и Двина. Опять мы свиделись с Колзаковым [5].

[1] Бутаков, Ив. Ив. — старший офицер на «Палладе» — см. прим. к письму № 5.

[2] Коля и Еня — дети М. А. и Е. А. Языковых.

[3] «Четверо нас» — И. А. Гончаров, К. Н. Посьет, Ив. Ив. Бутаков и сам хозяин, И. В. Унковский.

[4] Корши — семья В. Ф. Корша; Анненков, П. В.; Никитенко, А. В.; Одоевский, В. Ф.; Лонгинов, М. Н.; Современникам — Н. А. Некрасову и Ив. Ив. Панаеву; Отечественным Запискам — А. А. Краевскому и С. С. Дудышкину. Гончаров всегда стремился сохранять одинаково хорошие отношения с обеими соперничавшими редакциями.

[5] Колзаков, А. А., тогда лейтенант, младший офицер на транспорте «Двина», Российск.-Америк. компании, шедшей на Камчатку. О нем см. пр. к письму № 4.

12. Е. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ

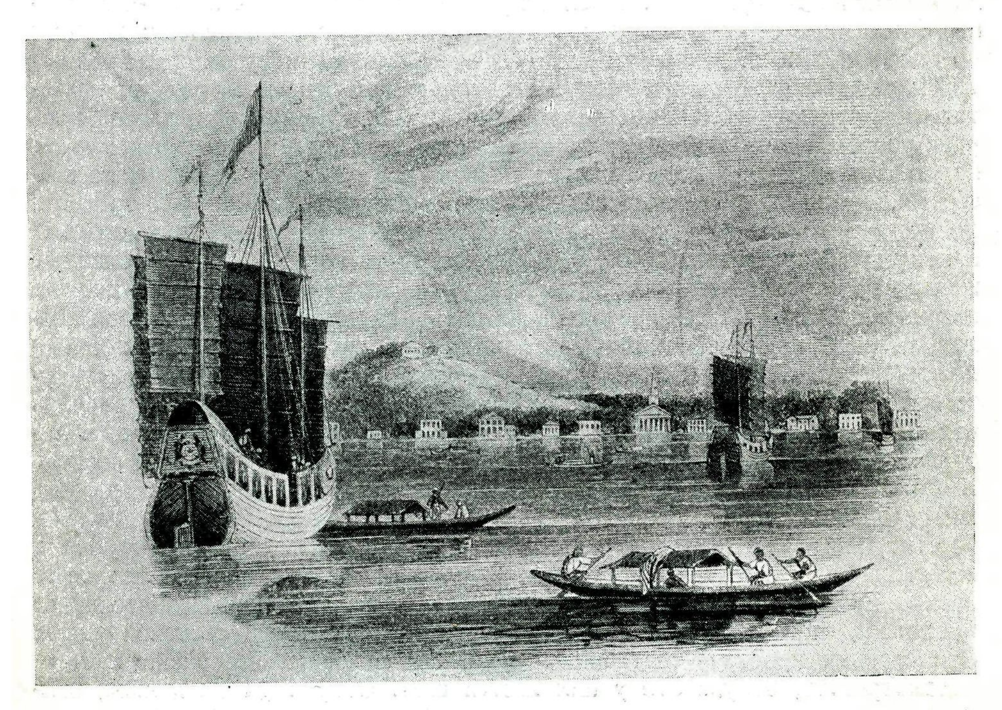
25 мая/7 июня 1853

Здравствуйте, Николай Аполлонович, Евгения Петровна и Вы все милые и милыя люди.

Не хотел было я писать к Вам — сердит, что Вы не пишите, а еще подозреваю, что Вы где-нибудь на травке (ведь у Вас лето) жарите опенок, да не ловите рыбу, и потому боялся, дойдет ли письмо, не напрасно ли тружусь. Но авось. Не ожидайте от меня писем с описанием, картинами и т. п. За чем же пишу так много и так глупо к Вам? спросите Вы, имея полное право на то. А за тем, что для меня писать Вам, как я окончательно убедился, сделалось, или и прежде было, да я не замечал, такою потребностью, как для Чичикова Петрушки — читать. Как он читать, так я люблю писать без цели, так, для самоуслаждения или пожалуй ich singe wie ein Vogel singt. Пишешь — выходят слова, строки, в которых что-то звучит, которые можно не только читать, но запечатать и послать друзьям. За чем же глупо пишу, следует вопрос? Тупею с летами — это раз, а потом — чуть явится путная мысль, меткая заметка, я возьму да в памятную книжку, думая, не годится ли после на что, хотя после холодного размышления сам же увижу, что ничего не будет. Третий вопрос: зачем к Вам пишу! Ужели отвечать на этот вопрос и ужели Вы его сделаете? Прибавлю к этому последнему вопросу только, что пишу с моря, боясь недосуга и суматохи, которой подвергаешься неминуемо, как только станешь на якорь. К вечеру надеемся притти в Сингапур, где на минуточку остановимся, чтобы ссадить нашего офицера Бутакова, отправляющегося через Ост-Индию в Европу и Петербург курьером просить другого фрегата вместо Паллады, отказывающейся служить, за ветхостью и дряблостью. Не дадут — так придется ворочаться Сибирью, и то еще хорошо, если придется ворочаться. Но в Камчатке нечем кормить и негде поместить 400 человек, от того и нужно ехать морем.

Сингапур! Вот он мелькает множеством огней в темноте; мы сию минуту стали на якоре. Сингапур, Джахор — какие названия. Что за места? Воздух — точно в теплице, не просто жарок, а влажно жарок. К нам пристали миль за 40 четыре малайца. Они говорят, да я вчера в путешествии американской экспедиции и сам читал, что Сингапур изобилует фруктами. Они привезли нам несколько превосходных ананасов и завтра обещали бесконечное множество по доллару за сотню! Фруктов родится здесь до двенадцати сортов. Мы теперь в северном полушарии опять, в 2-х градусах от экватора. С нетерпением буду ждать утра, чтобы взглянуть на этот клочек Индии, восточный базар и европейский рынок, на котором толкутся до двадцати азиатских племен кроме европейцев. Корабли всех родов, форм и видов стоят на рейде; город — смесь Европы, Китая и Индии, торговля всемирная и без запрета, даже малайские пираты смело приезжают для сбыта награбленных товаров. Какая ночь теперь, если бы Вы видели, друг мой Евгения Петровна: ни за что бы не легли так рано спать, как обыкновенно ложитесь. Я понимаю теперь, почему под таким небом родятся поэтические грезы в роде индейских поэм, арабских сказок, почему воображение здесь создавало только гигантские

или страстные образы, перед которыми так бледны наши создания и от которых северному читателю делается тяжело, как от кошмара. Только в таком влажном, проникающем организм, раздражающем нервы воздухе и можно выдумать Сакунталу. Вот где бы делать любовь-то, в этом отечестве ядовитых перцев. Ах, Ю-ка[1], друг мой; зачем Вы не здесь теперь: мы бы предались индейской любви, и Ваше 19-летнее упорное сопротивление пало бы перед силой палящих лучей здешнего солнца, перед теплой сыростью воздуха, перед жгучестью крепкого перцу. Да от меня ли Вы полно слышите все это—Ява, Сингапур, Джахор? Куда это занесет иногда судьба человека! и главное чем хорошо — занесет незаметно. Вы — дома: читаете, пишете в своей комнате, ложитесь в свою постель, мелькнет месяц, два, вдруг Вам говорят, что Вы за десять тысяч верст от того места, в котором были,



СИНГАПУР
Современная гравюра

кажется, вчера. Если придется Вам ехать далеко, ступайте морем — не заметите, говорю Вам. Давно ли был я на мысе Доброй Надежды (откуда писал Вам два письма)? А теперь, через 43 дня, перенесся за 6 000 миль (10 000 верст). Мы плыли счастливо: в 34 дня дошли до Зондского пролива и на сутки останавливались у о. Явы, но не в Батавии, которой избегают суда ради нездорового климата, а в 70 милях от нее, на Анжерском рейде. Сначала я возроптал, что не идем в Батавию, а потом обрадовался, когда съездил на берег в Анжере. Это маленькая деревушка, состоящая из двух-трех переулков без—домов. Живут там китайцы и малайцы просто в лесу. Сойдя на этот берег, я был почти счастлив: наконец я путешествовал, как мечтал путешествовать, среди лесов, в глуши, в невозделанной красоте. До сих пор, даже в Африке, мы ездили по расчищенным местам, по проложенным дорогам, заезжали в удобные отели: здесь ничего этого нет. Человек начинает врубаться в нетронутый лес, а лес-то состоит из кокосовых пальм, фиговых и множества других неизвестных мне, по крайнему моему невежеству в ботанике, деревьев, сквозь которых и пробраться нельзя. Мы целой

толпой пошли гулять и, несмотря на страшный жар, не утомились: так было все ново, прекрасно. Все противуположно виденному: в Африке глаз ищет зелени и едва находит кучу кустарников, везде серые мрачные утесы, здесь—негде ноги поставить на голую землю, все в зелени. Даже отдельные брошенные на воду камни, и те обросли деревьями, как бородой. В Анжере тем прекрасно, что никого, так сказать, нет. Здесь первенствуют еще звери, и природа дает им великолепнейшие квартиры в своих пальмовых лесах и тростниках, а несколько европейцев живут (трое) в низеньком кирпичном доме; есть и голландская крепостца с двумя-тремя пушками, в которые, я думаю, мальчишки тоже, как в Белгорской крепости[2], понабрасали камешков и всякой дряни; прочие же, т. е. малайцы и китайцы, живут в каких-то хлевах из бамбуковых жердей с крышами из кокосовых листьев. Китайцы, с косами, в своих костюмах, но отлично говорят по-английски; малайцы по пояс голые, а внизу кругом тела обернут в виде юбки кусок бумажной материи, да платок на голове—вот и все; под юбкой же нет ничего, т. е. платья—я разумею—нет. Они навезли нам и обезьян, и попугаев, и оленей с барана ростом, и плодов, бананов, ананасов, кокосов и т. п. И вот опять у нас целую неделю до самого Сингапура появляются тропические плоды за дессертом. Здесь-то, в этих жарах, мы познали сладость кокосовых орехов и постигли всю важность роли, которую он играет в тропических странах. В нем заключается жиденькое, разведенное будто водой молоко, утоляющее жажду, но не очень вкусное; а мы придумали выжимать и из ядра молоко, как из миндаля — вышло превосходное питье, соединяющее в себе свой аромат, немного похожий на миндаль, потом густоту коровьих сливок и прохладительность оршада. Я, как проснусь, мой Фадеев несет мне целую бутылку таких сливок, добываемых из одного ореха с небольшой примесью воды. Мы еще придумали есть это молоко с бананами. — Мы остались в Анжере, и вечером опять я вспомнил Вас, Евгения Петровна[3], сидя на балконе Китайской лавки, в которой мы пили чай, лимонад. Что это за вечер! Этот животворящий, жаркий воздух, светлое тропическое небо, которое без луны блестит, как у нас в лунную ночь, наконец разнообразнейший говор, треск, вопли, чириканье птиц и насекомых. Вдруг в воздухе начали плавать не то звезды, не то огоньки — особенно красиво освещали они колоссальное дерево Баниан, под которым в Анжере располагается целый съестной рынок. Эти огоньки просто — светящиеся мухи. Мы наловили несколько и стали рассматривать, откуда это у них льется свет. Откуда бы вы думали, mesdames? Из-под хвоста! Да еще какой свет: фантастически зеленый, как бенгальский огонь. Ползет, а из-под хвоста так и льются лучи этого света, несмотря на свечи. Я перевернул одну, желая добраться до источника, что же: под самым хвостом помещена у нее прекрасная яркая звезда: каковы мухи? * Мы четверо шли по лесу сзади других и прозевали чудесную вещь: они вдруг увидали в мутной речке крокодила, пробиравшего [sic] по каменьям, бросились за ним, но он скрылся в чащу кустов, куда они не решились следовать за ним, боясь змей. Видели и даже убили змею. — Вечером малайцы сидели в куче на пятках на улице и одни готовили из какой-то дряни ужин, другие резали траву для жвачки. У всех за щекой набито этой травы; от этого у всех рот похож на трубку, из которой лет десять курил Жуковский табак. Мы уехали среди этой живой, полной призраков темноты и были как нельзя более довольны прогулкой. Уеду далеко, может быть вернусь в Россию, но долго мне не забыть Явы.

Вообще весь Зондский пролив, Ява, Суматра и мелкие острова — это будто сады зелени: не знаешь, куда смотреть, чем любоваться. У нас есть шкипер Яков Васильевич; я на другой день после Анжера спросил его, отчего не видать его почти никогда на берегу? Что там делать: по-ихнему,

* Вот что у них под хвостом: не то что у наших!

отвечал он, указывая на Анжер, я говорит не умею, да и не люблю как-то съезжать: берега — это только баловство и деньгам перевод; скажут, берег, должность позабываешь, тянет туда, а зачем-с? И он очень неблагосклонно поглядывал то на Яву, то на Суматру.

Жарко, ах жарко! И Вы бы, друг мой Николай Аполлонович[4], не сказали, что не жарко, а только хорошо. Хорошо для ананасов да черепах (которых мы тоже накупили) да еще для Фадеева. Я изнемогаю, сижу с поникшей головой, во рту сохнет, аппетита нет, а он войдет ко мне в каюту и только приговаривает: «Господи! Как тепло, хорошо!» Вчера он отличился, когда пристала шлюпка с малайцами. Он в это время доставал из-за борта воду и обливал меня. — Кто это там приехал на шлюпке? спросил я.—Должно быть опять чухны, Ваше высоко-дие, отвечал он, разумея малайцев.

Сингапур 26. Утро. Какое оживленное утро! Мы кругом в островах в зелени — около нас целая флотилия индейских и китайских лодок, крик, шум на всех языках. Ко мне в дверь (моя каюта на верху, подле капитанской) ломятся толпой индейцы, портные, прачки, маклера, все суют рекомендации от разных судов. Вот и Иван Иванович (Бутаков, который едет курьером в П.) стучится в дверь. — Чего — мол Вам? Да вот, говорит, попробуйте фрукт *мангустан, — и дал какое-то яблочко: в нем кисло-сладкое беловатое ядро,* окруженное красным мясом — едят белое ядро — отлично. Пишу, а самого так и тянет туда, на палубу; индейцы горланят, продают раковины, фрукты; вижу, матросы охапками носят ананасы — и какие — с дыню, не только желтоватые, но красные, по полуторы копейки серебр. штука, дюжина шиллинг, сотня полтора целковых. Мне Гошкевич[5] мимоходом бросил четыре ананаса в каюту, и они заняли целую полку, вот режу один — сок течет. Позвольте попотчивать Вас: вот этот Вам, Е. П.; это — Вам, Ю-ка, Вам, маленькая старушка, недостает[6] — эй, Фадеев, принеси дюжину... Вон все матросы вооружены ножами и ананасом. А жарко, жарче вчерашнего. Нельзя поверить, сколько градусов, термометр сейчас лопнул от пушечных выстрелов, которыми, по обыкновению, салютовали здешнему флагу. Но у нас случилось несчастье: одному, заряжавшему пушку матросу оторвало обе руки совсем — делают операцию — слышен стон... Эпизод не хорош, но что делать? Этот трагический случай как-то дополняет оживленную картину утра и этой новой для нас суматохи. Сколько хочется накупить всякой всячины, но, к сожалению, некуда деть. Возьму, что можно: беда, если придется перемещаться на другое судно.

Вы, Аполлон[7], как-то говорили мне, чтобы я не забыл сказать Вам о сильной тропической буре и о моих к ней отношениях. С нами случилось то, о чем вы говорили, — но что сказать? Почти нечего. Во 1-х, бури нет, а есть свежие и крепкие ветра, штормы и ураганы. Нас прихватил шторм у М. Д. Н., лишь только мы отъехали от него верст 200. Этот шторм окончательно и доказал, что фрегат наш более, чем плох. Я сидел в кают-компании, когда буря началась. Когда усилилась, сначала взяли рифы, т. е. уменьшили паруса, но ветер крепчал, их убрали совсем, кроме самых необходимых. Началась течь, как в решете, все ничего, в общей каюте было еще сухо, но фрегат начал черпать бортами, да еще дождь проливной пошел, и вдруг хлынули целые потоки к нам вниз. Меня адмирал звал не раз, через посланного, вверх — полюбоваться картиной, где блеск луны и молнии спорил друг с другом, но как на палубе на четверть ходила вода, то я и не пошел, думая удержать свою сухую позицию до конца бури. А когда вода хлынула в десять каскадов и к нам, мы оттуда поневоле бросились все вверх, по трапам лились тоже потоки, а я в башмаках и летнем костюме. Вверху я насмотрелся и молнии и луны, наслушался и грома и ветра, но через пять минут я весь был мокрехонек, добрался до своей каюты, переменил белье, заснул, и не знаю до сих пор, как и когда кончился шторм. Хорошая сторона

морских неприятностей отличается своею странностью: через час не остается и следа от претерпенного беспокойства, страха, мокроты и морской болезни, у кого она бывает. Я до сих пор продолжаю не понимать, что это за болезнь. Вообще я, слава богу, так во многом свыкся с морем, что теперь некоторых своих беспокойств, тревог, страхов и неудобств даже не понимаю и удивляюсь, как могло меня тревожить вначале то или другое. Бывало от шума маневров, стука и пальбы я не мог уснуть, а теперь ни за что не проснусь, разве сбросит совсем с постели; прежде бывало беспрестанно в голове присутствует сомнение, не случилось бы того, другого, а теперь не верится никак, чтобы могло случиться — словом, как прежде хотелось бы отсюда, так теперь ни за что не воротился бы, хотя в некоторых отношениях мне бывает не хорошо. Но ведь куда не спрячься, везде постигнет своя доля нехорошего, и я, похандрив, заключаю частенько, что мне очень хорошо. Не хорошо мне особенно потому, что я до сих пор не веду моих записок, а боже мой! сколько интересного видишь и сколько способности чувствуешь в себе записать это! И между тем часто недели проходят в бездействии: от качки невозможно физически писать, все рвется из рук, а чуть выдается свободная минута, надо приниматься за казенный журнал. И в том много отстал. Это досаднее всяких бурь. A propos о бурях, еще слово о них: 21-го мая, когда уж мы вышли из Зондского пролива, меня разбудил крик: Смерч — пушку зарядить ядром! Я выбежал — смотрю: в одном месте море кипит столбом, как будто пароход идет, а из тучи к нему тянется труба, в роде насоса, и тянет воду. Стрелять не понадобилось, смерч лопнул сам, не дошедши до нас. Красиво, но слабо, я ожидал больше. Вот разве дальше, в Китайском море потешат нас тайфуны, т. е. тифоны, так те любят поломать стеньги, а иногда и мачты. Вообще вторая часть нашего плавания знаменовалась беспрерывными штилями, ежедневными грозами и шквалами — то-то бы страшновато было другу моему, Е. П., а нам, старым морякам, некогда было и замечать этого. Я раз в грозу занялся — чем бы вы думаете? Перекладывал тихохонько из деревянного ящика в жестяной — тысячу спичек: т и х о х о н ь к о потому, что спички — великий грех на корабле. Не сказывайте Ивану Ивановичу (Бутакову), если увидите его у Языкова или если он сам привезет Вам письма: он второе лицо на корабле, друг и товарищ командира Унковского. По возвращении, пожалуй, отнимет спички, а мне — мат без них. Он лихой моряк и добрый малый.

Ну довольно об всем: простите, что так долго занял Вас собою. Погодите, напишу разве еще из Гон-Конга, а там уйдем в такие места, где и почты нет. Странное дело, меня никогда не интересовало слишком тридесятое государство, куда мы стремимся: оно не дико, но и не цивилизованно и я мало занимался им, а теперь лишь думаю, что придется увидеть его, так сердце замирает.

Здоровы ли Вы, что делаете? Сходитесь ли в известные часы и вспоминаете ли об отсутствующем приятеле? Он помнит Вас — будьте в том уверены, если только память его на что-нибудь годится Вам, и ¾ радости в возвращении полагает в надежде увидеть Вас всех здоровыми, вместе в том же укромном многолюбимом уголке, в котором он так ласково был принят половину своей жизни. Вы что делаете, м о л о д ы е [8], в обоюдном смысле? Не мудрено, я думаю, угадать, что — Вы что — Ю., как обнял бы Вас несмотря на Ал. Павл. *. Ах, как я растолстел — куда ему. Должно быть от морских бедствий — не знаю, только у меня растет другое брюхо рядом с прежним, повыше. Это бы ничего, уж видно горькая участь такая, но что досадно, так это то, что каждый из моих спутников, встретясь со мной утром, непременно потрогает пальцем это мое второе брюхо, как будто не доверяя,

* Я отсюда даже с Малакского полуострова чую, Ю—ка, что у Вас опять — другой или который бишь?

в самом ли деле это там или накидка. Ты, Бурька, что? А Вы, милый мой Льховский... что за странность, что во всяком письме приходится вам стоять рядом с Бурькой? Поди, чай, вы понемногу складываетесь — в следующем письме разлучитесь. Что бы Вам сказать особенное о себе или о путешествии: да вот что: часть известных Вам зверских наклонностей, несмотря на всю гуманность, сопутствует мне и вокруг света. На мысе Д. Н., например, я прибил на Львиной Горе готтентота — зачем надул. А на днях велел высечь Фадеева. Последнее обстоятельство замечательно тем, что я с самого начала похода проповедывал о гуманности и жарко спорил с капитаном, который меньше 150 линьков виновным не дает, говоря, что меньше ему стыдно давать, не по званию. А вдруг и сам высек, но, будучи маленького звания здесь, выпросил я, чтобы ему дали только двадцать. Худо служит, знаете ли, отчего? Я не бью его, не кричу, а прошу и плачу жалованье. Невероятно, а правда. Скажите: «о, род людской, достойный и т. д.»

До свиданья. Пишите или через Азиатский Департамент, или в Гон-Конг: у Языкова есть адрес, как хотите, только пишите. Весь и всюду Ваш

Гон[чаров]

Мы, кажется, простоим здесь неделю и потом в Гон-Конг. Кланяйтесь всем, но писем пожалуйста другим не читайте, а берегите до меня, может быть понадобятся мне для записок. Не показывайте потому, что пишу их решительно для Вас, небрежно.

Кланяйтесь Бороздным, Княжне, Поздеевой, Яновскому, Кошкаревым, Дудышкину etc, etc. К Влад. Григ. могу написать из Гон-Конга. Марья Фед., что сегодня за обедом? [9] Не ботвинья ли? Ах, если бы. У нас щи и салат из ананаса. Солику, Павлу Степ.

Что Вы, Капитан: приучаетесь ли говорить правду или все еще того... Во всяком случае здравствуйте, любезнейший друг.

[1] Ю—ка, Ю. — Юния Дмитриевна Ефремова.

[2] «Капитанская Дочка» Пушкина: готовясь к обороне против Пугачева, Иван Игнатьевич «вытаскивал из пушки тряпочки, камешки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный в нее ребятишками».

[3] Евгения Петровна — Майкова.

[4] Николай Аполлонович — Майков.

[5] Гошкевич, О. А. — драгоман экспедиции.

[6] Е. П. — Евг. Петр. Майкова; Ю. — Ю. Д. Ефремова; маленькая старушка — Екат. Павл. Майкова, жена Влад. Ник. Майкова.

[7] Аполлон — Николаевич Майков.

[8] Молодые — Владимир Николаевич и Екатерина Павловна Майковы.

[9] Бороздным — семья Ив. Петр. Бороздны (1804—1858), поэта, друга семьи Майковых; Княжна и Поздеева — остались нам неизвестны; Кошкаревым; Яновский, С. Д. см. прим. к п. № 3; Дудышкин, С. С.; Влад. Григ. — Бенедиктов; Мария Федоровна — экономка в доме Майковых: см. прим. к п. № 10.

13. Е. А. и М. А. ЯЗЫКОВЫМ

26 мая/10 июня 1853, Сингапур

Вот куда занесло меня, любезнейший друг Мих. Алек. — Но прочтите прежде другое письмо на Ваше имя; я запечатал его давно и вскрывать не хочется. Я думал, что не успею написать ни к кому, но времени достало, потому что в Батавии Бутакова мы не высадили, а должны были нарочно ехать сюда и вот четвертый день стоим здесь в ожидании Ост-Индского парохода, на котором Бутаков отправится с депешами в Россию. Прилагаемые письма потрудитесь поакуратнее отдать по адресу; тут два: одно к Майковым, а другое к Кореневу.

Что Вам сказать про Сингапур? Кто побывает здесь, тому, кажется,

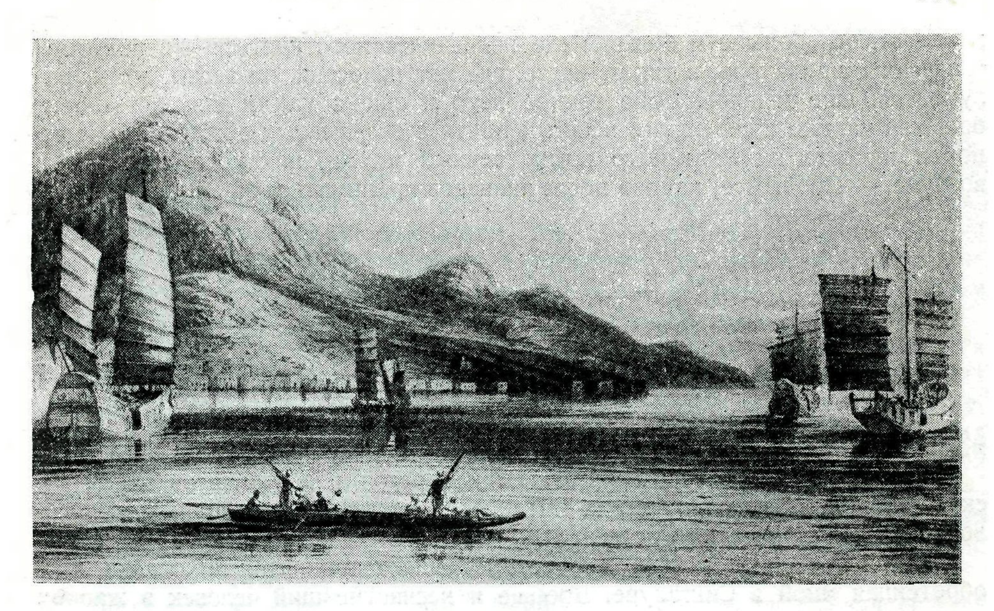
незачем ездить ни в Китай, ни на Индийский полуостров. Это образчик и того, и другого. Здесь до 60 т. жителей; из них европейцев всего 400 человек *, индейцев и малайцев тысяч 20, в этом же числе и персы, и армяне, а остальные 40 тысяч — китайцы. Колония понемногу падает, на ее счет возвысилась в последнее время другая — в Гон-Конге. Два больших рынка не могут ужиться в таком близком соседстве.

Остров Сингапур верст 50 в длину, да около 20 в ширину, весь в непроходимых лесах и болотах, чего-чего тут нет, всего более тигров, которые съедают круглым счетом по человеку в день, выключая другого скота. Фруктов неимоверное множество, и между прочим бездна таких, за которые не знаешь, как и приняться. Роскошнейший из плодов, нет сомнения, м а н г у: вкус сливочного мороженого соединяется в нем с легкой кислотой, и все это приправлено каплей какого-то наркотического вещества. Есть его нельзя, т. е. жевать нечего, надо сосать. Ананасы ни по чем — и какие: я пробовал захватить в руки четыре штуки и не мог. Матросы таскают их вязанками, как дрова, но вот уже второй день их никто не есть — надоели. Сотня их продается по 1 р. 35 сер. на наши деньги. Третьего дня я с раннего утра забрался на берег и с двумя, тремя товарищами исходил и изъездил город и окрестности. Ново, оригинально, поразительно. Это множество столкнувшихся здесь на маленьком клочке азиатских племен, не похожие на наши костюмы, обычаи, деятельность, наконец, великолепнейшие кокосовые, мускатные леса, исполинские банианы, ползучие лианы, цветы — не отвел бы глаз, но боже мой! Какое свинство рядом с этой роскошью. По китайским кварталам нет возможности пройти и проехать. Со мной однажды сделалась та болезнь на берегу, с которой я не знаком на море. Я был на китайской джонке: никакой художник не придумал бы удачнее карикатуры на все то, что называется кораблем; был в китайских лавках, потом в заведениях, где курят опиум — и везде одно и то же, особенно в лавках: запах поту, ананасов, чесноку, мускуса и разной дряни, развешанной на солнце, которую они едят, — все это составляет убийственный букет. Китайцы все делают на улице, как и везде на Востоке, у лавок: бреют головы, чешут косы, моются, едят, спят и пр. и... Все это заставляет умолкнуть самое живое любопытство. Смесь этих запахов помешали мне зайти в китайский театр.

Индейцы — другое дело: в них не видать грязи, хотя здесь все ходят голые, обвязывая только около поясницы род юбки. Впрочем индейцы побогаче ходят все в белом кисейном костюме и одни (магометане) в чалмах, другие в каких-то шапочках. У всех серьги в ушах, у многих в носу, на лбу какие-то блестки, некоторые красят лоб и грудь белой краской и почти все ногти красной. Кольца и на руках и на ногах. В походке и движениях индейцев много гордой сладострастной и ленивой грации. Пройдись у нас кто-нибудь так—расхохочешься, а к ним идет. Только жарко и душно: я вчера заболел лихорадкой или чем-то в роде этого. Воздух так растворен разными наркотическими запахами от растений, что язвит непривычное тело, несмотря на сквозные галлереи, полумрак в домах и исполинские вееры в комнатах. Съедешь на один день на берег, а воротишься, точно измученный тяжелой работой. Посмотрите же, что делает индеец: здесь ездят в каретках, в которые садятся по-двое и могут сесть даже четверо, на малорослых лошадях, меньше Вятских; Индеец посадит вас в такую карету, а сам, взяв за узду лошадь, бежит рядом с ней, да ведь как бежит! Ни один извозчик не повезет вас так. Он скачет так грациозно — за доллар целый день. Сначала мне было неловко, стыдно ездить так, но через полчаса я привык и они тоже: на лице ни малейшей усталости—стройны, гибки, бегут, улыбаясь и обнаруживая ряд удивительных зубов.

Я бы был совершенно доволен своим путешествием, еслиб мог распола-

* Теперь с нами 800, если только мы в самом деле европейцы.



ГОНКОНГ
Современная гравюра

гать временем по своему произволу. Но в качку работать нельзя, в зной тоже, не знаешь, куда уйти: внизу душно, вверху печет, и ночь едва-едва прохлаждает воздух; когда же выдается свободная минута, принимаешься за казенное дело, и так отстал.

Был в китайских лавках, хотел купить кое-каких вещиц — более для Вас, милые барыни — но не советуют, не довезешь. Все эти японские и китайские изделия: коробочки, веера и т. п. до того хрупки и нежны, что едва позволяют дотрагиваться до себя, а на море и железо, и медь, и кожа — не говоря уже о платье и белье, все как будто горит огнем — плесневеет и зеленеет.

Дня через три положено итти отсюда в Гон-Конг, а там в китайские порты, в Шанг-Хай и другие. Оттуда на маленькие острова Бонин-Сима, к югу от Японии, а потом в тридесятое государство. Но вот мы слышим, что того и гляди последует разрыв с Англией за Турцию: нам так свободно разгуливать нельзя, бог ведает, куда мы тогда денемся.

Дайте руку, Элликонида Александровна: здоровы ли Вы, где Вы? Чувствуете ли Вы, что я ежедневно благодарю Вас за массивный графин, которым Вы снабдили меня? В нем теперь постоянно наливается кокосовое молоко. Как море ни портит вещи, но я в благодарность за графин, ермолку и прочие знаки Вашей внимательности, обязуюсь привезти заморский гостинец, лишь бы только не попасться нам в плен к японцам или англичанам.

До свидания же — когда? Ах поскорее бы. Путешествие утомило меня, особенно жара. Поклонитесь, Екатерина Александровна, нашим общим друзьям, поговорите обо мне с детьми; я думаю, и Николенька забыл меня.

Будьте здоровы и не забудьте много Вас любящего

И. Го[нчарова]

После обеда. Сейчас опять с берега: осматривал китайские и индейские кумирни, был за городом, видел китайскую процессию в роде поминок по мертвым. Когда Вам случится видеть индейские пагоды и китайские храмы на театрах, то представьте, что действительность далеко выше: резная работа, позолота, постройка — изумительны странностью восточной фантазии и исполнением тоже, делающим честь терпению китайцев. Но я

разнемогаюсь больше и больше: где изловчился простудиться — в полутора градусах от экватора, в таком месте, где нет ни осени, ни весны, зимы, разумеется, еще меньше. Одно вечное лето и еще с каким снисхождением: большей частью с сереньким небом и почти с ежедневным дождем. Но за то почти никогда ни малейшего ветра, вечный штиль, никакого движения в воздухе. — Прощайте; каково после ананасов приниматься за Sel de guindre?

14. Е. А. и М. А. ЯЗЫКОВЫМ

7 июля/20 июля, Гон-Конг

Милые мои Михайло Александрович и Екатерина Александровна!

Вы, надеюсь, получили мои два письма с Бутаковым? Вот Вам еще: это может быть последний голос, после которого замолчу надолго.

Мы более недели стоим у китайских берегов и любуемся видом китайских джонок, полунагих бритых китайцев и наслаждаемся запахом кокосового масла и сандального дерева.

Наши поехали в Кантон [1], я—нет: помешала проклятая лихорадка, приобретенная мной в Сингапуре. Вообще я несчастнейший человек в жарком климате. Лишь только вошли в Зондский пролив, я потерял аппетит, желудок ослабел, пищеварение испортилось, и по телу пошла сыпь, так что я завтра принимаюсь за декокт. Все это помешало мне вместе с нашими отправиться в Небесную Империю, хотя мне следовало ехать, кроме любопытства, и по обязанности. Но как нынешней зимой предполагается пойти во все пять открытые для европейцев китайские порта, то я и не печалюсь нынешней своей неудачей. Даже если б пришлось совсем не быть там, то не заплачу. Ведь я принадлежу к числу тех путешественников, для которых путешествие — некоторая пытка. Чуть надо изменить привычку, обычный ход дня, увидеть новое лицо, принудить себя поговорить и т. п., а особенно лазить самому в чемодан за бельем и за платьем, так хоть и не надо ничего.

Вот хоть бы здесь в Гон-Конге я уж другой день не съезжаю на берег, потому что многие из здешних жителей перебывали на фрегате, перезнакомились с нами и начали звать к себе. После того нельзя ступить шагу на берегу, все знакомые—тоска! Раз немец-купец тащил к себе обедать, там английские офицеры повели в свою мессу (офицерские помещения в казармах), а то так одолели попы: доминиканцы, францисканцы, французы, португальцы, все миссионеры [2].

Здесь всего от 500 до 600 европейцев и 30 000 китайцев. Весь Гон-Конг не что иное, как скала. Город расположен по берегу, но, распространяясь все дальше и дальше, просится в гору. Какие дома у англичан: дворцы! А что за клуб! Рейд очень оживлен: китайские джонки, одна другой уродливее и страннее, и перевозные ялики, управляемые женщинами, снуют взад и вперед по реке. Несмотря на то много места и на берегу, целые семейства китайцев живут на лодках. Все это движется около нас, по вечерам и европейцы ездят вокруг фрегата послушать нашей музыки [3].

Но я от европейцев удаляюсь, особенно англичан, которых одних почти только и видел с самого отъезда. Я люблю шататься по китайскому городу, который здесь почище и получше, нежели в Сингапуре. Я с большим любопытством смотрю на сметливые и лукавые китайские физиономии, гляжу, что они делают, что и как едят и пьют, а иногда в лавке у них напьюсь и чайку. Но все эти прогулки обходятся недешево: как ни пойдешь, то и накупишь долларов на десять каких-нибудь безделок, то резной веер из кости или сандала, то картинок на рисовой бумаге, ящик какой-нибудь и т. п. А пожа-

луй придется бросить все, да еще года в два путешествия все отсыреет и пропадет на море.

Скажите пожалуйста Бутакову, Михайло Александрович, что по выходе из Сингапура нас задержали штили и мы миль 350 плыли дней десять, а остальные тысячу миль, как только задул попутный муссон, сделали в четверо суток. Еще расспросите его пожалуйста и напишите мне в Гон-Конг по тому адресу, который я Вам дал, сколько ему стоил весь путь от Сингапура до Петербурга. Очень немудрено, что по возвращении из Японии сюда кого-нибудь из наших опять пошлют с донесением, так необходимо знать, во что обойдется дорога. Если мое здоровье окажется решительно негодным для жаркого климата, то может быть и я попрошусь тогда домой.

Что за женщины здесь, Екатерина Александровна: не причесывайтесь, пожалуйста, никогда à la chinoise — некрасиво. Женщины ходят в широких шароварах и длинной широкой же кофте. А как ходят: некоторых двое ведут за руки, а те, которые идут одни, переступают так, как будто на ногах у них кроме мозолей ничего нет: так малы и уродливы ноги. Нет никакой надежды влюбиться здесь. Вот что скажут наши, воротясь из Кантона? — Воров здесь несть числа, несмотря на то, что полисмены, которые в Англии своею палочкой имеют только право дотрагиваться до нарушителя порядка, бьют ею здесь китайцев без милосердия, по голым ногам.

Прощайте, поцелуйте за меня детей. Коле скажите, что меня еще не съели ни африканские, ни азиатские люди. Вот что будет между дикими. Дайте ручку, Элликонида Александровна, и пожелайте мне здоровья да скорого возвращения домой, хоть я не знаю, где у меня это д о м о й? Может быть отчасти и на Стеклянном Заводе: только не забыли ли меня там?

Кланяйтесь всем вообще и каждому в особенности. Майковым я писал из Сингапура, теперь пока не напишу, так и скажите. А если кому напишу сегодня или завтра, так Вы передайте письмо.

[1] «Н а ш и п о е х а л и в К а н т о н». Кроме официальной миссии в Японию Путятину было поручено позондировать почву в Китае насчет торговли с Россией через только-что открытые для европейцев четыре китайских порта. Это поручение, однако, не привело к положительным результатам, так как китайцы, ссылаясь на торговлю с Россией по сухопутной границе, не соглашались вести ее еще и морским путем, а Путятин имел предписание ни в коем случае не раздражать китайское правительство.

[2] «О д о л е л и п о п ы». Богомольный до ханжества Путятин чрезвычайно интересовался постановкой миссионерского дела на Дальнем Востоке и уделял ему не мало внимания. Вот почему в каждом порту он завязывал самые оживленные сношения с миссионерами, и его свите приходилось принимать, посещать и занимать всяких епископов, монахов и пр.

[3] «Н а ш а м у з ы к а» — игра на пианино Миши Лазарева, о которой—не без иронии по адресу русского военного судна—упоминалось даже в местных английских газетах.

15. Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ [1]

7 июля/20 июля, Гон-Конг

Здравствуйте, вечно юный и прекрасный друг мой
Юния Дмитриевна!

Я простился письмом из Сингапура с Майковыми и Языковыми перед отъездом в дальние и неведомые страны: не могу уехать, не простясь с Вами надолго, а кто знает, может быть, и навсегда. Но полно вдаваться в чувствительность; скажите лучше, вспоминаете ли Вы иногда обо мне, видите ли мысленно меня, то бросаемого качкой из угла в угол каюты, то изнемогающего от лучей здешнего язвительного солнца, или гуляющего среди пальм и потом лениво отдыхающего на мраморной веранде Гон-Конгского клуба, или Сингапурской отели, где по вечерам над головами бегают ящерицы, а

около балкона и по балкону летают мыши и прочая т. п. дрянь? Может ли Ваше северное воображение не [sic!] представить себе все эти картины, сцены, китайские, индейские, малайские, которые я вижу не во сне и не воображением.

Что касается до меня, я часто слежу за Вами, невидимо являюсь среди Вас, то с апатией, то с какой-нибудь резкой трескучей шуткой или просто раздражительной бранью, со всем тем, что так великодушно сносили и прощали мне Вы все, мои друзья, в уважение, бог знает, каких заслуг. Я теперь в странном моральном состоянии, не знаю, что пожелать: продолжать путешествовать, — но порыв мой, старая мечта, — удовлетворились; любознательности у меня нет; я никогда не хотел знать, я хотел только видеть и проверить картины своего воображения, кое-что стереть, кое-что прибавить; желать вернуться — зачем? Опять к прежнему, и дай бог, если еще к прежнему, а если того не найдешь. Это прошло, исчезло, то изменилось. Так и не знаешь, что с собой делать. В ожидании чего-нибудь лучшего, пока пью декокт и плачу дань климату лихорадкой.

Через три дня мы уходим отсюда, но из тропиков долго еще не выберемся. Может быть в августе придем и к цели своего путешествия. Но все это еще не ведет к обратному пути: ранее двух лет не видать России тем из нас, кому суждено ее видеть.

Я пока шляюсь все по Китайскому городу да наблюдаю китайцев, чтоб было что порассказать о них, если вернусь. Между прочим покупаю разных безделушек, то веер, то резной портфель для визитных карточек и т. п. дрянь. Есть хорошенькие ящики для чаю и рукоделья, но крупных вещей некуда брать, особенно таскать еще с собой два года.

Что Александр Павлович, что Феня? Обнимите за меня обоих. Алекс. Павл., я полагаю, не удастся. — Хотя здешние китаянки и не хороши, но Вы здесь не были бы красавицей и между ними: хоть велики и скоро ходите: они вовсе не ходят.

Ну, до свиданья, друг мой.

Весь ваш И. Г[ончаров]

Майковым поклон — писать не буду: недавно писал, и то, я думаю, они бранят меня.

[1] Опубликовано впервые Б. Л. Модзалевским в «Невском Альманахе», вып. I. П. 1917, стр. 10—11.

16. И. И. ЛЬХОВСКОМУ

Двадцать которое-то июля 1853
острова Бонин-Сима, порт Ллойда
27° с. ш. 142° в. д.

Здравствуйте, милый друг Льховский!

Сегодня мы только ввалились, сказал бы я, если бы странствовал по суху, но служа во флоте, должен сказать — бросили якорь в вышеуказанном порте. Вот дней пять, как я лежу больной: у меня нарыв, отчасти с рожей на ноге, все от жаров. Сам я здоров, но нога не дает ступить шагу, и я лежу. От этого я довольно равнодушно вслушиваюсь в суматоху, какою обыкновенно сопровождается вход в порт и бросанье якоря; все в это время наверху, я один только не мог видеть хотя необитаемого, незанимательного, но все-таки нового берега. Зато как я был награжден за свою болезнь, скуку и за томительный переход от Гон-Конга сюда; через час после нашего прихода мне вдруг привезли до десятка писем, от всех Вас, от Яз., Кор. [1] и еще кое от кого. Добрый Михаил Парфенович [2] (которого да благословит Аллах до десятого колена), запечатал их в один пакет, отчего

все письма более или менее слиплись, как слипаются в моем сердце самые авторы этих писем.

Письма привезены одним из судов, составляющих нашу эскадру (я служу теперь в эскадре). Но что Вам до всего этого за дело? Не стану Вам говорит ничего о нашем плавании, о новых, виденных мною местах, ни об урагане или тайфуне (тифоне), который мы испытали при выходе из Китайского моря в Тихий океан, — все это отчасти прочтете Вы в общем письме к Майковым. А теперь обращусь скорее к Вашему письму, которое так мило, так тепло и так напоминает мне Вас, что оно разбудило мою дремоту, лень, хандру, и я спешу отвечать Вам сегодня же, хотя Вы может быть получите это письмо разве через многие месяцы, если только получите. Мне хочется отвечать поскорее и потому, что спустя некоторое время я, быть может, охладею к некоторым из Ваших замечаний, которые в эту минуту шевелят меня. Начну с начала. Мне очень жаль, что Вы так решительно отказались говорить о себе, сообщить мне кое-что из того заветного мира, который так тщательно закрывали почти от всех, а вот теперь и от меня. Я говорю про ваше сердце: до сих пор Вы держали дверь туда назаперти, вдруг отперли на минуту, да как-будто и раскаялись. Конечно этому виноват я сам. Вас пугает разврат или холод моего анализа, но Вы предполагаете его во мне иногда больше, нежели его есть; есть вещи, до того нежные, чистые и вместе искренние, что я умиляюсь перед ними, как пушкинский дьявол, увидевший у райского порога ангела. Или быть может я неуклюже и грубо озадачил и оскорбил вашу стыдливую поэтическую печаль поспешным желанием утолить ее хоть немного. Зная тонкость вашего анализа, я хотел только это, вышибенное [sic!] внезапным ударом из рук ваших оружие поднять и дать Вам опять в руки, надеясь, что Вы, владея им, мастерски справитесь посредством его со всяким горем. Но я, надеясь на ваш ум, позабыл в Вас юношу (знаю, что слово смешно, да право не умею заменить). Я думал, что Вы разложите ваше горе также тонко, как все, что попадалось Вам в руки, что ум ваш и прошедшее будут Вам руководителями, но я забыл, что у Вас нет прошедшего и что в этом отношении я ставлю себя на Ваше место. Грубая ошибка! Потом — отчего Вы так ухватились за слово — в ы с ш е е? Суля Вам высшее впереди, я никак не думал потешить Вас ни большим жалованьем, ни чином, ни даже каким-нибудь не столько материальным благом. Нет, я не хотел своpачивать Вас с того же пути, т. е. пути любви и наслаждений. Я там Вам и сулил это высшее (ужели я так глупо высказался) или это лучшее? Тот же плод, но созрелый и прекрасный. Как Вы ни будьте тонки, умны и образованы со всех сторон, но в ранней молодости, какова Ваша, Вы никогда не в состоянии будете дать любви, или вернее, любовь не в силах явиться к вам со всею глубиною своей, со всею определенной строгостью и достоинством своих качеств, с их разнообразием, словом со своею всеобъемлемостью, за недостатком многих начал к ее восприятию, чтоб заманить к себе эти качества, надо немножко побольше жизни, побольше опытности *. Положим, даже я уверен, что ваша любовь и была любовь, которую я разумею, но я также уверен, что низведенная с поэтической точки воззрения любовника в будничную жизнь мужа и хозяина, она вскоре отодвинулась бы на второй план и уступила бы место — чему? А тому, что должно предшествовать ей — опыту. Хотелось бы испытать других обольщений (смотря у кого-что): одному опьянелости самолюбия, голоса славы,

* Иногда я с удовольствием, а иногда с каким-то страхом прислушивался, как тонко, а вместе с тем как мучительно Вы бились посредством одного анализа разложить какой-нибудь случай, для которого требовалось не более трехдневного опыта, т. е. просто надо было пережить его, а Вы тратили бездну гипотез, даже целых теорий, одна другой остроумней, и ошибались иногда.

другому и чина и т. п. Положим, после придешь к сознанию, что то все хуже, да часто трудно возвращаться к тому единственному чистому источнику увядшего и неоцененного счастья. Не лучше ли же оставить все то назади и знать, встретя высшее, что лучше, глубже впереди нет ничего. Вот то разумное и высшее благо, которое я осмелился сулить Вам, зная ваш тонкий ум и давно чуя глубоко-симпатичное сердце, которое может быть ценю больше еще, нежели ум. Сердце ваше теперь облилось кровью, но ни на волос не лишилось жизненной силы и способности вновь сосредоточить в себе всю роскошь тех ощущений, на которых создавалось здание вашего потерянного счастья. Вы спрашиваете меня, а знал ли я сам это высшее? Нету-ти. Так как же мол... и т. д. Как же могу сулить его другому? Во 1-х) я сулю не другому, а Вам, во 2-х) Вам потому, что сознаю в Вас множество преимуществ перед собою, в 3-х) не знал этого лучшего, но чувствовал в себе способность к нему, теперь уже утраченную *. Преимущества ваши состоят между прочим и в том, что Вы сознательно воспитывались и сохранили в себе, по прекрасной своей аристократической натуре или по обстоятельствам, первоначальную чистоту, этот аромат души и сердца, а я, если бы Вы знали, сквозь какую грязь, сквозь какой разврат, мелочь, грубость понятий, ума, сердечных движений души проходил я от пелен и чего стоило бедной моей натуре пройти сквозь фалангу вечной нравственной и материальной грязи и заблуждений, чтобы выкарабкаться и на ту стезю, на которой Вы видели меня, все еще грубого, нечистого, неуклюжего и все вздыхающего по том светлом и прекрасном человеческом образе, который часто снится мне и за которым, чувствую, буду всегда гоняться так же бесплодно, как гоняется за человеком его тень. Я должен был с неимоверными трудами создавать в себе сам собственными руками то, что в других сажает природа или окружающие: у меня не было даже естественных материалов, из которых мог бы построить что-нибудь, так они испорчены были недостатком раннего, заботливого воспитания. Вот еще: вы говорите, что я не так отжил, как кажется, что роскошная природа, океаны, все чудеса, которые я вижу, не воскресили бы меня, а я, слышь, обновляюсь, глядя на Мадеру и т. п. Говоря об этом способе воскресения, вы тут же и изрекли мне смертный приговор. Представьте, что это меня не занимает и не обновляет. Мадера на минуту разбудила меня: мы пробыли на ней всего часов 20 и пришли туда прямо из незанимательного Портсмута, после постоянного холода, жестокой, непрерывной в течение семи дней бури, и вдруг там тепло, тихо, южно, да еще и хорошо пахнет — и это было первое место, непохожее на все то, что я прежде видел и знал. Я, точно, немного ожил, но вот уже с тех пор до сей минуты и не оживал больше, а между тем я видел и мыс Доброй Надежды, и Яву, Сингапур, уголок Китая Гон-Конг, но видел холодно **. Я совсем не хочу оправдаться в минутном проявлении жизни, напротив, я с отчаянием заглядываю в будущее и вижу, что странствовать мне еще долго, если не умру на дороге, а мне уже о сю пору скучно. Увидав, например, крутые живописные скалы на Мадере, потом в Африке, побывав в пальмовых рощах на о. Зеленого Мыса и поглядев с некоторым вниманием и любопытством, я потом уже холодно смотрел на все утесы и на все пальмовые леса в других местах, потому что соскучился и одряхлел, а внешняя природа может двигать только здоровый, живой дух. Если же в письме моем и выразилось будто живое

---

* Или если не знал, то сильно чуял эту способность в других.

** Это между прочим и от того, что я болен. Чувствую, что меня ничто и никогда не расшевелит: геморрой ли это, печень ли, не знаю, знаю только, что по целым неделям мне что-то внутри меня не дает ни думать, ни дышать свободно, ни словом — жить. Я не сомневаюсь, что во мне гнездится и физический недуг, который много прибавляет сонливости, лени и даже иногда боли.

впечатление, так это потому, что я, при некоторой настроенности, вследствие весьма известного Вам воззрения, забочусь более о зрителях и слушателях, нежели о себе: как же я постоянно буду звучать им в уши на тот тон, который раздается в моей душе. При том я писал второпях, как почти все свои письма, и желал, разумеется, высказать, как можно больше, спешил и высказывал неполно, не отчетливо одни резкие черты — вот отчего письма мои и нелепы. О себе все говорить не позволено, а другое не так интересует меня (т. е. что вижу), чтобы могло выйти интересно в письме. Впрочем я уже писал к Майковым из Сингапура о том, от чего письма мои выходят и глупы, и неполны: я все надеюсь вести записки и даже написал главу о плавании от Англии до Мадеры и о Сингапуре, а писать письма также подробно и отчетливо, как записки, некогда, одно вредит другому. Служба и здесь занимает почти все мое время, а чего не отнимает она, отнимают жары, качка. К Вам я писал из Гон-Конга через Языкова. Там же и к Юнии Дмитриевне — особо, а к Майковым из Сингапура. Дошли ли мои письма? До свидания. Не заключаю письма, которое верно пролежит в моем бюро несколько месяцев. На Бонин-Сима почты нет: там живет человек пятьдесят беглых матросов; в Японии, куда мы идем на-днях, тоже нет. Впрочем, если оттуда пойдет какое-нибудь судно в места, где есть почта, с ним я пошлю. Ну, вот мы касаемся наконец предела нашего плавания — что-то будет.

20 августа
Нагасаки, Япония

А ничего пока не было. Взяли да и приехали — пока только; хорошо, если б приехали да взяли. Впрочем с японцев взятки гладки.

«ПОСОЛЬСТВО Н. В. ПУТЯТИНА»
Второй слева — И. А. Гончаров
Современная японская гравюра

Вот они, с своими косичками, бритые, в юбках, без штанов, в мягких туфлях, приседающие, похожие на женщин до того, что до некоторой степени возбуждают фальшивую похоть к себе — а что в них толку? они так и высматривают, чтобы мы убирались, откуда приехали. Мы сидим пока на фрегате: губернатор не смеет без спросу ни пустить нас на берег, ни в столицу. Узнав, что у нас есть письмо к властям, он спросил: за чем же мы одно письмо привезли на 4 судах? О, бестья. Что-то будет! До свиданья, милый друг *.

[1] Яз., Кор. — Языкова, М. А.; Коренева, А. П.
[2] Мих. Парф. — Заблоцкий.

17. Е. А. и М. А. ЯЗЫКОВЫМ

Острова Бонин-Сима в Тихом океане
в 27° с. ш. и 142° в. д.
31 июля/11 августа 1853

Михайло Александрович и Екатерина Александровна!

Дней пять тому назад мы, после скучного и утомительного перехода из Гон-Конга, бросили здесь якорь. Я был болен от жаров и лежал в постеле, но полученные здесь от всех Вас письма так оживили меня, что я тотчас поправился. Все пишут: кроме Вас, еще Майковы, Ефремовы, Коренев, Льховский. Это настоящий подарок. Получаете ли Вы мои письма? Я даю знать о себе из всех мест, куда ни заходили; послал к Вам с мыса Доброй Надежды, из Сингапура и Гон-Конга; к некоторым письмам были приложены письма в Симбирск и в Москву: получили ли Вы их и отослали ли по принадлежности. Роздали ли также письма и Ефремовым и Льховскому, вложенные в ваши, — это из Гон-Конг. Из Сингапура я писал с Бутаковым, адресуя на Ваше имя целый чемодан писем ко всем петербургским друзьям и, помнится, тоже в Симбирск. Он обещал доставить их лично в Контору [1] или на Завод.

С величайшим вниманием и участием прочитал я новости о благоприятной перемене в Конторе вашей и о благоприятной же не-перемене в службе. Вы всегда желали вступить в товарищество с П. В. Зиновьевым (которому весьма напомните обо мне глубоким поклоном) — дай бог вам всякого успеха! Найти Вас опять на заводе — мое заветное желание, и я надеюсь, что состоится, если только не утону, или если мне не распорят брюхо в Японии, где этот обычай весьма употребителен. — Спасибо Ивану Сергеевичу [2] и кн. Одоевскому за память: я часто и любовно вспоминаю о них. Князю скажите, что хотя я не член общества П. бедных [3], но осмелился взять на себя горячо защиту этого милого для меня во многих отношениях общества — против нашего адмирала, который, не знаю кем, жестоко против него предубежден. Сколько красноречия, жарких спичей стало это мне: но он, хотя и замолчит, а все недоверчиво качает головой. Дело все в женских школах, в которых будто бы происходит много беспорядков и злоупотреблений. — Поклонитесь В. П. Боткину и скажите, что один из присланных сюда к нам с депешами курьеров, молодой Бодиско, племянник нашего посланника в Америке — большой поклонник писем об Испании

---

* Прочитывая письмо, я уж и совещусь послать: мне уж хочется совсем другое сказать, но посылаю как есть, потому что послезавтра захочется сказать опять третье, а там четвертое. Не взыщите; так всю жизнь было со мной. Ах, Льховский: если я умру, растолкуйте пожалуйста другим, что я был за явление. Вы только и можете это сделать. Вам я завещаю мысль свою о художнике, если не сумеете изобразить, расскажите, — и будет прекрасно.

и особенно их автора. — С этим Бодиско (который, вероятно, повезет наши письма назад) мы часто вспоминаем Василия Петровича.

Вы, милый друг Екатерина Александровна, поскупились написать мне: отчего бы такая немилость? Да еще кончили двумя неутешительными словами: «я что-то другой день нездорова». Это просто варварство! и о детях ни слова — Вы знаете, как я дружен с ними. А сами приглашаете писать побольше и почаще. Знаете что: мне что-то не верится, чтобы строка на поле вашего письма была написана рукой моего милого и своенравного друга, т. е. А. А. Этот друг обещает писать больше, только в другой раз: нельзя ли Вам способствовать, чтобы это исполнилось, да и самим написать? Пишите, не дожидаясь: никаких курьеров, а просто через Азиатский Департамент М. И. Д.; оттуда часто посылают депеши, с ними пришлют и письма. А почта ходит всего дней 40, через Англию, Ост-Индию, в Китай, куда мы будем посылать из Японии и за депешами и за провизией.

Острова Бонин-Сима, где мы теперь стоим на якоре, почти необитаемы: почти потому, что здесь живет человек 30 бывших пиратов и беглых матросов. Вчера я целый день шатался на берегу: он весь состоит из гор и скал, покрытых сплошным, местами непроходимым лесом пальм и превосходного красного дерева, да разных кустарников; жар нестерпимый: все мы терпим от него. У кого сыпь, вереда, у кого желудочная лихорадка. У меня все. Кто неосторожно побудет час на солнце, у того от солнечного удара покраснеет шея, плечи и с обоженного места кожа падает кусками. С нетерпением ждем, когда выйдем из полосы жаров.

Из Гон-Конга сюда мы шли, вместо каких-нибудь семи, осьми дней, целый месяц: все противные ветры да штили держали нас на одном месте, а 8-го и 9-го июля при выходе из Китайского моря в Тихий океан на нас грянул ураган. К счастию он задел нас концом, а то беда бы с нашим старым судном. Он изорвал в клочки три паруса и так расшатал грот-мачту, что она чуть не упала: бог знает, спаслись ли бы мы тогда! Теперь поправляемся, чтобы итти дальше: приближается осень, здесь бурно в это время.

Я был нездоров: у меня, кроме сыпи, сделалась рожа на ноге, но теперь ничего. Дела у меня много: все, разумеется, по службе; о своем и подумать некогда. Качка, жары, болезни и служба губят много времени, так что мне придется, по возвращении, рассказывать о виденном изустно à qui voudra entendre. Не кончаю письмо и не прощаюсь, оно пойдет может быть месяца через два, тогда припишу о том, что случится нового.

Кланяюсь всем.

[1] Контора — имеется в виду «Комисс. Контора М. А. Языкова и Комп.», учрежденная им в 1848 г. в Пб. В итоге этой коммерческой затеи Языков потерял большую часть своего состояния. П. В. Зиновьев остался для нас неизвестным.

[2] Иван Сергевич — Тургенев.

[3] Речь идет об Обществе посещения бедных, председателем которого состоял В. Ф. Одоевский и о деятельности которого ходили всякие неблаговидные слухи, нисколько не задевавшие, впрочем, личности самого В. Ф., но касавшиеся его секретарей, казначея и дам-патронесс.

18. М. А. ЯЗЫКОВУ

Нагасаки, в Японии
20 августа/2 сентября 1853

Помните ли Вы, Михайло Александрович, один из удачнейших Ваших каламбуров? Кто-то сказал однажды, что японцы готовят кушанья на касторовом масле. Вы заметили, что оттого они и жепонцы; я помню это, помню даже, как Августа Андр.[1] улыбнулась при этом — и вот эти жепонцы теперь мелькают у меня в глазах. В самом деле жепонцы: темя бреют, а сза-

ди оставляют косичку, ходят в кофтах и юбках, без штанов и подштанников, бледные, желтоватые лица, выбритые до нельзя и гладкие, как у менял; улыбаются и приседают: что-то черезвычайно странное — не то мужчины, не то женщины; хотя носят по две шпаги, но трусливы и раболепны, учтивы и мягки; пальцы однакож класть в рот нельзя: лукавы и злопамятны. Они встретили нас задолго до рейда. И с тех пор ежедневно посещают с расспросами, пьют наливку, слушают музыку, шепчутся и низко, низко кланяются. Сначала я не спускал с них глаз, рад был, что служба обязывает меня присутствовать при свиданиях с Нагасакскими чиновниками, а потом и надоело. Одно и то же, одно и то же: вздорные, мелочные вопросы, предосторожности, подозрения, просьбы не ездить на берег и т. п. Впрочем, они очень внимательны и предусмотрительны к нам благодаря нашим 60 орудиям (на 4-х судах).

Чернь ходит голая, едва прикрываясь какой-то повязкой. Жепонцы! Все интересное впереди: вероятно нас примут в Нагасаки, а может быть и дальше. Я одно из необходимых лиц по своей должности, следовательно и мне нужно всюду ехать, куда понадобится. Но вот беда: у меня нет мундира: один фрак, и тот изношенный, и шпаги нет! — а у них и с одной-то шпагою ходят солдаты, а без шпаг купцы и чернь, а высшее сословие носят по две. Мне советуют при черном фраке прицепить саблю, и может быть это надо будет сделать не шутя. — О, зачем Вас нет здесь, мой милый друг: что это была бы за комедия! Я часто вспоминаю Вас, когда эти буквально — санкюлоты соберутся на совещание к нам: вот бы и Вы тут сидели, но когда они начнут сморкаться в бумажки, которых для этого носят множество, или когда поданное им варенье, пирожки и даже хлеб (к чаю) завертывают тоже в бумажки и берут домой, тогда я и рад, что нет тут ни Вас, ни одного из приятелей — один я кое-как удерживаюсь от смеха, а с кем-нибудь беда! Впрочем есть что-то такое в них, что мне и нравится. Из разных мелочных наблюдений, из того, что мне удалось схватить в их манерах, я вижу много залогов чего-то весьма умного, логичного, справедливого и тонкого. Они мягки, не дики, не грубы и скорее других поддались бы нашему европейскому развитию, а если до сих пор не поддаются, так это только вследствие политической системы своего правительства; у самих же так и выглядывает из глаз желание познакомиться, подружиться, узнать то, понять другое. С каким любопытством они осматривают все, как внимательно вслушиваются в объяснения нового; они так и говорят глазами: мы на все готовы, да не смеем. — И в самом деле за ними строго смотрят: куда один пойдет, за ним побегут двое, трое. В этом взаимном невольном шпионстве есть что-то иезуитское, печальное.

Поклонитесь всем от меня, не забудьте Коршей, Никитенку, Павла Васильевича, Ростовских и Ваших братьев [2].

До свидания. Всегда и всюду

Ваш И. Гон[чаров]

[1] Августа Андреевна — Колзакова.
[2] Корши — семья В. Ф. Корша, Никитенко — А. В., Павел Васильевич — Анненков; Ростовские — М. А. и В. А.

19. Е. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ

Нагасаки 15/29 сентября 1853

Хотя я и недавно писал к Вам, милые друзья, но меня так тешит мысль, что строки эти дойдут до Вас, что я за неимением времени выдумываю минуты писать к вам. Вот выдумал писать в два часа ночи, несмот-

ря на то, что с рассветом начнут мыть палубу с песком и камнями, что делается над самой головой, потом станут брам-реи и брам-стеньги подымать, потом артиллерийское учение делать, следовательно поспать вдоволь не дадут. Я даже не уверен, что письмо дойдет до Вас при нынешних обстоятельствах в Европе и в Китае. Вчера нам привезли известие, что Шанхай (самый важный из 5-ти открытых европейцам портов) взят инсургентами, что в России война, англичане против нас: и это должно затруднить наши сношения с Петербургом. Дай бог, чтобы слухи о войне не оправдались: это расстроило бы наши планы во многом. Мы только-что завязали деятельные сношения с японцами, а тут надо все бросить и уйти, хотя на время, а может быть и совсем, не кончив дел. Впрочем мы как-нибудь да получим Ваши письма, пишите только через Министерство Иностран. Дел., а оттуда пришлют тем или другим путем, с депешами или с курьерами. — Я писал к Вам в начале августа, и если Англичане не перехватывают в своих конторах, адресованных в Россию, депеш, то около половины ноября Вы должны получить через Михаила Парфеныча[1] кучу вот этаких же безобразных листков от меня. Тогда же писал и к Языковым, Кореневу и Льховскому. А это письмо привезет к Вам курьер M-r Бодиско *: это очень милый, любезный, умный и, как видите, mesdames, красивый молодой человек (трепещите, юные мужья, а Вы, Ю-ка, берегитесь и не измените мне в 26-й раз). Он русский по рождению и подданству, а воспитан в Америке, в Соединенных Штатах: les extrémités se touchent **, как видите: я разумею здесь extrémités du monde *** — только, а не другие, потому что этот милый американец спит и видит служить России из всей своей мочи[2]. Он обещал свято передать лично мои письма: надюсь, что Вы, друг мой Евг. Петровна, посадите его на самое лучшее место в своей гостиной, т. е. между Катериной Павловной[3] и Анной Ивановной[4], сами, с обычным Вам достоинством, в чепце непременно с палевыми лентами (этот цвет Вам так к лицу) с лорнеткой сядете на диван, имея подле себя с правой стороны Ю-ку[5], с левой Бурьку[6]. Марью Александровну, M-elle Saint[7], Наталию Степановну[8] и Кошкарева в тот день из дома удалить, буде они тут случатся. Тогда Вы ему на французском или английском наречии (вы ведь учились, я помню), потому что он по-русски не силен, и скажите, что Вам заблагорассудится. Он Вам расскажет про мое житье-бытье. А Вы, Николай Аполлонович, покажите ему Ваши картины, особенно женские головки, а если можно так и не одни головки[9]. Он Вам, пожалуй, пораскажет о цветных женщинах. Если спросите его невзначай о Сандвичанках, то он наверное покраснеет. Что Вам сказать о себе — нечего, разве что я чудовищно потолстел, что иногда бываю так болен своею печенью, что теряю надежду даже воротиться. Недавно такая боль около печени и сердца и вместе такая тоска одолели, что я опасался слечь. К счастью явилось развлечение, и легче стало. Развлечение это состояло в свидании адмирала с нагасакским губернатором. Я бы описал вам всю эту церемонию, да долго будет и не сумею. Скажу только, что вся эта сцена будто вырвана из какого-нибудь фантастического балета или оперы. Я думал, что я сижу в партере Большого театра или вижу одну из тех картин, которых действительности не веришь.

Вы там в Европе решаете теперь вопрос быть или не быть, а мы спорим о том сидеть или не сидеть, т. е. стоя ли принять бумагу от нас или сидя, и опять задумались над вопросом, как сидя: на полу, или на стульях, и наконец решили, что на том и на другом: мы — на стульях, японцы — на полу. Теперь представьте себе, вдруг семь наших

---

* Дядя его наш посланник в Америке.
** Крайности сходятся.
*** Края света.

военных * шлюпок двинулись при звуках музыки, при криках ура, по рейду, между тем как суда наши с верху до низу покрылись разноцветными флагами всех наций и матросы стояли по реям. Мы, в строгом порядке, все с музыкой ехали мимо великолепнейших, обработанных берегов, цветущих холмов, бухт, деревень. Берег усыпан был любопытными **, тощим, голым, жалким на взгляд народом и еще более жалкими солдатами; на берегу мы отказались сесть в носилки, в которые трудно было влезть всякому из нас, а мне просто нельзя, и пошли пешком.

Впереди шел церемониальным маршем наш караул, потом музыканты, потом офицеры наши, потом адмирал и вместе с ним его небольшая свита, в которой был и я. Все были в парадных мундирах, а я в единственном и стало быть в самом парадном фраке. Мы шли по узкой улице, подымались на какую-то лестницу. Колонна солдат змеилась, идя по лестнице, музыка далеко разносилась по берегу, по сторонам стояли какие-то чучелы с ружьями (в чехлах) и сонно смотрели на нас. Я сам думал, не во сне ли я? Нет: явно слышу крик офицера по-русски: левое плечо вперед — марш! Потом страшный топот шагов, вижу блеск штыков, и вот колонна скрылась под какие-то ворота, музыка замерла глухо. И вдруг стихла. Мы пришли. Смотрю — открытая галлерея: это вход в губернаторский дом. Мы вошли по ступенькам и шли по ряду комнат до приемной залы. Все комнаты унизаны были по стенам сидевшими в несколько рядов японскими офицерами и чиновниками в парадных платьях. Представьте себе до ста человек, которые побились об заклад о том, кто сделает глупее рожу: вот эдакие сидели тут. Может быть многим из них не нужно было очень и стараться об этом. Они, по восточной манере, не глядели ни на кого и ни на что, но все видели. В приемной зале по сторонам сидело тоже человек 30, по-своему, на пятках, с такими же сонными и бессмысленными лицами.

Желание и обычай их казаться при старшем как можно глупее доходит до самоотвержения. Тут я увидел много знакомых, даже приятелей. Некоторые, очень бойкие на фрегате, тут совершенно присмирели. Я хотел некоторым из них кивнуть: куда! и не глядят, не смеют. Вот, например, друг мой Баба-Горадзаймон, который лишь завидит меня на фрегате, кричит: Гончаров! жмет руку и чокается рюмками, тут и не замечает ничего. Он не глядит ни направо, ни налево, ни прямо, как это они умеют делать, не знаю, — он даже похудел немного от усилия показаться как можно почтительнее. Вышел губернатор с важным и весьма не глупым выражением на лице — это, я думаю оттого, что он был тут старший. При другом, старшем себя, он бы тоже поглупел не мало. Стали разговаривать через переводчиков, которые (двое) лежали, касаясь лбом пола, и по-голландски передавали нам слова губернатора. Тут я, чуть было, не нарушил всей важности этой сцены. Надо знать, что пол у японцев покрыт тонкими и мягкими циновками и так как у них нет ни столов, ни стульев, и они едят на полу, то адмирал, чтобы оказать им внимание, придумал, чтобы мы все и он сам надели сверх сапог белые, нарочно для этого шитые башмаки в роде бальных дамских. Вот эти-то проклятые башмаки погубили было всю торжественность случая. Едва я вошел в залу, как потерял один башмак, а шага через два и другой. Однако же я поднял их и, держась за соседа, начал втаскивать на ноги. Все это совершено мною не без оханья и кряхтенья, да и то не помогло. Через пять минут я поглядел случайно на свои ноги — они были без башмаков. Нечего делать, я взял эту обувь и положил в шляпу, да так и остался. Отдав губернатору бумагу, адмирал хотел было продолжать разговор, но губернатор попросил нас отдохнуть — бог

* Далее тщательно вычеркнуты три слова. [Ред.]
** Слово читается неясно. [Ред.]

весть от какой усталости — и ушел в одну сторону, а нас повели в другую. Там в отдыхальне стояли привезенные нами же кресло и четыре стула. На кресле сел адмирал, а на стульях старшие из свиты; в том числе и я. Слуги принесли каждому по чашке чая, которую поставили у ног. Чай не дурен, в роде желтого, разумеется без сахару. Потом принесли прибор с табаком, трубками, величиной с половину наперстка, и с пепельницей с горячими угольями. С тем же кряхтеньем нагибался я достать табак. Наконец принесли каждому по хорошенькому деревянному ящику с конфектами, из которых многие очень хороши. Между прочим недурна и засахаренная морковь. Эти ящики, из которых мы взяли по одной или по две конфекты, передали нашим слугам, чтобы отвезти за нами на фрегат. Вот он стоит у меня на бюро; конфекты я все съел, а в ящик кладу сигары. Потом пошли

НАГАСАКСКИЙ РЕЙД
Современная гравюра

опять к губернатору и, поговорив немного, простились. Проходя через отдыхальню, увидели большой стол, вероятно занятый у голландцев, с паштетами, рыбами, лафитом, мадерой и т. п. Желудки наши взыграли было при этом виде, но адмирал на усиленные просьбы японцев ответил, что он не иначе примет угощение, как с тем, чтобы в нем участвовал и губернатор, а он не участвовал, и угощение было отвергнуто, как несообразное с нашими обычаями. Он очень хорошо сделал: всякий вздор, всякая мелочь принимается японцами к сведению и по ним они составляют себе идею о людях. Так мы и уехали. Хотите знать, как зовут губернатора? Овосава Бунгоно Ками-Сама. Ками — это намек на небесное происхождение лица, а Сама — земной почетный титул.

Что Вам сказать еще? Американцы [10] пристают к японцам с другой стороны. Те вломились прямо в Иедо и, оставив письма, ушли, сказав, что придут за ответом через полгода. Если правда, что в Европе война, то нам придется тоже уходить на время отсюда или в Ситху или в Калифорнию, иначе англичане, пожалуй, возьмут нас живьем. А у нас поговаривают, что живьем не отдадутся, — и если нужно, то будут биться, слышь, до последней капли крови. Да и здесь стоять тоже не находка: иногда дуют такие

ветры, что, живучи на берегу, ничего подобного и представить себе нельзя. Теперь пока погода прекрасная, я купаюсь еще на открытом воздухе.

Если же в Европе мир и если дела с японцами затянутся в долгий ящик, то адмирал располагает отправиться на зиму в Манилу. Говорят, это земной рай, та же Испания с мантильями, синьорами (до которых мне никакого нет дела, так я растолстел), с плодами и цветами, с монахами и хорошими сигарами и в добавок еще Испания тропическая. Вы может быть спросите меня, весело, скучно ли мне? Ни то, ни другое — отвечу я: в некоторых местах состояние в этом отношении делается безразличным и оттого я терпеливо ожидаю, когда кончится моя шалость, т. е. путешествие (см. 1-ое мое письмо из Лондона).

Но вы здоровы ли, веселы ли, что делали летом? Как располагаете провести зиму? Счастливцы: летом гуляли под березами, ели белые грибы и ботвинью да наслаждались северными ночами, а зимой — несчастные — будете слушать оперу. Мое лето длится восемь месяцев, началось оно 18 января с острова Мадеры и вот не может кончиться. Как бы охотно отдал я тропические ночи, ананасы, все чудеса и приключения — за час, проведенный у Вас на диване или на балконе и за другой на Стеклянном заводе. Но полно: tu l'a voulu, George Dandin, tu l'a bien voulu! слышится мне беспрестанно, когда я захандрю, и хандра проходит. До свиданья, обнимаю Вас всех, преимущественно друзей женского пола — Вы, Капитан, и ты, Льховский, обойдетесь и без объятий: зачем Вас не было у Нагасакского губернатора. Описание мое конечно было бы полнее. Вы, Старик, поклонитесь А. П. Кореневу и скажите, что я бы написал ему, но пишу бумаги и потому оставляю до октября. Получил ли он мое письмо через Заблоцкого? Вам, Аполлон и Анна Ивановна, кланяюсь низко и прошу поклониться всем — не забудьте Катерину Федор., Яновского, Дудышкина, Никитенку etc [11].

[1] Михаил Парфенович, — Заблоцкий.

[2] Бодиско, Фед. Ник., чиновник нашего посольства в Вашингтоне, посланный с дипломатической почтой к Путятину. Ввиду надвигающейся войны с Англией—Мин. иностр. дел пыталось сноситься с Путятиным через Америку.

[3] Катерина Павловна — жена Владимира Николаевича Майкова.

[4] Анна Ивановна — жена Аполлона Николаевича Майкова.

[5] Ю — ка — Юния Дмитриевна Ефремова.

[6] Бурька — Л. Н. Майков.

[7] M-elle Saint—француженка-гувернантка, жившая в доме Майковых.

[8] Наталья Степановна — осталась нам неизвестной.

[9] «Не одни головки» — Николай Аполлонович Майков славился своими «ню», иногда довольно нескромного содержания.

[10] «Американцы пристают»... Комадор Перри со своей внушительной эскадрой прибыл в залив Иедо 8 июля 1853 г., за месяц до прибытия Путятина в Нагасаки. Облеченный Конгрессом неограниченными полномочиями, вплоть до права объявления войны, он повел дело чрезвычайно круто. Вручив спешно вызванным представителям Сеочуна послание президента, он заявил, что через полгода придет сюда же за ответом, который должен быть положительным. Как известно ответ был положительным и американцы первые заключили торговый договор с Японией.

[11] О лицах, которым передаются поклоны см. прим. к письму № 3 и след. Екатерина Федоровна осталась нам неизвестной.

20. Е. А. и М. А. ЯЗЫКОВЫМ [1]

15/27 декабря, Saddle — Islands

Я сегодня получил Ваше письмо, любезный друг Михайло Александрович. Нечего и говорить, какое утешение доставило оно мне: все равно, как будто я просидел у Вас целый вечер и пришел домой покойный и довольный — до следующего вечера. Вы удивляетесь, что я не получил Ваших писем: когда я писал к Вам с Бутаковым, то у меня писем Ваших еще не бы-

ло — я их получил ровно через два месяца после того, т. е. отъезда Бутакова; их привезли к нам Кроун и Бодиско. Министерство Иностранных Дел так распоряжается, как я вижу теперь, что собирает все письма и, скупясь отправить их с депешами по почте, ждет случая послать с курьером. Но теперь курьера долго не предвидится, и потому я долго не дождусь и писем от Вас, если только Вы давали их туда. Вы отлично распорядились, что послали почтой через Гон-Конг: сделайте и опять так же. Несмотря на то, что мы долго не посылали в Гон-Конг и письмо Ваше много времени лежало там, я получил его через три месяца, а это очень сносный срок для такого расстояния. — О кончине Андрея Андреевича Колзакова Вы, должно быть, или вовсе не писали ко мне, или письмо Ваше в самом деле затеряно. О переменах в конторе я получил от Вас известие в письме, присланном с курьером, но там ничего об этом нет. Во всяком случае я как нельзя более благодарен и за письмо, и за все, что сообщаете нового о знакомых лицах, о Петербурге и etc. От Майковых я после писем, привезенных в августе курьерами, других не получал: они или ленятся, или пишут через Министерство Иностранных Дел, и то держит у себя. Если бы они поленились (что не простительно грешно), то написала бы Ю. Д. Ефремова или Льховский. Научите и их написать по почте: я могу получить письмо через два, много через три месяца. Адрес тот же, т. е. China, Gong-Kong M-ss Williams, Anthon et Co To be forwarded on board of the russian frigate Pallas. А внизу по-русски такому-то.

В заглавии письма Вы видите Saddle — Islands: это группа маленьких островов, у которых стоит наша эскадра на якоре. Дальше, в р. Ян-Тсе-Киянг суда по мелководью итти не могут, т. е. фрегат. Мы здесь уже другой месяц стоим: я дней пять, как воротился из Шанхая, куда вместе с адмиралом и другими спутниками нашими ездили и по службе и так — посмотреть Китай. Шанхай — один из пяти открытых для европейцев портов. Ходя по улицам европейского квартала, среди великолепных домов, или сидя в роскошной гостиной какого-то консула, не веришь, что это — недавно еще неприступный азиатский берег; по улицам кипит толпа народа, с бритыми головами, с косами, но все почти говорят по-английски. С зарей по улицам начинают таскать тюки товаров, все к англичанам или американцам. Чай таскают ящиками, оставляя по следам дорожку этой травки, которую у нас подобрали бы не одни нищие, — как у нас иногда оставляют от кулей дорожки муки. Китайские дома, рынки, базары, лавки, говор, крик, харчевни — все это напоминает мне — знаете что? наш простонародный русский базар! Обо всем этом я иногда, на досуге, набрасываю заметки в тетрадь, не зная, пригодится ли на что-нибудь. Но досуга немного: я никак не воображал, чтобы так много было дела. А если и дела нет, то под парусом в море не много распишешься: холодно, как теперь, например, или качает так, что столы и шкапы срываются с места.

Спасибо Вам за то, что Вы заботитесь о присылке журналов к нам. Этого я даже всего и не приму на свой счет, потому что мне самому едва ли придется прочесть все. Но это будет благодеяние для всей нашей эскадры; охотников читать много и все поблагодарят Вас. Только меня приводит в смущение выноска, сделанная в Вашем письме: что редакторы ожидают от меня статейки. Вот это-то и беда. Поверите ли, что у меня набросано на бумагу в виде письма всего три-четыре статейки? Одну какую-нибудь я может быть и послали бы Андрею Алек.[2], исполняя давнишнее обещание, да мне не пришло в голову о возможности напечатать без себя: лучше уж вместе все, если только наберется побольше. Но все это такие пустяки, что совестно и показывать. А потом неудобно еще печатать заранее и потому, что о нашей экспедиции печатно, помнится мне, ни разу не говорилось. Иногда мне бывает просто лень писать, тогда я беру — как вы думаете что? Книжку Ивана Сергеевича![3] она так разогревает меня, что лень и всякая

другая подобная дрянь улетучивается во мне и рождается охота писать. Но тут другая беда: я зачитаюсь книги, и вечер мелькнет незаметно. И вчера, именно вчера случилось это: как заходили передо мной эти русские люди, запестрели березовые рощи, нивы, поля и—что все[го] приятнее—среди этого стоял сам Иван Сергеевич, как будто рассказывающий это своим детским голоском — и прощай Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море; где я — все забыл. Орел, Курск, Жиздра, Бежин Луг — так и ходят около. Кланяйтесь ему и скажите это от меня. И Павлу Васильевичу[4] кланяйтесь: так он издает Пушкина! Как я рад, я жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича. Он с детства был моим идолом, и только один он. Я было навязывался на подарок экземпляра, да Павел Васильевич, уклончивый вообще, в этом случае уклонился с особенным старанием. Коршу мой поклон и семейству. Я рад, если он наследует Надеждину[5], но мне жаль Николая Ивановича.

[1] Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским во Врем. Пушк. Дома на 1914, стр. 98 — 103.

[2] А. А.—Краевскому, для «Отечественных Записок».

[3] Иван Сергеевич—Тургенев, его—«Записки охотника», которые Гончаров считал лучшим произведением Тургенева.

[4] Павел Васильевич Анненков, приступивший к изданию Полного Собрания сочинений Пушкина.

[5] Надеждин, Николай Иванович — редактировал тогда журнал Министерства народного просвещения. В 1853 г. его разбил паралич. В. Ф. Коршу устроиться редактором Ж. М. Н. Пр. не удалось.

21. Е. А. и М. А. ЯЗЫКОВЫМ

13/25 марта 1854 г.
Остров Камигуин, порт Рio Quinto

Не только Вы, мои малосведующие в истории друзья: Михайло Александрович и Екатерина Александровна, но и все наши приятели, члены географического общества, едва ли сразу, без справки, скажут, откуда я к Вам пишу, что это за остров Камигуин? Зачем я туда попал, спросите Вы. Скажу Вам сначала это, а потом что-нибудь другое. Остров Камигуин принадлежит к группе Филиппинских Островов. «А где бишь эти Филиппинские острова?» скажете Вы непременно, Мих. Алекс., и, по обыкновению, рассмешите всех присутствующих этим самопожертвованием, не исключая и тех, которые знают об этом еще менее Вас. Возьмите общую карту Азии, или просто обоих полушарий и к югу от Китая и Японии вы увидите как будто засиженное мухами небольшое пространство: это и будет архипелаг Филиппинских Островов. Их всех до тысячи: у одной из этих тысячных долей, отмеченных на карте точкой, лежащей немного к северу от главного острова Люсона, стоят в заливе, в порте Пия V, наши два судна, прячась от англичан. Если у нас с ними война, то конечно они не замедлят явиться из Китая со всеми своими фрегатами и пароходами искать и взять нас. Наши отдаваться не намерены, предпочитая, если не одолеем, взлететь на воздух. Не одно опасение встретиться с англичанами заставило нас зайти в этот покрытый сильной тропической растительностью, но безлюдный островок: судно наше все более и более напоминает, что ему пора на покой. Еще во время выдержанного нами в июле прошлого года тифона грот-мачта зашаталась у нас, а в нынешнем году погнулась на бок и фок-мачта и на днях дала трещину. Надо было куда-нибудь забежать, чтобы взнуздать ее немножко, пока придем на север, в свои колонии, и дождемся там Дианы. В другое время мы сейчас же бы зашли в Шанхай, Гон-Конг, а теперь того и гляди началась с англичанами война: эти порты в их руках и мы попались бы к ним живьем. Нейтральных портов вблизи нет, кроме Манилы (на Люсоне) и Нагасаки. Но англичане не уважат (sic!) нейтральных прав, потому что и Испания и Япония слабы и помешать им не в силах. Вот почему Вы

обязаны удовольствием или неудовольствием получить письмо из неслыханного места.

Что сказать Вам о путешествии, откуда продолжать, где я остановился? Ничего не знаю, потому что не знаю, получаете ли Вы мои письма. Я часто писал и именно: из Нагасаки два раза. Первый раз целую кучу писем послал я, и все наши, с почтой через Министерство Иностр. Дел. Но дошли ли они — сомневаюсь. Их адресовали в казенном пакете с другими пакетами на имя нашего консула в Египте; но тогда уже начинались несогласия с Турцией и может быть консул выехал; в таком случае письма вероятно пропали. В другой раз я писал с нашим курьером Бодиской, который отправился в ноябре. Если его не захватили дорогой, то конечно письма у Вас в руках. — О первых же письмах, посланных через консула, потрудитесь справиться в канцелярии Министерства Иностранных Дел или в Азиатском Д-те, у Заблоцкого, на имя которого я послал их все в одном общем пакете. Наконец в последний раз я писал с другим нашим курьером, лейтенантом Кроуном в декабре; этот поехал в самый разгар войны, и может быть захвачен, если только не отправился через Батавию или через Америку. Кроун поехал из Шанхая. Вскоре после его отъезда мы вторично пошли в Японию, в Нагасаки. Она так надоела нам, эта Япония, что никто из нас ни за какие коврижки не согласился бы отправиться в Иедо. Во всем застарелое младенчество, наивная глупость в важных жизненных и государственных вопросах и мудрость в пустяках; лицемерие, скрытность, ребячество, ю б к и, косички и поклоны — все это надоело. На меня находит хандра при одной мысли, что может быть еще придется заглянуть нынешним летом опять туда. Последний месяц нашего пребывания там был довольно впрочем занимателен: в Нагасаки прибыли из Иедо два важные лица с большой свитой для переговоров с адмиралом. Мы через день ездили в Нагасаки, обедали там по-японски, и полномочные два раза были у нас и провели по целому дню. Они были п о р а ж е н ы, по собственному признанию, всем, что видели у нас: нашим приемом, — угощением, музыкой, разнообразием и богатством подарков, видом большого судна, артиллерийским и парусным ученьем, всем, всем и между прочим отличной вишневкой и шампанским. Оттуда мы отправились на Л и к е й с к и е О с т р о в а (Лю-чу) (вот опять Вам случай сказать Ваше милое не з н а ю, г д е). Я много читал об этих островах, о наивности жителей, о их гостеприимстве, смирении, кротости, патриархальном образе жизни и прочих добродетелях золотого века и считал все это за шутки, первого посетившего их Базиля Галля[1]. Но к удивлению моему, я нашел, что картина его этой брошенной среди океана идиллии далеко не полна, что все так, как он пишет, по крайней мере наружно. Действительно — это ряд восхитительных долин, холмов, журчащих ручейков под темным сводом прекрасных разнообразных деревьев. Везде обработанные поля, труд и довольство. На берегу нас приветствовали какие-то длиннобородые старики, с посохами в руках, с глубокими поклонами, с плодами. Чорт знает что такое: вспомнишь не то Феокрита[2], не то Галлера[3], не то русскую сказку о стране, где текут реки меда и молока. А здесь —лучше меду — сахарный тростник, молоко из кокосов, бананы и т. п. Я дополнил, как умел, картину Базиля Галля, записал, что видел, да боюсь, не поверят.

С этих блаженных островов пошли мы в Манилу и через неделю, из глуши, вдруг очутились в месте, тоже отчасти сказочном, хотя и в другом роде.

Что это за ералаш! Вот, например, длинные улицы, с висячими сплошными балконами, с жалюзи, из-за которых выглядывают бледные, черноглазые испанки чистой крови или жеманное лицо какого-нибудь Dottore Bartholo[4], с монастырями, с толпой монахов всевозможных орденов, метисов и индейцев. Тут тишина, сон и лень. Но выйдешь за стены испанского города, картина меняется вдруг: с одной стороны, деятельная, кипучая тор-

говля между полунагими полубритыми китайцами, которые по влиянию и многолюдству играют важную роль, с другой — деревни тагалов (индейское племя), которые во сне и лени не уступают своим господам — испанцам, которые — все нищие, живут в каких-то птичьих клетках, но которые ни в чем не нуждаются. Одеваются в материю домашней работы из волокон дерева, пища над головами, или под ногами — банан и рис. Наслаждения — стравить петухов и выиграть. А за этим за всем идут поля и плантации. Какие поля, какие леса и деревья!

Я каждый день, лишь спадает жар, углублялся в эти нескончаемые темные алеи из бамбуков, пальм, фиг, хлебного дерева, саго (я называю здесь только то, что знаю, а сколько незнакомых!) и все не мог привыкнуть к этому зрелищу. Я жил в отеле и утро осматривал город, ездил (здесь никто не ходит пешком, кроме простого народа) по лавкам. С полудня до четырех часов все спят: я свято соблюдал этот обычай. Зато вечером — в коляску и в поля, оттуда на публичное катанье, в роде как у нас у качелей, оттуда на Эскольту, есть мороженое, потом на площадь слушать превосходную полковую музыку, потом ужинать, пить чай, сидеть на веранде, любуясь на тропическую ночь, лунную, с удивительными звездами, теплую, даже жаркую. Все идут после этого спать, а я раздевался в своем номере до невозможности и, кусаемый до невозможности же комарами, при свете подлейшего ночника с кокосовым маслом (couleurs locales), писал... Со мной бодрствовали ящерицы, да к а н и р л я, как называет хозяин-француз, огромнейших, более вершка, летучих тараканов. И те и другие бегают по стенам, не делая никому вреда. Что же я писал — спросите вы. Да записывал: то о Маниле, то доканчивал о мысе Доброй Надежды, то, чего не кончил в свое время. Делал это просто, не мудрствуя лукаво, со свойственным мне беспорядком, начиная с того, чем другие кончают, и наоборот. Дурно бестолково, ничего нового, занимательного; занимательно будет только для меня одного, если только в мои лета, с моими недугами, станет у меня охоты вспоминать о чем-нибудь. Мой собственный частный портфель набит довольно туго пустяками, это правда, но уж больше туда не лезет, и я думаю, по случаю этого естественного препятствия кончить, положить перо туриста и взяться за должностной свой труд, который отстал. Адмирал несколько сердится на меня, что официальный журнал остановился и нейдет вперед. Да как ему и итти? Мне никто не поможет: специальных ученых у нас нет, а записывать происшествия нашего плавания так, как они есть, не стоит, выходит пусто; о морском деле я писать не могу. Да и некогда было: в Японии было много бумаг, много прямого дела, а остальное время мы шатались по морю: а там немного напишешь: при малейшей качке нет средств писать, в жары тоже, спрятаться здесь негде. Впрочем, мы так мало были везде у берегов, что от нас никакого журнала и требовать нельзя.

Вам, прекрасный друг мой Екатерина Александровна, ни до каких журналов дела нет, это я знаю; Вам бы конечно хотелось слышать что-нибудь позанимательнее. Но что я могу сказать, чтобы Вас заняло? Скорей мне надо просить Вас рассказать мне новости, случившиеся в кругу наших знакомых. Еще приятнее мне было бы услышать от Вас, что Вы также дружески любите меня, что, по возвращении, опять будете говорить мне: «придите вечером, придите завтра, после завтра», и так же не будете тяготиться моим ежедневным присутствием, как не тяготились до моего отъезда. — Что дети Ваши? Что друг мой Августа Андреевна? Кланяйтесь ей и мужу ее. Надеюсь, с Дианой получить от Вас письмо. Но до этого еще долго. Ах, как мне скучно, как бы хотелось воротиться скорее! Зачем, спросите вы? И сам не знаю. Ну, хоть за тем, чтобы избавиться от трудов и беспокойства плавания. Как надоело мне море, еслиб вы знали: только и видишь, только и слышишь его.

Весь ваш И. Гончаров

РУССКІЕ ВЪ ЯПОНІИ

ВЪ НАЧАЛѢ 1853 И ВЪ КОНЦѢ 1854 ГОДОВЪ

(Изъ путевыхъ замѣтокъ)

И. ГОНЧАРОВА.

Павлу Васильевичу Анненкову отъ автора

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1855.

ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ И. А. ГОНЧАРОВА «РУССКИЕ В ЯПОНИИ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ П. В. АННЕНКОВУ

Институт Русской Литературы, Ленинград

Вы, Элликонида Александровна, конечно прочли все это письмо и видите, что мне скучно, даже тяжело, хотите утешить меня, даже успокоить? Повторите, что Вы сказали в одном из Ваших писем, ну, хоть солгите, если бы правды не хватило: скажите, что Вам веселее будет, когда я ворочусь, что Вы с Екатериной Александровной по прежнему будете каждый день пускать меня к себе и терпеливо выносить, как я буду сидеть по целым часам молча, или бранить желчно, кто попадается под руку? Да? Так? Ну, покорно вас благодарю.. До свидания же, дайте руку и не сердитесь, что мало пишу — устал.

Ваш И. Г[ончаров]

Письмо это повезет одно из наших судов в Камчатку и там отдаст на почту. Кланяйтесь всем: Никитинке, Краевскому, Панаеву и прочим. Прилагаемое письмо передайте Майковым; я не знаю, там ли они все живут. Потрудитесь сказать А. Кореневу, что я буду к нему писать с Амура. Получил он мое письмо с нашим курьером?

[1] Галль, Базиль (Hall, Basil, 1788—1842), английский путешественник. В 1816-1817 первый из европейцев посетил Ликейские Острова (Лю-чу) на корабле «Лира» и описал их в книге: Account of a voyage of discovery to the Western coast of Coua and the greit Louchov Island (Lnd. 1818). Эту книгу и имеет в виду Гончаров.

[2] Феокрит — греческий поэт III века до н. э., родоначальник идиллического и пасторального жанра в поэзии.

[3] Галлер, Альбрехт (1708—1777) — знаменитый швейцарский ученый и поэт, писавший в дидактико-идиллическом жанре.

[4] Dottore Bartholo — один из персонажей оперы Россини «Севильский цирюльник».

22. Е. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ

Филиппинские Острова. О. Камигуин, порт Пио-Квинто
14/26-го марта 1854 г.

Нужды нет, что отсюда до вас более 25 тысяч верст, но Вы все постоянно присутствуете в моем воображении, я всех Вас вижу и зорко слежу за каждым и за каждой. Вы, Евгения Петровна и Николай Аполлонович, занимаете середину картины, на двух ваших диванах, а кругом в живописном беспорядке и все прочие, которых не называю, но которые конечно, как на перекличке, все скажут я! Здоровы ли Вы, что делаете? Вот вопросы, которые постоянно посылаю мысленно, словесно и письменно к северу, и не могу добиться ответа. Если захотите послать такие же вопросы к юго-востоку, то адресуйте к Языкову: на некоторые он ответит сейчас же. Я пишу к нему, где я был и что делал до сих пор. Вам скажу только, что путешествие надоело мне, как горькая редька, до того, что даже Манила, куда мне так хотелось и где мы пробыли недели две, едва расшевелила меня, несмотря на свою роскошную растительность, на отличные сигары, на хорошеньких индеянок и на дурных монахов. Мне прежде все хотелось в Америку, в Бразилию, а теперь рад-радехонек буду, если бы пришлось воротиться хоть через Камчатку в Сибирь. Я за недостатком моциона жирею и толстею так, что меня теперь в хороший дом пустить нельзя. На море бы и не глядел: другие свыкаются с ним и любят, а я чем больше плаваю, тем больше отвыкаю. Качка меня бесит, буря, обыкновенное явление на море, пугает, образ жизни на корабле томит. Люди надоели и я им тоже. Вот третий день стоим у островка на якоре, берега покрыты непроницаемой кудрявой зеленью, такой, что Вы, Евгения П., за счастие бы сочли каждую травку и ветку посадить в горшок в своей комнате, а я еще и не съехал ни разу на берег, несмотря на то, что сегодня там был шумный обед с музыкой — и разными удовольствиями. В тропиках мне невыносимо жарко, а подвинемся

к северу — холодно. Зубы опять болят, и в тропиках и на севере. Ревматизм просто водворился и в виске и челюстях и беспрестанно напоминает о себе. Нет, чувствую, что против натуры не пойдешь: я несмотря на то, что мне только 40 лет, прожил жизнь. Теперь, куда ни пошлите меня, что ни дайте, а уж я на ноги не поднимусь. Пробовал я заниматься, и к удивлению моему, явилась некоторая охота писать, так что я набил целый портфель путевыми записками. Мыс Доброй Надежды, Сингапур, Бонин-Сима, Шанхай, Япония (две части), Ликейские Острова, все это записано у меня и иное в таком порядке, что хоть печатать сейчас; но эти труды спасли меня только на время. Вдруг показались они мне не стоющими печати, потому что нет в них фактов, а одни только впечатления и наблюдения, и то вялые и неверные, картины бледные и однообразные — и я бросил писать. Что же я стану делать год, может, и больше.

Но жаловаться нечего и не на кого, я ни минуты не расскаивался в том, что поехал, и не раскаиваюсь до сих пор, потому что, сидя в Петербурге, жаловался бы еще больше. Лучше скажу, что мы намерены делать. Мы узнали в Маниле, что английский и французский флоты уже вошли в Черное море и, следовательно, война почти неизбежна, вот мы и тягу оттуда, чтобы не пришли английские суда вдвое сильнее наших и не взяли нас. Теперь плавание наше делается все скучнее и скучнее. Нет ни одного порядочного места, где бы не было французов и англичан. Поневоле должны итти на север, прятаться где-нибудь около Камчатки. Уж если так, лучше бы вернуться. Но вероятно придется зайти еще в Японию. В последнее время мы зажили с японцами дружески. Они давали обеды нам, а мы им. Чего я не ел тут! Помните, я всегда обнаруживал желание пообедать у японцев и китайцев? Желание мое было удовлетворено свыше ожиданий. Мы обедали у японских вельмож раз десять и, между прочим, были однажды угощены торжественным обедом от имени японского императора. Так как японцы столов не употребляют, то для каждого из нас сделан был особенный стол, на каждом столе было поставлено более двадцати чашек и блюдечек с разными кушаниями. Мяса не едят и нас потчивали рыбой, зеленью, дичью, трепангами (морскими улитками), сырой рыбой, приправленной соей, и т. п. Но всего этого подают так немного, что я съел все 20 или 30 чашек, да еще, приехавши домой, пообедал как следует; и другие тоже. Сиогун прислал нам подарки, состоящие из материй (предряных) и фарфору. Адмиралу и трем из его свиты, в том числе и мне, подарили по несколько кусков этой материи, офицерам по дюжине тончайших, как почтовый лист, чашек. Подарки с нашей стороны были роскошны. Вельможи напротив надарили адмиралу превосходных вещей—такое множество, что из них можно составить прелюбопытный музеум. Некоторым из нас, и мне тоже, прислали они кое-что в подарок: лакированных ящиков, трубок, чернильниц, своего табаку. Все вздор, но я храню как редкость и как воспоминание. Если довезу, то поделюсь с Вами. К сожалению, всего этого мало: мы хотели купить, да не продают.

Не сердитесь, что письмо вяло и неполно. Я сообщаю Вам кое-какие крупные сведения, на выдержку. Подробности записаны у меня в путевых записках, иногда с литературными заметками, но без всякой лжи. Если доеду и привезу их, то прочту, разумеется, Вам первым. Если утону, то и следы утонут со мной. Посылать не хочу, потому что большая часть набросана слегка и требует большей обработки. Да и кто разберет мое писание? Не знаю, даст ли мне бог этот праздник в жизни: сесть среди Вас с толстой тетрадью и показать Вам в пестрой панораме все, что происходит теперь передо мной. А хотелось бы.

Вас, Аполлон, и вас, Старик, обнимаю, так же как и супруг ваших: старику это позволительно.

На Вас, прекрасный друг Юния Дмитриевна, я предъявляю всегдашние

свои неотъемлемые права, т. е. обнимаю без спроса Александра Павловича, которому дружески кланяюсь. Я было хотел написать к Вам особо, да выходило чересчур мрачно и холодно, согласно тому, что происходит у меня на душе. Зачем? Это не хорошо, не годится. У Вас мраку, холоду и печали довольно и без того. Здесь же так светло, тепло, роскошно, что совестно быть эгоистом и навязывать другим свою скуку.

Вам, милый Льховский, только поклон и больше ничего. Я к Вам пишу в особых письмах такие глупости, что, я думаю, Вы удивляетесь и спрашиваете себя: ужели это писал человек, который по обыкновенному порядку вещей должен бы кажется поумнеть, увидя свет или хоть полсвета. Если будет случай написать через Сибирь, то напишу, в таком впрочем только случае, когда будет повеселее. А то все одно и то же: жить не хочется, а умирать боюсь.

Хотел было я в Маниле запастись сигарами, чтобы стало и всем Вам, да нет никакой возможности. Я купил себе три тысячи в 12 ящиках и они так загромоздили мою маленькую норку, что два ящика стоят на постели в ногах, а один я должен был вскрыть и разложить сигары по ящикам в бюро. Сигары стоят 14 талеров лучшие, большие, а маленькие по 8 талеров за тысячу. А у нас за них платят, кажется, по 7 и 8 руб. сер. за 100. Каков процент берут! Здравствуй, милый Бурька: вырос ли ты? Купили ли наконец тебе галстук, тросточку и часы? А что делает Марья Федоровна? Все ест постное?

Поклонитесь от меня всем [1] и прощайте.

Ваш Гонч[аров]

Относительно лиц, которым передаются приветствия, см. прим. к №№ 1, 3, 19.

23. Е. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ

15 июля 1854

Я большой эгоист, Вы это знаете, особенно Вы, Евгения Петровна, Вы много раз меня в этом упрекали; и так как я не отрекаюсь от этого титула, то позвольте же мне воспользоваться и присвоенными ему правами, например, еще напомнить о себе. «Зачем, мы этого не требуем», скажете Вы. Да мне то что за дело? я нуждаюсь в этом — вот и причина, весьма достаточная, для письма. Угадайте, откуда пишу? Из лесу. Из какого, откуда — не велено сказывать: пожалуй, предадите англичанам, особенно опять-таки Вы, мой друг, Евгения Петровна. Ведь Вы женщина, следовательно предательство разрешено Вам самой природой. Мы теперь одни, других судов нет с нами, и оттого мы бегаем от англичан, как по словам отца Аввакума, бегает нечестивый, ни единому же ему гонящу, т. е. когда никто за ним не гонится. Мы укрылись в одно из самых новых наших заселений, где никто еще и не живет, а кочуют тунгусы, мангуны, орочоны, медведи, лоси, соболи и выдры; где еще ничего не заведено, кроме кладбища. На нем уже успело улечься прошлой зимой до 30 чел., умерших от цынги. Мы живем все на фрегате. Я думаю даже, что берег вреден для меня, и оттого схожу редко. Я так привык к палубе, к своей каюте, перед которой из окна видна бизань-мачта с кучей снастей, а через борт море, во всех его видах, что когда переехал в Маниле недели на полторы пожить на берегу, мне стало скучно в первые дни. Мы стоим теперь в заливе, обставленном таким частым пихтовым и еловым лесом, что он не пускает на берег. Однакож мы ходим по едва протоптанной дорожке. Я познакомился уже кой с кем: с Афонькой тунгусом, например, который подряжен бить нам оленей и сохатых (лосей) для мяса и который все просит «бутылочку», не пустую разумеется. Залив называется Хаджи, одна его бухта Ма, другая Уи, а все вместе Ырга. Не угодно ли поискать на карте? Мы, говорят,

пробудем здесь зиму, а зимой бывает до 36° мороза. Домов еще нет. Ужасно, не правда ли? И я бы сказал это самое, если бы ужасался—но чего не делает привычка, во-первых, а во-вторых, невозможность изменить. Ехать назад кругом Америки — ведь это более 25 тысяч верст, семь, восемь месяцев езды морем, мимо англичан и французов. Сухим путем ближе, всего каких-нибудь 10 тысяч верст: но не знаю, хватит ли сил пробраться через Сибирские дебри и тундры, где до Иркутска надобно ехать то верхом на лошадях, а я теперь не усижу верхом и на бревне, то на собаках или в лодках тянуться целые месяцы по рекам, есть тюленину, спать на снегу? Нечего делать—станем зимовать здесь. Афонька уж обещал мне принести к зиме медвежьих шкур за «бутылочку». А что я стану делать? Если меня не потревожит слишком холод, голод, цынга и особенно смерть, то я желал бы писать. И знаете ли, что меня больше всего побуждает к этому? То, что Вы так дружески благословили меня на труд, то, что мне стыдно было бы явиться с пустыми руками, не в публику, а к Вам, в ваш маленький кружок, самый маленький, т. е.—да вы знаете, кто его составляет. Из посторонних прибавьте сюда Бенедиктова и Льховского, если только они посторонние. К Вам я прежде всего пойду искать награды, а потом уже в публику или к Андрею Алекс. [1]. И это единственный знак дружбы, который только и могу дать за то, что двадцать лет, так сказать, принадлежу к Вашему семейству. Лишним считаю напоминать о Вас, друг мой Ю—а: вы нераздельны у меня в мыслях с Майковыми; я беспрестанно тасую Вас с Аполлоном, Стариком, дядюшкой, тетушкой [2], если ошибкой попадется Кошкаров, так я быстро выкидываю его, как гадальщицы выкидывают пикового валета или другую негодную карту, раскладывая игру на столе. Иногда позволяю себе помечтать; будто я с толстой тетрадью выхожу к Вам, и Николай Аполлонович обрадовался почти так же, как тогда, когда поймал леща. К сожалению, радоваться нечему. Тетрадь действительно толстая, но из нее наберется так немного путного, и то вяло без огня, без фантазии, без поэзии. Не подумайте, что скромничаю, это не моя добродетель. Я хотел послать кое-что в Отечественные Записки, да прошу переписать. Нет, уж пожелайте, чтоб сам приехал. Меня пугает одна мысль. Может быть Вам совсем не до того, не до меня, может Вас поглотили семейные обязанности, которые, конечно, расплодились вместе с детьми. Ну, все-таки пожелайте, чтоб воротился: дети Ваши не найдут себе такого друга, как я. В самом деле мне здесь нечего делать. Теперь в Японию ходить нельзя, да и не зачем больше. Наши укрепляются здесь, строят баттареи, готовятся драться: «Смотрите, Евгения Петровна, остерегитесь сказать что-нибудь при этом. Помните, Вы сказали: вот еслиб Вам предложили, Ив. Алек., ехать кругом света, то-то бы рассердились» — и я поехал. Вот молвите теперь слово: «пойдете вы драться с англичанами, как бы не так». И посмотрите, если я первый не полезу к пушке. Не берите же еще греха на душу, скажите лучше: «а чего доброго Ив. Ал. пожалуй сунется и в сражение» — и я струшу. Странно? Ну, да ведь это дело решенное, что Вы меня не понимали никогда. Это подтвердит и Николай Аполлонович, и Аполлон, и Старик, и особенно Льховский.

Мне надо бы воротиться уж и потому, что меня до крайности утомило путешествие: Je fais un mauvais rêve, а не путешествую, и уж давно. Мне все казалось в Петербурге, что я нигде не был, ничего не видел, оттого и скучаю, что о природе знаю по книгам. «Дай-ко мол сам посмотрю, так авось-либо». И поехал не в Германию, не в Италию, а взял крайности. Евгения Петровна удалила меня в другое полушарие, и что ж? У меня усилился только геморрой от недостатка движения на корабле и выросло такое брюхо, что я одним этим мог бы сделаться достопримечательностью какого-нибудь губернского города. Я знаю, что такое эти тропики со своим небом и крестом, эти бананы, пальмы да ананасы у себя дома, вся эта аристократия при-

роды, и плебеи ее,—негры, малайцы, индейцы и китайцы. Дальше уж мне не хочется, в Америку, например, потому что по трем известным легко сыскать четвертое неизвестное. Будет ли мне веселее в Петербурге—не думаю: боюсь, что приеду и места нигде не найду, кроме однакож места столоначальника, которое министр обещал оставить за мной. Пуще всего утомило своим однообразием плавание. Да и притом никак нельзя изолироваться от свежих и крепких ветров, холода и зноя, от качки: во всем надо принимать деятельное участие, особенно в штормах. Штормы напоминают мне отчасти детство. Как буря разыгрывается, свирепеет, грозит, точно бывало в детстве грозят высечь, а стихнет—вдруг будто простили. Да, пора в Петербург, хотя я знаю, что там примусь за прежнее. Умственная деятельность вся опять сосредоточится в Департаменте, физическая в хождении по Невскому проспекту, а нравственная—в строгой честности и то отрицательной, т. е. не будешь брать взяток, надувать извощиков, хозяина квартиры. Но за то хоть отдохнешь у Вас, у Языковых. Дай бог, только, чтоб все было попрежнему у Вас, если уже нельзя, чтоб было к лучшему.

Я забыл сказать, что мы были в Корее, где вовсе не бывало европейцев. Я сошел всего два раза на берег, и то, чтоб только очистить совесть, чтоб не упрекали, что не ступил ногой на неизвестный никому берег. А то надоело. Чувствую, что я всего менее путешественник и особенно по диким невозделанным местам. Но я вижу, что уж слишком неумеренно воспользовался правами эгоиста, говоря все о себе. А что бы я стал говорить о Вас? Знаете, с которых пор я не получал от Вас писем? С августа прошлого года. Говорят, что все письма на Палладу лежат в Камчатке, а мы не там. Пойдем ли туда, еще неизвестно, как неизвестно потом, что из всего этого будет, т. е. что привезет нам генер.-губ. Муравьев, которого ждут здесь на днях. Поедем ли мы домой, останемся ли—не знаю. И писем от Вас, если только они есть в Камчатке, или в другом месте, я не получу, по крайней мере долго, и долго не узнаю, что у Вас делается. Сам я писал к Вам почти отовсюду, даже с пустого тропического островка Камигуина (в группе О-в Бабуян, к северу от Люсона). Не знаю, дошло ли письмо оттуда через Ост-Индию. Теперь туда мы не пойдем, и письма из России иным путем не дойдут, а и через Сибирь—не вернее.

Теперь к Вам преимущественно обращаю свою речь, рыболовы. Как Вы упали все в моем мнении. Вы, Николай Аполлонович, который всю жизнь носитесь со своим **л е щ о м**, и вы все—Аполлон, Старик со своими окунями. Знаете, что мы выудили при выходе из тропиков в нынешнем марте? Акулу! Это уж не ловля, а бой, опасное сражение. Мы с топорами и кольями стояли—вокруг и при малейшем взмахе хвоста отскакивали—кто куда мог. Я записал всю эту борьбу и посвящаю ее вам, Николай Аполлонович. Хотелось бы послать теперь этот небольшой отрывок из дневника, да он всетаки величиной с мой лист: мучительно переписывать. Но это все акула, скажите Вы, а не рыба. А! не рыба, а вам рыбы надо,—извольте.—Я не стану говорить о ловле неводом—это вы презираете, а мы ловим им от 10 до 15 пуд. в какие-нибудь три-четыре часа и не презираем: теперь это наш насущный хлеб. Но мы ловим и крючками. Когда матросам ехать с неводом нельзя, а между тем к столу надо рыбы, тогда возьмут да и пошлют вестовых, т. е. денщиков, наловить тут же с фрегата крючками. И в час, в два кто несет пять-шесть камбал, кто палтуса, кто бычков, треску, род налимов — словом, рыбы всяких форм и видов. И крючки-то какие: не те красивые из английск. магазина, с изящным поплавком, стальные с разными затеями, а просто грубые, железные. Вам еще вон надо червей копать да разводить их на зиму в цветах у Евгении Петровны, а здесь приманка—кусочек жиру, мяса или той же рыбы. Я теперь убеждаюсь окончательно, что кто купит удочку в Cosmétique или выпишет ружье неслыханной отделки и цены из Лондона или Парижа, тот никогда ничего не поймает и не застре-

лит. Вот Афоньке дали ружье двухствольное, щегольское с пистоном—он пошел в лес и воротился с пустыми руками. «Не умею, говорит, из этого стрелять—возьмите ружье». А из чего он стреляет? Из ружья, которое после всякого выстрела разваливается и которое всякий раз ему складывают и починивают наши слесаря на фрегате. А он на днях убил из него двух лосей. Эх, вы, рыболовы.

Ну, Вы, молодые мои друзья, что: кланяюсь вам братски и целую руки у ваших жен. Обнимаю детей, буде таковые есть. Поклонитесь, Аполлон, приятелям, а Вы, Старик, А. П. Кореневу. Скажите ему, что я писал к нему с месяц назад, но письмо пошло в Камчатку, а оттуда уже обещали отослать с почтой. Когда-то оно дойдет? Вы, Юния Дмитриевна, обнимите Александра Павловича, только смотрите осторожно... А вы, капитан,—кого бы поручить Вам обнять? Прочтите это письмо и вспомните хоть на минуту,

МАНИЛЛА
Современная гравюра

вечный ветренник, одного из искренних Ваших приятелей. После этих искренних излияний и объятий — позвольте с Вами распроститься.

Вам, Льховский, я было написал еще письмо, да так скверно, что после и сам не мог разобрать, оттого и разорвал его.

Ваш И. Гон[чаров]

Поклонитесь всем от меня. А что делает Бурька?

[1] А. А.—Краевский, редактор «Отечественных Записок».
[2] Аполлон Николаевич, Старик—Владимир Николаевич—Майковы; дядюшка, тетушка—Николай Аполлонович и Евгения Петровна Майковы; о Кошкареве—см. прим. к письму № 3.

24. М. А. ЯЗЫКОВУ

17 августа [1854]

Милый друг Михаил Александрович. Я расквитался с морем, вероятно навсегда. Теперь возвращаюсь сухим путем, но что мне предстоит, если бы Вы знали, Боже мой: 4 тысячи и верхом через хребты гор, и по рекам,

да там еще 6 000 верст от Иркутска. Теперь хлопочу о качалке вместо верховой лошади.

Вот один из самых лихих моряков, лейтенант Савич, который взялся доставить это письмо. Прилагаю и записку, заготовленную мною прежде. В ней я прошу Вас передать письмо адмиральше Путятиной, но Савич взялся доставить его лично: спросите пожалуйста, доставит ли! Они едут с бароном Криднером курьерами, следоват., скоро, а мы обыкновенным образом, т. е. очень долго. До свидания, до свидания, некогда.

Весь Ваш

И. Гон[чаров]

25. Е. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ

14-го сентября 1854 г.
Якутск

Я получил все Ваши письма, посланные с Бутаковым. Ровно через год отвечаю на них. Застали они нас в Татарском проливе, когда мы отчаялись в приходе Дианы, думали, что ее захватил неприятель или она укрылась куда-нибудь в нейтральный порт. Паллада по ненадежности должна была остаться в устьях Амура, а все путешественники готовились уже к возвращению через Сибирь, когда вдруг в один ненастный вечер пришла Диана и Ваши письма. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что был счастлив этими письмами, перечитывал их через два месяца и опять счастлив! Вот Ваше длинное письмо, бесценная Евгения Петровна. Вы в нем не сообщили мне ни одной новости, почерпнули весь материал из себя, от того оно так и вышло дружески занимательно, след. хорошо. Я просидел будто целый вечер с Вами на балконе и ушел домой успокоенный и свободный от желчи и хандры до завтра. Вот (я знаю это) Вы большая лгунья, особенно насчет любви, мужчина держи с Вами ухо востро, но меня Вы сумели обольстить, и я верю словам Вашего письма, что Вы меня любите. Не верю я только вашей песне, что Вы «стареете». Вы тут же и проговорились, как Вы еще молоды, как в Вас не улеглись многие мечты. Да, я еще не отказываюсь, что когда-нибудь, после долгого сиденья на балконе со мной, мы разыграем сцену из Ромео и Юлии. Дай Бог только нам увидеться. Увидите, что упаду в обморок от волнения, когда опять войду в Ваш уголок и увижу Вас попрежнему председательницею семейного комитета. А вот и Ваши строки, Милый друг Николай Аполлонович: Вы как будто сказали свое коротко, сжато и ясно, да и канули в свою мастерскую. Больше и не надо тут, все. Спасибо Вам за Дружбу и желание возвращения. Я уже возвращаюсь, но возвращусь ли, бог весть! Вы, Аполлон, как ни скверненько н а п и с а л и, а я уразумел Ваше послание, равно как и Ваше, Старик, и твое, милый мой Бурька (да ты, брат, умеешь писать! говори, кто водил тебе руку), и Ваше, Юния Дмитриевна, и Ваше, неизлечимый капитан, — все это я прочитал с таким усердием и радостью, с каким не прочитал бы никакого Гоголя, никакого Пушкина. Я не говорю Бенедиктова потому, что два полученных от него письма, я прочитал тоже с волнением и радостью, как от Вас. Отвечать на эти письма через год— бесполезно. Вы конечно уже забыли сами их содержание. Поздравляю только Вас и себя с умножением Майковых. Теперь и моя обязанность у Вас в доме должна увеличиться: играть с детьми, которые будто и мне приходятся внуками. Давность службы в Вашей семье дает мне на это право. Ну, теперь опять надоем Вам собою.

Вам конечно через Языкова, Коренева и Бенедиктова, к которым я недавно писал с приехавшим уже в Петербург офицером (Савичем) известно, что с первых чисел прошлого месяца началось обратное мое

шествие в отеческие края. Вот как это уладилось. Когда решено было оставить Палладу в Татарском проливе, адмирал пересел на Диану и взял кое-кого из состоящих при нем лиц с собою. Мне предстояла та же участь, и я напрасно несколько раз намекал, что мне пора домой. Он был глух к этому. Я с благодарностью скажу, что он постоянно оказывал мне особое внимание и уважение, перешедшее подконец в какое-то весьма приятное чувство, и всегда ценил мои труды, конечно выше того, чего они стоили. Он все ожидал, что война с Англией не состоится или внезапно кончится, и что он в состоянии будет оканчивать свои поручения в Японии и Китае в тех же размерах и не торопясь, как начал, при чем ему необходим будет и секретарь. Но известия о разрыве с Англией были так положительны, что надо было думать о защите фрегата и чести русского флага, следовательно, плавание наше, направленное к мирной и определенной цели, изменялось. Фрегат должен будет крейсировать, может быть драться, и если и зайдет в Японию, то мимоходом и вероятно не надолго. Словом, цель путешествия изменилась, с этим прекратилась и надобность во мне. Может быть, фрегату придется ходить по нейтральным портам или долго простоять в одном из них: во всем этом мне нет никаких занятий, и я понапрасну странствовал бы по морям. Все это дало адмиралу возможность предоставить мне возвратиться через Сибирь в свое министерство, что я и исполняю. Генерал-губернатор Сибири Н. Н. Муравьев[1] был в августе в Татарском проливе и на шкуне Восток возвращался Охотским морем в Аян, оттуда в Иркутск. Я и некоторые, возвращающиеся с Паллады в Россию, офицеры примкнули к нему и шумной толпой высыпали в половине августа на отечественный берег. Едва я ступил на родную почву, как перестал быть путешественником; я вдруг стал п р о е з ж и м. Ведь в России нет путешественников, все п р о е з ж и е. И я вдруг почувствовал, как уменьшилось достоинство моего звания, когда мне вручили подорожную по казенной надобности с будущим при мне. А между тем истинное путешествие в старинном трудном смысле, словом подвиг, только с этого времени и начался. Да, Евгения Петровна, Вы в письме своем называете меня героем, но что за геройство совершить прекрасное плавание на большом судне, с роскошными каютами, с кухней, библиотекой и в обществе умных людей, по местам, каких и во сне не увидишь? Нет, вот геройство, проехать 10 500 верст берегом, вдоль целой части света и местами, где нет дорог, где почти нет почвы под ногами, все болота, где нет людей, откуда и звери бегут прочь: страшные пустыни, леса, громады гор, горные потоки, все эти леса, горы и реки без имени, некому назвать их. К сожалению, я в этом подвиге не герой. Я проехал всего 1 200 верст, т. е. десятую часть предстоящего мне пути, и изнемогаю от тоски и нездоровья. В Аяне объявили мне, что вещей с собой много брать нельзя, что вся поклажа везется не на повозках, а на вьючных лошадях, что на каждую лошадь вьючат от 3 до 5 пуд. Я подарил все свои книги одному из наших новых поселений в Татарском проливе и роздал на фрегате весь запас манильских сигар. Потом сказали мне, что 200 верст надо ехать верхом, потом 600 в. рекой Майей, потом 180 в. опять верхом, потом уже 200 верст до самого Якутска на телегах и только под самым Якутском, мол, переправитесь через Лену, а там она 9 верст ширины. Все это было бы очень смешно, ежели не было так скучно. Да, Вам смешно, сидя дома, я знаю. Вы уже хохочете, читая это. А мне каково? Двадцать лет я не садился на лошадь, да когда и садился, так всегда чувствовал себя совершенно в ее распоряжении. «А нет ли другого способа езды?» спросил я. «Есть, в качалке, на двух лошадях, одна впереди, другая сзади», говорят мне. «Так вот прекрасно, я поеду». Но мне говорят, что в качалке возят больных старух. И это не поколебало меня, равно как то, что вот такая-то женщина приезжала верхом (сидя по-мужски, дамских седел

нет) и такая-то уехала. Я все-таки заказал Качалку и может быть поехал бы. Но один из приятелей, зная мой характер, ни слова не говоря, в день отъезда велел подать к крыльцу оседланную лошадь. Спрашиваю, где качалка? Говорят, не готова. Я сел на лошадь и поехал и вдруг вспомнил, что я когда-то гонялся за зайцами верхом. Это воспоминание так помогло мне, что я в первый день сделал 30 верст и насилу слез с лошади, а потом уже делал по 40, не сходя с седла, и жалел только, что ночь мешала ехать дальше. Мы все разделились на партии, по два и по три человека. Генерал-губернатор уехал со своими вперед дня за три до нас. Я ехал с двумя офицерами [2]. У нас четыре человека прислуги, у меня повар, он же лакей. Это адмиральский повар, отпущенный со мною домой. Повар этот — немалое утешение для меня, сколько раз, мучимый предвкушением огромного пути, лежал я в дымной, грязной юрте или на лодке, на Майе и постепенно успокаивался, глядя, как этот повар суетится со сковородой около якутского чуваша или около разложенного на носу лодки огня, как успешно поджаривается котлетка или нами же застреленная на реке утка и один раз купленные мною у якута только что убитые рябчики. Мрачные мысли тихохонько исчезали, я на минуту мирился с судьбой и кушал. Зато сколько раз, среди болот, я в отчаянии слезал с лошади, садился или ложился на поваленный пень и почти решал не ехать вперед, а остаться в лесу. На какую гору подымались мы! Еще об ней в Аяне говорили, как об Якутском Монблане, но когда мне показали на нее и сказали, что через нее лежит путь, я рассмеялся и не поверил, а вышла правда: на нее надо было итти пешком, ехать нельзя, лошади без всадников одни насилу всходят, и то кувыркаются в них головой: на вершине ее, на самом крутом месте лежит глыба не растаявшего и никогда не тающего льда. Крутизна самая всего с версту, но за то это совершенная стена, и по ней идут зигзагами. Гора вся состоит из острых неровных больших камней, которые катятся под ногами. Это-то и помогает итти. Зимой ходят в сапогах с подковами, а сани, оленей и пассажиров (прикрепив к санкам) сталкивают с крутизны вниз, потому что съехать нельзя. Гора по-якутски называется Джукджуг, что значит «большая выпуклость». Я нанял двух якутов: одного держал за кушак, и он тащил меня, а другой сзади подталкивал, и то я семь раз садился отдыхать. Кроме того всем путешественникам, виноват, проезжим, якуты раздают по толстой палке. У одного якута, который меня вел, пошла, от напряжения, носом кровь. Это была довольно оригинальная картина, и я, несмотря на усталость, любовался ею, когда все наши лошади числом с вьючными и провожатыми всего 17, изломанной линией потянулись при понудительных криках якутов по горе, спотыкаясь, падая и перевертываясь; камни как будто заговорили, катаясь из-под ног. В разных местах взбирались с трудом, в поте лица, люди. Среди всего этого меня поразило одно явление: Тимофей, мой человек и повар, вижу, с распущенными врозь руками, с растрепанными волосами, стремительно бежит по горе, в перегонку со своей лошадью: она прибавит шагу, он вдвое. «Куда ты, зачем, стой, с ума сошел» — кричат ему. Он махнул рукой и бежит дальше, откуда взялись эти сверхестественные силы. Никто не мог понять, что это значит. Явление почти фантастическое. Он с лошадью прежде всех вбежал наверх. Я стал его спрашивать о причине. Однажды... в Константинополе... с барином... Одышка не давала ему говорить, мы отложили объяснение до ночлега и, выпив по рюмке уцелевшего портвейна, отправились дальше. Гамбсовским креслом показалось мне седло после этого восхождения, как покойно и торжественно ехал я остальные 25 верст. В юрте Тимофей объяснил мне, что «однажды в Турции с барином он ехал из Буюкдере в Константинополь верхом, и слезли на минуту с лошади (зачем, не объяснил), нечаянно выпустил уздечку из рук, лошадь убежала, и он прошел 15 верст пешком». — «Ну, так чтож». — «Так я

боялся и теперь лошадь уйдет вперед одна, а я останусь». С одним из моих спутников, именно с князем Оболенским приехал из деревни, кругом Америки, на Диане, его кучер. Тот тешил меня еще больше Тимофея своим воззрением на виденные им страны, Сандвичевские острова, Апаразию— Вальпарайзо etc., его обращение с змеиными шкурами, разными редкостями, взятыми князем, и между прочим камнями с разных гор. Он просил сделать божескую милость позволить выбросить камни, говоря, что белья и других хороших вещей некуда деть, а тут каменья вози, а уже ежели возить каменья, так просил взять один камень для точила, который увидал где-то в Бразилии. Между тем сам он, тихонько от барина, запрятал еще на Сандвичевых островах в чемодан несколько кокосовых орехов. «Зачем ты набрал

МАНИЛЛА
Улица в местном поселке
Современная гравюра

этого?» спросил князь, «разве не наелся там, нравится тебе, что ли это?»— «Нет. Это все пустое», с презрением отвечал Иван относительно вкуса кокоса и вообще всех тропических плодов: «а я видел в Москве в одной лавке, как барин какой-то купил по 5 целковых за штуку, так вот хорошо бы привести». Когда наконец он добрался до седла, то весело рассмеялся: «любезное дело—верхом ехать», воскликнул он, и горе ему не горе, качка не качка.

Меня болота доехали. Лошадь уходит по брюхо, а иногда не в силах вытянуть ног, дергает, дергает то той, то другой ногой и ляжет на бок. Если болото слишком глубоко, тогда пускались в объезд, целиком по лесу сквозь сучья через наваленные грудой пни, чрез ямы, так что и умная, осторожная якутская лошадь задумывалась и не шла. А сколько горных речек переехали в брод: они все необыкновенно быстрые, и дно усеяно мелкими каменьями. Лошадь выходит на противоположный берег гораздо выше того места, где вошла в реку, так сильно течение. Частенько ноги седока почти что по колено уходят в воду. Все бы это ничего. Но настали утренние легкие морозы, и у меня зябли немного ноги, зябли и у других, но потом согрелись, и все прошло, а у меня стали гореть и теперь пух-

нут. Я, кажется, приобрел ревматизм. В лодке ногам было еще холоднее, и когда я в 18-й день дотащился до Якутска, зуд и жар в ногах усилились, и я не знаю, как я пущусь по Лене. А по ней до Иркутска около 3 000 верст. Ездят в почтовых лодках, но скоро пойдет лед, тогда пришлось бы ехать берегом и опять верхом: другого способа ездить по берегу нет. А не ехать берегом, так надо ждать здесь, пока Лена установится, что случится в конце октября или в первых числах ноября. Это ужасно, это двухмесячная ссылка. Товарищи мои все уехали, я остался один. Сегодня был у меня доктор и прописал спирт, не знаю, что будет. Губернатор К. Н. Григорьев [3] и преосвященный Иннокентий [4], здешний архиепископ, и другие тоже уговаривают остаться и подождать зимнего пути, говоря, что если я пущусь теперь, то все-таки должен буду остановиться, когда лед пойдет, где-нибудь на полдороге и ждать зимы на скверной станции. Не знаю, я еще ни на что не решился. Живу на квартире, где имею и стол. Здесь даже нет и трактира. Столица Якутская так жалка и бедна, что больно смотреть. Сотни три-четыре чуть живых деревянных домов, один только каменный, да 6 церквей, вот и все. Общество состоит из нескольких чиновников, почти бессемейных, следов женского общества нет. Я не называю женщинами якуток: это коровы на задних ногах. Две из них приходили ко мне продавать будто вещи из мамонтовой кости, но это только был предлог, а собственно они умышляли против моей добродетели, но нашли во мне, как Вы конечно и ожидаете, прекрасного Иосифа да еще с хлыстом и тростью к их услугам. Но пора спать, дня через два припишу еще. Если останусь здесь до зимы и не съест меня хандра и ревматизм, то надеюсь привести в порядок хоть часть путевых своих заметок. Да еще прежде надо решить, годятся ли они, можно ли хоть что-нибудь извлечь из них. Перечитывая это письмо, я в одном месте наткнулся на выражение: «уцелевшего вина»: это вот что значит. Люди наши, числом четверо, на второй или третьей станции от Джукджура донесли нам, что весь запас наш вина и водки упал, якобы, с опрокинувшейся лошадью на горе и разбился о каменья; а остались-де всего две бутылки портвейна. Так мы до самого Якутска и странствовали весьма патриархально, т. е. трезво. На всем этом пространстве нельзя достать не только вина, даже хлеба; пустыня впереди, пустыня сзади, и по сторонам тоже; с одной, до китайских границ, с другой, до Ледовитого моря. Везде рассеяны юрты Якутов да изредка встретились кочевья оленьих тунгусов. В двух впрочем слободах русских переселенцев по Майе можно найти хлеб, мясо, а по станкам (станциям) и овощи.

Я не жаловался на пролитие вина на горе потому, что редко так бывал здоров желудком, как тут без вина. Худо то, что люди наши, из которых каждый, будучи взят отдельно, препорядочный малый, а вместе все они образовали быстро лакейскую, со всеми ее гнусностями, не исключая и запаха. Лень, сон, вялость и прожорливость не знали границ. Когда надо, их не докличешься, когда не надо, они стоят и слушают, разиня рот, не касающийся до них разговор, быстро уничтожают целые головы сахара и проливают по горам вино. Но вот мы расстались; товарищи мои едут по Лене на лодках, наслаждаясь покойной прогулкой по такой погоде, какая, говорят, никогда не бывает в Якутске; особенно в сентябре. Теперь будто май. Обыкновенное благорастворение воздуха здесь от 30 до 40° мороза, губернатор сказывал, что доходило в прошлом до 48°. Я сомневаюсь в возможности одолеть этот путь, боясь, чтобы со мной не случилось чего нибудь серьезно-неприятного. На огромном протяжении на 3 000 верст от Якутска до Иркутска есть всего два городишка Олекма и Киренск, т. е. куча лачуг, где можно достать хлеба, а то все надо брать с собой. Наконец, пусть одолею я и этот путь, подумайте, что от Иркутска до вас еще 6 000 верст. Ну, скажите на милость: что значит в сравнении с такими пространствами и переездами по ним похождения

древних, хотя бы самих израильтян или рыцарей в Палестину и т. п.? А мы немели от ужаса и удивления, читая их! Когда я буду в Казани, в Симбирске, в Москве, в Петербурге и буду ли еще? Морем было ближе до всего этого. Пока до свидания: еду с визитами и между прочим надо хлопотать о кухлянке, дохе, торбасах и малахае. Кухлянка — это рубашка по покрою, из оленьей шерсти, доха козья шкура, вместо шубы; торбасы — меховые сапоги, из которых в каждый можно спрятать Вас, Катерина Павловна, и с маленькой Евгенией; малахай — шапка. Мне уже принесли медвежьих шкур, без которых нельзя и выехать. Их подстилают под себя, ими покрываются. Я насладился поэзией жаркого пояса не только благополучно, даже счастливо: каково перенесу полярную поэзию. Я люблю все подбирать ключ к близким мне событиям и никак не приберу его вот к этому, т. е. не могу решить, зачем это пало на мою долю выпить эти две чаши, горячую и холодную, и что толку от этого опыта, как мне самому, так и другим. А все Вы, хрупкий и нежный друг, Евгения Петровна, наделали! Не правда ли, Николай Аполлонович; без Евгении Петровны ведь я бы сидел теперь покойно и няньчил наших внучат? Едучи верхом, я между прочим из толпы одолевших меня воспоминаний остановился с особенным удовольствием на одном, именно, как Василий Петрович и Любовь Ивановна [5] собирались в Чернигове, как об этом говорено было целую зиму, как Вас. Петр. заказал целый ковчег и ежедневно ездил смотреть, прочен ли он, поместителен, как купил себе несессер с ящиками, баночками, графинчиками — и как они недели две, при всем желании, пытались выехать и насилу выехали, все это, чтобы сделать тысячу верст. Я вспомнил все это и препромко засмеялся в лесу. Припомните это им и поклонитесь от меня душевно. Если Анна Васильевна [5] не вышла еще замуж, так попросите погодить: скоро, мол, будет. У меня всего три седых волоса, а впрочем я стал красивее, т. е. потолще. Весь и всегда Ваш

И. Гончар[ов]

Вы, Аполлон Николаевич, пишете, что Анна Ивановна писала ко мне вместе с Вами, через Америку. Да я все те письма уже получил и Вы конечно получили уже мои ответы. Если мало Вам нынешнего моего письма, то не отчаивайтесь, я прибавлю к нему еще, потому что почта идет через две недели. Поручаю Вам изъявить Анне Ивановне какую-нибудь нежность за меня, а Старику Старушке. Узнайте, получили ли мои письма Языковы, Коренев, Бенедиктов и маленькую записочку Никитенко. Кланяйтесь Андрею Александр. и скажите ему, что я часто о нем думаю и забочусь. Степану Семеновичу и Яновскому тоже и другим равномерно.

P. S. Краевскому не кланяйтесь, я сам напишу к нему. Что это значит, что мне никто не скажет о Вагонщине? О нем, кажется, как будто о бежавшей из родительского дома с любовником дочери, стараются не говорить в огорченном семействе. Ужели это так? да что же он делает? Играет на биллиярде, теперь уже почти как я? или в карты в клубе? Потом еще что?

Вам, милый Льховский, жму руку: не сетую, не знаю, отчего, что Вы не написали, хотя бы Вы мне сделали этим бездну удовольствия. Будете ли Вы, при свидании, тем же милым Льховским ко мне, каким были, скажите хоть это.

Писать ко мне больше не следует, потому что и сам не знаю, когда я буду.

Вам, милый Капитан, угрожаю своим приездом. Если письма мои Вам покажутся коротки, так сделайте для меня собственно вечер (с кулебякой из осетрины), а я Вас угощу повестями, которые будут подлиннее Ваших Чатардагских и Лопухинских рассказов [6].

[1] Муравьев (Амурский), Н. Н., генер.-губернатор Восточной Сибири, в 1854 г. совершивший первое плавание по Амуру и тем положивший начало освоению *русскими Приамурья.*

[2] «Два офицера», по высадке со шхуны «Восток» в Аяне путешественники разбились на три партии. Первым уехал Муравьев со своей свитой; вслед за ним поскакали курьеры Путятина—лейтенанты б. Криднер и Савич. Третью партию составили: Н. А. Гончаров, К. В. Оболенский—мичман с «Дианы» и лейтенант Тихменев, П. А., *бывший заведывающий кают-компании на «Палладе»* (П. А.», «П. Т.», «П. А. Т.» — «Очерков»).

[3] Григорьев, Конст. Никиф., с 1850—1856 г. якутский губернатор. Письмо к нему Гончарова опубликовано в брошюре А. Мазона «Материалы для биографии И. А. Гончарова». СПБ, 1912. 25—28.

[4] Иннокентий Вениаминов (1797—1879), с 1850—1868 г. архиепископ камчатский, миссионер, автор ряда ученых работ, особенно по языкам северо-восточных азиатских племен.

[5] Василий Петрович, Любовь Ивановна, Анна Васильевна остались нам неизвестны: возможно, что это родственники Евгении Петровны Майковой.

[6] О Чатардагских и Лопухинских рассказах «Капитана» нам не удалось найти никаких сведений в бумагах Майковых.

26. Ю. Д. ЕФРЕМОВОЙ [1]

Якутск, сентябрь 1854 года

Прекрасный друг мой, Юния Дмитриевна. Писанное Вами за год и, конечно, уже забытое письмо я получил с Дианой и обрадовался ему, как голосу сестры и друга. Нужды нет, что Вы прочтете большое письмо к Майковым. Прочтите, это собственно к Вам. Мне так приятно вызвать мысленно Вас издалека сюда, в чужой и пустынный Якутск, посадить Вас вот хоть на медвежью шкуру и не наглядеться. Ведь это может быть, душа моя, право любовь! Я даже чувствую сладкий трепет, воображая как бы крепко я с Вами поздоровался, или это, может быть, так после бани мне кажется. Что бы там ни было, но если мне предстоит пробыть здесь ужасных полтора-два месяца, это может свести с ума и не такую нетерпеливую голову, какова моя. Я только одну отраду и вижу в моем заточении: это надеяться на свидание с друзьями, и в этой надежде время от времени писать к ним, воображать их здесь, говорить с ними, как я делаю теперь и делал вчера с Майковыми. Даже некоторые из здешних жителей как будто из жалости советуют мне уезжать скорее. Только архиерей да губернатор [2] желают, чтобы я остался, и некоторые другие, из эгоизма, как они говорят. Это очень лестно, но еще более скучно. Н. Н. Муравьев (генерал-губернатор В. Сибири) был тоже как нельзя более любезен. Звал в Иркутск дождаться там зимы. Вот в этом приглашении больше заманчивого: там большое и порядочное общество, разнообразие в людях, жизненные удобства, наконец, женщины, которых я так давно не видел, по крайней мере русских. Все-таки то — столица Сибири, а здесь, боже мой, деревня с претензиями быть городом. Что это судьба делает со мной: куда забросило меня? Ужели мало показалось ей моего скитания по океанам, по зною, по диким и пустым берегам, по негостеприимным странам, как Япония и Китай, наконец по Сибирским тундрам. Надо, видно, истомиться и истощиться мне до конца и нравственно, как истомился я материально, и приехать к Вам хуже и старее всякой затасканной тряпки. Зачем это? Чтобы умереть? Но это можно было бы сделать проще и короче. Чтобы лучше жить? Но после такой ломки трудно жить. Мне уж и не желается как-то ничего и не снится надежд никаких, и вял я сделался, а ведь, если жить, так надо работать, хоть для пропитания. Но что это я, чем занимаю Вас: ропотом? Прочь эти мрачные мысли, передо мной теперь Вы, с ясным взглядом и дружеской улыбкой. Не до тоски мне. Она временно только набегает на меня шквалами. (Простите моряку за выражение.)

Если б я отдался ей совсем, то был бы недостоен.. хоть дружбы такой милой женщины, как Вы. В письме к Майковым Вы прочтете, что у меня сделалась опухоль в ногах. Еще не знаю, что это такое. Был доктор, но и тот еще ничего не решил, а между тем завтра же надо уезжать или ждать здесь зимы. Как я поеду: если случится подобное в дороге, то можно умереть, не имея пособий. До Иркутска 3 000 верст, и только два городенка и то зауряд.

Прощайте или досвиданья, как богу угодно. Поклонитесь хорошенько Александру Пав. да поцелуйте Феню. Попеняйте на досуге Льховскому, что он меня забыл. Теперь уж не пишите ко мне, бесполезно. Если я пробуду и два месяца здесь, все-таки письмо не успеет оборотиться, разве, что я останусь здесь до весны: или целую вечность, что все равно, и от чего боже храни.

Весь Ваш

Гончаров

[1] Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским, «Невский Альманах», в. II. П. 1917, стр. 12—13.

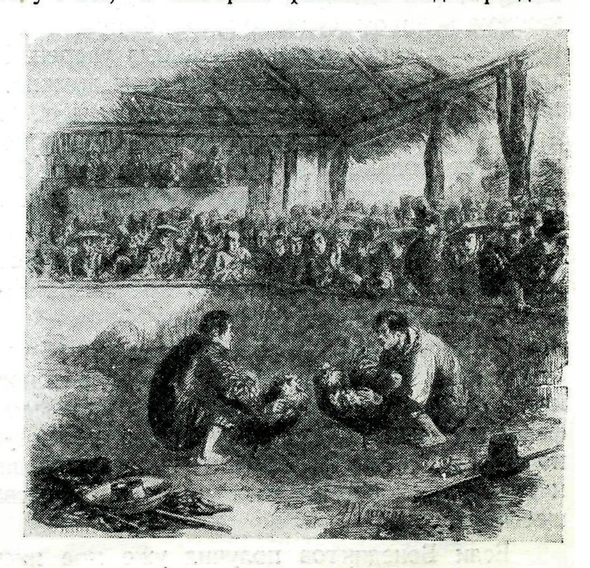
[2] Архиерей — Иннокентий; губернатор — К. Н. Григорьев—См. прим. к предыдущ. письму.

27. Е. П. и Н. А. МАЙКОВЫМ

19 января 1855. Иркутск

Как это случилось, что я сегодня получил Ваши письма, из которых одно и то же писано от января 1853 года и сентября 1854 и адресовано и в Иркутск и в Японию. Как ни приятно получить такое письмо, но все-таки странно.

Я так живо сочувствую тому, что движет Вас и всю Русь в настоящее время, что прощаю Вам, друг мой Евгения Петровна, письмо Ваше, наполненное политическими новостями. Я иначе не надеюсь увидеть Вас по приезде в Петербург, как с пикой в руках, в чепце немного на сторону, как Вы спешите на дрянном извощике, но по таксе, мимо гостиного двора, не удостоив взгляда даже голландские лавки прямо на английскую набережную отражать нападение союзников. Вам, милый мой Аполлон, сочувствую и делом: в Якутске прочитал я Ваш фельетон в СПБ ведомостях 11 августа 1854 года № 176 и тотчас же отбросил путевые записки, которыми тогда занимался и написал статью Якутск, в которой фактами подтверждаю



МАНИЛЛА
Петушиные бои
Современная гравюра

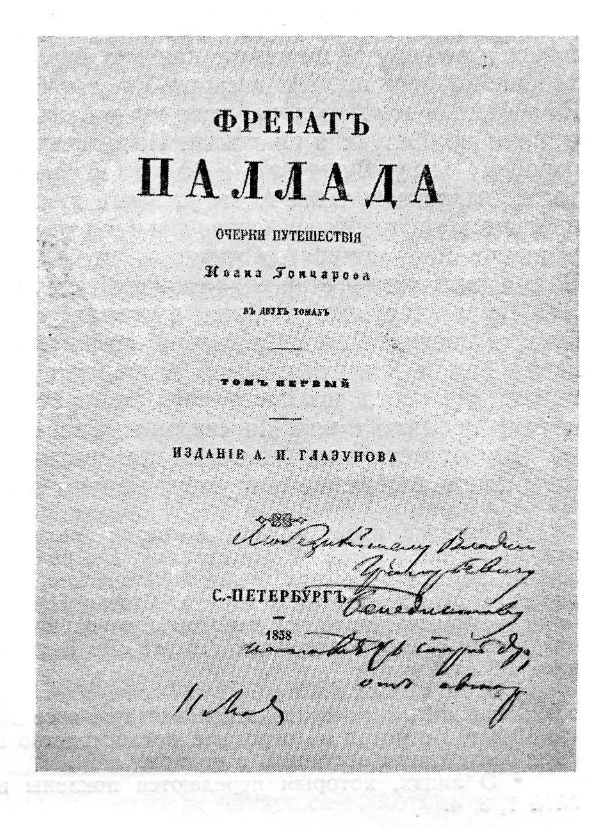
Вашу мысль о том, как Россия подвластным ей народам **открывает обширное поприще деятельности и разумного приложения сил**[1].

При свидании все это, бог даст, прочтем и переговорим. При свидании — легко сказать! Я проехал четыре тысячи верст, остается еще шесть тысяч. Это не поездка, потому что слишком продолжительно, не путешествие, потому что не занимательно, это жизнь своего рода, или лучше сказать пародия на жизнь, потому что очень противоречит недостаткам главных условий жизни, понятно, которое мы составляем о ней. Все это впрочем касается не городов, а здешних пустынь, разделяющих эти города. В городах очень хорошо, здесь, например, даже в Якутске не худо. В пустынях раздается сильное эхо от патриотических кликов нашей народной массы, очень сильно, как всегда бывает в пустынях. Здесь есть величавые, колоссальные патриоты. В Якутске, например, преосвященный Иннокентий: как бы хотелось мне познакомить Вас с ним. Тут бы увидели русские черты лица, русский склад ума и русскую коренную, но живую речь. Он очень умен, знает много и не подавлен схоластикою, как многие наши духовные, а все потому, что кончил учение не в Академии, а в Иркутске и потом прямо пошел учить и религии и жизни Алеутов, Колош, а теперь учит якутов. Вот он-то патриот. Мы с ним читывали газеты, и он трепещет, как юноша, при каждой счастливой вести о наших победах. Другой патриот, человек бодрый, энергичный, умный до тонкости и самый любезный из русских людей — это Николай Николаевич Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири. Имя его довольно популярно у нас: все знают, как сильно и умно распоряжается он в Сибири, не секрет уже и то, что он возвратил России огромный и плодоносный лоскут Сибири по реку Амур включительно, вопреки Министерству Иностранных Дел, действуя под непосредственным надзором и полномочием царя, при множестве врагов, доносов и прочее. Молодец! И хозяин он славный, принимает гостей радушно, как русский, и вежливо, как европеец вообще. Я теперь у него в гостях т. е. ежедневно у него обедаю, за неимением приглашений в другие дома. Знаете ли, что камчатская победа[2] была плодом его распоряжений. Мы плыли в Татарском проливе на шкуне в Аян, «А что, если англичане придут в Камчатку?» — спросил я. «А пусть придут, отвечал он: теперь там 70 пушек, и я послал туда 300 человек казаков: пусть придут». «Какой чудак, подумал я; что он сделает 70 пушками, когда на каждом военном судне около 50 пушек и до 400 человек!» А вот он предсказал успех, стало быть был уверен. Но это еще ничего, что он патриот, иначе и быть не может и не должно. А вот жена его, француженка, парижанка та говорит о русских, мы т. е. nous а о французах eux, ils и с радостью предсказывает, что nous поколотим eux везде и всегда. Она любит не только Россию и русских, но Сибирь и Камчатку, куда ездила с мужем и верхом по горам и болотам и морем и в мае сбирается в те места вторично по Амуру на барке.

Вчера она сказала, что велела мне сварить и заморозить в куски на дорогу чи, т. е. щи, и напечь кренделей. Когда французы что соврут в газетах, она называет их lâches.

Я могу выехать через два дня, 15-го числа. Николай Николаевич удерживает меня до 19-го до великолепного бала, который он дает, но когда сочли время, то увидели, что мне надо приехать в Петербург к 25-му февраля. Скакать сломя голову, я не могу: если я три дня еду день и ночь, на четвертые сутки надо остановиться, а то делаются приливы к голове, геморроидальные припадки и несварение желудка, обнаруживающееся рвотой.

Если Бенедиктов получил уже мое письмо, то Вы должны получить


ФРЕГАТЪ
ПАЛЛАДА
ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ
Ивана Гончарова
ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ
ТОМЪ ПЕРВЫЙ
ИЗДАНІЕ А. И. ГЛАЗУНОВА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1858

ЭКЗЕМПЛЯР
«ФРЕГАТА ПАЛЛАДЫ»
И. А. ГОНЧАРОВА
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
В. Г. БЕНЕДИКТОВУ
Частное собрание, Москва

огромных два письма через контору Языкова, на его имя, с передачей Вам. В одном письме — морскую идиллию, ловлю акулы, отрывок из своих записок для напечатания в Отечественных Записках (только там) в с м е с и, н о б е з и м е н и м о е г о (непременно). А другое письмо — так себе, письмо, оба писаны из Якутска. Извините, Аполлон, что не пишу особо ответа на Ваше чудесное письмо с чудесными стихами (философической свободы Вам было мало, господа, и т. д.). Некогда и потом повторяю Ваши же слова: «надеюсь скоро возвратиться» и писать больше не хочется, я уж Вам, и родным своим, из Якутска запрещал накрепко писать, да вот не уймешь. Когда сам-то уймусь — не знаю. Видно, и впрямь людям при рождении назначены роли: мне вот хлеба не надо, лишь бы писать, что бы ни было, все равно, повести ли, письма, но когда сижу в своей комнате за пером, так только тогда мне и хорошо. Это впрочем не относится ни к деловым бумагам, ни к стихам, первых не люблю, вторых не умею. Поцелуйте за меня и от меня милую Анну Ивановну и неизвестного или неизвестных мне будущих моих друзей, маленьких Майковых. Вы приглашаете остановиться пока у себя — ни за что: уж это один из моих обычаев, которых я, вы знаете, не изменяю. А поближе квартиру нанять — оно бы, пожалуй, хорошо, еслиб не было Литейной: я не умею себе представить, как жить в Петербурге не на Литейной! — Вы пишете, что chinoiserie в большой моде и что продаются разные фигурки рублей по 50: если я с сундуком как-нибудь доберусь до Петербурга, то эдак, пожалуй, у меня и на тысячу рублей наберется, болванчиков и вазочек штук до 30 наберется да рисунков, да резных четок из бамбука и орехов, это все куплено мною самим в Шанхае. Если выйдет выгодная спекуляция, так ни Евгения Петровна, ни Катерина Алекс., ни Юнинька (которую нежно целую) не увидят ни синя пороха. Лишь бы мне доехать только. Ах дай-то бог поскорее!

Вы, друг мой Николай Аполлонович, написали всего две строки на полях и то успели нагадить: как это Вы сделали, что у Вас чернила и на хорошей бумаге прошли насквозь? А ты, Бурька, что так мерзко написал? Не только хуже Аполлона, даже хуже отца? Что Марья Федоровна смотрит, от чего не бьет тебя по рукам. Посмотрите-ка, как нацарапал: я только и разобрал жду Вашего возвращения. Вот погоди, я ворочусь, да того... палочками тебя. А ты уж, чай, думаешь, что ты студент, поди беспрестанно употребляешь слово личность да тип, а может чего доброго и водку? Я — тебя! А Старик — что? Старик самозванец, фальшивый! Вот я настоящий старик, признаки ясные: болтлив и не хочу умереть. Что Ваша старушка? Забыла, я думаю, меня: ведь она была еще дитя, когда я поехал. Павел Ст., верно, помнит. А Юнинька, а Льховский? Кланяюсь Вам и Языковым тоже. А капитан где?[3] Сражается что ли? Почта пойдет дня через два после меня, но приедет, я думаю, месяцем раньше и потому посылаю с ней. До свидания. Ваш И. Гончар[ов].

Еду отчасти и не без тоски при мысли, что надо приниматься опять за ежедневное посещение в службу, от чего я на корабле отвык.

[1] Гончаров имеет в виду фельетон Аполлона Николаевича Майкова в виде открытого письма к А. Ф. Писемскому, где поэт, под влиянием событий Крымской войны, формулирует свои националистические, шовинистические взгляды на исторические судьбы русского народа. Статья Гончарова «Якутск» осталась, повидимому, не напечатанной, но некоторое довольно умеренное отражение эти настроения нашли в его позднейшей статье: «По Восточной Сибири» («Русское Обозрение» 1891 г., кн. 1).

[2] «Камчатская победа» — речь идет о знаменитом отражении нападения очень сильной англо-французской эскадры и ее десанта от Петропавловска в августе 1854 г. Несмотря на огромное превосходство в артиллерии и людях, союзники были вынуждены отступить с уроном.

[3] О лицах, которым передаются поклоны и приветствия см. в прим. к п. №№ 1, 3, 4.

28. А. А. КРАЕВСКОМУ[1]

Якутск, сентябрь 1854 года

Любезнейший и почтеннейший Андрей Александрович. По настоящему мне бы не следовало писать туда, куда еду сам, а скорее писать назад, где был, в Китай или Индию, но возвращение мое во-свояси, ко всему отечественному, между прочим и к запискам, совершается с медленностью, истинно одиссеевской, и между началом и концом этого возвращения лежит треть года, две трети полушария и половина царства. Стало быть написать можно тем более из Якутска, откуда Вы едва ли от кого-нибудь и когда-нибудь получали письма. Медленность странствия моего происходит: частию и от употребительного здесь и тоже достойного гомеровской эпохи способа езды, то верхом, то на лодке, а инде пешком, где нет ни земли, ни воды под ногами, а есть своего рода пятая стихия, тундра, т. е. мох, прикрывающий тину, воду, переплетшиеся корни деревьев и еще многое другое, о чем может быть и не грезилось нашим «геологам», частию же от опухоли в ногах, приобретенной мной не то в лодке, не то на лошади, среди болот, при легких утренних морозах, которые так полезны для рябины и других плодов здешнего климата и совсем бесполезны для ног. Все эти обстоятельства заставляют меня пробыть в столице Якутского царства долее, нежели нужно вообще и нежели я желал в особенности. Если опухоль скоро не опадет, то, пожалуй, придется сидеть у берега и ждать буквально погоды зимней, когда станет Лена, а это может случиться месяца через полтора. Берегом или, как здесь говорят, горой, можно ехать только все-таки верхом, другого способа нет, и не при одних только утренних морозцах. От нечего делать я осматривал здешнюю столицу, в ней много замечательного, есть и древности, например, остатки деревянной крепостной стены с башнями и гостиный двор. Крепость построена казаками за 200 лет для

защиты от набегов якутов, которых казаки сами же и притесняли. Твердыня очень тверда, топор не берет дерева, отчего оно и предпочитается здешними мещанами при постройке домов всякому новому еловому и сосновому дереву, за которым еще надо ездить в лес, тогда как это лежит готовое на площади. Губернатор [2] велел однако огородить эту древность забором, не против набегов мещан и не из антикварных побуждений, а потому что стены и башни клонятся все на сторону, между тем якутки ходят садиться в тень ее, за тем ли, чтобы оплакивать свой Иерихон или с другой более практическою целью, это я в своих ученых исследованиях добиться не мог. Гостиный двор, — здание величественное, облезлое, выцветшее, заплеванное, засморканное и зачиханное, что все придает ему зеленовато-античный вид. Его засморкало время, больше некому, купцов нет, они все сидят дома, и лавки отпираются, когда являются покупатели. Затем следуют допотопные древности, гребни и коробочки из мамонтовой кости, с древними надписями на русском языке, видимыми еще и поныне на фарфоровых чашках «в знак любве» и т. п. Гребня я себе не купил: плохо сделаны, не расчешешь волос. Есть еще здесь шесть церквей и сотни три-четыре домов, все деревянные, кроме одного, и все похожие на дом Бабы-Яги, не исключая и губернаторского. Вот и Якутск. Лена, говорят, прекрасна и широка, даже, говорят, я живу на самом берегу. Не знаю: может быть: я ее не видал, хотя даже переправился через нее. Я вижу из окошек огромные луга, пески, болота и озера, но под этим всем мне велят разуметь Лену. Путешествие мое по Якутской области, т. е. от Охотского моря до сих древних стен, представило мне несколько замечательных фактов. Майковы, если при свидании спросите их, подробнее расскажут обо всем, между прочим и о том, как, вступив на наши берега, я из путешественника вдруг обратился только в проезжего, потом, как мы (с товарищи) втроем совершили этот переезд с патриархальной трезвостью, достойной самого патера Mathew по милости наших слуг, которые пролили весь запас господского вина и водки на Джукджуре, Якутском Монблане, а достать его было нельзя, и от Аяна до Якутска пьяных — хоть шаром покати, не встретишь ни одного; как далее, вязли в болотах, карабкались над пропастями, терялись в лесах и т. д. Всего замечательнее мне показалось, что здесь Якуты не учатся по-русски, а русские по-якутски говорят до непозволительной степени. В одной юрте вижу хорошенькую беленькую девочку лет 11-ти, у которой скулы не похожи на оглобли и нет медвежьей шерсти на голове, вместо волос, словом русскую. Спрашиваю, как ее зовут: «Она не говорит по-русски», отвечает Егор Петров Бушков, мещанин, содержатель почтовых лошадей, ее отец. — «Что так? Мать у ней якутка?»— «Никак нет: русская». «От чего ж она не говорит по-русски?». Молчание. Далее Егор Петрович, везя меня, встретил в одной слободе с лица русского человека и заговорил с ним по-якутски. «Кто это?» — спросил я. — «Брат мой.» — «Да он говорит по-русски?» — «Как же, он природный русский!» — «Зачем же вы говорите по-якутски?» Молчание. И всю дорогу везде подобные случаи. Станционные смотрители, все русские, говорят с ямщиками по-якутски. Мало того; на одной станции съехался я с двумя чиновниками, такими же, как и мы все, в виц-мундирах. Мы разменялись поклонами и молча глядели друг на друга. Один из них обратился к ямщикам и на чистейшем якутском диалекте отдал приказание, за ним другой тоже. Я так и ждал, что вдруг они спросят меня: «parlez vous jacoute?» и чувствовал, что, краснея от смущения, ответил бы, как бывало в детстве: «non, monsieur, je ne sais pas», когда спрашивали «parlez vous français?». Здесь есть целая русская слобода, Амгинская, на реке Амге, где почти ни один русский не говорит, т. е. не знает по-русски, и все по-якутски. Чего! Недавно только дамы в Якутске, жены и дочери чиновников, перестали в

публичных собраниях говорить этим языком. Вы, может быть, подумаете, что все это так, анекдоты, литературный прием à la Dumas?

Клянусь Вашей сединой, все правда. Последний случай я почерпнул из верных рук. Не только язык, даже начали перенимать обычай у якутов, отдавали детей на воспитание к якуткам, которые прививали им свои нравы и многое другое, между прочим сифилис. Но теперь зло остановлено.

Вы конечно спросите, что я делаю. Да теперь пока вот что: вчера и сегодня, например, лежу, а не сижу, как Манилов на балконе, лежу в полумраке, ноги натерты спиртом и зудят до смерти. У меня нет желаний ни ехать вперед 9 800 верст, ни назад 20 000 миль, опять по морям. Закроешь глаза, мерещится крупная надпись: Очерк Истории Якутской области. Исторический опыт в 2-х частях И. Г. с приложениями, картами, литографическими снимками замечательнейших рукописей, хранящихся в Якутском архиве 1855 г. СПБ, в типографии Э. Праца; цена 5 руб. сер. Ведь завлекательно! В перспективе рисуется академический венок, Демидовская премия, потом отличный разбор Дудышкина в Отечественных Записках, где я поместил прежде большой отрывок и взял с Вас неимоверное количество денег. Я уж говорил с преосв. Иннокентием [3] и думал, не шутя, выманить что-нибудь для Вас, но он человек такого, как говорит немецкий булочник Каратыгин, здорового ума, что у него не выманишь. Сам он, как видно, трудится и над историей и над языком якутов, но если будет издавать, то осторожно, «потому что я в этом случае буду единственным авторитетом — говорит его преосвещенство — которому конечно поверят, следовательно надо говорить верно, а верного мало». Есть еще любитель древностей, купец Москвин, с которым увижусь. Ну, как они да на беду мою дадут мне сведения, источники: что я стану с ними делать? Хуже чем Манилов с своим мостом. Я целиком отошлю и отвезу к Вам, а Вы делаете что хотите. Иногда я просматриваю свои путевые тетради — какая нагая пустота! Никакой учености, нет даже статистических данных, цифр, ничего. Ну, как пошлешь что-нибудь к Вам, и что? Вот на выдержку вынулся Шанхай, нет, нельзя: тут много гипотез чересчур смелых, надо свериться с какими-нибудь источниками, а я не мог одолеть даже о. Иоакинфа [4], а уж он ли не весело пишет! Сингапур, тут много восторгов: не по летам. Ищу Мадеры (острова), но напрасно шарю рукой, я вспомнил, что она еще в проекте, как очерк истории Якутской области; Мыс Д[оброй] Надежды—это целая книга, с претензиями на исторический взгляд; надо повыкрасть коекаких данных из других путешествий; Анжер на Яве — годится, да всего три страницы. Манила... вот Манилу бы хорошо, она готова почти, да того, не переписана, а здесь писарей не видать, да и кто пойдет сюда в писаря, когда вина так мало, а как и есть, так-то проливается на горах? Вот к Майковым, если не поленюсь, так выпишу страницы две о том, как мы изловили акулу, единственно потому, что они рыболовы. Если эта страница будет годиться в печать, то тисните ее, пожалуй—куда-нибудь подальше в смесь, где тискаются разные подобного рода анекдоты из иностранных журналов, но только без подписи имени, conditio sine qua non.

Совестно, слишком ничтожно, да и в смеси под статьями не подписываются. О помещении же чего-нибудь побольше в Отечественных Записках из моих записок мы потолкуем при свидании, если только пожелаете Вы. Благодарю Вас за присылку выканюченного у Вас Языковым экземпляра Отечественных Записок, но я их, вместе с своими книгами, отдал одному из наших новых поселений в Татарск[ом] проливе, где еще нет никаких записок. Приношение принято с благодарностию.

Будьте здоров и не забудьте искренно преданного

Гончарова

С. С. Дудышкину [5] зело кланяюсь: не пишу потому, что полагаю, когда он будет у Вас, Вы дадите ему прочесть это письмо, из которого он и узрит, что я, где и как. Домашним Вашим т. е. Елизавете Яков[левне] [6] мое почтение, чадам тоже; на них советую положить метки, как на белье, чтоб гости, в том числе и я, могли узнать который Евгений, который Александр. Если у Вас попрежнему бывают Заблоцкие, Милютины, Арапетов, Никитенко [7], всем им при случае прошу напомнить обо мне и кланяться. Если видитесь с кн. Одоевским и ему, подвернется Соллогуб, и тому поклонитесь, наконец, даже и Алексею Гр. Теплякову. Уж если будете кланяться Теплякову, так почему же не поклониться и Элькану.

[1] Опубликовано впервые А. Мазоном.

[2] Губернатор — Григорьев К. Н., см. прим. к п. № 25.

[3] Иннокентий, архиепископ Камчатский, см. прим. к п. № 25.

[4] О. Иоакинф Бичурин (1777—1853), известный русский синолог. Гончаров имеет в виду вероятно его «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена».

[5] Дудышкин, С. С.—критик, постоянный сотрудник «Отеч. Записок».

[6] Елизавета Яковлевна — сестра Авдотьи Яковлевны Панаевой.

[7] Заблоцкий, Мих. Парф., Милютины: 1) Дмитрий Алексеевич Милютин (1816—1912), знаменитый деятель эпохи реформ, преобразователь русской армии, 2) Николай Алексеевич (1818—1872), один из главных деятелей по освобождению крестьян; Арапетов, Ив. Павл. (1811—1887), государственный деятель, член редакционной комиссии по крестьянск. делу (1859), сотрудник «Отеч. Записок»; Никитенко, А. В.—см. прим. к п. № 3.

29. И. И. ЛЬХОВСКОМУ [1]

2/14 апреля, 1859

Милый, милый друг Иван Иванович! Неделю тому назад мы были обрадованы получением Ваших писем. Я понес свое к старику и старушке, а они приготовили мне тот же сюрприз. Я думал, что я уж вовсе неспосо-

КАРИКАТУРА НА И. А. ГОНЧАРОВА КАК АВТОРА «ФРЕГАТА ПАЛЛАДЫ»

Институт Русской Литературы, Ленинград

бен к поэзии воспоминаний, а между тем одно имя Стелленбош расшевелило во мне так много приятного: я как будто вижу неизмеримую улицу, обсаженную деревьями, упирающуюся в церковь, вижу за ней живописную гору и голландское семейство, приютившее нас, все, все. Точно также известие о смерти Каролины произвело кратковременное чувство тупой и бесплодной тоски. Восхождение Ваше на Столовую гору — подвиг, на который я никогда бы не отважился. Не знаю, почему, но мне невообразимо приятно знать, что Вы может быть увидите еще места, которые видел и я. Меня даже пленяет разница во взгляде Вашем и моем: Вы смотрите умно и самостоятельно, не увлекаясь, не ставя себе в обязанность подводить свое впечатление под готовые и воспетые красоты. Это мне очень нравится: хорошо, если бы Вы провели этот тон в Ваших записках и осветили все взглядом простого, не настроенного на известный лад ума и воображенья, и еслибы еще вдобавок уловили и постарались свести все виденное Вами в один образ и одно понятие, такой образ и понятие, которое приближалось бы более или менее к общему воззрению, так, чтобы каждый, иной много, другой мало, узнавал в Вашем наблюдении нечто знакомое. Это значит взглянуть прямо, верно и тонко и не заразиться ни фанфаронством, ни насильственными восторгами; именно, как Вы в немногих словах отозвались о Бразилии и мысе Доброй Надежды. Между прочим этот тон отнюдь не исключает возможности выражать и горячие впечатления и останавливаться над избранной, не опошленной красотой. Если я не сделал ничего этого, так это отчасти потому, что я по своему настроению только и мог действовать на читателя, потому что в языке и красках я сильнее, нежели другим путем. А у Вас настоящий взгляд, приправленный юмором, умным и умеренным поклонением красоте и тонкая и оригинальная наблюдательность дадут новый колорит Вашим запискам. Но давайте полную свободу шутке, простор болтовне даже в серьезных предметах и, ради бога, избегайте определений или важничанья. Под лучами Вашего юмора китайцы, японцы, гиляки, наши матросы — все заблещет ново, тепло и занимательно. Пишите так, как пишете к Старику и ко мне. Даже не худо, если бы Вы воображали нас постоянно перед собой. Абандон, полная свобода — вот что будут читать и поглощать. A propos, чтобы не забыть. Я сказал Краевскому, что получил от Вас письмо, и он, не дав мне договорить, спросил быстро: а что же, пришлет ли он что-нибудь в Отеч. Записки? — Ничего не пишет об этом, был мой ответ.—Так попросите его пожалуйства от меня! Заключил он. Передаю Вам с математической точностью слова и ничего к этой просьбе не прибавлю. Вы сами знаете, как полезно поместить что-нибудь в журнале, но советую также дать в то же время статью и в Современник: эти два журнала обеспечивают репутацию Ваших записок: но что хуже записок Лакьера, а и то были замечены единственно тем, что появились в этих журналах. Прежде всего, конечно, Вам следует послать в Морской Сборник, и не одну статью, даже все морские, касающиеся плавания, а сухопутными можете располагать по произволу: так тогда и великий князь разрешил. Вы можете через Морское Министерство адресовать статьи в журналы на мое имя, а я стану наблюдать за их печатаньем и, пожалуй, копить деньги. Назначьте и цену: не знаю, дадут ли Вам поболее 60 рублей, а впрочем напишите, что Вы хотите.

[1] Означенное письмо адресовано Гончаровым Ив. Ив. Льховскому во время кругосветного плавания этого последнего (1859—1860 гг.) на корвете «Рында», который плыл по следам «Паллады». Англия—Мыс Доброй Надежды—Сингапур—Япония и т. д. Приводим здесь только часть письма, содержащую советы Гончарова, как вести путевые записки. В этих советах отражаются те взгляды Гончарова на литературный жанр путешествий, которые отразились в его очерках.

„МОЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА"
АВТОБИОГРАФИЯ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

Вступительная статья Н. Мещерякова

Комментарии С. Дурылина

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОЙ РЕАКЦИИ

Если бы надо было назвать реакционнейшего из всех русских писателей второй половины XIX столетия, то вряд ли можно было бы найти кого-нибудь, кто смог бы оспаривать это место у Константина Николаевича Леонтьева. К. Леонтьев сотрудничал в «Русском Вестнике» 70-х годов, выходившем под редакцией одного из крупнейших реакционеров того времени — М. Н. Каткова. Но и Катков отказывался иногда печатать статьи К. Леонтьева; отказ от одной из них он мотивировал словами, что этак можно «договориться до чертиков». С другой стороны, К. Леонтьев считал Каткова слишком умеренным, оппортунистом и обвинял его и его соратника из «Русского Вестника» проф. Любимова в «умеренно прогрессивной, умеренно либеральной дряблости». «Некоторые его мнения (слишком европейские по стилю), — писал Леонтьев, — мне ненавистны и сильно раздражают меня». Катков, по мнению Леонтьева, стал «как-то сер». «Направление — чем дальше, тем серее», — говорит Леонтьев в своей «Автобиографии». Такие же резкие отзывы мы находим в «Автобиографии» Леонтьева о других реакционных соратниках Каткова — о Любимове, Страхове, Аверкиеве, Авсеенко и др. Но вместе с тем он понимал силу Каткова как реального политика реакции и признавал, что «Каткова и «Русский Вестник» просто заменить нечем».

К. Леонтьев, стоявший на крайнем фланге реакции, в свое время, т. е. тогда, когда он писал, не имел значительного влияния. У него было сравнительно немного сторонников; вместе с тем, его писания приобретают определенный интерес в настоящее время. Мы можем наблюдать и изучать по ним прообраз тех идей, которые мы находим у некоторых современных писателей, не только у тех, которые в прошлом были черносотенцами, но и у тех, которые еще недавно пребывали в либеральном лагере, например у так называемых «евразийцев», у М. О. Гершензона. Их можно найти даже, пожалуй, у немецких фашистов.

К. Н. Леонтьев родился в 1831 г. в семье калужских помещиков. Окончив курс медицинского факультета в Московском университете, он стал врачом. В качестве такового он участвовал в Крымской войне, а потом служил врачом же в Нижегородской губернии. Еще с 50-х годов он начал помещать в журналах («Отечественные Записки» — редакции А. Краевского и «Русский Вестник») свои беллетристические произведения, которые в свое время имели некоторый успех (в особенности рассказы из жизни христиан в Турции), но в настоящее время они бесповоротно забыты. Падение крепостного права произвело на Леонтьева потрясающее впечатление, еще более усилившееся с началом развития демократически-революционного движения, и после польского восстания 1863 г. Леонтьев остро и чутко подметил и понял надвигающуюся угрозу революции, которая

должна подорвать власть и богатство поместного дворянства — класса, к которому он принадлежал. Он понял, что надвигающаяся революция — не плод деятельности отдельных революционеров, а что она неизбежно вытекает из всего хода общественного развития, из вступления России на путь капиталистического развития, что уже вполне ясно обозначилось в 60-х годах. В этом К. Леонтьев был неизмеримо проницательнее всех других реакционеров, например Каткова и поздних славянофилов, которые, ставя своей главной задачей защиту интересов и привилегий дворянства, в то же время усиленно работали над развитием в России капитализма, надеясь создать этим путем вторую опору самодержавия и «порядка» и союзника дворянству в лице черносотенного купечества. К. Леонтьев ясно видел, что Россия неуклонно идет по пути капиталистического развития, хотя и под реакционным флагом, и что при этом все более создаются условия, которые приведут к революции и к тому, что дворянство лишится всех своих привилегий. «Лишь бы этот зеленый уголок мой был цел, лишь бы не брали у меня эти липовые аллеи, эти березовые рощи, эти столетние огромные вязы над прудом», — писал он.

В 1863 г. Леонтьев поступил на службу по министерству иностранных дел и в течение десяти лет занимал места консула в ряде городов Турции (на Крите, в Адрианополе, в Эпире, Салониках и т. д.). Разойдясь во взглядах на восточный вопрос с министерством иностранных дел, находившимся под сильным влиянием славянофилов (министерство в борьбе греческой и болгарской церкви поддерживало болгар, желая найти в них, как в славянах, опору для своей захватнической политики, а Леонтьев рекомендовал поддержку греков, ибо видел все спасение старой России в византизме). Леонтьев вышел в отставку и уехал на Афон. Там он прожил год и пытался стать монахом в одном из афонских монастырей, но практичные монахи, боясь сделать неугодное русскому правительству, а с другой стороны, может быть, не доверяя христианству Леонтьева, отказались принять его.

В 1874 г. Леонтьев вернулся в Россию и жил большей частью у себя в деревне, а также наезжая в Москву, в которой ему, однако, не удавалось прочно устроиться на работу; он сотрудничал в «Русском Вестнике» Каткова и в еще более реакционном «Гражданине» кн. Мещерского. В 1880 г. он был назначен помощником редактора реакционной русской газеты в Варшаве — «Варшавский Дневник». Позже он получил место цензора в Москве. В 1887 г. он снова вышел в отставку, поселился в известном монастыре «Оптина Пустынь» и постригся в монахи под именем Климента. Умер в 1891 г.

К. Леонтьев создал свою теорию развития человеческого общества, теорию совершенно неоригинальную, ибо он попросту переносил на развитие общества те стадии, по которым происходит развитие живого организма. Общество, по его мнению, проходит в своем развитии три ступени:

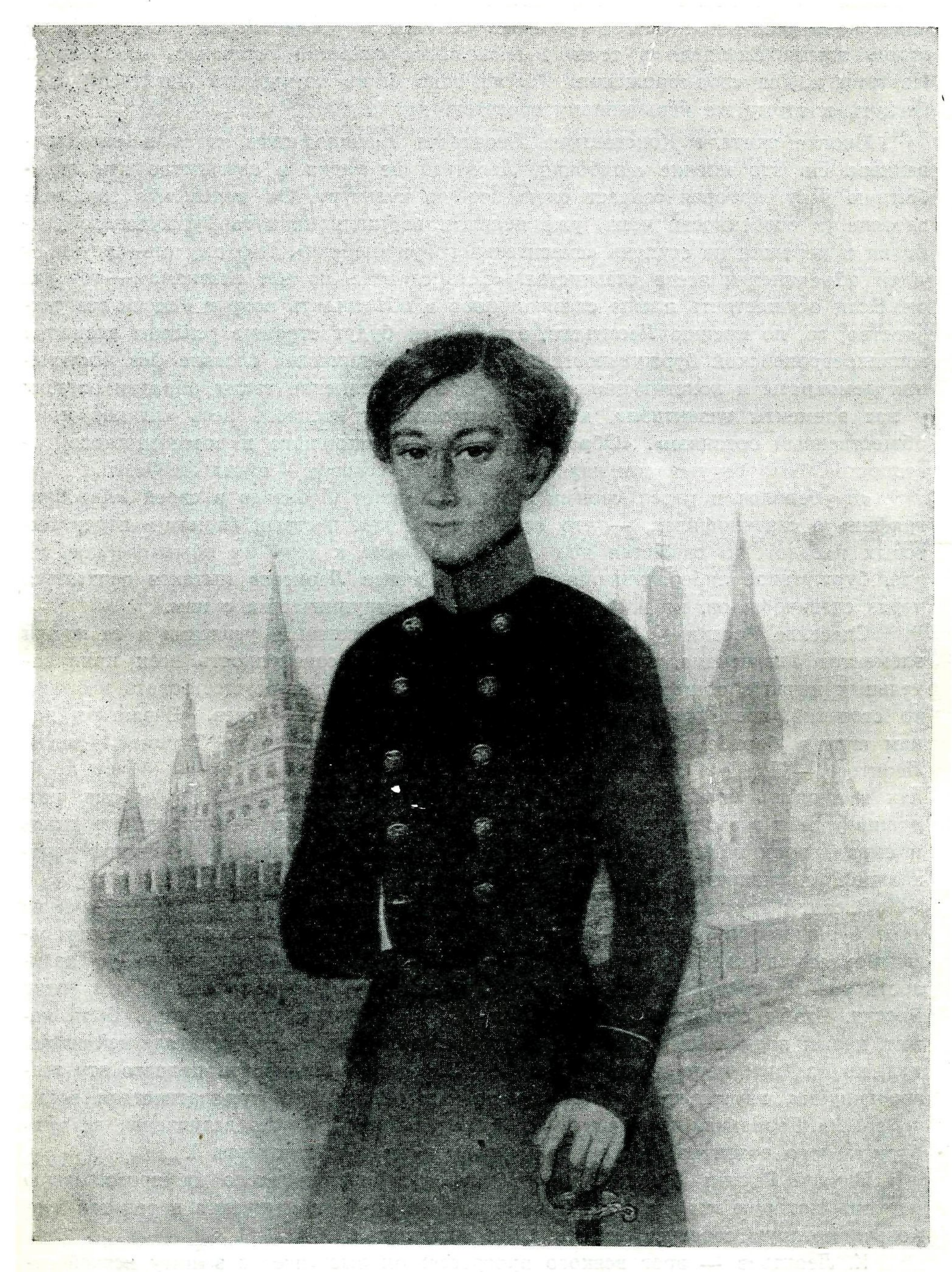
1) стадия «первоначальной простоты», соответствующая детству;

2) стадия «положительного расчленения», или «цветущей сложности», эта стадия характеризуется величайшим неравенством, величайшим разнообразием частей, сдерживаемых силой деспотизма. Она соответствует возмужалости человека;

3) стадия «вторичного смесительного упрощения», соответствующая старости и дряхлости, разложению организма.

Теория Леонтьева фаталистична. Этот путь развития общества неизбежен: всякий народ должен пройти его. Германцы в эпоху переселения народов переживали первую ступень. Средние века в истории Европы — вторая ступень, ступень «цветущего расчленения», а со времени Французской революции началась для Западной Европы третья ступень, — глубоко ненавистная для К. Леонтьева.

Россия, которая стояла в стороне от европейской жизни и находилась под сильным влиянием византизма, застыла в своем развитии и поэтому не вступила еще в гибельную стадию «сместительного упрощения», но сближение с Западной Европой и внедрение в России буржуазных отношений увлекают Россию на эту



К. Н. ЛЕОНТЬЕВ — СТУДЕНТ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Акварель неизвестного художника
Государственный Литературный Музей, Москва

стадию. Чтобы спасти Россию, надо остановить ее развитие, «подморозить» ее, как выражался Леонтьев. История Византии показала пример такого законсервирования, «подморожения»: благодаря своей религии и построенному на деспотизме строю жизни Византия в течение нескольких столетий оставалась неизменной. Поэтому и для «подморожения» России надо было, по мнению Леонтьева, прибегнуть к этому же испытанному средству.

Многие считали Константина Леонтьева славянофилом, хотя и разочарованным. Но это мнение ошибочно. Леонтьев не верил в славянство как самобытную расу, которая создаст свою особую культуру. Он видел, что западные славяне (в особенности чехи) уже целиком вступили на путь буржуазного развития и перешли на ступень «смесительного упрощения». Поэтому он—противник идеи объединения всего славянства. «Есть славяне, но нет славизма», — говорил он. Если осуществить планы славянофилов и объединить вокруг России все славянство, то, по мнению Леонтьева, этим в ней будут страшно усилены элементы западноевропейской буржуазности, ибо «все юго-западные славяне без исключения демократы и конституционалисты». Это объединение таким образом ослабит у нас элементы византизма, которые «проникают насквозь весь великорусский общественный организм». «Образование одного сплошного и всеславянского государства было бы началом падения царства русского», — писал Леонтьев.

«Я убедился и узрел своими очами, — пишет Леонтьев в своей «Автобиографии» о славянофилах, — что если снять с них пестрый бархат и парчу бытовых идеалов, то окажется под этим приросшее к телу их обыкновенное, серое, буржуазное либеральничанье». Тем не менее Леонтьев пытался печататься через славянофилов, но и они отказались от сотрудничества с ним.

Спасение России К. Леонтьев видел в сохранении и усилении в ее жизни элементов византизма, понимая под этим словом совокупность всех принудительных начал в обществе. Византизм помог Византии просуществовать несколько столетий, после того как Рим пал под ударами германцев. «Византизм дал нам силу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и Турцией, — писал Леонтьев. — Под его знаменем, если мы будем верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы, если бы она, разрушив у себя все благородное, осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве и земной радикальной всепошлости».

В самой России Леонтьев не видел силы, которая могла бы остановить ее на пути буржуазного развития. «Я, признаюсь, за последние годы совершенно разочаровался в своей отчизне,—писал он,—и вижу, напротив, какую-то дряхлость ума и сердца не столько в отдельных людях, сколько в том, что зовут Россия. Чтобы она немного помолодела... боюсь сказать, что нужно... Быть может, целый период внешних войн и кровопролитий, вроде тридцатилетней войны или, по крайней мере, эпохи Наполеона I. Надо приостановить надолго эту разгорающуюся внутреннюю практическую лихорадку». Но тридцатилетняя война не спасла Германию от «практической лихорадки», то есть вступления на путь буржуазного развития, не спасли и Францию войны Наполеона I.

Внутри России Леонтьев хочет опереться прежде всего на православную церковь, которую мы взяли из Византии, и он требует «смирения перед той церковью, которую советует любить г. Победоносцев».

К. Леонтьев — враг всякого прогресса; он выступает в защиту всякой отсталости. «В России много еще того, что зовут варварством, и это наше счастье, а не горе», — писал он. Поэтому К. Леонтьев не стеснялся печатно говорить, что он противник всякого народного просвещения, что крестьянство должно остаться в том невежестве, которое делает его послушным перед властями. Всякое новое открытие, всякое изобретение новой машины приводит его в ужас, ибо он понимал, что за этими открытиями техники надвигается победа социализма, неизбежная и неотвратимая. К. Леонтьев выступал против грамотности, против тех-

ники, против всего, что называется цивилизацией. «Я рад всему тому, что хоть чем-нибудь отделяет нас от современной Европы»,—писал он.

Все писания К. Леонтьева проникнуты ощущением глубокого страха перед торжеством в будущем ненавистного ему социализма, тем более, что в конце концов Леонтьев не видит никакой действительной силы против этого торжества. «Всякая реакция есть течение не радикальное, — пишет он, — а лишь временная поддержка организма, чем-нибудь неисцелимо расстроенного». «Можно любить прошлое, но нельзя верить в его даже приблизительное возрождение». «У Вас ваш процесс развития и «вторичного упрощения» есть процесс фаталистический, неизбежный. Поэтому о чем же хлопотать?» — говорил ему И. Аксаков.

И в то же время К. Леонтьев пытается убедить своих читателей, что нельзя верить в торжество социализма, но никаких доказательств невозможности его победы он привести не может. Он ограничивается одними словами, выражающими его веру: «Глупо так слепо верить, как верит нынче большинство людей, по-европейски воспитанных, в нечто невозможное, в конечное царство правды и блага на земле, в мещанский и рабочий строй и безличный земной рай, освещенный электрическими солнцами и разговаривающий посредством телефонов от Камчатки до мыса Доброй Надежды... Глупо и стыдно людям, уважающим реализм, верить в такую нереализуемую вещь как счастье человечества даже приблизительно». «Благоденствие земное — вздор и невозможность; царство равномерной и всеобщей человеческой правды на земле — вздор».

Но Леонтьев ненавидел не все, существующее на Западе. Он с большой любовью относился к аристократическим и реакционным институтам и явлениям западноевропейской жизни — к папству, католицизму, к остаткам феодализма, к монархии и аристократии Европы. «Один породистый остзейский барон сам по себе стоит сотни эстского и латышского разночинства», — писал он.

Для того, чтобы «подморозить» Россию, т. е. задержать процесс ее развития, Леонтьев думал опереться на византизм, перенести после победы над Турцией центр России в Константинополь — древнюю Византию, которая впрочем по его мысли не должна входить в состав России, а принадлежать лично царю. Но если этой силы окажется недостаточно, он предлагал опереться на различные азиатские народности, которые не вступили еще на путь буржуазного развития. «Не только староверы и паписты, но и буддисты, астраханские мусульмане и скопцы дороже нам русских либералов»,—писал он. «Для достижения своей цивилизации русским выгоднее проникаться турецкими, индейскими, китайскими началами и охранять слепо все греко-византийское». «Союз, сближение, смешение даже с турками, тибетцами, индусами какими-нибудь, чтобы только создать что-нибудь особое, органическое под их воздействием, хотя бы и косвенным»,—вот что рекомендовал К. Леонтьев.

А внутри страны Леонтьев возлагал всю свою надежду, надежду отчаяния, на хорошо организованную полицию, на физическое насилие, к которому питал какую-то извращенную страсть. У К. Леонтьева «сладострастный культ палки», — говорил о нем Иван Аксаков.

Все эти мысли и надежды К. Леонтьева настолько дики, настолько уже опровергнуты ходом общественной и политической жизни, что нет надобности опровергать их. И тем не менее очень многие из этих мыслей, несмотря на их нелепость и дикость, возрождаются в настоящее время в идеологии различных партий и группировок, проникнутых тем же страхом перед близким и неотвратимым торжеством пролетарской революции, каким был проникнут насквозь К. Леонтьев.

К. Леонтьев ненавидел западноевропейскую культуру и цивилизацию, ибо боялся, что она неизбежно приведет к социализму. Теперь, когда пролетарская революция победила в СССР и когда ее близкая победа ясна во всем мире, такой же страх перед культурой и цивилизацией испытывают очень многие, которые еще недавно находились в рядах не только реакционных, но и либеральных партий и группировок. Вот, например, что писал в 1920 г. М. О. Гершензон в книжке «Переписка из двух углов»:

«В последнее время мне тягостны, как досадное бремя, как слишком тяжелая, слишком душная одежда, все умственные достояния человечества, все накопленное веками и закрепленное богатство достижений, знаний и ценностей. Это чувство давно мне мутило душу подчас, но не надолго, а теперь оно стало во мне постоянным. Мне кажется, какое бы счастье кинуться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах, поэзии, и выйти на берег нагим, как первый человек, нагим, легким и радостным, помня из прошлого только одно — как было тяжело и душно в этих одеждах и как легко без них». Разница между Леонтьевым и Гершензоном только одна: Леонтьев хотел вернуться ко второй ступени развития — к средним векам, когда была все же какая-нибудь культура, а Гершензон мечтал о первой ступени, о человечестве без всякой культуры, ибо Гершензон был еще более испуган.

Но и Гершензон был согласен примириться на средних веках и он видел «цветущее время» в этом мире мракобесия. «Почему же было так ярко чувство, почему мысль была так свежа (!) и слово существенно в четырнадцатом веке и почему наши мысли и чувства так бледны, наша речь словно заткана паутиной?» — пишет он далее в упомянутой книжке.

К. Леонтьев придавал решающее значение в жизни общества религии. При помощи религии он хотел остановить ход общественного развития. То же повторял в «Переписке из двух углов» и Гершензон: «Без веры в бога человечество не обретет утерянной свежести».

К. Леонтьев мечтал найти барьер против надвигавшейся западноевропейской цивилизации в опоре на «астраханских мусульман», на «тибетцев» и другие народы Северной и Центральной Азии, еще не вступившие в стадию капиталистического развития. Но о том же мечтала и контрреволюционная группа русских эмигрантов — «евразийцев», которые писали о какой-то самобытной консервативной культуре, которую создадут народы Евразии, которые почему-то, по их мнению, всегда должны остаться чуждыми западноевропейской культуре.

К. Леонтьев был полон страха и ненависти по отношению ко всякому прогрессу, ко всякому движению культуры вперед. Но этот же страх и эта ненависть проникают всю философию Шпенглера, Кайзерлинга, Пауля Эрнста и других «философов» и «социологов» современного фашизма. Только они еще более решительно — не только словом, но и делом — борются против этой культуры во имя возврата средневековья.

Страх перед неуклонно надвигающейся революцией диктовал К. Леонтьеву и диктует теперь фашистам одинаковые или очень сходные мысли и настроения. Изучение первоначального зарождения этих мыслей и настроений у К. Леонтьева и их развитие у тех, кто в качестве либерала выступал прежде против безумных идей Леонтьева, представляет интересную задачу для изучения истории не только реакционной, но и либеральной мысли.

Н. Мещеряков

МОЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА

Ars Longua, Vita Brevis!

ПРИЕЗД В МОСКВУ И ПОСТУПЛЕНИЕ В УГРЕШСКУЮ ОБИТЕЛЬ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДРУЗЬЯМ И ПОРУЧАЕТСЯ С. П. ХИТРОВОЙ

1874—1875 года

1

Из Калуги, по окончании всех дел по имению [1] мы с Георгием в Ечкинском тарантасе доехали до Ивановской станции, оттуда по железной дороге до Москвы. Сначала я занял порядочный номер в Лоскутной гостинице Мамонтова. Первое мое посещение было опять Иверской божьей матери [2]. Я просил (конечно!) о продлении моей земной жизни и о том, чтобы в делах литературных мне суждено было, наконец, узреть правду себе на земле живых. Я надеялся и не унывал, но до сих пор, как оказалось, напрасно. Мне опять пришлось видеть искреннее сочувствие и слышать самые лестные похвалы от одних людей и самую странную несправедливость, самое убийственное равнодушие от других, именно от тех, кто мог что-нибудь сделать.

Со мной была первая и совсем исправленная часть книги «Византизм и Славянство» [3], которую я собирался отдать на прочтение Погодину [4] и другим славянофилам. Были еще с весны взятые мной у княгини Анны Матвеевны Голицыной рекомендательные письма к княг. Трубецкой и кн. Черкасскому [5]. Еще были у меня отрывки из второй части Византизма, которая еще неисправленная лежала у Каткова, и начало второй части Одиссея [6], которую я почти насильно принуждал себя писать, гостя в августе в Оптиной Пустыни [7]. Такой обширный, объективный труд требовал большого досуга воображению; нужно в таком произведении, чтобы оно вышло недурно, обдумывать беспрестанно все, даже самые внешние обстоятельства, иногда и вовсе придумывать их, сообразуясь с местностью и другими возможностями. Героя я выбрал неудобного: красивого и умного юношу, Загорского купеческого сына, но боязливого, осторожного, часто хитрого, в одно и то же время и расчетливого, и поэта, как многие греки. Все изображается тут не русское; надо большими усилиями воображения и мысли переноситься в душу такого юноши, становить себя беспрестанно на его место, на котором я никогда не был. Русские люди являются тут уже совсем объективно: в числе других лиц разных наций и вер. Не надо чрезмерной идеализацией русских внушать к себе недоверие; а вместе с тем самая правда жизни, сам реализм (хорошо понятый) требует давным-давно (с самых времен Онегина и Печорина) возврата к лицам более изящным или более героическим. Сам Тургенев насилу-насилу доработался до Лаврецкого и до блестящего отца в «Первой любви». Гр. Л. Толстой насилу-насилу решился создать Андрея Болконского. До того всех опутала тина отрицания и гоголевщина внешнего приема.

К тому же разнообразных лиц—турок, греков, европейцев в Одиссее много. Понятно, сколько умственной свободы, сколько досуга воображения надо напр., чтобы, с одной стороны, сократить до размера других лиц консула Благова, который как бы составлен из Ионина, Хитрова и разумеется меня самого [8], а с другой, расширить и отделить друг от друга мусульман, действующих в романе. Мы так мало знакомы с мусульманами, нам так трудно узнать живые черты их домашнего быта, их всех так легко можно сделать на одно лицо, что изображение их требует

несравненно большего внимания, чем изображение греков, которые хотя весьма несхожи с нами психологически, но имеют с нами так много общего в историческом воспитании, в религиозных ощущениях и т. д.

А молодого русского консула — светского человека и художника по натуре, которого многие любят в книге и которого я сам люблю — изобразить трудно по противоположной причине: слишком легко впасть в безличную идеализацию своих собственных хороших чувств, приятных воспоминаний, и даже некоторых из тех хороших свойств, которые автор знал и сознавал в самом себе.

Я вовсе не хочу нападать на несколько безличную и возвышенно бледную идеализацию; напротив того, она пожалуй и есть художественный идеал мой, по естественной реакции против гадкой и грубо осязательной мелочности, в которую впадает большинство лучших писателей нашего времени (особенно англичане и русские, французы теперь лучше). Но... Мадонна, почти иконописно идеализированная хоть бы кистью Ingres'a[9], была бы вовсе не на месте на хорошей реалистической картине Ге[10]. Ее надо изобразить особо, на другом полотне. Вот это все надо обдумать, обсудить, схватить и поскорее написать... Надо, чтобы роман был бы хоть сносен в моих собственных глазах прежде всего («Ты сам свой высший суд»). Больше я от Одиссея и не требую; это не «Генерал Матвеев», которого я обожаю и которого хотел бы довести до высшей степени совершенства[11].

Одиссей вовсе не любимый сын мой; я вижу в его манере очень много обыкновенного, но я хочу, чтобы и он держал себя в обществе, по крайней мере, прилично. Нельзя чтобы мой сын был просто слит из газетных известий и т. п., как антипольские романы Крестовского[12], или подслуживался бы только Катковской умеренной морализации, как напрасно и неудачно поднятый «Вопрос» г. Маркевича (я говорю так потому, что именно те лица, которые Маркевич хотел более осудить—мать и гвардеец, вышли милее и понятнее других, особенно этого урода-сына.

Вот почему я говорю, что мне Одиссея кончать трудно. Надо много мыслить, а я утомлен нестерпимо и мне хочется только думать. А если уже мыслить, то над чем-нибудь более решительным, над «Прогрессом и Развитием» и т. п., а не над жизнью маленького Эпира, сколько бы в ней ни было грации и оригинальности.

Итак я в Оптиной едва-едва мог написать две главы, как неотложные по имению дела уже вызвали меня в Калугу.

В гадкой редакции на Страстном Бульваре[13] что-то переделывали, и Катков в это время (в конце сентября? в начале октября?) был в своем Михайловском дворце[14]. В редакции секретари мне сказали, что вторую часть «Византизма» он взял с собой и читает ее.

Я был в этом дворце еще летом и горбатый Леонтьев[15] угощал меня там под вечер плохим и слабым чаем.

У меня сердце (художественное сердце) разрывается, когда я смотрю на это жилище, заселенное теперь Катковым и Леонтьевым! (Хотя последнего я и люблю до известной степени).

Я не знаток декоративной археологии, и никак не могу вспомнить, в каком старинном вкусе отделан этот маленький дворец (или скорее прекрасный барский дом) во вкусе реставрации, rococo или Pompadour—не знаю. Но знаю, что глаз отдыхает на этих гостиных с расписными потолками, со свежей изящной мебелью не нынешнего фасона, с мраморными столами, яшмовыми вазами и т. п. Кажется есть и штоф на стенах. Здесь бы Хитровым[16] принимать гостей; ибо другое дело их недостатки, их пороки даже, и другое дело их декоративность. Породистая, дорогая собака кусается иногда; можно прятаться от нее, можно ее прибить, убить, толкнуть (как

иногда и я старался бивать и толкать словами Хитровых, когда они уж очень бывали злы, или невежливы в своей изящной prépotence), но нельзя же сказать, что собака не умна, некрасива, не декоративна оттого, что она меня укусила. А если приручить ее (как мне удалось под конец моей жизни в Царьграде приручить немного Хитровых, то лаской, то дракой, то терпеньем),— то воспоминание остается очень хорошее.

Я как увидал летом этот дом, снаружи пошлый, но внутри очаровательный, так мне сейчас же пришли на ум все эти гостиные Rambouillet, Dudeffand, M. Récamier, Staël и т. д., в которых встречались военный и дипломатический гений, литературный дар, поэзия и мысль, остроумие и облагороженные страсти. Я подумал, кого бы я желал здесь видеть?.. И не нашел никого удобнее для этой цели Софии Петровны Хитровой... Пусть бы она в этом доме являлась то в своей длинной белой блузе с розовыми и палевыми бантами, которую она надевает будто бы от усталости, или в том темно-лиловом платье и свежих розах, в которых она ездила со мной в Игнатьевскую больницу...

Пусть бы она тут играла с Ветой, пусть бы рисовала (стараясь только нижнюю часть лиц не так укорачивать), пусть бы читала стихи Толстого[17], пусть бы говорила дерзости; то выгоняла бы доброго Зыбина бог знает за что? за то только, что он водевильный jeune-premier; слушала бы мое чтение по вечерам, восхищалась бы моим умом... Чтобы Цертелев[18] был тут, чтобы Мад. Ону[19] сверкала умом (но только, чтобы она не говорила с хозяйкой дома о воспитании детей!), чтобы Губастов[20] лукаво молчал на кресле...

Пусть бы непреклонный юрист, ее муж, переводил бы здесь Гейне, показывал бы нам свой стан, выправленный и личною гордостию, и кавалерийской службой, свой профиль германского рыцаря, свой славянский дух (хотя бы и не всегда верно понятый), свой взгляд César Bordjia; свою хладную закоснелую ярость на всех чем-нибудь высших и даже равных ему, свою снисходительность к Нико, Джою или Перипандопуло *... Пусть бы даже он и мне по-прежнему говорил 1000 неприятностей, вздора и неправды (притворяясь большею частью, что не понимает меня)... все это было бы кстати в таком изящном доме...

И вдруг вместо монументального Хитрова, здесь передо мною умный, благородный, но все-таки горбатый однофамилец мой... Вместо Софьи Петровны Хитровой, в которой соединены изумительно лейб-гусарский юнкер и английская леди, мать и супруга, японское полудетское личико и царственная поступь, злость и самая милая грация, восхитительное косноязычие и ясный, твердый ум... вместо всего этого... другая:.. и вообразите тоже Софья Петровна... Каткова[21].

Впрочем и сам Катков с годами стал не только ужасно неприятен характером, по свидетельству даже всех служащих у него в редакции, но сверх того... я не знаю как сказать... как-то сер... Мне все кажется, что и с него и со всех его вещей в его кабинете надо долго сметать пыль. Впрочем и направление его чем дальше, тем серее. Придется еще раз цитировать Хитрова, который сказал мне про него в Царьграде: «Помни, бгат, что и Катков сам вступил уже в пегиод втогичного упгощения»[22]. Правда, может быть невольно сознавая это, он оттого и раздражен. Хорошо! Но что сказать об этой России, от которой мы все имели наивность ждать так много, если вспомним, что Катков и Русский Вестник[23] просто заменить нечем... И не видать до сих пор ничего возникающего. О чем думают люди молодые, отказавшиеся от нигилизма—представить себе нельзя... Или это центров нет, хоть есть и люди; или это пройдет? Но когда ж оно пройдет?..

* Слуга, собака, честный труженик [неподписанные подстрочные примечания здесь и дальше принадлежат самому К. Н. Леонтьеву. — *С. Д.*].

А жизнь видимо пошлеет от прогресса... Вот и человек свежий, молодой, которому еще все улыбается и везет пока, Цертелев и тот это говорит о Москве. Славянофилы говорили мне почти то же самое. Федор Николаевич Берг (Боев) [24] говорил мне, что если бы Катков умер, или Вестник закрыли, то печатать просто будет негде человеку со вкусом, или убеждениями (не либеральными, разумеется, ибо непонятно, чтобы человека со вкусом не тошнило бы от нынешнего развития либеральности). Либеральный нигилизм так развит в Петербурге, что им питаются несколько изданий (Вестник Европы, Отечественные Записки, Дело, кажется Биржа, Петербургские Ведомости и т. д.) [25]. Вот и хваленая молодость России... Я, признаюсь, за последние годы, совершенно разочаровался в моей отчизне и вижу, напротив, какую-то дряхлость ума и сердца... не столько в отдельных лицах, сколько в том, что зовут Россия. Чтобы она немного помолодела... боюсь сказать... что нужно... быть может целый период внешних войн и кровопролитий вроде 30-летней войны, или по крайней мере эпохи Наполеона I-го. Надо приостановить надолго эту разъедающую, внутреннюю, практическую лихорадку.

Довольно обо всем этом! Теперь опять о себе... Итак, после молитвы у Иверской, я поехал к Каткову в Михайловский дворец, на Остоженку. Это было воскресным днем; тотчас после поздней обедни, которую я отслушал в Кремле. Человек Каткова сказал, что и он и Леонтьев оба еще в церкви в Коммерческом Училище [26]. Полагая, что они скоро вернутся, я пошел пока, но тотчас же на улице встретил Каткова [27]. Он был окружен многочисленными дочерьми и вел за руку маленького сына в русской одежде. Меня это не особенно тронуло. Он увидал меня и улыбнулся мне своей натянутой улыбкой, в которой никогда я не видал ни добродушия, ни искренности, а всегда лишь одну притворную любезность. На дворе его сынок задержал нас несколько времени: он куда-то просился уйти с сестрами. Наконец Катков отпустил его. Мы пошли в кабинет (хороший, вероятно, потому что они еще жили тут временно и не успели ничего испортить). Нам подали кофею и я объявил ему, что приехал в Москву с целью заниматься у него при журнале, если условимся. Я сказал ему вот что:—Не знаю, когда именно я поступлю в тот монастырь, о котором я говорил вам летом *. Я не могу даже ручаться, примут ли меня туда так, как я бы желал. Я бы предпочел лучше эту зиму всю прожить тут в Москве; только у меня нет денег, чтобы жить. Пенсия моя мала и она назначается для других целей. Мне, чтобы жить одному в Москве, надо, по крайней мере, 250 рублей в месяц.

— Вы нам много должны, сказал Катков, около 4000 р. Такую сумму, 250 руб., выдавать помесячно, как жалованье, нам неудобно. Это у нас не в обычае.

Я настаивал, что иначе просто нельзя. Я доказывал и говорил ему долго. Он слушал внимательно и думал. Потом сказал:

— Конечно, работа может быть разная. Вы можете заняться политическим отделом, не только по Восточным делам, но и вообще. Иногда при редакции бывает вот что. Все материалы собраны, все готово; нужно только бойкое литературное перо, чтобы это все объединить, округлить... Вы обладаете вполне таким пером и для вас в редакции всегда найдется работа.

Так рек Михаил Никифорович, московский публичный мужчина, по выражению Герцена, которого он за это и ненавидит до самой возмутительной несправедливости [28].

Чтобы не упрекать себя после за какое-нибудь практическое упущение, или недогадливость, я на всякий случай поговорил с ним еще и о возможности возвратиться на службу напр. хоть при Московском Архиве Иностр. Дел,

* Проездом через Москву в свою деревню я видел его раза три и получил от него 700 рублей.

или получить то место в 3000 рублей (в Синодальной типографии), о котором мне в Калуге, как о вакантном, говорила одна моя знакомая К. Н. Д.-ва [29]. Я говорил, что боюсь только потерять после пенсию, ибо служить долго все-таки не хочу, а лишь столько, сколько бы нужно для окончания некоторых дел. (Конечно, прежде всего литературных: я ужасно боялся, что в монастыре мне решительно запретят писать повести, а у меня до сих пор столько самых грациозных сюжетов из восточной и много оригинального в памяти из русской жизни. Эта боязнь утратить право на последнюю земную отраду моей жизни больше всего боролась во мне с жаждой удалиться в обитель.)

Говоря Каткову о возможности возвратиться на службу я имел в виду две цели; одна была та, что он мог помочь мне легко в приискании места; П. М. Леонтьев, сообщали мне, почти друг с обер-прокурором Синода Толстым [30], а место в Синодальной типографии зависит от обер-прокурора. А другое побуждение было вот какое: мне бы очень неприятно было, если бы Катков и Леонтьев сочли бы меня одним из тех несчастливых идеалистов и бестактных людей, которые ссорятся с начальством, теряют хорошие должности, из-за пустяков бросают службу и т. п. Мне самому такие люди противны и жалки не в хорошем смысле, а в худом, особенно когда они имеют какие-то воображаемые убеждения... И я никогда бы не променял своей службы на поденное писательство, если бы не клятва пойти в монахи. То поденное писательство, на которое я теперь почти решался, я считал лишь горькой и временной, унизительной необходимостью. Я не хотел, говорю, чтобы эти люди думали, что я поссорился с министерством, или что меня удалили за ошибки и непрактичность. У меня, я знаю сам, такой вид, что как раз, не зная меня коротко, можно эту гадость подумать. Даже Ону [31], который давно меня знал, говорил мне своим билатеральным голосом (я впрочем в нем этот голос, по личному уже к нему некоторому пристрастию, очень люблю): Je m'étonne, mon cher, comment vous, un homme de tout d'imagination, comment faisiez-vous pour être un consul très modéré et très pratique... Et vos écrits politiques sont aussi excessivement positifs... Voyez-vous je suis un homme pratique... и т. д. На это я ему отвечал смеясь: «C'est fort simple... Cela vient de ce que je suis très bien doué et de ce que j'ai en moi toute une masse de ressources variés» [32].

Но другое дело мой милый Ону и другое дело московский «публичный мужчина», с которым я желал бы всегда иметь лишь одни коммерческие отношения. Я может быть и ошибаюсь, но мне показалось, что он в 69 году, когда я приезжал в Москву на четыре дня консулом, был как будто внимательнее и любезнее со мной. По всему этому мне хотелось, чтобы он не считал меня вполне от себя зависимым и себе слишком обязанным и чтобы думал, что я и с нашим министерством остался в хороших отношениях.

Он похвалил эту мысль служить в Москве и сказал, что занятиям у него это конечно мешать не будет.

Он назначил мне через несколько дней свидание в грязной своей редакции, и мы расстались. В большой гостиной я увидал с кем-то посторонним моего горбатого однофамильца. Он почти вскочил и подошел ко мне с большим embressement и с улыбкой всегда гораздо более живой и искренней, чем гадкая улыбка его знаменитого коллеги. Я поздравил его с недавним спасением (от револьвера Каткова-брата) и он, повидимому, принял это хорошо [33]. Он мне нравится давно, уже гораздо больше Мих. Н-ча.

Я уехал с Остоженки и еще раз мысленно и в теории изгнал их всех: Mad. Katkow en bête из прекрасного жилища и снова населил его Хитрово, Игнатьевыми, Ону, Нелидовыми, Мурузи (вопреки Цертелеву и Зыбину) [34] и т. д. Все эти люди могут иметь свои недостатки и несовершенства, но это

живое общество, а не ученое, скучное хамство... Эти люди, с которыми дышется легко даже и в минуту распрей.

Теперь я с радостью оставляю редакцию и поговорю немного о других моих встречах в Москве. Иные из них гораздо лучше и занимательнее редакционных дел. Редакции—это кухни, или еще хуже—клоаки, ватер-клозеты литературы. Что делать! теперь без них и поэзия невозможна. Я говорю—теперь, ибо были же счастливые времена, когда столько великого и столько изящного люди создавали и распространяли без помощи ватер-клозетов. Прощаясь, хотя к несчастью и не надолго с Катковым, я замечу мимоходом, что у других редакторов еще обстановка по крайней мере лучше. Напр. редакцию Голоса[85] можно назвать отхожим местом морально, ибо здесь царствует демократическое зловоние самого лукавого и подлого оттенка; но по крайней мере у Краевского[86] в доме хорошо, на банкирский буржуазный манер, на средне-петербургский, но все свежо, очень чисто, просторно, и не без вкуса; и сам Краевский, когда я его видел в 60-х годах, производил какое-то скорей приятное и веселое впечатление неглупого и ловкого вивера. А у Каткова, как я уж говорил, все ужасно серо, криво, косо, грязно и противно...

2

. . . .

Здесь должна следовать глава о других встречах моих в Москве. Эти встречи были, может быть, важны для жизни сердца моего и в смысле воспоминания о прошлом моем (например, встречи мои с несколькими прежними крепостными нашими, которые все были чрезвычайно рады меня видеть), но я пока оставлю это и хочу заняться лишь теми людьми, которые прямо были связаны с литературной моей деятельностью, и теми обстоятельствами, которые меня привели в монастырь скорее, чем я хотел и ожидал.

3

Около этого же времени в редакции Каткова я встретил Федора Николаевича Берга (того, который пишет теперь под именем Боева). Я его прежде в лицо не знал, хотя в 60-х годах мы оба были долго вместе в Петербурге*. Литературно я больше всего познакомился с ним по его Путешествию в «Заре»[87]. Я помню, мне там многое понравилось; во-первых то, что он вовсе не всем восхищается в нынешней Европе и видимо предпочитает остатки старой; вовсе не все ему кажется там комфортабельным и наконец, он даже паспорты русские хвалит; а я тоже рад и паспортам и всему тому, что хоть чем-нибудь отделяет нас от современной Европы, хотя бы это что-нибудь и само было западного источника.

Что касается до мнения Берга обо мне, как о писателе, то он принадлежит к числу тех рассеянных по лицу земли моих почитателей, которых, как я с каждым днем убеждаюсь, вовсе не мало, хотя мне от этого и ничуть не легче в литературном отношении.

В 69-м (кажется) году Берг, встретивши мою племянницу Машу[88] у Кашпиревых[89] на вечере в Петербурге, сказал ей, что он в восторге от статьи моей Грамотность и Народность («Заря»), называл эту статью «высоко-художественной» и собирался даже, не будучи знаком со мной, писать ко мне и благодарить меня за нее. В первые же недели моего приезда в Москву мы познакомились в редакции.

Катков перебрался уже на свою ужасную лестницу в университетской типографии. Я пришел раз туда и увидал, что какой-то высокий молодцева-

* Я и тогда искал личного знакомства с литераторами еще меньше чем теперь.

тый мужчина средних лет свежий, белокурый, немного немецкой физиономии, говорит с Катковым. Потом ко мне подошел кто-то и сказал: «Ф. Н. Берг просит меня познакомить его с Вами». Мы поговорили; потом он зашел ко мне и мы после двух посещений стали как свои люди. Он приехал в Москву по делам на время: он долго прожил в каких-то лесах Олонецкой, Архангельской или Вологодской губерн.; там, говорил он, у него лесопильный завод. Он уехал, повидимому, туда в первых 60-х годах, именно около того времени должно быть, когда все, что любило изящное и поэзию и не успело составить себе положения прежде, бросило в отчаянии искусство, эстетику, бежало из России, умирало, шло в Польшу и т. п. [40], это было то

«КОНСУЛЬСКИЙ ДОМИК» В ОПТИНОЙ ПУСТЫНЕ, В КОТОРОМ К. Н. ЛЕОНТЬЕВ ЖИЛ в 1887 — 1891 гг.

Частное собрание, Москва

время, когда я, промучившись с полтора года в Петербурге, уехал в Турцию, когда Аполлон Григорьев совсем спился с горя [41] и в самом Петербурге пропадал долго без вести, когда Вс. Крестовский поступил в юнкера, скульптор Шредер разбил свои глиняные chef d'oeuvres и бежал в Бразилию [42] и т. д.

Берг сказал мне, что все мои сочинения у него собраны и переплетены особо. Он сказал мне также, что Вс. Крестовский, друг его, в «Русском Вестнике» прежде всего ищет моих повестей [43]. Говорил много и другого в таком же духе.

Он уговорил меня оставить гостиницу Мамонтова и перейти на Тверскую в новую и небогатую гостиницу «Мир», которую держит очень добрая француженка Мад. Шеврие. «Это будет, говорил он, гораздо дешевле и лучше потому, что с ней можно лично сойтись и видеть от нее всякие уступки и внимание». Я ему за это до сих пор очень признателен. Правда, что в тя-

желом моем положении Мадам Шеврие оказалась мне не раз почти другом и чуть не благодетельницей.

Как только я перешел к ней и условился с ней помесячно, так мне стало полегче на сердце и я, не откладывая больше, хотел приняться за работу помесячно для Русского Вестника или Ведомостей.

Редакцию Каткова понять не легко. Редактором Вестника напр. считался профессор физики Любимов [44], главным распорядителем по Ведомостям — некто Воскобойников [45]. А между тем Любимов, кажется, ничего не значит, на Каткова влияния имеет мало и точно всех и всего боится. Когда мне приходилось говорить с ним о наших делах и счетах, он все жался, кидался куда-то, стыдился, не кончал фраз, или кончал их испуганным шопотом каким-то и ни минуты не держал головы покойно, а, избегая встречи глаз, все вертел шею туда-сюда. Маленький, серый, бледный, гладко выбритый, испуганный, он с своими дюжинными речами может служить образчиком этой современной умеренно-прогрессивной, умеренно-либеральной дряблости, мелкой учености и жалкого бесцветно-профессорского джентльменства новейшего времени, которого я терпеть не могу за его бесхарактерность.

Кривой, старый хохол и хитрый кутейник Бодянский [46], который живет как часы или как Кант, мне гораздо больше нравится.

Что касается до Воскобойникова, то он не так боязлив, повидимому, как Любимов, но сказать, что он такое с своими усами — еще труднее. Так что-то такое нынешнее, скучное.

Я слышал, что он хороший исполнитель у Каткова, но сам ровно ничего не значит.

Катков сказал мне, что определенного жалованья помесячно давать нельзя, ибо нельзя знать, какая будет нужна работа. «А работа для Вас всегда найдется у нас»: сказал он еще раз. «Можно будет политику Вам поручить». Он сказал мне, чтобы я поговорил с Воскобойниковым, не найдет ли он мне дела в газете. Легко сказать у них: «поговорите с тем-то», но где и когда? Все они до того спешат, до того озабочены, что только добиваться встречи и разговора, и то уже какая-то унизительная мука для человека, непривычного к суетам и нытью литературного пролетариата.

Я раза два-три просиживал в редакции по несколько часов; работы мне никто никакой не предлагал; я думал, что у них будет так же как у нас в министерстве или в посольстве. Пришел человек 1-й, 2-й раз на службу; сейчас ему дают работу и он спокоен, и дело идет. Он скоро может представить доказательства своей аккуратности, прилежания, ума. Но я напрасно ждал неделю, напрасно просиживал в редакции, теряя время, дорогое мне для романов и больших статей, целые утра. Все секретари и мелкие сотрудники, корректоры, ломовые чтецы иностранных газет, разные художественные фигуры, молча что-то умеренно-прогрессивное мыслящие в углах, знали свое дело, а я все не узнавал и никто мне его не указывал,

Скучный Воскобойников с усами, у которого я наконец имел счастье просидеть около часа в кабинете, сказал мне так: «Трудно теперь найти такое занятие, которое давало бы рублей 200 в месяц. Но прежде всего советую Вам иметь инициативу; тот из сотрудников, кто сам задумал написать что-нибудь для газеты или журнала, не обратится к Вам, а предложит Каткову свои собственные услуги».

Я задумался немного и сказал ему: «Не написать ли что-нибудь по поводу «Складчины», которая была издана в пользу Самарцев [47]. Хотя это и не новость, но я только недавно прочел ее и меня поразило в этой книге вот что: все, что в ней история, воспоминание, правда, то представляет русскую жизнь скорей в хорошем виде, чем в дурном. Все, что в ней вымысел, творчество, носит отрицательный, грубый, насмешливый или плоский характер. Это замечание я сделал уже давно; я уже давно говорю, что если французская литература ищет всегда возвысить тон и краски изоб-

ражаемой жизни, то русская, напротив, никак не может даже и до реальной жизни дорасти. Сначала Гоголь приемами, а революционеры позднее и настроением точно будто атрофировали, заморозили нас, подстригли нам крылья, и в этой книге «Складчина» из очерков и повестей только и есть две неотрицательных; Кохановской — Кроха словесного хлеба[48] и Тургенева — Живые мощи. Да и то «Живые мощи» очень грустны. Это вопрос очень интересный и капитальный; в такой статье можно коснуться кратко всей нашей литературы за последние 20—30 лет. Не надо называть статьи «О Складчине», а по поводу книги «Складчина». Воскобойников сказал: «Это правда, что в этом смысле много можно интересного сказать. Но эта статья будет велика, ее надо в Вестник, а в дела Вестника я не мешаюсь. Там г. Любимов; поговорите с ним; я не имею там влияния. Он другое дело, он профессор, генерал, действительный статский советник. Поговорите с ним».

Кончился Воскобойников.

Опять Любимов. Надо было дня два-три бегать по Москве искать его. Все это еще в первые две-три недели после моего приезда: где ж мне было примениться к тому, когда и где всех этих людей застать.

Наконец, просидевши часа три в лицее П. М. Леонтьева, я там уловил эту ускользающую серую штучку — Любимова. Он всегда очень любезен, впрочем; сел со мной в сторонке и когда я сказал ему о «Складчине», он одобрил и отвечал: «Одиссей ваш, я думаю, скоро будет набираться; я полагаю, что можно будет пустить его в следующей книжке (в ноябре) и когда будет к сроку и эта статья готова, то кажется, что можно и ее в той же книжке напечатать... Тем более, что вы подписываетесь под статьями Константинов. Вот как будто два лица!»

Я успокоился и хотя денег у меня оставалось уже очень немного, но я надеялся, что можно будет сделать так, чтобы новые мелкие работы шли на прожиток, а Одиссей, Болгарский вопрос, Матвеев[49] (если мы, наконец, сойдемся в этом с редакцией) — служили бы на погашение долга в 4000 рублей, который накопился за два года мои в Царьграде, благодаря неаккуратности редакции в ответах на мои письма и телеграммы, благодаря моему увлечению восточной политикой и моей любви к церкви.

На другой день я заплатил 3 рубля за «Складчину» и сел писать.

4

До сих пор я говорил все об отношениях моих к Каткову и Леонтьеву. Но я знакомился и имел дело в то же время и со многими другими лицами. С Погодиным, И. Аксаковым[50], кн. Черкасским[51], Самариным[52], В. С. Неклюдовым[53], позднее с Бодянским и княг. Трубецкой, к которой у меня было письмо от кн. А. М. Голицыной.

Любопытно вот что: у Каткова я был какой-то пролетарий, труженик, подчиненный, должник неоплатный, ищущий еще денег, человек, бывающий только по делу. У других я был гость, консул на Востоке, у Погодина даже замечательный человек, почти авторитет по делам Востока.

Когда я виделся летом с Погодиным, мне достаточно было сказать ему: «Я писал также статьи о панславизме под именем Константинова»[54], чтобы он оживился и воскликнул: «Так вы бы сразу и сказали! Помилуйте, я старик больной, умирать каждый день собираюсь. Время сочтено. Но теперь, когда я знаю, кто вы именно, я готов с вами сколько угодно сидеть».

Вскоре после приезда моего в Москву, я поехал к нему на Девичье Поле. Он принял меня опять очень внимательно, и попросил меня изложить вкратце, но не спеша, мою теорию вторичного упрощения. Я заметил ему на это вот что: «Вы, кажется, были всегда против аристократии

и привилегий: а у меня, даже вовсе неожиданно для меня самого, вышло заключение в пользу аристократии и привилегий».

Он сказал, что научные взгляды меняются и что он мог и ошибаться.

Я начал ему излагать свою систему. Пришлось, беспрестанно удерживая себя от увлечений и подробностей, говорить подряд, я думаю, час если не более.

Вот тут я увидал, что значит долгая привычка ко вниманию и умственному труду. Этот больной старец во все время не сводил с меня глаз, не перебивая, не шевелясь и все слушая. Глаза его не выражали ни малейшего утомления; они все были светлы и внимательны.

Сколько бы из моих очень умных и молодых друзей и приятельниц стали бы невнимательны, или зевнули бы не от скуки непременно, а от телесного утомления, или начали бы перебивать, сбивать и спорить, не постигши еще хорошо сущность мысли.

Впрочем тут много значит еще и то, кто говорит. Когда говорит человек с авторитетом, человек уже известный, его слушают и самобытные люди внимательно, хотя после могут и бранить его.

С в о й б р а т, товарищ, приятель — не то! А для самих авторитетов, для людей, имеющих имя в науке и литературе, свежий новый человек иногда гораздо дороже тех стародавних знакомцев общего дела, друзей и противников, с которыми они знаются и видятся, может быть, уже десятки лет сряду.

Когда я кончил так, чтобы стало ясно, я спросил у Погодина, что же он думает о моей исторической гипотезе. Он отвечал, опуская голову и пожимая плечами: «Что вам сказать! Я так подавлен обилием и разнообразием ваших мыслей, что не нахожу вдруг вам и ответа». Потом он начал говорить о том, о чем говорил еще летом, о том, чтобы сделать меня редактором славянофильского журнала и написал тут же И. Аксакову записку, в которой рекомендовал меня и дал мне ее прочесть. Насколько помню, в ней было сказано так: «Это человек примечательный: он мог бы, я думаю, стать редактором Славянофильского журнала; но мне кажется, е г о н е о б х о д и м о п р и д е р ж и в а т ь з а п о л у». Я посмеялся, поблагодарил его и поехал к Аксакову.

Прибавлю еще вот что. Погодин говорил мне о состоянии нынешней литературы; жаловался на то, что чем дальше, тем хуже. Говорил, что цензура совсем не то преследует, что вредно и опасно для общего духа и хода дел, а то, что не нравится некоторым лицам; рассказывал, что Ив. Аксаков ч е л о в е к з а б и т ы й э т о й ц е н з у р о й, что он иногда з а п и р а е т с я и п л а ч е т[55]. А нигилистам, если только они осторожны, житье.

Он жаловался также на классическое воспитание Каткова и Леонтьева, в том смысле, что древним языкам дано уже слишком много часов; что русский ум не немецкий; он может в один час сделать много, а если долго держать его над чем-нибудь, то он утомляется, а немецкий ум выдерживает дольше и т. д.

Молодые люди, утомляясь, бросают и и д у т в н и г и л и с т ы, так что мера эта, направленная противу нигилизма, к несчастью, способствует ему[56].

Он прибавил еще: «Катков и Леонтьев, благодаря своим успехам, сочли себя непогрешимыми; это маленькие Папы. Но все таки... их журнал пока остается прибежищем и я сам печатаю иногда у них и прямо говорю им: я оттого отдаю вам, что нынче негде печатать».

Каково состояние российской словесности? И не прав ли я был, говоря, что это все пошлость п р о г р е с с а и либеральности.

Посмотрим, что скажет Аксаков, «этот поп-стрелец» по прозванию Герцена. Оказалось, к несчастью, что он гораздо меньше поп, чем...

Надо заметить, что он меня не знал, но я его знал давно. Я его знал

во-первых в Калуге, когда он в 4-х годах, во времена губернатора Смирнова (мужа знаменитой Россет) служил там в Уголовной Палате. Он нанимал флигель в доме родных моих Унковских и бывал у них часто [57]. Я тогда был гимназистом, но уже интересовался литературой и смотрел на него с большим почтением, хотя ничего не прочел из его сочинений [58]. Потом мы случайно встретились в Крыму в Тамаке, имении Иосифа Николаевича Шатилова, и провели вместе там три дня. Аксаков был ополченцем, а я военным врачем; он участвовал тогда в комиссии Васильчикова для исследований всех злоупотреблений, совершившихся во время кампании, и рассказывал много интересного. Гимназистом он меня не помнит, но наша встреча в Крыму пришла ему на память [59].

Я имел мало времени и хотел скорее дать прочесть кому-нибудь из славянофилов 1-ю часть моей книги «Византизм и Славянство».

Поэтому я приехал к Аксакову в 5 часов, во время самого обеда. Когда слуга сказал, что кушают, я велел все-таки доложить и прибавил, что мне лучше в прихожей просидеть полчаса, чем 20 раз приезжать.

Аксаков вышел сам, не совсем, конечно, довольный и вежливым жестом, в котором дрогнуло, впрочем, весьма понятное раздражение, указал мне на дверь кабинета и просил посидеть там, пока он кончит обед.

Я сел в кабинете, закурил папиросу и ждал его долго. Наконец он пришел и, не говоря ни слова, начал искать на столе сигару. Я, тоже продолжая курить, сказал ему так:

«Мне надо извинить, если я приехал не во время. Во-первых, я спешу, а во-вторых я прожил в Турции 10 лет, а в Москве жил около 20-ти тому назад: я не знаю, в какое время здесь кто обедает.

— Обыкновенно здесь обедают в 5 часов, отвечал Аксаков.

— Да, в известном кругу, может быть, сказал я: а у меня есть дела с людьми разного рода и еще 20 лет тому назад люди одного и того же общества обедали кто в три, кто в четыре, кто в пять часов.

Аксаков сел около меня на диване и довольно благосклонно и внимательно спросил, в каких городах я был консулом? Потом спросил еще: «Ведь это вы печатали повести из восточной жизни?» Я сказал: «да» и еще я напечатал у Каткова 2 статьи о панславизме, под именем Константинова».

Его как будто что-то кольнуло, он поддался вперед и с живейшим участием воскликнул: «Ах! это вы Константинов!!» После этого любезность его удвоилась и приняла даже тот чуть заметный оттенок почтения или уважительности, который умеют придать, не роняя себя, и возвышая собеседника своим словом и приемом, порядочные и светские люди, когда хотят доставить ему удовольствие или когда повинуются сами невольному чувству.

Я постарался передать в точности наш разговор для того, чтобы видели люди, кто из нас прав и кто виноват в том, что мы впоследствии не сошлись.

Я начал с того, что сказал ему прямо так:—Я вышел в отставку вовсе не по разладу с начальством; напротив того; я рискнул приехать сюда, потому что нет никакой возможности печатать и издавать в России что-нибудь за глаза. Конечно, можно сказать, что я поступил нерасчетливо, но и это решит только будущее. Найдутся, может быть, справедливые люди, которые поймут мое положение и поддержат меня.

Он очень заботливо расспросил меня о моих отношениях с Катковым, и я сказал ему, что по вине самой редакции я задолжал ей около 4000, что дело с ним имею поневоле; ибо другого журнала нереволюционного нет и т. д. и прибавил:

— Поймите, зависеть от Каткова вовсе мне не по душе, потому что я его умеренному европеизму не сочувствую. Для меня Мордва милее Европы.

Аксаков очень искренно и сочувственно засмеялся и сказал: «Еще бы! Я это понимаю!»

Я донес ему еще на Каткова, что еще в 69 году, когда я приезжал из

Турции в отпуск, он, видимо стараясь подчинить меня больше своему направлению, сказал:—Мне, признаюсь, претит одно это ваше славянофильство. Славянофильство какая-то гримаса, больше ничего. Пусть сама жизнь вырабатывает эти оригинальные формы, а прежде времени учить нас, это доктринерство.

Аксаков, с пренебрежением улыбаясь, слушал этот донос мой, который я излагал всласть, ибо терпеть не могу и западный прогресс и разжижженное англо-саксонство Вестника, и самый характер Мих. Н—ча, его фальшивую улыбку, его сухость, раздражительность, доходящую до грубости и т. д.

Слово за словом я сказал Аксакову о книге моей «Византизм и Славянство», просил его прочесть ее в рукописи и, если можно, найти возможность напечатать ее.

Таким образом мы заговорили прямо о славянах, о славянофильстве, о болгарском вопросе.

— Вторая часть моей книги, сказал я, чисто практическая, она написана противу болгар, которые и нравственно и канонически не правы. Эту часть Катков напечатать не прочь с сокращениями. Но в книге есть другие отделения: «О психическом характере греков и юго-славян», и еще вот та система особая, о которой я не говорю потому, что вы сами прочтете и увидите.

Он стал меня расспрашивать о болгарах и я ему сказал между прочим вот что:

— Многие у нас воображают себе болгар какими-то жертвами и только. Людьми невинными, патриархальными; но надо видеть самому вблизи этих болгарских вождей-буржуа... Какое-то противное соединение Собакевича с Гамбеттой [60].

Я ему рассказал, что знал об этих богатых старшинах и вождях юго-славизма, о том напр., как иные из них, обитающие на о. Халках [61], ездят каждый день по делам в Константинополь и на пароходах сидят все время в 1-м классе, а в ту минуту, когда идет человек сбирать плату за места, умеют почти всегда исчезать и оказываться в низшем классе, чтобы платить дешевле, тогда как и вся плата ничтожна.

Он много смеялся этому. Я описал ему также, как болгарский архонт Топчилешта, здоровый болгарский Собакевич, идет по улице с базара и несет сам подмышкой огромную связку лука, как этот скучный рябой Бурмов, корреспондент Каткова, покупает вишни и торгуется и как грек лавочник восклицает: «Плохи вишни! Да где ты видел такие! Сказано болгарская голова!» и блестящий корреспондент в высоком цилиндре поспешно уходит.

Я прибавил вот что: «Если бы Топчилешта был старик в восточной одежде, в шальварах и нес бы сам лук по улице, несмотря на свое богатство, то впечатление было бы совсем иное... Он внушал бы симпатии и уважение. А когда видишь эти нескладные, дурно сшитые сюртуки, когда слышишь все эти вычитанные из западных книг фразы о просвещении, о равенстве и свободе... то видишь перед собою вовсе не того почтенного славянского патриарха, которого желал бы видеть и чтить, а так какого-то обыкновенного буржуа, только грубее и глупее европейского».

Аксаков слушал все это улыбаясь и одобрительно. Я чувствовал, что все, что я говорю, ему приятно. Мы долго говорили. Я сказал ему искренно о моих отношениях к Каткову то же, что говорил и Погодину, то есть, что больше негде и что иметь дело с Катковым очень тяжело, потому что надо во всем беспрестанно стесняться, когда пишешь не повести, а статьи.

— «Да! Я это понимаю, понимаю», сказал Аксаков с выражением особенно интимным и сочувственным в лице и голосе...

Я сказал ему еще кое-что о славянофильстве: мне хотелось проверить самого себя. Я так долго жил и мыслил в уединении турецких провинций,

что почти все мои мысли о славянах, Европе и Востоке создались и созрели беспомощно и независимо; в книгах даже был недостаток, а беседы и споров с настоящими, признанными авторитетами того учения, к которому я себя причислял, совсем у меня не было.

Я сказал ему вот что (именно то, что я говорю и в тех статьях моих, которые находятся теперь ненапечатанными по разным рукам и в других еще неоконченных):

— Я не раз думал и говорил друзьям и знакомым своим, что в славянофильстве не столько сами славяне важны, сколько то, что в них есть особенного славянского, отделяющего нас от Запада... И что славянофил истинный не славян во что бы то ни стало и во всех формах должен любить, а именно это особое культурно славянское... Если только оно найдется или выработается... Вот в чем задача... А что же толку в славянстве ради славянства, политическая сила и больше ничего... И то еще вопрос — будет ли сильно это всеславянство, если оно не будет оригинально, если у него не будет своих особых от Европы принципов [62]... — Разумеется нет, сказал Аксаков...

Я продолжал:

— Я часто думал также, если бы Хомякова или Киреевских или брата вашего [63] поднять из гроба и спросить у них по совести, что лучше: слияние русских с югославянами и неизбежная при этом утрата последней культурной оригинальности, отделяющей нас от Запада, или союз, сближение, смешение даже с турками, тибетцами, индусами какими-нибудь, чтобы только создать что-нибудь свое особое, органическое под их воздействием, хотя бы косвенным,—то все прежние славянофилы предпочли бы этих азиатцев — славянам. Дело в своей культуре, а вовсе не в славянах.

Опять выражение одобрения, опять: «ну, разумеется!», опять как бы радостное покивание главой.

Я прибавил еще: «К сожалению, я напрасно ищу чего-нибудь особенно славянского, сильно выраженного у славян. Я начинаю разочаровываться не в самом учении, а в славянской жизни, которая не хочет итти по этому пути...

Аксаков: «Славянофилы надеются, что сближение всех славян между собою — послужит к выработке этих особенностей».

Я: «А если это сближение с югозападными славянами приведет нас к тому, что мы еще скорей сольемся с Западной Европой, тогда что?..»

Аксаков: «Ну, тогда все пропало!»

Я обрадовался и успокоился; я увидел, что я верно понимал славянофилов и потому могу смело рассчитывать на всякую от них помощь. Я прошу моих друзей внимательно перечесть этот разговор и сравнить потом, когда дело дойдет до практических приложений этих взглядов, мою прямоту и последовательность с лицемерием или непоследовательностью Аксакова.

Итак на первый раз он был более чем любезен со мной; он пригласил меня бывать у него по четвергам, вечером.

После того, в течение этого октября, в который решилось для меня столькое, мы виделись несколько раз. Дня через два после моего первого посещения, Аксаков сам заехал ко мне, не застал меня дома и оставил карточку с надписью, что четверги его начинаются с будущей недели.

Мне хотелось, чтобы кто-нибудь из славянофилов прочел первую часть моего труда «Византизм и Славянство», ту теоретическую часть о триедином процессе развития, которую отверг М. Н. Катков, отзываясь, что в таких вещах можно как раз договориться до чортиков *. Рукопись моя,

* Эту любезность Катков сказал мне еще летом. Он в этот день был нездоров, принимал лекарство и, вдобавок, кажется, рассердился на меня за похвалы Герцену. Я сказал: «надо благодарить Герцена уже за то, что он перестал верить в прогресс и смеялся над ортодоксией революции».

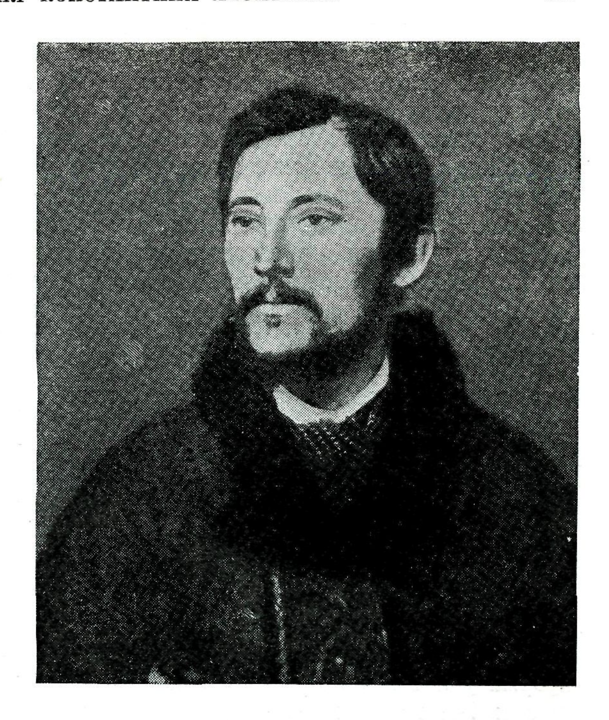
черновая, как всегда была ужасно дурно написана, ибо я трудился над нею через силу во время палящих Босфорских каникул и только живость моего чувства и нестерпимая буря накопившихся мыслей могли через силу бороться с гнетущим жаром южного лета. Старик Погодин был нездоров, глаза его и без того утомленные постоянной работой над собственными сочинениями, воспоминаниями и т. д., отказывались решительно разбирать мои иероглифы. Погодин, чтобы я верил ему, вынул из ящика тетрадь мою и при мне бился-бился и не разобрал почти ни одного слова.

— Вот видите, сказал он мне, пока доберешься до смысла другого слова, потеряешь всю нить мысли. Что делать, я стар: мне 76 лет. Собираюсь в дальний путь... Своего труда бездна. Хочу привести все бумаги свои в порядок. Смерть может притти невзначай. Отдайте прочесть это кому-нибудь помоложе; Аксакову напр. Я ему напишу еще, если нужно. Ему напечатать негде; у него журнала нет; но если он не придумает для вас ничего лучшего, я напишу Бодянскому. Он напечатает у себя в Чтениях, только даром и даст вам для отдельной продажи 300 экземпляров. Можете все-таки что-нибудь и деньгами приобрести. Верьте, что я с радостью все, что могу, сделаю для вас. Нам нужны такие люди, как Вы, умные, просвещенные, мыслящие и... (он приостановился) и благородные... А мысли ваши я уже довольно хорошо понял из вашего словесного изложения в тот раз. Я сделаю все, что в моих силах. Напишу еще Кошелеву[64], не хочет ли он дать деньги на журнал и сделать вас редактором. Если же вы не найдете места напечатать, отдайте мне рукопись... я прочту не торопясь, приберу в свой стол, сделаю свои замечания; если в мыслях ваших есть правда, они не пропадут для людей. Найдут в моем столе по смерти моей.

Энергичный старик исполнил все свои обещания, и вспоследствии (когда я уже был в монастыре) показывал мне ответ Кошелева, который отказался от этого плана потому, что с «нашей цензурой» и т. д. Он и так на Беседе потерял, говорят, около 30000. Предложение Погодина заставило, я помню, меня задуматься. Не об редакторстве, ибо я дал себе слово не искать его, и согласиться на него только при самых выгодных условиях денежных и нравственных (напр., чтобы сейчас же бы заплатили за меня братьям хоть по 1500 р. с. каждому и хоть половину моих турецких долгов, назначили бы мне 3000 годового содержания и дали бы полную свободу печатать как хочу и что хочу!); нет, я задумался о том, так ли я близок к славянофилам, как мне казалось... или нет?... Не ошибается ли Погодин, думая, что меня можно сблизить напр. с Кошелевым, которого политические взгляды возмущали меня еще в Турции своей бесцветно-крикливой либеральностью. (Напр. «Что нам нужно?» в «Беседе». Пошло до нельзя!) Надо допустить что-нибудь одно: или что между известными и московскими славянофилами есть значительная личная разница, не только в характерах, как бывает всегда, но и во мнениях; или, что предметы, о которых писали Аксаков и Хомяков, были большею частью таковы, что в них меньше выражалось то, что могло меня отталкивать от них, а у Кошелева по роду статей именно разрастались те черты, которые мне вовсе не сочувственны. Оказалось последнее; и я через несколько месяцев яснее понял, что и на почве государственной, чисто политической и даже (вот что неожиданнее!) и даже на почве церковной я со слишком либеральными московскими славянофилами никогда не сойдусь. Ибо я убедился и узрел очами своими, что если снять с них пестрый бархат и парчу бытовых идеалов, то окажется под этим приросшее к телу их обыкновенное серое, буржуазное либеральничание, ничем существенным от западного эгалитарного свободопоклонства не разнящееся.

Но пока вначале, я это только чуял на мгновенье, не сознавая наглядно; взял у Погодина рукопись мою «Византизм и Славянство» и отослал Аксакову.

К. Н. ЛЕОНТЬЕВ
Фотография 1860-х гг.
Частное собрание, Москва



В первый же четверг я пошел к Аксакову нарочно пораньше немного, чтобы застать его еще одного. Я хотел иметь время выслушать его мнение о моем сочинении.

Он прочел около половины, и оно видимо произвело на него сначала недурное впечатление.

Вот что он мне сказал:

— Ваша статья очень оригинальна и остроумна. Если бы у меня был журнал, я бы непременно ее напечатал с некоторыми замечаниями. Ваши взгляды на славянство большею частью верны. «Славянство есть и оно очень сильно; славизма нет». Это правда. Хотя и есть что возразить. Напр., вы представляете Россию в виде какой-то индиферентной почвы, на которую действует (или над которой работает) Византизм... Но, однако, есть и у России нечто свое и на церковной почве. Так, напр., у нас теперь заботятся о том, чтобы священников избирали себе сами приходы. Приход — единица, которую Византия почти не знала [65]. Византия заботилась о крупных массах, о племенах и т. д.

Он говорил еще что-то в этом роде. Можно было бы многое возразить на это; хотя бы то, что именно племенного-то начала в Византии и незаметно, все племена без различия сливались в одной идее, в православии. И еще что в Турции давным давно и селяне и горожане имеют большое влияние не только на избрание священников, но и епископов. Трудно и теперь епископу греческому удержаться долго на месте, если жители его не пожелают, и им всегда есть возможность писать в Патриархию жалобы. Патриархия редко не уступает. При мне подобным образом пало несколько епископов (Янинский Парфений, Адрианпольский Кирилл, один Салонский и друг.) В цветущие времена Византии, насколько мне известно, жители выбирали сами себе священников, а духовная власть утверждала их. Есть даже особая книжка Иоанна Златоуста о священстве, где он объясняет, почему он отказался от сана иерея и скрылся, когда его хотели прихожане избрать. Из нее и из многого другого видно, что избрание народом иереев

дело вовсе не новое, не русское и если уж искать у нас оригинальности (увы! с фонарем или микроскопом!) то скорее все-таки в прошедшем нашем, как оно ни было бесцветно сравнительно с прошедшим миров истинно культурных, а никак не в настоящем и не в близком будущем...

Напр., наше наследственное родовое левитство священников, наши приходы, отдаваемые в приданое за старшими дочерьми умерших попов; наши семинарии, наши епископы, обремененные орденами, и все-таки чрезвычайно влиятельные по своему, твердые, часто даровитые и несмотря на ордена иногда и святые по жизни (напр. Филарет Московский); наши белые клобуки митрополитов с алмазами...[66].

Все это не похоже ни на католичество, где все духовенство безбрачно, ни на протестантство, где вовсе нет черного духовенства (а все с е р о е с оттенком кабинетной профессуры), ни на Византию, где не было ни наследственности, ни орденов на разноцветных лентах, ни белых клобуков, ни родовых исключительно духовных семинарий.... где все в этом отношении было либеральнее, эгалитарнее, подвижнее. Увы! до Петра I мы были слишком похожи на Византию, с Александра II-го мы становимся слишком похожи на Европу (не на Францию, не на Англию или Германию, а именно на Европу), на какую-то средне пропорциональную Европу, не берусь решить — на нечто худшее, или на нечто лучшее частных западных цивилизаций... Но, конечно, на нечто еще более нынешнего Запада опошленное и бесцветное. И мне даже кажется (и я боюсь этого), что каждая церковная реформа у нас в духе первых веков православия, имеющая в виду приблизить нас к 1-м векам христианства, вместо этого приблизит нас еще больше опять-таки к той же Европе, посредством сочетаний, которые можно даже и предвидеть. Выборное начало, всеобщее голосование, то suffrage universel, на которое сами славянофилы так строго нападают, когда оно приложимо к высшей политической жизни (см. биографию Тютчева Ив. Аксакова. Москва, 1874), на западе везде торжествует и, заметим, не в той форме корпоративно-феодальной, которой организация Великобритании обязана до сих пор своим величием, а в растрепанно-индивидуальном, в каком-то бесцветно личном виде. У нас оно вводится также постепенно повсюду: в земстве, в мировых учреждениях и т. п.: у нас уничтожены почти совсем наши сословные корпорации и чисто денежный и ученый ценз fait la pluie et le beau temps* в губернских маленьких конституциях, пока не пришел период еще октроировать центральную законодательную земскую думу на основании тех же западно-буржуазных начал: кошелька и университетского диплома (одинаково способных быть уделом пошлости, бездарности и низости).

В постройку церковной администрации нашей внедряется мало-по-малу со всех сторон светское начало: семинарии желали бы вовсе уничтожить; их видоизменяют глубоко, находя, что прежнее духовенство наше имело слишком мало благотворного влияния на народ и высшее общество вследствие замкнутости своей, его хотят всячески сделать более светским, забывая, что если духовенство, воспитанное попрежнему, не влияло особенно благотворно на мирян, то оно же и само трудно подвергалось тлетворному воздействию последних, не легко уступало им; просто не понимало — чего образованные миряне хотят?.. А непонимание есть часто средство несравненно более верное для предохранения людей от какого-нибудь влияния, чем то, слишком высокое понимание, на которое к несчастью рассчитывают нередко мыслящие и очень ученые люди, судя ошибочно по себе, по своему уму и знанию целые толпы и массы народа. Гораздо легче недойти до того среднего понимания, которое так

* Делает хорошую и худую погоду [.—*С. Д.*].

вредно, чем перемахнуть через него. Именно это-то среднее, дурацкое, опасное понимание (или так называемый здравый смысл) доступно большинству.

Избрание священников по приходам, избрание самих епископов епархией (которое даже «Русский Вестник» давно предлагает), новые духовные суды, ограничивающие власть епископа коллегиальною властью женатых попов, уже потому что они женаты, более близких к общему уровню; нападки на монастыри (пока еще в печати и в разговорах, но мы уже узнали за эти 10 — 15 лет, до чего у нас скоро всякое слово теперь становится делом); все это те признаки вторичного смесительного упрощения, о котором я говорю давно: самое стремление обратить все штатные мужские монастыри в общежития, есть во 1-х соединение путей, упрощение картины; это раз; а во 2-х в сущности это мысль крайне лукавая и лжебогомольная. Говорится, будто бы духовное начальство (т. е. обер-прокурор) фрак-граф, буржуа, «маркиз по виду ты и хам по убежденьям» заботится о благочинии иноческом, о том, чтобы монашество было более строго, чтобы аскетизм был выше; а в сущности выходит только стеснение монашеству, ограничение его; не всякому под силу жить под деспотизмом киновий, а жить хорошо можно и в штатном. Люди знающие говорят, что в штатном Новом Иерусалиме, под Москвой, у архимандрита Леонида живут монахи лучше чем напр. в киновиальной Угреше, где как слышно, сам настоятель о. Пимен сознается, что он может устроить прекрасный монастырь, но не умеет создать монахов[67].

Итак все реформы и в церковной сфере, все течение мыслей даже у славянофилов, повидимому столь церковных, мнения ученых мирских попов, либеральные фокусы-покусы властей и т. п. при грубейшем непонимании всего этого нашей публики, все это доказывает одно: дух уже повеявшего на общество вторичного смешения и расстройства есть такой Протей, который принимает всевозможные формы и обманывает даже очень умных и даровитых людей, принимая где нужно и православный лик для разрушения прежних порядков. Все эти возвраты к давнему и более свободному прошлому своей церкви, своего государства, вечевые реставрации и т. п. крайне обманчивы; совершаясь вовсе не при тех условиях, при которых жила древность, они приводят вовсе не к тем результатам, к каким приводили свобода и равенство первобытные. Другое дело было избрание епископов и священников в 4 и 5 веке, когда придворные дамы спорили по вечерам об исхождении св. духа, или теперь, когда в избрание епископа непременно вмешаются Лохвицкие, Максимовы, Краевские, Плевако и т. п. люди[68].

Иное дело децентрализация Франции в эпоху феодальную; иное дело поздняя попытка Бриссотистов сделать провинции более свободными от Парижа; если бы Робеспьер их не казнил, и если бы они успели в своем предприятии, то Франции не было бы и следа теперь. Ее попридержала на полвека в славе только одна централизация[69].

Менять и меняться не только надо, менять и меняться неизбежно: но тот кто меняется к цветению — расслояет и дисциплинирует, напр. подобно Петру; и если православию суждено еще расти и цвести в России и в славянстве, то не в таких пустяках, как избрание приходом священников или неизбрание их, найдет оно себе пищу и уважение, а напр. хотя бы в чрезмерном возвышении царьградского епископского трона после взятия нами Босфора, ибо тогда на этом троне не будут греки и только греки, а будут православные разных племен. Я говорю об этом административном, но не догматическом папизме во второй половине моей книги «Византизм и Славянство», которую я теперь должен был отделить под особым заглавием: «Еще о болгарском вопросе».

(Как бы ахнул, я думаю, Аксаков, когда бы прочел еще и эту часть; но он ее не видал и она сперва валялась у Каткова, а теперь валяется в редакции «Русского Мира», которого редактор Ф. Н. Берг все сильно сочувствует и сочувствует, но как-то слабо содействует и содействует.)

На вечере своем при других Аксаков был очень внимателен ко мне. Он со всеми знакомил меня, говоря: «Такой-то, бывший 10 лет консулом в Турции, тот самый который»... «Панславизм и греки» ...под именем «Константинова»... И. опять... «Такой-то... Панславизм и греки... Консул в Турции... Константинов».

Были на этом сборище кн. Черкасский, Самарин, не Юрий, а другой (его брат, кажется; красивый, хотя и рыжий), был некто Васильчиков, очень distingué * с добрым и радостным выражением лица [70], был еще один высокий, плотный, энергичный мужчина с темной эспаньолкой, никак не могу вспомнить, кто он. Важный и самоуверенный; но по моему мнению он говорил все вздор и так сухо и пусто, что я даже и забыл о чем именно. Была очень красивая, хотя уже не молодая женщина графиня Баранова (сестра Черкасского (такая же брюнетка азиатская, как и он) [71]; были еще два хамоватых человека, оба как-то на одно лицо; один повыше, а другой пониже; я узнал, что один из них тот Барсов, который писал против епископской власти и в пользу поповских судебных конституций [72]. (Еще Елагин возражал ему очень хорошо [73].) Был, наконец, и этот жирный расхлебеня, ученый и ограниченный мужлан Нил Попов [74], к которому наилучшим образом прилагается то, что я сказал о разных болгарских Топчилештах — Собакевич в соединении с Гамбеттой. Он кажется очень доволен своей судьбой, своим животом, скучной неумной ученостью и тем еще, должно быть, что у него старые его штаны все вылезают из под жилета и что все у него оттуда видно...

Князя Черкасского я здесь в первый раз увидел; дома я его не застал и оставил у него карточку с письмом княгини Голицыной. Он был очень любезен и как-то весел со мной; на энергическом татарском лице его была постоянно вполне естественная, веселая улыбка, глаза ужасно хитрые. Расспросив кой-что об Игнатьеве и о княгине Голицыной, он сел против меня и очень вежливо и почти дружески тотчас приступил к строгому разбору моей статьи «Панславизм и Греки», говоря, что она написана прекрасно и потому именно одно время кто-то из их круга и сбирался на нее отвечать; но какие-то обстоятельства помешали.

Я защищался и оправдывался как умел.

Все слушали наш диспут, очень покойный и благосклонный.

— «Итак славяне по-вашему для нас опасны, а греки наши естественные союзники. С точки зрения правительства нашего вы правы; оттого-то ваша статья и понравилась им в Петербурге...»

(Говоря это, князь Черкасский все лукаво поглядывал на Аксакова.)

— Я потому не забочусь о славянах, что и без меня есть кому говорить много о пользе сближения с ними; что ж мне делать, если я боюсь все-славянской демагогии и если я нахожу, что и для славизма необходимы охранительные начала.

Князь Черкасский заметил на это:

— Охранительные начала есть разные. Если я буду напр. потворствовать константинопольскому патриарху, то еще понятно, что это может назваться поддержкой тех охранительных начал, которые нам свойственны; но охранение папства, напр., может служить поддержкой революционных сил в России. Или если вы, напр., не сочувствуете теперешнему status quo, т. е. реформам так называемым либеральным, то вы скорее революционер, чем охранитель.

---

* Изысканный [.—С. Д.]

Я отвечал на это, что не имею такой привычки, как он, к публичным прениям и потому, может быть, не сумею хорошо поддержать против него свои мнения; что статья «Панславизм и Греки» очень мала, но если мне удастся напечатать то, что я теперь привез с собой, тогда будет, я надеюсь, виднее, почему именно я вообще опасаюсь западных и южных славян и в особенности болгар в церковном вопросе...[75].

В той статейке, о которой он говорит (прибавил я), я не мог и развить вполне мою мысль потому что я знал, что пишу для Каткова...

Князь Черкасский с улыбкой пожал плечами и сказал: «А! мы этого и знать не обязаны! Мы судим только напечатанное...»

— Вы правы с вашей точки зрения, сказал я, но и я имею свои оправдания и, повторяю, многое может быть станет яснее, если я напечатаю другие мои вещи... Тут есть система, верная или нет, но только совсем особая, которую я теперь объяснить не могу... сказал я.

Все, даже и обе дамы (Аксакова[76] и Баранова), молча слушали нас; я не хотел больше продолжать спор, который по вышеизложенным причинам был мне вовсе не выгоден, но остался очень доволен любезным, и, так сказать, гостеприимным тоном, с которым препирался со мной этот энергический хитрец, один из заглазных и, лично незнакомых любимцев моих в России. Я его любил отчасти за деспотизм, который он обнаружил в Польше, и еще более за прекрасный ответ на славянском съезде этому Ригеру, который задумал было защищать поляков на обеде... «Не стоит так много говорить о нескольких привислянских губерниях», в этом роде, если не ошибаюсь, хватил его этот русский князь с лицом какого-то кипчакского мурзы...[77].

Аксаков тут же поддержал меня, говоря:

— Теперь я читаю в рукописи чрезвычайно интересное сочинение К. Н-ча «Византизм и Славянство». Особенно любопытно читать труд человека, который, понимаете... 10 лет сидел в Турции и думал... Это сейчас видно. Видна свежесть мысли. Видно, что человек пишет совершенно вне наших здешних условий и привычек, не думает ни о цензуре, ни о других препятствиях... Между прочим г. Леонтьев говорит совершенно верно: «Славянство есть, славизма нет». Есть китаизм, германизм и т. д. Такого отвлеченного славизма, взвинченного над славянством, как там очень удачно сказано, он не видит[78].

На этом кончился разговор о моих сочинениях, который занял порядочную часть вечера и который я и сам не прочь был прекратить, ибо с меня и этого было достаточно для успокоения за будущее мое положение в этом, конечно, более всех других порядочном и облагороженном литературно-ученом кругу.

Я был доволен несмотря на все возражения. Пожалуй даже и возражениями был вдвойне доволен и потому-то ни одно из них не поколебало меня внутренно и все дали только случай, яснее проверив себя, сказать себе: Только-то? Ну, это не страшно... и еще потому, что я вовсе и не искал быть простым прихвостнем старых славянофилов несмотря на все мое уважение к их взглядам и трудам и идеалам; вовсе не думал о том, как бы сжаться, чтобы угодить им лучше. Я готов скорее сжаться для Каткова, ибо считал его всегда чужим, перед которым надо по необходимости обрезывать себя, чтобы провести хоть часть своих идей... А на славянофилов я надеялся как на своих, как на отцов, на старших и благородных родственников, долженствующих радоваться, что младшие развивают дальше и дальше их учение, хотя бы даже естественный ход развития и привел бы этих младших к вовсе неожиданным выводам, хотя бы в роде моего («Тот, кто хочет культурного славянофильства, своеобразия или славянообразия, — должен опасаться политического панславизма, ибо он будет слишком близок к эгалитарно-республиканскому идеалу,

к Западу, и без того давно пожирающему нас духовно; для достижения своей цивилизации русским выгоднее проникаться турецкими, индийскими, китайскими началами и охранять крепко все греко-византийское, чем любезничать с Ригерами, Наперстками, Смолками, Фитами и т. д.[79]. Позднее я увидал, что именно от Аксакова я такой paternité * не увижу, а скорее от старых стариков Бодянского и Погодина. Но первым знакомством моим с редактором «Дня» и «Москвы» я был очень доволен.

Для меня при недостаточности моих денежных средств в эту зиму и вообще при затруднительном моем положении, было очень важно заметить, как со мной обращаются и поступают все эти люди, имеющие больше моего денег, известности и влияния. Понятно всякому, сколько может сделать пользы иногда в удачную и выгодную минуту одно какое-нибудь слово хорошей или дурной рекомендации... и потому именно, что это слишком понятно, я особенно об этом распространяться здесь не буду; я упомянул об этом только потому, что хотя я очень самолюбив и даже иногда до крайности тщеславен, но когда касается до моего ума и литературных способностей, то сознаюсь, в них то я так уверен, что гордость моя уже мало и места оставляет тщеславию или жажде одобрения... Только в самые последние года, когда я впервые почувствовал глубоко, что смерть моя уже наверное не за горами, я стал мелочнее и на счет литературы; я стал больше прежнего дорожить моим положением, как литератора; прежде я дорожил больше мнением какого-то незримого гения чистой красоты, который парил вокруг меня в те часы, когда я думал, писал и перечитывал написанное мною; я больше чтил это незримое воплощение собственных критических вкусов моих, чем мнение того или другого писателя или редактора. Я знаю, как ошибочны и как еще чаще неискренны и рассчетливы эти мнения.

Теперь, когда внутренние силы стали слабеть в неравной и долгой борьбе, когда разнородные бури души моей износили преждевременно мою от рождения несильную плоть, когда я, просыпаясь утром, каждый день говорю себе *memento mori* ** *и благодарю бога за то, что я жив, и даже удивляюсь каждый день*, что я жив, тогда как бревенчатые стены моего флигеля все увешаны портретами стольких покойников и покойниц, несравненно более крепких при жизни чем я... Теперь, когда мне нужны деньги не для того, чтобы дарить пятичервонные австрийские золотые на монисто какой-нибудь янинской шестнадцатилетней турчанке, не для того, чтобы с целой свитой скакать по горам и покупать жене обезьян и наряды, лишь бы только она не скучала и не мешала мне делать что хочу... но для того, чтобы сшить себе дешевые сапоги, чтобы купить жене калоши, чтобы голод, наконец, не выгнал меня и близких моих отовсюду, из монастыря или из самого моего Кудинова на какую-нибудь работу не по силам и вкусу... Теперь я смирился, если не в самомнении, то по крайней мере в том смысле, что сила солому ломит... и что прежним величавым удалением среди восточных декораций, прежней независимостью я уже ничего не сделаю... Я смирился литературно в том смысле, что иногда... даже... (каюсь, каюсь и краснею этого чувства...) я подобно другим желал бы быть членом обществ разных, принимать участие в юбилеях, в чтениях публичных, над которыми я всю жизнь мою так смеялся и которые так презирал за то, что только у одного лишь Тургенева находил наружность приличную для публичной поэзии.

Я вижу, что разные Аверкиевы[80], Авсеенки и т. п., живя как все и обивая пороги редакций, составили себе хоть какое нибудь имя и положение.

---

* Отеческое отношение [.—С. Д.]
** Помни о смерти [.—С. Д.].

Они литературные utilité * и, хотя согласие помириться на подобной немощи и возможность хотя бы мгновенной и преходящей зависти к подобным посредственностям я считаю в себе лишь признаком усталости, минутами малодушия и эстетической изменой, хотя я уважаю гораздо больше себя прежнего, себя удаленного и брезгающего медленным выслуживанием в литературных кружках, однако... сказал я, что делать! сила солому ломит. Мне нужно жить, наконец (т. е. существовать), и у меня есть обязанности... Вот что я хотел сказать, вспоминая о том, что я больше прежнего стал беспокоиться о том, как примет тот или другой из г. г. литераторов. Право! студентом даже я был на этот счет равнодушнее и спокойнее. Смолоду я даже жалел беспрестанно то Каткова, то Кудрявцева, то мад. Сальяс, то, пожалуй, и самого Грановского изредка, соболезновал думая, как им должно быть жалко и больно, что они не я, что они не красивый и холостой юноша Леонтьев, доктор и поэт с таким необозримым будущим, с такой способностью внушать к себе любовь и дружбу и т. д. [81].

Студентом и молодым доктором в великом признании своем я был до того уверен, что нередко и пренебрегал им, медлил, жег и рвал беспрестанно написанное, по два года сряду не брал в руки пера и нередко гордился больше ловкой ампутацией или удачным излечением какой-нибудь упорной сыпи, успехами в верховой езде, или победой над женщиной, чем похвалами, которые слышал своим литературным начинаниям от Тургенева, мад. Сальяс и других. В этом я был уверен; в практических занятиях моих, в хирургической ловкости, в эквитации моей, в красоте телесной (и в симпатии женщин) я часто сомневался... и хотел достичь большего и большего... Я хотел тогда быть во всем хоть сколько-нибудь доволен собою. Не напечатавши еще ничего, кроме двух посредственных повестей, я жил смолоду и потом до последнего времени, как будто бы пресыщенный славой человек, как Фридрих II-й, который иногда больше заботился о своих французских стихах, чем о победах [82]. Не победить, не разбить русских, австрийцев и французов он не мог... «Но... вот что важно, думал он, что-то скажет Вольтер о моих стихах?..»

Так думал Фридрих.

Не написать замечательной вещи я не могу... думал я смолоду. Но что подумала Любаша (напр.), когда подо мной лошадь вчера взвилась три раза на дыбы как свечка... А я не обратил на это как будто и внимания?.. О! я напишу еще много, много, успею!.. Но что ж думает доктор NN... он думает что только он один практический человек? Что я не сумею счастливее и смелее еще его вправить этот вывих, или вскрыть этот абсцесс? Я докажу ему, что он ошибается.

Позднее то же самое думалось часто и на дипломатической службе.

Конечно, если рассматривать дело только с той точки зрения, что мне нужно было обеспечить и устроить себя чем-нибудь житейским для того, чтобы и в идеальном труде было свободнее, я, конечно, хорошо делал, что вел, и будучи врачом и будучи консулом, дела так, что меня предпочитали нередко людям так называемым чисто практическим (не знаю почему — надо бы сказать глупым, лукавым или сухим); я и пишу обо всем этом не столько в укор себе, сколько в укор другим литераторам и обстоятельствам. По идеалу я тогда был правее, чем теперь; но неправота других понудила меня, наконец, к уступкам и к согласию с горя влачиться, если уж нужно, и по этой битой и опошленной дороге столичного литераторства. Я говорил уже, что готов был взяться даже и за редакторскую деятельность, которую вовсе не уважаю и не люблю, если бы условия были бы очень выгодны. Бог спас меня.

* Полезности [.—*С. Д.*]

Вот что я хотел сказать.

К следующему Аксаковскому четвергу статья моя почти вся была им уже прочтена, за исключением нескольких последних страниц или последней главы, где я говорю о том, почему мы должны остерегаться юго-западных славян и в особенности болгар в их церковном с греками вопросе.

К 1-му четвергу Аксаков прочел только все первые главы о том, что нет славизма, но есть обруселый византизм, лучше которого и с культурной и с государственной точки зрения ничего уже не выдумаешь. Ко второму он кончил видимо все изложение моей гипотезы триединого культурно-органического процесса. Он был уже не тот; не только его взгляды на мой труд, и даже тон его личного обращения со мной изменились к худшему.

Рукопись моя лежала раскрытая на его столе.

— Я прочел ваш труд, сказал он, мне осталось дочесть очень немного. Повторяю, все это очень умно, остроумно, в высшей степени оригинально; изложено прекрасно... Но есть вещи, с которыми никакой возможности нет согласиться. Во-первых, вы относитесь к христианству не как к вечной и несомненной истине откровения, а как к обыкновеному историческому влиянию *. Потом вы проповедуете необходимость юридических перегородок, привилегий сословий, которые у нас, слава богу, разрушены. Неравенство будет и должно быть всегда, но достаточно того, что один богат, а другой беден, один умнее, другой глупее и так далее **. Вы говорите (продолжал он все более и более разгорячаясь и даже краснея): вы говорите «наслаждение мыслящим сладострастием» и... и дальше даже приводите римскую языческую пословицу «quod licet Jovi non licet bovi» (что прилично богу, то нейдет волу), или что прилично изящному и могущественному человеку, то вовсе не к лицу нынешнему буржуа ***.

Поневоле вспомнишь Павла Голохвастова [86] Мы с ним виделись летом, перед этой зимой, у Шатилова в тульской деревне последнего, и он, говоря со мной о статьях моих, сказал мне: «Лучше всего вам будет обратиться

---

* Я и ему не возражал на это, и здесь не стану долго объяснять. Бог и духовники мои пусть судят, кто из нас лично более христианин: я или Ив. Сергеевич. Я знаю только то, что я не позволю себе вносить ничего своего в церковное учение и готов подчиняться всему, что велит духовенство, призванное по слову самого Христа вязать и разрешать нас.

До нравственных качеств моих начальников мне почти и дела нет, когда я ищу духовного совета или подчиняюсь их распоряжениям, а Аксаков говорит, что для него Филарет не был авторитетом, что Герцен и Гамбетта для него более христиане, чем напр. нынешний московский епископ Леонид [83]. Хорошо православие! Прибавлю еще, что если бы я видел в наше время человека мало-мальски религиозного и нуждающегося, каков был я перед очами Аксакова в Москве, так я, если бы рубашку с себя не снял бы для него, то уж конечно с жаром помог бы ему. Я это доказывал при всей нужде своей не раз. А Ив. Сер. что-то и слова не промолвил о какой-нибудь материальной мне помощи. Он мог бы устроить для меня многое. Впрочем это судить трудно, а может быть я и грешу. Да простит мне бог, если я ошибся.

В статье же моей, понятно, что я нарочно отстраняю мое личное православие и хочу стать на такую точку, став на которую всякий бы мыслящий буддист, китаец, турок и атеист понял бы, что такое православие для России, славян и Европы.

** Чем же это отличается от западной буржуазности?

*** Я писал это по поводу того, что нынешняя всесветная, нескладная, неинтересная, неромантическая roture тоже хочет не только существовать скромно, как существовали ее суровые и честные праотцы, а наслаждается жизнью и даже развратничает вовсе не к роже; я так и говорил дальше; «ибо, что еще пристало Алкивиаду, Montmorency или Потемкину Таврическому, то вовсе нейдет какому нибудь Шульцу, Успенскому, Dubois, Labrossee, Laracaille и т. д.» [84]. Чем же я виноват, что это правда, чем виноват, что это такая же научная истина, такой же эстетический факт, как и то, что жасмин и роза пахнет лучше смазных сапог или шпанских мух! Ученый, который заявил бы как факт, что олень и лев

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РОМАНА
К. Н. ЛЕОНТЬЕВА «В СВОЕМ КРАЮ»

ВЪ СВОЕМЪ КРАЮ.

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

К. Н. Леонтьева

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864

за помощью к старику Погодину. Черкасский человек очень хитрый... он все сообразуется с обстоятельствами... А Иван Аксаков... я не знаю как сказать... Странно было бы такого человека назвать глупым, — однако я не

красивее, прекраснее свиньи и вола, не возмутил бы никого; отчего же тот писатель возмутителен, который позволяет себе сказать, что Вронский в Анне Карениной несравненно изящнее и, говоря языком Гомера, боговиднее того профессора, который спорит с братом Левина?.. Не понимаю. А сколько есть ученых и не очень ученых буржуа, чиновников, адвокатов и т. д., которые даже и не так уж худощавы и не так тупо научны, как этот философ Льва Толстого... и которые поэтому еще бесцветнее, еще непоразительнее его... Беда мне с этим культом простых и честных людей, который у нас так завелся! Моя языческая пословица настолько же не противоречит всеобщему христианству, насколько общие физиологические свойства животных, их дыхание, движения и т. д. не противоречат их сравнительной эстетике. Христианство не отвергает как факты ни аристократичности, ни телесной красоты, ни изящества, оно игнорирует их, знать их не хочет... И потому христианин, оставаясь христианином вполне, может рассуждать и мыслить вне христианства за его философскими пределами о сравнительной красоте явлений точно так же, как может он мыслить о сравнительном законоведении или ботанике... Я скажу больше; есть множество людей до того не изящных, до того прозаических, некрасивых, неумных, пошлых, тошных, каких то ни то ни се, что они мыслящего христианина располагают скорее к богомыслию, чем удаляют от него; невольно думаешь: «лишь бессмертный дух, который таится в этой жалкой, бедной, кислой, mauvais-genre оболочке, лишь только закон его загробного существования, лишь его незримые отношения к незримому божеству могут дать разгадку этим столь многочисленным и к несчастью столь реальным явлениям, как напр. мад. Белоцерковец, Максимов и т. д. Я не шучу нисколько. Именно потому-то и говорится, что перед богом все равны, что здесь-то на земле разница между Байроном и Амиаблем, между Бисмарком и Гумбухианом[65] еще слишком велика, вопреки всем стараниям благодетельного прогресса, пытающегося уже давно принести в жертву всех Байронов и Бисмарков и Гумбухианам и Amiabl'ям, всех этих tenore di forza и tenore di grazia aux hommes utiles et laboriaux* ...чтобы не сказать хуже... А что перед богом Гумбухиан меньше ответит чем Бисмарк, это очень возможно и утешительно... Неужели Аксаков этого не понимает?

* Певцов силы и грации — людям полезным и трудолюбивым [*С. Д.*].

нахожу другого слова... Просто перейдя за известную черту, — он становится глуп»

Итак Аксаков:

Quod licet Jovi, non licet bovi! — продолжал он с честным негодованием, краснея в лице... Языческая пословица; вы однако защищаете православие... Это, наконец, не научно... вы требуете научного отношения к жизни, а это разве научно? Разве это не пристрастие? (хорошо пристрастие сказать, что князь Цертелев красивее, ловчее и остроумнее чем Перипандопуло). Христос равно для всех сошел на землю... (выходит по Аксакову, что Христос пришел на землю для того, чтобы дельный, жирный приземистый, пучеглазый Amiable, которого так уважает Хитров, взял бы себе в Париже трех любовниц на деньги, которые он заработал в мошенническом процессе какого-то тоже... Хиана... забыл... И чтобы таким образом Amiable этот имел бы равные эстетические и нравственные права с красавцем и героем юношей Дон-Жуаном. Прекрасно и научно, нечего сказать).

— Потом, продолжал Иван Сергеевич, вы совершенно уничтожаете влияние лица, вы забываете свободную, личную деятельность человека... У вас ваш процесс развития и вторичного упрощения есть процесс фаталистический, деспотический, неизбежный... Поэтому о чем же хлопотать? Зачем писать... Вы — Иеремия, плачущий над развалинами...

— А разве Иеремия не писал? — спросил я.

Аксаков никак видимо не ожидал этого соображения и замолчал вдруг; он забыл что Иеремия писал [87]. Напомнив ему об этом, я попросил его посмотреть поскорее, пока не собрались гости, 2-3 последние страницы, где говорится о болгарах. Он согласился охотно, и я тотчас же прочел ему это место. Вот оно:

«— Болгаре слабы, болгаре бедны, болгаре зависимы, болгаре молоды, болгаре правы, наконец» — скажут мне.

Болгаре молоды и слабы!..

«Берегитесь, сказал Сулла про молодого Юлия Цезаря, в этом мальчишке сидят десять Мариев (демократов!)».

«Опасен не чужеземный враг, на которого мы всегда глядим пристально исподлобья; страшен не сильный и буйный соперник, бросающий нам в лицо окровавленную перчатку старой злобы...

«Не немец, не француз, не поляк полубрат, полуоткрытый соперник».

«Страшнее всех их брат близкий, брат младший и как будто бы беззащитный, если он заражен чем-либо таким, что при неосторожности может быть и для нас смертоносным.

«Нечаянная, ненамеренная зараза от близкого и бессильного, которого мы согреваем на груди нашей, опаснее явной вражды отважного соперника.

«Ни в истории ученого чешского возрождения, ни в движениях воинственных сербов, ни в бунтах поляков противу нас мы не встретим того западного и опасного явления, которое мы видим в мирном и лжебогомольном движении болгар. Только при болгарском вопросе впервые с самого начала нашей истории в русском сердце вступили в борьбу две силы, создавшие нашу русскую государственность — племенное славянство наше и византизм церковный...

«Самая отдаленность, кажущаяся мелочность, бледность, какая-то сравнительная сухость этих греко-болгарских дел, как будто нарочно таковы, чтобы сделать наше лучшее общество невнимательным к их значению и первостепенной важности, чтобы любопытства было меньше, чтобы последствия застали нас врасплох, чтобы все самые мудрые люди наши дали бы угаснуть своим светильникам...

— Вот видите, воскликнул он, положим это и правда. Да мало ли что

правда. Так нельзя писать для печати... Разумеется болгаре неправы, это бесспорно... Но ведь и греки солгали духу святому.

На этом наша беседа остановилась. Начали сбираться другие гости и мы вышли в гостиную.

Я очень мало возражал Аксакову во все время этого tête-à-tête. На этот раз говорил все он и с большим жаром. Я, помню, упомянул как-то о государственной необходимости. Он вспыхнул и сказал: «Чорт возьми это государство, если оно стесняет и мучает своих граждан! Пусть оно гибнет!» Я, говорю, почти не возражал; с первых слов его я понял, что между нами та бездна, которая бывает часто между учителем и учеником, ушедшим дальше по тому же пути. Добрый ученик продолжает чтить учителя, не уступая своих новых и часто неожиданных выводов, ни учитель не негодует на эти выводы, может быть, именно потому, что он полусознательно улавливает логическую нить, которая ведет к этим неприятным ему результатам от его же собственных начал.

Как скоро я это заметил, я стал тотчас же равнодушен к тому, что Аксаков собственно думает о достоинстве моего труда, а все мое внимание устремилось лишь к практическому вопросу: поможет ли он мне напечатать его или нет?.. Пусть он ненавидит и презирает, только пусть напечатает как-нибудь. «Бей, только выслушай, или дай другим выслушать...».

И о том, что я сказал так длинно в скобках, то есть об отношениях церковных к Перипандопуло и Амиаблям, я ему упомянул в свое оправдание каких-нибудь два слова; и о болгарах, и вообще о власти и сословиях не спорил; а что я смотрю на христианство только как на историческое явление (на Византизм), я полагаю, и отвечать вовсе не стоило.

Позднее, когда собрались гости, я занялся с некиим Кар-Заруцким, который печатал статьи в «Гражданине»; он занимается теперь в особенности старо-католическим делом, Деллингером и т. д.[88]. Я слушал очень охотно его изложение; а Аксаков передавал целому кружку, собравшемуся около него, впечатления, вынесенные Юрием Самариным из его последнего пребывания в Германии. Речь была о том, что прежняя нравственность германской жизни давно уже портится. Что народ глубоко развращен, утратил религиозность и что его зверские, разрушительные инстинкты сдерживаются теперь лишь силою и страхом. Благонравие же во многих семьях образованного класса держится нравственным капиталом, прежде накопившимся под влиянием христианских принципов. Аксакову возражал один ужасно жиденький и не авантажный юноша (кажется какой-то Толстой)[89]. Он возражал горячо, но как-то трепетно, взволнованно и опустивши очи свои долу от стыда и сознания своей дерзости.

Он говорил, что быт образованных классов в Германии очень нравственен и это доказывает, что общество и без религии может быть нравственным. Ибо несомненно, что в Германии теперь религия слабее, чем, напр., во Франции.

Аксаков на это сказал ему с вежливо отеческим оттенком: я не буду говорить теперь о безусловном достоинстве христианства. Речь идет лишь о тех государствах и обществах, которые вышли из христианства и устроились на нем. Этим-то обществам грозит гибель, когда они откажутся от христианского авторитета.

Дряблый юноша опять начинал свою боязливо настойчивую речь. Аксаков опять говорил ему: — Я не говорю теперь...

Я, полуслушая Кар-Заруцкого, думал: что же это? Я ли не понимаю чего-нибудь, или Аксаков не хочет постичь? Немцам и странно и опасно потрясать католические и протестантские авторитеты, а русским и болгарам все нипочем. «Болгаре неправы противу патриархии,

но нельзя так писать для печати?» Хороша по крайней мере искренность подобной лжи, подобного лицемерия!

В вечер были и другие случаи не лишенные интереса, но об них поговорю после.

Теперь я должен возвратиться к последним дням моим в Москве, которые начались было работой над «Складчиной» и кончились ужасной крайностью, совершенным литературным разгромом, потерями в суде, опасностью лишиться по описи последней шубы и рубашки, внезапным отъездом в монастырь и еще одним унижением, о котором мне до сих пор вспомнить больно. Я об этом после в свое время скажу.

5

Десять-двенадцать дней, которые я провел за статьей о «Складчине», были единственными сносными днями, которые я провел в Москве со дня прибытия до дня отъезда моего в монастырь.

Давно уже (с тех пор как в 70-м году я понял, что пора мне начать стареть) я ищу только одного: церкви по праздникам, просторной и эстетически не противной комнаты, свободы писать что хочу с утра, напившись кофею не спеша, и скорого сбыта моих сочинений в печать. Я даже готов не искать уже хорошего здоровья; к недугам я привык и мирюсь с ними, когда они не угрожают мне ранней смертью и не препятствуют умственной моей жизни.

В гостинице «Мир» номер мне достался хороший и просторный с большими окнами. Даже обои (я терпеть не могу обои вообще; тоже вторичное упрощение) в нем были не очень противны: светло-кофейные с большими яркими, красивыми и хорошо сделанными цветами. Мне не было стыдно и страшно в этой комнате; в этой комнате я мог писать, не пугаясь беспрестанно от мысли, что может быть сейчас умру от бедности, что и я петербургский бедный фельетонист, учитель гимназии, что я Бурмов, приехавший в Москву или какой-нибудь вообще Успенский... Да простит мне бог эти дворянские чувства! Я до того сильно эти вещи чувствую, что из гостиницы Киттрей (в Кади-Кее) бежал поскорее в Халки между прочим потому, что у Киттрея ковер был какой-то подлый, а дешевая посуда вся отродясь уже в черных лятнышках. Однажды я заболел у Губастова в квартире; Петраки, который меня знает отлично, увидавши, что я не унываю, сказал мне: «Это Вы оттого не отчаиваетесь, что здесь посольство и все персидские ковры!» [90]

Несколько раз в течение этих хороших дней я был у милых Неклюдовых, которые всякий раз напоминали незабвенные мне гостиные и кабинеты моих цареградских друзей и приятельниц *. Был и у Аксакова на четверге и встретил там несколько новых лиц, не лишенных занимательности. Дома я все больше и больше свыкался с доброй мад. Шеврие, которая держала себя со мной как родственница, и я у нее за буфетом и в комнате ее проводил иногда целые вечера. Даже мой несносный, тупой и вечно потерянный Георгий и тот хвалил эту набожную, тихую и добрую француженку и соглашался с тем, что мы живем скорее в семье чем в гостинице. По середам и по пятницам мне по-прежнему готовили постное и, занявшись все утро, я не раз заходил и в будни к вечерне то в ту, то в другую церковь, молился охотно и тепло и во всех церквах с радостью видел довольство, богатство даже, вкус; видел, что везде есть набожные люди всех сословий и возрастов, видел, что храмы украшаются и подновляются по-прежнему...

---

* Я ужасно виноват перед Нелидовыми, что до сих пор не благодарил их за рекомендательное их письмо Неклюдовым. Каждый день я об этом думаю!

Луч света, луч жизни начал опять слегка светить вокруг меня... Отчизна, которая показалась мне сначала так негостеприимна, чужда и даже во многих отношениях противна в этот приезд мой, стала как будто бы оживать передо мною. Все это оттого, что я стал писать.

В это самое время я читал три вечера сряду «Генерала Матвеева» Бергу, который был от него в восторге и говорил, что несколько поправок и произведение это будет в своем роде классическое.

Я начинал немного отдыхать и рассчитывал так: — Хоть роль постоянного сотрудника газеты или журнала, сотрудника, живущего в столице, ужасно всегда мне казалась пошла, прозаична и мелка, но что же делать... И для того, чтобы попасть в очаровательный Крит, видеть живописных турок и греков, водить с ними дружбу, прибить Дерше, быть повышенным и написать потом «Хризо» — нужно же было прослужить рядом... хоть бы с Извековым и Смельским в петербургском департаменте 9 месяцев, завистливо сокращая чужие донесения и думая: «Есть же такие счастливцы, которые ездят с вооруженными арнаутами по горам!»[91]. Так и теперь (по справедливому мнению Губастова) следовало перетерпеть хоть два года, подновить себе связи с этой противно-растрепанной от эмансипации и прогресса Россией, составить себе прочное литературное положение и тогда вернуться на Босфор и Халки доживать остаток дней своих, деля их между отшельником Арсением, богословами-греками и моим милым посольством, в котором для меня соединилось все добродушие и теплота семьи со всем оживляющим блеском и умом высшего света... (Я бы заставил хоть одного из тех, которые нападают на посольское общество, пожить хоть полгода в интимности Катковых, Лохвицких и т. п. как живал я, и я уверен, что они заговорили бы другое!)

В эти так скоро прошедшие две недели я стал верить, что я могу устроиться в Москве, помогать семье своей и даже платить не торопясь мои долги в Турции. Долги эти ужасно терзают теперь мне совесть.

Я надеялся, что мелкие статьи, очерки мои могли мне давать средним числом рублей 150 или 200 в месяц, если бы они только появлялись тотчас по окончании и в каждой книжке журнала.

Я не буду здесь распространяться подробно о содержании моей статьи; я упоминал о ней уже прежде; но все-таки и здесь хочу сказать о том же яснее.

Я вообще могу сказать, что у меня давно уже вкус опережал творчество. Вот в каком смысле. Я помню еще, когда мне было лет 25 и когда я по заключении Парижского мира в 56 и 57 годах гостил долго в прекрасном степном имении О. Н. Шатилова в Крыму, я однажды читал статью Чернышевского «Критика Гоголевского периода». Чернышевский тогда еще не развернул вполне своего революционного отрицательного знамени; он был в то время еще Эстетик 40-х годов; молодой, начинающий, но уже очень хороший писатель. Большая статья эта очень мне нравилась, потому что формулировала ясно и очень подробно именно тот взгляд, который я сам имел на Гоголя, Белинского и других замечательных людей 40-х и первых 50-х годов.

Помню, в одном месте было у него сказано, что «при всем великом значении Гоголя, нет никакого сомнения, что у нас будут со временем писатели более гениальные чем он...»

Я тогда, помню, положил книгу, задумался о том, не я ли один из этих будущих писателей, и стал ходить по комнате и смотреть из окон моего флигелька на берегу речки Карасу. Степная тишь вокруг, туман южной зимы, который стоял над древнескифскими курганами, мираж степной, которым я так часто любовался во время моих одиноких мечтательных прогулок, умные, высоко развитые хозяева дома, с которыми я был дружен... Только

что оставленная жизнь походных приключений и тяжелых, опасных лазаретных трудов, жизнь нужды и наслаждений... В 70-ти верстах от Шатиловых на берегу бушующего моря, в тени огромных генуэзских башен, молодая, страстная, простодушная любовница [92], к которой несколько раз в зиму возил меня сам Шатилов, говоря: «allons à Cythère» * или «Rien qu'un petit tour à Paphos» **, и когда вдали на краю степи показывались в одном месте темносиние высоты тех гор, за которыми жила моя безграмотная, наивная и пламенная наложница, — он декламировал: «C'est la que Rose respire... C'est le pays des amours... C'est le pays des amours» ***.

В 40 верстах от Шатиловых был еще и другой мир — мать и дочь Кушниковы [93], в поместьи Учкайя, исполненном унылой, степной поэзии... Матери было всего 35-36 лет и она была еще удивительно свежа и красивее дочери; дочь очень хорошо воспитанная, смуглая, хорошо одетая, рассуждала со мной о Рудине (который только что появился), о немецкой литературе, играла мне на фортепьяно «les cloches du Monastère». У нее было одно будничное кашемировое платье, клетчатое, малиновое и vert-pomme и черный, длинный бархатный cache-peigne; и то, и другое я очень любил. Любил ее легкую походку, ее сдержанность и хитрость, под которыми чуть-чуть брезжилась затаенная страстность. У нее было до 25000 приданого, кроме земель, и осужденный умереть один маленький брат.

У Шатиловых я жил не без дела; я был годовым доктором и лечил очень удачно его русских крестьян, татар и дворовых...

Практическая совесть моя была покойна и даже больше... Ибо в наш век ничто так не успокаивает идеалиста, как сознание того, что он делает и практическое дело и делает его даже во многих случаях лучше таких людей, которые кроме своего практического ремесла ничего не понимают, не заботятся о Гете или Лермонтове, о Рафаэле или Бетховене, о том, наконец, чтобы самим быть хорошими и изящными по мере сил.

В России меня ждала преданная, любящая, умная, хотя и очень взыскательная мать в своей благоустроенной деревне, которая, конечно, должна была достаться мне, а не другим братьям.

Я тогда любил наше цветущее, сытое, хотя и небольшое Кудиново... старые липы его больших аллей стоят и теперь; на дворе его цветут бедные остатки тех роз, из которых мать моя сделала перед большим домом такую красивую кайму вокруг дерновых оазисов, окруженных и узорно изрезанных песчаными дорожками... Но дома теперь нет... В одичалом саду, на липах вьют гнезда скучные и шумные грачи; в аллеях трава по колено; и на узорных когда-то дорожках двора племянница моя [94] тоже давно косит траву, и мы даже рады этому лишнему клоку сена для тех 3—4-х коров, которыми теперь богата наша дворянская нищета...

Мать моя уже не ходит поутру после кофея в свежей кисейной блузе по саду с зонтиком; простой дерновый валик в селе Велине, в 12 верстах от нас, покрыл ее тело и у меня еще и денег не собралось до сих пор, чтобы сделать ей памятник! [95] У племянницы моей, в одном из наших маленьких флигелей, висит в сторонке последний портрет покинутой мною старухи... Она, которая так долго держалась, которая была так долго бодра, свежа, неутомима, горда, самовластна, хотя и всегда пряма и благородна... на этом портрете так жалка и так убита... На сморщенном лице, прежде столь открытом и надменном, в потухающих глазах, во всем видно столько уныния, столько немого отчаяния, такая мольба о пощаде, что я боюсь подходить к тому уголку, в котором висит этот ужасный для меня портрет. Говорят, она, которая плакала не легко, плакала горько и зажимала уши, когда

* Поедем на остров Цитеру [.—*С. Д.*].
** Небольшая поездка в Пафос [.—*С. Д.*].
*** Здесь благоухает Роза... Это страна любви... Это страна любви... [.—*С. Д.*].

рубили на своз наш большой старый дом... А для чего она продавала его? Чтобы увеличить тот небольшой капитал, который был мне нужен для уплаты другим братьям моим...

А я? Что сделал я?..

И все ли люди должны думать то, что думаю я, когда теперь вижу себя иногда почти с отвращением в зеркало и потом смотрю пристально на акварель, на которой я представлен студентом таким юным, красивым... женоподобно-красивым, положим... но что ж за беда?..[96]

Не думаю!..

Горчаков[97], Катков, Тургенев, Игнатьев, конечно, должны с другим чувством видеть портреты своей молодости и самих себя теперь, через столько лет...

Если даже им и грустно иногда в такие минуты... то что такое грусть!.. Мне не грустно, — мне и страшно, и стыдно... А винить ли мне себя или других — я не знаю...

И чтобы решить это стороннему судье, — надо знать всю мою жизнь, столь бескорыстно посвященную мысли и искусству, надо понять весь ход моего развития и моего теперешнего упадка.. Те, которые знают все это лучше других: Губастов, Ф. Берг, моя племянница Маша — винят не меня, а других...

А во мне иногда все тупеет от долгого напряжения мысли все в одном и том же обидном направлении, от одних и тех же горьких вопросов, которые как замкнутый круг возвращаются ежедневно. И я не знаю — кто виноват?

Недавно я прочел по-русски книгу Иова. Старые друзья Иова стараются доказать ему, что он великий грешник, что бог по делам его наказывает его. Иов негодует; он не может постичь и вспомнить, какие были те большие грехи его, за которые он несет такое ужасное наказание... Он может быть даже желал найти, вспомнить их, раскаяться... и не находит. Он старался быть добрым отцом, господином справедливым и милостивым, он помогал вдове, сироте и страннику... Он непоколебимо верит в бога и надеется, любит его... «Нет! он никогда не поймет, за что его так казнит провидение...»

Встает молодой Эллиуй и говорит ему с воодушевлением: «Да, ты может быть и праведен... «Но где ж тебе... тебе!.. смертному постичь цели божии... Почему ты знаешь, зачем он так мучит тебя... Разве ты можешь считаться с ним?!!»

На это у Иова нет ответа...

И не успел кончить молодой и восторженный мудрец, как сам Иегова вещает с небес то же самое. Мнение Эллиуя было гласом божиим. «Иов прав», заключает господь, «но мне угодно было испытать его.»

Основная мысль этой великой религиозной поэмы — вечная истина и не для одной религии. Есть на всех поприщах вины явные и есть вины и ошибки непостижимые самому строгому разбору, самой придирчивой совести... И вины явные, ошибки грубые не всегда наказываются на этой земле, и правда и ловкость практическая не всегда ведут к цели... (я) говорю здесь практическая в самом широком смысле; практичен, например, поэт, когда он живет поэтично и вдохновительно, удобно и возбудительно для творчества. Разве Байрон был бы Байроном, если бы он остался благополучно в Англии с miss Milbank?[98]

В наш век слишком много стал приписывать человеческой свободе и человеческому разуму. Есть нечто выше нас и мы виноваты только тогда, когда не исполняем предначертанное нами, а так ли мы предначертили все в нашей жизни, как следует, — кто решит?..

Одно из самых сочувственных мне лиц в современной истории — это Наполеон III *. Его сгубило то, что я зову вторичным упрощением Франции — сила органическая, а не он развратил и погубил эту, уже и до него глубоко опошленную равенством нацию, как говорят все эти презренные негодяи школы Jules Фавра [99] и Гамбетта...

Я помню, когда я смолоду имел глупость тоже либеральничать (вполне искренно, и это-то и глупо!), добрый и честный Дмитрий Григорьевич Розен **, увещевая меня верить больше богу и церкви, говаривал: «Non, mon cher К. Н-ч, croyez-moi, il y a quelque chose ***. Я тогда улыбался с гнусной тонкостью, а теперь, когда я вижу у других эту тонкость, я не бью в морду одних — только потому, что они мне кажутся гораздо сильнее меня, а других, которые не страшны, не бью потому, что не хочу судиться у мирового судьи... Но что я чувствую!.. Но что я чувствую!.. О боже!..

Я думаю и Наполеон, отдыхая уныло в Вильгельмсгехе (кажется так?) говорил себе: «il y a quelque chose! А я то чем же так особенно виноват?.. Этот народ, подлый как и всякий народ, сам меня избирал три раза...»

Так и я говорю теперь: «Да, il y a quelque chose!» И если есть за мной ошибки и вины эстетические или практические в моей неудавшейся литературной карьере, то я их не вижу, не понимаю и никогда не пойму, как не видал и не понимал за собой Иов крупных грехов, больших духовных ошибок. Вся моя жизнь от 21 года и до сих пор была посвящена самому искреннему, самому рыцарскому служению мысли и искусству. Талант высшего размера во мне признавали и признают почти все те, которые могут быть судьями...

Передо мною теперь целая пачка писем от разных известных лиц, которые свидетельствуют это: от Тургенева, Дудышкина, Страхова [101], П. М. Леонтьева, Краевского. — Нет... нет... Il y a quelque chose! Il y a quelque chose!»

Я прошу простить мне, что я так отвлекся... Мне очень больно и очень приятно об этом всем писать... И кто меня любит, тот мне все это, я знаю, простит...

В прошлый раз, когда я писал эти записки, я так был грустен, растроган и взволнован, что не мог удержать потока своих мыслей, написал вовсе не о том, о чем хотел писать. Записки эти могут иметь значение только для того, кто интересуется хоть сколько-нибудь мною лично. А тот, кто мне лично сочувствует, тот, конечно, простит мне это невольное отступление. Я и сегодня не могу быть вполне спокоен; и сегодня я не владею моими мыслями, как бывает обыкновенно, а мысли и чувства мои управляют мною. В маленьком флигеле моем меня со всех сторон окружают такие предметы, по которым я даже если бы и не хотел этого, то вынужден был бы ежеминутно читать свою печальную автобиографию. Я говорю «печальную» не потому, что в прошедшей жизни моей не было бы вовсе веселости и наслаждений, — нет, а потому, что я теперь от всего этого должен отказаться и по обету (даже и тогда, когда не ношу иноческой одежды) и по необходимости материальной... Здоровья нет, денег нет, но есть долги... А главное, главное.. как говорит Гете:

Если ты потерял состоянье —
Ты ровно еще ничего не утратил.

---

* Не по натуре своей, а по судьбе; и еще потому, что он ужасно выигрывает от сравнения с либералами.

** У которого я прожил два года (58—59) в нижегородском имении почти так, как жил Милькеев у Новосильских в моем романе «В своем краю» [100].

*** «Нет мой дорогой Константин Николаевич, верьте мне, тут что-то есть». [— *С. Д.*]

Честь потерял?.. приобрети славу—
И все забудется...
Но если ты утратил бодрость духа
Muth, веру в себя, в свою звезду...
Ты все утратил...

Я пишу это на память и не помню даже, откуда это из Гете, из какого стихотворения.

В прошлый раз я хотел сказать, что в небольшой статье моей «О Складчине» я намеревался кратко изложить мой общий взгляд на всю современную русскую литературу, со времен Гоголя, и еще, что у меня критический вкус давным-давно опередил творчество... Давным-давно мне уже перестала нравиться сухая объективность всех наших писателей, их ложный, отрицательный взгляд на жизнь, их противные реалистические подробности. Самый язык их (я говорю теперь не о каком-нибудь Авсеенке и Клюшникове, не о топорных произведениях Лескова или Всеволода Крестовского), я говорю о лучших художниках наших, о Льве Толстом, о Тургеневе, о Писемском; самый язык этих лучших писателей наших так часто возмущал меня, что я давно искал случая сказать об этом свое мнение [102].

Я не раз говорил, что если французы любят чересчур поднимать жизнь (как в сороковых годах говорили, на каблуки и ходули), то наши уж слишком любят всячески принижать ее. Сама жизнь лучше, чем наша литература. Все у наших писателей более или менее грубо; комизм, отношения к лицам; даже «Война и мир», произведение, которое я сам прочел три раза и считаю прекрасным, испорчено множеством вовсе не нужных грубостей.

И в «Анне Карениной», в которой автор видимо сознательно старался более, чем в прежних своих произведениях, об изяществе,—и в выборе лиц, и в самой форме попадаются, однако, эти вовсе ненужные и противные вы-

В. Н. ЛЕОНТЬЕВ И Н. Г. ПИСАРЕВСКИЙ, ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННОГО СЛОВА». 1862—1863 гг.
Частное собрание, Москва

ходки, от которых никто из наших писателей со времен Гоголя избавиться вполне не мог. Я предлагаю вспомнить о том, как цирюльник бреет Облонского; как раздался носовой свист (как это пошло, гадко, и главное, не нужно) мужа Карениной... как граф Вронский надвигал фуражку на свою рано оплешивевшую голову, и как он поливал водой свою здоровую, красную шею. Но в «Анне Карениной» эти выходки все на перечет; их можно простить за дивную художественность и поэзию всего остального. Но чтобы вполне понять о чем я говорю, стоит только перечесть эти прославленные «Записки Охотника» и для контраста отрывки из писателей, не испорченных Гоголем. Хотя бы «Капитанская дочка» Пушкина, или иностранцев: «Вертера», «Manon Lescaut», «Рене» Шатобриана или прозаический перевод «Чайльд-Гарольда» Амедея Pichot. Или, наконец, нечто более близкое — первые очерки и повести Марка Вовчка. Марко Вовчок — женщина, и она как-то сумела избавиться от общего топорного пошиба нашей мужской литературы. Талант ее был не богат и ее слишком скоро испортили нигилисты, внушившие ей направление; но первые маленькие произведения ее верх совершенства. Вовсе не похожа на нее другая писательница — Кохановская, но у них одно то общее, что они более всех мужчин наших избавились от гоголевщины.

У Кохановской содержание в высшей степени положительное и выражение пылкое, патетическое, восторженное (у Гоголя есть это в «Риме» и в «Тарасе Бульбе»). У М. Вовчка содержание более протестующее, отрицательное, но выражение в высшей степени мягкое, изящное, какое-то бледно-шелковое... душистое...

Я писал о ней статью еще в «Отечественных Записках» 1861-го года и прилагаю здесь эту статью. Так давно уже сформировался мой вкус, так давно уже претит мне раздавивший нас всех мелочной реализм и ложь отрицания, которые даже и у тех писателей, которые скорее хотят быть положительными, чем отрицательными, находят, однако, себе исход хоть в языке, в некоторых пошлых оборотах речи, в постоянных претензиях на юмор и комизм, в грубой обременительности некоторых описаний, просто навороченных, а не написанных (см. описание лошади в «Анне Карениной», «Бежин луг» в «Записках Охотника»).

Вкус мой сформировался, я говорю, давно, но как творец я никак не мог долго даже и приблизиться к тому идеалу, которого жаждал. Ему удовлетворяют до известной степени только мои «Восточные повести». «Хризо» я недавно, для исправления опечаток, перечел три раза и ничем не возмутился; ничто мне не напомнило в этой повести современную русскую пошлость. Тогда как, перечитывая «Подлипки» (напечатанные мною в 61-м году, в одно время с разбором М. Вовчка * и роман «В своем краю», я на каждой странице, краснея, встречаюсь с теми самыми чертами, которые мне так претят у других писателей. «Хризо» написана в 1867-м году; шесть лет жизни и чужбина были нужны для перехода критического сознания к способности самому осуществить хоть приблизительно то, чего бы хотел требовать от себя и других. «La critique est aisée, l'art est difficile» ** [103].

* Я прилагаю здесь нарочно для друзей моих списанную с печатного статью эту о М. Вовчке; из нее они увидят, чего именно я требовал от литературы и почему я прав и относительно себя, утверждая, что «Хризо», «Поликар Костаки», «Хамид и Маноли» и другие мои восточные вещи ближе подходят к моему идеалу, чем и мои собственные другие произведения и произведения большинства других русских писателей.

** Критиковать легко, творить трудно [.—*С. Д.*].

Около того времени, когда я успокоился немного, занявшись статьей «О «Складчине», я получил очень грубое письмо от брата своего Александра Николаевича[104], в котором он требовал от меня сейчас же 200 руб. сер., а в противном случае грозился ехать в Петербург и отыскать там кредиторов покойного нашего брата Владимира[105] и взять у них доверенность на преследование за эти долги дочери его Марьи Владимировны, которая по завещанию матери моей и после смерти отца своего вступила во владение пополам со мной Кудиновым.

Письмо было наполнено дерзостями и упреками. В упреках этих была и ложь, была отчасти и правда. Брат мой (говорю это перед богом! спокойно, без раздражения!) просто дурак и подлец; но и разбойник имеет своего рода органическое право ненавидеть судью, который его казнит. А я присвоил себе в прежнее время право всячески карать и казнить его.

Я бы хотел не отвлекаться от главного предмета моего, от истории моих последних литературных неудач в Москве, но о моих отношениях к этому брату необходимо сказать несколько слов, как для того, чтобы яснее было, с каким множеством препятствий и горестей я должен был разом бороться и вместе с тем (похвалюсь!), как я все их мгновенно забывал, как только мог отдаться хоть по утрам вполне труду отвлеченной мысли или свободной мечте. Давно я уже выучился не давать обстоятельствам вполне подавлять свой ум и воображение и даже в 71 году, когда я зимой в отчаянии ехал из Солоник умирать на Афон, я на станциях обдумывал впервые отчетливо свою гипотезу триединого процесса и вторичного упрощения. Остановившись в Зографе, я две недели не выходил из комнаты и писал об этом день и ночь... даже полулежа в постели и чередуя только это занятие с самой горькой, самой искренней и чуть не отходной молитвой, по монашескому указанию и по книжкам... Я по очереди раскрывал то Прудона, то Апостола Павла, то Иоанна Лествичника, то Бокля; Апостола Павла и Лествичника для себя, для души, для того, чтобы повиноваться им, чтобы любить их, чтобы подражать им; тех двух буржуа для ума, для сочинения, которое я считал уже посмертным, чтобы ненавидеть их, чтобы бороться с их влиянием, чтобы уклоняться от них насколько возможно, насколько меня допустит философское убеждение[106].

На Афоне внутреннее состояние мое было ужасно; оно было гораздо хуже московского; я не хотел умирать, и не верил, что буду еще жить, я думал, что меня все забыли и сам искал только забыть всех; но я со скрежетом зубов, а не с истинным смирением покорялся этой мысли о забвении мира и смерти... Я не мирился с нею; я думал больше о спасении тела своего, чем о спасении души; и только чтение духовных книг и беседы Иеронима и Макария[107] поднимали меня на те тяжкие, тернистые высоты христианства, на которых человек становится в силах хоть на минуту говорить себе: «чем хуже здесь, тем лучше: так угодно богу; да будет воля его...»

Да! внутреннее состояние души моей на Афоне было такое ужасное, какого я еще не испытывал в жизни. Но зато там хоть завтрашний день был обеспечен вещественно; мне не было крайности думать об этом завтрашнем дне иначе, как с духовной точки зрения. Вокруг была поэзия; вся внешняя обстановка жизни и весь внутренний строй ее: природа, обычаи, язык, уставы, взгляды, идеалы, одежды и постройки, самое отсутствие правильных дорог — все было не европейское, все переносило меня в мир восточный, византийский; почти никогда и ничто не напоминало мне там этой буржуазной, прозаической, хамской, подлой Европы (я говорю не про Европу Байрона и Гете, не Людовика XIV-го и хотя бы Наполеона 1-го,

а про Европу последнюю, нынешнюю, Европу железных дорог, банков, представительных камер, одним словом, каррикатурную Европу прогрессивного самообольщения и прозаических мечтаний о всеобщем благе).

Вот что было хорошо на Афоне. Было на чем отвести душу и зрение; это почти то же, что и персидские ковры Губастова; только в огромных размерах. Россия и Москва после долгого отсутствия, напротив того, бросились мне в глаза прежде всего теми своими сторонами, которые для меня так тошны и гнусны; зазнавшимися мужиками, которые от прежнего характера своего сохранили только лукавство и пьянство, но утратили ту черту смирения и покорности, которая их так красила и смягчала; раззоренными или опустелыми усадьбами, теми усадьбами, из которых вышли Пушкин, Жуковский, Лермонтов и Фет, в которых и прасол Кольцов находил себе оценку и приязнь; железными этими путями, от которых все только дорожает до нестерпимости и на которых видишь перед собой все какие-то самодовольные плоские фигуры... адвокатами, новыми судьями-демагогами, процессом несчастной Митрофании [108], которой злоупотребления (сознаюсь, ничуть не краснея) гораздо меньше возмущают меня, чем одна либеральная речь Брайта или этого прохвоста Вирхова, который так испугался, когда Бисмарк вызвал его на дуэль... [109] Москва и Россия являлись мне пыльной и тесной редакцией Каткова, полной каких-то невыносимо бесцветных и некрасивых деятелей... и дерзкими коридорными лакеями, которые (как я узнал от моего Георгия) удивлялись и смеялись тому, что я ем постное по средам и пятницам; уже до того и они просветились за это десятилетие благодетельного прогресса!

(Пусть прогрессист Хитров спросит себя по совести, молча, пусть не говорит ни слова, ибо правды в этих случаях он не скажет:— «не хорошо ли было бы патриархально их выдрать на конюшне, снявши с них европейский фрак?»).

Итак зрелище в России и Москве было хуже чем на Афоне... Но здоровье было лучше, состояние духа в одно и то же время и бодрее, смелее перед людьми и обстоятельствами, и смиреннее, готовее на все перед богом. И вот тут видна, как и везде, правда божия; он прежде поучил на Афоне, потом развеселил и подкрепил в посольстве и Халках и тогда только отправил меня в скверную русско-европейскую обстановку для борьбы с препятствиями и даже врагами, которых я и не подозревал у себя и которые, однако, оказались. Борьбу уже вовсе свыше наших сил видно господь не посылает...

И я писал с наслаждением в серо-европейской России и среди внешних невзгод точно так же, как писал с наслаждением среди Афонской поэзии с ужасными язвами в сердце, источающими предсмертный ужас!..

Итак мой брат Александр.

Когда в 1869 году я был в Петербурге, мать моя, которая чувствовала себя уже очень слабой, спросила меня: «что я думаю о Кудинове». Здесь я, как на исповеди, говорю все по совести и ничего не хочу утаивать, кроме обстоятельств к делу вовсе не относящихся. Я очень был рад наказать его пороки и его глупость и сказал матери: «Напишите все на имя племянницы моей Маши!» Я тогда находил, что поступаю очень умно и справедливо, действуя на ослабевшую мать в этом смысле. Я тогда был очень доволен службою своею и начальством, здоровьем, писал; Катков, с первого слова когда я приезжал к нему на двое суток в Москву, дал мне 800 рублей вперед. Я не скрою, и наружностью своей я тогда был доволен... Восток обожал еще больше чем теперь (ибо теперь я так тоскую, что не знаю — под силу ли мне было бы жить опять в турецкой провинции без своего общества и друзей)... Тогда мне и в голову не приходило, что я могу

скоро выйти в отставку. Стремоухов говорил мне, что князь очень доволен мною; Игнатьев чрезвычайно аккуратно и любезно отвечал мне на все мои письма; Новиков, которого я видел в Петербурге, говорил мне: «Нехорошо Вам долго оставаться по разным этим Янинам; Вам надо поприще пошире и виднее» [110].

Сама бедная мать моя, как ей ни больно было быть в разлуке со мной и с женой моей, которую она любила больше всех невесток своих,— радовалась на мои успехи по службе, и даже литература моя, которую она не любила и которой боялась верным материнским чувством, перестала смущать ее; сочинениям моим из русской жизни она ничуть не сочувствовала; «Хризо» ей понравилось и восточные повести мои она с тех пор читала с тем искренним и вместе равнодушным удовольствием, с которым мы все читаем хорошие произведения чужих нам людей, именно с тем чувством, которое ищет автор в читателе... Я был тогда самоуверен и доволен собой. Я верил в свой разум, в свой поэтический дар и в свои практические способности. И я был прав, сравнительно с другими людьми, взявши в расчет мои обстоятельства, которые были вовсе неблагоприятны сначала и из которых я так ловко тогда вышел. Я не был прав перед богом, перед церковью, и только... Меня только Иеронимы могут судить по церковному кодексу; а практических ошибок не было тогда ни одной... И если я смирился, то это никак не потому, что я свой собственный разум стал меньше верить, а вообще в человеческий разум. Я нахожу теперь, что самый глубокий блестящий ум ни к чему не ведет, если нет судьбы свыше. Ум есть только факт, как цветок на траве, как запах хороший... Я не нахожу, чтоб другие были способнее или умнее меня; я нахожу, что богу угодно было убить меня; я не считаю Бисмарка во всем выше и годнее Наполеона III-го; я думаю только, что первому пришел черед по воле божией, и больше ничего.. А почему другие в лучшем положении чем я?... Это воля господня... Или какие-нибудь их тайные заслуги, опять таки перед богом, а вовсе не умение устроиться, как говорят... Да и что такое устроиться? Я могу, например, завидовать славе Игнатьева (богатству как-то не завидую), но желал ли бы я быть не Леонтьевым, чтобы купить эту славу? Желал ли бы я приобрести ее только одной политической деятельностью и не написать ничего? Конечно нет! Избави боже!.. Не потому, чтобы я государственную деятельность презирал... Напротив я ее чту высоко и своей ограниченной консульской деятельностью очень горжусь; не оттого, чтобы я литературу считал выше государственного дела; вовсе нет; но оттого, что, именно я, без литературного вдохновения и без литературной славы считаю мою, именно мою, жизнь ошибкой... Где бы она ни текла, при дворе или в деревне, в Царьграде или в Янине, в монастыре или на балах... Я оттого бы не согласился бы купить ценою отречения от моих сочинений, даже столь несовершенных, столь несообразных с моим идеалом, славу и положение самого Игнатьева, оттого, что для меня долго не писать, долго не печатать, долго не слыхать ничего о моих сочинениях есть такое страдание, такое лютое мучение, что я смолоду даже и вообразить себе его не мог и не умел... Это вторая природа... и все остальное в моей жизни было только или необходимостью или средством для искусства, а не целью само по себе...

Есть нечто бесконечно сильнейшее нашей воли и нашего ума, и это нечто сокрушило мою жизнь, а не мои ошибки...

Я каюсь в грехах моих, в моих проступках противу церкви ежедневно и горько; я с радостью падаю в прах перед учением церкви, даже и тогда, когда оно мне кажется не особенно разумным (Credo quia absurdum) [111]; но я не каюсь в житейских ошибках моих и не при-

знаю ни одной такой, которая должна бы неизбежно вести за собой неудачу... таких и не бывает ни у кого...

Мне скажут, что под этим церковным смирением моим скрыта непомерная, житейская гордость, такая сатанинская гордость, которую трудно было бы и ожидать от того товарищеского добродушия, уживчивости и мягкости характера, за которые меня многие любят... А я скажу: да! в этих записках она даже и не скрыта—эта гордость, и кто любит меня, пусть любит меня со всеми моими пороками. Пусть любит меня и с этой самоуверенностью! Тем более что я все-таки прав, и тот, кто знает мою прежнюю жизнь, должен согласиться со мной, если не во всем, то во многом. Вот Губастов и соглашается, потому что он больше всех других меня знает.

Итак в 1869-м году в Петербурге, когда мать моя заговорила со мной о своей духовной, я посоветовал ей отстранить совершенно и Александра Ник., и меня самого и отдать все Кудиново сполна Маше, дочери другого моего брата Владимира (той самой племяннице, которая гащивала у меня в Турции) [112]. Я был доволен собой и самоуверен не без прав на то, и не без основания. Исполненный греха и мерзости перед богом, перед человеческим обществом я был хороший, способный и даже, по своему, искусный в ведении дел человека. Я верил в свой ум и в свое здраво и возвышенно хорошее сердце.

Брата же этого Александра я считал чем-то презренным, забытым, далеким таким предметом, о котором серьезно и говорить не стоит ни с кем, разве только с одной матерью; ибо она, к несчастью, и ему столько же мать, сколько и мне...

С одной стороны я, пожалуй, был и прав. Ни на ком в жизни так, как на этом брате Александре, я не видал до чего хорошая, добрая, симпатичная натура может стать гадким, низким и жалким характером при вредных влияниях и дурном направлении.

Он был рожден с наилучшей из всех нас душой. Нас было семеро детей у матери, и он смолоду был общий любимец. Мать, я думаю, до последнего часа не знала, кого из двух нас она больше любит: меня или Александра? Младшая сестра, которая воспитывалась дома, любила его несравненно больше всех других братьев; кузина молодая, которая жила в доме лет 20—25 тому назад, боготворила его; приказчик-старик и жена его, наша няня, тоже обожали его. И у меня он тогда был фаворитом из всех моих братьев. Я с детства любил красоту, а он был красивее всех братьев; он был добрее всех; его взгляд был ласков; глаза красивы; манеры ловки; рост и сложение прекрасны. Он был со слугами тогда добр и приветлив. Лицо у него было одно из тех милых полутатарских лиц, которых у нас так много между дворянами, но только прекрасное в своем роде. Матери он тогда был покорен, сильно любил. Он не кончил курса в кадетском корпусе, был исключен за участие в одной шалости и служил бедным офицером в армейском пехотном полку. Однажды (мне тогда было лет 10) он заболел тифозной горячкой во Владимирской губернии, и мать с отчаянием узнала об этом из письма другого офицера, его друга, который из сожаления к нему и к матери (верно этот, тогда еще столь любящий сын часто о ней говорил) известил мать о его болезни. Не помню, почему мать не могла тогда сама к нему ехать; но она была в отчаянии и тотчас же послала за ним в полк своих лошадей со старухой нянькой, которая была очень умна, распорядительна, сама его, как я уже сказал, чрезвычайно сильно любила, больше всех нас. Полковой командир отпустил брата в долгий отпуск, так как няня привезла ему письмо от матери; и он приехал весной с обритой головой и еще слабый, но вне опасности. Он не хотел подъезжать с шумом к дому и пошел по аллее, через сад... «боюсь, чтобы

маменька не гневалась...» сказал он сестре, которая случайно встретила его в этой аллее... Он до того уважал тогда мать, что считал себя неправым против нее уже тем, что осмелился заболеть так опасно и может быть по какой-нибудь собственной неосторожности причинил ей столько горя и беспокойства и боялся «не будет ли она гневаться...» Но тут было не до гнева... Все, начиная с матери, увидавши его в живых, были без ума от радости: сестра, тетка, люди, я сам...

Он прогостил у нас долго... Я помню, как он, уезжая, прощался... Все мы были в нашей длинной белой зале; это было зимой (лет 35 тому назад!!!); тройка стояла у крыльца; люди носили вещи... грозная и благородная наша мать ходила задумчиво по зале в бархатной мантилье; у стола плакала горбатая тетушка, сестра отца, которая всех нас нянчила и учила азбуке (только азбуке, бедная... рцы, твердо, глаголь... и с указкой... Боже! Боже! где это все?..) [113]. Брат в бедной, ваточной офицерской шинели с крашеным собачьим воротником стоял у притолки прихожей, утирая платком слезы; эти юношеские, чистые слезы катились ручьями по его молодому, смуглому, красивому лицу, на котором чуть-чуть только пробивались черные усики...

Я помню, что садясь в кибитку, он велел мчаться во всю прыть «чтобы уехать скорее от того места, где было так приятно и весело». Так он сказал. Какие же были эти удивительные веселости, которых память причиняла ему такую боль и вызывала у него слезы? Они были самые невинные и простые. Семья, мать, мы все — вот что было ему так до боли приятно... родная деревня, в которой он играл и рос, в которой он любил всех и где все его любили, это самое Кудиново, из которого я, именно я, а никто другой изгнал его теперь и к которому он до сих пор привязан, видимо, сердцем... Жить месяцы и годы с полковыми товарищами, как бы они ласковы с ним ни были; в крестьянских избах, на ничтожном нищенском содержании армейского прапорщика; считать за счастье, если есть ваточная шинель с собачьим воротником; нуждаться в жуковом табаке и чае... знать, что любящая, но строгая и справедливая мать негодует на своего любимца за то, что вместо выгодной и почетной инженерной службы, он из-за пустой шалости, из вздорного кадетского молодечества должен был выйти в пехотный полк, есть пустые щи и черный хлеб... утомляться на учениях, вставая до света... Потом заболеть без родственного женского присмотра, быть на краю гроба, страдать жаждой и, пожалуй, голодом на каком попало солдатском ложе... Я сам все это испытал во время военной службы моей в Крыму и понимаю, каким праздником должно было казаться бедному молодому офицеру возвращение надолго в материнский дом, просторный, убранный со вкусом, опрятный до-нельзя, теплый, веселый; я понимаю, как весело было ему спать хорошо и долго, есть вкусно и обильно, не думая о завтрашнем дне; вместо гнева суровой матери увидать ее радость... видеть любовь сестры, меньшого брата, тетки, няни...

Я говорю, что сам испытал все это... Но я готов верить, что чувства брата в то время были гораздо глубже и непосредственнее моих... Я в Крым поехал уже ученым и до болезненности размышляющим юношей; я был тогда «Критон, младой мудрец, рожденный в рощах Эпикура». Я в Москве имел уже сам связи с людьми известными, влиятельными, богатыми, с учеными, с литераторами... Я по охоте бросил все это, оставил не комнату, а хорошие комнаты в доме богатых родных Охотниковых, общество молодых девушек, которые говорили по-английски, грассировали и танцевали на лучших московских вечерах. Я бросил все это именно для того, чтобы кинуться головой вниз в жизнь более грубую, более страшную,

более тяжкую для тела, но более здоровую и легкую для души и ума... Игра моего воображения внушала мне, что стыдно мне, поэту, когда другие воюют и лечат воюющих, просто жить все этаким вялым pekin, студентом, который сидит с книжками... Что надо немножко зверства в жизни порядочного человека... Какая-нибудь слишком честная профессура меня вовсе не пленяла... Я хотел на казацкую лошадь, хотел видеть раненых, убитых людей, сам, может быть, согласился бы быть почти убитым (я говорю — почти, чтобы больше уважать себя после и чтобы иметь право больше нравиться кому следует)... Я сам искал походных тягостей и когда мне было уже очень трудно (физически, только физически), я тотчас же вспоминал мои московские внутренние язвы, мой несносный и самопожирающий, студенческий анализ, и благословлял и дождь, который поливал меня в Крыму, и жар, который томил, и сотни мышей, которые съели у меня шинель, и степных жаб, которые ходили по мне, когда я спал в лагере на траве... И лазаретные ужасы, и укрепляющие душу встречи с чужими смелыми людьми, споры, столкновения и ссоры нередко и опасные, как всегда бывает где много вместе молодых и самолюбивых мужчин. Слишком тяжелый рефлекс сидячей жизни изгнал меня из Москвы; и его же остатки ободряли и восторгали меня в Крыму, среди внешних житейских невзгод. Я думаю, у брата все чувства при возврате на родину были тогда гораздо глубже и чище моих... Он был бедным офицером просто потому, что не мог быть ничем иным; он не искал сам, подобно мне, освежения и здоровья в грубой и тяжкой жизни в глуши, ибо был и без того здрав и свеж и телом и душою. Он жил без рефлекса и тогда, когда был таким милым, теплым офицерчиком, когда был, что называется «душа», и тогда, когда лет 10—15 позднее стал элегантным самоуверенным фатом полудурного тона в Москве и Калуге, ярмарочным и трактирным львом, обольстителем, игроком и щеголем, плохим родным и сыном почти преступным... Он живет без рефлекса и теперь, когда он стал седым и гадким стариком, с какими-то рубцами сыпей на лице, с какими-то ранами на теле, всегда без места, без денег, иногда полу-пьяный, всюду презираемый порядочными людьми, но все также самоуверенным нераскаянным как и прежде...

И то, что было милой простотой и непосредственностью в прежнем добром Саше, стало гадкой и подлой глупостью в изношенном и необразованном холостяке.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Моя литературная судьба» представляет первую попытку К. Н. Леонтьева (1831—1891) рассказать о своем литературном пути в форме автобиографии. Предназначенная — как видно уже из подзаголовка — для самого небольшого кружка близких людей, почти иронически «порученная» великосветской даме,— эта автобиография никогда не предназначалась для печати, и в этом ее ценность для исследователя. В ней много интимной откровенности и прямой искренности. Она не боится прямо и открыто высказывать суждения о людях. А эти люди — круг московских славянофилов и консервативных писателей начала 1870-х годов. Леонтьев не боится — именно в силу того, что пишет не для печати — зарисовывать остро очиненным карандашом портреты Каткова, И. Аксакова, кн. Черкасского и других правых деятелей того времени. Леонтьев не боится также говорить о себе достаточно откровенно, с немалою обнаженностью своих мнений и желаний.

Автобиография писана в самое переломное для Леонтьева время. Деятельность его, как художника, начатая еще в начале 1850-х годов, не принесла ему ни удовлетворения, ни славы, ни денег. Блистательно начатая было деятельность дипломата оборвалась навсегда. Пережита и решающая неудача в третьем варианте жизненного пути Леонтьева: ему не удалось постричься в монахи на Афоне, а кратковременное «послушничество» в Николо-Угрешском монастыре под Москвою привело его к бегству из этого монастыря. Наконец, не предве-

ЗАПИСКА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА
ОБ ИЗДАНИИ «ОДИССЕЯ»
ОТ 12 АВГУСТА 1890 г.

Частное собрание, Москва

щало ничего доброго и начало четвертого варианта его деятельности — деятельности политического писателя. Его основное сочинение — «Византизм и Славянство» — отвергнуто Катковым, отвергнуто славянофилами всех оттенков и нашло себе приют лишь в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских», в журнале-архиве, куда не заглядывал свежий читатель.

Жизненное самочувствие Леонтьéва в эту эпоху отвратительно. Его наследственное имение накануне продажи с молотка за долги. Он чувствует себя безнадежно разорившимся, теряющим старую материальную базу и не находящим новой. Личные его дела — семейные — также в самом запутанном и сложном положении: разлучившийся с женой в чаянии монашества, он находится в преддверии новых сердечных увлечений, только усложняющих его и без того сложную внутреннюю и внешнюю жизнь.

Со всех точек зрения эта пора — с осени 1874 до лета 1875 г. — перелом в жизни Леонтьева, узловой момент его «трудов и дней». О ней-то Леонтьев и почувствовал потребность дать отчет себе и не скрыть его от немногих близких людей, очутившись летом 1875 г., больной и разочарованный, в родном Кудинове, а несколько позже — в августе — в Оптиной Пустыни, где повидимому и написана предлагаемая автобиография. Она не дошла до нас полностью, а может быть и не была дописана до конца. Подзаголовок ее обещает рассказ о «приезде в Москву и поступлении в Угрешскую обитель». В печатаемом тексте читатель найдет только рассказ «о приезде в Москву». О пребывании в Угреше он может найти сведения только в одном из примечаний.

«Моя литературная судьба» печатается с ремингтонного списка, изготовленного для X тома «Собрания сочинений» К. Леонтьева», выходившего с 1912 г. под редакцией близкого его друга И. И. Фуделя. Это издание постигла особая «судьба». До 1914 г. вышло благополучно 9 томов этого издания. Десятый том был уже набран и сверстан, когда разразилась империалистическая война. Печатание VII тома остановилось, так как на все издания фирмы «Культура», к которой перешло право издания от В. М. Саблина, был наложен арест, на том основании, что это — немецкая фирма; X том в свет уже не вышел.

Ремингтонный экземпляр «Моей литературной судьбы» был в руках М. В. Леонтьевой, племянницы и наследницы писателя. Ее рукою, лучшего знатока

рукописей К. Леонтьева, написано заглавие всего сочинения и ряд примечаний К. Леонтьева; они вписаны М. В. Леонтьевой карандашом, под страницами машинного текста. Текст тщательно выверен М. В. Леонтьевой с рукописью, местонахождение которой мне, к сожалению, неизвестно. Ее не было уже у М. В. Леонтьевой, когда в 1925—1926 гг. мне случилось бывать у нее.

Все подчеркивания в тексте автобиографии принадлежат самому Леонтьеву. Примечания, которыми снабжена автобиография К. Н. Леонтьева, построены в значительной степени на впервые привлекаемом рукописном материале.

[1] Имение Леонтьева — Кудиново — находилось в б. Мещовском уезде б. Калужской губ. Кудиново было заложено в калужском Общественном банке им. Милютиных. Август 1874 г. Леонтьев проводил в Оптиной Пустыни. «Но денежные дела, — пишет он в неизданной «Моей исповеди» (декабрь, 1878),— вызвали меня в Калугу. Я в одно и то же время получил известие от Марии Владимировны (Леонтьевой, племянницы), что братья мои требуют немедля денег по наследству, угрожая судом, и другое письмо из Константинополя, что жена моя уже прожила все деньги, которые я ей оставил и что ей ни в Россию не с чем выехать, ни в Турции нечем жить... Я вспомнил, что у меня в Калуге есть друг вице-губернатор кн. Гагарин и старый товарищ по гимназии Сорокин, директор Кредитного банка. В Калуге все очень легко устроилось; жене было послано, кажется, 600 рублей; брат был хотя на время успокоен частью долга. Но в Оптину возвратиться уже было невозможно — по неимению вовсе средств к жизни. Надо заметить, что из Турции я уехал на занятые деньги. Так как Катков моих православных статей не принял и деньги перестал мне высылать туда, то я, чтобы доехать из Москвы и чтобы обеспечить жену на лето, занял на год вперед всю мою пенсию; ее удерживали в посольстве; и мне теперь оставалось одно: ехать на зиму в Москву и искать там литературной работы, помесячной и по заказу. Я ненавижу этот род занятий, но необходимость заставила меня согласиться и на это». Попытка перейти на положение профессионала-литератора и составляет содержание того жизненного эпизода, о котором К. Н. Леонтьев рассказывает в «Моей литературной судьбе».

[2] Георгий — слуга-грек, служивший Леонтьеву на востоке с 1872 г. и вывезенный им в 1874 г. в Россию. — Ивановская станция — на Сызрано-Вяземской жел. дороге, ближайшая к Калуге, не имевшей тогда прямого железнодорожного сообщения с Москвой. — Ечкины — известные в Москве и в подмосковных районах содержатели экипажного заведения. Лоскутная гостиница — в Москве, на Тверской, близ б. Воскресенской площади, на которой находилась Иверская часовня.

[3] «Византизм и Славянство» — основное и самое крупное по объему сочинение Леонтьева, в котором он излагает свою философию истории, как учение о триедином процессе развития. (Собрание сочинений К. Леонтьева, том V, М., 1912, стр. 111—260; далее это издание цитируется одним указанием имени автора и ссылкой на том). В составленной самим Леонтьевым «Хронологии моей жизни» (октябрь, 1883; неиздано) читаем: «1873 год в Царьграде. Отставка. Условие с Катковым... Весна.. Переезд на о. Халки. Приезд Лизы. Византизм и Славянство». Пребывание Леонтьева в 1871—1872 гг. на Афоне, в центре православного монашества, сохранившего идеологию и практику византийского государственно-феодального православия, заставило его с особым вниманием отнестись к греко-болгарской церковной распре, длившейся целые десятилетия и закончившейся созывом в Константинополе, в 1872 г., «собора», на котором греческий патриарх предал болгар «анафеме» за то, что в стремлении к национальному самоопределению и независимости они, выйдя из «повиновения» константинопольскому «вселенскому» патриарху, образовали, с разрешения султана, независимую болгарскую церковь. Русское правительство, в лице посла в Константинополе гр. Н. П. Игнатьева, поддерживало болгар против греков, так как, готовясь к будущему захвату Константинополя и проливов, мечтало опереться на болгар в предвиденьи, что греки будут ярыми противниками русского захвата бывшей столицы Византийской империи. К. Н. Леонтьев по греко-болгарскому вопросу резко разошелся с Н. П. Игнатьевым, находя, по собственным словам, что русский посол «слишком открыто потворствует необузданности и коварству» болгарской буржуазии. Частный вопрос текущей политики заставил Леонтьева задуматься над основами исторического процесса, поскольку он выявляется в судьбах греко-славянского мира во главе с Россией, а затем и во всем просторе всемирной истории. В своей «Исповеди» Леонтьев пишет: «Я по внутреннему твердому убеждению чувствовал, что я в этом вопросе чище и беспристрастнее Игнатьева, который искал только внешнего успеха. Я бросил на долго свои бытовые картины и любовные повести, за которые Катков высылал мне деньги вперед, и начал один за другим серьезные труды. Первый был назван: «Византизм и славянство» (в защиту патриарха и в укор болгарским свободолюбцам,

которых безверие и европейские вкусы мне были коротко известны). В этой книге я угрожал России, что она разрушится, если не будет держаться греческих преданий и той строгости взгляда на церковное подчинение, которого держался митрополит Филарет в болгарской распре». На работу над «Византизмом и славянством» Леонтьев затратил все лето и осень 1873 г.

Реакционная историософия К. Леонтьева испугала своей резкостью покладистого оппортуниста реакционной практики, каким был редактор «Московских Ведомостей». «Что же вышло? — спрашивает Леонтьев, — Катков, который поручил помощникам своим писать до тех пор мне самые лестные письма, вдруг замолчал на 8 месяцев, получивши все эти статьи». Катков отверг все присланные Леонтьевым статьи («Византизм и славянство», «Еще о греко-болгарской распре», «Письма с Афона»), благодаря чему Леонтьев, живший на авансы, оказался должен Каткову 3000 рублей. — Поездка Леонтьева в Москву и имела целью переубедить Каткова насчет «Византизма и славянства», а в случае неудачи устроить печатание этой работы в каком-нибудь другом журнале.

[4] М. П. Погодин (1800—1875) — один из лидеров правой группы славянофильства. Леонтьев обратился к нему со своим «Византизмом и славянством», как к крупному историку и как к знатоку славянства в его языке, истории и политике.

[5] Кн. Анна Матвеевна Голицына, урожд. Толстая (1809—1897), жена кн. Леонида Мих. Голицына. Кн. Трубецкая — несомненно кн. Надежда Борисовна Трубецкая, рожд. кн. Четвертинская (род. 1815, ум. в начале 1900-х годов), патронесса многих благотворительных учреждений, влиятельнейшая представительница высшего дворянского общества Москвы. — Кн. Черкасский — кн. Владимир Александрович Черкасский (1824—1878), известный славянофил и видный государственный и общественный деятель эпохи Александра II. Черкасский был энергичным деятелем так называемого «освобождения» крестьян, участвуя сперва в тульском губернском комитете, а в 1858—1861 гг. выступая как член-эксперт в Комиссии для составления положения о крестьянах.

В 1868 г. Черкасский был избран московским городским головой. В 1871—1876 гг. Черкасский находился в политической опале. С начала войны 1877 г. он был назначен заведующим гражданской частью во вновь занимаемых областях. Черкасскому было поручено гражданское и политическое устроение Болгарии.

[6] «Одиссей» — главное художественное произведение К. Н. Леонтьева — «Одиссей Полихрониадес. Воспоминания загорского грека», впервые полностью напечатанное в IV томе собрания сочинений Леонтьева (М., 1912). Плод многолетнего труда, роман Леонтьева дает историю жизни рядового представителя выносливой, ловкой и предприимчивой греческой торговой буржуазии — эпирского грека Полихрониадеса. Параллельно развертывается в романе другая, контрастная, биография — русского консула Благова. Роман изобилует множеством действующих лиц из разных народностей, классов, вероисповеданий, и рисует широкую картину греко-турецкого востока, колониальной страны, опекаемой европейскими великими державами, представители которых — консулы — играют видную роль в романе. Леонтьев считал «Одиссея» важнейшим своим художественным произведением. «Что я сделал? — пишет Леонтьев Т. И. Филиппову в неизданном письме от 7 января 1886 г. — Судя по отзывам людей весьма разнообразных: едва ли «Одиссей Полихрониадес» ниже «Обрыва» и «Обломова». Работу над «Одиссеем» Леонтьев начал в Константинополе в 1873 г.: «Кады-Кей. Пишу начало «Одиссея», — читаем в «Хронологии моей жизни». Последний отрывок закончен в 1882 г. В течение этого десятилетия «Одиссей» появляется в «Русском Вестнике» отдельными кусками, под особыми заглавиями, придававшими этим кускам характер сюжетной законченности. Первая часть романа, написанная в Константинополе, появилась в «Русском Вестнике» в 1875 г. (№ 6—8), под заглавием «Мое детство и наша семья. Воспоминания Одиссея Полихрониадеса, загорского грека». Вторая часть, начатая в августе 1874 г. в Оптиной Пустыни, появилась в 1—3 книжках «Русского Вестника» 1876 г. под заглавием «Мои первые испытания и успехи, соблазны и дела», с тем же подзаголовком. Оба эти куска романа были перепечатаны в том же году во II и III томах «повестей и рассказов» К. Леонтьева «Из жизни христиан в Турции». Дальнейшие куски «Одиссея» вышли под заглавием «Камень Сизифа» (там же, 1877, книги 8, 9, 11 и 12, 1878, книги 7—10) и «Я купец» (там же, 1882, кн. 1). Роман остался неоконченным. Он обрывается на фразе: «Так ликовал я, не зная, что мне придется скоро опять раскаиваться. И как глубоко, как постыдно». Леонтьев пытался выпустить полное издание романа в трех томах, стараясь заинтересовать им А. С. Суворина. «Денег не требую, — писал Леонтьев в неизданной записке «Об издании «Одиссея». — С меня достаточно, чтобы мне была предоставлена продажа после погашения расходов»; Леонтьев соглашался даже на то, чтобы роману предшествовало чье-

нибудь предисловие (12 августа 1890 г.), но Суворин нашел издание невыгодным. Роман появился, как уже сказано, только в посмертном собрании сочинений.

[7] Оптина Пустынь — монастырь близ г. Козельска, б. Калужской губ., известный своими «старцами», послужившими прототипами для «Старца Зосимы» в романе «Братья Карамазовы» Достоевского. В 1875—1886 гг. Леонтьев почасту и подолгу гостил в Оптиной Пустыни, а с 1887 г. поселился в ней на постоянное жительство. В 1891 г., незадолго до смерти, он был пострижен в скиту Оптиной Пустыни в тайное монашество с именем Климента. Лишь перед самой смертью Леонтьев переселился из Оптиной в Сергиев Посад.

[8] Консул Благов, живущий и действующий в Янине, представлен в романе «Одиссей Полихроннадес» как энергический проводник русской империалистической политики на Балканах, в чаянии дележа султанской Турции. Эстетик и сибарит, он любит и ценит красоту турецкого феодального быта и держится высокого мнения о национальном характере турок, но как ревностный агент царской России, решительно и ловко проводит политику внедрения русского влияния на Балканах, завоевывая себе популярность среди греческого и славянского населения Эпира. В чертах консула Благова Леонтьев отразил многие черты собственной личности и деятельности в качестве русского дипломатического агента на о. Крите (1863—1864), в Адрианополе (1864—1867), Тульче (1867—1868) и Янине (1869—1871). Из других прототипов Благова Леонтьев называет «Ионина» Трудно решить, который из братьев Иониных, дипломатов 1860—1870-х годов, был этим прототипом. Обоих Леонтьев хорошо знал — и в биографии обоих есть черты, перешедшие в консула Благова. Старший из братьев Иониных Александр Семенович (род. 1837), предшественник Леонтьева по консульству, в Янине, был одним из видных представителей русской агрессивной дипломатии 1870-х годов. По словам М. В. Леонтьевой, «в Янине Ионин старался поднять восстание эпиротов против турок. К. Н. [Леонтьев] сменив его, переменил политику и жил в мире с турками. Ионина К. Н. считал умнейшим человеком» (Рассказы М. Леонтьевой, записанные мною в 1925—1926 гг.). По словам К. Ф. Головина, «многие в Петербурге считали Ионина зачинщиком герцеговинского восстания (1875 года), послужившего толчком к сербо-турецкой войне 1876 и русско-турецкой 1877—1878; он «был на самом деле самый ортодоксальный дипломат, слишком только влюбленный в Черногорию. [Он был там министром-резидентом. — С. Д.]. Черногория увлекла его своим уж совсем не банальным видом. И природа и люди там не имеют ни малейшего сходства с буржуазной европейской культурой. Ионин не только долго жил в Черногории, но почти управлял ею. Многие думали, что Ионин — нечто вроде политического агитатора, поджигавшего славянские страсти. Ионин оказался агитатором поневоле, потому что агитацией занималось само правительство. Славян он любил искренно, но не делал себе на их счет никаких иллюзий. Нельзя было артистической натуре Ионина, отворачивавшейся от всего заурядного и мещанского, не полюбить такой самобытный народец, как черногорцев» («Мои воспоминания», том I, СПБ. 1908, стр. 302—308). Как видно из сообщения Головина, в отношении А. Ионина к славянству и западной цивилизации было немало общего со взглядами Леонтьева. Это сходство отмечает и Г. де Воллан: «Ионин развивал ту мысль, что с Россиею надо обращаться как с умалишенным человеком, т. е. усадить ее в темную комнату... Ионин против всяких конституций и земских соборов. Он находит, что надо лечить Россию тишиною и спокойствием. Он даже предсказывает распадение России». («Очерки прошлого. Дневник за 1882 г.». «Голос Минувшего», 1914 г., № 5, стр. 144). А. С. Ионин в конце жизни был посланником в Бразилии (с 1892 г.) и оставил объемистое сочинение: «По Южной Америке» (СПБ, 1892). Его младший брат, Владимир Ионин (1838—1886) был не менее, а, может быть, еще более ярким представителем русской агрессивной дипломатии на Балканах. Служа в консульствах в Мостаре (1860), Белграде (1865) и Рагузе (1867), он так рьяно вел пропаганду объединения славян под главенством России, что во избежание преждевременных конфликтов с Турцией министерство иностранных дел должно было переместить Владимира Ионина на службу в Петербург, в азиатский департамент. Покинув казенную службу, В. Ионин сделался в 1876 г. председателем болгарского антитурецкого комитета в Бухаресте. В том же году он сформировал отряд болгарских добровольцев, имевший целью, во время сербо-турецкой войны, поднять восстание в Болгарии. В 1877 г., во время русско-турецкой войны, В. Ионин был избран председателем боснийского народного временного правительства, но должен был бежать из Боснии. В 1880 г. во время оккупации Боснии Австрией он обратился с письмом к Гладстону с протестом против жестокостей австрийских войск (Русский Биографический Словарь. Том «Ибак — Ключарев», стр. 320—321). — Михаил Александрович Хитрово (1837—1896), друг детства Леонтьева, отпрыск старого боярского рода, принадлежал также к числу видных дипломатов царской России. Во время первого появления Леонтьева на Востоке, на дипломатическом поприще, Хитрово занимал в Кон-

стантинополе (1867) должность первого секретаря посольства. «Хитрово обращался со своим другом провинциалом немного покровительственно и свысока» (К. А. Губастов, «Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве», Сб. «Памяти Леонтьева», СПБ., 1911, стр. 187). В 1871 г. Хитрово был генеральным консулом в Константинополе. В дальнейшем Хитрово был посланником в Румынии, Португалии и Японии. В 1891 г. Леонтьев писал Губастову про Хитрово: «Про этого человека можно сказать почти то же, что говорили про регента Филиппа Орлеанского: «Небо дало ему множество даров, но он их все употребил на злое или порочное». Знатный род, красоту и физическую силу, выгодные связи, острый ум и смелость, твердость духа, образованность, литературный даже дар, прекрасную служебную дорогу с ранних лет, жену весьма умную, ловкую в высшей степени, изящную до нельзя... И что же он изо всего этого сделал? Его имя и высокие связи помогли ему на службе далеко не настолько, насколько могли бы помочь другому, более здравомыслящему человеку, благодаря его грубой бестактности на службе; его смелость и остроумие служили только для оскорбления других без нужды; его твердость выражалась лишь в ребяческом упрямстве там, где не нужно; в его эстетическом развитии не оказалось даже творчества и оригинальности; роскошь его была всегда какая-то пошлая и бесследная... Жену, конечно, он отбил от себя деспотизмом для деспотизма, зря... Стихотворный дар его [Хитрово выпустил в 1892 г. сборник стихотворений, повторенный в 1896 г. — *С. Д.*] пошел на обидные, личные эпиграммы да на бесцветные стихи. В политических и социальных идеях влачился всегда по пятам либералов и смеялся (помните?) над моими «пророчествами». Все невпопад; и энергия вся — без пользы и себе и другим. Для дела русского полагаю, будет выигрыш от его заточения в какую-то Португалию» («Русское Обозрение», 1897, кн. 7, стр. 423—424). Хитрово вошел в Благова («Одиссей» Леонтьева) своими чертами родовитого барича, избалованного эгоиста, причудливого самоугодца с придирчивым эстетическим вкусом.

[9] Ingres (Jean-Auguste-Dominique) — Жан Огюст Доминик Энгр (1780—1867) — знаменитый французский художник — неоклассик. («Эдип», 1808, «Апофеоз Гомера», 1817, «Обет Людовика», 1824 и др.).

[10] Н. Н. Ге (1831—1894), знаменитый художник, автор картин на исторические («Петр I допрашивает царевича Алексея», 1871) и религиозные («Тайная вечеря», 1863, «Утро воскресенья», 1869, «В Гефсиманском саду», 1869) темы.

[11] О романе К. Леонтьева «Генерал Матвеев» см. примечание 49—Упоминаемый далее «Вопрос» Маркевича—«Спорный вопрос»—роман Б. М. Маркевича (1822—1884), автора повестей из великосветской жизни и обличительных реакционных романов, печатавшихся в «Русском Вестнике» Каткова.

[12] Всеволоду Владимировичу Крестовскому (1840—1895), автору «Петербургских трущоб» (1864—1867), принадлежат два романа, в которых он, типичный поставщик реакционных романов, пытается объяснить успехи освободительного движения 1860-х годов связью его с польскими повстанцами. Это — «Панургово стадо» и «Две силы», печатавшиеся в «Русском Вестнике». В 1875 г. оба романа изданы отдельно под названием «Кровавый пуф».

[13] На Страстном бульваре, в доме Университетской типографии помещались редакции «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника», издаваемых М. Н. Катковым.

[14] «Императорский лицей в память цесаревича Николая», — среднее и высшее учебное заведение, основанное в 1867 г. Катковым в противовес гимназиям и университетам, которые он считал слишком демократическими по типу и оппозиционными по направлению, — помещался в бывшем дворце великого князя Михайла Павловича, возле Крымского моста.

[15] Леонтьев, Павел Михайлович (1822—1875), с которым обычно смешивают К. Н. Леонтьева, — профессор московского университета по кафедре римской словесности, издатель сборников «Пропилеи» в 1850-х годах, был самым близким сотрудником Каткова по редактированию «Московских Ведомостей» и «Русского Вестника», в которых П. Леонтьев выступал в качестве политического публициста. Яркую характеристику его дал С. М. Соловьев: «Маленькая двугорбая фигура с четвероугольным матово бледным лицом, густыми русыми волосами, карими холодными, не проницательными, но внимательными, старающимися проникнуть и потому очень неприятными, глазами. Первое, что поражало в Леонтьеве внимательного человека, — это напряженное внимание, с каким он обращался ко всему, желание проникнуть, изучить человека, дело, отношение. Цепкость была отличительным качеством Леонтьева; вцепится во что-нибудь — не отстанет; «собака» (репейник) есть лучшее для него подобие. Эта цепкость в каждом деле была драгоценным его качеством для Каткова, когда они вместе издавали журнал, газету, завели лицей; нетерпеливый впечатлительный Катков приходил в от-

чаяние от каждой неудачи, от каждой ошибки, от каждого препятствия; но Леонтьев вцепился крепко в дело, и ничем нельзя было его отцепить; всякую беду он надеется переждать, всякое препятствие преодолеть, всякую ошибку поправить; он везде ровен, выдержлив; бешеный Катков опрокинется на него с упреками, — Леонтьев выдержит спокойно и успокоит. Та же цепкость — в привязанности и во вражде» («Записки С. М. Соловьева», П., 1910, стр. 131—132).

[16] «Хитровы» — *М. А. Хитрово* (см. выше) и его жена — Софья Петровна, урожд. Бахметева, племянница гр. С. А. Толстой, вдовы поэта гр. А. К. Толстого. Женщина тонкого ума, изысканной образованности, блестящая собеседница, внимательная к поэзии и философской мысли, С. П. Хитрово привлекала к себе творческое и жизненное внимание А. А. Фета, Вл. С. Соловьева, Д. Н. Цертелева и многих других. Наследница гр. А. Толстого, она унаследовала его друзей. С. П. Хитрово возглавляла один из последних — если не последний — аристократических салонов, еще обладавших живыми связями с литературой. Последняя представительница того салонного периода русской дворянской литературы, который связан у нас с именами Е. А. Карамзиной, А. О. Смирновой (Россет), С. П. Свечиной, гр. А. Д. Блудовой, гр. Е. П. Ростопчиной, гр. Е. А. Салиас и др., С. П. Хитрово закономерно возбуждает в Леонтьеве воспоминания о знаменитых хозяйках литературно-аристократических и буржуазных салонов Франции XVIII и начала XIX столетий.

[17] Гр. А. К. Толстой — (1817—1875).

[18] Кн. Алексей Николаевич Цертелев (1848—1883), дипломат и писатель, начавший дипломатическую карьеру секретарем генерального консульства в Белграде, в 1874 г. младший секретарь русского посольства в Константинополе. В дальнейшем был управляющим консульствами в Адрианополе и Филиппополе. Цертелев был одним из ярких выразителей «игнатьевского» натиска на Турцию, предшествовавшего войне 1877—1878 гг.: для Цертелева политическая экспансия Игнатьева превращалась в увлекательную экспансию собственной карьеры. В 1876 г. Цертелеву в качестве секретаря посольства было поручено следствие о так называемой «болгарской резне», и его доклад был использован Игнатьевым как один из важнейших аргументов в пользу дипломатического, а потом и вооруженного вмешательства России в турецкие дела. По словам Цертелева, он еще «за несколько дней до манифеста о войне определился охотником в один из драгунских полков», а затем «был переведен во 2-й конный полк Кубанского казачьего войска». В составе этой казачьей части Цертелев проделал первый забалканский поход, описанный им в «Письмах с похода» («Русский Вестник», 1878, кн. 9, стр. 206—266). Когда после берлинского трактата была создана автономная «Восточная Румелия», Цертелев был назначен первым русским генеральным консулом в ее столицу Филиппополь, где принял решающее участие в составлении органического статута для В. Румелии. «Он (Цертелев) выдвигался из числа многих, но он в существе был себялюбец, любил выставлять себя и схватывал вопросы как-нибудь для личных целей. Mania gloriosa — он сошел с ума. Телеграфировал во все концы мира, приглашал всех высокопоставленных лиц Европы на вечер в Коллизей». Г. А. Воллан называет Цертелева «карьеристом с недюжинными способностями, но политическим шарлатаном» («Очерки прошлого. Дневник за 1882 г.», «Голос Минувшего», 1914, № 5, стр. 146). К. Ф. Головин именует его «enfant terrible» в среде дипломатии («Мои воспоминания», том I, стр. 308). К. Н. Леонтьев держался приблизительно такого же мнения о Цертелеве (см. отзывы в письмах к К. А. Губастову в «Русском Обозрении», 1894—1897 гг.).

[19] Мадам Ону — супруга дипломата Михаила Конст. Ону (см. ниже), урожденная Луиза Александровна Гаранкур, приемная дочь бар. А. Г. Жомини (1814—1888), видного дипломата эпохи Николая I и Александра II, в 1875 г. управлявшего временно министерством иностранных дел. Находя, что «Мадам Ону очень легкомысленна, беспорядочна и ненадежна» (письмо к Е. С. Карцовой от 23 апреля 1878 г.), Леонтьев ценил в ней блестящую собеседницу.

[20] Константин Аркадьевич Губастов (1845—1913), видный дипломат эпохи Александра II, Александра III, Николая II, ближайший друг К. Н. Леонтьева. Познакомившись с Леонтьевым в 1867 г. в Константинополе, Губастов оставался в самых близких дружеских отношениях с ним вплоть до его смерти. Дипломатическая карьера Губастова протекала в течение первого своего десятилетия на Востоке (1867 г. — секретарь консульства в Адрианополе, должность, в которой Губастов сменил Леонтьева; в 1869 г. — консул в Виддине; 1872 — 2-й секретарь посольства в Константинополе, в 1878—генеральный консул там же), как бы параллельно с карьерой Леонтьева. Им подолгу случалось жить вместе (в Константинополе в 1867 и в 1872—1874 гг., в Петербурге в 1878, в Варшаве в 1880-х годах); в остальное время велась деятельная переписка. Леонтьев неоднократно говаривал, что до конца знают его только два человека — племянница М. В. Леонтьева и К. А. Губастов. Эта исключительная близость подтверждается их пере-

пиской: письма Леонтьева к Губастову, напечатанные им в «Русском Обозрении» (1894 г., кн. 9, 11; 1895, кн. 11, 12; 1896, кн. 1—3, 11, 12; 1897, кн. 1, 3, 5—7) и в сборнике «Памяти К. Н. Леонтьева» (СПБ, 1911), являются важнейшим источником для изучения как жизни, так и мировоззрения Леонтьева, который делал Губастова поверенным самых затаенных своих исканий: к Губастову обращены, например, все высказывания Леонтьева 1870—1880-х годов о социализме, идущем на смену господству буржуазного либерализма. В своей статье «Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве» (Сб. «Памяти К. Н. Леонтьева», стр. 187—234) Губастов дал весьма последовательный разрез жизни Леонтьева, многие выводы которого следует учесть при ознакомлении с биографией и идеологией Леонтьева. Дальнейшая дипломатическая карьера Губастова (в 1879 г. чиновник министерства иностранных дел в Варшаве, в 1880-х годах—генеральный консул в Вене и т. д.) привела его к посту посланника при римском папе и к должности товарища министра иностранных дел.—Губастову принадлежит ряд исторических работ по истории русских дипломатических отношений; он редактировал 140-й том «Сборника Русского Исторического Общества» (СПБ, 1912).

[21] С. П. Каткова, дочь известного писателя-сентименталиста начала XIX ст. кн. П. И. Шаликова (1768—1852), жена (с 1852 г.) М. Н. Каткова. «Тщедушная, маленького роста, она была очень дурна собой; образование ее не шло далее уменья болтать по-французски, но все бы это еще ничего, если бы не образцовая ее глупость», — пишет апологет Каткова, Е. М. Феоктистов. — «Чем могла она подействовать на такого человека, как Катков? Княжеский титул ее ровно ничего не значил, состояния она не имела никакого, Шаликовы находились чуть не в нищете. Ф. И. Тютчев по поводу этого странного союза человека умного с глупою женщиной заметил однажды: «Что же, вероятно, Катков хотел свой ум посадить на диэту». Сколько лет я был связан тесною дружбой с М. Н., но никогда не мог сойтись с его супругой. Она положительно действовала мне на нервы. Глупость кроткая, безобидная, пожалуй, примиряет с собой, другое дело глупость с претензиями, которых у С. П. Катковой было очень много и самых нелепых» (Е. М. Феоктистов. «За кулисами политики и литературы. 1848—1896.» Л., 1929, стр. 87—88).

[22] В исторической теории, развиваемой Леонтьевым, утверждается триединый процесс развития: 1) первичная простота, 2) цветущая сложность и 3) вторичная простота. О третьем фазисе процесса Леонтьев пишет: «Если дело идет к смерти, начинается упрощение организма... Что бы развитое мы ни взяли, болезни ли (органический сложный и единый процесс) или живое цветущее тело (сложный и единый организм), мы увидим одно, что разложению и смерти второго (организма) и уничтожению первой (процесса) предшествуют явления: упрощение остальных частей, уменьшение числа признаков, ослабление единства, силы и вместе с тем смешение. Все постепенно понижается, мешается, сливается, а потом уже распадается и гибнет, переходя в нечто общее, не собой уже и не для себя существующее» («Византизм и славянство», гл. VI, Что такое процесс развития? — К. Леонтьев, т. V, стр. 191—192).

[23] «Русский Вестник» — ежемесячный журнал, основанный Катковым в 1856 г. и издававшийся им по день смерти. В 1850-х годах журнал, привлекавший лучшие литературные силы, был органом буржуазно-дворянского либерализма с англоманской окраской. С эпохи польского восстания журнал превращается в наиболее влиятельный и устойчивый консервативный ежемесячник, окончательно прекратившийся только в 1905 г. В 1870-х годах в «Русском Вестнике» участвовали Достоевский («Бесы» и «Братья Карамазовы»), Л. Толстой («Анна Каренина»), Лесков («Соборяне», «На ножах»), П. Мельников-Печерский («В лесах») и др. Вся художественная и публицистическая деятельность К. Леонтьева в 1870-х годах протекала, за редким исключением, в «Русском Вестнике». Фактическим редактором был проф. Н. А. Любимов; верховное руководство принадлежало Каткову.

[24] Федор Николаевич Берг (1840—1907), поэт, беллетрист, и журналист (псевдоним Н. Боев); начав в 1860 г. в некрасовском «Современнике»: в 1863 г. его роман «Закоулок» печатался рядом с «Что делать?» Чернышевского,— Берг кончил в 1905 г. редактированием черносотенного журнальчика «Родная Речь». Из радикала-«шестидесятника» Берг уже к концу 60-х годов успел превратиться в консервативного сотрудника «Русского Вестника», «Гражданина» и др. В 1870-х годах он редактировал «Русский Мир», с середины 1870-х по начало 1880-х — «Ниву», с 1887 г., после смерти Каткова, — «Русский Вестник». Во всех этих изданиях, в редакторство Берга, печатался К. Леонтьев.

[25] Под титулом «либеральный нигилизм» Леонтьев объединяет всю неконсервативную печать своего времени во всей пестроте ее политических и социальных оттенков, включая сюда умеренно-либеральный «Вестник Европы» М. М. Стасюлевича, народнические «Отечественные Записки» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова, радикально-разночинческое «Дело» Г. Е. Благосветлова и буржуазно-

либеральные газеты «Петербургские Ведомости» В. Ф. Корша и «Биржевые Ведомости» П. С. Усова.

[26] Коммерческое училище на Остоженке.

[27] Михаил Никифорович Катков (1818—1887) — известный публицист-реакционер. В молодые годы он был членом философского кружка Белинского и Бакунина, сотрудничал в «Московском Наблюдателе» и «Отечественных Записках». В 40-х годах Катков примыкал к правому крылу западников. С 1851 г. Катков становится редактором (с перерывом в 1857—1862 гг.) арендуемых у университета «Московских Ведомостей»; в 1856 г. основывает «Русский Вестник», в котором делает первые опыты обсуждения политических вопросов в духе умеренного либерализма; с 1863 г. — со времени польского восстания, Катков делается самым влиятельным публицистом реакционного лагеря; к его мнениям прислушивались, как к подголоску русского правительства, политические деятели Запада. Отличаясь гибкою приспособляемостью к различным веяниям правящего Петербурга, Катков в общем выступал защитником неограниченного самодержавия и охранителем политического и экономического господства дворянства, как класса. В руках Каткова в 1870-х и 1880-х годах находилась инициатива многих реакционных мероприятий правительства.

Отношение К. Леонтьева к Каткову было двойственно. К Каткову — как к личности, как к редактору и издателю — Леонтьев относился с нескрываемым отвращением: в январе 1891 г. Леонтьев, указывая в письме к И. И. Фиделю на влиятельность Каткова-публициста, оговаривается: «Говорю все это вопреки моему личному нерасположению к покойному Каткову. Катков лично производил на меня впечатление самого не прямого, самого фальшивого и неприятного человека». («К. Леонтьев о Владимире Соловьеве и эстетике жизни», М. 1912, стр. 25). В более откровенных признаниях Т. И. Филиппову Леонтьев уточняет эти «впечатления» прямыми фактами. Получив назначение на должность цензора в Москве, Леонтьев писал 14 декабря 1879 г. в неизданном письме к Т. И. Филиппову: «Кстати о Каткове, — у него столько коммерческого цинизма в сношениях с сотрудниками (по крайней мере со мной), что он, пожалуй, цену удвоит мне за то, что я цензор». 26 февраля 1883 г. Леонтьев писал Филиппову: «Вы легко поймете, что значит зависеть исключительно от него (Каткова). Это истинная, должно быть, каторга. Я слава богу, в такой прямой зависимости от него не был, но и тех литературных и денежных отношений, которые я с ним имел, достаточно, чтобы вообразить, каково в иные минуты положение человека, стоящего в более тесной связи по должности и по пропитанию семьи с этим гениальным и пока еще незаменимым подлецом. Он способен, ни слова не говоря, перестать платить человеку и т. п.» (неизданное письмо).

О самобытности, глубине и силе Каткова, как мыслителя, Леонтьев также был отрицательного мнения: «У Каткова и тени нет смелости в *идеях* [разрядка Леонтьева], ни искры творческого гения, — он смел только в деле государственной практики и больше ничего» (неизданное письмо к Филиппову от 24 февраля 1882 г.).

Катков — «государственный практик», прямой активист реакционной «злобы дня» 1860—1880-х годов, — вот кто привлекал к себе внимание и полнейшее сочувствие Леонтьева. Это сочувствие в предельно откровенной форме выражено Леонтьевым в статье: «Катков и его враги на празднике Пушкина». («Варшавский дневник», 1880; Леонтьев, т. VII, стр. 198—219). В ней он писал, как истый представитель реакционнейшей из групп поместного дворянства, охраняющего свою привилегию быть классовой основой самодержавно-бюрократической государственности: «Катков стоит так одиноко и на такой высоте среди деятелей политической печати нашей, имя его в течение стольких лет было так тесно связано со всеми замечательными событиями современной истории русской, что говорить о нем и его врагах почти то же, что говорить о нашем государстве и его недоброжелателях, его изменниках». В дни открытия памятника Пушкину, когда Тургенев, при сочувствии всех радикальных и прогрессивных элементов русской общественности, отверг примирительно протянутую руку Каткова, а Общество любителей российской словесности не пожелало допустить депутата от «Московских Ведомостей» на пушкинские торжества, — Леонтьев демонстративно вносил предложение: «Отчего не поднесло тотчас же московское общество защитнику Церкви, Самодержавия и Дворянства (*отчасти* и народности) какого-нибудь вещественного выражения своего уважения? Если бы у нас, у русских, была бы хоть искра нравственной смелости и того, что зовут умственным творчеством, то можно было сделать и неслыханную вещь: *заживо политически канонизировать Каткова*. Открыть подписку *на памятник ему, тут же близко от Пушкина на Страстном бульваре*. Что за беда, что этого никто никогда и нигде не делал? *Тем лучше* — «*Именно потому-то* мы и сделаем». Пусть это будет крайность, пусть это будет неумеренная вспышка ре-

акционного увлечения. Тем лучше! Пора учиться, как делать реакцию». [разрядка везде Леонтьева]. В этом призыве к воздаянию «медной хвалы» Каткову, Леонтьев с яркостью высказывает то, за что так неслыханно готов превознести «публичного мужчину»: Катков — защитник Церкви, Самодержавия и Дворянства. Знаменитую уваровскую формулу «православие, самодержавие и народность» Леонтьев реакционизирует: «Дворянство»,—неприкрытый никаким туманным покрывалом класс дворянства, ставит он на место туманной уваровской «народности»; ей дается в новой реакционной формуле лишь место жалкого привеска: «народность» ограничена у Леонтьева и словом «отчасти», и скобками, и маленькой начальной буквой. Однако и в этой своей беспримерной апологии Каткова Леонтьев, как и в частных письмах, заявляет, что его привлекает в Каткове лишь опытный практик-профессионал реакции, а никак не мыслитель: «Пусть не примут эти слова мои за чрезмерную лесть г. Каткову», — оговаривается Леонтьев. — Я уже не раз говорил, что я во многом с ним не согласен; и некоторые мнения его (слишком европейские по стилю) мне невыносимы и сильно раздражают меня» [разрядка Леонтьева]. Вне пыла и спешки политической минуты, после смерти Каткова, Леонтьев сформировал свое окончательное суждение о нем, высказав его в письме к самому близкому своему собеседнику — К. А. Губастову: «Катков самым родом своей деятельности, неустанною заботою о «злобе дня» съузил искусственно свой кругозор («le journalisme c'est le tombeau du génie» — «журнализм — это могила для гения»). В мнениях его часто важно было не то, что̀ говорит человек, а кто говорит. Ему верили в Петербурге, и его заслуга историческая не в прозорливости какой-нибудь (он все говорил для своего успеха во-время, для государства — поздно), а в том, что он умел свой колокол, в котором серебра было уж не так-то много, высоко и выгодно для акустики повесить. У него можно учиться ловкости и чутью, а не идеям. Ни в печати, ни даже в частных беседах я ни слова от него нового не слыхал» (письмо от 1 июля 1888 г., «Русское Обозрение», 1897, кн. 3, стр. 452).

В этом суждении даже практическая роль Каткова существенно ограничивается Леонтьевым: все, что̀ он проповедывал, как публицист, было уже «для государства поздно», т. е. практически бесполезно для разрушающейся дворянско-самодержавной «Империи Российской».

[28] Леонтьев с видимою охотою выписывает предельно резкий отзыв А. И. Герцена о Каткове. Подчеркивая политическую продажность Каткова и его газеты, Герцен называл его «полицейским содержателем публичного листка в Москве». С таким же сочувствием цитирует Леонтьев далее отзыв Герцена об Ив. С. Аксакове. Сложные отношения К. Леонтьева к А. И. Герцену еле намечены в статье проф. П. Ф. Преображенского: «Александр Герцен и Константин Леонтьев. Сравнительная морфология творчества» («Печать и Революция», 1922, кн. 2, стр. 78—88); марксистская разработка этой темы — дело будущего. К. Леонтьев был одним из прилежнейших читателей Герцена. С сочинениями его он не разлучался даже в афонской келье (К. Леонтьев. «Отшельничество, монастырь и мир. Четыре письма с Афона». Сергиев Посад. 1913, стр. 3) и многократно обращался к мысли Герцена в своих сочинениях и письмах. Ярче и определеннее всего Леонтьев выразил свое отношение к Герцену в своих предсмертных «Письмах к Вл. С. Соловьеву»: «Со стороны исторической и внешне-жизненной эстетики я чувствовал себя несравненно ближе к Герцену, чем к настоящим славянофилам. Разумеется, я говорю не о Герцене «Колокола»; этого Герцена я в начале 60-х годов ненавидел и даже не уважал; но о том Герцене, который издевался над буржуазностью и прозой новейшей Европы. Читая только Хомякова, Аксакова (даже скажу и Каткова отчасти), в голову бы не пришло ненавидеть всесветную буржуазию (в которую в сущности стремится перейти и работник западный); Герцен же издевался прямо над этим общим и подавляющим типом человеческого развития. И последуя за ним по «сродству природы», я придумал позднее и выражение «средний человек, средний европеец» и т. д. (Леонтьев имеет в виду свою работу «Средний европеец, как идеал и орудие всемирного разрушения», начатую еще на Афоне и оконченную в самом конце 1880-х годов; Леонтьев, т. VI, стр. 1—81). Отклониться, по возможности, от того пути, который ведет к размножению этих средних людей и к господству их; сократить (а если можно, то и создать) наиболее разнообразные пути для развития человечества, вот о чем я мечтал тогда для России; вот на чем я остановился временно в конце 1860-х годов» (Леонтьев, т. VI, стр. 336; подобные же мысли еще более подробно развиты Леонтьевым в письме к Фуделю от 6 июля 1888 г., см. И. Фудель «Культурный идеал К. Н. Леонтьева», «Русское Обозрение», 1895, кн. I, стр. 262—264).

У Герцена и Леонтьева оказались некоторые точки соприкосновения в резком отрицании европейской буржуазии, враждебном неприятии всех путей ее

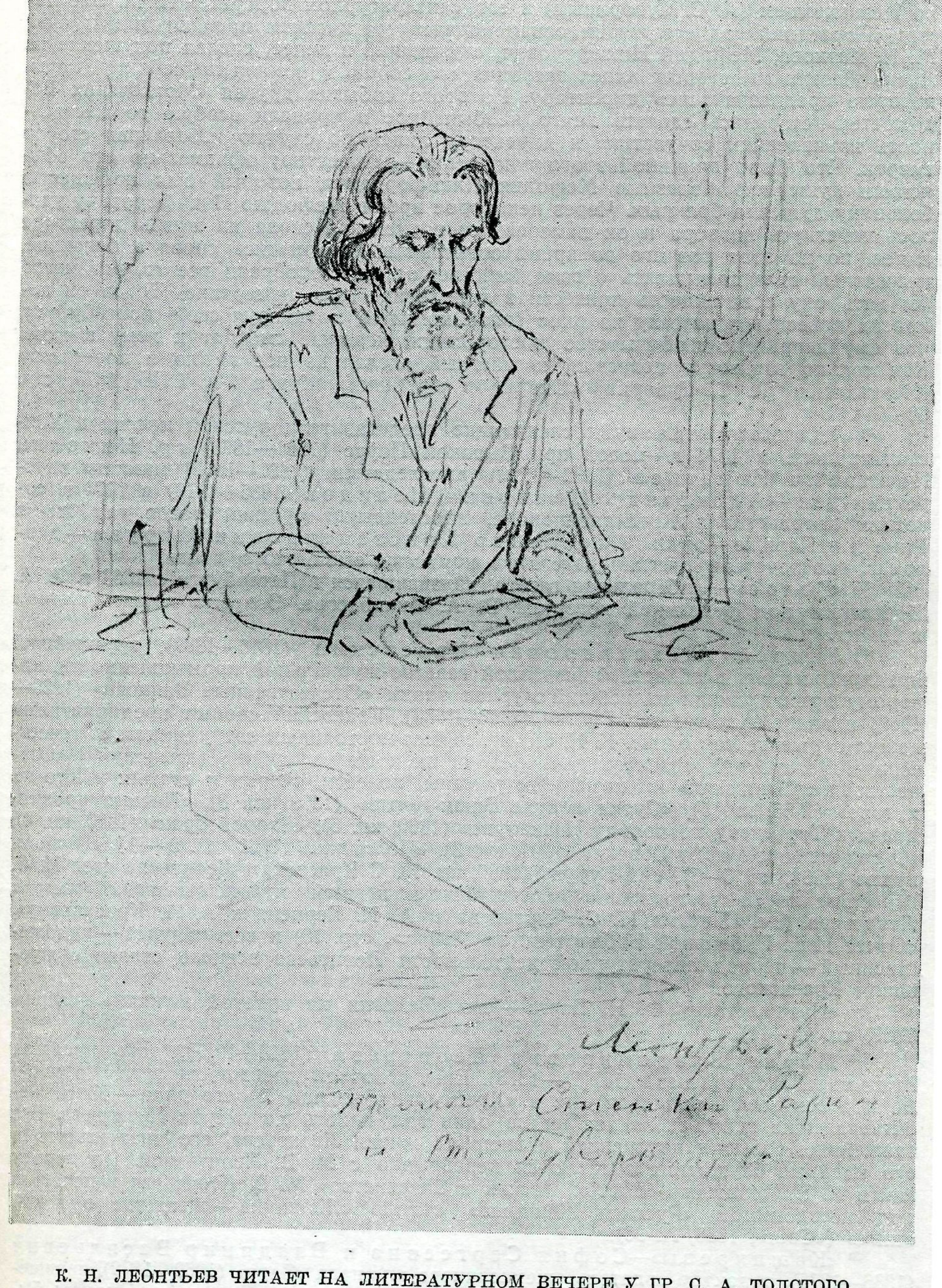
политического и культурного развития. М. Н. Покровский даже указывал, что к «самой мирной буржуазной культуре Леонтьев питал непримиримую, стихийную ненависть» (М. П[окровский]. «Леонтьев, К. Н.». Энциклопедический словарь Граната, 7-е перераб. издание, том XXVII, стр. 36—39). Торжество буржуазии представлялось Леонтьеву издевательством над человеческим разумом, банкротством истории: «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, — спрашивал он, — что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арабелами, что апостолы проповедывали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, *чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной* и комической своей одежде благодушествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия?» В свою очередь, Герцен признавался: «Я утратил веру в слова и знамена, в канонизированное человечество и единую спасающую церковь западной цивилизации» («Былое и Думы», том IV). Утратив эту веру, Герцен обрел полу-народническую веру в Россию, как в новый мир культурно-государственного бытия. Герцен в русском народе и его общинном устройстве видел драгоценные залоги будущего социалистического устроения, — и для того, чтобы доставить этим залогам возможность превратиться в социалистическую действительность новой России, готов был приветствовать все пути, ведущие к этому торжеству народно-социалистической России. Для Леонтьева, наоборот, своеобразность и самобытность русского «культурного типа» была связана с сохранением тех «охранительных» «русских» начал, какие он видел в настоящем: с сохранением и даже усилением суровой государственности, властно карающей церковности, строго регламентированной кастовой сословности, политическо-культурной диктатуры класса дворянства. Для утверждения «своеобразия» русского культурно-исторического и социально-экономического развития Герцену в конце концов была нужна революция. Леонтьеву нужна была умная, талантливая, но беспощадная реакция. «Надо подморозить хоть немного Россию, чтобы *она не гнила»,* — *говорил он.* Частный пример покажет всю противоположность путей Герцена и Леонтьева. Русская крестьянская община для Герцена была этапом к социализму, и именно она внушила Герцену, по выражению Плеханова, «мысль об экономической самобытности» России, дающей нам возможность миновать «мещанскую дорогу западноевропейского развития» (Г. В. Плеханов. «Герцен». ГИЗ, 1923 г., стр. 83). Для Леонтьева крестьянская община была, наоборот, крепостной ячейкой, прикрепляющей крестьянина к земле и консервативному быту; это значение общины, в глазах Леонтьева, было усилено и закреплено, когда в деревне появился, как страж крестьянской «самобытности», земский начальник (см. статью Леонтьева в честь изобретателя «земских начальников» А. Д. Пазухина, — Леонтьев, том VII, стр. 412—426).

[29] Синодальная типография в Москве, на Никольской улице, была центральной государственной типографией для печатания богослужебных и религиозных книг. Должность директора, с большим окладом, в 1860-х годах занимал известный славянофил Н. П. Гиляров-Платонов.

[30] Гр. Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889) в 1874 г. занимал два поста — обер-прокурора святейшего синода (с 1865 г.) и министра народного просвещения (с 1866). Уволенный в 1880 г. от обеих должностей, он при Александре III с 1882 г. до смерти был министром внутренних дел. «Он был создан для того, чтобы служить орудием реакции. Человек не глупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный, ненавидящий всякое независимое движение, всякое явление свободы, при этом лишенный всех нравственных побуждений, лживый, алчный, злой, мстительный, коварный, готовый на все для достижения личных целей, а вместе доводящий раболепство и угодничество до крайних пределов» («Воспоминания Б. Н. Чичерина», М. 1929, стр. 192—193). Леонтьев ценил Толстого за то, что он «решил так смело и почти неожиданно приступить к перестройке расшатанного эгалитаризмом российского государственного здания» («Над могилой Пазухина», 1891; Леонтьев, том VII, стр. 412), за реакционную политику, направленную на реставрацию и утверждение дворянско-бюрократического полицейского государства.

[31] Михаил Константинович Ону (ум. 1901 г.), дипломат, приятель Леонтьева. Дипломатическая служба Ону, протекавшая на разных ступенях служебного восхождения (в 1874 г. в Константинополе он был первым драгоманом), завершилась местом посланника в Афинах, которое он занимал до смерти. Леонтьев признавал в Ону большого знатока жизни и быта народностей Балканского полуострова и поручил ему просмотр своего «Одиссея» для предполагавшегося издания на греческом языке. Билатеральный — двусторонний, говорящий на две стороны, двуличный.

[32] «Удивляюсь, дорогой мой, как это Вы — человек, одаренный таким воображением, — как Вы умудряетесь быть практичным консулом с умеренными взгля-



К. Н. ЛЕОНТЬЕВ ЧИТАЕТ НА ЛИТЕРАТУРНОМ ВЕЧЕРЕ У ГР. С. А. ТОЛСТОГО
Карандашный рисунок Е. С. Селивачевой, 1884 г.
Частное собрание, Москва

дами... Да и Ваши политические писания до крайности положительны... Видите ли, я сам человек практический...» и т. д. На это я ему отвечал смеясь: «Это очень просто. Дело в том, что я очень одаренный человек и обладаю множеством разнообразных ресурсов...»

[33] Столкновение брата Каткова с П. М. Леонтьевым наиболее полно изложено Незнакомцем (А. С. Сувориным) в его «литературном портрете» П. М. Леонтьева: «Последний год его жизни ознаменовался трагическим происшествием: брат М. Н. Каткова, Мефодий Никифорович, служивший в лицее, сделал покушение на жизнь Леонтьева; сторож лицея заслонил его собою и принял на себя те удары, которые предназначались директору. Из этого события друзья «Московских Ведомостей» старались сделать нечто необычайное и придали особую торжественность изъявлениям сочувствия к директору лицея по случаю избавления его от смерти. Что было причиной этого покушения—неизвестно; официально его объяснили душевною болезнью Мефодия Никифоровича, который был помещен в больницу душевно больных. Через некоторое время Мефодию Никифоровичу удалось избегнуть надзора и он намеревался покуситься снова на жизнь директора лицея, но на этот раз его во время остановили. Очутившись снова в больнице, несчастный стал помышлять о самоубийстве; от него отобрали все то, что могло бы дать ему возможность привести в исполнение свое намерение. Тогда он попросил повесить занавеску на окно своей комнаты, мотивируя свою просьбу тем, что ему неприятно любопытство посторонних, которые смотрят к нему в окно. Как только занавеску повесили, несчастный сделал из нее петлю и повесился» (Незнакомец [А. С. Суворин] «Очерки и картинки», Книга 2-я, СПБ, 1875, стр. 60—61).

[34] Леонтьевым упомянуты следующие представители русской миссии в Константинополе в 1874 г.—посол при Высокой Порте (1864—1878) гр. Николай Павлович Игнатьев (1832—1908), впоследствии (1881—1882) министр внутренних дел.—Александр Иванович Нелидов (1835—1910) в 1874 г. советник посольства в Константинополе, впоследствии русский посол там же, в Риме и в Париже—и кн. Александр Константинович Мурузи—дипломат, впоследствии русский делегат в комиссии египетского долга.

[35] «Голос»—либеральная газета, издававшаяся в Петербурге с 1863 г. А. А. Краевским под редакцией историка В. А. Бильбасова. Закрыта правительством в 1883 г.

[36] Андрей Александрович Краевский (1810—1889), крупнейший предприниматель в области буржуазной газетно-журнальной промышленности, которому принадлежали виднейший журнал эпохи «Отечественные Записки» (1839—1868) и виднейшая газета «Голос» (1863—1883). Краевский своими предприятиями нажил огромное состояние. К. Н. Леонтьев был постоянным сотрудником «Отечественных Записок» Краевского до перехода их к Некрасову и Салтыкову. В «Отечественных Записках» им помещены романы, повести, очерки и статьи: «Лето на хуторе» (1855, кн. 5), «Сутки в ауле Биюк-Дортэ» (1858, кн. 8), «Письмо провинциала к Тургеневу по поводу «Накануне» (1860, кн. 5), «Второй брак» (1860, кн. 4), «О сочинениях Марко Вовчка» (1861, кн. 3), «Подлипки» (1861, кн. 9—11), «В своем краю» (1864, кн. 5—7), «Ай-Бурун» (1867, кн. 7). С Краевским Леонтьева свел И. С. Тургенев, почти восторженно отнесшийся к первым художественным опытам Леонтьева (см. «Письма И. С. Тургенева и А. И. Герцена к А. А. Краевскому». «Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1890 г.», стр. 18) и весь первый—художественный—период литературной деятельности Леонтьева всецело связан с журналом Краевского.

[37] «Путешествие» Ф. Н. Берга—его «Заметки из путевой книжки» («Заря», 1869, кн. 10—11).

[38] Мария Владимировна Леонтьева (1848—1927), дочь писателя Владимира Н. Леонтьева (182[?]—1873). Еще девочкой двенадцати лет, «Маша»—М. В. Леонтьева—попадает уже в «Хронологию жизни» своего дяди—К. Н. Леонтьева и не исчезает из нее ни на один год, вплоть до смерти Леонтьева. Все важнейшие события внутренней и внешней жизни Леонтьева, его писательство и его идейные блуждания сплетаются неразрывно с М. В. Леонтьевой. По поводу книги К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и Славянство» М. В. Леонтьева напечатала под псевдонимом «Русская Женщина» статью «Женщина—женщине о новой книге» («Свет», 1886, № 96).

[39] «Кашпиревы»—София Сергеевна и Владимир Васильевич (1836—1875), редактор-издатель ежемесячного журнала «Заря» (1869—1872), явившегося продолжателем направления журналов Достоевского «Время» и «Эпоха»; былое «почвенничество» в «Заре» осознало себя в печатавшейся в ней «России и Европе» Н. Я. Данилевского, как культурно-философскую систему самозамкнутой националистической государственности. В «Заре» сотрудничали Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, Н. Н. Страхов и др. К. Н. Леонтьев по-

местил в «Заре» рассказ «Хамид и Маноли» (1869, кн. 11) и статью «Грамотность и народность» (1870, кн. 11—12, под псевдонимом Н. Константинов).

[40] В своих «Очерках и рассказах из жизни лесного края», печатавшихся сперва в «Заре» («Незадача» — 1870, кн. 12) и в «Русском Вестнике» («Необычайный случай», 1871, кн. 2, «Картины лесной жизни», кн. 12, «Хористы», 1872, кн. 4, «Каменный островок», кн. 7, «Ворон», кн. 9), а затем изданных отдельной книгой под заглавием: «Заозерье. Н. Боева» (СПБ, 1874), Ф. Н. Берг пытался изобразить «величие нравственных «устоев» старо-русской жизни, сохранившихся, будто бы, в северном крестьянстве. Леонтьев прав, находя, что это было своеобразным бегством от идей и мировоззрения передовых людей 1860-х годов, так как эти северо-лесные устои Берг противопоставлял шаткости «отрицательных» идей интеллигенции. Говоря о людях, «приведенных в отчаяние» поступательным движением радикального шестидесятничества, возглавлявшегося Н. Г. Чернышевским, Леонтьев имел в виду А. А. Фета, К. К. Случевского, А. Н. Апухтина, поэтов, замолкших в эту эпоху.

[41] Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864), известный критик, писавший в «Репертуаре и Пантеоне», «Москвитянине», «Русском Слове», «Времени», «Эпохе», «Якоре» и др. Григорьев резко враждебно относился к радикальным социально-политическим идеям 1860-х годов: писателей «Современника» и «Русского Слова» начала 1860-х годов он называл «тушинцами», потомками «тушинского вора», второго самозванца, выдвинутого социальной революцией начала XVII ст. К. Н. Леонтьев высоко ценил критический талант Ап. Григорьева: «Придет время, когда поймут, что мы должны гордиться им более, чем Белинским, ибо если бы перевести Григорьева на один из западных языков и перевести Белинского, то без сомнения Григорьев иностранцам показался бы более русским, нежели Белинский, который был не что иное, как талантливый прилагатель европейских идей к нашей литературе» (Леонтьев, т. VII, стр. 26). К. Н. Леонтьев оставил воспоминания об А. А. Григорьеве, не увидевшие света при жизни автора (напечатаны в «Русской Мысли» 1916 г. и перепечатны в книге «Ап. Григорьев. Воспоминания», под ред. Иванова-Разумника. Academia, Л., 1930).

[42] Иван Николаевич Шредер (р. 1835), ученик П. К. Клодта и Н. С. Пименова, еще посещая классы Академии Художеств, вылепил 10 статуй для скомпанованного М. О. Микешиным памятника 1000-летия России (Новгород). Получив командировку в 1864 г. за границу для осмотра музеев, Шредер внезапно уехал в Америку и четыре года проработал в Южной Америке. Вскоре по возвращении в Петербург, в 1869 г., он получил звание академика. В дальнейшем Шредером исполнены были памятники — Екатерины II (Царское Село), Петра I и Александра II (Петрозаводск), адмирала Крузенштерна (Петербург), адмирала Беллингсгаузена (Кронштадт) и др.

[43] К 1874 г. Леонтьев успел напечатать в журнале Каткова следующие повести из жизни греко-турецкого востока: «Хризо» (1868, кн. 7), «Пембе» (1869, кн. 9), «Поликарп Костаки» (1870, кн. 9), «Аспазия Ламприди» (1871, кн. 6—9).

[44] Николай Алексеевич Любимов (1830—1897), профессор физики в Московском университете и реакционный публицист «Московских Ведомостей», ближайший помощник Каткова по изданию «Русского Вестника», впоследствии автор книги «М. Н. Катков и его историческая заслуга» (М. 1889)—представляющей апологию Каткова. «Особенно же много потрудился по изобретению мер «обуздания» университетской науки» (В. Михневич «Наши Знакомые», СПБ, 1884 г., стр. 133).

[45] Николай Николаевич Воскобойников (1839—1882), публицист. Инженер по образованию, он был сотрудником М. Н. Муравьева по его «усмирительной» деятельности в Польше, откуда посылал в «Московские Ведомости» многочисленные корреспонденции. Сотрудничать же в изданиях Каткова начал еще раньше: еще в 1858 г. он напечатал в «Русском Вестнике» (кн. 7 и 8) статью «Ладожский канал». Деятельнейший член редакции «Московских Ведомостей», с 1875, после смерти П. М. Леонтьева, он сделался помощником главного редактора — Каткова.

[46] Осип Максимович Бодянский (1808—1877), знаменитый славист, профессор истории и литературы славянских наречий в Московском университете, приятель Гоголя и славянофильской семьи Аксаковых.

[47] «Складчина» — литературный сборник в пользу голодающих Самарской губернии, вышедший в марте 1874 г., при участии пятидесяти писателей всех направлений, начиная от крайнего правого фланга русской литературы—кн. П. А. Вяземского и К. П. Победоносцева и кончая левым флангом «Отечественных Записок»—Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым.

[48] Кохановская—псевдоним Надежды Степановны Сохáнской (1823—1884). Ее повести, печатавшиеся в 1850—1860-х годах в «Русском Вестнике», «Отечественных Записках» и в «Дне» И. Аксакова, вышли в 1863 г. в двух томах.

В «Складчине» под вычурным названием «Кроха словесного хлеба» помещена повесть Кохановской из времен Екатерины II, из идеализированного быта провинциального и вельможного дворянства. В критическом этюде «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого» («Русский Вестник», 1890, кн. 6—8) Леонтьев писал: «У нас, начиная с конца 40-х годов и до сих пор, женские таланты меньше поддались влиянию гоголевщины и натуральной школы вообще. Самые даровитые из наших женщин-авторов—Евгения Тур, М. Вовчок и Кохановская—по форме, по стилю, по манере все три больше уклонились от этого принижающего давления, чем более богатые и более содержательные таланты современных им мужчин. Повести Тур написаны языком чистым, простым,— старо-дворянским, так сказать». Упомянув о «нежной, кружевной и гармонической речи М. Вовчка», Леонтьев продолжает: «Кохановская тяжелее их, местами даже гораздо грубее. Но зато ее поэзия так могущественна и самобытна, ее язык местами так живописно-оригинален и страстен, что за некоторые неровности в изложении она вознаграждает сторицей... Иногда она напоминает и что-то гоголевское,— но какое? Она напоминает *положительные* стороны великой гоголевской музы: его мощный пафос, его выразительные, лирические, пламенные отношения к природе» (Леонтьев, т. VIII, стр. 322—323).

[49] «*Одиссей*» — см. выше — «*Болгарский вопрос*» — статья Леонтьева — «*Византизм и славянство*» — см. выше.

«*Матвеевым*» Леонтьев называет, по имени главного героя, свой роман «*Две избранницы*». Роман этот был написан в 1870 г. (см. неизд. письмо к Т. И. Филиппову от 3/VI 1885 г.)—и был, по словам Леонтьева, «отвергнут и Юрьевым для «Беседы», и Катковым для «Русского Вестника». Роман начал в 1885 г. печататься в иллюстрированном журнале «Россия» в Москве, но здесь была напечатана только 1-я часть, 2-я сохранялась в бумагах Леонтьева, а 3-я доселе неразыскана. В 1880-х годах Л. исправлял и дополнял старый роман. Замысел романа очень прост, как фабула, и очень сложен, как психологическая задача. «Нигилистка» Соня, девушка страстной натуры и большого и прямого ума, лишенная у Л. даже тени обычного реакционного окарикатуривания молодежи 1860-х годов, любит молодого полковника, а потом генерала, Матвеева,— человека умного, властного, с большими эстетическими требованиями к жизни.— Генерал женат. История его женитьбы чрезвычайно похожа на историю женитьбы самого Л-ва: он любит свою жену, простую красавицу-молдаванку,— но любит и Соню. Он предлагает Соне необычный исход. Соглашаясь на него, Соня пишет письмо жене Матвеева: «Ни вы, ни я не можем каждая отдельно наполнить жизнь вашего мужа—ему слишком много надо. Он слишком выше нас обеих (это, я думаю, вы мне простите). Обе же вместе мы можем составить для него такое счастье, какое еще люди не видывали и не испытывали. Я буду жить у вас как сестра — не больше, и прошу вас еще только об одном: если вам не понравится что-нибудь, если тогда жизнь будет вам тяжела — скажите мне дружески и прямо, я тотчас же уеду, и никого кроме судьбы винить не буду. Главное — чтобы мы ни в чем не винили друг друга».

На предложении жене Матвеева этого опыта свободы, очень схожего с тем, какой изображен в повести Леонтьева «Исповедь мужа», кончается сохранившаяся в рукописи 2-я часть романа. В нем всего четыре действующих лица; эпизодических лиц крайне мало; сценарий его упрощен до предела; элемент описаний почти отсутствует. Из изложения изгнано все, что по терминологии Леонтьева напоминало бы слишком яркую и подчеркнутую выразительность письма последователей гоголевской школы.

Межеумочное положение Леонтьева, как беллетриста, ярко сказалось на судьбе «Двух избранниц»: для либерально-славянофильской «Беседы» (1871—1872) роман оказался слишком правым, для катковского «Русского Вестника» он был неприемлем потому, что, не ведя нападения на «нигилистов» на манер Клюшникова, Лескова, Вс. В. Крестовского и др., Леонтьев давал такое разрешение вопроса о браке и любви, которое отнюдь нельзя было назвать консервативным.

Здесь уместно вспомнить меткое замечание М. Н. Покровского о литературной судьбе К. И. Леонтьева: «Громкую известность он приобрел, как публицист. Известность эта очень помешала оценке Леонтьева, как писателя, современниками; Леонтьев—талантливый беллетрист, Леонтьев—оригинальный и меткий критик—все это закрылось в глазах читателей образом Леонтьева, яростного апологета крепостного права во всех его проявлениях и проповедника «сладострастного культа палки» (слова И. С. Аксакова). Позднейшая после смерти Леонтьева литература о нем представляет собою реакцию против этого ходячего взгляда» (Энциклопед. словарь А. Граната, 7-е перераб. изд., том XXVII, стр. 35—39). М. Н. Покровский дает К. Леонтьеву следующее место среди публицистов правого лагеря: «Автор Московского сборника» (К. П. Победоносцев) был не последним русским публицистом по талантливости. Менее яркий и оригинальный, чем Константин Леонтьев, он был содержательнее и глубже Каткова, много живее и самостоятельнее Данилев-

ского, спокойнее и уравновешеннее Достоевского публициста» («Письма Победоносцева к Александру III». С предисловием М. Н. Покровского, том I, М. 1925, стр. VI).

[50] Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886), известный поэт, публицист и общественный деятель славянофильского лагеря.

О своем отношении к славянофильству И. С. Аксакова в начале 1870-х годов Леонтьев писал: «Я находился под влиянием книги Данилевского «Россия и Европа». С учением Хомякова и И. С. Аксакова я был уже давно тогда знаком в общих его чертах, и оно «говорило», так сказать, сильно моему русскому сердцу. Но я отчасти видел, отчасти только чувствовал в нем что-то такое, что внушало недоверие. Оно казалось мне и тогда уже слишком эгалитарно-либеральным для того, чтобы достаточно отделять нас (русских) от новейшего Запада. Другая же сторона этого ученья, внушавшая мне недоверие и тесно связанная с первой, — была какая-то односторонняя моральность. Это учение казалось мне в одно и то же время и не государственным и не эстетическим. Со стороны государственности меня гораздо больше удовлетворял Катков уже тем одним, что не искал никогда, как Аксаков, чего-то туманно возвышенного в политике, а пользовался теми силами, которые находились у нас под рукой. Со стороны не исторической и внешнежизненной эстетики я чувствовал себя несравненно ближе к Герцену, чем настоящим славянофилам» (Леонтьев, том VI, стр. 335—336).

[51] Кн. Владимир Александрович Черкасский (см. выше).

[52] Димитрий Федорович Самарин (1831—1901), брат известного славянофила Юрия Федоровича (1819—1876). Разделяя воззрения своего брата, Димитрий Самарин, подобно ему, принимал деятельное участие в городском и земском самоуправлении и писал по церковно-общественным, городским и земским вопросам.

[53] Василий Сергеевич Неклюдов (1818—1880), камергер, действительный статский советник, сотрудник «Русского Вестника» по политическим вопросам («Современные политические заметки», «Русский Вестник», 1876, кн. 9, 10, 11, 12). В. Неклюдову принадлежит сочувственный отзыв о повестях Леонтьева: «Литературная заметка. Из жизни христиан в Турции. Повести и рассказы К. Н. Леонтьева» в «Московских Ведомостях», 1876, № 100.

[54] Две статьи К. Леонтьева «Панславизм и греки» («Русский Вестник», 1873, кн. 2) и «Панславизм на Афоне» (там же кн. 4) подписаны псевдонимом «Н. Константинов».

[55] И. С. Аксаков подвергался, как поэт, публицист и редактор, длительным и систематическим преследованиям цензуры и правительства Николая I и Александра II. Еще до появления в печати его поэмы «Бродяга» ему пришлось держать за нее ответ в 1849 г. перед II Отделением. После выхода I тома «Московского сборника» (1852), редактированного И. Аксаковым, который поместил в нем и отрывки из «Бродяги», продолжение этого издания было запрещено, а Аксаков лишен был права быть редактором какого бы то ни было издания. В 1858 г. И. Аксаков неофициально взял на себя редакцию «Русской Беседы» и с него было снято запрещение быть редактором, но уже в следующем году (1859) начатая им еженедельная газета «Парус» была запрещена после выхода второго номера. В 1861—1866-х годах Аксаков издавал «День», непрерывно и упорно теснимый цензурой (см. подробности в письмах И. С. Аксакова к гр. А. Д. Блудовой в издании «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, СПБ., 1896, стр. 181—256), при чем в 1862 г. Аксаков был временно отстранен от редакторства.

В 1867 г. им была начата газета «Москва»; просуществовав неполных два года, газета подверглась в это время девяти предостережениям и трем приостановкам — в общей сложности на тринадцать месяцев. Аксаков пытался в один из подневольных перерывов (с 23 декабря 1867 г. по 14 февраля 1868 г.) издавать газету «Москвич». После третьей приостановки «Москвы» на шесть месяцев по приказу министра внутренних дел «за вредное направление», Аксаков принес в Сенат жалобу на министра; несмотря на то, что Сенат после длительных обсуждений стал на сторону Аксакова, дело было перенесено в Государственный совет, который согласился с министром, с нелепой оговоркой, что «хотя газета и запрещается, однако направление ее по существу нельзя признавать вредным». С закрытием «Москвы» Аксаков в отношении издательской деятельности на поприще журналистики оставался под запрещением целых двенадцать лет. Все хлопоты его и друзей его снять это запрещение не имели успеха до самого 1880 г. («Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И. С. Аксакова», М. 1888, стр. 7—29). С 1880 по смерть И. С. Аксаков издавал «Русь».

[56] М. Катков и П. М. Леонтьев были инициаторами, вдохновителями и упорными проводниками учебной реформы 1871 г., положившей в основу средней школы усиленное изучение классических языков. «Д. Толстой (министр народного просвещения), известный крепостник, явно высказывал свою нелюбовь к просве-

щению, в особенности простого народа... Едва ли он имел собственное мнение о лучшем способе образования в общественных учебных заведениях, а потому в этом деле вполне подчинился редакторам «Московских Ведомостей» — Каткову и Леонтьеву, которые полагали единственным способом образования изучение классических языков. В этом была и задняя мысль: Толстой и шеф жандармов гр. П. А. Шувалов надеялись излишним изучением древних языков отнять у большей части молодых людей не только охоту, но и возможность оканчивать свое образование в университетах, так как в них могли поступать только окончившие с успехом курс в классических гимназиях; окончившие курс в реальных гимназиях были лишены права на поступление в университет. В проекте Толстого, представленном в Государственный совет, намекалось на то, что реальные науки ведут к нигилизму и к непризнанию властей. По отчету Д. А. Толстого за 1873 г. оказалось, что «вследствие этих мер число студентов в университетах убавилось 1160-ю, а число гимназистов высшего класса, не получивших аттестата об окончании курса в гимназиях, дошло до 4000». (А. И. Дельвиг «Полвека русской жизни». Воспоминания, 1820—1870. М—Л. 1930, т. II, стр. 553—559).

[57] И. С. Аксаков служил в Калуге в 1845—1847-х годах, товарищем председателя уголовной палаты; в то время (1845—1851) губернатором там был Н. М. Смирнов (1807—1870), муж фрейлины Александры Осиповны Россет (1809—1882), приятельницы Пушкина, Жуковского, Гоголя, Лермонтова. Молодой И. С. Аксаков, как видно из его писем к отцу, часто бывал в семье калужских помещиков Семена Яковлевича и Варвары Михайловны Унковских: «Это дом довольно приятный. В нем вовсе не играют в карты, но занимают гостей музыкой и разговорами. Главное, что там могу я найти много книг для чтения, а английских сколько угодно. Унковский сам довольно интересный человек. Пробыл в Англии слишком два года. Говорит и знает по-английски превосходно, страстный поклонник всего английского, страстный почитатель Диккенса. В самом деле, человек он прекрасный, препочтенный, добрый, образованный» (письмо от 7 сентября 1845 г.) (И. С. Аксаков в его письмах, т. I, М., 1888, стр. 236, 271). «У Унковских мне совершенно свободно, бесцеремонно, мне всегда рады, я почти как свой, и в самом деле трудно найти семейство более русское и простодушное. Все они, не исключая и сыновей, люди невозмутимо верующие, добрые, честные. Дочери славные девушки, я люблю в них всякое отсутствие претензий» (письмо от 3 ноября 1845 г.).

[58] Леонтьев начал своё школьное образование в так называемом Дворянском полку. В неизданной «Хронологии моей жизни» читаем: «Осенью 43-го года и зимой 44-го года кадет; в дворянском полку. Весною 44-го года отпуск; в Кудинове; Приготовление из Латинского языка в 3 класс Калужской гимназии. Осенью 44-го года поступление в Калужск. гимназию 3 класс. 44—45 академический год. 45—46 академический год 4-го класс. 46—47. Академ. год. 5-й класс». Леонтьеву при калужских встречах с И. С. Аксаковым было 14—16 лет.

[59] После окончания Крымской кампании 1854—1856 гг., которую Леонтьев проделал военным врачом, он зимою 1856 г. взял шестимесячный отпуск и поселился у богатого помещика, известного ученого сельского хозяина и общественного деятеля, Иосифа Николаевича Шатилова (1824—1889), в его имении Тамак, на берегу Сиваша. «Я долго жил в степном имении Шатилова. Прекрасное имение. Я лечил его крестьян и соседей за годовую плату. Я катался верхом, гулял, читал. Здесь наконец я стал опять писать на покое. У Шатилова я много занимался сравнительной анатомией и медициной. Сам Шатилов влиял на меня в этом отношении. Он был страстный орнитолог, у него был прекрасный музей крымских птиц; я еще в гимназии обожал зоологию, и мы сошлись. Я читал у него Кювье и Гумбольдта и, мне кажется, чуть ли не думал внести в искусство какие-то новые формы на основании естественных наук» («Мои дела с Тургеневым и т. д. (1851—1861)». Леонтьев, том IX, стр. 150—151). И. С. Аксаков посетил имение Тамак в 1856 г., когда ездил по Крыму в качестве члена следственной комиссии по делу о злоупотреблениях интендантства во время войны, находившейся под председательством кн. Виктора Ивановича Васильчикова. 23 июля 1856 г. Иван Сергеевич писал отцу: «Здешние помещики большею частью получили огромные доходы; Шатилов (которого, впрочем, я еще не видал) составил себе огромный капитал одною продажею сена». В письме от 19 августа читаем: «Из Керчи великолепною степною дорогою приехал я на Сиваш или Гнилое море к Шатилову в его имение Тамак, где очень приятно прожил полторы суток... Славный человек Шатилов и не пошло проводит время, очень много читает и занимается, преимущественно естественной историей» («И. С. Аксаков в его письмах», т. III, М., 1892 г., стр. 266, 277).

[60] Леонтьев, близко наблюдавший болгарскую интеллигенцию и буржуазию в Адрианополе и Константинополе, в целом ряде статей («Панславизм и греки», 1873, «Византизм и славянство», 1875, «Русские, греки и юго-славяне», 1878, «Наше болгаробесие», 1879) доказывал, что обычное славянофильское представление о болгарах, как о свежем и молодом «народе», призванном, под руководством рус-

ского славянофильства, явить новые возможности в области славянской культуры и государственности, не соответствует действительности. Леонтьев настаивал на том, что Болгария европеизируется на западный манер, т. е., говоря точнее, идет обычным путем буржуазного развития. Имея в виду наблюдения Леонтьева над болгарами и цитируя одно место из его статьи «Панславизм и греки», М. Н. Покровский писал: «Глава славянского комитета, Аксаков должен был признаться, что на 12—15 человек болгар, учащихся в Москве, приходится несколько сотен болгар, слушающих лекции в германских и французских университетах. А люди, наблюдавшие «забытое и забитое» племя вблизи, находили, что болгарская интеллигенция очень напоминает европейскую буржуазию и, что было еще ужаснее, совершенно не сознает ближайшей исторической миссии славянства: изгнать турок из Европы и водрузить православный крест на св. Софии (далее, идет цитата из Леонтьева). Когда султан стал на сторону болгар, в их церковной распре с греками, он сделался прямо популярен среди этой интеллигенции, «болгарские учителя внушали своим питомцам одновременно ненависть «грецкому патрику», т. е. православному патриарху Константинополя, и преданность к «отеческому правительству султана, спасающему болгар от греков» [слова Леонтьева] (М. Н. Покровский. «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии». Из-во «Красная Нива», Главполитпросвет, М., 1923, стр. 251). По определению Леонтьева, болгарская буржуазия представляла собою «противное соединение» хищно-приобретательской, кулацкой грубости («Собакевич») с перенимаемыми из Европы формами внешней культурности и либерального республиканского парламентаризма, олицетворяемых Леонтьевым в образе знаменитого французского адвоката и политического деятеля Леона Гамбетта (1838—1882).

[61] Остров Халки, на Босфоре, под Константинополем, нечто вроде дачного места. Леонтьев жил на Халках в 1873—1874-х годах. «Я жил близко от знаменитой богословской халкинской академии (греческой),—пишет Леонтьев в неизданной «Исповеди»,—был дружен с монахами профессорами; ректором митрополитом Анхиольским любим; не раз или два-три раза, не помню, имел от него секретные поручения к Игнатьеву. Я очень часто бывал в Академии у вечерни и у обедни и потом, беседуя по-долгу с ректором и профессорами, многому у них научился и свои понятия о церкви уяснил».

— Федор Стоянович Бурмов (1824—18[?])—болгарский государственный деятель и видный публицист. Окончив «Московский университет, он основал в Константинополе журнал «Время» (1861). Из Константинополя Бурмов посылал корреспонденции в «Московские Ведомости» Каткова. При князе Александре Баттенбергском Бурмов достиг высших политических постов — председателя совета министров и министра внутренних дел Болгарии.

[62] Эта мысль Леонтьева параллельна основной мысли Н. Я. Данилевского (1822—1885): «Славяне, подобно своим старшим, на пути развития, арийским братьям, могут и должны образовать свою самобытную цивилизацию. Славянство есть термин одного порядка с Эллинизмом, Латинством, Европеизмом — такой же культурно-исторический тип, по отношению к которому Россия, Чехия, Сербия, Болгария должны бы иметь тот же смысл, который имеют Франция, Англия, Германия, Испания по отношению к Европе, — какой имели Афины, Спарта, Фивы по отношению к Греции. Всемирно-исторический опыт говорит нам, что ежели славянство не будет иметь этого высокого смысла, то оно не будет иметь никакого, что вся тысячелетняя этнографическая подготовка, вся многовековая народно-государственная жизнь и борьба, все политическое могущество, достигнутое столькими жертвами одним из славянских народов, есть только мыльный пузырь, форма без содержания, бесцельное существование, убитый морозом росток — ибо цивилизация не передается (в едином истинном и плодотворном значении этого слова) от народов одного культурного типа народам другого. Ежели они по внешним или внутренним причинам не в состоянии выработать самобытной цивилизации, т. е. стать на ступень развитого культурно-исторического типа — живого и деятельного органа человечества, то им ничего другого не остается, как распуститься, раствориться и обратиться в этнографический материал, в средство для достижения посторонних целей, потерять свой формальный или образовательный принцип и питать своими трудами и потом, своею плотью и кровью чужой, более благородный прививок, и чем скорее это будет, тем лучше» («Россия и Европа», изд. 3-е, СПБ, 1888, стр. 130—131).

[63] Леонтьев называет здесь основоположников и зачинателей учения славянофилов — Алексея Степановича Хомякова (1804—1860), Ивана Васильевича Киреевского (1808—1856) и Константина Сергеевича Аксакова (1817—1860).

[64] Александр Иванович Кошелев (1806—1883), публицист и общественный деятель славянофильского стана, в молодости «архивный юноша» и «любомудр»,—благодаря своему крупному состоянию (имение и винные откупа) финансировал славянофильские издания—«Русскую Беседу» (1856—1860), «Сельское Благо-

устройство» (1858—1859) и «Беседу» (1871—1872). Последний журнал издавался под редакцией Сергея Андреевича Юрьева (1821—1888) и имел целью объединить славянофилов и западников на общей туманно-либеральной платформе гуманистического народничества; в журнале принимали участие на ряду с Погодиным и Писемским—Костомаров и С. М. Соловьев.—Статья А. И. Кошелева—«В чем мы более всего нуждаемся?» помещена в 8-й книжке «Беседы» за 1871 г.

[65] Пытаясь найти «самобытные» основы «православно-русской общественности», противопоставляемой западной демократии, славянофильство выдвигало, как первую ячейку такой общественности, «православный приход»—самоуправляющуюся организацию населения вокруг местного храма». (См. брошюру Д. Самарина «Приход», М., 1867.) «Русский народ», еще раньше поучал К. Аксаков Александра II, «отделив от себя государственный элемент, предоставив полную государственную власть правительству, предоставил себе жизнь, свободу нравственно-общественную, высокая цель которой есть: общество христианское» (Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная Александру II в 1855 г. — «Теория государства у славянофилов. Сборник статей». СПБ., 1899, стр. 27). Приходы, по мысли продолжателей К. Аксакова, и суть общины, из которых слагается такое общество. В виду того, что в синодальном периоде русской церкви, начавшемся с Петра I, архиерейская власть присвоила себе назначение священников в приходы, славянофилы 1860—1870-х годов, опираясь на до-петровскую практику, поддерживали мысль о необходимости предоставления приходам права избрания священников. Приходская реформа, в глазах славянофилов, была лучшим средством застраховать крестьянство от низовых форм буржуазной демократии и тем более от идей революции.

[66] «Своеобразие» и «самобытность» русской церкви видятся здесь Леонтьеву как раз в тех сторонах ее бытового уклада и административной организации, которые связаны с окончательным подчинением церкви самодержавно-дворянскому государству и правящей бюрократии, что произошло еще при Петре I и Екатерине II. Древне-русской выборности приходского духовенства Леонтьев противопоставляет то фактическое положение, существовавшее в его время, когда приход являлся ничем иным, как приданым за дочерью умершего, а иногда и ушедшего на покой священника («Левитство» — от библейского «колена Левиина», наследственно служившего при храме иерусалимском). В противоположность И. Аксакову, резко нападавшему на установившееся с Павла I награждение высшего духовенства орденами, Леонтьев любуется орденоносцами правящей архиерейской бюрократии. Идеалом православного архиерея Леонтьев выставляет реакционнейшего Филарета (Дроздова́), митрополита московского (1782—1867). Церковно-государственные и политические воззрения Филарета, до конца жизни оставшегося крепостником, защитником телесных наказаний и противником распространения даже начальной грамотности в народе, Катков выставлял образцом политической мудрости. В «Московских Ведомостях» 1882 г., а затем отдельным изданием, под заглавием «Государственное учение Филарета, митрополита московского» (М., 1883), появились выдержки из сочинений и писем Филарета, систематизированные В. Н[азаревским], известным реакционером. К книге этой Леонтьев относился с полным одобрением и похвалой и не раз возвращался в своей переписке и в своих статьях.

[67] «Новый Иерусалим — монастырь под Москвой в б. Волоколамском уезде, основанный в XVII в. патриархом Никоном, был один из богатейших и известнейших в России. Им управлял в 1874 г. архимандрит Леонид, «в миру»—Лев Александрович Кавелин (1822—1891), происходивший из калужских дворян, известный археограф и археолог, одно время бывший настоятелем церкви при посольстве в Константинополе. «Киновиальная Угреша», в 15 верстах от Москвы, основанный в XIV в. Настоятелем его был архимандрит Пимен («в мире»—П. Д. Мясников, из купцов, 1810—1880), автор объемистых «Воспоминаний» (М., 1877, изд. О-ва истории и древностей российских). С обоими архимандритами связаны неудачные попытки Леонтьева принять монашество. От Леонида Леонтьев встретил прямой отказ (см. письмо к нему Леонтьева, «Русское Обозрение», 1893, кн. 9); перед самою смертью Леонтьева, Леонид, бывший тогда наместником Троице-Сергиевской лавры, не разрешил Леонтьеву, уже бывшему в тайном постриге, поселиться в лавре. «Он не особенно благоволил к моему другу, — вспоминает К. А. Губастов. — Леонид был человек властный, мелочный и обидчивый» (Сб. «Памяти Леонтьева», СПБ, 1911, стр. 223). Пимен, наоборот, с первой встречи, происшедшей в 1874 г., в Москве, тотчас по приезде Леонтьева с Афона, — звал его к себе в монастырь. Неудачи с устроением своих литературных и денежных дел, которыми сопровождалось пребывание Леонтьева в Москве, описываемые в печатаемых воспоминаниях, те «бедствия», как их обозначает Леонтьев в «Хронологии жизни», привели его в Угрешский монастырь, где он, в качестве послушника, и провел зиму 1874/1875 г. Зима эта познакомила Леонтьева с тем, что̀ на деле представлял русский «общежительный» монастырь второй половины XIX ст. «Телесно мне через 2 месяца стало невыносимо, потому что денег не было ни рубля, а к

общей трапезе я никак не мог привыкнуть... Ел только, чтобы прекратить боль в желудке, а сытым быть—и забыл как это бывают сыты... Отец Пимен звал меня дураком и посылал в сильный мороз на постройки собирать щепки... Братия была груба и завистлива. Старались подвести и нарочно очень худо говорили об игумене, а я защищал его и просил оставить эти разговоры» («Исповедь», неиздано). Дошедши до крайнего изнеможения, больной Леонтьев покинул Угрешу весной 1875 г.

[68] Все, упоминаемые ниже деятели адвокатуры и журналистики, называются Леонтьевым в качестве образцов ненавистного ему буржуазного либерализма. А. В. Лохвицкий (1830—1884), профессор-юрист, автор трудов «О пленных по древне-русскому праву» (1855); «Обзор современных конституций» (1862—1863), «Курс русского уголовного права» (1868) и др., перешел в 1869 г. в ряды адвокатуры и сделался одним из наиболее типичных представителей буржуазно-либеральной адвокатуры, обобщенных Салтыковым в сатирический образ «Балалайкина». «Лохвицкий неувядаемо блистал в 1860—1870-х годах на поприще софистики, казуистики, анекдотистики, включительно чуть не до эквилибристики, неизменно фигурировал в карикатурах сатирических листков, что не помешало ему невозмутимо срывать успехи и куши» (Вл. Михневич. «Наши знакомые». СПБ., 1884, стр. 131). Федор Никифорович Плевако (1843—1910), знаменитый московский адвокат, в молодости либерал, прославившийся своей речью против игуменьи Митрофании (баронесса Розен), обвинявшейся в подлогах и хищениях (1874); в конце жизни — крупный собственник, «староста» московского Успенского собора, октябрист, член государственной думы 3-го созыва (1907).

[69] «Бриссотисты» — политические сторонники одного из виднейших деятелей великой французской революции Жана Пьера Бриссо (Brissot de Warville, 1754—1793), вождя жирондистов. Бриссо был вождем наиболее прогрессивной части буржуазии, стремившейся к ограничению королевской власти, но испытывавшей страх перед властью народных масс.

[70] «Самарин» — Дмитрий Федорович, см. выше. «Васильчиков»—князь Петр Алексеевич (1829—1898), брат кн. Е. А. Черкасской, жены Владимира Александровича (см. выше); Васильчиков издавна был близок к славянофильским кругам.

[71] Графиня Анна Алексеевна Баранова, жена гр. Павла Трофимовича Баранова (1815—1864), была сестрой не кн. В. А. Черкасского, как пишет Леонтьев, а его жены, Екатерины Алексеевны, урожденной Васильчиковой.

[72] Профессор канонического права Петербургской духовной академии Тимофей Вас. Барсов; в 1870 г. он был назначен членом комитета по преобразованию управления и суда, ратуя за его реформы на «канонических» основаниях (статьи в «Христиан. Чтении» и «Странник» 1870—1875-х годов).

[73] Николай Васильевич Елагин (1817—1891), духовный писатель, цензор, издатель анонимных записок «Белое духовенство и его интересы», встреченных в духовных журналах, как «хула» на духовенство, и книги «Дух и заслуги монашества для церкви и государства» (СПБ., 1874 г.), представляющей апологию монашества. Леонтьев имеет в виду именно эту книгу. Елагину приписывают обычно заграничные издания: «Русское духовенство» (Берлин, 1859) и «Искандер-Герцен» (там же, 1859).

[74] Нил Александрович Попов (1833—1891), историк и славист, с 1860 г. профессор Московского университета по кафедре русской истории, автор двух диссертаций «Татищев и его время» (1861, магистерская) и «Россия и Сербия» (1869, докторская), сотрудник «Русского Вестника», «Московских Ведомостей», «Москвы» И. Аксакова, «Вестника Европы», «Отечественных Записок», «Беседы» и др. Попов много писал по текущим вопросам славянской жизни и политики.

[75] Леонтьев имеет в виду свой труд «Византизм и славянство».

[76] Анна Федоровна Аксакова, дочь Ф. И. Тютчева (1829—1889), автор записок «При дворе двух императоров» (М., 1928 и 1929 г.).

[77] Кн. В. А. Черкасский был в Польше правою рукою Н. А. Милютина, специально призванного Александром II во время польского восстания, для спешного проведения крестьянской реформы: эмансипация крестьян волею и властью русского правительства со щедрым наделением землей из владений помещиков должна была бросить крестьянское население Польши и Литвы в «верноподданничество» русскому царю. 19 февраля 1864 г. было подписано Александром II положение о наделении крестьян землею. После его обнародования Черкасский занял должность директора Комиссии внутренних и духовных дел в Варшаве, — должность почти равносильную министерскому посту. Черкасский круто проводил в жизнь демагогические начинания русского правительства, — и вместе с тем

уничтожал все остатки автономии Польши. По оценке И. Аксакова, при управлении Черкасского, «впервые почуяли польские мятежные паны и ксендзы присутствие новой, не проявлявшейся доселе силы и мысли и сознательной воли. Русское знамя поручено было твердой и умной руке. Зато какой дружный поход озлобленной ненависти воздвигло против себя это новое невиданное пугало—руссизм — не только в польской среде, но и в Риме, и в Австрии» (Сочинения И. С. Аксакова, т. I, М., 1886 г., стр. 291).

В 1867 г. Черкасский вышел в отставку. В том же году в Москве происходил первый славянский съезд, имевший официальной задачей выявить культурное единение славянских народностей, на деле же организованный славянофилами с целью демонстрации политического собирания славян под главенством России. На съезде не присутствовало ни одного поляка. Польская народность — как провинившаяся пред царской Россией — была как бы вычеркнута из состава славянства. О ее существовании на обеде, данном в честь славян 21 мая, в Сокольниках, напомнили два члена съезда: знаменитый деятель чешского возрождения, Франц Ладислав Ригер (Rieger, 1818—1897), один из основателей старо-чешской партии, защитник федеративных требований чехов, и М. П. Погодин, сказавший: «Я произнес имя поляков, но где же они? Я не вижу здесь никого. Увы, они одни из славян стоят далече, и бросают на нас суровые взгляды. Нужды нет, бог с ними. Мы не исключаем их из нашей семьи...» (М. П. Погодин. «Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний 1831—1867». М., 1868, стр. 232—233). Черкасский отвечал Ригеру и Погодину длинной речью, в которой после исторической справки о двух подавленных Россией польских восстаниях, утверждал: «Россия покончила, она порешила раз навсегда, бесповоротно, наши старые, исторические счеты... Нет той силы на свете, которая могла бы переменить установившиеся ныне государственные отношения России к Польше». В речи Черкасского нет слов, приводимых Леонтьевым, но, исчисляя «благодеяния», оказанные Польше правительством Александра II в области суда, школьного дела, финансов и т. д., Черкасский упорно называл Польшу «Привислинским краем» и «привислинскими губерниями», подчеркивая этим утерю Польшей последней тени государственной самостоятельности, еще сохранявшейся в факте полуноминального существования «Царства Польского», образованного при Александре I («Кн. В. А. Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем». М., 1879, стр. 283—288).

[78] «Что такое славизм? Ответа нет! Напрасно мы будем искать какие-нибудь ясные, резкие черты, какие-нибудь определенные и яркие исторические свойства, которые были бы общи всем славянам. Славизм можно понимать только как племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных языков. Идея славизма не представляет отвлечения исторического, т. е. такого, под которым бы разумелись, как в квинт-эссенции, все отличительные признаки религиозные, юридические, бытовые, художественные, составляющие в совокупности своей полную и живую историческую картину известной культуры. Скажите: китаизм, китайская культура — всякому более или менее ясно... Где же подобная ясная, общая идея славизма? Где соответственная этой идее яркая и живая государственная картина?» («Византизм и славянство», гл. III. — Леонтьев, т. V, стр. 148—150).

[79] В том же 1874 г. Леонтьев так писал о чехах, их культуре и политических устремлениях: «У нас принято говорить им (чехам) всякого рода лестные вещи; писатели наши считают долгом ставить чехов непременно выше русских. Почему? Я не знаю. Потому ли, что народ их грамотнее нашего, потому ли, что у них когда-то были благородный Гус и страшный Жижка, а теперь есть только «честные» и «ученые» Ригер и Палацкий? Конечно, чехи — братья нам; они полезны, не говорю, славизму (ибо славизма нет), а славянству, т. е. племенной совокупности славян, они полезны, как передовая батарея славянства, принимающая на себя первые удары германизма. Но с точки зрения культурных отличий нельзя ли чехов вообще назвать прекрасным орудием немецкой фабрики, которое славяне отбили у немцев, выкрасили чуть-чуть другим цветом и повернули против Германии? Нельзя ли их назвать, в отношении их быта, привычек, даже нравственных свойств, в отношении их внутреннего юридического воспитания, немцами, переведенными на славянский язык?.. За отсутствием аристократии духом страны правит вполне и до крайности современно, по-западному правит ученая буржуазия... Политическая история сделала чехов осторожными, искусными в либеральной дипломатии. Они вполне по-европейски мастера собирать митинги, делать демонстрации во время и не рискуя открытыми восстаниями. Они не хотят принадлежать России, но крайне дорожат ею для устрашения Австрии. Одним словом, все у них как-то на месте, все в порядке, все по-модному вполне» («Византизм и славянство»—Леонтьев, т. V, стр. 149—152). Леонтьев был прав, утверждая, что Чехия, вопреки чаяниям славянофилов, идет по обычному пути развития буржуазного государства, опирающегося на растущую промышленность. Уже в 1877 г., отвечая от имени Славянского комитета на послание Ригера, И. Аксакову

пришлось «своими словами» передавать мнение Леонтьева, что славянофилы «предпочли бы видеть в чехах передовой пост славянского востока на западе»; что «древняя культура», которою так надмевается Ригер, не принесла в Чехии никаких особенно пышных плодов, именно потому, что была совсем чужда чешской национальности; что единственное «историческое лицо, которым в праве гордиться чехи—это Гус» и т. д. В 1881 же году И. Аксаков повел уже прямое нападение на Ригера как на выразителя и защитника «западного» либерально-буржуазного мировоззрения, при чем, подобно Леонтьеву, вспомнил речь Ригера на московском славянском обеде, где Ригер утверждал, что «Чехи, как и весь цивилизованный Запад, переросли всякие религиозные вопросы. Ему возражал победоносно покойный кн. В. А. Черкасский» (Сочинения И. С. Аксакова, т. VII, М., 1887, стр. 593—598. «Ответ на послание Ригера» см. в томе I, М., 1886, стр. 308—315). Для К. Леонтьева именно чехи сделались навсегда синонимом славянской европеизованной буржуазии: буржуазная цепь «Ригеров, Наперстков, Смолков, Фит и т. д.» у него повторяется в письме от 19 ноября 1888 г., где он предлагает русскому консулу в Вене К. А. Губастову распространением реакционных сочинений Леонтьева «дразнить каких-нибудь Женишѐк, Иречѐк, Наперсток, Поспешиль, Насмешиль и т. п. братьев-славян» («Русское Обозрение», т. X, IV, стр. 454).

[80] Аверкиев, Димитрий Васильевич (1836—1906) — драматург, романист, критик, постоянный сотрудник «Русского Вестника», автор когда-то популярной драмы «Каширская старина» (1871) и других драм и романов из древнерусской жизни.

Авсеенко, Василий Григорьевич (1842—1913), историк, критик и романист, поместивший в 1870—1880-х годах в «Русском Вестнике» обширные великосветские и реакционно-обличительные романы: «Скрежет зубовный», «Злой дух», «Млечный путь», раздражавшие Леонтьева своею нехудожественностью.

[81] В «Хронологии моей жизни» читаем: «50—51 г. 2-й курс. Знакомство с Тургеневым. Признание таланта. «Женитьба по любви» (неизд. рукопись). Осенью 1851 г. Тургенев, признавший в К. Н. Леонтьеве по первой же его художественной вещи — комедии «Женитьба по любви» (неизд.) большой талант, познакомил его с писательницей Е. А. Салиас де Турнемир, урожд. Сухово-Кобылиной (1815—1892), хозяйкой и вдохновительницей одного из либеральных московских литературных салонов. В ее салоне юноша Леонтьев, тогда студент медицинского факультета, встречался с профессорами московского университета, историками Г. Н. Грановским (1813—1855), П. Н. Кудрявцевым (1816—1858), М. Н. Катковым, П. Леонтьевым и др. (см. «Мои дела с Тургеневым». Леонтьев, т. IX, стр. 103).

[82] Фридрих II, король прусский (1740—1786), знаменитый полководец, был смолоду и остался навсегда горячим поклонником французской поэзии и философии и сам сочинял французские стихи и философские опыты.

[83]) Леонид (Краснопевков), епископ дмитровский, викарий московской митрополии (1817—1876), впоследствии архиепископ ярославский и ростовский, бывший морской офицер, очень популярный и авторитетный в московском дворянском кругу. Леонтьев был с ним лично знаком.

[84] Г. А. Потемкин (1739—1791) был излюбленным лицом эстетической историософии К. Леонтьева, Потемкина и герцога Жана де Монморанси (Montmorency, 1760—1826), участника войны за независимость американских штатов, во время французской революции временно примкнувшего к третьему сословию, а при реставрации — министра иностранных дел и пэра Франции, — Леонтьев противопоставляет деятелям буржуазной толпы, банальные фамилии которых сводит в конце концов к ругательству — La racaille. Вряд ли под «Dubois» можно разуметь известного политического деятеля публициста Поля Франсуа Дюбуа (1793—1874), основавшего в 1824 г. вместе с П. Леру, известное издание «Globe», вернее, это просто — синоним ходовой буржуазной фамилии.

[85] Леонтьев делает ряд противопоставлений мелких обывателей из константинопольской международной буржуазии, вхожей в русское посольство, — крупным деятелям европейского прошлого и современности—лорду Байрону (1788—1824) и Бисмарку (1815—1897).

[86] Павел Дмитриевич Голохвостов (1839—1892) — историк, общественный деятель, славянофил, крупный землевладелец. Как специалист по истории земских соборов старой Руси, в 1882 г. он был привлечен Н. П. Игнатьевым к разработке вопроса о созыве земского собора. Голохвостов был завсегдатаем в доме И. С. Аксакова и постоянным сотрудником его изданий. Позднее (1885) Голохвостов обратил на себя внимание исследованием «Законы стиха русского народного и нашего литературного». Упоминаемый далее Шатилов — Иосиф Николаевич (см. выше), знакомец Леонтьева еще по Крыму, в данное время — с 1864 г. был президентом Московского сельскохозяйственного общества.

[87] Пророку Иеремии приписывается «Книга пророчеств» и «Плач», входящие в состав «библии».

[88] После установления Ватиканом догмата о папской непогрешимости, левая часть католиков, несогласная на принятие нового догмата и на усиление власти папы и состоявшая преимущественно из епископов и священников германских, объединилась в «старо-католическом» движении, целью которого было, избавившись от «папизма», вернуться к епископату, каким он был в ранние времена христианства. Движение возглавлялось германским богословом Деллингером. Славянофильские круги с большим интересом следили за развитием этого движения: ошибочно предполагая, что оно поведет к слиянию старокатоликов с «православной церковью». Один из славянофилов, генерал А. А. Киреев, принимал в нем непосредственное участие и много писал о старокатолическом движении (Сочинения, т. I, СПБ, 1908).

[89] Кто был этот Толстой — затрудняемся сказать.

[90] Кади-Кёй—квартал в Константинополе, где в гостинице Каттрей Леонтьев жил в начале 1873 г. Петраки — грек, слуга-воспитанник Леонтьева, вывезенный им из Янины.

[91] К. Н. Леонтьев 11 февраля 1863 г. поступил канцелярским чиновником в Азиатский департамент министерства иностранных дел, где прослужил около девяти месяцев, «повышаясь» в должности помощника главного журналиста и помощника столоначальника и изучая в архиве консульские донесения с востока. 25 октября Леонтьев был назначен секретарем и драгоманом консульства в г. Кандии, на о. Крите, где прожил полгода. Критскими впечатлениями внушены Леонтьеву его первые произведения из жизни Востока — «Очерки Крита» (1866), «Хризо» (1868), «Хамид и Маноли» (1869). Критскую жизнь Леонтьев обозначает в неизданной «Хронологии» своей, как «новую счастливую жизнь». Летом 1864 г. он вынужден был покинуть Крит из-за ссоры с французским консулом Дерше. Дерше «оскорбительно отозвался о России. В Константине Николаевиче заговорила кровь его вспыльчивого и отважного деда П. М. Карабанова. Он рад был оскорбить забывшегося француза и в канцелярии французского консульства нанес Дерше удар хлыстом. Дерше был неправ в этой истории, его начальство за него не заступилось, но наш посол, хотя ему и понравился поступок Леонтьева, вынужден был отозвать последнего в Константинополь» (А. Коноплянцев. Жизнь К. Леонтьева в связи с развитием его миросозерцания. «Памяти Леонтьева». СПБ, 1911 г., стр. 61—62).

[92] В «Хронологии моей жизни» читаем: под 1855-м годом: «Феодосия; знакомство с Лизой Политовой. Далее идут записи: «1857. Лето. Феодосия; гошпиталь. Лиза... любовь и нужда» (неизд. рукопись). В 1857 г. весною Леонтьев писал матери: «До 1-го июля буду есть, курить и пить кофе на счет одной милой девушки, с которой мы всегда делимся, как можем; когда у меня есть деньги, она берет от меня подарки, а теперь она взяла шить наволочки и чехлы на стулья у кого-то, чтобы я мог есть и курить табак до июля» (Неизданные письма к матери). Эти записи и сообщения относятся все к феодосийской мещанке, дочери грека-торговца, Елизавете Павловне Политовой. Эту полуграмотную девушку большой красоты и доброты Леонтьев полюбил на всю жизнь. 19 июля 1861 г. их связь была превращена в официальный церковный брак. Под 1862-м годом в «Хронологии» есть запись: «Нужда, голод, холод. Ужасное уныние. Кротость и любовь Лизы». С начала 1870-х годов Елизавета Павловна страдала душевною болезнью, сменявшеюся долгими периодами сравнительной душевной устойчивости, но и в болезни она не теряла своей привычной доброты и крайнего бескорыстия и благодушия. После смерти К. Леонтьева она жила с его племянницей М. В. Леонтьевой и скончалась в Орле, уже после октябрьской революции, в глубокой старости.

[93] К этому знакомству с богатой помещичьей семьей Кушниковых (С. С. Кушников (1765—1839) был петербургским губернатором и сенатором) относятся пометы в «Хронологии моей жизни»: «56 год. Зима. Отъезд к Шатилову в Тамак. Маша Кушникова. 57 год. Зима. Тамак. Весна. Неудачное сватовство».

[94] М. В. Леонтьева (см. выше). Она владела половиною Кудинова, завещанного Ф. П. Леонтьевою сыновьям своим — Владимиру, отцу М. В. Леонтьевой, и Константину.

[95] Федосья Петровна Леонтьева, урожд. Карабанова (1794—1871), оказала большое жизненное влияние на характер, умственный склад и эстетические вкусы своего младшего и любимого сына. Ее записки, начатые ею по настоянию сына, богаты бытовою наблюдательностью и очень живы по изображению лиц и событий. Часть их, относящаяся к событиям 1812 г., напечатана в «Русском Вестнике» — «Записки Ф. П. Леонтьевой» (1883, кн. 10, 12; 1884 г., кн. 2). Другой отрывок — «Рассказ моей матери об императрице Марии Федоровне» напечатан К. Н. Леонтьевым с его введением и пояснениями в том же журнале в 1891 г. (кн. 4 и 5). Образ матери отражен в автобиографическом отрывке Леонтьева «Мое

обращение и жизнь на св. Афонской горе» (Леонтьев, т. IX, стр. 11—34). Извлечение из писем Леонтьева к матери в эпоху Крымской войны см. там же, стр. 155—186).

[96] Портрет этот находится ныне в Центральном Литературном Музее в Москве.

[97] Кн. Александр Михайлович Горчаков (1798—1883), министр иностранных дел с 1856 по 1882 гг., государственный канцлер.

[98] Miss Milbank — мисс Мильбанк, дочь баронета Ральфа Мильбанка, вышла в 1815 г. замуж за поэта Дж. Н. Байрона. Через год мисс Мильбанк оставила мужа и вскоре формально развелась с ним. Мисс Мильбанк была типичной представительницей лицемерной чинности и тонности английской аристократии. Она не раз спрашивала мужа: «Скоро ли он оставит скверную привычку писать стихи?» Шум, поднятый в обществе по поводу развода, был одною из причин бегства Байрона из Англии в 1816 г.

[99] Жюль Фавр (Favre, 1809—1880), французский политический деятель, адвокат. При Луи-Филиппе он был в оппозиции и усиленно «защищал» в политических процессах. Во время февральской революции 1848 г. был среди «левых», но голосовал с правыми за закрытие политических клубов. После переворота 1851 г. сделался виднейшим парижским адвокатом (защищал Орсини, покушавшегося на Наполеона III). Вступив в законодательный корпус в 1858 г., был первым оратором оппозиции. После Седана, в 1870 г., стал во главе «правительства национальной обороны», но из страха пред революционным движением, через несколько дней уже вел переговоры с Бисмарком и явился одним из самых жестоких палачей коммуны. В оценке Фавра к Леонтьеву близко подходит Герцен, в глазах которого Фавр был безпринципнейшим болтуном и политическим эгоистом-приспособленцем. По поводу речи Ж. Фавра, произнесенной в 1867 г. при вступлении в Академию и направленной против материализма и социализма, Герцен писал Огареву: «Чтó это за махровые краснобаи и что за узколобые риторы?» (27 апреля 1867 г.), а в «Былом и Думах» писал о той же речи: «Лицемерие, неправда о науке, неправда во всем... И что ему было за дело защищать казенный спиритуализм? Это — риторы и софисты...» (А. И. Герцен. «Былое и думы». Academia, т. III, М.—Л., 1932, стр. 228).

[100] В «Аттестате» К. Н. Леотьева читаем: «По прошению определен врачом, с правом государственной службы, при имениях Арзамасского уезда полковницы баронессы Розен и действ. статского советника Штевена, предписанием нижегородского военного губернатора от 7-го марта 1859 г. за № 2778. По представлению нижегородской врачебной управы, указом правительствующего сената от 2 июля 1861 г. за № 105, произведен за выслугу лет в титулярные советники со старшинством с 20 июня 1854 г. Предписанием начальника нижегородской губернии от 13 февраля 1861 г. за № 210 уволен по прошению от службы» (неизд.). Живя у Розенов, Леонтьев усиленно занимался литературной работой (роман «Подлипки» (1859—1860), повесть «Второй брак», статья о «Накануне» Тургенева и др. Жизнь Леонтьева у Розенов отражена им в романе «В своем краю» («Отеч. Записки», 1864, кн. 5—7, и отдельно, СПБ, 1864). По собственным указаниям Леонтьева, в двух героях этого романа — враче Рудневе и студенте Милькееве — отражена личность самого автора. Профессионально-будничная сторона Леонтьева — врача у Розенов — досталась Рудневу, «праздничная» мыслительная сторона отдана Милькееву, в уста которого автором вложены мысли, позднее развитые Леонтьевым в его статьях и книгах.

[101] Степан Семенович Дудышкин (1820—1866), либеральный журналист и критик, в 1850—1860-х годах заведывавший критическим отделом и редакцией «Отечественных Записок», в которых напечатаны художественные произведения Леонтьева 1850-х и половины 1860-х годов.

Николай Николаевич Страхов (1828—1895), критик и философ, по политическим и государственным воззрениям близкий Н. Я. Данилевскому; по критическим взглядам последователь Ап. Григорьева. Близкий сотрудник «Отечественных Записок» и «Зари», он в конце 1860-х в начале 1870-х годов очень сочувственно относился к писательской деятельности Леонтьева. Под инициалами «Н. С.» Страхов напечатал в 1876 г. сочувственную заметку о Леонтьеве: «О византизме и славянстве» («Русский Мир», № 137). В дальнейшем наметилось сильное расхождение между взглядами Леонтьева и Страхова. В конце жизни Леонтьев не раз высказывал мнение о малой значительности литературной деятельности Страхова и относился к его личности с тем чувством, о котором писал: «Когда дело идет о (Вл.) Соловьеве, мне надо молиться так: «Боже! Прости и охлади во мне мое пристрастие!» А когда о Страхове, то иначе: «Боже! Прости и уменьши мое отвращение»! («Русский Вестник», 1903, кн. 5, стр. 164).

[102] Б. П. Клюшников (1841—1892), романист, автор реакционно-обличительного романа «Марево» (1864).

Под «топорными произведениями» Н. С. Лескова (1831—1895) Леонтьев разумеет его романы «Некуда» и «На ножах». Леонтьев решительно бракует наиболее

прославленные из реакционных романов, печатавшихся в «Русском Вестнике» — романы Клюшникова, Вс. Крестовского, Лескова, Авсеенко.

Из произведений А. Ф. Писемского (1820—1881) Леонтьев ценил роман «Люди сороковых годов». «По моей критике, это лучший из романов Писемского и самый неизвестный при этом»,—писал он А. Александрову.—«Кажется, и вы его не читали? А такое здоровое произведение вам, еще пропитанному Достоевским, очень полезно» (Анатолий Александров. «Памяти К. Н. Леонтьева». Сергиев Посад, 1915, стр. 41).

[103] Две предыдущие страницы, посвященные вопросу о гоголевском влиянии в русской художественной прозе и о свободе некоторых писателей от этого влияния, являются зародышем позднейшей большой статьи К. Н. Леонтьева «Анализ, стиль, веяние. О романах Л. Н. Толстого» («Русский Вестник», 1890, кн. 6—8; отдельно—«О романах Л. Толстого», М., 1911). На указанных страницах автобиографии у Леонтьева те же писатели и те же произведения, что и в работе о Л. Толстом, служат образцами желанного ему литературного стиля, «Вертер» Гете, «Манон Леско» аббата Прево, «Рене» Шатобриана, Н. С. Кохановская с ее повестями «После обеда в гостях», «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова» и др.; Марку Вовчку (М. А. Маркович, 1835 — 1907), украинско-русской писательнице, очень ценимой Тургеневым и Добролюбовым, К. Н. Леонтьев посвятил большую статью «По поводу рассказов Марка Вовчок («Отеч. Записки», 1861, кн. 3—Леонтьев, т. VIII, стр. 15—64).

[104] Об Александре Николаевиче Леонтьеве см. далее в тексте автобиографии.—А. Н. Леонтьев выведен К. Н. Леонтьевым в автобиографическом неизданном романе «От осени до осени», составлявшем пятое звено в последовательной цепи романов «Река времени», написанной Леонтьевым в конце 1860-х годов и уничтоженной в 1871 г. В Киреево (Кудиново) перед самым падением крепостного права, к властной и умной помещице Марье Павловне Львовой (Федосье Петровне Леонтьевой), у которой гостит ее сын Николай, приезжает другой сын Алексей (Александр). Он пытается захватить в свои руки имение, отстранив мать. Николай Львов, по настоянию отсутствующего брата Андрея (Константин Леонтьев), писателя, вступает в борьбу с Алексеем. Происходит бурная сцена, во время которой Алексей оскорбляет мать непристойным намеком. «Тогда Николай, подступив, сказал: Алексей, замолчи. Ты забыл меня? Я велю связать тебя и выбросить на дорогу. — Попробуй, воскликнул Алексей. Все, слушая, дрожали. В эту минуту из коридора отворилась дверь. Мария Павловна остановилась на пороге.

— Разойдитесь сейчас каждый к себе, — сказала она повелительно. — Чести моей не нужно защитников; а тех, кто своей чести не помнит, и я сумею еще наказать. У меня есть на деревне пока рабы, которые выведут вон из дома моего извергов». Николаю Львову удается в конце концов прогнать Алексея. Образ его в романе очерчен отрицательными чертами: это кутила и бесстыдник, подобие армейского Ноздрева.

[105] Владимир Николаевич Леонтьев (182[?]—1873), публицист, ближайший сотрудник радикального «Современного Слова», редактировавшегося в 1862—1863-х годах Н. Г. Писаревским (ум. 1895). Петербургский полицеймейстер доносил в 1863 г. генерал-губернатору про Писаревского: «Мне говорили и это фактически подтвердилось, что в статьях, присылаемых к нему для помещения в его газете, он выискивает места, имеющие противоправительственный характер, и усиливает выражения». («Полн. собр. соч. и писем Герцена» под ред. М. К. Лемке, т. XVI, П., 1920, стр. 397). В 1863 г. «Современное Слово» было прекращено «по высочайшему повелению» за «вредное направление». Кроме «Современного Слова», где он поместил ряд статей о крестьянской реформе, Вл. Н. Леонтьев работал в «Отечественных Записках» и «Голосе» Краевского, где был помощником редактора. В 1868 г. он издал книгу «Обвиненные, оправданные и укрывшиеся от суда. Из практики новых судов с критическим разбором предварительных следствий»— опыт критического изучения практики нового уголовного суда.

[106] В неизданных воспоминаниях М. В. Леонтьевой («К. Леонтьев в Турции, 1863—1873») читаем: «В 1871 году, в Салониках, где он был консулом, внезапно заболевает К. Н. расстройством, которое он счел холерой. Доктор не нашел этой болезни, а рассказал, что вследствие внезапно наступивших прохладных 2—3 ночей в городе были заболевания, но все больные уже выздоравливали. К. Н. был вне себя от ужаса смерти... Доктор ему помог, хотя и говорил мне, что К. Н. сам себя прекрасно лечит. В первые же дни болезни, ожидая быстрого конца, К. Н. дал клятву принять монашество, если останется жив, и тогда же задумал ехать на Афон, если поправится. Как только последовало улучшение его здоровья, он решил ехать на Афонскую гору... Он очень был доволен приемом в монастыре св. Пантелеймона, тяготился лишь тем, что к нему относились там как к консулу, а служба его в то время ужасно тяготила». На желание Леонтьева принять постриг афонские «старцы» Иероним и Макарий (см. ниже) ответили отказом. Они боялись нажить неприятностей от русского правительства, так как Леонтьев

был должностным лицом. Леонтьеву пришлось вернуться в Салоники. Осенью,— а не зимой, как пишет Л. в автобиографии, — он — больной и слабый — поехал на Афон вторично, с намерением надолго там поселиться; в 1872 г. он вышел ради этого в отставку. Монастырский полуостров со своими 20 монастырями, греческими, болгарскими, русскими, с бесчисленными скитами и кельями, с 8—10 тысячами самоуправляющегося монашеского населения был для Леонтьева школою его политического и религиозного византизма и воинствующей православно-монархической реакции. Леонтьев много и разнообразно писал об Афоне («Четыре письма с Афона», 1872, «Панславизм на Афоне», 1873, «Пасха на Афонской горе», 1882, «Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене русского монастыря св. Пантелеймона на горе Афонской, 1889»). — Упоминаемый Леонтьевым З о г р а ф — «болгарский общежительный (Киновия) монастырь, второй по богатству на Афоне; он имеет до 50—60 тысяч дохода только из Бессарабии», от принадлежащих ему земель (К. Леонтьев, т. V, стр. 40); монастырь обладал большой библиотекой с древними рукописями.—В первом «письме с Афона» (1872) К. Леонтьева находим такое признание: «Вот уже более полугода как я живу на Афоне... Я многое видел и многое прочел. На столе моем рядом лежат Прудон и пророк Давид Байрон и Златоуст, Иоанн Дамаский и Гете, Хомяков и Герцен» (К. Леонтьев. «Отшельничество, монастырь и мир. Четыре письма с Афона». Сергиев Посад. 1913, стр. 3). — П ь е р Ж о з е ф П р у д о н (1809—1865), знаменитый французский экономист и политический деятель, исчерпывающе охарактеризован К. Марксом в его «Нищете философии», вызванной книгой Прудона «Система экономических противоречий или философия нищеты» (1846): «Он хочет, как муж науки, витать над буржуа и пролетариями, будучи лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между трудом и капиталом, между политической экономией и коммунизмом». Леонтьев хорошо был знаком с книгой Прудона «Что такое собственность?» (1840). Ее знаменитый ответ: «Собственность есть кража» еще Герцену представлялся, как «вывод логический и строгий, которым он развивает невозможность, преступность, нелепость права собственности» (Дневник, 1844, 3 декабря). Для Леонтьева Прудон был интересен как яркий выразитель этого взгляда, роднящего Прудона с социалистами, но в то же время Прудон для Леонтьева никогда не переставал быть совершеннейшим образцом «передового» «буржуа». — Наоборот, английский историк Г е н р и Т о м а с Б о к л ь (1821—1862), автор знаменитой «Истории цивилизации в Англии» (1857—1861), столь популярной у русского радикального читателя 1860—1870-х годов, берется Леонтьевым как образчик буржуазного гуманистического позитивизма. И о а н н Л е с т в и ч н и к (умер около 707 г.) — аскетический писатель, автор, «Лествицы» — знаменитого практического руководства к монашеской жизни, принятого восточным монашеством. «Лествица» была издана Оптиной Пустынью (М. 1873).

[107] Духовник И е р о с х и м о н а х И е р о н и м («в мире—купеческий сын Иван Соломенцев, 1803—1885) и а р х и м а н д р и т М а к а р и й (Михаил Сушкин, сын богатого купца, 1823—1889) в 70-х годах XIX ст. возглавляли русский Пантелеймонов монастырь на Афоне. Оба оказали большое влияние на жизненный и мыслительный путь Леонтьева.

В «Воспоминании об архимандрите Макарии» он рисует с большой идеализацией облик «твердого, непоколебимого, бесстрашного и предприимчивого» Иеронима, «не получившего почти никакого образования», но «чтением развившего свой сильный природный ум... до уменья проникаться в удалении своем всеми самыми живыми современными интересами», — и рядом с ним изображает более мягкий облик его ученика Макария, правоверного аскета, который был «вместе с тем вполне современный, живой привлекательный, скажу даже, в некоторых случаях почти светский человек, т. е. с виду изящный, любезный, веселый и общительный» («Гражданин», 1899, № 196, 246; см. также: «Иеросхимонах Иероним и священноархимандрит Макарий», изд. 3-е, М., 1908; отрицательный отзыв об Иерониме известного археографа еп. Порфирия Успенского см. у А. Титова: «К жизнеописанию Порфирия Успенского», «Русский Архив» 1913, кн. 3; чуждое идеализации изображение Афона см. в книге Н. А. Благовещенского. «Среди богомольцев», СПБ, 1871 г.).

[108] И г у м е н ь я М и т р о ф а н и я (до монашества — баронесса П. Г. Розен, дочь гр. В. Розена, генерал-адъютанта и наместника на Кавказе, фрейлина «высочайшего двора», сестра помещика Розена, у которого жил Леонтьев), настоятельница Серпуховского владычного монастыря и основательница Покровской общины в Москве; в октябре 1874 г. она предстала перед Московским окружным судом по обвинению в целом ряде мошенничеств и подлогов. На суде были доказаны присвоение Митрофанией денег Медынцевой, находящейся у нее под опекой, подлог завещания миллионера-скопца Солдатенкова, подделка векселей.

[109] Б р а й т (Bright) Джон (1811—1889) — английский политический деятель, основатель, вместе с Р. Кобденом, «Лиги против хлебных законов» (1839), с 1843 г. член палаты общин, в 1868—1880-х годах один из вождей либералов,

несколько раз получавший министерские портфели в кабинетах Гладстона. — Рудольф Вирхов (Virchow, 1821—1902), знаменитый ученый, патолог и антрополог, и общественный и политический деятель. Исходя из убеждения, что «врачи — естественные адвокаты бедных», Вирхов много работал в области общественной медицины и санитарии, принимая участие в муниципальном управлении Берлина. В 1856 г. он был избран в прусский ландтаг, где сделался одним из вождей свободомыслящих. После создания Бисмарком Германской империи (1871) Вирхов, не сочувствуя его политике, ушел на время от политической деятельности. Позднее, в 1880—1893 гг., он опять был членом райхстага. С конца 1870-х годов в политических убеждениях Вирхова был уже заметен крутой поворот вправо.

[110] Петр Николаевич Стремоухов (ум. 1885), вице-директор, а впоследствии директор Азиатского департамента министерства иностранных дел.

Евгений Петрович Новиков (1826—1901), историк и государственный деятель, с 1870 по 1880 гг. — русский посол в Вене, с 1880 г. в Константинополе, затем член Государственного совета. Ценя Леонтьева как писателя и дипломата, Новиков предполагал предоставить ему одно из важных консульских мест в Австро-Венгрии (напр. в Праге).—«Янина»—главный город внутренней Албании, где Леонтьев был консулом в 1869—1870-х годах.

[111] Credo quia absurdum» — «оттого и верую, что это неразумно»: крайняя формула слепой религиозной веры.

[112] М. В. Леонтьева в 1869—1876-х годах, в бытность К. Н. Леонтьева консулом в Янине и Салониках, провела несколько месяцев в доме своего дяди.

[113] Екатерина Борисовна Леонтьева — всецело отдавшая себя заботам о детях своего брата Н. Б. Леонтьева.

ПИСЬМА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА К Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

Вступительная статья Б. Горева
Публикация и комментарии И. Айзенштока

ПОБЕДОНОСЦЕВ И ЦЕНЗУРА

Письма Победоносцева к начальнику Главного Управления по делам печати Феоктистову являются красочным дополнением и завершением той публикации переписки Победоносцева, которая вышла лет 10—12 тому назад («Письма к Александру III», в 2-х томах, и «Письма и записки», в 2-х полутомах). Если первая из этих публикаций, по словам автора предисловия М. Н. Покровского, представляет собою «незаменимый источник для истории внутренней политики России 80-х годов» (эта характеристика целиком относится и к собранию писем, адресованных Победоносцеву), то публикуемые ныне письма дают яркую характеристику положения печати в эту эпоху. Е. М. Феоктистов назначен был начальником Главного Управления по делам печати 1 января 1883 г. и ушел с этого поста в начале 1896 г., за два года до своей смерти. И вот письма Победоносцева охватывают весь этот период. Главное Управление по делам печати по закону 1865 г. было подчинено министру внутренних дел и являлось руководящим органом в деле надзора за печатью и в карательной политике цензурного ведомства. Тотчас после назначения Д. Толстого министром внутренних дел (в 1882 г.) были по его инициативе изданы новые драконовские законы о печати, согласно которым, между прочим, закрытие периодического органа навсегда санкционировалось совещанием трех министров—внутренних дел, юстиции, просвещения и обер-прокурора «святейшего» синода, т. е. самого Победоносцева. Таким образом непосредственным начальником Феоктистова вплоть до 1889 г., т. е. до своей смерти, был такой столп монархической реакции, как граф Д. Толстой, одновременно министр внутренних дел, шеф жандармов и... президент Академии Наук, прославившийся как мракобес еще в бытность свою министром народного просвещения. С другой стороны, сам Феоктистов являлся оголтелым реакционером и злейшим врагом не только демократической, но и умеренно либеральной литературы. И все же Победоносцев в деле борьбы с печатью не удовлетворялся ни таким министром, ни таким начальником Главного Управления и самолично следил за печатью.

Победоносцев представлял собою во многих отношениях любопытную и колоритную фигуру. Несомненно умный и образованный, он несомненно значительно превосходил другого столпа реакции, «советника монархов» М. Н. Каткова. При этом личная близость к царю, бывшему его учеником в течение целого ряда лет до вступления на престол, делала Победоносцева не только как обер-прокурора синода, но и как энергичного и властного реакционера самой выдающейся фигурой самодержавной реакции. Коньком его была религия. Этот конек он использовал не только в своем влиянии на царя, но и в привлечении к себе всех мракобесов и изуверов, а иногда также наивных людей, веривших в его искреннюю религиозность. Между тем, как правильно заметил М. Н. Покровский в указанном выше предисловии, «Победоносцев был представителем того политического православия, которое в XVII в. сожгло в срубе Аввакума, в XVIII гноило в тюрь-

мах архиереев, имевших наивность думать, что церковь имеет какое-то «самостоятельное» существование, а в конце XIX мелкой травлей травило Владимира Соловьева — единственного «православного», которого молодежь не считает «жуликом».

В качестве умного и тонкого льстеца, умевшего использовать ханжество Александра III, не прибегая к внешнему холопству и низкопоклонничеству, Победоносцев, по словам Покровского, «был законченный и, вероятно, самый сильный в России того времени придворный дипломат».

Ненависть, которую он вызывал в среде демократической интеллигенции, сказалась в следующей эпиграмме начала 80-х годов, ходившей по рукам и перепечатанной тогда же в «Вестнике Народной Воли»:

Победоносцев для синода,
Обедоносцев при дворе,
Он бедоносцев для народа,
Доносцев просто — при царе.

В качестве «Доносцева» Победоносцев получал множество писем от ревнителей православия и самодержавия. Но иногда в его переписке попадаются письма из другого лагеря, с яркой характеристикой как самого Победоносцева, так и всего режима. В этом отношении особенно любопытно анонимное письмо, с иронической подписью «Ваш должник», полученное Победоносцевым в начале 1887 г., вскоре после смерти Каткова[1]. По словам автора этого письма, «все видные государственные деятели имеют в нашем обществе... и врагов, и друзей. Д. А. Толстой имеет защитников в представителях дворянской партии, за покойного Каткова тоже раздавались голоса, хотя и не так много, как можно думать. Но у вас *нет друзей (искренних по крайней мере) ни в одном лагере, ни в одном сословии,* ни в одной общественной группе. Вам льстят, вас ненавидят. Дворянство ненавидит вас, как дьяконского внука, стремящегося передать духовенству оставшееся за дворянством право руководства народной школой, в лице предводителей, как председателей училищных советов... Бюрократия средней руки тоже недовольна вами за предпочтение, которое вы оказываете духовенству. Она высказывает убеждение, что духовные учебные заведения, больше всех других, доставляют атеистов, нигилистов и динамитчиков». С другой стороны, продолжает автор, «духовенство проклинает вас за учреждение дьяконов, отнявших у причта значительную часть доходов», за необходимость давать взятки «отцам-наблюдателям за церковно-приходскими школами из боязни доносов о школах, существующих только на бумаге». Духовенство будто бы «уже успело сообщить о вас простому народу, когда, вследствие назначения дьяконов и устройства дутых церковно-приходских школ, увеличило, а в некоторых местах удвоило плату за требы. Мне не раз приходилось слышать от крестьян вашу фамилию с горькими жалобами, что будто бы вы увеличили «такцию» за духовные требы, причем прибавляли, что это сообщил им батюшка». Письмо заканчивается следующим, явно издевательским аккордом, обнаруживающим в авторе человека с историческими знаниями: «Кто пустил этот нелепый, невозможный слух, но он распространяется в Москве и провинции все дальше и дальше. Подозревают, будто вы намеренно придумываете меры, раздражающие то одну, то другую из общественных групп, будто вы намеренно подражаете герцогу Альбе[2], чтобы скорее вызвать революцию, что будто бы с этой целью вами продиктованы последние распоряжения по учебному ведомству, возмутившие почти всех, что будто бы вы душите легальную прессу, чтобы тем сильнее распространялась нелегальная пресса, сделавшаяся теперь достоянием каждого грамотного семейства, проникшая в такие дебри, где пять лет назад и не подозревали о ее существовании»[3].

Другой корреспондент, на этот раз уже не анонимный, а знакомый Победоносцева, бывавший у него на квартире, товарищ обер-прокурора во 2-м департаменте сената Н. А. Хвостов дает яркую характеристику режима дикой полицейской диктатуры в Петербурге при градоначальнике Грессере, в частности, изде-

вательства над студентами, и вместе с тем характеризует ближайших сподвижников Победоносцева. «Уже давно,—пишет автор,—ясно было нам, как божий день, что Толстой с Катковым ведут к гибели». Он приводит слова из письма своего отца, «бывшего предводителя и затем посредника первых времен освобождения»: «до сих пор Толстого проклинали дети и их родители [когда он был министром нар. просвещения. — *Б. Г.*], теперь его проклинает вся Россия». Тогдашний министр нар. просв. Делянов боится Толстого и Каткова «даже больше всякой бомбы». Заканчивая свое письмо, Хвостов оправдывается тем, что «у нас нет свободы печати, эти продажные твари, называемые газетами, печатают только то, что подходит под их узкие доктрины и притом понравится Феоктистову» [4].

Что касается Феоктистова, которого Щедрин в своих письмах называл «холопом Каткова» [5], то он, как видно из публикуемой переписки, еще в большей мере был холопом Победоносцева, хотя по своему служебному положению он подчинен был Толстому.

Победоносцев вел борьбу не только с демократической и радикальной печатью. Даже Каткова, в течение четверти века являвшегося главным публицистом дворянско-монархической реакции и потому зазнавшегося, приходилось иногда осаживать, для чего Победоносцев вступал в дипломатическую переписку с царем. Особенно же не любил он пресловутого князя Мещерского, редактора «Гражданина». Победоносцев пытался неоднократно дискредитировать Мещерского перед царем, но это ему более или менее удалось лишь при вступлении на престол Николая II.

Впрочем, как видно из публикуемой переписки, даже московский генерал-губернатор Долгорукий оказывался слишком либеральным для Победоносцева. Он обвинял его и его канцелярию в потворстве московским раскольникам и сектантам, а также евреям, заявляя, что при Долгоруком «жиды одолели Москву». Но его желание очистить Москву от евреев полностью осуществилось только тогда, когда в 1891 г. Долгорукого на посту московского генерал-губернатора заменил «великий князь» Сергей Александрович, предпринявший грандиозное изгнание евреев из «первопрестольной» столицы.

При всем цензурном терроре, который был установлен соединенными усилиями Победоносцева и Феоктистова, они все же чувствовали себя иногда стесненными даже тем свирепым законодательством о печати, которое имелось к их услугам. Недаром Победоносцев в одном из писем с горькой иронией ссылается на то, что «у нас так называемая свобода печати». Во всех случаях, когда те или иные произведения печати давали к этому малейший повод (философские трактаты, упоминание религиозных тем и т. п.), Победоносцев переносил вопрос в духовную цензуру, т. е. цензуру совершенно подчиненных ему архиереев и попов, и это означало тихое погребение книги. Боролся Победоносцев и со всякими неугодными проявлениями в печати борьбы за автономию православной церкви от синодских чиновников. В этом отношении особенно характерны инциденты, возникавшие в Грузии, где назначавшиеся Победоносцевым «экзархи» всячески преследовали национальную грузинскую церковь, что отмечалось иногда в корреспонденциях столичной печати. Чрезвычайно беспокоили также Победоносцева признаки национального движения на Украине, так называемая «украинофильская пропаганда», к которой, введенный в заблуждение своими невежественными агентами, он даже припутал Плеханова и Аксельрода.

Большим камнем преткновения для Победоносцева являлся в эту эпоху Лев Толстой, который, при всех своих «сумасбродствах», был опасен еще и тем, что стоял тоже на религиозной почве. Сколько возни доставила Победоносцеву драма Толстого «Власть тьмы», которая имела несчастье понравиться Александру III, что дало повод дирекции «императорских» театров поднять вопрос о постановке ее на сцене. Бился он и над «Крейцеровой сонатой», не зная, как быть с разрешением ее печатать. Но больше всего огорчений доставлял Победоносцеву неумолимый процесс капиталистического развития России, которому он отчасти сам же содействовал своим покровительством созданию «добровольного флота» [6]. Вся

крепостническая политика самодержавия, вдохновляемая главным образом Победоносцевым, покровительство церковноприходским школам и намерение отдать все начальное образование в руки духовенства, подготовка и осуществление (уже при министре внутренних дел И. Н. Дурново) в 1889 г. института земских начальников — все это не могло остановить неизбежных последствий развивавшегося капитализма.

По словам Ленина, в эту эпоху «самодержавие вело линию Каткова и Победоносцева, стараясь представить себя в глазах народных масс стоящим «над классами», охраняющим интересы широкой массы крестьян, оберегающим их от обезземеления и разорения. Разумеется, эта лицемерная «забота» о мужике на деле прикрывала чисто крепостническую политику, которую названные «деятели» старой, дореволюционной России проводили во всех областях общественной и государственной жизни»[7].

Но страшный голод 1891—1892 гг. в корне разрушил эту крепостническую идиллию. А еще раньше поднялась грозная волна рабочих забастовок. Гулким эхом прокатилась по всей России весть о морозовской стачке в январе 1885 г. По поводу суда над стачечниками, происходившего в мае 1886 г., Катков разразился в № 146 «Московских Ведомостей» от 29 мая своей знаменитой статьей «Судебный салют рабочему вопросу» (по случаю оправдания обвиняемых судом присяжных по всем 101-му пункту обвинительного акта). Само собою понятно, Катков считает эту забастовку искусственно вызванной подстрекателями, при чем особенно его возмущает то, что забастовщиков и участников беспорядков судили гласным судом и что их оправдали. В этом он видит грозный симптом, напоминающий ему оправдание Веры Засулич в 1878 г.

И вот Победоносцев немедленно откликается на первые сведения о морозовской стачке. «Почва горяча, — пишет он, — а дураков много». Поэтому он советует Феоктистову внимательно следить за всеми высказываниями печати по поводу этой стачки. Мало того, наше рабочее движение заставляет его особенно настороженно относиться к переводам тех произведений европейской литературы, где фигурирует рабочий класс и рабочее движение. В письме от 12 апреля 1885 г. он приводит выдержку из письма к нему С. А. Рачинского по поводу нового романа Золя «Жерминаль»: «Эта книга заслуживает внимания. Перевод ее на русский язык нужно безусловно запретить. Знаете ли вы, что романы Золя переводятся на перерыв нашими толстыми журналами и с жадностью читаются сельским духовенством и фабричным людом?» Любопытно отметить, что здесь непосредственно опекаемое Победоносцевым сельское духовенство, этот оплот самодержавия и православия в массах, ставится на одну доску с «фабричным людом». С своей стороны Победоносцев добавляет: «Это — история стачки, совершенно сходная с теми, которые на наших глазах разыгрываются на наших фабриках. Написано это грязью и кровью и пропитано убеждением в близости и законности всемирной социальной революции»[8]. Очевидно, стачки 80-х годов так напугали Победоносцева, что он готов видеть в буржуазном демократе Золя апостола «всемирной социальной революции».

Неудивительно также, что «Капитал» Маркса, второй том которого вышел на русском языке в 1885 г., является в глазах Победоносцева «одной из самых зажигательных книг».

Если для Каткова опасным симптомом начинавшейся борьбы против реакционно-крепостнической политики 80-х годов явилась не столько сама морозовская стачка, сколько оправдание ее участников присяжными, то студенческие волнения 1887 г., начавшиеся в Московском университете, где студент дал пощечину инспектору Брызгалову (повторяя жест Подбельского в 1881 г.), и перекинувшиеся на целый ряд университетских городов, снова выдвинули перед Победоносцевым проблему интеллигентной молодежи. Вот почему его уже тревожит не только Толстой и Золя, но и Ибсен, против постановки которого на сцене он предлагает принять решительные меры. Для него становится ясным, что публичное ренегатство Тихомирова, вернувшегося в Россию и ставшего одним из ярых поклонни-

ков Победоносцева, не знаменует еще сплошного ренегатства и возвращения в лоно монархической реакции всей буржуазной интеллигенции. Мало того, во внешней политике царская Россия вынуждена итти на союз с буржуазно-республиканской Францией в целях получения капиталов, между прочим, для оплодотворения российской промышленности. И эта республиканская Франция показывает свою политическую «зрелость», т. е. угодливость перед царизмом, той готовностью, с какой в 1890 г. арестована в Париже группа террористов с динамитной мастерской, организованной при содействии русского провокатора Гартинга-Ландезена[9]. Чем ближе к концу публикуемой переписки, тем больше чувствует себя Победоносцев бессильным перед неизбежными последствиями развивающегося капитализма, что сказывается и в ослаблении цензурного гнета. Характерно при этом поведение Феоктистова. На смену Д. А. Толстому идет П. П. Дурново, а за ним, вскоре после начала нового царствования — Горемыкин. Горемыкин пользовался даже раньше репутацией «либерального» бюрократа. После прихода его к власти эта иллюзия очень скоро рассеялась, что было отмечено в известной эпиграмме:

Ах, не верь пустой надежде,
Обольщениям не верь!
Горе мыкали мы прежде,
Горе мыкаем теперь.

Но все же Феоктистов, все время стараясь угодить Победоносцеву, начинает чувствовать, что времена меняются, что цензурные методы 80-х годов начинают противоречить новой обстановке, начинают встречать отпор со стороны представителей печати. Поэтому его тактика становится поневоле более мягкой. В этом отношении большой интерес представляет инцидент с помещением в февральской книжке журнала «Наблюдатель» за 1895 г. двух статей — Чуйко «Современный анархизм и его теоретики» и Трачевского «Новые умственные течения в Германии». Первая статья, в виду критического отношения автора к излагаемым им анархическим теориям, признана безвредной. Что же касается статьи Трачевского, которая «проникнута сочувствием социал-демократическому движению» и противопоставляет подлинный социализм социализму государственному, который «предлагает полумеры лишь из страха пред истинным социализмом», то эта статья и Победоносцевым и Феоктистовым считалась совершенно недопустимой. Но так как редактор «Наблюдателя» Пятковский категорически отказался исключить из книжки эту статью, пришлось ограничиться только предостережением журналу.

Переписка охватывает период от начала 1883 г., когда у царя исчез страх перед разгромленной «Народной Волей» и он решил, наконец, короноваться, и до первых выступлений Ленина на исторической арене, до кануна знаменитой стачки питерских текстильщиков 1896 г. Этот переходный период представляет большой интерес, и поэтому отражение его в переписке таких столпов реакционно-крепостнической монархии и ханжеского православия, как Победоносцев и Феоктистов, несомненно заслуживает внимания историков вообще и историков литературы в особенности.

Б. Горев

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки». Т. I, полутом 2-й, стр. 779—781.

[2] Герцог Альба — наместник Филиппа II Испанского в Нидерландах.

[3] Это, конечно, — явное и сознательное преувеличение.

[4] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты». Полутом 2-й, стр. 739—744.

[5] Салтыков-Щедрин, Неизданные письма, стр. 212.

[6] См. многочисленные письма по этому поводу Победоносцева к Александру III.

[7] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 449.

[8] Разрядка везде — в тексте письма.

[9] Об этих арестах упоминает Победоносцев в связи с поручением директора департамента полиции П. П. Дурново Тихомирову написать брошюру о парижских бомбистах.

ПИСЬМА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА К Е. М. ФЕОКТИСТОВУ

1

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Желаю вам сердечно на новый год лета благоприятного.

Я говорил сегодня вскользь во дворце гр. [Д. А.] Толстому о «Русск[ом] курьере» и о статье «Моск[овских] вед[омостей]», но он, повидимому, еще не знает об этом или не обратил внимания. Но мне представляется это важным. Если до того дошло, что русская газета в Москве становится на сторону Польши в великом историческом вопросе и косвенно как бы оправдывает польский мятеж — это опасное дело. Познанские и краковские газеты будут ссылаться на такие статьи, как на голос обществ[енного] мнения, — и положение нашей дипломатии может осложниться.

А притом дураков у нас непочатый угол — и другие газеты могут запеть на голос «Курьера». Необходимо пресечь зло в самом начале, чтобы хуже не было.

«Курьер» достаточно уже выказал себя. Зачем церемониться с этой мерзостью. Я того мнения, что следовало бы немедля вовсе закрыть эту лавочку. Уверен, что [И. Д.] Делянов того же мнения.

Сегодня в «Моск[овских] вед[омостях]» статейка о судебном деле. Тоже не к «Курьеру» ли относится?

Душев[но] пред[анный]
К. Победоносцев

1 янв[аря] 1883

«Русский курьер» — «ежедневная газета политическая, общественная и литературная» — издавался в 1879—1889 гг. в Москве Н. П. Ланиным, известным владельцем завода искусственных минеральных вод. В. А. Гиляровский, вспоминая о московской прессе 80-х годов, называет «Русский курьер» — «газетой чистой и самой либеральной» («Былое» 1925, № 6—34, стр. 122), но скучной. Умеренный либерализм «Русского курьера» и политическая оппозиционность газеты (также весьма умеренного свойства) уже с самых первых лет ее существования привлекали к себе пристальное внимание Победоносцева и гр. Д. А. Толстого. Так, например, 12 декабря 1882 г., отвечая, повидимому, на упреки Победоносцева в том, что цензура пропускает «в полном смысле слова возмутительные статьи в «Голосе» и «Русском курьере», гр. Толстой возражал, что «почти вся наша пресса отвратительна, многие газеты желательно было бы прекратить, но не благоразумнее ли действовать потише, постепенно». И дальше: «Конечно, ни за «Курьера», ни за «Русскую мысль» стоять я не буду; меня смущает только мысль, что другие газеты, почти одинаково дрянные, будут продолжать существовать; справедливо ли это будет? Например, по моему мнению, «Русские ведомости» никак не лучше «Курьера» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 1. М. 1923, стр. 265). Публикуемое письмо Победоносцева к Феоктистову продолжает, по существу, ту же полемику, подкрепляя ее новыми «доказательствами» политических провинностей «Русского курьера».

Несомненно, под влиянием Победоносцева газета в 1883 г., вслед за приостановкой ее на три месяца (в конце 1882 г.), получила предупреждение за «вредное направление, выражающееся в суждениях о существующем государственном строе и в подборе и неверном освещении фактов о быте крестьян; направление это рассчитано на то, чтобы возбудить смуту в умах» (Вл. Розенберг и В. Якушкин, «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». М. 1905, стр. 243). При всем том «Русский курьер» продержался, как сказано, до 1889 г., прекратившись после временной приостановки по распоряжению цензурных органов.

2

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

От внимания вашего конечно не укрылась сегодняшняя телеграмма в «Голосе» из Москвы, что в «Московском телеграфе» появится новый «философский труд» графа Л. Н. Толстого.

Эти философские труды полоумного гр. Толстого известно к чему клонятся. Посему не лишним почитаю обратить ваше внимание на означенное заявление.

Душевно пред[анный]
К. Победоносцев

10 янв[аря] 1883

Победоносцев имеет в виду следующую телеграмму «от специального корреспондента», напечатанную в «Голосе» 1883, № 10 (10 января): «Новый философский труд графа Льва Толстого появится в газете «Московский телеграф». Очевидно, предполагалось поместить в московской газете отдельные отрывки из сочинения «В чем моя вера?», над которым тогда работал Л. Н. Толстой; предположение это осталось неосуществленным, как в силу одиозности философско-религиозных писаний Толстого, так и по либерально-оппозиционному отношению к правительству «Московского телеграфа» (1881—1883), которое вызывало сильную ненависть к газете реакционно-бюрократических кругов, в особенности после неосуществившейся попытки купить газету. 7 ноября 1882 г. Д. А. Толстой, в письме к Победоносцеву, говорил, что «не только невозможно, но и совершенно неудобно» писать в частном письме об условиях, на которых разрешен (после запрещения) «Московский телеграф»; на эти условия многозначительно намекает следующая фраза письма: «Есть основание думать, что он [т. е. «Московский телеграф». — *И. А.*] изменит свое направление, если же нет, то существовать ему недолго» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 1. М. 1923, стр. 264). Так как направление «Телеграфа» осталось без изменения, то в письме Д. А. Толстого 15 декабря 1882 г. сообщается, что «Телеграфу» запрещена розничная продажа, что для него почти равносильно уничтожению» (там же, стр. 265; срв. еще донос на «Московский телеграф», там же, стр. 369—374). После ряда последовательных предостережений и прочих кар цензурных, «Московский телеграф» был в 1883 же году прекращен за «крайне вредное направление, действующее на дурные страсти общества и возбуждающее неуважение и недоверие к правительству» (Вл. Розенберг и В. Якушкин, «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». М. 1905, стр. 236).

3

Я уже давно убеждаю графа Д. А. Толстого, что необходимо взять под духовную цензуру две эти газеты: «Восток» и «Церковно-обществ[енный] вестник».

Обе они, пользуясь свободой, в разном смысле и с разных точек зрения, положительно приносят вред церкви и вносят соблазн по церковным делам и в общество и в духовенство. «Восток», нелепо и с желчью, ревнуя о церкви, позволяет себе невозможные выходки против церковного правительства. Посмотрите, что он пишет в прилагаемом №.

И не любопытно ли! «Голос», который требует совершенного подчинения церкви государству, спешит выписывать эту статью, требующую всяческого отделения церкви и самостоятельности церковного управления. Нравится «Голосу», потому что тут ругательства на существующий порядок.

К. Победоносцев

2 февр[аля] [18]83

Заметка, напечатанная в «Голосе» (1883, № 2), была заострена против установленных и поддерживаемых Победоносцевым синодских порядков и церковного управления в России вообще. Однако намеки на сознательную неблагонадежность «Голоса» (1863—1884) должны приниматься весьма условно: в действительности «Голос» был весьма умеренно-либеральной газетой; оппозиционность ее была направлена почти исключительно против Победоносцева и гр. Толстого, проявлялась главным образом в критике их действий и мероприятий. Как пишет в своих воспоминаниях Феоктистов, Д. А. Толстой «о газете «Голос» не мог... говорить спокойно (еще не далее, как при Лорис-Меликове открыла она у себя публичную подписку в пользу прежних его крепостных крестьян, будто бы притесняемых им), но ему все казалось, что «Голос» служит органом какой-то чрезвычайно сильной партии, и что если нанести ему удар, то чуть ли не произойдет бунт» («Воспоминания. За кулисами политики и литературы», Л. 1929, стр. 241).

4

Достопочтеннейший Евгений Михайлович,

Пора бы уже приняться за «Московский телеграф». От гр. [Д. А.]) Толстого я слышал, что будет на первой неделе. А вот и вторая кончается.

Видели ли вы это известие? Если подлинно «Рус[ские] вед[омости]» слились с «Курьером», то полезно было бы сначала закрепить это обстоятельство, а потом с одного раза покончить с обоими.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

12 марта 1883

К письму приложена следующая газетная вырезка:

«Московская жизнь.

(Ворона с места, кукушка на место). Г. Ланин объявил, что подписчикам, получавшим «Русские ведомости», будет высылаться с 17 марта сего года «Русский курьер». Из этого следует, что «Русские ведомости» с 17 марта прекращают свое существование, а вместо их подписчики «Русских ведомостей» будут получать Ланинский «Курьер». Что сей сон означает?»

Феоктистов дал на сделанные ему запросы быстрые и точные ответы в письме 13 марта 1883 г.:

Милостивый государь Константин Петрович!

Считаю долгом довести до сведения Вашего превосходительства, что в настоящее время составляется записка о «Московском телеграфе». Послезавтра она будет послана к графу Д. А. Толстому, который, на основании ее, и возбудит вопрос об означенной газете, в совещании гг. министров.

Что касается приобретения Ланиным «Русских ведомостей», то я слышал об этом еще в Москве от Пастухова, издателя «Московского листка». Но никто другой не знал ничего подобного. У нас нет об этом никаких сведений. Во вчерашнем № «Русских ведомостей» помещено объявление, что подписка на эту газету продолжается, а наряду с ним находится объявление и о подписке на «Русский курьер». Все это заставляет меня сомневаться в верности слуха о слиянии двух газет. Впрочем, я обратился к председателю московского цензурного комитета с просьбой разъяснить это дело.

Примите уверение в искреннем уважении и глубокой преданности, с которыми имею честь быть

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Е. Феоктистов

13 марта 1883 года.

(«К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 1. М. 1923, стр. 332).

Газета «Московский телеграф» действительно была вскоре прекращена постановлением четырех министров за «крайне вредное направление, действующее на дурные страсти общества и возбуждающее неуважение и недоверие к правительству» (Вл. Розенберг и В. Якушкин. «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». М. 1905, стр. 236).

5

Достопочтеннейший Евгений Михайлович,

В последний раз мы говорили с вами о субсидии Галицким русским газетам и о способе доставления и распределения сих денег. Не знаю, переведены ли уже они в Вену о. [М. Ф.] Раевскому; но на всякий случай спешу вас предуведомить, что я сам намерен ехать за границу около 12 августа и располагаю быть на один день в Вене, во второй половине этого месяца. В Варшаве тоже располагаю быть.

Душевно предан[ный]

К. Победоносцев

5 авг[уста] 1883

Как я сожалею, что нашего почтенного И. В. Гурко никто не удержал говорить речи!

Как не понять, кажется, что теперь благонамеренным людям надо непременно молчать и непременно действовать!

Внешняя политика императорской России в 60—80 гг., как известно, была направлена к поддержанию авторитета России как «покровительницы всех славян». Для вящего подкрепления этой политики широко использовались всевозможные средства, в том числе подкуп печати, особенно так называемой руссофильской (или москвофильской) в Галиции. Подкуп этот шел главным образом по линии поддержания и разжигания религиозных распрей между православным и католическим населением Галичины, Буковины и Закарпатской Руси, а также обращения в православие униатов. Виднейшим правительственным агентом по этой части был священник русского посольства в Вене, Михаил Федорович Раевский, упоминаемый и в письме Победоносцева. Последний очень интересовался поддержкой «галицких русских газет» и не раз активно вмешивался в правительственные распоряжения и предположения по этой части. Так, еще 21 ноября 1881 г. в письме к гр. Н. П. Игнатьеву он возмущался тем, что цензура разрешила к выписке журналы «самого крайнего украинофильского направления» и, наоборот, не включила в свои списки «новые, превосходные, умные, чисто русские журналы: «Пролом», «Русская рада», «Наука». «Я знаком со всею этой литературою, — продолжал Победоносцев, — и получил недавно все галицийские издания... Есть очень дурные, враждебные, полякующие... Но есть превосходные. «Наука», народный журнал священника Наумовича, приводит меня в восторг и всех духовных, коим я показывал. У нас никто не умеет так писать для народа» («Былое», 1924, № 27—28, стр. 65). Свое восхищение Победоносцев вскоре подкрепил исходатайствованием И. Наумовичу негласного пособия из секретных сумм «на известное его величеству употребление» (см. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 1. М. 1923, стр. 309, также стр. 331). Весьма сочувственно отзывается он о Добрянском, Наумовиче и «других, лучших и доблестнейших людях русской народности» в письме к Александру III («Письма Победоносцева к Александру III», т. II, М. 1926, стр. 9 и сл.).

Иосиф Владимирович Гурко (1823—1901) был в это время варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа.

6

Вы, конечно, обратили внимание во вчерашнем № «Московских ведомостей» на корреспонденцию из Одессы о каталоге книг.

На днях еще я писал гр. [Д. А.] Толстому и обратил его внимание на читальни для народа, которые в последнее время вошли в моду.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

21 окт[ября] [18]83

В «Московских ведомостях» (1883, № 291, 20 октября) была напечатана корреспонденция «Из Одессы», в которой сообщалось: «Несколько времени тому назад появилась напечатанная у нас в Одессе, хотя составленная в Киеве, небольшая брошюра, имеющая весьма большое значение в среде либеральной молодежи не только у нас на юге, — это «Каталог систематического чтения. Второе исправленное издание, цена 50 к. Одесса 1883 года»... Специальное назначение каталога—заменить собою «развивателей» и служить «среди громадного, все более и более нарастающего количества книг» руководством «начинающему свое образование человеку». Подробно остановившись на содержании «Каталога» и установив его «вредную», «либеральную» тенденцию, корреспондент пришел к выводу, что «по ничтожеству своему и невежеству он не сто́ит ни малейшего внимания, но нельзя не обратить внимания на книжку, служащую «пособием» учащейся молодежи, в чем... легко убедиться в любой библиотеке для чтения, где вы постоянно видите с пресловутою книжкой гимназистов и гимназисток». Неприкрыто доносительский характер этой корреспонденции нашел быстрый отклик в блюстителях российского просвещения и печати — в Победоносцеве и Феоктистове. Последний в самый день получения публикуемого письма Победоносцева уже мог уведомить его о принятых в отношении крамольного каталога мерах. Вот что писал в ответном письме Феоктистов:

Милостивый государь Константин Петрович!

Об одесском каталоге книг я узнал еще прежде, чем прочел корреспонденцию «Московских ведомостей». Составитель его — некто Андреевский, высланный некогда административным порядком за свои сношения с анархистами и возвращенный при гр. Лорисе-Меликове. Каталог представляет нечто поистине возмутительное, в нем содержатся указания не столько на книги, сколько на статьи «Отечественных записок», «Слова», «Дела», «Русской мысли» и т. п. К сожалению

первое издание появилось еще два года тому назад, а теперь вышло второе, за которое, конечно, подвергнется каре цензор, и кроме того я предложу гр. Дмитрию Андреевичу [Толстому] арестовать все экземпляры книги. Но для сего я жду затребованных мною сведений из Одессы.

При сем считаю нелишним сообщить вашему превосходительству, что департамент полиции, при нашем содействии, уже выработал новые правила для усиленного надзора за библиотеками, кабинетами для чтения и читальнями.

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

Е. Феоктистов

21 октября 1883 года

(«К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 1. М. 1923, стр. 332—333).

Сведения об авторе каталога в этом письме были сочинены Феоктистовым. Запросы Главного Управления по делам печати не могли открыть имя составителя (слухи называли, — совершенно, конечно, безосновательно,—составителями Н. Г. Чернышевского и П. Л. Лаврова; этим, повидимому, следует объяснить громадный успех каталога). По распоряжению Главного Управления «Каталог» был конфискован; из соответствующих донесений в «деле» видно, что всего конфисковано 1553 экз. (из 3 600 фактически напечатанных), при чем конфискация производилась и в таких отдаленных от Одессы губерниях, как Вятская и Томская. См. ЛОЦИА, *Дело Главного Управления по делам печати*, 1883, № 85 *«Об изъятии из продажи* брошюры «Каталог систематического чтения», изд. книгопродавца Распопова; также Н. В. Здобнов «Конфискованные библиографические издания 80-х годов» («Каторга и ссылка», 1934, № 4, стр. 106—121).

Как указал А. Рябинин-Скляревский составителями «Каталога» были А. А. и С. Ф. Русовы, переработавшие первое издание «Каталога», составленное Б. Перро (О. Рябінін-Скляревський «З життя Одеськоі громади 1880-х років» — За сто літ, кн. IV, 1928, стр. 167—168). По этому делу Одесским жандармским управлением велось следствие, закончившееся отдачей всех привлеченных лиц под надзор полиции.

7

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

В 20 декабря № «Нового Времени» на первой странице напечатано под заглавием: «Изъявление благодарности» весьма предосудительное объявление, с письмами разных лиц — нечто в роде рекламы священнику, производящему якобы чудесные исцеления.

Я произвожу под рукою дознание о тех лицах, от имени коих напечатаны письма. Несомненно кто-нибудь собрал их и организовал всю эту неприличную демонстрацию. Очень прискорбно было бы, когда бы обнаружилось, что в ней не без участия сам священник.

Но независимо от этого, мне кажется, не следовало бы таким объявлениям появляться в печати. Не знаю решительно, производится ли какая нибудь цензура частных объявлений, помещаемых в бесцензурном издании. Благоволите обратить внимание на этот предмет.

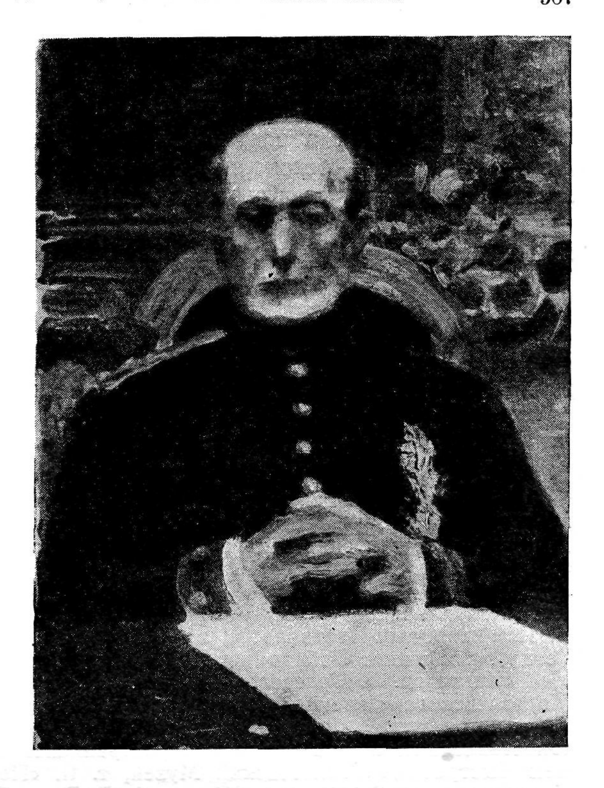
А в частности нельзя ли узнать, от кого представлено такое объявление в контору «Нового времени»? Полагаю, что в подобных случаях предъявление не должно быть безыменное.

Душевно уважающ[ий] и предан[ный]

К. Победоносцев

23 дек[абря] 1883

Имеется в виду «благодарственное заявление» («Новое время», 1883, № 2807, 20 декабря) священнику Иоанну Ильичу Сергееву (известному позднее «Иоанну Кронштадтскому») «за оказанное нам исцеление от многообразных и тяжких болезней, которыми мы страдали и от которых ранее не могла нас избавить медицинская помощь, хотя некоторые из нас подолгу лежали в больницах и лечились у докторов». «Заявление» подписано 16 лицами; при некоторых фамилиях—адреса. Каждый из подписавшихся коротко сообщал о своей болезни.



К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ
Портрет работы И. Репина, масло
Русский Музей, Ленинград

8

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

О статье Шульца желательно бы объясниться с вами, ибо писать долго. Завтра застанете меня утром до 1 часу и потом, если угодно, в 4 часа.

Узнаю [М. Н.] Каткова в этой записке. Ему чудятся тут черные козни, а это, по всей вероятности, — или канцелярское небрежение или канцелярская экономия. Высылал бы газету попрежнему. Чтоб узнать в чем дело, надо бы спросить маленьких людей в придворных канцеляриях, а больших совестно и спрашивать о таком обстоятельстве. Я убежден, что никакого умысла тут нет. Да и газеты не кладутся на стол государю, какие бы то ни было, а на «Моск[овские] вед[омости]» обращается его внимание извне, по поводу разных статей.

Душ[евно] пр[еданный]
К. Победоносцев

28 декаб[ря] 1883

К письму Победоносцева приложено следующее письмо Каткова к Феоктистову: «С самого начала, то-есть с 1863 года как «Московские ведомости» поступили в мои руки, ежегодно от Министерства Двора возобновлялись подписки на доставление их в кабинет его величества. Обыкновенно требование это поступало в начале или в половине декабря. Теперь мы уже в конце года, а требования нет и, по всему вероятию, не будет. Это, конечно, не помешает мне посылать «Московские ведомости» прежним порядком по тому же адресу. Но я опасаюсь скандала: не будет ли этот экземпляр возвращен мне при отзыве, что посылать газету на имя е[го] в[еличества] не требуется? Это, конечно, не останется без огласки, последствия которой едва ли будут хорошие, если не для меня и не для газеты, то для дела, которому она служит. Это было бы странное désaveu после грамоты, данной мне в этом году. Но от [И. И.] Воронцова [-Дашкова] или от его приспешников все может статься. Не знаю, как поступить, чтобы предупредить подобный исход. Самому мне неловко обращаться к кому-нибудь за советом».

9

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Стоит, кажется, подумать о вопросе: могут ли быть иностранные подданные издателями и владельцами журналов и газет в России. Газета — с одной стороны — бесспорно в наше время орудие для проведения в публику всякого рода идей, след[овательно] и политических, — с другой стороны, — орудие спекуляции, дело т[ак] назыв[аемого] Гешефта, в коем для приманки покупателей употребляются всякие средства.

Все это вновь приходит мне на мысль при известии о передаче газеты «Радуга» в руки австрийского подданного, какого-то Гетцля.

Если будет возможность, желал бы я получить экземпляр книги, задержанной у [В. М.] Карловича, — и еще книги гр. Л. Толстого.

Душевно предан[ный]

10 февр[аля] 1884 К. Победоносцев

О взглядах Победоносцева на печать см. ниже. Аналогичные высказанным в настоящем письме мнения о газетах и увещевания на этот счет («Пожалуйте! Доколь мы будем сидеть на суку и сук рубить под собою!») — см. в письме Победоносцева к Н. П. Игнатьеву (14 февраля 1882 г. — «Былое» 1924 г., № 27—28, стр. 71).

«Радуга» (1883—1884) — «еженедельный журнал с картинами», основанный Н. П. Гиляровым-Платоновым; в 1884 г. его издателем сделался А. Метцль (а не Гетцль, как пишет Победоносцев), редактором — Д. А. Мансфельд.

«Книга гр. Л. Толстого» — В чем моя вера?» (М. 1884). По сообщению Б. Л. Модзалевского «экземпляры арестованной по распоряжению Победоносцева книги «В чем моя вера?» были выписаны в Петербург, где и разошлись по рукам высокопоставленных лиц, а потом распространились во множестве списков с величайшею быстротою» (Толстовский Музей, т. II. «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», СПБ 1914, стр. 311; см. А. Л. Бем, «Библиографический указатель творений Л. Н. Толстого», Л. 1926, стр. 17).

Книга Толстого была отпечатана в количестве пятидесяти экземпляров, которые предполагалось распространить среди ограниченного круга читателей по цене в 25 руб. каждый. Несмотря на это, книга была направлена в духовную цензуру, которая нашла, что «по мыслям, явно противным учению и духу христианства, разрушающим начала нравственного учения его, устройство и тишину церкви и государства, книга Льва Толстого «В чем моя вера?» принадлежит к числу сочинений, о которых говорит 239-я статья Цензурного устава», т. е. безусловно подлежащих к запрещению и конфискации (Дело Главного Управления по делам печати 1884, № 22, л. 15 об.). В цензурном деле сохранились также сведения о судьбе конфискованных экземпляров, разошедшихся, как сказано, по рукам. Приводим выборку официальных справок: «Представлено типографией и инпектором типографий в Московский цензурный комитет—9 экз. Взят автором—1; у Московского генерал-губернатора [кн. В. А. Долгорукого] — 1; доложен государю императору — 1; г. министру внутренних дел [гр. Д. А. Толстому] по личному его требованию — 1; г. обер-прокурору Св. Синода [К. П. Победоносцеву] по распоряжению г. начальника — 2; взято г. начальником [Е. М. Феоктистовым] — 2; генералу-адъютанту, князю Орлову, по распоряжению г. министра — 1 и т. д.

В. М. Карлович — автор трехтомного труда «Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев».

Борьба с расколом составляла существеннейшую часть деятельности Победоносцева как обер-прокурора Синода. Она, между прочим, нашла свое отражение в постановлении специального «съезда антираскольнических миссионеров», состоявшегося в Москве, в июне 1887 г., в котором признавалось необходимым, «чтобы усилены были меры к пресечению доступа в Россию заграничных изданий раскольнических сочинений и учрежден был бдительный надзор за лицами, занимающимися привозом их из-за границы и распространением в России, а также, чтобы не было допускаемо к обращению в продаже раскольнических сочинений, печатаемых в России на гектографе» (там же, стр. 280—281). Среди сочинений, с которыми Синод предпочитал бороться такими полицейскими мерами, виднейшее место принадлежало «Исследованиям» В. Карловича. Отпечатанные листы первого тома (за исключением полутора-двух десятков) были конфискованы, после чего печатание книги было перенесено за границу, в Черновцы (Буковина): в 1883 г. отпечатанный там второй том «Исследований» Карловича был контрабандой, «под видом папиросного товара» привезен в Россию, но был обнаружен полицией и конфискован.

Сам автор, В. М. Карлович («турецкий подданный», как он именуется в официальной переписке), несколько месяцев провел в тюрьме, а затем был выслан из России и возвратился обратно лишь после амнистии, в 1905 г. (см. В. М. Карлович, Краткий обзор преследования христиан первых веков в тесной связи с печальной судьбой старообрядцев, М. 1907, стр. 3).

Следует заметить, что конфискация «Исследований» не приостановила распространения книги в раскольнической среде. 22 февраля 1884 г. Главное Управление по делам печати сообщило московскому генерал-губернатору на основании газетных сведений (передовая статья «Петербургской газеты» 1884 г. № 35), что «в последнее время среди старообрядцев началось литературное движение с целью доказать истинность исповедуемой ими веры, при чем распространяются два гектографированных сочинения под заглавиями: «Исторический очерк о персональном разделении старообрядцев с пастырями великороссийской церкви в 1667 г. и краткое обозрение последующего времени» и «Ответы на вопросы старообрядцев». Сопоставление этих двух брошюр с двумя томами «Исследований» Карловича дает департаментским «исследователям» возможность «безошибочно предположить, что распространяемые среди раскольников гектографированные списки первого из сочинений, о коих говорит «Петербургская газета», сняты под иным заглавием... с оригинала, запрещенного цензурою к обращению» (дело Главного Управления по делам печати 1884 г., № 22, лл. 19—19 об.).

10

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

В дополнение к прежним сообщениям посылаю вам (если вы не знаете) гектографированное письмо [Н. В.] Васильева к Тим. Савв. [С. Т.?] Морозову об издании новой газеты, на которую собираются деньги. Дает и [С. И.] Нечаев-Мальцев, сообщивший мне это письмо.

В нем есть две отмеченные карандашом фразы, которые подтверждают мое подозрение. Они содержат в себе очевидно captationem benevolentiae относительно Морозова. Участие Т. И. Филиппова тоже подозрительно.

Васильева я не знаю, но в устах его эти фразы кажутся мне странными. [К. Н.] Цветкова же я знаю: он не имеет ни таланта, ни самостоятельности, и постоянно ищет выгодного дела, к коему пристроиться, составляет планы акционерных обществ и т. под. Он беден с семьей, и пойдет всюду, куда потащит его интерес улучшения быта.

Прилагаемую тетрадь, когда просмотрите, прошу возвратить мне.

Душевно предан[ный]
К. Победоносцев

29 февр[аля] 1884

Речь идет, повидимому, о «Голосе Москвы», «газете политической, литературной и экономической», издававшейся Н. В. Васильевым в 1885—1886 гг. на средства некоторых представителей именитого московского купечества (Морозов, Нечаев-Мальцев и др.) и пытавшейся сохранять равновесие между весьма умеренным и благонамеренным либерализмом и откровенною реакцией. Впоследствии, после закрытия «Голоса Москвы» Н. В. Васильев работал в «Московских ведомостях», и в середине 90-х годов даже играл в этой газете значительную, ведущую роль. Упоминаемый в письме Победоносцева Цветков — вероятно Константин Николаевич, который «30 лет работал в редакции «Московских ведомостей» и был оттуда изгнан за что-то вроде знания и недонесения об адресе московских купцов Витте» (Воспоминания Льва Тихомирова. М. 1927, стр. 421). За несколько лет до того, в 1881 г., этот Цветков приезжал в Петербург «проситься» на должность редактора «Правительственного вестника». (См. «Былое», 1924, № 27—28, стр. 56).

Участие в проектируемой газете Тертия Ивановича Филиппова (1823—1899), государственного контролера, активного деятеля и публициста по церковным вопросам, должно было показаться Победоносцеву подозрительным уже по тем отношениям взаимного недоброжелательства и подозрительности, какие существовали между ними. (С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. III, стр. 250—251).

11

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Спешу известить вас, после свидания с [Н. В.] Васильевым, что я прошу вас не стесняться в разрешении газеты прежними моими заявлениями. Я убедился, — что для меня существенно, — что никакого предварительного соглашения о служении газеты раскольничьим интересам не было. Недоразумение произошло, во 1-х,—от некоторых неловких выражений в письме [Н. В.] Васильева к [С. Т.] Морозову, а во 2-х, и, как я думаю, главное, от сплетни, пущенной может быть не без намерения. Г. Васильев имеет вид не только разумного, но и искреннего человека.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

6 марта 1884

12

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Я несколько раз присылал к вам №№ «Востока» с указанием на статьи. Иного еще не вижу, ибо не все №№ мне доставляются. Но вот сегодня в № «Света» выписка из «Востока», на которую обращаю ваше внимание, и прошу вас доложить гр. [Д. А.] Толстому: возможно ли допустить такого рода статьи, возбуждающие духовенство и мирян против распоряжений епар[хиальной] власти. При том все нелепые диатрибы г. [Н. Н.] Дурново основаны на сплетнях и доносах, которые к нему собираются. Что кас[ается] до статей его о Восточных делах, то на них давно уже ропщет и Минист[ерство] Иностр[анных] дел.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

25 марта 1884

Победоносцев имеет в виду передовую статью газеты «Свет» (1884, № 68, 25 марта), в которой указывается на то, что «с некоторых пор в Москве раздаются постоянные жалобы на свое епархиальное начальство». В ней приводится обширная цитата из «Востока», на которую главным образом ополчается в своем письме Победоносцев,— ряд примеров того, что «в глазах нынешнего епархиального начальства прихожане признаются вполне бессловесным стадом баранов, лишенным всякой защиты, и их прошения об определении в их храмы излюбленных ими пастырей оставляются без всякого внимания».

Н. Н. Дурново — редактор-издатель «Востока» (1879—1885), московской газеты, преимущественно посвященной церковно-общественным вопросам. По настояниям Победоносцева, газета, несмотря на отчетливую ретроградно-черносотенную окраску, неоднократно подвергалась цензурным преследованиям за «вредное направление» и, в конце-концов, прекратилась вскоре после третьего предостережения (27 марта 1884 г.), данного за то, что она «постоянно прибегает, несмотря на предостережения, к дерзким нападкам на деятельность лиц высшей духовной иерархии и с непозволительною запальчивостью обсуждает различные вопросы церковного управления» (Вл. Розенберг и В. Якушкин, «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». М. 1905, стр. 227).

13

Очень рад был встретить сегодня в «Правит[ельственном] вестн[ике]» извещение о закрытии «Востока».

Как Ксерксу некто приставлен был говорить ежедневно: «Государь, вспомни об Афинянах», так приставил бы я кого-либо к гр. [Д. А.] Толстому говорить ежедневно: «вспомни о «Русском курьере». Скажите ему при докладе.

Вот еще вырезка. Вы, конечно, знаете, что Евгений Рагозин человек весьма неблагонадежный и тем более опасен, что богат, на чужой счет поживившись. Хитер и способен.

К. Победоносцев

1 апр[еля] 1884

Речь идет о полученном «Востоком» третьем предостережении с приостановкой на четыре месяца и с отдачею под предварительную цензуру (см. выше, примечание к письму № 12). Роль Победоносцева, как инспиратора этой меры, вряд ли может подлежать сомнению.

«Русский курьер» и без напоминаний Победоносцева пользовался особенным вниманием Главного Управления по делам печати и его начальства: в течение 1884 г. вопрос о газете ставился почти на каждом заседании Совета по делам печати. Так, 5 января 1884 г. Совет слушал заявление Феоктистова о том, что «газета «Русский курьер» принадлежит к числу вреднейших наших периодических изданий. С самого возникновения своего она соперничала с «Московским телеграфом» в проповеди крайних демократических учений, в порицании всего существующего в России государственного строя и в слишком прозрачных намеках на то, что он должен быть заменен конституционным порядком вещей» (Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати 1884, л. 9—9 об.). В заседании Совета (15 октября 1884 г.) Феоктистов выступил с обширным докла по поводу «Русского курьера», перечислив все прегрешения газеты и сведя их к нескольким тезисам. «Редакция этой газеты, — писал он, — давно уже освободилась от всякого национального, патриотического чувства, щеголяя, при каждом удобном случае, бессмысленным космополитизмом». «К церковным вопросам обращается «Курьер» исключительно для того, чтобы выставить в привлекательном свете всякого рода сектантство и раскол и изображать самыми мрачными красками состояние православной церкви и духовенства». «Русский курьер» относится с явным недоброжелательством к строгим мерам, принимаемым против язвы социализма и анархии» и т. д. Вывод, к которому пришел Феоктистов и с которым согласился Совет, был — объявить «Курьеру» третье предостереженье, приостановив издание и отдав его, по возобновлении, под предварительную цензуру. Граф Толстой с этим постановлением не согласился и в своей резолюции предложил только «объявить редактору «Русского курьера», что, при первом промахе с его стороны, газета будет подчинена цензурному просмотру» (там же, лл. 92—100 об.).

К письму Победоносцева приложена газетная вырезка с сообщением о том, что состоялась продажа с аукциона права на издание журнала «Заграничный вестник», принадлежащего вдове покойного Валентина Федоровича Корша. Издание осталось за Е. И. Рагозиным. «Неблагонадежность» Евгения Ивановича Рагозина, по официальной справке, заключалась единственно в общении с эмигрантами в бытность за границей и в хранении «запрещенных книг» [1871 г.].

14

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Вам, конечно, уже известно, что штаб «Отечеств[енных] записок» расходится по разным редакциям, и главная квартира, повидимому, устраивается в ред[акции] «Русских ведомостей». Не знаю, известна ли вам прилагаемая прокламация, которую рассылают из Москвы в провинцию по разным учебным заведениям. В Рязани получена она и в гимназии, и в семинарии, и в других местах. Любопытно, что сборным пунктом указана ред[акция] «Русских ведомостей».

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

2 мая 1884

Закрытие в апреле 1884 г. специальным постановлением совещания четырех министров «Отечественных записок», органа народнической демократии, явилось «венцом» цензурной деятельности Феоктистова, к которому он стремился и подыскивал поводы с самого назначения своего на пост начальника Главного управления по делам печати. Феоктистов отнюдь не скрывал своей антипатии к журналу и его руководителям (в особенности к М. Е. Салтыкову) и в своих воспоминаниях упрекал Д. А. Толстого в «боязливости», в том, что он не хотел портить отношений с Салтыковым, своим товарищем по Александровскому лицею, и опасался «возбудить неудовольствие в обществе» (Е. М. Феоктистов, «За кулисами политики и литературы». Л. 1929, стр. 241—242). «Однажды, — продолжает Феоктистов, — граф Толстой пригласил меня на совещание с Оржевским и Плеве, которые сообщили, что редакция «Отечественных записок» служит притоном отъявленных нигилистов, что против некоторых из сотрудников этого журнала существуют сильные улики, что один из них уже выслан административным порядком из Петербурга и что необходимо разорить это гнездо; состоялось совещание четырех мини-

стров (на основании одной из статей цензурного устава), которое и постановило прекратить издание «Отечественных записок». Граф Дмитрий Андреевич [Толстой] счел необходимым подробно объяснить мотивы, которыми руководилось правительство, прибегнув к этой мере, чего в подобных случаях никогда не делалось прежде и в чем не было ни малейшей необходимости: как будто отвратительное направление журнала не достаточно ясно говорило само за себя, как будто требовалось оправдываться, ссылаясь на закулисную преступную деятельность того или другого из сподвижников Салтыкова» (там же, 242). Однако и подробная мотивировка запрещения не в силах была оправдать в глазах читателей самого факта закрытия популярного журнала: в мотивировке не было указано ни одной статьи «Отечественных записок», ни одного места, которые могли бы дать повод к суровой каре; наиболее «существенными» аргументами была ссылка на доказанную будто бы следствием (но не судом) связь некоторых сотрудников «Отечественных записок» (без упоминания имен) с «революционной партией», и голословная фраза о том, что журнал проповедует теории, находящиеся в противоречии с основными началами нашего государственного и общественного строя, причем проповедь эта, обращенная к незрелым умам, не остается бесплодной. Кстати сказать, в формулировке этого постановления ближайшее и непосредственное участие приняли и Феоктистов и Победоносцев, как можно судить из письма первого ко второму от 11 апреля 1884 г. («Не мог я раньше доставить вашему высокопревосходительству проект постановления об «Отечественных записках» и «Новостях», потому что находился он у г. Плеве... Не угодно ли вам будет сделать в нем какие-либо изменения? Всякое ваше указание будет принято с величайшей благодарностью».—«К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 460. Насколько малую цену имели эти аргументы постановления в глазах даже таких умеренных либералов, как К. Д. Кавелин, показывает письмо последнего (21 апреля 1884 г.) к Д. А. Милютину, где читаем, между прочим, следующее: «Правительство тут, как и во множестве других случаев, оказалось ниже своего положения и действовало как партия, а не как орган государственной власти,—точно будто бы четыре министра сами были журнальные или газетные борзописцы, сотрудники редакции литературного органа противной партии. Правительство таким способом действий только все более и более теряет доверие, уважение и престиж, которым должно быть окружено в интересах государственной власти» («Вестник Европы», 1909, № 1, стр. 34).

Демократические группы русской интеллигенции, в частности студенчество, пытались свой протест против закрытия любимого и близкого журнала облечь в общественно-организационные формы. Отсюда — появление той «прокламации», «К русскому обществу от Московского Центрального Кружка Общестуденческого Союза», о которой упоминает Победоносцев. «Сегодняшние газеты сообщают о новом проявлении той темной силы, которая много лет позорит нашу родную страну и которая именуется русским правительством. Запрещено издание «Отечественных записок». — Преступная рука не пощадила и этого единственного органа, смелого и честного защитника прав русского человека. — Мы надеемся, что русское общество не будет по обыкновению равнодушно к судьбе своих защитников. Мы надеемся, что русское общество выразит свое сочувствие великому писателю-гражданину Салтыкову и его сотрудникам, свой протест и негодование русскому правительству; что в русском обществе не умерло еще чувство гражданского мужества и собственного достоинства». Эта прокламация была расклеена по Москве, а также послана в провинцию, в частности в рязанскую семинарию (воспитаннику семинарии Иванову), в сопровождении следующего обращения: «В надежде, что молодежь рязанской семинарии отзовется на наше воззвание, приглашаем ее выразить свой протест по поводу запрещения издания «Отечественных записок» в такого рода позволительной, легальной форме: «Нижеподписавшиеся, в виду вполне неожиданного ухудшения положения русского литературного труженика, вносят в кассу Литературного фонда... рублей». — Сбор и листок подписавшихся пошлите в редакцию «Русских ведомостей». P. S. Форму протеста можете изменить, если предлагаемую сочтете неудобной. Член организации Студенческого Союза. М[илостивый] Г[осударь], если вы почему либо сочтете неудобным для себя собирание подписей, то передайте это дело кому-либо из ваших товарищей». Эти два документа, впоследствии попавшие в специальное «дело» Департамента полиции (1884, № 53, т. I, стр. 169—170), и имел в виду в своем письме Победоносцев; едва ли не он и переслал их туда; они и дали ему повод писать Феоктистову о «Русских ведомостях», как «главной квартире» «штаба» разгромленных «Отечественных записок». Последнее представление, конечно, сильно преувеличено. Сам М. Е. Салтыков, например, жаловался К. Д. Кавелину на то, что после ликвидации своего журнала «лишен возможности ежемесячно беседовать с читателем» («Литературное наследство», кн. 13—14, стр. 332); в письме же к В. А. Гольцеву он указывал на многочисленные «осложнения», связанные с сотрудничеством в «Русских ведомостях» (там же, стр. 338). Несомненно, что эти осложнения шли не только п

линии правительственной цензуры, но и цензуры «дружеской», цензуры той либеральной буржуазии, выразителем интересов которой были «Русские ведомости». Примерно то же самое, хотя, конечно, в меньшей степени, чувствовали и другие ближайшие сотрудники «Отечественных записок» (напр., Г. И. Успенский, Н. К. Михайловский и др.).

15

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Вот объявление о книге. Я помню эти фельетоны в «Совре[менных] изв[естиях]». Они все наполнены скандальными анекдотами о монахах (даже с именами) и о любовных похождениях. Есть тут поэмы в стихах на все эти проделки, сочинение разных послушников, к числу коих, мож[ет] быть, принадлежал и автор.

В свое время я получал письма с жалобами, как позволяют все это печатать.

Очевидно, что издание целой книги (Пресновым) рассчитано на скандал. Благоволите рассудить, нет ли предлога остановить издание. Можно бы, напр[имер] направить его в духовную цензуру, из коей оно уже не выплывет.

Душевно предан[ный]
К. Победоносцев

2 января 1885

К письму приложена газетная вырезка из «Современных известий» (1884, № 341): «Воспоминания о Троицкой лавре В. С. Казанцева, печатавшиеся в «Современных известиях» за нынешний год, в непродолжительном времени выйдут отдельным изданием в объеме свыше 15 печатных листов. Цена 1 р. 50 к. Главный склад издания в книжном магазине Д. Н. Преснова, на Никольской, и в конторе «Современных известий», подписчики которых могут получать книгу за 1 рубль. За пересылку прибавляют как за 2 фунта. Подписка принимается». Книга В. С. Казанцева появилась в свет лишь в следующем, 1886 г., и тотчас была конфискована. В архиве Главного Управления по делам печати сохранилось донесение Московского Цензурного комитета (5 апреля 1886 г.) о книге «За оградою и в мире, из воспоминаний В. С. Казанцева», в которой легко угадывается та же книга, от появления которой предостерегал Феоктистова Победоносцев. «По докладу рассматривавшего книгу г. Воронича, — сообщал Московский Цензурный комитет, — автор знакомит читателя с внутреннею жизнью монахов Троицкой Лавры в эпоху святительства митрополита Филарета, и сравнительно недавнюю эту эпоху рисует мрачными и тяжелыми для чувств верующего красками. Приводя примеры, один другого ярче и прискорбнее, полного нравственного падения монастырской братии, г. Казанцев, хотя и оговаривается в предисловии к сочинению, что лично он глубоко чтит монашество, но забывает при этом, что, выставляя на суд общественного мнения, и без всякого права на это, внутреннюю жизнь одной из более почитаемых обителей, он приносит тем существенный вред религиозно-нравственному чувству читателей. — Некоторая часть книги появлялась от времени до времени в фельетонах «Современных известий» за прошлый год; но там, благодаря разрозненности, она могла проходить либо незамеченной, либо без особенного воздействия на читающую публику. Признавая совершенно иную силу за целою книгой и, согласно с мнением цензора, находя, что впечатление, остающееся от прочтения ее, представляется положительно вредным для религиозного и нравственного чувства, Комитет отнес сочинение г. Казанцева к категории тех сочинений, которые имеет в виду закон 1872 г., июня 7 дня, и полагал бы, что книга не должна быть допущена к обращению в публике» (Дело Главного Управления по делам печати 1886 г., № 19, лл. 12—12 об.). Главное Управление согласилось с донесением, и книга была конфискована.

16

Простите, что надоедаю.

Мне кажется, надо теперь строго следить за газетами, особливо московскими, по поводу статей о бунте на Морозовской мануфактуре. Почва горячая, а дураков много. Вот уже во вчерашней «Жизни» статья—только дурацкая. А тут еще вот какое обстоятельство. Заводчики приписывают нынешние волнения — влиянию меры, принятой [В. А.] Долгоруким на Вознесенской мануфактуре. У Долгорукого свои виды между журналистами, особливо

забористыми — как напр. «Русских вед[омостях]». Немудрено, что иные из угождения ему и под покровительством его будут нагнетать [?] меру.

Душевно преда[нный]
К. Победоносцев

13 янв[аря] 1885

История морозовской стачки 7—13 января 1885 г. слишком общеизвестна, чтобы нуждаться в подробном изложении. Вызванная тяжелым промышленным кризисом, который «до такой степени сильно зарядил фабричную атмосферу электричеством, что взрывы постоянно происходили то здесь, то там» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. IV, стр. 312), морозовская стачка, несмотря на то, что «о сколько-нибудь заметной социалистической агитации среди рабочих не могло быть и речи» (там же), произвела громадное революционизирующее впечатление на классовое сознание рабочих масс и одновременно «произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования. Фабриканты тоже почуяли силу рабочих и стали поосторожнее» (В. И. Ленин, «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». — Сочинения, изд. 3-е, т. I). Впечатление еще усилилось после того, как суд присяжных полностью оправдал нескольких человек (Мойсеенко, Волкова, Лифанова), «главных зачинщиков» стачки, и Катков возвестил о «101 салютационном выстреле» (по числу 101 вопроса, заданного судом присяжных) «в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса («Московские ведомости», 1886, № 146, 29 мая). Совет Победоносцева «строго следить за газетами» был учтен Феоктистовым: печать ограничивалась преимущественно фактическим изложением событий и необходимейшими и кратчайшими их комментариями (см. Н. Максимовская, «Морозовская стачка 1885 г., Библиография» — «Каторга и ссылка», 1935, № 1, 142—157).

Упоминаемые Победоносцевым события на Вознесенской мануфактуре — большая стачка, происшедшая в 1884 г. и вызванная сокращением работы до 4 рабочих дней в неделю. На фабрике работало 2 000 чел., в том числе 900 взрослых мужчин, участие которых в забастовке придало ей размах, силу и большое упорство. Из Москвы для подавления стачки были вызваны 3 батальона пехоты; арестовано и выслано 115 наиболее активных рабочих. Вмешательство московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова, испугавшегося размаха стачки, вызвало, с одной стороны, полицейские репрессии и массовые высылки рабочих, с другой — понудило владельцев фабрик к некоторым уступкам рабочим (А. А. Панкратова, *«Рабочий класс и рабочее движение в эпоху промышленного капитализма»* — в сборнике «Очерки истории пролетариата СССР», М. 1931, стр. 100). На это вмешательство Долгорукого намекает в своем письме и Победоносцев.

17

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Вам, конечно, известна полемика, возникшая в газетах по поводу «Разбойника Чуркина» и проч[их] Пастуховских изданий. Посылаю вам письмо одного простого ревнителя. Не знаю, останавливались ли вы мыслию на этом предмете, но, кажется, стоило бы подумать о средствах к ограничению распространения и публичной продажи таких изданий?

Душ[евно] пр[еданный]
К. Победоносцев

25 февр[аля] 1885

Вообще стоит обратить внимание на отдельные оттиски или перепечатку безнравственных фельетонов мелкой нашей печати.

Роман Николая Ивановича Пастухова «Разбойник Чуркин» печатался в «Московском листке» в 1882—1884 гг. (отдельное издание, М. 1884) и пользовался совершенно исключительным успехом среди читателей. Как вспоминал впоследствии М. Шевляков, «газетчиков стали осаждать приказчики, дворники, извозчики, кухарки, до того совершенно равнодушно относившиеся к прессе. Можно сказать без преувеличения, что «Чуркин» создал эпоху. Чуркин был на устах всех москвичей; в «Чуркина» на дворах играли ребятишки; ради «Чуркина» на газету поднялся сильный спрос в провинции» (М. Шевляков, «Оригиналы и чудаки», IV. Н. И. Пастухов. «Исторический вестник», 1913, № 11, стр. 520).

С этим интересно сравнить сообщение С. Решетова о впечатлении, которое производил «Разбойник Чуркин» в среде «фабричных» (т. е. рабочих): «Умевших

Е. М. ФЕОКТИСТОВ

Фотография
Институт Русской Литературы,
Ленинград

читать было мало. Читали газету иногда по складам, но все же она доставляла большое удовлетворение. В столичной газете печатался длиннейший фельетон о разбойнике Чуркине. Фельетон читался с захватом. Перебивать его не полагалось. Увлеченные слушатели забывали о том, что буфетчик из-за стойки косо на них посматривает, ибо они долго занимают столы «парой чая», а гостей все не прибавляется. Фабрика отошла в сторону, о ней никто не вспоминает. По окончании фельетона идет длительная беседа о Чуркине... В глазах фабричных Чуркин — «добрый» разбойник и разудалый парень. Он шел против хозяев, мстил им за обиженных и не трогал бедных» (С. Решетов, «К новой жизни», М. 1926, стр. 8). Эта популярность романа очень быстро вызвала массу подражаний. Последняя же в конце-концов вызвала опасения реакционно-консервативных кругов и явилась непосредственной причиной насильственного прекращения печатания романа. Несомненно, что главным инспиратором запрещения «Чуркина» явился в действительности Победоносцев: 25 февраля 1885 г. он пишет Феоктистову публикуемое нами письмо, а 9 марта Пастухов совершенно неожиданно обрывает свой роман, заставляя героя погибнуть во время грозы в лесу, под столетним деревом. На Победоносцева в данном случае воздействовал, кроме «неизвестного ревнителя», также И. С. Аксаков, выступивший с рядом статей против «Разбойника Чуркина» (их-то и имеет в виду Победоносцев, говоря о полемике, возникшей вокруг романа Пастухова).

18

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Позвольте обратиться к вам с просьбою деликатного свойства.

Потрудитесь прочесть прилагаемое письмо [Н. К.] Гирса.

Затем призовите к себе [В. Г.] Авсеенку (буде вы в хороших с ним отношениях) и убедите его помолчать о Германии и Бисмарке относит[ельно] участия его в Афганском деле.

К сожалению, «Петербургские ведомости» считаются за границей как бы правительств[енным] органом, и Бисмарк, как видите, обращает внимание на статьи этой газеты.

Наши гг. журналисты не умеют понять никакой тонкости.

У Авсеенки, каж[ется], не совсем разумная голова, а самолюбия много. Поймет ли?

Если вы с ним не хороши, то я мог бы объясниться с ним.

Письмо Гирса покорнейше прошу возвратить мне.

Душевно пред[анный]

К. Победоносцев

11 мар[та] [1885]

Желательно, чтобы Авс[еенко] понял. Положение натянутое и требует осторожности.

Ответ Феоктистова:

Милостивый государь Константин Петрович,

Возвращаю вашему высокопревосходительству письмо Н. К. Гирса.

Авсеенко я позову к себе и поговорю с ним обстоятельно. Так как я с ним в хороших отношениях, то — надеюсь — мои внушения не останутся без следа, но все-таки позвольте мне направить его к вам. Конечно, ваше слово будет иметь еще гораздо более весу в его глазах.

Удивительные, однако, у нас делаются дела. Бисмарк следит внимательно за нашей печатью, от него не ускользает даже какая-нибудь статейка «С.-Петербургских ведомостей», а для русского министра иностранных дел печать эта как будто не существует. Почему же он не хочет пользоваться ею? Я знаю, что за исключением одного или двух органов, печать эта не стоит ни гроша, но, по крайней мере, хоть этим немногим органам внушил бы он — даже не то, о чем им следует говорить, а о чем им надо молчать. Авсеенко—человек крайне тщеславный; если бы г. Гирс призывал его иногда к себе, то он был бы вполне доволен этой честью и охотно слушался бы его.

В прошлом году получил я подробную и в высшей степени интересную записку из Берлина о немецкой печати. Она содержит много поразительных указаний на то, как дисциплинированы в вопросах иностранной политики даже органы, враждебные германскому правительству. А у нас дадут Авсеенко деньжонок и считают дело конченным — пусть себе мелет какой ему угодно вздор.

Примите уверение в глубоком уважении искренне преданного

Е. Феоктистова

12 марта 1885 года

(«К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. стр. 533—534).

Н. К. Гирс писал: «Говоря о статье «СП[етербургских] вед[омостей]», князь Бисмарк сказал мне, что газета эта раскритиковала его заметку в Norddeut[sche] Allg[emeine] Zeit[ung], даже не прочитавши ее в том виде, как она была средактирована в немецкой газете, и что если он опубликовал статью в своей официозной газете, то сделано это, чтобы опровергнуть утверждения либеральных немецких газет, уверявших, что сын его Герберт был послан в Англию для урегулирования Афганского вопроса. Князь Бисмарк добавил, что вообще его позиция по отношению к русской прессе сообразовалась бы с тем, чего бы мы от него пожелали и что он лично считал наилучшим хранить, — если бы мы разделяли это мнение, — полное молчание, ибо все, написанное им, могло бы быть истолковано русскими газетами в неблагоприятном для него смысле. Его обвиняли бы либо в том, что он втягивает нас в войну с Англией, либо в том, что он нас от этой войны удерживает, либо в желании вмешаться не в свое дело» (перевод с французского).

Говоря о редакторе «СПетербургских ведомостей», Василии Григорьевиче Авсеенко (1842—1913), Феоктистов мог твердо надеяться, что его беседа с ним и «советы» не останутся без следа: ибо еще в 1883 г., именно при посредстве Феоктистова, Авсеенко получил правительственную субсидию на издание своей газеты (см. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 462) и таким образом был даже обязан выполнять предписания правительственных органов, в частности Феоктистова.

19

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Читал я в газетах о решении Кассац[ионного] Д[епартамен]та, что всякие объявления м[огут] быть помещаемы в бесцензурных изданиях без цензуры; а сегодня [П. А.] Грессер подтвердил мне, что это известие верно. Едва ли этому так быть следует, и стоило бы, кажется, возбудить о сем

вопрос и внести в Комитет Министров, дабы парализовать наплыв скандалов в объявлениях. Сегодня я заходил было к вам поговорить об этом, но не застал вас.

Душевно пред[анный]
К. Победоносцев

16 марта 1885

На этот запрос Феоктистов тотчас же поспешил успокоить своего корреспондента, разъяснив ему (со слов сенатора Фукса, «который принимал участие в рассмотрении этого дела»), что «газеты врут». В действительности, пишет Феоктистов, «кассационный департамент решил было против нас (т. е. главного управления), в том смысле, что признал ответственным за объявления не редактора (как мы настаивали), а издателя — и только. Вопрос же о бесцензурности он совершенно оставил в стороне» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 533).

Грессер, Петр Аполлонович (1832—1829), был в 1883—1892 гг. петербургским градоначальником.

20

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Я уже просил вас, и вы обещали написать [В. В.] Назаревскому, чтобы он не пропускал в «Востоке» статей и корреспонденций из Тифлиса и Грузии. Все эти статьи дело самой дурной партии, стремящейся осыпать наветами и бранью экзаршеское управление. Они рассчитаны главным образом на местную публику, в которой получающийся из Москвы № газеты со статьей эксплуатируется для известной агитации. Я получаю от Экзарха и от К. Дондукова горькие жалобы на действие подобных статей.

Другой орган, выбранный для подобной же агитации—это «Современные известия». Посмотрите в нынешнем 88 № фельетон. Он очевидно писан с тем же расчетом, представляя в виде предосудит[ельном] для начальства крайне возмутительную историю мерзавца Джибладзе, исключенного из заведения: он бросился на ректора, повалил его, таскал за волосы и пр. История такова, что три дня тому назад испрошено мною выс[очайшее] повеление—отдать Джибладзе на 2 года в дисциплинарный баталион военного ведомства.

Рассудите, какой вред приносят подобные статьи, рассчитанные на возбуждение неповиновения начальству, и без того уже эпидемически распространившегося, особенно на Кавказе.

Признаюсь, когда бы от меня зависело, я не задумался бы дать «Современным известиям» предостережение за помещение такой статьи, хотя в острастку другим.

Прибавлю, что доклад о принятии меры против Джибладзе был сделан по соглашению с М[инистерством] Вн[утренних] Дел М[инистерством] Нар[одного] просв[ещения].

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

3 апр[еля] 1885

Упоминаемая корреспонденция некоего К. К. «Из Тифлиса» («Современные известия», 1885, № 88, 2 апреля) рисует самое «преступление» исключенного семинариста (в корреспонденции он назван Финбладзе) в совершенно ином свете. «Преступник» поступил в семинарскую больницу с опасной опухолью на ноге. При нем оказалась какая-то книга Н. В. Шелгунова, которую он не пожелал отдать на требование семинарского начальства, за что был не только исключен из семинарии, но и выброшен, несмотря на протесты врача, из больницы. Не имея никакого пристанища, больной, доведенный до полного отчаяния и исступления Джибладзе-Финбладзе, встретив ректора семинарии Чудецкого, накинулся на него и избил. «Говорят, — пишет корреспондент дальше, — для наведения вящего спасительного страха на загнанных семинаристов, духовное начальство, не довольствуясь примерным наказанием виновного, полагает исключить из семинарии значительное число учеников. Этому можно вполне поверить, так как исключение местным духовным на-

чальством практикуется с такою легкостью, что в единственной семинарии на весь обширный грузинский экзархат лишь около десяти учеников оканчивают курс, хотя в шести духовных училищах воспитывается не менее трех тысяч учащихся». Перечислив далее ряд конкретных фактов нестроения в Тифлисской семинарии, корреспондент заканчивает: «Вообще нынешнее состояние Тифлисской духовной семинарии требует тщательной ревизии со стороны полномочного, беспристрастного и проницательного лица, могущего сказать всю правду, если бы она оказывалась горькою, хотя бы для самого епархиального начальства».

Насколько близко принял к сердцу Победоносцев проступок Джибладзе, показывает сохранившийся в его бумагах проект «всеподданнейшего доклада» по этому делу. Победоносцев рекомендует царю «применить в настоящем случае строгую и скорую меру дисциплинарного взыскания в административном порядке». «Мера эта, — говорится далее, — необходима в особенности на Кавказе в виду особенного упорства, проявляющегося в последнее время в грузинской молодежи, упорства, которое при послаблении распространяется, питаясь безумными фантазиями, и уже представляет немалое затруднение для правительства» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 500). Дальнейшая судьба несчастного Джибладзе, загнанного в дисциплинарный батальон, неизвестна.

Упоминаемый в письме Победоносцева Назаревский, — московский цензор, впоследствии (1897—1900) председатель Московского Комитета по делам печати, крайний реакционер и доноситель (в архиве Главного Управления по делам печати сохраняются его доносы даже на таких благонамеренных с точки зрения царского правительства лиц, как издатель «Русского архива» П. И. Бартенев и др.). Князь Дондуков-Корсаков, Александр Михайлович (1820—1893) — главный начальник гражданской части на Кавказе и командующий войсками Кавказского округа.

Письмо Победоносцева имело своим последствием приостановку издания «Современных известий» сроком на один месяц.

21

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Не взыщите, что часто надоедаю вам ради общей пользы.

Вот что пишет мне С. А. Рачинский:

«Видели ли вы новый роман [Э.] Золя: «Germinal»? Эта книга заслуживает внимания. Перевод ее на русский язык нужно безусловно запретить. Знаете ли вы, что романы Золя переводятся наперерыв нашими толстыми журналами, и с жадностью читаются сельским духовенством и фабричным людом? «Germinal» быть может лучшее, что написал Золя. Это история стачки, совершенно сходная с теми, которые на наших глазах разыгрываются на наших фабриках. Написано это грязью и кровью и пропитано убеждением в близости и законности всемирной социальной революции. Герой русский нигилист, в коем не трудно узнать [Л. Н.] Гартмана. Перевод ни с какими пропусками не м[ожет] б[ыть] допущен. Оригинал безвреден—франц[узский] язык у нас вымирает. Не удивляйтесь этому предостережению. Ведь была же «Nana» запрещена в подлиннике и разрешена в переводе».

Итак—caveant consules. Действительно, надлежало бы, кажется, употребить все меры, чтобы «Germinal» не являлся в русском переводе.

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

12 апр[еля] 1885

Письмо это было опубликовано в примечаниях к «Воспоминаниям» Феоктистова (стр. 235—236).

В то время, когда Победоносцев писал свое письмо, русский перевод «Жерминаля» уже печатался в «Наблюдателе», при чем цензура уже обратила внимание на социальный характер романа. Так, в марте 1885 г. Петербургский цензурный комитет, в донесении Главному Управлению по делам печати, отмечает в мартовской книжке журнала, между прочим, следующее: 3) «В романе Золя «Жерминаль» картины распущенной жизни женщин на фабрике (стр. 95, 97, 104, 148, 149, 150, 151) сменяются рассуждениями о братстве, равенстве и одинаковом доступе к пользованию земными благами (стр. 98, 110, 112—114, 116, 118, 124, 145—148).— Стремления, характеризующие анархистов, ясно высказаны на стр. 124: «Для на-

чала взорвать на воздух вот эту тюрьму, в которой вы все изнываете», и эти слова принадлежат русскому по фамилии Суварину. В подлиннике прямо говорится, что это русский нигилист. Он подстрекал зажечь строения Ворё. На стр. 158 один из героев романа, республиканец Негрель, говорит: «Вы ничего не делаете и живете чужим трудом. Наконец, вы представитель позорного капитала и этого для них вполне достаточно. Поверьте, если революция восторжествует, то она отберет ваши деньги как краденые». На стр. 112: «Как! рабочий даже не смеет рассуждать!.. Потому-то богатые, которые теперь властвуют, и могли занять свое положение, могли продавать и покупать рабочего и жиреть от его мяса, а он даже и не догадывался об этом» (Дело Главн. упр. по делам печати 1881, № 42, лл. 80 об.—81). В докладе Петербургского цензурного комитета 13 мая 1885 г. по поводу пятой книги «Наблюдателя» снова указывается «на перевод романа Золя «Жерминаль», который, несмотря на сделанные редакции Главным Управлением по делам печати предупреждения быть особенно осторожным при печатании этого произведения [предупреждения эти очевидно делались устно, так как в делах никаких следов их не оказалось.—*И. А.*], очень мало ослаблен в сравнении с подлинником, а потому действия редакции противоречат указаниям высшего цензурного ведомства» (там же, л. 83). Несомненно печатание «Жерминаля» послужило одною из действительных причин объявленного вскоре (19 мая 1885 г.), второго предостережения «Наблюдателю»: в самом «предостережении» об этом, правда, не упоминается, но в составленном по сему поводу «всеподданнейшем докладе» (23 мая 1885 г.) говорится, что «в журнале «Наблюдатель» помещается, несмотря на сделанное редактору предупреждение, перевод крайне демократического по содержанию романа Золя «Жерминаль» (там же, л. 87 об.), а в черновике доклада следует выпущенное затем окончание фразы: «почти в полном объеме, с самыми несущественными изменениями в сравнении с подлинником» (там же, л. 89 об.).

Упоминаемый в письме Победоносцева Гартман, Лев Николаевич (1854—1908), народоволец, участник покушения на Александра II (взрыв на Московско-Курской ж. д. 19 ноября 1879 г.), скрывшийся затем за границу. В начале 1880 г. был арестован в Париже и лишь по настояниям французской прогрессивной и социалистической печати не был выдан России, а лишь выслан из Франции. В социалисте Суварине Золя не стремился к портретному сходству с Гартманом (Суварин — анархист, ученик Бакунина и Кропоткина, участник покушения на шефа жандармов Мезенцева), хотя, возможно, что в этом образе отразились и некоторые портретные черты Гартмана; см. комментарий М. Эйхенгольца к «Жерминалю» (ЗИФ 1929, стр. 633—634).

22

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Сегодня, в частном со мною разговоре, [Н. К.] Гирс, между прочим, отзывался с прискорбием и с удивлением о поступке редакции «Нового времени», намеренно, повидимому, извратившей смысл документа, в порицание Министерству. Это обстоятельство стóит внимания: если поедете завтра из дому, не завернете ли ко мне?

А «Восток» не унимается, а [В. В.] Назаревский продолжает быть курицей. Стоило ему обратить внимание на тон этой заметки, в коей гнусно то, что вина мнимой несправедливости обращается на экзарха, которому и без того житья нет от негодяев. Конечно, эти слова отзовутся в Тифлисе.

15 апр[еля] 1885 Душ[евно] пре[данный]

К. Победоносцев

«Прискорбие» и «удивление» Н. К. Гирса (1820—1895), министра иностранных дел (1882—1895), касались ряда статей в «Новом времени» относительно так называемого «афганского инцидента» между Россией и Англией, инцидента, едва не приведшего к военным действиям. Таковы, например, статьи «Мир или война?» («Новое время», 1885, № 3274, 11 апреля), «Невозможные требования» (№ 3275, 12 апреля), Nemo, «Куда мы идем? Письмо в редакцию» (там же), «Старые ошибки» (№ 3276, 13 апреля), «По поводу письма Nemo» (№ 3277, 14 апреля), Nemo, «Кому польза? Письмо в редакцию» (там же) и др.

Говоря о «Востоке», Победоносцев очевидно имеет в виду заметку, излагающую окончание инцидента с Финбладзе-Джибладзе, т. е. отдачу последнего в дисциплинарный батальон («Восток», № 316, 12 апреля, стр. 301). Негодование Победоносцева было удовлетворено цензурной карой—запрещением розничной продажи «Востоку». По этому поводу в архиве Феоктистова сохранилось любопытное письмо Т. И. Филиппова (20 апреля 1885 г.), взявшего под свою защиту редак-

тора-издателя «Востока» Н. Н. Дурново. «Грузинский вопрос совершенно особенный, — доказывал Филиппов своему корреспонденту, не без оснований предполагая, что письмо это сделается известным и самому Победоносцеву, против которого оно направлено, — привязать их [т. е. грузин. — *И. А.*] к России или, вернее, охранять их преданность нам можно и должно покровительством их языку и еще более — их народному клиру. Применение к друзьям таких мер, которые годились бы, может быть, для врагов, есть преступная ошибка и против друзей и против себя».

Как видно из этого письма, а также из писем Победоносцева, «возвышение и укрепление православия» на Кавказе (одно из непосредственных проявлений общей колонизаторской политики царского правительства) проходило далеко не гладко.

23

Сегодня вы заходили ко мне, многоуважаемый Евгений Михайлович, но я был, к сожалению, задержан в Гос[ударственном] Совете.

Сколько уже я получил писем по поводу Верещагинской картины и статей об ней в русских газетах. Простые люди не могут до сих пор понять, что у нас так назыв[аемая] свобода печати.

Посылаю вам на образец только что полученную бумагу. Требование просителя, очевидно, не имеет прямой юридической основы.

Но глупые наши газеты не имеют такта понять, что не все, что печатается во Франции, может быть, без соблазна, передаваемо по-русски. И я с своей точки зрения думаю, что за подобные бестактности стоило бы газету изъять из розничной продажи, — т. е. признать ее неудобною к распространению на публичном рынке.

Душ[евно] пре[данный]
К. Побед[оносцев]

18 нояб[ря] 1885

Победоносцев несомненно имеет в виду вторую венскую выставку (1881) картин художника Василия Васильевича Верещагина (1842—1904). Здесь, между прочим, была выставлена большая серия (54 картины) палестинских картин и этюдов, 1883—1884 гг. Среди них привлекли к себе внимание католической печати две картины на евангельские темы: «Святое семейство» и «Воскресение Христово». Венский архиепископ, кардинал Гангльбауэр опубликовал в газетах протест против них, в котором утверждал, что «эти две картины, основанные на библейских текстах, цитированных тенденциозно и истолкованных ложно, в ренановском смысле, — эти картины поражают христианство в его основных учениях и недостойным образом стараются подорвать веру в искупление человечества воплотившимся сыном божиим; он «торжественно и во всеуслышание» протестовал против содержания этих двух картин «и против недостойного их посягательства на христианство», и обращался «к верующим католикам с увещанием» не посещать выставки, не принимать участия «в этом кощунстве». Верещагин возразил печатно же, что картины его ни в чем не противоречат евангелию, и в подтверждение своих слов сослался на тексты. «Если же, — писал он, — католическая церковь находит его картины еретическими, то это значит, что она сама удалилась от истинного евангельского учения» (Ф. И. Булгаков, «В. В. Верещагин и его произведения». СПБ. 1896, стр. 87—90). Эта полемика вышла далеко за пределы Вены, сделалась достоянием всей европейской и даже мировой прессы; в частности о ней, в весьма сочувственных выражениях, писало большинство русских либеральных газет, что и послужило поводом для вмешательства Победоносцева.

24

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Я прочел статью [И. С.] Аксакова и продолжаю держаться того мнения, что всего лучше пропустить ее спокойно и не давать за нее предостережения.

Сейчас Д. Ф. Тютчева прислала мне письмо к ней Аксакова. Он между прочим пишет, что если будет новое предостережение, то он закроет газету.

Анна Ф. [Аксакова] советовала ему сделать это после первого; но он непременно хотел на него ответить.

Душевно пред[анный]
К. Победонос[цев]

7 дек[абря] [1885]

Речь идет о протесте И. С. Аксакова против цензуры: в 1885 г. его газета «Русь» получила предостережение за «обсуждение текущих событий тоном, несовместимым с истинным патриотизмом, и за стремление возбудить неуважение к правительству, доказательством чего служит статья в № 21». Предостережение это было напечатано в № 22 газеты; в № 23 же Аксаков поместил свой протест, написанный в не совсем обычном для русской печати тоне. «Повинуясь закону, — писал Аксаков, — мы поместили в прошлом № данное «Руси» предостережение без всяких с нашей стороны примечаний и пояснений. Предостережение это нам было доставлено помощником частного пристава через несколько дней после того, как уже телеграф оповестил о нем всю Европу к великому торжеству австрийских газет. Благоразумнее, быть может, было бы и теперь оставить вовсе без оговорок это официальное назидание, но в нем есть нечто необыкновенное... Нам брошено в лицо обвинение в недостатке патриотизма. В статьях 12—30 ценз. устава перечислены все провинности печати, которые могут служить поводом для принятия упомянутой меры, но ни о патриотизме вообще, ни о патриотизме истинном в этих статьях нет ни слова, ни даже намека. Меняться нам поздно, да и не подстать... мы не расположены, да и не сумели бы... Правительство может закрыть нашу газету..., но пока мы держим перо в руках, оно будет все тем же независимым и искренним, и уже несомненно истинно-патриотическим». Вслед за этим протестом следовала статья об иностранной политике — в том же тоне, что и предыдущая. Замечания и советы Победоносцева, повидимому, показались Феоктистову убедительными, так как эта бравада Аксакова была обойдена молчанием; особенно «убедительными» должны были показаться Феоктистову ссылки на жену Аксакова — А. Ф. и ее сестру, Д. Ф. Тютчеву, — влиятельных при дворе фрейлин.

25

Удивляюсь решительности г.г. редакторов. Я никогда не решился бы взять на свою совесть опубликование драмы «Раскольники», напечатанной в 1 книжке «Русского архива», у [П. И.] Бартенева. Стóит обратить внимание. Прочтите, начиная с 93 страницы по 122-ю. Вещь замечательная, — и для человека образованного и мыслящего поучительная. Но простого человека может совсем сбить с толку.

Я забочусь только вот об чем: как бы, ради эксплуатации, Бартенев не пустил гулять эту вещь в отдельном издании. Тогда, в руках у сектантов, как у гр. [Л. Н.] Толстого, у пашковцев и т. под., она может стать опасным орудием.

По Костромской бумаге, вами присланной, я требую откуда следует сведений. С «Костр[омскими] ведомостями» у нас давно нечто неладное.

К. Побед[оносцев]

Речь идет об «историко-бытовой драме в пяти действиях А. Д. Улыбышева «Раскольники» (Русский архив 1886, № 1, приложение, стр. 1 — 154), напечатанной в дополнение к биографическому очерку Александра Дмитриевича Улыбышева (1794—1858), составленному А. Ганизским. Предчувствие возможных цензурных преследований заставило издателя «Русского архива», П. И. Бартенева, сопроводить драму примечанием о том, что «драматическое произведение Улыбышева принадлежит вполне давно прошедшей истории нашего внутреннего быта. Оно писано слишком 35 лет тому назад [в 1850 г. — *И. А.*]: отношения и мнения, в нем изображенные, устранены мероприятиями прошлого царствования и отошли уже в спокойную область прошедшего» (Русский архив» 1886 № 1, стр. 68). Публикуемое письмо Победоносцева достаточно красноречиво убеждает в противном: несмотря на «мероприятия прошлого царствования» тема о расколе была в середине 80-х годов столь же злободневна и остра, как и в начале 50-х. Страницы, привлекшие внимание Победоносцева (93—122), заняты сценой «при» раскольника Филимона Абрамова с Неизвестным на специфические раскольничье-духоборские темы. Отдельным изданием драма Улыбышева не выходила, и, сколько известно, вообще прошла совершенно незамеченной.

26

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Прочтите прилагаемое письмо [Н. П.] Гилярова. Газете его поделом, но мне помнится, по словам вашим, запрещение было вызвано не фельетоном «Греховодники», а другим каким-то мерзким рассказом.

Но обратите внимание на подчеркнутые строки. Гиляров пишет «Являлся ко мне». Если так, то нехорошо и указывает на связь с людьми богатыми, но развратными и, к сожалению, покровительствуемыми властью. — По этому предмету, т. е. по обличению федосеевцев-бракоборов, статьи Гилярова были для меня сюрпризом, и я за то похвалял его.

Что мос[ковский] об[ер]-полицм[ейстер] и сам [В. А.] Долгоруков готовы защищать этих негодяев,—это, к прискорбию, не удивляет меня.

Но помнится, повторяю, что здесь в Гл[авном] Управлении причина запрещения была иная.

Душевно предан[ный]
К. Победоносцев

2 мая 1886

Длиннейший роман «Греховодники . Рассказ из жизни федосеевцев и филипповцев» печатался в «Современных известиях» фельетонами, начиная с № 51 за 1885 г. Под первыми фельетонами были выставлены инициалы: Д. И. В.; дальнейшие — шли без подписи. Подлинные мотивы запрещения розничной продажи «Современным известиям» не были объявлены издателю — Н. П. Гилярову-Платонову. Из письма Победоносцева можно заключить, что Гиляров был склонен объяснять это запрещение теми главами романа (например гл. LXXVIII: «Федосеевский катехизис» — «Современные известия» 1886, № 118, 2 мая), в которых шла речь о догматике раскола — объяснение неверное, ибо, как видно, Победоносцев остался как раз доволен изобличительным против сектантов характером фельетонов.

27

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

С некоторого времени стали появляться в газетах известия, очевидно с намерением сочиняемые, о перемещениях архиереев с одной епархии на другую или вовсе об увольнении. Известия эти, — направляемые иногда не без намерения, производят немалую смуту, когда получаются в печатном виде на местах. Был уже случай, что подобное известие так подействовало на больного и старого воронежского архиерея, что ускорило его кончину.

Помнится, что по просьбе моей было уже сделано Главным Управлением внушение редакциям газет — не печатать подобных известий по безличным слухам.

За всем тем в последнее время подобные публикации стали повторяться. Прилагаю № «Новорос[сийского] телеграфа», где напечатан слух о перемещениях, не имеющий ни малейшего основания и предполагающий отставку здешнего митрополита. Это известие успело уже произвесть смуту.

Желательно было бы устранить возможность появления печатных сплетен о перемещении высокопоставленных лиц.

Кроме того, долгом почитаю обратить внимание ваше на вред, происходящий от печатания известий, тоже основанных на слухах, о беспорядках, случающихся в учебных заведениях, особливо закрытых.

Распоряжение Главн[ого] Управления по этому предмету также не соблюдается. Так, недавно почти все газеты одна за другою перепечатали известие о взрыве печи в квартире инспектора дух[овной] семинарии в Могилеве. Случай этот произошел в подражание подобному же происшествию, бывшему несколько лет тому назад в Воронеже. Теперь оглашение могилевского происшествия может возбудить к подражанию и в других местах.

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

17 д[екабря] 1886

28

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Недавно я писал вам о том, как вредно действуют печатаемые в газетах (иногда не без цели) слухи о перемещениях и увольнениях архиереев.

Сегодня в «Новом времени» опять появилось известие о назначении преосв[ященного] Палладия в Тифлис на место экзарха Павла. Это повторение вздорного известия тем более неприятно, что связано с интригою, волнующею местное общество.

Из статьи [А. С.] Суворина видно, что драма [Л. Н.] Толстого не лишена вероятности пропуска на сцену. Неужели правда?

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

5 янв[аря] 1887

Ответ Феоктистова:

Глубокоуважаемый Константин Петрович,

Еще в прошлом месяце, не прибегая на этот раз к циркулярам, я приглашал к себе некоторых редакторов и говорил им, чтобы они воздерживались повторять слухи о назначениях. Но что делать, — кажется, их от этой болячки ничем не излечишь. Сколько, например, писано было о назначении [И. А.] Вышнеградского. Если, в виду этого упорства, прибегнуть к строгим мерам, то ведь, пожалуй, зацепишь тех, кого не хотелось бы карать. «Гражданин» [В. П.] Мещерского более, чем какая-либо другая газета, усердствует в распространении известий, которые оказываются неосновательными; в «Дневнике» каждого №-ра можно встретить что-либо подобное. Я уже недоумеваю, как тут поступить.

Помилуйте, в статье Суворина я не увидал намека на то, что драма Толстого может еще быть допущена на сцену. Напротив, это диатриба против меня, зачем мы дерзнули драму запретить. Или, быть может, автор так переделал свою пиесу, что черное сделается белым, но на этот счет мы не имеем никаких сведений. Я воздержался от всяких сношений с графом Толстым и ограничился лишь официальным извещением, что драме его нет места на сцене. Но вот ведь как у нас делаются дела! Князь Мещерский сам говорит, что не читал пиесы, но это не помешало ему вчера сказать о ней несколько сочувственных слов.

Глубоко уважающий и искренно преданный
Е. Феоктистов

5 января 1887

(«К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 597: дата напечатана неверно: 1886).

В упоминаемой Победоносцевым статье «По поводу драмы Л. Н. Толстого» («Новое время» 1887, № 3898, 5 января) А. С. Суворин заявлял, после ознакомления с рукописью «Власти тьмы» (называвшейся в то время еще «Коготок увяз, всей птичке пропасть»), что «эта драма одно из тех высоких произведений, которые остаются вечными, ибо глубоко захватывают быт народный и народные характеры», что «по этой драме можно судить, что граф Толстой обладает строем драматического изложения жизни в таком же совершенстве, как и строем этой жизни в этическом. Он такой же великий романист, как и драматург, и форма драмы, не столь свободная как форма романа, явилась в его руках послушным орудием».

29

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Нет сладу с Ник. Гиляровым. Его газета становится складочным местом всевозможных сплетен и инсинуаций изо всех углов России — корреспонденты его отовсюду шлют поповские дрязги и пересуды, и он все, не разбирая, печатает. Недавно еще, несмотря на официальное опровержение, он печатал всевозможные сплетни московских трактиров об Успенском соборе, о взятии ризы господней в Петер[бург] и т. под.

Вот, сегодня нахожу у него фельетон самого дурного качества, о грузинской церкви. «Совр[еменные] изв[естия]» становятся органом юной Грузии, распускающей самые нелепые сплетни о русской церковной власти и о

несчастном экзархе, коего чистые намерения делают жертвою всей грузинской сволочи. Статьи этого рода, появляясь на месте, поддерживают волнение самого дурного качества.

Право, стоило бы еще проучить его, запретив ему розничную продажу.

Душевно пред[анный]
К. Победоносцев

16 янв[аря] 1887

Возмущение Победоносцева вызвала корреспонденция Н. Н. «Преобразования в грузинской церкви» («Современные известия» 1887, № 14, 15 января). Рядом фактов корреспондент подчеркивает пренебрежение руководителей грузинской церкви к языку народа, систематическую и сознательную руссификаторскую тенденцию синодальных властей. «В каких видах русское церковное правительство (особенно в настоящее время) усиливается вводить в грузинской церкви церковно-славянский язык и лишило Мингрелию и Гурию права иметь своих епископов... делая грузинский народ... индифферентным к церкви,—никто из грузин не скажет. Да и русские, искренне любящие Россию, едва ли способны понять эту церковную политику, в виду того особенно, что одновременно с тем армяне в том же Закавказском крае свободно употребляют свой язык в церкви, имеют своего католикоса, архиереев, священство, духовные: академию, семинарии и школы с своими учителями». «К грузинской народности, — замечает корреспондент, — применяется то же, что к румынской в Бессарабии»; «такая политика не может приблизить к России родственные ей по вере народы». По неизвестным причинам, на этот раз требование Победоносцева о запрещении розничной продажи «Севременных известий» не было выполнено; газета, впрочем, вскоре прекратилась сама после смерти Н. П. Гилярова-Платонова, покончившего самоубийством 13 октября 1887 г.

30

Конфиденциально

Получив от вас книжку с драмой [Л. Н.] Толстого и прочитав, я возмутился не менее вашего мыслью о представлении ее на имп[ераторских] театрах. Стал всячески доказывать вред от этого. Но сейчас получил непосредственно сверху удостоверение, что «давать драму на имп[ераторских] театрах не собирались, а *были толки* о пробном представлении без публики, чтобы решить, возможно ли ее давать или совершенно запретить». Обратите внимание на это выражение *были толки*. Оно не согласуется с категорическим заявлением [Н. В.] Всеволожского, о коем вы пишете. Я уже испытал не раз, как эти господа распоряжаются случайным отзывом государя, интерпретируя его как высоч[айшее] повеление.

Это может пригодиться вам на будущее время при сношениях.

Но я и того не понимаю, зачем разрешили печатать эту книжку [И. Д.] Сытину за 10 копеек. Ведь ее суют в руки на всех перекрестках, и, конечно, она гуляет теперь по рукам во всех учебных заведениях.

Душевно пред[анный]
К. Победоносцев

19 февр[аля] 1887

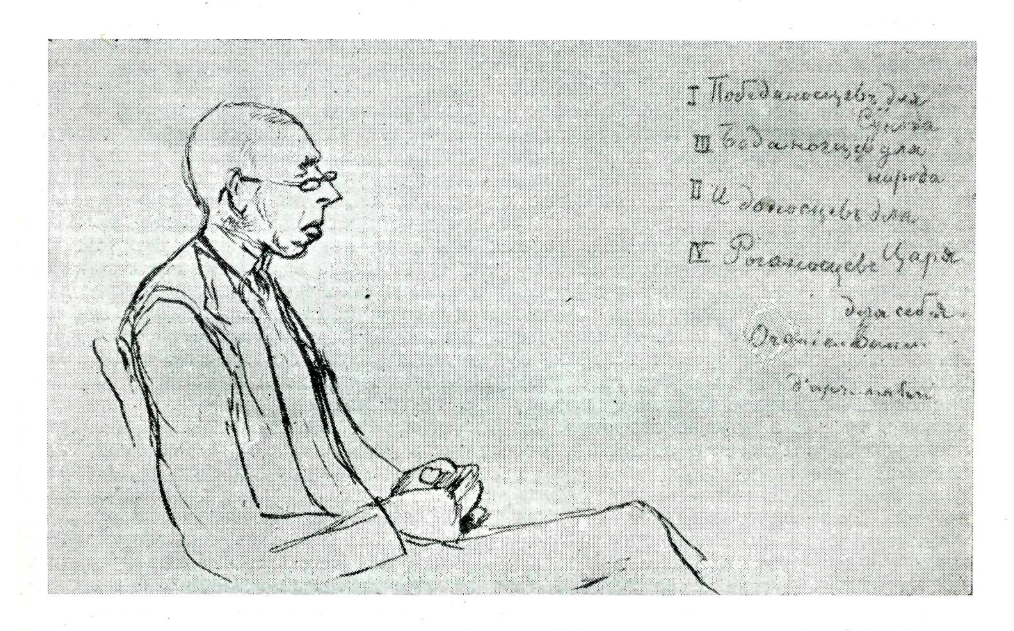
Письмо было опубликовано в примечаниях к «Воспоминаниям» Феоктистова (стр. 283).

Цензурная история «Власти тьмы» неоднократно уже привлекала внимание исследователей и публикаторов (А. С. Поляков, «К истории постановки «Власти тьмы — «Бирюч» 1918, № 7 — 8, стр. 144—150. П. П. Гнедич, «Феоктистов и «Власть тьмы» — «Бирюч» 1918, № 4, стр. 62—64; Ф. Раскольников, «Цензурные мытарства Толстого-драматурга»—«Красная новь» 1928, № 11, стр. 135—139; Воспоминания Феоктистова и примечания к ним. Ю. Г. Оксмана, — стр. 242—244, 282—283 и др.). Здесь мы сгруппируем, кроме того, и кое-какой свежий документальный материал, преимущественно по материалам архива Феоктистова.

Как записал Феоктистов в своем дневнике (29 марта 1887 г.), «впервые привез ее [т. е. драму.—*И. А.*] ко мне Сергей Татищев и просил меня ознакомиться с этою пиесой совершенно частным образом. Я так и сделал, и нашел, что для сцены она невозможна. Тогда Татищев взял ее у меня обратно. Следовательно, «Власть тьмы» не была в настоящем смысле слова подвергнута рассмотрению драматической цензуры. Между тем, началась усиленная агитация по ее поводу: приехав-

ший из Москвы Стахович читал ее повсюду, даже в аристократических салонах, и великосветские барыни, слушая эту мерзость, приходили в восторг, проливали слезы умиления» (Дневник Е. М. Феоктистова за 1886—1887 гг., лл. 14—14 об.),

В этой своей записке Феоктистов допускает очевидную ложь: из письма В. Г. Черткова (который и стоял за спиною всех великосветских почитателей Толстого, хлопотавших о пьесе) к Л. Н. Толстому (2 января 1887 г.) совершенно очевидно, что Феоктистов не просто «ознакомился» с «Властью тьмы» «частным образом», но «сам взялся цензуровать и сделал такие помарки, при которых первоначальная редакция 4-го действия совсем кастрирована, но вариант и все остальное не испорчено. Все резкие ругательства — вроде «пес» — вычеркнуты. Место о банке все обчерчено. (М. В. Муратов, «Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке». М. 1934, стр. 142). Чертков же, через свою мать, организовывал и упоминаемые Феоктистовым чтения пьесы. Одно из следующих чтений состоялось у самого Воронцова-Дашкова, и на нем присутствовал сам Александр III, также оставшийся пьесой вполне довольным. Феоктистов, правда, говорит о «затруднительном положении» царя, — «с одной стороны, он видел, что дело не ладно, а с другой, его уверяли, что народился новый Шекспир, что во всей европейской литературе нельзя найти такого перла как «Власть тьмы» (Дневник, л. 14 об.). Благожелательное отношение царя как будто окончательно решило вопрос о постановке «Власти тьмы». Как записывал позднее в дневнике своем Феоктистов, «Всеволожский [директор императорских театров. — *И. А.*] тотчас же с восторгом известил об этом нашего драматического цензора Фридберга.



К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ

Шарж работы К. Липгарта

Частное собрание, Москва

И вот начались приготовления, доходившие до безобразия. Так как предполагалось, что драма происходит в Тульской губернии, то посылали туда живописцев, чтобы рисовать декорации именно тульских, а не каких-нибудь других крестьянских изб, собирали тульских баб, чтобы шить сарафаны, — словом, хотели изумить мир постановкой, вполне достойной великого произведения. Газеты сообщали известия об этом публике, — я не верил газетам, но потом Н. С. Петров, помощник Воронцова-Дашкова, подтвердил мне все это. Достоинство драмы, говорили ее поклонники, заключается в ее реализме, а потому строгий реализм — главнейшее условие и при ее постановке. Остряки уверяли даже, что Театральное ведомство обратилось к почетному опекуну Кидошенкову с бумагой, в которой, ссылаясь на то, что между питомцами Воспитательного ведомства господствует страшная смертность, что несчастные дети мрут как мухи, спрашивали, не согласится ли Кидошенков пожертвовать ребенком, по крайней мере для первого представления: что могло бы быть реальнее, как задушение настоящего живого младенца пред взорами восторгающейся публики» (Дневник, лл. 14, об.—15).

Все эти подготовительные работы, так враждебно иронически охарактеризованные Феоктистовым, заняли, впрочем, очень немного времени: чтение драмы у Воронцова-Дашкова в присутствии царя происходило 27 января 1887 г., а уже в середине февраля в дело вмешался Победоносцев, при ближайшем участии Феоктистова, очевидно считавшего себя обойденным в вопросе разрешения драмы, ближайшим образом касавшегося его ведомства. 10 февраля 1887 г. Феоктистов писал Победоносцеву: «При последнем свидании вы изволили говорить, что не успели ознакомиться с пресловутой драмой графа Л. Толстого. — Посылаю ее при сем. Она представляет особый интерес в виду того обстоятельства, что старания некоторых господ увенчались полным успехом. Вчера г. Всеволожский объявил нашему цензору г. Фридбергу, что государь император приказал поставить пиесу графа Толстого на сцене императорских театров. Глубоко скорблю об этом, ибо никак не могу изменить свое мнение о ней». («К. П. Победоносцев и его корреспонденты» т. I, 2. М. 1923, стр. 687). А уже через несколько дней, 18 февраля, Победоносцев пишет Александру обширное послание, в котором настойчиво советует взять данное разрешение обратно. «Я только что прочел новую драму Л. Толстого, — начинает он, — и не могу притти в себя от ужаса. А меня уверяют, будто бы готовятся давать ее на императорских театрах и уже разучивают роли». «Искусство писателя замечательное, — но какое унижение искусства! Какое отсутствие, — больше того — о т р и ц а н и е идеала, какое унижение нравственного чувства, какое оскорбление вкуса! Больно думать, что женщины с восторгом слушают чтение этой вещи и потом говорят об ней с восторгом. Скажу даже: прямое чувство русского человека должно глубоко оскорбиться при чтении этой вещи». Как строгий ментор, как бывший наставник царя, Победоносцев учительно объясняет, что в драме «действующие лица—скотские животные, совершающие ужаснейшие преступления просто, из побуждений животного инстинкта, так же, как они едят, пьют и пьянствуют», что «не видать тут живого лица человеческого», что «у Толстого в драме даже с т р а с т и нет, нет у в л е ч е н и я, как нет и борьбы, а есть только тупое бессмысленное действие животного инстинкта». Он запугивает царя грядущим позором, каким должна явиться постановка «Власти тьмы»: «День, в который драма Толстого будет представлена на императорских театрах, будет днем р е ш и т е л ь н о г о п а д е н и я нашей сцены, которая и без того уже упала очень низко. А нравственное падение сцены — немалое бедствие, потому что театр имеет громадное влияние на нравы в ту или в другую сторону». Он рисует перед царем картины, как избранная публика в ы с ш е г о общества, как «дамы в роскошных туалетах смотрят на представление из чуждого им «мужичьего» мира, в котором живут и двигаются тоже люди, но похожие на животных», как «вся петербургская публика от мала до велика потянется в театр», как «дети, вернувшись домой, станут повторять со смехом и шутками слышанные ими в театре фразы и слова», как «драма Толстого облетит все... уездные и сельские сцены», как «отзовется такое публичное представление русского сельского быта у иностранцев и за границей, где вся печать, дышащая злобою против России, хватается жадно за всякое у нас явление и раздувает иногда ничтожные или вымышленные факты в целую картину русского безобразия» («Письма Победоносцева к Александру III», т. II, М. 1926, стр. 130—134; в черновой редакции напечатано в книге: «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 648—650). Выводов из всех нарисованных ужасов Победоносцев не делал; он лишь «высказал все и облегчил свою душу»; эти выводы, впрочем, были настолько очевидны из патетического победоносцевского словоизвержения (недаром Т. Филиппов говорил: «Когда я слышу в церкви слова — поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще, — то предо мною является фигура К. П. Победоносцева»), что их смог сделать даже ограниченный и тупой Александр. В письме к Победоносцеву 19 февраля 1887 г. (т. е. на другой же день по получении победоносцевского послания) он писал: «Благодарю вас, любезный Константин Петрович, за ваше письмо о драме Л. Толстого, которое я прочел с большим интересом. Драму я читал, и она на меня сделала сильное впечатление, но и отвращение. Все, что вы пишете, совершенно справедливо, и могу вас успокоить, что давать ее на императорск[их] театрах не собирались, а были толки о пробном представлении без публики, чтобы решить, возможно ли ее давать, или совершенно запретить. Мое мнение и убеждение, что эту драму на сцене давать невозможно, она слишком реальна и ужасна по сюжету. Грустно очень, что столь талантливый Толстой ничего лучшего не мог выбрать для своей драмы, как этот отвратительный сюжет, но написана вся пиеса мастерски и интересно» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 643). Под свежим впечатлением этого царского письма, знаменующего резкий поворот в той цепи интриг, которая велась вокруг драмы Толстого, и написано печатаемое нами письмо Победоносцева к Феоктистову. Последний поспешил тотчас же выразить свое удовлетворение новым оборотом дела и заодно оправдаться против упрека в разрешении напечатать драму. 19-го же февраля он писал Победоносцеву: «Чрезвычайно рад тому, что известие, сообщенное Всеволожским

нашему цензору, не вполне подтверждается. А между тем, в газетах уже напечатано распределение ролей между актерами. Очевидно, это делается не без косвенного участия театральной дирекции.—Мы запретили пиесу для театра, но мне кажется, что запретить ее печатать не было достаточных оснований. Толстой не преподает в ней своих сумасбродных теорий; он не выставляет порок в обольстительном свете; правда, своею грубостью и цинизмом пиеса производит омерзительное впечатление, но она никого не собьет с толку. Другое дело сцена: было бы в высшей степени оскорбительно, если бы подобные вещи считать пригодными для императорских театров, и жаль, что граф Воронцов-Дашков и Всеволожский не понимают этого; иначе они не подали бы мысль о необходимости устроить какую-то пробу» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 687).

Урок Победоносцева оказался внимательно заученным. В цитировавшемся уже выше дневнике своем, Феоктистов записывает еще: «Сегодня (29 марта [1887 г.]) министр внутренних дел [Д. А. Толстой. — *И. А.*] прислал мне записку, поданную на высочайшее имя некиим г. Палимпсестовым (из Москвы) о драме Льва Толстого и вообще об его последних произведениях. Государь, препровождая ее к министру, написал ему следующее: «Я переговорю с вами об этом при первом докладе. Надо было бы положить конец этому безобразию Л. Толстого; он чисто нигилист и безбожник. Не дурно было бы запретить теперь продажу его драмы «Власть тьмы»; довольно он уже успел продать этой мерзости и распространить ее в народе» (срв. также «Красный архив», т I. 1922, стр. 417). Повидимому за этой резолюцией последовало и личное объяснение царя с министром, так как в архиве цензуры сохранилось собственноручное распоряжение по этому поводу Д. А. Толстого, не вполне совпадающее с текстом резолюции. «Покорно прошу вас, многоуважаемый Евгений Михайлович, — писал Д. А. Толстой Феоктистову 2 апреля 1887 г., — сделать распоряжение о воспрещении продажи драмы Льва Толстого «Власть тьмы» на улицах, по ярмаркам и по деревням через так называемых ходебщиков и офеней. Департаменту же Полиции сообщите о воспрещении ему самому [т. е., очевидно, Л. Н. Толстому.—*И. А.*] публичных чтений, а также и публичного чтения его произведений» (Дело Главного управления по делам печати «О сочинениях графа Л. Н. Толстого» 1887, № 36, л. 1). Это избирательное запрещение продажи «Власти тьмы» проводилось настолько выдержанно, что, например, владимирскому губернатору, препроводившему 10 экземпляров драмы, конфискованных в книжном магазине, была специально разъяснена сделанная им служебная ошибка (там же, лл. 8—9). Однако и после этого Феоктистов продолжал утверждать (правда, только наедине с самим собою), что он поступил правильно, разрешив печатание «Власти тьмы», всячески содействуя в то же время запрещению ее сценической постановки. «Драма Толстого грязна и цинична,—записывал он в том же дневнике,—по-моему, в ней нет никаких достоинств, но в этой драме Лев Толстой воздержался от своих излюбленных теорий, он не проповедует ничего, что могло бы породить смуту в умах; если ему угодно было изобразить целый ряд чудовищных преступлений, то не в таком свете, чтобы это могло побудить кого-нибудь прибегнуть к ножу или яду. Палимпсестов утверждает, что, выставив в пиесе только злодеев, он опозорил русский народ, но заступаться за русский народ не приходится уже потому, что и сам Толстой и его приверженцы принадлежат к числу отчаянных народолюбцев» («Дневник», л. 15).

31

Не думаю, чтобы с нынешними законами о печати согласовалось оглашение разделения мнений по тому или другому вопросу в закрытых заседаниях высших госуд[арственных] установлений. Думаю, что если бы печать огласила происходившее в закрытом заседании суда, то учинила бы нарушение и подверглась бы взысканию. Тем более, казалось бы, должно подлежать тайне для печати происходящее в заседании Госуд[арственного] Совета. С этим оглашением может быть соединено, и соединяется мысль — бросить тень на то или другое мнение или лицо, в известном тенденциозном смысле.

Так, в настоящем случае, мнение меньшинства выставляется ретроградным. А оно утверждено. Ergo: представляется каждому делать вывод.

Ныне все газеты стали бесцеремонно делать подобные оглашения, и притом основанные нередко на сплетнях.

Не следует ли принять меры против этого?

А вот, вы недавно оказали благоволение «Рус[ским] ведомостям».

К. П.

7 марта 1887

«Благоволение» «Русским ведомостям» — вероятно намек на разрешение розничной продажи газеты (10 февраля 1887) после запрещения 20 октября 1886 г. Истинное отношение Феоктистова к «Русским ведомостям» в достаточной мере характеризуется его словами, обращенными к представителю редакции, явившемуся для объяснений по поводу нового запрещения розничной продажи (за отсутствие в газете некролога Каткова): «Скверная газета: скверно говорит, скверно и молчит» (Вл. Розенберг, «Русские ведомости». Исторический очерк.— В сборнике «Русские ведомости» 1863—1913». М. 1913, стр. 34).

32

Посмотрите, какое куриозное умопомрачение в этом чествовании [С. Я.] Надсона. Любопытно о Герострате.

И гр. [Л. Н.] Толстого успел кто-то уверить, что это великий поэт.

[М. Н.] Катков доволен. Но не знаю, довольно ли научен после свидания. Я говорил ему, но при случае и вы скажите «Эй, завяжи на память узелок!».

Что бы ему «fortiter in re, suaviter in modo». А я в другой раз едва ли решусь мешаться в дело.

Душе[вно] пред[анный]
К. Побед[оносцев]

20 мар[та] [1887]

«Чествование Надсона» — очевидно поток некрологов поэта (Семен Яковлевич Надсон, 1862—20 января 1887), воспоминаний о нем, стихотворений, посвященных ему и пр., составивших целую книгу («С. Я. Надсон, Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта, с приложением портрета». СПБ. 1887). Трудно сказать, на что именно намекал в своем письме Победоносцев: упоминания о «Герострате» (стихотворение Надсона) и об оценке творчества Надсона Л. Н. Толстым нам не встречались.

Вторая часть письма относится к окончательной ликвидации так называемого «катковского инцидента» («Воспоминания» Феоктистова, стр. 250 — 255).

33

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Отправляюсь сегодня на неделю в Москву и в Смоленск. Вчера заходил к вам в правление ваше, но не застал вас. Слышу, что болезнь сына остановила отъезд ваш, и хотел удостовериться, что беспокойство ваше миновалось.

Пеликан был у вас и получил надежду на получение цензорской должности. Не знаю, как и скоро ли это может состояться в ваше отсутствие.

Кары ваши — точно летняя гроза.

«Ты скажешь — ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила».

Едва объявлено «Современным известиям» запрещение розничной продажи, как уже и снято новым объявлением.

А между тем вчера, в «Совр[еменных] известиях» прочел я прескверный фельетон-памфлет на Миссионерское общество, ругня неприличная, направленная, очевидно, против церковного правительства и против Субботина. Не сомневаюсь, что это статья нарочито заказанная и купленная раскольниками московскими, Морозовым, Шибаевыми и К-о.

Душевно пред[анный]
К. Победоносцев

12 июня [1887]

34

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Простите, что я и отсюда беспокою вас.

Сейчас прочел в газете прилагаемое известие и сообщаю вам. [А. С.] Пругавин известный фантаст — и все, что он пишет, наполнено ложью в восхваление раскола. Это его хлеб, ибо из-за этого сочинения его расходятся в расколе и цитируются как авторитет. Очевидно, этот словарь рассчитан на то же, будет наполнен историческою ложью, бранью и клеветами на церковь и пр., и чрез это получит ход. Вред может быть немалый. Нельзя ли разведать, есть ли правда в этом известии, и затем распорядиться, чтоб книга была представлена в духовную цензуру, да поблюсти и за типографией.

Боюсь, что наши газеты раздуют нелепым образом болгарское дело и разведут опять смуту по России. В «Свете» [В. В.] Комаров уже распустил свои глупые фразы.

На днях уезжаю отсюда и в следующее воскресенье надеюсь быть в П[етер]бурге. До свиданья.

Душевно предан[ный[
К. Победоносцев

Зальцбург 16 сент[ября] [1887?]

К письму приложена следующая газетная вырезка: «Известный писатель по части раскола, г. Пругавин, кончает свой труд «Словарь старообрядчества со времен царя Алексея Михаиловича до вступления на престол Александра Александровича». Книги Пругавина под таким названием не существует. По всей вероятности, речь шла о вышедшей в том же году книге: «Раскол — сектантство. Материалы для изучения религиозно-бытового движения русского народа, собранные А. С. Пругавиным. Вып. I. Библиография старообрядчества и его разветвлений» (М. 1887).

По словам составителя, работа его имела целью «способствовать по возможности всестороннему выяснению вопроса о русском расколе—сектантстве»; вся работа была задумана в четырех выпусках: во втором должны были быть «классификация и характеристика всех сект и толков, из которых состоит раскол, старообрядчество и которые возникли на почве раскола». В третьем — «библиография сектантства мистического (хлысты, скопцы и т. д.) и рационалистического (духоборы, молокане, штундисты и т. д.)». В четвертом — «классификация и характеристика всех мистико-рационалистических сект (ересей)». Вследствие вмешательства Победоносцева издание остановилось на первом выпуске.

Пругавин, Александр Степанович (1850—1920), этнограф и публицист, знаток старообрядчества и раскола.

«Свет» — «газета политическая, экономическая и литературная», издавалась в Петербурге с 1882 г. до самой революции 1917 г.; редактор-издатель Виссарион Виссарионович Комаров (ум. 1907). В течение ряда десятилетий «Свет» был типичным образцом бульварной, желтой прессы в России: реакционный по существу, он время от времени ронял либеральные фразы, привлекая к себе внимание цензуры и читателей.

35

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Обращаю внимание ваше на объявленные издания [Ф. Ф.] Павленкова. Все они одного духа: стоит поблюсти за ними, особливо за книгою М. Нордау.

Душевно предан[ный]
К. Победоносцев

8 окт[ября] 1887

9 окт[ября]. А вот какое извещение нахожу сегодня в «Русских ведомостях» о сочинении гр. Толстого, которое уже отчасти известно по газетным статьям. Прикажите обратить внимание — caveant consules.

Флорентий Федорович Павленков (1839—1900) издал в 1887 г. книгу Макса Нордау «В поисках за истиной. Парадоксы» (СПБ. 1887).

В «Русских ведомостях» (1887, № 277, 8 октября) напечатана следующая заметка: «В непродолжительном времени должно выйти новое сочинение графа Л. Н. Толстого, посвященное вопросу о смысле жизни. В основу этого сочинения положено сообщение, сделанное графом прошлою зимою в одном из заседаний Пси-

хологического общества и извлечение из которого было помещено своевременно в «Русских ведомостях». Только граф, работая в течение нескольких месяцев, совершенно переработал первый эскиз и дополнил его в таких размерах, что в настоящем виде он составит не менее 15 печатных листов. Продолжая жить в Ясной Поляне, граф поручил корректуру своего труда одному из своих знакомых». Труд этот — книга «О жизни», в виде первоначального эскиза прочитанная как доклад «Понятие жизни» (см. «Русские ведомости» 1887, №№ 73, 78; «Звезда» 1887, № 13; «Новое время» 1887, № 3973). Предупреждение Победоносцева имело соответствующие результаты: книга «О жизни» (М. 1888) была запрещена цензурой, уничтожена и в настоящее время является большой библиографической редкостью (А. Л. Бем, «Библиографический указатель творений Л. Н. Толстого». Л. 1926, стр. 38); перепечатки ее появились лишь за границей (например, издание М. К. Элпидина. Женева 1891), в России же были разрешены, со значительными купюрами, лишь главы «Любовь», «Страх смерти», «Страдания» («Последние главы из книги «О жизни». — Сочинения графа Л. Н. Толстого, т. XIII. М. 1890, стр. 269—339).

36

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

«Гражданин» начал печатать у себя ежедневно, кто ездит к государю в Гатчину. Я думаю, не следует допускать этого. Это может вести к неудобным толкам, заключениям и предположениям. До сих пор только «Правит[ельственный] вестник» печатал, кто представлялся государю в приемные дни, и затем уже газеты отсюда перепечатывали.

По моему мнению, нет никакого основания церемониться с «Гражданином».

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

12 нояб[ря] 1887

Печатая в «Гражданине» хронику поездок министров и придворных в Гатчину для представления Александру III, Мещерский имел целью лишний раз подчеркнуть свою близость ко Двору, свою совершенную осведомленность во всех придворных делах и событиях. Вопрос о неоглашении сведений относительно министерских докладов издавна беспокоил Победоносцева. Так, еще 21 мая 1881 г., по аналогичному случаю с «Голосом», он обращался к Н. П. Игнатьеву, восклицая: «И что за обычай у них завелся новый извещать, кто из министров был с докладом у государя» («Былое» 1924, № 27—28, стр. 54).

37

Вот, почтеннейший Евгений Михайлович, как вкоренилось у наших просителей лгать на одних начальствующих лиц перед другими. На меня же лгут немилосердно. Я испытываю едва не ежедневно.

Геруц был у меня 2 раза: весною и осенью, с усиленными ходатайствами, и всякий раз получал от меня один и тот же категорический ответ: «Я не могу никоим образом за вас ходатайствовать (чего он и добивался). Я хлопочу в Ценз[урном] упр[авлении] об изъятии некоторых брошюр [Л. Н.] Толстого, кои признаны вредными, а вы же говорите, что эту брошюру признает вредною Ценз[урное] упр[авление]. Судите сами, могу ли я теперь себе же противоречить, да притом и не знаю, о чем идет дело».

А он вот ссылается на меня в надежде, что ему на слово поверят.

Душев[но] пред[анный]
К. Победоносцев

20 нояб[ря] 1887

И кстати еще вот о чем.

Мне уже случалось говорить о неудобствах сохранять цензурные запрещения иностр[анных] книг прежнего времени, когда запрещалось все, где речь шла о революции, о царях и т. п.

Выходили странные и обидные аномалии.

Ныне пропускают книги даже очень вредные. А между тем напр[имер] нельзя спросить в книжной лавке Carlyle «Freuch Revolution», книгу, писанную на строгих нравств[енных] началах.

Недавно вышел франц[узский] перевод известного сочинения Карляйля: The Hero — характеристики знаменитых представителей авторитета в науке и в правительстве. Спрашиваю у Мельé, говорят, — запрещено, в цензуре лежит.

Да ведь оно в 60-х годах было напечатано в русском переводе!

И все сочинения Карляйля следовало бы освободить—все они проникнуты нравственным началом — до суровости!

А подумаешь: в русск[ом] переводе издан «Капитал» Маркса, одна из самых зажигательных книг!

Т. Карлейля (1795—1881) Победоносцев очень почитал, неоднократно, по различным поводам цитировал и даже в своем «Московском сборнике» поместил ряд выдержек в собственном переводе (стр. 264—268: Из Карлейля. I. Детство. II. Простое правило жизни. III. Воспитание. IV. Дело. V. Религия). 20 июля 1885 г. Победоносцев писал С. А. Рачинскому: «Мы читаем теперь книгу в высшей степени интересную и поучительную — биографию Карлейля, изданную Фрудом, Carlyle, His Lifme in London. Книга наполнена выписками из писем и дневников Карлейля. Видишь, что за душа была и что за ум. Любопытно и трогательно, до какой степени дух этот горел любовью к истине и негодованием на ложь общественную в своем отечестве и всюду. Множество глубоких мыслей, глубокая и тонкая критика так называемых либеральных учреждений и форм (Ленинградская Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Письма к С. А. Рачинскому, 1885, июль—сентябрь, № 16).

Говоря о «Капитале» К. Маркса, Победоносцев имеет в виду незадолго перед тем разрешенный перевод II тома «Капитала» («Капитал. Критика политической экономии. Сочинение К. Маркса, изданное под ред. Фр. Энгельса». СПБ. 1885), охарактеризованный цензором В. Ведровым как «серьезное экономическое исследование, доступное как по содержанию, так и по изложению лишь специалистам» и потому не представляющее, по мнению цензора, непосредственной опасности в цензурном отношении (ЛОЦИА. Дело Петербургского Цензурного Комитета, 1885, № 97; «Красный архив», т. LVI, 1933, стр. 10). Победоносцев — едва ли не первый среди бюрократической верхушки — разглядел в «серьезном экономическом исследовании» «одну из самых зажигательных книг». Лишь в 1893 г. Департамент Полиции обратился в Главное управление по делам печати с просьбой снова процензировать «Капитал» в виду популярности, какую получила эта книга среди революционных социал-демократических организаций; в январе 1894 г. Феоктистов предложил Министерству внутренних дел включить «Капитал» в список произведений печати, которые не должны быть допускаемы в публичных библиотеках и общественных читальнях, и сделать распоряжение по цензуре о недозволении выпуска в свет этого сочинения новым изданием (См. «Сочинения Карла Маркса в русской цензуре. Архивная справка».—«Дела и дни» 1920, кн. I, стр. 324—325, 333). Однако и после того, в 1897 г., был разрешен к печати III том «Капитала», при чем новый начальник Главного управления по делам печати М. П. Соловьев объяснил это тем, что «два первых тома были разрешены до него, а третий — так написан, что сам автор не в состоянии понять того, что написал» (А. В. Богданович, «Три последних самодержца. Дневник». М.—Л. 1924, стр. 213). См. также «Карл Маркс и царская цензура» — «Красный архив», т. LVI, 1933, стр. 5—32; А. Реуэль, «К истории «Капитала» Карла Маркса в России. 1. «Капитал» К. Маркса в России 70—80-х годов». — Сборник Института экономики Комакадемии к 50-летию смерти К. Маркса. М. 1933, стр. 124—168.

38

«Гражданин» очевидно печатает известия о ездящих в Гатчину без всякой авторизации. Иначе не мог бы он сказать, как говорит сегодня, что я ездил вчера 20 ч[исла] с докладом к государю. Никакого доклада у меня не было, а я езжу по четвергам вечер[ом] для занятий с цесаревичем, о чем известно всему дворцовому управлению.

К. Победоносцев

21 нояб[ря] [1887]

39

Стоило бы обратить внимание гр. [Д. А.] Толстого, как неудобно именно теперь разрешать розничную продажу «Русских ведомостей». Есть основание думать, что в среде этой издательской компании есть люди, способствовавшие возбуждению умов между студентами.

К. П.

2 дек[абря] 1887

Воспрещение розничной продажи «Русским ведомостям» объявлено было 5 сентября 1887 г. и действовало по 1 декабря («Русские ведомости», 1863—1913. Сборник статей» М. 1913, стр. 304). Причиной цензурной кары явилось отсутствие в газете обстоятельного некролога М. Н. Каткова с официальной, конечно, оценкой его деятельности.

40

Конфид[енциально]

Сегодня, быв в Гатчине, я узнал из непосредств[енного] источника, что гр. [Д. А.] Толстой вчера имел речь о «Гражданине» по поводу публикаций о ездящих в Гатчину. Государь отозвался (по кр[айней] мере мне), что [В. П.] М[ещерский] нахал и что с ним стесняться нечего. Авось либо гр. Т[олстой] теперь не будет иметь колебаний и сомнений.

К. П.

4 дек[абря] [1887]

Александр III, считавший кн. Мещерского одним из ближайших своих личных друзей, неизменно оберегал его от каких бы то ни было цензурных кар. Учитывая настроения царя, граф Д. А. Толстой «соглашался неохотно подвергнуть газету «Гражданин» за ее безобразные выходки даже далеко не суровым административным карам, вроде запрещения розничной продажи ее нумеров; он как будто инстинктивно сознавал, что это должно возбудить неудовольствие в Гатчине»,— записывал в своих воспоминаниях Феоктистов (стр. 247—248).

41

Вот что пишет мне между пр[очим] сегодня Сергей Ал[ександрович] Рачинский: «Бедная Москва! Общество вымерло, университет опозорен, «Рус[ский] вест[ник]» куплен «Нивою» *, «Современные известия» — мерзавцем [А. И.] Елишевым. Неужели ему позволят издавать в столице ежедневную газету?»

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

10 дек[абря] 1887

Рачинский, Сергей Александрович (1836—1902), бывший профессор Московского университета (ботаник), вышедший в отставку вместе с Б. Н. Чичериным и др. в знак протеста против покушений на университетскую автономию. В 80—90-х годах известен как деятель по народному образованию, организатор народных школ с преподаванием в том «истинно-русском», т. е. славянофильском, православном духе, какой вошел в моду при Александре III. К мнениям и оценкам Рачинского прислушивались и официальные круги, несмотря на формальную его «оппозиционность»; с ним, как видим, считался и близкий его друг Победоносцев, который вообще почитал Рачинского.

«Университет опозорен» — намек на студенческие беспорядки в Московском университете в ноябре 1887 г. Беспорядки эти быстро нашли резонанс в ряде других университетских городов, и, по словам исследователя, «движение 1887 г. приняло столь широкий размах, носило настолько яркий противоправительственный характер, что власти растерялись» (В. И. Орлов, «Студенческое движение Московского университета в XIX столетии». М. 1934, стр. 199—200, см. также стр. 192—201).

---

* Это едва ли так. [Прим. Победоносцева.— *И. А.*]

Отвечая Рачинскому на его письмо, Победоносцев писал (26 декабря 1887 г.): «Вы сокрушаетесь об университ[етских] делах—как не сокрушаться! Все перепутано, с 50-х годов, и вместо дела простого вышло сложное и путаное, вместо живого тела создана машина, а к машине, да еще паровой, нам некого приставить, кроме мужика с долотом и топором. Правду вы говорите, что виноваты молодые либералы-профессоры. Не то, чтобы они прямо подстрекали, но они—мякина и ходячее легкомыслие. Они сами, подобно толпе праздной, входят в дешевое раздражение на либеральной почве, пробавляются ходячими анекдотами и сплетнями о высших сферах,—и болтают, не разбирая при ком и о чем. А притом университет—живая часть общества, общество же наше интеллигентное—вы сами знаете чего стоит. Администрация, и именно московская,—ниже всякой критики. Отсюда—та дребедень, которая явилась в Москве и отсюда разнеслась во все углы! А что дальше? не знаю. Знаю только, что в середину не идут, а занимаются мелочами. Представьте, что завтра собирают нас—4 или 5 министров—на совещание о том, следует ли отбирать от студентов «честное слово», что они не будут участвовать в сходках. — Ах, все это — «words, words, words»... а дела не видно» (Ленингр. Публ. Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Письма к Рачинскому 1887, сентябрь—декабрь, № 80).

Слухи о «Русском вестнике» и «Современных известиях» были безосновательны; в частности «Современные известия» вовсе прекратились после самоубийства Н. П. Гилярова-Платонова в октябре 1887 г.

42

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Волнение по д[елу] со стихотворением [К. М.] Фофанова не только не утихает, но усиливается. Нужно было этому шальному [С. А.] Петровскому выпалить еще своею статьей! Я получаю ругательные письма, где меня проклинают за то, что ничего не делаю и не требую по этому случаю.

А сегодня все заседание в Синоде занято было толками об этом. Старцы страшно возмущены. Одни хотят отлучить от церкви торжественно Фофанова; другие—хотят подавать всепод[даннейший] доклад от Синода, и разговоры еще не кончены. Предвижу, что придется мне доложить государю об этом деле!

Душ[евно] предан[ный]
К. Победоносцев

11 мая 1888

Речь идет о стихотворении К. Фофанова «Таинство любви» («Наблюдатель», 1888, № 3, стр. 38—40), которое совершенно неожиданно вызвало сильное брожение умов в реакционно-клерикальных кругах. Еще 6 мая 1888 г. граф Д. А. Толстой запрашивал Феоктистова, «не следует ли наложить взыскание на редакцию журнала «Наблюдатель» за стихотворение Фофанова, которое произвело в Москве такое удручающее впечатление, что есть лица, намеревающиеся жаловаться прямо государю» (ИРЛИ, архив Феоктистова, шифр 9108. LII б 4). Результатом писем Толстого и Победоносцева явилось следующее «распоряжение» министра внутренних дел от 14 мая 1888 г.: «Принимая в соображение, что журнал «Наблюдатель» уже подвергся двум предостережениям за свое вредное направление, которое проявляется однако и ныне во многих его статьях, особенно же выразилось оно в том, что редакция журнала решилась напечатать в мартовской его книжке стихотворение Фофанова под заглавием «Таинство любви», отличающееся возмутительным кощунством, министр внутренних дел... определил: объявить этому журналу третье предостережение в лице издателя-редактора... Александра Пятковского, с приостановлением издания на шесть месяцев». Точнее мотивы предостережения вырисовываются из следующего «всеподданнейшего доклада» министра внутренних дел Александру III от 14 мая, дословно повторяющего соответствующее постановление Совета Главного управления по делам печати:

«В издаваемом без предварительной цензуры журнале «Наблюдатель» помещено стихотворение, которое не могло не произвести удручающего впечатления на публику. Автор его, Фофанов, изображает, будто бы по понятиям еврейского народа, бога грозного, неумолимого, появляющегося среди грома и молнии; но этот еврейский бог нисходит к безгрешной деве Марии, объятой сном.

Он не тревожил сладкий,
Прекрасный сон ее, исполненный чудес,
Он только колыхнул бесчувственные складки
Малиновых завес.
Он только опахнул стыдливые ланиты,
Он только осенил безгрешное чело,
И были новые ей помыслы открыты,
И даль грядущего разверзлася светло.

Пробудившись, Мария идет в сад и видит, что белоснежный голубь парит над нею. Она поняла пророческие сны, поняла, что ей предназначено быть владычицею мира. Голубь не переставал носиться над нею.

То бог, все тот же грозный
Самодержавный бог, молниеносный бог.

Но теперь:

Он понял мир земной, погрязший в тьме полночной,
Он стал его отцом, бессмертный и благой,
Теперь очищенный любовью непорочной
И освещенный сном невинности земной.

Все стихотворение представляется каким-то диким бредом. Автор дерзнул коснуться в нем величайшего таинства православной веры — архангельского благовестия о воплощении сына божия от девы Марии и святого духа и исказил его в языческом смысле. Самое заглавие стихотворения «Таинство любви» придает ему ненавистный для христианина смысл. Появление означенного произведения в «Наблюдателе» нельзя приписать случайности в виду того, что журнал этот отличается направлением вообще неодобрительным и уже получил два предостережения. Никакая сколько-нибудь благонамеренная редакция не покусилась бы открыть страницы своего издания стихотворению Фофанова» (ЛОЦИА, Дело Главного управления по делам печати 1881, № 42, лл. 110—111 об.).

43

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

В «Новом времени» появлялось известие, что [Н. С.] Лесков готовит к печати целую книгу рассказов, обделанных им из «Пролога». Опасаюсь, как бы тут не было кривляний по книге, имеющей церковное значение. Прикажите—не признаете ли нужным? — присмотреть за этим кому следует.

Я был в Москве. Слышал, что там кроме [Д. И.] Иловайского есть еще затеи на новые газеты. Одна фирма — весьма ненадежная — [В. Г.] Короленко, [Г. А.] Мачтет и т. п. Другая — г. Кушнарев, о коем тоже плохие известия.

Душ[евно] пред[анный]

28 мая 18[88] К. Победоносцев

29 мая. Сейчас принесли «Русское дело». Обратите здесь внимание на персидский циркуляр.

Хорошо ли, что московская цензура пропускает такие вещи с одобрением?

В мае 1888 г. Н. С. Лесков, по предложению А. С. Суворина, действительно подготовлял к изданию несколько сборников своих произведений. В письме к Суворину 17 мая 1888 г. Лесков доказывал, что «обозрение «Пролога»—серьезно и нравственно», «все скромно», что он «не усиливал, а смягчал всякое выражение «Пролога» и довел описание до полной скромности» («Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л. 1927, стр. 83). Возможно, что циркулировавшие вокруг проложных повестей Лескова слухи дали повод и цензуре пристальнее взглянуть на них, в частности цензуре духовной, уже и раньше обращавшей внимание на ряд произведений писателя, затрагивавших те или иные стороны современной церковной жизни. Недаром, посылая С. Н. Шубинскому свой рассказ «Боголюбезный скоморох» («Скоморох Памфалон»), Лесков был вынужден доказывать, что «в повести о скоморохе нет ничего религиозного—до того, что

ПИСЬМО К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА К Е. М. ФЕОКТИСТОВУ ОТ 6 ФЕВРАЛЯ 1890 г. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ СТРАНИЦЫ

Институт Русской Литературы, Ленинград

ПИСЬМО К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА К Е. М. ФЕОКТИСТОВУ ОТ ФЕВРАЛЯ 1890 г. ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦЫ
Институт Русской Литературы, Ленинград

даже не упоминается ни про евангелие, ни про церковь, ни про попа, ни про диакона, ни про звонаря. Словом — нет ничего относящегося к церкви, а только сюжет заимствован». И дальше «Даже запаху ладанного—и того нет, а есть просто очень любопытная повесть, написанная с изучением и старанием» (А. И. Фаресов, «Против течений», СПБ. 1904, стр. 106). Действительно даже духовная цензура, в отзыве члена Петербургского комитета архимандрита Тихона, признавала, что «то, что изложено, само по себе, не содержит ничего вредного или противного духу учения нравственного христианского, и повествование в художественном отношении имеет своего рода достоинства» (Дело С. Петербургского Комитета духовной цензуры 1887, № 1743, лл. 1—1 об.). Очень скоро, однако, цензура серьезно взялась за Лескова: ниже мы приводим успокоительное письмо Феоктистова к Победоносцеву о том, что им приняты соответствующие меры в отношении неугодного писателя. Об отдельном издании «проложных повестей», разговор больше не поднимался. В 1889 г. по приговору Главного управления по делам печати и с одобрением комитета духовной цензуры (Дело... 1889, № 1780, лл. 9—9 об.) был сожжен весь шестой том «Собраний сочинений» Лескова, вышедший впоследствии с совершенно измененным содержанием (С. Шестериков, «К библиографии сочинений Н. С. Лескова»—«Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук», т. XXX, 1925, стр. 284).

44

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

В среду или в четверг сбираюсь уже выехать за границу.

Я писал вам, помнится, о книге, приготовляемой [Н. С.] Лесковым — «Рассказы из Пролога».

Нелишне сообщить вам, что одна из этих историй, печатанная в «Нов[ом] времени» и потом изданная отдельно — «Федор Жидовин» — на-днях признана Синодом крайне вредною, и по поручению Синода я буду писать вам и просить, чтоб не дозволялось вновь издавать ее.

[А. А.] Пороховщиков просит разрешить ему газету. Предупреждаю, что на этого человека положиться нельзя — впрочем, конечно, и вы его знаете.

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

12 июня [1888]

В своем ответе Феоктистов писал: «Относительно книги Лескова будьте спокойны. Приняты меры. — Пороховщикова я опасаюсь. Мне кажется, что не надо разрешать ему газету. Любопытно, однако, что он представил В. К. Плеве рекомендательное письмо Н. П. Смирнова и предлагает, если угодно, таковое же от митрополита Иоанникия. Главным его сотрудником является Иловайский» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, 2. М. 1923, стр. 851).

Пороховщиков, Александр Александрович (1810 — 1894), московский купец и неудачливый городской деятель. Победоносцев еще в 1875 г. характеризовал его (в письме к наследнику Александру Александровичу) как «известного в Москве прожектера, спекулянта и человека весьма сомнительной репутации» («Письма Победоносцева к Александру III», т. I. М. 1925, стр. 50—51). Рассказ Н. С. Лескова «Сказ о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине» был напечатан первоначально не в «Новом времени», а в Русской мысли» (1886, № 12, стр. 1—23); тогда же он вышел и отдельной брошюрой (М. 1887, 64 стр.).

45

[Август—сентябрь 1889]

В последнее время составился план возбудить и оживить украйнофильское движение в России, особливо в университетских городах.

Главными двигателями этой пропаганды состоят [М. П.] Драгоманов в Женеве, а по активной части [Г. В.] Плеханов в Париже и [П. Б.] Аксельрод в Цюрихе.

По внушениям отсюда выехали из Киева за границу —

Студ. [Б. А.] Кистяковский, сын профессора;

Студ. [А.] Мержковский;

Студ. [С.] Деген, сын генерала, и с ним две сестры его.

Они отправились во Львов под руководство главных тамошних вождей анархического украинофильства, Ивана Франка и [М.] Павлика.

Примечательно, что Ив[ан] Франк[о] состоит корреспондентом П[етер]бург[ской] польской газеты Kraу.

Австрийское правительство, в последнее время испуганное анархическим направлением украинофилов, принялось преследовать их, и ныне помянутые русские выходцы арестованы. Захваченная у них русская переписка свидетельствует о замыслах их и сношениях.

Б. А. Кистяковский, А. Маршинский (а не Мержковский, как пишет Победоносцев) и С. Деген с двумя сестрами (Марией и Натальей) — все члены студенческого драгомановского кружка в Киеве,—выехали за границу в июле 1889 г. и поселились во Львове, где и приняли участие в предвыборной агитации украинских радикалов во главе с И. Франком и М. Павликом, которой Драгоманов придавал большое политическое значение (П. Л. Тучапский, «Из пережитого. Девяностые годы», Одесса 1923, стр. 17). Во Львове же все они были арестованы (в августе) и вскоре затем высланы в Россию, где (циркуляром Департамента полиции от 26 октября 1889 г.) за ними было установлено «самое строгое наблюдение». Труднее расшифровать непонятное наименование Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода «главными двигателями» украинофильской пропаганды—на ряду с М. П. Драгомановым. Многочисленные факты, наоборот, указывают на резко отрицательное отношение Плеханова к либеральному буржуазно-националистическому федерализму Драгоманова и его сторонников. Дело, по словам самого Плеханова, заключалось в неприемлемости для него как для марксиста узкого национализма драгомановцев, доводившего их до заявлений о том, что «украинские крестьяне чувствовали бы себя лучше, если бы паны на Украине были не польские, а свои же, украинские». «Неужели же, Петр Лаврович,—писал Плеханов (30 мая 1884 г.) П. Л. Лаврову по поводу украинской брошюры Липского «О том, как наша земля стала не наша», в которой как раз содержится приведенная тирада, — вас, который один из первых стал излагать нашей молодежи учение социализма, мне нужно спрашивать—согласно ли вышеприведенное украинофильское мнение с основными положениями социализма. По-моему, нет. И поскольку оно противоречит социализму, постольку эта и ей подобные брошюры не могут называться научными. Там, где нет социализма,—нет науки. Вот почему там, где есть хоть одна строка, написанная мною, не может быть похвалы гг. украинофилам» («Дела и дни», кн. 2, 1921, стр. 78—79). Нет необходимости доказывать, что и в дальнейшем взгляды Плеханова на либеральное, буржуазно-националистическое украинофильство остались отрицательными; личные же его отношения с Драгомановым были совершенно прекращены после издания «Вольного слова» и «Драгоманьяды» (см. «Группа «Освобождение Труда», сборник № 5. М. 1926, стр. 72—90; Д. Заславский, «М. П. Драгоманов», М. 1934). Разгадку странного упоминания в письме Победоносцева. по нашему мнению, следует искать в том обстоятельстве, что в конце 80-х годов в студенческие кружки все более проникало знакомство с марксизмом, марксистской литературой и т. д. Возможно, что в полицейских и жандармских донесениях, которые, повидимому, послужили основанием для письма Победоносцева, эти две ориентации киевских студенческих кружков — марксистская и украинофильская — оказались причудливо объединенными.

46

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Из Харькова поступило или вскоре поступит к вам ходатайство о разрешении нового учено-литературного журнала.

По всем имеющимся у меня сведениям это предприятие требует отпора. Оно затеяно либералами, коим несочувственно недавно отрезвившееся в Харькове литературное движение в духе охранительном («Вера и разум», «Юж[ный] край», «Губернские ведомости»).

Вы знаете, что у нас почти все журналы (кроме «Русского вестника») занимаются служением Молоху и Астарте. Итак, ни в каком отношении нежелательно иметь еще новый орган такого же направления.

Мне известно, что и местный губернатор не расположен к этому предприятию.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

20 ноября 1889

47

Прочтите еще, многоуважемый Евгений Михайлович, это письмо пр[еосвященного] Никанора и приложенный фельетон.

Право, пора обратить внимание на провинциальные газеты. Нельзя оставлять их на ответе невежественных или безграмотных вице-губернаторов.

Эта газета—«Одесский листок» — одна из самых скверных и орган жидовский.

Душевно пред[анный]
К. Победоносцев

26 нояб[ря] 1889

Настоящее письмо Победоносцева является следствием письма к нему херсонского архиерея Никанора, одного из многих добровольных доносителей, окружавших Победоносцева, делавших на доносах карьеру и доставлявших всемогущему обер-прокурору ореол всезнайства и вездесущности. Приводим здесь этот любопытный образчик доносительской литературы («Русский архив», 1915, № 11—12, стр. 266).

Ваше высокопревосходительство, Константин Петрович,
Милостивый государь!

В последнем моем конфиденциальном сообщении по поводу предполагаемых земских чтений о предметах православной веры я писал между прочим, что теперь *в каждой и самой мелкой провинциальной газете можно читать* постоянные выходки не только против религии, но и против государства, самого радикального свойства, помещаемые даже с разрешения правительственной цензуры. Не угодно ли взглянуть на такую выходку собственными глазами: «Одесский листок» 1889 г., № 309, фельетон, стр. 2, столб. 6, «Петербург прежде и теперь».— Проводится мысль, что над нами висит такой же переворот, какой на-днях совершился в Бразилии. Так мыслят не только в Одессе, но и у вас, в Петербурге, так как это — «письмо из столицы». И в самом деле, теперь не мешало бы, с этой точки зрения, обращать пребдительное внимание на всесословное российское воинство, как бы какой-либо батальон в Петербурге не затеял бразильскую историю.

И такие идеи проводятся в Одессе, с разрешения правительственной цензуры. Проводятся в низшую массу народа и в массу еврейства, потому что эта газета — еврейская. От религии евреи не откажутся, но русской государственной идее изменят легко и при благоприятных условиях даже охотно.

Благоволите принять уверение [и т. д.].
Никанор, архиепископ херсонский

48

Думаю, что я надоел уже вам, многоуважаемый Евгений Михайлович, а все продолжаю надоедать.

Я не видаю «Недели», хотя имею об ней понятие. Эта газета немало *распространена между духовенством и молодежью.*

Случайно наткнулся я на объявление и вижу, что там помещается перевод романа «Роберт Эльсмер».

Роман этот сделал и продолжает делать много шуму в Англии. Я знаю его — прочел нынешним летом (вы можете составить себе понятие об нем по статье в последней книжке «Revue des deux Mondes»). Роман громадный, написан с больш[им] талантом. Это история пастора, который после изучения ученых критических книг отвергает церковь и христианство и основывает свою религию порока. Все это приведено рядом бесед, в коих развивается критика исторического христианства, а талант автора может подкупить неопытного читателя.

Подумайте, хорошо ли печатать такую вещь на русском языке в газете, которая распространена в самой неопытной публике?

Душевно предан[ный]
К. Победоносцев

29 нояб[ря] 1889

Речь идет о романе мистрисс Гэмфри Уорд «Отщепенцы» (СПБ. 1889), который печатался в «Книжках недели» (1889, №№ 1—10). Ко времени письма Победоносцева роман уже был закончен печатанием и потому, на этот раз, никаких репрессий не вызвал.

49

Что сказать вам, почтеннейший Евгений Михайлович?

Прочел я первые две тетради: тошно становилось,—мерзко, до циничности, показалось. Потом стал читать еще (сразу все прочесть — душа болит), и мысль стала проясняться. Только в три приема прочел все — и задумался...

Да, надо сказать ведь все, что тут писано—правда, как в зеркале, хотя я написал бы то же самое совсем иначе, а так, как у него написано, — хоть и зеркало, но с пузырем и оттого кривит. Правда, говорит автор от лица человека больного, раздраженного, проникнутого ненавистью к тому, от чего он пострадал—но все чувствуют, что идея принадлежит автору. И бросается в глаза — сплошь почти отрицание. Положительного — идеала — автор почти не выставляет, хотя изредка показывает его проблесками. В начале купец поминает о таинстве,—но лицо этого купца двоится, ибо он же представлен циником купавинского разгула. Правда, сам Позднышев в одном месте говорит: иное дело, если смотреть на брак как на таинство, да кто ныне так смотрит?—Правда, в конце видим что-то похожее на раскаяние, как будто Позднышев хочет сказать: я виноват. (И подлинно, в сущности он виноват во всем, хотя все больше свалено на несчастную жену, которая может быть только нежничала с Трухачевским, и от мужа зависело пожалеть ее и во-время остановить — не свирепым укором, а ласкою). И так, независимо от правды фактической,—явная фальшь в концепции автора относительно идеи.

Все это так... «E pur si muove!». И все-таки правда, правда в этом негодовании, с которым автор относится к обществу и его быту, узаконяющему разврат в браке.

Произведение могучее. И когда я спрашиваю себя, следует ли запретить его во имя н р а в с т в е н н о с т и, я не в силах ответить д а. Оболжавит [?] меня общий голос людей, дорожащих идеалом, которые, прочтя вещь негласно, скажут: а ведь это правда. Запретить во имя п р и л и ч и я—будет некоторое лицемерие. Притом запрещение, как вы знаете, не достигает цели в наше время. Невозможно же никоим способом карать за сообщение и чтение повести гр. [Л. Н.] Толстого.

Знаю, что это чтение никого не исправит, что во многих читателях оно достигнет противоположной цели, усугубив еще ту двойственность — негодование на похоть и на зло с предложением похоти и зла,—раздутого идеала— с мерзкою действительностью в жизни. И не разделяю мнения тех, кои готовы возвесть эту повесть на степень какого-то Евангелия идеальной нравственности. Тем не менее думаю, что нельзя у д е р ж а т ь э т о з е р к а л о п о д с п у д о м.

Но думаю, что необходимо, во имя самых основных требований приличия общественного, потребовать некоторых изменений в тексте. Нельзя забыть, что эта вещь будет в руках у всех — у юношей и девиц, и будет громко читаться. П у б л и ч н о г о е е ч т е н и я н и в к а к о м с л у ч а е д о п ус т и т ь н е л ь з я. Есть слова и фразы, положительно невозможные в печати. Я отметил их на поле словом: «н е л ь з я». Таковы напр[имер] фразы о п р е д о х р а н и т е л ь н о м к л а п а н е. И к чему это? Неужели этим дорожит автор?

Затем — не согласиться ли Толстой (или Кузьминский — неужели он не поймет?) совсем выпустить XI главу о медовом месяце? Тут есть и фразы

скверные, и совсем отчаянные рассуждения о продолжении рода человеческого и о воздержании от деторождения. Это нехорошо — и фальшиво. Притом, невольно думается, что эти рассуждения сходятся с гнусною практикой многих сектантов — и шекеров, и федосеевцев, и скопцов, — коих вероучение, быв идеализировано (а ведь к идеализации все способно — даже самый разврат), сходится к тем же рассуждениям. Между тем известно, что в действительности с этою идеализацией уживается и таится под нею — самый скотский разврат. Увы! Наш гр. Толстой, подобно всем сектантам, забывает слово св. писания: «всяк человек есть ложь». И потому истинную правду и истинный идеал человек должен искать не в своем чувстве сознания, а вне себя и под собою.

Наконец мне представляется неприличным выписывать в эпиграфе словесный текст евангелия. Пусть бы обозначил хоть простую цитату: Ев. Мат. V. 28-XIX. А настоящим, не ложным и не надутым эпиграфом к повести была бы пословица: нечего на зеркало пенять, когда рожа крива.

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

6 февр[аля] 1890

Заметили ли вы в «Моск[овских] вед[омостях]» прекрасный разбор Власти тьмы Толстого?

Письмо это было опубликовано Н. К. Гудзием в комментарии к «Крейцеровой сонате» (Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 593—594); там же (а также в статье Н. К. Гудзия «Как писалась и печаталась «Крейцерова соната»— «Звенья», сборник II, М. 1933) с достаточной обстоятельностью выяснены и конкретные условия, в которых проходило распространение повести Толстого и, в частности, роль Победоносцева и Феоктистова в тех цензурных рогатках, которыми было окружено это распространение.

Как известно, не рассчитывая на непосредственное дозволение цензуры печатать «Крейцерову сонату», друзья и родственники Толстого пытались заинтересовать повестью различных влиятельных лиц, в частности Победоносцева. Из письма Н. Н. Страхова к С. А. Толстой (22 января 1890 г.) видно, что эти попытки сперва были совершенно безуспешны. Как показывает публикуемое нами письмо к Феоктистову, Победоносцев очень скоро переменил это свое решение, — желая, повидимому, быть во всеоружии в тех спорах, которые завязались вокруг повести и которые непосредственно захватили придворно-бюрократическую среду.

Публикуемое нами письмо Победоносцева является наиболее связным и обстоятельным изложением его взглядов на «Крейцерову сонату», является едва ли не единственной его собственно критической оценкой ее (в других письмах, например к Александру III, Победоносцев выступает исключительно с бюрократическо-жандармской точки зрения): в этом его интерес.

Для характеристики отношения Феоктистова к повести приведем здесь отрывок из письма его к К. Н. Бестужеву-Рюмину (4 ноября 1889 г.), написанного еще на основании слухов, сопровождавших появление «Крейцеровой сонаты»: «В настоящее время много толкуют у нас о повести Льва Толстого «Крейцерова соната», которая еще не напечатана. Я говорил о ней с А. Ф. Кони, присутствовавшим на чтении ее у родственника Льва Толстого — Кузьминского, и вынес я из его рассказа такое впечатление, что это — произведение довольно странное. В основе его положена между прочим мысль, что величайшее бедствие человечества — музыка; она развращает людей и от нее происходят всякие несчастия. Меня спрашивали, пропустит ли цензура повесть Толстого: я был удивлен таким вопросом, но потом убедился, что он имеет некоторое основание. Дело в том, что в некоторых сценах Толстой перещеголял Золя относительно реализма; даже поклонники его несколько смущены. Особенно выдается рассказ одного действующего лица о том, как в молодости зашел он в публичный дом и имел сношение с женщиной; не пропущено при этом ни одной детали, и вещи называются их именами. Правда, А. Ф. Кони выразился по этому поводу таким образом: «И Толстой и Золя стоят в грязи; но Золя все более и более погружается в нее, до самого дна, а Толстой возносится из этой грязи на небо...» Что-то странно! Еще удивляет меня одно обстоятельство. Повесть написана отчасти на известный текст (кажется, апостола Павла), что «если человек воззрит на жену, ежели вожделети ю то уже согреши в сердце своем». Под словом «жена» всегда понималось «женщина» вообще, а Толстой понимает его буквально; он хочет убедить, что дело идет о собственной, законной жене, к которой тоже греховно относиться с вожделением...

Уж решительно ничего тут не понимаю!! Ах, боже мой, как у нас развелось много пророков и мудрецов. В одном направлении пророчествует Лев Толстой, в другом — Вл. Соловьев. И началось это давно. Пророком был и Гоголь. В октябрьской и ноябрьской книжках «Вестника Европы» напечатана его переписка с Виельгорскими, — по моему мнению проливающая яркий свет на внутренний мир Гоголя, который, — увы! — оказывается все более и более далеко не привлекательным» (ИРЛИ, архив К. Н. Бестужева-Рюмина, шифр 25156. CLXXXI б 22).

Результатом резкого вмешательства Победоносцева в хлопоты о разрешении печатать «Крейцерову сонату» было немедленное и категорическое запрещение повести. В результате был арестован весь XIII том «Сочинений Л. Н. Толстого», содержащий, кроме «Крейцеровой сонаты» также «Плоды просвещения» и ряд статей; только личное обращение С. А. Толстой к Александру III разрешило вопрос о печатании повести—к великому неудовольствию Победоносцева, Феоктистова и т. д. Уже значительно позже, 8 декабря 1891 г., Феоктистов записал в своем дневнике: «Сегодня К. П. Победонсцев рассказывал мне, что он имел с государем объяснение по поводу своего письма к нему о Льве Толстом. Теперь и сам государь очень недоволен, что дал разрешение печатать «Крейцерову сонату».—«Всему виной старуха Александра Андреевна (Толстая),—сказал государь,— она навязала мне жену Льва Толстого и я имел слабость склониться на ее просьбы». [В. М.] Юзефович видел недавно одного ревностного почитателя нашего пророка, который нынешнею осенью провел несколько дней в Ясной Поляне. По словам его, Толстой сильно ропщет на свою жену. «Ведь я не знал,—уверяет он,— что она поехала в Петербург хлопотать о «Крейцеровой сонате»—и у кого же? У царя! Как будто ей неизвестно, что я считаю его своим личным врагом». Что за нахал!» (Дневник за 1890—1896 гг., л. 42).

Упоминаемая в письмах Победоносцева статья о «Власти тьмы» принадлежит Ю. Николаеву (Ю. Н. Говорухе-Отроку): «Литературные заметки. «Власть тьмы» драма графа Л. Н. Толстого» («Московские ведомости», 1890, № 34, 3 февраля).

50

Почтеннейший Евгений Михайлович,

С благодарностью возвращаю вам книгу [А. А.] Фета. Письма очень интересны.

Я ездил на один день в Москву. Вчера вышел из типографии 8 том соч[инений] [Ю. Ф.] Самарина с «Окраинами» и с известным письмом. Д. Ф. Самарин, однако, опасается, как бы местный ценз[урный] комитет не сделал затруднений. Не дадите ли вы им знать, что письмо напечатано с выс[очайшего] разрешения. Я получил уже от Самарина 1 экз[емпляр] для представления государю, и сейчас отослал его в Гатчину.

Душевно пред[анный]
К. Победоносцев

22 апр[еля] 1890

Под «книгой Фета» Победоносцев имеет в виду, очевидно, «Мои воспоминания» (М. 1890, 2 части), в которых напечатано много писем И. С. Тургенева, Л. Толстого и др. (они-то и характеризуются как очень интересные). Следует заметить, что А. А. Фет вообще был одним из любимейших поэтов Победоносцева: его высказывания о Фете чрезвычайно последовательны и единообразны. Так, 10 апреля 1887 г. он пишет Я. П. Полонскому: «К самому раннему периоду моей молодости принадлежат мотивы, навеянные Фетом, и первое чтение его «Вечеров и ночей» живо в моей памяти» (ИРЛИ, шифр 12943. LXXI б 13) Аналогичное, но более лирическое по тону высказывание — в письме Победоносцева к А. Н. Майкову (23 ноября 1892 г.), тотчас после смерти Фета. «Вот, не поверите, — пишет Победоносцев, — как отозвалось в душе известие о кончине Фета. Лично мало я знал его, но с именем его соединялась вся свежесть первых впечатлений молодости. Точно узнаешь о смерти старухи, которую любил страстно — девочкой. И как живы у меня первые впечатления от Фета, когда, бывало, мальчишкой, читал и повторял его «Вечера и ночи» в «Отеч[ественных] записках». У него звучала совсем особливая струна, отзывавшаяся в молодых и свежих душах, — такой струны я ни у кого из поэтов не слышал и теперь; с ранней молодости так и звучат тогдашние стихи его, так и не забудешь их до конца: «Дитя, мои песни далеки...», «Я пришел к тебе с приветом», «Щечки рдеют алым жаром...», «Кот поет, глаза прищуря...» и проч., и проч. Очень грустно, что Фета нет... Грустить ли, что и нас скоро не будет?» (ИРЛИ, шифр 16898. CVIII б 3). И, наконец, еще в одном письме (недатированном) к Я. П. Полонскому, посылая ему какую-то статью о Фете, Победоносцев снова замечает: «Фет связан у меня с лучшими впечатлениями минувшей молодости»

(ИРЛИ, шифр 12349. LXX б 3). Впрочем душевную близость к творчеству Фета заставляли Победоносцева ощущать не только воспоминания молодости, но и реакционная сущность «чистой поэзии» Фета, отсутствие у него «гражданских мотивов», столь ненавистных Победоносцеву. В цитировавшемся уже выше письме к Полонскому (10 апреля 1887 г.) он радуется, что может причислить своего корреспондента «к поэтам того времени, когда еще не появлялась у нас юродивая муза «гражданских мотивов», прогнанная анафемою Феба с Олимпа и блуждающая ныне между нас в растерзанном виде».

Следует заметить, что печатание воспоминаний Фета и, в частности, цитировавшихся в них писем не обошлось без цензурных сомнений, к разрешению которых привлекался Феоктистов.

Книга Самарина, о которой упоминает Победоносцев — «Сочинения Ю. Ф. Самарина, т. VIII, Окраины России» (М. 1890); на стр. XI—XXVII помещено «всеподданнейшее письмо» Ю. Ф. Самарина к Александру II (28 декабря 1868 г.), объяснение причин, заставивших Самарина издать свою книгу за границей. Дмитрий Федорович Самарин (1831—1901) — издатель сочинений брата и хранитель его славянофильских воззрений, московский городской и земский общественный деятель.

51

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Сейчас явился ко мне [Н. И.] Пастухов, встревоженный известием, что Моск[овский] Ценз[урный] Комитет писал сюда по поводу статейки о жидах и о жидовских газетах, явившейся в «Москов[ском] листке». Не знаю, считается ли это дело сериозным, но эту статейку, писанную Елпидиф[ором] Барсовым, я видел, и мне показалось, что в ней нет ничего особливо бранного. Жиды одолели Москву, и газета [А. Я.] Липскерова подлинно негодная.

Вчера перебрался я на дачу, но возле Петербурга те же дела и заботы одолевают.

Видел вчера Л. [А.] Тихомирова. Его вызвал сюда по Д[епартамен]ту полиции П. Н. Дурново и поручает ему писать какую-то статью по поводу парижских арестов. Странное требование, ибо и Дурново не знает хорошенько, что и как следует писать, и сам Тихомиров не понимает, чего от него требуют.

Душ[евно] пре[данный]
К. Победоносцев

15 июня 1890

«Жиды одолели Москву» — лозунг, выброшенный реакционной печатью (с благословения правительства) для оправдания изгнания из Москвы нескольких тысяч семей евреев-трудящихся, в большинстве проживавших в Москве по несколько десятков лет. Изгнание это, осуществившееся в следующем 1891 г., явилось одним из звеньев той цепи антисемитизма, которая ковалась соединенными усилиями всей российской реакции под «высочайшим покровительством» самого Александра III и выразилась, между прочим, в целой волне кровавых погромов и т. д.

Ренегат-народоволец Лев Александрович Тихомиров (1852—1917) очень быстро после своего «покаяния» и возвращения в Россию перешел в лагерь правительственной черной, дворянско-помещичьей реакции. Едва поселившись в Новороссийске, назначенном ему для жительства, он пишет брошюру «Начала и концы» (М. 1890, первоначально печаталась отдельными фельетонами в черносотеннейших «Московских ведомостях»), где всячески пачкает свое революционное прошлое, чернит школу и печать, создававших, дескать, «либералов», которые только и мечтали, «как бы не додумать до конца», и революционеров, которые все спасение полагали в том, «чтобы дойти до последнего предела». Кроме благ, так сказать, политических (освобождение из-под полицейского надзора), брошюра — еще в виде газетных фельетонов—доставила Тихомирову и внимание правящих сфер. «Статья оказалась замечена, — записал Тихомиров в своем дневнике 12 июня 1890 г. — Делянов сказал «Моск[овским] вед[омостям]», что ее нужно отпечатать отдельной брошюрой. Победоносцев назвал ее замечательной и хочет со мной познакомиться» (Воспоминания Льва Тихомирова. М. 1927, стр. 386). Вероятно, под впечатлением «Начал и концов» у тогдашнего директора департамента полиции П. Н. Дурново явилась мысль использовать Тихомирова в качестве присяжного правительственного публициста; как говорит в дневнике Тихомиров (11 июня 1890 г.), Дурново при свидании объявил, что правительству нужны статьи, что

«Новое время» (Коломнин) само предлагало свои услуги, но написало дрянную, слабую вещь. Просит меня» (там же). Конкретно речь шла, очевидно, о разоблачении террористической деятельности народовольцев в связи с раскрытой в мае 1890 г. в Париже динамитной мастерской и с арестом Е. Д. Степанова, А. Лаврениуса и И. Н. Кашинцева, осужденных затем французским судом на три года тюремного заключения и высланных из Франции.

52

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Журнал «Благовест» возбуждает во мне опасение. Он совсем превращается в орган славянства, и г. [Н. В.] Васильев пишет в нем страшную дребедень. Сегодня я вызываю к себе дух[овного] цензора для объяснений. Но любопытно знать: при передаче издания от [Г. И.] Кулжинского были ли разрешены какие-либо изменения противу прежней программы, с ее расширением? И во всяком случае, нельзя ли прислать мне взглянуть программу, по коей разрешено издание «Благовеста».

Душевно пред[анный]
К. Победоносцев

16 окт[ября] 1890

«Благовест» — «общедоступное духовно-нравственное издание», один из ретрограднейших органов, издававшийся в 1883—1890 гг. (в Харькове и Нежине) Г. И. Кулжинским, сыном известного мракобеса И. Г. Кулжинского (учителя Гоголя по Нежинскому пансиону). В 1890—1894 гг. издание было перенесено в Петербург; издателем подписывался Н. Филиппов, редактором Ф. Четверкин; характер издания в общем остался без изменения.

53

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Что это еще Вл. Соловьев блядословит в новой книжке «Вестника Европы»? Когда будет возможно, пришлите мне взглянуть.

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

1 декабря 1890

Речь, вероятно, идет о статье Вл. Соловьева. «Немецкий подлинник и русский список» («Вестник Европы» 1890, № 12, стр. 707—736), одной из ряда его полемических статей по поводу книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа».

54

Почтеннейший Евгений Михайлович,

В Москве жидовская партия закипела злобой по случаю помещенной в «Московском листке» речи [А. С.] Шмакова о жидах-присяжных поверенных и об изгнании их из адвокатуры! Вы, верно, видели.

По этому случаю у [В. А.] Долгорукого был 2 раза Лазарь Поляков; затем князь призывал к себе Мсерианца и велел ему заявить [Н. И.] Пастухову выговор с угрозами; кроме того слышу, что цензор [В. Я.] Федоров писал вам опять бумагу против помещения речи Шмакова.

По подобному случаю вы раз писали мне, что жалобам этого рода вы не даете хода; однако, почитаю не лишним сообщить вам вышеписанное.

Душевно пред[анный]
К. Победонос[цев]

8 декабря 1890

«Открытое письмо А. С. Шмакова к товарищам-русским людям, присяжным поверенным Московского округа» («Московский листок», 1890, № 333, 30 ноября) также явилось одним из звеньев цепи, готовившейся для новых правительствен-

ных мер против трудящегося еврейства. Намек в письме Победоносцева на связь московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукого с евреями (посещение его известным богачом Л. Поляковым) был широко развернут несколько позднее для оправдания увольнения кн. Долгорукого и назначения на его место великого князя Сергея Александровича.

55

Почтеннейший Евгений Михайлович

Знаете ли вы эту метаморфозу «Газеты [А. А.] Гатцука»? Родзевич известен вам. Неужели ему разрешено будет набрать такую фалангу?

Но как эти господа бессовестны! Вот уже давно противники так называемого клерикализма пускают по России слух, что я хочу забрать все народные школы в Синод. В министерстве Нар[одного] Просв[ещения] возбуждают глухую оппозицию; агитируют в земствах, так что некоторые земства, в опасении передачи, уменьшили до половины свою субсидию школам; пускают статейки в газетах. И вот еще 30 ноября «Русские ведомости» напечатали тенденциозную телеграмму, что в декабре будет в Госуд[арственном] Совете обсуждаться проект передачи всех народных школ в Синод.

Я на другой же день послал в «Правит[ельственный] вестник» официальное опровержение, которое затем появилось в «Церковных ведомостях». Многие газеты перепечатали его, а «Русские ведомости», распространившие эту весть в виде телеграммы, — со 2 декабря молчат. Очевидно молчат намеренно.

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

11 дек[абря] [1890]

Письмо датируется приблизительно, на основании упоминания о борьбе вокруг организованных Победоносцевым и патронируемых им церковно-приходских школ. В своей «просветительной» деятельности Победоносцев свято придерживался выставленного им же самим положения: «Безусловно вредно распространение народного образования, ибо оно не воспитывает людей, не сообщает уменья, а дает лишь знание и привычку логически мыслить». Отсюда — упорное его стремление (несмотря на все высказываемые им же словесные опровержения) к передаче всех школ (особенно школ земских, против которых он особенно воевал; см., например, его переписку с С. А. Рачинским) в ведение духовного ведомства. Особенного напряжения эта борьба достигла именно в 1890 г., когда Победоносцев столкнулся с открыто враждебной ему позицией министерства народного просвещения.

56

Безумный Вл. Соловьев вошел, кажется, в новый фазис своей психической эволюции. В последней книжке Гротова журн[ала] «Вопросы философии и пр.» помещена статья его «О подделках».

Давно ли он проповедывал нам папство и непреложность иерархического начала в церкви? А теперь он бьет по боку и догматы, и иерархию, и всякие обряды и принимает повидимому Толстовскую теорию.

Нельзя не пожалеть, что статьи этого рода, прямо касающиеся богословских предметов, не проходят через духовную цензуру.

Душевно пред[анный]
К. Победоносцев

5 мая 1891

Победоносцев имеет в виду статью Вл. Соловьева «О подделках» («Вопросы философии и психологии», 1891, кн. VIII, стр. 149—163). Упреки Соловьеву в толстовстве, само собою разумеется, ни на чем не основаны.

57

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Нельзя ли как-нибудь образумить и воздержать г. [В. П.] Буренина. Он может слишком далеко зайти с своими шалостями относительно божественности гр. [Л. Н.] Толстого. Надо полагать, что не имев прежде понятия о церкви и об ее учении, он в первый раз познакомился с евангелием чрез гр. Толстого. Но утверждать со страстью, что гр. Толстой первый открыл нам евангелие и учил нас вере, — это штука опасная. В последнем своем фельетоне он уже заигрывает с церковью и с ее учением. А вот, статья из «Южного края», подводящая Толстого под анафему, и верна в церковном смысле. Опасаюсь, как бы г-н Буренин не вздумал отвечать на нее с обыкновенным своим задором.

Будьте здоровы. Здесь было бы хорошо, когда бы не ужасные известия из Ильинского. [М. Н.] Островский еще не приехал.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

Гурзуф 16 сент[ября] 1891

Речь идет о статьях В. Буренина «Журнальные разговоры», в частности о «разговорах» XI, XII и XIV («Новое время» 1891. № 5568, № 5575, № 5582. Упоминаемой Победоносцевым статьи о Толстом в «Южном крае» найти нам не удалось.

Островский — Михаил Николаевич, министр государственных имуществ.

58

Недоумеваю, что за причина запрещения розничной продажи, постигшая «Московские ведомости»; не странно ли, что газета вполне русская, единственно патриотическая и самого благонадежного направления, подвергается каре едва ли не чаще чем другие газеты, и, напротив того, газеты самого вредного и фальшивого направления, развращающие публику, спокойно и безнаказанно продолжают свою деятельность. Какой Эдип разрешит эту загадку?

[Сентябрь 1891 г.]

Публикуется по выписке, сделанной Феоктистовым в своем «Дневнике». Приведя эту цитату, Феоктистов продолжает: «Зачем тревожить тень Эдипа,—и без него все разъясняется очень просто. П. П. Дурново—менее всего компетентный судья различных направлений, господствующих в нашей литературе, да и знаком он с ними весьма поверхностно. Но он такой любезный человек, что не может отказать в услуге своим товарищам по службе и друзьям. «Московские ведомости», говоря о воровском Святоградском братстве, задели Тертия Филиппова, хотя по форме и очень осторожно. Но Тертий пришел в ярость, бросился к Ивану Николаевичу с пеной у рта и требовал публичного возмездия за нанесенное ему оскорбление. Если бы имел он дело с графом Толстым, то не добился бы ничего, но повлиять на Дурново ему не стоило большого труда. Никакие мои доводы не помогли в этом случае» (Дневник Феоктистова за 1890—1896 гг., лл. 31—31 об.).— Любопытно в письме Победоносцева подчеркиванье исключительной роли «Московских ведомостей» среди современной прессы. Победоносцев и позднее доказывал одному из своих корреспондентов (П. А. Тверскому), что «Московские ведомости» ныне единственная газета, где разумный человек писать может без ругательств», ибо «вы все гоняетесь за каким-то идеалом честности или за человеком «нашего лагеря», а дело совсем не в этом, в сфере печати». («Вестник Европы» 1907, № 12, стр. 662). Интересно сопоставить с этим отзыв В. И. Ленина о «Московских ведомостях»: «Ведь нельзя же назвать «политической» в собственном смысле литературу, которая в лучшем случае подбирает кое-какие интересные фактики и вздыхает вместо всяких «мудрствований». Не спорю, что это может быть очень полезно, но это не политика. Точно так же и литературу нововременского пошиба нельзя назвать в настоящем смысле слова политической, несмотря на то (или лучше вследствие того), что она чересчур политична. Никакой определенной политической программы и никаких убеждений у нее нет, а есть только уменье подделываться под тон и настроение момента, пресмыкаться перед власть имущими, что бы они ни предписывали, и заигрывать с подобием общественного мнения. А «Московские ведомости» свою линию ведут и не боятся

(им-то бояться нечего!) итти впереди правительства, не боятся касаться и иногда очень откровенно самых щекотливых пунктов. Полезная газета, незаменимый сотрудник революционной агитации!» (Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. IV, стр. 322).

59

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Вот и издалека надоедаю вам.

Вы читали в газетах, что гр. [Л. Н.] Толстой разрешает всем и каждому перепечатывать что угодно из последних томов собрания его сочинений. Это угрожает народу новой опасностью. Явятся спекулянты для дешевых изданий всякой его дребедени. Подумайте, что̀ если «Крейцерова соната», напр[имер], распространится в 3-копееч[ном] издании по чердакам, деревням и селам?

Я слышал от самого государя, что он разрешил жене его печатание «Кр[ейцеровой] сонаты» лишь в Полном собр[ании] сочинений. Надо иметь это в виду. Подумайте. Если цензура будет пропускать мелкие его издания, потом не поправить дело.

Нынче газеты распространены всюду, и дешевые издания приманивают публику приложениями. Подумайте, что это за яд: с дешевою газеткой проникают в деревню сквернейшие, развратные франц[узские] и англ[ийские] романы,—а ныне в деревне растет страсть к такому чтению! Ведь это нравственная порча целых поколений!

Послезавтра собираюсь выехать из здешних мест.

До свидания.

Душ[евно] пред[анный]

14 окт[ября] 1891, Гурзуф К. Победоносцев

Письмо это было опубликовано в примечаниях к воспоминаниям Е. М. Феоктистова («За кулисами политики и литературы». 1848—1896. Л. 1929, стр. 236).

«Разрешение» Л. Толстого впервые появилось в «Русских ведомостях» (1891, № 258, 19 сентября) в виде следующего письма «К редактору «Русских ведомостей»: «М. Г. Вследствие часто получаемых мною запросов о разрешении издавать, переводить и ставить на сцену мои сочинения, прошу вас поместить в издаваемой вами газете следующее мое заявление. Предоставляю всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей, по-русски и в переводах, а равно и ставить на сценах все те из моих сочинений, которые были написаны мною с 1881 года и напечатаны в XII томе моих полных сочинений издания 1886 года и в XIII томе, изданном в нынешнем 1891 году, равно все мои неизданные в России и могущие вновь появиться после нынешнего дня сочинения. Лев Толстой. 16 сентября 1891 г.». Срв. «Дневники Софьи Андреевны Толстой 1891—1897. Часть вторая». (М. 1929, стр. 57 и след.). В архиве Феоктистова сохранилось интересное письмо к нему С. А. Толстой, связанное с отказом Л. Н. Толстого от своих авторских прав. 24 сентября 1891 г. С. А. Толстая посылает Феоктистову вырезку из «Русских ведомостей», сопровождая ее следующим письмом: «Прилагая при сем печатное заявление мужа моего, гр. Л. Н. Толстого, которое вы, вероятно, уже прочли, считаю долгом своим предупредить вас, как начальника по делам печати, что за все то, что будет издаваться отдельно, помимо XII и XIII томов сочинений мужа моего, я впредь как издательница не считаю себя ответственной. Я лично слышала выражение воли государя императора и нежелание его видеть некоторые статьи мужа моего в отдельных брошюрах и изданиях, и потому считаю необходимым предупредить вас об этом и снять с меня по этому поводу всякие могущие возникнуть недоразумения и ответственность». (ИРЛИ, шифр 9072. LI б 89). Одновременно и сам Феоктистов обратился с какими-то увещеваниями к С. А. Толстой, которая 30 сентября 1891 г. отвечала, что она «передавала моему мужу то, что вы пишите, да и письмо ваше, полученное в Ясной Поляне в то время, когда я была в Москве, Лев Николаевич читал. Он говорит, что он поступает по убеждению, а то, что произойдет после, то уже не касается его». И дальше: «Вы пишете, что будет запрещена только «Крейцерова соната» в отдельных изданиях; я же поняла так, что вообще статьи с известным направлением не желательны в народном распространении. Полагаю, что немногие решатся на издание и что оговорка о «Крейцеровой сонате» может повлечь еще за собой разные переговоры. Понятно должно быть для всякого, что то, что позволено в «Полном собрании», не так легко разрешается в отдельном издании, и этот ответ цензуры должен удовлетворить всякого, без упоминания о личном желании его величества

государя. Что же касается до недовольства издателей, то это настолько неважно, что беспокоиться не стоит того. Недовольные тем или другим положением найдутся всегда» (там же).

Наконец уже значительно позже, 2 ноября 1892 г., С. А. Толстая снова обратилась к Феоктистову с письмом, касающимся свободной перепечатки последних произведений Л. Толстого. «Сегодня я получила,—пишет она,—письмо от сестры моей Кузьминской, в котором она мне сообщает, что рассказ, соч[инение] моего мужа, графа Льва Николаевича Толстого, «Крейцерова соната» продается отдельной брошюрой, ценой в 60 к. с. Не зная, кто издатель этой брошюры, я очень была удивлена, что она пропущена цензурой. Как я имела удовольствие сообщить вам, я лично слышала высочайшее изъявление желания, чтобы рассказ этот не издавался в отдельном издании, а только при полном собрании сочинений моего мужа. Мне было бы крайне неприятно, если б подозрение в издании этого рассказа пало на меня, так как я ни в каком случае и никогда не решилась бы сделать что-либо против высочайшей воли» (там же).

Об обстоятельствах разрешения печатания «Крейцеровой сонаты» Александром III см. «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1891—1897. Часть вторая». (М. 1929, стр. 30). Против данного разрешения Победоносцев горячо протестовал и в обширном письме к Александру III (1 ноября 1891 г.), развернув полный арсенал своих аргументов и характеристик. «Толстой — фанатик своего безумия, — писал он, — и, к несчастью, увлекает и приводит в безумие тысячи легкомысленных людей. Сколько вреда и пагубы от него произошло — трудно и исчислить. К несчастью, безумцы, уверовавшие в Толстого, одержимы так же, как и он, духом неукротимой пропаганды и стремятся проводить его учение в действие и проводить в народ». И дальше, после подробного рассказа о кн. Хилкове, проникшемся религиозными идеями Толстого, отказавшемся от собственности, раздавшем землю крестьянам и т. д.: «Нельзя скрывать от себя, что в последние годы крайне усилилось умственное возбуждение под влиянием сочинений графа Толстого и угрожает распространением странных и извращенных понятий о вере, о церкви, о правительстве и обществе; направление вполне отрицательное, отчужденное не только от церкви, но и от национальности. Точно какое-то эпидемическое сумасшествие охватило умы». И в качестве последнего, наиболее существенного довода выдвигается «легенда о том, что вся эта вредная литература может расчитывать на защиту у вашего величества противу всякого стеснения речей и писаний, и эта легенда усилилась особенно после того, как принята была вашим величеством графиня Толстая» («Письма Победоносцева к Александру III», т. II, М. 1926, стр. 252, 253).

60

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Возвращаю книжку. Признаюсь, что я задержал бы ее — и ради статьи [А. Л.] Волынского и ради статьи [В. С.] Соловьева в особенности. Это статья — цинически бесстыдная и соблазнительная. Что касается до Волынского, то его выражения способны произвесть еще большую путаницу в умах, размазывая содержание «Новой веры» [Л. Н.] Толстого, и в тех, кои самой «Веры» не читали

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

7 нояб[ря] [1891]

Речь идет, очевидно, об октябрьской книжке «Северного вестника» за 1891 г., в которой помещены статьи А. Л. Волынского «Нравственная философия гр. Л. Н. Толстого» (стр. 185—215) и В. С. Соловьева «Наш грех и наша обязанность». Первая статья в основном использует кнגу Л. Толстого «В чем моя вера?», в то время запрещенную в России (см выше). Статья же Соловьева является, по его словам, «воззванием в виде заметки» об организации чего-нибудь против голода» (Вл. Соловьев. Письма. П. 1923, стр. 124). Это внимание прогрессивной прессы, вместе с очередным нападением на Соловьева «Московских ведомостей» за его якобы лжеучение в реферате, прочитанном в Психологическом обществе (см. статьи Ю. Николаева и Афанасьева в «Московских ведомостях» 1891, № 291 и последующую полемику в №№ 292, 293, 296, 300; срв. Письма Вл. Серг. Соловьева, т. III, стр. 196—208), вместе с определившейся тенденцией реакционно-правительственных кругов не придавать голоду в России большого значения, считать его несуществующим («нет голода, есть недород в некоторых уездах»)—все это легло в основу резкого отзыва Победоносцева. На этот

раз, однако, совет Победоносцева—задержать книгу—не был услышан главным образом, вероятно, потому, что книга уже была разослана подписчикам.

61

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Помнится, вы мне говорили об издании [А. Н.] Веселовского, как имеющем научное значение и дорогую цену. Но если оно будет повторяться для народа и продаваться за дешевую цену—повсюду, и на жел[езных] дорогах,— это едва ли будет полезно.

Душевно пред[анный]

17 нояб[ря] [1891] К. Победоносцев

И еще слово:

Не знаю, кто у вас управляет кораблем театральной цензуры, но думаю, что мало она обращает внимания на сцену, наводняемую безнравственными пиесами.

Вижу по газетам, что начинают у нас давать пиесы [Г.] Ибсена, и вот у [Ф. А.] Корша в Москве объявлена пиеса «Нора». Ибсен ныне входит в моду в Европе и прославляется новейшею школой реализма и позитивизма. Ныне летом я перечел его пиесы из любопытства и убедился, что если они расплодятся на нашей сцене, то произведут вредное действие на умы. Новейшая пиеса его «Гедда Габлер» приводит в негодование даже поклонников этого писателя.

«Издание Веселовского»—Джованни Боккаччьо, Декамерон. Перевод Александра Веселовского с этюдом о Боккаччьо, т. I, СПБ. 1891 (цензурное разрешение 15 мая 1891 г.), т. II, СПБ. 1892 (цензурное разрешение 14 декабря 1891 г.). Как сообщает П. К. Симони, полный перевод «Декамерона», без всяких сокращений (см. Ленинградская Государственная Публичная Библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр 18.330.3.8), был разрешен Главным Управлением по делам печати к выпуску в количестве 100 экз. с продажей по цене 100 рубл. за экземпляр и по особым разрешительным запискам переводчика. В общую же продажу было выпущено (по цене 10 руб. за экземпляр) издание с рядом пропусков (впрочем, незначительных по размерам). (См. П. К. Симони, «Библиографический список ученолитературных трудов А. Н. Веселовского с указанием их содержания и рецензий на них. 1859—1906. Л. 1921, стр. 41). Повторение этого издания «для народа», сколько можно судить по материалам архива А. Н. Веселовского (ИРЛИ), не предполагалось ни переводчиком, ни издателем («Т-во И. К. Кушнарев и К°») и, повидимому, явилось в воображении Победоносцева как привычный жупел. См. также Дело Главного управления по делам печати 1894, № 38.

Вопрос об усвоении Ибсена на русской почве и влиянии творчества скандинавского драматурга на русскую литературу и драматургию представляет далеко не маловажный исследовательский интерес. К сожалению, вопрос этот не разработан. Как сообщает С. Д. Балухатый, «первая пьеса Ибсена, поставленная на русской сцене,—«Нора» в 1893 г. Но лишь в 1891—1892 гг. интерес к Ибсену делается заметным. В этом году ставятся «Доктор Штокман», «Северные богатыри», переводятся отдельно «Гедда Габлер», «Привидения», «Ингер из Эстрита», выходит собрание его сочинений. Увлечение Ибсеном начинается с 1896 г. и идет, возрастая, до 1901 г.» («Проблемы драматургического анализа» Л. 1927, стр. 175). Скупые, по необходимости, сведения о распространении произведений Ибсена мы можем дополнить некоторыми библиографическими справками. До 1896 г. (т. е. за время управления цензурным ведомством Феоктистова) из произведений Ибсена переводились: «Нора» («Изящная литература» 1883, №№ 3—4; «Вестник иностранной литературы», 1896, № 5), «Гедда Габлер» («Вестник иностранной литературы» 1896, № 5), «Дикая утка» (там же, № 6), «Доктор Штокман» («Артист» 1891, № 15), «Консул Берник» («Театрал» 1896, № 67), «Маленькая Энольф» («Новое время» 1895, №№ 6836, 6843, 6850), «Праздник в Сальгауе» («Артист» 1893, № 26), «Призраки» («Вестник иностранной литературы», 1895, № 9), «Северные богатыри» («Артист», 1892, № 20), «Столпы общества» («Вестник Европы», 1892, № 4), «Эллида» («Артист», 1891, № 14). Параллельно шли также критические и биографические статьи об Ибсене: П. О. Морозова («Наблюдатель», 1884, №№ 10—11), Г. Брандеса («Пантеон литературы», 1889, № 9—10), Н. Мировича (там же, 1892, № 3), Ч. Ветринского («Колосья», 1892, № 6—7), Н. А. («Русское богатство», 1892, №№ 8—9), заметки в «Ниве» (1892, № 12), «Мире-божьем» (1893, № 11), «Семье» (1897, № 8). Как видно, интерес русских читателей к Ибсену оказался настолько сильным, что с ним вынуждена

была в какой-то степени считаться даже цензура. Впрочем, рекомендации Победоносцева и в данном случае не были совершенно напрасны: 30 декабря 1893 г. в докладе своем министру внутренних дел о журнале «Наблюдатель» Феоктистов писал: «Из декабрьской книжки вынужден был он [т. е. издатель журнала — А. П. Пятковский. — *И. А.*] выбросить статью об Ибсене, соч. Мережковского. Статья эта посвящена восхвалению норвежского драматурга, пиесы коего, почти все, не допускаются на нашей сцене. Поступить иначе было немыслимо, ибо еще не так давно подобное же хвалебное сочинение об Ибсене Иегера было уничтожено по постановлению Комитета министров» (Дело Главного управления по делам печати, 1891, № 42, л. 186 об.; в этом же деле—обширный цензорский доклад об исключении статьи Мережковского).

В докладе же по поводу книги Иегера «Генрих Ибсен» Феоктистов попробовал дать и более обобщающую оценку творчества Ибсена. «Норвежский писатель Ибсен, — писал он, — пользуется в последнее время значительным успехом за границей; число его драматических произведений громадно, у нас не более трех из них, и то с исключениями, допущены на сцену. Так как не желательно возбуждать в публике интерес к автору, произведения коего могут дурно влиять на умы, то Главное Управление по делам печати запретило в оригинале книгу Иегера, относящегося с безусловным восторгом к Ибсену» (Дело Главного Управления по делам печати 1892 г., № 43, л. 12). Нельзя, конечно, сказать, что мотивы запрещения, и, шире—мотивы крамольности Ибсена—были в этом докладе изложены сколько-нибудь вразумительно: мотивы социального протеста, пронизывающие творчество норвежского писателя, были настолько ярки, что очевидно не вызывали потребности у руководителей цензурного ведомства в какой бы то ни было формулировке.

62

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Какая шушера все наши библиографические издания! Только в Москве издаются сериозно фирмой [П. П.] Шибанова «Библ[иографические] записки». Печатают они отзывы о книгах — пишут какие-то молодцы-недоучки, давая приговоры только излюбленным либеральным авторам, а над прочими глумятся! О «Книжном вестнике» как-то был у нас разговор. Они обещали излагать только содержание книг, но разве могут эти борзописцы удержать пыл свой!

Вот, посмотрите, прилично ли такое глумление—и только потому, что книга издана епископом! Труд, правда, мелочной, но нельзя сказать, что описание кладбищ есть труд бесполезный. За такую работу брались иногда и ученые люди. Но молодец не удержался от глумления!

Душ[евно] пр[еданный]
К. Победоносцев

9 янв[аря] 1892

Положительный отзыв Победоносцева о «Библиографических записках» (1892), ежемесячном журнале, выходившем под редакцией А. Н. Соловьева при издателе П. П. Шибанове, вызван, как можно догадываться, тем обстоятельством, что журнал много внимания уделял церковной старине и церковным деятелям. — «Книжный вестник» — «журнал книжно-торговой, издательской и литературной деятельности в России» (выходил с 1884 г.); содержание его составляли списки выходящих книг и рецензии на некоторые из них.

63

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Я не встретил бы препятствий пропустить в печать эту брошюру *. Не касаюсь вопроса о театральном представлении на сцене, но лишь о печатном либретто. Замечу, что уже есть у нас либретто и оперы из Ветхого Завета. Я сам, при Николае Павловиче, слышал в Москве чудную оперу Мегюля «Иосиф», где на сцене все патриархи; кроме того есть «Иудифь» [А. Н.] Серова.

Вчера явился ко мне г. [В.] Миллер, издатель «Русского листка» (коего я в первый раз вижу), конечно с ходатайством. Он просил о расширении

* Либретто русской оперы «Самсон и Далила». [Прим. Е. Феоктистова]

программы, но ему было летом отказано (как он уверяет, по интригам [Н. И.] Пастухова, желающего устранить конкуренцию). «Листок» его отчасти известен мне: он изобилует церковными известиями и известиями о расколе и московских его агентах,—кои весьма неприятны раскольникам.

Душ[евно] пред[анный]

К. Победонос[цев]

21 окт[ября] 1893

64

[А. С.]Суворин, вернувшись из Парижа, представляет уже из себя судию вселенной. Теперь он завел полемику о расколе, которая может разгореться и причинить нам новые заботы. Я уже советовал [В. А.] Грингмуту прекратить свою полемику, дабы не вызывать новых статей Суворина. Теперь они подходят к щекотливому предмету о Соборах 1667 года. Суворин не хочет даже рассудить хорошенько дела, не зная его, и будет твердить свое. После первой его статьи я вызывал его поговорить с нами о сущности дела, но он уклонился и написал мне письмо, обличающее только его неведение и задор.

Не случится ли вам увидеть его? Посоветуйте ему воздержаться от этой щекотливой и небезопасной полемики, возникшей, в сущности, по поводу сентиментальной переписки [И.] Янышева с франц[узским] священником о братском соединении католиков с православными!

Душ[евно] пред[анный]

К. Победоносцев

29 дек[абря] 1893

В 1893 г. по поводу франко-русских празднеств католический священник Жонке и духовник царя И. Янышев обменялись письмами «с любовью, как дети одной и той же христианской религии, хотя двух церквей». В связи с этим А. Суворин в одном из своих фельетонов («Маленькие письма», CXIV—«Новое время», 1893, № 6366, 17 ноября) писал: «Я хотел бы быть в настоящее время православным священником, и притом обладать ученостью, красноречием и сердечностью о. Янышева. Я хотел бы это для того, чтобы написать такое же письмо, в тех же выражениях братства и любви во Христе, с тою же, нет, еще с большею, гораздо большею убедительностью в «близости по вере», в любви к нашему государю, в любви к нашей родине России и т. д., но это письмо я написал бы... к старообрядческому священнику». Вот эта-то постановка вопроса о расколе и вызвала ту полемику, о которой упоминает Победоносцев. «Московские ведомости» в статьях редактора С. Петровского взяли на себя полностью защиту полицейской победоносцевской борьбы с расколом, и Суворину приходилось напоминать, что «Катков, сколько мне известно, писал знаменитый адрес старообрядцев императору Александру II, где было сказано: «в новизнах твоего царствования нам слышится старина». Наследники его видят в расколе только дух непокорности и вражды» («Маленькие письма, CLIV»—«Новое время», 1893, № 6401, 22 декабря). Совершенно очевидно, что, полемизируя с Петровским, Суворин метил выше—в Победоносцева; этим объясняется желание Победоносцева «поговорить» с Сувориным и прекратить полемику.

65

Предупредить вас хочу, почтеннейший Евгений Михайлович, о поднявшейся в печати скверной промышленности спекулировать известиями о святых, подвижниках и чудесах. Главный центр в Москве. Это отвратительное дело. Вот уже 2 года гуляет там мещанин под видом странника Антония, ходит босой, в веригах, привлекает тьму народа,—в сущности плут ловкий. Собирает большие деньги, жертвуют по церквам вещи — и прослыл за святого. К сожалению, ныне в Москве—хаос, полиция в согласии с ним, и хотя следовало бы давно выслать его, его оставляют продолжать свою деятельность. Между тем он агитирует через московские и здешние дешевые листки, которым мож[ет] быть платит, а они спекулируют на вкус своих читателей.

«Русский листок» в каждом № печатает рассказы об его подвигах,—молитвах, благотворениях, исцелениях и пр. Эти статьи пишет еврей Струсберг под именем [А.] Павлова; а здесь «Петерб[ургский] листок» печатает рассказы еще бесстыднее. Мало того, эти гнусные статьи теперь перепечатывают в виде брошюр, и за них ухватилась мелкая книгопродавческая спекуляция.

Сегодня у Энгельгардта усмотрел присланные к нему 2 рукописи, представленные для одобрения к печати. Одна под назв[анием] «Странник Антоний». Составил Соколович. Издание книгопр[одавца] Холмушина. Другая, под названием: «Странник Антоний, томский мещанин Антон Петров. Ходит босой и носит вериги». На обертке портрет. Это перепечатка статеек «Петерб[ургского] листка». В среду будут рассм[атриваться] в Комитете, который, пожалуй, пропустит.

Прошу вас—внушите не пропускать, а отправить в дух[овную] цензуру, куда непременно надо направлять все подобные вещи и сказания о чудесах.

На-днях, по определению Синода, пошлю офиц[иальную] бумагу м[инист]ру Вн[утренних] Дел, с просьбой запретить всем газетам печатать без разрешения дух[овной] цензуры все известия о чудесах, исцелениях и т. под. Едва не каждый день теперь являются в хронике известия о чудесах Иоанна Кроншт[адтского] и тому под[обное]. Очевидно, и это дело газетной спекуляции.

Душ[евно] пр[еданный]
К. Победоносцев

21 марта 1894

Речь идет о фельетоне А. Павлова «У странника Антония» («Русский листок», 1894, №№ 76—80, 82, 83, 85). Об этом «страннике» интересные сведения сообщает А. Н. Львов, заведующий синодским архивом, в своем дневнике (запись 10 апреля 1894 г.): «Все говорят в городе и пишут в газетах о каком-то страннике Антонии, явившемся в Петербург босиком и в веригах. Это последнее создало для него ореол святости. Народ валит к нему тысячами и несет, конечно, всевозможные приношения — и большие, и малые. Такие явления повторяются ныне все чаще и чаще, и составляют просто знамение времени. Относительно таких безобразных проявлений всяких ханжей и проходимцев и писания об них не принимается никаких, ни полицейских, ни цензурных мер. Можно ожидать, что скоро их будут возводить в звание «синодальных странников», как есть теперь синодальные миссионеры. Удивительное, право, время!» («Князья церкви» Из дневника А. Н. Львова — «Красный архив» т. XL, 1930, стр. 112).

66

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Перед отъездом моим пришла от вас бумага о справщике московской синод[альной] типографии [М. В.] Никольском, чтобы допустить его к занятиям по цензуре.

Я прошу вас обратить внимание на этого Никольского. Он человек и ученый, и умный, и с образованием, и был бы прекрасным у вас цензором. Для нас он полезен по своим знаниям, но хочет уходить от нас. Мы не удерживаем его, вот по какой причине. Он рассчитывал после ухода Шишкова быть директором типографии, но этого нельзя было сделать, ибо для этого места требуется сложная хозяйственная и счетная деятельность и надо было искать соответственного человека. Никольский счел себя обиженным, и это, при болезненном его настроении, отражается на отношениях его к новому начальству. А для такой деятельности, какова цензорская, я могу всячески рекомендовать его.

Третью неделю живем здесь, но лишь на-днях стало тепло. Спокойствие наше омрачено заботою о здоровии государя. Повсюду в России теперь смущение вследствие неизвестности, и следовало бы печатать известия о нем, что я внушаю [И. И.] Воронцову[-Дашкову], но напрасно. Государь слаб, это правда, но могут бог знает что подумать — между тем, он бывает в церкви.

ездит к дочери в Ай-Тодор, прогуливается, катается по окрестностям. Всех возмущает, что алчный и капризный [Г. А.] Захарьин уехал, оставив при нем молодого прислужника своего Попова. Но теперь Захарьина вызывают сюда, а также и Лейдена.

Здравствуйте и да хранит вас бог.

Душ[евно] пр[еданный]
К. Победоносцев

Гурзуф 28 сент[ября] 1894

Никольский, Михаил Васильевич (1848—1918), археолог, гебраист и ассириолог. Попав, по рекомендации Победоносцева цензором в Московский цензурный комитет, он в 1900-х годах был сделан членом Совета Главного Управления по делам печати. Для его характеристики весьма показательны озлобленные отзывы о марксистской периодической печати, 1896—1906 гг. (см. «Красный архив», т. XVIII, 1926, стр. 186—188, 191—192).

67

Прочел я статью [Л. Н.] Толстого. Она была бы прекрасна, если бы он ограничился одною темою о том, что нравственность основана на религии, но он хочет выразить,—хотя и прикровенно,—что такое религия, по его мнению, и впадает в путаницу понятий и выражений противоречивых, которые путают мысль. Я отметил карандашом некоторые места. В них выражается все та же безумная мысль его о каком [-то] абсолютном отношении совести—к чему?—к букве закона, им произвольно толкуемой, и о свободе человека от всякого гражданского закона, который он, по этому личному толкованию, признает безнравственным. Он осуждает мать, жертвующую собою для детей, гражданина, жертвующего собою для отечества и пр., и в то же время признает, что самоотвержение и любовь спасают общество! Чтó за путаница!

Пускай бы эта статья попала в «Вопросы философии» [Н. Я.] Грота—там всякая всячина. Но, если не ошибаюсь, журнал [Я. Г.] Гуревича назначен для юношества и для семейного чтения. В таком случае приходится споткнуться на недоумении: какое действие произведет статья в этом помещении?

К. П.

26 дек[абря] 1894

Какая разница между этим хитросплетением Толстого и ясным изложением той же мысли у Брюнетьера! У последнего твердая почва под ногами, а Толстой стоит на облацех воздушных!

Имеется в виду статья Л. Толстого «Противоречия эмпирической нравственности» («Северный вестник», 1895, № 1); статья эта под заглавием «Религия и нравственность» еще за несколько месяцев перед тем представлялась в цензуру, при чем «цензор не усмотрел препятствий к появлению статьи этой под предварительной цензурой. Значительная же часть членов Комитета, совместно с председательствующим, полагает, что это новое религиозное поучение графа Льва Толстого не может удовлетворить цензурным требованиям. Этот известный автор, взявшийся за религиозную проповедь на закате своей жизни, везде умалчивает об откровенной религии, о тех учениях христианства, в которых воспитывались и живут наши поколения. Его одинаково удовлетворяет и мораль первобытных язычников, и та мораль, которую он, сколько желает, воспринял от христианства; одинаково хороша нравственность, лишь бы она вытекала из религиозных верований каких бы то ни было. Таковые взгляды, проводимые в простодушных рассуждениях, легко спутывают ум неглубокого читателя и дают повод к обобщениям, ничего общего не имеющим с господствующим учением нашей христианской религии» («Красный архив», т. I, 1922, стр. 415; ЛОЦИА, Дело Главного управления по делам печати 1884, № 12, лл. 118 и сл.). На основании этого отзыва Комитета Феоктистов указал, что статья «должна быть запрещена к печати» (там же, стр. 416). Однако после того, как статья Толстого, с измененным заглавием и ничтожными изменениями в тексте, попала на просмотр к Победоносцеву и не была категорически признана им подлежащей запрещению, тот же Феоктистов, в письме к председателю Петербургского цензурного комитета (28 декабря 1894 г.) указывал: «В «Северном вестнике» г-на Гуревича появится статья графа Льва Толстого «Противоречия эмпирической нравственности». Так как

в статье этой трактуется вопрос о религии, то я просил К. П. Победоносцева просмотреть ее — и оказалось, что к напечатанию ее не встречается препятствий» (там же, стр. 416).

68

Читаю в газетах объявление об издании «Русской беседы». Ожидаю всяческих фантазий, ибо вижу во главе [А. В.] Васильева, [А. Н.] Аксакова и пр[очих] псевдо-славянофилов. Не видно, какое будет издание,—без цензуры или под цензурою.

Но при журнале объявлена еще и газета под прежнею фирмою «Благовест». Она издавалась доныне под духовною цензурой, и желательно, чтоб так и впредь было, хотя эта газета своими фантазиями на богословские темы и бреднями социалистического оттенка не мало доставляла затруднений. С год тому назад Васильев приходил ко мне с желаниями освободиться от цензуры и не успел. Подозреваю, что нынешнее соединение с «Русскою беседой» имеет в виду косвенно достигнуть той же цели.

Здравствуйте на новый год!

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

31 дек[абря] 1894

«Русская беседа» — «ежемесячное литературно-политическое издание» — была преобразована в конце 1894 г. из прежнего «Галицко-Русского вестника» (1894). Издателями «Русской беседы» числились А. В. Васильев, Е. А. Евдокимов и В. С. Драгомирецкий. «Благовест» выходил как ежемесячное приложение к «Русской беседе» под редакцией «кормчего» Ф. Четыркина.

69

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Я нарочно ходил сегодня к [Г. Г.] Даниловичу. Оказывается, как я и думал, что вся эта история о записке создана или сплетней или самохвальством [Г. К.] Градовского.

Данилович совсем слепой человек, ни читать, ни писать не может и уклоняется от всякой в этом роде деятельности. В разговоре с ним я узнал, что недавно был у него один из знакомых, его навещающих, и говорил ему что-то в этом роде по поводу пересмотра правил иностранной цензуры и склонял его к какому-то действию. Но Данилович отвечал ему, что это не его дело и что он советует обратиться с заявлением этого рода к м[инист]ру внутр[енних] дел, — и еще прибавил, что следовало бы в подобном заявлении указать и способы, как оградить от наплыва вредных и возмутительных книг и памфлетов.

Если буду на-днях наверху, постараюсь и там разведать, не было ли чего.

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

8 янв[аря] 1895

Данилович, Григорий Григорьевич (1825—1906), генерал, воспитатель Николая II. Настоящее письмо отражает какие-то попытки бюрократической верхушки воспользоваться близостью Даниловича к молодому царю и втянуть его в сеть дворцовых интриг. О Даниловиче см. статьи Прокофьева («Русская старина» 1908, № 9), Ельницкого («Педагогический сборник», 1906, № 6).

Упоминаемая в письме «история о записке» подробно разъясняется в дневнике Феоктистова (запись 14 января 1895 г.): «Журналисты намерены подать государю петицию, в которой указывают на невыносимое будто положение печати, на тяжкий гнет, подавляющий ее, на необходимость пересмотра цензурного устава в духе либеральном. По словам графа Делянова, сообщившего мне об этом, редактировал упомянутую просьбу Градовский, не бывший профессор Петербургского университета, а так называемый Гришка Градовский, человек ничтожный и наглый, один из сотрудников польско-жидовской газеты «Новости». Говорят, будто этот

плюгавец успел собрать не менее ста подписей, но чрез кого же подать просьбу государю? Делянов слышал, будто обратились к генералу Даниловичу и тот не поколебался выразить согласие. Так как Данилович был рекомендован покойному государю Победоносцевым, который вообще находится с ним в хороших отношениях, то я просил Константина Петровича разъяснить упомянутый казус». (ИРЛИ). Ответом на это обращение и явилось печатаемое письмо Победоносцева; Феоктистов выписывает в своем дневнике отрывки из него и заканчивает запись глубокомысленным выводом: «Вероятно попытки будут повторяться; для наших так называемых радикалов важнее всего овладеть печатью, кто же этого не понимает».

70

Вчера был наверху и там ничего не нашел, что подтверждало бы басню о Красовском.

Нашел, напротив, негодование против газетных выходок и бесчинств. Сначала в[еликий] к[нязь] Георгий Михайл[ович], бывший дежурным, говорил с негодованием о статье в посл[едней] кн[иге] «Вестн[ика] Европы» о покойном государе. То же впечатление видел я и у юного государя.

Ах! Время действовать — и для чего не прихлопнуть совсем мерзкую «Русскую жизнь» решением 4 министров!

Душ[евно] пре[данный]
К. Победоносцев

11 янв[аря] 1895

Негодование великого князя и царя возбудило «Внутреннее обозрение» декабрьской книжки «Вестника Европы», в частности страницы его (840—853) посвященные характеристике царствования Александра III.

«Русская жизнь» была тогда же, в январе 1895 г., прекращена постановлением совещания четырех министров — без всякой мотивировки, с глухой ссылкой на примечание к ст. 148 Цензурного устава (Вл. Розенберг и В. Якушкин, «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». М. 1905, стр. 212; срв. «Всемирный вестник», 1908, № 8, стр. 53—54).

71

Прочел.

Статья г. [В.] Чуйко «Современный анархизм» не возбуждает никаких мнений. Это лишь изложение учений Прудона, Бакунина и пр., но изложение *критическое*, с целию показать их *совершенную нелепость*. А самому указанию на существование этих учений невозможно воспротивиться.

Иного рода статья г. [А.] Трачевского. Эта статья *скверная* по своему тону, что можно усмотреть уже из первой страницы.

Но что с нею делать? Если бы журнал был под цензурой, цензор никоим образом не должен был пропускать эту статью.

За помещение такой статьи стоило бы отдать журнал *под цензуру*; стоило бы, по мнению моему, дать *предостережение*.

Но я не знаю, есть ли резон несть книжку в Комитет Мин[истров] (тем более, что в других журналах оставляют без подобной кары книжки со статьями не менее скверными). И не мудрено, что в Комитете Министров это именно будет замечено.

К. П.

2 февр[аля] 1895

1 февраля 1895 г. председатель Петербургского Цензурного Комитета доносил Феоктистову, что «вызванный... по приказанию вашего превосходительства редактор журнала «Наблюдатель» — Пятковский категорически не соглашается на требование, предъявленное мною, об исключении статей «Новые умственные течения в современной Германии» — г. Трачевского и «Современный анархизм и его теоретики» г. Чуйко. — Он ссылается на благонамеренное направление своего органа и на то, что обо всех теориях, излагаемых в инкриминированных статьях, уже писалось во многих периодических изданиях, как например в «Московских ведомостях» (Дело Главного управления по делам печати 1881, № 42, лл. 175—

175 об.). Подробно эти свои доводы А. П. Пятковский изложил в пространной жалобе, адресованной на имя И. Н. Дурново (там же, лл. 176—177). С своей стороны, Феоктистов, проинструктированный публикуемым письмом Победоносцева, обратился с соответствующим докладом к министру внутренних дел. Вывод из этого доклада был сделан министром, который в «распоряжении» 15 февраля 1895 г., «принимая в соображение, что журнал «Наблюдатель» продолжает упорствовать в своем предосудительном направлении, доказательством чего служит напечатанная в февральской книжке этого издания статья «Новые умственные движения в Германии», явно проникнутая сочувствием к социалистическим теориям»,—«определил» объявить журналу первое предостережение («Дело, лл. 193—194 об.).

72

Только что запечатал пакет вам, как получил эту бумагу от государя.

Тотчас я написал ему подробно, чтó за негодяй [А. А.] Пороховщиков со своею газетой, а вам посылаю прочесть самую просьбу, как образец наглости этого человека.

Прошу возвратить мне эту просьбу завтра поутру — я отошлю ее обратно госу́дарю. Не сомневаюсь, что просьба оставлена будет без всякого действия.

Но думаю, что лучше не говорить И. Н. Дурново, — чтоб не обиделся, что не к нему послана. Я писал государю о проделках П[ороховщико]ва; извольте распросить Мин[истра] Вн[утренних] Д[ел].

Но вот еще урок — не разрешать издание новых газет. Проходимство Пор[оховщико]ва было давно известно.

К. П.

10 февр[аля] 1895

О А. А. Пороховщикове см. выше примечание к письму 12 июня 1888 г. В 1895 г. издававшаяся им газета «Русская жизнь» была прекращена вмешательством цензуры. Пороховщиков апеллировал к высшей инстанции — самому Николаю II; последний, как видно, запросил мнение Победоносцева, который тотчас же ответил возмущенным письмом с уничтожающей характеристикой Пороховщикова. «Правда, — писал Победоносцев, — никак не на стороне Пороховщикова, — а наглая, бесстыдная ложь. Этот человек давно известен своим нахальством и привычкой добывать деньги всякими средствами, и надобно только дивиться, как разрешили ему издание газеты». Далее он обвиняет Пороховщикова в том, что тот «занимается мелкою интригою и сделками, близкими к шантажу», что газету свою «он принялся издавать... на жидовские деньги и на чьи угодно, кто заплатит и кто наймет газету», которая «наполнялась статьями наглыми, ругательными до невозможности и совершенно противоправительственными». В качестве же решающего довода Победоносцев выдвигал то, что «Пороховщиков — человек без образования, но наглости непомерной, доходящей до того, что иной раз *можно было спросить: в уме ли он?»* («Письма Победоносцева к Александру III с приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II», т. II. М. 1926, стр. 305—306). Вряд ли приходится сомневаться в том, что письмо это возымело свое действие на Николая II.

Замечание Победоносцева об уроке — «не разрешать издание новых газет» должно было найти живейший отклик и поддержку и в Феоктистове, и в министре внутренних дел И. Н. Дурново. В. Г. Короленко записал в своем дневнике, что «Феоктистов, довольно грубо объявляя С. Д. [Протопопову] об отказе [в разрешении приобрести право на издание газеты], прибавил: «Министр не хочет. Эти газеты все плодятся, все плодятся, а министр этого не хочет» (Владимир Короленко, «Дневник», т. II. ГИУ. 1926, стр. 255).

73

Просмотрел всю книжку (интересную для любителя прежней литературы) и прочел «Три притчи».

Не стóит итти с ним в Комит[ет] министров и не выгорит дело. В сущности, ведь всем известны толстовские идеи, особливо о непротивлении злу, и все эти притчи одним ничего не скажут нового,—других заставят улыбнуться.

К. Побед[оносцев]

17 марта [1895]

Письмо извлечено из дела Главного управления по делам печати 1895, № 8, л. 26. Речь идет о книге «Почин. Сборник Общества Любителей Российской Словесности на 1895 г.», присланной Московским Цензурным Комитетом в Главное управление по делам печати для окончательного разрешения к выпуску в свет. В своем донесении Московский Цензурный Комитет объяснял, на основании отзыва цензора, что «издание обращает на себя внимание и, главным образом, в том отношении, что большая часть статей посвящена характеристике поэтов и писателей сороковых и шестидесятых годов и однородных с ними из других эпох, при чем писатели рассматриваются не столько с точки зрения художественности и литературных достоинств, сколько как убежденные носители освободительных идей. Есть в сборнике и новое произведение г. Толстого «Три притчи» (там же, л. 25). Однако, после снисходительного отзыва Победоносцева, сборник был выпущен без всяких изъятий и ограничений.

74

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Потрудитесь просмотреть эту переписку.

На первое письмо я отвечал редактору, что не вижу никаких препятствий поместить статью «Stadestek», впрочем не понимаю, зачем он меня спрашивает.

А теперь он пишет мне второе письмо.

Не понимаю строгости цензора и в отношении переписки Эд[иты] Раден с Беркгольцем.—Это драгоц[енные] письма, кои жаль будет утратить. Беркгольца я знал — едва ли у него могли быть грубые и резкие выражения. А что он был «überwunderer Balte»,—что тут удивительного? И Эдит была тоже дочь своей страны — но оба высокой культуры.

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

14 окт[ября] [18]95

Переписка Э. Раден с Беркгольцем напечатана в «Русском обозрении» (1896, №№ 1, 4, 6, 8), повидимому, полностью, без цензурных урезок.

75

Не могу еще опомниться от подавляющего впечатления от этой записки и вашего рассказа. Это какой-то кошмар.

Но что делать?

Я думал было сначала ехать к государю завтра. Но рассудил, что будет неблагоразумно теперь. Общий вопрос оставлю до другого раза.

Надо ответ [Д. С.] Сипягину. Спешить им нечего, а ответ не труден.

Я отвечал бы ему так:

1. По существу. Записка эта, еслиб и не была напечатана, не могла бы быть и по содержанию своему удостоена представления государю. По содержанию — это горячечный бред сумасброда; по изложению — дерзкий и наглый тон ее и фельетонный язык не соответствует достоинству выс[очайшей] власти. А многие места в ней (указать страницы) таковы, что, появившись в печати и для публики, привлекли бы автора и издателя к строгому уголовному наказанию по уголовным законам.

2. Порядок обжалования. На распоряжение Ценз[урного] комитета следует жаловаться министру внутр[енних] дел,—каковой жалобы принесено не было, следов[ательно] по силе § инструкции Сипягину (лично устан[авливающего] властей) всепод[даннейшая] жалоба Романова во всяк[ом] случае не подлежит принятию и не может иметь хода.

[И. Л.] Горемыкин хотел ехать в четверг на доклад. Но тут пусть бы еще не касался этого дела. А затем, послав ответ Сипягину, он после при докладе мог бы решительно и серьезно выразить государю свое мнение об этом инциденте.

А я при первом случае постараюсь им воспользоваться для разъяснения общего вопроса.

В конце своей бумаги Сипягин упоминает о другой записке, которую Романов в конце своего писания обещает в виде приложения.

Боже! вот до чего мы дожили!

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

2 апр[еля] 1896

Боже сохрани — уступать. Мин[истерство] Вн[утренних] Д[ел] не может уступить в этом случае.

Содержание этого письма подробно прокомментировано самим Феоктистовым в записи «Дневника» 19 апреля 1896 г. «Некто Романов, — записывает он, — чиновник особых поручений в министерстве земледелия и государственных имуществ, задумал пересоздать весь государственный и гражданский строй России; в Главное управление по делам печати поступила брошюра его, весьма обширная, под заглавием: «Дело императора Александра III как логическое развитие идеи 1613 года». Положительно никогда не появлялось у нас ничего подобного: это какой-то горячечный бред; дерзость тона и фельетонное изложение превосходят всякое вероятие. Приведу некоторые отрывки. Автор заявляет, что наступило время «увенчать здание, насадить в России конституцию, хотя бы на первое время и куцую». По мнению автора, православная церковь представляет собой нечто мертвенное. «Православие есть обман, не божественное нечто, а лицемерное постное масло, нравственный смрад, полицейская дубина, которою хотят устрашать дураков и заставить их, из боязни загробных мук, мириться с атмосферой всем видимых лицемерия и лжи; если так, то не нужно церкви, écrasez l'infâme, и кто словом или делом служит ей, тот подлец». С точки зрения автора, вся наша администрация не что иное, как мертвящая рутина; он характеризует ее таким образом (привожу здесь буквально его собственные слова): «Область рутины — все то, что объемлется понятием казны; ее храм — Петербургская канцелярия, ее жрец — мертвый чиновник; ее психология — упразднение совести; ее орудие — лесть и обман; ее прошлое — 1 марта (т. е. умерщвление императора Александра Николаевича); ее будущее — опять 1 марта, всегда 1 марта, ибо не может быть чтоб чрез десять или сколько там лет роковое стечение обстоятельств не повторило во всех подробностях 1 марта». Приведу еще одно место из брошюры: «Самодержавие сводится к тому, чтобы прикрывать своею безответственностью, недотрогиваемостью все безумие и все безобразия нелепого, бездарного чиновника; эта возмутительная, скрипучая ложь подмасливается елеем православия, попы провозглашают пламенные комплименты нерушимым священным долгом и хотят уверить, будто сам бог велит признавать этот мир лжи, лести и разврата лучшим из миров. В таком случае не нужно ни этой лгущей власти, ни этого лгущего божества; камня на камне не надо оставить, все взорвать». Впрочем, достаточно этих примеров, всех красот не воспроизведешь. — Можно предположить, что Романов страдает расстройством умственных способностей, а для сумасшедшего закон не писан, но хорошо отличился и Сипягин [в то время — главноуправляющий «собственной его величества канцелярией по принятии прошений на высочайшее имя».—*И. А.*].—Он прислал министру внутренних дел [И. Л. Горемыкину.— *И. А.*] официальную бумагу, в которой говорит, что брошюра «Дело императора Александра III» была предпринята Романовым с его, Сипягина, ведома, что он, Сипягин, сам просматривал ее в корректурных листах, одобрил ее к напечатанию и обнадежил автора обещанием представить ее на высочайшее его величества благовоззрение. Он выражал удивление, каким же образом брошюра могла быть арестована: ему казалось совершенно основательным намерение автора обжаловать распоряжение Главного управления по делам печати и требовать вознаграждения за причиненные ему убытки: таким образом, Романов не только вышел бы с торжеством, но и покарал бы цензурное ведомство. — Глупому Сипягину было объяснено, что не только цензурному ведомству, но и министру внутренних дел не было известно о намерении представить мерзейшую брошюру Романова государю императору, что впервые министр узнал об этом из бумаги, присланной Сипягиным, что цензурное ведомство только исполнило свою обязанность. — Испуганный Сипягин, по получении ответа, немедленно прискакал к Горемыкину и начал уверять, что хотя он и просматривал брошюру, но не всю, а как нарочно попадались ему в ней только такие места, которые, сравнительно с другими, не особенно предосудительны. И этого человека считали джентльменом! Оказывается, что он просто лгун. Впрочем, вернее объяснить его образ действий тупоумием. Но ведь он занимает важный пост, является с личными до-

кладами к государю? сколько же при своем тупоумии может он наделать нелепостей! Но его не устранят, ибо он пользуется расположением вдовствующей императрицы» (Дневник за 1890—1896 гг., лл. 70—71 об.).

76

Почтеннейший Евгений Михайлович,

Я собираюсь уехать завтра в Москву, а вы вероятно на днях будете петь освобождение из плена, и прощаться с рыцарями печати!

Если бы пришлось вам видеть одного из сих рыцарей, [А. С.] Суворина, нет ли возможности внушить ему, как непристойно писать восторженным тоном убеждения о том, чего он не знает да и знать, видно, не хочет, ибо все хочет слышать одну сторону, не желая слышать другую и узнать настоящую суть дела.

Вчера, видно вдохновленный бестактною статьей [Э. Э.] Ухтомского «Савле, что мя гониши?», он выпалил статьей о расколе.

Разве он не знает, что такое Рогожская лжеиерархия? На Рогожском построен храм больше Успенского собора. Хотят, во имя свободы, чтоб там свободно являлся пред народом ложный архирей, именующий себя архиепископом московским и всея Руси, в облачении митрополита московского? Что же народ, кого признавать будет? Притом этот ложный архирей (из мужиков еще) себя одного именует истинным, а настоящего именует ложным. Можно ли допустить это во имя свободы? В таком случае надлежало бы допустить и другого царя-самозванца, в пышной царской одежде и чине царском.

Спросил бы себя г. Суворин, что если бы в дом его явился некто именующий себя Алексеем Сувориным, сел бы в его кабинете, прошел бы в спальню к жене его? Потерпел ли бы это г. Суворин во имя свободы? Думаю, что нет. Не потерпели бы и слуги его, ибо распознали бы истинного хозяина по чертам лица его. А если это был двойник Суворина, близнец, как две капли на него похожий? Прислуга могла бы обмануться и признать фальшивого за истинного. Что тогда?

Пускай бы подумал об этом г. Суворин!

1 мая 1896 К. Победоносцев

Пишу в Цар[ском] Селе

«Освобождение из плена» — отставка Феоктистова и назначение его сенатором, о чем он уже давно мечтал. Еще 23 марта 1895 г. он записал в дневнике: «Сегодня [И. Н.] Дурново сообщил мне, что министр юстиции [Н. В.] Муравьев выразил полную готовность ходатайствовать пред государем о назначении меня в Сенат, и нисколько не сомневается в успехе, но назначение это может состояться лишь в начале следующего года, ибо намечено уже несколько других лиц, которые прежде меня получили обещание. Жаль, приходится ждать». (Дневник за 1890—1896 гг., л. 69). Причин столь нетерпеливого ожидания отставки было несколько; главнейшие из них — быстро прогрессировавшее одряхление Феоктистова (маразм) и связанная с нею лень, мало вязавшаяся с столь «активной» должностью, как должность начальника цензурного ведомства.—Отставка Феоктистова и назначение ему преемника вызвали довольно оживленные интриги и столкновения в бюрократической верхушке, главным образом, между Победоносцевым и С. Ю. Витте, из которых каждый желал провести «своего» кандидата. По словам Суворина, Витте «говорил Кочетову, что назначит на место Феоктистова... человека, при котором Суворину будет петля» (Дневник А. С. Суворина. М. 1923, стр. 88; запись 14 апреля 1896 г.). Сам же Феоктистов, «оставляя свой пост, утешал радовавшихся редакторов, что после него «еще хуже будет». Предсказание оправдалось. Феоктистову наследовал М. П. Соловьев» (Г. К. Градовский. «Из минувшего»—«Русская старина», 1908, № 1, стр. 82).

77

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Благоволите прочесть прилагаемое письмо. Стоит собрать и просмотреть поименованные книги, особливо «Золотой букет». И, право, надо бы

подумать о средствах к предупреждению вольного распространения пакостей в народе.

Что кас[ается] до объявлений Леухина, Залеского и пр. на особых листах с комментариями, то кажется слишком снисходительна к ним цензура.

Если [нрзбр.] мы уничтожаем для школ, то тем более стоят внимания скверные спекуляции в книгах для народа.

Душ[евно] пред[анный]
Победоносцев

16 февр[аля]

78

Многоуважаемый Евгений Михайлович,

Завели н а р о д н ы й т е а т р и радуются. Есть чему!

Если этот театр оставят, — как и все прочее, без надзора, он послужит лишь новым орудием к развращению народа.

Желательно знать, кто держит цензуру пиес для этого театра?

Вот напр[имер] пиеса «Заветный клад» с обстановкой раскольничьего быта. Что это такое, и кто смотрел?

Душ[евно] пред[анный]
К. Победоносцев

11 дек[абря]

С. А. Рачинский здесь.

79

С благодарностью возвращаю гранки.

Удивительное извращение мысли у гр. [Л. Н.] Толстого. Точно она зашла в лабиринт закоулков и узких коридоров и не может из него выбраться на свет божий!

Что говорится у него на 2, 3, 4 гранках — все это можно читать с сочувствием и пользою. Но на 1 гранке и на 5-й совсем безумные речи и отсутствие всякой пропорции. Если бы гр. Толстой мог поступиться своим самолюбием и согласился бы на исправление редакции, статья могла бы итти, но в настоящем виде не может, а он конечно не уступит из нее ни одной иоты.

Душ[евно] пр[еданный]
К. Победоносцев

8 мая

Материал настоящей публикации составляют, в основной своей части, письма Победоносцева к Феоктистову, хранящиеся в архиве последнего (Институт Русской Литературы Академии Наук СССР); отдельные письма извлечены из дел цензурного ведомства (ЛОЦИА). При публикации ряд писем, не представляющих сколько-нибудь значительного общественно-литературного интереса, опущен: из общего количества выявленных 97 писем публикуются нами 79. Для комментария использованы кроме печатных материалов, также рукописные источники: письма К. П. Победоносцева к разным лицам, материалы архива Феоктистова (его переписка, дневники), архивные дела и т. д.

О Б З О Р Ы

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА А. А. ФЕТА

Обзор Б. Бухштаба

I

Судьба литературного наследства Фета крайне печальна. Издания его все неисправны. «Полное собрание стихотворений», по которому большинство современных читателей с ним знакомо, полно искажений, биография, библиография и хронология не разработаны, основные рукописные материалы утеряны, а принципиальные вопросы текстологии Фета запутались в какую-то головоломку, едва ли разрешимую вполне бесспорно.

Существуют следующие прижизненные и посмертные собрания стихотворений Фета:

1. Лирический пантеон. А. Ф. Москва. В типографии С. Селивановского. 1840. Цензурное разрешение — 20 сентября 1840 г.

2. Стихотворения А. Фета. Москва. В типографии Н. Степанова. 1850. 162, 4 стр. Цензурное разрешение — 14 декабря 1847 г.

3. Стихотворения А. А. Фета. СПБ. В типографии Эдуарда Праца. 1856. 211, 2 стр. Цензурное разрешение — 11 февраля 1856 г.

4. Стихотворения А. А. Фета. 2 части. Издание К. Солдатенкова. Москва. В типографии Грачева и К°. 1863. 261, 8 и 386, 7 стр. Цензурное разрешение I части — 19 января 1863 г., II — 21 февраля 1863 г.

5. Вечерние огни. Собрание неизданных стихотворений А. Фета. Москва. Типография А. Гатцука. 1883. 224, 4 стр. Цензурное разрешение — 28 декабря 1882 г.

6. Вечерние огни. Выпуск второй неизданных стихотворений А. Фета. Москва. Типография М. Г. Волчанинова. 1885. 57 стр. Цензурное разрешение — 25 октября 1884 г.

7. Вечерние огни. Выпуск третий неизданных стихотворений А. Фета. Москва. Типография Э. Лисснера и Ю. Романа. 1888. 7, 69 стр. Цензурное разрешение — 18 ноября 1887 г.

8. Вечерние огни. Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. Москва. Типография А. И. Мамонтова и К°. 1891. 70 стр. Цензурное разрешение — 31 октября 1890 г.

9. Лирические стихотворения А. Фета. В двух частях. СПБ. Типография бр. Пантелеевых. 1894. 16, 333 и 357 стр.

10. Полное собрание стихотворений А. А. Фета. Под редакциею Б. В. Никольского. 3 тома. СПБ. Издание А. Ф. Маркса 1901. 112, 496; 18, 654; 8, 486 стр.

11. То же. 2-е издание. СПБ. Издание т-ва А. Ф. Маркс. 1910.

12. Полное собрание стихотворений А. А. Фета. Со вступительными статьями Н. Н. Страхова и Б. В. Никольского и с портретом А. А. Фета.

2 тома. Приложение к журналу «Нива» на 1912 г. СПБ. Издание т-ва А. Ф. Маркс. 1912. 470 и 442 стр.

13. А. А. Фет. Избранные стихотворения. Под редакцией Л. М. Сухотина, Берлин. Книгоиздательство С. Ефрон, Б. г. 213 стр.

14. А. Фет. Стихотворения. Рисунки Вл. Конашевича. П. «Аквилон». 1922. 46 стр.[1].

Первый сборник Фета «Лирический пантеон» вышел из печати к 20-летнему дню рождения его автора. Из этого сборника юношеских стихов в издание 1850 г. перешло только четыре стихотворения, а в издании 1856 г. и из этих четырех осталось только одно.

Собрания 1850, 1856 и 1863 гг. не являются отдельными сборниками с замкнутым составом стихов, но второе относится к первому, а третье ко второму, как переиздания со включением вновь написанных стихотворений и исключением признанных слабыми.

История издания 1850 г. такова:

В 1847 г. Фет получил возможность приехать на два месяца в Москву из полка, стоявшего в Херсонской губернии, где он провел безотлучно два года. За эти два месяца сборник был составлен, переписан, представлен в цензуру и разрешен ею к печати. Снова приехать в Москву Фет смог только в декабре 1849 г., чем и объясняется, что книга, разрешенная цензурой в конце 1847 г., вышла в начале 1850 г.

В течение двух лет Фет из своей херсонской глуши тщетно умолял московских друзей заняться его изданием. «Если бы я был там,— пишет он И. П. Борисову 29 октября 1848 г.,— то в одну неделю все было бы в исправности, и неужели никто не может посвятить на это несколько часов, чтобы меня выручить. К Григорьевым я писывал самые убедительные письма, но все напрасно» («Литературная Мысль», сб. I. 1923 г. Стр. 212. Ср. письма к нему же от 19 окт. 1848 г. и 29 мая 1849 г. О том же — в неизданных письмах к С. П. Шевыреву от 10 июля и 30 окт. 1848 г. в Гос. Публичной Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

К сожалению отсутствие чьей бы то ни было заботы об издании сказалось не только задержкой выхода на два года. Книга буквально кишит опечатками, и многие из них перешли во все последующие издания, вплоть до «Полного собрания стихотворений», так как последующие прижизненные издания тоже выходили без авторской корректуры[2], а посмертные — без серьезной текстологической обработки. Кое-какие из этих прошедших сквозь все издания опечаток вскрываются при сличении с журнальными публикациями, кое-какие конъектуры могут быть внесены и при отсутствии журнальных текстов,—но в ряде мест опечатки и неверная пунктуация создали темноту или двусмысленность, неустранимые теперь из фетовских текстов 40-х годов,— разве что найдутся рукописи ранних стихотворений.

Изданное в 1850 г. собрание разошлось в пятилетний срок. Новое издание было осуществлено по инициативе и под редакцией И. С. Тургенева. В своих воспоминаниях Фет пишет: «В последнее время [конец 1854 г. — *Б. Б.*] Тургенев стал настаивать на новом собрании моих стихотворений, так как издание пятидесятого года почти все разошлось. Он сам брался за редакцию, приглашая к себе в сотрудники весь литературный ареопаг. Конечно, мне оставалось только благодарить» («Мои воспоминания», I, 40). И дальше:

«Около этого времени [зима 1855 г. — *Б. Б.*], у меня завязалась оживленная переписка с Тургеневым. Он писал мне:

«Некрасов, Панаев, Дружинин, Анненков, Гончаров— словом весь наш дружеский кружок вам усердно кланяется. А так как вы пишете о значительном улучшении ваших финансов, чему я сердечно радуюсь, то мы предлагаем поручить нам новое издание ваших стихотворений, которые заслуживают самой ревностной очистки и красивого издания, для того, чтобы им лежать на столике вся-

А. А. ФЕТ В МОЛОДОСТИ
Литография А. Жаннена, 1850-х гг.
Институт Русской Литературы,
Ленинград

кой прелестной женщины. Что вы мне пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его».

«Конечно, я усердно благодарил кружок, и дело в руках его под председательством Тургенева закипело. Почти каждую неделю стали приходить ко мне письма с подчеркнутыми стихами и требованиями их исправлений. Там, где я несогласен был с желаемыми исправлениями, я ревностно отстаивал свой текст, но по пословице: «один в поле не воин» — вынужден был соглашаться с большинством, и издание из-под редакции Тургенева вышло настолько же очищенным, насколько и изувеченным» («Мои воспоминания» I, 104 — 105).

Вопрос о разночтениях изданий 1850 и 1856 гг., об «увечьях», нанесенных фетовскому тексту Тургеневым,— основной и наиболее сложный вопрос текстологии Фета. Мы рассмотрим его ниже специально.

К 1863 г. потребовалось новое издание стихотворений. В нем Фет принял большее участие, чем в предыдущих. Сохранился список добавлений к изданию 1856 г., которые должны были войти в новое. Он написан неизвестной рукой, но с поправками Фета (ИРЛИ). Сохранился экземпляр издания 1856 г., в оглавлении которого Фет разметил перегруппировку некоторых отделов, действительно осуществленную в новом издании [3].

Издание 1863 г. было единственным, предпринятым книгоиздателем, а не самим Фетом. Оно вышло в то время, когда отношение к Фету критики и публики резко изменилось, и если предыдущие издания расходились в пять-шесть лет, то солдатенковское не разошлось и в тридцать. Оно было выпущено, как видно из договора Фета с Солдатенковым (хранится в ИРЛИ), в 2400 экземплярах.

В 1889 г. Фет писал Полонскому: «мое солдатенковское издание разошлось в течение 26-и лет только в тысяче двухстах экземплярах». И на обложке посмертных «Ранних годов моей жизни» (1893) издание 1863 г. значится «находящимся в продаже».

Таким образом надобности в переиздании стихов 40—50-х годов не было, и больше при жизни Фета они не переиздавались. Да и новые стихи Фет в течение двадцатилетия не выпускал сборниками и мало что печатал в журналах.

В 1882 г. Фет собрал стихи, накопившиеся за 20 лет, а частью и более ранние, не вошедшие в издание 1863 г., и издал новый сборник «Вечерние огни». За этим большим собранием последовали под тем же заглавием «Вечерние огни» через короткие промежутки времени еще три небольших сборника — от 30 до 60 стихотворений, накоплявшихся за 2—3 года. Все эти книги изданы в разных типографиях, но одинаково небрежно, неизящно и неисправно. Из сохранившегося счета типографии Э. Лисснера и Ю. Романа (ИРЛИ) видно, что тираж III выпуска «Вечерних огней» был 700 экз.; IV выпуск вышел в еще меньшем тираже [4].

В предисловии к изданию 1894 г. сказано, что Фетом уже был приготовлен к изданию и V выпуск «Вечерних огней». Составлявшие его стихи вошли в посмертное издание.

II

Как уже сказано, основная текстологическая проблема, выдвигаемая изучением прижизненных изданий Фета, это проблема «тургеневских исправлений». Она остается наиболее трудной и спорной из всех проблем, связанных с литературным наследством Фета, несмотря на то, что ей посвящены три специальные статьи:

1. Ю. А. Никольский, «Материалы по Фету. I. Исправления Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г.» — «Русская Мысль» 1921 г., кн. 8 — 9, стр. 211—227 и кн. 10 — 12, стр. 248 — 262.

2. Д. Д. Благой, «Из прошлого русской литературы. Тургенев — редактор Фета». — «Печать и Революция» 1923 г., кн. 3, стр. 45 — 64.

3. Н. П. Колпакова, «Из истории Фетовского текста». — «Поэтика». III. Л., 1927, стр. 168 — 187.

Первые две статьи основаны на изучении документа исключительной важности для текстологии Фета — так называемого «остроуховского экземпляра» издания 1850 г. Этот экземпляр был найден после смерти Фета в его библиотеке, принадлежал родственнику Фета И. С. Остроухову, в настоящее время хранится в архиве Третьяковской Галлереи. Приступая к редактированию Фета, Тургенев зачеркнул в этом экземпляре те стихотворения и строфы, которые считал недостойными включения в новое издание, и подчеркнул те слова и стихи, которые Фет должен был заменить новыми. Фет тут же на полях дал варианты, иногда по нескольку вариантов — вероятно на выбор редактора. Часть этих вариантов была принята Тургеневым и вошла в издание 1856 г., часть была отвергнута, и потребовались новые варианты, — но дальнейшие требования Тургенева и тексты Фета посылались уже в письмах, не дошедших до нас. Таким образом остроуховский экземпляр отражает лишь первую, но наиболее значительную стадию работы над подготовкой нового издания [5].

Текстологическая проблема заключается собственно в том, что считаться основным имеет веские основания и ранний текст и поздний. Расхождение же между ними огромно. По количеству переделок издание 1856 г. являет пример едва ли не уникальный в истории русской литературы. В издание 1850 г. входило 182 стихотворения. При подготовке издания 1856 г. около половины было исключено: перенесено в новое издание только 95 стихотворений; из них в прежнем виде 27, а в переделанном 68.

Следующее издание Фет выпустил еще в пору своей близости с Тургеневым—

в 1863 г. Кое-какие возвращения к изданию 1850 г. здесь есть, но минимальные: восстановлены последние строфы двух стихотворений и включено одно стихотворение из издания 1850 г., не вошедшее в издание 1856 г. В какой степени и это было деликатным делом, видно из предисловия к собранию, в котором Фет уверяет «друзей-поэтов, эстетическому вкусу которых он вверил вполне, издание 1856 года», что «в подлежащие два тома вновь вошла всего одна пьеса, случайно ими забытая, из прежней его деятельности, а из последующей и всех переводов включены только те, которые, хотя и поодиночке, были ими одобрены». Так как никакого стихотворения, которое было бы напечатано до 1856 г. и не вошло в издание 1856 г., в этом собрании нет, то несомненно, что речь идет именно об единственном стихотворении, восстановленном по изданию 1850 г. («Давно ль под волшебные звуки...»). Только оно вовсе не было «случайно забыто» Тургеневым, а было недвусмысленно перечеркнуто им в остроуховском экземпляре.

После охлаждения отношений с Тургеневым и особенно после его смерти Фет не так отзывался об издании 1856 г. и редактировавших его друзьях. Его отзыв в «Моих воспоминаниях» (1890) — «изувеченное издание» — я уже цитировал. В более деликатной, но достаточно ясной форме Фет высказался о тургеневских исправлениях в предисловии к III выпуску «Вечерних огней» (1888). Перепечатав в этом сборнике из издания 1850 г. 6 стихотворений, исключенных из издания 1856 г. и «незаслуживающих такого исключения», Фет говорит по поводу последнего издания: «Счастлив художник, способный исправлять свои произведения согласно указаниям знатоков. Но и тут есть известные границы и опасности. Можно, что называется, записать картину. Это случалось даже с позднейшими изданиями Тютчева, где алмазные стихи появились замененные стразами». А Тютчева, как известно, редактировал тот же Тургенев, и доныне против него существует настолько сильное подозрение в самоуправной переработке тютчевских стихов, что редактор последнего издания Тютчева (1933—1934) совсем обошел тургеневское издание, дав все стихи в ранних редакциях.

Но перед посмертными редакторами Фета, судя по предисловиям к их изданиям, не вставал вопрос о том, чтобы вернуться, хотя бы частично, к ранним редакциям. Они перепечатали текст издания 1863 г. и, так как вариантов ни одно издание Фета не давало, среди читателей Фета лишь единицам известны ранние, но не разрушенные посторонним вмешательством редакции его стихов. А что стихотворения зачастую оказывались разрушенными благодаря этому вмешательству, что исправления вели в сторону органически чуждую творческому пути Фета, что шла борьба с характернейшими особенностями его творчества — это достаточно наглядно показывают примеры, приведенные в указанных выше статьях Ю. Никольского, Д. Благого и Н. Колпаковой.

Способы, которыми Тургенев исправлял Фета, не могут не вызвать изумления у каждого, знакомящегося с этим материалом. Любимым приемом исправления оказалось исключение из стихотворений целых строф — при этом в особенности последних строф. В издании 1856 г. последние строфы отрезаны у 14 стихотворений.

Между тем трудно найти русского поэта, у которого количество, архитектоника и синтаксическая конфигурация строф были бы в такой степени, как у Фета, обусловлены мелодико-интонационным заданием стихотворения, у которого мелодическое движение стихотворения было бы более четким, у которого поэтому исключение последней строфы оставляло бы в такой степени впечатление оборванности — не в сюжетно-тематическом, а в композиционном отношении. Ограничусь одним примером. Стихотворение «Серенада» в издании 1850 г. читается так:

Тихо вечер погарает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает —
Спи, мое дитя.

Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели —
Спи, мое дитя.

Блещут ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи —
Спи, мое дитя.

Так легко и так привольно,
Страсти укротя,
В сердце вымолвишь невольно:
Спи, мое дитя.

В издании же 1856 г. и последующих заключительная строфа выброшена. Фет предлагал взамен отрезанного конца другую строфу, но Тургенев забраковал и ее, и стихотворение так и печатается до сих пор в составе трех строф.

Такая нечуткость Тургенева и круга «Современника» к структурным особенностям поэзии Фета объясняется тем, что эти особенности выражают художественные тенденции, чуждые и даже враждебные эстетической идеологии Тургенева, Дружинина и других художественных руководителей тогдашнего «Современника».

В 1854—1857 гг. «Современник» усиленно выдвигал и лансировал поэзию Фета — но это выдвижение было связано с общей борьбой за «пушкинское направление» в поэзии, за поэзию «типическую», «рельефную» и «объективную» против поэзии тенденциозной. В связи с этим выдвигается и превозносится наименее оригинальная линия Фета — его «элегии» и «антологические стихотворения» — в то время, как «мелодии» его вызывают недоумения, опасения и оговорки. Ни одно стихотворение Фета на всем протяжении его творчества не вызвало таких восторженных похвал, как антологическая «Диана» с ее выверенными, точными эпитетами и математически строгими интонациями классического александрийского стиха. Дружинин, Боткин, Тургенев не находят слов для прославления этого стихотворения.

Подняв Фета на щит как «объективного» поэта, круг «Современника» и стремится выправить его в сторону «объективных» тенденций его творчества, взяв за основу «элегии» и «антологические стихотворения»: недаром издание 1856 г. открывается «Элегиями» вместо прежних «Снегов». Когда же к концу пятидесятых годов становится ясным, что Фет неисправим, что основные тенденции его поэзии ведут в иную сторону — былые пропагандисты Фета охладевают к нему.

Действительно, в поэзии Фета преобладает стремление не к «типичности и рельефности», а к «особности и случайности» (Ап. Григорьев). Это поэзия, основанная на принципах иррационализма и субъективизма. Суггестивность доминирует в ней над «пластичностью». Фет стремится к передаче подсознательных, неясных, иррациональных душевных движений, к выражению настроений, которые не могут быть описаны, а могут быть только вызваны в читателе неопределимой словом, но говорящей чувству эмоциональной окраской предметов, мелодической организацией интонаций, выдвижением всех иррациональных («музыкальных») элементов речи. Детали внешнего мира, одушевленные лирической эмоцией, становятся символическими деталями, пейзажи превращаются в «пейзажи души».

Это были принципы враждебные Тургеневу и его группе. Постоянные ожесточенные споры Фета с Тургеневым о правах «разума» и «вдохновения» в поэзии были спорами прежде всего о творческом методе. И понятно ожесточение, с которым Тургенев вычеркнул из знаменитого стихотворения Фета строфу со словами:

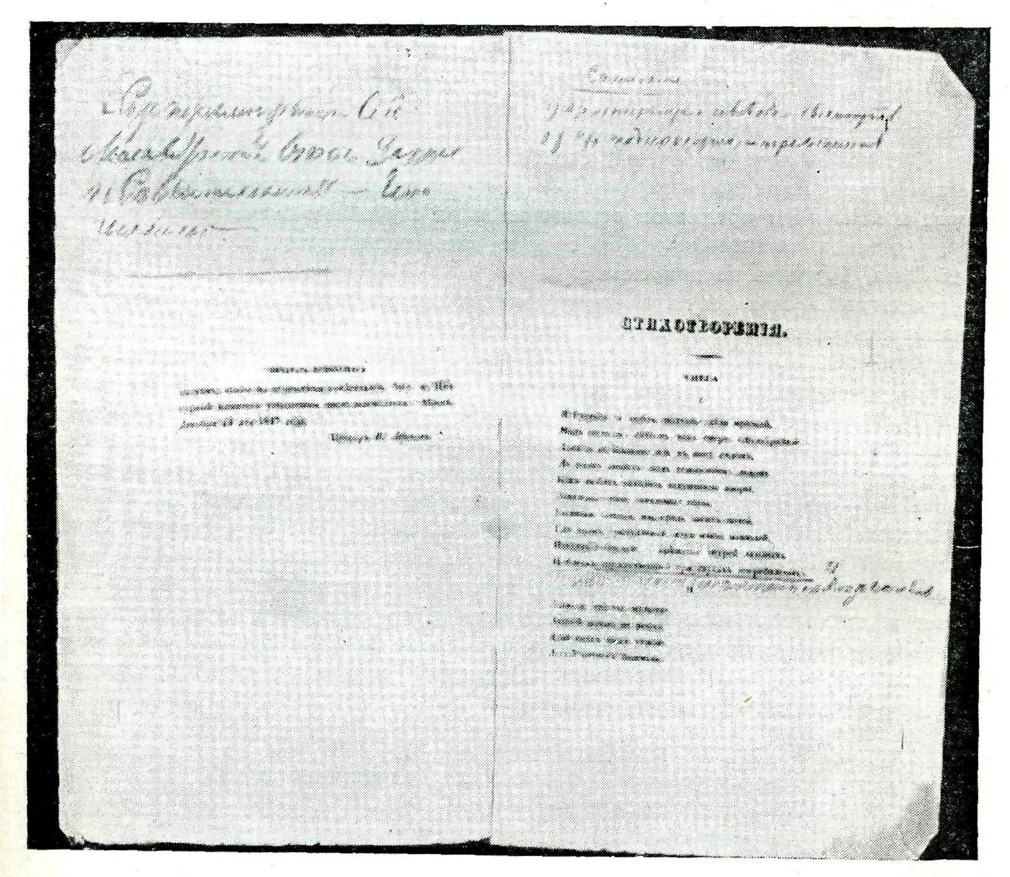
не знаю сам, что буду
Петь, но только песня зреет, —

крича Некрасову, что в этой строфе Фет «изобличил свои телячьи мозги»[6].

Зачастую стихотворения Фета строятся так, что лирическая концовка уводит от внешнего мира к душевным настроениям. Срезая такие концы, Тургенев старался придать стихотворению тот описательный, спокойно-созерцательный характер, который он так ценил. Такого типа исключение последней строфы, скажем, в следующем стихотворении:

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы,
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам:
То табун несется рысью.



«ОСТРОУХОВСКИЙ» ЭКЗЕМПЛЯР СТИХОТВОРЕНИЙ А. А. ФЕТА, ИЗДАНИЯ 1850 г.
НА ОБОРОТЕ ТИТУЛЬНОГО ЛИСТА НАДПИСЬ РУКОЮ ФЕТА: «НАДО ПЕРЕСМОТРЕТЬ ВЕСЬ МОСКВИТЯНИН, ОТЕЧ. ЗАПИСКИ И СОВРЕМЕННИК — ЕСЛИ МОЖНО».
НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ РУКОЙ ТУРГЕНЕВА: «ЗАМЕЧАНИЕ: 1) ЧТО ВЫЧЕРКНУТО СОВСЕМ — ВЫКИНУТЬ. 2) ЧТО ПОДЧЕРКНУТО — ПЕРЕМЕНИТЬ»

Третьяковская Галлерея, Москва

Да оставь окно в покое,
Подожди еще немножко —
Я не знаю, что такое,
Полетел бы из окошка.

Поэтика Фета не удовлетворяла основному в эстетическом кодексе адептов «объективной поэзии» требованию — «ясности» и «понятности». «Непонятность» с точки зрения редакторов Фета — основной недостаток его стихотворений: «вышла такая темнота, что даже волки, привыкшие к осенним ночам, должны завыть со страха» («Мои восп.», I, 312), «стихов я со второй строфы до судороги не понимаю» (I, 394) — вот обычные отзывы Тургенева о стихах Фета. Требование «понятности» и являлось основным принципом, определившим редакторскую работу Тургенева. Наиболее частая пометка его в остроуховском экземпляре — это вопросительный знак, показывающий «непонятность» слова, стиха, строфы или целого стихотворения. «? перем.», «?? перем.», «!?? перем.», «перем., не ясно» «? Непонятно! Перем.», «что за дьявол? перем.» — такими пометками пестрит остроуховский экземпляр. «Непонятность» главным образом определяла исключение стихотворений и строф и замену выражений и образов. Вопросительный знак ставился против выражения «гостья дум воздушная» (о звезде) и «корона ясной ночи» или «серебряная зарница» (о луне), против стихов

Былое стремленье
Далеко, как выстрел вечерний —

и «выстрел» превращался в «отблеск» и т. п.

Образов, в которых не был совершенно ясен и всегда доступен повторению метафорический ход мысли, образов, в которых связь между основным значением слова и мыслимым предметом основывается на случайном впечатлении, репрезентируя оттенок настроения поэта, словом, «импрессионизма», столь характерного для Фета, Тургенев не допускал.

«Неясные» стихи медитативного типа, также характерные для раннего Фета, назывались «философией» и тоже изгонялись.

Так переделано по существу в новое стихотворение «Помедли... Люди спят...», из которого удалена центральная тема «немого созерцанья» по резолюции Тургенева «святость звездолюбивых дум — к чорту!» В других случаях Тургенев изгонял из стихотворений любовную тему, находя, что любовные стихи Фета «слабее прочих». Пожалуй наиболее замечательное из редакторских свойств Тургенева — на ряду с исключительной настойчивостью, с которой он добивался требуемых изменений, — это размах переделок, на которые он решался [7]. Правда, фетовский текст Тургенев черкал и кроил, но не заменял его своим (за исключением нескольких мелких поправок), а заставлял править самого Фета. Тем не менее в стихотворениях, иногда разрушенных до основания и затем скомпанованных заново, случалось, появлялись смысловые невязки или же стихи теряли вообще смысловую полноценность. Примером может служить стихотворение, которое в издании 1850 г. читается так:

Я русский, я люблю молчанье дали мразной,
Под пологом снегов как смерть однообразной,
Леса под шапками иль в инее седом,
Да речку звонкую под темносиним льдом.
Как любят находить задумчивые взоры
Завеянные рвы, навеянные горы,
Былинки сонные — иль средь нагих полей,
Где холм причудливый, как некий мавзолей,
Изваян полночью, — круженье вихрей дальных
И блеск торжественный при звуках погребальных.

IV.

Вѣтеръ злой, вѣтръ крутой въ полѣ
Заливается,
А сугробъ на степной валъ
Завивается.
При лунѣ, — на версту морозъ
Огонечками, —
Про живыхъ вѣтеръ вѣсть пронесъ
Съ позвоночками.
Подъ дубовымъ крестомъ свиститъ,
Раздувается.
Сѣрый заяцъ степной хруститъ,
Не пугается.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висятъ, —
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей.

«ОСТРОУХОВСКИЙ» ЭКЗЕМПЛЯР СТИХОТВОРЕНИЙ А. А. ФЕТА, ИЗДАНИЯ 1850 г.
АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЗАРЕВАЯ ВЬЮГА»

Третьяковская Галлерея, Москва

А въ отдаленіи колоколъ вдругъ запоётъ — и тихонько
Въ комнату звуки плывутъ; и предаюсь имъ вполнѣ:
Сердце въ нихъ находило всегда какую-то влагу,
Точно какъ будто росой ночи омыты они...
Звукъ все тотъ же поётъ, но съ каждымъ порывомъ иначе:
То въ немъ мѣди тугой болѣе, то серебра.
Странно, что ухо въ ту пору, какъ будто не слушая, слышитъ...
Въ мысляхъ иное совсѣмъ, думы волна за волной,
А между тѣмъ еще глубже сокрытая сила объемлетъ
Лампу и звуки, и ночь—ихъ сочетавши въ одно:
Такъ посвящая все больше и больше пытливую душу,
Ночь научаетъ ее міръ созерцать и себя.

XIII

Любо мнѣ въ комнатѣ ночью стоять у окошка въ потемкахъ,
Если луна съ высоты прямо глядитъ на меня,
И, проникая стекло, нарисуетъ квадраты лучами
По полу, — комнату всю дымомъ прозрачнымъ поя;
А за окошкомъ въ саду между листьевъ сирени и липы,
Черныя группы дѣля, зыбкимъ находитъ лучемъ
Всѣ промежутки — и внизъ ея золоченыя стрѣлы
Яркимъ стремятся дождемъ, иль одинокій листокъ
Лунному свѣту мѣшаетъ разсыпаться по-земи; самъ же,
Свѣтомъ осыпанный весь, черёнъ дрожитъ на тѣни.
Я восклицаю: блаженъ трижды, блаженъ, о Діана!
Кто всемогущей судьбой въ тайны твои посвященъ.

«ОСТРОУХОВСКИЙ» ЭКЗЕМПЛЯР СТИХОТВОРЕНИЙ А. А. ФЕТА, ИЗДАНИЯ 1850 г.
СТИХОТВОРЕНИЯ «КАЖДОЕ ЧУВСТВО БЫВАЕТ ПОНЯТНЕЙ МНЕ НОЧЬЮ»
И «ЛЮБО МНЕ В КОМНАТЕ НОЧЬЮ СТОЯТЬ У ОКОШКА В ПОТЕМКАХ»
Третьяковская Галлерея, Москва

В издании же 1856 г. и последующих стихотворение читается так:

На пажитях немых люблю в мороз трескучий
При свете солнечном я снега блеск колючий,
Леса под шапками иль в инее седом,
Да речку звонкую под темносиним льдом.
Как любят находить задумчивые взоры
Завеянные рвы, навеянные горы,
Былинки сонные среди нагих полей,
Где холм причудливый, как некий мавзолей
Изваян полночью, — иль тучи вихрей дальных
На белых берегах и полыньях зеркальных.

Хотя из десяти стихов пять остались совершенно неизмененными, эту редакцию можно считать новым стихотворением,— настолько изменился общий смысл. Вместо мрачной картины гробовой морозной полночи, осуществленной системой связанных метафор (молчанье — полог — как смерть — мавзолей — блеск торжественный при звуках погребальных) дан дневной пейзаж с «колючим блеском» снега при солнечном свете. Последний стих, концентрирующий «гробовой» смысл стихотворения, заменен нейтральным пейзажным описанием. Изменена интонация, подготовляющая этот ударный последний стих сложной системой относящихся к нему придаточных предложений,— интонация стала спокойной, эпической. Однако стихотворение, прошедшее такую ломку, не приведено к новому художественному единству, так как оставшееся сравнение холма с мавзолеем, изваянным полночью, странно дисгармонирует с веселым дневным пейзажем.

В стихотворении «Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках...» в издании 1850 г. о луне сказано:

А за окошком в саду между листьев сирени и липы,
Черные группы деля, зыбким находит лучом
Все промежутки...

Тургенев в остроуховском экземпляре подчеркнул «находит» и «промежутки» и написал на полях: «— не ясно; переменить». Фет дал вариант:

...зыбким проходит лучом
Между ветвями...

Так и напечатано в издании 1856 г. и всех последующих, хотя благодаря переделке получился такой оборот: «Луна... между листьев... проходит лучом между ветвями».

В поэзии Фета исключительную роль играет звучание. Семантическую роль звука в своей поэтике Фет сформулировал еще в 40-х годах следующим четверостишием (зачеркнутым Тургеневым в остроуховском экземпляре):

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что не выскажешь словами,
Звуком на душу навей.

В оценках стихов у Фета звуковая организация всегда играет огромную роль. Например:

«Не знаю выше наших поэтов: в мире нет: Для бе-ре-гов. Это бесконечная линия — усыпанная гравием, словом, Средиземное море. Или

Русалка п л ы - л а по реке г о л у б о й
Озаряема п о л н о й л у н о й —

Ведь это черти!! Правда, это есть у Гете, да много ли их!» (Неопубликованное письмо к Тургеневу от 5 марта 1873 г. ИРЛИ).

Конечно не случаен у Фета подбор звуков в таких стихах, как

Оставя резвый круг сребра на влаге гладкой,

замененный в издании 1856 г. стихом

Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой.

Тургенев не замечал или не ценил звуковой организации стихов Фета. Очень возможно, что резко ощутимый подбор звуков был враждебен его сознанию, воспитанному на совсем иных эвфонических принципах, казался ему назойливым и грубым. Как бы то ни было, и в этой сфере разрушения значительны. Приведу наблюдение Ю. А. Никольского. Относительно стихотворения «Слушай одна ты — нам не годится» он замечает: «Даже при беглом чтении видно, что все стихотворение построено на чередовании шипящих и зубных («т»): «Слушай», «тишь», «слышно», «шевелится», «мышь», «шагает», «мешков», «шубой шумит», «обещает», «што», «тише», «што-то» (2 раза), «крышей», «большою», «страшно», «шут подшутил», «чуть», «чу», «стучите», «считает» (Цит. ст., стр. 257).

Первая строфа этого стихотворения в издании 1850 г. читается:

Слушай одна ты — нам не годится
Мертвая тишь!..
Только и слышно, чуть шевелится
Резвая мышь.

Между тем, в последующих изданиях вместо этого читаем:

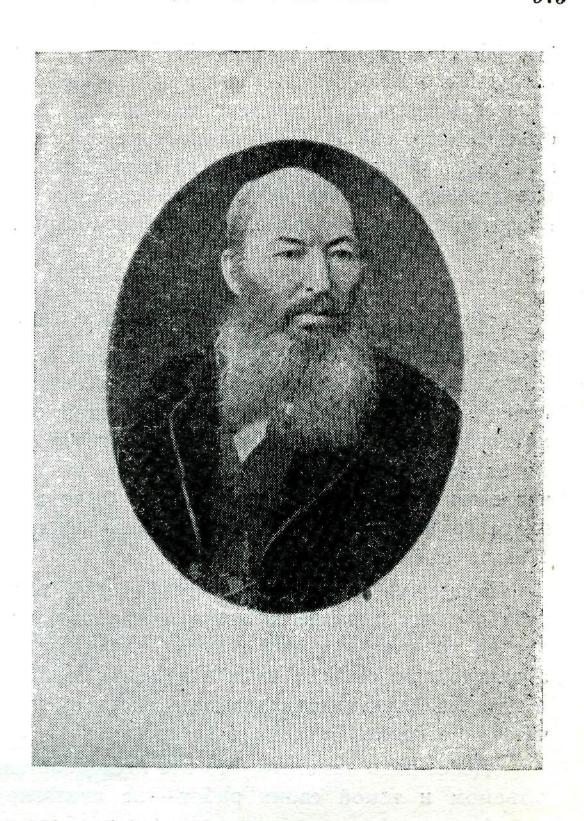
Полно смеяться! что это с вами?
Точно базар!
Как загудело! словно пчелами
Полон амбар.

Тенденция к сглаживанию, к нивеллировке поэтического своеобразия Фета сказывается и в борьбе с вольными размерами Фета, которые исправлялись Тургеневым, как ошибки против метрики, с экспериментами в области рифмовки, наконец со своеобразной лексической системой Фета.

С тщательностью корректора Тургенев убрал из стихотворений Фета все до одного славянизмы и архаизмы, а также все новообразованные, редкие или местные слова и обороты. Эти слова он стал истреблять, можно сказать, с первых дней своего знакомства с Фетом. 5 июня 1853 г. он пишет С. Т. Аксакову: «У меня на днях был Фет, с которым я прежде не был знаком. Он мне читал превосходные переводы из Горация. Иные оды необыкновенно удались, — напрасно только он употребляет не только устарелые слова,— каковы: «перси» и т. д.,— но даже небывалые слова в роде «завой» (завиток), «ухание» (запах) и т. д. Я всячески старался ему доказать, что «ухание» так же дико для слуха, как напр. «получие» (от благополучия)» («Вестник Европы» 1894 г., II).

Чужеродность исправлений Тургенева можно было бы еще оспаривать, если бы, согласившись с указаниями Тургенева, Фет избегал подобных выражений впоследствии, но ничего подобного не произошло: попрежнему он ставит в свои стихи такие слова, как «завой» («Свитезянка» 1854 г., «Моего тот безумства желал...» 1887 г.), как исключенные по требованию Тургенева «заревой», «наитие», защищает в письме к Страхову 1879 г. право поэта на архаические слова и обороты и т. д.

Нельзя не задать себе вопроса: почему же Фет подчинялся всем этим операциям? Повидимому, существеннее всего здесь — единогласие оценок самых выдающихся критиков и ценителей. Стоит прочесть, что писали о стихах Фета



А. А. ФЕТ
Фотография 1860-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

критики даже наиболе понимавшие и ценившие его поэзию — Ап. Григорьев, Боткин, Дружинин — чтобы понять, как мог растеряться поэт под влиянием единогласных упреков в неясности, нелепости, неправильности его стихов.

Приведу отрывок из воспоминаний П. М. Ковалевского о встречах с Фетом в 1856 г.:

«— А ну-те-ка, Фетушка, похвастайте, что вы сочинили сегодня,— обращался к нему за вечерним чаем Некрасов.

И Фет вынимал из бокового кармана свою записную книжечку.

— Должно быть, ерунда! — опасался он.

— Прочитайте, скажем, коли ерунда, не утаим.

Оказывалось удивительное по гармонии и изяществу лирическое стихотворение. Мы хвалим, Фет удивляется,— он ждал, что обругаем.

Другой раз он доволен, — оказывается — ерунда.

— Вот подите ж, угадайте,— недоумевает он» [8].

Ср. в письме Фета к Некрасову от 27 июня 1854 г.:

«Авдотье Яковлевне я послал стихотворение, о котором, как и о всех других написанных на берегу морском, не знаю без Тургенева, хороши ли они или из рук вон» [9].

Текстологические выводы авторов, занимавшихся вопросом о «тургеневских исправлениях», не одинаковы, но довольно близки. Определеннее и решительнее всех высказался Ю. А. Никольский: «Ценя самобытность Фета, мы должны освободить его от чуждой позднейшей записи, хотя бы и тургеневской. И нового Фета следует издать по первому чтению, приводя обычное наше чтение как вариант» (Цит. ст., стр. 262). Более осторожно подходит к вопросу Д. Д. Благой. Он пишет «дать действительно «очищенный», т. е. критически выверенный и в значительной части возвращенный к его первоначальному виду, фетовский текст— является первой и основной задачей всякого исследователя-специалиста» [Цит. ст.,

стр. 55. Подчеркнуто мною. — *Б. Б.*). Какова эта «значительная часть» видно из следующего положения: «почти все проведенные Фетом по редакторским требованиям исправления наносят тот или иной, большей или меньший, ущерб его стихам» (стр. 62). Н. П. Колпакова не высказывает своего взгляда на дефинитивный текст Фета, но от ее статьи получается, пожалуй, наиболее неблагоприятное впечатление о редакторской деятельности Тургенева, так что вывод напрашивается едва ли не тот же, что у Никольского.

III

Итак, точка зрения всех исследователей вопроса—что печатать стихи, вошедшие в издание 1850 г., надо, по крайней мере в основном, по этому изданию — подкрепляется анализом исправлений и собственными высказываниями Фета, приведенными выше. Этим аргументам можно, однако, противопоставить другие. Стихотворения, вошедшие в издание 1850 г., Фет, правда, после 1863 г. не переиздавал, но за несколько месяцев до смерти он стал подготовлять собрание своих стихов и составил список того, что должно было войти в собрание. Этот список сохранился (о нем ниже) и в нем указано печатать все стихи, вошедшие в издание 1863 г., по этому изданию.

Возможно, конечно, что слабеющий, полуслепой старик уже не чувствовал себя в силах произвести новую переработку произведений, написанных за 40—50 лет до того, из которой тексты вышли бы «очищенными, но не изувеченными»; а вернее, что он уже свыкся за столько лет с «тургеневскими» текстами, — как бы то ни было, ни переделывать вновь он их не стал, ни по изданию 1850 г. печатать не велел. Последняя авторская воля формально за изданием 1863 г.

Далее надо заметить, что все исследователи — впрочем, и не обязанные к тому объемом и темой своих работ — не анализируют в с е х разночтений обоих изданий, а потому и не приводятся к необходимости доказать, что в с е варианты издания 1856 г. могут быть без ущерба для текста откинуты, или выделить категории случаев, в которых возвращение к первым чтениям нежелательно.

Между тем вряд ли допустимо, скажем, вместо стихов

а губки и бледные ручки
Так холодны, что нельзя не согреть их своими устами,—

возвращаться к чтению издания 1850 г.

Так холодны, что нельзя согреть их подолгу устами,—

где совершенно немыслимое в русском языке сочетание наречия «подолгу» с глаголом совершенного вида ничем не оправдано (стих.: «Рад я дождю...).

Вряд ли Фет против воли, лишь под напором редактора, дал вариант

Что ж? Рухнула с разбега колесница

вместо первого чтения

Что ж? Рухнула со треском колесница

с его неуместным, очевидно для размера поставленным «со» («О не зови!..»).

Вряд ли можно найти художественное оправдание употреблению местного «рухаться» в переводе сонета Кернера «Москва:

Ломитесь, башни, рухайтесь, палаты!

(в изд. 1856 г. и последующих — «рушьтеся палаты!»).

Есть случаи, когда сплошным стихам второго издания соответствуют стихи с точками или одни точки вместо стихов в первом. Эти пропуски — вероятно результат цензурного вмешательства, но заполнить их сейчас мы не можем, и странно было бы предпочесть их законченным фетовским строфам в издании 1856 г.

Но все это еще, может быть, случаи, не имеющие серьезного принципиального значения. Перейдем к более существенным.

В стихотворении «К красавцу» в издании 1850 г. есть два стиха:

Не для тебя ль они [девы], с улыбкою Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?

В издании же 1856 г. они читаются:

Не для тебя ль они, при факеле Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?

Смысл замены ясен. Первая редакция двумысленна. «С улыбкою Авроры» — легче понять — «улыбаясь, как Аврора», чем «когда улыбается Аврора». Пометки при этих стихах в остроуховском экземпляре нет.

Гораздо более резкое изменение в стихотворении «Когда мечтательно я предан тишине...» Вместо стихов

И долго слушаю, как ты молчишь, и мне
Ты руку подаешь, сказавши: до свиданья!

в издании 1856 г.:

...и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья,

что как будто и более соответствует предыдущим стихам:

Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи

и во всяком случае резко деформирует все стихотворение, при чем пометок Тургенева при этом стихе опять-таки нет.

Не в том, впрочем, суть — есть ли эти пометки. Иногда никак не мотивированная пометка «перем.» наталкивала Фета на новую разработку темы, на углубление мысли, и формальный путь отбрасывания всех вариантов, соответствующих пометкам Тургенева, может привести нередко к снижению художественных качеств фетовского текста. Я не вижу, например, оснований, по которым, скажем, строфе:

Придет пора — и скоро, может быть, —
Опять земля взалкает обновиться,
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить —
(«Еще весна, — как будто неземной...»)

строфе вполне фетовской по синтаксису и лексике — мы должны были бы предпочесть раннее чтение:

А будет время: снова искупить
Весна природу будет торопиться,
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить.

Подготовляя издание 1856 г., Тургенев не только отобрал и исправил стихи из сборника 1850 г., но пересмотрел и стихотворения, накопившиеся с тех пор и напечатанные в разных журналах. Журнальные редакции стихов 1850—1855 гг. часто отличаются от редакций издания 1856 г., и несомненно, что если не все поправки, то бо́льшая часть их должна быть отнесена на счет Тургенева. Так же обстоит дело при расхождении журнальных текстов 1856—1863 гг. с текстами издания 1863 г., а иногда и I выпуска «Вечерних огней». Документальные же данные о вмешательстве Тургенева сохранились лишь в виде исключения в несколь-

ких случаях. Если при расхождениях издания 1850 г. с изданием 1856 г. считать основным текст первого, то и при расхождении журнальных редакций с изданием 1856 или 1863 г. надо отдавать предпочтение журнальным редакциям и, скажем, вместо строфы:

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой,—
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой

печатать:

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем, не ведая еще,
И в первый раз благоухает
Ее блестящее плечо,—

при чем может быть изменение сделано и не по совету Тургенева, а, скажем, под впечатлением неблагоприятного отзыва о двух последних стихах в рецензии Е. Н. Эдельсона (стих. «Первый ландыш»).

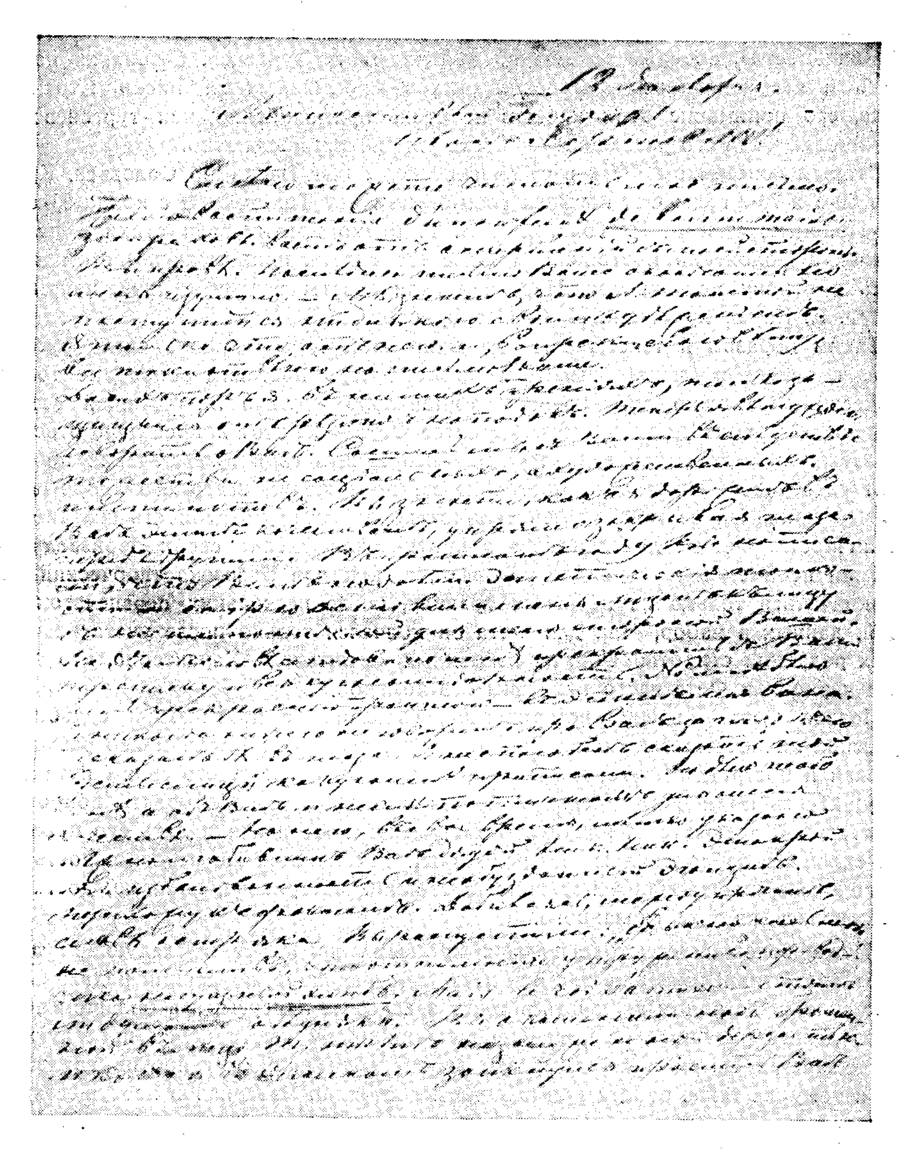
Но проблема окажется еще более сложной, если мы учтем, что с 1855 г. Фет, как правило, посылал свои стихи Тургеневу в рукописи, а в журналы отдавал их, уже переделав по его указаниям. Таким образом следы тургеневской правки надо искать уже сличая не журнальный текст с книжным, но рукописный — когда он есть — с журнальным. Кроме случайных листков единственные рукописные источники, дошедшие до нас, это две тетради, в которые Фет в период 1864—1885 гг. вписывал свои стихи, нередко тут же их перерабатывая. Получая указания от Тургенева, он зачеркивал забракованное чтение и надписывал новое. Таким образом, поставив себе целью при отсутствии документальных данных «освободить Фета от тургеневской записи», надо было бы печатать стихотворения Фета по зачеркнутым вариантам, рискуя давать в качестве основных чтений чтения просто недоработанные.

Однако тот, кто поставит себе целью освободить наследие Фета только от тургеневской правки, будет непоследователен. Даже в пору гегемонии Тургенева Фету давали указания — очень решительные и конкретные — и другие лица, вкусу которых он доверял, и не только через Тургенева, а и непосредственно. Так в 1856 г., окончив поэму «Сон» и переписав ее в одну из упомянутых тетрадей, Фет переслал или оставил эту тетрадь А. В. Дружинину, который вернул ее, вписав свои указания. В одном месте он велел прибавить строфу, в другом убавить, в одной сцене дать больше страсти, в другой уловить и рельефнее передать особенности горячечного бреда и т. д. С поразительной покорностью и точностью Фет сделал все, что от него требовали и, посылая Дружинину поэму вновь в исправленном виде, просит, если тот «найдет снова что-нибудь невозможное», отметить на полях и переслать ему. «Я его, т. е. Сон, снова переправлю по Вашему указанию. Но по крайнему моему пониманию теперь все в нем есть — и поэтическая правда, и ясность хода, и самый механизм стиха. А впрочем, кто его знает»[10]. Дружинин удовлетворился второй редакцией. При этом поэма посылалась Дружинину не как редактору журнала, так как о печатании Фет уже договорился с Краевским, а именно как ценителю поэзии. В 1854 г. Фет просит указаний Некрасова (письмо от 27 июня 1854 г. — «Архив с. Карабихи», стр. 215) и т. д.

Ко времени разрыва дружеских отношений с Тургеневым Фет нашел ему заместителя. С конца 70-х годов и до его смерти его «главным редактором» был Н. Н. Страхов. На этого редактора Фет никогда не жаловался, поправок его не звал увечьями, но и Страхов был крайне «строг» и придирчив и постоянно настаивал на изменениях. «Я с величайшей благодарностью припоминаю,— писал Фет К. Р. в 1886 г., — что муза моя, во все время 50-летней деятельности никогда не оставалась без сторонних, добрых, но нередко беспощадно придирчивых пестунов; даже в настоящее время я не решаюсь ничего печатать без одобрения

Вл. С. Соловьева и Ник. Ник. Страхова. Последний особенно строг и не пропускает мне ни малейшего изъяна» (письмо от 27 дек. 1886 г. ИРЛИ).

Обычно каждое новое стихотворение посылалось Страхову по почте, и он давал письменные указания, как его исправить. В следующем письме Фет посылал новые варианты или защищал старые и т. д. К сожалению, из писем Фета к Стра-



ПИСЬМО А. А. ФЕТА К И. С. ТУРГЕНЕВУ ОТ 12 ЯНВАРЯ 1875 г.
Институт Русской Литературы, Ленинград

хову до нас дошли только самые ранние, так что восстанавливать работу Страхова приходится лишь по его письмам к Фету. Когда же стихотворений накоплялось достаточно для очередного выпуска «Вечерних огней», Страхов вновь просматривал их и требовал новых переделок. Это обычно происходило летом, в имении Фета, тут же просматривались новые стихотворения, и документальных данных о требованиях Страхова в этих случаях не оставалось.

Изменения, которых требовал Страхов, правда, всегда касались отдельных слов и выражений, к авторскому замыслу он относился гораздо бережнее, чем Тургенев, но в отличие от Тургенева он постоянно сам предлагал Фету варианты взамен отвергнутых, а в одном случае даже сохранился листок, на котором Страхов написал стихотворение Фета («На 50-летие моей музы») в том виде, в каком хотел бы его видеть, и почти все его поправки были Фетом приняты.

При этом в основе указаний Страхова лежали те же требования «ясности» и «правильности», которые раньше предъявлял Фету Тургенев. Сетования на неясность и неправильность фетовских стихов — обычная тема писем Страхова. Правда, его понимание этих качеств не столь прямолинейно, как тургеневское, а подчинение Фета его указаниям — далеко уже не так абсолютно.

Вторым советчиком Фета в старческие годы был Владимир Соловьев. Кроме того в 60-е и 70-е годы Фет посылал свои стихи Льву Толстому, а с конца 80-х годов — Полонскому и К. Р. Толстой и К. Р. редко критиковали стихи и давали указания, а Полонский постоянно. Многие его советы принимались Фетом и ложились в основу переработок. Иногда давали советы и другие лица, например, проф. Ф. Е. Корш, художник И. С. Остроухов.

Таким образом в тексты Фета вложило свой труд большое число русских критиков, поэтов и беллетристов, и если мы теперь поставим вопрос не только технически — возможно ли, — но и принципиально — нужно ли — счищая все их «наслоения», стремиться дать «первобытного» Фета,— на этот вопрос надо ответить отрицательно. Поэтическая судьба Фета — исправлять свои произведения по указаниям «пестунов» — настолько постоянна на протяжении всего его творческого пути, что причиной ее может быть только своеобразная потребность его творческой личности. Фет не доверял себе в критической оценке своих произведений, ему были необходимы сторонние указания, и, как для Бальзака творческий акт мог окончиться только на печатных гранках, после нескольких перепечаток редакций, данных в набор,—так для Фета он кончался только после учета реакции первых редакций стихотворений на избранных «ценителей». Характерно, что заведомые черновики Фета часто написаны без помарок.

Поэзия Фета — явление историческое, связанное с поэтической судьбой и творческой личностью слишком тесно для того, чтобы мы имели право развязать эти связи и построить другого Фета — непреклонного и идущего своим путем, не прислушиваясь ни к чьим мнениям. Нельзя совершенно оторвать вопрос об окончательной редакции от вопроса о творческой воле поэта и дать его произведения сплошь в забракованных им редакциях. Техническая же невозможность подобного эксперимента при теперешнем состоянии материалов, полагаю, достаточно выяснилась из уже сказанного.

Итак, основная текстологическая проблема предстает в следующем виде: печатать все стихи, имеющие две или несколько редакций, по ранним редакциям — значит сплошь да рядом включать в текст заведомые ляпсусы, а в большом числе случаев давать редакции, не имеющие никаких преимуществ перед последующими, созданными самим же Фетом; это значит итти напролом против авторской воли; к тому же такая работа при наличном состоянии материалов неосуществима. Печатать же все стихи по поздним редакциям—значит дать в ряде случаев заведомо разрушенные, испорченные и самим автором осужденные тексты.

Очевидно единственный возможный путь — третий: положив в основу принцип последнего прижизненного текста, отступать от этого принципа в тех случаях, когда последние редакции либо заведомо не принадлежат Фету (как редакции с исключенными Тургеневым строфами), либо, хотя и даны самим Фетом, но заведомо разрушают композицию, тематику, фонетический, ритмический, лексический или семантический строй стихотворения.

Нечего говорить о том, насколько из-за неточности признаков индивидуальной поэтической системы опасен такой путь; тем не менее вряд ли возможен иной

путь для редактора, который поставит себе целью дать наконец читателю полноценные фетовские тексты, потому что в данном случае — более чем в обычных — очевидно, что эту полноценность может обеспечить только критический анализ текстов, а не механическое применение текстологических правил — будь то правило «печатать все по первому тексту» или «печатать все по последнему тексту».

Разумеется, при таком решении встает целый ряд новых вопросов: пользоваться ли возможностью возвращения к ранним текстам только при наличии прямых документальных данных о вмешательстве редакторов — наподобие пометок остроуховского экземпляра — или распространить эту возможность на случаи аналогичных изменений; возвращаться ли к ранним текстам только при разночтениях с изданием 1856 г., учитывая, что здесь исправления сделаны в особом порядке массовой переделки давно написанных стихотворений, или распространить этот принцип шире; считаться ли с ранними редакциями только уже напечатанными или и с оставшимися в автографах — и в каких пределах и т. д. Все это уже конкретные вопросы, которые должны решаться будущими редакторами Фета, я ограничусь здесь общим решением основной текстологической проблемы.

IV

Фету не удалось издать при жизни собрания, в котором были бы объединены и молодые и старческие его стихи. Но, несмотря на то, что издание Солдатенкова не было распродано и «Вечерние огни» повидимому расходились плохо, за несколько месяцев до смерти Фет, как уже сказано, занялся подготовкой такого собрания своих стихотворений. Составленный им список лег в основу посмертного собрания, изданного в 1894 г. его вдовой под редакцией Н. Н. Страхова и К. Р. В это издание вошли — в новом распределении — стихотворения солдатенковского издания, «Вечерних огней», включая пятый, не увидевший света выпуск, и несколько стихотворений из издания 1850 г., не входивших в последующие издания. Тексты перепечатаны из прежних изданий со значительными изменениями в пунктуации, которая для прижизненного редактора Фета Страхова явилась способом посмертного сглаживания «шероховатостей» Фета.

Однако 9 стихотворений в этом издании имеют разночтения по сравнению с предыдущими — и частью весьма значительные.

Это особенно существенно, если учесть, что редакторам этого издания были предоставлены книги с пометками, которые Фет делал, подготовляя новое издание.

10 января 1893 г. вдова Фета писала К. Р.: «Покойный муж мой думал издать полное собрание своих стихотворений, нынешним летом занимался разбором старых своих изданий, делал поправки, кое-что зачеркивал, и таким образом весь материал к этому изданию готов. Если вашему высочеству угодно будет, то я передала бы все это по указанию вашего высочества» (ИРЛИ). Эти материалы были переданы К. Р. До нас они не дошли[11]. Это заставляет с особенным вниманием отнестись к разночтениям издания 1894 г. Однако, автентичность их подозрительна. Возьмем примеры.

Стихотворение «Офелия гибла и пела» напечатано в 1846 г. в журнале и в издании 1850 г. в следующем виде:

Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.

И многое с песнями канет
Мне в душу на темное дно,

И много мне чувства и песен,
И слез, и мечтаний дано.

В следующих изданиях стихотворение не перепечатывалось; включенное в составленный Фетом список, вновь напечатано в посмертном издании, но здесь оно напечатано в составе трех строф, — между первой и второй прижизненного текста появилась следующая:

Ах, много по жизни мелькнуло
Дней светлых, безумной тоски,
И счастье давно потонуло,
Лишь песни плывут да венки.

Рукописи фетовских произведений 40-х годов не сохранились, стихотворение не перепечатывалось сорок с лишним лет: откуда могла бы взяться новая строфа, как не с полей того экземпляра, над которым Фет работал, подготовляя собрание своих стихотворений?

И однако возникает сильное подозрение: эта написанная на полях строфа не должна ли была не предварить, а з а м е н и т ь первоначальную вторую строфу? В этой строфе уходящее в прошлое сравнивается с потонувшей Офелией, а новая строфа проводит то же сравнение, развивая его заново, так что, когда одна строфа поставлена после другой, получается повторение со странными невязками (уходящее или ушедшее сперва «п о т о н у л о», потом «к а н е т на дно»; песни то плывут, то тонут).

Автентичность некоторых вариантов этого издания как будто удостоверяют и косвенные свидетельства. Так первые две строки стихотворения «Венеция ночью», читающиеся в предыдущих изданиях:

Всплески волн сверкают ярко,
Ударяясь о гранит

в издании 1894 г. читаются:

Лунный свет сверкает ярко,
Осыпая мрамор плит.

Ю. А. Никольский в статье «Признания Фета» сообщает, что стихи изменены по настоянию И. С. Остроухова, «так как Остроухов, отлично терпевший в живописи венецианские костюмы на библейских персонажах, потребовал вдруг реализма и говорил, что вся Венеция в стихотворении испорчена гранитом, которого там не бывает» («Русская Мысль» 1922 г., кн. 7, стр. 306).

Однако редактор «Полного собрания стихотворений» Фета Б. В. Никольский, имевший в руках как будто те же материалы, что Страхов и К. Р., печатает эти стихи так:

Всплески вод сверкают ярко,
Орошая мрамор плит.

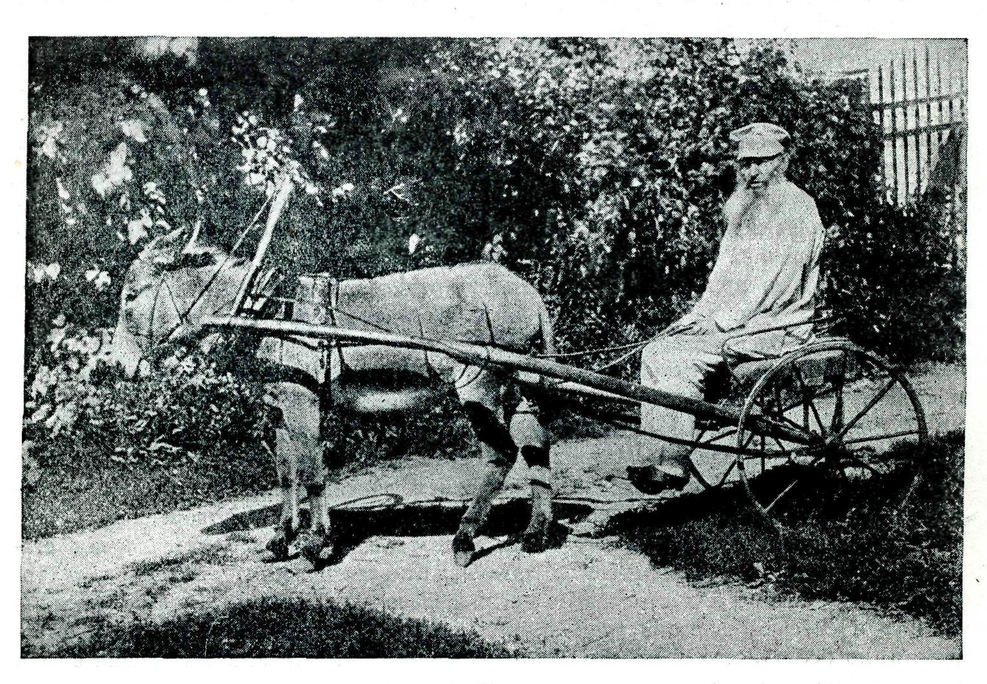
Окончательный текст остается неясным.

Еще более загадочная история произошла со стихотворением «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок». Текст его совершенно идентичен в рукописи, журнале и III выпуске «Вечерних огней».

Через несколько дней после смерти Фета в «Московских Ведомостях» появляется новый текст, сильно отличающийся от прижизненного. Он напечатан в статье Ю. Николаева (Ю. Н. Говорухи-Отрока) «Поэзия Фета»[12]. В примечании автор статьи указывает, что новый текст — это последняя редакция стихотворения, сообщенная ему Фетом незадолго до смерти. Через полгода Говоруха-Отрок помещает ту же статью — в несколько измененном виде и под другим псевдони-

мом — в «Русском Вестнике»[13]. Снова приводится то же стихотворение, но уже в новой редакции, столь же отличной от текста первой публикации, как и от прижизненного текста. Никаких объяснений не дано.

Эта-то вторая публикация Говорухи-Отрока и повторена в издании 1894 г., но с двумя отступлениями; один стих дан в чтении прижизненного издания, а другой в совершенно новом. Наконец, в трех изданиях «Полного собрания стихотворений» из четырех разночтений издания 1894 г. с «Вечерними огнями» оставлено два, а в двух других случаях текст совпадает с прижизненным. Таким образом, мы имеем четыре посмертные редакции этого стихотворения. Все они, очевидно, должны быть признаны одинаково мало достоверными.



А. А. ФЕТ В СВОЕМ ИМЕНИИ
Фотография 1880-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

Но есть в издании 1894 г. и такие варианты, которые делают просто невозможным предположение об авторской правке. Так в стихотворении «Вчера расстались мы с тобой...» сказано о волнах:

Росли и небу и земле
Каким-то бешеным упреком.

(Текст автографа, журнала и I вып. «Веч. огней»).

А в издании 1894 г.:

Росли и к небу и к земле.
Каким-то бешеным упреком.

Повидимому, здесь редактор, не поняв инверсии («росли упреком небу и земле»), принял «небу» и «земле» за указания направления (по типу «долу» и «горé») и вставил для правильности «к», не сообразив, что волна может расти вверх, но никак не вниз.

За утратой экземпляров, правленных Фетом, вопрос о вариантах посмертного издания не может быть разрешен бесспорно; во всяком случае в отношении к этим вариантам уместен максимальный скептицизм.

V

Посмертное издание 1894 г. показывает, насколько трудна проблема композиции собрания стихотворений Фета. Но чтобы стало ясно, в чем здесь трудности и какие возможны пути разрешения проблемы, рассмотрим сперва, как распределен материал в прижизненных изданиях Фета.

«Лирический пантеон» разделен лишь на «Сочинения» и «Переводы», а «Сочинения» — на «Баллады» и «Лирические стихотворения». Но стихотворения следующего сборника — 1850 г.— подверглись весьма прихотливой и своеобразной циклизации. На ряду с выделением некоторых жанров (традиционных — «Баллады», «Элегии», «Антологические стихотворения» и новых — «Мелодии») и строфических форм («Сонеты»), здесь есть отделы, созданные по тематическим признакам («Снега», «Гадания», «Вечера и ночи»), связанные повидимому единством реального адресата («К Офелии»), выделенные по признаку источника («Из Гейне»), наконец не вошедшие ни в один цикл и объединенные под названием «Разных стихотворений» (самый большой отдел).

Несмотря на причудливость этого распределения, схема его легла в основу композиции следующих собраний. Правда, Тургенева в редактированном им издании 1856 г. проблема распределения новых стихотворений, повидимому, интересовала всего менее. Он присоединил одно стихотворение к «Вечерам и ночам», 2 — к «Элегиям», 4 — к «Антологическим стихотворениям», а все остальные новые стихи (41) включил в «Разные стихотворения», хотя некоторые из них печатались в журналах под заглавием «Мелодия». Но во всяком случае старые стихотворения остались в прежних отделах (за исключением ликвидированных отделов — «Сонеты» и «Из Гейне», остатки которых попали в «Разные стихотворения»).

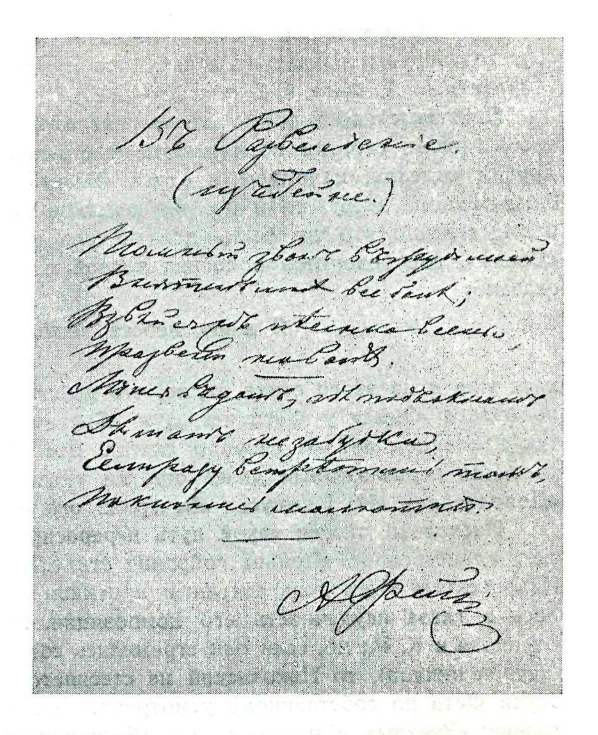
Следующее издание — 1863 г.— Фет подготовил сам и к распределению стихов, накопившихся с предыдущего издания, отнесся более тщательно, чем Тургенев. Он пополнил ряд отделов, выделил переводы, создал два новых отдела — «Море» и «Весна», включив туда и часть прежних стихов из «Разных стихотворений», но более всего опять-таки пополнил последний отдел, включающий в этом издании больше трети оригинальных стихотворений.

Стихотворения I выпуска «Вечерних огней» Фет распределяет по тем же основным отделам: «Море», «Снега», «Весна», «Мелодии», «Разные стихотворения». «Элегии» превратились в «Элегии и думы». Кроме того создан новый отдел «Послания» и, как и в предыдущем собрании, выделены переводы.

Дальнейшие выпуски «Вечерних огней» ни на какие отделы не делятся, так как включают слишком мало стихотворений; но эти стихотворения не расположены в них ни в хронологическом, ни в каком-либо другом определимом порядке.

В основу посмертного издания 1894 г. лег план, составленный в 1892 г. самим Фетом, но в сильно измененном редакторами виде. «План этого издания,— писал в предисловии Страхов,— составлен был самим поэтом в мае 1892 г. в Воробьевке, т. е. им уже был изготовлен список всех стихотворений, которые он намерен был напечатать в виде отдельной книги». Этот план или оглавление вдова Фета вместе с другими материалами передала К. Р. 21 февраля 1893 г. К. Р. писал ей: «Пересматривая данное мне вами, писанное рукою Екатерины Владимировны оглавление, я напал на следующие пять стихотворений, помеченных неизданными и ненапечатанными: «Бедный мальчик», «Как вешний день», «Сердце желанием», «Алмаз» и «Теснее и ближе». В оставленных вами у меня двух тетрадях неизданных стихотворений упомянутых пяти пьес нет» (ИРЛИ). В собранном Н. Н. Черногубовым и хранящемся во Всесоюзной Библиотеке им. В. И. Ленина архиве фетовских

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ А. А. ФЕТА «ТОМНЫЙ ЗВОН В ГРУДИ МОЕЙ»
Исторический Музей, Москва



материалов имеются два подобных оглавления. Одно писано рукой Вл. Соловьева, другое рукой Ек. Вл. Федоровой, секретарши Фета. Оба списка составлены в 1892 г., но по вошедшим стихам видно, что соловьевский более ранний.

В соловьевском списке стихотворения разделены на отделы издания 1863 г., при чем «Элегии» названы, как в «Вечерних огнях», «Элегиями и думами», и прибавлен отдел, впервые выделенный там же: «Послания, посвящения и стихотворения на случай». Под каждой рубрикой идут сперва стихи из издания 1863 г. (в том порядке, как они помещены в сборнике), затем из I выпуска «Вечерних огней» и, наконец, стихи следующих выпусков «Вечерних огней», выделяемые в данный отдел. Кроме того в список включено 14 стихотворений из издания 1850 г., не перепечатанных в позднейших изданиях.

Во втором списке из отдела «Разных стихотворений» выделено еще два новых отдела — «Лето» и «Осень» — очевидно в дополнение к «Весне» и «Снегам». На этом втором списке рукой К. Р. против пяти упомянутых в его письме стихотворений сделаны пометки: «у меня нет этого стихотворения». Им же и Страховым помечены на этом списке перемены в расположении, которые они нашли нужным сделать. Таким образом несомненна идентичность этого списка с тем «оглавлением», о котором говорит К. Р. в письме к М. П. Фет, и тем «планом», составленным самим поэтом, о котором говорит Страхов в предисловии к изданию 1894 г.

«Изданием настоящих двух частей,— писал Страхов в этом предисловии,— таким образом как бы исполняется завещание покойного. Его план сохранен в главных чертах и только разработан, удержано разделение стихотворений на отделы, столь любимое всеми поэтами; но уничтожен отдел «Разные стихотворения» и прибавлен новый — «Вечерние огни»,— заглавие столь памятное и дорогое всем почитателям; в этот отдел внесены и стихи «пятого выпуска», который также уже был приготовлен для издания самим поэтом. Вообще сколько можно было, удержана старая группировка; перемены в распределении сделаны лишь сообразно с ее значением. Затем в каждом отделе стихотворения

расположены в хронологическом порядке; если точной даты нельзя было найти, взят год первого появления в печати и поставлен в скобках («Лирические стихотворения» А. А. Фета, ч. I, стр. XV—XVI).

Действительно в этом издании нет отдела «Разные стихотворения»,—стихи, составлявшие его, по возможности и с немалыми натяжками распределены по другим отделам, например, в отдел «Весна» попали не только стихотворения, описывающие весну, но и все те, действие которых происходит весной, как бы несущественно это ни было для общего смысла стихотворения, и такие, как «Сосны», где говорится о соснах весной и о с е н ь ю, или как «Больной», где сказано:

Я знаю, небеса весны меня излечут,—

хотя уже и из этого стиха видно, что действие стихотворения относится к зиме; но отдела «Зима» у Фета нет, а к «Снегам» причислить стихотворение нельзя, так как в нем нет ни слова о снегах. Все же редакторам пришлось сохранить очевидно неразложимые далее остатки «Разных стихотворений» под названиями «Дополнение», «Из I выпуска «Вечерних огней», «из II выпуска...» и т. д.

Насколько опасен такой путь перераспределения авторских циклов показывает единственное «Полное собрание стихотворений» Фета под редакцией Б. В. Никольского. Всем рецензентам и критикам этого издания прежде всего бросалась в глаза неудачность его композиции. Никольский пошел дальше по пути Страхова и К. Р.; но, если они стремились сохранить и циклы Фета, и хронологию (внутри циклов), то Никольский не стесняется ни тем, ни другим. Перетасовывая стихи Фета по собственному усмотрению, он создает новые циклы, давая им заглавия: «Звезды», «Грезы», «Сны», «Бессонница», «Сердце» и т. д. При этом разрываются даже такие стихотворения, которые стоят у Фета с особой нумерацией под общим заглавием или эпиграфом,—например, 4 «Romanzero» или стихотворения «Измучен жизнью, коварством надежды...» и «В тиши и мраке таинственной ночи...» Два последних стихотворения стоят под цифрами 1 и 2 под общим эпиграфом из Шопенгауэра, написаны одним и тем же — очень редким — размером, один стих первого стихотворения повторяется во втором и т. д.; тем не менее Б. Никольский, сочтя, что одно стихотворение философское, а другое любовное, разнес их по разным отделам, оставив эпиграф при первом.

Отделы разбиты на подотделы. Так отдел философских стихотворений, которому Никольский придал заглавие «Вечерние огни», разделен на 11 подотделов: в первом дано «сопоставление духа и мира в проявлениях их стихийной жизни», во втором — «решение поэтом высшей нравственной задачи земного существования», третий отдел «характеризует героические идеалы Фета», четвертый «обрисовывает идеальный взгляд поэта на его призвание как художника», в пятом «собраны основные стихотворения, раскрывающие мировое значение творчества и вдохновения», шестой «посвящен роли поэта уже не в мире, а в человечестве» и т. д. (I, стр. XV). Стремясь этим распределением «прежде всего раскрывать все беспредельное глубокомыслие» Фета, Никольский широко прибегает к символическому толкованию. Так в отдел, «характеризующий героические идеалы», попадают стихотворения «Горная высь», «Вольный сокол» и т. п.

Словом, Никольский отнесся к своей редакторской работе как к «встрече мыслителя с Фетом на высотах прозрения» (I, стр. XIII).

Издание метко характеризовал В. Брюсов в письме к П. Перцову:

«Еще убил Маркс Фета... через благосклонное участие... Никольского, обратившего собрание сочинений Фета в собственную статью: рубрики над отделами— это текст статьи Никольского, а стихи Фета — его цитаты».

Чтобы дать достаточное представление о композиции этого издания, добавлю еще, что стихотворения, посвященные «высочайшим особам», независимо от их содержания, объединены в особый отдел, названный «Оды»; стихотворения, в ко-

торых Никольский не обнаружил глубокомыслия, составили отдел «Шутки», хотя ни в одном из стихотворений этого отдела нет ничего шутливого; наконец 80 стихотворений, которые редактор счел слабыми, объединены в особый отдел «Приложения» и расположены в нем в порядке алфавита начальных стихов.

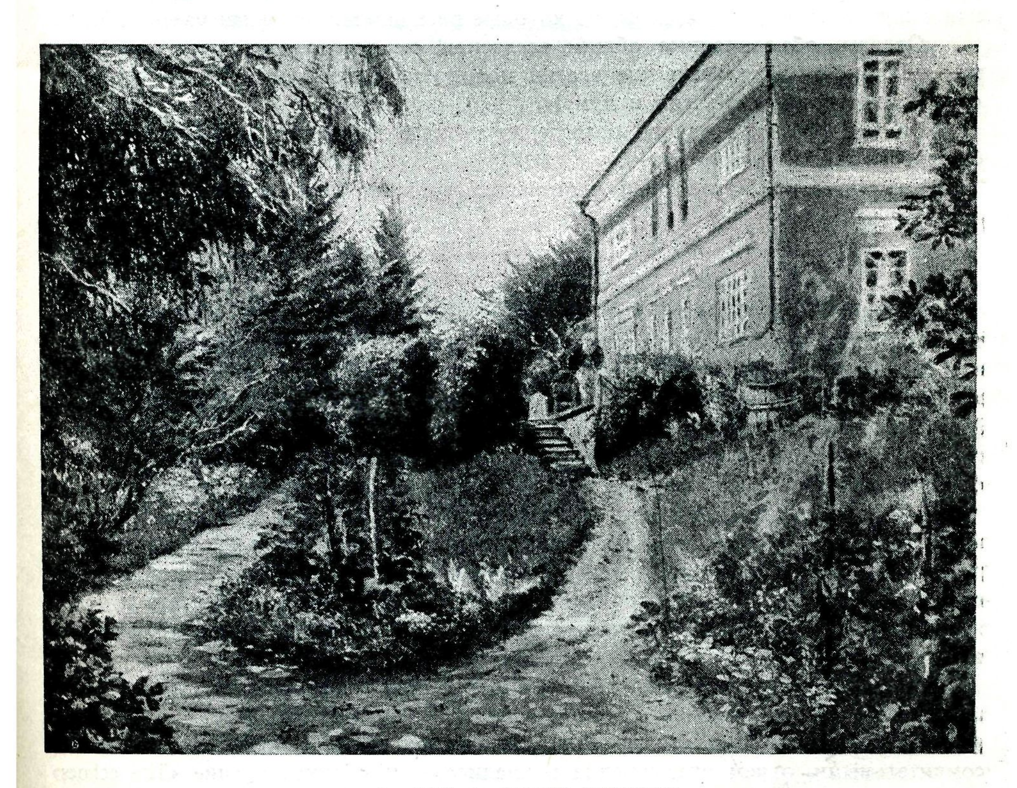
Не приходится в настоящее время доказывать, что самовольное распределение стихотворений редактором по придуманным им или даже по данным автором циклам — путь совершенно ненаучный. Но надо сказать, что обычные пути компонирования собрания стихотворений находят серьезнейшие препятствия в способе распределения Фетом своих стихов и характере прижизненных изданий.

В самом деле.

Расположение стихотворений в хронологическом порядке могло бы наглядно выявить эволюцию творчества поэта, выпустившего свой первый сборник одновременно с Лермонтовым, а последний — одновременно с первым сборником Бальмонта. Но для самого Фета хронология его стихов никогда не была композиционным принципом — в своих сборниках он ставит рядом стихотворения, разделенные двадцатилетиями; такая композиция совершенно разрушила бы ц и к л ы, проходящие, как сказано, через основные сборники Фета,—а главное, хронология значительной части стихотворений Фета неизвестна или спорна [14].

Не менее серьезные препятствия встречает и все чаще теперь применяемый способ печатания собрания сочинений в виде свода сборников, выпущенных поэтом, в порядке их выхода в свет.

Фет не принадлежал к числу тех поэтов, для которых сборник — органическое целое, своеобразная художественная форма. Издание сборника не знаменовало у него завершения известного творческого периода, а бывало обычно вы-



А. А. ФЕТ В СВОЕМ ИМЕНИИ

Картина Я. П. Полонского, масло

Институт Русской Литературы, Ленинград

звано лишь накоплением достаточного числа стихов или распродажей предыдущего собрания.

«Вечерние огни» можно было бы печатать сборниками, но первый из них — это «собрание неизданных стихотворений», писавшихся на протяжении 25 лет, хронологически заходящее за предыдущее собрание, а дальнейшие выпуски в отношении композиции совершенно хаотичны. Центральные же собрания стихов Фета 1850, 1856 и 1863 гг., относящиеся друг к другу как переиздания со включением новых стихов и исключением ряда старых, напечатать подряд невозможно; можно было бы только перепечатать сборник 1850 г., а затем дополнения из изданий 1856 и 1863 гг. Но печатать эти дополнения, деля каждое из них опять на «Элегии», «Вечера и ночи», «Антологические стихотворения» по 2—3 в каждом, невозможно, печатать же дополнения, не сохраняя их композиционных членений — значило бы свести на нет самый принцип.

Наконец принятие в основу издания списка, составленного Фетом в 1892 г., имеет следующие преимущества:

«Основной корпус» стихотворений Фета будет отграничен от всего, что автор считал ненужным включать в собрание.

Материал, входящий в этот корпус, будет распределен согласно авторской воле.

Он будет распределен по циклам, которые несомненно являлись опорным пунктом композиции всех изданий Фета при совершенной аморфности сборников.

Но и этот способ имеет серьезные минусы:

Стихотворения, не включенные в список Фета, должны быть распределены по какому-то иному принципу; между тем часть их входила в издании 1850 г. или в журналах в те же отделы, на которые распадается основная часть собрания.

Отделы, объединенные общим заглавием, не всегда внутренно однородны: как не похожи антологические элегии молодости Фета на старческие философские стихотворения «Элегий и дум»!

Список 1892 г., соединяя оглавления нескольких изданий, повторяет их небрежности, не исправляя их.

Так что и проблема композиции стихотворений Фета не дает возможности легкого решения.

VI

Издание Б. В. Никольского может выдержать критику только со стороны полноты собрания. За малыми исключениями все, что было напечатано в журналах и собраниях, было им извлечено; использованы все доступные автографы не только из бумаг Фета, но и хранившиеся у адресатов Фета и их наследников и т. п. Местонахождение многих из этих автографов в настоящее время неизвестно; главное же, что пропали тетради Фета 1886—1892 гг. (о чем дальше), и таким образом для довольно большого числа стихотворений, впервые напечатанных Никольским, его издание осталось единственным источником, что, в виду крайне низких текстологических качеств этого издания, весьма печально. С другой стороны, так как никаких примечаний в издании нет, некоторые стихотворения на случай, экспромты, отрывки, опубликованные Никольским без адресата и реального комментария, предстают читателю и исследователю неразрешимыми загадками.

Собрание полно, конечно, только в отношении оригинальных стихотворений, из переводных включены те, которые не были изданы отдельно[15].

Из помещенных в его издании стихотворений Б. Никольский два считал сомнительными, о чем предупредил в предисловии: «Стихотворение «The echoes» едва ли написано Фетом даже в самую раннюю пору его деятельности. Сомнительным кажется по некоторым причинам стихотворение «Какой горючий пламень». По каким причинам Б. Никольскому казалось сомнительным это стихо-

творение, он не сказал, но автограф стихотворения, принадлежавший Н. Н. Черногубову, хранится во Всесоюзной Библиотеке им. В. И. Ленина. Стихотворение «The echoes» было опубликовано К. Н. Льдовым по списку, полученному от близкого друга Фета — А. Л. Бржесской. Основания, по которым Никольский сомневался в его подлинности, неизвестны.

Зато по всей очевидности не принадлежит Фету безоговорочно помещенное Никольским из рук вон плохое стихотворение «Когда я умру, надо мной...» (Перевод стихотворения Мюссе «Lucie» — III, 336). Это стихотворение помещено в «Библиотеке для Чтения» 1865 г. (т. 184) с подписью Ф. Так Фет никогда не подписывался. До 1842 г. он подписывал свои стихи инициалами А. Ф., а с конца 1842 г. всегда — А. Фет. Все известные нам стихи Фета 1864 и 1865 гг. записаны им в сохранившейся тетради, но этого стихотворения там нет. Правда, Фет сотрудничал в «Библиотеке для Чтения» в 1865 г., но это еще не основание для признания его автором любого стихотворения, подписанного буквой Ф.

Тексты стихотворений, вошедших в издание 1894 г., Б. Никольский печатал по этому изданию,— иногда впрочем с расхождениями вроде приведенных выше. Чем они объясняются — обычно трудно сказать при отсутствии комментария; во всяком случае посмертные материалы, использованные Никольским, были уже в руках Страхова — редактора несравненно более тщательного, чем Никольский. О степени текстологической принципиальности Б. Никольского дает достаточное понятие то, что он два стихотворения (I, 446 и 448) напечатал по изданию 1850 г., восстановив откинутые во всех последующих изданиях строфы, но этим и ограничил пересмотр тургеневской традиции.

Тексты, не вошедшие в издание 1894 г., Б. Никольский печатал по прежним сборникам Фета, а не вошедшие в сборники — по журналам. Рукописи привлекались во всех случаях; но при этом редактор, предпочитавший обычно чтения печатного текста, иногда давал предпочтение тексту автографа — особенно, если в рукописи стихотворение озаглавлено, а в печатном тексте нет, — тут из рукописи часто переносится заглавие. Иногда произведение, имеющее заглавие, переименовывается по рукописи. Нельзя понять, почему, скажем, поэма, названная в печати «Сон», у Никольского названа по рукописи «Сон поручика Лосева»,— не потому ли, что название «Сон» дано им по рукописи же стихотворению «Снился берег мне скалистый...», не имеющему заглавия ни в одном печатном тексте, включая издание 1894 г.?

Искажений текста очень много; при этом издательская корректура в этом — внешне вообще безукоризненном — издании проведена прекрасно; так что погрешности его — не простые опечатки, а искажающие текст ошибки. Иногда расхождение с прежними текстами настолько велико, что, думается, не было ли у редактора другого текста; как не подумать этого, читая например вместо:

Ее слова
Так гибко
Шутить в речи
Готовы
И что ключи
Все новы

такой текст:

Ее слова
Так шибко
Звучать в речи
Готовы
И как ключи
Все новы (II, 175).

Но крайне маловероятно, чтобы для этого стихотворения (1842) у Никольского был неизвестный нам автограф. Явно никаких автографов не могло быть для «Лирического пантеона»; документально известно и то, что Фет не имел в виду никогда перерабатывать этот сборник для переиздания; но в стихотворениях, взятых из него, мы находим у Никольского такие варианты: «Где же ты, моя любовь?» вместо «Где ж ты, где, моя любовь?» (II, 606), «предо мной» вместо «надо мной» (II, 642), «румянцем» вместо «багрянцем» (II, 652), «побудь» вместо «пробудь» (III, 353). Не подлежит поэтому сомнению, что стихотворения списывались из журналов и сборников крайне небрежно и корректуры не сверялись с источниками.

Однако гораздо более этих ошибок поврежден фетовский текст сознательной работой редактора. Б. Никольский провел огромную работу по исправлению Фета. Фет, по мнению Никольского, часто вульгарно выражается. Чем иным объяснить переделку «нынче» на «ныне» (II, 574), «коли» на «коль и» (I, 293), «врозь» на «врознь» (несколько раз)? Иные слова кажутся ему вероятно, как когда-то Тургеневу «вычурными» и вместо «учуял» он ставит «почуял» (I, 489), вместо «дохновение»—«дуновение» (II, 119), вместо «расслушать»—«расслышать» (II, 152), вместо «ветье»—«ветвье» (II, 234).

Фет нетверд в гекзаметре; Никольский в стих

Саконтале к ногам и сказал:: «Видишь ли наша»—

вставляет «ей» после «сказал», а стих

Благоуханный елей, злато и каменья цветные

переделывает для правильности так:

Благоуханный елей, злато и́ каменья цветные

(II, 473—474; ударение на «и» поставлено Никольским).

Он вообще — противник вольных размеров и вместо

Оттого-то в разлуке с тобой
Слышу я беззвучную дрожь —

печатает:

Слышу я и беззвучную дрожь (II, 562).

Он — противник «декадентства»; поэтому вместо фетовского

Родной реки излучистый припев

он печатает:

Родной реки излучистой припев (II, 135)

а стих

Теплы были звезды очей

переделывает в

Светлы были звезды очей.

(II, 25 во II изд.; изд. в 1901 г. — правильно).

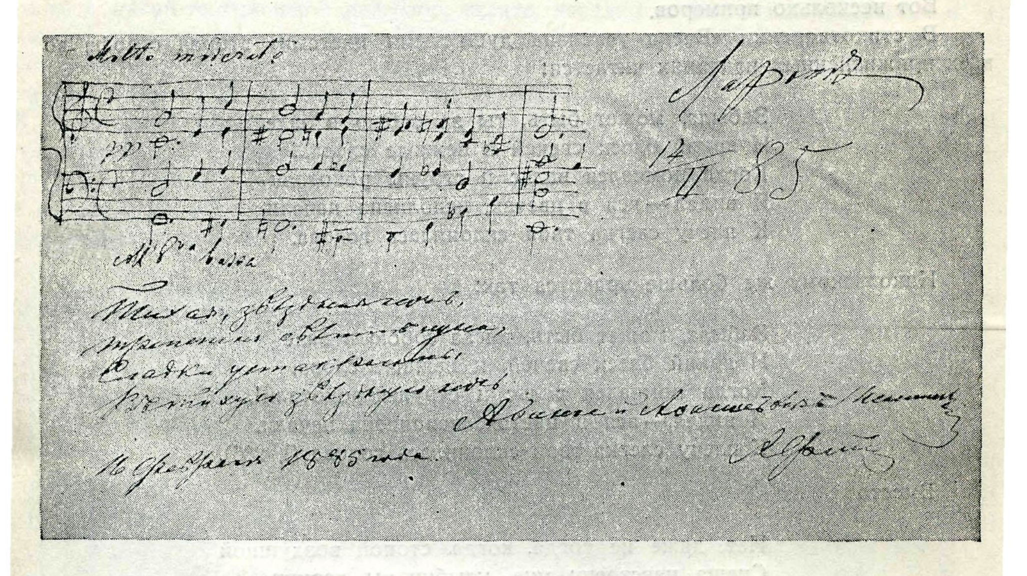
Но особенно строго Никольский отнесся к синтаксису Фета. В стихотворении «Когда у райских врат изгнанник...», напечатанном по автографу, он переставил стихи 9—10 и 11—12: вышло действительно гораздо глаже. Это впрочем единичный случай, но систематическое искажение фетовского синтаксиса и — поскольку это связано — фетовской семантики Никольский провел посредством пунктуации.

Пунктуирование стихотворений Фета — не простая задача. Корректур своих изданий (во всяком случае до «Вечерних огней») Фет не держал, знаки расставлялись редакторами и корректорами, но и там, где есть автографы, сохранять их пунктуацию нельзя. Фет был крайне скуп на знаки препинания; есть стихотво-

рения сложнейшей синтаксической конструкции почти без единого знака. Все же при сличении автографов с изданиями Страхова и Никольского ясно, что оба часто стремились не к прояснению синтаксических конструкций Фета, а к их переделке. Никольский — последний редактор Фета — так же, как и все предыдущие, *сокрушался о неясности Фета и старался посильно изменить его тексты* с помощью знаков препинания.

Страхов еще при жизни Фета нередко изменял его пунктуацию. Так стихи:

> Не жизни жаль с томительным дыханьем.
> Что жизнь и смерть.



АВТОГРАФ А. А. ФЕТА В КЛЕВЕРОВСКОМ АЛЬБОМЕ
Государственный Литературный музей, Москва

Страхов, отдавая стихотворение в журнал, переделал так:

> Не жизни жаль. С томительным дыханьем
> Что жизнь и смерть!?

и спрашивал Фета в письме: «*Посмотрите пунктуацию Ваших стихотворений: я ее делал—хорошо ли?*» Фет ответил: «Вашу интерпункцию «с болезненным дыханьем что жизнь и смерть» нахожу гениальной, а потому правильной» («Русское Обозрение» 1901 г., в. I, стр. 95). Тем не менее, в первом выпуске «Вечерних огней» стихотворение («А. Л. Бржесской») напечатано с прежней пунктуацией.

В качестве посмертного редактора, лишенный уже возможностей текстуальных изменений, Страхов старался улучшить текст, меняя синтаксические соотношения.

Фет пишет:

> Как солнце вешнее сияя,
> В лучах *недаром* ты взошел...

Страхову *кажется логичнее*:

> Как солнце вешнее сияя,
> В лучах, недаром ты взошел...

В двух автографах и всех печатных редакциях читаем:

Лия таинственные слезы
По рощам и лугам родным,
Про горе шепчутся березы
Лишь с ветром северным одним.

Страхов переносит запятую с конца второго стиха в конец первого.

Все же у Страхова такие синтаксические пределы сравнительно редки. Никольский же проводит их постоянно. По его собственным словам «для настоящего издания пришлось буквально почти все знаки препинания переменить, переместить и дополнить».

Вот несколько примеров.

В стихотворении «Вчера увенчана душистыми цветами» вторая строфа во всех прижизненных изданиях читается:

Забыла, может быть, ты за собою в зале
И яркий блеск свечей и нежные слова...
Когда помчался вальс и струны рокотали —
Я видел — вся в цветах, исполнена печали,
К плечу слегка твоя склонилась голова.

Никольскому же больше нравится так:

Забыла, может быть, ты за собою в зале
И яркий блеск свечей, и нежные слова,
Когда помчался вальс и струны рокотали!..
Я видел,— вся в цветах, исполнена печали,
К плечу слегка твоя склонилась голова (I, 286).

Вместо

Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной
Спеша навстречу мне, улыбку ты даришь

Никольский дает:

Спеша навстречу, мне улыбку ты даришь (I, 278).

Так ему казалось логичнее, а с цезурами он не считался. В стихотворении «За кормою струйки вьются» есть строфа:

Млечный путь глядится в воду —
Светлый праздник светлых лет!
Я веслом прибавил ходу
И луна бежит вослед.

Но Никольскому кажется логичнее, чтобы «и» в последнем стихе соединяло его не с третьим, а с первым. Этого он достигает такими манипуляциями:

Млечный путь глядится в воду —
Светлый праздник светлых лет!
(Я веслом прибавил ходу) —
И луна бежит вослед (II, 96).

Зачастую изменения в пунктуации показывают совершенное непонимание фетовских оборотов. Например вместо

И мне — мне кажется понятно,
Что шепчут куполу листы

появляется:

И мне,— мне, кажется, понятно,
Что шепчут куполу листы (I, 181).

Что говорить о своеобразных синтаксических ходах Фета, о его смелых неправильностях, об интонациях, часто неопределенных, скользящих из вопросительной в повествовательную,— все это прикручено к школьной грамматике скобками, тире, вопросительными и восклицательными знаками, многоточиями. Особенно много многоточий. Ими Никольский как бы извиняется за недостаток логической последовательности, за «бессвязность» Фета. У Фета в конце строфы почти всегда точка, но Никольский не может допустить, чтобы сочинительные или противительные союзы — **и, а, но** — начинали фразу, и вяжет все стихотворение в какой-то сплошной разговор, кстати, нередко со вступительными тире и кавычками; здесь, мол, говорит автор, а здесь ему отвечают сны и тени. Конечно, эти границы сплошь да рядом совершенно произвольны, так как художественный эффект расчитан на неясность, а не на имитацию диалога. Очень любит еще Б. Никольский двоеточия: одно положение вытекает из другого, стихотворение приобретает вид теоремы.

Нужно много примеров, чтобы показать, как разрушены интонации Фета в издании, по которому Фета 30 лет знают его читатели и ценители; ограничусь одним примером.

А. А. ФЕТ, Н. Н. СТРАХОВ и Я. П. ПОЛОНСКИЙ
Фотография 1880-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

У Фета:

Дождемся ль апреля
Лугов молодых,
Крылатого Леля
Ковров дорогих?

И светлого мая
Красы голубой,
Подруга живая,
Дождемся ль с тобой?

У Б. Никольского:

Дождемся ль апреля
Лугов молодых,
Крылатого Леля
Ковров дорогих

И светлого мая
Красы голубой?
Подруга живая,
Дождемся ль с тобой? (II, 581).

Издание Б. Никольского переиздавалось два раза: в 1910 г. — без всяких изменений — и в 1912 г. — в приложении к «Ниве».

Внешность последнего издания по сравнению с предыдущими гораздо скромнее, бумага хуже, печать компактнее, материал уложен в два тома, портрет дан один (в предыдущих изданиях четыре). По содержанию издание разнится от предыдущих отсутствием редакторского предисловия и хронологического указателя, отсутствием подотделов внутри отделов, добавлением стихотворений, найденных и опубликованных за десятилетие, и рядом новых опечаток. Как все приложения к «Ниве», это издание было выпущено огромным тиражем и до сих пор не сходит с прилавков магазинов «Старой книги».

После 1912 г. вышло только два изборника, не имеющих никакого текстологического значения.

VII

Нельзя сказать, чтобы за двадцать с лишком лет, прошедших со времени последнего издания, было опубликовано что-нибудь существенное из поэтического наследия Фета. Из новых лирических стихотворений можно считать опубликованными только два: «Когда опять по камням заиграет...», напечатанное в публикации Е. Покровской «Фет в переписке с И. П. Борисовым» («Литературная Мысль», сб. I. 1923 г., стр. 212) и «Дифирамб на Новый Год», напечатанный в книге Г. П. Блока «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета» (Л. 1924, стр. 65—66). Была еще попытка опубликовать стихотворение «Заревая вьюга...» — но попытка совершенно неудачная. Стихотворение это написано Фетом на полях остроуховского экземпляра взамен зачеркнутого Тургеневым «Ветер злой, ветр крутой в поле...» Но Тургенев не принял нового стихотворения, и оно осталось ненапечатанным. Его напечатал Ю. А. Никольский в упоминавшейся статье «Материалы по Фету» (стр. 258), но неверно прочтя в трудно читаемом карандашном наброске четыре слова, получил текст настолько странный, что публикацию его пришлось сопроводить рассуждением о том, что «для поэта звуки предшествуют мысли», что стихотворение зарождается из музыкальной мелодии, в которой смысл проступает пока только пятнами», между тем как на самом деле в стихотворении нет ничего непонятного. Вот его действительный текст [16]:

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ.

СОБРАНІЕ НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. ФЕТА.

МОСКВА. 1883.

ЭКЗЕМПЛЯР «ВЕЧЕРНИХ ОГНЕЙ» А. А. ФЕТА. С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ М. П. ШЕНШИНОЙ НА ОБОРОТЕ ФОРЗАЦА

Исторический Музей, Москва

Заревая вьюга
Все позамела,
А ревнивый месяц
Смотрит вдоль села.

Подойти к окошку —
Долго ль до беды?
А проснутся завтра —
Разберут следы.

В огород — собаки
Изорвут, гляди.
«Приходи сегодня» —
И нельзя нейти!

По плетню простенком
Проберусь как раз,—
Ни свекровь, ни месяц
Не увидят нас!

Остальные публикации стихотворений Фета — это отрывки, экспромты, стихотворные шутки и т. п. Вот список как опубликованного с 1912 г., так и более ранних публикаций, не использованных в издании 1912 г.:

«Летела птичка, пала в речку...» — детский стихотворный перевод Фета.— «Ранние годы моей жизни», стр. 17.

«Нет, сколько козней ты ни крой...» — строфа из сатирического стихотворения на мать М. П. Погодина — там же, стр. 125.

«Мы все рубаки средь колбас...» — два стиха, перевод с немецкого,— там же, стр. 248.

«В зверинец мой раскрыты двери...» — 12 строф из стихотворения «Полковой зверинец» — там же, стр. 295—296. С комментариями и портретами всех упоминаемых лиц перепечатано в книге А. Григоровича «История 13-го Драгунского Военного Ордена ген.-фельдмаршала гр. Миниха полка» Т. II. СПБ. 1912, стр. 156—157.

«Поднялася пыль степная...» — первая строфа кантаты в честь Николая I — «Ранние годы моей жизни», стр. 328.

«Не толкуй об обезьяне...» — эпиграмма из письма к П. И. Борисову. Напечатана без двух последних строк (по нецензурности) как эпиграф к статье Фета «Где первоначальный источник нашего нигилизма?» — «Сев. Цветы на 1902 г.», стр. 191.

«Свиданье наше предвкушая...» — четверостишие в письме к К. Ф. Ревелиоти. — А. Григорович. «Ист. 13-го Драг. полка», т. II, стр. 226.

«Оглянитесь вы на бога!..» — четверостишие в письме к П. Н. Каратееву. — Б. Садовской. «Ледоход. Статьи и заметки». П. 1916, стр. 99.

«Православья где примеры?..» — строфа из студенческого стихотворения Фета, цитируемая по памяти Полонским в письме к Фету.— «Ап. Ал. Григорьев. Материалы для биографии» под ред. Вл. Княжнина. П. 1817, стр. 339.

«Амур — начальник Гименея...» — стихотворное письмо — очевидно, П. Н. Каратееву.— «СОПО. Первый сборник стихов. РСФСР. IV год I века.» Стр. 30[17].

«Возвестил народу...» — шестистишие в письме к Полонскому.— Н. Колпакова. «Неизданный Фет» — «Поэтика. Сборник статей». I. Л, стр. 130.

«Ответ старого поэта на 37 году от роду...» — из альбома М. П. Боткиной.— Фет.— Там же, стр. 131.

«Тебя я пуще ждал всего...» (Ф. Е. Коршу) — в публикации Н. М. Мендельсона «Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету». — Сборник Публичной Библиотеки СССР им. Ленина.» М., 1928, стр. 47—48.

Отмечу еще публикации вариантов и ранних редакций стихотворений Фета, взятых из остроуховского экземпляра — в упоминавшихся выше статьях Ю. А. Никольского и Д. Д. Благого — и из тетрадей Фета: 1) в статье Б. А. Садовского «Рукописи А. А. Фета. (Важнейшие разночтения)» в его сборнике «Ледоход», стр. 84—94; 2) в упомянутой статье Н. П. Колпаковой «Неизданный Фет». Эти четыре статьи далеко не исчерпывают материала; и в остроуховском экземпляре, и в рукописях есть большое количество неопубликованных вариантов, проливающих свет на творческую историю известнейших стихотворений и иногда сильно меняющих их восприятие.

Указанным, сколько мне известно, исчерпываются новые публикации стихотворений Фета. В архивах есть еще неопубликованное, но почти все того же типа экспромтов и стихотворений на случай. Но это не значит, что кроме домашних мелочей все стихи Фета опубликованы. Повидимому, многое ненапечатанное утеряно, а может быть еще всплывет.

В предисловии к III выпуску «Вечерних огней» Фет сам говорит о «совершенной утрате тех стихотворений, которые в течение многих лет случайно ускользнули от рук его друзей». Таким высказываниям Фета не следует слепо верить, — но есть косвенные свидетельства. Так А. В. Дружинин писал Л. Н. Толстому 31 декабря 1859 г.: «Фет прелестен, но стоит на опасной дороге, скаредность его одолела, он уверяет всех, что умирает с голоду и должен писать для денег. Раз вбивши себе это в голову, он не слушает никаких увещаний, сбывает по темным редакциям самые бракованные из своих стихотворений, и есть надежда, что, наконец, «Трубадур» и «Рододендрон» будут напечатаны[18]. Ср. в воспоминаниях Б. Н. Чичерина: «Оба приятеля (Тургенев и Анненков) восторгались

недавно вышедшими стихотворениями Фета. Стихи читались вслух; отмечались их поэтические красоты, а иногда смеялись над прорывавшимися в них бессмыслицами. Тургенев знал наизусть два стихотворения, одно под заглавием «Мщение трубадура», а другое с повторяющимся в конце каждой строфы стихом: «Рододендрон, Рододендрон!» В обоих с первой строфы до последней не было ни малейшего смысла и ничего нельзя было понять» [19]. «Рододендрон» опубликован после смерти Фета и вошел в издание 1912 г., но стихотворение «Трубадур» или «Мщение трубадура» неизвестно.

В «Словаре членов общества любителей российской словесности при Московском университете» (М. 1911) указано, что Фет 16 января 1860 г. читал в этом обществе свое стихотворение «Весенняя песня», а 9 февраля 1864 г.— стихотворение «Дорога». Стихотворение «Дорога» неизвестно, а «Весенняя песня», читанная в 1860 г., по всей очевидности не та «Весенняя песня», которая напечатана в «Москвитянине» 1842 г. и забракована при составлении издания 1850 г.

Сведений же об утраченных стихотворных переводах Фета — целый ряд.

VIII

Б. В. Никольский очевидно проделал библиографическую работу, необходимую для его издания, но так как результаты ее, в виду отсутствия комментария в его издании, не опубликованы, а рукописные материалы не сохранились, то вопрос о библиографии стихотворений Фета остается открытым, и для разрешения его нужен просмотр всех периодических изданий, в которых Фет мог сотрудничать за пятьдесят с лишним лет своей литературной деятельности. Напротив, переводы Фета, кроме мелких, вошедших в издание Никольского, библиографированы в «Обзоре жизни и трудов русских писателей и писательниц» Д. Д. Языкова, вып. 12, стр. 215—226. (СПБ., 1912). Здесь не указан только один перевод, напечатанный в нотах:

«Р е к в и е м». На четыре голоса. Музыка В. А. Моцарта. Перевод А. Фета. М. Изд. П. Юргенсона. 1890, 79 стр.

В том же обзоре библиографирована проза Фета — художественная, критическая, публицистическая и мемуарная. Список не полон, но его дополняет библи-

КАРИКАТУРА Н. А. СТЕПАНОВА НА ФЕТА КАК ПЕРЕВОДЧИКА ГОРАЦИЯ
Из альбома «Знакомые» 1857 г.

ография «Проза Фета», составленная В. С. Федйна и помещенная в его книге «А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике», стр. 25—28. (П. 1915). В этот список почему-то не включено кое-что указанное Языковым, но вместе оба списка дают довольно полную библиографию. Ни в тот, ни в другой список не попали лишь две известных мне статьи:

«По поводу статуи г. Иванова». — Художественный сборник под ред. гр. А. С. Уварова, ч. I, стр. 75—92. М. 1866.

«Из деревни». — «Заря» 1871, кн. 6, стр. 3—86.

Переводческая деятельность Фета громадна. Он перевел стихами чуть ли не всех римских поэтов — Горация, Виргилия, Овидия, Катулла, Тибулла, Персия, Проперция, Марциала, Ювенала, перевел «Фауста» Гете, несколько драм Шекспира, основные философские сочинения Шопенгауэра и др. Переводы эти вряд ли нуждаются в переиздании иначе как в выборках в собрании стихотворений Фета. Иное дело художественная проза Фета — шесть разбросанных по журналам рассказов — и в особенности его мемуары, давно ставшие библиографической редкостью.

Мемуары эти («Мои воспоминания». 2 ч. М., 1892; «Ранние годы моей жизни». М., 1893) — на особом положении в истории русской литературы. Это материал исключительной важности, один из мемуарных источников наиболее часто цитируемых, в особенности исследователями Льва Толстого и Тургенева; в то же время — источник, требующий максимально критического отношения к себе.

Прежде всего Фет, писавший (вернее диктовавший) свои мемуары в возрасте уже весьма преклонном, плохо помнил последовательность событий (не говоря уже о датах) и часто переворачивал, контаминировал и искажал их.

Но помимо этого многое Фет исказил сознательно. В жизни его было много событий, которые он привык скрывать и замазывать, и центральные факты его личной жизни (происхождение, романы, женитьба, отношения с сестрами и братьями и т. п.) описаны какой-то тайнописью, соединенной с явными измышлениями.

Но и те события, в которых скрывать было нечего (как, скажем поступление в офицеры, отставка, переселение в деревню), описываются лишь внешне правильно; пружины же, двигавшие поступками, неизменно утаиваются. Это определило тон мемуаров: внешнее описание событий, создающее, с одной стороны, впечатление композиционной бесхребетности, с другой — впечатление недоумения от противоречия видимой целенаправленности всех решений и поступков Фета с неясностью направляющих целей.

Нельзя доверять и характеристикам людей в этих мемуарах. Биограф Фета пишет: «Говоря в своих мемуарах о Введенском, Фет спокойно во всех подробностях рассказывает ряд эпизодов, рисующих Иринарха Ивановича в весьма непривлекательном виде, но ни одним словом не упоминает о том, как кончились их отношения. У Фета это обычный прием. Если человек нанес ему обиду, он в своих воспоминаниях не пощадит его, но корня обиды не раскроет. Так говоря с осуждением о Щедрине, он умалчивает об иглах, направленных в него Щедриным в печати. Отзываясь неблагоприятно о своей племяннице О. В. Шеншиной (в замужестве Галаховой), он сохраняет в тайне ее намерение повести против него процесс и т. д.» (Г. Блок «Рождение поэта». Л. 1924, стр. 111).

Один из наиболее подробно описанных в мемуарах периодов жизни Фета — это время службы его в кирасирском полку Военного ордена. Но вот что пишет историк этого полка: «Воспоминания А. А. Фета (Шеншина), составленные через тридцать лет по оставлении поэтом полка, могли быть использованы лишь частично, в виду несомненных неточностей, выясненных документами» (А. Григорович. Упом. соч., стр. V); «С одним из лиц, задетых Фетом, составителю истории привелось беседовать и видеть слезы, вызванные незаслуженной обидой» (стр. 164) и т. п.

В своих мемуарах Фет опубликовал большое количество писем к нему — главным образом Тургенева, Толстого и В. Боткина. Фет напечатал далеко не все их письма; почему-либо неприятные для него он пропускал; но, как выяснило сличение с оригиналами, и в напечатанных письмах постоянны пропуски и прямые искажения [20].

Нередко описанные в мемуарах люди зашифрованы псевдонимами (примеры в цит. кн. Г. Блока, стр. 33) и т. д.

Все это создает для будущего редактора мемуаров Фета большие трудности в части комментария, который должен шаг за шагом следовать за текстом, вскрывая его ошибки, искажения и недомолвки.

Существенное значение для истории русской литературы имеет и эпистолярное наследие Фета. В особенности существенна переписка его с писателями; при обыкновении Фета посылать литературным друзьям и обсуждать в письмах свои стихотворения, письма его имеют совершенно исключительное значение для текстологии и истории создания его стихов. К сожалению наиболее интересные письма Фета до нас не дошли.

Из двух наиболее существенных переписок — с Тургеневым и со Страховым — до нас дошли почти исключительно письма корреспондентов Фета. Из писем Фета к Тургеневу имеются пять в ИРЛИ да черновики и неоконченный беловик во Всесоюзной Библиотеке им. Ленина. Можно надеяться, что письма Фета к Тургеневу всплывут еще когда-нибудь во Франции, но сейчас о них никаких сведений у нас нет. Из писем Фета к Страхову сохранилось 26, периода 1877—1883 гг. Из дальнейшей интенсивной и непрерывной переписки сохранились только письма Страхова [21].

Большое собрание писем к Фету В. П. Боткина хранится во Всесоюзной Библиотеке им. Ленина. Бо́льшая часть этих писем опубликована самим Фетом в «Моих воспоминаниях», часть Н. М. Мендельсоном во «Втором сборнике Публичной Библиотеки СССР», часть не опубликована. Но письма Фета к Боткину не сохранились или по крайней мере теперешнее их местопребывание неизвестно. Из писем к Анненкову и к Некрасову сохранилось по три письма к каждому.

Исключительное значение имеет переписка Фета с Полонским (ИРЛИ). Подробное обсуждение новых стихотворений того и другого, споры по общим вопросам эстетики, литературы, политики, оценки текущих литературных явлений делают эту переписку источником первостепенной важности. Но и она дошла до нас не полностью. Систематическая переписка начинается с 1887 г. За 1887—1892 гг. письма Полонского сохранились полностью, письма же Фета с большим пропуском. Всего в ИРЛИ их за этот период — 64, по ответным же письмам Полонского видно, что утеряно не меньше трети писем Фета. Отсутствуют письма за 1890 и половину 1891 г.

Небольшая часть переписки Фета и Полонского опубликована в «Иллюстрированном приложении к Новому Времени». В числе напечатанных здесь писем Фета — семь, отсутствующих ныне в собрании ИРЛИ.

Целиком сохранилась большая переписка Фета с К. Р. За шесть лет (1886—1892) Фет написал 118 писем. В них тоже много интереснейших высказываний Фета по самым разнообразным вопросам, но по серьезности и искренности они далеко уступают письмам к Полонскому.

Сохранились письма к Л. Н. Толстому, 1862—1880 гг.

Приведу общий список сохранившихся в автографах, диктатах или копиях, а также напечатанных писем Фета [22].

П. В. Анненкову. 3 п. 1861. ИРЛИ.

И. П. Борисову (впоследствии И. П. Борисову и Н. А. Борисовой, рожд. Шеншиной). 1) 10 п. 1848—1851 гг. ИРЛИ (опубл. в ст. Е. Покровской «Фет в переписке с И. П. Борисовым. «Лит. Мысль» 1923, I, стр. 211—228); 2) 45 п. 1848—1871 гг. ВБЛ.

П. И. Борисову. 133 п. 1871—1884. ВБЛ.

Д. П. и С. С. Боткиным. 1) 10 п. 60-е гг.—1882. ИРЛИ; 2) 85 п. 1874—1888. ВБЛ.

М. П. Боткину. 1) 1 п. 1887 г. ИРЛИ; 2) 1 п. без даты. ВБЛ.

С. П. Боткину. 1 п. в копии. 1887 г. ВБЛ.

И. И. Введенскому. 7 п. 1838—1841. ИРЛИ. (опубл. в кн. Г. П. Блока «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета». Л. 1924).

В. П. Гаевскому. 1 п. 1858 г. ИРЛИ.

Н. В. Гербелю. Записка 1853 г. и 4 п. 1877—1878. ГПБ.

Д. В. Григоровичу. 3 п. 1888—1889. ИРЛИ.

А. Ф. Дамичу. 3 п. 1885—1888. ГПБ.

А. В. Дружинину. 1) 11 п. 50-х гг. Гос. Лит. Музей; 2) 1 п. б. д. ВБЛ.

Е. Д. Дункер (р. Боткиной) и К. Г. Дункеру. 21 п. 1887—1892. ИРЛИ.

И. М. Ивакину. Записка на визитной карточке. ВБЛ.

А. И. и Т. И. Иост и О. И. Иост, р. Щукиной. 78 п. в копиях. 1870—1891. ВБЛ.

К. Р. 118 п. 1886—1892. ИРЛИ.

П. И. Капнисту. 2 п. 1891 и 1892 гг.—«Русские Вед.» 1904 г. № 14, стр. 3.

П. Н. Каратееву. 5 п. 70—80-х гг. Б. Садовской. «Ледоход». П., 1916. стр. 97—101.

М. Н. Каткову. 1 п. 1864 (?). ИРЛИ.

А. А. Краевскому. 4 п. 1854—1855. ГПБ.

А. А. Лебедеву. 1 п. сер. 70-х гг. ИРЛИ.

М. Н. Лонгинову. 6 п. конца 50-х гг. ИРЛИ.

А. Н. Майкову. 3 п. 1884 и 1889. ИРЛИ.

Л. Н. Майкову. 1 п. 1888. ИРЛИ.

А. Менщикову. 1 п. 1869. ВБЛ.

Мещерякову. 1 п. 1867. ВБЛ.

А. П. Милюкову. 1 п. 1886. ИРЛИ.

М. А. Милютиной. 1 п. 70-х гг. Б. Садовской. «Ледоход», стр. 96.

Д. И. Нагуевскому. 1) 25 п. 1887—1889. ГПБ. 2) 1 п. 1890. ВБЛ.

Н. А. Некрасову. 3 п. 1854 и 1859.—«Архив села Карабихи». М., 1916, стр. 215—219.

И. Н. Новосильцову. 2 п. б. д. ВБЛ.

В общ. люб. росс. словесности. 1 п. 1880. ВБЛ. (опубл. с факсимильным воспроизвед. в журн. «Искусство» 1923 г., № 1, стр. 339).

А. В. Олсуфьеву. 119 п. в копиях. 1886—1891. ВБЛ.

И. С. Остроухову. Архив Гос. Третьяковской Галлереи.

В. Л. Офросимовой. 2 п. б. д. ВБЛ.

П. П. Перцову. 3 п. 1891.—П. Перцов. «Литературные воспоминания». М.—Л., 1933, стр. 102—106. (Первоначально в «Сев. Цветах» на 1901 г.).

П. Л. Пикулину. 1 п. б. д. ВБЛ.

М. П. Погодину. 1 п. 1849 г.—Б. Садовской. «Ледоход», стр. 95—96.

Я. П. Полонскому. 1) 9 п. 40—60 гг. ИРЛИ. 2) 1887—1892. 64 п. ИРЛИ. 3 п. из этого числа и 7 п., отсутствующих в ИРЛИ, напеч. в «Илл. прилож. к газ. «Новое Время» от 4, 11 и 18 января 1914 г.

М. И. Пыляеву.—«Русская Старина» 1908 г., № 2, стр. 256.

К. Ф. Ревелиоти. 3 п. 1879.—А. Григорович. «История 13-го драг. полка». СПБ., 1912, стр. 223—226.

Н. П. Семенову. 22 п. 1884—1892. ВБЛ.

Н. М. Соллогуб. 3 п. 1888.—«Неизданные письма А. А. Фета». Сообщил Ал. Тиняков. В кн. «Прафенон. Сб. I». СПБ., 1922.

О. М. Соловьевой. 4 п. 1884.—Б. Садовской. «Ледоход», стр. 101—104.

Н. Н. Страхову. 26 п 1877—1883. ВБЛ. (12 п. опубликовано в «Русском Обозрении» 1901 г., вып. I, стр. 71—101).

А. П. Тинькову. 1 п. 1881. ВБЛ.

С. А. Толстой (жене А. К. Толстого). 11 п. 1880—1888. — «Вестник Европы» 1908 г., т. I, стр. 218—228.

С. А. Толстой (жене Л. Н. Толстого). 68 п. 1875—1891. ВБЛ.

А. К. Толстому. 1 п. 1869. Гос. Исторический Музей.

Л. Н. Толстому. 141 п. 1862 — 1880. ВБЛ.

И. С. Тургеневу. 1 п. 1860 и 4 п. 1873—1875. ИРЛИ. Одно из этих писем неисправно опубликовано в книге «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III, стр. 478—480 и перепечатано Б. Садовским в его сборнике «Ледоход», стр. 173—175.

Н. Ф. Федорову. 1 п. 1887. — В. А. Кожевников. «Н. Ф. Федоров». М., стр. 319—320.

Е. М. Феоктистову. 3 п. 1890. ИРЛИ.

М. П. Фет, р. Боткиной. 95 п. 1857—1887. ВБЛ.

Д. Н. Цертелеву. 15 п. 1887—1892. ИРЛИ.

С. П. Шевыреву. 4 п. 40-х гг. ГПБ.

П. А. Шеншину. 6 п. 1873—1878. ВБЛ.

А. В. Шереметеву. 1 п. б. д. ВБЛ.

В. И. Штейну. 2 п. 1887. ИРЛИ.

Неизвестным. 8 п. — ВБЛ. 1 п. — ИРЛИ.

Неоконченные письма:

В. П. Боткину. 1 п. б. д. ВБЛ.

А. Л. Бржеской. 1 п. 1884 (?) ИРЛИ.

Крестьянам. Яхонтовского общ. ВБЛ.

И. С. Тургеневу. 1 п. 1867. ВБЛ.

Черновики (ВБЛ):

П. П. Боткину; П. П. Вяземскому или И. Д. Делянову (1882); И. Д. Делянову (1883); П. Н. Исакову; Г. Листу; М. Т. Лорис-Меликову; А. Ф. Марксу; Ш. Нибергаль (?. 1881); С. А. Петровскому; И. В. Помяловскому; П. И. Постникову; П. М. Третьякову (1892); И. С. Тургеневу (1867); Е. М. Феоктистову; Е. С. Хомутовой (1890?); П. А. Чижевскому.

Как видно уже из приведенного списка писем, основные архивные материалы по Фету сосредоточены в двух томах — в Рукописном отделении Инст. Русской Лит. Акад. Наук и в рукописном отделении Вс. Библ. им. В. И. Ленина. Основная часть первого фонда была куплена Инст. Русск. Лит. в 1920 г. у наследников Фета — Боткиных. Основу второго фонда составило собрание Н. Н. Черногубова. Н. Н. Черногубов много лет собирал материалы по Фету, в свое время обследовал б. имение Фета Воробьевку и извлек все находившиеся там бумаги Фета.

Оба фонда почти исчерпываются письмами Фета и к Фету и кое-какими документами, относящимися к его службе мировым судьей, помещичьему и домашнему хозяйству. Автографов стихотворений во Вс. Библ. — небольшое количество на отдельных листах. ИРЛИ же обладает единственными двумя сохранившимися тетрадями стихотворений Фета. Они поступили в ИРЛИ от наследников Б. В. Никольского. Никольский получил их вероятно от Страхова или К. Р. Это большие тетради (108 и 138 листов) в кожаных переплетах с тиснением. Они охватывают период 1854—1885 гг. и содержат перебеленные и нередко тут же переработанные стихотворения. В первой тетради — только автографы, во второй — частью автографы, частью списки.

Рукописей Фета до 1854 г. вероятно не было уже при жизни поэта; должно быть они пропали в походных скитаниях. Но рукописи после 1854 г. составляли 10 тетрадей. Все эти тетради (описанные Б. Садовским в «Ледоходе», стр. 185—187) принадлежали Б. В. Никольскому; местонахождение 8 тетрадей, не поступивших в ИРЛИ, в настоящее время неизвестно. Правда, эти тетради содержали

не автографы, а почти исключительно секретарские списки. Той же рукою писанные копии посылались Страхову, Полонскому и др. Но, поскольку неизвестно местонахождение писем к Страхову и частью к Полонскому, поскольку утеряны, повидимому, ранние рукописи и не выявлены письма Фета к Тургеневу, надо сказать, что и по отношению к рукописному наследию исследователь Фета находится в условиях исключительно неблагоприятных, и будущие находки могут поставить работу, сделанную по наличным ныне материалам, на ступень предварительной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] К отдельным изданиям стихотворений Фета надо еще причислить два отдельных листка:

Дмитрию Петровичу и Софье Сергеевне Боткиным. В день 25-летия их свадьбы 16 января 1884 г. Москва. Цензурное разрешение 17 января 1884 г.

На пятидесятилетие моей Музы. С датой: 28 января 1889 года.

[2] Издание 1856 г. корректировал Тургенев (часть продержанной им корректуры хранится в ИРЛИ), а издание 1863 г.— Кетчер. Боткин писал по этому поводу: «Стихи, которых корректуру держал Кетчер — глухой, слепой и мертворожденный для поэзии и для всех искусств!!!» («Мои воспоминания» Фета, ч. I, стр. 424).

[3] Этот экземпляр после смерти Фета был подарен его вдовой Н. Н. Страхову. В настоящее время хранится в библиотеке Ленинградского университета.

[4] По крайней мере в предисловии к IV выпуску Фет специально оговаривает, что «раскрывает небольшое окошечко четвертого выпуска в крайне ограниченном числе экземпляров».

[5] История остроуховского экземпляра дана в упомянутой статье Д. Д. Благого, — но дана неверно. Д. Д. Благой пишет:

«Во время подготовки издания 1856 г. Фет находился вне Петербурга и все сношения его с Тургеневым и предводительствуемым последним «дружеским кружком» происходили по почте. «Почти каждую неделю,— рассказывает Фет,— стали приходить ко мне письма с подчеркнутыми стихами и требованиями их исправлений». Однако этот рассказ не совсем точен. Вместе с письмами между Фетом и «кружком» все время ходил печатный экземпляр его стихотворений издания 1850 г., положенного, как упоминалось, в основу нового собрания. Все подчеркивания стихов и отметки с требованиями их исправлений, часто подробно мотивированные, делались не в письмах, а непосредственно в печатном тексте. Если изменения, даваемые Фетом тут же на полях книги, не удовлетворяли «кружок»,— следовали новые указания, — и так до получения окончательного текста 1856 года. Все эти, как первые, так и повторные, отметки и указания принадлежат руке самого Тургенева» (цит. ст., стр. 55).

Прежде всего совершенно неверно, что остроуховский экземпляр отражает всю работу по редактированию издания «до получения окончательного текста». Во-первых, есть несколько стихотворений (7), имеющих разночтения в издании 1856 г. по сравнению с первым, но не отмеченных никакими указаниями в остроуховском экземпляре. Во-вторых, есть не мало стихотворений, имеющих кроме разночтений, связанных с указаниями остроуховского экземпляра, варианты никак с ними не связанные и объяснимые только новыми требованиями со стороны Тургенева. В-третьих, варианты, данные Фетом на полях остроуховского экземпляра, часто не совпадают с появившимися в издании 1856 г., из чего опять-таки видна дополнительная работа, не отраженная в остроуховском экземпляре.

Нет достаточных оснований и для самой гипотезы о том, что книга ходила по почте между Фетом и Тургеневым несколько раз: в остроуховском экземпляре нет никаких пометок Тургенева, касающихся данных Фетом вариантов,— все они относятся только к печатному тексту; очень редки случаи, чтобы, когда Фетом даются два варианта, один из них был зачеркнут; и эти несколько случаев вполне объяснимы тем, что Фет сам переработал или заменил предложенный им вариант, так как повидимому варианты, приходившие ему в голову, нередко, если не во всех случаях, сразу набрасывались на поля остроуховского экземпляра. Гораздо менее вероятно, чтобы Тургенев вторично послал книгу Фету, зачеркнув лишь два или три варианта, в то время как очень большое количество их не было им принято.

Нет вообще следов того, чтобы Тургенев или Фет наносил свои пометки разновременно, хотя такое впечатление получается от описаний Д. Д. Благого. Так он пишет:

«Около двух последних строк этой пьесы («Каждое чувство бывает понятней мне ночью...») —

Так, посвящая все больше и больше пытливую душу,
Ночь научает ее мир созерцать и себя —

встречаем обычную отметку «переменить». Фет заменяет неодобренное двустишие новым:

Если дано человеку увидеть Психею нагую
Верю, доступней всего дева в подобную ночь.

По поводу нового варианта Тургенев высказывается уже определеннее: «к чорту философию», читаем на полях, рядом с ним (стр. 59).

В действительности, сколько можно судить по внешнему виду, это одна пометка: «перем. К чорту Философия!», начатая против последних двух стихов печатного текста, но так как поля узки, она написана в три ряда, и против двух последних Фет дал под стихотворением свой вариант. Да и по существу отзыв «философия» очевидно подходит к печатному варианту, а не к данному взамен его.

Замену слов «зефир вечеровой» в стихотворении «Диана» Д. Д. Благой описывает так: «Фет меняет последовательно: «ветер заревой» и, в виду продолжающегося неудовольствия редактора,— «ветер на заре» — экземпляр И. С. Остроухова, стр. 101» (цит. ст., стр. 61). Ссылку эту естественно понять так, что оба варианта даны в остроуховском экземпляре, и — так как второй здесь по всей вероятности явился результатом отвержения первого Тургеневым (Тургенев систематически вытравлял у Фета слово «заревой») — это придало бы убедительности гипотезе Д. Д. Благого. Но на стр. 101 остроуховского экземпляра вписан только первый вариант— «но ветер заревой».

[6] Панаева, А. Я. Воспоминания. Л., 1928, стр. 270

[7] Интересные материалы о Тургеневе, как редакторе русских поэтов, собраны в упомянутой статье Д. Д. Благого, где прослежена и история «опеки» Тургенева над творчеством Полонского.

[8] Ковалевский, П. М. Встречи на жизненном пути. Л., 1928, стр. 418.

[9] «Архив села Карабихи». М., 1916, стр. 216.

[10] Письмо от 7 мая 1856 г. (Гос. Лит. Музей).

[11] Библиотека К. Р. частью вошла в состав библиотеки ИРЛИ, частью в состав библиотеки Гос. Академии Материальной Культуры. Последняя библиотека несколько лет назад сдала часть беллетристического материала в книжный фонд, а другую часть продала в «Международную Книгу». Книги с пометками Фета, если они сохранились в библиотеке К. Р., попали очевидно в это число, так как в библиотеке ИРЛИ их нет.

[12] Николаев, Ю. Поэзия Фета.—«Московские Ведомости» 1892 г., № 328.

[13] Елагин, Ю. Поэзия Фета.—«Русский Вестник» 1893 г., т. 226, кн. 5.

[14] Это наглядно показал опыт «Хронологического указателя», приложенного к изданию Никольского.

Этот указатель точен только за годы 1885—1892. Начиная с III выпуска «Вечерних огней», почти каждое стихотворение имеет в печати дату. Стихи 1891—1892 гг. датированы в издании 1894 г. по недошедшим до нас тетрадям, так же датированы в изд. Никольского стихотворения 1885—1892 гг., не вошедшие в издание 1894.

За остальное время стихотворения в огромном большинстве не датированы в указателе определенным числом, а лишь расположены в большие группы (часто по 2—3 года), внутри которых порядок должен соответствовать последовательности написания.

Все стихотворения, написанные до 1854 г, датированы временем их появления в печати, часто совершенно не соответствующим времени написания, особенно для стихотворений впервые появившихся в сборниках (тут уж последовательность воспроизводит только последовательность расположения в сборнике). Так некоторые стихотворения, написанные по всей очевидности в 1842 г. или еще раньше, попадают в рубрику «до 14 декабря 1847 г.» и т. п. Но за исключением нескольких случаев материала для датировок за этот период действительно нет.

Указатель за 1870—1884 гг. самому автору представлялся наиболее сомнительной частью его труда; в этой части он пестрит звездочками, которыми Никольский обозначал свою неуверенность.

Затѳ за 1854—1869 гг. указатель, по словам его составителя, «может считаться непререкаемым». Он воспроизводит последовательность записи стихотворений в двух чистовых тетрадях. Никольский исходил при этом из следующих предположений:

1) что порядок записи стихотворений в тетради строго соответствует порядку их написания,

2) что в тетради записывались все стихотворения.

На основании второго предположения все стихотворения, печатавшиеся в журналах в период 1854—1857 гг., но не записанные в первую тетрадь, попали в рубрику «до 4 января 1854 г.». Все же стихотворения, записанные в этой тетради, попали в рубрику «после 4 января 1854 г.», так как эта дата вытиснена на корешке первой тетради.

Н. Н. Черногубов в статье «К хронологии стихов Фета» («Северные Цветы на 1902 г.», стр. 215—224) рядом библиографических и биографических сопоставлений разбил вдребезги предположения Никольского, и в издании 1912 г. указатель не был перепечатан.

Действительно лишь для некоторых частей тетрадей можно считать запись последовательной. 1-я тетрадь явно — по пометкам — предназначена для распределения стихотворений по журналам, и очень вероятно, что в нее первоначально было вписано все, что не было напечатано к тому времени в журналах, в том числе стихи, написанные до 1854 г.

При отпадении предположений, которыми руководствовался Никольский, хронологию стихов Фета надо признать одной из самых темных проблем его изучения.

[15] Не включены неизданные отдельно переводы драм Шекспира «Антоний и Клеопатра» и «Юлий Цезарь».

[16] Пунктуация моя, так как у Фета, как обычно в его черновиках, нет ни одного знака препинания.

[17] Указанием этой публикации я обязан любезности Г. О. Винокура.

[18] Чуковский, К. И. Люди и книги 60-х годов. Л. 1934, стр. 272.

[19] Чичерин, Б. Н., Воспоминания. Москва 40-х годов. М., 1929, стр. 145.

[20] Об искажении писем Тургенева см. статью Н. Л. Бродского «Фет — редактор Тургенева» («Звенья». Сборник II. М.-Л., 1933, стр. 469 сл.), писем Толстого — в публикации Н. Н. Гусева «Неизданные письма Л. Н. Толстого к А. А. Фету («Печать и Рев.» 1927, кн. 6, стр. 53 сл.), писем Боткина — в публикации Н. М. Мендельсона «Письма В. П. Боткина к М. П. Боткиной-Фет и А. А. Фету» («Публ. Библ. СССР им. В. И. Ленина. Сборник II». М., 1928, стр. 64).

[21] Архив Страхова после его смерти был унаследован его племянником, инспектором киевского реального училища И. П. Матченко. Матченко давно умер, и следы архива казались утерянными. В самое последнее время Библиотека Всеукраинской Академии Наук в Киеве приобрела часть архива Страхова, но писем Фета в этой части не оказалось.

[22] Применяются сокращения: ИРЛИ — Рукоп. отд. Инст. Русской Лит. Ак Наук СССР; ВБЛ — рукописное отделение. Всес. Библ. им. В. И. Ленина; ГПБ — Рукоп. отд. Гос. Публ. Библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

АРХИВНЫЙ ФОНД ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

Обзор Л. Полянской

Главное управление по делам печати существовало с 1/IX 1855 г. по 8/III 1917 г. и являлось в течение этого времени центральным органом царской цензуры. Вся основная масса архивных материалов, составляющих фонд этого учреждения, заключается в делопроизводстве его канцелярии.

I. СТРУКТУРА ФОНДООБРАЗОВАНИЯ

До 1870 г. включительно канцелярия Главного управления по делам печати состояла из одного отделения. В 1871 г. происходит разделение ее на 2 отделения, при этом I отделению было поручено делопроизводство по периодической печати, II — о книгах и брошюрах, об общем наблюдении за печатью, надзор за типографиями, книжной торговлей и библиотеками, составление отчетов и личный состав цензурного ведомства. Такое разделение существовало по 1877 г. включительно. В 1878 г., в связи с ростом периодической печати, было создано III отделение канцелярии, которому были переданы функции бывшего II отделения, а дела о периодической печати стали вести и I и II отделения, при чем I была подчинена периодическая печать обеих столиц, II—провинциальная периодическая печать. Следующее изменение произошло в 1898 г. и коснулось оно III отделения, дела которого были распределены на 2 группы. Одна — о книгах и брошюрах и общее наблюдение за печатью — была оставлена попрежнему за III отделением, другая — административно-хозяйственного порядка (личный состав цензурных учреждений, составление отчетов, надзор за типографиями и книжной торговлей, разассигнование сумм, составление смет «Правительственного Вестника» и «Сельского Вестника») — была поручена вновь образованному IV отделению. 1906 г., в связи с произведенными «реформами», принес новую реорганизацию канцелярии Главного управления. В ней было образовано 5 отделений, прежний принцип распределения дел по отделениям (разделение периодической и непериодической печати) был заменен новым — территориальным. Состоящие в ведении отделений районы были приурочены к округам судебных палат, при чем это было сделано в связи с установленным порядком судебного преследования за преступления печати. Так, к I отделению были отнесены дела по периодическим изданиям и книгам, выходящим в округе СПБ Судебной палаты, и делопроизводства по всем правительственным изданиям; II отделению поручены дела по произведениям печати, выходящим в округах Московской, Киевской, Одесской, Харьковской и Новочеркасской судебных палат; III отделению — тоже по округам Саратовской, Казанской, Тифлисской и Ташкентской судебных палат; IV — разработка законодательных вопросов, составление циркулярных разъяснений, дела по иностранной цензуре, произведения печати, выходящие в округах Варшавской и Виленской судебных палат; V — личный состав, счетная часть, надзор за типографиями и книжной торговлей (V отдел, 22 — 1906 г.).

Наконец, в 1909 г. последовало новое изменение: из ведения V отделения были изъяты вопросы по составлению и исполнению сметы и для заведывания ими создано специальное счетно-финансовое отделение.

Помещалось Главное управление с 1/IX 1865 г. по 5/II 1868 г. в доме кн. Е. М. Волконской на углу Графского переулка и наб. р. Фонтанки (№ 2/48). С 6/II 1868 г. по день ликвидации оно находилось в доме Министерства внутренних дел по Театральной улице.

В делах Главного управления по делам печати находит отражение существовавшее при нем «Осведомительное бюро». Оно было образовано 1/IX 1906 г. по распоряжению председателя Совета министров и министра внутренних дел П. А. Столыпина и получило задание организовать использование печати в правительственных интересах. Его назначение заключалось в обслуживании органов печати «достоверными» сведениями, касающимися действий и предположений правительства, а также главнейших фактов общественно-политической жизни. Это обслуживание производилось путем выпусков специальных бюллетеней, выходивших 2 раза в сутки. Кроме того, «Осведомительное бюро» составляло обзоры печати, в виде ежедневных докладов председателю Совета министров, министру внутренних дел и начальнику Главного управления по делам печати, с сводками мнений столичных газет по наиболее важным вопросам. Оно же снабжало правительственные учреждения вырезками из газет по заявленным им темам (IV отд., 46—1906 г.). В 1915 г. оно было преобразовано в Бюро печати. Составление обзоров печати и обслуживание ведомств вырезками остались его обязанностью на прежних основаниях, информирование же прессы стало происходить не только посредством бюллетеней, но и путем непосредственного сообщения сведений представителям газет (дело Особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати № 16, 1917 г.).

Отдел иностранной и инородческой печати до 1906 г. находился при архиве Департамента полиции. По распоряжению П. А. Столыпина в августе этого года он был передан в Главное управление по делам печати. На нем лежала обязанность осведомления правительственных кругов с отзывами периодической печати иностранной и инородческой по различным вопросам русской внутренней и внешней политики. С этой целью в нем ежедневно составлялись сводки и обзоры, как общего характера, рассылавшиеся, кроме министров, их помощникам, высшему военному командованию, высшим чинам министерства иностранных дел, а также в библиотеку и читальный зал Государственной Думы, так и специально секретные, представляемые только министрам (напр., о критике деятельности этих министров).

В материалах Главного управления по делам печати имеются краткие упоминания об отпуске на содержание этого отдела средств из сумм, ассигнуемых «на известное е. и. в. употребление», а также о субсидиях, выдаваемых из этого отдела некоторым иностранным журналам (V отд., 45 — 1906 г.; дело Особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати, № 34, 1917 г.).

Библиотека Главного управления по делам печати составлялась из представляемых сюда на основании цензурного устава всех выходящих изданий. Практическая заинтересованность в них Главного управления ограничивалась, в основном, годовым сроком, устновленным для возбуждения судебных преследований по нарушениям постановлений о печати. Поэтому по истечении этого срока Главное управление нередко производило передачу своих библиотечных материалов в другие библиотеки, а также продавало их в качестве макулатуры. С 1906 г. работа библиотеки была значительно расширена передачей ей рассылки всех обязательных экземпляров, подлежащих передаче учреждениям, имеющим на то право по закону (Публичная Библиотека, Библиотека Академии Наук, Гельсингфорсский университет, Московский и Румянцевский Музеи, Библиотека Главного штаба (издания военного характера), Морское министерство (издания военно-морского характера), Библиотека Синода (издания духовного характера). Исклю-

чение составил только экземпляр, подлежащий передаче в Департамент полиции, который попрежнему должен был направляться туда местными учреждениями непосредственно. В связи с этим I/VII 1907 г. была произведена реорганизация библиотеки и установлена общая регистрация в ней всех произведений печати по карточной системе. Регистрационные карточки должны были составлять члены комитетов и инспекторы по делам печати, производившие цензурный просмотр этих произведений. Результаты регистрации (учет всех выходивших произведений печати) стали с 1/VII 1907 г. публиковаться в специальном издании — так называемой «Книжной Летописи». Библиотека Главного управления имела 2 отделения — повременных и неповременных изданий. Сохранившееся делопроизводство библиотеки (за 1906—1916 гг.) отражает преимущественно работу ее по регистрации поступающих от местных органов изданий, как для самой библиотеки, так и для рассылки указанным выше учреждениям, а также работу по этой рассылке (IV отд., 53 — 1906 г., д. Библиотеки поврем. изданий, № 1, 1906 г.).

При фонде Главного управления по делам печати библиотеки его не хранится.

Созданная постановлением временного правительства от 8/III 1917 г., Особая комиссия должна была произвести ликвидацию как Главного управления по делам печати и состоящих при нем Бюро печати и отдела иностранной и инородческой печати, так и подчиненных ему местных органов цензуры.

Делопроизводство комиссии (протоколы ее заседаний и переписка) содержат, кроме связанных с этой ликвидацией вопросов, сведения об организации Книжной палаты, созданной для регистрации всех выходящих произведений печати, об уставе частного Телеграфного агентства, по обсуждению вопроса о допустимости произведений печати на немецком языке, о дальнейшем издании газ. «Сельский Вестник», о случаях нарушения свободы печати.

II. ХАРАКТЕР ДОКУМЕНТАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

Основную часть фонда составляет делопроизводство канцелярии Главного управления по делам печати. Кроме того, можно указать две особых группы документации.

«Всеподданнейшие» доклады министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати отражают те существенные моменты в работе цензурного ведомства, о которых министр считал нужным доводить до сведения царя. Большая часть этих докладов относится к административным взысканиям, налагаемым на периодические издания, а также к судебным их преследованиям (число последних значительно меньше), характеристике их «вредного» направления, изданию отдельных книг в изъятие закона (напр., эмигрантов и государственных преступников, сочинения которых, «какого бы содержания и в каком бы виде» ни были, были запрещены к выпуску в свет законом 12/II 1871 г. (I отд., д. 29—1871 г.) Рылеева (доклад 1872 г.), Герцена (1890, 1901 гг.), Огарева (1900 г.). Сюда же относится доклад о разрешении выпустить отдельным изданием «Крейцерову сонату» Л. Н. Толстого (1900 г.), в отмену предшествовавшего распоряжения 1891 г. допускать ее появление не иначе, как в полном собрании его сочинений. Был ряд докладов о допущении к представлению отдельных драматических произведений, например, трагедий «Коварство и любовь» и «Разбойники» (1867 г.), оперы «Борис Годунов» (1872 г.); о протестах против стеснений цензуры отдельных литераторов (Влад. Соловьева, с приложением его прошения на имя Александра III и резолюцией этого последнего: «Сочинения его возмутительны и для русских унизительны и обидны». 1890 г.) и группы литераторов, с ходатайством их о пересмотре действующих узаконений о печати, признанным совещанием 4 министров «не заслуживающим вовсе уважения», к чему присоединился целиком Николай II, поставивший на докладе резолюцию: «вполне согласен» (1895 г.). Отражаются в докладах мероприятия по борьбе с революционной печатью, не только в виде репрессий по отноше-

нию к марксистским журналам («Новое Слово» — доклад 1897 г.; «Начало» — 1899 г.), но и в виде мер по распространению в народных массах так называемых «изданий для народа» (1895 г.), выпуска в противовес нелегальным изданиям бесплатных листков (1905 г.), создание специального Комитета народных изданий (1914 г.). Значительная по количеству группа докладов относится к руководящему составу цензурного ведомства (начальники Главного управления по делам печати, члены совета), их назначениям на должности, выдача пособий и пенсий. Имеющиеся на докладах царские резолюции, особенно Александра III, дают представление об отношении «самодержцев» к печати и к насилиям, чинимым над нею цензурой. На докладе о первом предостережении и воспрещении розничной продажи газ. «Новая Газета» последовала резолюция: «Об одном сожалею, что нет большего наказания по закону» (1881 г.); на докладе о 3-м предостережении газ. «Голос»: «И по делом этому скоту» (1881 г.), на докладе о 2-м предостережении газ. «Биржевые Ведомости» за статью, посвященную Н. А. Добролюбову: «Мерзкая статья и какое нахальство напечатать такую ст. в газете» (1886 г.); на докладе о 3-м предостережении газ. «Русское Дело»: «Действительно дрянная газета» (1889 г.); на докладе о 3-м предостережении газете «Русский Курьер»: «Совершенно одобряю. Желательно было бы совершенно прекратить издание этой поганой газеты» (1889 г.).

За ряд лет «всеподданнейших» докладов не сохранилось (отсутствуют за 1894, 1896, 1907—1908, 1910, 1916 гг.).

Согласно инструкции, полученной Советом и канцелярией Главного управления по делам печати в 1865 г., члены Совета обязаны были наблюдать за бесцензурными изданиями и соблюдением ими цензурных правил. Их же наблюдению и контролю подлежали действия цензурных органов, по отношению бесцензурных и подцензурных изданий. Все замеченные отступления от цензурных правил они были обязаны вносить на обсуждение Совета для совместного рассмотрения и решения. Совет же обсуждал все законодательные предположения, возникавшие в цензурном ведомстве. Рассмотрение всех этих разнообразных дел и составляло содержание журналов Совета, охватывающее таким образом круг самых разнообразных вопросов. Они включают доклады его членов, краткое изложение высказанных мнений и решение Совета. Иногда к журналу прилагается особое мнение члена Совета, не согласившегося с мнением большинства. Журнал Совета утверждался министром внутренних дел, в резолюциях которого встречаются в некоторых случаях указания и директивы по затрагиваемым журналом вопросам.

Сохранились журналы не за все годы (отсутствуют за 1887, 1892, 1894—1895 гг. и с 1906 по 1917 г.).

III. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФОНДА

Архивные материалы Главного управления по делам печати после его ликвидации летом 1917 г. были переданы в архив Министерства народного просвещения, где они явились естественным продолжением фондов цензурных учреждений того периода, когда цензура находилась в ведении Министерства народного просвещения (дела Мин. нар. просв. по цензурной части — 1804 — 1826 гг.; Главное управление цензуры — 1828—1862 гг.; Особенная канцелярия министра народного просвещения — 1862 — 1863 гг.). Вместе с архивом этого министерства материалы Главного управления по делам печати вошли в состав образованного декретом 1/VI 1918 г. единого государственного архивного фонда (в виде отдела цензуры и печати I отделения IV секции) и в настоящее время составляют часть Архива внутренней политики культуры и быта ЛОЦИА.

Архивный фонд Главного управления по делам печати систематизирован по делопроизводственному принципу, т. е. подобран по годам, отделениям и делопроизводственным номерам. Валовой нумерации — ни общей по всему фонду, ни по-

годной — он не имеет (за исключением дел за 1865—1868 гг.), поэтому при ссылках на его материал необходимо указывать отделение, год, номер дела и часть его, если дело содержит несколько частей.

Сохранность материала — в общем удовлетворительная, но все же почти за каждый год одного-двух дел не имеется, что отмечено и в материалах Особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати. Передач из этого фонда в другие архивы не производилось, за исключением 9 дел, относящихся к изданию произведений Т. Г. Шевченко и переданных в 1933 г. на постоянное хранение в ЦАУ УСФСР.

Общее количество составляющих фонд единиц хранения 32 150 (по подсчетам, произведенным в 1927 г.). Выделение в макулатуру производилось исключительно из материалов Счетно-финансового отделения за 1909—1917 гг., при чем оно коснулось лишь дел о разассигновании сумм по смете Главного управления по делам печати на содержание местных учреждений (т. е. дел по исполнению сметы), при чем дела о расходах на содержание самого Главного управления, петербургских его учреждений, а также дела о составлении годовой сметы, сохранены.

Справочный аппарат фонда слагается из общих входящих и исходящих журналов, настольных реестров по отделениям (в большей части которых имеются ссылки на номера дел, заключающих зарегистрированные бумаги), инвентарных описей, в своей основной массе составленных при функционировании учреждения, и алфавитов к ним.

К справочному аппарату фонда должны быть отнесены и те официальные издания Главного управления по делам печати, которые дают возможность ориентироваться в производившихся по ведомству цензуры мероприятиях или сообщают конкретный фактический материал по истории печати. Таковы прежде всего «Временные правила 6/IV 1865 г.», закон, по которому возникло и действовало Главное управление по делам печати; «Сборник постановлений и распоряжений по делам печати с 6/IV 1865 г. по 1/VIII 1868 г.»; «Сборник циркулярных распоряжений по делам печати с 1/I 1865 г. по 1/I 1870 г.»; «Материалы, собранные Особою комиссией, высочайше учрежденной 2/XI 1869 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати», тт. 1—5; «Устав о цензуре и печати», изданный в 1890 г. в кодификационном порядке и включающий законы о печати, дополнившие и изменившие «правила» 1865 г.; «Указатели по делам печати», выходившие с 1/IX 1872 г. по 1878 г., содержащего: 1) списки вновь выходящих в России книг; 2) алфавитные списки заграничным изданиям, рассматриваемым иностранною цензурою, 3) списки пьесам, рассмотренным драматической цензурой, 4) сведения о выходящих в России повременных изданиях, 5) сведения о заведениях печати и книжной торговли, 6) разные сведения по ведомству печати (о судебных процессах, переменах по личному составу, правительственных распоряжениях), 7) частные объявления по делам печати; «Алфавитные каталоги изданиям на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатанию» (сводные) и «Алфавитные перечни запрещенных изданий» с 1870 по 1917 г. «Алфавитные указатели книгам и брошюрам, а также нумерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями», с 1905 по 1914 г.

«Алфавитные списки произведениям печати запрещены министром внутренних дел к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях» с 1884 — 1914 г.

Использование архивных материалов Главного управления по делам печати производилось и производится довольно интенсивно, но все же, принимая во внимание его насыщенность чрезвычайно ценным материалом, нельзя признать его достаточным.

Прежде всего выявление для составления тематической картотеки, совершенно необходимой в виду важности подчас беглых упоминаний о том или другом авторе или произведении, до сих пор охватило лишь 1906—1917 гг. Составленная в результате этого планового выявления картотека пополняется, правда, несколькими спе-

циальными тематическими заданиями (о Марксе и марксистской литературе, о Салтыкове-Щедрине, о Т. Г. Шевченко, об армянской и латышской литературе).

Использование материалов Главного управления по делам печати для публикаций и научно-исследовательской работы началось только после Октябрьской революции (до того времени такое использование происходило в виде исключительных случаев. См., напр., ст. В. Е. Евгеньев «И. А. Гончаров как член Совета Главного управления по делам печати» («Голос Минувшего», 1916 г., №№ 11 и 12). Из публикаций и исследований по материалам фонда можно указать следующие: «Карл Маркс» и царская цензура» (Красный Архив», 1933, 61, стр. 5—32); «Сочинения К. Маркса в русской цензуре» (архивная справка), «Дела и Дни», Птр., 1920, I, стр. 321—345); «Царская цензура о произведениях Фр. Энгельса» («Историк-марксист», 1935, 8—9, стр. 61—89); «Ленин в цензуре» («Красная Летопись»), 1924, 2/II, стр. 19—34); «Царская цензура и жандармы о Кларе Цеткин» («Красный Архив», 1933, 60, стр. 134—141); «Марксистская периодическая печать 1896—1900 гг.» («Красный Архив», 1925, 2/9, стр. 226—268); «Революционный путь Горького», Центрархив, М.-Л., 1933; «Цензорский отзыв о рассказах В. Г. Короленко» («Красный Архив», 1922, стр. 420—421); «Неосуществившееся издание сочинений Л. Толстого под цензурой Николая II» («Красный Архив», 1926, 2/15, стр. 230—234); «Цензурные материалы о Щедрине» («Литературное Наследство», 1934, II); «Петиция литераторов Николаю II в 1895 г.» («Красный Архив», 1927, 1/20, стр. 237—240); «Анатоль Франс и царская цензура» («Красный Архив», 1934, 67, стр. 147—167); Евгеньев-Максимов В. Е. «Очерки из истории социалистической журналистики в России XIX в.», М.-Л., 1927; Боцяновский В. и Голлербах Э. «Русская сатира первой революции 1905—1906 гг., Л. 1925; Айзеншток «Судьба литературного наследства Т. Г. Шевченко» («Литературное Наследство», 1935, 19—21, стр. 419—484); Эйхенгольц М. «Социальная утопия Золя — роман «Труд» («Литературная Учеба», 1935, I, стр. 83—114).

В качестве экспонатов на выставках архивных документов материалы Главного управления по делам печати также фигурировали не раз. Назову выставки: «К 50-летию со дня смерти К. Маркса» (выставка по истории рабочей марксистской печати) в Доме Печати в 1933 г., выставку по истории рабочей печати в Клубе строителей в 1932 г., выставку «М. Горький и царская цензура» в Большом драматическом театре имени М. Горького в 1933 г.

IV. ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ФОНДА

1. ДОМАРКСИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕЧАТЬ

Материалы Главного управления по делам печати содержат богатые сведения по цензурной истории как дворянского, так и буржуазно-демократического периода этой печати (со 2-й половины XIX в.).

Декабристы. Имеются сведения о прохождении в цензуре как сочинений самих декабристов, так и исторических работ, посвященных восстанию 14/XII 1825 г. В деле об издании журнала «Русская Старина» заключается переписка по изданию сочинений ряда декабристов: В. К. Кюхельбекера, Д. И. Завалишина, М. А. фон-Визина, М. А. Бестужева. В деле о журнале «Русский Архив» такие же сведения имеются о П. Свистунове и Н. И. Лорере, а также о напечатании «Записок неизвестного. Из общества объединенных славян» (194—1869: 98 ч., I—II—1865) И. И. Горбачевский. В ряде других дел фонда имеются сведения о прохождении в цензуре записок Басаргина, записок С. Г. Волконского, Д. И. Завалишина, стихотворений А. И. Одоевского, записок А. Е. Розена, сочинений и переписки К. Ф. Рылеева, записок И. Д. Якушкина. Переписка содержит отзывы цензоров о сочинениях декабристов, сведения о запрещении их или сделанных в них исключениях отдельных мест (II отд., 29—1871; III отд., 55—1901; III отд., 3—1905, 30—1881; II отд., 71—1875, 3—1874, 75—1872, 127—1871).

Работы, посвященные декабристам, неоднократно подвергались запрещению. Например, на книгу Кайдановой «Декабристы» в 1909 г. был наложен арест за «явно выраженное восхваление декабристов... и дерзостное неуважение верховной власти» (II отд., 190—1909). Книга К. Левина «Декабристы», история вооруженного восстания 14/XII 1825 г., была присуждена к уничтожению в 1912 г. Такая же судьба постигла книгу «Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, бр. Критских и Раевских. Политические процессы Николаевской эпохи». Изд. В. М. Саблина, так как цензура нашла, что предисловие к этой книге «носит явные признаки дерзостного неуважения к верховной власти» (I отд., 165—1904 г.; II отд., 182—1915 г.).

Материалы об А. И. Герцене хорошо освещают отношение к нему царского правительства. В 1893 г., например, СПБ. цензурный комитет в своем отзыве о полном собрании его сочинений старается изобразить его как «слабого, одаренного притом безграничным самолюбием тунеядца». Распределяли его произведения по степени их допустимости на несколько групп: 1) безусловно возможные, 2) возможные с исключениями, 3) возможные, но представляющие некоторые неудобства по политическим мотивам, 4) неудобные безусловно. Комитет предлагал всячески ограничить широкое распространение допущенных сочинений (установив дорогую цену, запретив продажу отдельных томов, преградив доступ в публичные библиотеки) (III отд., 68—1893).

В 1896 г. в напечатанной без предварительной цензуры биографии А. И. Герцена (СПБ, издание Ф. Павленкова) было запрещено поместить его портрет, так как помещение портрета было признано «излишней популяризацией человека... которого сочинения до сих пор запрещены к обращению в публике». В 1890 г. разрешение на издание романа «Кто виноват?», не представляющего по отзыву цензуры «ровно ничего предосудительного», было допущено только после специального «всеподданнейшего» доклада Александру III. И после революции 1905 г. сочинения А. И. Герцена неоднократно подвергались уничтожению. Такова была, например, судьба его книги «К развитию революционных идей в России», приговоренной к уничтожению судом в 1913 г. В «Статьях о Польше» (из «Колокола») в 1911 г. по постановлению суда были сделаны исключения. В 1912 г. за помещение статьи «Памяти Герцена» в газете «Бобруйские Отклики» редактор этой газеты подвергся денежному взысканию: был оштрафован минским губернатором на 500 руб. (III отд., 8—1896 г., лл. 68 и 72; 7—1890, IV отд., 109—1911 г.).

Знаменитое письмо В. Г. Белинского к Гоголю подвергалось аресту и уничтожению в 1913 и 1914 гг., (петербургское издание 1905 г. и московское — 1914 г.) за «поношение церкви православной... оказание дерзкого неуважения к верховной власти и порицание установленного основными законами образа правления» (I отд. 553—1913, II отд. 687—1914).

Сочинения Н. Г. Чернышевского также находят свое отражение в фонде. Так, в 1866 г. министр внутренних дел, обеспокоенный слухами о разрешении сочинений Чернышевского, потребовал справку по этому вопросу, а также о тех его произведениях, которые были выпущены во время его пребывания в крепости. СПБ цензурный комитет доставил требуемые сведения. Вопрос о недозволении его сочинений ставился и пересматривался в 1884 и в 1904 гг. В 1884 же году его портрет, как и портрет М. Л. Михайлова, помещенные в изданном за границей «Художественно-литературно-политическом альбоме», повлекли запрещение всего альбома.

В 1913 г. за помещение ст. «Процесс Н. Г. Чернышевского» против газеты «День» было возбуждено судебное преследование (256/469—1866, III отд., 55—1884, 41—1904, 58—1884, I отд., 34 ч., III—1911 г.).

Сочинения П. Л. Лаврова-Миртова вызывали преследования цензуры и по существу своего содержания и по личности автора (вследствие закона 1871 г. о сочинениях эмигрантов). «Исторические письма» послужили причиной одного из

многочисленных предостережений газете «Неделя», в которой они были помещены. Их перепечатка отдельной книгой в 1870 г. была причиной сомнений и затруднений и СПБ цензурного комитета и Главного управления по делам печати; с одной стороны, были несомненны «превратные учения автора относительно религиозных, нравственных и политических оснований, на которых утверждается всякое общественное устройство», с другой — опасались, что «возбужденное по книге судебное преследование может оказаться несостоятельным».

Сочинения П. Л. Лаврова подвергались преследованиям и после 1905 г. Так, были признаны подлежащими уничтожению «Взгляды на прошедшее и настоящее русского социализма», «Знание и революция» (на грузинском яз.), «Народники пропагандисты», 1873—1878 (7—1811 г., I отд., 169—1911 г., II отд., 287—1909 г., 40—1913, I отд. 98—1915).

Издания сочинений Н. А. Добролюбова и в 1876 и в 1885 гг. происходили с исключением некоторых мест по требованию цензуры (так, напр., из них был выпущен «Манифест Роберта Оуэна»). Только в 1896 г. последовало разрешение на его помещение (III отд., 8—1896 г., лл. 44—45). В 1890 г. Московским цензурным комитетом был приостановлен выпуск бесцензурной книги «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные Н. Г. Чернышевским», т. I, при чем были отмечены предосудительные с цензурной точки зрения письма Добролюбова и не менее предосудительное имя Чернышевского, стоящее на обложке книги. В 1886 г. было признано нежелательным распространение разрешенного цензурой портрета Н. А. Добролюбова, так как его выпуск совпал с панихидой на его могиле, «к которой — как носились тогда слухи — шумно готовились почитатели этого автора». И отпечатанные экземпляры портрета пролежали в Экспедиции заготовления государственных бумаг до 1890 г., когда, по специальному разрешению Главного управления по делам печати, они были выданы издателю Л. Пантелееву (III отд., 8—1890 г., лл. 23 и 27, 7—1890 г., лл. 44 и 47).

Бесцензурная книга Н. В. Шелгунова «О воспитании человека» (психологические письма), признанная «крайне вредной» и представленная в Комитет министров для запрещения по закону 7/VI 1872 г., послужила поводом для издания закона 19/IV 1874 г. Закон этот требовал от издателей бесцензурных книг представления в цензурные органы экземпляров уже окончательно отпечатанного издания, с целью причинения издателям «неблагонамеренных» произведений наибольшего материального ущерба. Именно с целью избежания этого ущерба издатель книги Шелгунова, А. Е. Кехрибарджи, отпечатал ее сначала в количестве 15 экземпляров. Новый закон, примененный к этой «не вполне отпечатанной книге», превратил ее в подцензурную, а СПБ Комитет, по рассмотрении ее в качестве подцензурной, потребовал исключения чуть не половины книги (перечисленные им исключения касаются 99 отдельных страниц) (II отд., 46—1874 г.). Предпринятая в 1890 г. попытка издания сочинений Н. В. Шелгунова была сопряжена с большими цензурными затруднениями, так как ряд его статей цензура признала вредными «и по содержанию и по направлению». Давая обстоятельную характеристику нескольких статей II тома, СПБ цензурный комитет предложил представить его в Комитет министров для запрещения. Второе издание его сочинений в 1895 г. также сопровождалось осложнениями; так, например, по решению СПБ цензурного комитета был подвергнут задержанию I том и из него исключена статья «Народный романтизм — чувство свободы», за допущенные в ней похвалы по адресу Разина и Пугачева и мрачную характеристику состояния России. При этом комитет с сожалением отмечал «непонятный промах» цензора, пропустившего эту статью в 1-м издании 1891 г. (III отд., 8—1890 г., лл. 69—75; 8—1895 г., лл. 24 и 28—29).

Все перечисленные факты находят отражение в материалах фонда.

2. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА В ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЕ

К. Маркс

Материалы Главного управления по делам печати содержат сведения по истории проникновения и распространения в России заграничных изданий трудов К. Маркса и их переводов на русский язык. Они освещают причины первоначального беспрепятственного допущения и подлинника и переводов «Капитала» (первое изд. СПБ. 1872, изд. Н. Полякова) («... трактат Маркса о капитале, представляющий собой тяжеловесное и нелитературное сочинение, едва ли сможет в настоящее время совратить кого-либо к социализму, исключая уже предвзятых социалистов», его «немногие прочтут в России и еще менее поймут» (III отд., 22—1895 г., лл. 165—166, 178). В них даются сведения о последующих ограничениях и их причинах: запрещение перепечатания новым изданием и обращения в публичных библиотеках и общественных читальнях (1894 г.), (III отд., 74—1893 г.), особое внимание цензуры к популяризации основных идей «Капитала», запрещение распространять дозволение его «на те книги и брошюры, кои имеют целью эксплоатировать учение Маркса для возбуждения социального переворота» (1895 г.), запрещение заграничного издания «Капитала» (1895 г.). Причина этих стеснений заключалась в росте рабочего движения и давлении Департамента полиции в результате этого роста.

Однако, с течением времени цензура вынуждена была пойти на уступки. В 1896 г. был разрешен перевод на русский язык III тома «Капитала», в 1897 г. допущено заграничное издание всех 3 томов (с исключением из I тома предисловий автора), в 1898 г. разрешен русский перевод всего издания (III отд., 74—1893 г., 5—1898 г.).

Материалы Главного управления по делам печати дают также сведения о прохождении в цензуре целого ряда других произведений К. Маркса, большая часть которых была издана явочным порядком во время революции 1905—1906 гг.: «Введение к критике философии права Гегеля», СПБ., 1906 г. и Одесса 1906 г. (СПБ судебная палата постановила уничтожить, Временным Одесским комитетом по делам печати дела не возбуждалось) (I отд., 31—1911 г.; II отд. 14[24]—1906 г.); «Гражданская война во Франции», Одесса, 1905 г. (Одесская судебная палата утвердила арест, наложенный местным комитетом по делам печати) (II отд., 489 и 490—1911 г.); «Заработная плата, цена и прибыль», Москва, 1901 г. (запрещена Московским цензурным комитетом) (IV отд., 1—1902 г.); «Классовая борьба во Франции от 1848—1850 гг.» с введением Фр. Энгельса, Одесса, 1906 г. и Москва, 1906 г. (уничтожена по постановлению Одесской судебной палаты) (II отд., 52—1913 г., 18—1916 г.); «Коммунистический манифест», Москва, 1905, (Московская судебная палата отменила арест, наложенный Московским комитетом по делам печати, признав брошюру «научным исследованием соотношения общественных классов на разных ступенях исторического движения человечества». Несмотря на это, московский градоначальник оставил брошюру под арестом. Приговор Судебной палаты был обжалован в Сенат, который определил отменить его и издание уничтожить. Не удовлетворившись этим, Главное управление по делам печати требовало привлечения к судебной ответственности лиц, виновных в издании брошюры, но Московская судебная палата не нашла для этого достаточных оснований (II отд., 241—1909 г.). Уничтожению подверглись также и другие издания «Коммунистического манифеста», например, «Капитализм и коммунизм» на еврейском языке, Вильна, 1906 г. (IV отд., 42—1916 г.), «Буржуазия, пролетариат и коммунизм», Одесса, 1905 г. (II отд., 651—1911 г.), «Современная борьба классов», Одесса, 1905 г. (II отд., 534—1911 г.) и др.

«Наемный труд и капитал», СПБ, 1905 г., Одесса, 1905 и Москва, 1905 г. (Петербургский комитет по делам печати не усмотрел в брошюре признаков преступления, арест наложенный Временным одесским комитетом по делам

печати, был отменен Одесской судебной палатой; наоборот, Московская судебная палата постановила брошюру уничтожить) (II отд., 656—1910 г., 254—1911 г.).

«Нищета философии», Киев, 1898, СПБ, 1901, Одесса, 1905, СПБ, 1905. Киевское издание заключало в себе лишь I главу книги Маркса и выпущено было без имени автора. На этом основании оно было разрешено СПБ цензурным комитетом; петербургское издание 1901 г. было запрещено Комитетом министров, признавшим распространение книги вредным. Несмотря на это, книга была пропущена одесской цензурой в 1905 г. Это, как и пропуск в СПБ в 1898 г. I главы, было признано в 1905 г. «непростительным проступком цензоров, пренебрегших запретительными распоряжениями высшего цензурного начальства». Поэтому подверглось запрещению и петербургское издание 1905 г. (III отд., 65—1901 г.). «Общественное движение во Франции» (1870—1871), Ростов на/Дону, 1905 г. (Новочеркасская судебная палата утвердила наложенный на брошюру арест) (II отд., 564—1910 г.).

«Перед судом присяжных», СПБ, 1906 г. (уничтожено приговором Московской судебной палаты) (I отд., 446—1914 г.); «Письма К. Маркса к члену Интернационала Кугельману», СПБ, 1907 г. (арест, наложенный на брошюру СПБ комитетом по делам печати, был отменен СПБ судебной палатой) (I отд., 70—1910 г.); «Речь о свободе торговли, произнесенная в публичном заседании Демократической ассоциации в Брюсселе 9 января 1848 г.», Одесса, 1905 г. (Одесская судебная палата утвердила наложенный на брошюру арест и постановила подвергнуть ее уничтожению) (II отд., 629—1910 г.).

Этот список не является исчерпывающим. Дела о перечисленных произведениях содержат нередко отзывы о них цензоров различной степени полноты и детальности; обычно при передаче дела в суд дается краткая характеристика инкриминируемого произведения, с указанием статьи закона, предусматривающей преступление, заключающееся в данном произведении. Кроме того, как правило, в делах имеются копии судебных приговоров о них.

Значительное дополнение к этим материалам заключается в делах фондов других цензурных учреждений — СПБ цензурного комитета и Центрального комитета цензуры иностранной.

Фр. Энгельс

В фонде имеются сведения о прохождении в русской цензуре следующих произведений Фр. Энгельса.

«Анти-Дюринг» («Философия, политическая экономия, социализм. Переворот в науке, произведенный Дюрингом»). СПБ, 1904 г. (сведения о запрещении в 1894 г. немецкого подлинника; исключение в 1904 г. из русского перевода ряда мест: «резких нападок автора на христианскую религию и христианскую нравственность», а также «резких мест в изложении доктрины социализма», особенно тех, «которые говорят о несомненном, будто бы торжестве этой теории в жизни») (III отд., 5—1904 г., лл. 145—147, 173—174); «К аграрному вопросу на Западе», Одесса, 1905 (Одесской судебной палатой определено брошюру уничтожить. Такое же решение последовало по поводу другого перевода этого произведения: «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», Одесса, 1905) (II отд., д. 14[11]—1906 г., 56—1910 г., 661—1910, 342—1911); «От классического идеализма к диалектическому материализму», Одесса, 1905 (в 1915 г. Одесский окружной суд постановил уничтожить за кощунственное отношение к христианству) (II отд., 84—1915 г.).

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» сведения о беспрепятственном пропуске немецкого издания в 1885 и 1893 гг. с подробной мотивировкой и обоснованием цензурных органов («критика Энгельса никоим образом не касается России»), признание неудобным нахождение русского перевода, дозволенного цензурой в 1893 г., в публичных би-

блиотеках и общественных читальнях во избежание укрепления в среде молодежи «неосновательных и отчасти превратных воззрений вообще на социальный строй общества» (1896 г.), запрещение перепечатания по указанию Департамента полиции (1897 г.) (III отд., 53—1891 г., лл. 68—86; 41—1895 г., лл. 192—195, 63—1897 г.); «Социальные отношения в России», Киев, 1906 г. (местным Комитетом по делам печати наложен арест, утвержденный Киевской судебной палатой) (II отд., 487—1911 г.); Введение к статье К. Маркса «Классовая борьба во Франции 1848—1850 гг.», СПБ, 1906 г. (по постановлению СПБ судебной палаты была исключена часть введения с подстрочным примечанием к нему, как затрагивающие Россию) (I отд., 324—1911 г., л. 3).

К материалам Фр. Энгельса должны быть также отнесены высказывания и решения цензуры о «Коммунистическом манифесте» (см. материалы о произведениях К. Маркса). Материалы эти также значительно дополняются данными фондов СПБ цензурного комитета и Центрального комитета иностранной цензуры.

В. И. Ленин

В материалах фонда находят отражение лишь те произведения В. И. Ленина, которые помещались в легальной прессе или изданы были явочным порядком во время революции 1905—1906 гг. Вот перечень их (в алфавитном порядке):

«Аграрный вопрос и «критики Маркса», Одесса, 1905 г. (Временный одесский комитет по делам печати постановил дела по этой брошюре не возбуждать) (II отд., 14³—1906 г., 14¹¹—1906 г., III отд., 264—1911 г., лл. 35—36).

«Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати», СПБ, 1906 г. (СПБ судебная палата постановила брошюру уничтожить, инкриминирована она была по п. 1 ст. 129 уг. ул.) (I отд., 217—1913 г.).

«Государственная Дума и социал-демократическая тактика», статья в брошюре «Государственная Дума и социал-демократия», СПБ 1906 г. (арест, наложенный на брошюру СПБ комитетом был утвержден в 1915 г., при чем СПБ судебная палата постановила брошюру уничтожить (I отд., 32—1915 г.).

Две тактики социал-демократии в демократической революции, СПБ, Москва, 1905 г. Судебная палата московская и СПБ определили брошюру уничтожить (I отд., 255—1907 г., II отд., 395—1907 г.).

«Демократия и народничество в Китае», ст., напечатанная в газете «Невская Звезда», № 17, от 15/VII 1912 г. (арест, наложенный на нее СПБ комитетом по делам печати, был отменен Судебной палатой) (I отд., 82—1912 г.).

Доклад об Объединительном съезде Р. С. Д. Р. П. Москва, 1906 (по приговору СПБ судебной палаты брошюра была уничтожена) (I отд., 430—1906 г.).

За 12 лет. Собрание статей. Т. I. «Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии», СПБ, 1908 (статьи имеют «главнейшей целью... развивать и поддерживать в названных классах (рабочих и крестьянах) стремление к ниспровержению самодержавия путем вооруженного восстания»). Наложенный на брошюру арест был утвержден СПБ судебной палатой (I отд., 493—1907 г.).

«Как рассуждает г. Плеханов о тактике социал-демократии», СПБ 1906 г. («находя, что изложенная программа большевиков социал-демократической партии имеет целью возбуждать читателей к учинению тяжких преступных деяний, предусмотренных п. 1 ст. 129 угол. улож.», СПБ комитет по делам печати наложил на брошюру арест, утвержденный Судебной палатой. Эта же статья была напечатана в № 1 газ. «Вперед» и вызвала арест и уничтожение номера) (I отд., 244—1911 г., 137—1906 г.).

«К деревенской бедноте». Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы. Москва, 1905 г. («основная и исключительная задача брошюры состоит в том, чтобы возбудить читателей... крестьян и рабочих к ниспроверже-

нию существующего в России общественного строя и к замене его строем социалистическим». Судебная палата постановила издание уничтожить) (II отд., 323—1909 г.).

«Манифест либеральной рабочей партии», статья в сборнике «Марксизм и ликвидаторство», ч. II, СПБ, 1914 г. («Сборник преследует агитационные цели... призыв к революции... к ниспровержению существующего государственного строя». Брошюра была уничтожена по приговору Судебной палаты) (I отд., 299—1914 г.).

«Новый подъем», статья, помещенная в № 10 газеты «Волна» за 1906 г. (была инкриминирована по п. 1 ст. 129 уг. ул., вызвала арест номера и уничтожение его по постановлению Судебной палаты) (I отд., 115—1906 г.).

«Открытая партия и марксисты» — статья в сборнике «Марксизм и ликвидаторство, ч. II, СПБ, 1914 г. (красной нитью через всю брошюру проходит стремление авторов, под видом полемики, побуждать читателя к активной революционной деятельности, к проведению в жизнь социал-демократических начал». По приговору суда, как уже указывалось, брошюра была уничтожена) (I отд., 299—1916 г.).

«Пересмотр аграрной программы рабочей партии», СПБ (СПБ комитетом по делам печати наложен арест, утвержденный Судебной палатой) (I отд. 476—1906 г.).

«Победа кадетов и задачи рабочей партии», СПБ 1906 г. (также была подвергнута аресту) (I отд., 570—1906 г.).

«Против бойкота», статья из брошюры «О бойкоте третьей думы», Москва, 1907 г. (подпольное «прокламационное» издание; арест, наложенный на нее Московской судебной палатой, был подтвержден СПБ судебной палатой) (I отд., № 425—1907 г. и 142—1908 г., II отд., 186—1908 г.).

«Рабочая партия и ее задачи при современном положении», статья, помещенная в № 1 за 1906 г. журнала «Молодая Россия» (была инкриминирована по п. 1 ст. 129 уг. ул. Эта статья, а также находившиеся в № 1—2 другие статьи, вызвавшие инкриминирование, повлекли за собой уничтожение номера и запрещение навсегда журнала по приговору СПБ судебной палаты (I отд., 1—1906 г.).

«Роспуск Думы и задачи пролетариата», Москва, 1906. Подольский губернатор указывал на распространение брошюр крайне революционного содержания, открыто призывающих к вооруженному восстанию, как, например, брошюра Н. Ленина «Роспуск Думы...» и просил указать, как поступать с ними и их распространителями. Московский Комитет по делам печати сообщил, что им возбуждено по названной брошюре судебное преследование, но не получено еще уведомление о решении суда. В 1908 г. по приговору Судебной палаты брошюра была признана подлежащей уничтожению (II отд., 14 ч., 1—1906 г., 837—1906 г)..

«Сердитая растерянность. К вопросу о рабочем съезде», стать в сборнике «Вопросы тактики», Сб. II, СПБ, 1907 г. Вместе с другими статьями этого сборника была инкриминирована по п. 1 ст. 129 уг. ул. Судебная палата постановила брошюру уничтожить (I отд., 328—1907 г.).

«Социал-демократия и выборы в Думу». СПБ, 1906. В отзыве цензора подчеркивается, что В. И. Ленин «старается разоблачить предвыборную политику меньшевистской партии... и неуклонно идет путем революционной соц.-демократии... за торжество лозунгов большевиков». По определению СПБ судебной палаты брошюра была уничтожена (I отд., 91—1913 г., 19—1913 г.).

«Социал-демократия и избирательные соглашения», СПБ., 1907 (уничтожена по приговору СПБ судебной палаты) (I отд. 317—1912 г.).

«Услышишь суд глупца», СПБ, 1907 г. («...помимо чисто полемического материала, она (брошюра) содержит явные призывы к учинению преступных дея-

ний, караемых пп. 1 и 2 ст. 129 уг. ул.». Судебная палата определила брошюру уничтожить (I отд., 215—1912 г.).

«Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», статья из книги «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (сборник статей), СПБ, 1895 г. («...статья К. Тулина (т. е. В. И. Ленина), представляющая наиболее откровенную и полную программу марксистов». В ней «государство выставлено пособником и союзником капитализма, угнетающего и эксплоатирующего народный труд, при чем осмеяны, как явная нелепость, невинные пожелания тех, кто ожидает разрешения вопроса о народных нуждах и удовлетворении социальных потребностей от государственной власти». Сборник был подвергнут уничтожению по постановлению Комитета министров) (III отд., 80—1895 г.).

3. МАРКСИСТСКАЯ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Пропаганда учения Маркса, особенно в популярной общедоступной форме, представлялась с точки зрения русской цензуры, как уже отмечалось, более опасной, чем распространение сочинений самого Маркса. Отсюда пристальное внимание цензуры ко всем произведениям, трактующим марксизм, и запрещение тех из них, в которых подчеркивается революционный характер теории Маркса и ставится вопрос о практическом ее осуществлении.

Подвергались уничтожению и аресту книги и отдельные статьи, посвященные К. Марксу в связи с 25-летием и 30-летием со дня его смерти, например: брошюра «Памяти Карла Маркса», издание О. и М. Кедровых, СПБ, 1908 г., так как в книге «с нескрываемым сочувствием излагается учение, указывающее рабочему классу вполне определенную цель: захват политической власти и ниспровержение существующего строя» (I отд., 273—1908 г.).

Брошюра на грузинском языке «25-летие со дня смерти К. Маркса», Тифлис, 1908 г. (III отд., 202—1913 г.).

Ор...ский П. (Воровский) «Карл Маркс», СПБ, 1913. СПБ комитетом по делам печати наложен арест, утвержденный Судебной палатой (I отд., 233—1913).

Довольно полно отражается в фонде отношение цензуры к ряду представителей западно-европейской и русской социал-демократии. Имеются материалы о произведениях Бебеля: «Академик и социализм», Москва, 1905; «Будущее общество», Москва, 1905; «Всеобщая политическая забастовка», СПБ, 1906; «Грехи центра», Одесса, 1905; «Массовая политическая стачка и социал-демократия», СПБ, 1905; «Наши цели», Одесса, 1905; «О Бернштейне», Одесса, 1905; «О русской революции», Москва, 1906; «Положение женщины в настоящем и будущем», Одесса, 1905; «Постоянная армия и народная милиция», СПБ, 1906; «Профессиональное движение и политические партии. Закон против социалистов в Германии», Одесса, 1905; «Социализация общества», Киев, 1905; «Социализм и избирательное право», СПБ, 1905; «Христианство и социализм», СПБ, 1906. Все эти произведения были приговорены к уничтожению.

Гед Ж. «Коллективизм», Одесса, 1905 г. В 1913 г. приговором Московской судебной палаты определено издание брошюры изъять и уничтожить (II отд., 193—1913 г.).

Жорес представлен сведениями о следующих его произведениях: «Аграрный социализм. Социализм и крестьянство», Одесса, 1905; «Идея мира и солидарность пролетариата», Одесса, 1905; «Избранные речи и статьи», СПБ, 1907 г. и др. Все названные произведения также были приговорены к уничтожению.

Большой материал имеется о произведениях Каутского (сведения о прохождении в цензуре около пятидесяти его сочинений).

Большое внимание цензуры было обращено на популяризацию им учения К. Маркса. В 1898 г. начальник Главного управления по делам печати дал следую-

щую директиву: «Прошу отнестись с особенной строгостью к сочинениям Каутского. В виду появления статей К. Маркса, популяризация их, избавляющая от утомительного чтения оригинала, представляется совершенно бесцельною. Кто хочет ознакомиться с К. Марксом, пусть одолевает его в собственном его виде» (98—1865 г., л. 201).

Сочинения Лассаля. выпущенные в 1870 г. в 2 томах без предварительной цензуры (перевод В. Зайцева, изд. Н. П. Полякова), в 1872 г. были запрещены Комитетом министров. Дело содержит данные об аресте II тома до выхода в свет и возбуждения против издателя судебного преследования по поводу выпуска I тома (1871 г.). Имеются подробные отзывы о всем издании, составленные цензурой как для суда, так и для Комитета министров (256—1870 г.). В 1905 г. собрание сочинений Лассаля было цензурой пропущено. Однако ряд его отдельных статей неоднократно подвергался цензурным преследованиям. Такова, например, была судьба следующих его произведений: «Гласный ответ Центральному комитету, учрежденному для созвания общего германского конгресса в Лейпциге», Одесса, 1905 г.; «К рабочему вопросу», СПБ; «О программе работников», Одесса, 1905 г.; «О сущности конституции», Ростов н/Д. 1905, Киев, 1905, Одесса, 1905.

Сочинения Лафарга (I отд., 413—1913; II отд., 570—1911; I отд., 531—1906; II отд., 19—1914; I отд., 328—1908, 193—1908, 316—1911, 229—1908, 183—1908; II отд., 410—1911; I отд., 413—1906; II отд., 388—1907) оставили в цензуре довольно значительный след. Брошюра «Американские тресты, их экономическое, социальное и политическое значение», СПБ, 1906 г., была в 1913 г. присуждена к уничтожению. Такова же была судьба брошюры «Благотворительность», Одесса, 1905. Арест, наложенный на брошюру «Вера в бога», СПБ судебной палатой был отменен. «За и против коммунизма», Одесса, 1905, определением Судебной палаты была приговорена к уничтожению. «Коммунизм и капитализм», «Поклонение золоту», «Право на леность», «Причины веры в бога в современных классах общества», «Происхождение религии», «Социализм и интеллигенция», «Христианская благотворительность» и «Экономический материализм по воззрениям К. Маркса» подверглись той же участи.

О сочинениях Вильгельма Либкнехта имеются по материалам фонда следующие сведения: «Без компромиссов», Киев, 1906; «18 марта. Июньская резня в Париже. Кровавая неделя в Париже», СПБ, 1906; «В чем нас обвиняют», Тифлис, 1906, на грузинском языке: «Два мира», Одесса, 1905; «Знание — сила, сила — знание», СПБ, 1905; «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений», с предисловием Н. Ленина, СПБ, 1907; «От обороны к нападению», Ростов н/Д, 1904; «Парламентаризм и социал-демократия», Одесса, 1906; «Пауки и мухи», СПБ и Варшава (на еврейском яз.); «Речь о налогах», Ростов н/Д, 1905; «Речь, произнесенная по случаю годовщины основания народного союза в Криммитшау 22/X 1871 г.», Москва, 1905; «1848 год в Германии», СПБ, 1906 — все они подверглись аресту и приговорены были к уничтожению. Брошюра «Воспоминание о Марксе», Одесса, 1905, как неправильно допущенная к печати одесской цензурой, была воспрещена к перепечатанию без особого разрешения Главного управления по делам печати.

Имеются некоторые сведения об аресте и уничтожении произведений Розы Люксембург, а именно: «Русская революция», СПБ, 1906; «Социальная реформа или революция», СПБ, 1907; «Чего мы хотим», СПБ, 1906 г.

Произведения Клары Цеткин также получили отражение в материалах фонда. Отмечено ее письмо к А. Гоффману, помещенное в его книге «Десять заповедей и имущие классы», СПБ, 1906, приговоренной к уничтожению. Книга самой К. Цеткин «Начало женского рабочего движения в Германии», СПБ, 1907, была СПБ судебной палатой приговорена к уничтожению. Что же касается ее брошюры «Школьный вопрос», то арест, наложенный на нее СПБ комитетом по

делам печати, был окружным судом отменен (I отд., 363—1912, 233—1912, 110—1910).

О Г. В. Плеханове в фонде имеется довольно большой материал (III отд., 8—1895 г., 9—1902 г., лл. 66—69, 79; I отд., 370—1907; I отд., 350—1913 г., 114—1909; II отд., 652—1911 г.; I отд., 129—1906 г., 86—1911 г., 377—1907 г., 375—1907 г., 188—1910 г., 300—1907 г., 358—1907 г., 102—1906 г., 120—1908 г., 122—1910 г., 129—1906 г., 169—1910 г., 74—1911 г., 446—1907 г., 529—1912 г., 280—1908, 175 ч. II—1906, 267 — 1908, 122 — 1909, 121 — 1910), но он относится главным образом ко времени революции 1905—1906 гг., когда явочным порядком осуществлялась свобода печати. Из более ранних изданий его произведений, отражающихся в фонде, можно указать: на статью «Первое мая — праздник рабочих», напечатанную в Лондоне в 1892 г. на армянском языке и запрещенную ко ввозу в Россию; на предисловие к «Манифесту коммунистической партии» к изданию 1882 г., инкриминированное цензурой по п. 1 ст. 129 уг. ул., а также на книгу его «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которая была пропущена цензурой в 1894 г., но обратила на себя внимание Департамента полиции, подверглась пересмотру и была в 1898 г. запрещена для обращения в публичных библиотеках.

В числе его остальных, отражающихся в фонде Главного управления по делам печати, произведений можно указать следующие: «Анархизм и социализм», СПБ; «А что если разгонят», СПБ, 1907; «В. Г. Белинский», СПБ; «Эд. Бернштейн. Возможен ли научный социализм. Ответ Г. Плеханова», Одесса, 1906; «Всероссийское разорение», СПБ, 1906; «Дневник социал-демократа», №№ 2—5, СПБ, 1905—1906; «Ежегодный праздник рабочих и 8-часовой рабочий день»; «Заметки публициста. Новые письма о тактике и бестактности», СПБ; «Мы и они», СПБ; «Наши разногласия», СПБ, 1906; «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова», СПБ, 1906; «Очередные задачи», СПБ, 1911; «Патриотизм и социализм», «Письма о тактике и бестактности», «Пролетариат и крестьянство», Одесса, 1906; «Русский рабочий в революционном движении», СПБ; «Симптоматическая ошибка», СПБ, 1907; «Социализм и политическая борьба», СПБ, 1906 и СПБ, 1908; «14 декабря 1825 г.», СПБ. Все эти произведения, за исключением брошюры «Всероссийское разорение» и статьи «Симптоматические ошибки», были подвергнуты аресту и уничтожению. Арест, наложенный на два названные произведения СПБ комитетом по делам печати, судом был отменен.

Рост рабочего движения и развитие русского марксизма в 90-х годах вызвали к жизни появление нескольких марксистских и полумарксистских периодических органов. В материалах фонда имеются данные по их цензурной истории.

Первой легальной марксистской газетой в России был, как известно, «Самарский Вестник». Дело об этой газете, охватывающее весь период ее существования (1875—1904 гг.), содержит ряд интересных документов, относящихся к марксистскому его периоду (1896—1891 гг.). Таковы, например: а) предложение Главного управления по делам печати самарскому губернатору (от 23/I 1897 г.) относиться с особенной строгостью к этой газете, в виду обнаруженного ею «вредного направления», при чем дается и характеристика этого направления; б) представление того же Главного управления по делам печати министру внутренних дел от 15/III 1897 г. о приостановлении газеты на 4 мес. за то, что она «упорствует в пропагандировании самых крайних атеистических и материалистических учений», т. е. «знакомит своих читателей с выводами экономического материализма, проповедуемого школою Маркса» (II отд., 6 ч., 1—1875 г., лл. 225, 228—234).

В деле о журнале «Новое Слово» имеется подробная характеристика его направления, данная СПБ цензурным комитетом, в которой подчеркивалось, что он «старается разрабатывать марксистское учение не только в абстрактной его форме, но зачастую и в чисто конкретной, на почве событий из русской жизни». Здесь же отмечено участие в журнале М. Горького (I отд., 36—1893 г. Всеподданнейшие доклады за 1897 г., № 6). Совещанием 4 министров издание этого

журнала было прекращено 10/XII 1897 г. Протокол этого совещания дает развернутую картину работы «Нового Слова», руководимого т. н. «последователями Маркса», *во главе с Туган-Барановским и Струве.*

В деле о журнале «Начало» заключается ряд отзывов о нем СПБ цензурного комитета как об органе русского марксизма, отражаются цензурные репрессии, налагаемые на отдельные книги журнала за «открытое сочувствие социальной революции» и дается история его прекращения совещанием 4 министров как органа революционного кружка марксистов (I отд., 86—1898 г. Всеподданнейшие доклады за 1899 г., № 7).

Имеется большой материал о журналах: «Научное Обозрение» (I отд., 25—1893 г.), «Жизнь» (I отд., 17—1896 г.), «Мир Божий» (I отд., 20—1891 г.).

4. ЛЕГАЛЬНАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕРИОДИКА

Революция 1905—1906 гг. впервые дала возможность появиться легальной большевистской печати.

Первой легальной большевистской газетой была, как известно, «Новая Жизнь». *Дело о ней содержит сведения об аресте и уничтожении по приговорам* суда многих номеров (1, 6, 8, 13, 14, 15, 17, 19, 25, 26) (I отд., 45—1905 г.).

Имеются также материалы о ряде других большевистских газет и журналов: газ. «Борьба», Москва, 1905, — арест и уничтожение нескольких номеров «за настойчивую пропаганду революционных идей». Сопротивление, оказанное рабочими при аресте одного из номеров, приостановление газ. «Волна» (I отд., 174 — 1905 г.), СПБ, 1906, — арест ряда номеров, приостановление по приговору судебной палаты (I отд., 115—1906 г.); газ. «Вперед», Москва, 1905, издание приостановлено по определению судебной палаты (I отд., 165—1905 г.); газ. «Наше Эхо», СПБ, 1907 (I отд., 55—1907 г.); газ. «Новый Луч», СПБ, 1907—1908,—по приговору судебной палаты арестованные номера были присуждены к уничтожению, редактор заключен в крепость на 1 год, а самое издание запрещено навсегда (I отд., 25—1907 г.); газ. «Простые Речи», СПБ, 1907—1908—по приговору суда редактор был заключен в тюрьму на 6 мес. и издание газеты запрещено навсегда (I отд., 6—1907 г.); газ. «Пчела», Псков, 1906,—наложены аресты на ряд номеров (I отд., 335—1906 г.); газ. «Рабочая Молва», СПБ, 1907,—издание приостановлено после № 1 (I отд., 36—1907 г.); газ. «Светоч», Москва, 1906,—была приостановлена судом и ее редактор приговорен к заключению в крепость (II отд., 22—1907, 46—1906 г., 14 ч., 1—1906 г.); журнал «Тернии Труда», СПБ, 1906 г. — судебным приговором по делу о редакторе-издателе этого журнала С. Малышеве, обвиняемом в «государственном преступлении», издание его было запрещено навсегда (I отд., 208—1906 г.); газ. «Эхо», СПБ, 1906,—почти все вышедшие номера были присуждены к уничтожению, редактор приговорен к заключению в крепости на 2 года, издание запрещено навсегда (I отд., 155—1906 г.). В материалах фонда имеются также сведения о большевистских газетах Закавказья, выходивших в 1904—1907 гг.»: «Кавказский Рабочий Листок», «Ахали Дроеба» («Новое время»), «Ахали Цховреба» («Новая Жизнь»), «Чвени Цховреба» («Наша Жизнь»), «Кайц» («Искра»), «Нор Хоск» («Новое Слово»). Почти все они были приостановлены администрацией на все время действия военного положения.

В последующую эпоху реакции и особенно — революционного подъема попытки иметь легальный большевистский орган возобновляются. В фонде имеются материалы о ряде таких попыток: газ. «Бакинский Рабочий», Баку 1908,— за «вредное» направление приостановлена бакинским градоначальником на основании положения о чрезвычайной охране (III отд., 152—1908 г. и 57—1909 г.); журнал «Вопросы Страхования», СПБ, 1913 (I отд., 374—1913 г.); журнал «Заря Поволжья», Самара, 1914,—приостановлен самарским губернатором за на-

правление «вредное для государственного порядка и спокойствия» (III отд., 1—1914 г.); газ. «Звезда» и «Невская Звезда», СПБ, 1910—1912 гг.,—имеются сведения об аресте ряда номеров (I отд., 25—1911 г., 82—1912 г.); газета «Правда», СПБ, 1912—1914 гг., вследствие цензурных репрессий и неоднократных приостановлений несколько раз менявшая свое название («Рабочая Правда», «Северная Правда», «Правда Труда», «За Правду», «Пролетарская Правда», «Путь Правды», «Трудовая Правда», «Рабочий»); имеются данные о многих репрессиях: аресте отдельных номеров, привлечении к судебной ответственности редакторов, а также наложении на них штрафов в административном порядке; текст запроса в Государственную Думу о преследованиях рабочей печати, справка о наложенных на «Правду» взысканиях; сведения о числе постоянных подписчиков и о тираже газеты (I отд., 202 ч., I—III—1912 г.; 406—1913 г.; 493—1913, 362—1913 г., 17—1914 г., 497—1912 г., 320—1913 г.; журнал «Мысль», Москва, 1910 (538—1910 г.), «Наша Газета» Саратов, 1915 (III отд., 127—1915); газ. «Наш Путь», Москва, 1913 (II отд., 257—1911); журн. «Современная Жизнь», Баку, 1910—1911 (III отд., 162—1910).

Имеются также данные о прохождении в цензуре непериодической большевистской печати. Находит отражение ряд сборников: «Вопросы тактики» (I отд., 328—1907), «О веяниях времени» (I отд., 172—1908), «Очередные вопросы» (I отд., 298—1908), «Марксизм и ликвидаторство», ч. II, СПБ, 1914 (I отд. 299—1914), «Темы дня» (I отд., 418—1907), а также книги отдельных авторов, напр.: Орловский (Воровский) «Государственная дума и рабочий класс» (I отд., 477—1907), Ольминский «Памяти погибших» (I отд., 597—1906), Покровский М. Н., «Экономический материализм», его же предисловие к книге К. Левина «Политические партии в России» (II отд., 14—1906, 301—1909, 414—1907), Лебедев П. (Керженцев) «Библиотека социал-демократа» (II отд., 527—1911; 447—1912).

5. РАБОЧАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА

Профессиональная периодическая печать. Значительное развитие этой печати наблюдается со времени революции 1905—1906 гг. Фонд содержит большой материал о профессиональных периодических изданиях и дает возможность восстановить исключительно трудные условия их работы, в связи с непрерывными цензурными репрессиями, которым они подвергались. Даем перечень изданий, подвергавшихся этим репрессиям (в алфавите названий):

«Бакинский Профессиональный Вестник», 1909.
«Булочник», Москва, 1906.
«Бюллетень Конторщика», СПБ, 1912.
«Вестник Золотосеребрянников и Бронзовщиков», СПБ, 1907—1908.
«Вестник Печатников», СПБ, 1906.
«Вестник Приказчика», Н.-Новгород, 1906.
«Вестник Приказчика», СПБ, 1912—1914.
«Вестник Профессионального Движения», СПБ, 1913.
«Вестник Работниц и Рабочих Волокнистых Производств», СПБ, 1907—1908.
«Вестник Рабочих по Обработке Металла», СПБ, 1908.
«Вестник Торговых Служащих», Москва, 1913.
«Голос Железнодорожника», СПБ, 1907.
«Голос Кожевника», Вильна, 1907—1908.
«Голос Печатника», СПБ, 1906—1907.
«Голос Приказчика», СПБ, 1906.
«Голос Табачника», СПБ, 1907—1909.
«Голос Ткача», СПБ, 1906.
«Голос Фармацевта», СПБ, 1906.
«Деревообделочник», СПБ, 1914.
«Железнодорожная Жизнь», Москва, 1906.

«Жизнь Конторщика», СПБ, 1907.
«Жизнь Пекарей», СПБ, 1913.
«Жизнь Приказчика», Н.-Новгород, 1907.
«Киевский Печатник», Киев, 1908.
«Кожевник», СПБ, 1909—1911.
«Листок Булочников и Кондитеров», СПБ, 1906.
«Листок для Рабочих Портных, Портних и Скорняков», СПБ, 1906.
«Листок Рабочих по Обработке Дерева», СПБ, 1907—1909.
«Металлист», СПБ, 1911.
«Петербургский Сапожник», СПБ, 1906.
«Печатник», М. 1906.
«Пролетарий Иглы», СПБ, 1914.
«Рабочий по Металлу», СПБ, 1906—1907.
«Семафор»; М., 1911.
«Ткач», СПБ, 1906.
«Фабричный Станок», СПБ, 1908.
«Южный Фармацевт», Киев, 1907—1908.

Список этот можно было бы значительно увеличить. Дела об этих изданиях наполнены сведениями о возбуждении судебного преследования, наложении штрафов на редакторов, аресте и уничтожении отдельных номеров и прекращении изданий в административном или судебном порядке. Встречаются общие характеристики направления изданий, а также отзывы об отдельных статьях, остановивших внимание цензуры.

Непериодическая печать, посвященная профессиональному движению, также находит в фонде отражение. Обычная судьба многих книг, посвященных этим вопросам — арест и уничтожение, при чем инкриминируются они, как правило, по ст. 129 уг. ул. Из этих книг можно назвать, например, следующие: Антонов М. «Профессиональные союзы»; Вознесенский «Профессиональные союзы рабочих»; Дмитриев К. «Профессиональное движение и союзы в России»; Канель В. «Профессиональное движение»; Кольцов Д. «Профессиональные союзы и рабочая партия»; Лосев «Профессиональные союзы»; Неманский А. «Нейтральные или партийные профессиональные союзы»; Торгашев Б. П. «Профессиональное движение и социал-демократия»; Шиппель «Профессиональные союзы рабочих».

6. ПРОЧИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Материалы фонда о периодических изданиях отличаются значительной полнотой.

Правилами 6/IV 1865 г. разрешение периодических изданий было предоставлено Министерству внутренних дел, т. е. Главному управлению по делам печати, и этот порядок действовал до 1905 г. включительно. Отсюда — наличие в фонде отдельных дел о всех газетах и журналах, как подцензурных, так и бесцензурных, выходивших в пределах империи и подведомственных общей цензуре. В этих отдельных делах, как правило, имеются сведения о редакторах и издателях данного издания, о его программе, а также данные о всех постигавших его цензурных взысканиях, как административных, так и судебных: запрещение отдельных статей, задержание целых номеров, предостережения, в связи с «вредным» направлением, запрещение розничной продажи, запрещение помещения частных объявлений, осложнения, чинимые администрацией в связи с переходом издания к другому издателю, приостановление и прекращение издания. Сверх того в делах нередко имеются отзывы цензоров об отдельных помещенных в изданиях статьях или об общем направлении издания за определенный период. Ряд дел содержит сведения об отказе в разрешении на издание журнала или газеты.

Законом 24/XI 1905 г. право на разрешение периодического издания было предоставлено местной администрации, т. е. градоначальникам и губернаторам.

Однако циркуляром Главного управления по делам печати 9/XII 1905 г. № 14508 местная администрация обязывалась доставлять Главному управлению сведения как о вновь разрешенных периодических изданиях, их редакторах, издателях и программах, так и о переменах, происшедших с изданиями, разрешенными ранее. Поэтому содержание дел о журналах и газетах по фонду Главного управления по делам печати с 1906 г. меняется мало: так же имеются отдельные дела об этих изданиях, только сведения о редакторах, издателях и программах представлены обычно в виде копий свидетельств, выданных на право издания местной администрацией; так же дела изобилуют данными о судебных и административных взысканиях — аресте и уничтожении отдельных номеров, привлечении к суду лиц, виновных в напечатании инкриминируемой статьи, арестах редакторов, наложении денежных штрафов, закрытии периодических изданий, особенно участившемся в годы господства положения о чрезвычайной и усиленной охране. Отзывы о периодических изданиях и помещаемых в них статьях с 1906 г. после отмены предварительной цензуры становятся более краткими, так как задача цензора заключалась теперь только в подведении данного «преступления» под соответствующую статью уголовного уложения или уложения о наказаниях. Обоснование этого подведения давалось не всегда, хотя суд иногда на нем настаивал. При применении «обязательных постановлений», издаваемых в порядке охраны, особо подробными обоснованиями администрация также обычно себя не утруждала.

Для примера приведем содержание нескольких дел, отражающих разнообразие документов, заключающихся в делах о периодических изданиях.

Дело о журнале «Современник», издаваемом Н. А. Некрасовым и А. Н. Пыпиным.

Прошение издателя и редакторов о разрешениях журналу выходить без предварительной цензуры и разрешении на это Главного управления по делам печати. Донесения СПБ цензурного комитета о статьях, помещенных в VIII и IX книжках этого журнала, остановивших его внимание своим направлением: «Надежды и опасения», «Новые времена», «Фердинанд Лассаль», «Парижские письма», «Записки современника». Черновой журнал совета Главного управления по делам печати и решение его о 1-м предостережении «Современнику». Распоряжение об этом министра внутренних дел, расписка Н. А. Некрасова и А. Н. Пыпина в получении извещения о предостережении.

Донесения СПБ цензурного комитета о статьях, помещенных в X книжке: «Суемудрие дня» — Антоновича, «Деревенские встречи» — Гл. Успенского, стих. «Железная дорога» — Некрасова. Дополнительный отзыв об этой книжке (X) члена совета Главного управления по делам печати Мартынова и членов того же совета Толстого и Тютчева. Распоряжение министра внутренних дел о 2-м предостережении «Современнику». Письмо А. Н. Муравьева на имя министра внутренних дел о недостаточности мер борьбы с «возмутителями общественного порядка» (журн. «Современник») и ответ на него П. А. Валуева. Письмо Н. А. Некрасова о затруднениях, испытываемых журналом (незначительная подписка из-за боязни запрещения журнала, строгости цензуры при рассмотрении намеченных для помещения в № 1 за 1866 г. статей, в частности рассказа Салтыкова). Донесение СПБ цензурного комитета о 3-й книжке журнала (1866 г.); ст. Ю. Жуковского «Вопросы молодого поколения»; заключение Главного управления по делам печати о необходимости судебного преследования за эту статью, донесение СПБ цензурного комитета о доведении до сведения редактора «Современника» высочайшего повеления о прекращении журнала и об аресте приготовленного к выпуску № 5. Сообщение Главного управления по делам печати прокурору окружного суда о возбуждении им судебного преследования против автора статьи «Вопросы молодого поколения» Ю. Жуковского и редактора журнала А. Пыпина. Несколько номеров газет («Северная Пчела», «Весть») с отчетами о судебном процессе по этому делу. Извещение прокурора окружного суда о ре-

шении суда, циркуляр Главного управления по делам печати о нем подведомственным учреждениям (73—1865 г.).

Газета «Летопись Забайкалья», Чита, 1907 г. Дело содержит следующие документы: сообщение военного губернатора Забайкальской области о выданном им разрешении на издание этой газеты, программа ее. Извещение *того же губернатора о перенесении печатания газеты в другую типографию и* переходе издания и редактирования к другому лицу (снова приложена программа). Копия постановления иркутского генерал-губернатора о наложении на редактора-издателя штрафа в 1 000 руб. за напечатание статьи, «возбуждающей враждебное отношение к деятельности должностного лица». Приложен номер газеты, где помещена эта статья (III отд., 93—1907).

Газета «Народная Жизнь», Ставрополь, 1907 г. Копия свидетельства на право издания газеты с указанием издателя, редактора, программы и места печатания (типографии) газеты.

Извещение об уголовном преследовании, возбужденном за напечатанную в газете статью «Чрезвычайные меры» (приложен номер газеты с этой статьей). Предписание Главного управления по делам печати о напечатании опровержения на помещенную в газете статью, присланного ставропольским губернатором.

Сообщение губернатора о приостановлении им газеты на все время объявленного в Ставрополе чрезвычайного положения, «в виду вредного ее направления» (II отд., 325—1907).

Газета «Новая Копейка», Екатеринослав, 1909.

Донесение екатеринославского инспектора по делам печати о выходе газеты; его же рапорты о возбуждении судебного преследования за статьи о школе («Чему они радуются») и об участии министерства внутренних дел в провокациях («Поспешили»), с приложением номеров газет. Сообщение губернатора о наложении на редактора административного взыскания за нарушение обязательного постановления. Извещение о прекращении газеты. Сообщение Департамента полиции о пособии из кассы Центрального комитета Р. С.-Д. Р. П. в числе других и этой газете. Опровержение этого сведения екатеринославским инспектором по делам печати (II отд., 145—1909).

Кроме дел, содержащих сведения об отдельных периодических изданиях, данные о них находятся в ряде общих дел. Таковы дела с годовыми отчетами по Главному управлению. Они состоят из отчетов цензурных комитетов и отдельных цензоров, а также губернаторов, в которых перечисляются выходившие в течение года периодические издания и даются сведения о нарушении ими законов о печати. Встречаются дела со сведениями о периодических изданиях, приостановленных административным или судебным порядком (I отд., 238—1906, 101 ч., I—II—1907; 70—1907; 47—1907, III отд., 302—1912; 186—1913 и др.) с циркулярами Главного управления по делам печати об аресте и уничтожении отдельных номеров или прекращении изданий (I отд., 104 ч. I—III—1906) с донесениями о вновь вышедших, прекратившихся и возобновившихся изданиях (III отд., 253—1911, 301—1912 и др.); дела с циркулярами и особыми распоряжениями по цензированию провинциальных повременных изданий (II отд., 52 ч., I—VII—1881 г.); за отдельные годы имеются сведения о тираже газет и числе подписчиков на них (IV отд., 22—1898 г.). Встречаются составленные по разным случаям характеристики направления тех или иных периодических изданий, такова, например, характеристика московских изданий, выходивших в 1909 г. (II отд., 7 ч., 1—1906 г., лл. 146—148).

Из общей группы периодической печати можно выделить несколько категорий, представляющих некоторый специфический интерес.

Такова группа сатирических изданий, особенно выросшая в революцию 1905—1906 гг. Издания эти привлекали особое внимание цензуры и текстом и рисунками, которыми он обычно сопровождался. В делах фонда имеется много сведений о применявшихся по отношению их репрессиях. Укажем несколько журналов, издание которых было навсегда запрещено судом: «Буревал», «Буря», «Де-

вятый Вал», «Забияка», «Зеркало», «Карандаш», «Митинг», «Молот», «Овод», «Паяц», «Сигнал» и др.; приостановлены администрацией на время чрезвычайного и военного положения: «Бомба», «Брызги», «Жгут», «Звон», «Злой Дух», «Комар», «Красный Смех», «Кукуреку», «Свисток», «Чайка». Ряд журналов, кроме того, подвергался и другим цензурным карам — аресту и уничтожению отдельных номеров, привлечению к судебной ответственности редакторов («Адская Почта», «Альманах», «Бич», «Буравчик», «Водоворот», «Ворон», «Гвоздь», «Гном», «Гудок», «Еж», «Зритель», «Кобылка», «Маски», «Серый Волк»). Несмотря на репрессии, сатирические журналы делали свое дело, и цензура иногда признавалась в недействительности своих мер. В 1906 г. Витте послал министру внутренних дел Дурново № 1 журн. «Вампир», чтобы обратить его внимание на допущенные журналом резкости. Дурново отослал журнал начальнику Главного управления по делам печати с следующей надписью: «Что вы скажете о «Вампире»? По моему мнению терпеть эти мерзости невозможно». Но тот не нашел возможным применить какую-нибудь репрессию и указал, что этот журнал бледнее других, так как в нем нет ни одного намека на царя или членов царской фамилии (I отд., 4—1906).

Особо надо отметить также наличие в фонде материалов о периодической печати политических партий.

А. Печать меньшевиков

Цензурная история меньшевистских органов отражается в ряде дел. Укажем некоторые из них (в алфавитном порядке):

Газ. «Голос Труда», Киев, 1913.
Журн. «Возрождение», Москва, 1910.
Газ. «Голос труда», Киев, 1913.
» «Голос Труда», Самара, 1916.
» «Дело Жизни», СПБ, 1911.
Журн. «Единство», СПБ, 1910.
Газ. «Живое Дело», СПБ, 1912.
» «Живое Дело», СПБ, 1912.
» «Луч», СПБ, 1912—1914 и последовательно сменявшие его газеты «Живая Жизнь», «Новая Рабочая Газета», «Северная Рабочая Газета» и «Наша Рабочая Газета».
«На очереди», СПБ, 1906—1907.
» «Начало», СПБ, 1905.
» «Народная Дума», СПБ, 1906—1907.
» «Наш Голос», Самара, 1915.
Журн. «Наша Заря», СПБ, 1910—1915.

Б. Печать социал-революционеров

Приводим список основных дел об изданиях социал-революционеров: :
Газ. «Дело Народа», СПБ, 1906.
» «Живая Мысль», СПБ, 1913—1914 и последовательно сменявшие ее газ. «Заветная Мысль», «Вольная Мысль», «Северная Мысль», «Бодрая Мысль», «Верная Мысль», «Стойкая Мысль», «Смелая Мысль», «Живая Мысль Труда» (1913—1914 гг.)
» «Мысль», СПБ, 1906.
» «Труд», СПБ, 1907.
» «Трудовой Голос», СПБ, 1913.

В. Кадетская печать

Назовем несколько дел о печати к-д. партии:
«Вестник Партии Народной Свободы», СПБ, 1906.
«Речь», СПБ, 1906—1916.

Г. Печать черносотенных организаций

Материалы фонда дают ряд ярких иллюстраций тесной связи между правительством и черносотенной печатью. В них неоднократно встречаются высказывания крупных правительственных агентов о той пользе, которую они усматривали от распространения правой печати в деле борьбы с печатью революционной. Так, в 1910 г. подольское губернское жандармское управление, указывая на большое распространение в губернии газет противоправительственного направления, подчеркивало необходимость правого периодического органа, который «доступным по форме и содержанию образом разъяснял бы народу неосновательность требований левых партий» (I отд., 7 ч., 1—1906 г., л. 180). Поэтому и отношение цензуры к правым органам было в высшей степени снисходительным. О черносотенной газете «Вече» московский комитет по делам печати сообщал, что он не мог преследовать ее выходки, раз цель и намерения их были высокопатриотичны (II отд., 13—1906; лл. 24—25). О принятии мер к «удержанию в пределах литературных приличий» газ. «Набат» (орган Таврического отдела союза русского народа) военный министр был вынужден просить Министерство внутренних дел особым секретным письмом (II отд., 316—1917 г.). Еще более убедителен и красочен находящийся в фонде материал о материальной поддержке, получавшейся правой печатью от правительства, о так называемых субсидиях. Сведения об этих пособиях находятся в общих делах, например: «Об израсходовании кредита в 75 тыс. и 25 тыс. руб., отпущенных на воспособление периодическим органам печати» (1906 г.), или «О выдаче пособий периодическим изданиям из кредита 350 тыс. руб. в 1908 г.». Имеются они и в отдельных делах о получении субсидий той или иной правой газетой (сохранившихся, к сожалению, не полностью) (IV отд., 32—1906 г.; V отд., 67—1908 г. Опись № 26, изд., субсидированные правительством). Назовем несколько изданий, получавших эти субсидии: «Голос Рязани» (1907 г.), «Голос Самары» (1906—1912 гг.) «День» (Москва, 1907 г.), «За царя и родину» (1908 г.), «Могилевский Вестник» (1906—1907 г.); «Молдованул» (Кишинев, 1907 г.), «Набат», (Симферополь, 1907 г.), «Родной Край» (Херсон, 1908 г.) и ряд других (IV отд., 32—1907; III отд., 107—1907, V отд., 67—1908).

7. ИЗДАНИЯ ДЛЯ НАРОДА

Издания для народа, как специально предназначенные для широкого распространения в народных массах, так и вообще отличающиеся общедоступностью и популярностью изложения, привлекали к себе особые внимание и заботы царского правительства. «Заботы» эти, в основном, шли по двум направлениям. С одной стороны, принимаются разнообразные меры для того, чтобы воспрепятствовать распространению в народе революционной и идущей вразрез с интересами правительства литературы. С другой — делаются попытки заменить эту литературу каким-нибудь суррогатом. И то и другое находит яркое отражение в материалах Главного управления по делам печати.

«Временные правила» 6/IV 1865 г. оставили предварительную цензуру для книг небольшого объема, конечно, имея в виду сохранение более тщательного контроля над дешевой общедоступной литературой. Не довольствуясь этим, устанавливают особые меры, как бы двойной цензуры. Укажем несколько специальных распоряжений Главного управления по делам печати, относящихся к народным изданиям. В 1874 г. в связи с изданием Саблиным для «ремесленного класса» (т. е. для рабочих) общедоступных чтений, в которых он был намерен «проводить дух сопротивления рабочих относительно существующих ныне порядков», было предписано Цензурному комитету обращать на эти издания «самое строгое внимание, а равно подвергать самой строгой цензуре и все вообще издания, предназначенные для народа» (II отд., 95—1874 г.).

В 1875 г. было повторено предписание цензорам «быть в высшей степени внимательными при цензировании дешевых изданий, назначаемых для народного чтения, и в случае, когда замечено будет... злонамеренное в них направление, не ограничиваться исключением одних резких мест, а воспрещать их к печатанию целиком» (II отд., 96—1874 г.).

В 1894 г., по письму К. П. Победоносцева, обратившего внимание на газетное сообщение о предполагаемом издании для народа сочинений Салтыкова-Щедрина, был издан циркуляр, в котором отмечались случаи пропуска книг для народного чтения «без достаточной осторожности» и предписывалось «на будущее время относиться к народным изданиям с особенным вниманием и строгостью, не ограничиваясь лишь применением к ним общих цензурных правил»» (III отд., 63—1893 г.).

В 1895 г. циркуляр Главного управления по делам печати требовал не допускать к печати таких произведений, «которые по содержанию своему не могут быть признаны безусловно безвредными для народного чтения». Им же, в целях более тщательного контроля, в обязанность цензурных органов вменялось представление в Главное управление по делам печати ежемесячных ведомостей о рассмотренных книгах и брошюрах для народного чтения (III отд., 51—1895 г.).

В 1900 г. предпринятое Берманом издание небольших брошюр «Книжка-копейка» вызвало циркуляр Главного управления по делам печати, предписывающий «в виду крайней дешевизны и большого количества печатаемых экземпляров этого издания... относиться к этим произведениям с особым вниманием и осторожностью» (IV отд., 50—1900 г.).

Для борьбы с распространением в народе противоправительственной периодической печати также был предпринят ряд мер, при чем они относятся к 1906 и следующим годам. Волостным правлениям была воспрещена выписка газет и других периодических изданий противоправительственного направления (II отд., 7 ч., 1—1906 г., л. 34; 15—1906 г., лл. 46—47, IV отд., 219—1912 г.). Было предписано задерживать рассылаемые бесплатно на адреса волостных правлений противоправительственные периодические издания. Эти распоряжения сопровождались списками запретных изданий Материал фонда дает сведения о тех «решительных и энергичных» мерах, которые применялись в этой борьбе отдельными губернаторами.

Не ограничиваясь методами двойной цензуры, усиленных стеснений и запретов, правительство пыталось противопоставить гонимой и запрещаемой литературе издания своей фабрикации. Материалы фонда содержат сведения о ряде таких попыток, назовем несколько из них. В 1878 г. для ограждения народа «от влияния злонамеренной пропаганды» особым совещанием в составе министров государственных имуществ, внутренних дел, юстиции, народного просвещения и шефа жандармов был разработан вопрос об издании дешевых книг для народа. Эти книги должны были прежде всего служить к укреплению религиозных и верноподданнических чувств, но при этом они не должны были иметь внешнего официального характера (II отд., 164/97—1878 г.). С этой же целью отпускались крупные денежные субсидии издателю проповедей Исаакиевского собора Богдановичу и др. В области периодической печати такой попыткой было предпринятое в 1881 г. издание газ. «Сельский Вестник» (при официальной газ. «Правительственный Вестник»). Эта газета должна была явиться «народной газетой» и предназначалась для укрепления в сельском населении «веры православной... здорового русского национального самосознания, любви к отечеству и самодержавному монарху». В фонде имеется большой материал о ней, о ее реорганизации в 1906 г «на началах, соответствующих современным потребностям крестьянского населения», о строжайшем контроле и наблюдении за ее содержанием Главного управления по делам печати и самого министра внутренних дел (статьи о Л. Н. Толстом в связи с его юбилеем предварительно просматривал сам министр), о мерах к ее возможно более широкому распространению, издании при ней сочинений по аграр-

ному вопросу (напр., «Что хочет сделать правительство, чтобы улучшить положение крестьян», «О переделе земли»), в том числе специально посвященных столыпинской реформе (напр., картина «Новая земледельческая Россия на хуторах и отрубных участках») (V отд., 59—1906; I отд., 203—1906, опись № 26, дело «Сельского Вестника», №№ 1—1905 г., 29—1909, 31—1910, 33—1910, 26—1911 г.).

В 1914 г. для оживления «дела народного издательства» при Главном управлении по делам печати был создан особый Комитет народных изданий из представителей министерства внутренних дел и Главного управления землеустройства и земледелия. Он должен был способствовать распространению в народной среде различных полезных изданий и бороться с частными изданиями, «весьма часто принимающими нежелательную и прямо вредную окраску». Руководству этого Комитета был подчинен и «Сельский Вестник». Им издан был для бесплатной раздачи населению ряд патриотических листков («Великая Война», «Зверства Немцев» и т. п.). Сведения о его деятельности в фонде немногочисленны (Всеподданнейшие доклады за 1914 г., № 5; V отд., 276—1914 г. Опись № 26, издания, субсидируемые правительством, д. № 35, ч. I—V, 1914 г.).

8. РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Фонд Главного управления по делам печати содержит богатейший материал по истории русской художественной литературы. Он дает сведения о тех стеснениях и репрессиях, среди которых ей приходилось развиваться, если она отказывалась служить интересам класса помещика-крепостника. Приводимые ниже факты расправы цензуры с художественными произведениями, взятые для примера отдельные иллюстрации дают, разумеется, лишь общую и далеко неполную картину. Сведения эти приводятся в алфавитном порядке авторов.

Андреев, Л. «Мои записки», рассказ, помещенный в газ. «Эпоха» в 1908 г., вызвал арест номера газеты. «Сашка Жигулев», напечатанный в 16-й кн. альманаха «Шиповник», по отзыву тамбовского губернатора Н. П. Муратова, содержит «хвалебный гимн убийствам, грабежам на революционной подкладке» и является «явно преступным». Вследствие этого отзыва, СПБ. комитет по делам печати должен был дать разъяснения, какими соображениями было вызвано допущение этого романа.

Андрусон, Л., стихотворение «Ткачи» повлекло арест сборника, в котором оно было напечатано, за «возбуждение низших классов против высших».

Башкин, В., «Стихотворения» были приговорены судом в 1914 г. к уничтожению за выражения, признанные оскорбительными для «нашего войска».

Демьян Бедный, — его басни «Благодетель» и «Свеча», напечатанные в журн. «Просвещение», были исключены по приговору суда.

Блок, А., Стихотворение «Люблю тебя, ангел хранитель во мгле» было отмечено цензурой, как проникнутое «революционной тенденцией», воспевающее, «хотя и в несколько туманной форме, политическое убийство».

Брусков., С., Сборник стихов «У порога» по отзыву Московского комитета по делам печати «проникнут социальными мотивами, по большей части бунтарского характера». Арест, наложенный на книгу, был отменен судом (1908 г.), но оставлен в силе московским ген.-губернатором в связи с чрезвычайной охраной.

Вересаев, «На войне» — записки эти вызвали арест сборника т-ва «Знание», приговор суда об уничтожении инкриминируемых мест, рассмотрение книги представителем военного ведомства, отметившим умышленное сгущение красок при описании войны, стремление всячески унизить войска и в особенности корпус офицеров.

Вольный, Ив. «За веру, царя и отечество». Суд определил рассказ уничтожить за содержащееся в нем «возбуждение против отбывания воинской повинности, презрение и ненависть к воинскому долгу и присяге и ко всему вообще воинскому быту, строю и начальству».

Гарин, Н., «Инженеры» — по постановлению суда были изъяты и уничтожены листы книги, содержащие рассуждения, оскорбительные для православной церкви. По делу об этой книге был привлечен М. Горький, как руководитель издания, где она была помещена (сборн. т-ва «Знание»).

Гаршин, Вс. По распоряжению Главного управления по делам печати были запрещены для перепечатки и для народного чтения несколько рассказов: «Трус», «Четыре дня на поле сражения», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Медведи».

Горький, Максим. Многочисленные цензурные репрессии, налагавшиеся на его произведения, общеизвестны. Вот несколько примеров: «Жизнь ненужного человека» подверглась уничтожению часть книги. «Исповедь» — председатель русского монархического собрания прот. Восторгов просил изъять из обращения. Главное управление по делам печати признало повесть «не только не полезной, но даже прямо вредной», однако судебного преследования не решилось начинать, так как затруднялось подвести ее под определенную статью закона. «Коновалов» послужил причиной задержания книжки журн. «Новое Слово» (1897 г.) «по многим местам социалистического и резко возбудительного пошиба». По требованию цензуры из него были изъяты места на 18 страницах. «Мать» — в 1914 г. суд постановил уничтожить сборники т-ва «Знание», где напечатана была эта повесть, в которой цензура усмотрела «полное, ясно выраженное сочувствие автора идеям социалистического учения и выведенным в повести пропагандистам этого учения». Статья «О еврейском вопросе», напечатанная в газ. «Приазовский Край», вызвала яростный протест Союза русского народа, назвавшего Горького в жалобе министру внутренних дел «великим пакостником земли русской и кощунником». «Сказка», помещенная в московском журнале «Человек», повлекла вместе с некоторыми другими статьями уничтожение номера этого журнала за возбуждение классовой вражды.

Затертый, А. (псевдоним Новикова-Прибоя). «Безумцы и бесплодные жертвы» — брошюра подверглась аресту.

Крестовский, Вс. Внимание цензуры останавливали несколько его произведений: «Панургово стадо», «По дороге», «После потопа», особенно же «Петербургские трущобы».

Лесков, Н. С. Из VI тома собрания его сочинений были изъяты и уничтожены рассказы «Мелочи архиерейской жизни», «Архиерейские объезды», «Епархиальный суд» и др., признанные духовной цензурой особенно вредными. СПБ цензурный комитет нашел всю книгу «дерзким памфлетом и на церковное управление в России и на растление нравов низшего духовенства» (III отд., 31-б—1889 г.).

Михайлов, М. Л. Издание сборника его повестей и рассказов, а также собрания его стихотворений в 1889 г. производилось с соблюдением особой осторожности, в связи с законом 1871 г. о сочинениях государственных преступников и эмигрантов. При этом из собрания его стихотворных переводов был сделан ряд исключений: Томас Гуд — «Песнь о рубашке», Гете — «Прометей», Гейне — «Сумерки богов», «Боги Греции», а также ряд стихотворений Беранже.

В том же 1889 г. было отклонено ходатайство Л. П. Шелгуновой о разрешении издать полное собрание сочинений М. Л. Михайлова с приложением его портрета (III отд., 7—1889 г.).

Салтыков-Щедрин, М. Е. Большой и широко известный в настоящее время материал имеется в фонде о произведениях великого сатирика, а также о деятельности его в качестве редактора.

Серафимович, А. С. Рассказ «Похоронный марш» был уничтожен по приговору суда, как содержащий «возбуждение к изменническим и бунтовщическим деяниям». Такая же судьба постигла рассказы «У обрыва» — за проповедь революционных идей и «Среди ночи» за возбуждение «вражды между хозяевами и рабочими, а также между сословиями дворянским, духовным и крестьянским».

Сологуб, Ф. Отдельные его стихотворения инкриминировались по статьям 73 (за богохульство), 103, (за оскорбление царствующего императора) и 129

уг. ул. (*возбуждение бунтовщического или изменнического деяния*). Его новелла «Царица поцелуев» была уничтожена на основании 1001 ст. уложения о наказаниях.

Тан. Были приговорены к уничтожению повесть из московских событий «Дни свободы» и сборник стихотворений (2-е дополненное издание), налагался арест на 3-е и 4-е издания стихотворений. По отзыву цензора весь сборник их «проникнут настроением мятежным», которое в некоторых стихотворениях «переходит в возбуждение к революционной мятежнической деятельности».

Толстой, Л. Н. Относящийся к нему материал особенно велик и разнообразен. Около 150 дел фонда содержат сведения о цензурных гонениях на его произведения. Сведения эти относятся как к русским, так и к заграничным их изданиям и с достаточной полнотой отражают отношение к Л. Н. Толстому царской цензуры.

Якубович, П. (Мельшин). В 1914 г. произведено исключение ряда стихотворений, «являющихся по своему характеру явно преступными», из т. II, 4-го издания. Уничтожение нескольких стихотворений из т. II, 5-го издания, произошло и в 1915 г.

9. ИНОСТРАННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Фонд хорошо отражает судьбу классических произведений иностранной художественной литературы в царской цензуре. Приводим для иллюстрации материал, относящийся к литературам различных народов (в алфавите стран):

Американская литература. Уот Уитман. Из книги «Побеги травы» в 1912 г. уничтожен отдел «Дети Адама» и стих. «Ласка орлов» за их безнравственность (*II отд., 145—1911*). Джек Лондон — роман «Железная пята» был арестован цензурой, при чем арест был утвержден СПБ судебной палатой, но отменен в 1916 г. Сенатом. Однако военная цензура постановила не разрешать книгу на все время военного положения (I отд., 56—1912).

Английская литература. Оскар Уайльд «Царь жизни» подвергся аресту Московским комитетом по делам печати, который был отменен судом (II отд., 224—1908 г.).

Бельгийская литература. Стихи Верхарна «Кузнец» и «Восстание», напечатанные в журнале «Вестник Портных», вызвали арест всего номера (I отд., 117—1912 г.).

Немецкая литература. Генрих Гейне. Материал отражает судьбу в России первых изданий (немецких) его сочинений, допущение в 1863 г. полного собрания сочинений (также на немецком языке), по отзыву цензора А. Н. Майкова (имеется копия его отзыва), пересмотр вопроса в 1867 г., отзывы членов совета Главного управления по делам печати с приложением (в переводе) всех сомнительных мест из 20 томов полного собрания сочинений Гейне; предписание СПБ комитету цензуры иностранной вновь пересмотреть полное собрание сочинений и исключить из него «крайне неприличные места, противные религии и нравственности» (351/549—1866). Отражается также отношение цензуры к переводам сочинений Гейне на русский язык. Еще в 1907 г. был уничтожен по решению суда перевод стих. «Диспут» на основании ст. 73 уг. ул. (II отд., 437-а—1907).

Норвежская литература. Кнут Гамсун. Из книги его «Мистерия», переведенной на латышский язык, были исключены и уничтожены страницы, содержащие непочтительное упоминание о крови Христа.

Французская литература представлена в фонде особенно богато. Бодлер. В 1908 г. был наложен арест на сборник «Цветы зла», так как три из вошедших в него стихотворений были признаны кощунственными (I отд., 110—1908). Вольтер. В 1912 г. петербургский Комитет по делам печати наложил арест на сборник повестей и рассказов, найдя часть их «явно противными нравственности и благопристойности» (I отд., 283—1912). Гюго. Хорошо отражена цензурная история романа «Несчастные». При рассмотрении его перевода на рус-

ский язык в 1866 г. СПБ цензурный комитет нашел, что, несмотря на изъятие ряда мест, которые издатель считал «неприличными» в русском переводе, в этой книге, как и во всех социалистических сочинениях, «несомненно господствует безнравственная тенденция производить все нарушения и преступления против установленного законом общественного порядка не от испорченной и развращенной воли преступников, а из дурного устройства общества и бесчеловечной жестокости сильных и облеченных властью лиц». На основании «вредного» направления романа на перевод был наложен арест, а против издателя возбуждено судебное преследование, которе было однако отклонено судебными инстанциями. Арест, снятый с I тома, был наложен затем на II и III и запрещение их было подтверждено особым «высочайшим повелением», после чего последовало их уничтожение (246/460 — 1866 г.). В 1891 г. новое издание романа было представлено в Комитет министров для уничтожения. Согласившись на уничтожение этого издания, Комитет предложил рассмотреть вопрос о допущении такого перевода романа, из которого были бы изъяты некоторые места, «касающиеся священных истин религии и основ государственного и общественного порядка, а равно и другие... неудобные в цензурном отношении». В результате, в 1897 г. был допущен перевод — с значительными сокращениями и переделками, представляющий собой перепечатку вышедшего в 1881—1882 гг. издания А. С. Суворина (III отд., 69—1891). Д и д р о. Романы и повести, т. II, в переводе Зайцева, в 1872 г. был запрещен Комитетом министров, вследствие того, что одна из повестей по отзыву цензуры «отличается безбожием и крайним цинизмом», а во второй, по ее же мнению, «проявляется антихристианская основа, обложенная в грязно-цинические частности» (II отд., 99—1872). З о л я. В 1874 г. Комитетом министров был запрещен также роман Золя «Подачка собакам», выдающийся, «как по возмутительности содержания, так и по талантливости, с которою он написан» (отзыв СПБ цензурного комитета) (II отд., 67—1874). В 1894 г. Главное управление потребовало исключения из перевода романа «Лурд» (московское издание, перевод Поливановой) «тех возмутительных мест, которые в Петербурге ни один из переводчиков не решился напечатать». Эти места касались стремления подорвать веру в чудеса и критики христианства (III отд., 8—1894, лл. 15—17). В 1901 г. было задержано цензурой несколько изданий перевода романа «Труд», в связи с «крайне тенденциозным направлением этого сочинения, изображающего в мрачных красках экономическое положение современного фабричного рабочего, что особенно нежелательно теперь, когда среди рабочих, благодаря злонамеренным подстрекателям, замечается особенное возбуждение». (III отд., 38—1901). В 1903 г. Комитетом министров был запрещен перевод романа «Истина», который Главное управление по делам печати характеризовало следующим образом: «сплошное отрицание религии в воспитании и в жизни вообще, проповедь необходимости полной свободы мысли и жизни вне всякой веры и, наконец, осмеяние церкви и ее представителей — вот что найдет читающая публика в этом романе» (III отд., 29—1903).

10. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Эстампы, гравюры и всякого рода рисунки, размноженные посредством печати, подлежали контролю цензуры. Поэтому в фонде имеется материал, отражающий историю произведений изобразительного искусства, в отношении тех препятствий и затруднений, которые они встречали при распространении.

Отметим рисунки, специально изготовлявшиеся для иллюстраций той или другой книги.

В 1877 г. СПБ цензурный комитет не пропустил 4 рисунка из представленного художником Лебедевым альбома иллюстраций к стихотворениям Н. А. Некрасова. Главное управление по делам печати, куда Лебедев обратился с жалобой, утвердило запрещение рисунка к стихотворению «Орина, мать солдатская» и потребовало изменения остальных трех, дав для этих изменений свои указания (напр., в

рисунке к стих. «Филантроп» для устранения официальной обстановки уничтожить у филантропа светлые пуговицы, а у выводящих бедного чиновника — погоны, кант на рукаве и светлые пуговицы). В 1909 г. по требованию Департамента полиции были конфискованы иллюстрации, приготовленные художником Порфирье-

кант на рукаве и светлые пуговицы). В 1909 г. по требованию Департамента по-

наших дней» — в «виду их тенденциозности» (II отд., 94 — 1877; I отд., 27—1907).

В 1914 г. в сборнике «Футуристы. Рыкающий Парнас» цензура обратила внимание на 4 рисунка, помещенные в книге, и признала три из них неблагопристойными, а 4-й кощунственный. Книга была уничтожена по постановлению суда (I отд., 1914).

Не менее тщательно цензура следила за воспроизведением в печати картин, представляющихся по сюжету самостоятельными. В 1884 г. было запрещено воспроизведение картины художника Наумова, изображающей последние минуты жизни Белинского, в виду того, что о ней «уже появилось много тенденциозных отзывов в нашей периодической печати» и так как распространение ее «произведет безусловно вредное и не согласное с достоинством правительства впечатление на публику» (III отд., 20—1884, л. 15). В 1906 г. Московский комитет по делам печати запретил поместить в книге В. Вахтерова «Мир в рассказах для детей» воспроизведение картины Маковского «Заключенный», «вследствие усиленной агитации, ведшейся в то время против арестов политических преступников». По той же причине он запретил и представленный взамен снимка с картины Маковского снимок с картины Ярошенко, под тем же названием (II отд., 14 ч. 1—1906 г., лл. 58, 119, 120).

Подвергались преследованию открытые письма с рисунками на революционные темы. В 1907 г. были уничтожены открытые письма «Памяти 9 января». В том же году был наложен арест на альбом из 6 картин под названием «Январский день», в котором изображалось событие 9 января (I отд., 270—1907 г.).

Количественно материал по картинам и рисункам не велик.

11. НАУКА

Еще в цензурном уставе 1828 г. предписывалось различать творения дидактические и ученые от книг, издаваемых для общенародного употребления. Этот пункт остался в силе вплоть до ликвидации царской цензуры. Смысл его заключался в предоставлении некоторых, правда довольно скромных, возможностей для публикации специальных научных трудов, так как этого требовали интересы растущей буржуазии. Но вместе с тем задачей цензуры было сделать эти научные труды достоянием строго ограниченного круга, преградить им доступ в широкие народные массы. Поэтому не нужно удивляться тому, что цензура предъявляла обычно к научным изданиям два основных требования: большой объем и, следовательно, дорогую цену и трудность, неудобопонятность изложения. Издания, не отвечавшие этим требованиям, обычно встречали со стороны цензуры репрессии и запрещения.

Эта политика царской цензуры находит в фонде яркое отражение.

Обратимся к сочинениям по естествознанию. В 1866 г. Главное управление по делам печати предложило СПБ цензурному комитету наложить арест на книгу проф. И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» и возбудить против него судебное преследование. Вызвано это было заключением, что материалистическая теория, проводимая автором, ведет к развращению нравов, «при этом нельзя не заметить, что книга отличается отнюдь не научным изложением и представляет, напротив, популярную беседу с непосвященным читателем. Это обстоятельство, в связи с дешевой ценой книги — 80 коп., указывает на намерение автора сделать свою теорию наиболее доступною для публики» (141—1866 г.). В 1893 г. не было разрешено к печати сочинение Г. Н. Гётчинсона «Автобиография земли, обще-

доступный очерк исторической геологии» в переводе на русский язык. СПБ цензурный комитет, подчеркнув, что целью сочинения является «представить в самой популярной и увлекательной форме изложения историю земли» и указав на его материалистическое направление, не согласное с учением о сотворении мира св. писания, заключил о необходимости получить отзыв о рукописи духовной цензуры. Ее отрицательное заключение и привело к запрещению рукописи (III отд., 25—1893; 38—1903). В 1903 г. после рассмотрения несколькими цензурными инстанциями изданного за границей сочинения Мечникова «Etude sur la nature humaine. Essai de philosophie optimiste» оно было разрешено на том основании, что «не носит и следов какой-либо популяризации и предназначено, по словам самого автора, исключительно только для тесного круга людей образованных и ученых и так как в своем сочинении автор нигде не нарушает уважения к обрядам христианских религий и догматическим фактам их».

В то время, как сочинения самого Дарвина и в заграничных изданиях и в русских переводах разрешались цензурою, всякое популярное изложение его теории влекло цензурные кары. Так, например, помещение в «Биржевых Ведомостях» в 1871 г. статьи, посвященной сочинению Дарвина «О происхождении человека», было СПБ цензурным комитетом сочтено «если не за намеренное со стороны редакции популяризование идей, противоречащих библейским преданиям», то *во всяком случае за предосудительную и крайнюю бестактность редакции*, так как статья предназначается для многочисленной и самой разнообразной по степени образования публики. В 1895 г. была запрещена брошюра проф. Данилевского «Душа и природа» за популяризацию эволюционной теории в общедоступном дешевом издании (III отд., 8—1896, лл. 51—53; 71—1865 г., ч. I, лл. 219—220; III отд., 29—1895 г.).

Борясь с проповедью материализма в естествознании, цензура преследовала его и в философии. В разделе «Классики марксизма и царская цензура» отмечалось запрещение работ Энгельса «Анти-Дюринг» и «От классического идеализма к диалектическому материализму». Характеризуя последнее произведение, цензор писал: «хотя настоящая брошюра посвящена вопросам философии и отвлеченной идеологии, но в ней красной нитью проходит намерение автора утвердить в уме читателя материалистические убеждения в ущерб всяким религиозным верованиям». С точки зрения цензуры такое намерение является явно преступным.

Не меньшую бдительность проявляла цензура и в отношении исторических работ. От историка она требовала «объективности», понимая под нею освещение исторического процесса в благоприятном для диктатуры помещика-крепостника смысле. Статьи М. Н. Покровского об Александре II и Александре III для энциклопедического словаря книгоиздательства бр. Гранат Главное управление по делам печати упрекало в тенденциозности: «Каждая строка доказывает, что автор социал-демократ, который на историю смотрит не как спокойно судящий историк, а как партийный делец, который слепо верует в догматы соц.-демократии в окраске ортодоксального марксизма» (I отд., 127—1910). «Русская история с древнейших времен», кн. IX и X в 1913 г. была приговорена судом к уничтожению (II отд., 393—1912). Особенно частым цензурным репрессиям подвергались работы по истории революционного движения. В 1907 г. была арестована кн. Аптекмана «Из истории революционного народничества». В 1909 г. этой же участи подверглась «Русская историческая библиотека, № 11. Процесс 20-ти народовольцев. 1882 г.», с предисловием и примечаниями Богучарского. В 1916 г. судом приговорена была к уничтожению книга А. Д. Стойневича «Процесс 193». В 1913 г. такая же судьба постигла книгу Вологдина «Революционное движение в России». Неоднократным запрещениям и арестам подвергались издания книги А. Туна «*История революционных движений в России*» как в немецком подлиннике, так и в русских переводах (II отд., 496—1907, II отд., 283—1809, I отд., 64—1916, I отд., 248—1908).

12. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ

Материалы фонда с достаточной полнотой обрисовывают то бесправное и зависимое положение, которое занимала до 1917 г. национальная печать. В фонде отражаются как мероприятия, проводимые по стеснению и ограничению той или иной национальной литературы, так и сведения по цензурной истории отдельных произведений печати и периодических и непериодических. Общее положение национальной печати очень яркое отражение находит в материалах, относящихся к украинской литературе.

За украинским народом царское правительство, как известно, не признавало права на собственный родной язык. Царская цензура не знает поэтому украинского языка, она имеет дело лишь с «малорусским наречием». В 1876 г. были изданы ограничительные правила при печатании изданий на малорусском наречии, по которым на украинском языке допускалось печатание лишь исторических документов и произведений изящной словесности — с соблюдением русского правописания и под особо бдительным контролем Главного управления по делам печати. Одновременно был запрещен ввоз из-за границы изданий на «малорусском наречии» без специального разрешения того же Главного управления. В 1881 г. эти ограничительные правила были дополнены некоторыми разъяснениями также ограничительного свойства: так было совершенно воспрещено устройство малорусских театров (II отд., 61 и 61-а — 1876 г., Всеподданнейшие доклады за 1881 г., № 38). В фонде имеются сверх того сведения о ходатайствах об отмене этих стеснений (напр., в 1895 г. ходатайство Кониского) и о пересмотре их в 1904 и 1905 гг. (III отд., 59—1895, 57—1904, 6 ч., I—II—1905 г.). Хотя законами о печати 1905 и 1906 гг. ограничительные правила о произведениях на «малорусском наречии» были отменены, соблюдение «общепринятого русского правописания» оставалось обязательным для периодических изданий. Кроме того, уже в 1915 г. проявлялись стремления администрации после окончания войны принять заблаговременно меры «к недопущению возможного возрождения тенденциозно-вредной деятельности украинской печати. В особенности важно, чтобы не было допущено возвращение к фонетическому правописанию, притом не только в повременной, но и в неповременной печати» (VI отд., 46 — 1915).

Приведем несколько примеров прохождения в цензуре сочинений на украинском языке.

Пилипович, М. «Про рідну Українську мову», Киев, 1914 г. Наложен арест, утвержденный судом. Было признано, что «автор имеет целью враждебно настроить малороссов против забот правительства о просвещении народном... нахождение под властью России он считает для них большим злом» (II отд., 74—1914).

Стасюк, Микола. Автономия и развиток продукцийных сил на Вкраіні», СПБ. Подверглось аресту: «Автор стремится возбудить пролетариат и сельское население Украины к борьбе за автономию» (I отд., 111—1908).

Франко, И. «Камяна душа», драма, Львов, 1895 г. «Брошюра эта не может служить здоровой пищей для народа, а кроме того, напечатана она с отступлениями от правил русского правописания». На этом основании она не была допущена к обращению в России (III отд., 23—1896, ч. I).

Шабленко, А. Я. «За пів дня», СПБ, 1906. «Содержание рассказа направлено к возбуждению вражды рабочих к своим хозяевам». На брошюру был наложен арест (I отд., 242—1909).

Шевченко. Кроме переданных в ЦАУ УСФСР дел, целиком относящихся к произведениям Т. Г. Шевченко, в фонде сохранился большой материал о них, заключающийся в общих делах» («О рассмотрении сочинений на малороссийском наречии»). Укажем несколько документов. В 1900 г. был запрещен сборник его стихов «Було колысь» (Иван Пидкова, Тарасова ничь, Гамалия, Чернец, Швачка) из-за украинофильской тенденции, небольшого объема рукописи и вероятной дешевизны (III отд., 6—1900, лл. 87, 258, 286, 320). В 1881 г. была запрещена «в виду

тенденциозного направления» поэма «Гайдамаки» (III отд., 28—1880, ч. I, лл. 146 и 155). В 1891 г. запрещена была к переизданию поэма «Катерына» и стихотворение «Перебендя», так как цензор признал, что «рассказы подобного содержания и притом написанные в таком растлевающем духе, должны угнетающим образом влиять на читателей из простонародья, они не только не могут доставлять здоровой пищи для их ума, но скорее извращают в них понятие о нравственности» (то же дело, часть V, лл. 320—322).

Стихотворение «Тополя» в 1890 г. было характеризовано, как тенденциозное: «под тополем разумеется Малороссия, при чем тополь окружен чужими холодными соснами — Россия», и вместе с другими стихотворениями послужило причиной запрещения сборника Сурмаченко «Збирных творив» (то же дело, ч. V, лл. 45—48). В 1891 г. это стихотворение разрешается к печати, так как трактуется совершенно иначе: в стих. «Тополя» нет ничего, кроме идеальной поэтической картины, до чего может довести безнадежная любовь» (те же дело и часть, лл. 284, 296—297, 299).

Имеются сведения о цензурной судьбе периодических изданий, например, «Засів» (Киев), «Наша Дума» (СПБ), «Основа» (Одесса), «Рідна Справа» (СПБ), «Рідний Край» (Киев), «Село» (Киев), «Сніп» (Харьков).

Белорусская печать представлена в фонде слабо. Имеются сведения о наложении ареста на сборник стихотворений Янки Купалы «Жалейка» за противопоставление тяжелой, полной лишения и труда жизни белорусского крестьянина — сытой и обеспеченной жизни помещиков, а также на сборники «Белорусские поэты», т. I и IV, «Свирель белорусская» и «Смычек белорусский» за изображение жизни крестьянина-белорусса, страдающего от произвола властей и угнетения панов (I отд., 295—1908; 287 и 289—1908).

Значительно богаче сведения об армянской печати. Имеются данные общего сводного характера. Так, за отдельные годы в отчетах Тифлисского комитета по делам печати помещаются специальные разделы, посвященные армянским изданиям как периодическим, с характеристикой их направления, так и неповременным (III отд., 57—1909 и 128—1911). Имеются дела об отдельных книгах, непропущенных цензурой или подвергнутых сокращениям за «тенденциозное и нежелательное с государственной точки зрения освещение событий кавказской жизни». Например, из книги Ванцьяна «Армянская история», Тифлис, 1909, была изъята глава «Кавказские события» (III отд., 234—1909). Систематически проводится преследование социал-демократических тенденций. Например, сборник «Лира Армении», изданный Маркосьяном, был подвергнут в 1913 г. уничтожению за помещение в нем стихотворения Ш. Кургиньян «Песнь рабочего», «Идите туда». Уничтожен также был перевод с армянского языка на русский сказки Папазьяна «Дракон»; подверглась аресту книга Ишханянца «Национальный прогресс и классовые интересы» (III отд., 292—1912; I отд., 14—1912; III отд., 247—1908). Имеется большой материал об армянских газетах и журналах, со сведениями об отказе в разрешении на их издание, административных и судебных репрессиях, налагаемых на них, закрытии в связи с их «вредным» направлением. Хорошо освещен вопрос о допущении и запрещении ввоза в Россию различных периодических изданий, выходивших за границей на армянском языке, при чем обычно дается характеристика запрещаемого.

Грузинская литература также отражена большим количеством документов, характеризующих прохождение в цензуре произведений как художественной литературы (Ахобадзе, Гварамадзе, Гудушаури, Мансурадзе, Месхи, Ремонидзе, Романишвили и др.), так и произведений на общественно-политические темы (напр., Гвазава, Наридзе, а также ряд переводных книг). Периодическая печать — газеты и журналы на грузинском языке, преимущественно выходившие в Тифлисе и Кутаисе, — представлены в фонде обычными для этой группы данными.

Еврейская литература. Кроме данных о прохождении в цензуре изданий на еврейском языке и о допущении ко ввозу еврейских заграничных изданий,

положение еврейской печати ярко обрисовывается запрещением в июле 1915 г. по распоряжению верховного главнокомандующего всех периодических изданий и на разговорноеврейском и на древнееврейском языках, вслед за чем был запрещен также и выпуск непериодической литературы (включая учебники и молитвенники).

Небольшой материал имеется о киргизской печати.

Латышская печать представлена в фонде большим количеством интересных материалов. Имеются сведения сводного характера, например, списки уголовных преследований, возбужденных рижским инспектором по делам печати против виновных в напечатании неповременных изданий, в которых усмотрено нарушение законов о печати. Сведения о книгах, как латышских авторов, так и переведенных на латышский язык, остановивших внимание цензуры (напр., Азис «Катехизис Социализма», Берзин «Аграрный Вопрос», Карстен «Утренние Заморозки», Венск «Стихотворения»), содержатся также в отдельных делах. Подобным же образом как в сводных ведомостях, обзорах и отчетах, так и в отдельных делах отражена история периодической печати. Отметим дела о журналах ««Arodnaks», «Jaunais Arodneeks», «Rihts», «Rikstes», «Wahsdotays», о газетах — «Auseklis», «Darbs», «Dsiwes Atbals», «Jauna Balss», «Zihna». Имеются сведения о заграничных изданиях на латышском языке и их рассмотрении в органах цензуры.

Литовская литература. Материал по истории литовской печати дает сведения о гонениях на нее, выразившихся в таких мероприятиях, как запрещение печатать издания на литовском языке латино-польским шрифтом, запрещение ввоза изданий, напечатанных этим шрифтом за границей, предписание печатать литовские и жмудские произведения исключительно русским шрифтом. Следствием этих распоряжений была борьба правительственных органов с «злоупотреблениями по книгопечатанию и книжной торговле» в Северо-западном крае, отражающаяся в материалах фонда: запрещение ввоза из-за границы литовских книг, напечатанных немецким готическим шрифтом, привлечение к судебной ответственности за нарушения изданных запрещений (тайный провоз запрещенных книг) (59—1865 г., II отд., 115/183—1879 г., 120/188—1879 г.). Отмена этих запрещений произведена была только в 1904 г. При представлении министерством внутренних дел проекта закона об этом в Комитет министров, была составлена большая историческая записка (секретная), в которой мероприятия по принудительному обрусению литовцев путем стеснения печати признавались неудавшимися (III отд., 36—1904 г.). Имеются также данные о прохождении литовских периодических и непериодических изданий в цензуре после 1904 г., в том числе сведения о рассмотрении заграничных изданий на литовском языке.

Польская литература. Печать губерний бывшего царства Польского была подчинена Главному управлению по делам печати 17/IX 1869 г. В материалах фонда отражается борьба цензуры с польским национальным движением, проявляющимся в литературе «тенденциозным», «патриотическим» направлением. Особое внимание при этом обращается на популярную общедоступную литературу. Имеются также сведения о рассмотрении цензурой произведений ряда выдающихся польских писателей (Мицкевича, Красинского, Ожешко, Пшибышевского и др.). Освещается и история периодических изданий.

Небольшой материал имеется о татарской печати, преимущественно после 1905—1906 гг., а также об эстонской печати и той роли, которую она сыграла в борьбе за развитие национальной культуры.

СООБЩЕНИЯ

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ В ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЕ

Сообщение А. Федорова

I

Время литературной деятельности Генриха Гейне почти целиком совпадает с тридцатилетием царствования Николая I в России (1825—1855). За пределами этого периода, предшествуя ему, находятся лишь даты появления первых двух лирических сборников Гейне («Стихотворения», выпущенные в 1822 г. в Берлине издателем Маурером, и «Трагедии с Лирическим Интермеццо» — 1823). Даты появления всех остальных произведений падают на период от 1826 г. (I том «Путевых Картин») по 1854, («Лютеция»). Таким образом прижизненным изданиям книг Гейне приходилось иметь дело в России с николаевской цензурой, именно — с Комитетом Ценсуры Иностранной, на рассмотрение которого поступали иностранные книги (в оригинале) и который решал — допускать ли данную книгу к продаже и обращению в России. Цензурные дела о Гейне в царствование Николая I — это дела о Гейне подлинном; цензурная история переводного Гейне начинается позднее.

Вплоть до начала 1860-х гг. Гейне почти сплошь (за минимальными исключениями — каких-нибудь двух-трех случаев) — под запретом. Отношение к нему русской цензуры за это время зафиксировано большим числом документов: на отзыв Комитета Ценсуры Иностранной попало большинство книг Гейне, и обо всех его произведениях, рассмотренных членами Комитета, сохранились рапорты. В совокупности своей эти рапорты рисуют очень характерный портрет Гейне — в том ракурсе, разумеется, как он представлялся цензорам. Это, — так сказать, правительственные рецензии на Гейне. В портрете, нарисованном николаевскими цензорами, собраны все те черты — политические, философские, моральные, эстетические, — которые цензуре казались опасными.

II

Прежде, чем приводить многочисленные запретительные отзывы о книгах Гейне, я приведу отзыв о тех немногих его книгах, которые были признаны позволительными. Эти отзывы касаются Гейне-стихотворца, притом — Гейне раннего (до 1-го издания «Книги Песен» включительно — 1827 г.).

Ранний, преимущественно лирический, Гейне еще мог миновать цензурные рифы. О первой книге Гейне «Стихотворения» (1822) цензурного отзыва не имеется. «Лирическое Интермеццо», вышедшее в 1823 г. (Tragödien nebst einem lyrischen Intermezzo. Berlin), попало на глаза русской цензуре с большим запозданием — через 20 лет после своего появления. Отзыв цензора Л. Роде (от 4 мая 1843 г.) был абсолютно милостив и краток:

«Обе трагедии и небольшие лирические стихотворения, содержащиеся в этой книге, не заключают в себе ничего, требующего запрещения» [1].

Поздний цензурный отзыв не мог помешать легальному ознакомлению русского читателя с «Лирическим Интермеццо». Этот цикл входил в состав «Книги

Песен» (1827), которая цензурой была рассмотрена и дозволена вскоре после своего выхода в свет. Если в 1843 г., когда Л. Роде рассматривал «Лирическое Интермеццо», автор имел европейскую известность и репутацию опасного писателя и если разрешению «Интермеццо» предшествовал уже длинный ряд запретов его книг, то в конце 1820-х гг. имя Гейне еще мало говорит иностранной цензуре (вообще располагавшей неплохой литературной и библиографической информацией).

По поводу «Книги Песен» тот же Л. Роде писал в донесении от 7 марта 1829 г.:

«Это — собрание небольших стихотворений и песен поэта еще, повидимому, молодого. Большая часть этих произведений не имеет никакой ценности, и мы сомневаемся, чтобы продажа этой книги в России могла достигнуть значительных размеров. Цензура не находит в ней ничего, заслуживающего порицания» [2].

Мнение о позволительности в данном случае естественно. Сам Гейне писал Фарихагену фон-Энзе по поводу «Книги Песен» (19 октября 1827): «Это—не что иное, как добродетельное издание моих стихотворений» [3]. Смягчающим обстоятельством служило в глазах цензуры и соображение о степени возможности распространения книги: эта предполагаемая степень распространения находилась — при неблагоприятных условиях — в обратно пропорциональном отношении к степени позволительности. Правда, насчет значения «Книги Песен» для русской поэзии Л. Роде как нельзя более ошибся. Но, выступая в качестве сурового критика литературных свойств книги (чего, по уставу 1828 г., вовсе и не требовалось от цензурных чиновников), Л. Роде абсолютно снисходителен как цензор. Малая известность Гейне в России 1829 г. делала возможным такой отзыв; особых подозрений у цензоров не возникало. Видимая литературная «добродетельность» маскировала иронию.

Снисходительный отзыв 1829 г. получил корректив в отзыве 1832, поступившем из провинции от «отдельного в Риге цензора» Граве (Цензурные Комитеты находились еще в Вильне, Одессе, а в Риге были так называемые «отдельные цензоры»). «Книга Песен» стала предметом нового цензурного рапорта—стала им по ошибке: о разрешении или запрещении той или иной книги одним из цензурных органов должно было быть известно всем другим и на все времена. Самый факт позволения «Книги Песен» прошел настолько незамеченным, что то же самое издание было прорецензировано вторично. И провинциальный цензор в 1832 г. оказался придирчивее и подозрительнее, чем цензор столичный в 1829 г.: правда, он не представлял о запрещении книги, но отмечал в ней сомнительные места. Кроме того, цензор Граве уже знает о других произведениях Гейне, и сравнение с ними делается им в пользу «Книги Песен», как заслуживающей снисхождения. Вот его рапорт:

«Здесь почти одна только тема, которую автор варьирует во всех этих стихотворениях, именно — его *любовная грусть, которая заставляет его сокрушаться* в разных выражениях. Помимо этого, он предлагает своим читателям несколько романсов и поэтических воспоминаний о путешествиях, совершенных им в разных местностях Германии. Правда, поэзия г. Гейне в известном смысле несколько причудлива и, кажется, он слишком возбуждает воображение. Все же его нельзя упрекать в направлении, столь предосудительном в некоторых других его произведениях, и только некоторые места должны быть отмечены. См. стр. 216: «Бог умер наверху и диавол внизу» [4]. Стр. 238—239: «Мне снилось, что я бог, сижу на небе, окруженный ангелами, которые хвалят мои стихи. И я ем пирожные и варенье не на один флорин, и пью пунш и не имею долгов. Но я скучал ужасно, и мне хотелось бы быть на земле, и если бы я не был богом, то отправился бы к чорту...» [5]. Затем, стр. 261, в причудливой фантазии, изображающей нечто вроде всеобщей гибели: «На своем троне восседает бледный бог, срывает корону с головы и хватается за волосы» [6]. Стр. 361, где автор обращается к богам греческой мифологии, как будто бы они живы, хотя и побеждены, и го-

ворит: «*Когда я думаю о том, как малодушны и ветрены боги, победившие вас, эти новые грустно царствующие боги, эти лукавцы, одетые в овечью шкуру в знак смирения — ах, тогда мрачное негодование овладевает мною, и я хотел бы сражаться за вас*»[7]. Стр. 363—364, юноша спрашивает море: «Что есть человек? Откуда он пришел? Куда он идет? Кто обитает в вышине, там, где золотые звезды?» Но море не отвечает, и поэт заканчивает: «Дурак ожидает ответа».

В сущности, нельзя усмотреть намерения автора в подобных местах. Все же нужно отметить, что большая часть стихотворений в этом томе не только действительно поэтичны, но также и непредосудительны ни в каком отношении»[8].

Комитет Цензуры Иностранной дал безоговорочное разрешение. Но через 19 лет тому же Комитету суждено было запретить восьмое издание «Книги Песен», при чем в качестве мотивировки и материала для цитат должны были фигурировать все те же стихотворения, которые были в первом издании и из числа которых иные отмечены и в рапорте. Разрешение в 1832 г. «Книги Песен» было последним в царствование Николая I случаем благополучного пропуска книги Гейне[9].

III

Первое дело о книге Гейне, имеющееся в делах русской цензуры, хронологически предшествует приведенным выше рапортам о «Книге Песен» (1829 и 1832 гг.). И это первое дело уже содержит запрещение. Оно касается I тома «Путевых Картин», вышедшего в Гамбурге в 1826 г. Относится оно ко времени до 1828 г., т. е. еще до издания Устава о Цензуре, который действовал затем долгое время. До 1828 г. цензура иностранных книг не находилась в ведении общей цензуры, а была в ведении Министерства внутренних дел. Твердых правил, которых должна была придерживаться иностранная цензура, до 1828 г. не имелось, и вообще в постановке дела цензуры иностранных книг тогда не было определенной системы. Что же касается последних двух лет перед изданием нового Устава, то в цензурном отношении время это было весьма суровым: в области внутренней цензуры в эти годы имел силу так называемый «чугунный устав», предложенный в 1826 г. адмиралом А. С. Шишковым. А дело о запрете I тома «Путевых Картин» приходится как раз на 1827 г.

В состав этого тома «Reisebilder» входили, кроме «Путешествия по Гарцу», еще и стихотворные циклы: «Возвращение» и первая часть «Северного моря». Донесение цензора Мартини гласило:

«Эти «Reisebilder», которыми дарит нас г-н Гейне, содержат:

1. Стихотворные безделки, среди которых находится стихотворение под заглавием «Алманзор», содержащее куплеты:

Auf den Stufen, wo die Gläubigen
Das Prophetenwort gesungen
Zeigen jetzt die Glatzenpfäfflein
Ihrer Messe fades Wunder [10].

И ниже:

O ihr Säulen, stark und riesig,
Einst geschmükt zu Allah's Ruhme,
Jetzt müsst ihr dienend huld'gen
Dem verhassten Christentume [11].

2. «Путешествие по Гарцу». Описание полусентиментального путешествия по горам Гарца. В нем находятся фразы (стр. 140), подобные следующей: «...он показал мне королевский ганноверский катехизис... Книжка эта была очень плохо отпечатана, и я боюсь, что вследствие этого догматы религии сразу же производят на умы детей неприятное оберточно-бумажное впечатление; тоже страшно не понравилось мне, что таблица умножения, которая ведь плохо мирится с учением о

Троице, напечатана в самом катехизисе, именно на последней странице, и что дети через это уж в раннем возрасте могут быть введены в греховные сомнения...»

«Этого достаточно, и даже больше чем нужно, чтобы запретить эти «Reisebilder» г-на Гейне. 7 июня 1827»[12].

«Лысые попишки» (Glatzenpfäfflein) и «пресное чудо мессы» — первый момент, остановивший в приведенных цитатах внимание цензуры. Между прочим, в переводе М. Л. Михайлова, вошедшем и в последнее предреволюционное издание Гейне — 1904 г. — нет ни «лысых попишек», ни «пресного чуда», а сказано: «Нынче служат уж обедню христианские монахи». Что касается «ненавистного христианства», то эти слова вложены в уста героя стихотворения и даны в его прямой речи, не характеризуя, таким образом, точки зрения автора. Тем не менее, цензор инкриминировал их поэту. Цитата же из «Reisebilder» дает образчик более чем настороженного отношения цензуры к шуткам еще сравнительно мягким. (Впрочем, место, где говорится о противоречии между таблицей умножения и догматом троицы, тоже опускалось в старых изданиях — вплоть до издания 1904 г. включительно).

IV

Следующий случай запрещения книги Гейне относится к 1833 г. Все приводимые в дальнейшем запреты содержат ссылки на Устав 1828 г. с точным указанием его параграфов и являются осуществлением его принципов — применительно к Гейне.

Книги Гейне являлись идеальным сочетанием всех главных элементов, которые по Цензурному Уставу вызывали запрещение. Запрещения, которым подвергался Гейне, не были случайностью: они вытекали как из самого характера гейневского творчества, так и из основных принципов Устава. Устав 1828 г., по сравнению с предшествовавшим ему Уставом 1826 г., считался «либеральным», и «либеральность» эта заключалась в том, что в основу его было положено следующее правило, сформулированное в § 6:

«...Цензура обращает особенное внимание на дух рассматриваемой книги, на видимую цель и намерение автора, и в суждениях своих принимает всегда за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону». Между тем, отношение предыдущего Устава к «двусмысленным» местам было прямо противоположное (ср. § 151 Устава 1826 г.: «Не позволяется пропускать к напечатанию места в сочинениях и переводах, имеющие двоякий смысл, ежели один из них противен Цензурным правилам»).

Но даже и «видимая цель и намерение автора», не говоря о побочных смыслах в произведениях Гейне, не могли удовлетворить требованиям цензуры.

Круг вопросов, поднимаемых Гейне, очень обширен; разнообразие тем и образов, затрагиваемых им, иногда по отдаленному поводу, или привлекаемых только ради сравнения, — совершенно исключительно. Ряд его произведений относится к области политической прозы. Он ставит злободневные, актуальные политические проблемы. В особенности вопросы европейской международной политики ставятся Гейне очень широко, с учетом реальной расстановки политических сил в Европе, и в частности суждения о николаевской России, носительнице и защитнице европейской реакции, занимают видное место в системе его высказываний. Но, кроме суждений по существу дела, Гейне касается России иногда по очень неожиданным поводам, пользуясь для сравнения каким-нибудь анекдотом из русской истории или случайной деталью, относящейся к России. Эти упоминания характерны: они свидетельствуют об определенном круге фактов и идей, которыми оперирует Гейне; ставя подобные замечания в определенный контекст, он тем самым придает ему нужное освещение. И суждениям Гейне о России (как по существу, так и «между прочим») в рапортах цензоров отведено не мало места.

V

В 1833 г. цензор В. Соц писал рапорт о французском переводе «Французских Дел»: «De la France par Henri Heine. Paris. 1833». «Французские Дела»—книга публицистическая, насыщенная политической тематикой. Влиятельность Гейне по отношению к русской литературе, оказалась бы тем больше, что многие произведения его существовали в авторизованных французских переводах. А французская книга в России имела гораздо более широкое распространение, чем немецкая. И если в 1829 г. Гейне — неизвестный и ничем не замечательный писатель, то теперь, в 1833 г., рапорт начинается с указания на биографический факт — на переселение Гейне в Париж; Гейне и как писатель и как личность — уже вполне определенная фигура, не требующая пояснений со стороны цензора.

«Чтоб удобнее и безопаснее предаваться революционным побуждениям, — пишет цензор Соц,—Генрих Гейне переселился во Францию. В письмах своих изображает он картину состояния сего государства в 1831 и 1832 г., наполненную критическими и сатирическими замечаниями о правительстве, политике, партиях и разных достопамятностях. Сему описанию Франции предшествуют: 1. Известие издателя, объясняющего дух и образ мыслей Генриха Гейне, и 2. Предисловие автора, упрекающего жителей Германии в равнодушии к угнетающим их злоупотреблениям и представляющего в пасквильных чертах правление и политику императора Австрийского и короля Прусского. Приведем несколько мест, свидетельствующих о предосудительном направлении сей книги[13]:

Стр. 3. «Когда мы достигнем того, что масса станет понимать настоящее, тогда народы не позволят наемным писакам аристократии разжигать войну и раздор, тогда осуществится великое единение народов, священный союз наций; ... мы воспользуемся мечами и конями солдат для обработки земли и достигнем мира и благосостояния и свободы».

Стр. 9. «Что до Пруссии, то о ней мы можем говорить в другом тоне[14]. Здесь нас не сковывает благоговение перед святостью немецкой императорской главы... Я скорее думаю, что его королевское высочество, вместо того чтобы стать продолжателем Карла Великого, будет лишь продолжателем Карла X и Карла Брауншвейгского».

Стр. 19. «Я с удовольствием отмечаю, что Фридрих-Вильгельм III, как человек, заслуживает глубокого уважения и любви... Он добр и храбр. Он показал себя стойким в несчастии и, что еще реже, кротким в счастии. Он целомудрен сердцем, трогательно скромен, бюргерски непритязателен, отличается добрыми семейными нравами, отцовской нежностью, особенной нежностью к прекрасной царице, каковой нежности мы, быть может, обязаны холерой и еще бóльшим злом, с которым бороться будут лишь наши потомки [15]. Кроме того, король прусский очень верующий человек, он твердо стоит за веру, он хороший христианин, он строго придерживается евангельского исповедания, он сам написал литургию, он верит в символы — ах, я хотел бы, чтобы он верил в Юпитера, отца богов, который отомщает клятвопреступление, и чтобы он дал нам наконец обещанную конституцию [16].

Стр. 22. «...Аристократы со своей стороны признали, что христианство очень полезная религия... и что тот, кто съедает своего бога, в силах переварить очень много вещей».

Стр. 301. «Священные июльские дни Парижа! вы вечно будете свидетельствовать о врожденном благородстве людей, которое никогда не может быть совершенно истреблено. Кто пережил вас, тот не плачет больше на старых могилах, но радостно верит в воскресение народов».

Стр. 346. «Карл Стюарт[17]... претерпевает внезапное превращение, и если пристальнее вглядеться, там не король, но убитая Польша лежит в черном гробу, а над ним стоит не Кромвель, но русский царь, — благородный мощный образ — такой же великолепный, каким я видел его несколько лет тому назад в Берлине,

когда он стоял на балконе рядом с королем прусским и целовал ему руку. Тридцать тысяч берлинских зевак вопили: «ура!», а я думал про себя: бог да помилует всех нас! Я ведь знал сарматское изречение: руку, которую не хочешь отрезать, нужно целовать».

Мы полагаем, что книга сия на основании § 9 Устава о Ценсуре должна быть запрещена для публики.

Октябрь 1833» [18].

Приведенные цензором примеры с достаточной полнотой показывают диапазон гейневской «предосудительности»: здесь, на ряду с «неуважительным» упоминанием о «предметах важных и высоких» (слова о христианстве на стр. 22), на ряду с прославлением июльской революции (на стр. 301) и грядущего освобождения человечества (на стр. 3), — сетования о раздавленной Польше и оскорбление монархов: Фридриха-Вильгельма III и Николая I (насмешки над конституционной монархией Луи-Филиппа были не в счет; цензора не отмечали их). Последнее и послужило главным мотивом запрещения, как это явствует из ссылки на § 9, ограждавший честь «Российского Правительства и Правительств, состоящих в дружественных с Россиею отношениях». Последняя цитата, приводимая В. Соцом (о Николае I), имеет непосредственное продолжение (следующий абзац), где отношение Гейне и к николаевской России и к политике Николая сформулировано еще резче («Ах, я желал бы, чтоб король прусский дал тогда поцеловать себя и в левую руку, а правой схватил бы меч и покончил бы с опаснейшим врагом родины, как того требуют долг и совесть...»).

Это место, так же как и строки о «священных июльских днях», цитируется и в донесении цензора Г. Дукшинского о первом томе «Салона», содержание которого частично совпадало с содержанием книги «О Франции» (в него вошли письма Гейне о Парижских выставках 1832 и 1833 гг.).

Отзыв о «Салоне» относится к 1834 г. «...Предосудительный дух сочинений Гейне, — пишет Дукшинский, — известен Комитету; несмотря на скромность предметов, он успел наполнить приведенные статьи революционными мыслями, оскорбительными выходками против России и изъяснениями, предосудительными в нравственном и религиозном отношениях...» (Рапорты К. Ц. И., 1834, дело № 605).

К 1834 г. относится еще один документ о Гейне — отзыв Л. Роде о книге «К истории новой изящной литературы в Германии» («Zur Geschichte der neuen schönen Literatur in Deutschland. Leipzig. 1833) — томы I и II. Произведение это вошло затем в состав книги «Романтическая школа», соответствуя целиком двум первым ее частям и началу третьей. Вот этот отзыв:

«В первом томе этого труда, посвященного истории немецкой изящной литературе нашего времени, автор говорит о романтической школе вообще, а во втором томе он высказывается о корифеях этой школы, главным образом о господах Шлегеле, Тике, Шеллинге и т. д. Этот труд не что иное как перевод статьи, которую он напечатал в Париже в известном журнале «l'Europe littéraire». Имя г. Гейне небезызвестно Комитету, так как недавно была запрещена Ценсурой продажа французской книги того же автора. Комитет, таким образом, достаточно знает предосудительный дух, в котором автор высказывается о предметах политических и религиозных. Что до политических рассуждений, то их лишь совсем немного или почти нет в сочинении, которое является предметом нашего доклада, потому ли что автор, обращаясь к литературным кругам Европы, должен был воздержаться от политических суждений или потому, что этот журнал политики не касается. Но тем больше встречается здесь рассуждений, затрагивающих религию, преимущественно в первом томе, из которого мы приведем целый ряд выдержек» [19].

Стр. 8 и 9. «Хотя во Франции под именем христианства разумеют лишь римский католицизм, все же я должен особо оговориться, что имею в виду только его. Я говорю о той религии, главные догматы которой содержат осуждение всякой плоти, и которая не только предоставляет духу верховную власть над плотью, но даже стремится умертвить ее, чтобы возвеличить дух... я говорю о той

Oeuvres de Henri Heine

tome II. Reisebilder — t. I.

Paris. 1834. Imp. de Plassan

in 8°.

384 p.

Сочинения Гейне довольно уже известны Цензуре, сей том путешествий есть не иное что как собрание Афоризмов о разных предметах. Трудно определить направление сего Автора — его направление есть совершенно — шутка, его ирония не есть злобная Вольтерiанская ирония иногда стремящаяся [illegible] ниспровергнуть Религию и Монархию, но со всем тем Гейне шутит надо всем в мiре и шутки его переходят от мелкаго земного в [illegible] до возвышеннейших предметов Творчества и святыни. Соединение сих двух предметов с шутками и образ его выражений производят то что хотя его шутки не могут быть названы совершенно вредными, но оне непозволительны в высшей степени.

Книга сия запрещена [illegible] Главного Управления Цензуры 9 Января 1835 года.

РАПОРТ В. Ф. ОДОЕВСКОГО В КОМИТЕТЕ ЦЕНСУРЫ ИНОСТРАННОЙ О ДВУХ ТОМАХ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ГЕЙНЕ 1834 г. ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Ленинградское отделение Центрархива

религии, которая своим учением о греховности всех земных благ, о собачьей покорности и ангельском терпении стала верной опорой деспотизма. Люди узнали теперь сущность этой религии, они больше не позволяют кормить себя ассигновками на небо, они знают, что в плоти тоже есть хорошее... Именно потому, что мы теперь вполне понимаем все последствия этого абсолютного спиритуализма, можно думать, что христианско-католическому мировоззрению приходит конец».

Стр. 24. «Если Гомер изображает доспехи героя, то это не что иное, как хорошие доспехи, которые стоят столько-то и столько-то волов; но если монах средневековья описывает в своем стихотворении юбки богоматери, то можно быть уверенным, что под этими юбками он разумеет различные добродетели, что особый смысл скрывается под этими священными покровами незапятнанной девственности Марии, которая, поскольку сын ее есть зерно миндаля, естественно должна быть воспеваема как миндальное древо!...»

Стр. 122. «В произведениях всех великих писателей в сущности совсем не бывает второстепенных персонажей, каждое лицо есть главный персонаж на своем месте. Такие писатели подобны абсолютным монархам, которые не придают людям никакого самостоятельного значения, но признают за ними то или иное достоинство лишь по своему благоусмотрению. Когда французский посланник однажды в разговоре с русским императором Павлом, упомянул, что один важный человек в его государстве интересуется каким-то делом, император строго перебил его замечательными словами: «В этом государстве нет важного человека, кроме того, с которым я говорю, и он важен только пока я с ним говорю».

Говоря о «Фаусте» Гете, автор замечает:

Стр. 126. «Но в самом деле эта книга — словно библия, и подобно ей охватывает землю и небо вместе с человеком и его экзегезой».

Стр. 129—131. «Но нет, знание, познавание вещей путем разума, наука дает нам наконец те наслаждения, которых так долго лишала нас вера в католическое христианство; мы сознаем, что люди призваны не только к небесному, но также и к земному равенству; политическое братство, которое проповедует нам философия, для нас благотворнее, чем то чисто духовное братство, к которому ведет нас христианство; и знание становится словом, и слово становится делом, и мы еще при жизни на этой земле можем вкусить блаженства; если же мы сверх того после смерти станем сопричастны блаженству небесному, которое так уверенно обещает нам христианство, то это нам должно быть очень приятно...»

Но этого довольно, чтобы показать опасный дух этого маленького тома и чтобы вполне обосновать наше предложение о запрещении его на основании § 3 Устава...» (Рапорты К. Ц. И., 1834, дело № 16. Текст Гейне цитируется в оригинале по-французски).

VI

Из цитированных донесений видно, что цензура видела в Гейне врага опасного и сильного и откровенно выражала эти свои опасения. Самый тон отзывов— категорически строг. Иной оттенок в отношении к Гейне дают отзывы В. Ф. Одоевского (служившего библиотекарем Комитета и выступавшего временами также и в качестве цензора) о двух томах французского издания[20] сочинений Гейне (Oeuvres. Paris. 1834). Содержание рецензированных Одоевским томов (II и III) составляют «Reisebilder», при чем в этом французском издании расположение отдельных частей «Путевых Картин» не то, что во всех других изданиях: в состав II тома этих «Oeuvres» входит «Италия», а в III находятся — сперва «Английские Фрагменты», затем «Гарц» и «Книга Ле-Гран», наконец «Шнабельвопский» (собственно не относящийся к составу «Reisebilder», взятый из цикла «Салона»). В рапорте В. Ф. Одоевского сделана попытка смягчить оценку. Однако вывод—тот же, что и в других случаях, — необходимость запрещения. Вот первый рапорт Одоевского (о II томе «Oeuvres», т. е. 1-й части «Reisebilder» — об «Италии»):

«Сочинения Гейне довольно уже известны Ценсуре; сей том путешествий есть не иное что как собрание афоризмов о разных предметах. Трудно определить направление сего автора — это направление есть собственно шутка; его ирония не есть злобная Вольтерианская ирония, имеющая скрытую или явную цель опровергнуть религию и монархию, но со всем тем Гейне шутит надо всем в мире, и шутки его переходят от немецкого демагога в старинном платье до возвышеннейших предметов божества и святыни. Соединение святых предметов с низкими и образ его выражений производит то, что хотя его шутки не могут быть названы собственно вредными, но они неприличны в высшей степени.

Нет возможности выписать все сии шутки, ибо встречаются почти на каждой 5-й странице и часто их предосудительность зависит от места, на котором они поставлены. Хотя Гейне и уверяет, что он христианин и предан монархическим правилам, но не думаю, чтобы прилично было для всех в Россси позволить подобные фразы:

Стр. 11. «Я самый вежливый человек в мире, я люблю карпов в масле, иногда я верю в воскресение из мертвых...»

Стр. 132. «Видишь ли, сказал мне странный святой, высеченный из самого новейшего мрамора в самые новейшие времена, мои древние товарищи не могут понять, почему император Наполеон так старался об окончании собора. Но я то знаю, он предвидел, что во всяком случае этот большой каменный дом будет весьма полезным зданием, и что им можно будет пользоваться, когда христианство кончится».

Стр. 140. «Слава Французам! они потрудились для удовлетворения двух величайших потребностей человеческого общества: хорошей кухни и гражданского равенства» и т. д. и т. д. до конца стр. 141, где между прочим встречается следующая фраза:

Стр. 141. «И мы тоже хотим жить и умереть с этой верой в свободу, которая быть может гораздо больше заслуживает название религии, чем тот мертвый и пустой призрак, который мы еще называем так по привычке...»

«В одном месте лицо, выведенное на сцену автором, называет картину богородицы la prima donna avec l'enfant Jésus[21].

См. также стр. 67, 68, 113, 114, 120, 121, 139, 140, 141, 143, 145, 199, 241, 243, 328, 329, 348, 355.

Применяясь к § 8-му Устава о Ценсуре, мы полагаем, что сия книга должна быть запрещена для публики. 13 декабря 1834»[22].

Чрезвычайно характерно, что Одоевский отмечает места, сомнительные главным образом по фразеологии, отмечает не столько мысли, сколько «выражения». Между тем, именно в этом томе находятся знаменитые антиклерикальные главы, из которых Одоевский цитат не дает, ограничиваясь лишь ссылками на страницы.

Одоевский дает весьма меткое определение приема гейневской шутки: «соединение святых предметов с низкими»; правда, он старается умалить ее значение (она — «не есть злобная Вольтерианская ирония»), но, уклончиво затрудняясь «определить направление сего автора», Одоевский, собственно, уже затрагивает двойственность, «противуречивость» Гейне.

Рапорт Одоевского о следующем томе «Oeuvres» («Reisebilder») продолжает ту же линию оценки:

«Сие отделение сочинений Гейне во всем подобно первому, о коем в свое время был представлен рапорт. Оно наполнено отдельными мыслями и особенно выражениями, которые не могут быть позволены в России.

Стр. 271. «И остров св. Елены станет гробом господним, куда народы Запада и Востока будут совершать паломничества на кораблях, разукрашенных флагами, и сердце их будет укрепляться великим воспоминанием о земном Христе, пострадавшем при Гудсоне-Ло, как написано в евангелиях от Лас-Казаса, О'Мира и Антоммархи».

Стр. 8. «Свобода быть может есть религия нашего времени, и это тоже религия, которую проповедуют не богатым, но бедным, и она тоже имеет своих апостолов, своих мучеников и своих искариотов».

Стр. 315...,

Стр. 364. «Если жаркое было уж совсем скверное, мы спорили о бытии бога. На стороне господа бога всегда было большинство. Во всем обществе было только три атеиста, но их можно было убедить, когда на дессерт нам подавали хорошего сыру».

Мы выбрали все сии места на удачу — книга наполнена ими.

Все эти шутки неприличны и потому мы полагаем, что эта книга не может быть позволена для публики» [23].

О двух других томах французского издания сочинений Гейне (V и VI) отзыв писал В. Соц [24]. Эти два тома объединены заглавием «О Германии» (De l'Allemagne. Paris. 1835) и состоят из двух произведений Гейне: «К истории религии и философии в Германии» и «Романтическая школа»; в конце VI тома (2-й части «О Германии») в качестве приложения дан перевод биографического предисловия Фосса к стихотворениям Гельти (под названием «Жизнь Гельти») и «Отрывков Фалька о Гете». Но внимание цензора останавливал только текст Гейне: все выдержки — только оттуда.

«Гейнрих Гейне посредством сего сочинения знакомит Французов с религиозными, философскими, литературными и художественными понятиями и представлениями Германцев, объясняющими умственное и общественное их состояние. Рассматривая с этой стороны быт соотечественников своих в средние века, во время реформации и в эпоху Французской революции, он замечает главные черты сходства или противуположности в характере двух народов и по сим признакам заключает о предстоящих ужасах, коими революция в Германии должна ознаменовать себя в свою очередь. Касаясь между прочим влияния, какое католицизм имел в разные времена на религиозные понятия Германцев, автор нередко дает волю своему остроумию и выражается неприлично о предметах важных и высоких. Приведем несколько таких примеров, обезображивающих его сочинение и сообщающих ему предосудительное направление. (Выдержки: ч. I, стр. 12—13, 14—15, 52, 74, 89, 99, 225; ч. II, стр. 122, 169, 196).

Находя сии и сим подобные места, встречающиеся в сем сочинении, противными 1-му пункту § 3 и § 8 Устава о Ценсуре, представляем о запрещении оного для публики. 4 декабря 1835» [25].

«Романтическая школа», изданная отдельно в 1836 г. («Die Romantische Schule von H. Heine. Hamburg. 1836») (в оригинале и полностью), еще раз сделалась темой рапорта и вновь была запрещена (по рапорту Л. Роде, 1837 г., дело № 125). Что касается «Романтической школы» и «Истории религии и философии в Германии», то круг их тематики очерчен заглавием: это — область литературы, философской мысли, вопросов веры. Гейне в этих произведениях не касался по существу конкретных (и злободневных с русской точки зрения) политических фактов; отдельные упоминания являются лишь по ходу изложения как второстепенный элемент. В цитатах, приводимых из этих книг, преобладают места, направленные против христианства или вышучивающие его символы, его культ, его представителей, а равно и сравнения, в которых привлекаются образы и понятия из сферы религии. Внимание цензоров сосредоточено на «неприличных» шутках и выходках, на непочтительных сравнениях и легкомысленных метафорах.

С суждениями Гейне на конкретные и близкие России, чисто политические темы цензура столкнулась в 1835 г., когда на отзыв поступила изданная в 1831 г. с предисловием Гейне книга «Кальдорф о дворянстве в письмах к графу М. Мольтке» (Kahldorf über den Adel. Herausg. von H. Heine. Nürnberg 1831). Книгу цензуровал Л. Роде и признал ее неприемлемой,— гораздо больше из-за предисловия Гейне, чем из-за содержания основного текста:

«Г-н Гейне, известный цензуре, как и вообще публике, многими сочинениями, написанными с большим остроумием и нередко блестящим стилем, но вместе с тем в очень предосудительном духе, издавая эту брошюру г-на Кальдорфа, предпосылает ей предисловие, вышедшее из под его собственного пера и не менее предосудительное, чем все, написанное им до сих пор. Уже первые две строки предопределяют дух, который в нем господствует. Г-н Гейне говорит: «Галльский петух пропел во второй раз[26], и в Германии тоже начинает брежжить день». Мы прибавим к этому то, что он говорит на стр. 24—27: «Но во Франции солнце свободы горит все ярче и ярче и лучи его освещают целый мир...[27]. Странная перемена! в этой беде аристократия обращается к тому самому государству, которое она в последнее время считала злейшим врагом своих интересов и ненавидела, она обращается к России. Великий царь, который недавно лишь был гонфалоньером свободы, который враждебно противостоял феодальной аристократии и казался вынужденным враждовать с нею и впредь, этот царь избирается этой самой аристократией в знаменосцы и должен стать ее передовым бойцом. Хотя русская государственность покоится на антифеодальном принципе равенства всех подданных, которых не рождение, но заслуженный чин возводит в известный ранг, все же, с другой стороны, абсолютный царизм непримирим с идеей конституционной свободы, которая ничтожнейшего подданного может защитить даже от благодетельной княжеской прихоти; и если император Николай из-за этого принципа гражданского равенства был ненавидим феодалами и, кроме того, в качестве явного врага Англии и тайного врага Австрии при всей своей мощи являлся фактическим представителем либералов, то все же он стал величайшим противником последних с конца июля [1830 г.—*А. Ф.*], с тех пор, как побеждающие идеи конституционной свободы угрожают его абсолютизму, и европейская аристократия могла вызвать его, именно как самодержца, на борьбу со свободной Францией. Английский Булль обломал свои рога в этой борьбе, и теперь его роль должен взять на себя русский волк. Высокая европейская знать достаточно хитро умеет пользоваться для своих целей пугалом московских лесов и приручает его надлежащим образом... Ах! Волк надел на себя весь гардероб старой бабушки и раздирает вас, бедные красные шапочки свободы! Мне кажется, пока я это пишу, будто кровь Варшавы брыжжет даже на мою бумагу и будто я слышу радостные клики берлинских офицеров и дипломатов. Не слишком ли рано они ликуют? Не знаю, но мне и нам всем так страшен русский волк, и я боюсь, что и мы, немецкие красные шапочки, скоро почувствуем бабушкины неуклюже длинные руки и большую пасть...»[28]

«Что до самой книги, то автор высказывается в ней с гораздо большей умеренностью, и дух, господствующий в ней, гораздо менее предосудителен, чем дух предисловия; но, несмотря на это, мы не можем ее одобрить (следует выдержка, стр. 114—116).

«Мы показали тот предосудительный дух, который господствует в предисловии и в самой книге, и мы уверены, что Комитет согласится с нами, если мы предложим запретить эту брошюру для публики на основании § 3 Устава о Цензуре. 13 сентября 1835»[29].

Все приведенные до сих пор отзывы относятся к тому времени, когда имя Гейне было тесно связано с Молодой Германией—буржуазно-революционной группировкой немецких писателей. В западноевропейских литературных группировках Комитет Ценсуры Иностранной разбирался не хуже, чем русская журнальная критика. И в цензурных рапортах имя Гейне упоминается также и по поводу книг представителей Молодой Германии, в окружении таких имен как Гуцков, Лаубе, Винбарг, Бёрне и др.

Цензура не только запрещала книги писателей Молодой Германии; она поощряла их противников, если это нужно было, брала их под свою защиту.

Так была дозволена — всё тем же Роде,— антисемитская и антифранцузская брошюрка, направленная тоже против Молодой Германии и имевшая причудливое

французско-немецкое заглавие: «Die Jeune Allemagne in Deutshland», Stuttgart 1836 [30]. В отзыве цензора слышится одобрение:

«Анонимный автор пытается показать в этой брошюре, как французы и евреи подкапываются под немецкую национальность. Он выражается с большой горячностью, но не высказывает ничего такого, что могло бы заставить цензуру запретить свободную продажу этой брошюры» [31].

Есть рапорт, в котором цензор вступается за Вольфганга Менцеля, отступника и изменника Молодой Германии, тоже вызывавшего прежде, в пору своих либеральных и радикальных мнений, запреты со стороны русской цензуры. Теперь, когда Молодая Германия обрушивается на него, он в лице русского цензора приобретает жалостливого защитника. Дело шло о первом томе «Литературного Ежегодника», составленном из статей приверженцев «Молодой Германии» и украшенном портретом Гейне (Jahrbuch für Literatur. Erster Jahrgang. 1839. Hamburg). В рапорте Л. Роде (от 17 января 1840 г., д. № 48) сказано: «Немецкая литература наших дней служит предметом этой книги. В ней главным образом говорится о том, что обычно называют Молодой Германией... В ней говорится о таких писателях, как Гуцков, Лаубе, Виль, Винбарг, Менцель, этот бедный Менцель, который теперь является мишенью для насмешек...»

Статья Гейне «О доносчике», написанная против Менцеля, обличения которого играли роль своего рода публичного доноса на Молодую Германию, подверглась запрещению. Не разрешенная немецкой цензурой в качестве предисловия к III тому «Салона», вещь эта была издана отдельной брошюрой, и отзыв о ней дан был рижским цензором Граве.

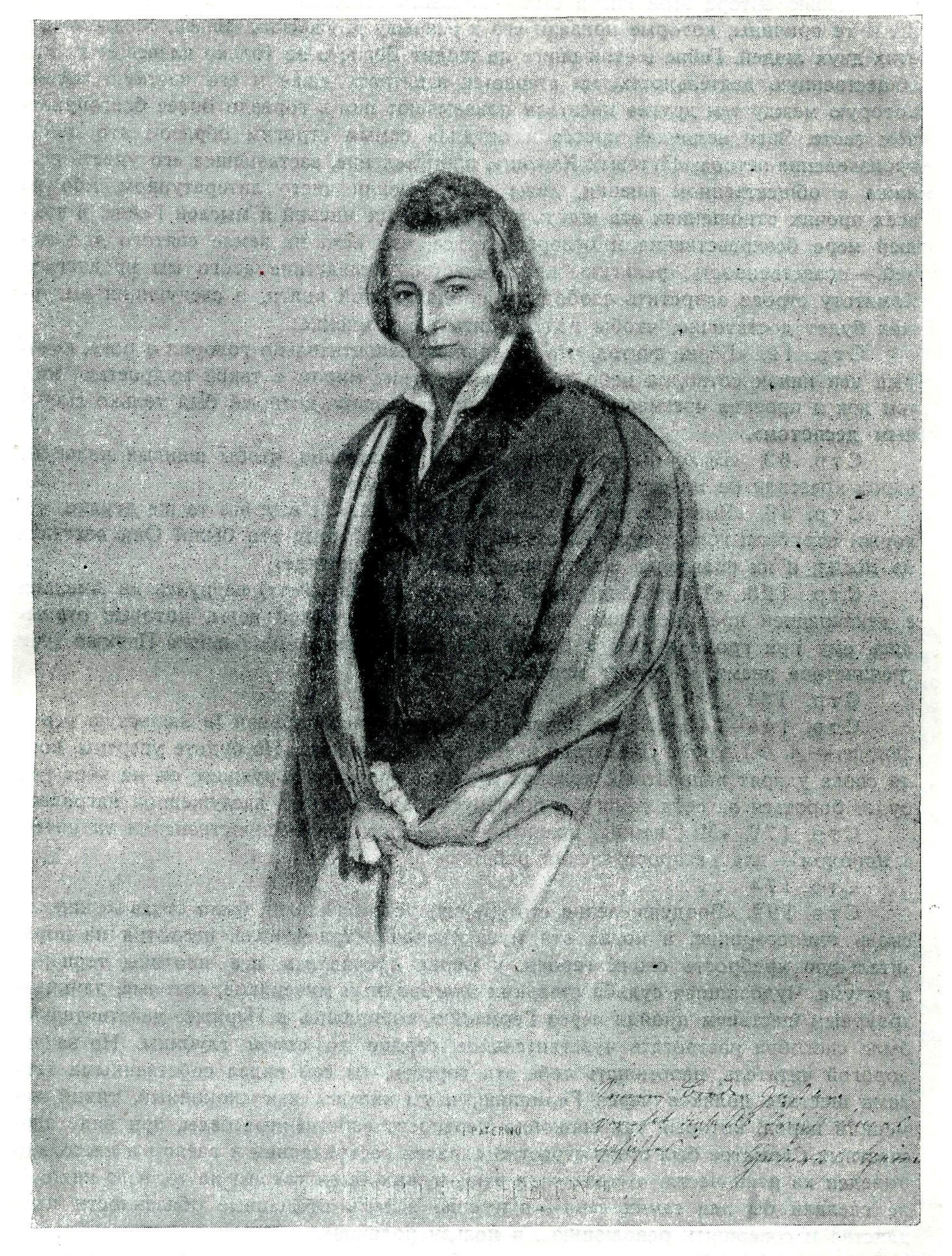
Мнение Комитета Цензуры Иностранной по этому поводу было запротоколировано следующим образом: «Комитет, находя из этих мест одно предосудительным в отношении к Российскому правительству, а последнее несколько щекотливым в цензурном отношении, по неудобности исключения замеченных г. цензором страниц из небольшой брошюрки и по неважности этого сочинения, положил: запретить оное для публики» [32].

VII

Но вот Гейне порывает с Молодой Германией.

Декларацией разрыва была книга о ее идейном вожде—Лудвиге Бёрне (1840), только что умершем. Относительно прогрессивная, революционизирующая роль этой группы к тому времени (конец 1840-х гг.) была окончена; но ореол революционности оставался. Объективно отход Гейне был отходом налево, а не направо (каковы бы ни были отдельные личные мотивы); преодоление либерально-буржуазного демократизма Молодой Германии было для Гейне важным шагом в направлении к научному социализму. Недаром сближение Гейне с Марксом относится как раз ко времени после издания книги о Бёрне [33]. Но члены Молодой Германии оценили этот факт, разумеется, иначе — как измену их делу, делу революции «вообще», как отход вправо. Гейне сделался предметом ожесточенных нападок, и суть их сводилась к обвинению в беспринципности, в моральном и политическом нигилизме.

Хотя деятельность Молодой Германии вызывала очень неодобрительное отношение русской цензуры, все же в глазах последней книги «О Лудвиге Бёрне» оказались явлением еще более опасным; Гейне оказался страшнее и революционнее, чем Бёрне: он решился отрицать большее, чем Бёрне. Гейне затрагивал в ней также и вопрос о взаимоотношении Польши и России; он с иронией говорил о поляках и с ненавистью о политике национального угнетения, которую вело правительство Николая I; насмешки над поляками были насмешками над слезливым национализмом, и в основе их лежал революционный космополитизм, предчувствие мировых социально-политических сдвигов. Отзыв цензора Г. Нагеля (8 апреля 1844 г.) очень характерен:



ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Литографированный портрет с дарственной надписью поэта своему брату Густаву: «Seinem Bruder Gustaw verehret diese Abschrift Seines Gesichtes Heinrich Heine»

Институт Русской Литературы, Ленинград

«Целью автора этой книги было—показать отношения, какие он имел с Бёрне, и те причины, которые привели его к разрыву дружеских связей, соединявших этих двух людей. Гейне в этой книге не щадит Бёрне и не только клевещет на его общественную деятельность, но старается запятнать даже и его частную жизнь, которую между тем другие писатели показывают нам в гораздо более благоприятном свете. Зато немецкая пресса и осудила самым строгим образом это новое произведение автора «Путевых Картин», произведение, заставившее его упасть еще ниже в общественном мнении, даже в отношении чисто литературном, ибо во всех прочих отношениях эта книга, полная личных мнений и мыслей Гейне, в высшей мере безнравственна и оскорбляет все, что есть на земле святого для людей,— нравственность, религию, правительство. Вследствие этого мы предлагаем Комитету строго запретить свободную продажу этой книги, и следующих выдержек будет достаточно, чтобы подтвердить наше мнение:

Стр. 19. «Бёрне считал, что я слишком непочтительно говорил о боге, который как никак сотворил небо и землю и правит миром с такой мудростью, меж тем как я проявил чрезмерное уважение к Наполеону, который был только смертным деспотом».

Стр. 63. «Было бы во всяком случае желательно, чтобы вшивый польский народ крестили не простой водой, но о-де-колоном» [34].

Стр. 83. «Вместе с тем там [во Франции.—*А. Ф.*] еще всё те же дураки, которым отрубили головы уже 50 лет тому назад... К чему это было! Они восстали из могил, и их правление еще безрассуднее, чем прежде».

Стр. 123. «Теперь минуло 60 лет, как он (Лафайетт) вернулся из Америки с декларацией прав человека, десятью заповедями новой веры, которые открылись ему при громе пушек и блеске молний... И снова на башнях Парижа веет трехцветное знамя, и звучит марсельеза!»

Стр. 131 . . . .

Стр. 144—145. «Народ ничего не достиг своей победой [в июльскую революцию. — *А. Ф.*], кроме сожалений и еще большей нужды. Но будьте уверены, когда снова ударят в набатный колокол и народ бросится к ружьям, он на этот раз будет бороться за себя самого и потребует своей хорошо заслуженной награды».

Стр. 172. «Мы, немцы, пользуемся печатью для распространения глупости, а порохом — для распространения рабства».

Стр. 174 . . . .

Стр. 192. «Воодушевление его (Бёрне) делом Польши было столь же кипуче, сколь односторонне, и когда эта мужественная страна пала, несмотря на поразительную храбрость своих героев, у Бёрне прорвались все плотины терпения и разума. Чудовищная судьба стольких благородных мучеников, которые, длинным траурным шествием пройдя через Германию, собирались в Париже, действительно была способна растрогать чувствительное сердце до самой глубины. Но зачем, дорогой читатель, напоминать тебе эти горести, ты сам видел собственными глазами шествие поляков через Германию, и ты знаешь, как спокойный, тихий немецкий народ, который так спокойно переносит собственные беды, при виде злосчастных Сарматов был столь страстно охвачен состраданием и гневом и настолько выведен из равновесия, что мы ради этих чужих были готовы на то, чего никогда не сделали бы для самих себя — а именно забыть священные обязанности подданства и совершить революцию... в пользу поляков».

Стр. 195. «Жаждой деятельности бились наши сердца, когда они (поляки), сидя у камина, рассказывали нам, как много они вытерпели от русских, сколько горя, сколько ударов кнута. К словам об ударах мы прислушивались еще более внимательно, ибо тайное предчувствие говорило нам, что русские удары, которые эти поляки уже получили,—те самые, что нам еще предстоит принять в будущем. Немецкие матери в испуге хватались за головы, слушая, как император Николай, людоед, каждое утро съедает трех польских младенцев, живьем, с уксусом и маслом».

Стр. 198. «Единственная польза, которую они (поляки) принесли нам, это—та ненависть к России, которую они посеяли у нас и которая, постепенно разрастаясь в немецкой душе, тесно соединит нас всех, когда пробьет великий час и когда нам суждено будет защищаться против того страшного великана, что спит сейчас и растет во сне, касаясь стопами душистых садов востока, упираясь челом в Северный Полюс, грезя о новой всемирной империи. Германия должна будет вступить в бой с этим чудовищем, и потому хорошо, что мы рано учимся ненавидеть русских, что эту ненависть возбуждают в нас, что и все другие народы принимают в этом участие... это услуга, которую оказывают нам поляки, скитающиеся ныне по всему свету проповедниками ненависти к России».

Стр. 203. «Свет, который некогда они принесут к себе домой, может быть, разольется далеко на крайний северо-восток, и зажжет пожаром мрачные сосновые леса, так что в свете вспыхнувшего сияния наши враги будут оглядывать друг друга и ужаснутся... и станут душить друг друга в безумии взаимного ужаса и избавят нас от опасности своего нашествия. Провидение порой вверяет свет самым неумелым рукам, чтобы в мире возгорелся спасительный пожар...» и пр.

Стр. 220. «Вот там—площадь Людовика XVI, где был показан великий пример...» и пр.

Стр. 233. «Во времена революции нам остается выбор: убивать или умирать».

Подобные же места находятся еще на стр. 238, 255, 278, 287, 200, 294, 301, 306, 307 и т. д.»[35].

Польский вопрос был актуальной революционной темой. В своих произведениях 30-х годов Гейне отдал очень серьезную дань увлечению им. Теперь он высмеивает это увлечение, низводя польский вопрос на степень частного вопроса. Но отрицательное и презрительное отношение к полякам оказалось в таком контексте, который менее всего мог заслужить доверие русской цензуры. И даже Бёрне, бывший отнюдь не в милости у русской цензуры, но здесь явившийся жертвой Гейне (подобно тому как раньше это было с Менцелем), вызывает сострадание цензора Нагеля; вражда Гейне служит рекомендацией его противнику. Цензура в данном случае оценила соотношение сил (Гейне—Бёрне) иначе и вернее, чем это делали иные литературные критики (из русских критиков, например, Н. И. Греч), и только ссылка на западноевропейское «общественное мнение», в котором Гейне «упал еще ниже», была не вполне уместной (Гейне в Германии упрекали в измене революции, и цензура в этом отношении словно брала в союзники Молодую Германию).

В 1842 г. автор, укрывшийся под псевдонимом «Последователь (или преемник) Гейне (H. Heine's Nachfolger)[36], издал в Гамбурге, где именно издавался Гейне, двухтомную книгу под названием «Путевые Эскизы» (Reiseskizzen. Episteln an Madame). Книга, подобно «Книге Ле-Гран», имела форму обращения к некоей «сударыне» (Madame). Цензор Г. Нагель предположил, что истинный автор книги—настоящий Гейне. Именно характер суждений (и притом суждений о России) явился поводом к такой догадке. Руссофобия, как признак Гейне, бросилась в глаза цензору и ввела его в заблуждение насчет автора книги:

«Эпиграф, который мы находим вслед за заглавием этого путешествия[37], приблизительно указывает направление, которое впрочем можно было ожидать. Автор этих «Путевых Эскизов», в котором под псевдонимом «последователь Гейне» можно узнать самого Гейне, в ряде сатирических писем к одной даме рассказывает воспоминания своей молодости, часто делая иронические намеки на связь, существовавшую между ним и этой особой; он перемежает свое повествование об исторических событиях новеллами, анекдотами и фантастическими рассказами. Страны, где на этот раз путешествовал автор, суть Дания и некоторые государства северной Германии, которые преимущественно служат предметом его сарказмов. Автор также пользуется малейшим поводом, чтобы с яростью напасть на

Россию и ее установления и, часто возвращаясь к этому предмету, он, так сказать, считает своим долгом представить в самом невыгодном свете все, относящееся к этой стране....

Принимая во внимание, что почти все сочинения этого автора [т. е. настоящего Гейне. — *А. Ф.*] запрещены и что эти «Путевые Эскизы» вследствие того духа, который в них господствует от начала до конца, не заслуживают более снисходительного отношения, мы предлагаем запретить эти два тома для публики» [38].

Итак, в представлении цензуры сложился настолько определенный политический образ Гейне, что на основании тех или иных его признаков (руссофобия, вольнодумство, «тираноедство») автору можно было приписать чужое произведение, — хотя бы другие элементы тематики и стиль не являли черт сходства.

VIII

К тому времени, к которому относится только что приведенный документ, читатель русской книги лишь начинал знакомиться с ранней лирикой Гейне — по стихотворным переводам, печатавшимся в журналах с конца 30-х годов. Это были переводы из разрешенных книг Гейне—из «Книги Песен», из «Лирического Интермеццо» [39].

Притом переводились стихотворения, еще наиболее близкие к романтической поэзии, так что даже из сравнительно узкого круга раннего творчества Гейне были почерпнуты далеко не самые характерные для поэта черты, не то, что было в нем нового, а то, что скорее роднило его со старым. Методы перевода только усиливали эту традиционно-лирическую сторону. Проза же оставалась мало известной.

Правда, она находилась под цензурным запретом, а запретительные отзывы цензоров отнюдь не способствовали ознакомлению публики с творчеством писателя. И не для публики писались эти отзывы. Все же цензурная история сочинений писателя еще не определяет собою его судьбу в представлении читающей публики, в мнении критики. Связь так или иначе устанавливалась. Отсутствие отзыва о той или иной книге Гейне или запрещение не значат еще, что у нее совершенно не было читателей в России. Была и контрабандная литература, доступная, конечно, меньшему кругу читателей (но в этом кругу могли быть люди литературные). Кроме того, «запрещение для публики» тоже не исключало какого-то́, хотя бы и довольно узкого, круга читателей (впрочем, будучи раз приобретена лицом, имеющим на то право, она от него могла попасть к читателю, такого права не имевшему: это уже не подвергалось контролю). Таким образом, запрещение хотя и затрудняло, но не вполне исключало доступ книги. Из запрещенных же или и вовсе не поступавших в цензуру книг переводились и печатались отрывки. Так, из «Путешествия по Гарцу», запрещенного в 1827 г., был напечатан небольшой отрывок в «Московском Вестнике» 1830 г. (ч. IV, № 14—16, стр. 121—151) — под названием «Отрывок из путешествия Гейна»; в 1832 г. в «Телескопе» (ч. X, стр. 86—96) был напечатан перевод главы «Лондон» из «Английских Фрагментов», подвергшихся запрещению через два года (во французском издании), а в то время еще не рассматривавшихся цензурой. Тогда же — в 1832 г.—Киреевский напечатал в первых двух номерах «Европейца» «Письмо о Парижской картинной выставке 1831 года», с соответствующими купюрами, разумеется (именно там находится место, где Гейне скорбит о том, что нельзя отрубить руку Николаю I). Цензурное запрещение этого «Письма» состоялось тоже позднее — в 1833 г., когда оно рассматривалось в составе книги «О Франции», и в 1834 г., когда оно опять попало на глаза цензуре в составе I тома «Салона». В «Телескопе» 1834 г. (ч. XIX) был помещен перевод отрывка «Гете и Шиллер» — из запрещенной уж в том же году книги «К истории религии и философии в Германии». Единственным условием для напечатания должно было быть отсутствие в таком отрывке непозволительных с точки зрения внутренней цензуры мест. Но, конечно, это было очень немного; проза Гейне вообще не могла дать большого количества позволи-

тельного материала для перевода; кроме того, эти немногочисленные отрывки, разбросанные по журналам начала 30-х гг., пожалуй, не могли существенно повлиять на представление о Гейне, начавшее складываться у читателя при переходе от 30-х гг. к 40-м на основании переводов его стихов.

Какими же сведениями о Гейне мог располагать русский читатель 30-х и 40-х гг. и из каких источников он черпал их (не считая стихотворных переводов, рисовавших еще привычный образ лирического поэта)? В журнальной критике приходится сталкиваться с суждениями о Гейне, далеко не одобрительными. Такого рода оценки встречаются исключительно в статьях, обнаруживающих действительное знакомство с западноевропейской литературой; иногда это—статьи переводные. И материал для отрицательных оценок Гейне в журнальных статьях 1830-х гг. дают в громадном большинстве случаев произведения, запрещенные цензурой (проза).

В переводной статье Э. Кине «Будущая участь словесности и изящных искусств в Германии» («Московский Телеграф», 1832, ч. 47, № 17, сентябрь, стр. 18) имеются такие строки о представителях Молодой Германии: «Порыв народности прощает Бёрне его злые выходки на чужеземцев; так и маленькому дарованию Менцеля льстят потому, что он нападает на Гете, и жиду Гейне прощают его насмешки над всем, о чем он только ни начинает говорить».

В «Телескопе» 1831 г. (ч. V, № 18, стр. 159) в переводной статье (Вольфганга Менцеля, врага Гейне) есть слова о «кощунском уничижении», составляющем особенность Гейне.

В «Московском Наблюдателе», 1836 г. (ч. IX, стр. 8), в статье — тоже переводной — говорится о «наглой манере» Гейне.

В «Библиотеке для Чтения» 1837 г. (т. XX, отд. II, стр. 128) цитируются слова Гете, содержащие осуждение Гейне: «Нет спору, что он одарен многими блестящими качествами, но в числе их недостает одного — любви. Он столько же недоволен читателем, как и своей братией поэтами и самим собою. Когда его читаешь, невольно приходят на память слова Апостола: Хоть бы я говорил языками людей и ангелов, когда во мне нет милосердия, я—только похож на медь звенящую и кимвал доброгласный. Несколько дней тому назад я читал некоторые поэмы Гейне и удостоверился, что дарование у него необыкновенное, но, как я сказал, он совсем лишен любви, а без нее ничего нельзя сделать. Его будут бояться, и он, пожалуй, прослывет полубогом у тех, которые, не имея его дарования, захотят итти по тому же отрицательному пути, как он».

В XIII томе «Энциклопедического Лексикона» Плюшара, появившемся в 1838 г., была статья о Гейне, тоже резко отрицательная: «Гейне, Гейнрих, известный Германский стихотворец и после Бёрне известнейший из немецких политических писателей дерзостью своих мнений...» Так характеризует его анонимный автор этой статьи. Излагая его биографию, автор далее сообщает, что Гейне, «подвергшись заслуженным преследованиям за свои безнравственные мнения в религии и политике, избрал в 1830 г. постоянным местопребыванием своим Париж...» Далее идет библиография сочинений Гейне, а затем автор хоронит поэта — за 20 лет до настоящей его смерти: «В новейшем и не оконченном еще сочинении его «Der Salon» (I том, Гамбург, 1834) содержатся известные уже из Morgenblatt'а критика художественной выставки в Париже в 1831 г., стихотворения и другие безделки. Гейне умер в Париже в 1837 г. [Sic!]. Он одарен был блестящими дарованиями и примечательным остроумием, но сделался презрительным и ненавистным для благомыслящих людей всех наций своею наглостью в суждениях, своими разрушительными правилами, грубым неуважением к святыне и смешной страстью прослыть германским Вольтером».

Наконец, в том же 1838 г. в статье Эдуарда Губера «Взгляд на нынешнюю литературу Германии» многое предвещает погромный отзыв Жуковского, появившийся лишь 10 лет спустя. Цель «Молодой Германии», — по словам Губера, — «из-

менение общества в самых основных его стихиях; все сочинения ее устремлены к ниспровержению старого, освященного веками порядка. Нельзя сказать, чтобы между поборниками этой школы не было людей с дарованием: Гейне, Бёрне, Гуцков могли бы и на лучшем поприще занять почетное место; тем более должны мы сожалеть, что все эти силы истрачиваются для достижения ложной цели.... Вот Гейне, с его ужасной иронией, с его ядовитым юмором! Нет, это не та стыдливая муза Жан-Поля, которая с улыбкой на устах, с глазами, полными слез, напевала вам такие волшебные песни; это дикая баядерка, которая не стыдясь своей соблазнительной наготы, заманит вас в роскошные объятия неги — и заразит ядовитым дыханием. Гейне не признает святыни; а между тем он облекает свои ужасные мысли в такую соблазнительную одежду, он говорит с таким простодушием, что вы забудетесь над сладким ядом его поэзии» [40].

К. Петерсон, автор статьи «Гейнрих Гейне» («Современник», 1843, т. XXX), определяет характер большей части стихотворений Гейне, как «чувственность и сарказм». Лирику Гейне этот критик в общем еще одобрял, хоть и находил в ней ряд недостатков; проза же Гейне подверглась с его стороны усиленнейшим нападкам.

Содержание и категоричность этих оценок не должны удивлять, если принять во внимание, что они сделаны с точки зрения идеалистической эстетики. А с философией идеализма Гейне был во враждебных отношениях; вспомним его нападки на крупнейших представителей этой философии, находивших себе в России как раз в то время многочисленных адептов. Что касается системы Гегеля, то Гейне умел оценить ее диалектическую сущность, и ее революционизирующий смысл — независимо от той направленности, которая была ей дана самим Гегелем. И в этом отношении понимание Гегеля у Гейне — родственное тому, которое сформулировано Марксом и Энгельсом. Но такое понимание резко отклонялось от общепринятого в 30—40-х гг. отношения к Гегелю, распространенного и в России; оно было ересью и с точки зрения русских гегельянцев, и потому взгляд на Гейне русской эстетической критики не является неожиданностью.

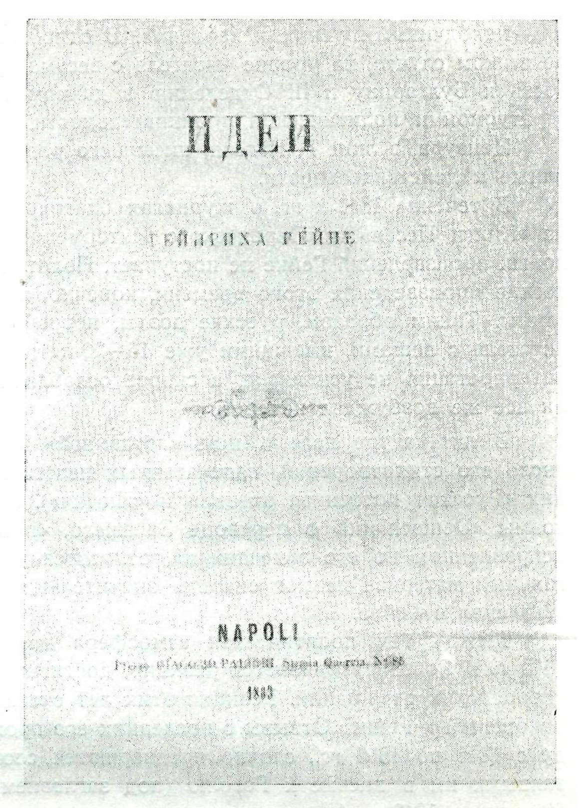
Образ Гейне, который складывается на основании этих и им подобных отзывов, далеко не идилличен. Главной предпосылкой этих отзывов (без которой они не были бы даже возможны) является знакомство критиков с Гейне в оригинале и на его европейском фоне. Недаром многие из приведенных отзывов взяты из статей переводных. (Между прочим, лишь в связи с правильным пониманием подлинного западноевропейского фона, политического и литературного окружения Гейне могли иметь смысл суждения о его «вольтерианстве».)

Портрет поэта, нарисованный в этих отзывах, независимо от большей или меньшей яркости и резкости красок и выражений, оставался чужд читателю «русского Гейне» очень долгое время — в течение не только 30-х гг., к которым относится статья Губера, но и 40-х. Публика, читавшая Гейне в переводе, знакомилась с ним на таком материале, от которого складывалось совсем иное впечатление.

Н. И. Греч, путешествуя в 1842 г. по Германии, посетил в Гамбурге «почтенного Гейне», дядю поэта — банкира Соломона Гейне, «человека умного, оригинального и достойного уважения во многих отношениях» [41].

Об отношениях Соломона Гейне и поэта Гейне Греч повествует в тонах традиционного семейного водевиля на тему о благоразумном и богатом дядюшке и ветреном расточительном племяннике.

«Гейне [речь идет о Соломоне. — *А. Ф.*] вообще не щедр к близким своим родственникам, требуя, чтоб они находили собственными своими трудами средства к существованию. Он очень гневен на племянника своего, Генриха, который в поэтическом бреду вздумал распоряжаться его кассой как своею собственной и беспрестанно просил денег у богатого дядюшки. Старик наконец вышел из терпения и объявил, что не даст ни гроша тунеядцу, который не хочет заняться никаким порядочным делом, не хочет честным образом снискивать пропитание и только пишет вздорные стихи и печатает пустые книги. «Да знаете ли, дядюшка»,


ИДЕИ

ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

NAPOLI

1863

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ НЕЛЕГАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ ГЕЙНЕ, ВЫПУЩЕННОГО В НЕАПОЛЕ В 1863 г.

Публичная Библиотека, Ленинград

написал он к нему однажды: «в вас хорошего одно то, что вы носите мое имя!» Соломон Гейне сам рассказал мне это, полусердясь, полушутя. Но все семейство, все гости гласно и сильно вступились за юного пиита, и в глаза говорили старику, что он человек гениальный и знаменитый» [42].

Гейне — «юный пиита» — вот русский Гейне 40-х гг. Таким он предстает русской публике этого времени. Подлинный Гейне той же эпохи — это уже автор книги о Бёрне, «Французских Дел», первых частей «Лютеции», «Салона» и мн. др., это уже стареющий Гейне.

Греч, как автор многочисленных путевых писем — довольно яркий тип консервативного русского обывателя, путешествующего за границей. Таким же обывателем является он и в своих экскурсиях на запад литературный.

За год с лишним до своего посещения Соломона Гейне он следующим образом информировал русского читателя о книге Гейне «Лудвиг Бёрне:

«Генрих Гейне, занесенный бурными происшествиями 1830 г. во Францию и долгое время считавшийся другом, товарищем и единомышленником Бёрне и прочих корифеев так называемой Юной Германии, наконец решился явно и гласно отречься от этой партии и всех дел ее, обнародованием, в каких сношениях он был с Бёрне в Германии и Париже. Книга его (Heine über Börne) написана очень остро, умно и забавно. Немецкие демагоги выставлены в ней с самой смешной стороны, глупыми карикатурами и шутами. Можно вообразить, какой шум поднялся на автора; его засыпали бранью, но опровергнуть не могли, а он достиг своей цели: освободился от нареканий в сообществе с людьми, враждебными своему отечеству, его законам и нравам, и порядочно посмеялся над неуклюжими своими земляками, которые вздумали было плясать под одну музыку с легкими Французами» [43].

Книга о Бёрне — для Греча только акт благонамеренности Гейне, а сам Гей-

не — находчивый шутник и забавник. В отношении «германского Вольтера» Греч, во всяком случае, на уровне читателя с весьма средней подготовкой. И даже близость к Булгарину и III Отделению в данном случае не способствовали его литературной и политической проницательности.

Цензура, в лице Г. Нагеля, писавшего рапорт по поводу книги о Бёрне, была ближе к действительности.

В течение 1840-х гг. в журналах благополучно печатаются переводы стихов из «Книги Песен» и «Лирического Интермеццо»; в цензуру после книги о Бёрне новых произведений Гейне не поступает. Политическая лирика Гейне и его прозаические произведения этого времени, конечно, в русском переводе были бы немыслимы. Таким образом, русские поэты, переводившие Гейне, знакомили русского читателя с вещами, имевшими уже 15—20-летнюю давность. Несмотря на то, что интерпретация не усиливала, а скорее ослабляла новизну и характерность Гейне, он все же возбуждал интерес.

В литературе нелегальной, «потаенной» Гейне появляется лишь позднее, и число его стихотворений, напечатанных нелегально, отнюдь не велико (см. сборник «Русская потаенная поэзия» и «Лютня»). Заграничное (лейпцигское) издание поэмы «Deutschland» в переводе Заезжего, «просмотренном И. С. Тургеневым и исправленном по его замечаниям», относится уже к 1875 г. Таким образом нелегальный материал не мог оказать значительного влияния на читательские представления о Гейне.

Между тем политическая атмосфера на Западе сгущается. Приближается 1848 г. В России усиливается реакция, достигшая крайних пределов после взрыва европейских революций. Реакция этих лет сказалась на цензуре и в частности на отношении к Гейне. Отзывы о последних его произведениях, относящиеся к периоду с 1848 по 1855 гг., словно предваряются словами поэта Жуковского, сказанными им в письме к Гоголю (под заглавием «Слова поэта — дела поэта») от 29 января 1848 г. (т. е. незадолго до революционных событий этого года). Имя немецкого поэта здесь опущено, но что речь идет о нем не подвержено ни малейшему сомнению.

«Но что сказать о.... (я не назову его, но тем для него хуже, если он будет тобою угадан в моем изображении), что сказать об этом хулителе всякой святыни, которой откровение так напрасно было ему ниспослано в его поэтическом даровании и в том чародейном могуществе слова, которого может быть ни один из писателей Германии не имел в такой силе!........ это свободный собиратель и провозгласитель всего низкого, отвратительного и развратного, это полное отсутствие чистоты, нахальное ругательство над поэтическою красотою и даже над собственным дарованием ее угадывать и выражать словом, это презрение всякой святыни и циническое, бесстыдно-дерзкое противу нее богохульство, дабы, оскорбив всех, кому она драгоценна, угодить всем поклонникам разврата, это вызов на буйство, на неверие, на угождение чувственности, на разнуздание всех страстей, на отрицание всякой власти — это не падший ангел света, но темный демон, насмешливо являющийся в образе светлом, чтобы прелестию красоты заманить нас в свою грязную бездну...»

Оценка Жуковского — неодинока; она лишь категоричнее и патетичнее: цензоры подходили к своему материалу более деловым образом. Слова Жуковского могли бы служить эпиграфом к рапортам о Гейне за годы бутурлинского комитета (1848—1855). Из шести книг Гейне, запрещенных за это время, три были запрещены безусловно.

Все приводившиеся до сих пор запретительные отзывы цензуры относятся к Гейне-прозаику (если не считать рапорта 1827 г. о стихах, входивших в I том «Путевых Картин»). Стихи, входившие в I том «Салона», особого внимания не возбудили: представляя о запрещении книги, цензор ссылался не на них.

Оценки Гейне-стихотворца шли по двум линиям: если дело касалось любов-

ной — «чистой» — лирики, лирики романтического типа, то цензурное разрешение давалось легко. Таков в 1843 г. отзыв Л. Роде об «Интермеццо». Конечно, и в ранних лирических сборниках Гейне уже были элементы «разрушительного» мировоззрения, но они еще не давали основания ссылаться на «явный смысл речи». Самый же «дух рассматриваемой книги», вне общей перспективы творчества Гейне, мог быть и неясен и обманчив. Этим, между прочим, обусловливается полное благополучие раннего отзыва о «Книге Песен», 1827 г. (уже в 1832 г. та же «Книга Песен», в том же издании, несколько смутила цензора Граве, знавшего и другие произведения Гейне; в 1851 г. ей пришлось подвергнуться запрещению). Что же касается лирики политической, стихов, затрагивавших злободневные темы или темы социально-философского порядка, то они систематически оказывались под запретом. Но цензура не сталкивалась с ними до 1848 г., когда на отзыв поступила и подверглась запрещению поэма «Атта Троль» (Atta Troll. Ein Sommernachstraum. 1847). Запрещение состоялось 23 марта, но рапорт датирован еще декабрем 1847 г. и принадлежит виленскому цензору Ивану Вашкевичу, который полагал, что это произведение может быть позволено по исключении нескольких мест. Комитет Ценсуры Иностранной на заседании 27 января 1848 г. поддержал мнение виленской цензуры, и лишь главное Управление Цензуры 23 марта предпочло целиком запретить книгу для публики. Промежуток времени между январем и мартом сделал свое дело: революционные события на западе настроили цензуру на более строгий лад. Между тем «Атта Тролль», среди других сатир Гейне, как по своей направленности, по своим объектам, так и по применяемым в ней средствам, является еще сравнительно умеренным произведением. Высмеиваются в ней тенденциозные политические поэты либеральной буржуазии, внешняя революционность которых скрывала политическое филистерство. По существу эта поэма продолжала дело книги о Бёрне (разоблачение политических позиций идеологов радикальной немецкой мелкой буржуазии, вскрытие их реакционности); но внешне поэма «Атта Тролль» в еще большей мере, чем книга о Бёрне, создавала иллюзию поворота вправо (насмешки над показным демократизмом, эстетизм Гейне и т. п.). И провинциальный цензор Вашкевич, с наивной подробностью изложив содержание поэмы, нашел подозрительными лишь отдельные стихи, представлявшие насмешку над «медвежьим либерализмом» героя поэмы или вольное обращение с «предметами важными и священными» (хотя у Гейне было много вещей посильнее, и даже в пределах «Атта Тролля» можно было найти нечто более характерное [14]).

Отзыв цензора Вашкевича — таков:

«В этом сочинении автор под именем Atta Troll представляет медведя и его самку, которые, для народного увеселения свойственной ученым медведям пляской и другими штуками водимы были по целой Франции. Нечаянно медведь, ушедши от своего господина и оставив самку в неволе, забрел на Пиринейские горы, где нашел свою родню и знакомых, которым, рассказывая много любопытных, случившихся с ним приключений, сообщает вместе известия о Франции. Гейне, автор сего сочинения, переносится во сне тоже на Пиринейские горы, встречается там с своим любимым медведем и рассуждает там же о деяниях рода человеческого, рассматривает различные сословия людей, царствование достопамятных государей, как-то: Карла В[еликого], Клодвига и пр. После поэт, странствуя в товариществе медведя, приходит к одной волшебнице, которая силою своего чародейства указывает ему тени умерших людей и много других чудес. Оттуда с сыном волшебницы и медведем отправляется в лес на охоту, на которой медведь погиб неизвестною смертию. По смерти товарища, поэт возвращается во Францию, находит еще в живых самку любимого медведя, которая называлась Мумма, рассказывает ей все приключения, утешает ее и старается рассеять тоску ее рассказом о белых (полярных) медведях, о лютости и дикости которых обширно излагает.

По моему мнению, это сочинение, как не заключающее в себе ничего про-

тивного Уставу о Ценсуре, может быть позволено с исключением однакож ниже показанных мест.

Стр. 29. «Если бы все медведи и вообще все звери думали подобно мне, то бы мы соединенными силами преодолели тиранов».

Стр. 30. «Единство; единство есть самое важное для времени, мы страдаем потому, что не действуем заодно, но соединенными силами мы обманем своих деспотов.

Единство! и мы победители, мы свергнем презрительное царство монополии, и тогда учредим настоящее царство животных» [45].

Стр. 110. «Люби меня, и будь моею любовницею (Геродияда), брось эту кровавую глупую голову (Иоанна Крестителя)».

Стр. 113. «Зонтик! Я теперь за один зонтик даю тридцать шесть королей! кричал я...»

Вильно 15 Декабря 1847 года» [46].

IX

В 1851 г. было запрещено 8-е издание «Книги Песен» (Buch der Lieder Achte Auflage. Hamburg. Hoffmann und Campe. 1851. или: Gedichte von H. Heine. Erster Band), первое издание которой было разрешено за 24 года до этого:

«Это собрание лирических стихотворений Гейне содержит большею частью мелкие песни в честь любви, весны, моря и т. п. нисколько не предосудительные. Между ними встречаем однако несколько стихотворений, которые в целом или отдельными стихами противоречат ценсурным правилам...

Стр. 18 по 22. Свадебный пир в аду. Вся песня оскорбляет чувство благоговения к брачному обряду.

Стр. 130. Насмешка на бессмертие.

Стр. 203. Ироническое описание Сатаны.

Стр. 208 Род элегии, в которой главная мысль: «На небеси скончался бог, в преисподней умер Сатана».

Стр. 214. (Песня № XLV). Индийский миф обращен в насмешку на королей.

Стр. 218. Насмешка на поклонение святым.

Стр. 230 по 232. Поэт во сне считает себя богом. В этих стихах, кроме предосудительной темы, много колких выходок.

Стр. 239. Вызов на сладострастие...

В романсе: Горная идиллия —
на стр. 284 по 286 дерзкое искажение символа веры.

Стр. 292 и 293. Ирония на монархическое правление под видом басни.

В песне: Божества Греции —
на стр. 351. Укоры церкви и самой христианской вере...

Стр. 359 и 360. Кощунство двух пьяниц...

По большому числу предосудительных мест, подрывающих благочестие и чувство повиновения, следует подвергнуть это издание запрещению для публики, на основании § 3, пунк[ты] 1 и 2 Устава о Ценсуре».

Этот отзыв принадлежит рижскому цензору К. Кестнеру. Рижский Ценсурный Комитет определил: «к виновным в распространении этой книги следует применить 1314 статью Уложения о Наказаниях Уголовных и Исправительных» [47].

Если сравнить этот документ с рапортом цензора Граве (1832), то в глаза бросится обилие цитат: отмечены все места, указанные и у Граве, и прибавлено еще втрое больше (все эти места имелись уже и в первом издании). Может быть, и не следует вкладывать в каждый данный отзыв слишком глубокий исторический смысл и истолковывать его в универсальном масштабе, но все же дело здесь не может быть сведено к простому недомыслию, запуганности, абсурдной подозрительности и т. д. Характерно, что цензор тщательно регистрирует все те моменты. где хотя бы в слабой степени сказывается ирония Гейне по отношению к фео-

дально-романтическим темам и образам (например грубо гротескная трактовка ада, стихотворение о царе Висвамитре), где они снижаются, где, наконец, проявляется протест Гейне против христианства (как в «Богах Греции»). Типичен и пуританизм цензора: невинное любовное стихотворение оценивается или как «вызов на сладострастие» или «как насмешка над поклонением святыне». Цензор даже вступается за престиж сатаны, инкриминируя Гейне «ироническое описание» его (стих. «Ich rief den Teufel, und er kam»). Данный отзыв, таким образом, типичен, как документ, свидетельствующий о борьбе двух идеологических систем, двух разных жизненных принципов. Правда, тон некоторых формулировок цензора производит очень комическое впечатление, если сравнить их с теми стихотворениями, к которым они относятся. Так, например, «Насмешка над поклонением святым» (стр. 218) — это начало стихотворения:

Andre beten zur Madonne,
Andre auch zu Paul und Peter,
Ich jedoch, ich will nur beten
Nur zu dir, du schöne Sonne[48].

«Вызов на сладострастие» (стр. 239) — это заключительные 2 стиха в стихотворении «An deine schneeweisse Schulter». «Ирония на монархическое правление под видом басни» — это сказано об идиллическом стихотворении «Der Hirtenknabe» (Мальчик-пастух) из «Harzreise».

X

Если запрещению подверглась уже и «Книга Песен», наиболее благополучный из лирических сборников Гейне, то еще более строгие меры были приняты по отношению к другим собраниям его стихов. «Книга Песен» подверглась примерно таким же обвинениям, какие предъявлялись и прозе. Но когда в 1851 г. вышел «Романцеро, а в 1852 г. появилось 3-е издание «Новых Стихотворений» (непоступавших раньше на отзыв), Гейне-поэт оказался не менее, если не более страшен, чем Гейне-прозаик. Обе книги были запрещены безусловно.

Вот самые отзывы.

«Romanzero von Heinrich Heine. Hamburg. Hoffman und Campe. 1851».

«Это — заглавие книги, в которой Генрих Гейне соединил стихотворения, внушенные ему его музой в последние годы. Направление, господствующее в них, предосудительно в высшей степени, ибо поэт не щадит ничего, что есть самого святого для человека, лишь бы он мог блеснуть своим сатирическим остроумием, и крайне прискорбно видеть человека, который, будучи столь сильно поражен болезнью, что он уже в течение многих годов не может покинуть постель, высказывает суждения безбожные и способные не только оскорбить верующего, но даже внушить отвращение тем, которые вообще не очень заботятся о религии, при всем том горестное чувство, вызываемое действительно печальным состоянием, в котором он находится, проглядывает местами и еще усугубляет неприятное впечатление, которое это чтение производит на читателей — тем более, что он, бывший атеистом, вернулся теперь к богу и даже уничтожил все свои стихотворения, в которых были вещи, оскорбительные для создателя, тем не менее прибавляя на стр. 308: «Что до теологии, то я должен сознаться в регрессе, ибо возвратился, как я сказал уже выше, к древнему суеверию, к вере в единого бога. Это невозможно скрыть, как пытались это сделать некоторые просвещенные друзья мои. Но я должен опровергнуть слух, будто мои шаги назад привели меня к порогу церкви или даже в самую церковь...»

Чтобы подтвердить то, что мы сообщили об опасном духе этой книги, мы обращаем внимание на следующие стихотворения: «Карл I» (стр. 28—29), «Мария Антуанетта» (30—33), «Два рыцаря» (50—53), «Золотой телец» (54), «Царь Давид» (55—56), «Небесные невесты» (59—61), «Америка» (84—88), «Диспут» (261—283).

«Впрочем, эта книга запрещена даже во многих государствах Германии, например в Пруссии, и, считая невозможным поступить менее строго, мы предлагаем подвергнуть ее у нас безусловному запрещению на основании § 3 Устава о Ценсуре (Уложение о наказаниях, §§ 187 и 274)»[49].

К концу 1852 г. (к 16 декабря) относится другой, не менее строгий отзыв, принадлежащий цензору Н. Берте — о «Новых стихотворениях» (Neue Gedichte. Dritte veränderte Auflage. Hamburg. 1852).

«В этом сборнике новых стихотворений Гейне встречается много крайне предосудительных стихов, в которых высказывается самое дерзкое богохульство или революционные мысли. Эти стихотворения, требующие безусловного запрещения этой книжки, на основании § 3 Устава о Ценсуре (ст. 187 и 273 Улож. о Нак.), находятся на стр. 62, 123—129, 141, 142, 207, 208, 219, 224—226, 230, 231, 251, 260.

Например, стр. 129.

Warum ich eigentlich erschuf...

[Последнее стихотворение из цикла «Песен бытия» — «Schöpfungslieder»,—написанных от лица бога. — *А. Ф.*].

Стр. 224 ст. «Adam der Erste» [«Адам Первый»].

Стр. 260. «Erleuchtung» [«Просветление»]...».

Таков рапорт Б. Берте, одного из наиболее непримиримых цензоров (Рапорты К. Ц. И. 1852, дело № 2174. Запр. безусл.).

Ссылки на страницы относятся к следующим стихотворениям: «Серафина», 7 («Auf diesen Felsen bauen wir» — стр. 62; «Катерина», 7 («Jüngstens träumte mir: spazieren») — стр. 141—142; все «Песни бытия» (одну из которых цензор привел в отзыве) — стр. 123 — 129; «Symbolik des Unsinns» (Символика бессмыслицы) — стр. 207—208; «Ангелы»—стр. 219; «Warnung» (Предостережение)—стр. 226; «Bei des Nachtwächters Ankunft in Paris» (На прибытие ночного стража в Париж)—стр. 230—231; «Der Kaiser von China» (Китайский император) — стр. 251 (строфы V—IX). Последние две вещи относятся к числу гейневских сатир, направленных против политического и культурного строя Германии, в частности против Пруссии; остальное принадлежит к числу его антирелигиозных или противохристианских стихов.

XI

На фоне строгих цензурных отзывов о Гейне за первую половину 50-х гг. выделяется своей мягкостью и уклончивостью рапорт цензора-литератора, поэта А. Н. Майкова, о книге «Les Dieux en Exil, par Henri Heine» (Брюссельская контрафакция французского перевода «Богов в изгнании»). Однако и Майков делает вывод о необходимости запретить эту книгу, — правда не безусловно, а только для публики. Но характеристика, которую дает ей Майков, уже содержит те черты, которыми он же воспользовался в своих позднейших цензорских отзывах о Гейне, имевших задачей — добиться пропуска книг Гейне. В этой характеристике главную роль играет указание на двойственность, противоречивость Гейне. Впоследствии Майков настаивал именно на этой особенности Гейне, как на обстоятельстве, смягчающем, обезвреживающем резкость тех или иных мест. В 1853 г., однако, Майков оценивал это свойство как раз наоборот, и главную основу вредности книги он усматривал в двойственности, ироническом отношении к теме (борьба язычества и христианства). Но как бы то ни было, для цензора-литератора, рассматривающего книгу с более специальной, — профессионально словесной, — точки зрения, типично, что он выделяет в Гейне именно эту особенность. Подобно этому в свое время другой цензор-литератор В. Ф. Одоевский в сравнительно мягком отзыве (о «Путевых Картинах») пытался сгладить формулировку грехов Гейне, давая меткое определение основ его иронии, как противоречия, как столкновения противоположных начал, как разнообразия и неожиданности объектов шутки («соединение высоких предметов с низкими...» «Гейне шутит надо всем в мире»)

Отзыв Майкова о «Богах в изгнании» построен так:

«В этой книге Генрих Гейне предпринял собрать разные мифы новейших европейских народов, где играют роль греческие мифологические боги. По содержанию своему она не представляет ничего противного Уставу о Ценсуре; невозможно даже выбрать места особенно предосудительные; но тем не менее книга эта, по моему мнению, не может быть позволена по причине весьма тонкой иронии, разлитой на всех почти страницах этого сочинения. Ирония эта преимущественно распространяется на христианство, хотя автор прикидывается везде ревностным христианином. Для того чтобы дать легкое понятие о том, какого рода эта ирония, укажу на одно лицо, выведенное автором, именно на одного ученого, который написал несколько сочинений, но не издал ни одного в свет, потому что, доказывая какое-нибудь положение и придумывая, что могут на него возразить, он всегда кончал тем, что оставлял прежнее положение и переходил к противному мнению. Так он написал огромную книгу о религии христианства и решился бросить ее в огонь, ибо убедился совершенно в противном, дойдя до заключения, что христианство произвело на свет более зла, нежели добра. Хотя автор, повидимому, с негодованием восстает против новых убеждений этого ученого, но приводит только такие факты, которые еще более вызывают опровержений. Посему я считал бы за лучшее представить Комитету о запрещении для публики на осн. § 2 Устава о Ценсуре [50]».

XII

Отзыв о последней немецкой книге Гейне, изданной при его жизни — о «Смешанных сочинениях» (Vermischte Schriften. Hamburg. 1854. 3 тома) дает одинаково суровую оценку и Гейне-прозаику и Гейне-поэту. Второй и третий тома были заняты «Лютецией», а в первый том на ряду с «Признаниями», «Бо-

КАРИКАТУРА НА РУССКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ ГЕЙНЕ

«Искра» 1866 г., № 27

гиней Дианой» и «Богами в изгнании» входил цикл стихотворений. Здесь были и антирелигиозные, и обличительно революционные, и злободневно-политические вещи. Рапорт о книге (цензора Б е р т е) не датирован, запрещение помечено 31 мая 1855 г., т. е. относится уже ко времени после смерти Николая I (самый рапорт, очевидно, тоже: между представлением отзыва и окончательной резолюцией Главного Управления Цензуры редко проходило больше трех месяцев), но еще действовала инерция всей прежней деятельности цензуры, и этот отзыв о Гейне по своему духу еще всецело относится к николаевской эпохе. Вместе с тем он является и последним в этом роде. Берте писал:

«Из этих трех томов сборника разных сочинений известного писателя Гейне первый том содержит в себе заметки о разных предметах общественной жизни с сатирическими замечаниями, касающимися особенно философии и религии, и кроме того собрание новейших стихотворений Гейне; второй же и третий томы [т. е. и «Лютенция».—*А. Ф.*] заключают в себе критическое обозрение политики, искусства и народной жизни во Франции. Все сочинения Гейне, касающиеся религии, как известно, проникнуты богохульством и подвергнуты строгому и безусловному запрещению. То же направление заметно и в этом сочинении. Особенно в первом томе автор часто находит случай высказать в едкой сатире и неприличных шутках свое неуважение к религии и безбожие. Во втором и третьем томах, в статьях о восточном вопросе, встречается множество предосудительных замечаний о своекорыстных замыслах России в отношении Турции».

Далее идут цитаты (том I, стр. 75—76, 83, 148—149, стих. «Lass die heil'gen Parabolen», том II, стр. 90) и следует заключение: «Сочинение это, по моему мнению, должно быть запрещено по п. 3 Ц. У., именно I том безусловно, а II и III—для публики» (1855, дело № 586).

Таков путь, пройденный в русской цензуре 1830—1850 гг. произведениями Гейне—от «Книги Песен» и «Лирического Интермеццо» до «Лютеции».

XIII

К концу 50-х, началу 60-х гг. картина несколько меняется. Многое, что до этого времени было (или было бы) запрещено, перестало быть запретным. Цензуре пришлось примириться и с Гейне (начало 1860-х гг.). Конечно, примирение это было вынуждено обстоятельствами политической и общественной жизни; оно не было равносильно приятию. Его пришлось обставить рядом мер предосторожности, и опасения цензоров рассеялись не сразу.

Картину дальнейшей цензурной судьбы Гейне в России существенно дополняют некоторые данные о судьбе его в русской критике 50—60-х гг.

В первой половине 50-х гг. и начале 60-х интерес к Гейне в русской литературе значительно ослабевает. По крайней мере в журналах переводы из Гейне и подражания ему встречаются уже неизмеримо реже, чем в 40-х гг. Конечно Гейне — сатирик и политик — в годы бутурлинского комитета был бы немыслим на страницах журналов: недаром цензура запретила «Атту Тролля», «Новые стихотворения» и даже новое издание «Книги Песен». Но ведь те стихи, которые благополучно печатались в 40-е гг., были бы абсолютно цензурны и с точки зрения 50-х: это была ранняя лирика Гейне, отбор же, который производили поэты-переводчики, еще усиливал сентиментально-лирические и любовно-романтические черты — в ущерб элементам иронии и сарказма, уже заложенным там. Однако именно «позволительная» сторона в творчестве Гейне (а только с нею и можно было знакомить читателя) в это время теряет и литературный интерес [51].

В рецензии «Москвитянина» [52] на один из номеров «Современника», где были напечатаны пародии Нового Поэта, говорится об этих пародиях так: «Они имели свою относительную пользу, обращенные на водяных подражателей Гейне, которых было развелось у нас очень много, но в настоящую минуту, когда сти-

хотворений à la Гейне никто уже более не читает, едва ли кто пробежит их без скуки». В рецензии «Современника»[53] на «Стихотворения» Ф. Б. Миллера сказано: «Многие стихотворения Гейне... поражавшие нас своею оригинальностью лет десять тому назад, теперь поражают нас своею пустотой».

Еще один мелкий факт. В «Библиотеке для Чтения» (1851, № 1) Григ. Данилевский среди оригинальных своих стихотворений поместил ряд стихотворений из Гейне, не пометив их, однако, переводными[54]. Критик «Москвитянина»[55] в очень резком отзыве о Данилевском рассуждает об этих стихотворениях, как об оригинальных. По поводу стих. «Смерть» (представляющем перевод стих. «Der Tod das ist die kühle Nacht») он замечает: «Нечего и говорить об отсутствии всякого содержания в этом стихотворении; заметим только, что в первом стихе не соблюдено даже надлежащего размера». Важно, что упрек касается не столько формы, которая может зависеть от переводчика, сколько содержания, которое должно быть отнесено скорее на счет Гейне.

Лишь смерть Гейне (17 февраля 1856 г.), совпавшая с первой годовщиной смерти Николая I, вызвала вновь усиленный интерес к творчеству поэта и обильную переводную продукцию. Однако этот подъем интереса и внимания к Гейне сказался не сразу. В некоторых статьях, последовавших сразу после его смерти, о произведениях Гейне говорится, как об устарелых, притом заслуженно устарелых. В «Живописной Русской Библиотеке» читаем, например, следующее:

«...Во многих европейских журналах напечатаны разные подробности об этом необыкновенном человеке, и множество замечаний о его сочинениях, бывших в свое время любимым чтением публики, но теперь утративших несколько своей современности, ибо Гейне прежде всего хотел действовать на современников своих»[56].

Тон статей, в ближайшие годы после смерти Гейне еще не был обязательно сочувственным. Отношение к нему в это время вообще еще не установилось, и в суждениях о нем — ряд колебаний.

В корреспонденции из Парижа, напечатанной в № 49 «С. Петербургских Ведомостей» 1856 г. после смерти Гейне, поэту ставится в упрек отсутствие нравственного начала и делается попытка ограничить то значение, какое может быть ему приписано. Корреспонденция эта («Парижские Новости») подписана: К. Штахель (псевдоним русского политического эмигранта Сазонова[57]). А это была оценка слева. И вот предпринимаются попытки — уже справа — представить Гейне политически благополучной фигурой, даже добрым христианином. Примером может послужить та же, названная только что, статья из «Живописной Русской Библиотеки» за 1857 г. Там упоминается об отрывке из завещания, «достойного внимания христианским чувством, которое, как видно, одушевляло поэта в последние годы его жизни». И там же — оправдание Гейне от подозрений в неблагонадежности:

«Вообще, кажется, несправедливо почитали Гейне каким-то буйным и злым писателем. Он был добр и неосторожен: готов пожертвовать жизнью за благо отечества, но при этом язвителен и нескромен в обличении глупцов и мнимых умников»[58].

Еще более яркая попытка приспособить образ Гейне к требованиям христианской морали — в «Семейном Круге» (уже в 1860 г.) в статье Ф. А. Федорова. «Генрих Гейне». Литературная номенклатура здесь старомодна: автор вспоминает о вольтерианстве, дух которого «как известно, сначала обуял всю южную Европу, потом воплотился в Байроновском Дон-Жуане, наконец уединился на главе Гейнриха Гейне». Но затем принимаются все меры к тому, чтобы обелить «вольтерьянца» Гейне:

«Случалось, что Гейне иногда позволял себе говорить о религии не совсем уважительно, но он никогда не забывал, что спаситель есть источник истинной философии; без уроков этого божественного учителя Гейне не написал бы своего Tambour le Grand. Это братство людей, этот взор веселый и дружелюбный, кидае-

мый Генрихом на все человечество, есть чистый христианизм. Почему вперял он очи, исполненные любви, на всю Европу? Почему считал он братьями всех ее обитателей? Почему предпочтительно извинял толпу, выхвалял ее, воссылал мольбы о ее благе, громко изъявлял радость свою, когда она торжествовала? — Боже мой, потому что он был христианином!» И дальше — там же: «...поэт в глубине души был истинным христианином» [59].

Не только идеологический и политический облик поэта еще не успел окончательно сложиться в России (иначе не было бы возможно такое его видоизменение в духе христианских добродетелей), но и литературное представление о нем сохраняло в себе еще много старых черт, унаследованных от 40-х гг.

Напечатанная в «Русском Вестнике» 1856 г., во II томе, кн. 2-й (в Отделе «Современной Летописи») статья М. Михайлова «Генрих Гейне» явилась в России первым после смерти поэта образом его литературной деятельности, и образ этот свелся, в сущности, лишь к описанию лирических мотивов и образов Гейне.

Между тем, в журнальной критике началась своеобразная борьба за Гейне, борьба между двумя взглядами на писателя: спорили о том, что́ в творчестве Гейне считать важным и характерным, как понимать его и как интерпретировать в переводах. Применительно к поэзии Гейне это был спор о взаимоотношении двух сторон его поэтической системы, как она представлялась спорящим: любовно лирического, романтического стиля, с одной стороны, и авторской иронии по отношению к нему, с другой, или, как оценивали этот дуализм творчества Гейне другие критики — «чистой» поэзии, «чистой» лирики, с одной стороны, и с другой, общественных, сатирических моментов. В отношении прозы Гейне, спор осложнялся тем, что ирония не отождествлялась с общественной ценностью его произведений, а иногда противопоставлялась ей, как враждебная ей особенность; сама же ирония относилась на счет самостоятельной эстетической «игры». И разные направления русской литературы хотели сделать Гейне своим: двойственность и противоречивость писателя широко использовались в этих спорах. У поэтов типа Майкова, с одной стороны, и у литераторов-разночинцев, у прогрессивных критиков, с другой, были разные Гейне. Как раз ко времени этих споров относится история разрешения Гейне иностранной цензурой (1862—1863). Цензурное дело (представленное пятью донесениями) касается первого «Полного собрания сочинений» Гейне (Heine's sämtliche Werke), изданного в Гамбурге в промежутке между 1861 и 1863 гг. у Гофмана под редакцией Адольфа Штродтмана [60].

За исключением одного, все рапорты о «Полном собрании сочинений» Гейне принадлежат А. Н. Майкову, отстаивавшему в них свой взгляд на писателя и пытавшемуся не только добиться разрешения и оправдать его, но и сделать его «своим», приспособить его к нормам собственной литературно-классовой позиции.

О I и III томах «Полного собрания сочинений» Гейне, изданного Гофманом и Кампе (Гамбург, 1861), А. Н. Майков писал:

«Полное собрание сочинений Гейне будет состоять из осьмнадцати томов. Из его произведений весьма немногие были рассмотрены цензурою — только Reisebilder и Englische Fragmente и запрещены для п[ублики]. Прочее и не рассматривалось [61].

Предполагаемое издание из 18 томов объемлет собою деятельность Гейне с 1824—1856-й гг., и Гейне является теперь в ряду немецких классиков, следовательно уже как выбывший из группы современных деятелей и принадлежащий к истории своего времени. После этого fact accompli [62], мне кажется, цензура может изменить свой взгляд на этого писателя. Гейне становится явлением, характеризующим свою эпоху; он разделяет ее страдания, ее стремления, участвуя в том, что она разрушала и что созидала. Того электрического действия на мысль многие его крайние увлечения и горячие страницы произвести уже не могут, ибо теперь

в жизни общества другие задачи, вопросы и стремления: эпоха созерцательная прошла, наступила эпоха действий — вопрос о германских неокатоликах сменился вопросом о светском значении папы, который разрешается не книгами, а дипломатией и правительственными актами.

Кроме того, общее впечатление от сочинений Гейне умеряется еще двумя обстоятельствами: 1) политические и философские его идеи отодвигаются везде на задний план, и перед читателем выступает художник, для которого весь мир без различия и вся его история — не более как краски, образы; более поэт, чем мыслитель, он беспрестанно впадает в противоречия. 2) Издатель предпослал всему изданию предисловие самого Гейне, написанное им для французского перевода Reisebilder, которое значительно должно отрезвить его слепых поклонников, каких уже теперь нет, а с другой стороны, заставить цензуру смотреть на него гораздо снисходительнее. «Эта книга, говорит он, написана до июльской революции[63]. В то время политический гнет Германии произвел всеобщее молчание; кто тогда решался открыть рот, не мог говорить иначе как с величайшей страстностью, и тем сильнее, чем более отчаявался в победе свободы и чем яростнее кидались на него Pfaffentum[64] и аристократия... Я их называю Pfaffentum и Aristocratie по привычке... Но с тех пор мои любезные немцы [два слова неразборчиво], что совсем потеряли из виду, и считают меня в числе отсталых. Они обвиняют меня в умеренности, в стачке с аристократами, и я предвижу, что скоро будут упрекать меня в стачке с Pfaffentum. Дело в том, что теперь под словом аристократия разумеют не только родовое дворянство, но и тех — называйте их как хотите — которые живут на счет народа... Наш старый клич против духовенства заменен тоже. Дело идет не о том уже, чтобы разрушить насильственно старую церковь, но еще более, построить новую, и не только не истребить Priesterstand [65], но самим сделаться жрецами».

На основании всего сказанного и принимая в соображение еще и то, что 18 томов собрания стоят довольно дорого, между тем составляют необходимое приобретение для всякой порядочной библиотеки, я полагаю дозволить его вполне,— представляя впрочем на обсуждение Комитета некоторые места. Таковых немного в I-м и III-м томе рассмотренных мною.

Т. I. Стр. 37. Полагаю позволить
— — 163 и 164.
— — 245 и 246 (полагаю позволить — резкость этого Trommeln[66] вся сглаживается впечатлением целого, где между прочим говорится и об укрощении анархии Наполеоном).
— — 269 — может быть дозволено общим только приговором гг. цензоров.

Т. III. Стр. 5—6 полагаю позволить
— — 68—70. То же: рассказ сумасшедшого.
— — 150—156 иск[лючить].
— — 159 дозв[олить].

Конечно в переводе на русский язык эти места не могут быть допущены, да и вообще внутренняя цензура должна руководствоваться иными соображениями, так как имеет перед собою совершенно иной круг читателей[67]».

Комитет согласился с мнением Майкова и положил исключить только стр. 163 в I томе и стр. 150—156 в III[68].

Содержание I тома составляют первые части «Путевых Картин» — «Путешествие на Гарц», «Нордерней» и «Идеи», а III тома — «Английские Фрагменты» и «Девушки и женщины Шекспира». Места, подлежавшие исключению — это были: в I томе (в «Harzreise», стр. 163) — насмешливые замечания о медиатизированных немецких князьях и о перспективах полного избавления от них, а в III томе (стр. 150—156) — самый конец «Английских Фрагментов», где Гейне, между прочим, говорит, что «свобода есть новая религия, религия нашего времени», восторженно отзывается о французской революции и революционной Франции, оправдывает

казнь Людовика XVI и Карла I, задевает духовенство и сравнивает евангельскую нагорную проповедь с той «нагорной проповедью», которая раздавалась «с высоты Конвента в Париже».

За время, прошедшее после смерти Николая I, цензура пережила известную эволюцию, которая ясно обнаруживается, если сравнить другие места, отмеченные Майковым для полноты отзыва и не подвергшиеся исключению, с аналогичными же местами, приводившимися в более давних делах о Гейне (30—50-е гг.) и служившими основанием для запрета целой книги. Место, отмечаемое Майковым в I томе («Harzreise»), стр. 37: «...небосвод... был так прозрачен, что сквозь него взор проникал в самую глубь, в святая святых, где ангелы сидят у ног господа бога и в чертах его лица изучают генерал-бас» (даже в последнем дореволюционном издании «Полного собрания сочинений Гейне» под ред. П. И. Вейнберга последние слова этой цитаты отсутствуют). На стр. 245—246 того же тома («Идеи. Книга Ле-Гран») речь идет о марше, который выбивал на барабане тамбур-мажор и который символизировал кровавые события французской революции, снова получающей здесь апологетическую оценку Гейне; здесь же Гейне говорит о «целом зверинце графов, принцев, принцесс, камергеров, гофмаршальш, обер-гофмейстерин» (в русских дореволюционных изданиях это место опускалось — до издания 1904 г. включительно). В III томе на стр. 5—6 (начало «Английских Фрагментов») встречаются такие фразы в приветствии, с которым автор обращается к Англии: «Приветствую тебя, Свобода, юное солнце обновленного мира! Те старые солнца, любовь и вера поблекли и охладели и не могут больше светить и греть...» «Рушатся древние соборы, которые были возведены до такой гигантской высоты высокомерно благочестивыми поколениями, хотевшими утвердить здание своей веры в самом небе... и их боги не верят больше в самих себя. Эти боги отжили...» Свобода — «религия, которую проповедуют не богатым, но бедным, и которая тоже имеет своих евангелистов, своих мучеников и своих искариотов». На стр. 68—70 — монолог сумасшедшего, с которым автор встретился в Нью-Бедламе (сумасшедший дом в Лондоне) и который объясняет все события мировой политики тем обстоятельством, что «господь бог был очень ограничен в средствах, когда создавал мир; он должен был для этого занять деньги у чорта и заложить ему всю вселенную». Страница же 269-я I тома, о которой в рапорте Майкова сказано, что она «может быть дозволена общим только приговором гг. цензоров», — это XII глава «Книги Ле-Гран», являющаяся насмешкой над немецкой цензурой: все содержание ее составляют несколько строк многоточий и слова: «немецкие цензора» и «дураки», отделенные друг от друга этими строками многоточий. Русские цензоры, однако, дозволили и это место.

Характерно также, что в качестве смягчающего обстоятельства Майков приводит цитаты, по крайней мере, весьма двусмысленные: слова Гейне о том, что нужно «построить новую церковь», связаны во всяком случае не с религией и не с христианством и окрашены в сен-симонистские тона.

XIV

Следующий рапорт Майкова о «Sämtliche Werke» Гейне относится к томам: II («Италия» «Путешествие из Мюнхена в Геную», «Луккские воды» и «Город Лукка»), IV («Новеллистические отрывки»: «Бахарахский раввин», «Флорентинские ночи», «Из записок господина Шнабельвопского»), V («К истории религии и философии Германии») и VI («Романтическая школа»):

«О первом и третьем томе «Полного собрания сочинений» Гейне было уже представлено мною Комитету и им одобрено мое мнение состоящее в том, что так как это будет многотомное, отдельно не продающееся издание; во-вторых, так как по отдаленности времени первого своего появления сочинения Гейне уже утратили значение современности и отошли уже в историю своей эпохи, и, наконец, в-третьих, так как в общем предисловии, и потом во многих других Гейне сам порицает разные резкие выходки своей юности и сожалеет об них, особенно

Heinrich Heine's Sämmtliche Werke.
1r und 3r B. Hamburg. 1861. in 8°
Стр. 1r B. XLVIII + 320.
3 B. 392.

Полное собрание сочинений Гейне будет состоять из осьмнадцати томов. Из его произведений весьма немногие были разрешены цензурою — только Reisebilder и Englische Fragmente, и запрещены были ~~[illegible]~~ Prosa и подражательные [illegible].

Предпринимаемое издание из 18 томов объемлет собою деятельность Гейне с 1824–1856-го годов, и Гейне является теперь в ряду немецких классиков, [illegible] как [illegible] из лучших современных деятелей и принадлежащий к истории своего времени. После этого [illegible], что цензура может (на этого писателя [illegible] [illegible] свой взгляд) Гейне [illegible] явления характеризующие свою эпоху, он [illegible] с традициею и с временем, участвует в том что она разрушила и что создала. ~~[illegible]~~ Того электрического действия на массы многие его крайние убеждения и дерзкие страницы производить уже не могут, ибо теперь в мире другие задачи, вопросы и стремления. Эпоха созерцательного [illegible] — [illegible] этой деятельности — вопрос о ~~[illegible]~~ германских [illegible] [illegible] [illegible] о [illegible] [illegible] папы, который [illegible] не ~~[illegible]~~ [illegible], а дипломатией и [illegible] [illegible].

[illegible]

РАПОРТ А. Н. МАЙКОВА В КОМИТЕТ ЦЕНСУРЫ ИНОСТРАННОЙ О ПЕРВОМ И ТРЕТЬЕМ ТОМАХ ГАМБУРГСКОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ГЕЙНЕ, 1861 г.
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА
Ленинградское отделение Центрархива

выходки против религии, то я полагал «Полное собрание его сочинений» позволить вполне.

Рассмотренные мною теперь 2, 4, 5 и 6-й томы еще более утверждают меня в этом мнении. Характер принадлежности их своему времени в них еще очевиднее, и притом преобладающий везде в этом писателе поэт и живописец значительно ослабляет впечатление от его чисто политических выходок или его философских суждений.

Второй том содержит в себе продолжение «Reisebilder». Более скользкие места встречаются здесь в «Stadt Lucca». В этой своей статье Гейне хочет выразить все впечатление, которое производит артистическ[ая], католическая Италия, и чтобы оттенить это впечатление он выводит три лица: ревностную католичку Итальянку Франческу, Англичанку, холодную рационалистку, для которой недоступны ни учение любви христианства, ни художественная сторона католицизма, что она и выражает в различных оказиях и дерзких выходках, и наконец — самого себя, поэта, хотя понимающего христово учение по-своему, но тем не менее с энтузиазмом к Христу, и почти примиряющегося с католицизмом в виду великих произведений искусства, процветших под его сенью. Хотя он редко в состоянии опровергнуть умничание своей спутницы, но оно выставлено везде в разрез с живым впечатлением поэта, почему читатель находится на стороне последнего. Более резкие места находятся на стр. 356, 357 (хотя на след. 359 и 360 стр. описание самого Гейне в высшей степени уважительно к религии, а на стр. 361 вдохновенные слова Гейне о самом Христе, отступающие конечно от настоящего понимания церковью спасителя, но не оскорбляющие его); стр. 383 и 384; в глав. XIII и XIV говорится о государственных религиях; смысл всего выражен на стр. 396—401; стр. 402. Впрочем все эти места ослабляются приведенной в конце позднейшей заметкой, что все резкое здесь и все «Reisebilder» вызваны были тогдашними обстоятельствами Германии (стр. 423).

В 4-м томе ничего нет особенно кидающегося в глаза, разве только одно комическое лицо, пиетист, который читает только библию и, будучи сластолюбивого темперамента, видит во сне разных библейских женщин, Эсфирь, Магдалину и пр., за что его бьет жена, по ревности [69].

В 5-м томе, в Истории Германской Философии, в предисловии ко второму изданию Гейне признается, что он слишком увлекался, когда писал эту историю, но что теперь обращен к другим воззрениям — первою книгою мира — библией (см. стр. 24—27).

Места обращающие внимание цензуры: 36—47, 131—141, 177 и след. (о Канте), 185, 188, 199—204, 256.

В 6-м т. — стр. 19—20» [70].

Решение Комитета было следующее: II и V томы были запрещены для публики на основании § 3 Устава, IV был позволен полностью, а VI с исключением стр. 19 и 20 [71].

Несомненной причиной запрещения II тома («Италия») послужили враждебные не только церкви, но также и христианству высказывания Гейне (несмотря на смягчающую — местами — фразеологию). Главы XII и XIV — на тему о «государственных религиях» — целиком опускались в русских дореволюционных переводах (напр. вейнберговское издание 1904 г.) и заменялись рядом точек... Все те смягчающие обстоятельства, которые так настойчиво выделяет Майков, оказывались недостаточны: перевес был не на их стороне; места противоположного характера (т. е. антиклерикальные и антирелигиозные) имели действие более сильное и впечатляющее; богатейшие образные и эмоциональные средства гейневского слова оказывали свое влияние именно в этом направлении. Запрещение V тома имело аналогичное основание: это была весьма свободная трактовка тем, связанных с религией, в частности с христианством и католической церковью, и философских вопросов, разрешаемых Гейне революционно (напр. вскрытие революционных элементов философии Канта, сравнение самого Канта

с Робеспьером). Именно здесь — в «Истории религии и философии Германии», — на страницах, отмечаемых Майковым, Гейне говорит о наступающей гибели деизма, о торжестве новой системы мировоззрения, а фактам из истории религий придает иронический смысл и компрометирующую их окраску. Сам Майков воздерживается от какой-либо характеристики этой книги, приводя, с одной стороны, голое перечисление страниц, «обращающих внимание цензуры», с другой же, ссылаясь на примирительное предисловие и таким образом умалчивая об истинном характере этого произведения. Но цензура уловила и оценила тенденцию книги.

В подобной же связи стоит также исключение из VI тома («Романтической Школы») 19 и 20-й страниц. Содержание их явно враждебно христианству: Гейне говорит здесь о правах плоти и земли, отрицаемых христианством, об умерщвлении плоти, «собачьей покорности» и «ангельском терпении», которого требует христианство, о возникающем отсюда лицемерии.

По сравнению с запретительными отзывами о Гейне 30—50-х гг. произошла бесспорная перемена: более «принципиальным» стал характер инкриминируемых мест. Отношение к Гейне теперь освобождается от той мелочности и боязливости, которая господствовала в рапортах николаевского времени, проявляясь в обостренном внимании к отдельным словам и выражениям; зато с большей отчетливостью проступает теперь отношение к самым основным линиям гейневской мысли.

Том VII Полного собрания («Стихийные Духи», «Доктор Фауст», «Боги в изгнании», «Богиня Диана») прошел через цензуру совершенно безболезненно, настолько безболезненно, что в рапорте Майкова отсутствует всякая характеристика: в ряду других безоговорочно позволительных книг, являющихся материалом его донесения, просто упомянут VII том «Heine's Werke» [72]. Одно из произведений, входящих в состав этого тома, — «Боги в изгнании», — в свое время, девять лет назад, в 1853 г., было предметом запретительного отзыва того же Майкова (см. выше); теперь эта вещь не останавливает внимания цензуры. Тема, объединяющая содержание этого тома — соотношение мира языческого — античного и народно-германского — с миром христианским, отмирание язычества и сохранение его элементов в народных поверьях, сказаниях, песнях и т. д. Эмоциональные симпатии Гейне — на стороне язычества; в общем же как по отношению к нему, так и по отношению к христианским темам Гейне держится скептически, пользуясь наивно-иронической формой обстоятельного описания и исследования, сообщая о чудесах античной и германской мифологии и демонологии, как об истинных, имевших место происшествиях.

XV

Следующие семь томов сочинений Гейне (VIII—XIV) не поступали по отдельности на рассмотрение Комитета. Поэтому мы не имеем данных о том, как отнеслась в 60-х гг. цензура к «Французским Делам», к «Лютеции» и др. Имеются отзывы лишь о последних томах собрания — XV, XVI, XVII, XVIII, содержащих стихи. Том XVII был рассмотрен раньше, чем XV и XVI, и попал сначала не в петербургскую цензуру, а в Рижский Цензурный Комитет, где отзыв о нем дал цензор Кестнер. В составе этого тома находились поэмы «Атта Тролль» и «Германия» и «Современные стихотворения» («Zeitgedichte»). В отзыве провинциального цензора Кестнера мы не найдем тех историко-литературных масштабов, которые применяет к оценке Гейне столичный цензор Майков. И хотя в донесении Кестнера о XVII томе проходят (вначале) отчасти те же мотивы, что и в отзывах Майкова, все же самый материал — злободневные политические стихи, сатиры — вызывает довольно длинный ряд цитат; и при этом на ряду с отдельными моментами, действительно революционными и антирелигиозными (выдержки из «Германии»), отмечены главным образом места, сомнительность которых относится целиком на счет фразеологии и состоит в легкомысленной трактовке «предметов важных и высоких». Отзыв — таков:

«При ближайшем рассмотрении этого, прежде запрещенного, тома сочинений Гейне оказывается, что не все содержание его предосудительно, и многое из того, что прежде подвергалось осуждению, с переменою обстоятельств утратило свою язвительную силу. Но, несмотря на это, в разбираемом томе остается довольно таких мест, которых Ценсура не может одобрить. Исчислю их.

Стр. 18. Traum der Sommernacht! Phantastisch
Zwecklos ist mein Lied. Ja, zwecklos
Wie die Liebe, wie das Leben,
Wie der Schöpfer samt der Schöpfung [73].

Стр. 38. Droben in dem Sternenzelte,
Auf dem goldnen Herrscherstuhle,
Weltregierend, majestätisch,
Sitzt ein kolossaler Eisbär

и т. д. пародия на царство небесное, состоящее из плящущих медведей [74].

Стр. 79—80. В ночном видении Иродиада, потребовавшая смерти Иоанна Крестителя будто бы по любви к нему, играет головою его в мячик.

Стр. 85—86. Liebe mich und sei mein Liebchen,
Schönes Weib, Herodias!
Liebe mich und sein mein Liebchen!
Schleudre fort den blut'gen Dummkopf
Samt der Schüssel und geniesse
Schmackhaft bessere Gerichte.
Bin so recht der rechte Ritter,
Den du brauchst — Mich kümmert's wenig,
Dass du tot und gar verdammt bist —
Habe keine Vorurteile [75].

Стр. 126. Между тем эльзасцы и лотарингцы опять примкнут к Германии, когда мы окончим то, что начали французы, когда мы уничтожим рабство в его последнем прибежище, в небесах, когда мы освободим бога, живущего на земле в человеке, из его унижения, когда мы станем избавителями бога [76].

Стр. 142. Und wird der Dom ein Pferdestall,
Was sollen wir dann beginnen
Mit den heil'gen drei Königen, die da ruhn
Im Tabernakel da drinnen?
So höre ich fragen. Doch brauchen wir uns
In unserer Zeit zu genieren?
Die heil'gen drei Kön'ge aus Morgenland,
Sie können wo anders logieren.
Folgt meinem Rat und steckt sie hinein
In jene drei Körbe von Eisen,
Die hoch zu Münster hängen am Turm,
Der Sankt Lamberti geheissen.
. . . .
Fehlt etwa einer vom Triumvirat,
So nehmt einen anderen Menschen,
Ersetzt den König aus Morgenland,
Durch einen Abendländ'schen [77].

Стр. 153. Снова выходка на мощи в Кёльне.

Стр. 168—169. Кощунство на спасителя, начинающееся стихом:
Mit Wehmut erfüllt mich jedesmal
Dein Anblick, mein armer Vetter,
Der Du die Welt erlösen gewollt,
Du Narr, du Menschheitsretter [78].

Стр. 224. Am Ende der Tage kommt Christus herab
Und bricht die Pforten der Hölle;
Und hält er auch ein strenges Gericht,
Entschlüpfen wird mancher Geselle.
Doch gibt es Höllen aus deren Haft
Unmöglich jede Befreiung.
Kennst du die Hölle des Dante nicht,
Die schrecklichen Terzetten?
. . . .
Kein Gott, kein Heiland erlöst ihn je
Aus diesen singenden Flammen [79]

Стр. 232. Стихотворение «Adam der Erste» [80] — насмешка на св. писание.

Стр. 254. Грязное стихотворение «Schlosslegende» [81], позорящее Прусский Королевский дом.

Стр. 255—257. «Der neue Alexander» [82] — едкая сатира на прусского короля Фридриха-Вильгельма IV.

Стр. 258. Четыре стиха в стихотворении «Lobgesänge auf König Ludwig», из которых последний:

Sobald auch die Affen und Känguruhs
Zum Christentum sich bekehren,
Sie werden gewiss Sankt Ludewig
Als Schutzpatron verehren [83].

Стр. 261. Богородица со младенцем на молитву короля Людовика отвечает между прочим:

Hätt ich in meiner Schwangerschaft
Erblickt den hässlichen Toren,
Ich hätte gewiss einen Wechselbalg
Statt eines Gottes geboren [84].

Наконец на стр. 277—богохульная демократическая песнь нередко приводимая: «die Weber»:

Ein Fluch dem Gotte, zu dem wir gebeten
. . . .
Ein Fluch dem König...
. . . .

Таким образом, и при снисходительном разборе предлежащего тома, следует по моему мнению исключить для публики страницы: 18, 38, 79—80, 85—86, 126, 142, 153, 168—169, 224, 232, 254 по 261 и 277» [85].

Несмотря на характер цитат, которыми цензор иллюстрировал свой рапорт, «Комитет положил сочинения Гейне [т. е. т. XVII. — *А. Ф.*] позволить полным изданием» [86], что означало запрещение продажи данного тома в отдельности; однако в пределах полного собрания сочинений он уже не требовал никаких мер цензурной предосторожности.

К тому же свелось и окончательное решение Комитета о Полном собрании сочинений Гейне — на основании рапорта Майкова о последних его томах (XV, XVI, XVIII) — не считая двух заключительных томов (XIX—XX), содержащих письма. Состав их был следующий: XV т. — «Книга Песен», вся ранняя лирика Гейне; XVI т. — «Трагедия» и «Новые стихотворения»; XVIII т. — «Романцеро» и «Последние стихотворения». Таким образом содержание их частично совпадало с содержанием книг, уже раньше запрещенных в других изданиях (напр. «Романцеро» и «Новые стихотворения», запрещенные в 1852 г.). Привожу последний рапорт Майкова о Гейне (от 16 октября 1863 г.):

«Сочинения Гейне в этом издании выходят постепенно; об нескольких из

них было мною и другими цензорами представлено Комитету в свое время; некоторые дозволены вполне, другие с исключением[87]. Теперь издание это приходит к концу, должны выйти еще два-три тома. Таким образом перед нами уже не отдельные сочинения Гейне, а полное их собрание. Я полагаю, что при настоящем их виде и взгляды Комитета должны несколько измениться, на следующих основаниях:

Должно главное принять в соображение, что перед нами находятся произведения поэта, который занимает теперь, по приговору критики всего образованного мира, третье место в триаде величайших поэтом Германии: Шиллер. Гёте, третьим из них становится Гейне. В высшей степени поэтическая натура, он отражал в себе как в зеркале все брожения умов своего времени, в политическом, религиозном и философском отношении, и в сфере искусства. Беспрестанная перемена географической карты Германии в девятнадцатом столетии, падение и возникновение государств и в связи с этим падение и возникновение беспрестанно новых систем и теорий в области мысли, жизни и политических комбинаций; возникновение и падение новых религиозных школ; глубокое разочарование в старом, недоверие к новому и вообще неловкое положение, в котором не мог не чувствовать себя германский патриот после унижения нации, после изменивших надежд, посреди колебания и произвола администраций; маленькие князья, вернувшиеся на свои троны, с преданиями Людовика XIV, военно-полицейский деспотизм Пруссии — все это разбило целость поэтической натуры Гейне, и этот дребезжащий звук слышен в каждой его ноте. Осталось в нем одно — это непосредственная поэтическая восприимчивость; остался человек, который бродит посреди развалин, по полям битв человечества и умиляется перед каждой жертвой, перед каждым павшим, плачет о Карле Стюарте, проклинает Кромвеля, пишет трогательные страницы о Людовике XVI и ставит его на неизмеримую высоту в сравнении с его палачами, и в то же время в другом случае радостно приветствует появление в человечестве новых элементов, разбивающих на нем оковы веков. Эта беспричинная смена ощущений и картин, как в калейдоскопе происходит перед глазами читателя; не успел он плениться картиной свободы, строящей баррикады в атмосфере порохового дыма, винных паров, высокого энтузиазма и рева диких страстей, как чуть не рядом — встречаем умиление перед католической Мадонной, перед благородной фигурой Стюарта; едва прочел он вопли о взятии Варшавы, как тут же являются «Крапулинский und Вашнапский» — самая злая сатира на поляков, осмеивающая их стремление восстановить Польшу[88]. Словом, это не есть писатель-пропагандист, который бы бил постоянно в одну сторону, и мог бы кончить тем, что бы увести с собой туда и читателя.

Таков Гейне по отношению к его времени. Но теперь времена не те. Сам он умер. Политический элемент в его сочинениях потерял смысл, и остается только великий художник, остается ряд картин. Он отошел уже в Пантеон классиков, который увы! есть род почетного кладбища.

Приводя все сказанное к одному знаменателю, я убеждаюсь, что совершенно безопасно представить Гейне в полном собрании нашей публике, тем более, что: стоимость издания, продающегося не отдельными томами, а вполне, делает его доступным не целой массе публики; 2, что у нас уже готовится к выходу в свет русский перевод полного собрания сочинений Гейне, конечно с исключениями, которые сделала в нем внутренняя цензура, что ослабит сбыт оригинального издания.

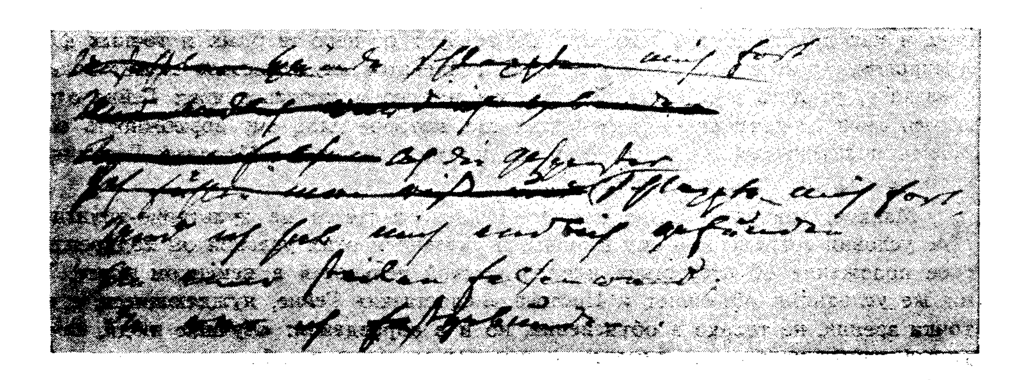
Изложив откровенно мое мнение, основанное не на буквальном понимании цензурных принципов, а на органическом взгляде на общество, честь имею оное представить на благоусмотрение Комитета» [89].

Решение Комитета было — «дозволить в целости к продаже полное собрание сочинений Гейне, не распространяя этого права на продажу Гейне отдель-

ными томами» [90]. Решение это было компромиссом и даже противоречило предыдущим постановлениям Комитета, по которым отдельные тома Гейне (напр. IV, VIII) были целиком, т. е. без исключения страниц, признаны позволительными. Убедительным поводом в пользу разрешения была высокая цена всего собрания сочинений, ограничивавшая круг его распространения.

Идеологическая же мотивировка, которую дает Майков, сводится, в сущности, к следующим моментам: 1) Гейне — уже классик, один из величайших поэтов Германии, и уже поэтому не совсем удобно его запрещать; 2) он потерял свою злободневность и свое политическое значение, он уже принадлежит истории; 3) Гейне больше поэт и художник, чем политик, а как политик, он непоследователен, невыдержан, а потому безвреден даже в наиболее «опасных», казалось бы, местах.

Очень характерно, что те самые мотивы, по которым Майков считает возможным позволить Гейне, проходят в статье Писарева «Генрих Гейне» — и



АВТОГРАФ СТИХОТВОРНОГО НАБРОСКА ГЕЙНЕ

Собрание Ю. Н. Тынянова, Ленинград

проходят под знаком отрицательной оценки, как слабые стороны в творчестве Гейне. Статья Писарева относится к 1862 г. — как раз к тому времени, когда Майков писал свои первые отзывы о Полном собрании сочинений Гейне. Это очень показательно для отношения к Гейне русской литературной и общественной мысли 1860-х гг.: то, что делает писателя приемлемым с точки зрения цензуры или служит смягчающим обстоятельством, со стороны передового критика вызывает резкий протест и порицание, являясь пороком в его глазах. Именно против Гейне — «художника и живописца» — направлены опорные места в статье Писарева.

«Ведя войну за благо человечества и считая себя *храбрым солдатом,* Гейне хочет в то же время служить чистому *искусству*. Два совершенно враждебные взгляда на искусство — утилитарный и художнический — укладываются рядом, один возле другого... ...Поэзия была для меня лишь священной игрушкой, говорит Гейне. В этих словах художнический взгляд на искусство выразился во всей своей наивности, и в этих словах заключается второе внутреннее противоречие... Когда Гейне творит образы, не имеющие никакого, даже самого отдаленного отношения к борьбе за благо человечества, тогда он благоговеет перед своей собственною виртуозностью и играет теми чувствами и мыслями, на которые нанизываются яркие и роскошные картины. Соедините это благоговенье с этим игранье́м, и в общем результате вы получите *священную игрушку* [91]... Игра чувствами и мыслями становится [у Гейне. — *А. Ф.*] почти серьезным и торжественным делом, когда художник увлекается процессом творчества и одушевляется благоговением перед собственным волшебным могуществом» [92].

Это — упрек в том, что Гейне-художник преобладает над Гейне-политиком и мыслителем. Далее следует упрек в беспринципности, невыдержанности, выражением которой, по Писареву, является именно ирония Гейне: «Каждое чувство умышленно выражается так, что нет никакой возможности ни поверить его искренности, ни сказать наверное, что тут кроется ирония... В этом постоянном отсутствии границы между иронией и небом, в этой невозможности отличить эту иронию от неба и положиться на искренность чувства, заключается типический характер гейневской поэзии... Своеобразность манеры, прихотливость прыжков и *роскошь фантазии — все это заметно с первого взгляда, все это бросается в* глаза каждому непосвященному, наравне с жгучим остроумием. Но все это — и фантазия, и прыжки, и манера — относится только к форме, а не к содержанию поэтического произведения... Чтобы доказать бессвязность и бесцельность произведений Гейне, надо рассказать их сюжеты; но бессвязность и бесцельность колоссальны до такой степени, что невозможно уловить никакого сюжета...» [93].

Писарев, обвиняя Гейне в непоследовательности, в сущности упрекает его в том, что он не Бёрне; он не понимает его революционной роли как художника и как политического писателя. Он требует от него твердых и точных формулировок, от которых, по его мнению, гейневское «художество» может только отвлекать, уводить в сторону. Между тем именно в противоречиях Гейне отразилось сложное сочетание исторических сил, которое дало ему возможность опередить политические взгляды Бёрне и других идеологов «Молодой Германии», которое создало из него диалектика.

Майков, говоря о раздвоенности Гейне, ссылается на культурно-политические условия современной ему Европы, и указанием этих условий он подкрепляет свое положение об отсутствии идеологической цельности в немецком поэте. Теми же условиями объясняет и Писарев «недостатки» Гейне, нуждающиеся, с его точки зрения, не только в объяснении, но и в оправдании: «Лучшие люди, самые умные, самые честные и самые страстные, искали вокруг себя опоры и не могли ее найти. Их мучило безверие в самом обширном и глубоком значении этого слова. Они не знали, на что надеяться и чего желать. В этом отношении лучшие люди первой половины XIX века были гораздо несчастнее своих предшественников и своих преемников. Предшественники верили в политический переворот; преемники верят в экономическое обновление; а посредине лежит темная трущоба, наполненная разочарованием, сомнением и смутно-беспокойными тревогами; и в самом центре этой темной трущобы сидит самый блестящий и самый несчастный ее представитель — Генрих Гейне, который весь составлен из внутренних разладов и непримиримых противоречий» [94].

Для Майкова гейневский культ Наполеона — момент положительный: Наполеон укротил «чудовище анархии», явился завершением и отрицанием революции. Со стороны Писарева этот культ вызывает сильнейшее неодобрение; в его глазах это — вопиющая непоследовательность:

«Пользуясь правами поэта, — говорит Писарев, — Гейне презирает последовательность и перелетает с удивительной развязностью от самой злой насмешки к самому восторженному панегирику. Тот человек, который развратил Францию *блестящей солдатчиной* и систематически старался умертвить в своих современниках всякую гражданскую доблесть... оказывается вдруг *божеством от головы до ног*» [95].

Давая диаметрально противоположную оценку свойствам гейневского творчества, Майков и Писарев сходятся в целом ряде пунктов: в определении этих свойств, в определении связи между ними. Оба они механически отделяют «художество» Гейне от его «политики» и философии и признают преобладание поэзии и художества над политикой (один — с похвалой, другой — с сожалением и упреком), оба они ссылаются на одинаковые исторические условия и оба делают ошибку.

Писарев и Майков — представители двух совершенно различных и глубоко

враждебных классовых групп в литературе своего времени. И если Гейне они определяют одинаково, лишь по-разному оценивая свойства его творчества, то это очень ярко характеризует отношение русской литературы 60-х гг. к Гейне. Если таково было осознание творчества Гейне на разных участках русской литературы тех годов, то понятно, что оно в немалой доле нейтрализировало смысл многих мест в произведениях Гейне, и понятно, что с точки зрения цензуры доводы Майкова были достаточно вески.

В своей защите Гейне Майков не бескорыстен, — разумеется, не в субъективном, а в историческом плане: он не просто вступается за классика, за всемирно знаменитого писателя. Он хочет сделать его «своим», представить его главным образом как «чистого» художника, как писателя, для которого темы — только эстетический материал. Отрывая Гейне-художника от Гейне-политика и думая, что это ему удалось, Майков конечно ошибается (так же, как и Писарев): политика у Гейне тоже была «художеством», и «художество» тоже играло политическую роль. Под своими рапортами о Гейне Майков мог бы подписаться не только как чиновник, но и как литератор: рапорты эти вполне соответствовали тому пониманию Гейне, какое отразилось в его «Переводах и Вариациях».

История переводного Гейне относится к истории внутренней цензуры, но многое в ней уже намечено рапортами членов Комитета Ценсуры Иностранной. Рапорт Майкова о I и III томах Полного собрания Гейне кончался, после указания предосудительных мест, словами о том, что «в переводе на русский язык эти места не могут быть допущены, да и вообще внутренняя цензура должна руководствоваться иными соображениями, так как имеет перед собой совершенно иной круг читателей» (см. выше). Действительно, большинство мест, служивших в цензорских рапортах (даже самых давних) основанием для запрещения, примером «вредного духа» книги — в русских изданиях или выбрасывались совершенно или очень значительно смягчались, подвергались отдельным словесным заменам и т. д. Целиком опускались такие места, как высказывания Гейне на польско-русские темы или о Николае I (в конце Письма о Парижской выставке). Словесные замены имели место преимущественно там, где у Гейне встречалось «соединение высоких предметов с низкими», где религиозные темы затрагивались в слишком фамильярных выражениях; путем устранения отдельного (наиболее «высокого» или, напротив, наиболее «низкого») слова-предмета или путем замены его столкновение нейтрализовалось. Многие из цитат, приведенных в настоящей публикации, являются впервые на русском языке в том виде, какой они имеют у Гейне (т. к. еще не все его произведения переиздавались у нас после революции). Правда, этими цитатами не исчерпываются пропуски и замены, имеющиеся в русском дореволюционном Гейне; число их больше и некоторые из них обширнее (напр. в соответствии с предосудительным местом, отмеченным цензором иностранной книги, в переводе находится пропуск еще более значительный: выброшены еще и предшествующие строки и последующие). Но все эти пропуски и замены находятся в тех пределах, какие обозначены выдержками в делах Комитета Ценсуры Иностранной. История текста переводов Гейне (особенно прозы) находится в теснейшей связи с аргументацией цензоров 1830—1850 гг. и в сильной степени зависит от неё. Однако, не все пропуски и замены сделаны цензурой: многое здесь принадлежит самим переводчикам, которые учитывали цензурные условия и приспособляли к ним текст (напр. бог превращался в Зевса, архангел Гавриил — в Меркурия); иногда они даже невольно, сами того не сознавая, играли по отношению к самим себе роль цензоров. Это бывало в тех случаях, когда роль цензуры заменяла литературная традиция, заставлявшая (главным образом в переводе стихотворном) смягчать резкое место, ослаблять контрасты, выбирать для перевода стихи лирически любовные (за счет стихов политически направленных) и еще усиливать в них романтическую струю[90].

В общем переводный Гейне причинил русской цензуре меньше забот, чем Гейне подлинный. И это — благодаря тому, что долгое время он был восприни-

маем поэтами (и интерпретируем в переводах) как поэт-лирик и романтик. В конце 50-х и начале 60-х гг., когда влияние цензуры на печать приняло иные формы, появлялось очень много переводов стихов Гейне — и в журналах, и отдельными книгами. В это время (т. е. 1862—1868 гг.) запрет с Гейне еще не был снят. Что же переводили русские поэты? Мы находим у них переводы более или менее из всех книг Гейне, в том числе и из «Новых Стихотворений» и многое из «Романцеро», но подавляют своей численностью переводы ранней лирики. И если запрещение книг не мешало появлению переведенных из нее (позволительных самих по себе) стихотворений, то характерно всё же преобладание переводов из ранних книг Гейне. Если же переводилось стихотворение позднего периода (из какой-либо сугубо запретной книги), то и в этом случае не получалось эффекта, равноценного эффекту подлинника. У Гейне всякое стихотворение тесно связано с циклом, сборником, где оно дано на ряду с другими, зачастую весьма отличными от него стихотворениями: лирика — рядом с сатирой, баллада — рядом с политическим обличением. От соседства с вещами совершенно противоположного характера сентиментальное на вид стихотворение или трагическая баллада приобретают особый оттенок: ирония цикла отражается на них, расшатывает их литературную традиционность. При переводе происходит отрыв: не только в журнале, но и во всяких сборниках избранных стихотворений Гейне стихи подаются сами по себе, связь с циклом размыкается: баллада из «Романцеро» (особенно в переводах Берга или В. Костомарова) становится традиционной балладой, любовное стихотворение — просто любовным стихотворением. Наиболее же резкие вещи (напр. «Германия» и многие «Современные Стихотворения»), хотя и появились в журналах и собраниях сочинений Гейне в течение 60—70-х гг., но появились с купюрами и сильно сглаженные, притупленные (вплоть до утраты самых характерных черт), уплощенные. Сущность как никак оставалась запретной. Стиль, которым владели переводчики-авторы массовых стихотворных переводов из Гейне (Вейнберг, например), в таких случаях не содействовал, а препятствовал раскрытию писательского лица Гейне. Литературная традиция оказывалась в данном случае невольной союзницей цензуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рапорты Комитета Ценсуры Иностранной в С.-Петербурге. 1843, т. I, рапорт № 472, лист 373. Разрешение Комитета датировано тем же числом, что и рапорт (4/V). Оригинал рапорта — французский: некоторые цензоры (в том числе и Роде) пользовались в своих рапортах исключительно французским языком.

[2] Рапорты К. Ц. И. в СПБ, 1829, I, № 118, л. 252. Разрешение — от 9 марта. То же — перевод с французского оригинала.

[3] H. Heine's Briefwechsel, herausgegeben von F. Hirth, I. B., S. 480.

[4] «Das Herz ist mir bedrückt, und sehnlich» (из цикла «Die Heimkehr»). Цитируются стихи 7-й и 8-й.

[5] Стих. «Mir träumt': ich bin der liebe Gott» (там же). Строфы 1—4 и 7—9.

[6] Стих. «Die Götterdämmerung» (Сумерки богов). Стихи 71—72.

[7] Стих. «Die Götter Griechenlands» (Боги Греции). Стихи. 73—79.

[8] Рапорты Одесского и Виленского Цензурных Комитетов и цензоров в Риге. 1832, II, № 915, л. 287. — Оригинал написан очень неправильным французским языком, как и все рапорты цензора Граве. Все цитаты из Гейне даны тоже по-французски, в прозе, при чем словесная точность далеко неполная.

[9] Лишь в 1844 г., в составе иллюстрированной серии «Поэты немецкого народа» (Die Dichter des deutschen Volkes. Album des Gediegendsten und Ausgezeichnetsten aus den Werken deutscher Dichter. Berlin. 1843), был пропущен — все тем же цензором Роде — сборник стихотворений Гейне, на ряду с другим выпуском той же серии, содержавшим стихи благонамереннейшего немецкого поэта — патриота Т. Кернера. Роде писал: «Эти два выпуска содержат стихотворения Генриха Гейне и Теодора Кернера. В них нет решительно ничего, что могло бы быть признано предосудительным. 2 мая 1844». (Рапорты К. Ц. И., 1844, I, № 301, л. 328).

Но этот факт принципиального значения не имеет. Дело идет здесь не о самостоятельном авторизованном издании Гейне, а о сборнике стихов, поставленном в один ряд со сборниками стихов других поэтов и построенном по признаку «чи-

стой» поэзии. Творчество Гейне для подобного собрания могло дать достаточно обильный материал, но, разумеется, не в этом материале был исторический смысл его творчества: стихотворения чисто лирического типа, взятые в отдельности, а не в связи с политической лирикой, с злободневной сатирой, еще нимало не определяют собой подлинного лица Гейне.

[10] «На ступенях, где правоверные пели слово пророка, показывают теперь лысые попишки пресное чудо своей мессы».

[11] «О, колонны, огромные и мощные, украшенные некогда во славу Аллаха, теперь вы должны покорно прославлять ненавистное христианство».

[12] Рапорты Комитета Цензуры при Министерстве внутренних дел, 1827, № 191, лл. 331—332. Цитировано в переводе с французского оригинала.

[13] Соц приводит текст в оригинале; я даю его в переводе. — Не имея возможности цитировать все приводимые в рапортах выдержки из Гейне, буду ограничиваться лишь главнейшими, самыми характерными. Выдержки, пропущенные мною, отмечаю лишь цифрой данной страницы и многоточием после нее. В пределах цитат мною тоже допускаются пропуски (отмечаемые многоточиями).

[14] Чем об Австрии, которой Гейне касается в предшествующих абзацах.

[15] Речь идет о жене Николая I — Александре Федоровне. У Гейне вместо слова «die Zarin» (царица) употреблено польское слово «Zarowa». — Холера была в 1831 г.; эпидемия шла из России. — Что касается «еще бóльшего зла», то имеются в виду последствия русско-прусского сближения и усиления России, которое Гейне считал очень опасным для Германии.

[16] Имеется в виду, нарушенное Фридрихом-Вильгельмом III, обещание — дать своим подданным конституцию, обещание, к которому он был вынужден еще в пору борьбы с Наполеоном (в 1813 г.) и которое он затем подтвердил во время Венского конгресса.

[17] На картине Делароша, изображающей Кромвеля над гробом Карла I. — Цитируется место из писем о Парижской выставке картин.

[18] Рапорты К. Ц. И. 1833, II, № 830, лл. 310—313. Запр. для публики 13 ноября 1833.

[19] В рапортах Л. Роде все выдержки, так же как и самые тексты отзывов, даны по-французски. Я воспроизвожу эти места в переводе с немецкого текста.

[20] Издание прямо началось со II тома.

[21] Примадонна с младенцем Иисусом.

[22] Рапорты К. Ц. И., 1934, № 941, лл. 479—480. Запр. для публики 9 января 1835.

[23] Рапорты К. Ц. И., 1835, I, № 39, лл. 23—24. Запр. для публики 17 февраля 1835 г.

[24] IV том этого собрания был издан раньше (в 1833 г.): это и есть та книга «О Франции» (De la France), донесение о которой — того же цензора Соца — приведено выше. (На титульном листе не указано, что это часть сочинений Гейне; эти данные имеются лишь на обложке).

[25] Рапорты К. Ц. И., 1835, II, № 802, лл. 299—302. Запр. для публики 2 ноября 1835.

[26] Сказано по поводу июльской революции 1830 г.

[27] Пропуск, сделанный самим цензором.

[28] Опуская дальнейшую часть приводимой цитаты, укажу лишь, что она относится к плану противофранцузской коалиции и что Гейне снова пользуется случаем напомнить о нарушенном обещании Фридриха-Вильгельма III — дать конституцию.

[29] Рапорты К. Ц. И., 1835, II, № 713, лл. 235—236. Запр. для публики 2 октября. Оригинал — французский.

[30] Буквально: Молодая Германия (франц.: jeune Allemagne) в Германии (нем.: in Deutschland).

[31] Рапорты К. Ц. И., 1837, № 137, л. 181. С французского.

[32] Журналы заседаний К. Ц. И., 1838, журнал № 1 от 7 января, л. 6.

[33] Сохранилось письмо Маркса к Гейне, из которого явствует его сочувственное отношение к книге. См. Grünbergs Archiv. 1920. Heft 1. G. Mayer. Marx an Heine.

[34] Гейне приводит эти слова, как слова Бёрне, сказанные в разговоре с ним.

[35] Рапорты К. Ц. И., 1841, I, лл. 288—290. Запр. для публики 6 июня. Оригинал и все цитаты в рапорте — по-французски.

[36] Этот автор — Отто Кох (см. Deutsches Anonymen-Lexicon. 1501—1850. Von M. Holzmann und H. Bohatta. B. III. Weimar. 1905. S. 368).

[37] «Nimmt's wofür ihr wollt, ich weiss wofür ich's gebe». — «Принимайте за что хотите, я знаю, за что выдаю».

[38] Рапорты К. Ц. И., 1843, I, № 566, лл. 465—466. Запр. для публики 13 августа 1843. Рапорт — на французском языке.

[39] Кстати: цитированное в начале статьи донесение о «Лирическом Интермец-

цо» относится к 1843 г., когда интерес к лирике Гейне был силен (ср. многочисленные переводы в журналах). Самый факт ввоза этой книги, изданной уже за 20 лет до этого, находится, очевидно, в связи с этим обстоятельством.

[40] См. «Современник» 1838, т. X, стр. 15—16.

[41] См. его «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии». СПБ. 1843, т. I, стр. 15.

[42] Там же, стр. 17—18.

[43] Н. Греч. «Взгляд на произведения литературы Русской, Французской и Немецкой в 1840 году». — См. «Русский Вестник», 1841, т. I, стр. 257—258.

[44] Впоследствии, в 1863 г., когда писался отзыв о XVII т. Собр. соч. Гейне, где помещена была поэма, цензор приводил более обширные цитаты, при чем с отзывом 1848 г. совпадает лишь одна из них. Ср. ниже.

[45] Слова Атта Тролля.

[46] Рапорты Одесского и Виленского цензурных комитетов и рижских цензоров, 1848, № 85 (копия), л. 38. См. также журналы заседаний К. Ц. И., 1848, журнал № 4 от 27 января, л. 14: «Комитет, согласно с мнением Г. Ценсора Вашкевича, положил означенное сочинение позволить по исключении стр. 29, 30, 110, 113 и 114, которые следует также исключить и в случае перевода сего сочинения на русский язык». Сведения об окончательном запрещении см. в журнале № 13 от 30 марта, л. 42.

[47] Рапорты Одесского и Виленского цензурных Комитетов и рижских цензоров, 1851, № 905, лл. 514—515. Комитет Ценсуры Иностранной и Главное Управление Ценсуры только подтвердили это решение. См. журналы заседаний К. Ц. И., 1851, № 30 от 17 июля, л. 225.

[48] Кто мольбы несет Мадонне,
Кто их шлет Петру и Павлу,
Я в своей молитве славлю
Лишь тебя одну, о солнце!

(Перевод В. А. Рождественского. — Гейне. Стихотворения. Academia, 1931, стр. 92).

[49] Рапорты К. Ц. И., 1852, II, № 698, л. 154. Запр. безусл. 21 июня. Оригинал рапорта (Л. Роде) — французский.

[50] Рапорты К. Ц. И., 1853, II, 1797, л. 346. Запр. для публики 19 декабря 1853. Ссылка на § 2 является, очевидно, опиской (вместо § 3), § 2 не содержит никаких указаний по вопросу о том, чтó запрещать; содержание его составляет определение того, что такое «произведение словесности и искусств».

[51] В 1852 г., в XXXII томе «Современника», в отделе Смеси была напечатана «Мефистофела, программа балета, соч. Генрихом Гейне», — т. е. перевод «Доктора Фауста» (Doktor Faust, ein Tanzpoem). Эта вещь, будучи вырвана из контекста прозаического творчества Гейне, трактовавшего те же темы, что и это балетное «либретто», вряд ли могла быть правильно оценена и понята читателем.

[52] 1851, ч. II, № 5, стр. 84

[53] 1849, ч. XVII, № 10, стр. 82.

[54] «Когда разлучаются люди» («Wenn zwei von einander scheiden»), «Сумерки» («Am fernen Horizonte»), «Преследование» («Die schlanke Wasserlilie»), «Смерть» («Der Tod das ist die kühle Nacht»). — «Библ. д. Чт.», 1851, ч. 105, стр. 13, 16, 19 и 22—среди оригинальных «Крымских стихотворений».

[55] 1851, ч. II, № 5, стр. 404.

[56] «Живописная Русская Библиотека», т. II, № 24, стр. 189, статья «Поэт Гейне».

[57] См. В. Карцов и М. Мазаев. Опыт словаря псевдонимов русских писателей. СПБ. 1890, стр. 137.

[58] «Живописная Русская Библиотека», стр. 190.

[59] «Семейный Круг», 1860, № 48, стр. 210 и 211.

[60] В 1861 г. русская цензура безо всяких оговорок пропустила подделки Фр. Штейнмана, друга Гейне, издавшего «Стихотворения Гейне» (Dichtungen von H. Heine. Amsterdam. 1861, 2 тома) и «Берлин, Осеннюю сказку» (Berlin, Herbstmärchen. Amsterdam. 1861). Рапорт об этих книгах принадлежит цензору Лебедеву, не содержит решительно никакой характеристики и сам по себе не представляет интереса (журналы заседаний К. Ц. И. 1861, лл. 17—18, журнал № 3 от 25 января). В следующем, 1862, году тоже почти беспрепятственно (с одним небольшим исключением) были пропущены 2 тома, изданных тем же Штейнманом, «Писем Гейне» (Nachträge zu Heine's Werken. Briefe von H. Heine. Amsterdam. 1861); подлинность их — тоже не бесспорна, она во всяком случае является лишь частичной. Рапорты о них (1862, I, № 952 и 1020, цензора Любовникова) тоже не содержат характеристики. Но любопытен тот факт, что Гейне фальсифицированный оказался гораздо приемлемее, чем Гейне настоящий, о котором в 1862—1863 гг. еще должны были писаться пространные рапорты.

[61] Как мы видели, почти весь Гейне был рассмотрен русской цензурой — и запрещен. Результаты рассмотрения фиксировались в особых списках, и справку

можно было навести. Чем вызвано утверждение А. Н. Майкова (давшего в свое время запретительный отзыв об одной из книг Гейне) — действительным ли незнанием всей совокупности цензурных дел о Гейне или попыткой сделать картину предшествующей цензурной судьбы книг Гейне менее страшной (с расчетом на ее неизвестность другим членам Комитета) — неясно.

[62] Совершившегося факта.

[63] Примечание самого Майкова: «В некоторых местах он восхваляет Конвент, в других встречают похвалу Наполеону за [то, что] он «укротил многоглавое чудовище анархии» (т. I, стр. 252).

[64] Поповство.

[65] Духовенство, духовное сословие.

[66] Барабанного боя.

[67] Рапорты Комитета Ценсуры Иностранной, 1862, I, № 1019, лл. 413—414.

[68] Журналы заседаний К. Ц. И., 1862, журнал № 11 от 21 марта, л. 62.

[69] «Из записок господина Шнабельвопского».

[70] Рапорты К. Ц. И., 1862, I, № 888, лл. 365—366.

[71] Журналы заседаний К. Ц. И., 1862, журнал № 10 от 14 марта, л. 55.

[72] Рапорты К. Ц. И., 1862, II, № 1234, л. 17.

[73] Начало III главы «Атта Тролль».—В переводе Н. Гумилева (Гейне. Стихотворения. Academia, Л. 1931):

Летней ночи сон! Бесцельна
Песнь моя и фантастична,
Как любовь, как жизнь бесцельна,
Как творенье и творец.

[74] Отрывок из монолога героя поэмы — медведя Атта Тролль (гл. VIII):

Там высоко, в звездном небе,
На престоле золоченом,
Всеми правя и блистая
Белизной, сидит медведь.

(Перевод Гумилева).

[75] «Атта Тролль», гл. XX.

Будь возлюбленной моей,
Дивная Иродиада!
Будь возлюбленной моей,
Брось ту голову пустую
Вместе с блюдом и отведай
Яств получше, повкуснее,
Я твой самый настоящий
Верный рыцарь; нет мне дела,
Что мертва ты, проклята;
Я без всяких предрассудков.

(Перевод Гумилева).

[76] Предисловие к поэме «Германия».

[77] Конец IV гл. поэмы «Германия». В переводе Ю. Н. Тынянова (Г. Гейне. «Германия», 2-е изд. Л. Гос. Изд-во «Художественная литература», 1934).

Но если станет конюшней собор,
Что делать, в самом деле,
С тремя святыми царями, что здесь
Почиют в соборном приделе?
Так спросят меня. Но в наш-то век.
Стоит ли волноваться?
Три светлых царя из восточной земли
Где-нибудь приютятся.
Даю вам совет: поместите их
В три плетенки из жести,
Которые в Мюнстерской башне висят,
Пускай лежат там вместе.
А если нарушится триумвират.
Одного потеряют в транзите,
Тогда восточного короля
Вы западным замените.

[78] «Германия», гл. XIII.

[79] Последние строфы заключительной — XXVII — главы «Германии»:

И сойдет при скончании мира Христос,
И адские рухнут ворота:
И хоть начнет он там страшный суд,
А все же и выскользнет кто-то.
Но есть и ад, которого пасть
Не даст освобожденья.
Молитва бессильна; не спасет
Спасителя прощенье.
Ты знаешь, может быть, Дантов ад,
Терцины роковые?
Кого поэт туда заключил,
Тому не помогут святые. —
Ни бог ни спаситель Его не спасут
Из этого пламени песен!
Смотри, берегись! Не то проклянем,
И будет ад тебе тесен.

(Перевод Тынянова).

[80] «Адам Первый».
[81] «Дворцовая легенда».
[82] «Новый Александр».
[83] «Песни хвалебные королю Людвигу» — перевод Ю. Н. Тынянова (Г. Гейне. Стихотворения. Пер. Ю. Тынянова. Изд-во Писателей в Ленинграде, 1934):

Когда ж христианство приимут у нас
И кенгуру с гиббоном,
Тогда, конечно, святый Людовик
Будет у них патроном.

[84] Когда б посмотрела беременной я
На этого идиота,
Тогда бы наверно я родила
Не бога, — обормота.

[85] Рапорты К. Ц. И., 1863, № 1215, л. 112. — «По заключению Рижского Цензурного Комитета подлежащие исключению места сего сочинения» подведены *были «под ст. 1314 Уложения о нак. уг. и испр.»*.
[86] Журналы заседаний К. Ц. И., 1863, журнал № 15 от 24 апреля, л. 61.
[87] О том, что некоторые тома были и вовсе запрещены (для публики), Майков умалчивает.
[88] Срв. выше в рапорте Л. Роде о «Романцеро» (1852 г.) указание на это же стихотворение, как на предосудительное.
[89] Рапорты К. Ц. И., 1863, IV, № 2763, лл. 50—51.
[90] Журналы заседаний К. Ц. И., 1863, журнал № 40 от 16 октября, л. 177.
[91] Подчеркнуто Писаревым. Выражения: «священная игрушка», «храбрый солдат» взяты у Гейне из XXXI главы «Путешествия из Мюнхена в Геную».
[92] Сочинения Д. И. Писарева, т. II, СПБ. 1894, стр. 259—260, 261.
[93] Там же, стр. 262 и 263.
[94] Там же, стр. 274.
[95] Там же, стр. 303. Подчеркнуто Писаревым.
[96] Сличение с оригиналом текстов русских дореволюционных изданий и установление основных цензурных пропусков проведено в статье Н. Н. Сретенского «Гейне и русская цензура» в «Известиях Северо-Кавказского Госуд. Университета», 1928 г. Том I (XIII) Ростов-на-Дону. Стр. 46—66. Материалы цензурного архива в этой статье, однако, не привлекаются, и вся работа построена только на основании печатного текста переводов Гейне.

Воспроизводимый на стр. 647 портрет Гейнриха Гейне был приобретен в 1934 г. у частного лица. Каким образом оказался он в России — установить не удалось. Возможно, что он находился в имуществе Максимилиана Гейне, служившего в русской армии. Перевод дарственной надписи: «Своему брату Густаву преподносит это воспроизведение своего облика Гейнрих Гейне». Впервые воспроизведен в книге Г. Ю. Юрьева «Гейне и Бёрне». Л. 1936.

НЕИЗДАННЫЙ ПРОЕКТ ПРОКЛАМАЦИИ П. Я. ЧААДАЕВА 1848 г.

Сообщение Д. Шаховского

Царская власть старалась всячески вытравить имя Чаадаева из памяти общества. Пытались просто выкинуть его из бытия. Лишить не только языка, а и ума. Распорядиться, чтобы его как будто совсем не бывало. Запрещали не только хвалить, но и опровергать. Нельзя сказать, чтобы усилия этого гасительного усердия были бесплодны. Им удавалось свести почти на нет знакомство с пламенной мыслью, которая отличает выступления Чаадаева. Конечно, успех этой борьбы возможен был только потому, что современное Чаадаеву общество не доросло до понимания его мысли. Чаадаев хорошо понимал, еще до официального признания его безумия, что он пишет для тех, кто будет жить и мыслить в России через сто лет. Иногда только вспыхивала в нем безумная надежда на чудо понимания со стороны современников. Но стоило ему осмотреться и опомниться, и он решительно говорил: «Вам известно, что я никогда не думал о публике, что я даже никогда не мог постигнуть, как можно писать для такой публики, как наша: все равно обращаться к рыбам морским, к птицам небесным» (письмо к Мещерской 15 апреля 1836 г.). В заключение своих двух писем о философии истории он точно определил значение своего дела: «Сделаем все, что можем, чтобы подготовить путь нашим потомкам. Так как мы не можем завещать им то, чего не имели сами — верований, образованного временем ума, резко очерченной индивидуальности, мнений, развивавшихся в течение долгой, оживленной и деятельной умственной жизни, плодотворной по своим результатам, — то оставим им по крайней мере несколько идей, которые, и не нами найденные, все же, переходя от одного поколения к другому, приобретут некоторый традиционный элемент и в силу этого будут обладать бóльшей силой и плодовитостью, чем наши собственные мысли. И вот этим мы окажем важную услугу потомству и проживем на земле не напрасно».

Чаадаев имел несколько столкновений с властями, а главное, — пережил такое событие, как разгром восстания 14 декабря. Все это наложило особый отпечаток на его высказывания. В конце концов он усвоил себе такой иронический способ выражения, из-под которого сразу не разберешь: славословит он или издевается. Знаменитое шевченковское: «молчат, ибо благоденствуют» — служит лучшим образцом такого славословия-издевки. Поэтому не удивительно, что о его политических взглядах существуют самые противоположные мнения.

Вот почему приобретает особенную важность вновь найденная О. Г. Шереметевой запись, очевидно 1848 г., после февральской революции, вложенная Чаадаевым в одну из книг своей библиотеки. Книга эта: «Histoire de la littérature Hindous et Hindustani par. M. Gavcin, de Fassy. Paris. MДCCCXXXIX». Ни в какой внутренней связи со вложенным листком она, таким образом, не состоит. Запись сделана на почтовой бумаге приблизительно одинакового размера с форматом книги и при сдаче ее в переплет в Румянцевской, ныне Ленинской, Библиотеке по счастливой случайности не была выкинута переплетчиком как нечто постороннее, а вошла в состав переплетенного экземпляра как часть книги. По-

черк Чаадаева, с почти клинообразными очертаниями букв, способствовал счастливой ошибке переплетчика.

Запись эта, фотографический снимок с которой здесь прилагаем, в точной транскрипции такова:

Братья любезные, братья горемычные, люди русские, православные, дошла-ли до вас весточка, весточка [з а ч е р к н у т о: грамогласная, добрая] грамогласная, что народы вступили, народы крестьянские, взволновались, всколебались, аки волны океана моря, моря синего! Дошол ли до вас слух из земель далеких, что братья ваши, разных племен, на своих царей-государей [з а ч е р к н у т о: восстали] поднялись все, восстали все до однаго человека! Не хотим, говорят, своих царей, государей, не хотим им слушаться. Долго они нас угнетали, порабощали по своей [н е р а з б о р ч и в о] часто [н е р а з б о р ч и в о] [з а ч е р к н у т о: заставляли] [подписано:] понуждали горькую [надписано:] чашу [н е р а з о б р а н о ч е т ы р е з а ч е р к н у т ы х с л о в а] испивать заставляли. Не хотим царя другого окромя царя небесного.

Устранив случайные ошибки, зачеркнутое и повторение слов, получаем следующий текст:

Братья любезные, братья горемычные, люди русские, православные, дошла-ли до вас весточка, весточка громогласная, что народы вступили, народы крестьянские взволновались, всколебались, аки волны океана-моря, моря синего! Дошел ли до вас слух из земель далеких, что братья ваши, разных племен, на своих царей-государей поднялись все, восстали все до одного человека! Не хотим, говорят, своих царей, государей, не хотим их слушаться. Долго они нас угнетали, порабощали, часто горькую чашу испивать заставляли. Не хотим царя другого, окромя царя небесного.

Что запись собственноручно сделана Чаадаевым, представляется совершенно несомненным. Совсем исключительный по своему своеобразию почерк Чаадаева и нахождение листка в принадлежавшей ему книге служит достаточным этому доказательством. Мы имеем и другой случай утайки Чаадаевым своей статьи в книге. В одном из томов «Истории Франции» Сисмонди нашлась довольно большая статья Чаадаева по польскому вопросу, тщательно туда вклеенная [1].

С другой стороны, внесенные в рукопись этой курьезной прокламации поправки, очевидно, в самый момент ее написания, не оставляют ни малейшего сомнения в том, что это не копия, а авторский экземпляр, следовательно—она представляет собою произведение Чаадаева.

Вместе с тем, самый тон и приемы изложения с весьма неискусной подделкой под народный язык свидетельствуют о том, что это вовсе не шутка, а вылившееся из души серьезное произведение, имевшее целью возбуждение известных свободолюбивых мыслей в массах.

Вдумавшись в содержание этого документа, мы найдем полное объяснение и его происхождения, и возможности возникновения...

Время его написания может быть точно определено: это, конечно, отражение первых раскатов, прокатившихся по всей Европе после февральской революции 1848 г. во Франции. Связывать листок с июльской революцией 1830 г. невозможно. Самый почерк, которым он написан, установился у Чаадаева лишь после 1831 г., да и содержание говорит о размерах движения, которому вовсе не соответствуют факты 1830 г. К тому же июльская революция, как известно, вызывала в Чаадаеве совсем иного рода мысли, а самое ощутительное ее последствие для России — польское восстание в ноябре 1830 г.—встретило решительное осуждение Чаадаева.

Общее направление мыслей автора прокламации не должно поражать нас и не составляет даже полной неожиданности. Еще в напечатанных Гершензоном «Отрывках» 1832 г. имеются такие суждения:

«Что такое общественный порядок? Временное лекарство временному недугу».

«Учреждения законодательные, политические, юридические и прочие подобные, на что они? Для поправления вреда, ими же сделанного» [2].

Особенно характерны последние слова «прокламации»: «Не хотим другого царя окромя царя небесного». Здесь повторяется основная формула чаадаевского идеала, стоящая и в эпиграфе к «Первому философическому письму», но не сохраненная при его напечатании в «Телескопе». И в высшей степени важно, что в «Прокламации» повторяются буквально слова известного «Православного катехизиса» декабриста Сергея Муравьева-Апостола, прочитанного возмущенным им солдатам в Василькове 31 декабря 1825 г. (12 января 1826 г. по новому стилю). В ответе на вопрос: «Что же святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству» мы там читаем: «Раскаяться в долгом раболепстве и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: *да будет един царь на небеси и на земли — Иисус Христос*»... И то же самое повторяется еще раз в ответе на вопрос: «Стало быть бог не любит царей»...[3] Такое совпадение в мыслях и словах старинных друзей и товарищей по военным походам знаменательно: здесь устанавливается родственность Чаадаева к одной из линий декабризма. Социальный протест не отделим здесь от религиозных исканий.

АВТОГРАФ ПРОЕКТА ПРОКЛАМАЦИИ П. Я. ЧААДАЕВА 1848 г.
Публичная библиотека им. Ленина, Москва

Интересные отклики сочувственного отношения Чаадаева к новой революционной волне мы находим в позднейших «Афоризмах», пока еще не напечатан-

ных. Выпишем один из них (в переводе) целиком: «Социализм победит: не потому, что он прав, а потому, что мы неправы...» А затем, через несколько афоризмов он говорит об естественном праве рабочих на использование всех благ цивилизации и при этом напоминает, что если новые претенденты на место под солнцем и не совсем учтиво заставят старых владык потесниться, то все же они в этом только последуют образцу расправ, при помощи которых был водворен нынешний «порядок».

Конечно, ожидать от Чаадаева каких-либо определенных представлений о самом ходе предстоящего в России переворота не приходится. Его положительная программа, насколько можно говорить о ней, полна неопределенности и утопизма.

Надо думать, что, написав свою «прокламацию», Чаадаев тотчас убедился, что единственный путь, ей свойственный — поскорее упрятать ее от взоров властей и «народа». Ведь не через посетителей московских салонов мог бы он «подымать народ». Но, повидимому, новая полоса его мыслей во время революционных бурь 1848 г. осталась не без отклика и в литературной его деятельности. Между его бумагами нашлась «Воскресная беседа сельского священника» с подписью Петр Басманский. Беседа эта по экземпляру, бывшему у Свербеевых, напечатана Н. В. Голицыным в последней вышедшей книжке «Вестника Европы» (1918, № 1—4). Суть проповеди — радикальное осуждение всякого богатства. Но естественно, что обстановка, окружавшая Чаадаева, не способна была поддержать его на высоте живых откликов на переживаемые исторические события...

Однако же сохранившийся листок остается свидетельством подлинного чаадаевского лица. Многое сомнительное в высказываниях Чаадаева получает в свете «Прокламации» определенный смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Книга эта вместе со вклейкой, найденной при исследовании значительного собрания книг Чаадаева, находящегося в Библиотеке имени В. И. Ленина, передана в рукописное отделение этой библиотеки.

[2] См. «Сочинения и письма» П. Я. Чаадаева под ред. М. О. Гершензона, т. I, М. 1913, стр. 153.

[3] См. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 264 след.

ГРАЖДАНСКАЯ СМЕРТЬ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Сообщение Леонида Гроссмана

Наиболее полная публикация материалов о петрашевцах — известный трехтомный сборник П. Е. Щеголева — далеко не исчерпал архивных документов об участниках политического процесса 1849 г. Третий том этого издания, где опубликован доклад генерал-аудиториата царю о деле петрашевцев, обрывается на 19 декабря 1849 г. Но не этой датой, конечно, заканчивается политическая драма участников кружка и их взаимоотношения с императорской властью. Напротив того, наиболее острые и тяжелые события «дела» происходят уже после указанного момента, когда история процесса вступает в стадию своих жестоких санкций. Исполнение приговора над петрашевцами, эшафот, арестантские роты, каторга, служба в войсках — все это еще на целое десятилетие продлит официальную историю петрашевцев, оставив дополнительно еще на двадцать лет некоторый след в правительственных архивах, в виде документов о полицейском надзоре над бывшими политическими преступниками. Царское правительство ничего не забывало и никогда не прощало до конца: политический процесс, возникший в 1849 г., длится в скрытых формах тайного наблюдения вплоть до 80-х годов.

Между тем все эти обширные «внесудебные» материалы о петрашевцах полностью сохранились в архивах военного министерства. Здесь имеется ряд ценнейших сведений об участниках кружка и особенно о самом знаменитом из них — Достоевском. Именно здесь сохраняются до сих пор неизданные два сибирских его стихотворения, которые предполагались утраченными.

Особый интерес среди этих материалов представляют документы, касающиеся развязки судебно-следственной борьбы 1849 г. — казни петрашевцев 22 декабря. До сих пор все сведения о ней исчерпывались скудными официальными распоряжениями и несколькими мемуарными свидетельствами участников и зрителей обряда. Воспоминания Н. Н. Кашкина, М. А. Корфа, Д. Д. Ахшарумова, А. Е. Врангеля и особенно потрясающие рассказы Достоевского (в письме к брату из крепости и в первых главах «Идиота»), рисуя достаточно полно картину самого обряда, почти не касались сложной процедуры его организации. Между тем ритуал казни предполагал сложнейшую подготовку церемонии, поистине напоминающую большую сценическую постановку. Придуманный Николаем I издевательский план «недовершенного» расстрела требовал сугубо сложного и точного выполнения. Неудивительно, что переписка высших чинов правительства о предстоящей экзекуции напоминает местами режиссерский экземпляр громоздкой театральной пьесы. В «весьма секретных документах», которыми обмениваются 20 и 21 декабря ближайшие сотрудники царя, предусмотрены все подробности обряда — размеры эшафота, мундиры казнимых, облачение священника, эскорт карет, темпы барабанного боя, маршрут из крепости на место расстрела, преломление шпаг над головами преступников, облачение их в белые рубахи, функции палача, заковку в кандалы и отбытие с плаца в особых одеяниях ссылаемых. Большой интерес представляет и приложенное к распоряжению о казни точное описание внешних примет каждого преступника, т. е. целая серия «полицейских портретов» всех петрашевцев, в том числе и Достоевского («росту среднего, волосы светлорусые

глаза серые, нос обыкновенный, лицо чистое, белое, на лбу под левой бровью небольшой рубец»).

Характерны и обстоятельные документы о стоимости казни, т. е. о расходах, связанных как с судебным производством, так и с организацией расстрела и, наконец, с отправлением осужденных в ссылку. По циническому распоряжению Николая I, издержки по производству дела «петрашевцев» в размере до 3 тысяч рублей были взысканы с подсудимых Петрашевского и Спешнева. Весьма характерны в историко-бытовом отношении представленные по начальству счета за восемь пар кандалов «для отправления злоумышленников», за наем 22 «городских возков» для доставки осужденных на Семеновский плац, на покупку 7 шпаг для их переламывания над головами разжалуемых дворян, на полотно для белых рубах казнимых. Эти расходы были отнесены царем на счет тех ведомств, «по коим они употреблены», а по счету крестьянина Федотова, построившего «деревянную платформу» на Семеновском плацу, было высочайше повелено «заплатить из комнатной его величества суммы».

Гнев государя не переставал преследовать осужденных в продолжении всего их скорбного пути на каторгу и даже до самого конца положенного срока их кары. В документах тобольского приказа о ссыльных имеются специальные предписания о том, что «государю императору благоугодно, дабы преступники, в полном смысле слова, были арестантами, соответственно приговору: облегчение их участи в будущем времени должно зависеть от их поведения и монаршего милосердия, но отнюдь не от снисхождения к ним ближайшего начальства, вследствие чего для неослабного и строгого за ними надзора должны быть назначены надежные чиновники».

Еще явственнее неумолимая мстительность Николая сказывается в его ответе на ходатайство омского коменданта от 25 марта 1852 г., — т. е. на третий год пребывания Достоевского и Дурова в остроге, — о переводе их, «в виду хорошего поведения, покорности и усердия к работам, из каторжных в разряд военно-срочных арестантов с освобождением от ножных желез». Военное министерство обратилось к царю, «испрашивая» соответственное разрешение, с указанием, что названным осужденным остается пробыть в каторжной работе всего 1 год 10 мес. Но «монаршего соизволения на сие представление не последовало». Как ошибался впоследствии Достоевский, полагая, что отменяя вынесенный ему смертный приговор Николай I «пожалел в нем молодость и талант!». Оказывается, на третий год каторги Достоевского, царь запретил снять с него кандалы, несмотря на ходатайство об этом его непосредственного и высшего начальства.

Изменение участи осужденных произошло по всей строгости приговора 1849 г. без малейшего отступления от его карательных постановлений. Только перед самым окончанием установленного срока каторжных работ Достоевского командир отдельного Сибирского корпуса обращается в главный штаб с запросом, куда именно должен быть определен этот «преступник», подлежащий, согласно приговору, зачислению после каторги в войска рядовым. Дело снова восходит к Николаю I, который в конце ноября 1853 г. постановляет зачислить Достоевского нижним чином в войска Сибирского линейного корпуса «с оставлением под строжайшим надзором».

Став солдатом Сибирского линейного батальона № 7, Достоевский предпринимает вскоре первые попытки к ускорению своей реабилитации. История двух сибирских стихотворений Достоевского — «На 1 июля 1855 г.» и «Умолкла грозная война» — изложены нами ниже.

Следующая группа документов относится к важнейшему моменту в истории кары Достоевского — к его производству в офицеры, т. е. к внешней ликвидации приговора 1849 г., поскольку он исчерпывался санкциями каторги и солдатчины. Но фактически наказание еще не было вполне завершено: Достоевский еще не получал права печататься. Александр II утвердил 14 сентября 1856 г. ходатайство генерала Гасфорта о производстве Достоевского в прапорщики или в чиновники 14-го класса, при условии секретного наблюдения, в результате которого разреша-

лось поднять вопрос о дозволении ему печататься. Канцелярская волокита сказалась на прохождении этого приказа, так что в конце октября сам военный министр обратил внимание на то, что в отношении Достоевского «высочайшая воля оставалась без исполнения полтора месяца».

Наконец последняя группа документов «об увольнении Достоевского от военной службы» представляет особый интерес в виду наличия здесь двух документов, подписанных Достоевским. Это — обстоятельное прошение на высочайшее имя об отставке от военной службы по болезни с выбором для местожительства Москвы и так называемый «р е в е р с», т. е. подписка об отказе претендовать на «казенное пропитание» в случае отставки. К документам приложено врачебное свидетельство, представляющее собой самое полное медицинское описание эпилептических припадков Достоевского, от начального «вскрикивания» до момента «возврата сознания». Очень ценна для биографов, и особенно для биологов и евгенистов, общая «лекарская» характеристика организма 35-летнего Достоевского с указаниями на посредственное и истощенное телосложение и «нервную боль лица вследствие органического страдания головного мозга».

Особый интерес представляют литературные материалы военных архивов, вокруг которых и сосредоточено, преимущественно, наше внимание. Нам известны названия целого ряда вещей Достоевского, до нас не дошедших. Таковы его ранние драмы «Борис Годунов» и «Мария Стюарт», его беллетристические опыты 40-х годов — «Сбритые бакенбарды», «Повесть об уничтоженных канцеляриях», «Янкель», «Записки лакея о своем барине», затем написанные в Сибири «Письма об искусстве», патриотическая статья «О России», два стихотворения на смерть Николая I и на воцарение Александра II, речь к собранию петербургских дворян (составленная в 1860 г. для Врангеля) и «Мои воспоминания о Белинском», приготовленные в 1867 г. для сборника «Чаша». К этому можно добавить начало автобиографии, предпринятой Достоевским осенью 1876 г. по просьбе П. В. Быкова. Наконец до нас дошли сведения о школьных сочинениях Достоевского. По рассказам генерал-лейтенанта В. А. Родионова, Достоевский в инженерном училище писал ему, как близкому товарищу, сочинения на темы: «Ночь на маневрах», «Ермак Тимофеевич», «Характер Ярослава». Все эти писания считались безвозвратно потерянными, и ни один из редакторов, работавших над полными собраниями сочинений Достоевского, не пытался разыскать эти безвестные рукописи.

Благодаря новооткрытой пачке документов этот реестр можно в настоящее время несколько сократить. Два «патриотических» стихотворения, написанных Достоевским в 1855—1856 гг., находятся среди прочих документов о сосланных петрашевцах.

Как известно, романист почти не выступал в печати в качестве поэта, если не считать стихотворных гротесков, которые он охотно вкрапливал в свои романы (отчасти в «Идиоте», в «Братьях Карамазовых», более всего в «Бесах»). Возможно, что Достоевский следовал здесь традиции, восходящей к «Дон-Кихоту» и «Вильгельму Мейстеру», в которых основная проза повествования перемежается с лирическими фрагментами. Помимо таких вставных куплетов Достоевский охотно набрасывал сатирические строфы, оставшиеся в большинстве случаев неизвестными его современникам. В черновых рукописях Достоевского сохранились наброски эпиграмм (напр., на Лескова) или стихотворных фельетонов («Офицер и нигилистка»). В Сибири им было написано патриотическое стихотворение «На европейские события 1854 года», которое включалось обычно в посмертные собрания его сочинений. Было известно, что к сибирскому периоду относятся еще некоторые политические строфы, но до настоящего времени они считались утраченными и в печати никогда не появлялись. А. Е. Врангель в своих воспоминаниях сообщает, что «Достоевский написал стихи на смерть императора Николая I. Обсудив с ним, мы решили передать через Гасфорта стихи вдовствующей императрице. Стихи эти, насколько помню, начинались так:

Как гаснет в небесах зарница,
Угас супруг великий твой...»

Гасфорт якобы отказался хлопотать «за бывших врагов правительства», и, согласно просьбе Врангеля, стихи взялся передать в Петербурге по назначению принц П. Г. Ольденбургский: «Стихи получены были императрицей — это мне достоверно известно, так как мне впоследствии подтвердил это Сахтынский, управляющий делами III Отделения».

Цитата, приведенная Врангелем, оказывается приблизительной, а большинство сообщенных им подробностей неверны.

Чувствуя, что только открытое заявление об отказе от «политических заблуждений» и полной преданности власти может ускорить возвращение к общегражданской жизни и литературной деятельности, Достоевский решается на такую декларацию. Первая попытка в 1854 г. оказывается слишком расплывчатой и не достигает цели. Стихотворение «На европейские события 1854 года», несмотря на ходатайство сибирских начальников Достоевского о напечатании его в «Петербургских Ведомостях», не встречает одобрения Дубельта и остается в архивах III Отделения до 1883 г. *. Но уже в 1855 г. Достоевский пишет второе патриотическое стихотворение. В обращении к вдовствующей императрице он совмещает похвалу самой Александре Федоровне с хвалебными поминками по Николаю I и приветственными надеждами на новое царствование. Оно носит заглавие «На первое июля 1855 года», т. е. на день рождения императрицы. Достоевский воспользовался приездом в Семипалатинск командира отдельного Сибирского корпуса Гасфорта для передачи ему своей оды, с просьбой «повергнуть ее к стопам императрицы». Отметив в стихотворении «теплоту патриотических чувств», Гасфорт направил рукопись к военному министру с просьбой передать ее выше и в награду произвести Достоевского в унтер-офицеры. На этот раз попытка увенчалась успехом: 21 сентября 1855 г. департамент аудиториатский военного министерства (т. е. судебная инстанция, приговорившая шесть лет перед тем Достоевского к расстрелу) сообщал подлежащим ведомствам о своем согласии на первое смягчение участи осужденного. По соответствующим докладам 18 ноября 1855 г. было «всемилостивейше повелено: рядового Достоевского произвести в унтер-офицеры».

Этим ничтожным повышением Достоевский все же как бы выходил из сферы действия карательной санкции 1849 г. («на четыре года в каторгу, а потом — рядовым»). Это была первая ступень к реабилитации. Она рассматривалась начальством как чрезвычайная милость, так как «из соучастников Буташевича-Петрашевского, осужденных в 1849 г. в каторжную работу и определенных потом в военную службу, в унтер-офицеры никто еще не произведен», сообщал в октябре 1855 г. докладчик военного министерства. Сам Достоевский был глубоко удовлетворен достигнутым результатом: «Я произведен в унтер-офицеры, что довольно важно, — пишет он 13 января 1856 г. брату, — ибо следующая милость, если будет, должна быть, натурально, значительнее унтер-офицерства. Меня здесь уверяют, что года через два или даже через год я могу быть официально представлен в офицеры».

И действительно, через год Достоевский решает форсировать следующую «милость», которая, по существу, должна означать окончание кары или полное прощение — производство в первый офицерский чин. Он пишет третье стихотворение, уже непосредственно обращенное к новому царю. Об этом новом произведении он сообщает весной 1856 г. Врангелю в трех письмах (23 марта, 13 апреля и 23 мая). «Посылаю стихи на коронацию и заключение мира, — сооб-

* Оно было впервые напечатано в «Литературных приложениях» к «Гражданину» в 1883 г. с примечанием от редакции: «Печатаемое нами стихотворение написано было покойным Ф. М. Достоевским в 1854 г. в бытность его в Сибири. Стихи эти были известны небольшому кружку приятелей покойного. При собрании материалов для биографии покойного Ф. М. Достоевского оно было найдено и благодаря любезности вдовы покойного отдано нам для напечатания в книге «Гражданин», с именем которого связаны воспоминания о близком участии покойного Федора Михайловича в этом издании в 1873 году» («Гражданин». «Литературные приложения», 1883, январь, стр. 3).

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Рисунок карандашом К. А. Трутовского, 1847 г.
Государственный Литературный Музей, Москва

щает он в последнем письме.— Хороши ли, дурны ли, но я послал здесь по начальству с просьбою позволить н а п е ч а т а т ь. Просить же официально (прошением) позволения печатать, не представив в то же время сочинения, по-моему, неловко. Потому я начал со стихотворения. Прочтите его, перепишите и постарайтесь, чтоб оно дошло к монарху».

В своих воспоминаниях Врангель сообщает об этом: «Было еще другое стихотворение Достоевского — «На вступление на престол Александра II». Оно было мною передано лично по приезде моем в Петербург Эдуарду Ивановичу Тотлебену» (А. Е. Врангель. «Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири». 1854—1856. П., 1912, стр. 78—79). В соответствии с главной целью Достоевского повышается и патриотизм третьего стихотворения. Это уже открытое приветствие и восхваление царя на фоне «новой эпохи». Стиховые традиции старшего поколения (Жуковский, Пушкин) здесь сочетаются с славянофильствующими провозглашениями официальной публицистики эпохи ликвидации крымской кампании. Здесь и сравнения с Петром I, и варианты на национальный гимн, и гневная Русь, опоясанная «доблестным мечом», и обращение к Христу, как к оплоту русского государства. При всей официальности идеологии и искусственности стиха это стихотворение 1856 г. уже заметно выражает некоторые основы будущей политической философии Достоевского.

И на этот раз политическая декларация возымела успех. На докладе семипалатинского военного губернатора, представившего стихотворение в военное министерство, было помечено 27 июня 1856 г.: «принять к сведению», а 14 сентября военный министр публиковал по своему ведомству «высочайшее позволение о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики». Возведение в первый офицерский чин внешне означало полное прощение, т. е. возвращение дворянства и всех прав состояния, но на самом деле Достоевский еще оставался пораженным в самом жизненном своем праве: разрешение печататься ему еще не было предоставлено.

Такова внешняя история новонайденных стихотворений Достоевского.

При оценке стихотворной трилогии Достоевского («На европейские события 1854 года», «На 1 июля 1855 года» и «Умолкла грозная война») необходимо все-

мерно учитывать особые цели помилования и реабилитации, какие преследовал в первую голову ее автор. Но эти задания не лишают все же сибирских стихов Достоевского их литературного и идеологического значения. Они написаны не в виде рифмованных прошений на высочайшее имя, но как произведения, подлежащие опубликованию и предназначенные для определенных органов печати. Этими именно созданиями Достоевский имел в виду вернуться в литературу, определяя ими свое новое направление после прерванного каторгой дебютного пятилетия 40-х годов.

Достоевский оставил Омский острог в самом разгаре мировых политических событий. Уже около полугода длилась война России с Турцией, и со дня на день ожидалось присоединение к противнику Англии и Франции. Около 15 февраля Достоевский выходит из каторжной казармы, а 28 февраля западные державы заключают союз с Турцией, чтобы 1 марта предъявить Николаю I ультиматум, а 15 и 16 марта объявить войну России.

Военная эпоха, встретившая Достоевского на пороге Омского острога, уже вызвала в литературе заметное движение реакционного характера. Оно определялось различными современниками как «патриотическое», «русское», «христианское». Оно явилось, по существу, прокламированием основных лозунгов николаевской эпохи с ее стремлением «заморозить Россию» самодержавием, православием и воинствующим национализмом. Необходимо отметить, что это религиозно-национальное направление отвечало полностью тем основам мировоззрения Достоевского, которые были вынесены им из семейной обстановки и чрезвычайно укреплены в каторжном уединении, когда он переживал «перерождение убеждений» (т. е. отказ от утопического социализма 40-х годов и возврат к церковно-патриотическим воззрениям своего раннего периода). Неудивительно, что Достоевский и примкнул к этому направлению, в рядах которого уже успешно действовал его друг Аполлон Майков.

С самого начала войны, т. е. еще с середины 1853 г., Майков заявил о своем отказе от чистой лирики во имя общественных тем военной эпохи.

Россия вызвана на созерцанье миру,
На суд Истории...
...Теперь не служит стих мне праздною забавой.
Он рвется из души, как отклик боевой,
На зов торжественный отечественной славы...

Еще важнее заявление, сделанное Майковым в открытом письме к А. Ф. Писемскому, напечатанном в «С.-Петербургских Ведомостях» 1854 г., где он подчеркивает значение европейской войны, как этапа в идейном развитии русского общества и русской литературы:

«Нынешняя война в нашей частной жизни, в истории наших убеждений — событие столько же решительное, сколько важное, как и в политическом мире. Надобно быть слепым упрямцем, улиткоподобною флегмой, чтоб не отозваться на ту электрическую искру, которая потрясла все сословия русского народа. С каким-то судорожным напряжением ожидаю, что из этого будет, и не могу еще обхватить мыслью и связать в одно стройное целое, в одну картину того, что внутреннее сознание целого народа говорит ему, что он такое, на что он призван и какие силы в нем хранятся. Я готов пророчить, что нынешние события — величайший шаг в нашем развитии: с них начнется новый период нашей исторической жизни уже потому, что они заставили всех и каждого вдруг, внезапно остановиться и спросить себя: «Кто же ты?» И каково бы ни было образование каждого, из каких бы источников ни почерпнул он свои знания и мнения, все в один голос, в один миг должны были разрешить этот вопрос и единодушно перед судом совести ответить: «Я — русский!»... Ничто не подавило в нашем сознании, что можно быть ученым и образованным человеком и чувствовать, что мы в то же время русские и что в нас превыше всего одно святое

чувство любви к отечеству.... На нас, писателях, лежит великий долг—увековечить то, что мы чувствовали со всеми. Нам следует объяснить и осязательно нарисовать тот идеал России, который ощутителен всякому».

Достоевский прочел в «С.-Петербургских Ведомостях» это воззвание Майкова и откликнулся на него в своем письме к нему от 18 января 1856 г. Он подчеркивает в своем ответе, что патриотизм, русская идея, чувство долга и национальной чести были всегда его убеждениями: «Я всегда был истинно-русский...» Именно потому Достоевский высоко расценивал заключительные стихи майковского «Клермонтского собора» с их патриотической патетикой. Омскому затворнику, поражавшему на каторге своих товарищей-поляков гордыми заявлениями о призвании дворянства управлять народом, а великодержавной России—властвовать над другими нациями, был особенно близок финал поэмы Майкова с ее апофеозом великой России, завершающей миссию европейской истории. Пусть «западные братья» ей шлют свои проклятья и флоты — это происходит именно потому, что они почувствовали рост восточной подлинно христианской нации и ненавидят ее «за то, что нам пришлось на долю свершить, что Запад начинал». Следуют горделивые строки о «богоизбранности России», которая, в отличие от европейских современников, «под знаменем Креста не лицемерит, не торгует» В награду за это и в посрамление врагам из ее недр «еще невиданное выйдет гигантов племя к ним грозой...»

Достоевский высоко оценил эти строки: «Читал ваши стихи и нашел их прекрасными; вполне разделяю с вами патриотическое чувство нравственного освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери. Как хорошо окончание, последние строки в вашем Клермонтском соборе»! Где вы взяли такой язык, чтоб выразить так великолепно такую огромную мысль? Да! Разделяю с вами идею, что Европу и назначение ее окончит Россия. Для меня это давно было ясно».

«Клермонтский собор» был напечатан в «Отечественных Записках» в 1854 г. Следует заключить поэтому, что Достоевский сейчас же по выходе из каторги принял то литературно-политическое направление, которому оставался верен до конца своей деятельности. Нам известно, что уже на каторге он сознал и твердо установил все предпосылки к этому. По словам политического ссыльного Токаржевского, Достоевский в остроге высказывал крайние великодержавные воззрения и требовал присоединения к России всей европейской Турции с Константинополем. В полном согласии с этим находится сообщение Мещерского в его «Воспоминаниях»: «Мне приходилось слышать от товарищей Достоевского по каторге, что там, на месте его мук, автор «Записок Мертвого дома» изображал между каторжниками и ссыльными самого фанатического апостола заветов преданности русскому государю и самодержавию».

Таким образом в самом начале 50-х годов происходит возврат Достоевского «к народному корню», т. е. к религиозно-патриотическим заветам того московского семейного круга, в котором согласно переплетались верноподданнические воззрения крупного купечества и мелкого дворянства.

В момент выхода Достоевского из острога эти патриотические воззрения, в силу больших политических событий, отлились в настоящее литературное движение. Для характеристики основных государственных воззрений романиста следует отметить, что в самый момент его избавления от каторжных оков в русской печати военного времени господствовало то «патриотическое» направление, которое под различными наименованиями отстаивало идеи национализма, великодержавности, христианской политики, союза «Креста и меча» и пр. Направление это, отвечавшее основным воззрениям Достоевского, сложившимся в детстве и молодости, стало отныне органическим и бессменным фундаментом всей его литературно-философской активности. Эти именно идеи руководили до конца его публицистикой и неизменно отражались на диспутах его романов. Но первое выражение они нашли в неожиданной стихотворной форме его сибирских гимнов.

В стихотворении «На европейские события в 1854 году» Достоевский усваивает взвинченный тон патриотической печати военного времени. С самого начала отмечается «богатырский» рост России и ничтожество ее врагов («Попробуйте на нас теперь взглянуть, коль не боитесь голову свихнуть»), а в заключение подчеркивается «избранность» русских для воинского подвига («Но с нами бог! Ура! Наш подвиг свят...»).

Стихотворение «На европейские события» полностью выражает новое, по сравнению с концом 40-х годов, политическое исповедание Достоевского. Его можно было бы определить как некий церковно-монархический империализм («Спасут нас крест, святыня, вера, трон!»). Основа русской международной политики, согласно этой концепции, в христианстве.

Патриархальный национализм 30-х годов принимает воинствующий характер. В дальнейшем подчеркивается особенное значение православия («Он сам глава всей веры православной...»), и в явном противоречии с началами «всечеловеческого» братства раздаются обвинения христианских наций — Англии и Франции — за их союз с магометанской Турцией против православной Руси («Христианин за турка на Христа! Христианин — защитник Магомета! Позор на вас, отступники Креста...» и пр.). Со всей отчетливостью формулируется традиционная тема петербургской завоевательной программы — господство России над Азией, Константинополем и проливами. «Восток — ее!...». «Властвуя над Азией глубокой», она призвана возродить Византию:

Звучит труба, шумит орел двуглавый,
И на Царьград несется величаво!

Мы видим, что уже в 1854 г. Достоевский выражает со всей отчетливостью политические принципы своей поздней публицистики, которые в последний раз он возгласит, уже «в гроб сходя», в январском выпуске «Дневника писателя» 1881 г. (выпуск этот вышел из печати в самый день похорон писателя).

Стихотворение Достоевского «На европейские события 1854 года» выполнено по всем установкам патриотической поэзии 50-х годов и под явным воздействием целого ряда ее образцов. Мотивы «позорного» союза христианских государств Франции и Англии с магометанской Турцией против православной России, напоминания о поражении французов в 1812 г., призыв к завоеванию Царьграда — все это общие темы патриотической лирики эпохи восточной войны. Обращаясь только к стихам, напечатанным в начале 1854 г., т. е. до стихотворения Достоевского «На европейские события 1854 года», мы находим здесь не только основные идеи, но и характерные метафоры и всю орнаментику этой оды. У Достоевского повторены темы стихотворения Федора Глинки, напечатанного в «Северной Пчеле» в 1854 г., № 2, под знаменательным заглавием «Ура!».

Ура! На трех ударим разом!
Недаром же трехгранный штык!

. . . .

Два христианские народа
На нас грозятся за чалму!!

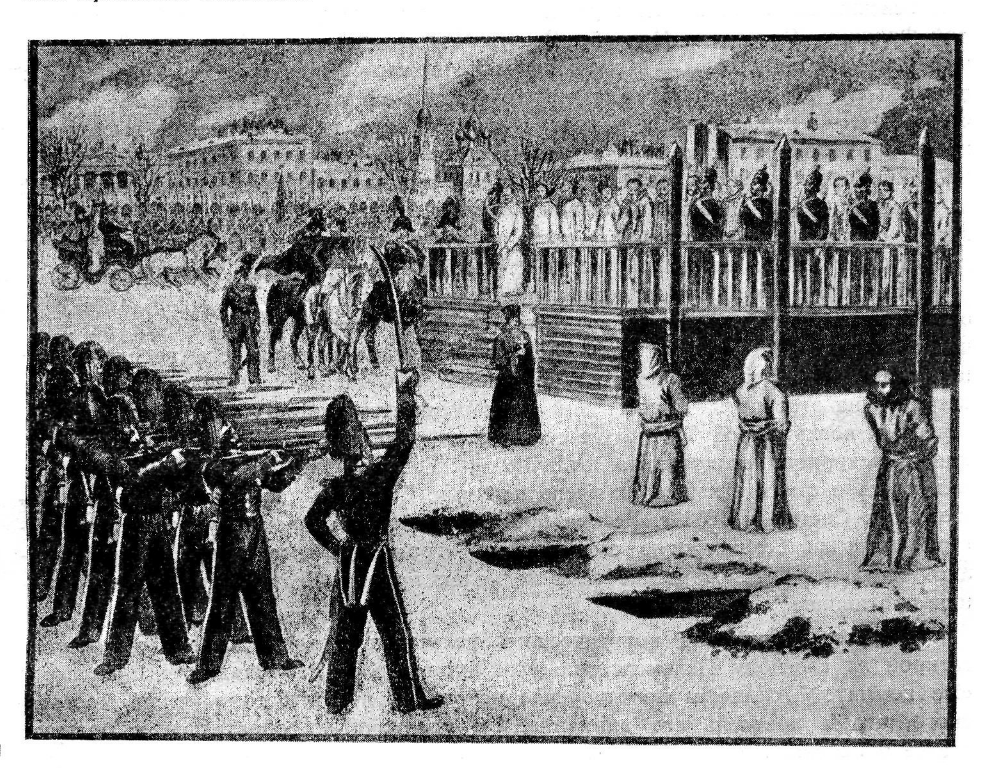
. . . .

Но год двенадцатый — не сказки,
И Запад видел не во сне,
Как двадцати народов каски
Валялися в Бородине...

Достоевский разрабатывает и темы майковского стихотворения «Памяти Державина» о Царьграде и о священной войне. «Жива еще в России о христианской Византии великодушная мечта...», «Во славу имени Христова, кипит священная война...»).

Те же основные мотивы патриотической поэзии 1854 г. даны в стихотворении Ростопчиной («Сев. Пчела», 1854, 26 марта), в «Святой брани» Н. Левашова (там

же, 8 марта), в обращении к «Врагам России» (там же, 1854, № 25) в «Русской песне» Неваховича («Отеч. Записки», 1854, XCIII, отд. VII, 188—189) и пр. Во всех этих стихотворениях неизменно прославляются «доблести двенадцатого года» и клеймятся «наемники султана» — «кичливый галл» и «сребролюбивый бритт». Стихотворение Достоевского «На европейские события 1854 года» представляет собою ряд вариаций на эти господствующие темы официальной публицистики начала Крымской кампании.



ИСПОЛНЕНИЕ ОБРЯДА СМЕРТНОЙ КАЗНИ НАД ПЕТРАШЕВЦАМИ
Рисунок неизвестного художника
Музей Революции, Москва

Точно так же примыкали к современным литературным течениям и два других патриотических стихотворения Достоевского — «На 1 июля 1855 года», и «Умолкла грозная война». В первом из них похвала Николаю I, который, подобно грозному архангелу, «путь нам вековой в грядущем указал», примыкает также к обширной серии восхвалений царя, открытых еще стихотворением Майкова «Коляска», где Николай представлен, как «великий человек»: «В ряду земных царей твой образ колоссальный...» и пр. Аналогичные восхваления «могучего царя» имеются в стихотворениях В. Красова — «Хор», Ф. Глинки — «12 февраля», Рончевского — «К России» («Сев. Пчела», 1854, №№ 46, 54, 69) и пр.

Эта традиция восхваления развернулась еще шире в момент воцарения Александра II. В своем последнем стихотворении «Умолкла грозная война» Достоевский снова тесно смыкается с целой полосой официальной публицистики и «верноподданной» поэзии, расточавших приветствия и гимны новому монарху.

Обращаясь к разработке патриотических тем военной эпохи, Достоевский всемерно учитывает сказавшееся к тому времени в русской литературе неожиданное возрождение оды. Излюбленный жанр феодально-дворянской поэзии дал свою последнюю вспышку в момент смертельной угрозы создавшему его режиму, перед самым крушением крепостной монархии. Для лирико-политических на-

строений середины 50-х годов характерно неожиданное возникновение культа Державина. (См., например, стихотворение Аполлона Майкова «Памяти Державина», публикацию неизданного стихотворения Державина в «Отечественных Записках» 1855 г. и пр.).

Следует отметить, что этого старинного поэта Достоевский особенно чтил и на пятницах у Петрашевского даже читал по памяти его знаменитую обличительную оду «Властителям и судьям». Характерно, что уже в школьные годы Достоевский называет в своих ранних письмах имена знаменитых одописцев старой Франции—Ронсара и Малерба. Все три сибирские поэмы Достоевского строго выдержаны в тонах оды — в двух случаях торжественной или героической и в одном («На 19 июля 1855 года») с приближением к жанру лирической хвалы. Специфически характерными в этих стихотворениях являются черты высокопарности и риторичности, наличье славянизмов и архаизмов (сей, внове, тмится, помазанник десницы твоея, озлащена, отверз и пр.), многочисленных олицетворений и метафор (меч Гедеонов, отступники Креста, орел двуглавый, ангел в слезах, гигант самодержавный, кровавый посев и пр.) и, наконец, обилие вопросительных и восклицательных интонаций, способствующих классическому «парению».

По форме своей эти стихотворения свидетельствуют, что жанр хвалебной оды венценосцам безнадежно выродился и был бесповоротно обречен на творческое крушение. Недаром уже Державин пытался оживить его переходом на шутливый тон и непринужденную болтовню с Фелицей. Не имея возможности вступить на этот путь, Достоевский придерживается канонического стиля торжественных восхвалений. Трудно не согласиться с отзывом его старшего брата Михаила, недурного стихотворца, отлично владевшего белым пятистопным ямбом: «Читал твои стихи и нашел их очень плохими. Стихи не твоя специальность», пишет он в Сибирь в 1856 г. Весьма примечательно, что другие русские поэты быстро ощутили безнадежную омертвелость «громозвучного» жанра и поторопились перевести патриотические темы на колею иронии и сатирического изображения противника.

Но этот новый вид политического фельетона, представленный знаменитой сатирой на «воеводу Пальмерстона» или ироническим меморандумом Вяземского «Не помните?», слишком противоречил основному патетическому стилю Достоевского, чтобы привлечь его внимание. Он предпочитает обратиться к большой статье о России, т. е., очевидно, к тому виду философской публицистики, который впоследствии займет такое видное место в его творческой истории.

Это обращение к теме современной России в особом трактате лишний раз подтверждает, что и сибирские стихотворения Достоевского, помимо своих особых функций, являлись для него подлинным литературным фактом. Именно так выразилась его реакция на мировые события восточной войны. Ни одно из этих трех стихотворений не может считаться противоречащим убеждениям Достоевского. Напротив того, выраженные здесь идеи российской великодержавности, национализма, монархизма, исключительной миссии православия и своеобразного синтеза христианства с международной политикой оставались до конца жизненными нервами его государственной философии. Три семипалатинских оды являются только ее первым выражением, несравненно менее совершенным, чем соответственные выпуски «Дневника писателя» или политические страницы романов Достоевского, но вполне соответствующими им по смыслу и, несомненно, выражающими его подлинное умонастроение в середине 50-х годов.

И публикуемые здесь стихотворения Достоевского, и неизданный документальный материал о нем дают много нового для характеристики его идеологической эволюции. Они отчетливо показывают ранние стадии формирования той идеологической системы, которой Достоевский оставался верен после возвращения из ссылки до конца жизни. Они позволяют шире и глубже поставить вопрос об идейных позициях Достоевского в пору наибольшей его зрелости, и в этом их несомненное значение для нашей историко-литературной науки.

МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА О ПЕТРАШЕВЦАХ И ДОСТОЕВСКОМ

1. ОБРЯД КАЗНИ НАД ПЕТРАШЕВЦАМИ

I

Весьма секретно.
Весьма нужное.

Сейчас государь император изволил прислать ко мне военного генерал-губернатора для получения от меня наставления относительно предстоящего объявления приговора военного суда над преступниками. Генерал Шульгин при сем случае объяснил мне, что он полагал бы весь обряд смертной казни, т. е. переломление шпаги над преступниками, надевания на них белой рубахи и прочее, поручить здешнему коменданту, а генерал-адъютанту Сумарокову, который будет занят войсками, предоставить объявить всемилостивейшее смягчение, когда весь предварительный обряд будет кончен; разделяя вполне эту мысль, я прошу Вас, по сношении с генерал-аудитором, приготовить исполнительные бумаги в этом смысле. При сем нужно будет приготовить в аудиториате два списка:

1-й, приговор суда, который должен быть объявлен подсудимым прежде исполнения обряда и вручен коменданту;

2-й же список должен заключать в себе смягчения, которые дарованы каждому лицу. Этот список должен быть препровожден к генерал-адъютанту Сумарокову, который и объявит высочайшее разрешение каждому из подсудимых. О числе приговоренных к расстрелянию предварительно сообщить военному генерал-губернатору, дабы заблаговременно заготовить белые рубахи для тех лиц, которые приговорены к смертной казни.

Весьма желательно, чтобы все было готово так, чтобы обряд мог быть исполнен в будущий четверг; о сем по сношению с генерал-аудитором меня уведомить нынче же вечером, сколь бы поздно ни было.

Князь *Чернышев*

20 декабря 1849 г.

II

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2
20 декабря 1849 г.
№ 270

Весьма секретно.

Его императорскому высочеству
Командующему Гвардейским и Гренадерским корпусами.

Государю императору угодно, чтобы высочайшая конфирмация над преступниками, сужденными по известному Вашему высочеству злоумышлению, была приведена в исполнение на Семеновском плац-парадном месте, пред батальонами лейб-гвардии: Егерского и Московского и дивизионом конно-гренадерского полков, под начальством командующего Гвардейским пехотным корпусом генерал-адъютанта Сумарокова.

Высочайшую волю сию имею честь довести до сведения Вашего императорского высочества с тем, не будет ли угодно сделать благовременно распоряжение по приготовлении двух батальонов и дивизиона означенных полков.

О времени вывода сих войск в строй, как и о самой высочайшей конфирмации, Ваше высочество изволите получить особое извещение.

Подписал: Военный министр князь *Чернышев*
Скрепил: Дежурный генерал *Игнатьев*
Верно: Старший секретарь *К. Головач*

III

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ
ДЕПАРТАМЕНТ АУДИТОРИАТСКИЙ
ОТДЕЛЕНИЕ 4, СТОЛ 1.
20 декабря 1849 г.
№ 120.

Весьма секретно.

Милостивый государь,
Павел Николаевич.

Вследствие словесного объяснения с Вашим превосходительством, имею честь препроводить к Вам, милостивый государь, список преступников, назначенных, по высочайшей его императорского величества конфирмации, к отсылке в арестантские роты инженерного ведомства и к определению на службу рядовыми в Оренбургский и Кавказский корпуса.

В какие именно крепости и полки могут быть назначены поименованные в списке преступники — не угодно ли сделать распоряжение Вашему превосходительству, ибо особого высочайшего назначения о сем нет.

К ссылке в каторжную работу назначено девять человек.

Примите уверение в истинном моем почтении и преданности.

(подпись)

На полях помета: «Его превосх-ву П. Н. Игнатьеву».

IV

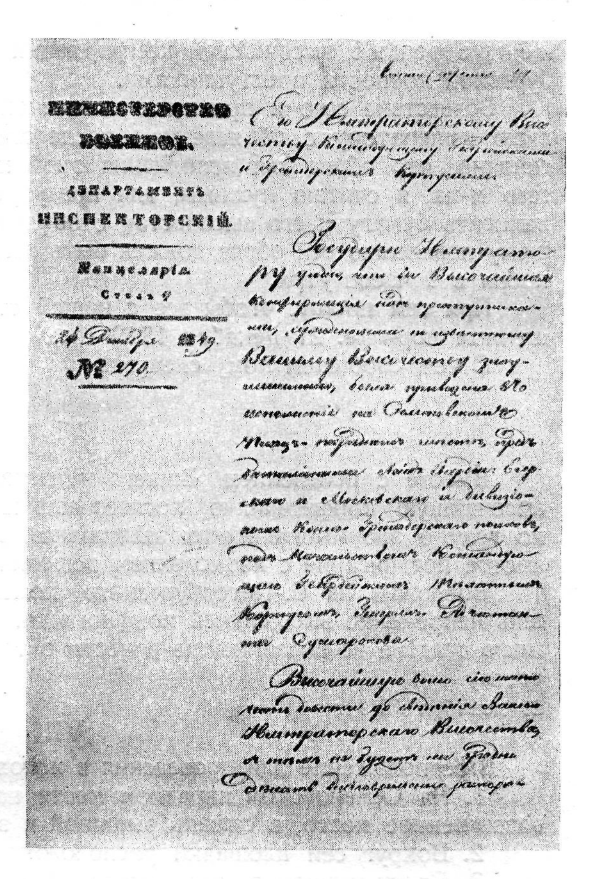
СПИСОК

лицам, назначенным по высочайшей конфирмации государя императора к отсылке в арестантские роты Инженерного ведомства и к отправлению на службу рядовыми в Оренбургский и Кавказский отдельные корпуса.

№	Звание и фамилии	Куда назначены
1.	Студент С.-Петербургского университета Павел *Филиппов*. 26 лет.	На четыре года в военные арестанты, а потом рядовыми на Кавказ.
2.	Кандидат университета Дмитрий *Ахшарумов*. 26 лет.	
3.	Служивший в Азиатском департаменте министерства иностранных дел переводчиком коллежский советник Константин *Дебу* 1-й. 38 лет.	На четыре года в военные арестанты, а потом в рядовые.
4.	Служивший в том же департаменте коллежский секретарь *Дебу* 2-й. 25 лет.	В военные арестанты на два года, а потом рядовым.
5.	Состоявший чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел, титулярный советник Константин *Тимковский*. 34 лет.	В арестантские роты на шесть лет.
6.	Московский мещанин Петр *Шапошников*. 28 лет.	В арестантские роты на шесть лет, а потом рядовым в Оренбургский линейный батальон.

ПРЕДПИСАНИЕ
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА
ОБ ОБРЯДЕ ГРАЖДАНСКОЙ КАЗНИ
НАД ПЕТРАШЕВЦАМИ

Центрархив, Москва


МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ.
ДЕПАРТАМЕНТЪ ИНСПЕКТОРСКІЙ.
Канцелярія.
Столъ 4
24 Декабря 1849.
№ 270.

Его Императорскому Высочеству Командующему Гвардейским и Гренадерским корпусами.

7. Студент С.-Петербургского университета Александр *Ханыков*. 23 лет.	Рядовыми в Оренбургские линейные батальоны.
8. Не служащий дворянин Алексей *Плещеев*. 23 лет.	»
9. Состоявший при департаменте Министерства юстиции, титулярный советник Василий *Головинский*. 20 лет.	
10. Служивший в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, титулярный советник Николай *Кашкин*. 20 лет.	Рядовыми в Кавказские линейные батальоны.
11. Уволенный от службы коллежский секретарь Александр *Европеус*. 22 лет.	

В должности начальника отделения (подпись).

V

Секретно.
Нужное.
21 декабря 1849 года.

Я сейчас получил от государя императора докладную записку здешнего военного генерал-губернатора, при чем прилагаемую, о том, что он возложил на здешнего коменданта приведение в исполнение завтрашний день

непременно высочайшей конфирмации над содержащимися в С.-Петербургской крепости преступниками.

Вследствие сего и принимая во внимание, что в бумаге от меня государю императору с объявлением последовавшей высочайшей конфирмации сказано, что обряд для исполнения оной последует 22-го или 23-го числа сего м-ца, я считаю нужным, для предупреждения всякого недоразумения, написать бумагу к его высочеству с объявлением, что по особому высочайшему повелению сей обряд должен быть непременно исполнен завтра 22 декабря в 9 часов утра.

При сем прошу, чтобы все с нашей стороны было исполнено в совершенном порядке. 21 Декабря 1849 года

О чем сообщаем кому следует.

Князь *Чернышев*

VI

Вместе с повелением Вашего императорского величества исполнить высочайшую конфирмацию, последовавшую на доклад генерал-аудиториата по делу о злоумышленниках завтрашний день. я получил от военного министра предписание с изъяснением решения по сему предмету.

Возложив на С.-Петербургского коменданта исполнение завтрашний день непременно высочайшей конфирмации над упомянутыми преступниками, имею счастие всеподданнейше донести о том Вашему императорскому величеству.

21 декабря 1849 г.

VII

Предположение для проведения в исполнение высочайшей конфирмации.

1. На Семеновском парадном месте на середине перед валом устроить возвышенное место, в сажень вышиной и в квадрат 4 сажен. площадку.

2. Вокруг сей площадки расположить войска лицом к оной.

3. Преступников в день исполнения конфирмации привести к месту казни в присвоенных им мундирах, но, как арестованных, без шпаг, передав оные заблаговременно в распоряжение второго С.-Петербургского коменданта.

4. 23 декабря сего года к 12 часам полудня привезти на место казни на Семеновское парадное место преступников в каретах под прикрытием:

а) Имея впереди один взвод от С.-Петербургского гарнизонного батальона, при каждой карете с обеих сторон по конному жандарму от здешнего жандармского дивизиона.

б) Позади последней кареты один взвод от гарнизонного же батальона.

в) Впереди первого взвода плац-адъютант верхом.

5. Отряд с преступниками подъезжает к самой площадке, где, высадив, встречает их священник во всем погребальном облачении с крестом и св. евангелием в руках, окруженный конвоем, провожает преступников мимо всей линии войск и вводит их на площадку.

6. На площадке преступники устанавливаются кругом оной, где им читается высочайшая конфирмация обер-аудитором, и в то же время в войсках вызываются обер- и унтер-офицеры на средину, командуется на караул, после чего барабанщики всех войск бьют три дроби, затем адъютанты перед каждой частию войск читают ту же конфирмацию.

7. По прочтении конфирмации командуется на плечо, обер- и унтер-офицеры на свои места, и при барабанном бое, который продолжается до окончания казни, скидаются мундиры и надеваются на преступников белые длинные рубахи. Священник дает им благословение и удаляется, потом преступники становятся на колена, и палач над головами их переламывает шпаги.

8. После чего главный начальник войск приводит в исполнение высочайшую конфирмацию.

9. Потом надевается на них арестантское одеяние и, заковав тут же в ножные кандалы, отправляются с места казни при конном жандармском конвое, имея при каждой повозке по два жандарма с плац-адъютантом, до заставы.

(подпись).

20 декабря 1849 г.

VIII

СВОДА ВОЕННО-УГОЛОВНОГО УСТАВА ЧАСТИ V КНИГИ II.

В статье 501, между прочим, сказано:

Пункт 3. На месте казни заблаговременно приготовляется утвержденный в земле столб, за коим вырывается яма.

Пункт 10. Пятнадцать рядовых при одном унтер-офицере, приближаются к столбу, имея заряженные ружья, и, не подходя пятнадцати шагов, останавливаются, прикладываются и стреляют, целя в грудь, дабы смерть была нанесена преступнику мгновенно.

Пункт 11. Сия команда подходит так, чтобы преступник не слыхал ее приближения, останавливается, изготовляется, прикладывается и стреляет не по команде, но по знаку унтер-офицера рукой.

Статья 502.

Когда преступник будет осужден к смертной казни повешением, то пред совершением этой казни подвергается он шельмованию. Обряд шельмования состоит в том, что у офицеров снимается мундир и переламывается над головой шпага.

IX

Предположение по каким улицам везти преступников: 1-е. Из крепости через Неву на Гагаринскую пристань, по набережной до Арсенала, по Литейной и Владимирской на Семеновское парадное место.

2-е. Или же чрез Васильевский остров, Исаакиевский мост, по Гороховой, на Семеновское парадное место.

X

На утверждение Вашей светлости имею честь представить: проект приведения в исполнение приговора над злоумышленниками, исправленный, согласно приказанию Вашему, и два отношения: к его высочеству командующему гвардейским и гренадерским корпусами и к С.-Петербургскому военному генерал-губернатору.

Для пояснения, имею честь почтительнейше испрашивать разрешения Вашей светлости: надлежит ли ломать шпаги над всеми осужденными к казни, или над теми только девятью преступниками, которые ссылаются в каторгу.

В случае повеления сломать шпаги и над назначенными в арестантские роты и в солдаты, надлежит ли исполнить этот обряд над Европеусом (отставным коллежским секретарем), который лишается чинов и определяется рядовым в Кавказские линейные батальоны без лишения дворянства.

Генерал-адъютант *Игнатьев*

21 декабря 1849 г.

XI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2
21 декабря 1849 г.
№ 986.

Весьма секретно.

Его превосходительству
А. М.
Ноинскому.

Милостивый государь Адам Иванович.

Господину военному министру угодно, чтобы по предмету объявления приговора над осужденными злоумышленниками были заготовлены исполнительные бумаги двояко:

В одних — был бы изложен приговор, подлежащий объявлению преступникам прежде исполнения обряда казни. Объявление этого приговора, как и исполнение обряда, было бы возложено на С.-Петербургского коменданта.

В других — было бы изображено смягчение участи, каждому из осужденных дарованное. Всемилостивейшее снисхождение это было бы объявлено генерал-адъютантом Сумароковым.

Бумаги по сему предмету князь Александр Иванович [Чернышев] изволит требовать сегодня, сколь поздно ни были бы доставлены.

Поспешая уведомить об этом Ваше превосходительство и сим исполняя поручение его светлости, покорнейше прошу принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Подписал: *Павел Игнатьев*

Верно: Старший секретарь *Н. Головач*

XII

Проект приведения в исполнение приговора над осужденными злоумышленниками.

На Семеновском парадном месте, против середины вала, устроить возвышенную площадку в четыре квадратных сажени и в сажень вышины.

Вокруг площадки расположить войска, лицом к оной.

22 сего декабря, в полдень, привезти преступников в каретах к месту исполнения приговора, в той одежде, какая на них имеется.

Впереди и сзади поезда находиться по одному взводу от Жандармского дивизиона.

Следовать из крепости чрез Неву на Гагаринскую пристань, по набережной до арсенала, по Литейной и Владимирской на Семеновское парадное место.

При каждом экипаже с обеих сторон быть по одному конному жандарму от здешнего жандармского дивизиона. Впереди первого взвода езжать плац-адъютанту верхом.

Преступников подвезти к самой площадке. Там, по выходе из экипажей, встретить их священнику в погребальном облачении с крестом и св. евангелием и, окруженному конвоем, провести их по фронту, потом на площадку.

По установлении преступников на площадке в войсках вызываются обер- и унтер-офицеры на средину, командуется на караул, барабанщики бьют три дроби, и читается приговор.

По прочтении командуется на плечо, обер- и унтер-офицеры на свои места, и, при барабанном бое, надеваются на преступников белые длинные рубахи. Священник дает благословление и удаляется. Палачи переламывают над преступниками шпаги.

После сего приводится в исполнение высочайшая конфирмация.

По исполнении надевается на преступников теплая одежда; подлежащие закованию в кандалы заковываются и все отправляются по назначению за караулом, в сопровождении конных жандармов, до заставы.

20 декабря 1849 г.

XIII

Для совершения обряда казни над преступниками, осужденными на смерть, к исполнению высочайшей воли о смягчении участи их, подлежат разрешению следующие вопросы:

Обряд казни.	Испрашивается разрешение.
Свод военных постановлений тома 5-го ст. 501. Пред совершением обряда расстреливания заблаговременно приготовляется утвержденный в земле столб, за коим вырывается яма.	Для одновременного совершения обряда казни над несколькими преступниками приготовить ли столбы. Для каждого преступника,— или устроить один столб на возвышении и подвести их всех к одному столбу, и вырыть ли ямы. (На плац-парадном месте, где назначено исполнение приговора, осужденные на казнь ни в каком случае не подлежали бы погребению.).
Когда войско выстроится, один из священников, во всем погребальном облачении, с крестом и евангелием в руках, окруженный конвоем, провожает преступников мимо всей линии на средину ее. В батальонах вызываются обер- и унтер-офицеры на средину и командуют на караул. К преступнику подходит обер-аудитор и читает приговор. Пред каждым батальоном читают громко приговор адъютанты. При начатии чтения барабаны бьют три дроби для обращения общего внимания. По прочтении командуется на плечо, обер- и унтер-офицеры на свои места. Потом, при барабанном бое, надевается на преступника белая длинная рубаха, священник дает ему благословление и удаляется.	«Обряд сей предполагается выполнить буквально».
Конвойные завязывают преступнику глаза, отводят его к столбу и привязывают к оному.	Завязывать ли осужденным преступникам глаза. Привязывать ли к столбу, — и

15 рядовых, при унтер-офицере, приближаются к столбу, имея заряженные ружья, и, не доходя 15 шагов, останавливаются.

Примечание: Пред совершением казни повешанием у преступников (офицеров) снимается мундир и переламывается над головой шпага. При расстрелянии обряд сей законом не предписан.
21 декабря 1849 г.

Подводить ли к ним нижних чинов с заряженными ружьями или
Совершение обряда казни над ними кончить подведением их к столбу.

XIV

Список с высочайше утвержденного проекта приведения в исполнение приговора над осужденными злоумышленниками.

На Семеновском плац-парадном месте, против середины вала, поставить три столба, на возвышении в аршин. Ям не рыть.

Возле них расположить по батальону лейб-гвардейского Егерского и Московского полков и дивизион лейб-гвардейского конно-гренадерского полка.

22 сего декабря, в 9 часов утра, привезти к тому месту преступников в каретах. Впереди и сзади поезда находиться по одному взводу от С.-Петербургского жандармского дивизиона. Ехать рысью из крепости, чрез Неву, на Гагаринскую пристань, по набережной до Арсенала, по Литейной и Владимирской на Семеновское плац-парадное место.

При каждом экипаже с обеих сторон быть по одному конному жандарму, а впереди поезда — плац-адъютанту верхом.

Преступников подвезти к самым войскам. По выходе из экипажей встретить их священнику в погребальном облачении, с крестом и св. евангелием и, окруженному конвоем, провести по фронту и потом пред середину войск.

По остановлении пред войсками вызываются обер- и унтер-офицеры на средину, командуется на караул, барабанщики бьют три дроби, и читается приговор по уставу.

По прочтении командуется на плечо, обер- и унтер-офицеры на свои места, и, при барабанном бое, совершается обряд. У дворян снимается мундирная одежда и переламываются над головой шпаги, собственно у тех, которые назначены в каторжную работу.

Потом на всех преступников надеваются белые длинные рубахи (с поручика Пальма мундира не снимать, шпаги над ним не ломать и длинной рубахи на него не надевать). Священник дает благословение и удаляется.

К столбам подводятся преступники: Петрашевский, Момбелли и Григорьев, с завязанными глазами. По привязании преступников сих к столбам подходят к каждому из них на 15 шагов 15 рядовых, при унтер-офицерах, с заряженными ружьями. Прочие преступники остаются при конвойных.

После сего приводится в исполнение высочайшая конфирмация.

По исполнении надевается на преступников теплая одежда. Петрашевский заковывается в кандалы и, с места объявления приговора, отправляется с жандармом и фельдъегерем по назначению. Прочие преступники возвращаются в крепость и рассылаются по особому распоряжению.

Все вообще распоряжения по доставлению преступников из крепости, совершению над ними обряда казни и отправлению с места объявления *приговора* возлагаются на личную обязанность с.-петербургского коменданта.

Исполнение затем высочайшей конфирмации его величество изволит предоставлять лично генерал-адъютанту Сумарокову.

Дежурный генерал главного штаба его императорского величества, генерал-адъютант *Игнатьев*

21 декабря 1849 г.

XV

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.
21 декабря 1849 г.
№ 989

Весьма секретно.

Его императорскому высочеству

Командующему гвардейским и гренадерским корпусами.

Государь император высочайше повелеть соизволил, чтобы приговор над осужденными злоумышленниками был исполнен на Семеновском плац-парадном месте завтра 22 декабря в 9 часов утра.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ
Фотография конца 1850-х гг.
Музей им. Достоевского, Москва

Об этой высочайшей воле поспешаю предварительно довести до сведения Вашего императорского высочества, в дополнение отношения № 270, собственно для распоряжения по приготовлению войск, в строю быть долженствующих.

Подписал: Военный министр князь *Чернышев*
Скрепил: Дежурный генерал *Игнатьев*
Верно: Старший секретарь *Н. Головач*

XVI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2
21 декабря 1849 г.
№ 993

Весьма секретно.

Его императорскому высочеству
Командующему гвардейским и гренадерским корпусами.

Поспешаю препроводить при сем к Вашему императорскому высочеству, для надлежащего распоряжения, список с высочайше утвержденного проекта приведения в исполнение приговора над осужденными злоумышленниками.

Государю императору угодно, чтобы этот приговор был исполнен в назначенный час завтра 22 декабря, безоговорочно.

Список с препровождаемого проекта посылается вместе с сим к с.-петербургскому военному генерал-губернатору для распоряжения с его стороны по приготовлению столбов, доставлению преступников, наряду конвойных жандармов и священника и вообще по совершению предписанного обряда. Исполнение по выводу войск и объявлению генерал-адъютантом Сумароковым высочайшей конфирмации, известной уже Вашему императорскому высочеству из отношения моего по аудиториатскому департаменту, зависит от распоряжения Вашего императорского высочества.

Подписал: Военный министр князь *Чернышев*
Скрепил: Дежурный генерал *Игнатьев*
Верно: Старший секретарь *Н. Головач*

XVII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

21 декабря 1849 г.
№ 996

Весьма секретно.

Господину коменданту
С.-Петербургской крепости.

Дежурного генерала Главного штаба его императорского величества.

РАПОРТ

По высочайшему государя императора повелению завтра должен быть приведен в исполнение приговор над осужденными злоумышленниками, содержащимися в С.-Петербургской крепости.

По поручению господина военного министра, препровождая при сем список преступникам, над коими приговор сей должен совершиться, и спи-

сок с высочайше утвержденного на этот случай проекта, имею честь присовокупить, что надлежащие по сему предмету распоряжения сообщены С.-Петербургскому военному генерал-губернатору.

Об отправлении осужденных преступников по исполнении приговора Ваше высокопревосходительство изволите получить особое извещение.

По встреченной надобности, имею честь просить покорнейше сообщить мне, сегодня, подробное описание примет преступника Петрашевского, а завтра доставить таковое мне сведение о прочих, поименованных в прилагаемом списке и о содержащихся в крепости Черносвитове и Катеневе.

Подписал: генерал-адъютант *Игнатьев*

Скрепил: Управляющий канцелярией старший адъютант полковник *Соболевский*

Верно: Старший секретарь *Головач*

XVIII

Господину военному министру.

С.-Петербургского военного генерал-губернатора

РАПОРТ

Имею честь донести Вашей светлости, что высочайше утвержденная на докладе генерал-аудиториата конфирмация, изъясненная в отношениях ко мне 21 декабря за № 125 и 127, над злоумышленниками исполнена сего числа в 9 часов утра на Семеновском плаце и из числа преступников титулярный советник Буташевич-Петрашевский, по лишении всех прав состояния, отослан закованным в каторжную работу, а прочие возвращены в С.-Петербургскую крепость.

Генерал от инфантерии (подпись)

№ 22586

22 декабря 1849 г.

XIX

Господину военному министру

Коменданта Санктпетербургской крепости, генерал-адъютанта Набокова

РАПОРТ

Содержавшиеся в Санктпетербургской крепости преступники, во исполнение высочайшей его императорского величества конфирмации, по исключении из списков об арестантах сего числа вечером отправлены: Дуров, Достоевский и Ястржембский—в Тобольск закованные с поручиком фельдъегерского корпуса Прокофьевым при трех жандармах; Плещеев в Оренбург с прапорщиком фельдъегерского корпуса Лейтиром и Ахшарумов в Херсон с прапорщиком фельдъегерского корпуса Вирандером при жандарме.

О чем Вашей светлости донести честь имею.

Генерал-адъютант *Набоков*

№ 521

24 декабря 1849 г.

2. ССЫЛКА И КАТОРГА

I

ТОБОЛЬСКИЙ ПРИКАЗ О ССЫЛЬНЫХ

ОТДЕЛЕНИЕ 1.

Донесение. О доставленных в Тобольск преступниках Дурове, Достоевском и Ястржембском. Января 10 дня 1850 г. № 35.

Дежурному генералу главного штаба его императорского величества господину генерал-адъютанту и кавалеру Игнатьеву.

Вашему превосходительству приказ о ссыльных честь имеет донести, что при отношении вашего превосходительства от 24 минувшего декабря № 1031, сего января 9 числа фельдъегерем поручиком Прокофьевым, преступники, следующие в каторжную работу: в крепостях Сергей Дуров и Федор Достоевский, и на заводах Иван Ястржембский, доставлены в приказ о ссыльных, в чем и выдана фельдъегерю поручику Прокофьеву квитанция за № 29, о назначении же приказом о ссыльных помянутых преступников куда именно и о времени отправки их, приказ о ссыльных вашему превосходительству донесет особо.

Управляющий Павел *Кравчуновский*

Заседатель (подпись)

В должности заседателя (подпись)

II

КВИТАНЦИЯ

Дана сия из Тобольского приказа о ссыльных фельдъегерю поручику Прокофьеву в том, что следующие при отношении господина дежурного генерала главного штаба его императорского величества генерал-адъютанта Игнатьева, от 24 декабря 1849 года за № 1031, преступники: Сергей Дуров, Федор Достоевский и Иван Ястржембский приняты приказом о ссыльных сего девятого января тысяча восемьсот пятидесятого года.

Управляющий Тобольским приказом о ссыльных надворный советник Павел *Кравчуновский*

Заседатель приказа о ссыльных титулярный советник (подпись)

В должности заседателя приказа о ссыльных колежский регистратор (подпись)

У сего Тобольского приказа о ссыльных печать.

III

Секретно.

Военному министру господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Чернышеву.

Инспектора по инженерной части

РАПОРТ

Отставной коллежский ассесор Сергей Дуров и отставной поручик Федор Достоевский, по высочайшей конфирмации о злоумышленниках лишены всех

прав состояния и сосланы в каторжную работу в крепостях каждый на четыре года в Омск, где и зачислены в тамошнюю арестантскую № 55 роту 23-го генваря 1850 г.

Ныне Омский комендант, свидетельствуя о хорошем поведении означенных преступников, покорности и усердии к работам, ходатайствует о переводе их из каторжных в разряд военно-срочных арестантов и об освобождении от ножных желез.

О чем долгом считаю представить вашей светлости на благоусмотрение, прилагая при сем статейный о Дурове и Достоевском список.

25 марта 1852 г.
№ 25.

Генерал-майор (подпись)

IV

С.-Петербург
Доклад по инспект. д-ту военного министерства. Часть обер-аудитора.
27 марта 1852 г.
№ 54.

По представлению о переводе ссыльнокаторжных Дурова и Достоевского в разряд военно-срочных арестантов с освобождением от ножных желез.

Высочайшего соизволения на это не последовало.
28 марта 1852 г.
Военный министр (подпись).

Отставные коллежский ассесор Сергей Дуров и поручик Федор Достоевский, за участие в преступных замыслах служившего в департаменте внутренних сношений министерства Иностранных дел титулярного советника Буташевича-Петрашевского, по высочайшей вашего императорского величества конфирмации, в 19-й день декабря 1850 года, последовавшей на всеподданнейшем докладе генерал-аудиториата по военно-судному делу, произведенному по полевому уголовному уложению, лишены всех прав состояния и отосланы в каторжную работу в крепостях на четыре года, с тем, чтобы потом определить их на службу рядовыми.

Вследствие сего, Дуров и Достоевский зачислены в арестантскую № 55 роту, в Омской крепости находящуюся.

Преступления их заключались в следующем.

Дуров, участвуя в преступных замыслах Петрашевского, учредил у себя в квартире собрание для этой цели и покушался распространить сочинения против правительства посредством домашней литографии.

Достоевский, также принимая участие в преступных замыслах, распространял письмо литератора Белинского, наполненное дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и покушался, вместе с прочими, к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии.

Примеч. При отсылке их и других соучастников в каторжную работу, сообщено, по высочайшему повелению, бывшему генерал-губернатору Западной Сибири, чтобы преступники сии были в полном смысле арестантами, соответственно приговору и что облегчение их участи в будущем времени должно зависеть от их поведения и монаршего милосердия, но отнюдь не от снисхождения к ним ближайшего начальства.

Ныне инспектор по инженерной части представил на благоусмотрение ходатайство Омского коменданта, который, свидетельствуя о хорошем поведении Дурова и Достоевского, покорности и усердии к работам, ходатайствует о переводе их из каторжных в разряд военно-срочных арестантов и об освобождении от ножных желез.

Справка. Дурову и Достоевскому, до определения их на службу рядовыми, согласно высочайшей конфирмации, остается пробыть в каторжной работе в крепости 1 год 10 месяцев.

Испрашивается разрешение. Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству повелеть: преступников Дурова и Достоевского,

во внимание к похвальному о них засвидетельствованию и согласно ходатайству ближайшего их начальства, перевесть из каторжных в разряд военно-срочных арестантов, с освобождением от ножных желез.

V

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

ЧАСТЬ ОБЕР-АУДИТОРА.

3 апреля 1852 г.
№ 443.

О преступниках Дурове и Достоевском.

Секретно.

Господину инспектору по инженерной части.
Дежурного генерала

РАПОРТ

Изъясненное в отношении вашего высокопревосходительства № 25 ходатайство о переводе преступников, ссыльнокаторжных арестантской № 55 роты, в Омской крепости находящейся, Сергея Дурова и Федора Достоевского в разряд военно-срочных арестантов, и о допущении облегчительных в отношении к ним мер, повергаемо было на высочайшее государя императора воззрение, но монаршего соизволения на сие представление не последовало.

Об этой высочайшей воле имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства.

Скрепил: в должности обер-аудитора *Меркулов*
Подписал: генерал-адъютант *Игнатьев*
Верно: коллеж. регистр. (подпись)

VI

КОМАНДИРА ОТДЕЛЬНОГО СИБИРСКОГО КОРПУСА

14 октября 1853 г.
г. Омск.

№ 6443.

Дежурному генералу главного штаба его императорского величества, господину генерал-адъютанту и кавалеру Катенину.

Состоящие в каторжной работе в Омской крепости секретные преступники Сергей Дуров и Федор Достоевский, во исполнение высочайше утвержденной о них конфирмации, последовавшей в 19 день декабря 1850 года, по пробытии в работе определенного им 4-х летнего срока, должны быть определены на службу рядовыми.

Не имея в виду положительного назначения, куда именно преступники эти должны быть определены на службу по окончании, в 23 день будущего января, определенного им в каторжной работе срока, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не оставить меня уведомлением по сему предмету.

Генерал от инфантерии (подпись)
Начальник штаба генерал-лейтенант (подпись)

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПОСЛУЖНОГО СПИСКА ДОСТОЕВСКОГО
Центрархив, Москва

VII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

23 ноября 1853 г.
№ 1467.

О зачислении преступников Дурова и Достоевского рядовыми в войска Сибирского корпуса.

Господину командиру отдельного Сибирского корпуса

Дежурного генерала главного штаба его императорского величества

РАПОРТ

Государь император по всеподданнейшему докладу отношения вашего высокопревосходительства № 6443, высочайше повелеть соизволил: находящихся в каторжной работе в Омской крепости, за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского, Сергея Дурова и Федора Достоевского, по окончании назначенного им четырехлетнего срока пребывания в работе, 23 января будущего 1854 года, зачислить на службу рядовыми в войска отдельного Сибирского корпуса, с оставлением их под строжайшим надзором.

Высочайшую волю сию, по поручению господина военного министра, имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, покорнейше прося почтить меня в свое время уведомлением: куда именно означенные преступники будут зачислены на службу.

Подписал: генерал-адъютант *Катенин*
Скрепил: правитель канцелярии *Меркулов*
Верно: старший секретарь (подпись)

VIII

ШТАБ ОТДЕЛЬНОГО СИБИРСКОГО КОРПУСА

ДЕЖУРСТВО.
ОТДЕЛЕНИЕ 2.

22 декабря 1853 г.
№ 8198

КОРПУСНАЯ ШТАБ КВАРТИРА.
г. Омск.
№ 25

В инспекторский департамент военного министерства.

Вследствие отзыва господина дежурного генерала главного штаба его императорского величества от 23 минувшего ноября № 1467, за отсутствием и по воле господина корпусного командира, имею честь уведомить инспекторский департамент, что находящиеся в каторжной работе в Омской крепости, за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского, Сергей Дуров и Федор Достоевский, по окончании назначенного им четырехлетнего срока пребывания в работе (23 января 1854 года) на основании высочайшей воли, будут зачислены рядовыми в Сибирские линейные батальоны: первый № 3, а последний № 7.

Начальник штаба генерал-лейтенант (подпись)
Дежурный штаба офицер, майор (подпись)

3. О ПРОИЗВОДСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО В УНТЕР-ОФИЦЕРЫ. СТИХОТВОРЕНИЕ «НА 1 ИЮЛЯ 1855 года»

I

3 сентября 1855 г.

Господину военному министру

Командира отдельного Сибирского корпуса

РАПОРТ

При нынешней поездке моей на левый фланг линии и Киргизской степи, в бытность мою в г. Семипалатинске, рядовой Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский представил мне стихотворение: «На 1 июля 1855 года», которое он просил повергнуть к стопам ее императорского величества вдовствующей государыни императрицы; письмо это по теплоте патриотических чувств обратило на себя особенное мое внимание.

Достоевский, по высочайшей конфирмации, в 19-й день декабря 1849 года из отставных поручиков лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу на 4 года за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского, по окончании срока каторжной работы он назначен в военную службу рядовым в ноябре 1853 года, с оставлением под строжайшим надзором ближайшего начальства, и, находясь с того времени в 7 батальоне, постоянно ведет себя и служит хорошо, глубоко раскаиваясь в соделанном преступлении.

Препровождая при сем к вашему сиятельству упомянутое его стихотворение, имею честь покорнейше просить повергнуть оное на высочайшее государя императора воззрение и, если изволите признать возможным, исходатайствовать всемилостивейшее соизволение на производство его в унтер-офицеры, дабы сим поощрить его доброе поведение, усердную службу и непритворное раскаянье в грубом заблуждении молодости.

Генерал от инфантерии *Гасфорт*
Начальник штаба генерал-лейтенант (подпись)

№ 4590
г. Омск. 13 августа 1855 г.

II

НА 1-е ИЮЛЯ 1855 ГОДА.

Когда настала вновь для русского народа
Эпоха славных жертв двенадцатого года,
И матери, отдав царю своих сынов,
Благословили их на брань против врагов,
И облилась земля их жертвенною кровью,
И засияла Русь геройством и любовью,
Тогда раздался вдруг твой тихий, скорбный стон,
Как острие меча проник нам в душу он,
Бедою прозвучал для русского тот час.
Смутился исполин и дрогнул в первый раз.

Как гаснет ввечеру денница в синем море, —
От мира отошел супруг великий твой.
Но веровала Русь, и в час тоски и горя
Блеснул ей новый луч надежды золотой...
Свершилось, нет его! Пред ним благоговея,
Устами грешными его назвать не смею.
Свидетели о нем — бессмертные дела.
Как сирая семья, Россия зарыдала;
В испуге, в ужасе хладея замерла;
Но ты, лишь ты одна, всех больше потеряла!

И помню, что тогда, в тяжелый, смутный час,
Когда достигла весть ужасная до нас,
Твой кроткий, грустный лик в моем воображеньи,
Предстал моим очам, как скорбное виденье,
Как образ кротости, покорности святой,
И ангела в слезах я видел пред собой...
Душа рвалась к тебе с горячими мольбами,
И сердце высказать хотелося словами
И в прах повергнувшись, вдовица пред тобой,
Прощенье вымолить кровавою слезой.

Прости, прости меня, прости мои желанья;
Прости, что смею я с тобою говорить.
Прости, что смел питать безумное мечтанье
Утешить грусть твою, страданье облегчить.
Прости, что смею я, отверженец унылый,
Возвысить голос свой над сей святой могилой.
Но боже! Нам судья от века и вовек!
Ты суд мне ниспослал в тревожный час сомненья,
И сердцем я познал, что слезы — искупленье,
Что снова русский я и — снова человек!

Но, думал, подожду, теперь напомнить рано,
Еще в груди ее болит и ноет рана...
Безумец! Иль утрат я в жизни не терпел?
Ужели сей тоске есть срок и дан предел?!
О! Тяжело терять, чем жил, что было мило,
На прошлое смотреть, как будто на могилу,
От сердца сердце с кровью оторвать,
Безвыходной мечтой тоску свою питать,

И дни свои считать бесчувственно и хило,
Как узник бой часов, протяжный и унылый.

О нет, мы веруем, твой жребий не таков!
Судьбы великие готовит провиденье...
Но мне ль приподнимать грядущего покров
И возвещать тебе твое предназначенье?
Ты вспомни, чем была для нас, когда он жил!
Быть может, без тебя он не был бы, чем был!
Он с юных лет твое испытывал влиянье;
Как ангел божий, ты была всегда при нем;
Вся жизнь его твоим озарена сияньем,
Озлащена любви божественным лучом.

Ты сердцем с ним сжилась, то было сердце друга...
И кто же знал его, как ты, его супруга?
И мог ли кто, как ты, в груди его читать,
Как ты его любить, как ты его понять?
Как можешь ты теперь забыть свое страданье!
Все, все вокруг тебя о нем напоминанье;
Куда не взглянем мы — везде, повсюду он!
Ужели ж нет его, ужели то не сон!
О нет! Забыть нельзя, отрада не в забвеньи,
И в муках памяти так много утешенья!!

О, для чего нельзя, чтоб сердце я излил
И высказал его горячими словами!
Того ли нет, кто нас, как солнце, озарил
И очи нам отверз бессмертными делами?
В кого уверовал раскольник и слепец,
Пред кем злой дух и тьма упали наконец!
И с огненным мечом, восстав, архангел грозный,
Он путь нам вековой в грядущем указал...
Но смутно понимал наш враг многоугрозный
И хитрым языком бесчестно клеветал...

Довольно!... Бог решит меж ними и меж нами!
Но ты, страдалица, восстань и укрепись!
Живи на счастье нам с великими сынами
И за святую Русь, как ангел, помолись.
Взгляни, он весь в сынах, могущих и прекрасных;
Он духом в их сердцах, возвышенных и ясных;
Живи, живи еще! Великий нам пример,
Ты приняла свой крест безропотно и кротко...
Живи ж участницей грядущих славных дел,
Великая душой и сердцем патриотка!

Прости, прости еще, что смел я говорить,
Что смел тебе желать, что смел тебя молить!
История возьмет резец свой беспристрастный,
Она начертит нам твой образ светлый, ясный;
Она расскажет нам священные дела;
Она исчислит все, чем ты для нас была.
О, будь и впредь для нас, как ангел провиденья!
Храни того, кто нам ниспослан на спасенье!
Для счастия его и нашего живи
И землю русскую, как мать, благослови.

III

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА

По секретной части.
В С.-Петербурге
9 сентября 1855 г.

№ 750.

Секретно.
12 сентября 1855 г.

С препровождением рапорта командира отдельного Сибирского корпуса № 4590, стихотворения рядового Достоевского и справки из секретных дел канцелярии военного министерства.

В инспекторский департамент
военного министерства.

Командир отдельного Сибирского корпуса, представляя стихотворение на «1 июля 1855 года» рядового Сибирского линейного № 7 батальона Федора Достоевского, разжалованного из отставных инженер-поручиков по высочайшей конфирмации 1849 г. за прикосновенность его к делу преступника Буташевича-Петрашевского, просит о производстве рядового Достоевского в унтер-офицеры.

Вследствие того канцелярия Военного министерства имеет честь препроводить при сем для рассмотрения представление генерала от инфантерии Гасфорта по этому предмету от 13 числа истекшего августа за № 4590 и стихотворение Федора Достоевского, а также справку из секретных дел канцелярии о степени прикосновенности этого рядового к делу преступника Буташевича-Петрашевского, покорнейше прося инспекторский департамент о последующем разрешении такового представления командира отдельного Сибирского корпуса уведомить канцелярию министерства в свое время для надлежащего сведения.

Управляющий канцелярией (подпись)
Полковник *Дубенский*

IV

Весьма секретно.

Справка из секретных дел канцелярии военного министерства.

Достоевский (Федор, имевший в 1849 г. 27 лет), из дворян [1]. Отставной инженер-поручик. Поступил в кондукторскую роту главного инженерного училища кондуктором в январе 1838 г.; произведен в офицеры в августе 1841 года с оставлением в училище для продолжения наук в офицерских классах; произведен по экзамену в подпоручики в августе 1842 года, выпущен из училища с назначением в чертежную инженерного департамента в августе 1843 года, а в октябре 1844 года уволен от службы в отставку с чином поручика.

По показанию Достоевского, он занимался литературою, участвуя в некоторых журналах.

По донесению агента, Федор Достоевский был на собраниях у Буташевича-Петрашевского 1 и 15 апреля 1849 года. На первом собрании рассуждалось о свободе книгопечатания, перемене судопроизводства и освобождении крестьян, а на собрании 15 апреля сам Достоевский читал переписку литераторов Гоголя и Белинского, где Белинский, разбирая положение России и народа, говорит в неприличных и дерзких выражениях о православной религии, о судопроизводстве, законах и властях. Письмо это заслужило

восторженное одобрение общества, и положено было распустить оное в нескольких экземплярах.

Это донесение подтвердили Ахшарумов, Тимковский, Ястржембский и Филиппов, который притом показал, что означенную переписку он списал с рукописи Достоевского, получив ее от него при просьбе хранить в секрете, а впоследствии взял обе рукописи себе.

Сверх того, в отношении действий Достоевского показали:

Студент Филиппов, что Достоевский посещал вечера Дурова, на которых, между прочим, Момбелли читал рассуждение о том, что все они, более или менее с одинаковым направлением и образом мыслей, должны теснее сближаться между собою, дабы под влиянием друг друга тверже укрепиться в этом направлении и успешнее поддерживать свои идеи в общественном мнении, а сам он, Филиппов, предлагал заняться общими силами разрабатыванием статей в либеральном духе, вменяя себе в обязанность распространять свои мнения и представлять в разоблаченном виде все несправедливости законов, все злоупотребления и недостатки в организации нашей администрации. В другой же раз он, Филиппов, прочел рукопись из «Слова верующего» сочин. Ламене, а Достоевский — переписку Гоголя с Белинским, и когда присутствовавшие пожелали иметь с этой рукописи списки, то предложено было завесть домашнюю литографию; но Достоевский убедил всех, что мысль эта безрассудна.

Спешнев, что на обеде у него, в то время, когда Григорьев читал статью преступного содержания под названием «Солдатская беседа», в числе прочих был и Достоевский и что кроме того Достоевский посещал и вечера Плещеева, на которых была читана юмористическая статья под заглавием «Петербург и Москва» и рассуждалось о возможности печатать за границей запрещенные книги.

Дуров и Пальм, что Достоевский в бытность на вечерах Дурова, читал переписку Белинского и Гоголя; о других же действиях его они не объясняют.

При следствии Достоевский показал, что он никогда не был в коротких отношениях с Буташевичем-Петрашевским, хотя и бывал у него по пятницам; равно и Петрашевский, в свою очередь, делал ему посещения. Впрочем он, Достоевский, бывал на вечерах Петрашевского не столько для него, сколько для встречи с некоторыми людьми, которых видел очень редко и которые нравились ему. Его всегда поражали странности в характере Петрашевского, и он, Достоевский, слышал несколько раз мнение, что у Петрашевского больше ума, нежели благоразумия. Достоевский же, рассматривая Петрашевского с политической стороны, заметил в нем последовательность только одной системе Фурье, и это именно, по его мнению, мешает Петрашевскому смотреть на вещи самобытным взглядом и иметь какую-нибудь свою определенную систему в суждении или определенный взгляд на политические события. Что касается до общества, собиравшегося у Петрашевского по пятницам, то в нем он, Достоевский, не встретил никакого единства, никакого направления или общей цели и положительно может сказать, что нельзя было найти там трех человек, согласных в каком-нибудь пункте на любую заданную тему. От этого происходили споры друг с другом, вечные противоречия и несогласия в мнениях; при чем в некоторых из этих споров принимал участие и он, Достоевский. Он говорил у Петрашевского три раза: два — о литературе и один раз о предмете вовсе не политическом: «о личности и человеческом егоизме» и не припомнит, чтоб было в словах его что-нибудь политическое и вольнодумное. Далее Достоевский объяснил, что если его обвиняют в том, что он говорил о политике, о западе, о цензуре и пр., то кто же не говорил и не думал в наше время об этих вопросах?

Относительно статьи «Переписка Белинского с Гоголем», Достоевский объяснил, что точно читал ее на одном из вечеров Петрашевского, но при этом в суждениях его и даже в интонации голоса или жесте во время чтения

не было ничего, способного высказать пристрастие к которому либо из переписывавшихся. Письмо Белинского написано слишком странно, чтобы возбудить к себе сочувствие; оно наполнено ругательствами; написано желчно и потому отвращает сердце. Читал же оное, как замечательнейший литературный памятник, будучи уверен, что это письмо не может привести никого в соблазн.

При арестовании Достоевского в бумагах его были найдены:

1. Письмо к нему от Плещеева, присланное из Москвы, в котором Плещеев поручал Достоевскому передать поклон всем, кто бывал по субботам у Дурова, и упоминал о впечатлении, произведенном пребыванием императорской фамилии в Москве.

2. Записка от Белинского, заключающая в себе приглашение Достоевского в собрание у одного лица, с которым он не был еще знаком—и

3. Две запрещенные книги под заглавием: одна—Le Berger de Kravan [2], а другая—La célêbration du dimanche [3].

Достоевский показал, что о записке Белинского, заключающей в себе приглашение его в собрание у одного лица, с которым он не был еще знаком, он решительно не может припомнить, а вероятно она написана была в первые дни знакомства с Белинским, который если и приглашал его куда-нибудь, то не на собрание, а в гости к какому-нибудь литератору. Запрещенные же книги взяты им от знакомых.

В заключение своих показаний в следственной комиссии Достоевский объяснил, что весь либерализм его состоял в желании всего лучшего своему отечеству. Это желание началось с тех пор, как он стал понимать себя, и росло в нем более и более, но никогда не переходило за черту невозможного. Вместе с тем Достоевский старался доказать, что он желал улучшений и перемен и сетовал о многих злоупотреблениях, но вся основа его политической мысли была — ожидать этих перемен от самодержавия.

В военном суде Достоевский, подтверждая прежние свои показания, к оправданию своему присовокупил, что он никогда не действовал с злым и преднамеренным умыслом против правительства, что все сделанное им было

ВИД ГОРОДА СЕМИПАЛАТИНСКА

Фотография конца 1850-х гг.

Музей им. Достоевского, Москва

необдуманно, а многое сделано почти нечаянно, как, например, чтение письма Белинского, что если он когда-нибудь сказал что-либо свободно, то разве в кругу близких людей, которые могли понять его и знали, в каком смысле он говорил, и что распространения своих мнений он всегда избегал.

Отставной инженер-поручик Федор Достоевский за участие в преступных замыслах, распространение одного частного преступного содержания письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и за покушение к распространению, посредством домашней литографии, сочинений против правительства был предан суду по полевому уголовному уложению в особой военно-судной комиссии.

Военным судом и заключением генерал-аудиториата определено: Федора Достоевского за прописанные преступления подвергнуть смертной казни расстрелянием.

По прочтении приговора суда, при сборе войск и по совершении всех обрядов, предшествующих смертной казни, Федору Достоевскому объявлено, что государь император дарует ему жизнь и высочайше повелеть соизволил вместо смертной казни, лишив всех прав состояния, сослать на четыре года в каторжную работу в крепостях и по истечении означенного срока определить рядовым.

Полковник *Дубенской*

[1] В бумагах военного министерства имеется особое сообщение герольдии от 29 ноября 1839 г. на запрос инспекторского департамента от 19 мая 1838 г. «о происхождении недоросля Федора Достоевского» с указанием, «что означенного недоросля Федора Достоевского считать из дворян следует».

[2] Сочинение Евгения Сю с подзаголовком: «Entretiens socialistes».

[3] Автор — Прудон.

V

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2

22 сентября 1855 г.
№ 1025.

Секретно.

В аудиториатский департамент военного министерства.

О производстве в унтер-офицеры рядового Достоевского.

Командир отдельного Сибирского корпуса, свидетельствуя, что рядовой Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский, лишенный в 1849 году всех прав состояния и сосланный в каторжную работу, за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского, со времени поступления в военную службу ведет себя и служит хорошо и раскаивается глубоко в соделанном преступлении, ходатайствует о производстве его в унтер-офицеры, дабы сим поощрить его доброе поведение, усердную службу и непритворное раскаяние в грубом заблуждении молодости.

Инспекторский департамент, препровождая при сем в аудиториатский департамент отношение по сему предмету канцелярии военного министерства за № 750 и справку из секретных дел оной, имеет честь покорнейше просить почтить уведомлением с возвращением приложений, какое облегченье участи может быть даровано рядовому Достоевскому на основании всемилостивейшего манифеста, объявленного в приказе господина военного министра от 27 марта сего года за № 68, т. е. следует ли предоставить ему только права выслуги, так как он был лишен прав состояния, или же Достоевский

может быть представлен на основании сего манифеста к производству в унтер-офицеры.

Подписал: Исправляющий должность вице-директора полковник граф *Сиверс*

Скрепил: Помощник начальника отделения *Дмитриев*

Верно: Кол. рег. (подпись)

VI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ АУДИТОРИАТСКИЙ

ОТДЕЛЕНИЕ 1, СТОЛ 1
24 сентября 1855 г.
№ 88.

Секретно.

В инспекторский департамент военного министерства.

Вследствие отношения инспекторского департамента от 22 сего сентября за № 1025, аудиториатский департамент имеет честь уведомить, что рядовой Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский в 1849 году разжалован по высочайшей конфирмации из поручиков, но при этом не было сказано, чтобы его разжаловать без выслуги, а как ныне командир отдельного Сибирского корпуса, генерал от инфантерии Гасфорт, ходатайствует о производстве Достоевского в унтер-офицеры для поощрения его за отлично-усердную службу, доброе поведение и непритворное раскаяние в заблуждении своем, то, по мнению департамента, нет препятствия к удовлетворению этого ходатайства, на основании 7 п. высочайшего повеления 27 марта сего года.

Доставленные инспекторским департаментом по сему делу бумаги при сем возвращаются.

Генерал-аудитор (подпись)
За начальника отделения—*Гонсеровский*

VII

ДОКЛАД ПО ИНСПЕКТОРСКОМУ ДЕПАРТАМЕНТУ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

27 октября 1855 г
№ 332.

О производстве в унтер-офицеры рядового Достоевского.

18 ноября 1855 г.
Всемилостивейше повелено: рядового Достоевского произвесть в унтер-офицеры [и сочиненные им стихи препроводить к статс-секретарю Гофману для представления императрице Александре Феодоровне] *.
Генерал-адъютант
Князь Долгоруков

Командир отдельного Сибирского корпуса изъясняет, что в бытность его в Семипалатинске рядовой Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский представил ему стихотворение «На 1-е июля 1855 года», прося повергнуть оное к стопам ее императорского величества государыни императрицы Александры Феодоровны. Стихотворение это генерал от инфантерии Гасфорт препроводил в военное министерство, присовокупляя, что оно обратило на себя особенное внимание его по теплоте патриотических чувств.

Вместе с тем генерал от инфантерии Гасфорт, свидетельствуя, что рядовой Достоевский, лишенный всех прав состояния и сосланный в каторжную работу за участие в преступных замыслах Буташевича-

* Слова, взятые в прямые скобки, крестообразно перечеркнуты.

Петрашевского, со времени поступления в военную службу ведет себя и служит хорошо и раскаивается глубоко в соделанном преступлении, ходатайствует о производстве его в унтер-офицеры, дабы сим поощрить его доброе поведение, усердную службу и непритворное раскаяние в грубом заблуждении молодости.

Справка.

Достоевский из дворян. Воспитывался в главном инженерном училище. В 1841 году произведен в прапорщики с оставлением при училище для продолжения курса наук. В 1843-м выпущен подпоручиком на действительную службу в чертежную инженерного департамента. В 1844-м уволен в отставку с чином поручика.

В декабре 1849 года, по высочайше утвержденной конфирмации, за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского, распространение одного частного письма, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти и за покушение к распространению посредством домашней литографии сочинений против правительства, *лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу в крепостях на 4 года с тем, чтобы потом был определен рядовым.* В 1853 году по окончании срока каторжной работы, определен рядовым в Сибирский линейный № 7 батальон, с оставлением под строжайшим надзором ближайшего начальства.

Служит год 11 месяцев.

Штрафам на службе не подвергался.

Узаконение.

Обращенные в рядовые, по высочайшей воле, получают повышение за отлично-примерную службу не иначе, как с высочайшего соизволения (Св. воен. пост., т. V, стр. 452).

Во всемилостивейшем манифесте 27 марта 1855 года между прочим сказано: написанных в рядовые без лишения прав состояния и с выслугою дозволить начальству представить к производству в унтер-офицеры, или к производству из унтер-офицеров в первый офицерский чин, если они заслуживают этого хорошим поведением.

Соображение.

Так как Достоевский по высочайше утвержденной, в 1849 году, конфирмации лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу в крепостях на 4 года, с тем, чтобы по окончании сего срока определить его рядовым, и при этом не было сказано, чтобы определить его без выслуги, то к производству рядового сего в настоящее время в унтер-офицеры, согласно представлению ближайшего начальства, свидетельствующего о его добром поведении, усердной службе и непритворном раскаянии, и на основании упомянутого всемилостивейшего манифеста, припятствия не встречается.

Из соучастников Буташевича-Петрашевского, осужденных в 1849 году в каторжную работу в крепостях и определенных потом в военную службу, в унтер-офицеры никто не произведен; но приговоренный к одинаковому с Достоевским наказанию Дуров, пробывший 4 года в каторжной работе и поступивший потом рядовым в Сибирские линейные батальоны, по совершенной неспособности продолжать военную службу, определен, в феврале сего года, канцелярским служителем 4 разряда в областное управление Сибирских киргизов в Омске.

Испрашивается разрешение.

Угодно ли будет изъявить монаршее соизволение на производство в унтер-офицеры рядового Сибирского линейного № 7 батальона Федора Достоевского, разжалованного в 1849 году из отставных инженер-поручиков за прикосновение к делу преступника Буташевича-Петрашевского,

Повелено ли будет: представляемое при сем стихотворение рядового Достоевского препроводить к статс-секретарю тайному советнику Гофману для представления ее величеству государыне императрице Александре Феодоровне

VIII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.
20 ноября 1855 г.
№ 13695

Господину командиру отдельного Сибирского корпуса.

О производстве в унтер-офицеры рядового Достоевского.

Государь император, по всеподданнейшему докладу ходатайства вашего высокопревосходительства за № 4590, всемилостивейше повелеть соизволил: рядового Сибирского линейного № 7 батальона Федора Достоевского, разжалованного в 1849 году, из отставных инженер-поручиков, произвесть в унтер-офицеры, во внимании к хорошему его поведению и усердной службе.

Об этой высочайшей воле имею честь уведомить ваше высокопревосходительство к зависящему распоряжению.

Подписал: За военного министра генерал-адъютант *Катенин*

Скрепил: Свиты его величества генерал-майор *Герштенцвейг*

Верно: Коллежский секретарь *Ефремов*

23 ноября № 6.

IX

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2

28 января 1856 г.

№ 335.

Секретно.

Господину управляющему 3-м отделением собственной его императорского величества канцелярии.

О производстве в унтер-офицеры рядового Достоевского.

Определенный рядовым в Сибирский линейный № 7 батальон, по окончании срока каторжной работы, за участие в замыслах преступника Буташевича-Петрашевского, Федор *Достоевский,* по ходатайству командира отдельного Сибирского корпуса, всемилостивейшие произведен в минувшем ноябре месяце в унтер-офицеры, о чем инспекторский департамент имеет честь уведомить ваше превосходительство для сведения и присовокупить, что высочайшая воля сия сообщена тогда к исполнению генералу от инфантерии Гасфорту.

Подписал: Исправляющий должность вице-директора полковник граф *Сиверс*

Скрепил: *Исправляющий должность правителя канцелярии Пятницкий*

Верно: Секретарь (подпись)

X

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ СТОЛ 2.

28 января 1856 г.

№ 336.

О производстве в унтер-офицеры рядового Достоевского.

Секретно

В канцелярию военного министерства.

Определенный рядовым в Сибирский линейный № 7 батальон, по окончании срока каторжной работы за участие в замыслах преступника Буташевича-Петрашевского, Федор *Достоевский,* по ходатайству командира отдельного Сибирского корпуса, всемилостивейше произведен в минувшем ноябре месяце в унтер-офицеры, о чем инспекторский департамент имеет честь уведомить канцелярию военного министерства на отношение от 9-го минувшего сентября за № 750, присовокупляя, что высочайшая воля сия сообщена тогда же к исполнению генералу от инфантерии Гасфорту.

Подписал: Исправляющий должность вице-директора полковник граф *Сиверс*

Скрепил: Исправляющий должность правителя канцелярии *Пятницкий*

Верно: Секретарь (подпись)

4. О СТИХОТВОРЕНИИ ДОСТОЕВСКОГО «УМОЛКЛА ГРОЗНАЯ ВОЙНА»

I

Милостивый государь Николай Онуфриевич!

Исправляющий должность военного губернатора Семипалатинской области полковник Спиридонов представил ко мне, от 19 мая сего года, стихи, сочиненные унтер-офицером Сибирского линейного № 7 батальона Федором Достоевским, написанные по случаю заключения мира и предстоящей священнейшей коронации государя императора. Стихотворение это, по теплоте патриотических чувств, обращает на себя особенное внимание.

Достоевский, по высочайшей конфирмации, в 19-й день декабря 1849 года, из отставных инженер-поручиков, лишен всех прав состояния и сослан был в каторжную работу на 4 года, за участие в преступных замыслах Буташевича-Петрашевского; по окончании срока каторжной работы он назначен в военную службу рядовым, в ноябре 1853 года, с оставлением под строжайшим надзором ближайшего начальства и, находясь с того времени в Сибирском линейном № 7 батальоне, постоянно ведет себя и служит одобрительно, раскаиваясь в соделанном преступлении.

По ходатайству моему, от 13 августа прошлого 1855 года № 4590, Достоевский за хорошее поведение всемилостивейше произведен в унтер-офицеры.

Препровождая при сем к вашему высокопревосходительству упомянутое стихотворение, имею честь покорнейше просить повергнуть оное на высочайшее государя императора воззрение и, если признается возможным, исхода-

На 1 Июля 1855 года

Когда настала вновь для Русскаго народа
Эпоха славныхъ жертвъ двенадцатаго года
И матери отдавъ Царю своихъ сыновъ
Благословили ихъ на брань противъ враговъ
И облилась земля ихъ жертвенною кровью
И засiяла Русь геройствомъ и любовью,
Тогда раздался вдругъ Твой тяжкiй, скорбный стонъ
Какъ остріе меча проникъ намъ въ душу онъ,
Бѣдою прозвучалъ для Русскаго тотъ часъ,
Очнулся исполинъ и дрогнулъ въ первый разъ.

Какъ гаснетъ ввечеру денница въ синемъ морѣ,
Отъ мiра отошелъ Супругъ Великiй Твой.

ПИСАРСКАЯ КОПИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО
«НА 1 ИЮЛЯ 1855 ГОДА»
Центрархив, Москва

тайствовать высочайшее соизволение на напечатание оного в одном из петербургских периодических изданий.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности, с коими имею честь быть,

вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Густав Гасфорт

Его высокопревосходительству Николаю Онуфриевичу Сухозанету 2-му.
2 июня 1856 г.
Омск.

На полях помета: «Принять к сведению. 27 июня 1856 г. Генерал от артиллерии. Сухозанет».

II

Умолкла грозная война!
Конец борьбе ожесточенной!..
На вызов дерзкой и надменный,
В святыне чувств оскорблена,
Восстала Русь, дрожа от гнева,
На бой с отчаянным врагом
И плод кровавого посева
Пожала доблестным мечом.

Утучнив кровию святою
В честнóм бою свои поля,
С Европой мир, добытый с боя,
Встречает русская земля.

Эпоха новая пред нами.
Надежды сладостной заря
Восходит ярко пред очами...
Благослови господь царя!
Идет наш царь на подвиг трудный
Стезей тернистой и крутой;
На труд упорный, отдых скудный,
На подвиг доблести святой,
Как тот гигант самодержавный,
Что жил в работе и трудах,
И сын царей, великий, славный,
Носил мозоли на руках!

Грозой очистилась держава,
Бедой скрепилися сердца,
И дорога родная слава
Тому, кто верен до конца.
Царю во след вся Русь с любовью
И с теплой верою пойдет
И с почвы, утучненной кровью,
Златую жатву соберет.
Не русской тот, кто путь неправый
В сей час торжественный избрав,
Как раб ленивый и лукавый
Пойдет, святыни не поняв.

Идет наш царь принять корону...
Молитву чистую творя,
Взывают русских миллионы:
Благослови господь царя!
О ты, кто мановеньем воли
Даруешь смерть или живишь,
Хранишь царей и в бедном поле
Былинку нежную хранишь:
Созижди в нем дух бодр и ясен,
Духовной силой в нем живи,
Созижди труд его прекрасен
И в путь святой благослови!

К тебе, источник всепрощенья,
Источник кротости святой,
Восходят русские моленья:
Храни любовь в земле родной!
К тебе, любивший без ответа
Самих мучителей своих,
Кто обливал лучами света
Богохулителей слепых,
К тебе, наш царь в венце терновом,
Кто за убийц своих молил,
И на кресте, последним словом,
Благословил, любил, простил!

Своею жизнию и кровью
Царю заслужим своему;

Исполни ж светом и любовью
Россию, верную ему!
Не накажи нас слепотою,
Дай ум, чтоб видеть и понять
И с верой чистой и живою
Небес избранника принять!
Храни от грустного сомненья,
Слепому разум просвети
И в день великий обновленья,
Нам путь грядущий освети!

5. О ПРОИЗВОДСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО В ПРАПОРЩИКИ

I

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ АУДИТОРИАТСКИЙ

ОТДЕЛЕНИЕ I, СТОЛ 1.

17 сентября 1856 г.

№ 5413.

В инспекторский департамент военного министерства.

С препровождением доклада за № 5215.

Аудиториатский департамент, препровождая для зависящего распоряжения доклад за № 5215 с объявленным на оном 14 сего сентября г. военным министром высочайшим повелением о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики, имеет честь покорнейше просить доклад этот, по миновании надобности, возвратить.

Генерал-аудитор (подпись)
Начальник отделения (подпись)

II

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ АУДИТОРИАТСКИЙ

Об испрошении высочайшего соизволения на производство унтер-офицера Достоевского, согласно ходатайству генерал-от-инфантерии Гасфорта, в прапорщики с определением в Сибирский линейный № 7 батальон и с учреждением за ним секретного наблюдения, впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности.

Всемилостивейше повелено исполнить по ходатайству генерал-от-инфантерии Гасфорта 14 сентября 1856 г. генерал-адъютант Сухозанет.

Отставной инженер-поручик Достоевский в 1849 году по высочайшему повелению предан был военному суду в особой комиссии вместе с титулярным советником Буташевичем-Петрашевским и другими лицами и оказался виновным в распространении письма литератора Белинского с дерзкими выражениями против церкви и верховной власти, в покушении распространить, посредством домашней литографии, сочинений против правительства и в бытности при чтении на обеде у бывшего дворянина Спешнева статьи возмутительного содержания под заглавием: «Солдатская беседа».

Высочайшею конфирмациею, последовавшею 19 декабря 1849 года на докладе генерал-аудитoриата, повелено: по исполнении над Достоевским, при сборе войск, всех обрядов, предшествующих смертной казни, объявить, что государь император дарует ему

жизнь; и затем, вместо смертной казни, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на четыре года и потом определить рядовым.

По окончании 4-х летнего нахождения в каторжной работе, Достоевский в декабре 1853 года определен на службу рядовым в Сибирский линейный № 7 батальон, а в ноябре 1855 года, по представлению командира отдельного Сибирского корпуса, во внимание к хорошему поведению и усердию к службе, всемилостивейше произведен в унтер-офицеры.

В июне сего года его императорское высочество генерал-инспектор по инженерной части, во внимание к чистосердечному раскаянию и отличным способностям Достоевского, ходатайствовал о производстве его в прапорщики с назначением на службу в один из полков II армии, дабы дать ему случай загладить свою вину и принести пользу обществу, или если это будет признано неудобным, то об увольнении его от военной службы с чином 14-го класса для определения к статским делам и чтобы в обоих случаях ему дозволено было заниматься литературою с правом печатать свои сочинения на законных основаниях.

По докладу об этом государю императору, его величество изволил разрешить войти с представлением по команде о производстве Достоевского в прапорщики, или об увольнении от службы с чином 14-го класса, если он по настоящему поведению заслуживает монаршего милосердия, а по воспоследовании на это разрешения учредить за ним секретное наблюдение впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности и затем уже ходатайствовать о дозволении ему печатать свои литературные труды.

Высочайшая воля была сообщена командиру отдельного Сибирского корпуса, и генерал от инфантерии Гасфорт, свидетельствуя ныне о чистосердечном раскаянии Достоевского в преступлении и о перемене образа мыслей, просит исходатайствовать всемилостивейшее соизволение на производство его в прапорщики с оставлением на службе в настоящем батальоне и с продолжением еще за ним секретного надзора.

С л у ж б а.

Достоевский из дворян; в службу вступил в 1838 году кондуктором в кондукторскую роту главного инженерного училища; произведен в полевые инженер-прапорщики в 1841 году, в подпоручики — в 1842 году; всего в службе состоял до ссылки в каторжную работу более 6-ти лет, в том числе в офицерском звании более 3-х лет. По освобождении из каторжной работы служил в звании рядового около 2 лет, унтер-офицером—11 месяцев; в походах не был, особых наград не получал, холост, от роду ему 33 года.

З а к л ю ч е н и е.

Как государь император изволил уже разрешить войти с представлением о производстве унтер-офицера Достоевского в офицеры, если он по поведению будет того заслуживать, а генерал от инфантерии Гасфорт, свидетельствуя о чистосердечном раскаянии Достоевского и перемене им образа мыслей, ходатайствует ныне о производстве его в прапорщики, с оставлением в Сибирском линейном № 7 батальоне, то не угодно ли будет на производство Достоевского в прапорщики испросить высочайшее государя императора соизволение, с тем, чтобы впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности продолжить за ним секретный надзор, и если поведение его во всех отношениях будет безукоризненно, то войти с особым представлением о дозволении Достоевскому печатать свои литературные труды.

Верно: Коллежский секретарь (подпись)

11 сентября 1856 г.

№ 5215.

III

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

26 октября 1856 г.

Копия.

Статья для внесения в проект высочайшего приказа.

Производство за отличие по службе.

Сибирского линейного № 7 батальона унтер-офицер Достоевский—в прапорщики.

Подписал: Исправляющий должность правителя канцелярии *Пятницкий*

Скрепил: За секретаря *Ефремов*

Верно: Тит. советник *Ефремов*

Объявлено в высочайшем приказе 1 октября 1856 г.

IV

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

30 сентября 1856 г.

№ 1282.

В аудиториатский департамент военного министерства

О доставлении сведения, о распоряжениях по всеподданнейшему докладу аудиториатского д-та, за № 5215.

Аудиториатский департамент военного министерства при отношении за № 5413 доставил в инспекторский департамент, для зависящего распоряжения, всеподданнейший доклад за № 5215 с последовавшею по оному, 14 сего сентября, высочайшею резолюциею о производстве унтер-офицера Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского в прапорщики.

Инспекторский департамент военного министерства, поместив в проект высочайшего приказа о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики, имеет честь покорнейше просить аудиториатский департамент, в дополнение к означенному отношению № 5413, почтить уведомлением: было ли сообщено последовавшее высочайшее повеление о производстве Достоевского в офицеры: его императорскому высочеству генерал-инспектору по инженерной части и командиру отдельного Сибирского корпуса, а равно, объявлено ли оное, для надлежащего сведения, III отделению собственной его императорского величества канцелярии и канцелярии военного министерства.

Подписал: За вице-директора, гвардии полковник *Огарев*

Скрепил: И. д. прав. канцелярии *Пятницкий*

Верно: губ. секр. (подпись)

V

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ АУДИТОРИАТСКИЙ

ОТДЕЛЕНИЕ I, СТОЛ 1.

5 октября 1856 г.
№ 5765.

Ответ на № 1282 о прапорщике Достоевском.

В инспекторский департамент военного министерства

Вследствие отношения инспекторского департамента от 30 минувшего сентября, аудиториатский департамент имеет честь уведомить, что высочайшее повеление о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики сообщено его императорскому высочеству генерал-инспектору по инженерной части и командиру отдельного Сибирского корпуса; канцелярии же военного министерства и III отделению собственной его императорского величества канцелярии; изъясненное высочайшее повеление будет объявлено для сведения по доставлении инспекторским департаментом высочайшего приказа о производстве Достоевского в прапорщики.

Генерал-аудитор (подпись)
Начальник отделения (подпись)

На полях помета: «получено в главном дежурстве 6-го октября».

VI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

12 октября 1856 г.
№ 1330.

В аудиториатский департамент военного министерства

С возвращением всеподданнейшего доклада и с приложением экземпляра высочайшего приказа.

Инспекторский департамент военного министерства, возвращая, по миновании надобности, всеподданнейший доклад аудиториатского департамента за № 5215, доставленный при отношении от 17 минувшего сентября за № 5413, имеет честь уведомить что о производстве унтер-офицера Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского в прапорщики, объявлено в высочайшем приказе, при сем прилагаемом.

Подписал: за Вице-директора гвардии полк. *Огарев*
Скрепил: И. д. правителя канцелярии *Пятницкий*
Верно: Губ. секр. (подпись)

VII

Ваше высокопревосходительство, подписав проект отношения к шефу жандармов с изъяснением высочайшего повеления о производстве унтер-офицера, из политических преступников, Достоевского в прапорщики, изволили заметить, что высочайшая воля оставалась без исполнения полтора месяца.

Вследствие сего имею честь почтительнейше доложить вашему высокопревосходительству, что высочайшее повеление о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики, полученное в аудиториатском департаменте 17 минувшего сентября, в тот же день было сообщено к исполнению командиру отдельного Сибирского корпуса и инспекторскому департаменту; отношение же к шефу жандармов, которому изъясненная высочайшая воля сообщается только для сведения, по принятому порядку, заготовлено немедленно по получении высочайшего приказа о производстве Достоевского в прапорщики. Приказ этот, как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть из представляемого при сем отношении инспекторского департамента доставлен 15 сего октября.

Генерал-аудитор (подпись)
Начальник отделения (подпись)

23 октября 1856 г.

На полях помета: «желаю знать от чего так п о з д н о объявлено в приказе о Достоевском и оный сообщен в Аудит. Департ. только 13 окт.—23 окт.»

VIII

СПРАВКА

Ваше высокопревосходительство изволили изъявить желание знать: *от чего поздно объявлено в высочайшем приказе о производстве унтер-офицера* Сибирского линейного № 7 батальона *Достоевского* в прапорщики, и приказ сей *сообщен в аудиториатский департамент* только *13 сего октября.*

Отношение аудиториатского департамента от 17 минувшего сентября за № 5413, *с препровождением* в инспекторский департамент для зависящего расположения, высочайше утвержденного, 14 того же сентября, *доклада* о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики, *получено было на* главном *дежурстве инспекторского департамента 24 сентября* вечером и поступило затем, установленным порядком, через журнальную часть в канцелярию департамента.

26 сентября, по собрании надлежащих *справок, статья* о производстве Достоевского *передана в I отделение департамента* для *внесения в проект приказа,* который и был высочайше утвержден 1 *сего октября.*

Между тем, так как из отношения аудиториатского департамента за № 5413 не было видно: сделаны ли прочие распоряжения к приведению в исполнение последовавшего о Достоевском высочайшего повеления от 14 сентября, то *отношением инспекторского департамента* от 30 сентября *сообщено было аудиториатскому департаменту о том, что статья о Достоевском внесена в проект высочайшего приказа, и сделан вопрос:* были ли уведомлены о последовавшем высочайшем соизволении на производство Достоевского в прапорщики его императорское высочество генерал-инспектор по инженерной части, так как из доклада было видно, что его высочество изволил ходатайствовать в июне сего года о помиловании Достоевского, и командир отдельного Сибирского корпуса, а также сообщено ли о сем, для сведения, III отделению собственной его величества канцелярии и канцелярии военного министерства, в которых ведутся списки о лицах, прикосновенных к происшествию 1849 года.

Аудиториатский департамент, отношением, подписанным 5 октября за № 5765, *ответствовал:* что о производстве унтер-офицера Достоевского в прапорщики уведомлены: его высочество генерал-инспектор по инженерной части и генерал-от-инфантерии Гасфорт; канцелярии же военного министерства и III-му отделению собственной его величества канцелярии *будет сообщено для сведения* по получении высочайшего приказа.

Высочайший приказ 1 октября доставлен был в аудиториатский департамент из военной типографии тотчас по отпечатании при общей рассылке оного по департаментам министерства 4-го *того же месяца.*

Независимо от сего, по списании с высочайше утвержденного доклада о Достоевском копии для оставления при деле инспекторского департамента, *подлинный доклад возвращен* в аудиториатский департамент при *отношении от 12 октября* за № 1330, с *приложением экземпляра* высочайшего *приказа собственно для хранения при деле о Достоевском.*

К сему имею честь присовокупить: что *высочайшая воля о производстве унтер-офицера Достоевского* в прапорщики *могла быть сообщена главному начальнику III отделения собственной* его *величества канцелярии, в то же время, как и генерал-инспектору по инженерной части и командиру отдельного Сибирского корпуса,* подобно тому, как о высочайшем повелении, последовавшем 11 сего октября о производстве в прапорщики унтер-офицера Ахшарумова, также прикосновенного к делу преступника Буташевича-Петрашевского, уведомлены, 13 того же октября: главнокомандующий отдельным кавказским корпусом, главный начальник III отделения собственной его величества канцелярии и канцелярия военного министерства, и в то же время доклад аудиториатского департамента для внесения, о производстве Ахшарумова, в проекте высочайшего приказа, с назначением его на службу, согласно высочайшему соизволению, в войска, по усмотрению сего департамента.

Свиты его величества, генерал-майор *Герштенцвейг*]

На верхнем поле документа помета. «Доложено господину военному министру 25 октября 1856 г.».

Октября 1856 г.

IX

Канцелярия инспекторского департамента военного министерства имеет честь препроводить при сем по принадлежности в первое отделение аудиториатского департамента отношение инспекторского департамента за № 1330, с приложением при оном экземпляра высочайшего приказа о производстве унтер-офицера Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского в прапорщики 25 октября 1856 г.

Подписал: Исправляющий должность правителя канцелярии *Пятницкий*

Верно: Губ. секр. (подпись)

25 октября № 13.

6. ОБ УВОЛЬНЕНИИ ДОСТОЕВСКОГО ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

I

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

По канцелярии. № 5819
Получено 2 апреля

Господину военному министру

Командира отдельного Сибирского корпуса

РАПОРТ

Об увольнении от службы 7-го батальона прапорщика Достоевского.

Представляя вашему высокопревосходительству прошение на высочайшее имя прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского, с форму-

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ
Фотография начала 1860-х гг.
Музей им. Достоевского, Москва

лярным списком, медицинским свидетельством и реверсом, имею честь покорнейше просить об исходатайствовании высочайшего соизволения на увольнение его от службы, согласно представляемой докладной записки.

Генерал от инфантерии *Гасфорт*
Нач. штаба, генерал-майор *Гинтовт*

№ 1579
8 марта 1858 г.
г. Омск

II

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

По представлению командира отдельного Сибирского корпуса.

Об увольнении от службы.

По пехоте.

За болезнью.

Прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Достоевский, с награждением следующим чином.

Начальник штаба, генерал-майор *Гинтовт*

III

Всепресветлейший, державнейший, великий государь император
Александр Николаевич,
самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!

Просит Сибирского линейного батальона № 7-го прапорщик Федор Михайлов сын Достоевский о нижеследующем.

В службу вашего императорского величества поступил я, из дворян С.-Петербургской губернии, кондуктором 838. января 16-го, в кондукторскую роту главного инженерного училища, соизволения его императорского высочества генерал-инспектора инженерной части, за хорошее поведение и знанье фронтовой службы произведен в унтер-офицеры 840. ноября 29-го, по высочайшему повелению переименован в портупей-юнкера 840. декабря 27-го в оной же роте. Произведен по экзамену в полевые инженер-прапорщики тысяча восемьсот сорок первого года августа пятого дня, имея от роду девятнадцать лет, с оставлением в главном инженерном училище для продолжения полного курса наук в нижнем офицерском классе, по экзамену подпоручиком 842. августа 11-го, с переводом в верхний офицерский класс, по распоряжению начальства выпущен из главного инженерного училища, по окончании курса наук в верхнем офицерском классе, на действительную службу в инженерный корпус 843. августа 12-го, зачислен при С.-Петербургской инженерной команде с употреблением при чертежной инженерного департамента 843. августа 23-го, высочайшим приказом уволен за болезнью от службы с чином поручика 844. октября 19-го, из списков С.-Петербургской инженерной команды исключен 844. декабря 17-го, по высочайшему повелению разжалован 849. декабря 19-го с отсылкою в каторжную работу в крепостях. По окончании срока рядовым 854. марта 2-го, в сей Сибирский линейный батальон № 7, по высочайшему повелению произведен в унтер-офицеры 856. января 15, по высочайшему повелению за отличие по службе произведен в прапорщики 1856 г. октября 1-го, в оном же батальоне, по выборам дворянства не служил. В продолжение всей моей службы в походах и в делах против неприятеля не находился. Особых поручений по высочайшим вашего императорского величества повелениям и от своего начальства не имел. Орденами и знаками отличия награждаем не был, высочайших благоволений всемилостивейших рескриптов и наград не получал. В штрафах находился по высочайше утвержденной конфирмации, состоявшейся в 19-ый день декабря 1849 года, последовавшей на всеподданнейшем докладе генерал-аудиториата за принятие участия в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненное дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии. Лишен чина поручика, всех прав состояния с ссылкою в каторжную работу в крепостях на четыре года. Но по высочайшему вашего императорского величества повелению, сообщенному г. военным министром от 18 апреля 1857 года за № 2468 к г. командиру отдельного Сибирского корпуса, объявлено мне и законным детям даровать прежние права по происхождению, но без права на прежнее имущество. В отпуску был 1843 года с 21 июня на 28 дней и на срок явился. Обучался в главном инженерном училище. Женат на вдове губернского секретаря Исаева Марье Дмитриевой, детей не имею, православного исповедания [жена] находится при мне, за мною, родителями моими и женою именья родового и благоприобретенного не состоит. От роду мне ныне 35 лет. *К сему прошению*

Ныне по расстроенному совершенно на службе здоровью, чувствую общую слабость сил в организме, при истощенном телосложении, и частовре-

менно страдаю нервною болью лица, вследствие органического страдания головного мозга, я не могу далее продолжать службу вашего императорского величества, о чем прилагаю у сего за подписью прикомандированного к Сибирскому линейному батальону № 7 лекаря Ермакова свидетельство за № 26, учиненное в присутствии оного № 7 батальона штабс-капитана Бахирева. А потому всеподданнейше прошу. *Сибирского линейного батальона № 7*

Дабы повелено было сие прошение принять и меня, поименованного по вышепрописанным болезням, означенным в свидетельстве за № 26, от воинской службы на основании 469 ст. 1-го продолжения 11 копии II части свода военных постановлений уволить с повышением чина, за что я после отставки ни о каком другом казенном содержании просить не буду, прилагаю у сего мой реверс января 16-го дня 1858 года, к поданию надлежит командиру Сибирского линейного батальона № 7. Сие прошение набело переписывал Сибирского линейного батальона № 7 унтер-офицер Андрей Андреев сын Шилицын, а сочинял сам проситель. *Прапорщик ФЕДОР МИХАЙЛОВ сын ДОСТОЕВСКИЙ руку приложил *).*

Жительство иметь буду в столичном гор. Москве.

IV

РЕВЕРС

Я, нижеподписавшийся, даю сей реверс в том, что если по всеподданнейшей моей просьбе разрешится мне увольнение от службы, то более о казенном пропитании просить нигде не буду. Жительство по отставке буду иметь в столичном городе Москва. 16 января 1858 года. Областной город Семипалатинск.

Сибирского линейного батальона № 7-го прапорщик Достоевский **.

V

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Вследствие предписания командиру Сибирского линейного батальона № 7 господина майора и кавалера Денисова от 16 числа декабря 1857 года за № 3029, свидетельствовал я совместно с штабс-капитаном сего батальона Бахиревым прапорщика того же батальона Федора Михайлова Достоевского, при чем оказалось: лет ему от роду 35, телосложение посредственное, в 1850 году в первый раз подвергся припадку падучей болезни (Epilepsia), которая обнаруживалась: вскрикиванием, потерею сознания, судорогами конечностей и лица, пеною перед ртом, хрипучим дыханием с малым, скорым, сокращенным пульсом. Припадок продолжался 15 минут. Затем следовала общая слабость и возврат сознания. В 1853 году этот припадок повторился и с тех пор является в конце каждого месяца.

В настоящее время г. Достоевский чувствует общую слабость сил в организме при истощенном телосложении и частовременно страдает нервною болью лица вследствие органического страдания головного мозга.

Хотя г. Достоевский пользовался от падучей болезни почти постоянно в течение четырех лет, но облегчения не получил, а потому службы его величества продолжать не может. В удостоверение чего подписом моим и приложением [нрзб.], моей печати свидетельствую. 1857 года декабря 21 дня, г. Семипалатинск.

Прикомандированный к Сибирскому линейному № 7 батальону лекарь Ермаков. При освидетельствовании находился Сиб. лин. № 7 б-на шт.-кап. Бахирев.

---

* Подчеркнутое рукою Достоевского, как и окончание двух предыдущих абзацев. Подпись согласно тогдашнему правилу проходит через весь документ и частично фигурирует под каждым абзацем.

** Вся строка рукою Достоевского.

VI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

5 апреля 1858 г.

№ 379.

Секретно

Господину управляющему III отделением собственной его императорского величества **канцелярии.**

По представлению об увольнении прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского, за болезнью, от службы с дозволением жить в Москве.

Командир отдельного Сибирского корпуса по вступившему по команде прошению на высочайшее имя ходатайствует об увольнении, за болезнью, от службы прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского, сужденного в 1849 году по прикосновенности к делу преступника Буташевича-Петрашевского. Прапорщик Достоевский, в данном реверсе, обязался по получении отставки, иметь жительство в Москве.

Согласно отношению господина главного начальника III отделения собственной его величества канцелярии от 6 мая минувшего года № 1090, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство почтить уведомлением о том, не встречается ли со стороны III отделения канцелярии препятствия к испрашиваемому увольнению прапорщика Достоевского от службы с дозволением иметь по отставке жительство в Москве.

Пидписал: Исправляющий должность дежурного генерала свиты его величества генерал-майор *Герштенцвейг*

Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Верно: (подпись неразборчива)

VII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

7 апреля 1858 г.

№ 380.

Секретно

В аудиториатский департамент военного министерства

По представлению об увольнении прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского за болезнью, с дозволением жить в Москве.

Командир отдельного Сибирского корпуса по вступившему по команде прошению на высочайшее имя ходатайствует об увольнении, за болезнью, от службы прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского, сужденного в 1849 г. по прикосновенности к делу преступника Буташевича-Петрашевского. Прапорщик Достоевский, в данном реверсе, обязался, по получении отставки, иметь жительство в Москве.

Инспекторский департамент имеет честь покорнейше просить аудиториатский департамент почтить уведомлением о том, не встречается ли по

делам сего департамента препятствия к испрашиваемому увольнению прапорщика Достоевского от службы, с дозволением иметь, по отставке, жительство в Москве, и долгом считает присовокупить, что вместе с сим сделано сношение по означенному предмету с управляющим III отделением собственной его императорского величества канцелярии.

Подписал: Вице-директор полковник граф *Сиверс*

Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Верно: Кол. секр. *Гладков*

VIII

III ОТДЕЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ

ЭКСПЕДИЦИЯ

С.-Петербург.
9 апреля 1858 г.
№ 771.

Секретно

Господину исправляющему должность дежурного генерала главного штаба его императорского величества

Писано: в ауд. д-те военного министерства 4 мая за № 435 и отпуск с оного приобщен к делу 1856 г. № 1133, относительно разрешения, на общем основании, отпусков и отставок офицерам из политических преступников.

Вследствие отношения вашего превосходительства за № 379, имею честь уведомить, что к увольнению от службы прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского III отделение собственной его императорского величества канцелярии препятствия не встречает, с тем, чтобы он, с увольнением в отставку, подвергнут был в местах его жительства секретному надзору; что же касается намерения сего офицера проживать по отставке в Москве, то считаю долгом сообщить вашему превосходительству, что по общепринятому порядку всем политическим преступникам, получающим всемилостивейшее прощение, предоставляется право жительства во всех местах империи, кроме столиц.

Управляющий отделением свиты его величества генерал-майор (подпись)

IX

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ АУДИТОРИАТСКИЙ

ОТДЕЛЕНИЕ I, СТОЛ 1.

3 мая 1858 г.
№ 2127.

В инспекторский департамент военного министерства.

Ответ на № 380, о прапорщике Достоевском.

Вследствие отношения инспекторского департамента за № 380 аудиториатский департамент имеет честь уведомить, что, по общим правилам, соблюдаемым при облегчении участи лиц из политических

преступников, состоящих на службе в войсках, прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Достоевский может быть уволен в отставку, но не иначе, как с воспрещением въезда в С.-Петербург и Москву и с учреждением за ним секретного надзора.

Генерал-аудитор (подпись)
Управляющий отделением (подпись)

X

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

20 июня 1858 г.
№ 595.

Секретно.

В аудиториатский департамент военного министерства.

О доставлении сведения: о том, может ли быть уволен от службы прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Достоевский без испрошения на сие высочайшего разрешения всеподданнейшим докладом.
(Разрешение по этому вопросу получено в отношении аудит. д-та от 1 дек. 1858 г. за № 33).

Инспекторский департамент, озабочиваясь разрешением вступившего в сей департамент, в марте месяце сего года, представления, по просьбе сужденного по происшествию 1849 года, прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского, об увольнении его по болезни от службы, остановившегося в производстве за неполучением ожидаемого от аудиториатского департамента, на отношение в оной инспекторского департамента 14 минувшего мая за № 485, сведения о том, может ли офицер сей, за силою последовавшего в 24-ый день минувшего апреля месяца по докладу аудиториатского департамента высочайшего повеления относительно разрешения на общем основании отпусков и отставок офицерам из политических преступников, быть уволен от службы без испрошения на то разрешения, — долгом считает покорнейше просить аудиториатский департамент не оставить ускорить сообщением инспекторскому департаменту означенного сведения.

Подписал: За вице-директора статский советник *Меркулов*
Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*
Верно (подпись)

XI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

29 июня 1858 г.
№ 7741.

В аудиториатский департамент военного министерства.

О доставлении сведений относительно порядка увольнения от службы прапорщика Достоевского.

Инспекторский департамент, в последствие отношений своих от 14 мая и 20 июня сего года за №№ 485 и 595, вновь имеет честь покорнейше просить аудиториатский департамент ускорить доставлением сведений относительно порядка увольнения

от службы прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского.

К сему департамент сей долгом считает присовокупить, что за неполучением означенного сведения, приостановлено также исполнение по вступившему ныне представлению, об увольнении от службы осужденного по одному делу с прапорщиком Достоевским — подпоручика Кавказского линейного № 4 батальона Кашкина.

Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Подписал: Вице-директор флигель-андъютант полковник граф *Сиверс*

Верно (подпись)

XII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

15 декабря 1858 г.
№ 12528.

Господину командиру
отдельного Сибирского корпуса

Дежурного генерала главного штаба
его императорского величества

РАПОРТ

Относительно ходатайства о дозволении прапорщику Достоевскому иметь в отставке жительство в Москве.

Ваше высокопревосходительство, при рапорте от 8 минувшего марта за № 1579, изволили препроводить прошение прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона, из политических преступников, Достоевского об увольнении его, по болезни, от службы. В представленном, при прошении, реверсе прапорщик Достоевский обязывается иметь, в отставке, жительство в Москве.

За силою известного вашему высокопревосходительству из отношения г. военного министра от 12 сего декабря за № 1106, высочайшего повеления, прапорщик Достоевский не имеет права на въезд в губернии С.-Петербургскую и Московскую, и на отмену сего воспрещения для него, равно на дозволение ему временно прибыть в столицы, во время службы или по выходе в отставку, надлежит испрашивать высочайшее разрешение, по предварительном сношении с III отделением собственной его императорского величества канцелярии.

По неимению, в виду уважительных причин, и ходатайства вашего высокопревосходительства о дозволении прапорщику Достоевскому иметь, в отставке, жительство в Москве, долгом считаю покорнейше просить почтить меня по сему предмету уведомлением и вместе с тем не оставить сообщить сведение о том, где именно прапорщик Достоевский пожелает иметь жительство в отставке, кроме губерний С.-Петербургской и Московской, если признано будет невозможным дозволить ему жить в Москве.

Подписал: Свиты его величества генерал-майор *Герштенцвейг*

Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Верно (подпись)

XIII

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ
По канцелярии. № 4009.

Получено 4 марта 1859.

ШТАБ
ОТДЕЛЬНОГО СИБИРСКОГО
КОРПУСА

ПО ДЕЖУРСТВУ
ОТДЕЛЕНИЕ I
13 февраля 1859 г.
№ 925.
г. Омск

Господину дежурному генералу
главного штаба его императорского величества

Начальника штаба

РАПОРТ

Ответ на № 12528
о прапорщике
Достоевском.

Вследствие отношения вашего превосходительства от 15 декабря 1858 года за № 12528, за отсутствием г. корпусного командира, имею честь донести, что по объявлении прапорщику Сибирского линейного № 7 батальона, Достоевскому, высочайшего повеления о воспрещении ему: как въезда в губернии С.-Петербургскую и Московскую, так равно и постоянного жительства в обеих столицах по увольнении его в отставку; означенный офицер, не имея никаких особенно побудительных причин избрать постоянным местом жительства г. Москву, пожелал иметь таковое, по увольнении его от службы, в губернском городе Твери.

Генерал-майор (подпись)
Дежурный штаба офицер, майор (подпись)

XIV

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2

9 марта 1859 г.

Статья для внесения в проект высочайшего
приказа.

Увольняется от службы, за болезнью, Сибирского линейного № 7 батальона прапорщик Достоевский подпоручиком.

Подписал: Правитель канцелярии *Пятницкий*
Скрепил: Секретарь *Меркулов*
Верно: Прапорщик (подпись)

ПИСАРСКАЯ КОПИЯ
СТИХОТВОРЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО
«УМОЛКЛА ГРОЗНАЯ ВОЙНА»
Центрархив, Москва

Умолкла грозная война!
Конецъ борьбы ожесточенной!..
На вызовъ дерзкой и надменный,
Въ святынѣ чувствъ оскорблена,
Возстала Русь, дрожа отъ гнѣва!
На бой съ отчаяннымъ врагомъ
И плодъ кроваваго посѣва
Пожала доблестнымъ мечомъ.
Утучнивъ кровью святою
Въ честномъ бою свои поля,
Съ Европой миръ, добытый съ бою,
Встрѣчаетъ Русская Земля.

XV

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ
ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

24 марта 1859 г.
№ 316.

Секретно.

Г-ну управляющему III отделением собственной его императорского величества канцелярии.

Об увольнении прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского от службы.

Высочайшим приказом, в 18-й день сего марта состоявшимся, сужденный в 1849 году по делу преступника Буташевича-Петрашевского прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский уволен за болезнью от службы, с награждением следующим чином. Офицер этот обязался жительствовать, в отставке, в г. Твери.

Имею честь уведомить о сем ваше превосходительство для зависящего распоряжения к учреждению за подпоручиком Достоевским секретного надзора и долгом считаю присовокупить, что об увольнении означенного офицера от службы и об избранном им месте жительства в отставке сообщено вместе с сим министру внутренних дел для надлежащего распоряжения к воспрещению ему въезда в С.-Петербургскую и Московскую губернии.

Подписал: Дежурный генерал свиты его величества генерал-майор *Герштенцвейг*

Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Верно: Прапорщик (подпись)

XVI

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

24 марта 1859 г.
№ 317.

Об увольнении прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского от службы.

Секретно.

Г-ну министру внутренних дел.

Высочайшим приказом, в 18-й день сего марта состоявшимся, сужденный в 1849 г. по делу преступника Буташевича-Петрашевского прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона Федор Достоевский уволен за болезнью от службы с награждением следующим чином. Офицер этот обязался жительствовать, в отставке, в г. Твери.

Имею честь уведомить о сем ваше высокопревосходительство для зависящих распоряжений относительно воспрещения подпоручику Достоевскому въезда в губернии С.-Петербургскую и Московскую, на основании высочайшего повеления, сообщенного вашему высокопревосходительству в декабре минувшего года (по аудиториатскому д-ту), и долгом считаю присовокупить, что об увольнении сего офицера от службы и об избранном им месте жительства в отставке сообщено, вместе с сим, III отделению собственной его императорского величества канцелярии, для учреждения за ним, на основании того же высочайшего повеления, секретного надзора.

Подписал: За военного министра генерал-адъютант князь *Васильчиков*

Скрепил: Дежурный генерал свиты его величества генерал-майор *Герштенцвейг*

Верно: Прапорщик (подпись)

XVII

МИНИСТЕРСТВО ВОЕННОЕ

ДЕПАРТАМЕНТ ИНСПЕКТОРСКИЙ

КАНЦЕЛЯРИЯ, СТОЛ 2.

26 марта 1859 г.
№ 318.

Об увольнении прапорщика Сибирского линейного № 7 батальона Достоевского от службы.

Секретно.

Г-ну командиру отдельного Сибирского корпуса

Дежурного генерала главного штаба его императорского величества

РАПОРТ

Высочайшим приказом, в 18 день сего марта состоявшимся, прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона, из политических преступников, Достоевский, согласно представлению вашего высокопревосходительства от 8 марта минувшего года за № 1579, уволен за болезнью от службы с награждением следующим чином.

Донося о сем вашему высокопревосходительству, имею честь присовокупить, что об учреждении за подпоручиком Достоевским секретного надзора по избранному им месту жительства в г. Твери и о воспрещении ему въезда в губернии С.-Петербургскую и Московскую, вместе с сим сообщено министру внутренних дел и управляющему III отделением собственной его императорского величества канцелярии.

Подписал: Свиты его величества генерал-майор *Герштенцвейг*

Скрепил: Правитель канцелярии *Пятницкий*

Верно: Прапорщик (подпись)

М. Н. ЛОНГИНОВ В 60-х ГОДАХ

Сообщение П. Беркова

В истории русской литературы М. Н. Лонгинов (1823—1875) занимает довольно скромное место, как автор ряда библиографических работ, в частности, не утерявшей значения и сейчас, благодаря обильному материалу, монографии «Новиков и московские мартинисты» (М. 1867), и серии порнографических стихов, изданных автором за границей и затем им самим уничтоженных; но больше всего он известен своей реакционной деятельностью в качестве начальника Главного управления по делам печати (с 1871 по 1875 г.). Начав литературную деятельность в кругу «Современника» в эпоху «цензурного террора» (1848—1854), находясь в приятельских отношениях с Некрасовым и Панаевым, Лонгинов считался долгое время либералом, поддерживая такую репутацию громкими фразами против цензуры и в защиту свободного слова [1]. Однако, по существу Лонгинов всегда был реакционером [2]: обстановка классовой борьбы привела к тому, что крепостническая позиция Лонгинова обнаружилась очень скоро и отчетливо, и это обстоятельство закрепило за ним и среди современников и в потомстве вполне основательную репутацию лютейшего обскуранта [3].

Есть одна сторона в общественно-литературной позиции Лонгинова, которая заслуживает особого внимания и заставляет вспоминать о нем при изучении классовой борьбы в России в 60-х годах прошлого века. Эта сторона заключается в настойчивом стремлении Лонгинова создать единый фронт дворянско-буржуазных группировок и противопоставить его «общему врагу — нигилизму». Эта тенденция Лонгинова, поддерживаемая своеобразно красноречивой аргументацией, бросает яркий свет на социальную природу русского либерализма и должна быть признана весьма ценной иллюстрацией к положениям, развертываемым в замечательной статье Ленина «Либеральное подкрашивание крепостничества» (Собр. соч., изд. 3-е, т. XVI, стр. 328—329).

Утверждая, что линия размежевания классовых сил шла между крепостниками и либералами, с одной стороны, и революционной демократией, с другой, — Ленин безостаточно разоблачает всякие попытки буржуазных и мелкобуржуазных историков приукрасить и преувеличить значение буржуазного либерализма и тем самым умалить роль революционных разночинцев, и в особенности Чернышевского; последний по словам Ленина, был гораздо более последовательным и боевым демократом, нежели Герцен («...Чернышевский, развивавший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводит ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм») (Собр. соч., изд. 3-е, стр. 342).

Публикуемые ниже материалы как раз и являются особенно показательными в этом отношении, представляя ценные документы, позволяющие говорить с большей определенностью о ряде моментов в истории классовой борьбы 60-х годов. В особенности важно указание Лонгинова, правда, весьма глухое, на роль «освобождения» крестьян и будто бы связанного с этим обеднения известной части

помещиков, поправения некоторых прежних дворянских либералов, отшатнувшихся вследствие этого в стан крепостников. Печатаемые в настоящем номере «Литературного Наследства» лонгиновские материалы, как видно из выставленных под ними дат, относятся к одному и тому же времени — концу февраля, началу марта 1863 г., т. е. ко времени, предшествующему Польскому восстанию. Помимо хронологической и идеологической связи, между ними имеется непосредственная зависимость следующего порядка.

Проживавший с начала 60-х годов в Москве и связанный по кругу «Современника» приятельскими отношениями с Лонгиновым, А. М. Жемчужников принимал некоторое, не особенно все же активное, участие в делах Московского Общества Любителей Российской Словесности [4], секретарем которого состоял в то время Лонгинов. 3 марта 1863 г. последний прочитал на 179-м публичном заседании Общества речь «О месте, которое должно занимать ОЛРС в современной литературе» («Общество Любителей Российской Словесности при Московском Университете. 1811—1911. Историческая записка и материалы за сто лет». М. 1911, стр. 112). Но самая речь была написана им или, может быть, только закончена 26 февраля того же года, каковая дата и выставлена в публикуемой ниже рукописи Лонгинова.

Повидимому, Лонгинов в ближайшие дни читал ее предварительно А. М. Жемчужникову, с которым у него возник после чтения статьи спор, на что намекает начало, публикуемого ниже, лонгиновского письма от 1—2 марта. Как бы то ни было А. М. Жемчужников на следующий день (или, может быть, в тот же день) прислал Лонгинову письмо, сохранившееся в архиве последнего в Институте Русской Литературы:

> «Уведомляю тебя, любезный друг, что у меня нет ничего готового для прочтения в публичном заседании Общ[ества] Л[юбителей] Р[оссийской] С[ловесности], а потому я и не могу быть у тебя на совещании в пятницу. Домашние обстоятельства, к сожалению, помешали мне присутствовать на бывшем частном заседании нашего общества.
>
> Весь твой А. Жемчужников. 27 февраля» [5].

В ответ на это письмо Лонгинов отправил Жемчужникову обширное послание, находящееся сейчас в Ленинградском отделении Центрархива, в составе архива Жемчужникова. Надо полагать, что на этом переписка оборвалась; по крайней мере других писем Лонгинова в составе жемчужниковского архива нами обнаружено не было.

3 марта 1863 г. состоялось заседание ОЛРС, но сведений о нем в московских периодических изданиях, повидимому, не появлялось, хотя сам Лонгинов в «Кратком отчете ОЛРС за 1863 г.» указывает, что отчеты Общества за 1863 г. печатались в «Московских Ведомостях» [6]. Прочитанную на этом заседании речь Лонгинов пожелал напечатать, подверг ее некоторой обработке, но напечатана она не была. По крайней мере, ни в одном списке его трудов (в журнале «Антиквар», 1903, №№ 5—6 и в «Библиотеке Д. В. Ульянинского», т. II), ни в его библиотеке, находящейся в ИРЛИ, ее не имеется, несмотря на наличие на рукописи [7] лонгиновской пометки: 1) Рукопись возвратить автору, 2) Напечатать для автора 50 оттисков.

Можно полагать, что она предназначалась к опубликованию в катковских «Московских Ведомостях», но, вероятно, и для них она оказалась чересчур грубо политически заостренной и неудобной в тот момент, когда требовалась большая тонкость и вуалирование позиций.

Как в «Речи» М. Н. Лонгинова, так и в письме его к А. М. Жемчужникову, развивается несколько основных мыслей, важнейшие из которых сводятся к следующему. «Нестроения» России происходят, с одной стороны, вследствие «либеральной дешевки» бюрократического круга эпохи «реформ», с другой, вследствие деятельности «нигилистов». Это обстоятельство требует объединения всех «живых сил» во имя формулы: «не гнет сверху или снизу, а влияние большинства образованного меньшинства».

Проводя подобный круг идей, Лонгинов в «Речи» как будто смешивает своих противников в одну кучу, в особенности это заметно в хлесткой характеристике состояния русского общества начала 60-х годов, в виде галлереи персонажей из «Горя от ума», «Ревизора» и «Мертвых душ». Полагать, что эти характеристики портретны, едва ли будет справедливо, хотя, например, в лице поручика Пирогова, несомненно, имеется в виду П. Л. Лавров.

Здесь, в резко карикатурной форме, персонифицированы, с точки зрения крепостника, отдельные вопросы литературной и общественной жизни, что и позволяет приурочить некоторые намеки к Чернышевскому, Герцену, Салтыкову и другим деятелям радикально-демократического лагеря.

Необходимо отметить желание Лонгинова сколотить «блок» вокруг популярного в неразночинных кругах И. С. Тургенева, использовав вышедший в 1862 г. роман — «Отцы и дети» [8]. Если не именно «Речь» Лонгинова, то, во всяком случае, подобные оценки своего романа имел в виду Тургенев, когда писал впоследствии в «Литературных и житейских воспоминаниях», что «получил поздравления, чуть не лобзания от людей противного ему лагеря, от врагов» (Соч., изд. А. Ф. Маркса, СПБ, 1898, т. XII, стр. 23). Однако, можно с уверенностью полагать, что Тургенев знал «Речь» Лонгинова. На это намекает отрывок из письма его к Я. П. Полонскому от 18 декабря 1871 г.: «Лонгинов, автор «Попа...» — сквернейший по всей Руси губернатор, публично лаявший на царя за эманципацию — сделан начальником нашей несчастной прессы!!!—ничего хорошего ожидать нельзя...—Он будет злобствовать со всей эхидностью ренегата» (Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883 гг. — СПБ, 1885, стр. 201).

Если выше было сказано, что Лонгинов как бы смешивал в одну кучу своих противников, то все же главного врага он видел в нигилизме. И это не случайно, конечно.

Не случайно то, что против нигилистов он особенно настойчиво стремится создать коалицию. Еще в 1858 г. он писал Некрасову: «Ты уж знаешь, как прискорбно мне направление Чернышевского» [9].

К 1863 г., после петербургских пожаров, после ареста Чернышевского, взгляды прежнего либерала, а по сути крепостника Лонгинова на нигилизм сделались гораздо яснее и нашли свое полное выражение в письме к А. М. Жемчужникову и «Речи» о значении, которое должно иметь ОЛРС в современной литературе.

Но для некоторой части либералов позиция Лонгинова и вообще всего Московского Общества Любителей Российской Словесности была — из тактических соображений—неприемлема: она слишком компрометировала либералов своими призывами к блоку против нигилистов. И поэтому в либеральных «Санкт-Петербургских Ведомостях» появилась написанная в довольно резком тоне статья «Слово о последней деятельности Общества Любителей Российской Словесности», подписанная Н. Челышевский. Под этим псевдонимом скрывался известный филолог А. А. Котляревский [10].

Якобы нападая на ОЛРС, Котляревский укоряет лидеров Общества не за их политическую реакционность, а за «финансовую и литературную бестактность» и за неумеренную претенциозность. Он упрекает председателя Общества — И. С. Аксакова—в том, что тот политическими намеками о «каких-то домашних врагах» запугивает «и без того достаточно запуганную русскую публику». Особенно же достается Лонгинову за его речь «О месте, которое должно занимать ОЛРС в современной литературе».

«Но все сказанное нами бледнеет пред чтением известного нашего библиографа и секретаря Общества, М. Н. Лонгинова. Дело шло о том, чем может и должно «Общество любителей российской словесности» помочь распущенному, бедственному состоянию нашей современной литературы. Оратор сначала чрезвычайно яркими красками изобразил развращенность современной литературы и журналистики, сделал несколько упреков покойному Белинскому в том, что он был весьма слаб в библиографии, и затем, поблагодарив г. Тургенева за разоблачение так называемых н и г и л и с т о в, принялся за строгое их обличение. Это были — гром

и молния; Зевс, мечущий перуны, — показался бы слабее в сравнении с нашим оратором: по крайней мере Зевс никогда не вызывал таких отчаянно дружных рукоплесканий. «Нигилисты, эти пустозвонные головы, эти литературные горланы— развратили современную журналистику и литературу, молодые умы и общество; необходимо помочь делу, и это должно исполнить «Общество любителей российской словесности»: мы, люди серьезные, станем крепко на-стороже, подымем павшую литературу, внушим ей добрые нравы...» и т. д. Таков общий смысл филиппики г. Лонгинова, произведшей самое сильное впечатление на старческую половину посетителей этого публичного собрания; но кто не подчинился обаятельному красноречию оратора, тот, отстранив вопрос о физиологии каких-то нигилистов,—в праве спросить: достаточно ли одного звонкого голоса и громких фраз для убеждения публики в важной роли «Общества любителей российской словесности»? Поправится ли больная литература от той деятельности, какую находим мы в Обществе? Нет, не выходками и библиографией, не политическими грезами, не стишонками исправляется литературное дело, а путем честной, серьезной мысли и науки. Нет, до тех пор, пока в «Обществе любителей российской словесности» будут возможны такие явления, как чтение г. Лонгинова—пусть оставит Общество гордую мысль о своей великой миссии исправлять развращенную литературу и испорченный общественный вкус! Мы не слишком печально смотрим на современную литературу; но если справедливо, что она находится в болезненном состоянии, то этой болезни прежде и более всего причастно «Общество любителей российской словесности»: говорить о порче журналистики и литературы и не чувствовать этой порчи в себе, когда симптомы ее очевидны — это признак полнейшего болезненного расстройства, забытья или беспамятства. Признавать и ценить свои действительные заслуги свойственно каждому человеку и даже полезно, как поддержка энергии и чувства собственного достоинства; но когда кичатся заслугами мнимыми или еще не существующими, когда, не сделав ничего прочного, серьезного,— торжественно облекают себя в роль спасителя добрых нравов литературы и кричат, что «мы-де люди серьезные и должны стать на-стороже против литературного разврата», тогда такая претензия поистине становится жалка и указывает на крайне болезненное состояние умственных отправлений!

«Люди серьезные!» Но ведь серьезные люди делают и дела серьезные, а чем серьезным может образумить гибнущую литературу «Общество любителей российской словесности», что, кроме нетвердых умственных блужданий и нехитрых выходок, может представить это Общество, как залог серьезного образа мыслей и действий; чем может уничтожить так называемых нигилистов речь г. Лонгинова, когда она в целом составе представляет самый блистательный образец пустозвонного крика, журнальной болтовни без всякого содержания? Уж не нигилист ли и сам г. Лонгинов? Нам приятно допустить эту мысль потому, что в таком случае — нам не пришлось бы упрекнуть г. Лонгинова в одном весьма неприятном качестве, обладая которым люди обыкновенно не только не понимают того, что говорят другие, но даже и того, что они сами говорят...»

В словах Котляревского нельзя не видеть раздражения, даже гнева либерала на чрезмерно откровенного коллегу справа, который своей неосторожной «Речью» может внушить демократической аудитории подозрения против либералов и, раскрыв их подлинное лицо, тем самым помешать предательской деятельности последних.

Котляревский был возмущен «Речью» Лонгинова, слышанной им на заседании Общества Любителей Российской Словесности. Можно представить себе «негодование» Котляревского, если бы ему стал известен автокомментарий Лонгинова к этой «Речи»—письмо его к А. М. Жемчужникову, основная мысль которого выражена в конце: «Разумные консерваторы и разумные прогрессисты без труда соединятся и восполнят друг друга».

Но подобные «признания» делались втихомолку; вслух же либералы считали нужным делать оскорбленную мину в направлении крепостников, но это было только «либеральное подкрашивание крепостничества».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. «Сочинения М. Н. Лонгинова». М. 1915, т. I, стр. 566.

[2] См. его письма к Некрасову в сборниках «Архив села Карабихи». М. 1916. стр. 125—126. и «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома». П. 1922, стр. 234—237.

[3] В неопубликованном письме от 24 января 1872 г. другой, не менее известный цензурный деятель, Е. М. Феоктистов, один из преемников Лонгинова по возглавлению Главного Управления по делам печати, писал П. В. Анненкову: «Негодяй Лонгинов забыл всякий стыд и совесть; в самые мрачные времена Николая Павловича ни один из цензурных евнухов не доходил до такого крайнего бесстыдства и цинизма. Недавно, к великому несчастью, случилось мне встретиться с ним в одном доме. Произошла ожесточенная схватка, при чем на мой вопрос — чего же ему хотелось бы, каков его идеал,—он отвечал мне (привожу его слова буквально): «На первое время достаточно было бы закрыть земские учреждения, восстановить старые суды, как они были, и ввести опять телесные наказания. Это не все, но и с этим можно было бы еще кое-как года два или три дышать...» Такой-то человек поставлен теперь во главе цензуры, и под влиянием его Тимашев постоянно твердит, что он «все еще недостаточно вооружен властью для борьбы с литературой». Е. М. Феоктистов был в это время редактором «Журнала Министерства Народного Просвещения».

[4] «Словарь членов ОЛРС при Московском Университете». М. 1911, стр. 109—110.

[5] В подлиннике выставлено 27 марта, повидимому, ошибочно. Кроме записки Жемчужникову о приезде Тургенева (повидимому, либо январь 1860 г., либо май или август 1861 г., см. «Словарь членов ОЛРС». М. 1911, стр. 290, и М. К. Клеман. «Летопись жизни Тургенева». М. 1934, стр. 110, 124 и 127) и приведенного в тексте письма в архиве Лонгинова не сохранилось никаких других материалов об отношениях его с Жемчужниковым. Вероятно приведенное письмо Жемчужникова, ошибочно датированное, и есть то обстоятельство, которое вызвало ответ Лонгинова. 27 февраля приходилось в среду, пятница — 1 марта, чтение 3 марта состоялось в воскресенье. «Частное» заседание, очевидно, 178-е обыкновенное заседание, состоявшееся 16 февраля 1863 г. Впрочем, может быть письмо Лонгинова было ответом на несохранившееся письмо Жемчужникова 1863 г., а приведенное в тексте относится к 1862 г.

[6] «Сочинения М. Н. Лонгинова». М. 1915, стр. 570.

[7] Рукопись находится в ИРЛИ. Никаких следов пребывания в типографии на ней нет.

[8] Идея сделать Тургенева центром «блока» не оставила Лонгинова и после произнесения речи. В приписке к письму В. П. Боткина к Тургеневу (от 6 июня 1863 г.) Лонгинов писал: «...Очень желали бы мы все, друзья твои, увидеть тебя скорее, но из известий о тебе не видим решительного ответа. В России тебе надобно бы посмотреть на то, что теперь делается. Толчок дан общественному мнению сильный, который обещает много дельного и прямо либерального. Все это есть счастливая реакция против нелепостей, которые овладели было влиянием при минутном господстве всяческого нигилизма, ниспровержению которого ты так много содействовал и даже подал первый сигнал к восстанию против него. Дело его проиграно и теперь легко ожидать торжества разумной свободы и порядка» («В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869». М. 1930, стр. 178).

[9] Письмо это опубликовано в сборнике «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского Дома», стр. 236.

[10] «СПБ Ведомости», 1863, № 111. Перепеч. в сочинениях А. А. Котляревского. СПБ 1893, т. II, стр. 13—21.

РЕЧЬ О ЗНАЧЕНИИ, КОТОРОЕ ДОЛЖНО ИМЕТЬ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Читанная в публичном заседании Общества 3 марта 1863 г. секретарем его М. Н. Лонгиновым)

> Une association politique, industrielle, comerciale, ou même scientifique et littéraire, est un citoyen éclairé et puissant qu'on ne saurait plier á volonté, ni apprimer dans l'ombre et qui, en défendant ses droits particuliers, sauve la liberté commune.
>
> Tocqueville

Вот уже пятый год, как Общество Л. Р. С. открывает свои публичные заседания, которые постоянно возбуждают не только любопытство, но и, смеем сказать,—сочувствие публики. Сильные такою опорою в обществе и сознанием, что мы, согласно программе наших собраний, изложенной при самом их начале покойным нашим Председателем А. С. Хомяковым, обходимся честно с всесильным оружием слова, мы не можем и не должны обращать никакого внимания на те выходки злонамеренности и пустозвонства, которые раздаются против нас в многочисленном лагере литературной анархии. Нас преследуют нередко ее враждебные возгласы, старающиеся быть презрительными или колкими. Скажем же: «тем лучше». Значит, противники наши сознают, что еще жива где-нибудь та сила предания литературного и независимости от журнального и всяческого деспотизма, которая составляет характеристическую черту нашей посильной деятельности. Значит— не перерыта и не затоплена еще та почва, на которой могут сходиться безобидно, а часто и дружно, владеющие пером, хотя бы и расходясь в своих воззрениях, но сходясь на том, что предметы этих воззрений для них так же общи, как чужды им другие, несовместные с достоинством человеческим предметы, составляющие догматы современного журнального борзописания [и с которыми нужно иметь дело только для того, чтобы по мере возможности протестовать против лжи и мешать распространению ее господства]. Значит не так уже единогласно и всеобщее то судорожно-горячечное движение, которое хотят некоторые выдавать за выражение высшей мудрости и уверить, будто ему сочувствуют все, что̀ и удается им иногда относительно Платонов Михайлычей Горичевых, восклицающих неизменно [в противность своему мнению]: «Ну, все,—так веришь по неволе».

Было время, памятное нам, бывшим тогда молодым поколением и сделавшимися теперь, по непреложному закону судеб, уже литературными старожилами,—когда литература наша делилась на немного партий или лагерей. Тогда существовали только так называвшиеся Западники и Славянофилы и затем те «филы», которым трудно найти название на литературном языке, и которые имели патенты на известного рода писания [в разных степенях почета «sui generis» и родства были иногда неволею, но чаще волею, афилированы к некоим секретным ареопагам, тайна которых была впрочем тем, что французы называют «секретом комедии» [secret de la comédie]. Если теперь завелись у нас, как уверяют, «красные», то тогда достоверно существовали «голубые». Прекратилась ли ныне последняя порода,— достоверно не знаем и предоставляем решить это судьям, более нас компетентным. Наше дело — литература, а не предметы, принадлежащие к области иных [может быть и влиятельных, но], чуждых нам вполне ведений. Впрочем заметим ми-

Любезнѣйшій Алексѣй Михайловичъ, мнѣ досадно, что ты не будешь читать въ Воскресенье, но очень понимаю, что ты отказываешься принимать участіе въ чемъ либо что противорѣчитъ твоему убѣжденію. Я очень радъ, что ты поступилъ со мною съ полною откровенностію, какъ подобаетъ между старинными пріятелями и считаю долгомъ высказать тебѣ также откровенно мой отвѣтъ на твои сомнѣнія.

Ты спрашиваешь во имя какихъ началъ наша положительная группа вооружается противъ современности? Во имя образованныхъ людей, безъ всякаго различія касты, людей, для которыхъ ничего не дѣлается, которымъ не прибавлено ни на грошъ правъ, между тѣмъ какъ грубымъ массамъ въ 24 часа даютъ такія общественныя права, которыя далеко превосходятъ наши съ тобою, причемъ легко можетъ произойти полное извращеніе общественной іерархіи, безъ которой немыслимо общество, и это въ пользу невѣжества и дикости. Во имя существенныхъ интересовъ страны, поколебленныхъ до основанія изъ желанія прослыть либеральными — дешевкою угодить интересамъ фиктивнымъ, а можетъ быть и сентиментальнымъ тенденціямъ, на которыхъ ничего не построишь. Во имя справедливости, которая состоитъ въ томъ, чтобы покривившееся вновь поставить прямо, а не перекривлять ихъ наоборотъ и оставлять існующій произволъ у однихъ, не выдавать ихъ головою произволу, новому и безпримѣрному, маленькихъ проконсуловъ, для нихъ же добро

ПИСЬМО М. Н. ЛОНГИНОВА К А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ. ПЕРВАЯ СТРАНИЦА.

Ленинградское Отделение Центрархива, Ленинград

моходом, что говорят будто два вышеназванные цвета составляют довольно приятную кокарду, которая носится не без успеха, что̀ и доказывает очевидность современного прогресса...

Так * называемое славянофильство не было, как думали, чем-то в роде геометрически-точно построенной системы. Это было—так сказать—гостеприимное и довольно пространное убежище для всякого, кто отчаивался увидеть плодотворные результаты от того одностороннего развития, которое долгое время исключительно господствовало в жизни и в литературе, преимущественно исторической. Всякий, примыкавший к этому кругу [группировавшемуся около людей, имена которых однозначущи с понятиями о благородстве, делающим, несомненно, честь литературе], был волен сохранить и сохранял свои личные воззрения на тот или другой вопрос, стоявший на очереди для разработки, и разделял взгляд других на исторические явления в той степени, которая казалась ему разумною. Он мог даже оставаться безучастным к некоторым предметам, которые не казались ему существенными или достаточно объясненными. Уважение к русской народности и ее проявлениям в до-петровскую эпоху не препятствовали даже некоторым из этого круга свободно относиться к реформе и признавать в разных степенях ее достоинства. Кажется мы не ошибемся, если скажем, что общими, необходимыми основаниями были в этом лагере два главных положения. Они были такого рода, что непризнание их за исходную точку было бы уже действительно непреодолимым препятствием для дальнейшего сближения или сродства с кругом людей, о которых мы говорим. Основные начала эти были: 1) признание, что в основу русской исторической жизни легло начало общинное, а не родовое. Этим определялся взгляд на весь дальнейший ход ее внутри страны и 2) горячее сочувствие к прошедшему и настоящему родных нам славянских племен, с намерением закрепить между ними ослабшие узы и по естественному чувству сродства, и в видах общих интересов. Этим выражалось воззрение на истинное значение русской истории в ее внешних отношениях и заявлялась та программа, которой предлежало следовать впредь.

Западники не признавали справедливости таких воззрений [проповедывали начало родовое] и не выражали ни сочувствия, ни уважения к историческим судьбам славянских племен, которых значение бледнело в их глазах перед [ролью] судьбами других народов, успевших почти везде взять политически верх над ними. Проявление русской жизни до 18 века также не дорого ценилось Западниками, которые [поклонялись исключительно европейскому периоду русской истории и] были исключительными поклонниками цивилизации Запада, признавая ее общечеловеческою и в общих основаниях необходимою для всех народов, независимо от национальных особенностей того или другого [народа]. Эта партия, несравненно многочисленнейшая, чем первая, впрочем, казалась единодушною только тогда, когда дело шло о спорах с Славянофилами, или до недовольства современностью, которая во всех отношениях была так враждебна литературе. Поэтому в ней существовали бок-о-бок зачатки всех тенденций самых противоположных, но они еще так мало были выяснены, что ни публика, ни сама пишущая братия не могли рассмотреть, до какой степени несовместимо соединение таких противоречащих элементов и какое чудовищное противоречие они могли принять при дальнейшем своем развитии. Тогда нередко было встретить не только растущих корифеев социализма, сулившего золотые горы в будущем, — в одних рядах с поборниками парламентаризма, но и найти, что в одном и том же человеке уживались уважение например к талантам и мнениям Г. Тьера [если он только был в оппозиции] с благоговением к гению и скрижалям закона Г. Луи Блана, которого не шутя называли по секрету Мессией 19 века. Происходило такое смешение понятий отчасти от того, что говорить например и о Тьере

* К этому месту в рукописи есть примечание автора: NB. Место о славянофилах и западниках до знака < не печатать.

и о Блане при условиях отечественной печати было одинаково трудно, а следовательно нельзя было и договориться до полного уяснения истинного воззрения своего. Отчасти же причиной такого безразличного увлечения в разные стороны было чувство, которое в другом порядке мыслей при восклицании Хлестакова о ссылке городничего в Сибирь внушило купцу Абдулину ответ: «Да уж куда твоей милости угодно, только бы подальше от нас» *.

При всех странностях и недостатках, тогдашняя литература не лишена была своих достоинств. В ней действовали люди, стоявшие выше того однообразного уровня, который, за малыми исключениями, прошел потом по ней, скосивши почти всё, что составляло ее аристократизм по дарованию и проведя по ней эгалитарную черту посредственности, не оскорбляющей чувства достоинства у литературной черни. Кроме того в то время еще [не вымерли или] не смолкли голоса даровитых писателей прошлой эпохи. Они не должны были опасаться встретить имя свое в печати, потому что еще не было поставлено непреложным правилом зашвырять их грязью при такой отваге относительно журнального Демоса, еще не завоевавшего себе претензий на литературное самовластие. Достоинства художественного произведения еще определялись не исключительною меркою того, в какой степени фотографической точности автор изобразит помещицу, таскающую за волосы какую-нибудь Акульку, или станового, берущего полтинник с Парамона, и в какой мере он по этому поводу вознегодует на человечество и примет бремя его грехов и пороков на рамена свои... Искусство, это драгоценное условие развития человека, присущее его природе столько же, сколько религия, нравственное чувство и разум, еще не было унижаемо и не расстроилась еще гармония между элементами, которые составляют венец его существования и называются: истинное, доброе, разумное и прекрасное.

Такова в общих чертах характеристика литературы нашей, какова она была за пятнадцать с небольшим лет тому назад. И вдруг поднялась буря, длившаяся целых восемь [семь] лет. Она переломала то, чтó хоть немного высилось над плоской поверхностью, которую задеть ей уже было нельзя или не зачем. Этот период литературы проживет в ее истории, как память о неслыханном в летописях письмен фокусе: она не вовсе умерла, даже при условиях, препятствовавших ей например не только читать сатиры Кантемира, бывшего в печати целых 86 лет, но и произносить имя русского посланника Анны и Елизаветы в Лондоне и в Париже. Она не умерла при обстоятельствах, грозивших бедою [разорением и чуть не ссылкою на галеры] за употребление в печати слова «самоусовершенствование», под которым очевидным образом коварно маскировалось другое, именно «прогресс», строго запрещенное, как явно означавшее «революцию»; она не умерла при таком порядке вещей, когда Виссарион Григорьевич Белинский, к счастию своему умерший немного ранее, получал в печати невиданное ни в каком календаре, ни в каких святцах имя «критика Гоголевского периода русской литературы» и под этою фирмою успевал изредка проскользнуть в печать, пользуясь тем, что Аргусы ее зазевались или не пронюхали в чем дело. Если потомство спросит когда-нибудь у истории литературы чтó она делала в эти невообразимые [семь[восемь лет, то она как нельзя более кстати может повторить ответ Сьеса на вопрос: что делал он во время терроризма: «J'ai vécu».

Наконец декорация переменяется; вместо бури наступает если не ясная погода, то по крайней мере относительная тишина и многие, привыкшие к печальному зрелищу мглы, принимают серенький денек за ясное итальянское утро.

Я полагаю, что нет надобности распространяться об общественном движении, начавшемся и совершающемся на наших глазах с недавнего времени. Отрицать его никто не в состоянии. Подвергать сомнению пользу и величие идей [идеи преобразования], начавших получать жизнь и осуществление, конечно,

* Здесь находится в рукописи знак >, упомянутый в примечании на стр. 744.

не придет в голову никому в виду примеров, каковы освобождение крестьян, уничтожение откупов, или попыток провести судебную реформу, свободу печати и пр. и пр. Здесь не место говорить, на сколько и чем именно искажаются нередко [или портятся] такие благие начинания. Но мы столько хвалили себя, что не худо поговорить и о том, чем хвалиться нечем. Одна из главных причин таких не отрадных явлений была откровенно высказана в нашей аудитории почтенным сочленом нашим И. С. Аксаковым, указавшим на нее, как относящуюся ближе всего к кругу и предмету действий литературного общества. Причина эта — ложное понимание гласности, обусловливаемое теми бесполезными и даже зловредными препятствиями, которые ставят преграду доброму, когда оно не снабжено патентованным клеймом направления исключительно признанного на ту минуту истинным и вместе с тем бессильным против зла. Зло всегда умеет найти извития для своего выражения, приобретает, таким образом, всю прелесть таинственности и не договаривает своих последних результатов, которые были бы [в противном случае] покрыты посмеянием и позором. Очевидно, что нам надо итти далее по этому пути, так же, как и по всем прочим путям свободно-разумного развития и искать в достижении совокупности неразрывных между собою условий его — лекарство от недугов прошедшего и настоящего. Между тем мы прикованы к одному месту, окружены заколдованным кругом, который всякий день делается слишком тесным. Выходу нет, и мы повторяем зады, пережевываем все одно и то же, что за три и за четыре года, след[овательно] по большей части болтаем, а не говорим. Кто же не знает, что болтать, когда надо говорить [и делать], значит опошлиться, и надо признаться, что в пошлости мы преуспеваем всесовершенно [за неимением другого]. Нам грозит беда; привычки въедаются скоро в природу человеческую. Пример недалек. Литература и общество долго привыкли молчать всепочтительнейше, так что едва сумели развязать язык, когда пришла для того возможность. Сумеют ли они говорит дело, когда волей-неволей придет надобность отвыкнуть от болтовни, к которой они приучились с того времени.

Чтобы нагляднее убедиться, до какой степени для людей мыслящих и просвещенных недостаточна та область исследования, рассуждения и деятельности, которая отведена им [была] событиями и на первых порах пожалуй была и достаточна, стóит только взглянуть на то, кто уже не только помирился, но уже освоился в той области, казавшейся ему недавно столь страшною, и уже хозяйничает в ней, благодаря многочисленности в ней своей братии. Скажите после этого: место ли вам пребывать в этой области? Взгляните — и вы узнаете в ней всех старых знакомых, только с новыми замашками и с обширнейшими средствами проявлять свою ничтожность и мерзость, с фразеологией, которая делает их отвратительнее прежнего и дает им средство обманывать и делать вред. Иван Александрович Хлестаков уже состоит в ранге гражданского генерала, заседает в Петербурге в разных комитетах по улучшению той или другой части и если едет в Саратовскую губернию, то уже действительно в Иохимовской карете и уже не в деревню к тятеньке со страхом, что тот засыпит ему кое-что, а с довлеющей важностью, в качестве настоящего ревизора, для того, чтобы двинуть вперед в отсталой провинции какой-нибудь бюрократически-либеральный вопрос. Корреспондент его Тряпичкин уже не «критикан», выхваляющий овощные лавки, где ему верят в долг, а Ювенал, бичующий пороки, Тацит, карающий произвол [и ретроградов], готовый в своем фельетоне преобразиться в Гракха и потребовать завтра же аграрных законов. Чичиков, заложив мертвые души, благоприобрел живые, обобрал у них землю и проповедует о необходимости пожертвований, о свободе торговли, о вреде монополий. Загорецкий редижирует в официозном органе гласности отделом иностранной политики. Поручик Пирогов, пользуясь службой своей по ученому оружию (arme savante), преподавал нижним чинам элементарные понятия системы Бюхнера, сообщенные ему Поприщиным, который выпущен по ошибке физиката из сумасшедшего

КАРИКАТУРА НА М. Н. КАТКОВА И М. Н. ЛОНГИНОВА ИЗ «ИСКРЫ»

Публицистъ и другъ его библіографъ.

Библіографъ. — Другъ мой, ваши слова *«мы съ радостью пожертвовали-бы ею, еслибъ отъ того не пострадала безопасность нашихъ предѣловъ»* — произвели сильное волненіе въ публикѣ. Всѣ говорятъ: онъ отдаетъ, онъ хочетъ отдать...

Публицистъ. — Ради Бога, успокойте ихъ; скажите, что не отдамъ, что я пошутилъ, что *слово «жертва» просто иронія.*

дома и покинув мечты об Испанском престоле, пишет [в журналах] статьи о философии. Земляника облекает свои доносы на Шпекина и Ляпкина-Тяпкина в литературную форму, печает их в газетах и уже искушается на поприще повествовательно-обличительном. Ноздрев служит по мировым учреждениям. Друг его, поручик Кувшинников, занимается уже не исключительно бурдашкой и клубничкой, а зачислился по особым поручениям, меряет вдоль и поперек Россию и говорит затрапезные спичи во всех городах и даже на станциях, прославляя прогресс и истого его представителя: Его Высокопревосходительство NN, доблестного своего начальника. Держиморда напечатал оправдание свое на взведенное на него купцом Черняевым обвинение в присвоении штуки сукна и высказал при том мысли свои о святости долга и высоком призвании полиции. Перхуновский и Беребендовский—уже не танцуют галопада, а примкнули к «партии движения» и толкуют о понижении оброка, или о правах национальностей и о замыслах Гарибальди. Полковник Скалозуб объехал уже давно большую часть Европы, представлялся в Тюльерийском дворце Наполеону и был на поклоне в Путнее, вместе с Репетиловым, который ездил в [Лондон, Англию] чужие края, чтобы изучать вольнонаемный труд. Даже прекрасный пол не отстал от других в этом истинно-отрадном движении: осиротевшая Марья Антоновна Сквозник-Дмухановская переселилась в Петербург, остригла в кружок волосы, принеся свою русую косу в жертву на алтарь отечественного прогресса, посещала лекции акушерского искусства [анатомии] и, взобравшись однажды на стол [кричала] с прочими, тоненьким голоском вывизгивала проклятия реакции и благословения прогрессу.

Взгляните в то, что́ окружает вас, что́ подобно «взбаламученному морю» грязи поднялось на ту относительную высоту, на которой вы стояли. Всмотритесь в эту бесчисленную толпу безобразных лиц и вы узнаете знакомых, с которыми вы еще недавно почли бы за стыд иметь что-либо общее. Согласитесь, что эта относительная высота, дальше которой вам положен предел, «его же не пре́йдеши», недостаточна, если на нее способны подняться герои «Ревизора», «Горя от ума» и «Мертвых душ». Вы невольно пожелаете другой сферы, в которой не могли бы они дышать также легко, как честный и даровитый человек; не могли бы, поднимая шум и гам, или заглушать его речь, или постоянно давать повод смешивать ее с своими бесстыдными криками. А вы по неволе можете только говорить то, что перешло, благодаря им, в область пошлости. Мало еще того, что многие отрезвились, увидели всю ложь этих криков о прогрессе, всех этих восхищений всем, что у нас делается, а чаще только обещается или портится. Недостаточно того, что слышатся уже изредка сюрпризом прорывающиеся голоса, нарушающие безмятежное самодовольство бюрократического мира известиями, что несмотря на благодеяния его такая-то промышленность уничтожилась вовсе, такие-то заводчики, фабриканты и капиталисты обанкрутились, в такой-то губернии идет партизанская война между сословиями, [такой-то край в конец разорен и пр.]. Если вы решитесь на это, громадное большинство говорящих, увеличенное до нельзя героями Грибоедова и Гоголя [которые теперь тоже громко заговорили], завопит, что это замысел против прогресса, что реакция грозит отечеству, а Кувшинников в застольном спиче возглаголет, что небольшое облачко на лазурном небе не доказывает ничего и только рельефнее оттеняет блеск всеоживотворившего солнца [Всему этому сброду] [многим повыше его конечно]. Притом же многим так приятно [ловить рыбу в мутной воде] в полудремоте сладострастно прислушиваться к тому, как уцелевшие лоскутки некоторых впрочем истерзанных ножницами цензуры иностранных газет приносят соотчичам радостные известия о том, что у них сделан еще один шаг к свободе и к общественному преуспению... посредством например нового применения теории перестановлений, примененной к доморощенному квартету Крылова.

Да, сознаемся откровенно, что общество наше находится в состоянии полнейшего брожения. Оно доходит до состояния хаоса, где лучшие элементы побораются грязью и нечистотою, так долго пребывавшими в покое на самом дне и приведенными в движение событиями, при совершении которых многие не придали возможности такого явления, а многие и рассчитывали на него [них], видя в том надежду выплыть самим наверх. Им удалось. Они действуют, пользуясь расстройством и паникою, которые овладели здоровыми элементами общества. Вместе с этими Хлестаковыми, Чичиковыми и Загорецкими, ухватившимися за первую возможность продолжать свое зловредное или бесплодное существование в новой шкуре [торжествующую], бурливо торжествующую партию составляют некоторые честные, но слабые и озадаченные люди, которые увлеклись по неосторожности слишком далеко и теперь совестятся признаться как в своей ошибке, так и в несбывшихся надеждах. Они по неволе несут за то ответственность и [ужасную] кару в том, что незнающие их близко [к чему никто и не обязан] не различают их от пошляков и людей злонамеренных, примыкающих [тоже к той же] обширной категории, именуемой безразлично смешным уже для многих именем «партии движения», т. е. движения куда бы то ни было и во что бы то ни стало.

Мы имеем право говорить о злонамеренности, когда взглянем на то, что у нас делается под самым носом, пока не грянет гром и сами наши легкомысленные лже-прогрессисты [которые имеют в руках силу и власть, не] струсят, увидя с кем они были в союзе, поощряя их действия, льстя их дет-

скому честолюбию и раздразнивая их дикие инстинкты [апетиты] и поползновения. К чему говорить о прошедшем?.. Довольно настоящего. Не на днях ли была Москва огорчена и оскорблена гнуснейшими прокламациями, которых существованию не поверили бы ни в какой стране мира? Пусть наши аисты [опекуны] тщатся заставить нас прятать с ними голову, в нелепой надежде скрыть от страны очевидный признак опасности и в благом намерении не возмущать официозных некоих сорок, повторяющих без прекословия [казенную] стереотипную репортичку: «все благополучно». Пусть заставляют молчать честных людей, когда не имеют силы заставить законным путем молчать голос злодейства и защитить страну от волнующих ее опасений. Пусть оторопелые, взятые в расплох легкомысленные партизаны всякого движения стараются доказать, что это частные случаи, что тут нет [они не имеют] ничего общего с происшествиями, которые мы видим и дома, и по соседству. Мы знаем, что опасность есть, что корни зла пущены глубоко, что врагов много и что защититься от них можно только [давши] торжество общественного [ому] здравого [му] смысла [у], доставлением возможности действовать не одним ржавым колесам стародавней [везде брошенной] машины, починиваемой крепостными кузнецами, а живым представителям истинных и незыблемых интересов государства. В них лучший и единственный оплот против покушений на нашу честь, и благосостояние со стороны проповедников революции и измены [царю (?) и] отечеству.

Печальное состояние нашего общества, признак разложения его и необходимости сплотиться теснее между собою незараженным частям его организма, видны уже в том, что тяготевший над ним гнет произвел необходимый результат, который так любезен анархической агитации, хотя был установлен в свое время для совсем иных целей. Общество наше как бы обезглавлено. Куда ни посмотри, по всему прошел уровень посредственности, какой-то пошлости. Нет ни великих примеров, ни людей, которые могли бы служить знаменем, чтоб собрать около себя рать и воодушевить ее на дело, которое заменилось или фразою, или делопроизводством. Не заходя слишком далеко назад, посмотрим на недавно еще прошедшее, оглянемся вокруг себя и спросим: где Кутузов, Багратион [Барклай], Витгенштейн, Раевский, Тормосов, Милорадович, Коновницын, Остерман, Ермолов, знамени которых учат изменять русское войско? Где Мордвинов, Трощинский, Сперанский, Каподистрия [Кочубей], Шишков, Васильчиков, Канкрин, Дашков, Уваров, Друцкий-Любецкий, эти светлые умы, которых [мы] не заменим сотнями комитетов и легионами действительных тайных и других советников? Их нет. Их нет. А мы еще смеем хвалиться и поносить отцов.

Большая часть присутствующих помнить, кто еще недавно давал тон московскому обществу, кто был на виду в кругу людей, заинтересованных успехами цивилизации, литературы? Чаадаев, А. И. Тургенев, Хомяков, Киреевский, Грановский, С. Т. Аксаков. Все они отошли от нас и никто не мог и подумать о том, чтобы занять их место. А если и выкажется человек, который способен хоть сколько-нибудь сделаться центром небольшого кружка, но осмелится заговорить не в тоне, заданном самовластием новых деспотов — его осыпят клеветами и ругательствами, прославят агентом тайной полиции и зашумят, и загремят на весь мир те некоторые, которые хотят уверить, что они все. А все молчат по неволе, лишенные соединяющих звеньев, развлеченные беспокойством о будущности своей и своих семейств, занятые заботами о насущных своих интересах, поколебленных до основания не имея никаких средств даже заявить свои нужды, не только что принять участия в обсуждении и принятии мер для защиты этих нужд, преданных на терзание непрошенным благодетелям [верящим лишь или своей канцелярской мудрости, или, на сколько им то понравится, журнальным воплям и болтовне].

Естественно, тут остается только одно средство: теснее соединиться между собою людям честным и независимым и общими усилиями давать отпор наглому невежеству и нечестивому злорадству, которых союз опасен только потому, что за ним остается ложная маска либерализма; что ему потворствуют и с ним кокетничают те, которые боятся его; входя с ним в сделки, употребляя по временам в свою пользу, те, которые или равнодушны ко злу и добру, лишь бы подольше их место было свято, или наконец по близорукости не понимают, куда ведет их общение с умственной, моральной и всяческой анархией. Вот армия, против которой должно сражаться ежечасно, ежеминутно и против которой должны стать все вы, честные и истинно просвещенные люди, завоевывая этим путем право иметь вес в делах страны и оградить общество от дерзких посягательств на безопасность, собственность и честь всех и каждого.

Литература не могла не отразить в себе безотрадных явлений, характеризующих общество, особенно в такое время, когда в области ее чуть ли не самое обширное место заняли вопросы общественные, не исключая и самых мелких. Она также обезглавлена. Лучшие люди ее не группируются, как бывало, около писателей, каковы были Карамзин, Жуковский, Пушкин. Бог не дает нам таких талантов, соединенных с такими характерами. Между тем и тут тот же гнет произвел те же результаты. По окончании периода гонений на литературу оказалось, что подземная работа успела во время бури делать свое дело и в данную минуту, в общем наплыве всей дряни, вывороченной из возмущенной тины и грязи, на первом плане появилась грязь литературная. Все понятия перепутались; все прежние партии смешались, и трудно стало отличать голос убеждения от воплей лжи и насилия, извлекать истину из-под хитросплетенных покровов обмана. Взятые в расплох, разъединенные честные литературные органы были затоплены потоком выпущенных на свет полузамаскированных нелепых и преступных теорий. Провозвестники их, пользуясь поднятым ими же шумом, недоумением ошеломленного общества и разными беззаконными стачками с ними тех, которые должны были первые дать им отпор, выдали себя за представителей общественного мнения, захватили в руки монополию на воспитание общества и народа, завладели ключами почти всех позиций, командующих обширною областью общественной безопасности и благоустройства. Давно начатая пропаганда была легка: она учила только не терпеть ничего, возвышающегося над плоским демократическим уровнем в какой бы то ни было сфере, гнать художественное во имя социального, отвергнуть все предания, презреть прежнюю якобы аристократическую науку, отказаться от религии и воспитать себя на немногих иностранных брошюрках и журнальных статьях изделия наших мудрецов. Успех их был несомненен, особенно когда обращались к тому «молодому поколению», которому льстят, воспевая гимны «мальчишкам», прославляемым ими за то, что им 17 лет, а потому они уже приобрели опытность, которой не могли иметь 25-летние, родившиеся пораньше. Как не приобрести адептов, когда проповедуешь, что не надо ни учиться, ни размышлять, ни знать нравственного долга! Ополчение готово, строится под начальством новых пророков и клянется ниспровергнуть лжереакционерную партию, т. е. партию здравого смысла и нравственного порядка во имя партии лже-прогресса, т. е. безумия и нравственной анархии. Оно единодушно в своем главном стремлении и воины его ссорятся между собою только когда дело доходит до какой-нибудь поживы, а не из идеи или принципа. Они у них всех одни и те же. Укажите: чем разнятся взгляды журнала Х. от газеты У.? А они грызутся пока не дойдет до общего дела. Действия этого ополчения в этом отношении известны... Они дошли до той границы, увидя которую многие образумились. Естественное и законное чадо прошедшего — внутренняя болезнь, которою тяготился общественный организм, не умея дать себе точного отчета в ее сущности, вышла наружу и получила свое название: нигилизм.

Здесь в заседании единственного в России литературного Общества, обя-

заны мы, М. М. Г. Г., сказать доброе слово о сочлене нашем и писателе, любезном всем друзьям литературы, дорогом всей России, отличающемся, как превосходным своим талантом, так и высоким благородством своего характера. Вы уже назвали И. С. Тургенева. Его последний роман — самое яркое явление в литературе прошедшего года. Он исследовал и назвал разъедающий нас недуг, он художественно выставил на общий позор пустоту и вред лжеучения, проникающего и отравляющего все отрасли человеческого знания, все отправления нравственной природы человека. Разъяренные разоблачением своим лже-пророки, кичащиеся однако публично именами «свистунов» и «мальчишек», готовы погубить Тургенева, не разбирая средств. Он прежде прославляемый ими, когда именем его думали заманить новых адептов, а главное — новых подписчиков, узнает, что «близ Капитолия — Тарпейская скала». Но не свергнуть его с этой скалы бессильной злобе невежества! За ним — честный подвиг гражданина и писателя. Напасть на принцип болезни — уже шаг к ее исцелению. Благодаря Тургеневу все узнали в лицо своего врага и назвали его по имени: это «нигилизм», т. е. анархия, не только философская, или религиозная, но и литературная и всякая другая, потому что все стороны даже неправильного развития человеческой деятельности связаны между собою неразрывными узами.

При таком состоянии литературы немудрено, что Общество Л. Р. С. делается предметом нападок и брани со стороны агитаторов и несметной литературной черни. Мы стоим в разрез со всеми ее инстинктами и со всеми правилами ее кодекса. Мы чтим историю, любим искусство, служим науке, уважаем свободу, признаем святость нравственного долга, не проповедуем бесплодного и жалкого отрицания. Мы все-таки составляем организованный центр, к которому может примкнуть всякий, кто не захочет, чтоб его унесли бог весть куда безразличные волны грязного потока, которого господство так желательно для стремящихся ловить рыбу в его мутной воде. Они чувствуют, что всякая благоустроенная корпорация — преграда для их цели. Цель эта затопить волнами всяческой анархии все, что не хочет признавать их гибельного главенства, и водворить над необозримо раскинувшейся равниной безличных и тупых масс свою гнусную тиранию, хоть на время, пока новое бессмысленное колебание этих масс низвергнет их, чтобы заменить их новыми эфемерными деспотами.

И так нашему Обществу необходимо дружное соединение всех его членов для того, чтобы не сдавать без боя крепкой, пока мы не разрознены, позиции нашей в области литературы. Вот наше место в ней. Сохраним, М. М. Г. Г., ту связь, которою мы были сильны до сих пор, несмотря на все невзгоды и препятствия. Если литература расширила границы своего ведения, обсуждает новые для нее предметы и проповедует всяческую ложь, начиная с безсмысленного восхищения всем, что происходит, кончая пропагандою в пользу разрушения всех основ гражданского общества и для унижения человека на степень животного, расширим же и мы область наших чтений, чтобы защищать правду и ниспровергать ложь. В этой аудитории может раздаться независимый голос всякого, кто столько же чужд холопским восторгам перед благосклонным золочением подаваемых ему горьких пилюль, сколько гнушается пустолобым материализмом и грошовою демократиею, этим ненавистнейшим из всех родов деспотизма. Мы знаем, что в среде нашей в чести: нравственное достоинство человека, знания, закон, порядок, а следовательно и истинная свобода!

Михаил Лонгинов

Москва
26 февраля 1863 г.

[ПИСЬМО М. Н. ЛОНГИНОВА А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ]

Любезнейший Алексей Михайлович, очень сожалею, что ты не будешь читать в воскресенье, но очень понимаю, что ты отказываешься принимать участие в чем-либо, что противоречит твоему убеждению. Я очень рад, что ты поступил со мною с полною откровенностью, как подобает между старинными приятелями и считаю долгом высказать тебе также открыто мой ответ на твои сомнения.

Ты спрашиваешь, во имя каких начал нашей положительной жизни я вооружаюсь против современности? Во имя образованных людей, без всякого различия каст, людей, для которых ничего не делается, которым не прибавлено ни на унцию прав, между тем как грубым массам в 24 часа даны такие общественные права, которые далеко превосходят наши с тобою, при чем легко может произойти полное извращение общественной иерархии, без которой немыслимо общество, и это — в пользу невежества и дикости. Во имя существенных интересов страны, поколебленных до основания из желания прославиться либеральностью — дешевкою и угодить интересам фиктивным, а может быть и сентиментальным тенденциям, на которых ничего не построишь. Во имя справедливости, которая состоит в том, чтобы покривленные весы поставить прямо, и не перекривить их наоборот и отнимая гнусный произвол у одних, не выдавать их головой произволу, полному и безграничному, маленьким проконсулам, за их же добро, отданное в чужое распоряжение деспотиков, поддерживаемых толпою, которой дикие инстинкты раздразнены данным примером и убеждением в безнаказанности. Во имя свободы, которой мы никогда не добьемся, если вкоренится на верху уверенность, что масса затопила интеллигенцию, везде существующую в меньшинстве, а не в ней; потому что масса не знает иной свободы, как той, которая состоит в рубке чужого леса, потравах и тому подобного без взыскания за это.— Такие стремления и деяния на верху неопасны и все мероприятия доказывают, что того только и добиваются, чтобы произошло такое затопление. Тогда — прощай свобода: наступило царство демократии под диктатурой, которая мечтает опереться на нее. Но опираются только на то, что может дать отпор, на разумную силу. Иначе при первом толчке улетит и диктатура и является анархия — торжество нигилизма.

Ты спрашиваешь: какой мой идеал? Конституционная монархия, где все равны, как граждане, но политическое значение считается не прирожденным правом, как двигать или двигаться, а принадлежностью части народа, умеющей рассуждать и заинтересованной в решении государственных вопросов, стоящих выше помыслов о насущном хлебе для своей избы. Путь для достижения этого права политического да будет открыт всякому, кто захочет и сумеет приобрести необходимые для того условия. Кто же не достигнет его, да получит права для участия в ограниченных распорядках околотка. Спрашивают: где же то, что называют дворянством в обширном значении слова, т. е. тот класс, к которому тяготеет всякий выделявшийся доселе из масс. Говорят, оно плохо. Согласен. Но кто же лучше? Конечно ни правительство при нынешних его основаниях, ни духовенство, ни городские сословия, ни крестьянство. Если воображают, что последнее, освободившись от крепостного права, так созрело в один день, что из вещи, какою оно было по закону, ему можно дать обширные общинные и гражданские права; если ждут от него, что оно натворит чудеса в короткое время после освобождения, несмотря на то, что государственные крестьяне доказывают, что не ушли они вперед в благосостоянии и развитии; если все это допущено, то как не допустить мысли, что класс, все-таки подготовленный воспитанием более других, все-таки бывший более независимым, не приобретет в более ближайший срок политического смысла в делах, которые очевидно при прежних порядках итти не могут. Если нельзя надеяться на него, то все пропало и возможно разве, как говорится «мужицкое царство», которое скоро покорят кочевые башки-

ры или киргизы, а до тех пор жить в нем — едва ли ты согласишься. Странное дело! В крестьянском вопросе заговорили об истории, между тем как оно исторически не существовало, а живет себе после официального закрепления в XVII веке так же плохо, как жило при господстве неофициального закабаления, которое конечно существовало у нас в принципе на всех ступенях общественной лестницы по крайней мере со времени ига татарского. Между тем тут же презрели историческое существование дворянства, отрицая права полной собственности его на владеемую им землю; а оно жило исторически все таки 150 лет, открытое для всякого достоинства, что и доказывается историей, законодательством и пр. и пр. Неужели же оно, потерявши крепостных, не способно сделаться лучшим и скорее, чем освобожденные крестьяне? Неужели же возгласы о народе и модные выходки на дворян не фразы и не ложь? — Ты спрашиваешь: где я нашел аристократический элемент, во имя которого я ратую? Тут очевидное недоразумение. Конечно я так же мало, как и ты, думаю о титлах, родословных, грамотах и т. п. (исключая интереса их для моих исторических и библиографических занятий). Я признаю элемент консервативный, без которого нет свободы, нет основы ни для чего при каких бы то ни было преобразованиях. Я уважаю аристократию цивилизации, против которой восстало ополчение во имя нелепых утопий. Я не хочу аристократии в первом смысле, но демократии уже решительно ни в каком, потому что она — или грубый деспотизм масс, или гнусная тирания диктатуры. Вздохи или слезы по «незабвенном» мне так же противны, как восторги перед добродетелями «мужичков, доброго народа» и возгласы о «меньшей братии» в газетах. И то и другое лесть грубой силе или плутовской расчет или заблуждение, или сентиментальность, но во всяком случае не трезвая истина, которой все будто бы желают.

Ты также ошибаешься в словах своих о намерении моем задеть деятелей, стоявших за понижение оброков. Я вскользь употребил это слово, которое первое мне попалось и легко могло бы вылиться тут что-нибудь другое. Но и ты, по моему мнению, неправ, защищая людей, которые понимали отмену крепости серьезно в том отношении, что смотрели на положение 19 февраля с точки зрения, может быть очень искренней, но личной и предвзятой, тут значит своего же рода подъячество или приемы его.

Ты сам осудил их: они вносили личный произвол в применении закона; следовательно они деспоты и я никогда не назову их либералами за то, что они натягивают закон в одну сторону в ущерб другой, ради того, что они поддерживают притязания спущенной на волю толпы против все-таки лучшего меньшинства, разоренного по большей части регламентациями Положения и без усердного их содействия. Тут середины нет: или надо хоть сколько-нибудь вознаградить пострадавших и остановить дальнейшее развитие принципов социализма, вошедших в Положение (если это только можно), или просто объявить, что помещик не имеет прав на то, что даровал ему закон, т. е. вступить прямо на революционный путь. А эти деятели идут к нему под маской и косвенными дорогами, возбуждая в щедро и без того награжденных на счет одного класса крестьянах новые надежды, уверенность в том, что все их притязания не без основания, убеждают их в безнаказанности, поощряют их продолжать нарушать права собственности и т. д.

Делу дан фальшивый тон. Нарушение прав собственности сначала уже выставлено не как мера государственной безопасности, при чем крестьянам не было бы дано права браковать дарового коня и говорили бы с ними не миндальничая, что только вредно, когда делают дело. Его хотели выставить историческим долгом и идя от такой точки отправления не стало границ сполиации, ибо на всякий незаграбленный лоскут земли стали указывать собственнику, как на знак снисхождения и милости. Деятели по крестьянскому делу! Магия этих слов начинает разрушаться перед фактами и не уйдут от близкого суда не только исполнители, но и законодатели его. Редеет чи-

сло тех, которые за этим великим принципом освобождения не хотят видеть не менее великих дел, которых власть бежит как чорт от ладана, и без которых эманципация одних только сильнее кабалит других, лучших чем освобожденные и более важных для величия и благосостояния родины. Начинают уже видеть, что ее задумали лечить от одного недуга и для этого привили ей другой, не менее страшный, т. е. вместо крепостного права, к счастью уничтоженного, тут же заронили семена социализма, которые надо, необходимо заглушить вначале всеми силами (если только можно, повторяю). Второй может быть гораздо хуже первого: от первого можно излечиться, а от последнего никогда. Общее расстройство государственного организма уже смущает всех, кроме неисцелимых... Ты видишь, как я откровенен с тобою: я говорю тебе искреннее мое убеждение по вопросу, которого и не коснулся в статье моей, а который тебе только показался затронутым в ней. Ты замечаешь в обществе признаки сочувствия к разным мерзостям, процветавшим в нем при крепостном праве. Как быть? Но главный предмет твоих опасений вне опасности: крепостного права ведь не воротить никому. Редакционные комиссии и прочие учреждения были не только органами освобождения крестьян, но жестокою реакциею против крепости, как бы имевшею призвание, не разбирая ничего, мстить всем помещикам за порядок, установленный не ими, даже не их предками, а всею историею, и в котором виноваты все, не исключая крестьян, которые приняли официальное закрепление. Теперь и эти учреждения начинают испытывать реакцию, вызванную их несправедливостью. Нет сомнения, что к этому справедливому возмездию присоединяются нечистые помыслы. Отделим же их от того, что в этой реакции есть истинного и законного, как отделяем в деле освобождения все, что в нем есть несправедливого и вредного. Будем одинаково бороться с ложью *и злом, заключающимися в поползновениях ретроградов и в стремлениях прогрессистов*, ибо у них и того и другого не менее, только в другом роде. Верь, что неисправимый крепостник не хуже отчаянного социалиста. Разумные консерваторы и разумные прогрессисты без труда соединятся и восполнят друг друга. Тогда легко будет воспротивиться грозящей нам будущности. Она состоит в том, что цивилизованные классы пригнут разорением и притеснением, дадут массам жить беззаботно на счет чужого труда и достояния, которых давить поручат проконсулам и над всем этим водрузят олицетворение одной огромной палки, окруженной преторианцами.

Не такова будущность, которой я желаю. Моя формула в делах правительства — не гнет сверху или снизу, а влияние «большинства образованного меньшинства». Это путь истинно либеральный. Когда изберут его, тогда будет свобода, и для непризнающих его, выражать свои мнения. Но если возьмут верх последние, то наложат цепи на своих противников.

Вот, любезный друг, мои откровенные признания. Душевно радуюсь, что имел случай высказать их, на что готов и вперед, если ты захочешь продолжать нашу внезапно возникшую переписку. Верь, что я высоко ценю тебя и что уважение мое к тебе не уступает в силе той приязни, которая много лет привязывает меня к тебе.

М. Лонгинов

Москва
1—2 марта 1863 года.

ВОКРУГ „ОБРЫВА“

Сообщение Л. Утевского

1869 год был связан в жизни Гончарова с событием исключительной важности. С января этого года, под красной обложкой «Вестника Европы» начал печататься «Обрыв» — роман, с которым были связаны двадцать лет его жизни, который в представлении его был «долгом, завещанным от бога!».

Задумав его двадцатью годами ранее, во время посещения родного Симбирска (1849 г.), когда «старые воспоминания ранней молодости, новые встречи, картина берегов Волги, сцены и нравы провинциальной жизни» [1] расшевелили в нем фантазию, он приступил к писанию романа лишь через десять лет, в 1859 г., после окончания «Обломова». До этих пор, в первое десятилетие после возникновения замысла, он обрабатывал роман в голове, по всегдашней своей манере, набрасывая на листках, клочках бумаги планы, замыслы, наброски сцен, картин, событий и по обыкновению своему рассказывая об этих замыслах и планах «встречному и поперечному».

Лишь после десятилетнего обдумывания он приступает к писанию романа (1859 г.), притом нерешительно и с колебаниями: «герой труден и необдуман и притом надо начинать. Если напишу начало, то когда будет конец?» [2]. Параллельно с писанием продолжается интенсивная внутренняя работа. В следующем году роман развернулся перед ним «часа на два готовый и я увидал там много такого, чего мне и не грезилось никогда...» [3].

В последующие годы, в летние месяцы, за границей, он то пишет до изнеможения, то впадает в отчаяние. Задача кажется непосильной. Перо вываливается из рук. В мучительных сомнениях ему кажется, что он «пережил годы писания, как пережил годы страстей и завял» [4]. То представляется (в 1865 г.), что остается «перейти только речку, чтобы быть на другой стороне» [5], то речка эта оказывается морем. Роман, кажется ему, останется не законченным. В 1867 г. в письмах начинают звучать трагические ноты: «вопрос о труде решается отрицательно навсегда. Бросаю перо...» [6].

Но он его не бросил. Весной 1868 г. наметился решительный перелом. Под влиянием умелых настояний М. М. Стасюлевича, Гончаров решает летом кончить роман, конец которого встал перед ним теперь ясно и отчетливо. «Во мне теперь кипит будто в бутылке шампанского, — писал он весной этого года, уехав для окончания романа за границу,—все развивается, яснеет во мне, все легче, дальше, и я почти не выдерживаю, один, рыдаю, как ребенок, и измученной рукой спешу отмечать кое-как, в беспорядке» [7].

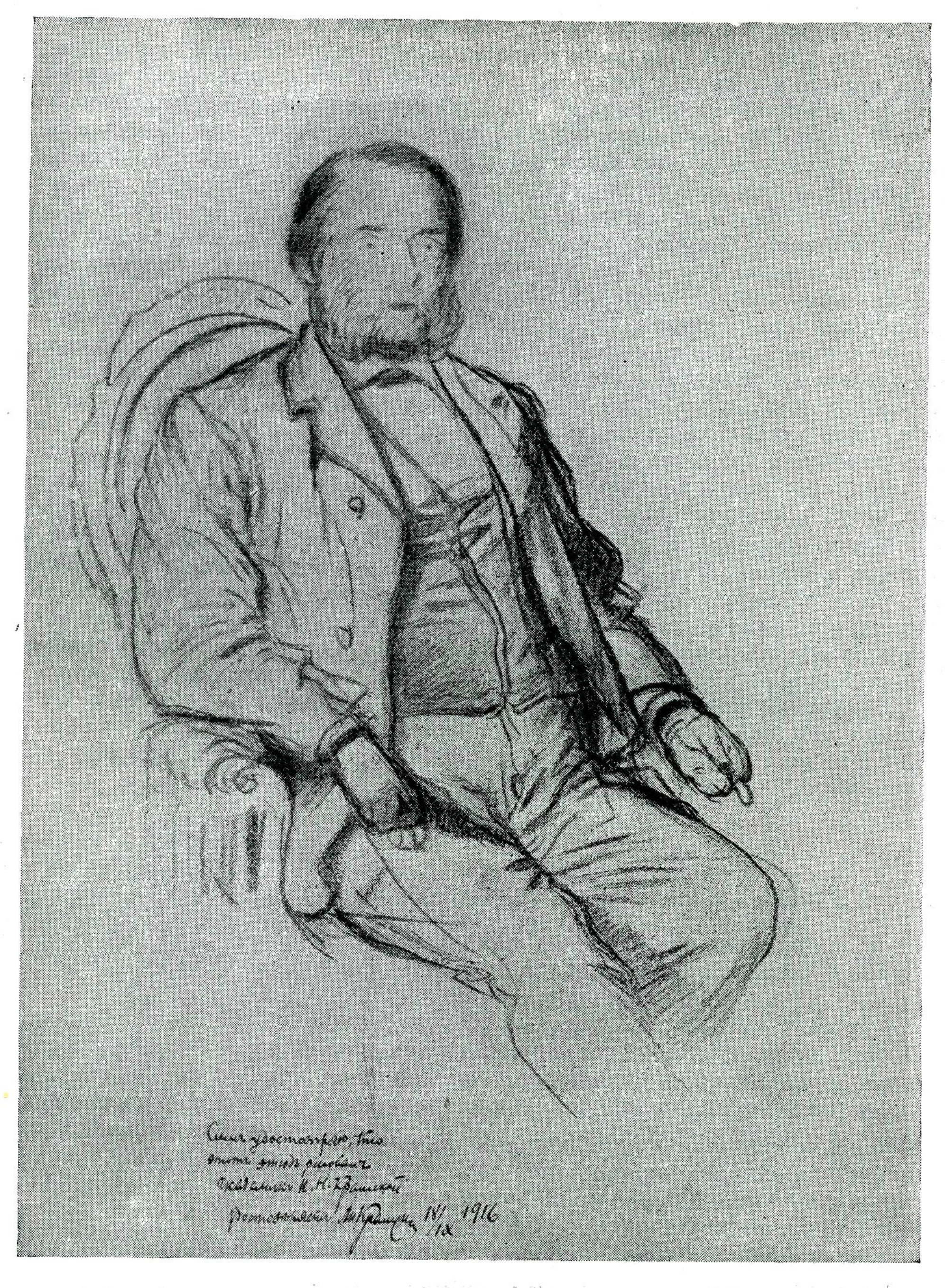
Начинается запойная работа («Я будто проснулся и опять заговорила во мне прежняя производительная сила, которая, казалось, оставила меня совсем [8]»). Целыми днями писал он («точно меня что-то несло [9]»), с утра до вечера, исписывая по печатному листу в день, до боли в пальцах. Но дни напряженного труда и теперь сменялись днями бездействия и тревожных сомнений. Приливы бодрости и энергии — приступами глубокого отчаяния. Причины его были для Гончарова исключительно характерны. Летом 1868 г. его природная мнительность принимает патологические формы. Именно в разгар работы над «Обрывом» он оказывается во власти жестокой мании преследования, схватившей его в свои тиски.

Душевная болезнь Гончарова, четко обнаружившаяся летом 1868 г. и с этих пор неуклонно разраставшаяся, имела отправной точкой роковое обстоятельство, случившееся тринадцатью годами ранее. Зимой 1855 г., в самый разгар обдумывания «Обрыва», во время одной из дружеских бесед с Тургеневым, он не только открыл ему «весь план будущего своего романа, но и пересказал все подробности, все готовые на клочках программы сцен, детали, решительно все, все»[10]. Чтение это, повидимому, произвело столь сильное впечатление на Тургенева, что в написанном им через три года романе «Дворянское гнездо» действительно имелись некоторые сходные положения, навеянные рассказанной ему программой Гончарова. Частично они были устранены Тургеневым после последовавших между ними объяснений, однако эти обстоятельства послужили началом драматической истории, исказившей всю вторую половину жизни Гончарова. Больное воображение его отныне готово было видеть во всех появлявшихся в последующие годы романах Тургенева лишь заимствования все из того же «Обрыва» (после выхода в свет «Накануне» Тургенева, как известно, между ними состоялся третейский суд). Летом 1868 г., в месяцы наиболее интенсивной работы над «Обрывом», которому он придавал исключительное значение («этот роман — была моя жизнь: я вложил в него часть самого себя, близких мне лиц, родину, Волгу, родные места, всю, можно сказать, свою и близкую мне жизнь»[11]), «чуть затаившийся пожар» разгорается небывало ярким пламенем. Письма этого лета переполнены жалобами на преследования могущественных врагов, по проискам Тургенева поставивших себе целью помешать ему писать. «Около меня раскинуты какие-то тенета, в которые меня ловят, как зайца, и травят собаками. И затравят — вы увидите»[12]. В такие дни, когда наверх всплывали «мутные подонки», он бросал перо: «минуты моего отчаяния невыразимы, — писал он в один из таких дней, — и я впал теперь в инерцию, сижу, хожу, как мертвый...»[13]. В сентябрьской книжке «Вестник Европы» должен был начаться печатанием перевод (с рукописи) нового романа Бертольда Ауэрбаха «Дача на Рейне». Роман этот вызывал в нем особенное беспокойство по двум причинам: он не только рекомендован был Стасюлевичу Тургеневым, но и должен был там появиться с предисловием последнего. Гончаров не знает, писать ли дальше. «Кто меня уверит и чем успокоит, что эти тетради [рукописи «Обрыва»], читанные мной до вас некоторым лицам, не переданы, хоть в содержании, кому-нибудь, например, Тургеневу или Ауэрбаху, новый роман которого, как вы сказывали, будет печататься у вас в переводе, прежде моего, да еще с предисловием Тургенева... Уверены ли вы, что моим тетрадям будет оказана пощада... и что чужая рука не выудила кое-чего и чужой язык не слизал сливок?»[14]. Тургенев и Ауэрбах «для какой-то шутки предупредят меня, прежде нежели я напечатаю свое. Так что в сентябре, у вас же, в «Вестнике Европы», может появиться то самое (конечно, содержание, а не редакция), что явится после в моем романе: да еще и явится ли, когда уже другой предупредит меня. Вот в этом — кто успокоит и уверит меня: вы ведь романа Ауэрбаха не читали... И вот это сомнение нередко выдергивает у меня перо из рук»[15].

В таком состоянии он все же летом и осенью 1868 г. закончил роман. После долгих колебаний и неоднократных намерений автора вовсе отказаться от печатания, «Обрыв» все же был напечатан в первых пяти книжках «Вестника Европы» 1869 г.

Читательский успех его был несомненен, но критикой роман был принят единодушно отрицательно. Радикальная критика не могла простить автору образа Марка Волохова, и в целом ряде статей[16] в унисон выносила роману и его автору резкий приговор. Болезненно реагировавший на них Гончаров тщетно пытался успокоить себя, именуя их «воплями нигилистов». Даже и на страницах консервативной «Зари» ему пришлось прочесть, что образ Марка Волохова «только недозрелый плод досугов г. Гончарова, белая бумага, испачканная сначала чернилами автора, а потом типографскими...»[17].

Больше чем когда-либо, теперь, по выходе «Обрыва», упавший духом и си-



И. А. ГОНЧАРОВ

Карандашный эскиз И. Крамского
Частное собрание, Москва

лами Гончаров продолжает быть под гнетом мыслей о кознях могущественных и жестоких врагов, подвергающих его «инквизиционным пыткам». «Я отступаюсь и от своих сочинений и от прав своих, думая, что—может быть их присудили передать другим! От этого даже не хожу справляться, продаются ли мои книги, не знаю, могу ли я ими располагать. Мрак, мрак!» [18]. В «Необыкновенной истории», написанной в декабре 1875—январе 1876 г., он так рассказывает о своем состоянии после выхода «Обрыва»: «Решась уже ничего больше не писать, измученный, преследуемый каким-то всеобщим за мной шпионством и всей этой борьбой, подозрениями, волнениями, сложил руки в рукава и объявил, что не буду больше писать и стал читать от скуки все, что попадалось под руки, между прочим и «Дачу на Рейне»... Ум его работал, однако, в определенном направлении. «Меня поразила эта шутка. Это—не что иное, как перенесенный на немецкую почву и переложенный на немецкие нравы «Обрыв»!! Все идет параллельно, со многими конечно вставками и дополнениями, но вся mise en scène, многие характеры, расположение сцен, самые сцены, темы разговоров — все, все очевидно писано по копиям с моих тетрадей!.. Мне стало ясно, что против меня действует, точно в заговоре, какое-то общество... за что? Кто? Мне стало больно и страшно жить! Я задумался не на шутку: стали у меня делаться нервные припадки, почти обмороки! Я видел уже не одного Тургенева, а целую кучу невидимых врагов, на каждом шагу оскорбляющих меня разными неприятностями, глупыми шутками, смехом — словом, я был в какой-то осаде, страшной нравственной тюрьме».

Теперь он приходит к психопатической идее о том, что роман его, в результате махинаций Тургенева, послужил материалом для нескольких иностранных романов. Тургенев «раздавал щедро мое добро иностранцам, как свое, и этим удовлетворял своей зависти, мешал мне и рос в их глазах сам» [19]. Но еще задолго до «Необыкновенной истории» этому вопросу — сходству «Обрыва» с «Дачей на Рейне» — он посвятил особую записку, до сих пор остававшуюся неизвестной. Драматическая история, сыгравшая в жизни писателя неизмеримую роль и имевшая в создании «Обрыва» исключительное значение, послужила поводом еще для одной рукописи, впервые нами теперь публикуемой [20]. Рукопись эта никак не озаглавлена:

I том [21].

Глава II. За новым вином.

Есть некоторые намеки и на первый разговор Марка с Райским, так же, как и в следующей главе Непохожие товарищи.

Манна [22] — faux air Веры, а Лина точь-в-точь Марфинька, даже попадаются одни и те же выражения в описании, в разговорах, как она поет, как любит есть яблоки и т. п. Ее характер — все.

Русалочные глаза, которые видит Райский [в] во взгляде лукавых [жен] страстных женщин — а тут голова Медузы. У Райского статуя одухотворенной Венеры, а у этого статуя [поб] Победы Рауха (стр. 68 и 71).

Глава XII: (стр. 141, 142) как Райского ведет Марфинька показывать дом, дворню и комнату Веры, так Зонненкамп ведет Эриха; он тоже прежде видит комнату Манны, (а ее самой еще нет дома — она в монастыре, как Вера у попа): тут вслед затем, как в Обрыве и характеристика дворни, стр. 158.

Манна религиозна, любит неверующего (как Вера Марка), борется, мучается тут и священник на сцене, она молится.

РУКОПИСЬ И. А. ГОНЧАРОВА О «ДАЧЕ НА РЕЙНЕ» АУЭРБАХА

Институт Русской Литературы, Ленинград

Словом — как в расположении хода романа, так и в некоторых деталях очевидно сделаны то близкие, то отдаленные сближения. И так как Дача на Рейне захватывает огромный замысел и громадную толпу лиц, то подсказанные подробности [из друг] из Обрыва конечно исчезают в этой массе. Но при случае, для ловких людей, они конечно будут отысканы — как бы для улики: «вот де из этого романа захвачено много туда» (таких обстоятельств, которые в Обрыве иногда составляют существенные его части, но которые [в Рейне] в Даче на Рейне ничего не значат). Это нужды нет, что оба романа печатались в одно время [24]. Ведь скажут — «не мог же заимствовать А<уэрбах> у Г<ончарова>, а этот — мол имел возможность. Да и нужно ли такому великому таланту, как А<уэрбах> брать где-нибудь!» Ловко и гнусно!

Дальше Майор намекает на Тита Ниловича— профессорша, мать Эриха, на бабушку.

Лина (стр. 231) — с Марфинькой.

Стр. 233.

Стр. 235.

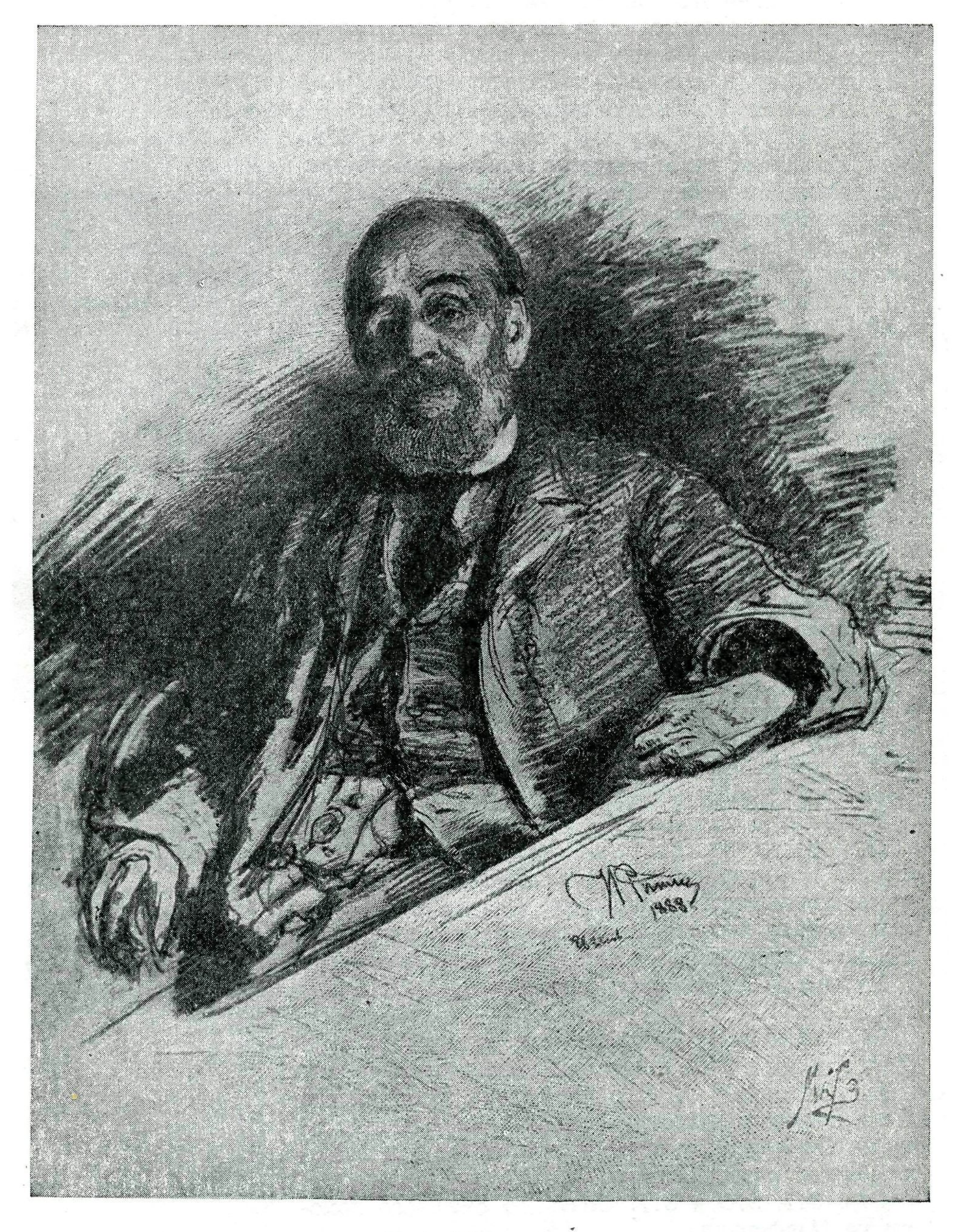
Глава Опять один.

Здесь уже прямо почти теми же словами (стр. 235) начинается эта глава «об утре», как в Обрыве во II-м томе (стр. 11) тоже об утре— только в Даче на Рейне это отнесено к доктору, который тоже хочет писать сочинение о сне (стр. 234) как Райский в I-м томе на стр. 441 — [хочет] хочет описывать скуку и сон жизни.

Все это конечно перетасовано, разбито по разным местам — но все может служить для мнимой улики. Очевидно интрига (не одного лица, а многих) дала А<уэрба>ху и мысль этого огромного романа — года за два перед появлением Обрыва, который весь был прочитан автором дважды гр. Апр[аксину], Феок[тистову], М-me Ж. и некоторым другим в отрывках [25]. Да кроме того [он] за границей, в отели, тетради валялись свободно — и всякий мог глядеть. Притом он кончен был печатанием прежде длинной Дачи на Рейне и книжки журнала в три дня доходили и в Берлин и в Баден [26], следоват<ельно> можно было прямо выхватывать оттуда.

Но задача одна — борьба с страстью [томл] препятствие, религиозный разлад, свадьба наивной не способной к любви Лины, бабушка профессора, учитель Кнопф (Козлов), даже и в разговоре последнего с Эрихом — есть намек на разговор Козлова с Райским — тоже о древности, о греках и римлянах.

(Подземные толки) [28] И выходит что [ка] как будто Обрыв дописан по готовому плану — стало быть-дескать—и начало и мысль о нем возникла по Двор[янскому] Гн[езду], а окончание по Ауэрбаху! Какие есть Бисмарки! И ужели между всеми этими господами и госпожами, которые плели мне эту сеть, не нашлось ни одного честного человека, который бы возгнушался этой проделки [из] (т. е. измены русской литературе в пользу немецкого жида)— и ни одного умного и тонкого критика, который бы обличил, где правда, где ложь, где выросло растение с корнем из родной почвы [и где оно] или где семена [занене] занесены ветром и дали пустоцвет!



И. А. ГОНЧАРОВ
Гравюра Матэ с карандашного рисунка И. Репина
Государственный Литературный Музей, Москва

Пранкен — это намек на Райского: хвастун-фразер, волочился сначала за Линой, потом будто влюблен в Манну.

Виноградный домик — и большая дача (маленький и большой дом в Обрыве).

Стр. 359. Наш друг Кнопф (Козлов) 362. (Как Козлов возится с греческими и римскими классиками, так и Кнопф преподает Греч. и Римск. мифологию).

На стр. 368 и 369 — ясный намек на разговор Козлова с Райским: о греках и римлянах—Civis romanus sum. Тут и об Аристофане [и о] все, все.

Даже и рисовка портретов (как у Райского) приписана Белле (стр. 429, 430).

Стр. 432. Опять о волокитстве Пранкена за Линой.

Том II-й

Стр. 57. Стеклянный взгляд Медузы— у Беллы (русалочный в Обрыве).

Стр. 162. И у Эриха есть постоянная задача написать книгу, которую он все [пишет] собирается писать (как Райский роман) это историю рабства всех народов.

Стр. 286. Некоторые черты Манны и Веры о самостоятельности мысли. Страницы 290, 291, 292, 293, 294 — Лина — совершенная копия Марфиньки, даже мелькают те же выражения. И влияние профессорши усмиряло ее.

Тут (стр. 297) и патер — (священник и Вера).

Цель этого [конечно] заговора, конечно, та, чтобы доказать, что Двор<янское> Гн<ездо> ни откуда не заимствовано, а вот-мол — и твой Обрыв есть ничто иное, как программа Дачи на Рейне, как Двор<янское> Гн<ездо> есть программа Обрыва. «Это-де была случайность». Так вот же тебе!

От этого один господин так и спешил, чтоб Дачу на Рейне начать поскорее, пока не начался Обрыв[27] т. е. в 1868 году, чтоб можно было уличить в заимствовании. А<уэрбах>, взяв тему из Об<рыва>, развивает, тушует ее с немецко-жидовской плодовитостью.

Стр. 315, 316 и 317. Опять до смешного похоже на Марфиньку.

III. Перетасовка лиц, встреча в церкви (стр. 60).

Том III-й

Тут уж начинается собственная история романа — Дворянство Зонненкампа, Америка, негры и т. д., следовательно здесь кончается параллель двух романов — [и даже из-за]. Точкой разъединения служит свадьба Манны.

В *Обрыве* Вера потому расстается, что Марк—неверующий, а Манна примиряется с этим.

И тут есть похожие, хотя и перетасованные сцены, например в церкви, встреча, стр. 60, 61.

Особенно ясен намек на стр. 62, в разговоре Манны с Эрихом — и стр. 65.

Да и самое свидание стр. 74 и 75, когда эта дурища Манна упала в объятия к Эриху, напоминает сцену в *Обрыве*. Видно, что *кто-то* не ленился переводить немцу-жиду уже вышедшие сцены *Обрыва*, когда еще эта часть *Дачи на Рейне* писалась. Это можно было смело делать, потому что кто же упрекнет А<уэрбаха> в заимствовании?

Тут дальше и борьба на стр. 76 и 77.

Наконец на стр. 125— *Лина* с женихом (как Марфинька с Викент<ьевым> возвращаются из-за Волги и находят пустоту и уныние — ужас...

И это взяли: *тоску, беду* бабушки, ее болезнь из *Обрыва* — на стр. 163. *Общее несчастие на вилле, запустение* — все украли! Довольно!

Рукопись не датирована. Датировка ее, однако, не представляется затруднительной. Она несомненно написана под свежим впечатлением только что прочитанного романа Ауэрбаха — таким образом не ранее конца 1869 г., однако и не многим позже, так как, по рассказу Гончарова, он взялся за чтение романа сравнительно скоро после появления «Обрыва». В январе 1870 г. Гончаров писал М. М. Стасюлевичу: «Не забудьте о романе Ауэрбаха... — и при удобном случае, по обещанию, пришлите[28] — имея в виду отдельное издание романа. Если сопоставить все это с тем обстоятельством, что в рукописи Гончаров ссылается на страницы именно отдельного издания «Дачи на Рейне», можно с большой долей вероятия высказать предположение, что рукопись написана была в начале 1870 г., т. е. в то время, когда душевная болезнь его достигла высшей точки своего развития, становясь ясной для окружающих. Через шесть лет после этого он приступает к «Необыкновенной истории», рукописи, имеющей исключительное значение для уяснения истории создания «Обрыва» и характеристики его автора, и в ней детальнейшим образом развивает выводы печатаемой нами записки 1870 г.

Л. Утевский

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] И. А. *Гончаров*, Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв» — «Русское Обозрение», 1695 г., кн.1, стр. 7.

[2] Письмо к И. И. Льховскому, 20 мая 1859 г.—Л. С. *Утевский*, Жизнь Гончарова, М., 1931 г., стр. 124.

[3] К С. А. Никитенко, 3/15 июня 1860 г., там же, стр. 139.

[4] К А. В. Никитенко, 17 июня 1862 г., «Русск. Старина», 1914 г., кн. 2, стр. 433.

[5] К. С. А. Никитенко, 1/13 июля 1865 г. — *Утевский*, Жизнь Гончарова, стр. 171.

[6] К А. В. Никитенко, 15/27 июня 1867 г., «Русск. Старина», 1914 г., кн. 4, стр. 49.

[7] К М. М. Стасюлевичу, 26 мая 1868 г., «М. М. Стасюлевич и его современники», т. IV, стр. 6.

[8] Ему же, 25 июня 1868 г., там же, стр. 22.

[9] «Русск. Ведомости», 1892 г., № 339.

[10] И. А. Гончаров, Необыкновенная История» — «Сборник Российск. Публ. Библиотеки», вып. I, П. 1924, стр. 15.

[11] Там же, стр. 21.

[12] М. М. Стасюлевичу, 19 (31) июля 1868 г., «Стасюлевич и его современники», т. IV, стр. 36.

[13] К. С. А. Никитенко, 19 (31) июля 1868 г., Утевский, Жизнь Гончарова, стр. 197.

[14] М. М. Стасюлевичу, 19 июня (1 июля) 1868 г., «Стасюлевич и его современники», т. IV, 26.

[15] Там же, стр. 30.

[16] «Уличная философия» — называлась одна из них («Отечеств. Записки», 1869 г. кн. 6 — автором ее был Салтыков-Щедрин), «Талантливая бесталанность» — другая («Дело», 1869 г. № 8), «Старая правда» — третья («Отечеств. Записки», 1869 г., кн. 10).

[17] «Заря», 1869 г., кн. 11.

[18] Письмо к С. А. Толстой, 11 ноября 1870 г., «Гончаров и Тургенев», под ред. Б. М. Энгельгардта, П. 1923, стр. 93.

[19] «Необыкновенная История» — «Сборн. Публ. Библ.» стр. 61.

[20] Рукопись эта находилась у Софии Александровны Никитенко (дочери А. В. Никитенко), близкого и преданного друга Гончарова, пользовавшегося его исключительным доверием, после смерти которой перешла к А. Ф. Кони. В настоящее время находится в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР, в Архиве которого значится, однако, как «план и конспект романа «Обрыв».

[21] То есть первый том «Дачи на Рейне» Ауэрбаха (так же, как и в дальнейшем главы). Страницы в скобках означают страницы отдельного издания романа. Зачеркнутое Гончаровым заключено нами в прямые скобки.

[22] Манна, Лина, Кнопф, Пранкен, Зонненкамп, Эрих—действующие лица «Дачи на Рейне».

[23] Название одной из глав романа.

[24] «Дача на Рейне» печаталась в «Вестнике Европы» с сентября 1868 г. по декабрь 1869 г., «Обрыв» — с января по май 1869 г.

[25] Апраксин, С. А., гр., полковник генеральн. штаба — заграничный знакомый Гончарова. Феоктистов, Е. М., впоследствии, с 1883 г.—начальник главного управления по делам печати. Чтение «Обрыва» этим лицам, которых впоследствии Гончаров считал агентами Тургенева, происходило летом 1867 г. в Баден-Бадене.

[26] В Берлине жил Ауэрбах, в Бадене — Тургенев.

[27] Т. е. Тургенев, рекомендовавший «Вестнику Европы» роман Ауэрбаха.

[28] «М. М. Стасюлевич и его современники», т. IV, стр. 93.

Х Р О Н И К А

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В АРХИВЫ СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК

Ни одна разновидность многообразных архивных материалов не подвергалась и не подвергается такому распылению, как историко-литературные архивы.

Ценнейшие собрания автографов писателей по совершенно произвольным частям продаются в различные музеи, библиотеки и другие учреждения; если даже тот или иной историко-литературный архив в основном сосредоточивается в одном учреждении, то поступление его туда обычно небольшими порциями составляет мучительный процесс, нисколько не гарантирующий действительной концентрации всего фонда полностью; значительные части многих архивов продаются или приносятся в дар различным рукописехранилищам, но основные их массивы попрежнему остаются в частных руках их обладателей: иные рукописные собрания придерживаются в частных руках, как некий товар, в ожидании конкуренции и поднятия на них цены; наконец несомненно есть и прямо безхозные архивы, на которые можно набрести, благодаря «счастливому случаю».

Все это показывает, что собирание историко-литературных рукописных материалов является и сейчас — и будет являться в дальнейшем — одной из актуальных задач в деле концентрации и централизации архивных документов.

Для Института Русской Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР эта задача становится особенно актуальной в связи с развернувшимися в нем работами по академическому изданию собраний сочинений русских классиков.

I

В своем Путеводителе в 1924 г. Пушкинский Дом писал: «Отделение рукописей Пушкинского Дома... расширялось всеми доступными ему средствами, — частью приобретением, а в значительно большей степени пожертвованиями и передачами от частных лиц и разнообразных учреждений».

В это утверждение внесены за последнее время и особенно за истекший год существенные изменения.

Если еще за 1933 г. дарения составляли 50 процентов поступившего материала, то в 1934 г. они сократились до ⅓, уступив первое место приобретениям путем покупки. Существенно изменился и самый характер обоих способов пополнения Рукописного собрания Пушкинского Дома. От пассивного ожидания дарений и предложений материалов их обладателями Пушкинский Дом перешел к планомерной концентрации историко-литературных материалов.

Не ограничиваясь собиранием частичного и разрозненного материала, Рукописное отделение Пушкинского Дома обратилось в редакции литературных журналов, в литературные издательства, в писательские организации и непосредственно к писателям с просьбой регулярно предоставлять ему отработанный материал (рукописи, авторские корректуры, переписку, рабочий материал и т. п.). Обращение не осталось тщетным, и начавшаяся, как увидим ниже, практика сдачи редакциями, издательствами и писателями своих архивов приобрела большое принципиальное значение, положив начало замене случайных дарений той систематической концентрацией, которая предохранит ценнейший текстовой, эпистолярный и деловой материал писателей от уничтожения и распыления его по разным рукам. Успешность такой концентрации зависит от готовности к этому организаций и отдельных писателей, с одной стороны, и от налаженности самой сдачи и приемки материалов — с другой.

Но такую сдачу можно было наладить лишь в отношении историко-литератур-

ных материалов, отложившихся за революционный период. Материалы же дореволюционного происхождения, распыленные по частным рукам и переходящие от одних обладателей к другим, необходимо было концентрировать посредством покупок. Этот способ требовал затраты не только больших материальных средств, но и значительных усилий по активному и систематическому разысканию названных архивных фондов и коллекций не только в Ленинграде и Москве, но и в провинции. К такому разысканию Пушкинский Дом и перешел, начиная с 1934 г.

Для разыскания и собирания историко-литературных материалов в обеих охарактеризованных областях Пушкинским Домом были выделены два сотрудника — один для постоянного контакта с писателями, издательствами и редакциями, другой для собирания сведений о материалах и для выяснения условий их приобретения у наследников и родственников писателей и общественных деятелей, у частных коллекционеров, у случайных обладателей разрозненных материалов и т. п. Кроме того Пушкинским Домом командировались сотрудники в провинцию. Такие командировки были осуществлены для разыскания и собирания автографов Гоголя, недостающих частей рукописного наследия М. Е. Салтыкова, эпистолярных материалов И. С. Тургенева.

II

Какими же поступлениями обогатилось в течение 1934 г. и 1935 г. Рукописное отделение Пушкинского Дома в результате охарактеризованных выше активизации и планомерности работы по концентрации историко-литературных архивных материалов?[1]

За указанный период Рукописное отделение приобрело архивных материалов в количестве свыше 12 000 временных, выражаясь архивной терминологией, единиц хранения, из которых многие являются не отдельными документами, а комплексами нескольких, часто весьма многочисленных архивалий.

Основная масса новых поступлений распадается на две категории: во-первых, поступления, являющиеся органическими дополнениями к ранее сконцентрированным в Пушкинском Доме архивным фондам и коллекциям, во-вторых, новые для Пушкинского Дома архивные фонды или части фондов, ранее не представленные в нем никакими материалами, затем уцелевшие остатки архивов писателей и, наконец, коллекции документов, входивших некогда в разные архивы, но впоследствии объединенных то по тематическому, то по коллекционному, то нередко даже по рыночному критерию («первосортный», «второсортный», «третьесортный» материал, по выражению его обладателей).

Обращаясь к первой из названных групп, необходимо прежде всего отметить обогащение новыми весьма ценными материалами основного ядра рукописных богатств Пушкинского Дома, именно архивного фонда А. С. Пушкина.

В его состав были включены материалы, являющиеся органической частью личного архива поэта и находившиеся в распоряжении П. Е. Щеголева. Эти рукописные ценности пополняют собой все три основные части личного и семейного архива А. С. Пушкина, именно: его автографы, хранившиеся им в своем архиве (черновики и беловые экземпляры рукописей, черновики писем), затем рабочий материал, служивший поэту при работе над своими произведениями и для изданий и, наконец, документы делового характера и письма к поэту. Первая часть архива пополнилась черновиком письма А. С. Пушкина к Д. И. Хвостову, написанным 2 августа 1832 г. на письме последнего к Пушкину; рабочий материал обогатился заметками, выписками и материалами для «Истории Пугачева» (о Белобородове, Перфильеве, Илье Аристове), фрагментом подлинной рукописи Вольтера 1737 г. (черновая редакция послания принцу Фридриху Прусскому и выписки из сатир Ювенала), рукописями Альфонса Жобара, Иоакинфа Бичурина, Р. И. Дорохова, П. С. Пущина, С. С. Уварова, Н. Н. Раевского и др. Третья часть архива Пушкина пополнилась тремя, считавшимися до сих пор утраченными, делами по опеке учрежденной в 1837 г. над детьми и имуществом поэта, — в одном из которых находится подлинная опись библиотеки Пушкина, составленная в 1837 г. и свидетельствующая почти о 180 названиях книг, бывших у поэта и не дошедших до нас в составе его библиотеки, хранящейся в Пушкинском Доме. К этой же части архива относятся письма к Пушкину Н. Н. Пушкиной и ее матери Н. И. Гончаровой, О. М. Сомова, А. П. Плещеева, Е. М. Завадовской, Каролины Собаньской, графа К. Риччи, Н. И. Хмельницкого, М. И. Калашникова, Д. Н. Арсеньева, кн. В. С. Голицына и др. Восполняя архив Пушкина и будучи использованы в печати лишь частично, приобретенные материалы дают не мало нового и ценного для изучения литературных отношений и интересов поэта, его жизни и творчества. Кроме пушкинского архива в собственном смысле, пополнилось и вооб-

[1] Ограничиваемся здесь только характеристикой поступлений в Рукописное отделение ИРЛИ, не касаясь поступлений, концентрирующихся в Библиотеке (книги с автографами) и в Музее (иконографический и иллюстративный материал).

ще рукописное наследие Пушкина, т. е. собрание тех его автографов, которые были органическими составными элементами других архивов лиц или учреждений. Так, напр., из архива П. В. Нащокина, пройдя чрез руки ряда обладателей, был принесен в дар Пушкинскому Дому Московской книжной лавкой писателей автограф Пушкина на печатном пригласительном билете по поводу помолвки поэта с Н. Н. Гончаровой, гласящий: «Павлу Воиновичу Нащокину от автора, 6/V 1830 года. Москва». Следует отметить, что в 1929 г. в архиве Б. Я. Брюсова была обнаружена копия этой шуточной надписи, но ни одного из пригласительных билетов не имеется ни в музеях, ни в архивах. Из церковного архива соседнего с пушкинским заповедником с. Вороничи были изъяты и включены в пушкинский фонд документы, на одном из которых имеется автограф Пушкина (официальная заверка им подписи П. А. Осиповой), на остальных—подписи Н. Н. Пушкиной («камер-юнкерша»), Ганнибалов, Осиповых, Вульфов, Михайлы Калашникова, экономки-управительницы Розалии и других; документы представляют собою разрешения крепостным вступать в браки.

Всего вошло в пушкинский фонд около 60 новых единиц хранения, и в настоящее время общее количество в нем пушкинских автографов превышает цифру 5 000 номеров.

Пушкиниана, тесно связанная с пушкинским фондом, также обогатилась новыми поступлениями: к мемуарным материалам прибавилась рукопись замечательных «Воспоминаний о Пушкине» П. А. Катенина; серия официальных документов пополнилась бумагами о службе А. С. Пушкина в Коллегии иностранных дел; материалы, касающиеся лицейских товарищей Пушкина, пополнились альбомом И. В. Малиновского, приобретенным у его внука П. П. Малиновского; из архива Л. С. Биркина поступили в пушкиниану материалы о возникновении в юбилейном 1899 г. Пушкинского лицейского общества и о проекте лицейского издания сочинений Пушкина.

Рукописное наследие ближайших предшественников, современников и соратников А. С. Пушкина также обогатилось: приобретены письма В. А. Жуковского к С. Н. Глинке (от 1823 и 1841 гг.), к М. А. Максимовичу 1839 г., автограф на книге «Краткие записки адмирала А. Шишкова», надпись Жуковского на обратной стороне одного из экслибрисов, которыми были снабжены книги его библиотеки, и др.; получены черновики перевода отдельных песен «Илиады» Н. И. Гнедича, автограф стихотворения Е. А. Баратынского «Старательно мы наблюдаем свет», ряд писем и фрагментов рукописей В. К. Кюхельбекера.

Лермонтовское собрание пополнилось редчайшим печатным оттиском поэмы М. Ю. Лермонтова «Сашка» с восстановлением (по недошедшей до нас рукописи) всех пропусков, сделанных редакцией «Русской Мысли» при опубликовании поэмы в 1882 г.

Налицо также приращение гоголевского фонда и гоголианы: от старого литератора В. А. Чаговца получена в дар коллекция гоголевских документов, в состав которой входят два письма Гоголя к матери (1830 и 1851 гг.), автографы отца и матери Гоголя, письмо к матери Гоголя Кулиша, «доношение в войсковой суд» А. С. Лизогуб и другие материалы, имеющие значение для изучения истории рода Гоголя.

Архивные фонды славянофилов получили значительное дополнение в виде коллекции писем И. С. Аксакова к своей невесте А. Ф. Тютчевой и многочисленных писем С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых в разных других, приобретенных в 1934 году., коллекциях.

Архивы писателей второй половины XIX в. и в частности рукописное наследие их самих наиболее значительно пополнились по Г. И. Успенскому и И. С. Тургеневу в связи с работами Пушкинского Дома по изданию их сочинений и по подготовке сборников по этим писателям.

Особенно успешно шло восстановление личного архива Гл. Успенского, основная масса которого стала сосредоточиваться в Рукописном отделении Пушкинского Дома, благодаря дочери писателя М. Г. Кричинской, еще с 1929 г. Продолжая и в настоящее время разыскивать и передавать в Пушкинский Дом материалы, относящиеся к Г. И. Успенскому, М. Г. Кричинская содействует своими незаменимыми указаниями и сведениями разысканию и тех материалов, которые либо, после рокового заболевания Г. И. Успенского, ушли из его архива в другие руки, либо находились у его корреспондентов и вообще лиц, так или иначе, соприкасавшихся с Г. И. Успенским. Таким путем в течение 1934 и начала 1935 гг. архивный фонд Г. И. Успенского возрос почти вдвое. От самой М. Г. Кричинской в него поступили — полностью сохранившаяся наборная рукопись «Мечтаний о трудовой жизни», контракты Г. И. Успенского на издания его сочинений и ряд вновь разысканных эпистолярных материалов. От дочери В. Е. Чешихина-Ветринского В. В. Чешихиной поступила часть архива Глеба Успенского с письмами к нему Я. В. Абрамова, П. А. Гайдебурова, С. Н. Кривенко, Л. Н. Кривенко, В. А. Гольцева, Г. А. Мачтета, В. М. Соболевского, Л. Ф. Ломовской. От дочери В. М. Соболевского, Н. В. Поповой, приобретены рукописи произведений: «Пока-что» и «По Дунаю», (из цикла «Мы»), «*Как рукой сняло*» (из цикла «Концов не соберешь»), «Очерки русской жизни», «Поездка по Дону» и

большой эпистолярий (свыше 100 писем) Глеба Успенского, в частности его письма к В. М. Соболевскому, А. С. Постникову, Л. А. Собинсу. Из архива А. В. Каменского поступили фрагменты (9 листов) из конторской прошнурованной книги, с записями расходов по мызе «Лядно», которые вел Глеб Успенский во время своего пребывания на этой мызе в 1880—1881 гг. за крестьянина Леонтия Беляева, заведывавшего мызой. У наследников Вл. Льв. Поляка была приобретена полная рукопись «Горький упрек». Н. В. Иванова, тесно связанная с семьей Г. И. Успенского и получавшая от него неоднократно помощь в затруднительных житейских обстоятельствах, предоставила Пушкинскому Дому ряд имевшихся у нее писем Г. И. Успенского. Наконец, от проф. В. П. Осипова был получен в дар «скорбный лист» болезни и смерти Глеба Успенского.

Благодаря охарактеризованной концентрации материалов, в архиве Г. И. Успенского к настоящему времени сосредоточено около 250 автографов рукописей, около 1 000 его писем и 1 500 писем к нему.

Интенсивно пополнялось также и собрание рукописей и писем И. С. Тургенева. В Самаре было приобретено 49 писем И. С. Тургенева к Аксаковым С. Т., К. С. и И. С.; в Одессе — письма его к О. А. Тургеневой и Н. М. Еропкиной, проливающие свет на тот романический эпизод 1854—1856 гг., о котором было известно из воспоминаний П. В. Анненкова; от Московского Исторического Музея получено около 100 писем И. С. Тургенева к декабристу Н. И. Тургеневу, являющихся органической частью архивного фонда братьев Тургеневых; приобретен также ряд писем к Н. А. Щепкину, А. М. Опекушину, Н. Н. Каразину и др. В настоящее время обширный тургеневский эпистолярий охватывает свыше 2 000 писем, продолжая непрерывно пополняться.

К автографам Н. Г. Чернышевского прибавились — фрагмент его рукописи под заглавием «Рассказы А. М. Левицкого» и рукопись примечаний к письму Н. А. Добролюбова.

Некрасовский фонд пополнился рядом его писем и деловыми документами, связанными с покупкой Некрасовым имения Карабихи (делопроизводство, уставные грамоты, переписка, планы, чертежи и тому подобные документы общим количеством около 40 единиц хранения).

Архив М. Е. Салтыкова обогатился значительным собранием (свыше 30 номеров) родовых документов Салтыковых.

Крупными и ценными пополнениями обогатилось рукописное наследие символистов. Приобретена полная коллекция писем А. А. Блока к родным, опубликованных издательством «Academia» в 1927 г., и ряд писем его к разным лицам. Передана в Пушкинский Дом уцелевшая часть архива Вячеслава Иванова, заключающая в себе около 60 его рукописей. Поступила большая коллекция писем В. Я. Брюсова к проф. А. И. Малеину, охватывающих период его сотрудничества в «Гермесе», к О. Норвежскому, к Н. С. Гумилеву и др., ряд писем К. Д. Бальмонта, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, М. А. Волошина, Г. И. Чулкова, Ф. К. Соллогуба, Н. Минского и коллекции автографов и писем Вл. Соловьева, К. Фофанова, А. Ремизова и др.

Собрание автографов М. Горького также значительно возросло. В архив поступили: автограф «Примечаний» на статью Б. Николаевского «Первое преступление Горького», творческие рукописи Грудской и Шальникова с пометками М. Горького и ряд писем — к Августу Бебелю, В. П. Кранихфельду, В. Князеву, Б. А. Лавреневу, А. А. Лукьянову, М. И. Волкову, О. О. Грузенбергу и др.

Рукописное наследие Леонида Андреева пополнилось первоначальной и окончательной редакциями «Саввы», рукописью «Он» и письмами Андреева к разным лицам.

Менее значительные приращения были достигнуты по рукописным собраниям И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Д. В. Григоровича, Льва Толстого, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, С. Я. Надсона.

Таковы главнейшие поступления 1934—1935 гг., являющиеся дополнением к собранным ранее Пушкинским Домом фондам и коллекциям.

Другой категорией поступлений 1934—1935 гг. являются новые архивные фонды или части фондов, затем уцелевшие остатки архивов и архивные коллекции. Фондовые поступления в свою очередь распадаются на следующие основные группы: фонды, целиком или частично сложившиеся в дореволюционный период; фонды, отражающие истоки современной советской рабоче-крестьянской литературы и, наконец, фонды советских писателей.

Из фондовых поступлений первой группы необходимо отметить архивы В. П. Кранихфельда, В. П. Острогорского, историка, этнографа и поэта Н. А. Маркевича, уцелевшие остатки архива Всеволода Крестовского, части архивов В. И. Панаева, К. Я. Грота, бумаги В. В. Князева, архивы Д. А. Лутохина, Е. А. Колтоновской, Л. И. Аверьяновой, А. М. Лениной, часть архива товарищества «Знание», архив М. И. Кутузова-Смоленского.

В архиве В. П. Кранихфельда, кроме огромной его переписки, находится ряд автографов рукописей, как например, Л. Андреева, Айзмана, Вересаева, Кондурушкина, Бунина, Саши Черного, Г. В. Плеханова, В. М. Фриче, Демьяна Бедного, Н. В. Крыленко, а также ряд материалов, относящихся к истории журнала «Со-

временный Мир» и к деятельности Литературного фонда, С.-Петербургского литературного общества, Союза писателей, Общества российских писателей, Съездов журналистов, Всероссийского Союза городов, Московского Литературно-Художественного кружка, Вольного экономического общества и др.

Архив В. П. Острогорского представляет собою обширную переписку его с писателями, учеными, композиторами, художниками, артистами. Среди его корреспондентов — Надсон, Минаев, Григорович, Михайловский, Гольцев, А. Н. Веселовский, В. О. Ключевский, Милюков, М. П. Клодт, М. Г. Савина, А. Сумбатов-Южин, Римский-Корсаков, Ц. Кюи и др.

В архиве Н. А. Маркевича имеются его дневники и воспоминания, охватывающие период с 1845 по 1858 гг., материалы для исторического словаря и для украинско-русского словаря, творческие рукописи, тетради прозы и стихов, переводы Шиллера, Мицкевича, Биргера, переписка с учеными обществами.

В уцелевшей части архива Всеволода Крестовского сохранилась его записная книжка с материалами и набросками для «Петербургских трущоб», а также ряд его рукописей, корректур, рисунков и карикатур. Кроме того в архиве Вс. Крестовского находятся исчерпывающе подобранные документы третейского суда между сыном Крестовского В. В. Крестовским и А. А. Измайловым (1913—1914 гг.) по поводу обвинения последним Всеволода Крестовского в плагиате романа «Петербургские трущобы» у Н. Г. Помяловского.

В архиве В. И. Панаева заслуживают внимания рукописи его воспоминаний, список рукописи Липранди «Несколько слов об элементах, подготовляющих политические перевороты в государствах»— с пометою «совершенно секретно», письма М. М. Сперанского, А. Горчакова, Н. Н. Муравьева.

В бумагах, приобретенных у К. Я. Грота, представляют интерес письма В. И. Даля, охватывающие период с 1860 по 1869 г.

В архиве В. Князева имеются собранные им несколько тысяч дореволюционных частушек, большое собрание писем к Князеву М. Горького, Куприна, Аверченко, Саши Черного, Всеволода Иванова, а также собранные им в виде альбома многочисленные автографы писателей на подаренных В. Князеву книгах.

Архив Д. А. Лутохина, помимо дневников и рукописей статей его самого, заключает в себе переписку Лутохина с М. Горьким (свыше 50 писем), Амфитеатровым, Булгаковым, Пешехоновым, Соллогубом, Ремизовым, Кустодиевым, Ге, Пильняком и другими корреспондентами.

Архив Е. А. Колтоновской заключает в себе, кроме ее рукописей, переписку Колтоновской с Буниным, Вересаевым, Сергеевым-Ценским, Ю. Слезкиным и др.

Среди бумаг Л. И. Аверьяновой находится ряд автографов рукописей и писем — М. Горького, А. Н. Толстого, М. Зощенко, М. Слонимского.

В бумагах М. К. Голицыной найдены письма П. Бурже, М. Вогюэ, Полины Виардо и большое собрание писем композиторов и артистов.

В бумагах А. М. Лениной полностью сохранилась семейная переписка А. М. Достоевского, в составе которой имеется одно письмо Ф. М. Достоевского и несколько писем А. Гр. Достоевской.

От К. П. Пятницкого поступила часть архива редакции «Знания», в котором имеются, кроме указанных выше двух редакций «Саввы» Леонида Андреева, еще ряд наборных рукописей А. Кипена («Бирючий остров»), Шолома Аша («Зимою»), Скитальца («На Волге»), С. А. Найденова («Роман тети Ани» с автографом М. Горького), Густава Даниловского («На острове», пер. А. С. Черемнова).

В группе описываемых архивов дореволюционного происхождения особое место занимает личный архив М. И. Кутузова-Смоленского, перешедший сначала к Опочининым, а затем к Тучковым, и вследствие этого заключающий в себе, кроме бумаг Кутузова, также и архивные материалы Опочининых и Тучковых. В этом тройном архивном фонде имеются ценнейшие материалы. На ряду с перепиской Кутузова с высшей придворной, военной, гражданской и церковной бюрократией екатерининской, павловской и александровской поры, а также семейной перепиской, в архиве находятся автографы Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Шишкова, дневники М. И. Кутузова, К. Ф. Опочинина, П. А. Тучкова, письма Сталь, Шатобриана, Жозефа де Местра, Ксавье де Местра, Гуфеланда и ряда других иностранных корреспондентов Кутузовых. Архив дает богатый материал для изучения общественно-литературных и политических отношений эпохи Великой французской революции, наполеоновского времени и эпохи реставрации.

Из новых архивных фондов, отражающих зарождение пролетарской и крестьянской литературы, наиболее важное значение имеет поступление в Рукописное отделение Пушкинского Дома архивов С. Д. Дрожжина и Л. М. Клейнборта, дающих вместе с ранее приобретенным архивом А. И. Яцимирского возможность широкой постановки научно-исследовательской работы по изучению исторических истоков рабоче-крестьянской литературы и творчества начинающих писателей.

Архив С. Д. Дрожжина охватывает свыше 300 единиц хранения и состоит из автобиографических набросков, дневников, рукописей его произведений и огромной переписки его.

В архиве Л. М. Клейнборта собраны в количестве свыше 1000 номеров рукописи произведений, автобиографии и в наибольшем количестве письма Е. Нечаева, И. Вольнова, С. Подъячева, И. Касаткина, Новикова-Прибоя, И. Садофьева, С. Обрадовича, М. Волкова, М. Герасимова, В. Кириллова, В. Александровского, М. Сивачева, Ф. Гладкова, А. Неверова, П. Карпова, А. П. Чапыгина, Есенина, Н. Степного, А. Ширяева, Маширова-Самобытника, М. Артамонова, и др.

Особенно богато в архиве Л. М. Клейнборта представлено собрание материалов по белорусской литературе: в нем находятся рукописи Янки Купалы, Тишки Гартного, Якуба Коласа, З. Бядули.

Дополнением к архивам Дрожжина и Клейнборта являются коллекции аналогичных материалов П. В. Заволокина и И. А. Скребкова, дающие, помимо вариантов автобиографий Дрожжина, Неверова, Назарова, Нечаева и др., еще ряд рукописей и писем Подъячева и Дрожжина.

Из архивов советских писателей поступили в Рукописное отделение Пушкинского Дома в течение 1934 г. архив Н. С. Тихонова, части архивов М. Л. Слонимского и др., а из издательств и редакций журналов — архивы «Звезды», «Литературного Современника», «Педагогической Мысли» и части архивов журнала «Залп», издательства «Время», «Издательства Писателей» и Ленинградского отделения Литиздата.

Своеобразный материал представляют собой, поступающие в Архив Пушкинского Дома коллекции. Их архивалии крайне пестры, и значимость их для основного массива сконцентрированных в нем материалов весьма различна. Многие из документов, входящих в состав коллекций, являются органическими частями как старых фондов Архива так и новых поступлений. Так, например, в одной из приобретенных коллекций оказались отдельные документы, на которых сохранились даже шифры старых инвентарей собрания «Русской Старины». В составе этих документов вернулся в названное собрание, между прочим, и автограф стихотворения Виктора Гюго «Squelette qu'a tu fait de ton âme?».

Другие документы коллекций примыкают к вновь приобретенным архивным фондам. Таким путем поступило в Архив уже три дополнения к архивному фонду М. И. Кутузова.

Многие документы коллекций представляют собой материалы архивно-музейного характера: здесь попадаются и автографы Петра I, и письма Екатерины II к Алексею и Григорию Орловым, и список «Записок» Екатерины II, дающий разночтения по сравнению с известным в печати текстом «Записок», и автографы Потемкина и переписка И. И. Шувалова и большое количество альбомов и т. п.

Но наибольшее количество приобретенных архивных материалов коллекционного типа, как можно установить уже в настоящий момент, являются слитыми и перемешанными частями архивов, существовавших прежде самостоятельно. Среди них более или менее отчетливо выделяются архивы И. А. Лейкина, Б. Б. Глинского, Вас. Ив. Немировича-Данченко, А. А. Потехина, Евт. Карпова, Н. Н. Ходотова, М. Е. Дарского, М. М. Гаккебуша, А. А. Измайлова, В. В. Муйжеля, А. Е. Кауфмана, Ф. Ф. Фидлера и др.

Таким образом, систематизация материалов, приобретаемых коллекций по их фондообразователям позволяет начать восстановление фондов, которые явятся новым значительным прибавлением к уже имеющимся в Пушкинском Доме 535 фондам.

В виду того, что обладатели тех или иных коллекций, предлагая их Пушкинскому Дому, не соглашаются производить из них отбор отдельных документов, почему приходится приобретать коллекции в заранее данном их составе,— Рукописное отделение Пушкинского Дома организовало особый обменный фонд, в который отбираются из приобретаемых коллекций материалы, не имеющие прямого отношения к проблематике и тематике литературоведения. Такой фонд послужит в будущем базой для развертывания обмена материалами с различного рода архивными хранилищами и музеями СССР.

И. Маяковский

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Собрания архивных материалов Государственного Исторического Музея чрезвычайно разнообразны и широки по своим хронологическим рамкам: от документов XIII в. до материалов по истории Октябрьской революции и социалистического строительства включительно.

Помимо архивных документов исторического характера — собраний грамот, патентов, столбцов, писцовых и переписных книг, вотчинных дел, материалов к истории сельского хозяйства (архивы Куракиных, Голицыных, Глебовых-Стрешневых, Хомяковых, Киреевских, Шишкиных и др.), материалов к истории фабрик и заводов (Голицыных, Соймоновых, Демидовых, Мальцева), материалов к истории крестьянских войн (восстание Пугачева), к истории восстания 14 декабря 1825 г., крестьянской реформе 1861 г., о колони-

альной и внешней политике России XVIII—XIX вв. и пр.—архив ГИМ располагает довольно значительным количеством материалов историко-литературного характера, представленных как особыми фондами (И. В. Киреевского, Голенищева-Кутузова, П. А. Бессонова, К. К. Случевского, Н. В. Станкевича, С. А. Юрьева, В. М. Лаврова, части архива П. И. Бартенева и др.), так и отдельными документами.

Ряд материалов историко-литературного характера имеет архив ГИМ также и в коллекциях русских и иностранных автографов.

За последнее время архивом ГИМ приобретен и выявлен ряд значительных материалов историко-литературного характера. Остановимся на некоторых из них.

Несомненно большую и первоклассную ценность представляют собою приобретенные в 1934 г. альбомы Болотовых и Всеволожского, дневные записки мещанина Зиновьева и др.

Альбом Болотовых 1786 г. заключает в себе 45 рисунков в красках (акварель), 33 — пером и план имения Богородицка, исполненных известным писателем второй половины XVIII в. Андреем Тимофеевичем Болотовым (акварель) и его сыном Павлом Андрееевичем Болотовым (перо). Альбом является прекраснейшим дополнением и иллюстрацией к известным запискам А. Т. Болотова. Портрет его и автограф записок находятся в ГИМ.

В архиве ГИМ имеются кроме того работы А. Т. Болотова: «Хронологическая история 7 лет», 1779—1785 гг. (собр. Барсова, № 173) и «Обстоятельное и подробное описание осуждения и казни Людовика XVI короля французского» — перевод из гамбургских газет, а также дневник Павла Андреевича Болотова: «Журнал, или ежедневные записки препровожденного времени и всем приключениям, случившимся со мною в 1789 году».

Художественно-историческое значение имеет альбом с 20-ю карикатурами на государственных деятелей и лиц, имевших влияние на политическую жизнь России 70—80-х годов XIX столетия, мастерски исполненными директором императорских театров И. А. Всеволожским: канцлера А. М. Горчакова, братьев Д. А. и Н. А. Милютиных, советника министерства иностранных дел Жомини, министра внутренних дел Валуева, поэта Тютчева (с надписью: «Poète inspiré par les muses», писателя А. К. Толстого (изображенного с пикою в руке, на которой в виде марионеток — персонажи его творчества (Иван Грозный и князь Серебряный), министра народного просвещения Д. Ф. Толстого, товарища министра народного просвещения Делянова и др.

На верхней стороне черного кожаного переплета в металлическом овале под стеклом и в деревянной коричневой четырехугольной с изломом рамке — карикатура-автопортрет Всеволожского с отточенным пером в руке. На первом переплетном листе альбома надпись: «Album dessiné par m-r Jean Vsévolojsky dont la charge est incrustée dans la reliure».

Большую и несомненную ценность представляют две рукописные книги галичского мещанина Василия Васильевича Зиновьева первой четверти XIX в. (на бумаге с водяными знаками «1813» и «1816»), заключающие в себе его дневники, прерываемые записями различного характера: копиями деловых бумаг, выписками из газет, указов, постановлений, книг разного содержания, литературных сочинений, хозяйственными и медицинскими рецептами, счетами. Книги интересны как документ, отражающий быт, культурный уровень и литературный вкус провинциального мещанства. Архивные материалы, относящиеся к мещанскому сословию начала XIX в., а тем более XVIII в. — редки. Зиновьев хотя и пишет свои дневники в первой четверти XIX в. — корнями своими принадлежит эпохе XVIII в.: упоминание в дневниках о «внуках» свидетельствует о том, что писались они стариком.

Тщательного изучения ждет также рукописный дневник путешествия в Пекин астронома-академика Федора Ивановича Шуберта (1758—1825), отправленного в 1805 г. с русским посольством в Китай в качестве начальника ученого отделения (по астрономии и восточной литературе), но возвратившегося с пути из Иркутска. Дневник написан на немецком языке и носит заглавие: «Tagebuch meiner Reise nach Pekin; 1805—1806». Сопоставление дневника Шуберта с подробным описанием путешествия того же посольства в записках известного Ф. Ф. Вигеля может дать выводы, интересные для истории этого неудачного посольства, возглавлявшегося гр. Юрием Головкиным.

Выявлен ряд материалов, относящихся к Грибоедову, Пушкину, декабристам: Кюхельбекеру, М. И. Муравьеву-Апостолу, А. Н. Сутгофу, автографы художественных произведений, письма И. С. Тургенева и др.

К ранее описанным материалам по Грибоедову (письма его к А. К. Амбургер, Кюхельбекеру, Н. А. Муханову, Н. Н. Похвисневу, С. И. Мазаровичу, П. Н. Ермолову, С. А. Алексееву, так называемый Бегичевский автограф комедии «Горе от ума», список той же комедии с пометкой А. А. Жандр: «Верно с подлинным манускриптом, полученным мною от самого автора. Тайн. сов. Жандр») мы можем присоединить: 1) письмо Грибоедова к поверенному в русских делах в Персии С. И. Мазаровичу без даты, обнаруженное в бумагах последнего, состоящих из писем, депеш А. П. Ермолова, Макнейля, министров персидского правительства, частью на персидском языке, и других материалов. Письмо подготовляется к пе-

чати; 2) свыше 30 списков комедии «Горе от ума» XIX в., из которых один — в собрании Уваровых—с акварельными иллюстрациями; 3) два печатных объявления московского обер-полицмейстера Шульгина 2-го, 1830 г., с расписанием дней «в которые, в каких местах будет его высочество принц Хозрев-Мирза», внук персидского Фет-Али-шаха, приехавший в Россию от персидского правительства с извинениями за гибель в 1829 г. русской миссии в Тегеране с полномочным министром Грибоедовым во главе; 4) записка полковника Ениколопова о разговоре его с Фет-Али-шахом о гибели Грибоедова (подготовляется к печати); 5) материалы об английском влиянии на персидское правительство — из архива командующего отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющего гражданской частью и пограничными делами Кавказа Г. В. Розена. Подготовляются к печати.

Из материалов по Пушкину отметим: 1) стихотворение персидского поэта Сабухи на смерть Пушкина; персидский текст с русским переводом и примечаниями (из бумаг Г. В. Розена); 2) список стихотворения «Деревня», имеющий разночтения с печатными текстами; на бумаге с водяным знаком «1821».

В дополнение к ранее описанным материалам *по декабристам* — печатным указам, приговорам верховного уголовного суда по делу декабристов, артельной книги и устава артели декабристов, относящихся к сибирскому периоду их жизни, воспоминаний свящ. П. Н. Мысловского—духовника декабристов—о Пестеле и других, объявлению Московского военного ген.-губернатора о присяге Константину Павловичу, подорожной 1825 г. от имени Константина Павловича и значительному количеству эпистолярного материала по отдельным декабристам — мы имеем теперь: 1) автографы поэта В. К. Кюхельбекера: его неизданную поэму «Заровавель», начинающуюся словами:

Над войском русского царя
В стенах Тавриза покоренных
Бледнеет поздняя заря...

в 1°, на 12 лл. и дневник Кюхельбекера 1832 г., в который введены его стихотворения, испещренные многочисленными поправками, в 1°, на 26 лл.; 2) свыше 100 писем декабристов: Н. В. Басаргина, Г. С. Батенькова, М. А. Бестужева, В. П. Ивашева, Е. П. Оболенского, М. И. Пущина, В. К. Тизенгаузен, С. П. Трубецкого, М. А. Фон-Визин, В. И. Штейнгель и наконец М. И. Муравьева-Апостола к воспитаннице своей А. П. Сазанович и последней к нему, относящихся к 1876—1879 гг. Последние годы жизни Муравьева-Апостола подробно освещаются указанной перепиской; 3) книга М. А. Корфа «Восшествие на престол имп. Николая I», П., 1857 г. с критическими, порою едкими замечаниями на изложение Корфом истории декабрьского восстания декабриста А. Н. Сутгофа, написанными последним в 1857 г., согласно свидетельству сына декабриста Е. И. Якушкина, на первом переплетном листе книги.

Несомненный интерес представляет примыкающее к тому же времени руководство к исполнению обязанностей по корпусу жандармов и инструкция к нему за подписью А. Х. Бенкендорфа от 1827 г. (из бумаг подполковника жандармского корпуса Микулина).

Штрихом к имущественному положению братьев Чаадаевых могут послужить бумаги П. А. Березникова «по делу Чаадаевых» 1817—1818 гг. об уплате Михаилу и Петру Яковлевичам Чаадаевым 5 000 руб.

В дополнение, к имеющемуся довольно значительному эпистолярному материалу по И. С. Тургеневу, представленному письмами его к Ю. П. Вревской (49 п.; 1873—1877 гг.), И. П. Борисову (5 п.; 1858—1861 гг.), Н. Х. Кетчеру (2 п.; 1858 г.); К. К. Случевскому (18 п.; 1860—1870 гг.), Н. М. Щепкину (3 п.; 1850—1854 гг.), Н. В. Станкевичу (2 п.; 1840 г.) и другим лицам, а также письмами к нему разных лиц, среди которых отметим письмо родителей Ивана Сергеевича — Сергея Николаевича и Варвары Петровны Тургеневых,— собрание архива пополнилось автографами на 59 листах, представляющими собою материалы к подготовке собрания сочинений Тургенева издания 1869 г. Автографы содержат многочисленные поправки, добавления и варианты к следующим произведениям: «Литературные и житейские воспоминания», «Вместо вступления», «Литературный вечер у Плетнева (Гоголь, Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин)», «По поводу О т ц о в и д е т е й», «Воспоминания о Белинском» (последние по тексту «Вестника Европы»), к повести «Два приятеля», роману «Дым», к пьесам «Неосторожность», «Безденежье», «Где тонко, там и рвется», «Нахлебник», «Провинциалка», «Месяц в деревне». Все автографы беловые, но и в них немало следов тщательной работы Тургенева.

Из автографов художественных произведений Тургенева архив до сих пор имел на учете только вариант (черновой отрывок) к «Месяцу в деревне» (на 1 листе) и текст «Притынного кабачка», известный в печати под заглавием «Певцы». Автографичность последней рукописи ограничивается лишь поправками самого Тургенева.

Значительное количество историко-литературных материалов выявлено за последнее время с разбором архивов: журнала «Москвитянин», семьи Киреевских, части архива П. И. Бартенева, П. А. Бессонова, Ф. П. Толстого и его дочери Е. Ф. Юнге, А. Н. и Ю. А. Веселовских, издателя журнала «Беседа» и «Русская Мысль» С. А. Юрьева, В. М. Лаврова и др.

Архив журнала «Москвитянин», издававшегося с 1841—1856 гг., сохранился в составе собрания П. И. Щукина повидимому лишь в незначительной своей части. В нем мы имеем письма: А. Х. Востокова, А. Н. и М. Н. Островских, О. М. Бодянского, Н. И. Костомарова, Т. П. Пассек, С. П. Шевырева, А. С. Стурдзы, Б. Н. Алмазова, Д. Ф. Самарина и др. Случайно в этом же архиве оказалось два отрывка-автографа Достоевского, связанные с изданием «Дневника писателя», относящиеся уже к 70-м годам.

Также в далеко неполном виде дошел до архива ГИМ архив и семьи Киреевских (с 20-х годов XIX столетия до первой четверти XX столетия) в котором, за исключением небольших фрагментов, не сохранилось, к сожалению, материалов по изданию И. В. Киреевским журнала «Европеец». В нем мы имеем: подлинный дневник И. В. Киреевского и письма лиц, сотрудничавших в упомянутом журнале, а также письма представителей русской общественной мысли как славянофильского, так и западнического толка: А. Е. Баратынского, А. С. Пушкина (2 п.; 1832 г.), А. В. Веневитинова (4 п.; 1850 г.); А. Ф. Воейкова (1 п.; 1831 г.), П. А. Вяземского (3 п.); Елагиных: Авдотьи Петровны (22 п.; 1823—1849 гг.) и Василия Алексеевича (2 п.); В. А. Жуковского (2 п.; 1849 г.), писательницы А. П. Зонтаг (2 п.; 1833 и 1834 гг.); А. И. Кошелева (1 п.); М. А. Максимовича (2 п.; 1847 и 1850 гг.); Ек. Аф. Протасовой (1 п.; 1822 г.); А. С. Норова (4 п.; 1822 г.); Одоевского В. Ф. (27 п.; 1832 г.); Рожалина (2 п.; 1834 г.); С. А. Соболевского (8 п.; 1829): А. И. Тургенева (3 п.; 1833 г.); С. П. Шевырева (5 п.; 1847 г.), Н. Н. Шереметьевой (3 п.) и др. Значительную часть архива составляют бумаги по управлению имениями Киреевских «Долбино», переписка жены И. В. Киреевского Наталии Петровны, рожд. Арбеневой и их сына Сергея Ивановича.

Вместе с большим архивом Уваровых поступила в собрание ГИМ часть архива попечителя Московского учебного округа Дмитрия Павловича Голохвастова. При беглом обзоре его в нем обнаружены письма следующих лиц: А. Я. Булгакова, М. Н. Загоскина, А. А. Закревского, Н. Д. Иванчин-Писарева, А. О. Ишимовой, Я. М. Неверова, М. Ф. Орлова, Т. П. Пассек, М. М. Сперанского, П. М. Строева, Н. Г. Устрялова, Н. Н. Шереметьевой и др.

В части фонда П. И. Бартенева обнаружены: подлинные письма масона Иосифа Поздеева к гр. А. К. Разумовскому первой четверти XIX в., А. П. Елагиной (1847—1852 гг.), черновое письмо эмигранта Н. И. Тургенева к В. А. Жуковскому о своей книге «La Russie et les Russes» (Париж, 1847 г.), письма профессора русской словесности М. А. Максимовича (40-х годов XIX ст.), Н. И. Гнедича (20-х годов XIX ст.), материалы о Н. Н. Муравьеве-Карском: корректурные гранки его записок, пропущенные при издании записок по желанию его дочери, и статья врача Шерстневского: «Болезнь и смерть ген. от инф., ген.-ад. Н. Н. Муравьева-Карского», 20/X 1856 г.; корректурные гранки с невыпущенной в печать IX главой записок Берга о польском восстании 1862 г.; рукописные статьи по разным вопросам лиц, сотрудничавших в «Русском Архиве», и др.

Архив профессора русской литературы Петра Алексеевича Бессонова второй половины XIX в. состоит из материалов для его биографии, рукописей его черновых научных работ: записей песен (среди последних есть песни, записанные рукою П. И. Бартенева), духовных стихов, былин и других фольклорных материалов, печатных и рукописных нот, главным образом с записями народных мелодий; материалов, относящихся к педагогической деятельности Бессонова: программ средних учебных заведений, военных школ, Московского и Харьковского университетов, материалов по руссификации учебных заведений. Западного края, семейной переписки, писем писателей, научных и иных деятелей, из которых укажем: В. Д. Аверкиева, И. С. Аксакова, поэта Б. Н. Алмазова, Е. В. Барсова, П. И. Бартенева, братьев Алексея и Александра Николаевичей Веселовских, Ф. И. Буслаева, Вяч. Ганки (на чешском языке; конец письма не сохранился), А. Ф. Гильфердинга, Н. П. Гилярова-Платонова; В. И. Даля, И. Д. Делянова, А. Л. Дювернуа, В. А. Елагина, декабриста Д. И. Завалишина, Д. И. Иловайского, Киреевских (1 общее письмо), М. А. Корф, А. Н. Котляревского, А. И. Кошелева, Д. И. Менделеева, Д. Л. Мордовцева, А. А. Навроцкого, Ф. Д. Нефедова, М. П. Погодина, Д. Ровинского, Н. Г. Рубинштейна, П. Н. Рыбникова, Салиас де-Турнемир, Ю. Ф. Самарина, композитора А. Н. Серова, ген. М. Д. Скобелева, министра народного просвещения Д. Ф. Толстого, Л. Н. Толстого (2 письма), В. Ундольского, Е. М. Феоктистова, А. С. Хомякова, Н. А. и В. А. Чаевых, С. П. Шевырева, С. А. Юрьева и др.

Большой интерес для истории развития русского искусства, а также быта и нравов преподавателей петербургской Академии Художеств представляет архив скульптора и гравера Федора Петровича Толстого и его дочери Екатерины Федоровны Юнге. В нем мы имеем: черновые записки Толстого, некоторые главы которых при издании записок. в «Русской Старине» за 1873 г. по желанию родных были выпущены. Эти главы касаются главным образом быта старого Петербурга (конца XVIII — начала XIX в.), детства и морской службы Толстого (записки подготовляются ГИМ к печати); рисунки, проекты медалей Толстого. Часть архива, относящаяся к Е. Ф. Юнге, содержит: ее дневники, воспомина-

ния отдельных периодов ее жизни, записные книжки, зарисовки с картин художественных галлерей Европы, рисунки с натуры. При переиздании записки Юнге с привлечением указанных материалов могут быть значительно расширены. Знакомства с выдающимися людьми в доме отца дали возможность Юнге записать интересные страницы о преподавателях Академии Художеств: о Н. И. Костомарове, Н. А. Северцове, трагическом актере негре Ольридж и других, частью не вошедшие в ее изданные записки (М., 1934 г.). Кроме семейной переписки архив Юнге имеет письма: Ф. М. Достоевского (1 п.; 1880 г.), А. Г. Достоевской с воспоминаниями о муже 5 п.; 1881—1884 гг.), художника И. Е. Репина (2 п.), автора воспоминаний, дочери Ф. П. Толстого от первого брака М. Ф. Каменской и ее мужа П. П. Каменского, Л. Н. Толстого о смерти сына Алексея, о дешевом издании для народа сочинения Н. И. Костомарова «Сорок лет» с критикой на воспоминания Юнге о Т. П. Пассек (2 п.; оба—без дат), С. А. Толстой с данными о жизни семьи Толстых (8 п.; 1902—1907 гг.); М. А. Киршенко-Волошина (2 п.), Н. С. Лескова о «Соборянах» (1 п.; 1878 г.); М. А. Сеченовой (4 п.; 1904—1906 гг.); М. М. Стасюлевича, Т. П. Пассек (9 п.; 1874—1875 гг.), М. Н. Островского (1 п.); художницы Е. М. Бем, В. В. Стасова (1 п.; 1900 г.) и др.

Сохранился в архиве материал, связанный с Л. Н. Толстым, который Е. Ф. Юнге тщательно собирала. Так, например, в архиве имеются: копии писем Толстого к Николаю II по поводу гонений на духоборов от 7/XII 1900 г. и рабочих Прохоровской фабрики от 4/III 1901 г. по поводу отлучения Толстого Синодом от церкви с двумя посвященными Толстому баснями: «Ослы и лев» и «Голуби-победители», а также копия письма С. А. Толстой к Победоносцеву и митрополитам; ответ (литография) Толстого на постановление Синода и письмо (литография) Толстого к «царю и его помощникам» от 15/III 1901 г. На обороте 5-го листа последнего письма рисунок карандашом — портрет Толстого, исполненный, вероятно, Е. Ф. Юнге.

Сохранились в архиве Юнге и антиправительственные стихотворения: на Николая II, на Витте, а также гектографированный оттиск стихотворения в прозе М. Горького: «Перед лицом жизни» и др.

Закончено подробное научное описание большого архива издателя журналов «Беседа» и «Русская Мысль» С. А. Юрьева 40—80-х годов XIX столетия, состоящего из его научных и литературных работ: переводов с испанского сочинений Кальдерона-де-ла-Барка и Лопе де-Вега, Шекспира; статей: о Гете, Шекспире, Лопе де-Вега, о работах русских ученых и публицистов (И. И. Дитятине, С. Я. Капустине, Н. И. Крылове и др.), о театральных постановках (очерк Серова «Рогнеда» и др.); речей на заседаниях Общества любителей российской словесности (о 25-летии литературной деятельности А. Ф. Писемского, о Е. А. Салиас де-Турнемир, памяти Ю. Ф. Самарина, И. С. Тургенева, по поводу открытия памятника Пушкину и др.); лекций по сценическому искусству, заметок, отразивших взгляд Юрьева на реформу 1861 г. и на роль мировых посредников. Большинство указанных материалов сохранилось к сожалению в фрагментарном виде. К сведению исследователей следует сказать, что текст рукописей Юрьева с трудом поддается чтению благодаря неразборчивости его почерка. Обширный эпистолярный отдел архива Юрьева, заключающий в себе письма русских писателей, художников, ученых, общественных и иных деятелей, дает ценный материал для истории русской журналистики, цензуры, истории русской общественной мысли в ее различных разветвлениях, содержит биографические данные отдельных лиц и дает материалы для истории их научного или художественного творчества. Из 100 адресатов к Юрьеву укажем: беллетриста М. В. Авдеева (? п.), драматурга Д. В. Аверкиева (3 п.), беллетриста и критика В. Г. Авсеенко, поэта Б. Н. Алмазова, проф. антропологии Д. Н. Анучина, артиста Н. Арбенина, беллетриста, брата петрашевца Н. Д. Ахшарумова, музыкального критика В. С. Баскина (15 п.), поэта Н. В. Берга (4 п.), историка и журналиста В. А. Бильбасова, химика и композитора А. П. Бородина, академика Ф. И. Буслаева, автора «Сказок кота Мурлыки» Н. П. Вагнера, писательницы М. В. Ватсон, историка литературы С. А. Венгерова (4 п.), поэта, переводчика А. А. Венкстерн (2 п.), историка литературы Алексея Ник. Веселовского (26 п.) с упоминанием о ряде лиц и фактов (чествовании проф. В. И. Герье, о встрече в Полтавской губ. у проф. Н. И. Стороженко с С. И. Танеевым и его игре, о пении кобзарей, о статье, написанной под впечатлением вышедшей книги о бельгийской революции 1830 г., об отставке М. М. Ковалевского, о «создателе русской прессы» М. Н. Каткове, о хищениях в редакции «Русской Мысли» Н. Н. Бахметьева, о работах Н. И. Костомарова и пр.); автора комедий М. Н. Владыкина, директора имп. театров И. А. Всеволожского, издателя газеты А. А. Гатцука (18 п.), проф. В. И. Герье (4 п.), В. А. Гольцова (5 п.), академика Я. К. Грота (2 п.), романиста Г. П. Данилевского, публициста-юриста Г. А. Джаншиева, историка И. И. Дитятина (7 п.), В. А. Елагина (3 п.), писателя Захарьина (псевдоним Якунин, 5 п.), Н. И. Златовратского (8 п.), экономиста И. И. Иванюкова (5 п.), письмо последнего от 8/XI 1879 г. о своей статье по поводу появившихся переводов сочинений Маркса и Лассаля и о правильном

понимании и толковании их; письма писателя по вопросам народного хозяйства С. Я. Капустина (25 п.), касаются ряда вопросов и личностей: о своих статьях по крестьянскому вопросу, в частности по поводу своей статьи о «политических стремлениях в различных группах нашего общества и в среде нашего крестьянства» от 7/IX 1883 г.; об участии в «Русской Мысли» Н. И. Костомарова и Л. Н. Толстого, об А. А. Слепцове и его сотрудничестве в «Голосе», о Бильбасове, о книге Ровинского «Народные картинки», о работах Ю. Н. Мельгунова, о народных песнях, о «сожженой» статье (?) Толстого; А. И. Кирпичникова, В. О. Ключевского (2 п.), М. М. Ковалевского (3 п.) с отказом сотрудничать в журнале «Русская Мысль», программа которого «породила непроходимую бездну» между издателями журнала и «такими людьми, как Янжул, Бугаев, Стороженко, Миллер, Гольцев, я и другие», о И. С. Тургеневе, желающем знать программу журнала «Русская Мысль», в котором он «призван сотрудничать»; публициста Н. П. Колюпанова, В. Г. Короленко (1 п.), антрепренера Ф. А. Корша, филолога Ф. Е. Корша, слависта Ап. А. Майкова (16 п.), пианиста и музыкального критика Д. И. Мельгунова, В. И. Миропольского (5 п.)—об Америке, Д. И. Миропольского (4 п. о своих очерках Сев.-зап. края, писателя Д. Л. Мордовцева (2 п.), писателя А. А. Навроцкого (1 п.) со стихотворением «Псков», беллетриста и этнографа Ф. Д. Нефедова (8 п.)—одно из них от 28/XI 1871 г. о передаче Юрьеву сочинений А. И. Левитова: «Горе сел, дорог и городов», поэта И. И. Пальмина (2 п.)—автобиографичны; консула в 70-х годах в Яссах писателя И. А. Пашкова (10 п.) с данными о писателе Г. П. Данилевском: актера М. И. Писарева (3 п.), К. П. Победоносцева, А. Н. Плещева (15 п.),—одно из них с отзывом о «дневнике» Достоевского, о Самарине, Черкасском и Аксакове, много способствовавшем гибели журнала «Беседа», о чтении Писемским своей комедии у Мещерского и о печатании ее в «Гражданине», о цензоре Ратынском, М. Н. Каткове, об А. К. Толстом и др.; поэта Я. П. Полонского, историка Н. А. Попова (10 п.), писателя Г. Н. Потанина (2 п.) о своих произведениях и по поводу преподавания классических языков в средней школе, публициста А. С. Пругавина (3 п.)—одно из них об издании за границей «исследования о религиозно-аграрном движении на Урале» при помощи Лугинина на основании архивных материалов, собранных на Урале в 1881—1882 гг., художника В. В. Пукирева—автобиографического характера; А. Н. Пыпина (4 п.), цензора Н. А. Ратынского (3 п.) с характеристиками П. А. Вяземского, Салтыкова-Щедрина, о хищениях быв. министра Макова; писателя Г. П. Сазонова с протестом против систематического откладывания журналом «Русская Мысль» статей народнического характера; историка В. И. Семевского (6 п.), писателя А. И. Скребницкого, поэта К. К. Случевского (2 п.), историка западной литературы Н. И. Стороженко (34 п.), композитора С. И. Танеева, С. Урусова (5 п.) с заметками о Л. Н. Толстом, А. А. Фета-Шеншина (1 п.), педагога С. В. Флерова (2 п.), В. А. Чаева (5 п.),—главным образом о болезни брата Н. А. Чаева; режиссера С. А. Черневского (12 п.), писательницы Н. П. Шаликовой (псевдоним Е. Нарская), драматурга Шпажинского (4 п.), участника процесса 193-х Влад. Н. Щепкина — главным образом о литературных работах своей матери А. В. Щепкиной, сестры Н. В. Станкевича; писателя по вопросам народного хозяйства Ф. А. Щедрина, этнографа П. И. Якушкина и др.

Естественным продолжением архива Юрьева является архив Вукола Михайловича Лаврова, утвержденного в 1882 г. вторым редактором журнала «Русская Мысль», а с 1885 г. его единственным редактором. Архив Лаврова имеет две основные части: рукописи литературного характера, принадлежавшие лично Лаврову и редакции журнала, и затем письма. В рукописях литературного характера мы имеем переводы Лаврова с польского: Марии Конопницкой — «Стахо Шафарчик», «Криста»; Мошковского — «Сверхнесчастный»; Элизы Оржешко—«На дне совести»; Болеслава Пруса — «Самые общие жизненные идеалы», «Антек», «Дети»; Генриха Сенкевича—«Водоворот»; Сосновского — рассказ «Забытая сила»; Ю. А. Крашевского — переводы по истории Польши; рукописные сочинения Эл. Оржешко (El Orzeszkowa) на польском языке — «Wieke» и «Pestania», а также тетрадь с копиями 48 писем Оржешко, переписанных на машинке, с примечаниями к некоторым из них Лаврова.

Стихотворения: В. И. Немирович-Данченко, Пальмина в юмористическом духе, посвященные Лаврову и П. Д. Боборыкину, юмористическое «меню юбилейного обеда» А. А. Фета по случаю 50-летия его «пустостишия», соч. Ремизова.

Рукопись Н. С. Лескова: «Аскалонский злодей» (происшествие в Иродовой темнице) — копия с многочисленными поправками автора. Автографы: рукопись С. В. Максимовича «Литературная экспедиция» (по архивным документам и личным воспоминаниям); повесть И. А. Салова «Уютный уголок», написанная в имении «Петушки» 9/VIII 1889 г., и др.

Значительное количество поздравительных телеграмм по случаю 10-ти и 20-летия журнала «Русская Мысль»: Горбунова-Посадова, Данилевского, Жемчужникова, Засодимского, А. Ф. Кони, Королен-

ко, Виктора Крылова, Лескова, Мамина-Сибиряка, Мачтет, Модеста Писарева, Потапенко, Ремизова, Салтыкова-Щедрина, Свободина, Семевского, Скабичевского, Телешева, Гликерии Федоровой, Чернышевского и др.

Большое количество писем, содержание которых в большей своей части связано с научной и литературной деятельностью лиц, сотрудничавших в журнале «Русская Мысль»: В. П. Авенариуса (1 п.; 1889 г.); В. Г. Авсеенко (3 п.; 1898 г.); И. С. Аксакова (1 п.; 1886 г.), К. Бальмонта (1 п.; 1898 г.); П. Д. Боборыкина (4 п.; 1887—1903 гг.); композитора, виолончелиста А. А. Брандукова (3 п.; без даты); И. А. Бунина (3 п.; 1901—1902 гг.), В. П. Буренина (1 п.; 1896 г.), Н. П. Вагнера (2 п.; 1882—1883 гг.), В. А. Гольцева (41 п.; 1898—1903 гг.); Д. В. Григоровича (12 п.; 1893—1898 гг.); Г. П. Данилевского (20 п.), Ф. М. Достоевского (1 телеграмма о приезде в Москву от 22/V 1880 г.): А. М. Жемчужникова (6 п.; 1888—1891 гг.); П. В. Засодимского (1 п.; 1897 г. о «Повести из давних лет»), Н. Н. Златовратского (2 п.; 1900 г. и без даты), И. И. Иванюкова (10 п.; без дат); пианиста К. Н. Игумнова (1 п.; 1898 г.); С. Капустина (2 п.; 1890 г.), С. В. Ковалевского (1 п.; без даты, с рекомендацией переводчицы со шведского); А. Ф. Кони (4 п; 1897—1901 гг.); В. Г. Короленко (32 п.; 1890—1898 гг.); Н. И. Костомарова (2 п.; 1881 г.), В. А. Крылова (4 п.; 1891—1898 гг.); А. А. Лугового (14 п.; 1894—1902 гг.); Н. С. Лескова (29 п.; 1887—1894 гг), содержащие в себе ценные указания для истории его творчества, частично уже использованные исследователями (например исследование С. Ф. Елеонского о «Чортовых куклах»); этнографа С. В. Максимовича (20 п.; 1886—1899 гг.); Д. М. Мамина-Сибиряка (9 п.); 1892—1901 гг.); Г. А. Мачтет (10 п.; 1891—1901 гг.); Н. К. Мердер (псевдоним—Северин, (2 п.; 1888 г. о помещении в «Русской Мысли» рассказа «В лесу» и «Мои воспоминания»); Н. К. Михайловского (5 п.; без дат), В. И. Немирович-Данченко (53 п.; 1887—1890 гг.); Ек. Ст. Некрасовой (1 п.; 1881 г. о Г. И. Успенском); Ф. Д. Нефедова (4 п.; 1888—1899 гг.), Л. Пальмина (17 п.; 1882—1883 гг. и без дат); М. Ив. Писарева (46 п.; 1884—1895 гг.); Ф. Н. Плевако (3 п., 1 стихотворение и 1 визитная карточка); Л. Полонского (14 п.; 1887—1892 гг.); Я. П. Полонского (17 п.; 1893—1898 гг.), И. Н. Потапенко (45 п.; 1891—1901 гг.), А. А. Потехина (1 п.; без даты о повести «Спиридоныч» неизвестного автора); критика М. А. Протопопова (10 п.; 1893—1900 гг.); исследователя сектанства А. С. Пругавина (8 п.), М. Н. Ремезова (15 п.; 1890—1899 гг.); артистки М. Г. Савиной (6 п.; 1891—1899 гг.); Салтыкова-Щедрина (2 п.; 1883 и без даты); артиста П. М. Свободина (136 п.; 1884—1897 гг., одно из писем с подробным описанием смерти Вс. Гаршина, о похоронах Шелгунова); В. И. Семевского (7 п.; 1890—1896 гг.); А. М. Скабичевского (1 п.; 1888 г.); В. Д. Спасовича (7 п.; 1882—1902 гг); К. М. Станюковича (9 п.; 1891—1901 гг.), зоолога П. П. Сушкина (7 п.; 1894—1901 гг. с рисунками); Н. С. Тихонравова (1 п.; без даты); Л. Н. Толстого (1 п.; без даты с рекомендацией кандидата филологического факультета Московского университета Ивана Михайловича Ивакина); поэта Л. Н. Трефолева (11 п.; 1889—1896 гг.; в одном из писем стихотворение «Метаморфозы»); Г. И. Успенского (1 п.; 1882 г.), артистки Г. Н. Федотовой (3 п.; 1906—1907 гг.), С. Г. Фруга (3 п.; 1889—1892 гг.); Н. Г. Чернышевского (4 п.; 1888—1889 гг.); А. П. Чехова (2 п.; 1902 (?) и 1903 гг.); М. П. Чеховой (2 п.; 1910 г.); Н. В. Шелгунова (57 п.; 1886—1891 гг.); А. К. Шеллера-Михайлова (1 п.); Т. Л. Щепкиной-Куперник (1 п.; 1901 г.); артиста А. И. Южина-Сумбатова (2 п., 1894 и без даты); С. А. Юрьева (6 п.; 1884 (?)—1886 гг.); И. И. Ясинского (2 п.; 1887 и 1891 гг.).

В архиве имеются кроме того тетради с копиями писем: А. Н. Плещеева, Вс. Гаршина, Н. В. Шелгунова, Г. П. Данилевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского и других к помощнику редактора журнала «Русская Мысль» Н. Н. Бахметьеву.

Ценный материал для биографий революционных деятелей дает архив (1880—1919) Веры Дмитриевны Лебедевой, ур. Дубенской (1846 (?) — 1919), свидетельницы по процессу 193-х, члена Шлиссельбургского комитета, принимавшей большое участие в судьбе заключенного в Шлиссельбургской крепости революционера М. Ф. Фроленко. В бумагах Лебедевой сохранилось прошение ее к министру внутренних дел о взятии на поруки освобожденного из крепости Фроленко и помещении его в имении своего сына В. П. Лебедева в Зарайском уезде Рязанской губ.

Основным материалом архива являются письма к Лебедевой революционных деятелей, писателей, ученых: антрополога Д. Н. Анучина, О. В. Аптекман, В. В. Берви (Флеровского) — 2 письма к Льву Павловичу ....; П. Буланова (об отказе Л. Н. Толстого подписать коллективное ходатайство; о чем ходатайство—не указано), проф. философии Н. Я. Грота, редактора-издателя журнала «Русская Школа» Я. Гуревич, писателя С. Я. Елпатьевского (5 п.), Н. Н. Златовратского (2 п.), писательницы П. Ивашевой (4 п.), экономиста Н. А. Карышева (4 п.), археолога, этнографа и революционного деятеля Д. А. Клеменц (11 п.) и его жены Е Клеменц (31 п.), М. М. Ковалевского, В. Г. Короленко (3 п.), шлиссельбуржца Г. А. Лопатина (17 открытых писем), писателя Г. А. Мачтет. А. И. Корниловой-Мороз (4 п.), шлиссельбуржца-писателя

Н. А. Морозова (32 письма и 9 стихотворений) и его жены, Л. П. Никифорова (5 п.), М. В. Новорусского (2 п.), М. Л. Оболенской (дочери Л. Н. Толстого), В. Панкратова (3 п.), А. В. Прибылева и А. П. Прибылевой-Корба (15 п.), публициста А. С. Пругавина (2 п.), историка В. И. Семевского (23 п.), редактора «Русских Ведомостей», В. М. Соболевского, К. М. Станюковича (7 п.), Л. Н. Стахевич, ур. Фигнер (2 п.), поэта Л. Н. Трефолева (2 п.), В. Н. Фигнер (50 п.), М. Ф. Фроленко (28 п.), историка литературы В. И. Шенрока (3 п.), писательницы А. В. Щепкиной (сестра Н. В. Станкевич) и др.

Среди писем стихотворение (автограф) С. В. Ковалевской: «Пришлось ли раз вам безучастно, бесцельно средь толпы гулять...» Сохранилась также в архиве Лебедевой рукопись написанной ею драмы: «Новые песни на старый мотив» (сцены из жизни деревни 70-х годов). Сюжет драмы заключается в освобождении молодой девушки, дочери помещика, от классовых предрассудков ради любви к крестьянину, работающему в артели, организованной студенчеством в период «хождения» в народ.

Среди отдельных автографов за последнее время установлены были: письмо писательницы А. П. Зонтаг к Н. И. Гнедичу (1831 г.), письмо автора «Ябеды» — Як. Княжнина к Гр. Фед. Никонову (1790 г.), А. Ф. Кони, Н. И. Костомарова, рукопись романа в стихах Н. И. Кроль: «Похождения нового дон-Жуана» (1847 г.); стихотворения декабриста В. К. Кюхельбекера: «Рогдаевы псы» и «Упование на бога», письмо декабриста А. И. Одоевского от 20/VIII 1824 г. к А. М. Безобразову о вводе в наследство имением в Ярославской губ. и о принятии мер против крестьян, которые «уклоняются под разными предлогами от платежа наложенного на них умеренного оброка»; редкий автограф В. Ф. Одоевского: рукописные ноты с мотивами русских былин и переписанное рукою Одоевского же стихотворение Кюхельбекера: «К гению хранителю», письмо А. Ф. Писемского от 19/II 1863 г. в С.-Петербургский цензурный комитет об освобождении его от звания редактора журнала «Библиотека для Чтения»; письмо О. Сенковского к М. А. Дундукову-Корсакову от 20/IV 1840 г. и др. (из Щук. собр., св. 779), рукопись автограф?) В. Т. Нарежного с его неизданной трагедией «Мертвый замок» (подготовляется ГИМ к печати).

Из иностранных автографов большую ценность представляет документ с автографами (подписями) Робеспьера, Карно и Бильо-Варенна на выписке из протокола Комитета общественного спасения (Comité de Salut publik) об аресте Delcourt Dillebrun и препровождении его в тюрьму. Дата документа: «du deuxième iour de messidor l'an deuxiéme de la Républjque français, une et indivisible».

Документ этот представляет большую редкость не только для русских архивов. По свидетельству Олара сохранилось весьма мало документов, написанных или подписанных рукою Робеспьера.

Из ранних документов обнаружено: при описании столбцов XVII в. сатирическая челобитная «дьякона чернца и крылошан с товарищи» калязинского монастыря архиепископу тверскому и кашинскому Симеону о перемене архимандрита (челобитная эта в иной редакции напечатана в «Русском Архиве» за 1878 г., стр. 1776—1782).

В связи с выявлением материалов по колониальной политике России чисто исторического характера (указы, положения и распоряжения об управлении местностей, населенных разными национальностями, материалов о ясачных сборах, купчие на башкир, калмыков и пр.) выделены материалы историко-литературного характера по нацменшинствам: 1) башкирские и калмыцкие песни Оренбургской губ., около 1830 г.; 2) материалы о боксах (колдунах у киргизов Сыр-Дарьинской области), XIX в.; 3) по киргизскому эпосу: поэма «Шура-богатырь» (запись Е. А. Александрова со слов певца Мусабая Казаменского уезда, на киргизском (русскими буквами) и русском языках, XIX в., повесть «Кизь-Жибек» и наконец киргизские старые песни; 4) печатные ноты: «Азиатские попури из сартовских, киргизских и татарских мотивов» — для фортепьяно, составленные Ф. В. Лейсек, Ташкент, 1890 г.; 5) материалы о некоторых киргизских обычаях; 6) очерки конца XVIII и начала XIX в.: «Киргизские Земли»; 7) рукопись: «К вопросу о художественных достоинствах Кайсацких песен» и другие материалы (из архива Н. И. Гродекова и других собраний).

Особо должен быть выделен материал по истории музыки. В бумагах К. К. Альбрехта, помощника по Московской консерватории Н. Г. Рубинштейна, а также в бумагах поэта А. А. Голенищева-Кутузова обнаружен ряд писем русских и иностранных композиторов: П. И. Чайковского, М. А. Балакирева, Мусоргского, Жозефа Иохима, П. Саразате и др. Письма русских композиторов предоставлены к опубликованию издательству МУЗГИЗ.

Из архивов наших дней в ГИМ поступило собрание бумаг научно-общественного работника Смоленска В. И. Грачева (1865 — 1932), состоящее из его дневников, статей, заметок и других материалов, относящихся к Смоленску и Смоленскому краю, а также из материалов по революционному движению в Смоленской губ.

В архиве ГИМ кроме того имеются рисунки, рассеянные по письмам, альбомам, отдельным листам: А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Ф. П. Толстого, Н. А. Рамазанова, художника Боклевского и др.

О. Попова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТОЛСТОВСКИЙ МУЗЕЙ

Из поступлений 1934 г. в Рукописное отделение Гос. Толстовского Музея на первом месте следует поставить поступивший через Сергея Львовича Толстого архив Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой, заключающий 42 номера. Это прежде всего черновики писем Толстого разным лицам, преимущественно на иностранных языках, в том числе письмо 1901 г. в редакцию болгарской газеты «Свободная Мысль» об отказе от военной службы болгарина Шопова и письмо самому Шопову; письмо 10 (22) августа 1894 г. в иностранные газеты о переводах сочинений Толстого; сделанная Т. Л. Сухотиной копия письма Толстого от 12 июля 1899 г. к его племяннице В. С. Толстой по поводу ее гражданского брака с башкирцем Абдерашидом (это письмо не вошло в 72 том «Полного собрания сочинений» Толстого, выпущенный ГИХЛ и содержащий письма Толстого 1899—1900 гг.; несколько писем семейного характера. Так 7 мая 1907 г., когда у Толстого был корреспондент американской газеты New York Times, Т. Л. Сухотина посылает ему из флигеля в главный яснополянский дом записку следующего содержания: «Папаша, не надо ли тебя освободить? Я их позову прогуляться, а потом завтракать. Пришли мне пожалуйства диксионер Александрова русско-английский. Таня». Толстой на обороте того же клочка отвечает дочери: «Если придешь, очень хорошо. Умный корреспондент американец. Л.»

Другое письмо семейного характера, имеющееся в копии, сделанной рукой Т. Л. Сухотиной, относится к 12 июля 1910 г., когда С. А. Толстая, как известно, находилась в чрезвычайно возбужденном состоянии. Отдавая утром полученную им почту для ответа своей младшей дочери Александре Львовне, Толстой вложил в полученные им письма следующую записку: «Ради бога никто не упрекайте мама и будьте с нею добры и кротки. Л. Т.»

Еще П. И. Бирюковым в его «Биография Л. Н. Толостого» был напечатан составленный Львом Николаевичем список книг, произведших на него впечатление в возрасте от 14 до 63 лет. Но до сих пор не было известно то письмо петербургского издателя М. М. Ледерле, в ответ на которое Толстым был составлен этот список. Письмо это — от 9 сентября 1891 г.— нашлось в архиве Т. Л. Сухотиной. Это письмо М. М. Ледерле проливает свет также и на другой документ, касающийся чтения Толстого. Было известно из записи дневника Толстого от 15 марта 1889 г., что им был составлен список ста лучших книг для издателя В. Н. Маранцева, но самый список этот до сих пор остается неизвестным. Из письма Ледерле видно, что он получил от Маранцева этот список и что если архив Ледерле сохранился, то в нем должен находиться и этот список.

Среди материалов Т. Л. Сухотиной находим значительно исправленную Толстым копию его художественного произведения «Вступление к истории матери» и «Мать», до сих пор недоступную публикаторам этого произведения; две последовательные копии статьи Толстого об искусстве 1889 г.; совершенно переработанную Толстым копию заключения к его статье «Голод или не голод»? (1898 г.), в котором рассказывается, как в 1898 г. в Чернском уезде, Тульской губ., где Толстым были открыты столовые для голодающих, в его отсутствие полицейские власти «приехав в деревни, где были столовые, запретили крестьянам ходить в них обедать и ужинать; для верности же исполнения разломали столы, на которых обедали, и спокойно уехали».

После архива Т. Л. Сухотиной укажем рукописи Толстого, полученные Толстовским Музеем от его старшего сына Сергея Львовича. Это, во-первых, записная книжка 1878 г., содержащая заметки к роману «Декабристы», которым тогда был занят Толстой; во-вторых, записная книжка 1897 г., заключающая ряд записей Толстого; подлинник письма Льва Николаевича от 19 октября 1895 г. к его младшему сыну Михаилу Львовичу относительно его (сына) личной жизни; наконец черновик-автограф письма Толстого в редакцию «Русских Ведомостей» от 4 февраля 1898 г., вместе с которым Толстой отправлял в редакцию этой газеты письмо З. С. Соколовой (сестры К. С. Станиславского) о народной нужде в Нижегородской губернии, в котором писал: «Положение большинства нашего крестьянства так бедственно, что очень трудно провести черту между голодом и не голодом...»

От В. Г. Черткова было получено 39 подлинных писем Толстого и оттиск статьи А. С. Гольденвейзера «Преступление как наказание, а наказание — как преступление», написанной по поводу «Воскресения», с собственноручно набросанным на обложке ответом Толстого автору. Толстовским Музеем, приобретена рукопись перевода произведения китайского философа Лао-Тзе «Тао-те-кинг», сделаной в 1893—1894 гг. Е. И. Поповым и значительно исправленного Толстым и снабженного его комментариями; три письма Толстого к редактору «С. Петербургских Ведомостей» Э. Э. Ухтомскому о переселении духоборов (1898 г.); экземпляр книги Паскаля «Pensées» с пометками Толстого, относящимися к 1888—1889 гг.; наконец ряд писем старого знакомого Толстого А. С. Бутурлина к П. А. Строеву о его посещениях Ясной Поляны. В этих письмах содержится много инте-

ресных данных о Толстом. Так, 15 сентября 1902 г., еще находясь в Ясной Поляне, Бутурлин писал:

«Вечером (14 сентября)... Лев Николаевич прочел вслух один из рассказов Чехова: «Душенька». Рассказ этот очень нравится Льву Николаевичу. Читая его, Лев Николаевич несколько раз принимался хохотать до слез, заражая своим смехом всех присутствующих. Вообще Лев Николаевич очень ценит талант Чехова: по его мнению, в современной русской литературе нет никого выше Чехова. Горького он считает значительно ниже Чехова, хотя говорит, что как человек Горький ему очень симпатичен и что он ему гораздо ближе, чем Чехов. Чехов очень замкнут и сдержан, а потому как-то чужд. Горький же гораздо ближе. Но литературный талант Горького Лев Николаевич ценит не высоко. Про «Супругов Орловых» он говорит, что начало очень хорошо, а конец — искусственен. «Фому Гордеева» он считает плохим произведением, «Мещане», по его мнению, также не важны...»

Продолжая это же письмо по возвращении в Москву, 17 сентября Бутурлин писал:

«Говоря о Чехове, я забыл упомянуть об очень любопытном отзыве Льва Николаевича о «Мужиках» Чехова. Лев Николаевич ими недоволен. «Из 120 миллионов русских мужиков, — сказал Лев Николаевич, — Чехов взял одни только темные черты. Если бы русские мужики были действительно таковы, то все мы давно перестали бы существовать»... В другом письме, от 6 июня 1904 г., вспоминая свое посещение Ясной Поляны в феврале этого года, Бутурлин передает следующие слова Толстого по поводу главы о Николае I в повести «Хаджи Мурат»: «Он [Толстой] прибавил, что «Хаджи Мурат» он, собственно говоря, совершенно окончил, за исключением только одного эпизода, именно эпизода о Николае Павловиче. Этим эпизодом он недоволен и говорит, что его необходимо переделать. По его мнению эпизод этот слишком «одноцветен», слишком груб, слишком резок, нехудожествен. Говоря о Николае Павловиче, Л. Н. сказал: «Я его не вижу, психологии его не вижу»... Представляет большой интерес и высказанное А. С. Бутурлиным, хорошо знавшим семейные условия жизни Толстого, в письме от 30 октября 1911 г. мнение о причинах ухода Толстого из Ясной Поляны:

«...Из всего того, что в течение года появилось в газетах, вы вероятно несколько более уяснили себе семейные отношения Льва Николаевича, чем то могло быть ясным для Вас год тому назад, в конце ноября 1910 г. Вы теперь, вероятно, уже не удивляетесь тому, что в завещании обойдена жена. Кое-что мог бы я рассказать вам об этом, но на письме это было бы и долго, и неудобно. Скажу только, что Лев Николаевич, этот величайший человек нашего времени, был в то же время и несчастнейшим человеком. Надо, впрочем, сказать, что если те совершенно невыносимые обстоятельства, которые окружали Льва Николаевича в последнее время его жизни, и послужили ближайшей причиной его ухода из Ясной Поляны, то все же было бы ошибочно видеть в них главную причину этого ухода. Главная же причина заключается все-таки в том, что он не мирился с теми условиями барской жизни, в которых он жил в Ясной Поляне и от которых он давно стремился освободиться. Более чем за год до его ухода, в бытность мою в Ясной Поляне, Лев Николаевич говорил мне: «Мне эти условия (т. е. условия барской жизни) так тяжелы, что я серьезно говорю, что я хочу уйти...»

Н. Гусев

ОБ УЧЕТЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ АРХИВАХ

Вопрос об учете историко-литературных материалов, хранящихся в наших периферийных архивах, попрежнему является самым больным местом архивно-литературоведческой работы.

Наши знания литературных документов, хранящихся в местных архивах, продолжают оставаться совершенно случайными. Мы не располагаем даже самым приблизительным учетом этих материалов.

На практике такое положение вещей ярче всего характеризуется фактом почти полного отсутствия в литературе использования и публикаций местных материалов. Все наше документальное литературоведение до сих пор существует почти исключительно за счет эксплоатации литературно-исторических ценностей, сосредоточенных в немногих крупнейших архивохранилищах Москвы и Ленинграда. Но центральные архивы при всем богатстве своих собраний далеко не могут удовлетворить ряда существеннейших требований, к ним предъявляемых. С особой наглядностью это сказывается, естественно, в области подготовки изданий полных собраний сочинений русских классиков и их научных биографий. Усилия отдельных исследователей и даже целых научных коллективов, направленные к возможно более полному учету

для таких работ всего литературно-документального наследия того или иного писателя, оказываются ничтожными по своей эффективности, коль скоро место архивных поисков переносится из центра на периферию. Здесь затрудняет, препятствует работе все. Исключительная (территориальная и организационная) децентрализованность мелких архивов, музеев, библиотек с номинальным подчинением их, однако, ряду посредствующих, выше стоящих звеньев громоздкого архивно-музейно-библиотечного аппарата, чрезвычайно осложняет даже самый доступ исследователя в местные архивы. Поиски нужных документов приходится вести «вслепую». Какие-либо справочники по архивным материалам или путеводители по архивам отсутствуют *. Нет сплошь и рядом и каталогизации фондов (не говоря уже о документах) в пределах каждого из местных архивов. Работники последних часто сами не знают, что у них хранится. При таких условиях работа исследователя, решившего заняться самостоятельными разыскиваниями, превращается в своего рода поиски литературного «клада», в дело удачи, случая. Сами же архивы никакой работы по сколько-нибудь широкому и планомерному тематическому выявлению историко-литературных материалов не ведут. Это дело находится здесь в полной зависимости от случайного наличия среди сотрудников архива работника с литературными интересами, вынужденного к тому же вести свою работу на свой «страх и риск», без всяких перспектив и плановой организованности. К этому следует добавить, что помещения большинства периферийных архивов почти исключают возможность ведения в них какой-либо научной обработки документов. Архивы занимают, как правило, неотапливаемые помещения церквей или подвалы бывших губернских учреждений. Архивные материалы набиты здесь сплошной массой с пола до потолка, что делает подчас недоступным даже внешнее ознакомление с ними.

Сказанное достаточно разъясняет причины большого неблагополучия в области учета и разработки местных литературных материалов. За последние годы делается, правда, ряд общих и специальных усилий, направленных к устройству этого отстающего участка архивной работы. Мы имеем в виду некоторые достижения нашего архивного дела вообще, неизбежно сказывающиеся и на литературоведческом секторе архивной работы, и, особенно, деятельность московского Государственного Литературного Музея, успешно осуществляющего дело собирания и концентрации литературных материалов. Следует, однако, подчеркнуть, что на данном этапе своей работы Литературный Музей вполне закономерно обязан уделять свое основное внимание делу собирания материалов, разбросанных по частным собраниям, и меньше заниматься организационной работой по концентрации литературных фондов, находящихся у ж е в государственном хранении. Огромная же по своему объему работа по тематическому выявлению историко-литературных документов в местных архивах по сути дела еще не начата.

Считая эту работу — в полном объеме она может и должна быть возглавлена Литературным Музеем — частью своей общеоперативной работы, редакция «Литературного Наследства» предприняла определенные шаги в этом направлении *. Ею начато систематическое обследование фондов периферийных архивов и музеев по определенной программе. Обследование, как правило, поручается самим работникам местных архивных учреждений или же осуществляется путем специальных командировок сотрудников журнала.

Ниже сообщаются первые, еще очень скромные, результаты начатой работы.

Публикуемая информация, охватывающая архивы и некоторые частные собрания 44-х городов, составлена на основе тех ответов, которые редакция получила на свое обращение. Ответы эти очень разноценны и пестры, что неизбежно сказалось на печатаемой «хронике». На ряду с обстоятельным учетом и описанием здесь фигурирует иногда простая информация самого общего характера, нуждающаяся в дальнейших уточнениях. Большим дефектом «хроники» является также отсутствие указаний на изданность или неизданность регистрируемых документов. Это объясняется тем обстоятельством, что почти ни один из местных архивов не имеет формуляров использования своих архивных фондов. Частично редакция восполнила этот пробел путем организации библиографического учета историко-литературных публикаций, появившихся в местной прессе за 1934—1935 гг. (эта работа произведена Г. А. Смольяниновым). Несмотря на произведенную проверку материалов, редакция, естественно, не может взять на себя полную ответст-

* Их не имеют, кстати сказать, и наши крупнейшие центральные архивы (за исключением ЛОЦИА). Не пора ли посерьезному подумать об организации этого необходимейшего участка научно-справочной литературы.

* Этому предшествовала работа по тематическому выявлению в периферийных архивах материалов по Салтыкову-Щедрину. См. описания этих материалов во 2-м полутоме «щедринского тома» «Литературного Наследства».

венность за совершенную точность всех сообщаемых в «хронике» данных. Слабая археографическая подготовленность ряда местных работников, приводившая иногда к «сенсационным открытиям» документов, оказывавшихся на проверке не оригиналами, а копиями, списками, даже факсимильными воспроизведениями давно известных рукописей, не может гарантировать «хронику» от отдельных ошибок.

Начиная с настоящей книги, редакция будет систематически освещать деятельность местных архивно-музейных учреждений и публиковать результаты проводимой ими по заданиям журнала работы по выявлению и учету историко-литературных материалов. Такие информационные публикации (в дальнейшем они могут и должны превратиться в публикации самих документов), не говоря уже об их научно-справочном значении, должны явиться одним из стимулов для более активного и серьезного участия периферийных архивов в деле ведущейся разработки ряда вопросов нашего литературоведения.

Отметим в заключение, что в хронику не включена довольно обширная группа материалов, представляющих автографы французских писателей и документы, относящиеся к М. Горькому. Эти материалы будут опубликованы или описаны в подготовляемых редакцией двух тематических выпусках журнала — «франко-русском» и «горьковском».

С. Макашин

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В МЕСТНЫХ АРХИВАХ

БЕЛЕВ (Московской области)

В Белевский музей местного края поступила часть архива Я. П. Полонского. Основную группу материалов архива образуют письма к Полонскому: Д. Аверкиева, В. Буренина, П. Вейнберга (шутливое письмо в стихах), В. Верещагина, В. Гаршина (письмо к жене Я. Полонского), Ап. Григорьева, Я. Грота, Г. Данилевского, Ф. Достоевского, А. Жемчужникова (шутливое письмо в стихах), К. Кавелина, А. Кони, худ. Н. Крамского, Н. Лескова, А. Лугового (А. А. Тихонова), Ап. Майкова, (письмо к жене поэта), Д. Мережковского, худ. Микешина, Ор. Миллера, А. Островского, А. Плещеева, А. Потехина, Н. Сверчкова, Н. Страхова, Ал. К. Толстого, Л. Н. Толстого, Гл. Успенского, П. Чайковского и Н. Щербины. Здесь же имеются: письмо И. С. Тургенева — В. А. Панаеву («Любезнейший Валериан Александрович, заранее прошу...») 1868 г. и автографы трех стихотворений: самого Я. Полонского 1886 г. («Вот головня, — она еще горит...»), Д. Михайловского («Гимн природе») и Н. Хвостова («Нить жизни»).

Кроме рукописных материалов в музее имеется ценное иконографическое собрание, охватывающее представителей ближайшего культурно-бытового и родственного окружения семьи А. П. Елагиной — хозяйки знаменитого московского салона 30-х гг. Коллекция поступила в музей после революции из известного (по его связи с именем В. Жуковского) имения «Уткино», принадлежавшего ближайшим родственникам Елагиных — семейству Беэр. Приводим перечень портретов, большинство которых сделано маслом на холсте местными (крепостными?) художниками (в скобках указывается инвентарный номер и техника портрета): А. П. Елагина (718, акварель раб. Горбунова), И. В. Киреевский (730, фото), П. В. Киреевский (731, ф.), И. С. Аксаков (732, ф.), кн. В. Ф. Одоевский (733, акв.), Максимович (734, ф.), А. А. Протасова (740, м. х.), П. Н. Юшков (741, м. х.), Е. А. Воейкова (742, м. х.), А. Д. Беэр (743, пастель), А. С. Хомяков (744, м. д.), Е. В. Зонтаг (748, м. х.), П. В. Киреевский (746, м. х.), А. П. Елагиной (747, м. х.), А. П. Зонтаг (748, м. х.), М. Н. Свечникова (749, пастель), Н. А. Вельяминова (750, паст.), А. И. Давыдова (751, м. х.), А. Г. Безобразов (752, м. х.), А. И. Бунин (753, м. х.), М. Г. Бунина (754, м. х.), А. А. Алымова (755, м. х.), Е. А. Протасова (756, м. х.), В. А. Жуковский (757, м. х.), А. А. Елагин (761, дагерротип), Елагин (762, дагерротип), А. Д. Беэр (771, акв.), А. Д. Беэр (772, ф.), П. Бартенев (773, ф.), П. Языков (774, кар., рис. раб. Хрипкова), кн. Хилков (776, ф.), С. Т. Аксаков (777, ф.), Е. И. Елагина (778, ф.), М. А. Бакунин (780, ф.) и А. С. Пушкин (781, лит.). Что касается до хранившегося в Белевской городской библиотеке обширного (несколько тысяч листов) «Елагинского архива», то он в 1932 г. по инициативе редакции «Литературного Наследства» был перевезен в Москву и хранится ныне в Рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки СССР им. Ленина (см. заметку «Елагинский архив в Москве», в № 3 «Лит. Насл.», стр. 346—347).

БОРОВСК (Московской области)

Архив и библиотека районного краеведческого музея Боровского края содержат документы и литературу главным образом исторического и историко-религиозного характера. Все фонды поступили в музей

из местных источников после Октябрьской революции. Среди рукописных документов архива (от начала XVIII в. до начала XX ст.) имеется довольно обширная коллекция автографов писателей, журналистов, деятелей науки и искусства, собранных бывшим местным фабрикантом Н. П. Глухаревым: поэтов — В. Я. Брюсова (1911 г.), И. А. Белоусова (1912—1914 гг.), поэта и владельца книжного магазина «Искра» в Москве в 1905—1906 г. — М. Л. Леонова, писателей—И. И. Горбунова (1898 г.), Н. А. Крашенинникова (1918 г.), В. А. Михайловского (1916 г.), редактора «Московских Ведомостей» — В. А. Грингмут (1899 г.), редактора журнала «Русское Обозрение»— А. Ф. Филиппова, историка И. Ф. Токмакова (1911 г.), К. Э. Циолковского; композитора А. А. Ильинского (1911 г.), режиссера Малого театра И. С. Платона (1913 г.) и ряда других лиц.

Библиотека музея содержит ряд уникальных книг XVII—XVIII веков на французском, немецком и русском языках (сообщил Л. Пимакин).

ВЛАДИМИР

Во Владимирском отделении Ивановского областного архивного управления хранится часть архива Ф. Д. Нефедова. Описание его см. в кн. XVIII «Трудов Владимирской Ученой Архивной комиссии» (очерк А. В. Смирнова — «Ф. Д. Нефедов»).

ВОЛОГДА

Вологда, как одно из мест политической ссылки при царизме, сохранила в своих архивах ряд полицейских дел, связанных с писателями, прошедшими через эту ссылку. В фонде Вологодского полицеймейстера, находящегося в Вологодском отделении Краевого архивного управления, хранится дело № 3 (по описи № 2592) «О состоящем под надзором полиции дворянине Германе Лопатине», началось 2 марта 1882 г., окончилось в октябре 1884 г., на 96 листах. В деле имеется между прочим записка о семейном положении Лопатина, написанная им самим (лл. 13, 14). В «фонде № 20» имеется дело № 1 Вологодского уездного полицейского управления, секретного стола «О состоящем под особым надзором полиции дворянине Анатолии Васильевиче Луначарском» — начато 17/II 1902 г., окончено 16/VII 1902 г. на 11 листах (по описи № 32). В деле Вологодского губернского жандармского управления № 2 за 1903 г. о лицах, состоящих под гласным надзором полиции (№ 1) на листах 1482—1483 имеется документ о назначении местом дальнейшего отбывания срока надзора для Луначарского г. Тотьмы. Здесь же (по книге случайных поступлений № 168) имеется письмо Луначарского, адресованное «Виктору Николаевичу», без даты. В книге губернского жандармского управления «Справочные листки на видных деятелей Соц.-демократической Раб. Партии» (фонд № 1, книга № 4) имеется «справка № 55 на Луначарского Анатолия Васильевича», в которой приведены данные о привлечении его к дознаниям и его революционной деятельности. Наконец, сохранилось дело № 11 (копия) Вологодского полицеймейстера «о состоящем под особым надзором полиции дворянине Анатолии Васильевиче Луначарском» — начато 18/I 1902 г., окончено 5/VI 1902 г. на 7 листах (фонд № 19, д. № 11). Об А. В. Амфитеатрове сохранилось два больших дела: 1) Дело Минусинского уездного исправника «О состоящем под гласным надзором полиции литераторе Александре Валентиновиче Амфитеатрове» — начато 18/I 1902 г., окончено 9/I 1903 г. на 104 листах (фонд № 19, д. 24) и 2) Дело № 8 Вологодского городского полицейского управления 3-го стана 1903 г. «О состоящем под гласным надзором полиции литераторе Александре Валентиновиче Амфитеатрове» — начато 20/I 1903 г., окончено 25/IX 1904 г. на 24 листах (фонд № 19, д. 8). Дело № 805 1908 г. Вологодского губернского жандармского управления посвящено полицейской «переписке о чествовании 28 августа 1908 г. 80-летней годовщины со дня рождения графа Льва Николаевича Толстого» (дело на 10 листах). Наконец, в фонде Вологодского об-ва изучения Северного края (№ 238 св. 11) обнаружена рукопись статьи П. В. Засодимского «В наши дни» (на 7 листах — конца нет) о подавлении крестьянских волнений в 1905—1906 гг. На первой странице документа имеется пометка: «Написана рукопись в 1912 году, но не попала в печать, за смертью автора, не успел напечатать. А. Засодимская».

ВОРОНЕЖ

В Воронежском литературном музее имени И. С. Никитина хранилось значительное количество рукописей, находившихся частью в экспозиции, частью в архиве. В начале 1935 г. музей был (вряд ли с достаточными основаниями) ликвидирован и его собрания сложены в ящики. Они находятся сейчас в бывшем помещении музея. На все автографы музея и архива имелась картотека. Дублет ее имеется в Воронежском областном архивном управлении. В музее хранились следующие материалы:

1) Рукописный сборник XVII в. из собрания Толстого-Знаменского, в котором находились между прочим «Повесть о Щигле» и Толст. ред. «Моления Даниила Заточника»; 2) рукописи И. С. Никитина, среди которых «Дневник семинариста», 3) альбом Н. А. Матвеевой, 4) раз-

личные материалы из архива А. Кольцова, из которых особо следует отметить рукописный пословичный сборник, составленный А. Кольцовым, стихи его друга А. П. Серебренского, стихи ряда воронежских и других поэтов 30—40-х гг., рукописный песенный сборник и др. 5) архив Г. И. Недетовского (О. Забытого), 6) архив Е. М. Милицыной, 7) большой архив В. И. Дмитриевой, 8) рукописный сборник стихов С. Н. и А. Н. Мариных, 9) несколько выписок из книг А. И. Эртеля, 10) 15 писем М. Е. Салтыкова-Щедрина (к Недетовскому), 11) 4 письма Максима Горького, 12) автографы Т. Г. Шевченко, С. Я. Надсона и Л. Н. Толстого, 13) много списков (среди них ряд интересных) «Горя от ума» А. Грибоедова и «Путешествие из С.-Петербурга в Москву» Радищева.

В музее имелись кроме того обширная иконографическая коллекция, собрание рукописей воронежских поэтов послереволюционного времени и, наконец, ценная коллекция фольклорных записей старого и нового времени.

В Воронежском областном архивном управлении хранятся: 1. Интересный и обширный архив О. А. Новиковой, где есть рукописи М. Бакунина, М. Е. Салтыкова-Щедрина (письмо к Я. Полонскому), И. С. Тургенева, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского и ряда других русских и иностранных писателей (разборка архива еще не закончена); 2. Архив редактора «Филологических записок» А. А. Хованского и 3. Архив известного собирателя фольклора и библиографа А. Н. Афанасьева (сообщ. А. Путинцев). В хранящихся в Воронежском областном Краеведческом музее бумагах историка Костомарова были обнаружены недавно тексты двух новых стихотворений Тараса Шевченко. Одно из них, не имеющее ни заголовка, ни даты, ни подписи, является автографом поэта — «Вийду ничью в чисте поле — щобы бованиють...», другое, посвященное Костомарову — списком — «Весеньне сонечко ховалось...» Тексты напечатаны в журн. «Подъем», Воронеж, 1935, № 1, стр. 115—116. В том же музее хранятся документы о В. М. Гаршине, Н. В. Станкевиче и рукописи Евгения Болховитинова.

ВОРОШИЛОВСК (б. Ставрополь)

Из выявленных до сих пор материалов историко-литературного характера Ворошиловское отделение Северо-Кавказского краевого архивного управления имеет точную копию найденного в архиве в 1923 г. подлинного дела Кавказской духовной консистории «по рапорту Пятигорской Скорбященской церкви о погребении протоиереем Павлом Александровским тела наповал убитого пулею на дуэли поручика Лермонтова». Дело это, как значится на обложке, «на сорока осьми листах началось 19 декабря 1841 года, кончено 19 августа 1854 года». Кроме того в архиве сохранился ряд документов, касающихся перевозки «с высочайшего соизволения» тела Лермонтова из Пятигорска в село Тарханы Пензенской губернии (сообщил Рутберг).

ГОМЕЛЬ

В гомельском государственном музее им. А. В. Луначарского хранятся художественно-иконографические материалы, относящиеся к А. С. Грибоедову. Две картины, исполненные маслом на холсте худ. Залесским — «Заключение Туркмангайского мира» и «Первое свидание фельдмаршала Паскевича с наследником персидским Аббас-Мирзой в Фейхаргане 7.XI.1827 г.» (среди изображенных на обеих картинах — Грибоедов). Третья картина представляет поясной (юношеский) портрет А. С. Грибоедова, выполненный маслом неизвестным художником; все эти материалы поступили в музей из гомельского поместья Паскевича.

ГОРЬКИЙ

В Горьковском краевом архивном управлении хранятся следующие историко-литературные материалы:

1. Адам, Жюльетта — письмо на имя Мартынова, 1897 г., на франц. языке. 2. Аксаков, Ив. С. — письмо к неизвестной от 22 декабря 1862 г. 3. Аксаков, С. Т. — записка (без даты) к неизвестному лицу. 4. Арсеньев, К. К. — письмо на имя А. Ф. Кони от 27/X—1877 г. 5. Батюшков, К. Н. — письмо Е. Г. Пушкиной, б. д. 6. Боборыкин, П. Д. — письмо (открытка) к Кони из Висбадена, от 19/7 июня 1888 г. 7. Вельтман, А. Ф. — письмо на имя Мартынова, от 27/X—1854 г. 8. Вяземский П. А. — Юрий Толстой, Дм. Кобеко, гр. С. Шереметьев — письмо к А. А. Мартынову—апрель, 1877 г. 9. Вяземский П. А. — два письма к П. А. Тальзину от 18/XI 1855 г. и 26/II—1856 г. 10. Гоголь, Н. В. — отрывок рукописи (одна страница! «Мертвых душ». 11. Гоголь Н. В. — отрывок (конец) письма к В. А. Жуковскому: «... Это восторг обнять Вас» (в полном виде письмо было опубликовано в «Русском Архиве» кн. 4—5 за 1871 г. и вошло в издание «Письма Гоголя» под ред. Шенрока, т. II, стр. 5—7). 12. Гончаров И. А.—визитная карточка с записью, адресованной А. Ф. Кони. 13. Гончаров И. А. — два письма к А. Ф. Кони: первое от 16 янв. 1888 г. и второе б. д., написанное не самим Гончаровым, а по его просьбе Ал. Трейгубом: «Ив. Ал. сам велел прочесть себе ваше письмо...» 14. Горбунова, И. Ф. — записка (без даты) к А. Ф. Кони. 15. Григорович, Д. В. — письмо к С. Н. Мосолову от 20 мая без ук. года. 16. Даль, В. И. — письмо к неизвестному (от 9 января, год не обозначен). 17. Достоевский,

Ф. М. — письмо Д. В. Григоровичу, б. д.: «Меня взяла такая тоска...» 18. Дружинин, А. В. — письмо к Д. В. Григоровичу, от 19/X — 1855 г. 19. Жуковский, В. А. — письмо к И. В. Астракову, б. д.: «Благодарю тебя, Иван Васильевич...», 20. Загоскин, М. Н. — записка (без даты) к И. М. Снегиреву. 21. Зотов, Р. М. — письмо к Кони от 8/IV (год не обозначен). 22. Карамзин, Н. М. — письмо к неизвестному лицу, от 31/III 1819 г. 23. Катков, М. Н. 1) письмо к Н. М. Павлову от 29 февраля (год не обозн.); 2) письмо к А. М. Газену от 4/VI 1868 г. 24. Кетчер, Н. Х. — записка к Мартынову, от 20/II 1855 г. 25. Корш, Ф. Е. — письмо к В. С. Абакумову, от 1/XI 1888 г.; и стихотворение с припиской от 2/XI 1888 г. 26. Кохановская (Соханская) Н. С. — записка о взносе 100 руб. на учреждение при братствах приходо-заемного банка. 27. Краевский А. А. — письмо к Д. В. Григоровичу, от 18/III 1856 г. 28. Крылов В. А. — записка на визитной карточке к Кони (без даты). 29. Лажечников, И. И. — записка к Кони (без даты) 29а. Лазаревский — дневник. 30. Майков Ап. — письмо А. А. Фету б. д.: «Любезный друг Афанасий Афанасьевич. Пиши пожалуйста больше стихов...» 31. Мельников (Печерский) П. И. — записка на имя неизвестного лица (без даты). 32. Некрасов, Н. А. — две записки на имя Д. В. Григоровича — одна с пометкой: «Москва, 10 апреля» (год не обозн.), другая без даты. 33. Огарев Н. П. — две записки к неизвестным лицам (на одной пометка: «18 ноября», другая без даты). 34. Павлов, Н. Ф. — письмо к Мартынову, от 14/II 1849 г. 35. Панаев, И. И. — записка к Д. В. Григоровичу от 12/V 1853 г. 36. Полонский, Я. П. — записка к А. Ф. Кони (без даты). 37. Пушкин, А. С. — черновой отрывок (12 строк) из «Русалки» (см. «Литературную газету» № 151 от 12 ноября 1934 г.). 38. Пушкин А. С. — письмо к В. В. Измайлову от 9 октября 1826 г. Москва. 39. Растопчина Е. П. — записка к Д. В. Григоровичу (без даты). 40. Сальяс де Турнемир Е. А. — письмо к Есипову от 11/III, без ук. года. 41. Самарин, Ю. Ф. — письмо к Мартынову (конец), без даты. 42. Соболевский С. А. — две записки к Кони (одна от 12/XII 1855 г., другая без даты). 43. Соллогуб В. А. — записка на франц. языке к неизвестному лицу (без даты). 44. Толстой Л. Н., Дружинин А. В., Панаев И. И., Некрасов Н. А., Гончаров И. А. — коллективное письмо к Д. А. Григоровичу от 5 мая 1856 г. 45. Тургенев И. С.—письмо к Д. В. Григоровичу (без даты). 46. Цертелев Д. Н. — записка на визитной карточке к неизвестному лицу (без даты). 47. Чаадаев П. Я. — конверт с адресом Г. Мартынова. 48. Шумахер П. В. — стихотворение на 18 листах разного размера (некоторые датированы 1878 — 1881 — 1882 — 1884 гг.). 49. Минцлов С. —письмо к «Владимиру Николаевичу» от 3/XII 1913 г. 50. Стихотворения и переписка местной поэтессы А. Д. Мысовской.

Некоторые из перечисленных здесь писем (Пушкина, Достоевского, Батюшкова) были известны по прежним публикациям. Ряд писем напечатан И. И. Матвеевым в газете «Горьковский рабочий» от 5 декабря 1934 г. (№№ 17, 38 и 44 приведенной описи) и А. Белозеровым в газете «Горьковская коммуна» от 18 и 30 ноября 34 г. (№№ 2, 5, 8, 11, 13, 15, 19, 30).

Совсем недавно в Горьковское архивное управление поступила часть архивов князя Волконского, князя Горчакова и графа Растопчина. Материалы эти представляют несомненный исторический интерес. Большинство их относится к 1812—1826 гг. Здесь имеется семейная переписка Горчакова, Растопчиных, письма царя-неудачника Константина Романова, несколько писем Павла I и Александра I. Одним из наиболее интересных документов является рукопись, озаглавленная «Рассказ самовидца о казни, совершенной в 1826 г. 13 июля». Здесь дается подробное описание казни декабристов (сообщил И. И. Матвеев).

В литературном музее им. Максима Горького, кроме произведений, писем, иконографии и других материалов, связанных с жизнью и деятельностью самого Алексея Максимовича, имеются материалы Н. А. Добролюбова (тетради стихов 1850 г.), В. Г. Короленко (письма к А. А. Дробыш-Дробышевскому, Золотницкому и др.), П. И. Мельникова-Печерского (письма и документы, поступившие из архива, хранившегося в имении Печерского), С. Г. Скитальца (рукопись стихотворения с пометками М. Горького), рукописи и письма В. Кокосова, Гацисского, Немировича-Данченко и др. Из этих материалов были опубликованы в местных изданиях: в газете «Ленинская Смена», 1934 г., № 249 от 29 октября — письма А. М. Горького к А. А. Гусеву, относящиеся к концу прошлого и началу нашего века и в газете «Горьковская Коммуна», 1935 г., № 192, от 21 августа несколько писем А. М. Горького к А. М. Храброву, инспектору народных училищ в Арзамасе. Полностью опубликованы два письма, относящиеся к 90-м гг.— одно из них датировано — 31 октября 1902 г. («Сормовский процесс...»), другое — точной даты не имеет («А. М., не окажется ли возможным...»).

ИВАНОВО

В бумагах солигаличского мирового посредника, хранящихся в Ивановском областном архивном управлении обнаружено «дело о представлении г-ом А. Ф. Писемским имения своего по деревням Вонишеву и Васильевскому на выкуп по 35-й ст.». Дело содержит в себе между

прочим автографы двенадцати новых писем А. Ф. Писемского за 1864—1866 гг., адресованных посреднику Н. А. Куприянову. Материалы дела представляют несомненный биографический интерес. В том же архиве хранится обширный Палехский вотчинный фонд (сообщено А. И. Орловым).

ИРКУТСК

Иркутским музеем Восточно-сибирского края приобретен у частного лица альбом, содержащий акварели итальянских художников конца XIX ст. и несколько рисунков Айвазовского («Пушкин на фоне зимнего пейзажа»), Трутовского и Прянишникова. В альбоме, кроме того, имеются автографы Ивана Аксакова (отрывок поэмы) и Гр. Данилевского (шуточное послание «Е. К. Квитке», 1855 г.)

КАЗАНЬ

В центрархиве Татарской АССР и в архиве Казанского Университета обнаружена часть собрания рукописей из библиотеки известного казанского журналиста, издателя, библиографа и библиофила прошлого века Ник. Як. Агафонова. Рукописи его собрания были переплетены в несколько больших томов-альбомов. Сколько их было — или есть — неизвестно. Пока обнаружены тт. I и IV. Первый том, хранящийся в университетском архиве содержит в себе среди других материалов автографы писем следующих лиц (цифры обозначают страницу тома): Аксаков И. С. (241), Баркова-Ядринцева (776—782), Бартенев П. И. (790), Булич Н. М. (372—374), Вагин Вс. Ив., сибирский литератор (785—788), Владимиров П. В., проф.-лит. Каз. Ун-та (375—395), Глинка Ф. С. (816—821), Глинка С. Ф. (809—815), Дмитриев С. Н., по сцене Сабуров (602—603), Добролюбов Ив. Ал. — брат критика (553—554), Дудкин Алекс. Асаф., литератор (613—616), Ефашенко Ал. Яков., писатель (548—549), Завалишин Ип. Хр., декабрист (859—860), Идельсон Роз. — цюрихский корреспондент «Камско-Волжск. Газеты» в 1872 г. (1005—1009), Колосова Кл. Дм., артистка (42—43), Коровин Ем. Дм., литератор (546), Короленко В. Г. (516), Кремлер Ан. Ник., литератор (349), Оболенский Л. Ев., изд. «Русского Богатства» (828—829), Павленков Фл. Фед., изд. и литератор (478—497), Пономарев П. Ал., археолог (все последующие документы не нумерованы), Попов П. Ф. (литератор), Потанин Г. Н., Садовников Дм. Н. (литератор), Семевский М. И., Соймонов М. Н. (поэт), Сорокин Н. В. (проф. Каз. Ун-та), Тимонин Вик. Фед. (поэт), Трефолев Л. Н., Фелонов П. И. (литератор и артист), Фигнер Лидия Ник., Христофоров А. Хр. (письма из Франции и Швейцарии 1878 г.), Черепанов Сем. Ив. (литератор), Чугунов Ал. Кир. (проф. Каз. У-та), Шаликов Сер. Сер. (литератор), Шмаков Ил. Ал. (литератор) и многие др.

В других фондах архива Казанского Университета имеются кроме того: письма Вл. Ив. Панаева, Дм. Вас. Давыдова, П. А. Гайдебурова, Александра Гумбольдта, Н. А. Демерта, поэта-декабриста Наумова, имеется далее ряд дел о Л. Н. Толстом, обширные материалы по Магницкому, переписка выдающихся ученых с Лобачевским и пр.

В архиве Научной библиотеки Ун-та обнаружены письма: Павла Свиньина, А. К. Толстого, рукопись стихотворений Княжевича, Рыбушкина и других казанских поэтов, три тетради рукописного журнала «Музы» за 1812 т. и др.

В городском музее Казани хранится интересный дневник Залесского. Дневник охватывает общественную жизнь Казанского Университета за 1840—1841 гг., он снабжен большим количеством прекрасно выполненных рисунков, изображающих студентов и преподавателей университета.

В IV томе «Собрания рукописей из библиотеки Ник. Агафонова», хранящемся в Архивном управлении, имеются, на ряду с другими еще не описанными документами, материалы писательской анкеты, организованной Агафоновым в 70—80-х гг. прошлого столетия. Анкета имеет био-библиографический характер и была очевидно задумана в связи с замыслом какого-то библиографического труда. Сохранились собственноручные ответы на анкету следующих лиц: Бажина Н. Ф., Засодимского П. В., Златовратского, Н. Н., Корша, В. Ф., Курочкина, В. С. (анкета заполнена Ник. Степ. Курочкиным), Курочкина, Н. С., Майкова, В. Н. (анкета заполнена Леонидом Ник. Майковым), Минаева И. П., Мордовцева Д. Л., Наумова Н. И., Эртеля А. И., Южакова С. Н., и ряда других лиц. Изучение этого материала позволяет уточнить некоторые биографические и библиографические данные для ряда анкетированных писателей.

Историко-литературные материалы обнаружены и в ряде частных собраний. Так, например, у М. С. Лауэнштейн сохранялись письма (7) Этьена Джунковского Герцену, переданные ею теперь «Литературному Наследству», у Я. М. Лопаткина имеется автограф одного опубликованного стихотворения М. Ю. Лермонтова; у М. Н. Лукояновой сохранились письма Н. А. Демерта к недавно умершему проф. Каз. У-та Н. Фирсову. М. А. Васильев располагает значительным собранием автографов поэтессы А. А. Наумовой (большинство не издано) и автографами писем Л. Н. Толстого, Д. Григоровича, И. Гончарова, перепиской К. В. Лаврского с Гайдебуровым, ма-

териалами о Казанском рабочем поэте 70-х—80-х гг. Рылове и др. Отметим, наконец наиболее интересное собрание инженера В. В. Егерева. Оно содержит автографы писем: П. В. Анненкова, Великопольского, А. Н. Веселовского, В. А. Гольцева, П. Гайдебурова, М. П. Драгоманова, Кавелина, Н. А. Демерта. В. Ф. Корша, Д. Л. Мордовцева, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, А. С. Суворина, Л. Н. Толстого, В. Н. Фигнер, Щапова, И. С. Тургенева (8 писем к С. К. Брюлловой) и др. Далее здесь имеются: два фото И. С. Тургенева с автографами, автограф Л. Н. Толстого на книге, альбом известного идиллика 20-х гг. В. И. Панаева со стихами самого Панаева, Баратынского, Великопольского и др., а также с рядом превосходных рисунков и ряд других материалов.

В других казанских частных собраниях имеется кроме того большое количество писем поволжских народников-децентралистов 70-х гг. Лаврского, Агафонова, Гацисского, Ядринцева и Потанина, материалы о Красноперове, остатки архива В. Даля, письма И. Гончарова, И. Ясинского и П. Боборыкина к казанцам, автограф чернового варианта послания Н. Языкова к Денису Давыдову, письмо первого русского романтика Г. П. Каменева о его путешествии в Москву, автограф эротического стихотворения М. Ю. Лермонтова (ныне опубликован Б. М. Эйхенбаумом в № 19/21 «Лит. Насл.»; письма И. Гончарова к маркизе Паул-лучи, материалы о пребывании Тараса Шевченко в Казани и два его неизданных вида Казани, завещание Гавриила Державина, автографы двух писем Н. Гоголя (текст их передан редакцией Вас. В. Гиппиусу для опубликования в «гоголевском сборнике» ИРЛИ), портрет Великопольского с его автографическим стихотворением, письма худ. Шишкина в Казань (содержат м. пр. сведения о Салтыкове-Щедрине периода его вятской ссылки), и мн. др. Наконец остаются еще неразысканными сохранявшиеся до последних лет в одном из собраний письма Герцена и Огарева к Джунковскому и обширный дневник последнего.

КАЛИНИН

В Калининском областном архивном управлении имеются материалы о служебной деятельности в Твери М. Е. Салтыкова-Щедрина, о писателях Г. Мачтете, Ев. Карпове, и В. Короленко, касающиеся их пребывания в вышневолоцкой политической тюрьме, об А. Эртеле и П. Засодимском, находившихся под гласным надзором полиции—первый в Твери, второй в Вышнем-Волочке, о В. Серошевском, наконец о В. Н. Глинке (его архив), Голенищеве-Кутузове, Дрожжине, Дмитриевой и писателе Лажечникове, который служил в Твери сначала в качестве директора народных училищ, а потом в качестве вице-губернатора. Все эти материалы находятся пока в неразобранных фондах. Специально по поручению редакции «Литературного Наследства» подробно выявлены и описаны сейчас лишь материалы, относящиеся к биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина. Работа сделана научным сотрудником архива Н. В. Журавлевым как непосредственное продолжение описи тверских документов Салтыкова, опубликованной в «щедринском томе» журнала.

Сохранившиеся архивные материалы к биографии М. Е. Салтыкова разделяются на две большие группы: во-первых, дела, относящиеся к салтыковской вотчине, рисующие имущественное положение и хозяйственную практику салтыковской семьи, начиная с половины XVIII ст. и во-вторых, служебные бумаги М. Е. Салтыкова как тверского вице-губернатора. Из первой многочисленной группы дел приводится здесь лишь описание документов, непосредственно относящихся к М. Е. Салтыкову. Описание второй группы выявленных дел дается полностью. На пути к накоплению материалов для будущей научной биографии Щедрина все эти документы должны быть взяты на учет.

Имущественные дела:

№ 1131. Калязинский уездный суд. «О вводе во владение отставного капитан-лейтенанта Сергея Евграфова Салтыкова вместе с братом коллежским советником Михаилом Евграфовым Салтыковым, имением, уступленным им братом их штабс-ротмистром Ильею Салтыковым.» — 1860 г. Копия раздельного акта, в котором поименованы владения, доставшиеся на долю братьев. Копии верительного письма, написанного в Рязани. И. Е. Салтыков просит Сергея Евграфовича и доверяет ему проделать все формальности для вступления во владение имением.

№ 1152. Калязинский уездный суд. «О вводе во владение временно-обязанного крестьянина г. г. Салтыковых деревни Новинок Софрона Осипова и казенных крестьян Пахомовской вол. деревень Киселева, Осеевской и Щипичева в купленную землю у г. г. Салтыковых», 1861 г. Продажа М. Е. и С. Е. Салтыковыми своей земли. Софрон Осипов бывший их поверенный и управляющий этим имением.

№ 2448. Тверская гражданская палата. «О совершении купчих крепостей на землю, проданную г. г. Салтыковыми Угличскому купцу Серебрякову и крестьянам Калязинского уезда в числе 9 лиц», 1861 г. Продажа земли С. Е. и М. Е. Салтыковыми бывшему старосте своему и доверен-

ному Софрону Осипову и казенным крестьянам из деревень Киселева, Осеевской и Щипичева в сельце Мышкине и деревни Новинках и Угличскому купцу Серебрякову господскую усадьбу в селе Заозерье. Подлинная купчая крепость подписана М. Е. и С. Е. Салтыковыми. В деле перечислены все постройки в господской усадьбе села Заозерья.

№ 2516. Тверская гражданская палата. «О совершении купчих крепостей на землю, проданную г. г. Салтыковыми купцам Большакову и Орехову» — 1862 г. Продажа С. Е. и М. Е. Салтыковыми в селе Заозерье усадебной земли 3-й гильдии купцам Орехову и Большакову. Продажу совершал М. Е., на имя которого Сергей Евграфович выдал доверенность. На ней собственноручная подписка М. Е. Салтыкова в получении подлинной доверенности из Палаты.

№ 1484. Тверская гражданская палата. «О явке условия на запроданное статским советником Львовым статскому советнику Салтыкову имения, состоящее Новоторжского уезда» — 1861 г. Не состоявшаяся покупка М. Е. Салтыковым имения у Дмитрия Сергеевича Львова. Купчая крепость с обоюдного согласия была расторгнута.

№ 2137. Тверская гражданская палата. «О явке крепостных заемных писем, данных штатским советником Михаилом Евграфовичем Салтыковым вдове коллежского советника Ольге Михайловой Салтыковой на сумму 23 000 руб.», 1861 г. Два подлинных обязательства М. Е. Салтыкова за подписью его самого и его матери об уплате денег полностью через два года.

№ 4393. Тверская гражданская палата. По крепостному столу. «О выдаче данной на имение г. Салтыковой», 1866 г. Продажа с аукциона земли, принадлежащей М. Е. Салтыкову, которую, на торгах приобрел его брат и совладелец Сергей Евграфович Салтыков. Земля была назначена к продаже для удовлетворения кредитора в лице его матери, предъявившей ко взысканию заемные письма М. Е. Салтыкова».

№ 27. Присяжный поверенный Сухоручкин. «Дело Салтыковых», 1874 г.

После смерти С. Е. Салтыкова, с которым сообща владел имениями М. Е. Салтыков, не осталось духовного завещания. В разделе могли принять участие кроме вдовы все его братья. Д. Е. Салтыков, с которым соглашался и Илья Евграфович, добивался при разделе, чтобы Михаилу Евграфовичу отошли именно те земли, которые ему были назначены матерью по раздельному акту. Михаил Евграфович доказывал, что землей они владели сообща, все продажи происходили от имени двух братьев, а поэтому он имеет право на половину и на третью часть из той земли, которая должна поступить в раздел земли между братьями. В большой записке для присяжного поверенного Сухоручкина (автограф) М. Е. Салтыков доказывает правоту своих положений, попутно раскрывая свое положение в семье, взаимоотношение с матерью и историю продажи отдельных земельных участков до раздела. В деле подшиты по две копии Уставных грамот на земли, доставшиеся при разделе братьям Сергею Евграфовичу и Михаилу Евграфовичу в Угличском уезде Ярославской губ. на село Заозерье, на деревни близ села Заозерья особо. Здесь же подлинная доверенность Сухоручкину на ведение процесса с братьями о разделе в Рыбинском окружном суде и обязательство Михаила Евграфовича, выданное тому же Сухоручкину о гонораре.

Служебные бумаги М. Е. Салтыкова:

№ 4170. Тверское губернское правление. Отделение I. Стол 1-й. «По отношению Тверского Губернского предводителя дворянства о злоупотреблениях опекуна Цызырева по имению г. г. Строевых» — 1859 г. Строев жаловался предводителю дворянства на злоупотребления опекуна Цызырева по имению его отца. Губернатор это дело передал губернскому правлению. В определении правления, написанном М. Е. Салтыковым (автограф л. 10) предписывается произвести расследование и, если Цызырев не явится к следствию, закончить дело без него.

№ 59. Тверское губернское правление. «По отношению канцелярии г. Начальника губернии с перепискою о жестоком обращении Кашинского помещика Ивина с крестьянами своими» — 1859 г. Крестьяне помещика Ивина жаловались на притеснение их сыном помещицы штабротмистром Ивиным. Их жалоба, однако, была оставлена без последствия. Против них, как против упорных «бунтовщиков», выслана команда, которой исправник разрешил резать крестьянский скот, а сами крестьяне были подвергнуты телесным наказаниям. Когда дело попало в руки М. Е. Салтыкова, он потребовал немедленного представления подробного доклада для ознакомления (резолюция карандашом, автограф л. 317), а затем в составленном им журнале губернское правление осудило действия исправника, констатируя «преднамеренное упорство и сопротивление распоряжениям правления». Если в дальнейшем он не исполнит требования Правления, он будет устранен от должности. На будущее время рекомендуется воздержаться от военных экзекуций (автограф л. л. 343—344). В донесении министру внутренних дел, исправленном рукою Салтыкова (л. 345), отмечается факт «вредного

влияния г. Ивина, собственно как предводителя дворянства, с которым столкнулось Губернское правление при водворении обратно по месту жительства его крестьян, находившихся в заключении при Земском суде. Жалобы крестьян не прекратились. Тогда Губернское правление журналом, написанным опять-таки рукою М. Е. Салтыкова (автограф л. 364) постановляет: просить исправляющего должность губернского предводителя дворянства на месте удостовериться в способах управления Ивина имением своей матери.

№ 624. Тверское губернское правление Отделение 2-е, стол 4-й «По циркулярному предписанию г. Министра внутренних дел об издании свода постановлений о постоялых дворах и корчмах» — 1859 г. Городнические правления и исправники по требованию губернского правления прислали составленные ими проекты уставов постоялых дворов. На основании их Губернское правление своим журналом, написанным М. Е. Салтыковым, высказывает свои соображения о постоялых дворах (автограф). В журнале констатируется слабость развития этого промысла по Тверской губернии и рекомендуется ослабление налогового пресса и надзора.

№ 712. Тверское губернское правление. Отделение II, стол 4-й. «По письму попечителя Московского округа об увеличении содержания приходских училищ в городах Тверской губ.» — 1859 г. Письмом на имя губернатора попечитель Московского учебного округа обратил его внимание на недостаточность заработной платы приходских учителей и на тесноту помещений самых училищ. Согласно постановлению губернского правления по этому вопросу были затребованы сведения от городских дум. В донесениях описывалось положение приходских училищ Тверской губ. В журнале Правления, составленном по поводу этих донесений, написанном М. Е. Салтыковым (автограф л. 34), отмечается разнообразие в окладах учителям по различным городам губернии. На учительское жалование «существовать почти невозможно». Губернское правление, признав, что «приходские училища учреждены собственно для удовлетворения одной из главных потребностей», — высказывается за увеличение учительской ставки с 96—130 руб., которые раньше получал учитель минимально до 180 руб. серебром в год. Там, где этого добавления из доходов города провести невозможно, рекомендуется думам поставить вопрос на городском обществе с тем, чтобы добавочное содержание оно взяло на свой счет.

№ 12. Тверское губернское правление. Отделение 1-е. Стол 3-й. «По отношению канцелярии г. начальника губернии с перепискою о понуждении крестьян помещика Максимович к снятию хлеба и травы с принадлежащих их полей» — 1860 г. Крестьяне помещика Максимовича, переселенные из Ярославской губ., отказались от повиновения владельцу, не захотели косить траву и посеянного ими хлеба. Губернское правление решило для усмирения неповинующихся крестьян выслать воинскую команду не более 10 чел. М. Е. Салтыков, как исполняющий должность губернатора, отказался утвердить это решение и предложил обстоятельства дела представить на усмотрение Сената (подлинник, написанный писарским почерком с подписью М. Е. Салтыкова, и представление Сенату с его карандашными поправками).

№ 13. Тверское губернское правление. «По указу правительствующего сената о доставлении объяснения по прошению Вышневолоцкого мещанина Егора Зарывалова о земле мещанина Пирожникова» — 1860 г. Правительствующим сенатом решено имение мещанки Пирожниковой отдать во временное владение мещанину Зарывалову впредь до уплаты ею долга. В резолюции, написанной М. Е. Салтыковым (автограф), вынесен строгий выговор членам и секретарю Вышневолоцкого магистрата за неисполнение указов.

№ 537. «Тверское губернское правление. Отделение II. Стол 4-й». «По отзыву первого стола сего правления с выпискою из ревизии г. Кашина» — 1860 г. Выпись из ревизии по г. Кашину (писарская копия) и журнал Губернского правления по ревизии.

[Без №] Канцелярия тверского губернатора. «Об организации публичной библиотеки в г. Твери» — 1860 г. М. Е. Салтыков утвержден членом Попечительного комитета Тверской публичной библиотеки. В своем письме к губернатору, графу Баранову, он изъявляет готовность «с особенным удовольствием» принять на себя это звание.

№ 2983. Тверское губернское правление. Отделение I. Стол 3-й. «По отношению губернского предводителя дворянства о корыстных действиях по управлению имением княгини Кропоткиной» — 1859 г. Княгиня Кропоткина предоставила своей дочери вместо Тверского имения имение в Орловской губернии. Губернское правление в резолюции, отредактированной и значительно исправленной рукой М. Е. Салтыкова, предлагает следствие по этому вопросу, произведенное Тверским исправником, направить исправляющему должность Тверского губернского предводителя дворянства, а по губернскому правлению дело кончить.

№ 354. Тверское губернское правление. Отделение 2-е. Стол 4-й. «По отношению Тверского приказа общественного призрения об увеличении суммы на содержание сиротского дома в г. Каши-

не.» — 1860 г. Приказ Общественного призрения в отношении, присланном губернскому правлению, ходатайствует о дополнительных ассигнованиях на содержание Кашинского сиротского дома. Губернское правление собрало сведения о положении этих домов по другим городам. В проекте журнала, написанном М. Е. Салтыковым (автограф), констатируется бедственное состояние домов, вымирание детей, находящихся на содержании в домах, и недостаток ухода. Губернское правление предлагает городским думам поставить на городских обществах вопрос — нужны ли сиротские дома, на содержании какого учреждения они должны находиться и откуда на их содержание брать средства.

№ 1244. Канцелярия тверского губернатора «По представлению Тверского вице-губернатора о крепостных людях, ссылаемых по воле помещиков в Сибирь на поселение»—1860 г. М. Е. Салтыков ходатайствует, чтобы крестьяне, ссылаемые по воле помещиков в Сибирь, до отправки вместо тюремного заключения отдавались под надзор полиции.

№ 203. Тверское губернское правление. Отделение I. Стол 3-й. «По отношению канцелярии г. начальника губернии с перепискою по делу о переселении крестьян помещицы Дириной с одного места на другое» — 1850 г. В связи с переселением помещицей Дириной крестьян из деревни Ащекулова в деревню Гряды среди них возникли волнения. По донесению исправника все меры понуждения оказались безрезультатными. Крестьяне под влиянием слухов о воле не захотели подчиниться и неизвестно куда скрылись из вотчины. В журнале губернского правления, написанном М. Е. Салтыковым (автограф), ставится под сомнение, что помещицей соблюдены все условия, которые требуются по закону от землевладельца. Исправнику предложено расследовать это дело и добиться мирного разрешения его (не доводя до крайности)— (л. 44). Расследование чиновника особых поручений подтвердило сомнения, изложенные в этом журнале. В последующем решении правления, написанном М. Е. Салтыковым (автограф лл. 67—68), констатируется, что помещица ничего не сделала для устройства крестьян на новом месте и поэтому переселение признано преждевременным. Оправдание исправника, как не сумевшего «приобрести доверие к себе крестьян» решено оставить без последствия. Донесение об этом деле на имя исправляющего должность статс-секретаря по принятию прошений отредактировано и подписано М. Е. Салтыковым (лл. 81—91). От имени губернатора жалоба крестьян признана справедливой, а действия помещицы Дириной противозаконными.

№ 218. Тверское губернское правление. Отделение 2-е. Стол 4-й. «По донесению Вышневолоцкой городской Думы о выдаче данной мещанину Горскому на владение купленных им в Думе мест земли под № 1824 и 1825» — 1860 г. Вышневолоцкая городская Дума продав два места с торгов мещанину Горскому, затем одно из них вторично продала мещанину Хлебникову. Из двух мест, купленных последним, одно оказалось ранее приобретенным Горским, другое застроенным мещанкой Носковой, Губернское правление журналом, написанным М. Е. Салтыковым (автограф лл. 17—18), возлагает ответственость за двукратную продажу мест на чинов и секретаря городской Думы. Горскому объявлено, что он вознаграждение за убытки может искать по суду.

№ 575. Тверское губернское правление. Отделение 3-е. Стол 7-й. «Начавшееся по отношению канцелярии г. начальника губернии от 17 ноября с делом о неизвестном человеке, назвавшемся капитаном Сипко, вступившем в брак с г. Окновою» — 1860 г. Сипко, оказавшийся уголовным преступником, назвался отставным капитаном и женился на помещице Окновой. По доверенности жены он начал управлять имением и продал лес на сруб купцу Цветкову. Когда выяснилось, что из себя представляет Сипко, Окнова стала ходатайствовать о приостановке рубки. Журналом губернского правления, написанном М. Е. Салтыковым (автограф, л. 26) Земскому суду предписано приостановить рубку леса и выяснить, по доверенности ли Окновой был продан лес Цветкову.

№ 223. Тверское губернское правление. Отделение 1-е. Стол 2-й. «По отношению канцелярии г. начальника губернии о переводе Рязанского вице-губернатора коллежского советника Салтыкова в г. Тверь» — 1860 г. О назначении М. Е. Салтыкова вице-губернатором в Тверскую губернию. Приложен его формулярный список, составленный Рязанским Губернским правлением в апреле 1860 г.

№ 42. Тверское губернское правление. Канцелярия присутствия. Секретный стол. «По предложению его сиятельства г. начальника губернии о переводе г. Тверского вице-губернатора Иванова на такую же должность в г. Рязань и о поступлении на место Тверского Рязанского вице-губернатора г. Салтыкова» — 1860 г. Тверской вице-губернатор Иванов переводится на ту же должность в Рязань, а рязанский М. Е. Салтыков в Тверь. Иванову выдается 1000 руб. без вычета в единовременное пособие.

№ 4194. Тверское Дворянское депутатское собрание. «По прошению статского советника Михаила Евграфовича Салтыкова о внесении его с женою, Елизаветою Аполлоновною, в дворянскую родословную книгу Тверской губернии» —

1861 г. В деле подробный формулярный список о службе, составленный в октябре 1861 г. На основании разных источников воспроизводится родословная. Приложена выпись о бракосочетании М. Е. Салтыкова с Е. А. Болтиной.

№ 586. Тверское губернское правление. Отделение 3-е. Стол 7-й. «По донесению Кашинской Дворянской опеки о несвоевременном представлении денег г. Окуневым в опеку» — 1860 г. Уездный судья Окунев задержал деньги, собранные с имения Королева. В объяснении он утверждал, что деньги попали в его личные бумаги и поэтому он о них совершенно позабыл. Тверское губернское правление журналом, написанном М. Е. Салтыковым (автограф, л. 4), потребовало от Окунева объяснения, как эти деньги к нему попали и почему их принял лично, а не в присутствии опеки.

№ 582. Тверское губернское правление. Отделение 2-е. Стол 4-й. «По отзыву первого отделения сего правления с выпискою из ревизии г. вице-губернатора г. Калязина» — 1860 г. Выписка из ревизионной записки, написанной М. Е. Салтыковым.

№ 221. Тверское губернское правление. Отделение 3-е. Стол 7-й. «По отношению Тверской палаты государственных имуществ со свидетельством вырубленному лесу в Самуйловской даче» — 1860 г. Крестьяне князя Шаховского, Ляпунова и Свербеева вырубили для исправника на дрова лес в казенной даче. При следствии исправник признался, что ему крестьяне привезли дрова, но утверждал, что заплатил за это деньги. Журналом губернского правления, написанным М. Е. Салтыковым (автограф, лл. 23—24), крестьяне оправданы и обвинения целиком возложены на исправника.

№ 351. Тверское губернское правление. Отделение 1-е. Стол 7-й. «По отношению первого отделения с перепискою по делу помещика Летюхина» — 1860 г. По поводу завещания полковника Летюхина Вышневолоцкий уездный предводитель дворянства просил, чтобы земский суд освидетельствовал состояние его умственных способностей. Губернским правлением по этому поводу составлен журнал, в который по недосмотру канцелярии вошли не все материалы по этому делу. Заслушав об этом предписание губернатора, Губернское правление решило впредь не допускать наличие двух дел по одному и тому же вопросу одновременно, из-за чего произошла эта ошибка. Журнал написан М. Е. Салтыковым (автограф, л. 12).

№ 49. Тверская губернская строительная и дорожная комиссия. Стол искусственный. «По отношению Тверского губернского правления о последствиях ревизии г. Вице-губернатора г. Корчевы» — 1861 г. Копия выписок из ревизионной записки, составленной М. Е. Салтыковым о наружном виде и пожарной части г. Корчевы.

№ 118. Тверское губернское правление. Отделение 3-е, Стол 8-й. «По донесению Старицкого исправника о неисполнении временно-обязанными крестьянами г. Миллер барщинских работ» — 1861 г. Крестьяне старицкого помещика Миллера деревней: Коробьина и Петракова отказались от выполнения барщинных работ. Уговоры оказались безуспешными. Решение мирового посредника «О наказании их по мере вины розгами и о взыскании штрафа» они также категорически отказались исполнять добровольно. Старицкий исправник получив об этом известие тотчас же выехал на место происшествия с воинской командой «для исполнения требования посредника». В Журнале губернского правления, написанном М. Е. Салтыковым (автограф лл. 4—5), вызов военной экзекуции исправником признан незаконным, как равно признано незаконным постановление мирового посредника о телесном наказании крестьян.

№ 131. Тверское губернское правление. Отделение 3-е. Стол 8-й. «По отношению Тверского губернского по крестьянским делам присутствия о крестьянах, водворенных в имении г. Вульф» — 1861 г. Крестьяне старицкого помещика Вульфа деревень: Малинники, Негодяихи, Бибикова и Копылова отказались выполнять повинности помещику по урочному положению. Уговоры и понуждения волостного правления, волостного старшины и мирового посредника остались безрезультатными. Расследование показало, что крестьянам даются несоразмерно высокие нормы, за невыполнение которых заставляют отрабатывать свободные дни, так что «вновь» составляется поголовная работа». Исправник возбудил ходатайство перед губернатором о назначении военной экзекуции. Губернское правление с ним согласилось и составило об этом журнал. М. Е. Салтыков, как исполняющий должность губернатора, этого журнала не утвердил, «считая неудобным и преждевременным назначить согласно предложению старицкого земского исправника военную экзекуцию в имении г. Вульф». Чиновник особых поручений по его предложению выехал в имение произвести формальное следствие. Дело прекратилось в 1863 г., когда по мотивировке губернского правления миновала надобность в содействии земской полиции.

№ 120. Тверское губернское правление. Отделение 1-е. Стол 2-й. По предложению начальника губернии об увольнении г. Салтыкова по Высочайшему повелению от службы и назначения на его место г. Толстого» — 1862 г. Производство по увольнению от службы М. Е. Салты-

кова. Приложена копия аттестата, выданного ему по случаю отставки.

№ 84. Тверское губернское правление. Отделение 1-е. Стол 1-й. «По отношению департамента общих дел Министерству внутренних дел со списком губернаторам, губернским предводителям дворянства и вице-губернаторам, составленным в хронологическом порядке с 1825 г. по 1 января 1878 г. О доставлении на отдельном листке пояснительных сведений в том случае, если бы в этом списке оказались по Тверской губернии какие-либо пропуски и описки.» — 1878 г. Названа дата назначения и увольнения по должности вице-губернатора М. Е. Салтыкова.

Из разрозненных бумаг. Афиша литературного вечера в Твери 22 марта 1862 г. Участвуют: И. Ф. Горбунов, А. М. Жемчужников, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков, П. М. Садовский, А. Н. Плещеев. Вечер дан в пользу бедных чиновников города Твери. М. Е. Салтыков читал из своих произведений.

КИРОВ (б. Вятка)

Фонды Кировского областного управления содержат еще много неразобранных и не описанных материалов.

В последнее время архив выявил следующие дела и документы, имеющие отношение к писателям, прошедшим через вятскую ссылку: 1. «Ведомость о лицах, состоящих под надзором полиции в Вятской губернии за 1855 год». Ведомость содержит сведения о 71 политическом ссыльном, в том числе о М. Е. Салтыкове-Щедрине (фонд Канцелярии вятского губернатора по 2-му столу, дело № 10, № 11, стр. 7 — данные, касающиеся Салтыкова, опубликованы в номере «Вятской Правды» от 20 ноября 1934 г.) 2. «Годовой отчет Вятского губернатора за 1850-й год». На титульном листе этой рукописи на 269 листах чей-то рукою позднее написано: «составленный Салтыковым-Щедриным» (фонд Канцелярии вятского губернатора). 3. Два дела за 1850 и 1854 гг. «О вятских выставках сельскохозяйственных произведений и о работе М. Е. Салтыкова в должности распорядителя выставки и члена Комитета (автографы на нескольких десятках листов). 4. Сообщение малмыжского уездного исправника начальнику Вятского губернского жандармского управления «о прибытии состоящего под негласным надзором полиции дворянина Владимира Галактионовича Короленко из Нижнего Новгорода в Малмыжский уезд Старотракскую волость, село Старый Мултан 5 декабря 1905 г.» (эта поездка В. Г. Короленко была связана с известным Мултановским делом). 5. Секретное сообщение подполковника особого временного отделения по охранению порядка и безопасности в Нижнем Новгороде от 30 октября 1895 г. начальнику Вятского губернского жандармского управления «о назначении местожительства поднадзорному В. Г. Короленко в г. Елабуге Вятской губернии» и 6. Донесение полицейской агентуры «о прибывшем в г. Вятку Ф. И. Сятковском, окончившем школу пропагандистов, учрежденную на острове Капри М. Горьким».

КОСТРОМА

Костромское отделение Ивановского областного архивного управления хранит среди своих, в большинстве еще не разобранных, фондов ряд материалов Аполлона Григорьева и поэтессы Ю. В. Жадовской. Григорьевские материалы содержатся в фонде Н. М. Ильинского, дяди писателя Н. Григорьева и его двоюродной сестры В. Н. Григорьевой. Все они относятся к 1850—1860 гг. В автографических рукописях сохранились следующие документы: полемическая статья «Дело о «Русском Вестнике» и его антагонистах» («Письмо к редактору «Московских Ведомостей»), 18 главок из поэмы «Дневник любви и молитвы», черновик стихотворения «О, не дивись, что подлой клеветы...», посвященного А. Н. Островскому, и несколько черновиков писем к дяде Н. И. Григорьеву. Здесь же имеются материалы и самого Н. И. Григорьева: большое количество его стихотворений, подробная автобиография, письма, относящиеся к периоду крымской войны, и др. Наконец, в этом же фонде хранится рукопись биографического очерка об А. Григорьеве, написанного Н. М. Ильинским и ряд документов, авторство которых не определено: отрывок из дневника за 1857 г., черновик тетради с записями отзывов о прочитанных книгах Тургенева, Щедрина, Печерского и др., рукописный школьный журнал «Муравейник» № 1 под редакцией и с рассказами А. Григорьева [?] и др. Фонд Ю. В. Жадовской содержит большое количество рукописей стихов и стихотворных переводов поэтессы, ее повести «Степная», отрывка из романа «Первая любовь», несколько писем и другие материалы. Здесь же хранится рукопись реферата В. Беркина и Ю. Жадовской. Кроме названных материалов в Костромском архивбюро имеются три письма В. Г. Короленко и одно письмо Максима Горького к Л. Парийскому.

КРАСНОЯРСК

Краевое Архивное управление и Музей Красноярского края имеют значительные архивные фонды, разработка которых обещает дать ряд интересных историко-литературных находок. Достаточно сказать, что здесь хранится собрание материалов известного красноярского библиофила Г. В. Юдина, богатой биб-

лиотекой которого (она была незадолго до революции куплена Библиотекой конгресса в Вашингтоне) неоднократно пользовался для своих работ отбывавший здесь ссылку В. И. Ленин. К сожалению, планомерная разработка красноярских фондов еще не начата, сами фонды не только не систематизированы, но находятся по признанию самой администрации «в хаотическом состоянии». Сообщаем о немногих историко-литературных материалах, находящихся «на виду» или выявленных в порядке случайного обращения к фондам.

В Музее края хранятся два рукописных черновых листка из «Очерков бурсы» Помяловского. Автограф принадлежал брату писателя Комарову, проживавшему на Абоканском заводе. В 1868 г. листки были переданы им на память Н. Попову, от которого и приобретены Музеем. Текст одного листка совпадает с дефинитивной редакцией почти дословно, зато другой листок дает ряд существенных разночтений. Вот наиболее интересное и резкое по тону место, не вошедшее в печатный текст произведения. После известного эпизода, изображающего жестокое «варварское наказание» Элпахи, в рукописи следовал такой текст: «Вы спросите, как же он вынес такое оскорбление, отчего сам не вырвал у своего мучителя клок волос [не мог?], плюнуть в его черные глаза, ударить в красивое лицо. Эх, господа, вы не знаете три раза трижды треклятой жизни бурсака. Да сделай это Элпаха, ему не только что выдали бы волчью [нрзб.], а сдали бы прямо в солдаты, а там, быть может, пришлось бы откушать и шпиц-рутенов. Бурсаки понимали это хорошо. Нет, я Вас спрошу: данный поступок Батьки, в сущности дела, уголовное преступление или нет. Впрочем, надо правду сказать, что такое преступление во всей истории бурсы случилось только однажды; даже сам Батька не повторял его».

В архиве имеются далее два письма В. Г. Короленко к В. М. Крутовскому (от 3/X 1901 и 2/IX 1916), девять писем А. А. Кропоткина 1880—1884 гг., адресованных «Иннокентию Ивановичу», несколько писем Г. Н. Потанина, рукопись семинарского сочинения Аф. Щапова «Как доказать психологически ту истину, что человек есть существо нравственное (к первому листку рукописи приклеен портрет молодого Щапова.) Наконец, не прочтенные еще рукописи одного венгерского поэта (был в Красноярске в качестве военнопленного). В Музее имеется значительная коллекция эскизов уроженца Красноярска худ. В. И. Сурикова и его большая композиция «Притча о милосердном самарянине», имеется также большое количество писем Сурикова и других материалов, с ним связанных (Сообщил В. Медведев).

КУЙБЫШЕВ (б. Самара)

В Куйбышевском краевом архивном управлении хранится архив известного публициста и критика прошлого века Е. Н. Эдельсона. Архив состоит из рукописей литературных, критических и публицистических статей самого Эдельсона и значительного количества писем к нему, среди которых: «письма И. Гончарова (2), А. Писемского (11), А. Фета (7), А. Островского, П. Боборыкина и др. Имеется далее интересное собрание дагерротипов и фотоснимков, среди которых—редкие карточки Салтыкова-Щедрина, Полонского, Островского, Майкова, Тургенева, Жуковского и Достоевского. Здесь же найден подписанный именем Н. Щедрина список стихотворной сатиры «Былина о том, как бежали пять удалых скакунов-коней, да одна кобыла быстрая перед теремом хозяина», принадлежность которой М. Е. Салтыкову следует, однако, категорически отвергнуть. Кроме архива Эдельсона здесь же хранится и его личная библиотека, в которой имеются книги с автографами писателей.

КУРСК

В архиве библиотеки Курского областного музея найдены письма А. К. Толстого, В. Стасова, П. Третьякова и офортиста Матэ к художнику В. Г. Шварцу, а также ряд писем самого В. Г. Шварца (сообщила В. Аршинова).

МОГИЛЕВ-ПОДОЛЬСК
(Винницкой области)

В распоряжении местного научного работника А. В. Иванова находится «альбом Н. П. Витгенштейна, в котором содержатся резличные автографы и записи (относятся к 30-м гг. прошл. века) следующих лиц: С. С. Куторги, М. С. Куторги, В. И. Лапшина, А. Чивинс... (?), Н Д. Калмыкова, Ф. И. Иноземцева, А. М. Филомафитского, П. П. Котельникова, Д. Л. Крюкова, П. Г. Редкина, И. О. Шаховского, П. И. Прейса, А. Д. Хрипкова, В. С. Порошина, А. П. Загорского, А. А. Шерера, Г. К. Капгера, В. А. Соллогуба, В. М. Наумова, Ф. И. Кельчицкого, К. Зенффа, В. Ф. Федорова, Ф. И. Нейдгардта, К. Штернберга, А. Н. Муравьева, В. И. Даля, Я. В. Мещерского, П. Шкляровского, И. Андреевского и П. Золотарева. Кроме того в альбоме имеются 23 портрета участников альбома и три рисунка.

МОСКВА

Московское областное архивное управление выявило за последние годы в своих обширных фондах целый ряд новых материалов историко-литературного характера. Перечисляем здесь некоторые из этих находок.

1. Ряд документов, связанных с делом 1827—1828 гг. «о кандидате Московского университета Андрее Филиппове Леопольдове, осужденном за держание у себя «возмутительных стихов» и с аналогичным делом Алексеева. Здесь, между прочим, был обнаружен вопросный лист, предъявленный А. С. Пушкину по поводу его стихотворения «Андре Шенье в темнице» с ответом и собственноручной подписью поэта. 2. Автограф стихотворения А. Жемчужникова «Старая дорога», обнаруженный среди бумаг архивного фонда усадьбы «Маково», принадлежавшей министру внутренних дел гр. Дм. Толстому. 3. Дело «о выданном швейцарским правительством преступнике Сергее Нечаеве» из фонда канцелярии московского обер-полицеймейстера за 1872 г. В деле имеется ряд подробных донесений пристава Сущевской части о Нечаеве, о допросах его следователем, об отказах Нечаева давать показания следователю, о непризнании им царского суда, копия приказа центральной полиции Цюрихского кантона о Нечаеве с указанием его примет. 4. Из того же фонда за 1869 г. дело «О распространении между студентами прокламаций эмиссара М. Бакунина и бежавшего за границу С. Нечаева». В деле содержится: сообщение московского обер-полицеймейстера о распространении прокламаций Нечаева и Бакунина и списки прокламаций — Нечаева: студентам университета, академии и технологического института в Петербурге (на 8 стр.), Бакунина: 3 воззвания под заглавием «Московскому университету» и воззвание «Несколько слов к молодым братьям в России» (на 8 стр.) — и различная переписка по этому поводу. 5. Дело из фонда канцелярии тверского военного губернатора за 1859 г. об учреждении секретного надзора за Ф. М. Достоевским. 6. Материалы комиссии по делу об убийстве купчихи Симон-Деманш («Дело Сухово-Кобылина») за 1854 г. Дело состоит из двух объемистых томов около 1000 листов и представляет собой полное следственное производство Особой Комиссии, назначенной для вторичного следствия по этому делу. 7. Материалы о В. Г. Короленко: о высылке его в Восточную Сибирь (1880 г.), об учреждении надзора за Евой Короленко (1880 г.) и об освобождении В. Короленко от гласного надзора (1884 г.). 8. Материалы из фонда московского обер-полицеймейстера 1868 г. о производстве дознания по поводу сбора пожертвований на устройство памятника Д. Писареву.

Ведущаяся разработка фондов Московского цензурного комитета и старшего инспектора по делам печати (фонды эти сохранились не полностью) привела к выявлению еще ряда материалов, касающихся русских писателей, в том числе Л. Н. Толстого, Н. С. Чернышевского, А. И. Герцена и др. Из цензурных документов о Л. Н. Толстом найдены: переписка инспектора по делам печати, относящаяся к 1867 г. и посвященная роману Толстого «1805 г.»; распоряжение московского генерал-губернатора, касающееся запрещенных произведений Л. Толстого, документы Духовной цензуры и Московского цензурного комитета, запрещающие издания «В чем моя вера?», «В чем счастье?» и «Так что же нам делать?». История нелегального, литографированного издания последнего из названных сочинений раскрывается в ряде найденных писем старшего инспектора по делам печати, относящихся к 1886 г. В бумагах этого же фонда, относящихся к 1888 г., обнаружен еще ряд документов: о передаче Духовному цензурному Комитету для рассмотрения сочинения Л. Толстого «О жизни», а также о задержании выпуска и о запрещении розничной продажи брошюр Толстого «Власть тьмы», «Упустишь огонь—не потушишь», «Много ли человеку земли нужно?», «Бог правду видит — не скоро скажет», «Два старика», «Свечка». Ряд выявленных документов говорят о запрещении ввоза в Россию произведений Толстого, напечатанных за границей, и об ограничении круга лиц, могущих, по особому разрешению, получить эти заграничные издания. Так, документ 1894 г. говорит о запрещении ввоза в Россию женевского издания «Соединение и перевод четырех евангелий», за 1896 — 1900 гг. сохранились разрешения Главного управления по делам печати на выдачу заграничных изданий Толстого «Царство божье внутри нас» Гусеву, профессору Казанской духовной академии, «Евангелия» П. Алфееву и «Воскресения» — жене писателя С. А. Толстой. К 1900 г. относятся запрещения на выдачу «Воскресения» Московскому Историческому Музею и длительная переписка Московского Университета с Главным управлением по делам печати по вопросу о приобретении Университетом одного экземпляра заграничного издания романа. За 1901 г. сохранилось несколько документов о запрещении сборника статей Толстого «В чем счастье?». Здесь же был найден подробный отзыв об этом сборнике цензора А. Р. Генца. К этой же серии документов, связанных непосредственно с творчеством Л. Толстого, относится еще один документ, выявленный в делах за 1902 г. В нем речь идет о выдаче разрешения Н. В. Давыдову на получение из-за границы брошюр Толстого «Мысли о боге» и «Отклики гр. Л. Н. Толстого на злобу дня в России». Выявлена далее касающаяся сочинений Толстого переписка московского цензурного комитета с отделением по охране порядка и общественной безопасности. Так, за 1870 г. найден документ старшего инспектора по делам печати, предписывающий приостановить выпуск из типографии

книги «Разбор и извлечение из романа «Война и мир» (автор не указан), как содержащий «нецензурные места». В 1901 г. была запрещена и другая книга «Граф Л. Толстой, его жизнь и последние произведения». Все перечисленные документы хранятся в фондах Московского цензурного комитета (1894 г.—д. 262, 1896—1900 гг.—д. 263, 1901 г.—д. 131, 1902 г.—д. 268, 1901 г.—д. 130) и московского старшего инспектора печати (1867 г.— д. 10, 1870 г. — д. 23/36, 1884 г. — д. 120/149, 1886 г. — д. 129/159, 1888 г. — д. 147/180, 1890 г. — д. 159/186, 147/180, 138/168).

В последнем из названных фондов выявлены также материалы, касающиеся Н. Г. Чернышевского. К 1874 г. относится документ об изъятии из Тургеневской библиотеки в Москве романа «Что делать?» и запрещение московского генерал-губернатора продажи фотографий Чернышевского. В делах 1884 г. найден документ, в котором сообщается: «В департаменте полиции получены сведения о том, что находящийся на жительстве в г. Астрахани государственный преступник Николай Гаврилович Чернышевский 29 минувшего марта намеревался отправить в редакцию «Вестника Европы», для передачи А. Н. Пыпину, письмо с просьбою поместить в наиболее распространенных газетах следующее извещение. «Мы слышали, что Н. Г. Чернышевский приготовляет к изданию собрание своих сочинений» и дальше излагаются опасения, что Чернышевский может издать свои произведения без разрешения цензуры (а она его не даст) и предлагается всем инспекторам печати «строжайше следить» за типографиями. Сохранился наконец документ об изъятии согласно постановлению Московского цензурного комитета, некролога Чернышевскому, напечатанному в журнале «Русская Мысль» (Фонд старшего инспектора по делам печати. 1874 г.— д. 67/81, 1884 г. — д. 120/149, 1889 г.—д. 152/186).

С именем декабриста К. Ф. Рылеева связано несколько документов. Сохранились они в делах (1871 г.) старшего инспектора по делам печати и состоят главным образом из переписки, посвященной задержанию выпуска в свет сборника исторических материалов «Девятнадцатый век» издания Бартенева в связи с помещением в нем стихотворений и писем Рылеева. Найдена также любопытная переписка 1886 г. по вопросу о разыскании виновных в помещении в отрывном календаре за этот год годовщины смерти К. Ф. Рылеева (Фонд старшего инспектора по делам печати — 1871 г.— д. 37/50, 1886 г. — д. 129/159).

О Герцене выявлено пока незначительное число документов. Обнаружена переписка 1876 г. об изъятии из Тургеневской библиотеки сочинений Герцена «Письма об изучении природы», «Кто виноват?» и «Раздумье». Кроме того найдены замечания инспектора печати об отпечатанной в Берлине на русском и французском языках брошюре «Письма А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и примечаниями Д. Шедо-Феротти» (Фонд старшего инспектора по делам печати 1875 г.—д. 67/81).

Кроме того найдены небольшие документы о Майкове, Державине и Жуковском. Майкову в 1868 г. было запрещено цензурным комитетом напечатать в «Русском Вестнике» его стихотворение «Из апокалипсиса». О Жуковском и Державине встречаются упоминания в протоколах Цензурного комитета. В 1816 г. цензурой дается разрешение на выпуск в свет «Переводов в прозе В. Жуковского», часть 1-я. В 1818 г. разрешается к печати «Лира» Г. Р. Державина (Ф. Московского цензурного комитета. 1816 г.—д. 48, 1818 г.—д. 49, Ф. старшего инспектора по делам печати—1868 г.—д. 18). (Сообщено Грекуловым и В. Дербиной).

НОВГОРОД

В Новгородском отделении Ленинградского областного архивного управления обнаружены следующие историко-литературные документы.

I. Фонд Е. В. Аничкова (по картотеке фондов № 28): 1) Наиболее интересной является здесь находка 23 разрозненных листков, вырезанных из «Свистка», «Современника» с собственноручными пометками, вставками и правкой Н. Г. Чернышевского. Часть вставок сделана на отдельных листочках, приклеенных к печатному тексту. Материалы относятся к работе Н. Г. Чернышевского по подготовке издания сочинений Н. А. Добролюбова. Они явятся предметом специального сообщения в одном из ближайших выпусков «Литературного Наследства». 2) Рукопись статьи Ев. Аничкова «Шекспир— не Шекспир», на 36 лл. 3) Его же рукопись ст. «Бальмонт», на 96 лл. 4) Машинописный текст, озаглавленный «Письма благонамеренного француза» с датой «Париж 8/20 Окт.» и подписью (на машинке же) «Станислав де-Канорд». Часть строк вписана рукою Е. Аничкова. 5) Е. Аничков, заметки по поводу «Дружеской переписки» на 9 полулистах с письмом к редактору (неизвестно какого издания) с просьбой дать место этой статье в виду предстоящего юбилея Добролюбова. Здесь же приложена рукопись статьи «Герцен и шестидесятники». 6) «Дело № 4» и «дело № 8» содержат письма к Аничкову разных лиц. В этом же фонде имеется значительное количество корректур различных работ Е. Аничкова, его деловая переписка и прочие материалы. II. Фонд М. И. Полянского: 1) рукописи работы М. И. Полянского «Новгород в его далеком прошлом», на 81 полулисте. В конце рукописи имеется листок из блокнота новгородского губернатора от 28 февраля 1909 г. следующего содержания: «Я думаю, что этот очерк годится для Сбор-

ника Общ. Люб. Древности» (подп. нрзб.). III. Фонд Новгородской Палаты Уголовного Суда: 1) Секретное дело за 1827—1828 гг. (два тома) «О кандидате Московского Университета Андрее Филиппове Леопольдове, осужденном за держание у себя возмутительных стихов». Во II томе дела на 73 л. имеется вложенный акт от 17 апреля 1887 г. по поводу отсылки находившегося здесь подлинного, собственноручного показания А. С. Пушкина от 24 ноября 1827 г. в Александровский Лицей для передачи в состоящее при нем учреждение, заведывающее собиранием материалов, касающихся Пушкина. Вместо оригинала вложена снятая с него точная копия. В копиях же имеются в деле: предсмертное письмо Рылеева от 12 июля 1827 г. («Бог и государь решили участь мою...») и стихотворения Пушкина «К. А. Шенье». IV. Фонд Канцелярии Новгородского губернатора: Дело «об отставном подпоручике Федоре Достоевском». Дело относится к периоду жизни Достоевского в Старой Руссе в 1872—1875 гг. и состоит из переписки между петербургским оберполицеймейстером и градоначальником, старорусским уездным исправником и новгородским губернатором по поводу прибытия Достоевского из Петербурга в Старую Руссу, «поведения» его там, его хлопот по устройству поездки за границу и т. п. В деле имеются заявления Достоевского о высылке ему его личного паспорта из сибирского линейного батальона и о выдаче заграничного паспорта, с указанием, что он отправляется за границу в Германию и Францию сроком на 6 месяцев, уведомление петербургского градоначальника об освобождении писателя от негласного надзора полиции, адресованное новгородскому губернатору, и ряд других документов. Среди них имеется любопытное секретное уведомление старорусского исправника к новгородскому губернатору, в котором сообщается, что Достоевский жизнь ведет трудовую, избегает общества людей, даже старается ходить по улицам менее многолюдным, каждую ночь до 4-х часов работает в своем кабинете за письменным столом и т. п. V. Фонд Новгородского Губернского правления. Дело «о службе коллежского асессора Александра Герцена советником в новгородском губернском правлении в 1841 г.» состоит из переписки о Герцене, его послужного списка, его собственноручного рапорта о задержке в Москве в отпуску по семейным делам, медицинского свидетельства о болезни и пр. VI. В собрании отдельных документов: 1) Политическое стихотворение под названием «Русскому царю и народу» — Лаврова [?], начинающееся словами: «Меня поставил бог над русскою землею...» (177 стихов). Стихотворение посвящено сатирическому изобличению самодержавия и написано, повидимому, во времена Николая I. 2) Письмо-завещание Якова Брюса, обращенное к Екатерине II (автографична лишь подпись). 3) Автографы двух произведений Павла Сумарокова: притчи «Орлы и скворцы», «Песни Кирасирского полка» («Ну ребята под Француза — Поспешим скорей сходить...») 4) Автограф стихотворения Шишкова «На смерть графа Валериана Александровича Зубова» («Ни знатный сан, ни честь, ни слава, ни богатство...»). 5) Автограф письма А. Суворова от 4 октября 1794 г. «Семену Ермолаевичу» о победе над польским инсургентом Костюшкой (сообщили Конышев и Алексеева).

НОВОСИБИРСК

В распоряжении известного сибирского писателя Г. А. Вяткина имеются автографы (письма и записки, адресованные самому Г. А. Вяткину, П. И. Вейнбергу и др.) следующих писателей: Л. Толстого, А. Чехова, А. Плещеева, А. Жемчужникова, П. Якубовича (Л. Мельшина), Бор. Зайцева, Ив. Бунина, Ромэн Роллана (два больших письма), Горькому и др.

ОРЕЛ

В Орловском литературно-бытовом музее имени И. С. Тургенева рукописный материал беден. Рукописей самого И. С. Тургенева почти нет, — есть лишь записи его студенческих лекций. Несомненный интерес для исследователей представляет обширная (свыше 6.000 томов) библиотека писателя из имения его Спасского-Лутовиново, в состав которой вошли книги предков Тургенева и В. Г. Белинского (см. об этом специальное сообщение А. Путинцева «Библиотека В. Г. Белинского» в № 19/21 «Литературного Наследства»). В научном отношении библиотека почти не изучена, в частности не изучены имеющиеся в ней книги сочинений Гегеля с пометками И. С. Тургенева. Музей имеет также архив И. Волынова (среди прочих материалов здесь есть письма М. Горького, А. Новикова-Прибоя и других современных писателей), значительное собрание фольклорных записей и некоторые материалы по истории орловского театра, лишь недавно начатые собиранием.

В Орловском отделении Курского областного архивного управления имеются биографические материалы, касающиеся И. С. Тургенева (записки из конторы его имения на разрешение браков крепостных), Фета и Грановского (земельно-имущественные дела).

В архиве центральной орловской библиотеки есть старинные рукописные книги XVII—XVIII вв. Здесь же были найдены в 1933 г. свыше 200 неизданных писем разных лиц к декабристу Ив. Ив. Пущину и переписка воспитателя Н. А.

Добролюбова епископа Иеремии (сообщил А. Путинцев).

ОРЕНБУРГ

В материалах Оренбургского областного архивного управления найден ряд новых документов о пребывании Тараса Шевченко в Орской ссылке и письма А. Н. Плещеева, жившего и служившего в 50-х гг. в Оренбурге в качестве политического ссыльного. В одном из писем имеется большое, неизвестное до сих пор, стихотворение Плещеева. Оно опубликовано в газ. «Оренбургская Коммуна», от 6 апреля 1935 г.

ПЕНЗА

В фондах Пензенского отделения Куйбышевского краевого архивного управления хранились и хранятся следующие документы историко-литературного биографического характера.

О В. Г. Белинском: Ведомости об успехах учеников пензенской гимназии и уездных училищ с отметками об успехах Белинского. Фонд Пензенского Дворянского Депутатского Собрания, дело по описи № 156/3366 «О дворянстве детей покойного коллежского ассесора Григория Никифоровича Белинского» (каб. Архивовед. св. № 48 (эти материалы отправлены теперь в Москву в распоряжение ЦАУ). О М. Ю. Лермонтове: 1) Фонд Чембарского Уездного суда за 1811 г. № 166/3691 «О выдаче порутчице Елисавете Арсентьевой из имений мужа указной части». 2) Фонд Канцелярии Пензенского Губернатора за 1842 г. (каб. Архивовед. св. 47) «По предписанию Министра Внутренних Дел о дозволении перевести тело умершего Лермонтова из Пятигорска в Чембарский узед для погребения» (материалы отправлены в распоряжение ЦАУ). 3) Фонд Пензенского Наместнического Правления за 1792—1893 г. — журналы, в них находятся подробные указания о возникновении дворянских родов Столыпиных и Мартыновых. 4) Фонд Чембарского Уездного Суда: книги «на записку всякого рода записей договорных до челобития, в животах промыслах и разделах» за 1814, 1815, 1817 гг. В них имеются записи заемных писем Елизаветы Алексеевны Арсентьевой. Здесь же хранятся обширные фамильные архивы Бахметьевых-Оболенских (охватывают период 1779—1884 гг.), тщательная разработка которых, можно предполагать, должна дать ряд дополнительных материалов к биографии М. Ю Лермонтова, в частности его письма. В этих же фондах имеется ряд интересных документов к истории студенческого движения в Москве в 1858 г. (один из архивообразователей А. Н. Бахметьев был попеч. Московского Учебного Округа) и ряд других материалов. О М. Е. Салтыкове-Щедрине: из фонда Пензенской Казенной Палаты 1) дело по арх. описи № 223 за 1865—1866 гг. «по переписке управляющего палатой Салтыкова» на 256 п. л. (отправлено в распоряжение ЦАУ). 2) Журналы палаты за 1866 г., подписанные управляющим Салтыковым. 3) Наряд формулярных списков о службе чиновников палаты и учреждений, ей подведомственных за 1866 г. Здесь находится формуляр о службе Салтыкова. В Пензенском музее краеведения хранятся письменный стол Салтыкова, его кресло, часы, счеты, а также ряд редких фотографий. О Н. П. Огареве: 1) Фонд Пензенского Дворянского Депутатского Собрания по описи № 1246 и 731 (3842) «О дворянстве Огаревых», за 1831—1856 гг. 2 дела. 2) Фонд канцелярии Пензенского Губернатора, дело по описи № 355 за 1848 г. «По предписанию генерал-адъютанта графа Орлова о титулярном советнике Николае Огареве, ходатайствующем об освобождении его от надзора полиции, на 20 п. л. 3) По архивной описи № 398 за 1850—1853 гг. «по совершенно секретному предписанию г. Министра Внутренних Дел о гг. Тучкове, Селиванове, Огареве, Сатине и др. на 292 п. л. 4) Фонд Пензенской Палаты Уголовного Суда, дело по описи № 802/3717 за 1859 г. на 25 п. листах, — об отставном коллежском регистраторе Николае Платоновиче Огареве, преданном суду за неисполнение высочайшего повеления о немедленном возвращении в отечество». 5) Фонд Канцелярии Пензенского Губернатора за 1849 г. по архивной описи № 278 на 16 п. л. «по прошению Московского обер-полицеймейстера о состоящем под надзором полиции коллежском регистраторе Сатине». 6) Фонд Пензенского Дворянского Депутатского собрания за 1851—1870 гг. по описи № 900/3971 «По отношению Инсарского уездного предводителя дворянства о внесении в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии коллежского регистратора Николая Михайловича Сатина с детьми» на 96 п. л. Эти перечисленные материалы отправлены в распоряжение ЦАУ). 7) Фонд Кацелярии Пензенского Губернатора по архивной описи № 3181 на 54 п. листах «По предложению г. министра внутренних дел о разрешении жене русского изгнанника Наталье Огаревой возвратиться в отечество на поручительство отца ее, помещика Пензенской губ. Алексея Тучкова» за 1876—1896 гг. (сообщил С. Кузнецов).

В Пензенском краевом архивном управлении имеется дело о ссыльном штабс-капитане Петре Никитиче Горском, за 1866—1879 гг. В Деле есть стихи Горского об Александре II (сообщил Куприевич).

ПЕТРОЗАВОДСК

В архивном управлении Карельской АССР и в Карельском научно-исследовательском институте хранятся следующие материалы: 1) Автограф неизданного стихотворения М. Ломоносова (на рождение Павла I). 2) Автограф неизданного театр. деятеля XVIII в. Ф. Г. Волкова. 3) Ряд мелких материалов для биографий Н. Некрасова, А. Островского, А. Писемского и А. Потехина. 4) Дело о ссылке в Соловки Михаила Критского и Николая Попова (организаторы изв. радикального студ. кружка в 1827 г.). 5) Материалы об олонецкой ссылке (по делу декабристов) В. Н. Глинки. 6) Материалы о ссылке этнографа П. Рыбникова. 7) Документ 1857 г., содержащий «высочайшее повеление» о правах на сочинения Ад. Мицкевича в России. 8) Документы о ссылке в Соловецкий монастырь дяди Пушкина П. И. Ганнибал, в их числе его переписка с женой с незначительными упоминаниями об А. С. Пушкине. 9) Дело о предках Л. Н. Толстого (гр. П. А. и его сыне И. П. Толстых), сосланных в Соловецкий монастырь. 10) Дело о ссылке участника Кирилло-Мефодьевского общества Л. Андрузского в Петрозаводск и Соловки (дело содержит м. п. автографы его стихов и сведения об его этнографических работах). 11) Материалы о ряде второстепенных писателей, проживавших в качестве ссыльных в Олонецкой губернии или уроженцев ее и др. (сообщил Н. Виноградов).

РОСТОВ НА ДОНУ

В Ростовском музее революции хранится одно письмо Л. Н. Толстого и ряд писем Д. Л. Мордовцева. В распоряжении местного краеведа и историка литературы К. И. Иеропольского имеются автографы писем С. Д. Дрожжина, Н. А. Морозова, В. Князева, А. И. Фаресова и др. Тот же К. И. Иеропольский опубликовал в местной прессе одно письмо А. М. Горького от 3 марта 1935 г. к автору публикации по поводу статьи последнего «Горький в нашем крае» (журн. «На подъеме», 1935, № 1—2) и одно письмо А. П. Чехова к П. П. Филевскому от 21 октября 1880 г. (сб. «Чехов и наш край).

РЫБИНСК

В рыбинском отделении Ивановского областного архивного управления хранится архив Н. И. Тишина, владельца богатой усадьбы XVIII ст. в Тихвино-Никольского. В эпистолярной части этого архива, представляющего значительный историко-бытовой интерес, сохранились письма художника-гравера М. И. Махаева, существенно важные и как документы эстетического быта XVIII в. и как материал для биографии художника (в основных извлечениях письма опубликованы М. Ильиным в 9/10 кн. «Лит. Насл.», стр. 471 сл.). Здесь же обнаружена обширная переписка семьи Мусиных-Пушкиных, относящаяся к первой четверти XIX ст.

РЯЗАНЬ

Рязанский средне-окский музей располагает значительным количеством материалов (автографы, иконография, различные экспонаты), относящихся к писателям и художникам рязанцам: Н. Д. Хвощинской-Зайончковской (В. Крестовский), Я. П. Полонскому и И. П. Поджалостину. В рязанском отделении Московского областного архивного управления имеются также материалы по названным писателям, а также большое количество служебных бумаг М. Е. Салтыкова (опись их см. в «щедринском томе» «Лит. Наследства»).

САМАРКАНД

В собрании этнографа проф. В. И. Анучина имеется значительное количество писем и документов деятелей «молодой сибирской литературы» и сибирского областничества: Г. Н. Потанина, Г. Д. Гребенщикова, А. Е. Новоселова (А. Невесова), Г. А. Вяткина, И. Гольдберга, В. Я. Шишкова, Исакова и др.

САРАПУЛЬ

В рукописном отделении Сарапульского музея Кировского края найдено письмо Ф. М. Решетникова, имеющее помету «гор. Пермь 22 марта 1862 г.» и обращение: «Василий Афиногенович». Как видно из содержания письма, оно было послано в Петербург, где находился адресат. Сохранившийся документ, нужно думать (указаний на этот счет работники музея дать затруднились), представляет собою сделанную самим Решетниковым копию или черновой отпуск с отправленного письма, оригинал которого неизвестен. Обширное по размерам письмо это (текст его, к сожалению, не полон из-за отсутствия одной страницы и обрыва другой) представляет в скудном эпистолярном наследии Решетникова значительный интерес. Письмо имеет автобиографический характер. В том же архиве хранится значительное количество рукописей рассказов, статей и речей писателя С. Елеонского (С. Н. Миловского), жившего в Сарапуле. В музее собрана также его иконография и библиография критических статей и отзывов о нем.

САРАТОВ

В Радищевском музее Саратова хранится архив художника А. П. Боголюбова. Эпистолярная часть архива содер-

жит письма П. В. Анненкова (1 п. 1885 г.), И. С. Тургенева (25 п., 1875—1878 гг.), Я. П. Полонского (1 п. 1883 г.), А. Н. Пыпина (2 п. б. д.), В. В. Стасова (2 п. 1883 и 1888 гг.), С. Н. Кривенко (1 тел. 1890 г.), К. П. Победоносцева (8 п. б. д.), И. Н. Крамского (14 п. и др. мат. на 68 стр.), О. Ровинского (1 п. 1894 г.), М. Ремезова (1 п. к И. А. Салову 1890 г.), К. Посьета (2 п. 1886 и 1888 гг.), Г. Семирадского (1 п., 1879 г.), А. Сомова (1 п. 1889 г.), Ив. Ив. Толстого (2 п. б. д.), Фролова (2 п. 1895 г.), Казимира Перье (1 п. 1876 г.), Жюльеты Адан (2 п. 1888 г.), барбизонца Добиньи (I п. 1875 г.), Карелюса Дюрана (2 п., 1888 г.), Гюстава Доре (1 п., 1882 г.), Поля Дюбуа (3 п. б. д.), Жерома (4 п. 1881 г.), Э. Мейсонье (3 п. б. д.), Флери (1 п. 1888 г.) и ряда других. Часть других рукописных материалов архива А. П. Боголюбова передана музеем в кабинет рукописей Саратовского университета, где и хранятся.

Большое собрание рукописей хранится в библиотеке Саратовского университета имени Н. Г. Чернышевского. Состав этого обширного собрания разнообразен. Большинство составляют древние рукописи до XV—XVII вв., много списков допетровской старой письменности и списков литературных произведений XVIII—XIX вв. Особую группу рукописей составляет ряд мемуарных памятников, имеется много записей фольклорных материалов 2-й половины XIX века; есть ряд ценных автографов писателей XIX века, среди них два письма А. Пушкина к Дельвигу, несколько писем М. Салтыкова-Щедрина и др. Здесь же хранится основной архив и рукописи Владимира Соловьева, архив Каронина-Петропавловского (описан в «Литературных беседах» Саратов, 1930) автографы И. Гончарова, Полины Виардо, дневник Ор. Миллера в 12 тетрадях, архив Н. П. Барсукова в 12 томах и др. Основой всего собрания являются рукописи, поступившие от И. А. Шляпкина (396 рукописей) и от местного библиофила Мальцева (250 рукописей), собрание рукописей профессора И. А. Шляпкина описано в вып. 2-м «Литературных бесед» за 1930 г. (сообщил Л. Рабинович).

В саратовской «Правде» от 15 июля 1934 г. опубликовано бывшее до того неизвестным письмо А. П. Чехова к М. Н. Галкину-Врасскому от 20 января 1890 г. Письмо касается некоторых вопросов подготовки поездки Чехова в Восточную Сибирь и на Сахалин. Автограф хранится в Саратовском краевом архивном управлении.

СВЕРДЛОВСК

В Уральском музее хранится обширный архив Д. Н. Мамина-Сибиряка, недавно пополнившийся целым рядом новых документов. Здесь же сохраняется и личная библиотека писателя.

СИМФЕРОПОЛЬ

Историко-литературные материалы в Центрархиве Крымской АССР немногочисленны. В 1928 г. сюда поступила из Кореиза уцелевшая часть домашнего архива гр. Клейнмихелей. В архив входят письма А. Карамзина из разных городов России и из-за границы за годы 1836—1848 (часть их опубликована В. Петуховым в «Историческом сборнике» Ак. Наук, II, 1934), письмо других членов семьи Карамзиных (сестер и братьев), к разным лицам за те же и более поздние годы и др. Здесь же хранится архив проф. Е. А. Голубева, в котором имеется переписка Сусловой-Голубевой. Среди писем к ней — одно письмо Ф. М. Достоевского (1867).

СМОЛЕНСК

В западном областном архивном управлении хранится еще не разобранный до конца архив журналиста, издателя и, позднее, писателя по сельскохозяйственным вопросам Шарапова. Есть основания предполагать, что разработка архива позволит обнаружить ряд историко-литературных документов. Пока было найдено одно письмо И. С. Тургенева 1878 г., лежавшее отдельно в пакете с надписью: «И. С. Тургенев». Письмо ныне опубликовано: жур. «Наступление», Смоленск, 1933, № 9.

СТАЛИНГРАД

В журнале «Поволжье», Сталинград, 1935, № 3 напечатаны два письма Максима Горького к Б. А. Рославлеву: от 15 февраля 1916 г. и 17 марта 1916 г. Автографы писем хранятся в местном городском музее.

ТАМБОВ

В Тамбовском отделении Воронежского областного архивного управления обнаружен ряд новых документов, характеризующих имущественно-правовые отношения между И. С. Тургеневым и его крепостными крестьянами. В числе их две уставные грамоты И. С. Тургенева на его тамбовские поместья. Одна из грамот датирована 24 мая 1862 г. (архив Тамбовского губернского по крестьянским делам присутствия В7, д. 6 234 а), другая 29 января 1863 г. (тот же фонд, В1, 24 д. 1210). В деле, содержащем вторую грамоту, имеется доверенность, выданная И. С. Тургеневым Николаю Николаевичу Тургеневу на проведение дел по выкупной операции.

В том же архиве выявлены материалы Д. В. Григоровича, несколько писем С. Н. Терпигорева (Атавы) и рукопись его же очерка о крахе в 1883 г. банка в Козлове (сообщено К. А. Утегановым).

ТАШКЕНТ

В Центрархиве, Узбекской ССР найдены письмо Л. Н. Толстого от 19 сентября 1910 г. С. Ф. Попову и письмо к нему от Александры Львовны Толстой от 1 декабря 1910 г. (об уходе Толстого из Ясной Поляны). Описание рукописных фондов Центр. музея г. Ташкента опубликовано Аносовым в первом выпуске «Известий Среднеазиатского комитета по делам музеев» Ташкент, 1926 г.

ТИФЛИС

В Мтацмидском Музее писателей Грузии хранится один из списков «Горе от ума» Грибоедова, который позволяет внести ряд поправок в существующие печатные тексты (см. об этом сообщение И. Ениколопова «Грибоедовский отдел Музея писателей Грузии» в «Бюллетене Госуд. драм. театра им. Грибоедова», Тифлис, 1934 г., № 2). В этот же Музей недавно поступили новые рукописи Грибоедова и документы о нем, относящиеся к периоду его пребывания в Персии. Найдены также новые варианты грибоедовской комедии «Грузинская ночь».

ТОБОЛЬСК

Через тобольские тюрьмы царизма прошли не только поколения русских революционеров, но и ряд русских писателей: направлявшиеся дальше на восток в каторгу и ссылку Ф. М. Достоевский и ряд петрашевцев, М. Н. Михайлов, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Короленко и др. Тобольское отделение Омского областного архивного управления выявило ряд материалов о невольном пребывании этих писателей в Тобольске.

Материалы в основном представляют официальную переписку по вопросам прибытия, пребывания в тобольской тюрьме и отправления из Тобольска политических преступников. Эти материалы дополняют имеющиеся в литературе сведения, уточняют даты и в целом заслуживают внимания биографов. Относительно Ф. М. Достоевского и петрашевцев выявлено дело в фонде Тоб. Гор. Полиц. Управл. (секретное по полицеймейстерской части за 1850 г.), которое содержит рапорты смотрителя тобольского тюремного замка тобольскому полицеймейстеру о приеме и отправке петрашевцев из Тобольска. Первым был привезен 3 января 1850 г. закованный в ножные кандалы Буташевич-Петрашевский и помещен отдельно от прочих арестантов. Из Тобольска его отправили 18 января. Затем прибыли закованные в ножные кандалы Ник. Спешнев, Ник. Григорьев, Фед. Львов 2-й и Ф. Толль. 9 января были привезены фельдъегерем поручиком Прокофьевым С. Дуров, Ф. Достоевский и И. Ястржемский и помещены «в особой комнате». Ф. Достоевский и С. Дуров отправлены из Тобольска в Омск 20 января. 28 января был привезен незакованный Н. Момбелли, у которого отобрано в Тобольске 90 писем и записок на разных языках (в деле их нет). Тобольское Общее Губ. Управление 31 января отдало предписание полицеймейстеру передать Момбелли, сковав по ногам, двум жандармам для следования в Иркутск. Момбелли в Тобольске заболел и лежал в больнице, поэтому его отправка задержалась до 11 февраля 1850 г. Относительно пребывания М. И. Михайлова в Тобольске в 1862 г. при провозе его на каторгу в Восточную Сибирь в архиве Тобольского Губернского Суда сохранилось огромное дело в тысячу с лишним листов (материалы специально назначенной комиссии во главе с генералом Соколовым для расследования обстоятельств пребывания Михайлова в Тобольске, который пользовался там значительной свободой). К сожалению, до настоящего времени, несмотря на специальные розыски, это дело, частично использованное Кузнецовым для очерка о пребывании Михайлова в Тобольске («Сибирский Листок» № 67 за 1905 г.) не удалось найти. Обнаруженные новые материалы о провозе Н. Г. Чернышевского в каторгу через Тобольск в июне 1864 г. рисуют исключительные меры предосторожности, принимавшиеся властями по отношению к Чернышевскому. Материалы эти выявлены в фонде Тоб. Общ. Губ. Упр. (фонд № 152) стол секретный, в деле № 3 по описи 1863 г. среди ряда переписок «о высылке на поселение в каторжную работу политических преступников 1863—1867 гг.» об отправке в 1864 г. в Восточную Сибирь партий поляков—участников восстания 1863 г (в деле 13 документов на 10 лл.).

Отзвукам пребывания Чернышевского в Тобольске является выявленное в деле того же фонда (№ 85-й по описи 1881 г.) извещение начальника Тобольского Губернского Жандармского Управления (25 февраля 1884 г.) о том, что при обыске в Ялуторовске у ссыльного Бабурова отобрана фотографическая карточка Н. Г. Чернышевского, снятая «в бывшем в г. Тобольске, несколько лет тому назад, фотографическом заведении П. Сухих». Из этого извещения видно, что Н. Г. Чернышевский был сфотографирован в Тобольске, и его карточки через 20 лет после проезда через Тобольск распространялись среди революционеров, высланных в Тобольскую губернию.

О двукратном пребывании (в 1880 и 1881 гг.) в тобольском тюремном замке В. Г. Короленко сохранилось два дела. Первое относится к возвращению Короленко из Томска по дороге в ссылку в Восточную Сибирь в распоряжение пермского губернатора через Тобольск: Фонд Общ. Губ. Упр. Отд. 1-е, стол секретный, Дело № 32 за 1880 г. «О высылке из Томска в Пермь политических ссыльных: Короленко, Донецкой, Рогачевой и Осинской». Дело содержит на ряду с секретной перепиской властей Томской, Тобольской и Пермской губерний написанные рукою Короленки заявления его и Вноровского начальнику Тобольской губ. от 4 сентября 1880 г., дающее яркую картину условий пребывания писателя и его спутников в тобольской тюрьме (лист 13-й дела).

Второе дело относится к пребыванию Короленко в Тобольске с 1881 г. по дороге в Восточную Сибирь, куда он был выслан из Перми за отказ принести присягу Александру III: Фонд № 152, отд. 1-е, стол секретный. Дело «о высылке в Восточную Сибирь дворянина Владимира Короленко», № 20 за 1881 г. В этом деле также имеется собственноручное заявление писателя от 20 августа на имя тобольского губернатора с просьбой скорейшей отправки его, Короленко, из Тобольска (оба заявления в печати неизвестны). О вторичной ссылке Короленко сохранилось еще в архиве краткое известие, содержащееся в перлюстрированном и задержанном письме из Ишима ссыльного Ф. Марковича к ссыльному Заведееву в Тару: «Другая новость, противоположного характера, которой вы, вероятно, еще не знаете, касается Владимира Галактионовича — вершители судеб наших признали, что Пермские скорпионы слишком слабы для него и отправили для более сильных испытаний в Восточную Сибирь. Вот уже, можно сказать, суженого конем не объедешь и своей судьбы не минешь, ехал уже раз в Сибирь — вернули с дороги, теперь-таки опять повезли» (Фонд № 152. Отд. 1-е стол секретный. Дело № 31 по описи 1880 г., л. 34-й.

Архив располагает некоторыми материалами и о других писателях, прошедших тобольскую ссылку: Г. Мачтете, Каронине-Петропавловском, П. Якубовиче и др. (сообщил Н. В. Горбань, февраль 1935 г.).

В Тобольском городском музее хранится автограф большого письма Л. Н. Толстого к видному деятелю духоборческого движения П. В. Веригину (письмо от 1 ноября б. у. г.: «Дорогой брат, Петр Васильевич, очень был обрадован...») и копия с письма Толстого 1895 г. к духобору Т. Н. Изюмченко в тифлисскую тюрьму. Здесь же сохранилась копия письма кн. Д. А. Хилкова к Толстому. Все документы поступили в музей в свое время от Н. Л. Скалозубова, который в свою очередь получил их от духоборов. Письмо к Веригину теперь опубликовано: журнал «Штурм», Самара, 1934 г., № 7, июль, стр. 135—136.

ТОТЬМА

Тотемский музей за последние годы собрал ряд материалов мемуарного и эпистолярного характера *о подневольном* пребывании в Тотьме А. В. Луначарского.

ТУЛА

Тульский Краеведческий Политехнический музей располагает интересным художественно-иконографическим материалом о ряде писателей, в том числе о Хомякове.

Архивное отделение Московского областного архивного управления сохраняет в своих фондах часть служебных бумаг М. Е. Салтыкова, относящихся к его пребыванию в Туле в качестве председателя местной Казенной палаты (есть вновь выявленные документы, не вошедшие в опись, помещенную в «щедринском томе» «Литературного Наследства»). В том же архиве в деле антрепренера Трояна находится автограф письма А. Н. Островского 1873 г., адресованного прокурору Тульского окружного суда. Письмо это по выявлении было опубликовано в газ. «Коммунар» Тула, № от 29 июня 1934 г.

УРАЛЬСК

В местный областной музей поступил недавно портрет неизвестного работы Тараса Шевченко. Портрет написан во время пребывания поэта в ссылке в западном Казакстане.

УСМАНЬ

В Усманском Краеведческом музее хранится ряд рукописей А. И. Эртеля.

ЧЕРНИГОВ

В доме-музее М. М. Коцюбинского сосредоточена основная часть бумаг писателя: его рукописи, черновики, записные книжки и переписка (в том числе с А. М. Горьким).

ЯРОСЛАВЛЬ

В музее города хранятся две записки Н. А. Некрасова, несколько редких портретов поэта, рукописи и портреты Л. Н. Трефолева. Материалы о названных поэтах имеются также в Ярославском отделении Ивановского областного архивного управления.

Отв. ред. *П. И. Лебедев-Полянский.* Зав. ред. *И. С. Зильберштейн*
Зам. ред. *М. Б. Храпченко.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

ОБЗОРЫ

СООБЩЕНИЯ

В НОМЕРЕ 804 СТРАНИЦЫ, 130 ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, тел. 3-61-80.

Тех. редактор Г. Н. Шевченко.
Корректор С. А. Меринг.
Сдано в набор 1/XI—1935 г.
Подписано к печати 15/VI—1936 г.

Тираж 10.000 экз.
Формат бумаги 72×110 1/16.
Печ. знаков в печ. л. 68 030.
Уполном. Главлита № Б—19229.
Зак 2184.

Типография газеты «Правда» им. Сталина, ул. «Правды», 24.